

Миссионерское обозрение
1906 г. № 1–6

[Январь]

Василий Михайлович Скворцов, Редактор-издатель журнала
«Миссионерское Обозрение» в первое его десятилетие

Десятилетие журнала «Миссионерское Обозрение» (1896–1906 гг.) // «Миссионерское Обозрение», 1906, № 1, стр. 5–29

Более десяти лет тому назад, В.М. Скворцов, живя в Киеве и имея близкое соприкосновение с штундизмом, сначала в качестве любителя-исследователя этого сектантства, потом противо-сектантского городского миссионера и преподавателя раскола и сектантства в Киевской дух. семинарии и наконец чиновника особых поручений при Киевском, Подольском и Волынском генерал-губернаторе, а потом старшего чиновника особых поручений при обер-прокуроре Св. Синода по сектантским делам, пришел к тому заключению, что силою вещей, созданных положением сектантства на юге России, вызывается настоятельная нужда в издании специального органа для противосектантской миссии. Однако, эта счастливая мысль более двух лет не находила себе поддержки в правящих церковных сферах и получила реальное осуществление после настойчивых хлопот со стороны предприимчивого убежденного издателя.

В 1896 г. В. М-чу разрешено было издавать в Киеве духовный журнал с специально миссионерскими задачами и целями для борьбы с сектантством – под заглавием «Миссионерское Обозрение» И 24 января 1896 года, в день преподобной Ксении, в древнем стольном граде Киеве вышел в свет первый номер «Миссионерского Обозрения». Появление первого тогда в России периодического органа противосектантской миссии наделало немало шуму, приветливо и с радостью журнал был встречен всеми ревнителями веры и благочестия, в особенности же миссионерами и радателями нашей противосектантской миссии. Таким образом 26 января текущего 1906 года исполняется десятилетие со дня напечатания *первого номера* «Миссионерского Обозрения». Этот знаменательный день для редакции нашего журнала, посвященного великому и святому делу внутренней миссии, и есть огромное значение. И это понятно само собою.

Если десятилетний период в жизни отдельного лица имеет громадное значение, то тем большее значение он имеет в церковно-общественной жизни со всеми ее проявлениями, в особенности же в сфере веры и науки – вообще, и в журнально-издательском деле – в частности, как одной из форм раскрытия жизни человеческого ума и сердца.

И в самом деле. Пред нами на протяжении десяти лет разворачивается живая картина нашего журнально-издательского дела в самом широком значении слова: мы видим рост нашего журнала, а вместе и полемической литературы, расширение и изменение первоначальной его программы, соответственно задачам и потребностям времени; улучшение и изменение внешней стороны самого издания (техническая

сторона); укрепление и расширение духовного влияния и связей между читателями и редактором-издателем с его сотрудниками; раскрытие и уяснение многих больных сторон противораскольнической и противосектантской миссии и миссии церкви среди интеллигенции и т.д. и т.д. Потому вполне естественно оглянуться назад и познакомить читателей хотя в кратких чертах с результатами десятилетней деятельности редакции «М.О.» и показать пройденный миссионерским журналом путь, дабы у читателей получилась цельная картина роста и развития нашего органа, а вместе с тем роста и развития его дела, которому специально посвящено «Мисс. Обзор.», т.е. дела миссии, – показать, как уяснялись, раскрывались и обследовались многие вопросы из области расколо-исектоведения и отчасти христианской апологетики.

На наших глазах зарождалось «Миссионерское Обозрение»: вырабатывалась программа самого журнала; вышел *первый номер*; при постоянном нашем сотрудничестве протекло и первое десятилетие его существования. Мы были непосредственным свидетелем-очевидцем зарождения, роста и развития «Миссионерского Обозрения» на протяжении всего десятилетия. Поэтому считаем своим нравственным долгом дать читателям обзор десятилетнего периода существования «Миссионерского Обозрения». В своем обзоре мы будем кратки, и ограничимся лишь только характеристикой периодов, которые замечаются в развитии нашего журнала, и коснемся тех только статей, которые имеют общее и руководственное значение для миссии и относятся к просветительным задачам и потребностям пастырско-миссионерского дела и который, как путеводные вехи, показывают путь, пройденный «Мисс. Обзор.» в течение десяти лет.

Десятилетний период существования «Миссионерского Обозрения» редко распадается на два неравномерных периода: трехлетний *Киевский* (1896–1898 гг.) и семилетний *Петербургский* (1899–1905 гг.).

I.

«Миссионерское Обозрение» Киевского периода, выходившее под редакторством В.М. Скворцова и Н.В. Переверзева, отличается чрезвычайною выдержанностью программы, единством и цельностью содержания, так сказать стильностью своего характера, как специально противосектантского миссионерского органа.

Поставив свою задачу служение противосектантской миссии, журнал шел к осуществлению этой задачи двумя путями. «Миссионерское Обозрение», установив тесную связь между многочисленными деятелями миссии, миссионерами и пастырями, открыло свои страницы для деятельного обмена ценными и живыми наблюдениями и мнениями о способах и средствах духовной борьбы с многочисленным сектантством, расколом и другими внутренними врагами церкви и с предупредительным гостеприимством предоставило у себя место специальным статьям по

истории сектантства и сектообличению, – статьям как теоретического, так и практического характера. Журнал прилагал заботы к тому, чтобы доставить миссии все средства для борьбы, которыми располагаем современная богословская и историческая наука в этом отношении. Эту задачу «Миссионерское Обозрение» и выполняло с чрезвычайной добросовестностью в первый период своего существования. Помимо этой задачи, оно приняло на себя также и другую не менее трудную задачу, вытекающую из самого существа и характера внутренней миссии. А именно. Дело миссии далеко не исчерпывается вразумлением заблудших и возвращением отпадших в лоно церкви. Задачи миссии шире: на ней лежит долг охранения, ограждения и предупреждения от сектантской заразы здоровых членов церкви. На эту-то сторону миссии, не менее важную, чем и первая, при том совпадающую с приходскою пастырско-учительской деятельностью, наш журнал обратил должное внимание и уделял на своих страницах не мало места этой именно стороне миссионерского дела. Вследствие этого, журнал, сообразно с двойственностью своей задачи, стал выходить ежемесячно в 2-х выпусках или книжках.

В 1-х выпусках всегда помещались статьи, относящиеся непосредственно к разработке общих и руководственных вопросов миссии и касающиеся просветительных задач и потребностей пастырско-миссионерского дела. В 2-х выпусках дано место статьям (в виде трактатов, бесед, поучений, слов и т.д.), направленным к раскрытию и уяснению основных истин веро- и нравоучения на основании Слова Божия и святоотеческих творений. Первые выпуски, откликаясь в большинстве своих отделов на нужды миссии вообще и касавшиеся злободневных вопросов миссии и состояния сектантства, носят по большей части характер теоретический; вторые же выпуски, содержащие положительное раскрытие православного веро- и право-учения и опровержение сектантских заблуждений, имеют характер по преимуществу практический и во всех своих частях пригодны для епархиальных целей миссии даже и теперь. Этого же последнего нельзя сказать, относительно первых выпусков, – некоторые отделы которых не столько преследовали практический характер, сколько способствовали освещению и уяснению того или другого сектантства. Первые выпуски заключают в себе преимущественно материал для истории и методики миссии, истории сектоведения и сектообличения, и имеют научно-историческую ценность. Поэтому-то мы остановим наше внимание на содержании только первых выпусков и постараемся показать, что «Миссионерским Обозрением» в Киевский его период привнесено в сокровищницу науки сектоведения и сектообличения.

В первом номере «Миссионерского Обозрения» на первых его страницах был выдвинут безусловно важный принципиального характера

вопрос о существенных признаках и степени вредности русских сект и отдельных толков старообрядческого раскола (январь, май-июнь, 1896 г.). Знакомство с этим вопросом, в особенности десять лет назад, имело огромное значение для практических целей миссии.

Установив классификацию сект и степень их вредности, журнал вполне логично приступает к уяснению другого вопроса: с чего и как начинать изучение сектантства. Решению этого вопроса посвящены две статьи компетентных профессоров духовных академий: Казанской – Н.И. Ивановского и Киевской – В.З. Завитневича (январь, 1896 г.). Как бы ответом на этот только что решенный вопрос является тоже принципиального характера статья доцента Ф.И. Титова: о сущности русского сектантства и о причинах его происхождения (январь, 1896 г.).

Общеизвестен факт, что русский раскол и сектантство принадлежат к числу таких явлений в нашей церковно-общественной жизни, который не могли быть обойдены нашим законодательством. По мнению проф. И.Ф. Нильского, история русского раскола есть история нашего уголовного законодательства в отношении к раскольникам. Потому-то знакомство с вопросом об отношении нашего уголовного законодательства к сектантам и раскольникам является предметом настоятельной необходимости для тех, кто приходит в то или другое соприкосновение с расколо-сектантством, – и в этих именно видах на страницах «Миссионерского Обозрения» и был помещен трактат Г.Н. Добротина под заглавием: «Закон и свобода совести в отношении к расколу и лжеучению» (1896 г.).

Из статей, непосредственно относящихся к истории сектантства, считаем необходимым особо упомянуть об исследовании Ф.И. Титова о сектах стригольников, жидовствующих (1896 г.) и духоборцев (1897 г.) и о статье свящ. А. Рождественского: «Армия спасения» заграничная секта (1897 и 1898 гг.). Обе эти статьи представляют большой интерес как по своему содержанию, так и по научной обработке.

В дальнейших статьях, относящихся непосредственно к изучению теоретической стороны сектантства, «Миссионерское Обозрение» знакомит с целым рядом сект: с новохлыстами Кубанской области (М. Кальнева, февраль, апрель 1896 г.), с сектой адвентистов, «седьмого дня» и малеванским движением в штунде (В.М. Скворцова, март 1896 г. и Дородницына, август, 1897 г.), с мормонством (март, 1896 г. и январь 1897 г.), с вероучением северно-кавказских шалопутов (свящ. Е. Капралова, ноябрь, декабрь 1896 г. и октябрь 1897 г.), с сектой немоляков в нижегородском расколе (проф. Н.И. Ивановского, декабрь, 1896 г.), с хлыстовской сектой вообще и в частности с Оренбургскими хлыстами (его же, июль 1897 г. и январь, апрель 1893 г.), с пашковщиной и штундизмом (ст. В.М. Скворцова и М.А. Виноградова, сентябрь, октябрь 1897 г.), с толстовством, как сектой (прот. Т.В. Буткевича и В.М. Скворцова, сентябрь, октябрь 1897), с хлыстовством, шалопутством и прыгунством

(ibid.), с донскими толками в молоканстве и штундизме (А. Высотского, ноябрь, 1897 г.), с сектой богомилов в Воронежской губ. (В. Поликарпова, июль 1897 г.) и со многими частнейшими сведениями из жизни сектантства.

В эту стройную гармонию сектантского материала, как бы клином, вошли статьи, относящиеся к расколу и историю борьбы православия с латино-униатами, – а именно: Н. Беренского «Архимандрит о. Павел (Прусский) и его противораскольническая деятельность» (1897 к 1898 гг.), проф. И.А. Сикорского «Психопатизм в среде заживо замурованных насельников Тираспольских скитов» (ноябрь, декабрь 1897 г.) и проф. С.Т. Голубева: «Борцы православия южно-русской церкви 30-х годов XVII ст.» (сентябрь-декабрь 1898 г.).

За сим следует целый ряд статей, имеющих чисто практическое значение для дела миссии. Статьи эти – самые разнообразные по своему содержанию и исчерпывают все стороны миссии со всеми ее задачами, целями и нуждами.

В первом номере «Миссионерского Обозрения» за 1896 г. помещена интереснейшая статья преосвященного Гурия, епископа Самарского, под заглавием: «Психологические причины упорства сектантов в своих заблуждениях». Проф. Н.И. Ивановский касается вопроса «О мерах церковно-миссионерского воздействия на опознанных и заведомых хлыстов». Особенно на 3-м всероссийском миссионерском съезде в г. Казани был выдвинут целый ряд практических вопросов о мерах и способах воздействия на расколо-сектантство (методика собеседований с заблуждающимися), о мерах и способах духовно-просветительного действия миссии в борьбе с расколо-сектантством; о мерах пресечения пропаганды лжеучений и других против веры и церкви преступлений расколо-сектантства: об условиях вчинания судебных дел по преступлениям отпавших от веры и церкви и об экспертизе на суде.¹ Там же выдвинут был вопрос о миссионерском характере церковно-приходской школы среди сектантского населения и свящ. И. Ольшевским было представлено примерное распределение апологетического материала в курсе преподавания закона Божия для церковно-приходских школ в сектантских селах. Также затронут был вопрос о наиболее соответственной постановке преподавания истории и обличения раскола и сектантства в духовных семинариях; не оставлен был в забвении и вопрос о бесправном положении миссионеров. Все эти вопросы, бывшие предметом горячего обсуждения на 3-м всероссийском миссионерском съезде, не только нашли для себя место на страницах «Миссионерского Обозрения», но и были изданы редакцией нашего журнала отдельной книгой под заглавием «Деяния 3-го всероссийского миссионерского съезда в г. Казани в 1897 г. ».

Из других вопросов практического характера, выдвинутых на страницах «Миссионерского Обозрения», мы упомянем только: о ближайших задачах областных миссионерских съездов духовенства (Александра, епископа Тамбовского, март, 1898 г.), о заботах миссии об улучшении религиозно-нравственных условий жизни фабричных рабочих (М. Кальнева, март, 1898 г.) и о необходимости живого слова при ведении бесед с отпавшими (А. Дородницына, апрель, 1898 г.).

Что же касается полемико-апологетического материала, помещенного на страницах журнала в Киевский его период, то мы ограничимся только указанием на беседы по пререкаемым сектантами вопросам известных наших миссионеров Д.И. Боголюбова и свящ. Н. Кутепова и на собеседования Киевского просветительного общества, происходившие под непосредственным руководством преосвященного Сергия, епископа Уманского. Из всех этих бесед наибольший интерес представляют беседы Д.И. Боголюбова не столько по богатству миссионерско-апологетического материала, заключающегося в них, сколько по живости и оригинальности изложения, теплоте чувства и сердечности.

За этот период было помещено также небольшое число собеседований с раскольниками, как, напр., епархиальных миссионеров: Саратовского – Шалкинского и Самарского – священника Александрова и заметки и известия о собеседованиях в С.-Петербурге и Москве профессора Ивановского.

Но самым жизненным нервом в «Миссионерском Обозрении», всецело приковавшим к себе внимание читателей и отвечавшим на злобу дня, нужно признать отделы VI, VII и VIII, посвященные обзору современного состояния миссии, русского и заграничного сектантства и правительственным распоряжениям по миссии и соприкосновенным с нею вопросам. При чтении этих отделов читатель невольно (поражался чрезвычайной осведомленностью редакции о всех правительственных распоряжениях и начинаниях в области миссии. Отдел хроники и летопись событий в расколо-сектантском мире, а равно и событий, имеющих отношение к миссии и расколо-сектантству, всегда представляли чрезвычайный интерес своею живостью изложением и чрезвычайным богатством, и разнообразием содержания. Даже и теперь они читаются с не меньшим, чем тогда, интересом. Отделы эти велись главным образом самим редактором-издателем В.М. Скворцовым и отчасти Н.Л. Вишневым и П.А. Козицким.

Далеко не последнее место должно быть отведено и библиографическому отделу за весь этот период времени. Отдать этот никогда не кричит о себе и не бьет в глаза, но по замечанию знатоков журнального дела служит лучшим показателем постановки журнала. И это замечание, понятное само по себе, вполне приложимо и к нашему журналу. И в самом деле. В течение всего этого времени наш журнал с

своими удачными и умелыми рецензиями на книги, относящиеся к расколо-сектантству и к миссии в самом широком значении этого слова, шел навстречу самым насущным нуждам и задачам миссии. В течение трех лет на страницах «Миссионерского Обозрения» было дано более 125 отзывов о более или менее выдающихся книгах и брошюрах по истории и обличению раскола и сектантства, а также по христианской апологетике и проповедничеству. Все эти отзывы в большинстве случаев написаны вполне обстоятельно, некоторые же из них имеют даже характер научных рецензий. Труд рецензентов несли следующие лица: проф. С.Т. Голубев, проф. свящ. П.Я. Светлов, В.М. Скворцов, П.А. Козицкий, Н.Л. Вишневский, С.М. Потехин, Д.Н. Слюсарев, Н.А. Белогорский и др.

На этом мы и заканчиваем обзор Киевского периода «Миссионерского Обозрения» (1896–1898 гг.).

Вполне естественно, что наш журнал, являясь живым органом миссии и церкви и, откликаясь на все нужды миссии и церковно-учительского дела, суметь завоевать себе симпатии как среди духовенства, так и среди лиц, сопричастных к делу миссии, окреп духовно и материально и установил прочную связь между читателями и сотрудниками.

Численность подписчиков ежегодно возрастала, что будет видно из особой таблицы.

По истечении трехлетия со времени начала издания журнала, редактор издатель В.М. Скворцов оставляет Киев, переселяется в С.-Петербург и переводит издание журнала в столицу. С 1899 года в жизни «Миссионерского Обозрения» начинается новый период его существования – *петербургский*, при этом при новой обстановке, при новых сотрудниках и при новых жизненных условиях. Все это, взятое в совокупности, отразилось на характере журнала, и «Миссионерское Обозрение» петербургского периода значительно видоизменяет свой прежний характер и принимает новую физиономию, новый облик.

II.

С переходом редакции «Миссионерского Обозрения» в С.-Петербург характер журнала, ставившего себе задачей борьбу с сектантством, значительно изменяется. Журнал расширяет свою программу и уделяет немало внимания расколу с его историей и обличением, в особенности со времени прекращения издания «Братского Слова», и отводит более, чем достаточно, места христианской апологетике и злободневным вопросам, и событиям, тесно связанным с церковной и общественной жизнью. И в самом деле. Могло ли «Миссионерское Обозрение» не откликаться на злобы дня и быть молчаливым и равнодушным зрителем переживаемых событий первостепенной важности? Отлучение от церкви гр. Л.Н. Толстого, взбудоражившее наше общество и вызвавшее море полемических статей на страницах повременных изданий; орловский миссионерский съезд с знаменитым докладом М.А. Стаховича о

веротерпимости; петербургская религиозно-философские собрания, всколыхнувшие нашу церковную жизнь и выдвинувшие для обсуждения целый ряд вопросов догматического и канонического характера; предстоящие государственные и церковные реформы в связи с Указом 17 апреля о веротерпимости и манифестами 6 августа и 17 октября о новом государственном строе; имеющие вскоре состояния созывы Государственной Думы и всероссийского церковного Собора – все это такие события, которые составляли и составляют жизненный нерв нашей церковной и общественно-государственной жизни и на которые не мог не откликнуться наш журнал. Потому-то он постепенно расширял свою программу и из специально-миссионерского органа преобразовался в журнал полемико-апологетический и орган внутренней миссии в широком значении этого слова. Таким образом «Миссионерское Обозрение», отличавшееся и прежде жизненностью своего содержания, в петербургский период становится еще более живым и отзывчивым на запросы современности и еще более разнообразным по содержанию органом миссии и церковно-общественной жизни.

Переходя за сим к обзору содержания Миссионерского Обозрения за петербургский семилетний период его существования, мы прежде всего остановимся на статьях, относящихся непосредственно к истории сектантства и раскола.

Из статей по истории сектантства за этот период времени заслуживают упоминания следующие статьи: О сектах – «Общества десных» или «Сионской вести», проф. Н.И. Ивановского (январь-апрель 1899 г.) и «Ирвингиан», А. Виноградова (февраль 1899 г.); «О современной поволжской хлыстовщине», Ив. Смолина (май 1899 г.), «О скопческой секте», В. Скворцова (июнь 1899 г.), «О переселенческом движении в Америку среди закавказских «духоборов-постников»", того же автора (март 1899 г.), «О штунде рязанской губернии», Д. Андреева (март, июль, август, октябрь 1899 г.), «О попытках штундистов и упорядочению своего богослужения», М. Кальнева (май 1899 г.) и «О лютеранском служебнике у штундистов», свящ. К. Велтистова (октябрь 1899 г.): «Можно ли штундизм отождествлять с баптизмом», П. Казицкого (февраль 1900 г.); «Тамбовские хлысты», Н.И. Ивановского (январь 1900 г.); «Внутреннее устройство секты странников или бегунов», того же автора (март-октябрь 1900 г.); «Вероучение и характер радений хлыстов центральной России», свящ. В. Ремерова (апрель-август 1900 г.); «Секта немояков или дыромоляев в Вятской губ.» В. Тренина (июнь 1900 г.); Уральские «иеговисты», Н.И. Ивановского (февраль 1900 г. июль-сентябрь 1901 г.), «Мистическая штунда: Малеванный и малеванные», С.М. Потехина (октябрь-ноябрь 1900 г.); «Секта иеговистов или иудействующих», свящ. Сушкова (декабрь 1900 г.); «Баптизм, как секта, свящ. К. Велтистова (январь-март 1900 г.); «Тамбовские постники», И. Айзаова (февраль 1901 г.); «Болгарская ересь богомилов и ее влияние на

возникновение русских религиозных сект», свящ. Н. Стеллецкого (апрель-октябрь 1901 г.); «Пиэтизм, как секта», А. Дородницына (май 1901 г.); «Секта хлыстов» (по отзывам иностран. ученых) проф. Т. Буткевича (ноябрь-дек. 1901 г.); «Немецкий баптизм в России», свящ. К. Велтистова (январь-июнь 1902 г.); «Новая секта хехулитов или каюков», Н. Булгакова (февр. 1902 г.); «Вероучение немоляков нижегородской губ.», свящ. А. Альбицкого (июнь 1902 г.); «Гернгутерские братства», иером. Алексия Дородницына (сент. 1902 г.); «верхотурские бегуны – противостатейники», пр. И.И. Ивановского (февр. 1903 г.); «Критический обзор мнений по вопросу о происхождении хлыстовщины», Н. Высотского (1903 г.); «Секта малеванцев в херсонской губернии, ее вероучение и культ», М. Кальнева (ноябр. 1903 г.); «Духоборческая секта и ее катехизис», М. Каменева № 12–20, 1904 г.); «Закавказские мормоны» свящ. Слободяникова (№ 15, 1904 г.); «Сионская весть и секта иеговистов», Г. Добротина (№№ 12, 14–15, 1905 г.); «Молоканство, баптизм и наша великая церковная нужда», А. Платонова (№ 13, 1905 г.) и «Какой юбилей праздновали молокане»? А. Высотского: (№№ 14–15, 1905 г.). О других же более мелких статьях и заметках нет нужды распространяться.

Из этого далеко не полного перечня статей, помещенных на страницах «Миссионерского Обозрения» в течение семилетнего петербургского периода, читатель видит, с каким вниманием наш журнал относился к истории сектантства и его развитию на Руси.

С не меньшим, если даже не большим вниманием «Миссионерское Обозрение», в течение всего этого времени, относилось и к вопросам, связанным непосредственно с делом миссии, т.е., с практическим приложением способов и методов к сектообличению. Само собою разумеется, что с нашей стороны было бы большим пробелом, даже непростительным, если бы мы прошли молчанием весь этот большой отдел в нашем журнале. Из статей, относящихся к этой категории, заслуживают упоминания: «Записка архиепископа Никанора Херсонского о штунде и о мерах борьбы с этой сектой» (из неизданных бумаг) А. Дородницына (январь-июнь 1899 г.); «О чем и как полезно вести в настоящее время полемику с сектантами», свящ. М. Клеандрова (май 1889 г.); «Общие замечания о собеседованиях православного миссионера с хлыстами», прот. Н. Кутепова (июнь 1901 г.); «Миссионерские курсы для духовенства, как не испытанные еще в борьбе с расколо-сектантском меры», свят. П. Стешенко (май 1902 г.); «Церковное и внецерковное учительское слово, как главная основа успеха нашей внутренней миссии», свящ. И. Фуделя (февраль, март, ноябр. 1899 г.); «О культурно-миссионерском значении народной школы», свящ. Н. Могилевского (февр. 1899 г.); «Какие новые требования и задачи предъявляет к внутренней миссии новое время»? Тверского интеллигента (январь. 1900 г.); «Психологическая точка зрения на причины распространя сектантства и

на способы и условия борьбы с ним», свящ. Н. Губина и В. Скворцова (апр. 1900 г.); «Школы для взрослых, как оплот против сектантства», прот. Панормова (дек. 1901 г.); «К вопросу об улучшении пастырско-миссионерской подготовки воспитанников дух. семинарий», М. Чельцова (март 1901 г.); «Миссия среди интеллигенции», свящ. И. Фуделя (июль 1901 г.); «О сердечности в миссионерской полемике», свящ. М. Лисицына (2 кн., 1903 г.); «Миссионерская приспособленность», И. Айвазова (№ 18, 1903 г.); «Основные черты миссионерской методики», Д. Боголюбова (март, апрель 1904 г.); «Как оживить пастырям свою миссионерскую деятельность»? В. Терлецкого (№ 3, 1905 г.); – и «О подготовке к делу миссии воспитанниц епархиальных женских училищ», С. Троицкого (апр., 1905 г.). О более же мелких заметках относящихся к этому отделу, умалчиваем.

Толстовству, как секте, и в особенности наделавшему много шуму отлучению гр. Л.Н. Толстого от церкви наш журнал уделил нарочитое внимание особенно теплотой чувства, искренностью и серьезностью тона отличаются «Открытые письма к интеллигенту – другу, увлекающемуся учением Л.Н. Толстого» Amicus'a (1899 г.); заслуживают упоминания статьи: «О евангельских чудесах» (против учения рационалистов и гр. Л. Толстого) Д. Богдашевского (ноябр., 1900 г.); «Из исповеди раскаявшегося толстовца-интеллигента», М. С-ко (сентябрь-декабрь, 1899 г.); «Религиозно-нравственные воззрения Л. Толстого в молодости и старости», свящ. М. Лисицына (сент., 1901 г.) и «Лжехристианство Толстого пред судом светской критики», того же автора (октябрь 1901 г.); «Отношение христианства к государству по воззрениям гр. Л.Н. Толстого», К. Григорьева (июль-октябрь, 1902 г.); «Мир Евангелия и трагизм толстовства». свящ. Д. Силина (1903 г.); «Правда о графе Толстом», И.Н. (март 1904 г.) и не мало еще других статей и заметок. Особенно определение св. Синода от 20–22 февраля, 1901 г. с посланием верным чадам церкви по поводу отпадения графа Льва Толстого от церкви, вызвавшее оживленный обмен мнений на страницах светской и духовной прессы, дало обильнейший материал для «Миссионерского Обозрения». Наш журнал поместил на своих страницах целый ряд писем, являющихся голосом мирян и представителей духовенства и церкви по поводу отлучения графа от церкви. Авторами этих писем являются С.-Петербургский митрополит Антоний, епископ Сергей Ямбургский, врачи – Апраксин и скрывший себя под инициалами Ф.Н., раскаявшийся толстовец М. С-ко, и несколько светских лиц, скрывших также свои фамилии под инициалами. Эта полемика настолько памятна нашим читателям, что считаем излишним распространяться по этому вопросу. Заметим только, что нашим редактором издана целая книга из помещенных в журнале статей под заглавием: «По поводу отпадения от православной церкви графа Л. Толстого», выдержавшая два издания.

В самой тесной и непосредственной связи с нашей внутренней миссией стоит вопрос о свободе совести, поднятый М.А. Стаховичем на Орловском миссионерском съезде, бывшем в 1900 г., и вызвавший в целом ряде статей оживленный обмен мнений по этому предмету. Из этих статей достойны внимания статьи: «Вопрос о свободе совести на Орловском миссионерском съезде». В. Тернавцева (ноябрь, 1901 г.); «Свобода совести, как христианская основа», епископа Никанора (ibid.); «Свобода совести и русское законодательство о расколо-сектантах», Т. Рождественского (ibid.); «Несколько критических замечаний на речь г. Стаховича «о свободе совести» Ив. Айвазова (декабрь, 1901 г.) и наконец самый доклад М.А. Стаховича, читанный в Орловском миссионерском съезде, породивший столько волнений в печати и в духовном мире.

Спустя несколько месяцев после перехода редакции «Миссионерского Обозрения» в С.-Петербург, в миссионерской журналистике случилось событие чрезвычайной важности: с выпуском майской книжки 1899 г. прекратилось издание противораскольничьего журнала «Братское Слово». И «Миссионерское Обозрение», отзывавшееся и раньше на все живые запросы борьбы с расколом, сочло своим долгом, стать на страже интересов противораскольничьей миссии. Принятые на себя обязанности, по отношению к раскольничьей миссии, редакция журнала, в течение своего семилетнего петербургского периода старалась выполнить при помощи многих сотрудников из представителей науки расколоведения и миссии и весьма охотно отводила на своих страницах место статьям по истории раскола и по обличению его. Из наиболее ценных статей по расколоведению заслуживают упоминания следующие статьи: «Нынешнее старообрядчество и сектантство в Преображенском в Москве», В. Сонатова (февраль-март, 1899 г.); «К истории славяно-беловодской иерархии», свящ. Д. Александрова (март, 1899 г.); «Об отношении учения беспоповцев об иерархии и таинствах к учению о том же рационалистов-сектантов», Ф. Арф-ва (июнь-август, 1899 г.); «Можно ли признать старообрядческую австрийскую иерархию законной», свящ. А. Зубарева (сент. 1891 г.); «Крещение у бегунов», пр. Н.И. Ивановского (октябрь, 1899 г.); «Как совершается богослужение у старообрядцев австрийской секты»? свящ. К. Попова (ноябрь-декабрь, 1899 г.); «Сношения старообрядческого лжеархиепископа Иоанна Картушина с донскими старообрядцами и инструкция раскольничьим благочинным», Е. Овсянникова (январь, 1900 г.); «Московская Федосеевщина в последние 30–40 лет», Ф. Круглова (апр. 1899 и окт. 1900 гг.); «Разъезды раскольничьего лжеархиепископа Иоанна Картушина с его миссионерами по югу России и беседы с ним», свящ. С. Шалкинського (февр., 1900 г.); «Мое знакомство и поездка с лжеепископом Петром и характеристика бессарабских раскольников», П. Сахарова (июнь, 1900 г.); «Раскольничья беспоповская секта коликовцев» Ив. Чередникова (май, 1901 г.); «Из жизни беспоповцев за последние десятилетия», свящ.

В. Прозорова (окт. 1901 г. и февр. 1902 г.); «Разбор грамоты неокружников от 6 мая 7407 лета (1899 г.), поданной московскому окружническому архиепископу Иоанну, с замечаниями Арсения епископа уральского», свящ. Ф. Воловея (1902 г.); «Поездка раскольников депутатии на восток в 1900 г. и заметка по поводу этой поездки», Н. Гринякина (ноябрь-дек. 1902 г.); «Иночество и старчество в расколе», свящ. С. Магнусова (июль-авг. 1902 г.); «Церковь Христова и временно без епископа быти не может». Замечания па книгу Ивана Усова, свящ. С. Шалкинского и Картушина (1903 и 1904 г.); «Критический разбор раскольниковьего сочинения (Усова) – о миропомазании священнослужителей, присоединенных к православию от ереси второго чина» иерея Д. Александрова (1903 г.); «Беглопоповский собор в г. Вольске в 1901 г. и его деяния». Н. Гринякина (январ. 1903 г.); целый ряд статей, того же автора, под заглавием «Новости из раскольниковьего подполья», знакомящих с жизнью и событиями в расколе (1903 и 1904 гг.); «К вопросу о способах обличения неправды раскольниковьей», А. Зверева (май-июнь, 1904 г.); «Раскольниковьей секта сродников», свящ. С. Шалкинского (январ. 1904 г.); «В мире современного старообрядчества (Голяевский раскол)», свящ. К. Попова (май, 1904 г.); «О посланничестве митрополита Амвросия» (Новая книга в защиту австрийского священства), прот. Н. Фиалковского (ноябр. 1904 г.); «К истории раскола в Привислинском крае», свящ. А. Никольского (дек. 1903 г.); «Из жизни донской беглопоповщины», свящ. Е. Овсянникова (дек., 1904 г.); «К миссионерской полемике с апологетами австрийского раскола», Н. Гринякина (февр., 1905 г.); «Безблагодатное и противоканоническое священство», А. Обтемперанского (июнь, сентябр., 1905 г.) и «К истории раскольниковьего бегунского толка», Д. Березкина (№ 16, 1905 г.).

Единоверие, стоящее на пути к примирению старообрядчества и православия и в последние года выдвинувшее на очередь вопрос о единоверческом епископе, в истекший семилетний период времени существования в Петербурге нашего журнала составляло предмет его попечений, и статьи о нем нашли себе место на страницах журнала.

В числе заметок и статей, относящихся к единоверию, мы находим статьи: «Единоверие за столетний период существования его в русской церкви», М. Чельцова (июль-ноябрь, 1900 г.); «Единоверие и уния» его же (октябрь-декабрь, 1901 г.); «К вопросу о необходимости научной подготовки единоверческого духовенства, свящ. Н. Васильева и С. Шлеева (май, 1905 г.); «Какой епископ нужен единоверию»? В. Сенатова (№ 10, 1905 г.); «К вопросу: какой нужен епископ единоверию»? Свящ. С. Шлеева (№ 11, 1905 г.); «Единоверческие священники из «богословов» и «небогословов», Г.С. (№ 12, 1905 г.); «О смысле единоверческого епископства» В. Сенатова (№ 16, 1905 г.) и «Единоверческий епископ и церковно-христианский прогресс» Н. Гринякина (№ 18–19, 1905 г.).

Параллельно с теоретическими задачами изучения и обследования сектантства и раскола «Миссионерское Обозрение» неукооснительно преследовало и чисто практические задачи; с этой целью оно печатало выдающиеся беседы, в качестве миссионерского материала, по обличению сектантства и раскола. Перечислять всю семилетнюю наличность полемико-апологетического материала, помещенного на страницах «Миссионерского Обозрения», решительно нет никакой возможности. Достаточно будет для нашей цели, ограничиться указанием на более известных миссионеров-проповедников, беседы которых появлялись на страницах нашего журнала.

По сектантству наибольшее число бесед принадлежит Д.И. Боголюбову; далее авторы следуют по числу помещенных бесед в таком порядке: С.М. Потехин, прот. Н. Кутепов, Ив. Айвазов, Д. Грацианский, свящ. Слюсарев, свящ. С. Богданович, Н.И. Булгаков и В. Шевалеевский.

Расколообличению «Миссионерское Обозрение» уделило как будто бы несколько больше внимания, в сравнении с секто-обличением, если судить об этом по числу печатавшихся авторов. Чаше других встречаются беседы миссионеров свящ. Д. Александрова, прот. Н. Фиалковского, свящ. К. Попова, свящ. С. Шалкинского, свящ. С. Шлеева, мисс. К. Картушина. Менее плодовитыми оказались священники: И. Жаров, В. Черкасов, Разумовский, Д. Быстрицкий, И. Чередников и В. Цыганов; из миссионеров: С. Романовский, А. Обтемперанский и П. Сахаров. Помещались также отчеты и заметки о миссионерских беседах синодального миссионера прот. Кс. Крюкова.

Считаем не лишним, упомянуть, что журнал наш не оставил без внимания и нужд нашей миссии среди иноверцев. Между прочим, помещены статьи по вопросу о миссии среди магометан. Так, перу преосвященного Антония, епископа Уфимского, принадлежит «беседа христианина с магометанином об истине Пресвятые Троицы» (ноябрь, 1900 г.). Протоиерей мисс. А-др Миропольский поместил статью под заглавием: «Возможен ли миссионерский обмен мнений с последователями мохаммедантства» (декабрь, 1901 г.). Свящ. Н. в том же году напечатал статью с тожественным заглавием: «Возможен ли живой обмен религиозной мысли с мухаммеданами» (январь) и др. Правда, статьи эти не блещут богатством содержания, но они служат лучшим показателем отзывчивости «Миссионерского Обозрения» на все нужды нашей внутренней миссии.

III.

«Миссионерское Обозрение», расширив свою программу, откликнулось на все вопросы, выдвинутые целым рядом злободневных событий, имевших ближайшее соприкосновение с церковно-общественною жизнью. Не осталось оно глухим и к повременной прессе, служащей

самым чувствительным барометром общественного и церковного настроения.

Нужно заметить, что на рубеже XX века ярко оттенилось новое направление и в обществе, и в литературе. Светская литература стала уделять много внимания религиозным и даже церковным вопросам, в столице образовалось религиозно-философское общество, с жаром и увлечением отдававшееся изучению христианства и устраивавшее в течение двух зимних сезонов (1901–1903 гг.) свои религиозно-философские собрания для обсуждения выдвинутых самой жизнью религиозных вопросов. Появился в свет и журнал этого кружка под заглавием «Новый Путь», имевший ближайшею своею задачею печатание рефератов, читавшихся на религиозно-философских собраниях, и следовавших за ними дебатов. Наметившееся новое течение религиозной мысли среди представителей религиозно-философского кружка было окрещено по имени журнала «Новый Путь» – «новопутейским христианством».

Само собою разумеется, что «Миссионерское Обозрение», не могло не откликнуться и откликнулось в целом ряде статей на размышления новопутейских богословов. В числе писателей, выступивших против «новопутейцев», назовем иеромонаха Михаила с его лекциями, очерками и этюдами: «Новое христианство Мережковского», «Христианство, как культ Диониса», «О браке» и проч. (1902 и 1903 гг.), проф. А.А. Бронзова с его статьей «Можно ли и нужно ли «адогматизировать» христианскую этику»? (1903 г.); протоиерея В. Лаврского с его статьей «Новопутейское заблуждение о морали Евангельской и ветхозаветной» (№ 16, 1903 г.), свящ. М. Лисицына с статьей «Крайности религиозно-декадентского символизма» (февраль, 1903 г.); Н.М. Гринякина с целым рядом заметок полемического характера с новопутейцами», П.А. Козицкого с статьей «Духовное наследие наступающего нового года в настроениях нашей современности» (январь, 1904 г.) и Ив. Г. Айвазова: «Новый Путь» в его отношении к старым путям и к православной церкви» (май, 1903 г.).

К категории новых богословов отчасти относится и известный писатель, и проповедник свящ. Гр. С. Петров с его мелкими и более крупными произведениями богословско-публицистического характера. Необычность понимания и толкования слова Божия, просвечивающаяся в каждом произведении о. Петрова и в устных его беседах и проповедях, вызвала целую полемику на страницах светской и духовной прессы. Отозвался и наш журнал, поместив целый ряд статей по поводу литературной проповеди о. Гр. Петрова; из них обращают на себя внимание статьи: П.А. Козицкого – по поводу сочинения св. Гр. Петрова: «Евангелие, как основа жизни» (апрель, 1904 г.), «о Боге, и Божьей правде» (декабрь, 1903 г.) и «Можно ли на основании Евангелия различать Царство Божие от Царства Небесного?» (июнь 1903 г.); Е. Воронца: «Пасхальные безцерковные писания свят. Гр. Петрова в его

книге: «Христос воскрес» (июнь, 1903 г.) и его же: «Итоги полемики по поводу проповедничества свящ. Гр. Петрова» (февраль, 1903 г.) и иеромонаха Александра: «По поводу книги свящ. Гр. Петрова «Зерна добра» (март, 1903 г.).

Откликаясь на злободневные вопросы, тесно связанные с духовными интересами нашего общества, «Миссионерское Обозрение» широко и гостеприимно открыло свои страницы и такому жгучему вопросу, как *примирение интеллигенции с церковью*, и вообще религиозно-общественному возрождению России. Во главе всех статей, посвященных этому вопросу, мы должны поставить статью В.А. Тернавцева: «Интеллигенция и Церковь» (по вопросу о миссии среди интеллигенции) (июнь, 1902 г.). Статья эта по силе и глубине мысли, по широте кругозора, выпуклости, и образности стиля и оригинальности своего содержания была предметом горячих обсуждений как в заседаниях «Религиозно-философских собраний», так и в «Русском Собрании». Затем следует целый ряд статей: свящ. Четверикова: «Возможно ли объединение интеллигенции с народом и церковью»? (январь, 1902 г.) и его же: «Когда и как произошло у нас разъединение между интеллигенцией, народом и церковью»? (апрель, 1902 г.); мисс. Д. Грацианского: «К вопросу об объединении интеллигенции с церковью и духовенством» (май, 1902 г.); медика (аноним): «Откровенное слово по поводу настроения умов современной интеллигенции» (май, 1902 г.); свящ. И. Филевского: «Об отношении церкви к современным религиозным запросам нашей интеллигенции» (январь, 1903 г.); Д.И. Богдашевского: «К современным искателям истины церкви Христовой» (январь, 1903 г.); И. Козицкого: «"Интеллигенция и народ" (по поводу книжки Смирягина) (октябрь, 1903 г.) и его же: «Отношение нашего народа и интеллигенции к святым земли русской – как носителям народных идеалов и святости» (декабрь, 1903 г.); д-ра Пясковского: «Конфликты в духовной жизни современной интеллигенции» (апрель, 1904 г.); В. Горохова: «Письма к молодежи, ищущей смысл жизни» (май, 1904 г.) и Дим. Бодиско: «К великому вопросу о примирении взаимных отношений церкви и современной верующей интеллигенции» (№ 15, 1904 г.).

Наш журнал, поставив себе задачей миссию в самом широком смысле этого слова, откликался и на литературные произведения, являющиеся отражением мировоззрений некоторых сектантствующих слоев нашего общества, – и поместил у себя несколько очерков по этому поводу. В числе этих очерков мы находим: С. Бронницкого «Разговоры среди друзей по поводу романа Л.Н. Толстого «Воскресение» (март, апрель, 1901 г.); его же: «Вопросы религии в обсуждении передовых людей» (сентябрь-ноябрь, 1902 г.); П.А. Козицкого: «Боборыкин и русское сектантство» по поводу повести Боборыкина «Исповедники» (ноябрь, декабрь, 1902 г.) и его же: «Русское современное сектантство и

православное духовенство в характеристике А.С. Пругавина» (март, 1905 г.).

В числе жгучих злободневных вопросов, выдвинутых силою вещей, мы должны отметить вопрос об упадке пастырского духа в современном нашем духовенстве. Вопрос этот всплыл на поверхность литературного моря, благодаря окружному посланию преосвященного Антония Волынского, изданному им вскоре по вступлении на кафедру, к волынской пастве. Послание это, в котором преосвященный автор слишком сгущенными красками изобразил упадок пастырской ревности в волынском духовенстве, больно ударило по нервам многих представителей духовенства и вызвало целую полемику по этому вопросу. «Миссионерское Обозрение» не только воспроизвело на своих страницах самое послание, но и, в целях уяснения истины, дало место голосу пастырей и мирян по поводу этого послания.

На это послание откликнулись священники: Ф. Тихвинский и Н. Казанский, выразившие «Мысли и чаяния сельского священника по поводу окружного послания Волынского архипастыря к своему духовенству» (№№ 15, и 16, 1903 г.); Т. Черкасский высказал «*ria desideria*» сельского священника по вопросу об «упадке духа» в нашем духовенстве (№ 20, 1903 г.) и Н. Ремизов представил «Пастырский отклик на послание епископа Антония» (ibid.). – Из мирян высказались печатно по поводу этого послания: Ф. Немоловский (№ 13, 1903 г.), Ив. В. Преображенский в статье: «К вопросу о причинах «упадка духа» в нашем духовенстве» и П.А. Козицкий в статье с таким же заглавием (№ 19, 1904 г.).

Не оставил без внимания наш журнал и религиозных нужд наших окраин. Коснулся он положения православно-русского дела в связи с вопросом об униатском упорстве и о средствах борьбы с ним. По этому поводу были помещены статьи М. Кобрин (1904 г.): «Православно-Русское дело в Холмской Руси» и «О миссионере для Холмской Руси» и реферат профессора Д. Цветаева под заглавием «Положение иноверия в России» (январь, 1904 г.).

Саровское (в июле 1903 г.) торжество открытия мощей преподобного Серафима, Саровского чудотворца, наш журнал «Миссионерского Обозрения» отметил, как выдающееся событие в жизни русской церкви и государства, поместив на своих страницах целый ряд статей, тесно связанных с Саровскими торжествами, начиная с распоряжений Св. Синода и оканчивая заметками светского писателя-рационалиста. Сам редактор напечатал свою статью под заглавием «Саровское торжество православия» (№ 12, 1903 г.) и откликнулся на это событие также в своих «Скрижалях» (ibid.). Из других статей, посвященных этому событию, упомянем о статьях: Н.М. Гринякина «Преп. Серафим, Саровский Боговидец, новый небесный защитник истины православной церкви» (№

11, 1903 г.) и некоего А.Г. «Апология Саровского торжества 19 июля под пером светского писателя-рационалиста» (№ 15, 1903 г.).

Манифест 26 февраля 1903 г., возвестивший о необходимости коренных гражданских реформ, коснулся, между прочим, и вопроса о реформе русской церковной жизни и о реформе прихода, как основной церковно-общественной единицы. Вследствие этого, вопрос о реформе прихода становится предметом всестороннего обсуждения как светский, так и духовной печати. И наш журнал не остался безответным по вопросу о приходе и его реформе и поместил у себя несколько статей, посвященных обсуждению этого предмета. Из них мы назовем статьи: свящ. С.М. Потехина: «Как возможно в настоящее время обновить православно-русский церковно-приходской строй» (февр., 1905 г.); свящ. М. Платонова: «Новогодние думы пастыря о неотложных церковно-приходских нуждах» (январь, 1905 г.); П.А. Козицкого: «К вопросу о разъединении духовенства и мирян» (декабрь, 1905 г.).

На вопрос о созыве всероссийского церковного собора и о восстановлении в церкви канонического устройства на началах вселенской соборности с патриархом во главе наш журнал отозвался в нескольких статьях и заметках за истекший 1905 г. В.М. Скворцова, А.И. Платонова и П.А. Козицкого.

В числе выдвинутых вопросов, имеющих громаднейшее значение в церковно-общественной и государственной жизни, – мы должны отметить получивший уж законодательное разрешение вопрос о веротерпимости. С обычной отзывчивостью откликнулся на этот вопрос В.М. Скворцов в своих «Скрижалях» и Н.М. Гринякин в целом ряде «Откликов» под заглавием: «Пред распутием» и «На встречу свободы исповеданий» (1905 г.). П.А. Козицкий в небольшой библиографической заметке на книгу преосвящ. Сергия, епископа Ямбургского, «Слова и речи», доказывал, что миссия при законе и веротерпимости станет на надлежащий путь и что она теперь более, чем, необходима, и должна составлять предмет особых попечений церкви (№ 15, 1905 г.). Свящ. С.М. Потехин, зовет пастырей для ограждения интересов православия и борьбы с врагами веры и церкви съорганизоваться в пастырские союзы и собрания, в статье по этому вопросу «Об организации пастырских союзов и собраний согласно современным условиям и положению церкви и православия в жизни народной» (№ 15, 1905 г.).

Высочайший Манифест 17 октября, являющийся началом новой эры церковной, государственной и общественной жизни, всколыхнул все слои общества и дал обильную пищу для нашей светской и духовной повременной печати. Отозвалось на этот величайший акт в жизни государства и сказало свое слово по поводу всех событий, связанных с этим актом, и «Миссионерское Обозрение». Откликнулся В.М. Скворцов в своих «Скрижалях», А.И. Платонов отозвался в своем «Дневнике

христианина» и в статьях: «Голос духовенства о Государственной Думе», «По поводу Высочайшего Манифеста 17 октября» и «О современных кровавых событиях в общественно-политической жизни России» (№№ 14–19, 1905 г.) и свящ. С.М. Потехин выступил со статьей «Задача духовенства пред предстоящими выборами в Государственную Думу» (№ № 14–15, 1905 г.).

Хроника «Миссионерского Обозрения», обнимающая собою события из мира раскола и сектантства – русского и заграничного, а также летопись печати по вопросам миссии, в течение всего семилетнего петербургского периода журнала, веденная, как и прежде, с большим умением и знанием дела, – представляет собою богатейший материал в историческом отношении для науки расколо- и сектоведения, – потому и читалась она всегда с захватывающим интересом. В этом отделе миссионеры и соприкасающиеся с миссией лица всегда находили для себя много новинок по любимому и интересующему их делу миссии. Между прочим, во время расцвета религиозно-философских собраний, наш журнал усердно занимался ими и даже поместил у себя несколько отчетов о них под заглавием: «Из залы заседаний религиозно-философских собраний» (1903 г.).

Считаем нравственно обязанным сказать несколько слов отдельно о «Скрижалях» В.М. Скворцова, «Откликах» Н.М. Гринякина и иеромонаха Михаила и «Дневнике Христианина», А.И. Платонова. Начиная с первой книжки второго пятилетия журнала, В.М. Скворцов взял на себя нелегкий труд ежемесячно беседовать с читателями по поводу текущих событий и выдающихся явлений церковно-общественной жизни и в своих «Скрижалях», всегда с знанием дела, а главное с захватившею искренностью и необычайною теплотой откликался на современные явления церковно-общественной жизни и нужды миссии и ярко освещал их в сознании читателей. Каких только материй автор не касался в своих «Скрижалях»: отзывался он и на все вопросы и нужды миссии, касался церковно-государственных распоряжений, делился своими воспоминаниями о почивших иерархах и благополучно здравствующих владыках, призывал духовенство к борьбе с расколом и сектантством, выступал в защиту миссионеров и дела миссии; откликался по поводу отлучения гр. Толстого от церкви, по вопросу о церковной реформе и о восстановлении патриаршества на Руси, о Государственной Думе, о московском злодеянии, о московских делах революции и т.д. и т.д. Редакторские статьи со «Скрижалей сердца», помещаемые обычно в конце книги, много способствовали оживлению журнала. «Скрижали» читались и читаются прежде всего и привлекали к себе внимание даже светской печати.

С большим интересом читались и «Отклики», сначала – принадлежавшие перу иеромонаха Михаила, а затем – Н.М. Гринякина,

свящ. Потехина, Д.Н. Боголюбова (особым отделом – «Впечатления и наблюдения миссионера») и других авторов. Отклики всегда отличаются пестротой и разнообразием, жизненностью своего содержания и оригинальностью, живостью изложения.

«Дневник христианина», с которым выступил на страницах «Миссионерского Обозрения» новый редактор А.И. Платонов, дышит неподдельным, искренним чувством, вселяет бодрость и энергию в душу читателя, окрыляет его надеждой на светлое будущее в нашей церкви и зовет читателя на работу, на деятельность на ниве Божией, для блага церкви.

Расставаясь с обозрением петербургского семилетнего периода «Миссионерского Обозрения», мы нравственно обязаны коснуться также и библиографического отдела. И теперь, как и в прежний период существования нашего журнала, библиографический отдел стоял на должной высоте и вполне отвечал миссионерским и полемико-апологетическим задачам журнала. Так как «Миссионерское Обозрение» в петербургский период расширило свои задачи в сравнении с киевским периодом, то соответственно этому расширился и библиографический отдел. За этот период времени были на страницах журнала помещены отзывы о многих книгах, имеющих общецерковное и полемико-апологетическое значение. Причем в отделе этом были в виде библиографического материала помещены целые полемические статьи по некоторым вопросам. Из них мы назовем: а) статью С.М. Потехина, посвященную разбору книжки П.П. Оболенского: «Критический разбор вероисповедания русских сектантов-рационалистов: духоборцев, молокан, штундистов» (1899, июнь), и представляющую собою вполне ученую рецензию с указанием крупнейших недостатков в этом сочинении; б) большой трактат свящ. С. Четверикова, посвященный разбору сочинения «К лучшему будущему» Н.Н. Неплюева, основавшего у себя в имении трудовое братство и мечтавшего своими путями, помимо церкви, обновить человечество и в) рецензию иеромонаха Михаила на книгу проф. А.Ф. Гусева: «О сущности религиозно-нравственного учения Л.Н. Толстого» и ответ на эту рецензию А.Ф. (1903 г.). О целом же ряде полемических статей Н.М. Гринякина, И.Г. Айвазова, А.И. Платонова и др. мы умалчиваем. Считаем не лишним упомянуть, что в этом отделе за семилетний период существования журнала было помещено библиографических заметок и отзывов на книги свыше 280 и рецензентами состояло до 40 сотрудников. Наибольшее число библиографических заметок принадлежит свящ. М.А. Лисицыну, П.А. Козицкому, М.П. Чельцову, М. Леоновичу, Н.Л. Вишневному, Н.И. Булгакову, А. Виноградову и иеромонаху Александру.

В заключение считаем вполне уместным сказать несколько слов о внешней реформе журнала в петербургский его период.

По переходе издания «Миссионерского Обозрения» в С.-Петербург, журнал, выходивший в Киеве ежемесячно в 2-х книгах, несколько реформировался: редакция в течение 1899 и 1900 гг. стала выпускать журнал в объеме 12 ежемесячных книг и 4 книг приложений – «трехмесячников». В 1901 году редакция дала читателям, кроме и книг ежемесячных и 4 «трехмесячников», еще шесть книг проповедей. В 1902 году читатель получил 12 ежемесячных книг, 2 полугодовых приложения и 6 книг проповедей. Начиная с 1903 года журнал коренным образом реформировался и стал выходить в количестве 20 книг в год, т.е. полумесячными книжками, за исключением двух летних месяцев, когда по-прежнему читатель получал по одной в месяц книжке, – не считая при этом отдельных выпусков приложений. В числе приложений редакцией были даны читателям журнала три ценных книжки специально миссионерского значения, из коих две принадлежат перу диакона И. Смолина: «Миссионерский щит веры» и «Миссионерский Путеводитель по св. Библии» и «Миссионерский Календарь», составл. под редакц. В.М. Скворцова.²

Таков был путь, пройденный «Миссионерским Обозрением» в период первого его десятилетия.

В виде итога к сделанному нами обзору десятилетия «Миссионерского Обозрения» (1896–1905 гг.) позволим себе высказать несколько общих замечаний о том, насколько наш журнал выполнил свою программу в истекшем десятилетии.

«Миссионерское Обозрение», появившееся в 1896 г., т.е. девять лет тому назад, в качестве первого и единственного тогда литературного органа против-сектантской миссии, выступило пред читателями с слишком широкими задачами и целями. Будучи чуждо узкости и односторонности, «Миссионерское Обозрение» определило внутреннюю миссию не только, как силу охранительную, но и как творческо-созидательную, научно-просветительную. Потому-то журнал всегда ставил существенной задачей миссии не только вразумление заблудших, воссоединение их с церковью и ограждение православных чад церкви от уклонения в сектантство и старообрядчество, но и возвышение христианской жизни и церковного просвещения православного народа, улучшение жизни православных приходов, подъем пастырской деятельности духовенства и проч. Будучи отзывчивым и чутким ко всем течениям и событиям церковной, государственной и общественной жизни, он всегда высказывал о них свое мнение, при этом освещал их с церковно-христианской точки зрения. К церковным вопросам и миссионерским нуждам он был более чем чутким и отзывчивым и стоял за соборный их способ разрешения при помощи миссионерских съездов специальных деятелей, приходских пастырей и мирян – ревнителей православия. Православному пастырству, со всей широкой его

пастырской деятельностью, журнал наш всегда оказывал посильную помощь и нравственную поддержку. К сектантам и раскольникам, искренне ищущим спасения в церкви, всегда обращался с полной братской любовью и протягивал им руку примирения. К голосу интеллигенции, ищущей своими путями примирения с церковью, он всегда чутко прислушивался и всегда готов был принять участие в стройке того мостика, при помощи которого произошло бы примирение. – Словом, «Миссионерское Обозрение» в течение десятилетнего периода своего существования прилагало все старания и усилия к тому, чтобы быть в истинном смысле этого слова органом внутренней миссии.

Как оно исполнило свой долг пред церковью и обществом, что оно привнесло в науку расколо- и сектоведения, – судить не нам. Об этом скажет свое беспристрастное слово неминуемый суд истории.

П. Козицкий

**Статистические сведения // «Миссионерское Обозрение»,
1906, № 1, стр. 30**

**Журнал «Миссинер. Обозрение» и прилож. Отдельн. от журнала
к нему издания**

год	Число книг	Общее количество листов	Колич. экз. каждой книги	Годовое колич. экз.	Количество названий	Объем в листах	Общее количество в тыс.
1896	21 книга жур. 1-е и 2е вып.	121 ½ л.	4.000	84.000	28 наз.	35 лист.	50 т.
1897	19 книг жур. 1-е и 2е вып.	143 л.	4.500	85.500	50 наз.	53 лист.	145 т.
1898	11 книг жур. 4 кн. прилож.	111 л., 52¾ л.	6.300	94.500	58 наз.	135 лист.	275 т.
1899	11 книг жур. 4 кн. пропов.	99½ л., 52 л.	6.300	94.500	25 наз.	56 лист.	45 т.
1900	11 книг жур. 4 кн. пропов. прилож.	114 л., 46 3л., 21 л.	6.500	117.000	20 наз.	31 лист.	50 т.
1901	11 книг жур. 4 кн. прилож. кн. пропов.	113¾ л., 37½ л., 43¾ л.	7.000	147.000	20 наз.	28 лист.	55 т.
1902	11 книг жур. 2 кн. прилож. кн. пропов. 1 мисс. календ.	121¾ л. 72 л., 35½ л.	8.000	152.000	35 наз.	59 лист.	96 т.
1903	20 книг жур. 2 кн. прилож. кн. пропов. 10 выпуск.	190 л., 36¾ л., 32¼ л., 9½ л.	9.000 л., + 9.000	225.000 = 90.000	45 наз.	130 лист.	227 т.
1904	20 книг жур. 2 к. прилож.	199 л., ½ л.	9.500	210.000	75 наз.	194 лист.	160 т.
1905	18 книг жур. 2 к. прилож.	178 л.	8.000	160.000	40 наз.	42 лист.	75 т.
Итого	206	1,909½ л.	—	1.459.500	396 наз.	763 л.	1.178.000

На страницах журн. «Мисс. Обзор» в истекшее десятилетие помещены произведения следующих иерархов, высокопоставленных авторов – профессоров академий и университетов.

Иоанникия, Митроп. Киевского (†), *Сергия*, М. Московского (†), *Владимира*, М. Московского, *Стефана*, Епископа Могилевского, *Александра*, Епископа Тамбовского, *Амвросия*, Архиеп. Харьковского (†), *Алексия*, Еписк., рент. Каз. дух. ак., *Антония*, Е. Чебоксарского, *Виссариона*, Е. Костромского, *Гурия*, Е. Самарского, *Гурия*, Еписк. Таврического (†), *Иоанна*, Е. Смоленского (†), *Ириней*, Еписк. Орловского (†), *Макария*, Е. бывш. Калужского, *Макария*, Епис. Томского, *Мелетия*, Е. Рязанского (†), *Никона*, Еписк. Серпуховского, *о. Иоанна Ильина Сергиева* Кронштадтского, *Победоносцева*, К.П., бывш. Обер-Прокурора Св. Синода, *Саблера*, В.К., *Соловьева*, Д.Н., директора Канцелярии Св. Синода, *Бадашевского*, Д.И., доц. Киевск. дух. акад., магистра бог., *Бронзова* А.А. проф. спб. дух. ак., *Булгакова*, А.И., доц. Киевск. дух. акад., маг. бог., *Голубева*, С.Т. проф. Киевск. дух. акад. доктора истории, *Гусева* (†) проф. Казан. дух. акад., *Ивановского*, Н.И. проф. Казан. дух. акад., доктора богословия, *Королькова*, И.Н., прот. проф. Киевск. дух. акад. маг. бог., *Михаила*, Арх. проф. СПб. дух. академ., *Плевницкого*, В.Ф., проф. Киевск. дух. акад., доктор бог., *Рыбинского*, В.П., проф. Киевск. дух. акад., *Светлова*, П.Я., маг. богосл., проф. Киевск. универс., *Сикорского*, проф. университета св. Владимира, доктора психиатрии, *Тихомирова*, Д.И. проф. спб. дух. акад., *Титова*, Ф.И. свящ. маг. бог., доц. Киевск. дух. акад., *Буткевича*, прот. маг. б., проф. Харк. универс.

Принимали участие в «Мисс. Обзор» следующие авторы:

Абаимов Василий (Минусинск)

Адрияшенко, А. (свящ.)

Айвазов, Ив. (канд. акад. Харьк., епарх. мисс.)

Александров, Д. (свящ. Самар. еп. мисс.)

Александр (архимандрит, бывш. цензор спб. дух. ком.)

Альбицкий (священ.)

Андреев, Д. (Секр. Рязан. Дух. Конс.)

Апраксин, С.А. (врач Нижн. Новг.)

Арбузов, В. (свящ.)

Арсеньев, И. (свящ.)

Барков, Ф. (свящ.)

Бажанов, В. (свящ. Москов. епарх.)

Базарянинов, Н.П. (Тамб. епарх. мисс.)

Безвенглинский, А. (свящ.)

Березницкий (свящ., мисс. Киевск. епархии)

Березкин, Д.М. (Псков, губ.)

Беренский, Н. (канд. акад.)

Берс, А.А. (Царское Село)

Блошенко, Н. (свят.)
Бобровников, Н. (директор учит. сем.)
Богданович, Савва (свят. мисс. Киевск. епархии)
Боголюбов, Д.И. (канд. ак. Спб. епарх. мисс.)
Богородицкий, И. (свят., преподав. Киевск. сем.)
Богословский, М.
Богоявленский, М.
Бодиско, Д.М. (Спб. свет. писат.)
Брояковский, С. (свят., Киевск. епархии)
Бугославский, И. (свят. Херсон. епарх.)
Булгаков, Н.И. (канд. акад. Спб. епарх. мисс.)
Бургов (свят. Спб.)
Бывалькевич, П.
Белгородский, Н.А. (Киевск. Епарх. мисс.)
Велтистов, К.И. (свят. С.-П-бург.)
Вердеревская, С.В. (Москва)
Верховский, П.В. (СПБ.)
Вессель, Н.
Виноградов, М.А. (препод. Тверск. сем.)
Виноградов, А. (свят. С.-Петербург)
Виноградов, Н. (свят. Ряз. мисс.)
Виноградов, Алексей (канд. универс.)
Вишневский, М.О. (б. преп. Черн. сем.)
Вишневский, Н.Л. (канд. ак.)
Воронец, Е.Н. (Харьков, свет. пис.)
Волгин, Ал.
Воловей, Ф. (свят. Кишинев. епар. мисс.)
Волочугин, Н.
Водягин, Н.
Высотский, В.А. (препоа. Симф. семинарии)
Ганицкий (свят. Киевск. еп.)
Георгиевский, А. (Орел, препод. семинар.)
Глебов, С.И. (СПБ.)
Гневушев, М.В. (препод. Киевск. семин.)
Горохов, В.Г. (Вятка, редак. жур. «Пчеловодство»)
Грацианский, Д. (Новочерк. епарх. мисс.)
Гребенщиков, Ф.С. (Казань)
Григорьев, Н. (Спб. канд. богосл.)
Гринякин, Н.М. (Спб. помощн. редак. «Мисс. Обзор.»)
Губин, П. (свят. миссион.)
Гурьев, П.В. (магистр богословия)
Давыденко, В. (Епарх. набл.)
Данкевич (свят. Киевск. епархии)

Двинская, Агния (псевдоним)
Дмитриевский (свящ. миссион.)
Дмитровский, П. (свящ. Тавр. епархии)
Добромыслов, П. (преп. Ряз. сем.)
Добротин, Г.П. (канд. богосл.)
Доброво, М.Н. (псевдоним)
Дорофеев, Б. (канд. акад.)
Дрибинцев, Г. (Чернигов. епарх.)
Дроздов Н. (протоиер. Спб.)
Дударев, М. (свящ. Калуж. епар. мисс.)
Дунаев, А. (свящ. мисс.)
Егоров, Е.А. (Спб.)
Егоров (крестьянин)
Жаров, И. (свящ. Калужск. Еп. мисс.)
Заварин, Л. (свящ. мисс.)
Зайцев, И. (офицер)
Зарницын, Ив. (канд. ак.)
Захарьин, И. (свет. писат.)
Зверев, М.
Зверинский, С. (Преп. Виф. дух. сем.)
Зефилов, Д. (свящ.)
Злотников, П. (свящ. Витеб. епарх.)
Золотухин, И.
Зубарев, Е. (свящ. миссион.)
Иванов, Кронид (свящ. Самарск. епархии)
Иванов, П. (свящ. Самар. епарх.)
Ивановский, Н. (студен. спб. дух. ак.)
Износков, И.
Казанский, А. (свящ.)
Кальнев, М.А. (канд. акад. Херсонск. епарх. мисс.)
Картушин, К. (миссионер)
Каменев, М.Л. (генер.-майор, Киев)
Кастров, Ив. (миссионер)
Калмыков, М.И. (Ставроп. губ.)
Касаткин, Ив.
Кипарисов, Н. (свящ. миссии. Омск. еп.)
Киснемский, С. (свет. писат.)
Клеандров, М. (свящ.)
Клитин, А. (маг. акад., свящ. Киевск. епархии)
Коэцкий, П.А. (канд. акад., бывший миссионер)
Козловская, М.
Колосовский, П. (свящ. к.а.)
Колпиков (канд. акад. Влад. кафедр. протоиер.)

Коссовский (свящ. Киевск. еп.)
Кохомский, С.В. (магистр акад., инсп. Киевск. дух. сем. †)
Кобрин, М. (преп. Холмск. дух. семина.)
Косырев, М. (свящ. Ворон. епар.)
Кормилин, И. (епарх. мис.)
Корегин, К. (Городец, Ниж. губ.)
Круглов, Ф. (мисс. Нижег. епархии)
Крылов, В.А.
Кудрявцев (учит. народ.)
Кулаков, П.
Кутепов, Н.П. (маг. богосл. Донск. епарх. мисс.)
Кычигин, А.
Лаврский, В. (протоиер. Самар.)
Лавров, В. (свящ.)
Лебедев, А. (маг. акад., прот.)
Лебедев, Гр. (свящ.)
Левитский, А. (Тифлис. еп. миссион.)
Левандовский, Н. (свящ. г. Николаева)
Леонович, М.М. (канд. богосл.)
Лещенецкий, Т. (свящ. Киев. епарх.)
Лисицын, М. (свящ. Спб.)
Лотоцкий, В. (Подольск. мис. канд. ак.)
Мангусов, С. (свящ. мисс.)
Маргулин, И. (свящ.)
Матюшинский, М. (свящ. Самарск. епархии)
Матюшинский, А. (канд. ак., Самарск. епархии наблюд.)
Мессарош, П.И. (свет. пис.)
Мефодий, иером.
Михайлов (свящ.)
Могилевский (свящ.)
Муретов, С. (свящ.)
Никольский (свящ.)
Никольский, С. (свящ. Ставр. еп. мисс. канд. б.)
Новоселов, М.А. (Выш. Волоч. изд. рел. фил. библи.)
Обтемперанский А. (Екатеринб. епарх. мис.)
Овсянников, К. (преп. Донск. сем., канд. акад.)
Огибенин, М.М. (миссионер)
Ольшевский, И. (прот. канд. акад. набл. Полт. еп.)
Орлов, И. (свящ. Сарат. епарх.)
Орлов, А.И. (секрет. консист.)
Панормов, И.А. (протоиер., рект. Омск. дух. сем. канд. акад.)
Платонов, А.Н. (редактор журн. «Мисс. Обзр.» и газ. «Колокол»)
Платонов, М. (свящ. Оренб. епар.)

Парвов, П.А. (Спб. присяжн. повер.)
Пахарнаев, А.Г. (Спб.)
Перевозников, К.
Переверзев, Н.В. (канд. акад., б. редак. журн. «Мис. Об.»)
Переверзев, Д. (свящ.)
Петрушевский, П.П. (препод. Киевск. семин. канд. акад.)
Перов, И.Ф. (инсп. Ряз. сем., маг. бог.)
Плотников, К. (маг. богосл.)
Полянский, Ст. (прот.)
Полянский, И. (свящ. Херсон. епарх., мис., канд. акад.)
Попов, Н. (свящ. миссионер)
Поповы, Г. (студ. Киев. акад.)
Покровский, Вл. (свящ. канд. акад.)
Попов, К.А. (свящ. Мин. еп., мисс.)
Потехин, С.М. (Киевск. еп. мис., канд. ак.)
Преображенский, И.В. (Спб. магистр богосл.)
Прохоров, Г. (свящ. закон. канд. ак.)
Прозоров, В.Н. (свящ. преп. Спб. дух. сем., канд. ак.)
Пузанова, А.И. (Спб.)
Пясковский (Москва, доктор)
Рабинович, И.В. (гор. Вольск)
Разночинцев, И.И. (Красноярск)
Райский, И. (свящ.)
Родионов, В. (свящ.)
Ремезов, С.
Рождественский, Арсен. (протоиер., маг. бог.)
Рождественский, Арсен. (Ворон. мис.)
Розанов, И. (свящ. Моск. епархии)
Розов, М. (свящ.)
Романовский, С. (миссионер Донск. обл., кан. акад.)
Ромеров, В. (свящ.)
Русанов, Н. (Самар, протоиер.)
Рябухин, И. (свящ. Черн. епарх. мис.)
Савченко, П. (крестьянин)
Сахаров, И. (Кишиневск. еп. мис., канд. акад.)
Сенатов, В. (канд. акад. секретарь ред. газ. «Колокол»)
Силин (свящ. г. Харькова)
Синайский, А. (Спб. свящ.)
Скворцов, Т. (свящ. Ряз. епархии)
Слободянников, Н. (свящ.)
Слюсарев (свящ., канд. ак. епарх. мисс. Киевск.)
Смирягин, А. (свящ. Херсон. епар.)
Смирнов, П. (свящ.)

Смирнов, Д.Д. (Кронштадт)
Смирнов, П.И. (препод. Киевск. дух. семинарии, канд. акад.)
Смолин, И. (диакон завед. конт. ред. журн. «Мисс. Обзор.»)
Соболев, Ф. (прот.)
Советов, А. (свящ. мис. Тамб. епархии)
Соловьев, М.М. (канд. ак.)
Соколов, П. (свящ.)
Соколов, Н. (свящ.)
Соколовский, В. (протоиер.)
Соколовский, А. (свящ. мис.)
Сопоцько, М. (студ. унив.)
Спасский, А. (свящ. Херсон. епар.)
Сперанский, Як.
Стешенко, П. (свящ.)
Стрельбицкий, И. (преп. Одес. (сем., канд. ак.)
Сушков, П.
Северцев-Полилов (свет. пис.)
Тарасий иеромон.
Таубе, М.Ф. (барон. Спб.)
Темномеров, А. (свящ., препод. С.-Петербур. дух. сем., канд. акад.)
Терлецкий, В.Н. (препод. Пол. семин. канд. ак.)
Тернавцев, В.А.
Тифлов, Н. (свящ., канд. акад.)
Тихвинский, П.П. (свящ. бывш. Тавр. мис.)
Тихомиров, Г. (свящ. канд. акад.)
Тихонов, М.
Тихомиров, Л. (Москва, свет. пис.)
Троицкий, И. (свящ., канд. акад. мис.)
Тронин, В. (Сарат. епарх. мис., канд. акад.)
Троицкий Д. (свящ. Н. Новгород.)
Троицкий А. (препод. Влад. дух. сем.)
Топиро, Б. (студ. Спб. акад.)
Туманов, П. (свящ. Спб. канд. акад.)
Уколов Тер. (свящ. Куб. обл.)
Урбанский, Алек. (свящ.)
Успенский, В.
Фиалкин (свящ. Ставроп. еп. набл., канд. акад.)
Фиалковский, Н. (Нижег. еп. мис.)
Филевский, И. (свящ. г. Харькова)
Флегматов, А. (протоиер.)
Фудель, И. (свят. моск. еп., канд. университета)
Харитонов, Т.
Хвостов, В.

Холопов, Д. (свящ. единов. церкви, г. Тула)
Холостов, Е.
Цвейтов (свящ. мисс.)
Цыганов, З. (свящ. мисс.)
Чельцов, М.П. (Спб. свящ. маг. бог.)
Чередников, Ив.
Черкасов, В. (свящ.)
Четвериков, С. (свящ. к.а.)
Чижевский, И. (протоиер.)
Чиннов, Н.Н. (препод. Тамб. дух. семинар.)
Шалкинский, П. (свящ. Саратов. еп., мисс.)
Шалкинский, Сергей (свящ. Екатеринбург. еп. миссионер)
Шарапов, Н.П. (Спб. канд. богос.)
Шашин, А. (Астрах. епар. мисс. слепец)
Шевалеевский, В. (свящ. Курской епар. мисс.)
Щеглов, И. (свящ.)
Шестаков, Иаков (свящ. Перм. еп.)
Шиманский, И. (свящ.)
Шлеев, С. (свящ. един. цер. Спб.)
Шмаков, Ф.С. (Дон. обл.)
Эфрон, С.К. (Спб. светск. писатель)
Ярмак, Кир. Як. (начетчик)
Яцкевич, В. (канд. ак.)
Фоменко (прот. Киевск. еп., маг. бог.)

В приведенном здесь списке авторов, поместивших свои труды в журн. «Мисс. Обзор.» и его приложениях значится: 1) иерархов 17; 2) высокопоставленных лиц и профессоров академий и университетов 18; 3) епархиальных и друг. миссионеров 49; 4) светских лиц с академическим образованием 51; 5) протоиереев, священников и монашествующих лиц в большинстве с академическим образованием 102; 6) светских писателей 41; и 7) начетчиков 14. Всего же 292 лица.

Современные задачи внутренней миссии // «Миссионерское Обозрение», 1906, № 1, стр. 1–5

Совершающееся на наших глазах государственное и общественное переустройство России, имеющее существенно воздействовать на нравственный строй и дальнейшее духовное развитие русского народа, должно вызвать и оживление деятельности церковно-миссионерской. «Свобода совести» создает новое положение миссии, ставит ей новые задачи. Отныне должны в значительной мере видоизмениться способы миссионерской деятельности. Новыми условиями русской жизни требуется внимательный пересмотр всего дела миссии, дабы она отвечала новым запросам, новому положению вещей, дабы святая православная церковь русская имела в наших миссионерах добрых непостыдных делателей, искусных и мужественных борцов в нынешнее тяжелое для веры и благочестия время.

«Веротерпимость» – «свобода совести» встречена с торжествующим оживлением в иноверных и инославных кругах России. Особенное же возбуждение вызвала она в среде нашего расколо-сектантства. Начались сношения, переговоры, съезды, совещания, постановления, воззвания, адреса... Ожидаясь кое-кем, в переустройстве России выдвинувшим свободу совести на первый план, что-отсюда-то начнется духовное возрождение России. Казалось кое-кому, что некие добрые, здоровые духовные силы России, сжатые и пригнетенные в течение немало времени, теперь, с дарованием государственной свободы совести, закипать, прорвутся стремительным ключом, живительной волной зальют русскую землю, изнемогающую в духовном «параличе», подорвут силу и пошатнут устои церкви, как силы, будто доселе сдавливавшей и сковывавшей в России всякие свободы: и мысли и совести...

Знаем, что многие ровнители православия, верные сыны церкви, очень смущены этими новыми правами в деле веры и вызванным ими подъемом духа в кругах внецерковных. В недвусмысленных, опирающихся на новое право, страстных выходках против церкви и в жизни, и в литературе увидели грозную опасность истине, правам и власти церкви, и многие с не меньшим возбуждением стали звать на отпор врагу, к охране церкви.

Мы не разделяем этих опасений. Мы не сочувствуем этому торопливому, напряженному призыву поскорее всячески выступить на защиту против врага, – единственно потому, что старый враг церкви получил новые права в государстве. В такой приподнятости настроения в некоторых кругах церковных, в такой суетливости и спешности при обсуждении мер даже общего характера, касательно всего строя церковного, вызываемых новыми отношениями и условиями жизни

церкви, не сказывается ли преувеличение сил врага и преуменьшение крепости церкви? А может быть, это есть проявление общего у нас ныне болезненно-возбужденного стремления к переоценке всех ценностей, политических и духовных, к переустройству России полному, – в корнях и основах?!

Пусть смущающихся ободрит, а растерявшихся и мятущихся успокоит и управит многовековая история церкви. Для вас, братие, хорошо знающих прошедшую жизнь церкви, я считаю достаточным, только напомнить об этом. Всякое сектантство, не имевшее в себе внутреннего залога духовной пищи, обыкновенно искало и охотно принимало опору внешнюю; в силе государственной оно находило свою силу; и, поддержанное той внешней силой, проявляло (временно) особенно оживленную, иногда просто лихорадочную деятельность. Церковь же, сильная своей внутренней силой, утверждаясь на вековых благодатных основах, заложенных для нее ее Божественным Основателем, всегда чуждалась таких заискиваний, – и в дни своих тяжких страданий, и в дни несомненной великой победы своих созидательных начал нравственных над величием внешним, не имевшим крепости внутренней. Припомним, например, время (4 в. христианства), когда совершался великий мировой кризис: государство, в лице великого вершителя судеб тогдашней «вселенной», выступило с эдиктом веротерпимости, даровало общую свободу исповедания веры всему, – и тому, что именовалось христианским, и что дотоле государством пригнеталось. Что же видим!? Те, что изыдоша из церкви, но не беша от церкви, воспользовались этой свободой по-своему: засуетились, захлопотали; не чувствуя в самих себе силы, завели интриги и происки в кругах правительственных; спешно созывали соборы за соборами; торопливо составляли на них постановления, сменяемые постановлениями, своей суетней давая пищу ядовитому остроумию внешних. Истинная же церковь среди общей сумятицы выступала с сознанием своей силы духовной, с самообладанием величия, с спокойной энергией, с неуклонностью истины, с непреклонностью правды. И скоро само государство должно было приметить, где сонмища лукавнующих, и где церковь истинная. И в этой-то истинной церкви вселенской пошатнувшаяся – была великая греко-римская вселенная нашла для себя и почувствовала могучую, связующую и скрепляющую силу, и – протянула церкви руку мира и союза.

Не подумайте, отцы и братие, что я хочу умалить вставшую ныне пред церковью опасность, что я, уверенный в великой силе церкви, призываю к спокойствию, граничащему с бедствием, которому так легко предается человек, пренебрегши силою наступившей опасности. Уверенное в себе равнодушие ведет к беспечности, дремоте и сну. А спящим человеком враг всевает плевелы посреде пшеницы. А

небрегущим пастырем волки расхищают овец стада. Нет, мы хорошо помним, какого напряжения сил требовали от церкви много раз постигавшие ее великие опасности и для самого внутреннего существа ее, и для ее миссии вовне. Мы понимаем всю силу и нынешней опасности для церкви и истинного благочестия, – наше нынешнее собрание свидетельствует об этом. Мы знаем, что участвуем в великом переломе политической и духовной жизни России, давно подготовлявшемся и ныне быстро с шумом совершающемся. И для церкви, для благовестников ее истины, для охранителей ее целостности и силы, ее прав, это – время неусыпного бодрствования, время деятельности усиленной, но спокойно-методической, обсуждения дела всестороннего, но без увлечений, решения вопросов обдуманного, без колебаний, без поправок и изменений. Это так свойственно церкви, так должно отличать ее деятелей среди общего у нас теперь смятения и спешки.

Не умолчу, что, если «веротерпимость – свобода совести во многих ревнующих о вере и церкви вызвала возбуждение паче меры и тревогу, затрудняющие спокойную, обдуманную, основательную оценку вновь слагающегося положения дела, разумное обсуждение потребных новых мер и приемов действия: то есть и такие, на которых те идеи, перешедшие ныне в право государственное, произвели действие парализующее. Им показалось, что 17-е апреля означает почти что прекращение дела миссионерского. Не понимают самого существа жизни церкви и истинного характера ее благовестия. Церковь есть светоч, долженствующий озарять лучами истины все самые темные углы человечества. Благовестие о свете истинном, христианская миссия, это – сущность деятельности церкви. Церковь сама вся есть великий богоучрежденный стан миссионерский, выдвигающий на святое дело еще особых хорошо подготовленных работников миссии. И прекращение дела благовестнического, миссионерского было бы равносильно прекращению доброго воздействия церкви на жизнь человечества: это была бы угроза самому ее существованию. Церковь, возвещая истину Христову, не стесняет свободу совести; в своем благовестии она дает истинную свободу нравственную, неведомую тому, кого не осияла истина Христова. Провозглашенные ныне веротерпимость и свобода совести в государстве, без сомнения, вводят миссионерство церковное в некоторые новые соотношения. Кое-что содействовавшее внешнему успеху миссии церковной, но, – не будем закрывать, – не отвечавшее высокому духовному характеру дела церковного, как дела во имя истины и любви Христовой, даже во многом вредившее этому делу, теперь отпадет; в общей свободе совести церковь найдет и свое освобождение от многого, тяжко-покровительственно пригнетавшего ее, – и нередко не ради ее блага, а во имя внешних интересов, которым заставляли ее служить; Церковь восчувствует теперь так свойственный ей нравственный

простор... Отныне миссия церковная в своей духовной деятельности будет опираться только на духовную силу церкви. Это создаст ей, без сомнения, не мало препятствий, во многом она встретит не малые затруднения, ей предстоит борьба иногда тяжелая, и эта тяжесть борьбы будет особенно чувствоваться в первое время, без привычной поддержки со стороны силы далеко не духовной; потребуются большое напряжение сил, неустанность в благовестнической работе внешней. Но может ли быть при этом место сомнению в прочном успехе церкви!? Может ли быть поставлен вопрос о самом бытии миссии духовной!? Не теперь ли время миссии показать, *что она – орган церкви живой, что она – сила церкви?!*

Настоящее собрание ваше, отцы и братья-миссионеры, по значительному числу членов есть первое при наступивших недавно для нашей православной внутренней миссии в новых условиях. Вы принесли нам свой богатый и разнообразный, по местным условиям, опыт миссионерский. А это служит добрым для нас ручательством, что вы в своих совещаниях и об общем, в новых условиях, положении дела миссии, и по частным вопросам миссионерской теории и практики, придете к заключениям, которые будут иметь основное руководящее значение для дела миссионерского после 17 апреля. Я надеюсь, что ваше спокойное, уверенное, – и в то же время чуждое узкого партийного самомнения отношение к делу, ваше всестороннее обсуждение поставленных программой вопросов в миссионерских, не останется без воздействия и на тех, кто ныне суть от двора церкви, или готовы бежать из ограды церковной, а также и на тех, кто в веротерпимости и свободе совести злорадно видят поощрение к невольной дотолерантности сдерживавшимся нетерпимости и нападкам на церковь, к причинению всяческого стеснения и вреда церкви.

Приступите же ныне к вашим занятиям. И да благословит Господь добрым успехом труды настоящего южнорусского миссионерского собора.³

Архиепископ Димитрий Ковальницкий

Современная нужда в усилении преподавания в духовных семинариях истории и обличения расколо-сектантства // «Миссионерское Обозрение», 1906, № 1, стр. 6–15

В статье своей: «Накануне полной веротерпимости», помещенной в «Православном Собеседнике» за минувший год, мы говорили, между прочим, и о пересмотре семинарских программ преподавания и о скорейшем, по возможности, их введении. Наша цель заключалась в указании лучшей, сравнительно с настоящей, – постановки преподавания по истории и обличению расколо-сектантства, сравненного теперь с другими признанными в государстве инославными исповеданиями. Задача борьбы с расколо-сектантством возложена всецело на людей, действующих духовным только оружием, оружием знания и проповеди. Вопрос о подготовке способных к тому людей поставлен и стоит перед нами, как говорится, ребром.

В № 46-м «Церковных Ведомостей» за минувший (1905) год опубликованы работы духовно-учебного при Св. Синоде Комитета, по распределению всех предметов семинарского преподавания. Пока проект Комитета Св. Синодом еще не утверждена, благовременно и позволительно сказать о нем несколько слова. При этом мы не имеем в виду рассматривать его полностью, а желали бы выразить свой взгляд на проектируемую только постановку преподавания наиболее близкого нам предмета – истории и обличения расколо-сектантства.

Выходя из существенных задач средней духовной школы, мы не должны ни на минуту забывать того, что в этой школе готовятся пастыри церкви, долженствующие удовлетворять духовным потребностям народа. Эти пастыри предназначаются преимущественно для приходов деревенских или небольших уездных городов, с серым населением. Церкви столиц и других больших городов, с населением интеллигентным, аристократическим, куда поступают священниками люди с высшим образованием, в наши соображения пока не входят. Бесспорно, пастырь всякого, в частности и сельского, прихода должен получить и общее, и богословское образование; ему мало быть простым начетчиком по какой-либо специальности. Но такое теоретическое, правильно скомпонованное образование, – всякий, думаю, согласится, – может быть и шире и в несколько уже, применительно к общим задачам средней школы и к силам учащихся. Здесь можно нечто и урезать, нечто и обобщить, пожертвовав частностями, без всякого вреда: были бы *программы посильные и учебники ясные и немногословные*.

Но помимо общего, хотя бы и богословского образования, есть предметы обучения чисто практические, вызываемые жизнью и положением паствы. Не отвлеченная теория, а жизнь предъявляет

пастырям свои требования. К числу таковых и относятся научные сведения по расколу старообрядчества и по другим сектам, весьма разнообразным. Эти сведения и должна дать прежде всего средняя школа, хотя и не в полном объеме, но в такой широте, чтобы пастырь мог стоять отнюдь не ниже паствы, направляя ее умелою рукою по пути спасения.

То, что мы говорим, вовсе не новость, и к этому голосу прислушивались составители существующего семинарского устава. Во имя этого в 1891 году была образована в семинариях особая щедра по истории и обличению раскола, при 6-ти недельных уроках в V и VI классах, с присоединением одного урока по обличительному богословию, где в отдел о протестантстве входят те же почти вопросы, как и в область нашего рационалистического сектантства (молоканства, штундизма и других, более частных сект).

Насколько настоящее семинарское обучение было успешно, насколько достигало оно своей цели, каких приготавливало борцов за целостность церкви против раздирания ее сектантством, сколько овец помогло привести во двор Отчий, – это пока другой вопрос. Важно то, что созвана была задача и намечались пути для ее разрешения. Если же был и есть неуспех (что и верно), то он происходил от многих причин, чисто посторонних: от невнимательного составления программ⁴ и неудовлетворительности, при многословии составленных по ним учебников, от сухого формализма обучения, от недостатка опытного контроля, а также любви и усердия к делу и т.п. Требовалось усовершенствовать многое, не сходя с принятого пути. Так представляет дело и Св. Синод, предписавший, при пересмотре семинарских программ, руководствоваться и практическими требованиями, и соображениями. Поэтому и мы тем более имеем оснований не оставлять высказанной нами точки зрения.

Всякий, кто жила в деревне и сблизился с нею, прекрасно может видеть и знать, какими вопросами там интересуются, какие сомнения высказывают. Решения этих вопросов, разъяснения сомнений нигде, ни в какой общей науке не найдешь, кроме книги специальной. Даже широкое обще-богословское образование не поможет делу, потому что вопросы, которыми интересуется деревня, слишком специфичны, кругозор понимания веры и благочестия (что тоже, православия) слишком своеобразен. Им имеем в виду особенно деревню старообрядческую, или с ложно-мистическим пошибом. Да и не деревня только требует этого. Припомним, что и в столицах тысячи народа интересовались беседами со старообрядцами (не говоря о губернских городах), да и сейчас, думаем, поинтересуются, если толково поставить дело и задеть за живое.

Такова одна из существенных, жизнью предъявляемых, задач пастырства, к которому готовит наша средняя школа.

С положительной стороны нами высказана желательная постановка преподавания расколо-сектантства в духовных семинариях в поименованной в начале статьи «Прав. Собеседника» и мы не находим нужным повторять сказанное.

К сожалению, духовно-учебный при Св. Синоде Комитет пошел как раз в обратную сторону. Он уничтожает самостоятельную по расколо-сектантству кафедру, присоединив преподавание его к церковной истории, при трех всего недельных уроках. При этом самая программа существенно изменена по новой схеме вопросов. Программа эта нам неизвестна, и мы ничего о ней не можем сказать. Учебный Комитет делает, правда, ссылки на мнения профессоров академий, но кто эти профессора, по каким предметам и на чем основаны их мнения, тоже ничего не знаем. Из общих соображений Комитета одно видится, как будто рука специалистов, особенно практических, и не коснулась этой работы, чисто кабинетной, отвлеченной и отрешенной от запросов жизни. На одной лишь общей фразе можем несколько остановиться. Учебный Комитет делает ссылку на такой взгляд профессоров, что ознакомление с характером расколо-сектантства *одно* дает ключ к его опровержению и поможет оценить его всем учащимся, а чрез них потом, – когда они сделаются пастырями, – и их прихожанам. Так по крайней мере мы поняли заметку Комитета. Несомненно, что ознакомление с внутреннею жизнью и содержанием расколо-сектантства наглядно обнаружит его саморазложение и односторонность и шаткость тех коренных начал, какие положены в его основание (обрядовое, рационализм, крайний мистицизм). Но всего этого для человека малоразвитого, известным образом настроенного и против православной Церкви предубежденного, далеко недостаточно. При том вся эта философия (в лучшем смысле слова) и учащимися в средней школе едва ли может быть хорошо усвоена и настолько ясно представляема, чтобы проводить ее в народ; да и последний интересуется прежде всего и более всего частностями, желая понять каждую из них. Синтез ему не под силу, и он остановится пред ним, по большей мере, только в недоумении. Он просто не выразумет того, что хотелось бы ему знать до очевидности. Да и то может случиться, что многие из народа, слушая ученые соображения и указания на историческое течение жизни расколо-сектантства, могут сказать: «ты, батюшка, все говоришь от себя, а ты почитай от Божественного, а мы послушаем». Наконец, по поводу общих принципов саморазложения скажут, – что временами и бывает, – такую вещь, что, ведь, и истинное христианское (или Христово) учение породило также ереси и раздоры, приведшие к образованию инакомыслящих церквей и общин (сект). Таким образом частные задачи преподавания расколо-сектантства в средней школе духовной чрезмерно расширяются и более или менее общее, принципиально только с ним ознакомление не поможет их разрешению. С другой же стороны и

составление связной, продуманной программы вопросов, – такой, чтобы можно было обнять умом и представить более или менее наглядно, в лицах, все многоветвистое древо расколо-сектантства, от трех корней растущее, ориентироваться во всем этом хаосе разномыслий и заблуждений чрезвычайно затруднительно, а написать ясный, краткий и толковый учебник и еще того труднее. Возьмем для примера исследование проф. П.С. Смирнова: «Внутренние вопросы в расколе; для того, чтобы осветить их, потребовалось написать целую объемистую книгу, а между тем период захваченного им времени очень незначительный. За ним идут целые столетия с новыми выдвигаемыми жизнью вопросами, не менее широкими, сложными и важными (наприм., вопрос о браке у беспоповцев, исследованный покойным профессором Ив. Ф. Нильским, или об «Окружном послании» у поповцев, по которому такая масса материала собрана покойным же Н. Ив. Субботиным). Это в нашем только старообрядчестве; то же и в других сектах. Конечно, в системах излагается все это несравненно короче (одна лишь сущность), но и при этом, даже если стать на эту одностороннюю, исключительно научную точку зрения, – материала окажется множество, самого разнообразнейшего, если направить его на путь, имеющий хотя какое-нибудь практическое значение.

Мы не уверены в том, так ли поняли пояснительную заметку Учебного Комитета, и если не так, то без всякой щекотливости просим извинить нас. Впрочем, мы и ни в каком случае, но жалею о том, что нами сказано, так как оно показывает, насколько широка, сложна и специальна область даже одной истории расколо-сектантства, не говоря уже о полемическом и апологетическом разрешении множества частных вопросов: догматических, канонических, литургических и иных, без чего, как мы заметили уже, обойтись невозможно.

Переходим к последним.

И в настоящее время (при 6 недельных уроках и особом преподавателе, более или менее специалисте), результаты получаются далеко не утешительные. Вот что откровенно пишет священник, назначенный в сектантское село. «Столкнувшись с сектантами, я почувствовал всю безжизненность и недостаточность своей семинарской подготовки к *ответственному иерейскому служению* (курсив наш). Ходя по приходу с молитвой, зашел и к штундистам, года два-три совращенным в ересь. Жутко было на душе при встрече с неверным противником, но долг требовал чествовать». Затем описывается беседа. Батюшка спросил мальчика, умеет ли он креститься? «Мать подсказала сыну, что Бог не требует служения рук человеческих... Выходит брат хозяйки; он попросил показать в Новом Завете, где сказано, что христиане должны креститься? Я взял в руки священную книгу и начал в ней что-то искать, но ничего не нашел... Сектант любезно пригласил меня еще когда-нибудь зайти для

беседы, но я не воспользовался его приглашением» («Миссион. Обзор.» 1905 г., стр. 94). А между тем вопрос был еще не из особенно трудных; есть вопросы потруднее: о крещении младенцев, о призывании в молитвах святых, о поклонении иконам и мн. др. Если *теперь* обнаруживается такое сознание, слышится такая исповедь человека, по-видимому, чистосердечного, теперь, когда кой-чему еще учат и учить обязаны, то что же будет, когда и этого не будет, или будет менее, чем на половину?... Что будет, когда каждый сектант окажется более сильным расхищать стадо Христово, чем пастырь оберегать его?... Об этом стоит подумать.

И в нашем старообрядчестве тоже самое: люди совсем простые: пожалуй, даже неграмотные, – какой-нибудь деревенский Максим, или Матрена (не говоря о начетчиках) разве не могут спросить: «а что, батюшка, Русская церковь православна, ведь, была до патриарха Никона?». Батюшка ответит (и должен ответить): «да, православна». – «Но ведь до п. Никона (продолжается допрос), молились двуперсто, как и в книгах того времени писано, да и Стоглавый собор (не думайте, что Максим и Матрена ничего о нем и не слыхали) проклинал тех, которые не знаменуются двуперстно?». – Это скажут самые простыв люди, а поначитаннее добавят, что и преподобный Петр Дамаскин писал: «два перста и едина рука являют Господа нашего Иисуса Христа во едином лице, по во двою составех познаваемого», вычитают и из Иосифовской Псалтири, и из книги Кирилловой, и из книги о Вере о двуперстии (если только книги на лицо). «Почтоже», дадут вопрос те и другие, «понадобилось Никону изменять предание благочестивой церкви?». Скажет батюшка (теперь еще он может, или по крайней мере должен сказать, если порядочно учился, а при проектируемом учении что?...), скажет батюшка, что можно молиться как троеперстие, так и двуперстие и что патр. Никон желал последовать церкви греческой, и услышит замечание: «зачем же вам проклинать-то двуперстие, зачем объересять его, порочить всячески, даже *чертовым* преданием называть?» Что на это малознающий батюшка скажет, и придумать не можем (да, пожалуй, и далеко не *мало* знающий, но не учившийся специально; какой ответ на все это дать), а если что и скажет, то не последует ли других, вызванных его ответом, запросов, в деревне ходячих и известных хотя и немного начитанному старообрядцу, или просто сомнящемуся. Могут переставить вопрос (это уже завзятые начетчики: «скажите, господин, от какого святого отца приняли вы троеперстие»? Что сей «господин» скажет?... Еще: скажут (в простой деревне), что трегубая аллилуиа – латынская ересь (Стоглав), что четырехконечный крест – не Христов, а «латынский»; Христос не на двух крестах, а на одном (осмиконечном) был распят, на котором и подножие было и дщица, положенная Пилатом, – и многое, многое подобное скажут! Батюшке отвечать нужно, а он ни о чем

подобном в семинарии и не слышал, да и прочитать, на первых порах службы, если бы и хотел, – не знает где. В какое положение мы его ставим?... Подумает «умный» батюшка про себя и, чего Боже сохрани, скажет: «нечего с вами и говорить, ничего не понимаете» (и сейчас это бывает). Но ведь это никого не привлечет к Церкви и церковного не успокоит. Захочет батюшка из положения оборонительного перейти в наступательное, чтобы показать неправоту раскола с Церковью, и скажет, примерно, беспоповцу: «без! св. причащения спастись нельзя – и текст из Евангелия приведет (Ин.6), – а его у вас нет»? И с этой стороны от рядового простеца-старообрядца он услышит: «да где же нам *истинное* причастие взять? Теперь время последнее, горько-плачевное. Мы всей душой желали бы причаститься, да что поделаешь, когда нужда такая пришла, когда Никон все в церкви перевернул?!». Так скажет незнающий простец, а грамотный и несколько начитанный приведет и пророка Даниила слова о мерзости запустения на месте святе, и св. Ипполита (из сборника п. Иосифа) и Ефрема Сирина (сл. 105) о прекращении в церкви Христовой истинной Жертвы, и Толковый Апостол, и Кириллову книгу. Сумеет ли батюшка со всем этим справиться, все, как следует, разъяснить?... Для этого нужно знать, а, чтобы знать, нужно учиться, если же не научили, кто виноват будет? Не самому же, по поступлению уже на приходе, начинать с азбуки. Указанные вопросы опять далеко не из трудных, а их – целый ворох.

Можно ли все подобное, – еще не самое трудное, – осилить в школе при трех уроках? А еще дальше пойдем, до главных вожakov. «Раскол не спит, одну книгу вышибут из рук, хватаются за другую, берут отрывки из многотомных произведений отеческой письменности, растолковывая их по-своему, что чрез разные тетрадки и распространяют в народе. И со всем этим пастырю необходимо хотя несколько считаться. В Нижнем-Новгороде открывается журнал «Старообрядец», под редакцией известного Иннокентия Усова, а мы думаем «закрывать лавочку», или сокращать торговлю... Могут сказать или подумать, что, излагая примерные вопросы, мы сами их сочиняем, искусственно запутываем, вообще, фантазируем, преувеличивая их трудность, на самом, же деле прослушавший семинарский курс наук (даже по новому проекту) священник легко с ними справится, – хотя бы при помощи одной-двух книжек (наприм., «Выписок Озерского», и «Истинно древней"... м. Григория). Для убеждения в первом мы могли бы предложить пожить неделю или две в такой деревне, прислушаться к разговорам о вере войти в доверие жителей, или, если это неудобно, или не интересно, пригласить более разумных и деятельных пастырей и прямо от них осведомиться. Для разубеждения в последнем пусть каждый спросит себя самого и от себя ответ получит. А пастырям и иным, *высшее* образование получившим и высокопросвещенным, от которых много зависит судьба

школы, мы могли бы предложить на рассмотрение и частные, избранные старообрядческими современными начетчиками места из творений блаженного Иеронима, св. Григория Богослова, Феодора Студита, Викентия Лиринского, из толкования на книгу пророка Захарии – Иринея, еп. Псковского, из 11 и 12 томов «Истории Русской церкви» митр. Макария, из «Актов Юго-Западной России», «Посл. афонского инок Иоанна Вишневского» и мн. др. – учительные и исторические, избранные места, которые приводятся ими в подтверждение своих старообрядческих учений и в унижение православной церкви, или проще: – взять в руки «Деяния соборов 1666–7 годов», «Сказание о соборе 1655–6 гг.» («Слово совещательное» п. Никона, в «Скрии. Уверены, что все это и для просвещенных богословов представило бы не мало неприятных и затруднительных неожиданностей. Не к умалению чьего-либо достоинства говорим это (да не будет!), а ради того, чтобы показать наглядно, что наука о расколо-сектантстве есть широкая *специальная* наука, требующая больших сведений из разных научных областей: ориентироваться в них дай Бог и недюжинному таланту. Посему присоединять ее к другой науке значит возлагать на одного человека прямо непосильное бремя, а зачеркивать ее или полу-зачеркивать – идти вразрез с требованиями жизни.

Скажем еще немного слов о вопросах, присущих сектам мистическим. Что скажет батюшка последователям их, проповедующим человеко-обожание, когда они укажут на слова св. апостола Павла: «живу аз не к тому, но живет во мне *Христос*», – подчеркивая голосом подчеркнутые нами слова, – а вместе с ними и на слова пророка, от имени Божия сказанные: «вселюся в них и похожду», и на слова Церкви: «Христос *рождается*» (а не родился)? Что скажет батюшка в разъяснение массы выписок из святоотеческих аскетических произведений, – под которыми подпишется любой хлыст, – в подтверждение отвержения брака, окрасив их в свой специфический вид?... Мистика и аскетизм существенно присущи и христианству. В чем же разница между мистикой и аскетизмом христианским и хлыстовскими? Чем отличаются между собою христианин, озаряемый Духом Святым, и хлыстовский пророк, христианский идеальный монах и хлыст? – Последний вопрос в отвлеченном и житейском виде, с указанием скабрёзностей, предлагался нам письменно и одним из интеллигентов, по поводу нашей публичной лекции о хлыстах (напеч. в «Миссионер. Обзор.» 1898 г.).

На Орловском миссионерском съезде, в 1901 году, мы давали разъяснения этого. Но повторяем их снова, так как теперь наша цель другая.

Итак, не сокращать требуется преподавание науки о расколо-сектантстве в семинариях (да и в академиях), а усиливать и совершенствовать. Есть и особая к тому современная причина,

закрывающаяся в претензии некоторых, священников, что *они именно*, а не «какие-то посторонние» лица, «разного рода миссионеры», должны быть приходскими борцами за целостность и неприкосновенность Церкви, взять на себя *одних* эту задачу.

Но жатва многа, а делателей пока мало. Будем молиться Господину жатвы, да низведет Он *подготовленных* деятелей на ниву Свою.

Профессор Н. Ивановский

Желательная постановка миссионерской проповеди // **«Миссионерское Обозрение», 1906, № 1, стр. 16–31**

«Изучение совершившихся фактов, сравнение их между собою, определение отношения настоящего положения дел к развитию, состоявшемуся до сих пор, все это доставляет возможность некоторым образом, всматриваться в будущее, заниматься изучением вопроса вероятности дальнейшего развития... Мы приобретаем способность ответить на вопрос, что можно ожидать в будущем».
(Брикнер, в «Русск. Мысли», сентябрь. 1899 года)

Эпиграфом для настоящей статьи я взял выдержку из посмертного произведения профессора Бриннера «Война и мир», и сделал это не без цели. Вы, оо. и братие миссионеры, – представители воинствующей церкви, предводители отрядов, ведущих брань против отступников ее. По воле епархиальной власти, мы собрались в настоящее время на военный совет, чтобы выработать наилучший план кампании: подсчитать силы свои и своего противника, определить свою и его позиции. На военных советах розовые иллюзии, предвзятые мнения и замалчивания неприятной наличности отнюдь не должны иметь места. Здесь нужна одна правда, беспристрастное «изучение совершившихся фактов» и «сравнение их между собою». Это дает возможность правильно ориентироваться в своем положении и дать верный ответ, что делать, чего можно «ожидать в будущем».

Каждое административное мероприятие имеет своих убежденных сторонников и не менее горячих противников. Не без того и с нашим съездом. В самом деле, какая необходимость к его созванию? В 70-х годах главный миссионер нашей епархии, Н., в официальной бумаге сказал: «старообрядчество заметно слабеет, расшатывается». С тех пор эта фраза аккуратно повторяется 25 лет во всех годовых рапортах и отчетах по делам миссии. Двадцатипятилетнее, из года в год, расшатывание раскола должно, по-видимому, привести если не к полному падению его, то к значительному разрушению. По-видимому, остается благодарить Бога и предоставить миссионерскому делу течь так, как оно течет доселе. Но так ли это?

Я взял на себя труд определить по архивным официальным документам, сколько старообрядцев наша миссия успела обратить в

православие за последние 25 лет. Оказалось – 3.842 или немного более (разница в десятках и единицах). При этом я подсчитал, что одно братство наше израсходовало на миссию, со времени своего существования, более 100 тысяч рублей, да в запасной капитал братства духовенство епархии издержало около 100 тысяч руб., да на содержание миссионеров и прочие расходы по миссии то же духовенство израсходовало более 50 тыс. р. Итого на миссию епархия потратила за четверть века более чем 250 тыс. руб. Цифра, при вашей бедности, не малая.

Но не в деньгах только дело. Во что мы оценим моральные издержки десятков и, быть может, сотен тружеников, которые входят в непосредственное столкновение с старообрядчеством? В моих руках перебивало много великих и малых дел по здешней миссии, отчетов, рапортов, донесений и т.п. В них обычно господствует сухой деловой тон... Но вдруг среди серенькой, сумрачной атмосферы официальности блеснет искрометным метеором тирада, фраза, иногда одно восклицание и осветит в далекой перспективе глухих дебрей положение воина Христова: *он ранен и не всегда вражьей пулей*. «По независящим обстоятельствам» разбились в прах его лучшие чаяния, и вместо желанной удачи предстоит отступление. Видно, что человек задет за живое, душевный покой его нарушен... Для иллюстрации я мог бы назвать не одно имя из здесь присутствующих, но воздержусь, следуя пословице: «*nomina sunt odiosa*», – к тому же я не панегирик пишу кому-либо, а лишь определяю, насколько выгодно пущены в куплю духовно-материальные «мнасы», согласно завету Спасителя. Оказывается, не особенно выгодно.

Мы сказали, что число обращенных за последние 25 лет выражается в цифре 3.842. Нельзя сказать, чтобы цифра почтенная, но беда в том, что в значительной доле она сомнительная... Но будем более оптимистичны и доверчивы; примем цифру 3.842 за достоверную, предварительно исключив из нее 134, положительно известное число вновь уклонившихся за последнее десятилетие. Абсолютная цифра обратившихся будет – 3.708, т.е. в процентных отношениях это равняется 0,21 проц. за год, если среднее количество старообрядцев в епархии за 25-летие выразить в цифре 70 тыс. (в 1874 г. в круглых цифрах – 57 тыс., в 1899 г. – 80 тыс. Соображаясь с земской статистикой, я не без вероятия считаю эти цифры ниже действительных). Меж тем по статистике известно, что естественный прирост населения в губернии равняется ежегодно в среднем 1,32 проц. Таков же приблизительно и прирост старообрядцев. Итак, в то время, как миссия обращает 0,21 проц. последних, естественный прирост увеличивает их на 1,32 проц., иначе – один обратится, а 6–7 родится. При такой пропорции положение нашей миссии напоминает былинку о том, как перевелись богатыри на русской земле. Выехали они против вражьей силы и схватились с ней. Одним взмахом плеча какой-нибудь Алеша Попович или другой богатырь перерубит врага; вместо него стало два, –

перерубит десяток – стало двадцать. И так сила вражья все росла и росла. Не выдержали богатыри, прибежали и превратились в камни. Конечно, к столь грустному концу собирательный богатырь – наша миссия никогда не придет, ибо она служит Церкви, коей «врата адовы не одолеют», но за то и что толку истощать и духовные и материальные средства на бесплодный моцион пресловутой белки в колесе? Явное дело, что в нашей миссии (да и в нашей ли? так по всей России...) что-то неладно.

Я позволю себе сказать несколько слов, не как учащий, по выражению Афанасия Великого, а как вопрошающий.

На старообрядчество можно смотреть или более как на заблуждение ума, или более как на заблуждение воли. Смотря по тому, какой взгляд практически перевешивает, такой характер принимают и миссионерские мероприятия. К сожалению, у нас фактически перевешивает первый взгляд, быть может, подкупающий тем, что его легче применить к жизни. Отсюда в вопросах миссии первый вопрос о «беседах»; отсюда наши «беседы» с характером академических диспутов; отсюда тип миссионера, который прежде всего мыслится, как человек, разъезжающий по деревням и селам с огромным возом огромных книг, чтобы делать известных людей «безответными»; отсюда в кандидатах священства в приходы, где есть старообрядцы, гнетущее чувство беспокойства и первый вопрос, что им сказать в «обличение» заблуждений (как будто идут на экзамен). Отсюда и вся наша противораскольничья литература что собой представляет? коллекцию сухих, академических, безжизненных брошюр, рассчитанных на сухой педантический рассудок, в которых напрасно искать того, что невольно пленяет воображение и сладко волнует сердце высокими картинами христианской любви и братолюбного единения во Христе, Спасителе нашем.

Все это я говорю не к тому, что не надо лиц и книг, специально занимающихся старообрядчеством, а хочу сказать, как при одностороннем понимании, принципе сами по себе хорошие вещи занимают не должное положение и приобретают не такой, какой следует, характер, а потому являются малопродуктивными. Сейчас это выяснится. А прежде скажем о втором понимании старообрядчества, как заблуждению воли.

Кто будет отрицать, что на самых удачных беседах, когда вы, как $2 \times 2 = 4$, доказали правоту своих положений, когда и противники ваши согласились с этим, однако кончалось дело тем, что «побитые» старообрядцы апеллировали к вере своих отцов: «так наши родители веровали»? Разе не приходилось мне самому встречать «Грачевых», которым говоришь, доказываешь, а он копается в книге и не слушает. – Что же ты не слушаешь? – говоришь ему. – Слыхал я! Тоже и Павел Пруссский говорил... – Ну, что же? – А вот послушай, я тебе прочитаю... – И пошел не к делу читать... – В 1889 году такой «Грачев» явился ко мне

на квартиру с одним руководством по обличению старообрядчества. «Тут ересь», – сказал он, ткнув в книжку. Я стал разбирать. А он перескочил на вопрос о перстосложении и начал делать возражения, которые были просто подвохами. Когда я парировал их, он хитро подмигивал и повторял: «а, знаешь»!... Когда я, наконец, укорил его за это, он только захихикал. Я повернул его на «ересь» в руководстве, показал ему в старой книге, что текст, в чем он ересь усмотрел, и здесь приводится в таком же урезанном виде. Кажется, ясно. «А все же ересь»! – решительно сказал он и вышел. Вы, оо. миссионеры, говорите в своих рапортах, что таких-то и таких-то удерживают в старообрядчестве материальные интересы, родные и т.д. Скажите, что это значит? что недугует здесь? Ведь эта преднамеренность, это – «а все не ересь», эти «подвохи», эти ссылки на верования отцов и дедов, этот перевес материальных интересов над убеждением ясно говорил, что здесь недугует не то, что ум, а и воля. Вот к этому я и веду дело. На раскол, как и ересь, должно прежде всего смотреть, как на заблуждение воли. Этому научает нас сам Христос, когда «еретика человека» называет «развратившимся», и Ап. Павел, который ереси и расколы относит к делам плотским, т.е. ореаде всего к поведет» (Гал.5:20). Всякая вероисповедная рознь не есть только разномыслие, но в то же время и вражда, так что в этом случае «и врази человеку домашние его» (Мф.10:36). *А так как ум «диктует сердце», то и надо прежде всего примирять не разномыслие, а сердечную рознь, врачевать волю и сердце.* Иностранцы это отлично понимают, почему их миссии, сильно осуществляющие этот принцип, дают более плодотворные результаты. У нас этот принцип, пожалуй, и создается, но в практике применяется очень слабо, а главное – больше случайно, а не систематически, или потому, что это дело более кропотливое, или потому, что не достаёт опытности к надлежащей традиционно-выработанной тактичности. Отсюда в нашей миссии нет уравнищенности и чувства меры. Хорошо пишет о. Ф. Т-й: «Разглагольствовать о перстах, поклонах и т.п. не значит бороться с старообрядчеством. Понимать так дело миссии значил понимать его узко... Таково мнение миссионера-практика: дело миссии понято «узко», главнейшие – с интеллектуально-теоретической стороны.⁵ Мы больше лечим голову отступника, забывая, что он весь болен и упорнее всего болен волею, сердцем, – и значит надо лечить всего человека, а не один ум, нужно лечить волю и сердце. А эти силы души лечатся не столько «разглагольствованиями», по старой терминологии, или «беседами», по новой терминологии, а делами. Не подумайте, что я хочу читать мораль на тему о личном поведении и недостатках миссионеров. Нет, этот прием слишком избить, чтобы повторять его, да и кто я такой, чтобы «судить других». Я хочу сказать, что уврачевание воли и сердца требует целой системы воспитывающих средств, дел и мероприятий. Борьба с старообрядчеством прежде всего

должна превратиться в организованное служение среди заблудших милостыней, школой, братолюбным общением и пр.

Применение указанного принципа должно резко изменит характер нашей миссии. И даже те, что останется от нее из старого, примет другой облик. Возьмем «беседы» и миссионеров, разумею не присяжных только, а и духовенства, и вообще всех лиц, ведущих борьбу с старообрядчеством. Прежде всего, – «беседы» диспуты, споры должны перейти с привилегированного места на более скромное и принять другой характер. Они должны быть беседами в собственном смысле, задушевными и мирными, каковое, к слову сказать, название не совсем теперь идет к их полу-боевому характеру.⁶ Они не должны носить исключительно характер диалогов на полемическо-апологетические темы; но быт в народном духе речами на тему о «божественном» вообще, не приспособленными к полемико-апологетическим целям. При этом школьная сухость, мертвенность и педантичность должны быть из них изгнаны, они должны быть интересны, живы и задушевы. Тема их должна быть строго сообразована с настроением слушателей, с тем, что в данное время интересует и волнует, а не так, как теперь. В дереве голод, ребяташки мрут от эпидемической болезни, падеж скота, обгорелые дома... Приехал миссионер и началось: «не возмогоша иереи Его"... «Церковь Божия есть собрание"... «идеже иереи"... и пошел, и пошел... Не спорю, старообрядец будет все это слушать и даже горячо станет спорить, но не туда тянет его сердце, не то хотел бы он слышать. И он спорит, спорит с ожесточением об иерархии, кресте и пр., но, сам того не замечая, спорит не для выяснения истины, а лишь для того, чтобы сорвать на ком и на чем-нибудь редкую обиду жизни. При таком настроении трудно столкнуться. И я уверен, что какой-нибудь сектант пропагандист не с того бы начал. Он начал бы с злобы дня, и жалостливыми рассказами на эту тему истерзал бы сердце слушателей и не одну бы бабу заставил разрыдаться, а потом уже перешел бы к предмету своей пропаганды, не переставая и тут напоминать о «тяжких временах». И такая беседа была бы действенна. Да мне думается, что нам в этом случае не мешало бы поучиться у тех святош, которым с благоговением по деревням внимает народ. Эти субъекты – больше знатоки народной психологии. Если бы постараться, я смог бы набросать вам тип странника-собеседника. Он хорошо описан в нашей беллетристике. Но лучше воспользуюсь живым примером.

Насадителем раскола в дер. Ш.Я. уезда был крестьянин Шаманов. Бродник и странник, он нашел себе пристанище у одного крестьянина и с его дома начал свою пропаганду и еще немногих лиц. Все «Шамановы» обыкновенно всегда начинают с маленького общества, и не из боязни только полиции, но еще потому, что прекрасно понимают, что влиять на большую толпу, с чем у нас не принято считаться, могут только

исключительные личности. Как же Шаманов начал свою пропаганду? Он не начал, как говорится, с тирады, что де «жена побеже в пустыню» и в этом роде. Нет. «как человек бывалый», он начал «рассказами» о своих путешествиях по святым местам, что так любит наш народ. Воображаю, как он мешал тут быть с небылицей до «трубного гласа» включительно Горбуновской чернички-страницы!... Но для невзыскательных слушателей Шаманова это было, конечно неважно. Важно, что рассказ был занимателен, умилителен и «о божественном». Шаманов достиг своего: он овладел вниманием своих слушателей и приобрел авторитет, ему верят. Затем Шаманов перешел «к чтению книге религиозного содержания». Это не были книги сухого, скучного содержания, вроде изложения наших противораскольнических бесед, «свидетельств о имени Иисус», «об аллилуйи» и в этом неинтересном роде, что мы пускаем в оборот среди простого народа и что, по вашим же, оо. миссионеры, словам, со слов того же народа, «надоело ему». Нет, Шаманов понимал, что этим пока испортишь дело. Он читал «рассказы о святых местах и угодниках Божиих», т.е. опять книжки, наиболее приятные народу. Воображаю его сокрушенные вздохи, своеобразные комментарии, приспособленные к целям пропаганды, и ответные сочувственные вздохи слушателей. Набожный человек, занимательный чтец и рассказчик, Шаманов стал дорогим гостем, сведущим человеком, к которому можно обратиться за разрешением недоуменных вопросов. Изба хозяина стала переполняться слушателями. Вот после такого пролога Шаманов и приступил к главной задаче своей, и то не вдруг. Сокрушенно начал он речи о тугих временах и незаметно свел, что де «настали времена антихриста». Эсхатологические вопросы как-то всегда притягивают к себе внимание верующих, но особо захватывающий интерес они приобретают, когда поставляются в связь с наболевшими ранами сердца народного. Как видим, Шаманов это и сделал. Не трудно себе представить сумрачные лица мужчин, разинутые от любопытства и страха рты подростков, подернутые печалью и влагой глаза баб с подпертым рукою подбородком, глаза, из которых, быть может, не одна слеза скатилась во время рассказа. Шаманов свое дело сделал. Прочно насадил старообрядчество, которое существует и доселе.⁷

Теперь для параллели я приведу другой эпизод. Был у меня один священник, в приходе которого есть большая деревня поморцев, «злых» как он выражается. На эту деревню победным соколом налетел энергичный миссионер; разогнул книги; открыл публичную беседу и разбил начетчиков наголову, так, что по словам батюшки «им нечего было сказать». Кажется, чего лучше! Но у старообрядцев осталось, что сказать: «вздую его, братцы, чтобы не ездил более». При нашем строе миссии этот миссионер поступить иначе и не мог, он сын традиционной системы, и нужно отдать честь его самоотвержению и мужеству. Но здесь вот в чем вопрос: почему у Шаманова один результат, здесь другой? Ясно, в методе.

Шаманов видел, что ловкость диалектики и тонкость анализа запутанных вопросов и текстов – не для большой публики, она плохо в них разбирается. Он понял, что толпа требует того обязательного и реального, что бьет по нервам и сердцу. На нервах и сердце он и разыграл свою пьесу и, как видно, удачно.

Отсюда вывод. Миссионер – диспутант, спорщик, с которым старообрядцу боязно и говорит, должен перестать считаться идеалом миссионера и что пора перестать судить о его достоинствах по количеству им веденных диспутов и числу им оставленных «безответными». Этот тип миссионера сослужил свою историческую роль и теперь должен быть оставлен лишь про запас, на случай нужды.

Он возник в ту пору, когда не только люди со средним, духовным образованием, но и с высшим, едва о старообрядчестве слышали, а в поленике и вовсе ничего не смыслили, потому что ее и не было, – когда апологеты старообрядчества чувствовали под собою почву и открыто царили, не встречая себе оппонентов. Сбить их спесь, поднять престиж церковного учения и нужны были миссионеры-диспутанты по преимуществу, по преимуществу нужны были публичные диспуты, чтобы всенародно показать ничтожество раскола, чтобы оставить последний «безответным». И тогда это было очень удобно делать и ко времени. Тогда вопросы миссионерской полемики дышали интересом и свежестью новизны, тогда старообрядцы самонадеянно валом-валили на беседы, собиралось народу чуть ли не тысячи, бойцы-начетчики и бойцы-миссионеры нарочито выписывались; публике эти бои доставляли удовольствие. Ныне уже не то. Бои эти теперь почти утратили свой захватывающий интерес, к ним привыкли, их видали и знают. Старообрядцы неохотно идут на них, а придут, так плохо и разговаривают.

Я не то хочу сказать, что не нужно совсем полемики, она нужна по временам и местам, но также очевидно, что характер ее нужно видоизменить, а боец-миссионер должен уступить свое место миссионеру-тактику, духовному инженеру-зодчему, который и может проникнуть в недоступное убежище души старообрядца и там основать свою военную базу. Опыты в этом роде кое-где бывали и не без успеха.

В N губернии есть село, жители которого – православные и старообрядцы. Дело относится к началу 80-х годов. Батюшка – немолодой, полемики не знает. На должность сюда поступает молодой псаломщик из кончивших курс семинарии, который краем уха слышал про полемику; такова же из кончивших курс сельский учитель. Они образовали с священником кружок для борьбы с старообрядчеством. Стали подучиваться. А меж тем повели дело примерно так.

– Уф! устала, дедушка! – говорит учитель, возвращаясь летним вечером с поля старику-старообрядцу, благодушно засевшему на заваленку. – Дай отдохнуть!... А хлеба того... плоховаты. – Что говорить...

Да... – А вот я читал... – И пошла беседа про урожай, Царя и т.п. Стали приятелями. – Иван! – говорит батюшка старообрядцу, – наслышался, нуждаешься в сене. Не хочешь ли займы?... – Счел долгом поздравить вас, Петра Козьмича, с великим праздником, – говорит тот же батюшка, входя в дома. местного купца старообрядца, возвратившегося из Москвы. – Очень приятно. – Не побрезгуйте нами, – говорит, уходя, батюшка... – Дальше да больше, стали похаживать друг к другу; «кружок» привлек к себе вожakov старообрядческих. От житейских разговоров перешли к вопросам о вере; стали собираться по вечерам, друг у друга и мирно, как друзья, разбираться по старым книгам. Ни раздражения, ни крику... И вот контраст. Узнал про это епархиальный миссионер; приехал; объявил публичную беседу; разогнула, книги, привезенные с собой. И что же? Как будто бес вселялся в тех же старообрядцев: да, нет и т.д. Побился миссионер и уехал. А ему вслед: «видали мы вас»!... Не знаю, существует ли этот кружок теперь, но на ту пору, в 80-х годах и даже в начале 90-х, он многих из этого прихода обратил в православие.

Привожу это к тому, чтобы показать, чем отличается характер деятельности миссионера-совопросника и миссионера-тактика. У первого для борьбы одно средство – слово, обличение, которое не всегда имеет способность попадать в ум, а тем более на сердца слушателей, и главный вопрос у него, что она скажет. У второго проступавши в приход первый вопрос о том, как она будет жить с старообрядцами; поэтому орудием борьбы у него является сложная система дел и отношений, захватывающих личность старообрядцу всесторонне. Наипаче всего здесь, конечно, полезны дела любви христианской, дела милосердия. При одностороннем характере строя нашей миссии это средство остается в удивительном пренебрежении. Слышатся опасения применят это средство: что скажет пресса, что скажут старообрядцы!... Извините, господа! Подражать Фамусову нам не приходится и не следует разделять его страхи: «как взглянет свет». Важно, чтобы наш чужд был иезуитский принцип. Мы должны знать одно, что Юлиану Отступнику христианство было страшно своей благотворительностью, – что русские древние братства весьма и весьма не пренебрегали этим средством, Миссионер – тактик не пренебрежет этим средством. Напротив, оно будет в его руках мощным орудием влияния на старообрядцев и предохранять православных от уклонений от Церкви.

Скажите, разве это нормальная постановка миссии при таких, напр., фактах? Старообрядка присоединилась к православию «по своему искреннему убеждению», а дочь свою отдала на воспитание старообрядцу и отказалась присоединить ее потому, «что она для себя одной с трудом снискивает хлеб, а если взять к себе дочь, то вовсе должна будет иметь крайнюю нужду в нем». В 1895 году этой девочке минуло 12 лет. Священник убеждает, ее присоединиться к православию; та, очевидно с

чужих слов, заявляете, что «она ни по каким увещаниям своего воспитателя никогда не оставит; а в случае, если ее силой принудят принять православие, наложит на себя руки». Не драма ли это? К чему после этого все наши беседы-диспуты? А будь на других началах наша миссия, ничего подобного не могло бы быть. И разве позволила бы себе допустить что-либо подобное, напр., католическая миссия? Никогда! А меж тем у нас становится возможным то, что сообщает по этому случаю местный священник: «поселок (где было дело) посредством таких усыновлений наполовину сделался жилищем раскола с недавних годов». Вот, вам и «беседы»! И один ли поселок этот? Из консисторского архива у меня выбрано много подобных, же дел, как бедняки, сироты – дети подростки делаются добычею раскола или путем усыновлений, или батрачества в домах старообрядцев с малых дел, или путем сбирания у старообрядцев милостыни.

А. присоединился из даниловщины и хочет жениться на Д. Это возбуждает страшную злобу в однодеревенцах-старообрядцах. «Смотри ты, кричит проезжающему священнику старообрядец, – не венчай Агапа с Дарьей... Нам в деревню не надо мазаного и венчанного в вашей церкви. Смотри, тебе говорю, слушай меня, а не то»!! Остальное доканчивает кулак, от которого священник увернулся, пустив лошадь вскачь. Агап, однако, женился и вскоре поплатился. Собираются 10 человека старообрядцев, в числе них «соцкий» с бляхой (старообрядец), врываются в дом «с чем попало в руках» и начинают жестоко бить Агапа; вытаскивают его за волосы из избы на двор, «долго» топчут ногами, бьют поленьями, ударяют «подостренными палками между ребер» и наконец бросают, когда заметили, что человек не дышит. Агап очнулся лишь в доме священника. Целый день потом он был не в себе. Бессознательно водил она мутными глазами вокруг и в ужасе вздрагивал при каждом стуке. «Ой, убили!... ой, убили!... – как бы в бреду повторял он коснеющим языком. Священник, доносивший об этом, сказав, что в продолжение 16 дней невозможно было добиться, чтобы полицейские местные чины обратили внимание на это дело (эти нарочно уклонялись), замечает: в поселках, где старообрядцев больше, чем православных, «последние в угнетении всегда». И мы после этого удивляемся, как это и почему все наши «беседы», и «увещания» остаются бесплодны?! Люди по рукам к ногам связаны тысячью нитей, а мы увещеваем их: «встаньте и идите к нам», да еще грозим, что иначе они «во озеро огненное ввержени будут». У человека «подостренной палкой» подсчитывают ребра, а мы подсчитываем ему листы, по силе которых он должен к нам присоединиться...

Итак, не оставляя системы слева, надо перейти к системе дела. Не спорю, система эта трудная и требует коллективной рациональной

организации. Но что же делать? Надо стараться, если не хотим прийти к гораздо худшему банкротству.

Здесь нужны сродства, в том числе денежные, и немалые. Где их взять?...

Но что делают в пользу миссионерского дела наши богатые монастыри? Ровно ничего. Братские суммы на миссию собираются из кружеч бедных сельских церквей и карманов мирян, а монастыри копейки не жертвуют. Со страхом обходят их старообрядцы, как вражеский стан. Но ведь те же старообрядцы шли к Серафиму Саровскому, к святителю Тихону. Почему? Потому что они были родником «живой воды», той деятельной христианской любви, которая все живое объемлет своим благоволением – благодатный и «благодатные», – которая братолюбно подает реку помощи «всякой душе скорбящей и озлобленной, помощи Божией требующей». И всякая душа христианская, поэтому, к ним шла, как жаждущий олень на воду. С этой стороны должны ныне заявить себя монастыри, и не в виде только жертвований, но главнейше деятельным служением среди заблудших делами милосердия. Где не встретишь «сборщиков» от монастырей? Но что они делают, бродя по миру, кроме выпрашивания денег? Меж тем это мог быть хороший материал для миссионерских целей. Обличьем и повадками они точь-в-точь те же старообрядческие «странники», что бродят из деревни в деревню, усердно и успешно сея свое семя, – они обладают способностью последних проникать всюду и овладевать вниманием наивных слушателей. К сожалению, их никто не подготовит к более идеальным задачам, чем коммерческие. Иначе они сделали бы свое дело. В войсках существуют «учебные команды», где невежда крестьянин превращается в грамотного. Почему бы подобным же «командам» не быть в воинстве монашествующих? Лоснящиеся, упитанные, не знающие, куда израсходовать свою молодую энергию, монастырские послушники и многие из братии являются прямо балластом в аскетической дисциплине, который лишь вредоносно переполняет корабль Божий. Образуйте из этих людей «учебные команды», учите их «служить слову» и делу христианского братолюбия, и потом посылайте их в мир для христианской практики, дабы каждый из них по мере сил «созидал ближнего своего». Голод где – посылайте их открывать на монастырский счет столовые вместе с монашествующей братией; эпидемия – пусть служат больным на домаж, в больницах и врачебных пунктах; псаломщик, священник нужен в приход, а никто не идет туда, – посылайте способного и т.д. Во всех этих случаях обученный миссионерскому делу принести может большую пользу.

При имени Серафима Саровского и святителя Воронежского мне припоминается другой величавый образ в перспективе прошлого – св. Димитрий Ростовский. Любопытное дело! Он обладал большой

миссионерской эрудицией, долгое время он был в постоянном общении с старообрядцами и, не взирая на это, для них он остался далеким и чуждым; несимпатию к нему они передали в потомство. Он был один из родоначальников и представителей отживающей теперь миссионерской системы, системы книг и спора, т.о. только, так сказать, теоретической стороны дела, практически подкрепляемой административным воздействием. Уже в лице его такая система обнаружила свою непрактичность. Однако по инертности долго следовали ей и даже развивали, но дело плохо подвинулось. Мы ехали на одном колесе, потому и не уехали далеко.

Не пророчествую, но гадаю, что не за горами то время, когда вопрос о православии может быть поставлен ребром и в более широком масштабе. Боюсь, что мы не сумеем *всесторонне* ответить на него. Поэтому поспешим обдумать его, пока время.

А. Одоев

Стремление к патриархату у старообрядцев // «Миссионерское Обозрение», 1906, № 1, стр. 32–54

I.

Патриархат представляется необыкновенно ценным решительно для всех старообрядцев, и для поповцев, и для беспоповцев; не утратил он своего значения и для многих православных. Но с словом «патриарх» у беспоповцев, поповцев и у православных соединяются совершенно различные понимания и представления.

Для всей беспоповской ветви старообрядчества патриархат является необыкновенно светлым и высоким праздником отдаленного прошлого, решительно невозвратимым ни в настоящем, ни в будущем. «Цари и патриархи в истине пребывали, церковь чистотой сияла, небесная благодать воздух и землю напояла», – так рисуется беспоповцу до-никоновская церковь. И те времена представляются его воображению необычайно-величавою жизнью: «и цари, и патриархи, и прочие духовные лица, и вельможи, простые смертные, и богатые, и нищие, совершая свой, каждому предназначенный, земной подвиг, готовились к небесному блаженству; все звания и состояния были благословенны Господом и людские дела, совершающиеся вокруг храма и во имя Христово, были плодами благодати Божией и вся русская жизнь была одною сплошною таинственною лестницей, по которой и цари, и простые смертные восходят к Богу». Такое идеальнейшее представление прежней жизни отчасти свойственно русскому человеку вообще. Но у беспоповца оно получает особо сильную и особо яркую окраску. Настоящее положение, наступившее со времен Никона патриарха, беспоповцу представляется исключительно «темным» и решительно мрачным; по его пониманиям не только нет, но и не может быть прежней блестящей жизни, нет данных для этой жизни – ни сияний благодати, ни царей, ни патриархов, ходящих в истине и украшающих собою, своими высокими званиями и соответственными этим званиям необычайно чистыми и святыми делами земную жизнь, пестрящих ее, как поле – прекраснейшие цветы. Со времен патриарха Никона, по понятию беспоповцев, благодать Божия на «небо взята» и на земле окончательно воцарилась ложь. По сравнению с этим черным фоном, прежняя жизнь и должна беспоповцу представляться в необычайно-торжественном виде. И он рисует ее с силою, соответствующею силе его религиозного воображения.

Быт, духовно-нравственный и социальные понятия беспоповец созидает на своих основных, сейчас указанных, религиозных представлениях. Истинная, высочайшая жизнь, по его пониманию, была тогда, при «православных царях и патриархах», теперь же она представляется делом неосуществимым; также несбыточна и свобода, в

особенности свобода верования, верования беспоповского. «Мир поработен ложью, в нем господствует антихрист». Эта темная власть неустраима, и свобода принадлежит только ей, одной ей. Истина же «скрыта» и ни о какой ее свободе не может быть речи; по самому своему существу истина не может быть госпожою, светочем мира, а потому не должна быть и свободною. Вследствие этого принципиального воззрения у беспоповца не может быть и мысли о свободе его верования или мнения, так как существеннейшим признаком своего верования он сам признает именно «несвободность».

Беспоповец может возмущаться гонениями против себя, восставать пропив них или каким-либо способом устранять их. Но эти гонения его уму представляются только отдельными неприятными фактами, которые могут быть и не быть, или которые могут быть направлены в иную сторону, мимо его личности. Исходное же начало этих гонений он признает неизбежным, роковым, никакою силою неустрашимым. И его мысли чуждо самое понятие о свободе своего верования, и представление об его господстве. Беспоповец не может представить, что его учение сделается общераспространенным, господствующим; принципиально не может сделать этого, потому что в случае такого господства он неизбежно вынужден будет отказаться от самого основного своего учения, учения об антихристе. Беспоповское верование, по самой своей сути, должно быть гонимым и если бы сделалось свободным, то перестало бы быть тем, что оно есть и чем должно быть. В признании *гонимости* своего верования коренится существеннейшее начало психологии беспоповца. Это начало или эта психология с особою яркостью обнаруживались тогда, когда беспоповские общины достигали весьма цветущего состояния и значительной свободы.

II.

В первой половине XVIII ст. Выговский поморский скит, являлся господином почти всей беспоповщины, распорядителем ее судеб и верховным бесконтрольным учителем; его миссионеры колесили Волгу, Каму, Вятку, Урал, и Сибирь на востоке. Дон на юге, Днепр и Вислу на западе; его начальники пользовались особым титулом «еклесиарха», напоминающим титул патриарха, а по филологическому смыслу и высшим его: патриарх – только начальник, отцов, а еклесиарх – начальник церкви. Несмотря на такое значение Выговский скит исчах, погиб без борьбы, умер медленною старческою смертью. Он не перенес собственной тяжести, своей высоты.

Взамен отринутой православной иерархии, в Выговском скиту измыслили свою собственную, хотя и под другим именем и под иным видом, но весьма прочно поставленную и строго организованную, действительно руководившую духовною и умственною жизнью своей общины, и имевшую во главе одно авторитетное лицо – «еклесиарха», из

коих некоторые пользовались таким значением, какое редко выпадало на долю архиереев. Со стороны чисто административного строя, быта общественного и домашнего, богослужебного устава, правил личного поведения во всевозможных случаях и отношениях эта беспоповская община представляла собою удивительно стройное, логически точное и этически красивое построение, полное ума и воли, жизни и деятельности. До сих пор она служит неподражаемым образцом для всех беспоповских общин, да и на поповщинские общины она так или иначе оказывала свое влияние и даже современная австрийская поповщина во многих отношениях является ее подражательницей. И при все этом община погибла без следа, без всяких остатков. Иначе и быть не могло, потому что ее расцвет и ее сила сами собою показывали лживость ее основного начала – учения об антихристе и о наступившем всеобщим духовно-религиозном мраке?...

Такое же явление наблюдается и в судьбе московского Преображенского кладбища, за первую половину прошлого столетия самой богатой и самой благоустроенной из тех старообрядческих общин того времени. Когда здесь, еще при Ковылине, освящали главную часовню, построенную в виде благоустроенного роскошного храма, хотя и предназначенную для простого беспоповского богослужения, один из присутствующих наставников, собранных по случаю необыкновенного торжества чуть ли не со всей России, заметил Ковылину, что таких моленных, напоминающих храмы, беспоповцам иметь не подобает, ибо храм уже сам собою напоминает о цветущем состоянии веры, а не о временах антихристовых, скорбных, горько-плачевных. За эта вполне согласные с беспоповским духом слова наставник поплатился жизнью: в тот же день он был убит по приказанию Ковылина. Наставник был прав, он сказал то, что в глубине души носит и чувствует каждый беспоповец, и эта правда необыкновенно глубоко задела Ковылина. И Ковылин был прав, он созидал цветущий центр беспоповщины, «сион», свидетельствующий о торжестве беспоповского верования, и в его уме простые слова простого наставника прозвучали силою страшного грома, дали ему почувствовать, что он, стремясь к торжеству своей веры, разрушает корень этой веры. Ковылин ясно увидел, что он идет наперекор своей собственной вере, самому себе и, убивая наставника, не остановился в этом движении, он как бы сказал сам себе: «пусть теперь времена антихристовы, но мы великолепным образом устроимся; пусть по нашему собственному закону мы не должны иметь храмов, не должны торжествовать, но мы создадим храмы и устроим праздники». Это – титанический, неисполнимый замысел: никакой дух не может уничтожить самого себя. И Преображенское кладбище этим самым замыслом обрекалось на неизбежное разрушение. К половине прошлого столетия оно достигло высшей точки своего развития: в глазах федосеевцев оно сделалось

святым местом; звон его колоколов, торжественные служения наставников-простецов для федосеевцев были тем же, чем колокола Ивана Великого и митрополичье служение в Успенском соборе для православных: его главный наставник получил значение патриарха, воля которого признавалась законом, а благословение священным; федосеевец, умирай где-нибудь в сибирских лесах, вспоминал о кладбище и благословении, когда-то здесь полученном не с меньшим умилением, чем и православный об Иерусалиме и благословении, полученном от патриарха при гробе Господнем иди на берегах Иордана. Духовным лицам федосеевства не доставало только ясных иерархических титулов и золототканых одеяний; религиозно-нравственного значения иерархических лиц они достигли вполне. Никакого отсутствия у себя священства федосеевцы не замечали, о неимении таинства причащения не вздыхали и никаких горечей антихристовых времен не чувствовали. При всем этом кладбище пало и в настоящее время ему остается одно – как можно дольше протянуть свою предсмертную агонию. Правда, оно было урезано административным порядком: в 1853–54 гг. его главарей разметали, его главным часовни были обращены в единоверческие церкви. В то же самое время Рогожское кладбище потерпело не меньший урон и к настоящему времени оно не только оправилось, но и приобрело значение, которого не могло иметь раньше. Административное вмешательство только спасло Преображенское кладбище от более сильного поражения, ему угрожавшего: его сыны, новожены-брачники, отделились от него и стремились превратить его из центра федосеевщины в центр совсем иной религиозной общины и несомненно достигли бы своей цели, не помешай правительство. Кладбище должно было пасть в силу того, что его цветущее состояние нисколько не соответствовало основному началу федосеевщины, и административная урезка привела его только к нормальному состоянию. К концу семидесятых годов кладбище оправилось, опять было расцвело и снова было поражено внутренними раздорами и без всяких административных воздействий потерпело такое поражение, от которого никогда не оправится. Всякое движение кладбища вверх только обнаруживает несостоятельность его внутреннего начала и приближает его к окончательной гибели.

Беспоповщина зиждется на учении об антихристе, на признании гонимости своего верования и в то же время высшим выражением жизни ставит идеал патриаршества и, сознавая свое внутреннее бесправие на этот идеал, невольно, инстинктивно стремится к нему. В этом обнаруживается ее внутренняя несостоятельность, и чем она ближе и полнее достигает своей намеченной цели, тем скорее и глубже приближается к своей гибели.

III.

Совсем иную стихию представляет собою идеал патриаршества в австрийской поповщине. По своему внутреннему содержанию идеал этот и здесь является тем же, чем и у беспоповцев, тем же выражением полноты и свободы религиозной жизни. Раньше, во времена беглопоповщины, поповцы держались того же учения об антихристе, так и беспоповцы, и тоже признавали свое учение гонимым по существу. Появление же австрийской иерархии произвело глубокий перепорот в самых основах, скрытых тайниках поповщинской мысли: от учения об антихристе среди австрийской поповщины в настоящее время остались лишь мелкие осколки, тщательно и энергично выметаемые передовыми людьми этой общины; от признавая своего верования гонимым не осталось мало-мальски заметного следа. Поповцы и в настоящее время, пожалуй, считаю свою общину гонимой, и явление это признают случайным и временным, но никак неотъемлемым признаком своего верования. Для беспоповца гонимость его верования является существеннейшим содержанием этого верования, выражением его религиозности, для поповца лишь политическим актом. Самое же учение поповец мыслит внутренне свободным. Таковым его и нужно признать. Беспоповщина зиждется на учении об антихристе и о всеобщем духовном мраке, в этих само-измышленных положениях видеть враждебную силу, превосходящую ее собственные средства и добровольно подавляется этой силою, так сказать, связывается ею по рукам и ногам. Поповщина ничего подобного не имеет и никакими учениями о предметах посторонних (об антихристе и т.п.) себя не ограничивает.

В своем существеннейшем основании австрийщина исповедует общехристианское учение, в догматике держится соборных определений и преданий восточной церкви, в обрядах и богослужении подражает обычаям русской церкви до Никона патриарха, в общинном строе согласуется с началами, вырабатываемыми современною русскою народною жизнью. Все это австрийскую поповщину резко отграничивает от всех прочих старообрядческих согласий, пропитанных учением об антихристе или началами протестантскими. Чрез это же самое австрийская поповщина с видимой стороны приближается к православной церкви. Сами австрийцы уже давно указывают на то, что их богослужение и общий строй жизни почти ничем не отличаются от православия; что это различие, если и существует, столь с внешней стороны незначительно, что ощутимо только для некоторых избранных – знатоков и православия, и старообрядчества. И по отношению к общей культуре австрийская поповщина не является темною силою. Высказываемый некоторыми взгляд, что старообрядчество по самому существу не способно к культурной жизни и что культурные начала неминуемо должны раздробить и уничтожить старообрядческие, неправилен сам по себе, и вовсе неприменим к австрийщине. С теоретической стороны австрийская

община имеет к науке и культуре точно такое же отношение, как и православная: с практической стороны сама жизнь показывает, что с дипломом ученого филолога, химика, математика, инженера и т.д. одинаково можно присутствовать в старообрядческом часовне, как и в православном храме и исповедоваться у старообрядческого священника, как и у православного. Короче, – поповщина, откинув учение об антихристе, разом навсегда развязала себе руки и уже этим самым высказала свою способность к внутреннему развитию и приобщила себя к общей культурной жизни русского народа. Чрез это же она стала рядом, бок о бок с православною церковью, однако не примиряясь с нею.

Существеннейшим содержанием старообрядчества, как единого, цельного явления, без всякого разделения на отдельные секты, является плачь об уничтожении патриаршества, по обрядам и обычаям церковной жизни до Никона патриарха и по всему сопряженному с этим патриаршеством церковному и гражданскому быту. Беспоповщина не имеет никакой возможности к воскрешению этого оплакиваемого векового покойника к поэтому, не смотря на свою численность, на высокие умы и крепкие воли многих своих сынов и на неоднократные временные блестяще успехи, по самому своему существу принуждена влачить свою жизнь в постоянном, так сказать, согбенном положении. Появление же австрийской иерархии дало поповщине формальную возможность к восстановлению патриаршества: для этого перед старообрядцами-поповцами открылся широкий и свободный путь – нужно только соответственным образом организовать свою церковную общину, отдельные части ее привести в гармонию и объединить в одном центре. Задача эта представляется в следующем виде: приходские единицы объединяются в епископиях: группы епископий – в архиепископиях; архиепископии – в митрополиях и митрополии – в патриаршестве. Таким образом все дело сводится к провозглашению одних архиереев просто епископами, других – архиепископами, третьих – митрополитами и, наконец, одного из всех их – патриархом.

IV.

На первых порах существования австрийской иерархии план об учреждении патриаршества представлялся весьма простым и естественным, и первые деятели австрийщины мечтали о создании не только одного патриаршества, ко и всех пяти, на которые когда-то разделялась восточная церковь: в европейской России они замыслили учредить всероссийское патриаршество, а в Австрии, на Урале, в Сибири и на Кавказе – патриаршества константинопольское, антиохийское, александрийское и иерусалимское. Эта мечта только обнаружила, что в самой основе плана об учреждении патриаршества много детски-дерзкого и наивно-фантастичного, что серьезное дело и вековые чаяния миллионов людей превращаются в шутку, в игру позолоченными куклами, что в плане

только любимые старообрядцами имена-титулы, а нет в нем духа и жизни старообрядческой.

Проект об учреждении пяти патриаршеств показал, что старообрядцы, чрез учреждение австрийской иерархии, хотя и получили Формальную возможность к созданию патриаршества, но не имеют еще внутреннего начала для исполнения этого важного дела.

Учение об антихристе и всеобщем мраке действовало еще в полной силе и новоявленное священство самим приемлющим его представлялось лишь отдельной искоркой на сплошном черном фоне, блестящей, не распространяющей своих лучей на окружающий ее мрак и не могущей победить эту тьму.

Учение об антихристе и стремление к воссозданию патриаршества являются началами крайне противоположными и решительно непримиримыми, как несовместимы свет и тьма, или жизнь и смерть. Поэтому мысль о патриаршестве на первых же порах более разумными старообрядцами была встречена с улыбкой или даже с нескрываемым негодованием: свой протест они выразили в ясном и твердом положении: «не может быть патриарха при антихристе, свободы при всеобщем разрушении и царства благодати при господстве сатанинской силы». В этом протесте обнаружилось, что учение о священстве, даже приемлющими австрийскую иерархию принимаюсь тогда только в урезанном виде; не как полнота благодати, сияющая в мировой жизни и главенствующая над всеми ее проявлениями, а только как совершение всех таинств, происходящее, однако, скрытно от мира, в местах потаенных, вдали от мировой жизни, как тайный, негласный протест против нее без всякой надежды на прославление и на торжество. Следы этой мысли замечаются и в настоящее время; даже и теперь среди последователей австрийского священства существует некоторое инстинктивное опасение за слишком широкое распространение своей иерархии и наряду с желаниями полной свободы австрийской иерархии находятся люди, высказывающиеся против этой свободы. В прошлом году в Москве, два, по крайней мере, важных австрийских семейства прямо заявили, что, в случае дарования их обществу полной религиозной свободы, они этих прав не примут и от своего общества отделятся.

Но если страх пред свободой является неотразимым, логически-необходимым последствием учения об антихристе или последствием остатков этого учения, несознаваемых, но все же психически действующих, то с другой стороны стремление к полной свободе, мысль о патриаршестве, является таким же неустрашимым последствием наличного существования полной иерархии. Иерархия существует, приходы увеличиваются, местные общины вырастают, архиерейские кафедры умножаются, соборы действуют. Сама жизнь свидетельствует, что отдельные части большого и растущего организма должны быть

объединены в одном центре, и исторические предания, как на таковой центр, указывают на патриаршество. В силу этих не терпящих друг друга, взаимно устраняющих мотивов и побуждений, мысль австрийца, в самой ее основе, полна трагизма и живет постоянным внутренним раздором: нужно быть и нужно не быть; необходимо патриаршество и гибель в нем, необходима свобода и не должно быть свободы. Происходит борьба двух друг друга исключаящих начал. Начало страха пред свободой уже само по себе, по своему внутреннему существу, является только пассивным сопротивлением; оно не только лишение возможности развития вперед, но и обречено на полную безжизненность; оно может быть стойким и упругим, как лежащий тяжелый, недвижимый камень, но не как живая и действующая сила. Иное представляет собою начало свободы; оно живет и действует; по самой своей природе оно неминуемо ведет борьбу и скрытую, и явную с своим главным противником, началом страха.

V.

Для полного торжества учения о свободе или мысли о патриаршестве должно быть устранено противоположное начало, начало страха пред свободой, должно быть уничтожено самое основание этого страха, т.е. учение об антихристе. И австрийщина в лице лучших своих сынов, знаменитым «окружным посланием», словно одним взмахом пера, устранила от себя учение об антихристе и учение о православной церкви, как о «дщери антихристовой». Факт в истории старообрядчества беспримерен. Совершился он не без борьбы. Мысль зародилась и прежде всего созрела в авторе «Окружного послания», в лучшем и благороднейшем из лучших старообрядцев половины XIX столетия, Иларион Егорович Ксеносе.

При развитии мысли послания и при разработке самого послания Ксенос перенес действительную глубоко-внутреннюю драму, и вся жизнь его была одною сплошною драмою; он всего себя, без всяких остатков, посвятил делу религии, именно примирению старообрядчества и православия и умер неизвестно в каком уповании и с какою надеждою – тайным ли православным, или тайным старообрядцем. Этому драматизму причастны были и ближние Ксеноса: они тоже боролись, смирялись и снова восставали. За сотни и тысячи верст они ездили к старообрядческим архиереям и простым своим собратиям; со всей энергией своего сильного духа и слова убеждали всех принять «послание»; у архиереев валялись в ногах, вымаливая подписи к посланию. Такова была их вера в мысль послания и в архиерейский сан и такова надежда на обновление старообрядчества в союзе с православною церковью, без омрачения учением об антихристе. Полна трагизма и вся дальнейшая судьба «послания». Прежде всего оно произвело разделение австрийской общины на две части: «окружников» и «неокружников», – разделение, имеющее значение тяжкого паралича в

здоровом и крепком организме. Затем послание не раз уничтожали и не раз снова восстанавливали. При его уничтожении мысль его всякий раз получает особую живучесть, свежесть силы и неожиданных, полных жизни защитников. Его признание разбивается о пассивное сопротивление и мысль его кажется потухшею. Окружное послание в судьбах австрийского старообрядчества получило значение постоянно действующего, всепоглощающего факта, о котором нельзя забыть и нельзя безнаказанно говорить.

В этом глубоком трагизме «Окружного послания» заключается страшная сила его мысли, инстинктивно-психическая, так же бессознательная, как и неустрашимая. В сцеплении таких противоположных свойств этой мысли вырабатывается историческое значение самого «послания». В настоящее время послание кажется полузабытым: нет о нем рассуждений на епископских соборах, речи о нем ведутся в тиши, для поддержания его значения защитники его собираются в отдельные братства, часто гонимые более сильными представителями общины; таково, например, московское старообрядческое братство св. Креста. Не смотря на все это, в настоящее время окружное послание имеет более действительную силу, чем 40 и 30 лет назад, когда оно было издано и когда оно производило жесточайшие споры, когда его имя у всех австрийцев было на устах; только теперь обнаруживается поразительная сила его мысли и только теперь сама жизнь выясняет, что австрийская община и сознательно и бессознательно движется по тому пути, по какому ее направляет «Окружное послание», что все крупнейшие провинциальные явления в жизни этой общины суть не что иное, как жизненные обнаружения сознанных и не сознанных положений мысли, создавшей «Окружное послание». Даже те лица, которые явно отверщаются от «послания», в действительности являются поборниками мысли, в него вложенной, и, можно сказать, в судьбе этой мысли заключается судьба всей общины.

Первоначальная мысль Окружного послания была решительно иная, чем современные стремления австрийцев. Эти самые стремления показывают, что основная мысль послания неожиданно для наших церковных деятелей, вопреки их желаниям и надеждам, расширилась и видоизменилась: из мысли о союзе с православною церковью она превратилась в начало враждебное, воинствующее. Автор Окружного послания чувствовал и сознавал, что наличная полнота иерархии (австрийской) противоречит учению о царствовании антихриста и что неопровержимая иерархическая зависимость старообрядчества от православия (Амвросий был православным митрополитом) решительно непримирима с старообрядческим воззрением на православную церковь, как на «дщерь антихриста» и на православную обрядность, как на «мысль» и «дух» антихриста. Он ясно видел, что здесь та или иная часть

должна быть откинута: или не должно быть полной иерархии, или не должно учить об антихристе. Любовь к своей иерархии превозмогла и Ксенос открыто и решительно заявил, что в настоящее время антихрист еще не пришел и «в церкви» не царствует, что церковная обрядность не имеет признаков антихристианского духа. С точки зрения Ксеноса эта мысль узаконяла бытие австрийской иерархии, делала ее существование вполне осмысленным и открывала широкий простор ее действиям. Достоинство этой мысли лучшие австрийские умы поняли и самую мысль не только приняли, но и сделали ее вторым символом своего верования. И это было насущною необходимостью: Павел Белокриницкий создал австрийскую иерархию, а эти люди узаконили ее существование и проведение этой мысли в жизни сделали своим подвигом. Но узаконение это совершалось чрез понижение, так сказать, собственного старообрядческого капитала и чрез повышение фондов православия.

VI.

Окружное послание, в его основной мысли, представляется документом весьма простым, ясным и однородным, т.е. вполне законченным. В нем разбираются частности обще-старообрядческого учения об антихристе и решительно отвергаются и эти частности, и все учение в его целом виде. Чрез это понижалось собственно старообрядческое умозрение, производилась нивелировка старообрядчества с общею жизнью, уничтожались те пни и рытвины на старообрядческой почве, которые мешали правильному жизненному развитию старообрядчества и постоянно увлекали его с простора на Божьем мире в дебри и пещеры. Таково основное значение Окружного послания. В практическом же применении этого послания к жизни оно оказывается двойственным. Для одних старообрядцев оно открывает осмысленность существования полной старообрядческой иерархии в наши дни, вызывает в них надежды на блестящий жизненный расцвет старообрядчества, на широкое и свободное действие его в мире. Для других оно имеет значение подзорной трубы, чрез которую можно наблюдать свет и истину православной церкви. Из Окружного послания каждый старообрядец с одинаковою легкостью может сделать два вывода: 1) если нет антихриста, значит должна быть полная чисто старообрядческая иерархия и 2) если нет антихриста, значит и «никонианская» церковь может быть истинною, православною. С каким же толкованием принимать Окружное послание? Общий ответ на этот вопрос могла дать только жизнь, но никак не отдельные лица.

На первых порах Окружное послание принималось только с вторым толкованием. Одни старообрядцы поразились мыслью, что «никонианская» церковь может быть истинною и решительно восстали против послания, составив в австрийщине отдельную самостоятельную общину – *неокружников*. Другие еще более были поражены тою же самою

мыслью и неуклонно, безбоязненно проповедовали ее. Эти люди были сильны духом и волею и образовали в старообрядчестве обширное движение в сторону православной церкви. Но на самом конце пути они встретились с неожиданными внутренними препятствиями. Они шли к церкви не истрепанные и не обдерганные, веселые и жизнерадостные, а возвращались в родной дом, как совершившие долгое путешествие по чужим странам и могущие порассказать о многом диковинном слышанном и виденном, с большими запасами и опытом. Они убеждались в истине православия потому что глубоко верили в «свою» истину, в истину «своих» исконных убеждений и чаяний. По выражению покойного архимандрита Павла, они толпились на паперти православного храма, сильные своим духом и своею верою. Двери храма пред ними не были отверсты, потому что в нас не было сознания общности веры и единства исконного умозрения, потому что мы привыкли смотреть на старообрядца, как на зачухлого умом и нищего духом, потому что мы гордимся своими учебниками с громкими названиями богословских наук и свысока смотрим на старую книгу. Благодаря этому мы понимаем только того старообрядца, который идет к нам «в ожесточении» против своих и с проклятиями своих прежних убеждений, и непонятен нам старообрядец, который говорит нам, что «его» истина и «для нас» истина и что наша истина и для него истина. Мы не смеем гадать, какой вид имела бы в настоящее время австрийская община, если бы Церковь своевременно ответила на Окружное послание соответствующим посланием и на тогдашнее стремление окружников к церкви соответствующим же действием: кто знает, может быть, теперь и не было бы имени «австрийская иерархия».

Толкование Окружного послания, как примирительного с церковью, не имело успеха. Но такую мысль Окружное послание и не ограничивается и, потерпевши неудачу с одним толкованием, оно могло приобрести более важное значение с другим. В жизни старообрядчества оно получило значение молота, уничтожающего учение об антихристе, выколачивающего все проблески этого учения и чрез это самое укрепляющего в старообрядцах сознание возможности существования полной старообрядческой иерархии, не скрывающейся в местах потаенных, а открыто и свободно действующей. В смысле примирения с церковью Окружное послание перестало существовать, в смысле же узаконения австрийской иерархии оно не только живет и действует, но, можно оказать, с каждым днем приобретает все большее значение.

VII.

Только по своей исключительной, выдающейся близорукости, мы не замечаем необыкновенно глубокого перелома в старообрядческой мысли, совершающегося в наши дни, на наших глазах и даже при нашем, пусть, неосознательном и невольном участии. Мы в своем простосердечии и в своей недалёковидности «приветствуем» окружников: они кажутся нам

малыми детьми, к нам ласкающимися; мы издали с тайною надеждою любуемся на них и воображаем, что они не сегодня-завтра присоединятся к нам. В своем маловерном страхе мы отвращаемся от неокружников (и беспоповцев); они представляются нам дикими извергами; мы смотрим на них с отчаянием, как на пропавших без вести и безвозвратно. При этом мы не соображаем с жизнью, и не замечаем ни того, что окружники, не смотря на свою кажущуюся близость к церкви, присоединяются не больше, чем неокружники, или беспоповцы, и ни того, что последние, не смотря на ясно выражаемую враждебность, присоединяются не реже и не меньше, чем и окружники.

30 лет назад, когда Окружному посланию придавался примирительный смысл, оно, по крайней мере для некоторых, имело значение путеводителя, ведущего к православию; действительно бывали случаи, что поклонники послания примирялись с церковью. Но теперь, по мере того, как оно входит в сознание старообрядчества, оно является началом, «удерживающими» от присоединения: оно настолько близко подводит старообрядца к православию, что последний утрачивает понятие грани, разделяющей православие от старообрядчества. «Я принимаю Окружное послание», – говорит старообрядец и этим самым устраняет потребность и целесообразность в присоединении к православию. Неокружник и беспоповец, оба воспитанные в учении об антихристе и в быте, основанном на этом учении, скорее могут усмотреть недостатки своих общин, могут почувствовать тяжесть в учении об антихристе и потребность бежать из этой юдоли плача и стенания. Присоединившиеся из неокружников и беспоповцев рассказывают, какой внутренний нравственный гнет они чувствовали в своих общинах, когда сознали сущность учения об антихристе и его лживость. Этот гнет иногда гонит людей из старообрядческих общин с силою страшной неудержимой стихии. Воспоминание о нем присоединившегося есть воспоминание о неприятном сне и усиливает впечатление красоты и внутренней свободы православия. Ничего подобного нет у окружника; он просто и ясно смотрит на Божий мир, как и все прочие люди: ни учением, ни существеннейшими чертами быта он не отличается от православного: он не осуждает с пеною у рта троеперстие, и поэтому не имеет причины осудить и ревность к двуперстию; он точно и пунктуально исполняет предписанные старыми книгами обряды и обычаи и знает, что упущения в этих отношениях среди православных не составляют их достоинства и православными законоположениями наказуются точно так же, как и его собственными.

Единственно, чем отличается окружник от православного, это – происхождение австрийской иерархии, собственно – «история» посвящения митрополитом Амвросием первого старообрядческого, или австрийского епископа. Но обсуждение этого предмета сопряжено с крупными знаниями, – церковно-историческими, каноническими,

догматическими и даже религиозно-философскими. Эти знания не входят в обиход верований нашего народа, да и нас самих; в лучших случаях они способствуют выработке воззрений, полу-уясняющих верование, полу-разрушающих оное; в случаях обыкновенных они остаются знаниями, ни к одной из внутренних сторон жизни неприменимыми. Это с одной стороны, – а с другой: не смотря на шестидесятилетнее существование австрийской иерархии, православие, вооруженное всеми знаниями, не сказало об ее достоинстве последнего решительного слова и предоставляет искусству миссионеров доказывать ее незаконность. Выходит, таким образом, что мы, ожидая от окружника сознательного проверенного отношения к австрийской иерархии, требуем от него знаний, которых сами или не имеем, или с которыми справиться не можем, и возлагаем на него нашу собственную задачу, нами самими еще не решенную.

С беспоповцем и неокружником у нас много точек соприкосновения в главных предметах веры. В отношениях же к окружнику эти точки сглажены; остался только один вопрос и притом вопрос, не касающийся прямо веры, а только богословско-научный вопрос: каково достоинство австрийской иерархии.

Мы весьма много делаем относительно беспоповца и неокружника и почти ничего относительно окружника. Все свои миссионерские силы мы употребляем на то, чтобы выбить из сознания неокружников и беспоповцев мысль об антихристе. Мы делаем это по неизбежной необходимости, потому что эта мысль представляется нам самым высоким бугром, разделяющим православие и старообрядчество, и благодаря тому, что эта наша деятельность является наиболее успешною: по несомненной противочеловечности этого учения, оно из всех старообрядческих учений имеет наиболее шаткие основания. И статистика, какой бы несовершенной она ни была, убеждает нас в правильности избранного пути: из разубедившихся в учении об антихристе некоторые несомненно присоединяются к церкви. Но за всем этим скрывается другое, более важное обстоятельство. И прямо, и косвенно мы действуем на всю старообрядческую массу и шаг за шагом отводим ее от учения об антихристе. При этом мы не замечаем того обстоятельства, что отказ старообрядца от этого учения не ведет его к мысли, что старая обрядность, с которой он так тесно и умом, и сердцем сжился, отжила свой век. При учении об антихристе он еще мирится, что старый обряд не господствует в жизни, не блещет своим прежним блеском, и мирится с этим потому, что верить в существование антихриста. Но если нет антихриста, нет и причин, чтобы старый обряд и теперь не красовался так же пышно, как при прежних московских царях и патриархах. И старообрядец, разубежденный в бытии антихриста, с крайним любопытством и напряжением осматривается по сторонам: где же церковь

с теми самыми обрядами, которые он принимает, и с тою самою красотой и свободой, как и во времена давно прошедшие? С одной стороны, именно такой церкви он не видит, а с другой не имеет никаких причин сомневаться в возможности ее существования. И он начинает верить, что такая церковь должна быть, и если ее нет, то по причинам временным и случайным, которые можно устранить, иначе – он верит в возможность церкви старообрядческой, свободной до господства в мире и полной до сана патриаршего. Это чаяние ничто иное, как основная мысль Окружного послания. Наша миссионерская деятельность, следовательно, является невольным и несознательным содействием распространению Окружного послания, прививанием его основной мысли к мысли и чувству старообрядца.

VIII.

Почти неподвижная в сторону православия окружническая община получает от нас вспомоществование в виде неистощимых запасов для своей собственной энергии и поэтому является наиболее внутренне спокойною из всех старообрядческих общин. Она не тратит своих сил на установление того или иного отношения к православию, – в виде ли необузданной ненависти к нему, в виде ли окончательного примирения с ним; ее сыны не полагают дело спасения в жестокосердии против православной церкви, как это делают беспоповцы и неокружники; не считают они важным и вопрос о примирении с церковью, над разрешением которого волнуются многие лучшие старообрядцы других общин. В то время, когда вопрос о церкви является самым жгучим вопросом, делом личного спасения для большинства старообрядцев всех общин, этот самый вопрос для окружников является только делом общей политики, не имеет отношения к личному спасению. Окружники могут желать единения с церковью, но не для личного спасения, как беспоповцы, и не для благоустройства своей общины, как беглопоповцы, а исключительно для наибольшей славы своей общины, для достижения большей свободы к ее развитию и процветанию, для окончательного исполнения своих сознанных и несознанных замыслов.

Каждая старообрядческая община, какую сильною она ни представлялась бы, в отношении к православию является силою раздробленною, силою исключительно отдельных лиц. Православная церковь знает старообрядчество, как заблуждение отдельных лиц, и решительно не имеет никаких отношений к старообрядческим общинам: она показывает вид, что подобных общин она не знает. Точно также относятся и старообрядцы к православной церкви. До сих пор они боролись с православием, вырывая из него отдельных лиц, и вовсе не помышляли вести борьбу с церковью по всей линии, совсем уничтожить ее и себя поставить на ее место. Православие вело с старообрядчеством борьбу партизанскую и не только не признавало старообрядческой

общины, но и показывало вид, что самое существование таковой ему неведомо. Таковую же партизанскую борьбу вело и старообрядчество с православием: оно признавало православие, как единую целостную силу, но в состязание с нею не вступало, ибо верило в неизбежность ее существования. Эти взаимные отношения окружничество вывернуло наизнанку; оно сделало бесцельным делом эту раздробленную борьбу и восстало против церкви, как сила против силы. В частных отношениях, как явлены временные и случайные, оно допускает оба обряда, и старый, и новый, – старый в звании господина, новый – временно допущенного. Вместе с этим своею мыслью о свободе старообрядческой общины и полном расцвете ее жизни, оно смело заявило притязание на свое господство и сделало православию дерзкий вызов – быть кому-нибудь одному, или мне, или тебе. «Мы, говорят окружники, не нуждаемся в православной (никоновской) церкви, как беспоповцы, считающие ее антихристовою дочерью и мыслящие о ней, как о несокрушимой силе, мы не только можем прекрасно устроиться без нее, но она только мешает нашему внутреннему развитию».

Эта тенденция с особою силою и яркою колоритностью обнаружилась только теперь, на нижегородском старообрядческом съезде, в августе месяце 1905 года; не только обнаружилась, но и поразила своею неожиданностью.

В последние десять-двенадцать лет русское общество часто тревожилось случайными газетными сообщениями о том, что-то-то старообрядческая депутация выехала в Константинополь хлопотать пред патриархом о признании австрийской иерархии законной. Эти известия простых православных приводили в недоумение, возбуждали в них тревожный вопрос: «неужели в Константинопольском патриархате могут вестись какие-либо речи в пользу австрийской иерархии»? В православных миссионерах, нечего скрывать, они производили смущение, похожее на страх: ну, да если патриархат признает эту иерархию законной, что нам останется делать? как церковное правительство будет выпутываться из этой каши?»

Что старообрядцы подобными хлопотами занимались, – это не подлежит сомнению; напр., весною 1892 г. старообрядческая депутация именно с таким ходатайством была у патриарха; дело было налажено и совершиться ему помешал русский посол, своевременно получивший из Петербурга особые инструкции по сему предмету. Наравне с старообрядцами и некоторые православные, склонные к старообрядческим воззрениям, тоже желали признания австрийской иерархии законной. Покойный протоиерей Верховский такие мысли высказывал неоднократно и со свойственною ему энергией прямо и решительно толкал австрийцев, так сказать, в объятия константинопольских фанариотов. Среди современных представителей

высшей церковной иерархии тоже находились люди, которые готовы были защищать австрийскую иерархию и делали попытки подготовить к этому общественное мнение. С этой целью греческий митрополит Василий, бывший в Москве во время коронации императора Николая II, издал брошюру, в которой определенно и решительно провел ту мысль, что таинство, совершенное священным лицом, подвергшимся запрещению или даже извержению, все же остается законным. Эта мысль вопрос об австрийской иерархии ставила на следующую почву: «пусть митрополит Амвросий не имел никакого права поставить первого старообрядческого епископа (Кирилла), пусть за это он подлежит даже наказанию, даже извержению, возникшая же таким образом иерархия остается все же иерархией». Брошюра эта была переведена на русский язык и имела огромный успех среди австрийцев.

Законность австрийской иерархии, как видно, мыслилась в зависимости от признания ее со стороны высшей церковной власти. Чрез это иерархия эта превращается в непостижимый и никому неведомый сфинкс; является чрезвычайно трудным разрешить вопрос: существует ли эта иерархия как факт, с которым так или иначе необходимо считаться, или же она есть только переодевание, костюмировка, кощунственное преступление, с которым нужно бороться; есть ли в ней хоть какая-нибудь доля, частица тех благодатных достоинств, которые составляют самое существо иерархии, или же в ней решительно нет ничего? Некоторые лучшие, благороднейшие и глубочайшим образом преданные православию люди прямо и решительно отвергались от этого вопроса, считая его загадкой неразрешимой для человеческого ума. Таков был покойный отец Онуфрий. В старообрядчестве он был епископом, наместником Белокриницкой митрополии; в православии он удовольствовался самым скромным званием инок. Он не принял иеромонашества и свой отказ от священного сана объяснял простою неизвестностью – кто он: есть ли на нем преемственное от апостолов рукоположение, или же нет. «Однажды, обыкновенно говаривал он, я уже был епископом и другой раз посвящаться не решаюсь; только сам Господь Христос в будущей жизни рассудит – епископ ли я, или же простой мирянин». Ученые богословы, имеющие прикосновение к нашей миссии, с большою робостью ставили этот самый вопрос и в общем склонялись к той мысли, что в австрийской иерархии есть нечто такое, что делает возможным признать ее таковою, именно иерархией.

Чрез это двойственное и сомнительное отношение к иерархии самым глубочайшим основанием для борьбы с нею, естественно, является ваше личное, православное произволение: «захотим – признаем, не захотим – не признаем». Это убеждение ставило вас в господственное положение, окрылявшее и укреплявшее нашу миссию». Каждый слух о хлопотах австрийцев несколько раздражал нас и в то же время доставлял нам

большое внутреннее успокоение: каковы-де мы, — к нам, а не к кому-нибудь другому обращаются с таким важным и великим вопросом. Сами старообрядцы как будто бы давали нам подтверждение нашей силы и нашего значения; они неоднократно давали нам поводы думать, что их окончательная судьба находится в наших руках, вполне зависит от нашей воли, это доставляло нам блаженное неведение и прекрасное успокоение. На признании нашей силы мы успокаивались и не считали нужным вникнуть в самое существо вопроса, присмотреться к явлению и понять.

В это время нашего спокойного созерцания в самом сознании старообрядчества произошел огромный и для нас совершенно неожиданный переворот. На старообрядческом нижегородском съезде нынешнего года было внесено предложение обратиться к константинопольскому патриарху с просьбою об утверждении канонического достоинства австрийской иерархии. Съезд энергично и решительно отклонил это предложение, как нежелательное и унижительное для старообрядческого священства. Этим самым старообрядчество окончательно разрушает все наши мечты, все наши надежды, что оно не выйдет из нашей власти, что оно вечно будет связано нашею волей, и смело, и решительно говорило нам: «Не беспокойтесь, господа, о нас и не воображайте, что мы нуждаемся в вашем признании». В этом заявлении заключается последний решительный акт в установлении независимости австрийской иерархии.

IX.

Признав независимость своей иерархии, окружническая община чрез это самое стала на вполне определенную и твердую почву и развязала себе руки в деле своего собственного внутреннего устройства. В акте «Окружного послания» она, как мы уже говорили, отказалась от пререканий с православною церковью в вопросах догматическо-канонических. Ни антихристианства, ни безбожия, ни погрешностей в самых основных истинах евангелия и предания вселенского восточного православия она православной церкви не приписывает, в апостольскую преемственность православной иерархии верит. Основным пунктом ее препирательства с церковью является следующее обвинение: православная иерархия, как историческая духовно-культурная сила, не желает сообразоваться с волею народною, создавшею все особенности русского быта и мышления. Чрез это старообрядческий вопрос из вопроса церковно-богослужебного, каковым он был при самом начале раскола и каковым является и теперь для беспоповщины, беглопоповщины и противо-окружничества, превращается в вопрос о культурных началах церковного и земского устройства русской земли. Первым актом этого, несомненно, прогрессивного движения является признание австрийской иерархии независимой ни от каких решений со стороны православного священноначалия.

«Мы, говорят австрийцы, от православной иерархии ничего не ожидаем, в ней нисколько не нуждаемся; пусть она только не мешает нам в наших собственных делах; никакой помощи от нее не ищем; мы сами сильны и способны устроиться».

И в настоящее время старообрядческие умы всецело озабочены устройением собственной общины, созданием из нее стройной и огромной организации. Вопросы полемического характера отодвигаются постепенно на задний план, или предоставляются юнцам-начетчикам от семнадцатилетнего возраста. Австрийское миссионерство превращается в школу, выпускающую общественных деятелей, и миссионеры все более и более приобретают значение общественных деятелей. На этой почве идет неустанная энергичная работа по двум направлениям. Во-первых, создаются и формируются общественные деятели, т.е. внешняя, чисто техническая сторона всяких реформационных и культурных движений. Во-вторых, вырабатываются и определяются основные начала мышления, те духовные воззрения, которые составляют самое существо, основное ядро всякой культуры, всякой цивилизации.

Воображающие, что старообрядчество способно теперь же неожиданно выкинуть какой-нибудь кунштюк, в роде создания всероссийского патриархата, глубоко ошибаются. Дело гораздо сложнее и поставляемая задача является более трудною и по глубине внутреннего замысла, и по обширности фантастического полета. Теперь намечается только программа, основные пункты которой могут быть представлены в следующем виде:

- 1) Устройство прихода выборного и самоуправляющегося.
- 2) Устройство епархии, тоже выборной и самоуправляющейся.
- 3) Учреждение ежегодно созываемых всероссийских съездов мирян для решения общественно-церковных вопросов.
- 4) Учреждение ежегодно созываемых епископских соборов для решения исключительно церковных вопросов.

В. Сенатов

Во что, бывало, ценили человеческую жизнь //
«Миссионерское Обозрение», 1906, № 1, стр. 55–61

В нашем очерке мы хотим заглянуть в те мрачные эпохи, когда цена на чужую жизнь стояла весьма низкая и когда никого не поражал безнаказанно и открыто творимый одним человеком над другим самосуд, кончавшийся убийством. Постараемся исторически проследить, как медленно подымалась цена на чужую жизнь.

Как известно, собственная сила была единственным средством у первобытного человека защитить себя от врагов: общественной организации не было, так что в борьбе за существование всякому приходилось защищать свой покой теми средствами, которые подсказывались ему его грубыми животными инстинктами, и обыкновенно в формах, далеко не соответствующих размерам нанесенной врагом обиды. Подобно зверю, загрызающему себе подобного только за то, что тот приблизился к его добыче, и человек убивал того, кто казался ему опасным конкурентом в насущных вопросах жизни. По мере развития человека, неограниченный самосуд стал принимать уже иные формы, ясно свидетельствующие о желании человеческого общества ограничить его; так, напр., за нанесенную обиду член общества имел право отплатить обидчику тою же монетою; т.е. за совершенное убийство родственники убитого могли безнаказанно отомстить обидчику смертью же. Эта первобытная форма наказания за убийство, не смотря на сохранившийся в ней характер самосуда, считалась в свое время формой уже прогрессивной и гуманной: в ней мы видим уже желание общества ограничить необузданную животную жажду мщения, которую языческие поэты воспевали и величали небесным чувством, воодушевляющим богов.

В ветхом завете неоднократно упоминается о подобного рода самосуде, учиняемом потерпевшим над обидчиком, причем за причиненное зло отплачивалось тем же злом. Такая самовольная отплата считалась в те далекие времена законной и оставалась ненаказуемой. Моисей (Исх.21:12–30) весьма ясно формулировал те случаи, когда допускалось убивать человека, и, затем, в видах ограничения размеров, в которых способна проявляться мстительность обиженного человека, преподал закон, запрещающий брать за око более, чем одно око, за зуб более, чем один зуб и т.д.

В дальнейшем своем развитии идея возмездия принимает форму уже более гуманную – вместо того, чтоб брать за жизнь – жизнь, общество предоставляет обиженному право вместо жизни брать с обидчика известную сумму денег. Этот способ удовлетворения за убийство был знаком и грекам, и римлянам, и германцам. Хотя замену личной

произвольной мести местью, узаконенной в виде взыскания с обидчика известной суммы, в которую оценивалась жизнь человека, и нельзя признать мерой, высоко стоящей в нравственном отношении, но все-таки она, хоть и не особенно сильно обуздывая грубый произвол, была в свое время полезной и гуманной, – она сохраняла человеку жизнь. Эта мера, в дальнейшем, послужила основанием, на котором культурные народы выработали свои законодательные здания; в эволюции права эту меру можно считать основным камнем храма Фемиды.

В древней Греции всякое убийство вообще не преследовалось, а семьям убитого и убийцы предоставлялось право решать между собой спор войной. Эти споры принимали иногда весьма опасные для спокойствия страны размеры, что и привело к установлению за убийство мер взыскания более спокойного характера, чем война: обиженной стороне предоставлялось право взыскивать с убийцы известную сумму: так что в далекие времена в Греции лишение жизни, оцениваемой на деньги, не считалось за гнусное преступление против общественной нравственности. В Илиаде и Одиссее можно найти описания того, как в древней Греции происходил торг за пролитую кровь. Деньги получал ближайший старший родственник убитого; а если у убитого вовсе не было родственников, то их заменяли десять граждан, деливших между собой выкупную сумму. Затем, уже в более позднейшую эпоху, примерно в VII веке до Р.Х., в Афинах начинают смотреть на убийство уже как на посягательство на общественное спокойствие, так что, напр., за случайное убийство, убийца изгонялся из страны на один год; а за умышленное – власть лишала убийцу жизни.

Аполлодор (V век до Р.Х.) повествует, что в его время в Афинах существовали три инстанции, судившие за убийство; первая, палладиум, разбирала случайные убийства; вторая, дельфиниум, судила за убийства, допускающие снисхождение; третья, ареопаг, судила профессиональных убийц. Затем, человек, убивший того, кто его раздражил, считался невиновным, все равно как боги оправдали Геркулеса за совершенное им, в припадке раздражения, убийство своего учителя музыки, которого он ударил по голове лирой за то, что тот наказал его за плохие успехи. Замечательная наивность и, в то же время, глубокое понимание психики человека, впавшего в аффект.

В Риме установление впервые закона, карающего за убийство, приписывают Нуме Помпилию (VII в. до Р.Х.), выделившего это преступление из ряда других преступлений, посягающих на чужую собственность. Случайное, неумышленное убийство вовсе не преследовалось в Риме, а убийцу только заставляли приносить искупительную жертву (в виде барана). За умышленное же убийство Нума Помпилий приказал убийц казнить. Затем, появляется на троне Тулл Гостилий (тоже VII в. до Р.Х.), который роняет идею справедливости и

сортирует убийц не по характеру убийства, а по тому сословию, к которому они принадлежали. Таким образом, лиц именитых, совершивших убийства, он приказывает только ссылать; лиц среднего класса – казнить, а лиц из простого народа – распинать на кресте и затем бросать диким зверям на съедение.⁸ Если мы сравним одновременные взгляды, существовавшие в Риме и Афинах, на ценность чужой жизни, то увидим, что цены на нее стояли в Риме ниже, чем в Афинах, где за случайное убийство, убийцу по крайней мере хоть изгоняли на год из страны; в Риме же точно за такое же преступление брали с убийцы только одного барана, цена которому была не очень высокая. Но начиная, с V века до Р.Х., как в Афинах, так и в Риме замечается желание законодателей признать за убийством уже преступление, вредно отзывающееся на общественном покое, замечается желание резче отделить убийство вольное от невольного, – желание, которое выгодно отличает нравственную зрелость этих двух миров, от окружавших их, и в особенности, напр., от германцев, которых пришлось видеть Тациту (I в. по Р.Х.) уже в значительно позднее время.

Тацит дал много ценных сведений о нравах этого грубого народа, обитавшего в Европе в начале нашей эры. В то время, как в Риме и Афинах закон тонко различал уже умышленное убийство от случайного, у германцев предоставлялось всякому по-своему распоряжаться с обидчиком за всякое убийство, вольное или невольное. Законное преследование существовало у них лишь в двух случаях – изменников вешали, а трусов топили; все же остальные преступления и даже убийства казались им незначительными; так что поле для не наказуемых убийств было у них весьма обширнее, а цена на чужую жизнь стояла весьма низкая. Напр., у простого народа, пишет Тацит, можно было за несколько овец отделаться от родственников убитого. Предоставляя в каждом данном случае самим сторонам разбираться в убийстве, власть древне-германцев в то же время следила за всеми частными сделками, отбивая в свою пользу треть сделки. В позднее время в первые века нашей эры у германцев власть хотя и стала входить в оценку убийств, но она подходила к ним не с нравственной стороны, – она составила тариф на жизнь людей разных сословий и следила только за тем, чтоб сделки совершались не иначе, как в пределах того тарифа, отделяя каждый раз в свою пользу определенную часть сделки. Таким образом по *loi salique*⁹ уплачивалось за убийство раба 46 су¹⁰, за убийство свободного человека 100 су, за убийство молодой девушки 200 су, ребенка или гостя 600 су, молодой матери – 700 су, приближенного короля 1.800 су, за поранение носа 45 су, языка – 100 су, и т.д. Из этого тарифного списка можно видеть, тем именно особенно дорожили германцы: этот список есть зеркало, в котором отражается психика этого грубого народа, приравнивавшая, напр., поранение носа (45 су) к убийству раба (тоже 45 су)! Вот еще

несколько примеров, почерпнутых из старогерманского свода законов, изданного уже в более позднюю эпоху и называемая *la loi des Ripuaires* (6 в. по Р.Х.).¹¹ За убийство епископа уплачивалось 900 су, за убийство герцога тоже 900 су, священнослужителя – 600 су, дьякона – 400 су. Жизнь ремесленника оценивалась по его ремеслу, так напр., за убийство золотых дел мастера полагалось 160 су, а за серебряных дел мастера – 100 су; жизнь повара, кузнеца, пастуха, стерегущего не более 80-ти овец или конюха, убивавшего не более 12-ти лошадей, оценивалась одинаково, а именно в 40 су. Другой свод обычаев той времени – *1a loi des Frisons*¹² дает нам не менее яркую картину нравов того времени. В общем же, все эти законодательства почти одинаково расценивают жизнь человека, но расходятся только в мелочах; так напр., *la loi des Frisons* за всеми удар палкой штрафует на пол-су, а *la loi salique* входит в разбор того, было ли при нанесении удара кровоизлияние. *La loi saxonne* оценивает четыре выбитых зуба в 3 шиллинга¹³; поранение носа в 3 шиллинга; за срезанные у ребенка волосы, могли получить с обидчика 45 су. Этот сравнительно большой штраф (вспомним, что *la loi salique* назначал за убийство раба 46 су) мотивировался тем, что франки очень дорожили длинными волосами, как украшением воина. Этот последний штраф не касался до детей рабов, так как рабы и их дети должны были брить себе голову. Во всех этих законодательствах замечается большая мелочность в определениях штрафа, но в общем, цена человеку ставилась немногим выше цены животного.

Еще не так давно, а именно в XIII веке в Швеции цена на жизнь человека стояла не очень высоко: за убийство шведа полагался штраф в 13 марок¹⁴, за датчанина или норвежца полагалось 9 марок, за англичанина – 7 марок, за раба – 3 марки, а иногда и дороже, смотря по его физической силе. Довольно своеобразный штраф назначался за убитого во время общего обеда; все присутствующие обязаны были уплатить семье убитого поровну по 9 марок. По шведским законам, убийство из-за мщения не преследовалось в том случае, если оно совершено в продолжение 24-х часов с момента нанесения обиды: в противном же случае убийство разбиралось народным судом (*ting*), и то только тогда, когда жаловался родственник убитого. В этом законе проглядывает та идея, что страстным желанием отомстить человек может быть одержим только на первых порах, а уже затем убийство надо считать сознательным актом. У нас на Кавказе кое-где еще сохранилась расценка поранений и убийства; так напр., грузины расценивают между собой разные увечья, как-то: порчу ноги, руки, глаза, указательного пальца, столь важного для спуска курка, и т.д.; у осетин размер штрафа определяется величиной раны, измеряемой числом ячменных зерен, могущих вписаться на поверхности раны. Убийство же из-за мщения, вообще на Кавказе, не принято считать за преступление. – По старо-

ирландским законам человеческая жизнь имела определенную цену, и этой ценой пользовались как единицей для сравнения; так напр., о цене земли говорили, что она стоит столько-то человеческих жизней, в род того, как современные номады говорят, что их земля стоит столько-то овец. В этих законах можно прочесть, что цена мужчины равнялась цене 7-ми рабынь, а цена рабыни равнялась цене трех голов рогатого скота. Подобные сравнения были в Ирландии так обыденны, что один миссионер, живший там в V веке, почему-то нашел более удобным в своем отчете вести счет лицам, которым он выдавал милостыню, не при помощи цифр, выражающих число этих лиц, а при помощи цифр, выражающих число быков, ценность которых (считая по столько-то быков на лицо) равнялась ценности этих лиц.

Не малое влияние на обесценение жизни в древности имели разные религиозные суеверия и обычаи. У древних семитов существовал религиозный обычай приносить в жертву божеству перворожденных детей (библейский рассказ об Аврааме). Моисеево законодательство с трудом искоренило у евреев этот ужасный обычай. Финикияне и карфагеняне раз в год, а также в тяжелые годы, приносили в жертву детей лиц высшего сословия. В Персии, в Египте было определено количество ежедневных человеческих жертв. Во времена Христа, в Аркадии приносились богам человеческие жертвы: по всему берегу Средиземного моря существовал обычай бросать людей в море, дабы оно не бушевало. Римляне, покорившие в I веке галлов, нашли у них человеческие жертвоприношения; но там убивали только детей преступников. Эти жертвоприношения поражали римлян, у которых, благодаря императору Августу (I в. до Р.Х.), этот обычай был уничтожен. Но не долго стояла в Риме высокая цена на чужую жизнь. Во II в. по Р.Х. император Траян возобновил гнусный обычай приносить богам искупительную жертву, и в Риме снова стали убивать невинных людей ради того, чтоб освободить от божеского наказания людей, чувствующих себя виновными. И это продолжалось в Риме до IV века. Так думали и поступали не только римляне, но почти что все народы, жившие в первые века христианской эры. Так поступали в XIV веке и индейцы, среди которых Фердинанд Кортес нашел человеческие жертвоприношения.

Идея бессмертия в тех грубых формах, в которых она проявлялась у малокультурных народов, привела самым прямым путем к обесценению чужой жизни. У древних славян мы встречаем обычай умерщвлять тех людей, которые могли бы быть на том свете полезны умершему. Лет двадцать тому назад французы нашли в Дагомее обычай периодического умерщвления людей, которые должны были извещать умершего короля о том, что поделывает на этом свете его преемник Беганцин.¹⁵ В Индостане еще весьма недавно сжигали вместе с умершим и его вдову.

Говоря об обесценении чужой жизни, нельзя не упомянуть и о каннибализме. Вопрос о том, что только голод заставит людей сделаться людоедами, все более и более теряет под собой почву; во-первых, уже потому, что человекоподобные обезьяны, по преимуществу, все фруктиворы; а затем, дикари, в случае голода, вообще говоря, питаются червями, личинками, корнями, муравьями и проч., но только не человеческим мясом; кроме того, замечено, что каннибализм находили именно там, где дикарю жилось вовсе не голодно, как напр., в богатой стране верхнего Конго; и наконец, палеонтология, хотя и дает нам кости человека, обглоданные зубами, но чьими – человека или животного, неизвестно. Новейший подход к разъяснению каннибализма основывается не на физической, а скорей на психологической почве. Между каннибалами весьма сильно распространено суеверие такого рода; если съешь, напр., глаза хорошо видящего человека, то приобретешь его острое зрение; или, если съешь его уши, то приобретешь его тонкий слух, и т.д. Это поверие прямо вытекает из несложной психики дикаря. А разве не то же поверие существует и ныне у жителей Абрुзов (южная Италия), которые отрезают уши у чутких собак и дают их есть другим собакам, стерегущим их стада? Нам думается, что скифы, сарматы, скандинавы и друг., считавшиеся когда-то каннибалами, ели человеческое мясо не из удовольствия, а для того, чтобы приобрести качества убитого; так что весьма распространенное мнение, что каннибализм вытекал из религиозного убеждения, т.е., что дикарь, считая человеческое мясо вкусным, желал, посредством убиения человека принести приятную жертву божеству.

Как-то делается жутко, когда вспомнишь средние века – эту эпоху наиболее пышного расцвета всяких суеверий, который обесценили жизнь донельзя! Сколько тысяч людей были сожжены на кострах только из-за суеверия, что они, заключив союз с чертом, сделались колдунами, и все это творилось *ad maiorem Dei gloriam*, т.е. для большей славы Бога!

А как в общем относилась средневековая церковь к безнаказанно совершаемым убийствам?

В IX веке, во время феодализма, церковь пробовала вмешиваться в распри враждующих между собой феодалов, уговаривала их не проливать кровь хотя бы только во время поста, по воскресеньям и в день Рождества; но при дикости нравов того времени, проповедь церкви имела малый успех. В XI веке церковь добилась того, что в продолжение 230 дней в году феодалы должны были избегать кровопролития; но это исполнялось далеко не всеми. В XIII веке Людовик Святой пришел на помощь церкви и установил сорокадневный в году срок, в продолжение которого всякое убийство подлежало уже суду. Это была первая, оказанная церкви серьезная государственная помощь, это была первая мера, которая действительно ограничивала произвол мстителя и

выдвинула на первый план идею законной ответственности, о которой до тех пор не было и речи.

Нам кажется не совсем справедливым, приписывать средневековой церкви значение, как исключительно только тормозившей нравственное развитие. В общем, она была, конечно, жестка к людям и, не смотря на прошедшие со времен Христа пятнадцать веков, понимала весьма узко христианскую идею; но несмотря на то, она все-таки относилась к душегубству иногда с меньшим жестокосердием, чем государство. Благодаря исключительным личностям, стоящим в ее главе, ей приходилось не раз возбуждать вопрос о смягчении наказания за убийство; она просила заменить казни или отлучением от церкви, или покаянием, или пилигримством, или постом, так что ей приходилось не раз выказывать себя учреждением, стоящим гораздо выше, чем суд мирской. На введенное в то время церковью анафематствование надо смотреть, как на прогрессивную меру, способствовавшую смягчению нравов; эта мера, хотя и вела за собой суровые последствия, но она даровала преступнику жизнь.

Факты, приведенные нами в этом очерке из области давнопрошедшего душегубства, приводят нас к такому выводу, что сознание человека не только на своей заре, но еще и не так давно работало далеко не в духе человечности, – и что чувство человечности только и начинается там, где человек начинает ценить жизнь другого. Предоставляем самому читателю сделать вывод, насколько сильно развито такое христианское чувство в современном так называемом культурном обществе.

А.А. Берс

К вопросу о богослужебном языке // «Миссионерское Обозрение», 1906, № 1, стр. 62–64

В 14–15 № № «Миссионерского Обозрения» за 1905-й год земский врач М. Богоявленский поместил весьма интересную статью о богослужебном языке. Посильно, с своей стороны, сделаем по поводу ее несколько кажущихся нам уместными замечаний.

Прежде всего нельзя не сознаться, что светские лица в самой постановке на очередь некоторых вопросов веры и церкви и приемах их решения часто отзывчивее и, если угодно, всестороннее, чем лица духовные в своей чисто специальной области. Взять хотя бы вопрос о богослужебном языке. Литература его уж не так велика и обильна, как требуется то его существенной важностью. Кроме того, самое решение его, по крайней мере, до последнего времени было нередко предзанятым. Сошлись многие на том, что славянский язык для русского богослужения неотменно важен.

Его красота, образность, торжественность и величие (не всегда, впрочем, и не всеми понимаемые и признаваемые) долго затеяли свободное и разумное рассмотрение и решение вопроса о его действительной уместности и необходимости.

Глубоко верна мысль г-на Богоявленского, что мы, духовные, с дней младенчества живем в атмосфере славянского языка. Вырастая и учась, мы все более осваиваемся с ним, как своим неизбежным спутником. Служа же, мы прямо поглощаемся им и временами не только говорим с примесью славянизмов, но даже и думаем, как бы по-славянски.

Такой взгляд на славянский язык, как на привычный, родной, чрез сильный логический скачок мы переносим на мирян. Чрез то и становимся во взаимное с ними непонимание, и, при самых добрых и искренних порывах, иногда говорим так, что нас, духовных, не понимают.

Незнакомых с статьей Богоявленского отсылаем к подлиннику. Лично же наше впечатление от нее таково, что с приводимыми в ней доводами и соображениями о необходимости для русского богослужения русского же языка нельзя не согласиться. И только, в дополнение к ним, прибавим от себя несколько замечаний из долголетней уже законо-учительской практики, близко соприкасающейся с вопросом о богослужебном языке.

Большинство законоучителей опытно убеждены в том, что на введение малолетних школьников в курс хоть несколько сносного понимания церковно-славянских слов и выражений уходит много золотого времени. Работа измеряется здесь целыми месяцами, если не годами. Не заходя далеко, остановимся хотя на одной из самых первых изучаемых молитв. Она к тому ж читается или поется пред началом уроков. Молитва эта «Царю небесный». Взять хотя бы ее первые, только что приведенные

слова. Знакомому с оборотами церковно-славянского языка сразу видно, что здесь употреблена форма звательного падежа. Втолкуйте же малютке школьнику подобную форму и отучите его от привычного, со слов неграмотных родителей, чтения «царю небесному». А между тем слепые, ведя слепых, по-своему правы. Обычный способ мышления не знающему тонкостей языка сродного, но не родного, подсказывает прилагательное по падежу согласовывать с существительным.

Идем дальше. «Иже везде сый». Что здесь, казалось бы, непонятного? Между тем мудреного в этом обороте речи хоть отбавляй. Надо же втолковать, прямо вдолбить в память и сознание, что *"иже"* значит: который, какой (ни малейшего звукового сходства!) и *сый* – находящийся (опять никакого звукового совпадения. И еще: «вся исполняяй». Исполнить – всякий естественно мыслит, как совершить, окончить. Возвысить понимание школьника до исполняяй, как наполняющий, не значить ли механически втолковать ему совсем другое, отнюдь не сродное значение слова.

Вселися в *ны*, очисти *ны*. Что здесь похожего на русское *нас*? Весьма мало, или почти ничего.

Для примера, на выдержку, мы привели краткую общеизвестную молитву.

А сколько темного, непонятного встречается в других молитвах? Кроме мудреных для понимания отдельных слов, самый строй славянской речи затемняет понимание смысла. «Достойно есть яко воистину блажити тя, Богородице». Смысл проясняется только по установке подлежащего на свое место: Ты, Богородица, вполне достойна похвалы.

И так, без преувеличения, почти в каждой молитве. Отсюда самые добрые усилия законоучителя ввести школьников в сознательное понимание молитв разбиваются о необходимость чисто механического заучивания значения отдельных слов и выражений.

Иное было бы, не приходилось бы преодолевать таких трудностей, затрачивать столько труда и времени, если бы текст молитв заучивался на русском родном языке.

С другой стороны, если даже такие вероисповедные азы, как общеупотребительные молитвы, так мало понятны для простого непосредственного восприятия, что сказать тогда о собственно церковном составе православно-русского богослужения? Что дают уловимого для сознания верующих, напр., стихиры на Господи возвах, на стиховне, ирмосы, каноны и другие трогательные по содержанию, но мало попятные по изложению молитвы и песнопения? По истине верующая душа переживают здесь целый трагизм.

При самой усердной попытке простеца, да и вообще мирянина, разобраться во всем этом, в момент чтения и пения, приходится ему часто стать в решительный тупик.

При сильной молитвенной напряженности, ему ничего не остается, как обратиться к попутной, независимой от церковного чтения и пения, сердечной умной молитве; при настроенности же менее повышенной, мысли его бродят вдалеке.

После этого нельзя не сказать, что славянский язык, как домашне-молитвенный и церковно-богослужебный, мы храним прямо по традиции, но не по необходимости. Приведу одно подходящее сюда сравнение.

Как мертвым капиталом, владея драгоценнейшей жемчужиной – своим родным, богатейшим по выражению тончайших изгибов мысли, языком, упорно храним и с убытком для себя пускаема» в оборот известнейший от времени камень. Пора же переоценить эти ценности в меру их действительной стоимости и значения!

В противном же случае, обрекая на новую неподвижность этот живой вопрос верующего сознания, мы, пастыри, не уподобимся ли осужденным Господом фарисеям, которые сами не входили в Царство Божие и другим затворяли его? Будем же светом мира не только мерцающим, а горящим и светящим?

И если, когда, то теперь, на заре свободной, сознательной жизни, при переломе многих укладов ее, вопрос о понятном богослужебном языке становится кардинальным.

Г-ну же Богоявленскому слава и честь, что он вовремя по этому вопросу возвысил свой честный, прямой и убежденный голос.

Свящ. Иаков Тимофеев

Закавказские сектанты «еговисты» // «Миссионерское Обозрение», 1906, № 1, стр. 64–74

В г. Александрополе (Эриван. губ.) в почтовый ящик было опущено закрытое письмо по адресу:

г. Борисоглебск. Его В-дию г-ну уездному Начальнику.¹⁶

«г. уездный начальник», ознакомившись с содержанием письма, переслал его в Тамбовскую духовную консисторию.

Так как письмо к приложенная к нему рукопись не бесполезны, по нашему мнению, для лиц, интересующихся малоисследованной в науке сектой «Общества Десных», или «Сионской Вести», или «еговистов», то мы и помещаем их на страницах «Миссионер. Обозрения».

I. Письмо. Из человеколюбия моего посылаю вам сие неизреченное благовестие от богосвятых пророков Егови; прошу вас, благоразумный читатель, или читательница, обратить ваше внимание на сей голос призывающего всякого человека к бессмертию. А по прочтении сего всевечного благовеста Божия, пожелаете еще следующих книжек, то обращайтесь Закавказ, в город Александрополь.

Григорий Белоусов Еговист.

II. Рукопись. Благовестие (страшное и отрадное) всех царствам, народам, и племенам от Бога святых пророков, или обнаружение самых главных тайн из сатанинских глубин¹⁷, и какой конец сатане и всем сатанистам его.

К.с. 14–6.

1890 г.¹⁸

Эпиграф. Пришедшего с востока, я возбужду на север, и он возвестит всем народам имя мое и общечеловеческую истину: дабы я, придя не истребил бы всех людей до единого. (Ис.41:25, 26; 42:6, 1; Мал.4:5, 6).

Кто устоит против всех страшных принуждений и адски хитрых заманов от всемірно-братской веры в отдельные и к отступлению от моих повелений в Книге с Неба, тому я буду Богом, а он будет мне сыном и дам ему посидеть со мной на троне моем¹⁹: говорит Бог святых пророков Егова.²⁰

I.

Иудей

Наша иудейская вера²¹ есть самая истинная.

Всемирный Светитель

Вероятно потому ваша вера есть истинная, что иудеи противятся Егове, со времени исхода их из Египта и до днесь, и потому-то убивали и убивают всех посланников к ним от Него²², да и самого Егову²³ и в продолжении 4.000 лет разделились на многие адски-бесчеловечные толки или секты²⁴ и ни за что не хотят отстать от сатаны и возвратиться к

Егове так же, как возвратились к нему 10 колен ваших или израильтяне, которых Егова спрятал в Арсарете²⁵ от сатанинских талмудов и христианств, еще за 700 л. до Р.Х. (См. 3(4)Езд.13:40, 48; Зах.1:3; Ис.65:2; 6:9, 10; 66:6; Иез.2:2, 6; 3:26, 27; К.с.2:3; 3:9; Мф.23:33; 3:7).

II.

Христианин

Только христианская вера²⁶ есть истинная.

Всемирный Святитель

Вероятно, потому она есть истинная, что христианская вера началась раздором у самих Апостолов²⁷ и с легкой руки Апостолов христиане начали разделяться на разные адски-враждебные толки или секты²⁸ и началось страшно-бесчеловечное гонение одной секты другою и в продолжении 1860 л. были замучены, убиты и даже сожжены живыми многие миллионы христиан христианами же, что, как видите, совершается и ныне. А потому, надо полагать, что самыми сильным доказательством истинностей христианства и иудейства вы признаете то, что все христианские и иудейские секты противятся Егове (или Иисусу Христу) и ни за что не хотят исполнять повелений его в книге с неба, – или не верят сказанному им в «К.с.»1:1–3; 22:6, 7; 9:17; 21:8, 27; 22:15; 20:15; Мф.25:31–46; и потому не видят²⁹, что посредством такого разно-верного и адски-злодейского христианства и бесчеловечного иудейства ныне сатана превратил и *все* человечество в погибельно« мракобесие (см. «К.с.»12:12; 13:8, 11–15; 17:2, 8; 18:3; 23, 24; 19:2; 2Т. и М.3:1–13; Ис.60:2–3; Иуд.1:9; Мф.6:24; Рим.8:8–5).

III.

Иудей и христианин

Так что же на это говорит Егова?

Всемирный Святитель

А говорит так: Вот я начинаю творить *все* новое; а именно: иудеев и христиан предам проклятию³⁰, как самых злейших врагов моих³¹, и на место их наберу себе *новых* рабов, и новых рабов моих назову *новым* именем, еговистами; сатану же закую в цепи ввергну в глубокий провал³², а противящихся мне сатанистов³³ истреблю страшными казнями³⁴; сей земной планете дам новый вид³⁵, мир и благоденствие и воцарюсь на ней с новыми рабами своими³⁶ на 1000 лет. «К.с.»20 – 4; и I, II и III в «Призыве».³⁷

IV.

Иудей и христианин

Так какую же веру мы должны принять в нынешнюю всемирно-погибельную годину искушения, или во время сего всемирного мракобесия? (К.с.3–10, 11; 2Тим.3:1, 13).

Всемирный Светитель

Ай, ай! Как вы сильно оглушены и ослеплены, что даже и после сих ясных вещаний Божиих, вы не услышали и не увидели, что *всякая вера бесполезна* человеку! (Мф.25:31, 46; 1Кор.15:29; 2Кор.1–9; Иак.2:1; К.с.13–6; 2Кор.4:4).

Иудей и христианин

А что же полезно человеку?

Всемирный Светитель

Бессмертие: ибо сделаться бессмертным нет ничего драгоценнее на всех *бесчисленных* солнцах, планетах и кометах в *бесконечном* пространстве.

Иудей и христианин

Да, это так! Так как же нам сделаться бессмертными?

Всемирный Светитель

Прочитайте Божию книжку: «Призыв всех смертных людей к бессмертию».

Иудей и христианин

Чистосердечно воскликнули: «благодарим вас, всемирный светитель от Бога, за такое драгоценнейшее открытие нам!» и поклонились Всемиру Святителю до земли.

Всемирный Светитель

Братия, человеки! что вы это делаете? Неужели вы не видите, что я такой же человек, как и вы? За *приближение* вас к бессмертию благодарите Самого Бога бессмертия Егову или Иисуса Христа, а не Меня!

V.

Повеление от Егovy

Самому главному противнику Его или всеиудейскому рабину, Ротшильду во Франкфурте. Осыпанный брильянтами адски-хитрый талмудант сатанинских глубин³⁸, заталмудывающий иудеев на смерть. 4000-летиям талмудом Творца смерти: чтобы никто из них не сделался бессмертным.³⁹

Бог святых пророков⁴⁰, убитых иудеями, Егова повелевает тебе чрез Меня: чтобы Ты даль перевести на все языки⁴¹ это благовестие Его и разослал бы оно к иудеям во все главные порога по всему міру, с повелением им от Егovy: чтобы они с восторгом и не страшась и не жалея ничего раздавали бы оно всяким христианам и подобным им угодникам Богу и мамон⁴²: ибо спасение всем чрез иудеев. (Ин.4:22; Ис.56:6, 7).

И при сем повелено напомнить тебе, что если ты, в сей последней битве Егovy с сатаной, исполнишь это повеление Егovy, то он сделает тебя не только бессмертным, но и светящимся, как небесные звезды⁴³; но если ты в угоду сатане не исполнишь оно⁴⁴, то ты будешь проклят на всю нескончаемую вечность также, как и дафановцы, авироновцы, сауловцы, давидовцы, ахавовцы, иродовцы и все гонители св. пророков и апостолов, или как все угодники Богу и Гову. (Мф.6:24; Рим.8:5, 8).

VI.

Ура и аллилуия! Тебе, предвечный человек, Егова, воскрешающей мертвых за это разрушение Тобою всех сатанинских вер или угождений Богу и Гогу; пушками и штыками, звонами и сладкогласными тонами, старинными и новомодными обрядами и нарядами, разрушением братолюбно-единительной заповеди твоей, духовным и брюховным вельможеством, или порабощением, деспотизмом и богатством, загонкою душ в рай⁴⁵ разноценными панихидами, индульгенциями⁴⁶, траурами и сидением и лежанием на твердом, долгобормотанием казенных молитв⁴⁷, постройкою молитвенных храмов, шхол и блудилищ, принесением великих жертв, празднованием и постами и даже доскопоклонством и адохломольством⁴⁸ и глотанием сифилиса из золотой чаши (К.с.17 – 4).

VII.

Слышите ли: цари, вельможи и богачи, папы 3-х Римо, патриархи, далай-ламы, брамы и шейх-хульсламы⁴⁹, и чудотворны рабины, и великие богословы: караимские и иерусалимские, православные и левославные, протестантские и сбокустантские (?), дониконианские и дубинопетровские (?), окружные и противуокружные, коренные и пристяжные (?), униатские и единовержеские, мормонские и молоканские, штундистские и духоверческие, подрезанные и отрезанные (?)?

Нет, не слышите: ибо сатана наглухо заклеил уши ваши его истинными верами, патриотическими и житейскими законами, похоти смертной плоти! (Рим.8:5, 8; Иак.4:4; 1Ин.2:15; К.с.2–20; 17–2; 18–3, 23, 24; 19–2; 13–8; 11–15; 2–2, 24; 3–9; 16–18; Ис.1:10; 16; Иер.7:22, 26; 25:4)!

Ну, так и не слышите, аж до самого Армагеддона!⁵⁰ (К.с.22–11). Аминь.

«Всемирный Святитель, посланный от Еговы. Илия».

Адреса такой: по Пермь-Тюменской ж.д., ст. и зав. Баранча: Данилу Михайлову Дерябину или Павле Васильевне Дерябиной.

Без сомнения, приведенное вами «благовестие» принадлежит перу «еговиста». В этом нас убеждают как пропагандист «благовестия» Белоусов, именующий себя «еговистом», так особенно содержание самого «благовестия», составитель которого называет «новых рабов Еговы» также «еговистами» (см. III гл. «благовестия»).

Скажем несколько слов о лице писателя. Автор «благовестия» – некий «всемирный святитель, посланный от Еговы. Илия». Полагаем, что этот «Илия» – никто иной, как известный основатель секты «Общества Десных» или «Сионской Вести» – штабс-капитан артиллерии Николай Созонтович Ильин. Хотя составление рукописи помечено 1890-м годом, по Ильин в этом году еще *был жив и «благовестие» могло быть одним из его последних сочинений: не потому ли и к Ротшильду он обращается с словами: «если ты в сей последней битве» (очевидно, что Ильин давал последнюю битву врагу «бессмертия» и проиграл ее!...)*.⁵¹ Правда,

последние годы Ильин проживал в г. Риге, или Митаве, а в указанном «Ильею» адресе помещен: «завод Баранча» (Перм. губ.). Но это мы объясняем тем, что Ильин предпочитал хранить и рассылать свои сочинения из места своей первоначальной деятельности, каковым и был Баранчинский завод, куда к своим адептам он и предлагает читателям «благовестия» обращаться за получением других его сочинений. Если же обратим внимание на то, что «Илия» именует себя «Светителем», от слова – «свет», любимого Ильиным, напр., в его главном сочинении: «Луч света рассвета»⁵², и что вразумительные послания к заграничным евреям также были в духе Ильина и, наконец, что в письменном обращении Белоусова к «г. уездному начальнику» Илия выступает в роли ересиарха «еговистов», каким был Ильин, то опять приходим к заключению, что автором данного «благовестия» был именно штабс-капитан Ильин, и что написал он его в месте своего последнего жительства – в г. Риге, или Митаве. Тогда же в последние годы своей жизни, Ильин присвоил своим адептам и звание «еговистов».

Что касается «еговиста» Григория Белоусова (не псевдоним ли?), то последний останавливает на себе наше внимание лишь потому, что дает повод заключать о перелете «Сионской Вести» с Уральских гор в пределы Закавказья, где она пропагандируется им. Почему же Белоусов вздумала осчастливить Тамбовскую губ. «неизреченным благовестием»? – неизвестно. Уж не родом ли он из Борнсоглебского уезда, богатого разными сектами и, между прочим, субботниками, под каким именем известны в народе и «еговисты»? Если последнее – открытый вопрос, то посещение Закавказья «вестью с Сиона» – бесспорно.

Перейдем теперь к вопросу об учении «Илии» по его «благовестии». Главным источником вероучения «Илии» служит «Книга с неба», т.е. Апокалипсис св. Ев. Иоанна Богослова. Отсюда он берет тему для своего «благовестия» – «обнаружение самых главных таин из сатанинских глубин» (сравн. Апок.2:24) – и здесь же находит для себя повеление возвестить его «всем царствам, народам и племенам» (ср. Апок.14:6). В доказательство правоты своего учения он ссылается преимущественно на «Книгу с неба» и в «неисполнении повелений Егovy (т.е. Иисуса Христа), заключающихся в *Книге с Неба*, видит самый тяжкий грех иудеев и христиан. Кроме Апокалипсиса, автор приводит цитаты и из всех – канонических и неканонических священных «книг Ветхого Завета, особенно из книг св. пророков, находя в них повеления «Егovy» в неповрежденном виде.⁵³ За новозаветным же св. писанием, кроме Апокалипсиса, он не признает божественного авторитета и относится к нему не только критически, но даже презрительно, уча, что апостолы извратили в нем учение «Егovy»; посему, если пользуется им, то редко и притом в целях бичевания христиан их же оружием.⁵⁴

Все вероучение «Илии» запечатлено духом крайнего и поразительно-кощунственного отрицания главным образом христианства, а затем иудейства.⁵⁵ Всячески глумясь над вероучением православной церкви, он доходит до отрицания и издевательства над всяким вообще христианством. Повеления «Еговы» или «Исуса Христа», по его мнению, извращены Апостолами, которые «на разные толки разрушали Синайский закон «Еговы». Апостолы же *первые* положили начало сектам в христианстве и последнее с этого времени стало ложью, ибо «разделяется только ложь, а не истина» «С легкой руки Апостолов и все христиане начали разделяться на разные адски-враждебные толки или секты, которых ныне стало «666». – Бичует Илия и иудеев-талмудистов⁵⁶, насчитывая у них до 10 «адски-бесчеловечных толков или сект», появившихся вследствие противления их «Егове» и угождения «сатанинскому Талмуду Творца Смерти». «Посредством сатанинских Талмудов и христианств, посредством адски-злодейского христианства и бесчеловечного иудейства ныне, пишет Илия, сатана превратил и все человечество в погибельное мракобесие», посему «Егова предаст проклятию иудеев и христиан, как самых элейших врагов своих».

Казалось, что Илия, упившись хулой на христианство и иудейство, укажет людям на новую, единственно-истинную веру... Однако, на вопрос своих собеседников: «так какую же веру мы должны принять в нынешнюю, всемірно-погибельную годину искушения, или во время сего всемірного мракобесия»? он отвечает, что «для новых рабов Еговы», носящих «новое имя еговистов», не нужно никакой веры, ибо «всякая вера бесполезна человеку» и даже более того – вредна, так как «сущность всякой отдельной веры состоит в угождении Богу и мамоне или сатане» и исходит она «от сатаны», в руках которого является сильным орудием в борьбе его с «Еговою».

Полное отрицание «всякой веры», не только всех существующих, но и всякой *новой*, необходимой для *всего* рода человеческого, вытекает у «Илии» из его положительного религиозного міросозерцания. По учению «благовестия», в міре происходит борьба двух начал – Творца бессмертия с Творцом смерти. Творец «бессмертия» – «Егова» не есть Бог в христианском или иудейском смысле, а «человек», отличный от обычных людей только тем, что он «человек предвечный», т.е. прежде веков одарен бессмертием и имеет силу и власть «воскрешать» других людей. Таким образом по существу своей природы «Егова» – простой человек, ибо и каждый человек может сделаться бессмертным: но только «Егове» бессмертие присуще в максимальной степени; посему только он сохранил свое «предвечное» бессмертие и избытком бессмертной силы может побеждать Творца Смерти. Той же силой (иной у него нет по «благовестию») бессмертия «Егова» творит землю⁵⁷ и, посредством землетрясения, дает «сей земной планете новый вид», проваливает

Америку в океан, истребляет сатанистов, заключает сатану в глубокий провал и воцаряется с своими новыми рабами на земле, где водворяет мир и благоденствие. Можно думать, что по учению «благовестия» и весь род человеческий сотворен «предвечным человеком – Еговой»⁵⁸, но, как одаренный силой бессмертия в меньшей степени, он пал в борьбе с сатаной. Когда совершилось первое падение людей – «благовестие» не говорит; но иудеи впервые пали по исходе своем из Египта. До сего же времени они исполняли повеления «Еговы» и, следовательно, должны были остаться «бессмертными». Если же мы не видим их в живых, то это, быть может, потому, что и их «Егова» скрыл «в Арсарете» от «сатанинских талмудов и христианств», а также потому, что «сия земная планета» еще не изменена, чтобы быть пригодной для обитания их на ней.

«Творцом смерти» является сатана. Как «творец смерти», он был раньше ее; а так как смерть в мире от века, то и сатана так же, как и «Егова» – предвечен. По самой своей природе он враг «бессмертия» и борется с «Еговою» и его рабами – людьми, увлекая последних, посредством «разных истинных вер, патриотических и житейских законов» в царство смерти.

При таком учении «благовестия» о двух царствах, неудивительно, что «Еговисты» не должны иметь никакой веры, ибо всякая вера ведет в царство Творца смерти – сатаны». Одно, что только нужно «еговистам» – это бессмертие, к которому зовет «Егова» иудеев и чрез них всех смертных людей.

Не решая вопроса: «как сделаться бессмертным», Илия рисует нам в «благовестии» самое «бессмертие», хотя в чертах преимущественно отрицательных. Так, с положительной стороны, бессмертие «Еговиста» состоит в 1000-летнем чувственном наслаждении «миром и благоденствием», которые водворятся на «сей земной планете» с воцарением на ней «предвечного человека – «Еговы». С отрицательной же, бессмертие – царство «Еговы», с наступлением которого прекратится на земле «все человеческое погибельное мракобесие»; исчезнут «сатанинские талмуды и христианства»; иудеи и христиане будут преданы проклятию и истреблены смертными казнями» и, наконец, сам «сатана будет скован и введен в глубокий провал», а с ним погибнут и «все его сатанинския истинные веры, и патриотические и житейские законы», удовлетворяющие лишь «похотям смертной плоти» и, «угождающее лишь Богу и Гогу». «Мир и благоденствие» на земле состоят в полном отсутствии у людей «всякой веры» и «законов», регулирующих и охраняющих общественную и государственную жизнь народов. Царство абсолютного безверия и безначалия и в то же время «братолюбного единения», или равномерного пользования земными благами – вот царство «Еговы – предвечного человека»!... Полная анархия и социализм – вот девиз «Еговистов». Но рисуемый в «благовестии» идеальный

общественный строй на «сей земной планете», правда, обновленной, настолько утопичен, что напоминает собой бред горячечной головы. И пусть бы «Еговисты» ждали прежде «нового вида сей земной планеты», а потом уже возвещали свое «отрадное благовестие»; но нет – их обуяла ревность не по разуму, и они стремятся против воли своего же «Еговы» насадить его царство на "сей земной планете» в неизменном виде! Посему и «благовестие» их не – «отрадное», а «странное»!...

И. Айвазов

Беседа с хлыстами (ныне именующими себя общиной «Новый Израиль») о воплощении Господа Иисуса Христа // «Миссионерское Обозрение», 1906, № 1, стр. 75–82

По приезду в хутор, среди жителей которого имелись хлысты, я попросил сектантов прийти в храм для собеседования. К назначенному времени в храме собрались православные, желавшие послушать беседу. Пришли и сектанты, но с видимой неохотой; между ними был местный хлыстовский «пророк»; пришло несколько женщин – хлыстовок.

Пред беседой я по обычаю заявил православным и сектантам, что желаю совместно со всеми собравшимися почитать для общего назидания св. Писание и разобрать в нем некоторые места.

– Прочтите (1Ин.4) и объясните, сказал один из хлыстов.

Все пропели «Царю Небесный», помолились.

Я прочел:

«Возлюбленные! не всякому духу верьте, но испытывайте духов, от Бога ли они, потому что много лжепророков появилось в мире. Духа Божия (и духа заблуждения) узнавайте так: всякий дух, который исповедует Иисуса Христа, пришедшего во плоти, есть от Бога. А всякий дух, который не исповедует Иисуса Христа, пришедшего во плоти, не есть от Бога, но это дух антихриста, о котором вы слышали, что он придет и теперь есть уже в мире» (ст. 1–3)... Довольно? обратился я к сектанту.

– Довольно.

Я объяснил:

– По учению, данному от Бога, Господь Иисус Христос, Сын Божий, есть истинный Бог и истинный Человек (1Тим.2:5; 3:16). Если бы Христос был простым человеком, или если бы он был Богом, но не был бы и человеком, Он не совершил бы нашего спасения (Пс.48:8; Евр.5:8–10). Христос был Богочеловек, Бог, пришедшей во плоти. Эту мысль и утверждает здесь Апостол.

Что значит: ... «пришедшего во плоти»? Если я сейчас хожу пред вами, то про меня можно сказать: человек – ходящий, а если я был и ушел, то говорят: – пришедший и ушедший. О Господе нашем Иисусе Христе так сказано: «нисшедший Он же есть и восшедший превыше всех небес, дабы наполнить все» (Еф.4:10). По учению Апостолов мы должны исповедовать того Христа, «Который, восшед на небо, пребывает одесную Бога» (1Пет.3:22) на небесах...

Я увидел, что сектанты смотрели на меня с насмешливыми улыбками. Из среды их послышалось:

– Нисшел (ни-сшел), значит, Он и не сходил!

– Небеса что означают?

Я сказал:

– Если, положим, я умру и после меня будет миссионером батюшка, другое это будет лицо?

– Другое.

– А Христос один?

– Един.

– А у вас, когда умрет ваш Христос, вы ставите другого?

– Должность одна...

– А лицо другое. Это – не по Божьи. Ведь сказано, что нужно исповедовать Христа «пришедшего во плоти», а не «приходящего во плотях». Христос – *Единородный* Сын Божий (1Ин.4:9). Небеса я понимаю так, как понимают все люди. Этим словом, во-первых, означает видимое небо; во-вторых, оно означает и невидимое, отдельное от земли, место пребывания Бога, ангелов и святых. По-вашему, «небеса» – это люди, да?

– Как вы объясните слова: «небеса проповедуют славу Божию»?.⁵⁹

– Я объясняю эти слова так, как учит писание. Невидимое Божие, вечная сила Его и Божество чрез рассматривание творений видимы (Рим.1:20) и в этом смысле, творения, в том числе и небеса, говорят нам о славе Божией.

По-вашему, Христос есть сейчас во плоти на земле?

– Он всегда с нами.

– Где он живет?⁶⁰

– Этого мы вам не скажем; Сын Человеческий – не имеет, где главы поклонить.⁶¹

– Позвольте, я вам прочту о Христе из св. Писания по порядку, сказал я.

– Писание мы завсегда готовы слушать, сказал хлыстовский «пророк».

– Кто изменит учение св. Евангелия, тот – анафема (Гал.1:8).

– Так, сказал пророк, и мне показалось, что глаза его заискрились внутренним смехом.

– В Деяниях апостольских так сказано: Господь Иисус Христос после того, как сказал Апостолам, что время, в которое Бог восстановит царство Израилю, неизвестно людям, и обещал ученикам Своим Св. Духа, «поднялся в глазах их и облако взяло его из вида их. И когда они смотрели на небо, во время восхождения Его, вдруг предстали им два мужа в белой одежде и сказали им: мужи Галилейские! Что вы стоите и смотрите на небо? Сей Иисус, вознесшийся от вас на небо, придет таким же образом, как вы видели его восходящим на небо» (1:9–11).

Сказано было Апостолам от Ангелов, что Сей Иисус, Который жил на земле и Которого облако скрыло из вида учеников, придет тем же путем... Когда Господь продеть? Как узнать Его пришествие, когда оно совершится? Нет ли Его теперь?

Сам Христос на эти вопросы дал ясные ответы. «И приступили к Нему ученики наедине и спросили: скажи нам, когда это будет и какой признак Твоего пришествия и кончины века? Иисус сказал им в ответ: берегитесь, чтобы кто не прельстил вас: ибо многие придут под именем Моим и будут говорить: я Христос, и многих прельстят"... Я прочел (Мф.24:1–33), повышая голос на следующих стихах: «Тогда, если кто скажет вам: вот здесь Христос, или там, не верьте: ибо восстанут лжехристы и лжепророки"...

«Вот! Я наперед сказал вам. Итак, если скажут вам: вот Он в пустыне, не выходите: вот Он в потаенных комнатах, не верьте"... ибо как молния исходит от востока и видна бывает даже до запада, так будет пришествие Сына человеческого. И вдруг после скорби дней тех солнце померкнет, луна не даст света своего, и звезды спадут с неба и силы небесные поколеблются: тогда явится знамение Сына Человеческого на небе; и тогда восплачутся все племена земные и увидят Сына Человеческого, грядущего на облаках небесных с силою и славою великою». (Мф.24:3–33)...

Некоторые женщины среди слушателей тихо плакали.

– Что, указанные Господом, знамения Его второго пришествия были? обратился я к народу.

– Нет, не были, – ответили мне.

– Значит и второго пришествия Христова еще не было. Первое пришествие Христа на землю было, второе будет, его мы ожидаем; так учит Апостол: «Христос, *однажды* принеши Себя в жертву, чтобы поднять грехи многих, *во второй раз явится* не для очищения греха, а для *ожидающих* Его во спасение (Евр.9:28).

В собеседование вступили женщины – хлыстовки.

– Вы, стало быть, без Христа теперь? сказала одна.

Как же сказано, что Христос – из рода в род, вчера, днесь. Той же и во веки?⁶²

– Чистые сердцем видят Бога, заметила другая.

– Господь сказал: вот Я с вами во все дни до скончания века (Мф.28:20). Он всегда пребывает с истинно верующими в Него, но как – видимо, или невидимо? И не сказано в Писании: чистые сердцем «видят» Бога, а написано: «узрят» (Мф.5:8), т.е. увидят в будущем.

Вы как считаете: св. Ап. Петр имел Духа Божия? спросил я собеседниц.

– Считаю, имел.

– Он так пишет от лица всех Апостолов: о сем (т.е. о спасении, готовом открыться в последнее время) радуйтесь, поскорбевши теперь немного от различных искушений, дабы испытанная вера ваша оказалась драгоценнее гибнущего, хотя и огнем испытываемого золота к похвале и чести и славе в явление Иисуса Христа, Которого *не видевши* любите, и

Которого, *доселе не видя*, но веруя в Него, радуетесь радостью неизреченною и преславною, достигая наконец верою вашу спасения душ» (1Пет.1:6–9). И сам Христос Спаситель сказал: «блаженны не видевшие и уверовавшие» (Ин.20:29).

Я говорю так, как учили Господь и Апостолы: мы любим Христа, не видевши (1Ин.4:20; Мф.25:37–40, 44–45), веруем в Него, доселе Его не видя.

– Кто видит, а кто не видит, сказал «пророк».

– Вы не видите и нехай, пусть не видите! резко воскликнула одна из хлыстовок.

– Вы видите?

– Мы видим.

– У вас значит учение не апостольское, а – свое?

– Пусть будет свое, сказал хлыст. Вы постройте нам Церковь?

– Я, признаться, не понимаю: чего вы хотите?... Чего он требует? обратился я к близ меня стоящему православному.

– Он просит вас показать, из кого составлена теперь Церковь? объяснили мне.

– Церковь составлена из пастырей стада Христова и верующих во Христа членов.

– А глава-то есть у вас? торжествующим тоном сказал «пророк».

– Я вам уже сказал, что Христос пребывает в Церкви невидимо. Из кого состоит видимая Церковь, ясно показано у Ап. Петра: «пастырей ваших», пишет он, «умоляю я, сопастырь и свидетель страданий Христовых и соучастник в славе, которая должна открыться, пасите Божье стадо, какое у вас, надзирая за ним не принужденно, но охотно и богоугодно, не для гнусной корысти, но из усердия, и не господствуя над наследием Божиим, но подавая пример стаду: и когда *явится* Пастыреначальник, вы получите неувядающий венец славы» (1Пет.5:1–4). Мы веруем так же, как Апостолы: Церковь состоит видимо из пастырей и стада Христова, а Пастыреначальник – Христос, не сказано: живет в плоти на земле, а – «явится».

Я пригласил всех помолиться. Православные спели «Отче Наш». Сектанты подтягивали, но крестного знамения на себя не клали.

После молитвы я продолжал:

– Апостолы ожидали пришествия Господа по Его вознесении на небо. Мы желаем следовать христианскому учению: и мы должны ожидать.

– Ну, вы и ожидайте, а мы дождались.

– Где же в писании сказано, что Христос будет вечно во плоти на земле?

– Вы все равно не поймете, сказал хлыстовский «пророк». Сказано: утаил от премудрых и разумных и открыл младенцам.⁶³

– Вы науки прошли, и вам этого не увидеть, а нам открыто, сказал другой сектант.

– Спаситель сказал ученикам: «что говорю вам в темноте, говорите при свете; в что на ухо слышите, проповедуйте на кровлях» (Мф.10:27). Почему вы не хотите показать доказательств своего учения?

– Прочтите (1Кор.15), сказал «пророк».

Я попросил прочесть одного из православных.

Все слушали.

Когда чтение дошло до 6 ст., сектант воскликнул:

– Видите, из которых большая часть доныне в живых? значит, и теперь должны быть люди, которые видят Христа, пришедшего во плоти.

– Апостол Павел жил в 1-м столетия после Рождества Христова. Когда он писал первое послание к Коринфянам, некоторые лица, бывшие свидетелями явлений Господа, действительно, были еще живы. А теперь, когда уже 18 веков прошло после того времени, о котором писано, лица эти – Апостолы Петр, Иоанн и другие – уже умерли.

– Прочтите, пожалуйста, всю главу, попросил я чтеца.

Я остановил внимание сектантов и слушателей на (ст. 13–14, 19, 53).

– Вы не признаете, что Христос воскрес, вознесся на небо, вы – в этой жизни имеете у себя Христа, на которого уповаете, сказать я сектантам, по Апостолу – вера ваша тщетна, вы – во грехах и несчастнее всех человеков, если в этой только жизни надеетесь на Христа. Писание учит нас надеяться на Христа в будущей жизни. Мы теперь живем надеждой (1Кор.13:13).

«Надежда же, когда видит, не есть надежда, ибо если кто видит, то чего ему и надеяться? Но когда надеемся того, чего не видим, тогда ожидаем в терпении» (Рим.8:24–25).

Для верующих в царствии небесном не будет смерти, не будет слез, печали. Здесь, на земле – скорби и печали, здесь все – преходяще.

Кто отвергает небесную жизнь, загробную, отдельную от земли, суетна вера того человека! А мы – православные веруем, что Христос воскрес, воскреснем и мы и «тленное сие облечется в нетление, смертное сие – в бессмертие», ожидаем воскресения мертвых, и жизни будущего века!

– Укажите нам: что значит, что человек – храм Духа? – спросил меня один из сектантов.

Во св. Писании есть места, в которых сказано, что человек, тело его и верующие суть храм Духа Божия (1Кор.6:19; 2Кор.6:16 и др.). Когда светит солнце, оно отражается и на морской дали, и в реке, и в каплях росы; но море, река и роса не есть солнце. Вот проявляется и в жизни тварей, и обитает благодатью в сердце верующего, но человек – не то же, что Бог.

– А все-таки верно, что Бог обитает с чистыми душой? спросил лжепророк.

– Верно.

– Ну, вот, и мы так понимаем. Больше ничего. Кто живет, как должно, – в том – Бог.

– Закончим, братия, нашу беседу, сказал я. Что в сердце того человека, который живот свято, обитает Бог, – это верно. Но верно и то, что «если кто скажет вам: вот тут Христос, вот – там, вот – Он в пустыне, вот – Он в потаенных комнатах, не верьте, не выходите!» и ныне мы любим Христа, исповедуем, что Он приходил на землю, пришел и восшел от земли, веруем в Него, не видя Его во плоти. Так нас учит Евангелие. А кто учит по-своему, тот отлучен от Церкви Христовой!

Сектанты молчали и на лицах наиболее рьяных из них по-прежнему играли загадочные, высокомерно-насмешливые улыбки.

Беседа была закончена пением «Спаси, Господи, люди Твоя».

– Завтра прошу вас опять прийти на собеседование, сказал я сектантам.

– Завтра мы не придем, сказал главарь, полицией разве потянете, тогда другое дело.

– Воля ваша⁶⁴; я прошу прийти.

Я прочел народу (2Фес.3:6, 14–16), раздал брошюры. Сектанты и народ стали расходиться.

Настроение после беседы у меня было тяжелое. О, эта косность, тупость заблуждения! Сколько мучений она доставляет миссионерствующей братии!

Батюшка после беседы пригласил меня к себе.

Меня встретила бывшая на беседе и заблаговременно пришедшая домой матушка:

– Ну, чего вы с ними колотитесь? Мне вас, право, жаль стало. Я бы на вашем месте...

Она не договорила.

Я и сам не знал, что я должен бы сделать на своем месте, чтобы повлиять на них. Я понимал, что слова, произносимые мной, в понимании хлыстов имели совершенно другой смысл. Что нужно было бы сделать, чтобы рассеять эту тьму хлыстовщины и вернуть их в круг ясного понимания светлой евангельской истины? Мне даже приходил в голову вопрос: что сделал бы на моем месте кто-либо из Апостолов? и послушали ли бы они его?

Нужно поступить в их общину, расплакаться вместе с ними? тогда... но для этого нужно очень много... и что в конце концов выйдет из этого?

Чувствовалось тоскливо.

Я решил на другой день сделать еще попытку к вразумлению моих духовных пациентов.

Д. Грацианский

**Летопись периодической духовной и светской печати и
новый книги по вопросам веры и миссии церкви. Церковная
кафедра и политические партии // «Миссионерское
Обозрение», 1906, № 1, стр. 83–91**

(По поводу «Мнений и отзывов» «Церков. Вестника» № 50, 1905 г.)
«Братие, более и более старайтесь
делать твердым ваше звание и
избрание: так поступая, никогда не
преткнетесь». (2Пет.1:10).

Автор «Мнений и отзывов» «Церковного Вестника» (№ 50 1905 г.),
надо думать, коснулся вопроса об отношении «церкви к политике», с
намерением «захватить его в принципиальной глубине», и совершенно
запутал, его. Вопрос этот всю свою жгучесть имеет теперь не в общей
постановке – *об отношении христианина к вопросам земного блага*, а в
форме *конкретного отношения правящей и учащей церкви к той или
другой политической партии*. И мешать во едино то и другое, чтобы
вообще сказать по смешанному вопросу одно «да» или одно «нет» –
просто недоразумение. В первой постановке вопрос решается
безусловным «да», во второй – самым категорическим «нет». Между тем,
«Церковный Вест.», не поинтересовавшись сложностью вопроса, выносит
по нему общее «да», обвешав его тоже общими фразами, в которых никто
не нуждается.

«Мнения и отзывы» начинаются разговором «об отношении
духовенства к политике, или об участии церкви в процессе политического
и социально-экономического развития человечества». И узко, и широко.
Церковь и духовенство – понятия, кажется, разные. Разным может быть и
участие «в процессе политического и социально-экономического развития
человечества». Святители русской церкви, оказанные нашему государству
и народу незабвенные заслуги в «собрании Руси», и владыки
новгородские, с крестом в руках усмирявшие мятежи «в городе воли
дикой и буйных сил», несомненно, делали «политику» России. Но и
Рысаков, Кабальнич, Перовская и комп. 1 марта 1881 г., как и московские
мятежники минувшего декабря, тоже ведь «участвовали в процессе
политического и социально-экономического развития человечества». Но,
думается, характер участия в политике первых и вторых существенно
разнится. Делать политику, насаждая в стране семя Христовой правды и
любви, далеко не то же, что участвовать в ней с обрывками только
неустойчивой и разноречивой человеческой науки, а при случае и с
бомбой в руках по адресу противников. Отношение церкви к той и другой
политике может и должно быть только противоположным. «Церков.

Вестник» не разграничил этих политик, и помимо того, что дает посему ложное освещение статьям, в разных духовных журналах, посвященным этому вопросу, призывает церковь к участию в политике.

Упомянув об участии церкви в политике в давно прошедшие времена, он пишет:

«Суть дела нисколько не меняется оттого, что старая историческая политика решала проблему внешней государственной централизации и усиления монархической власти, а новейшая политика занята проблемой народовластия и социализации экономического строя. Переменились только программы и методы творчества, но цель – *общенародное благо* – осталось прежняя.

Любопытно бы узнать со страниц академического органа, призывающего церковь к участию в политике для «общенародного блага», какую из современных политических партий он считает ближайшей к этой цели. Мы думаем, это было бы интересно и для призываемых. Общие места давно надоели нам. Мы хотели бы руководства по отношению к живой конкретности. Ни одна, ведь, из многого множества наших политических партий, начиная с социал-революционной и кончая крайней правой, не признается, что она-де не имеет в виду «общенародного блага»; а посему церковь – раз она сойдет с своей настоящей политической позиции, – что «ищущим прежде Царствия Божия в правды Его» все необходимое для жизни «приложится» (Мф.6:33), – и перейдет на детальную критику разных политических партий по разуму человеческому, она скоро запутается в земном мусоре и вместо мира послужит вражде. Чисто-политическое обсуждение современного состояния России пастыре-учительною церковью открывает церковную кафедру для пропаганды самых противоположных политико-экономических понятий. У наших духовных отцов общей почвы не окажется и всякий из них с церковного амвона волен будет исповедовать свои собственные гражданские убеждения. А потому вполне возможно, что *ex cathedra* в одной и той же церкви «для общенародного блага» митрополит будет проповедовать в духе партии центра, а его викария – один в духе социал-демократии, другой – партии правового порядка, третий – «черной сотни», а протодиакон, «честно» проводя свои социал-революционные чаяния, откажется от церковного возглашения многолетия Царствующему Дому, и возгремит «благоденственное и мирное житие, здравие же и спасение... и на враги поспешение» ... Хрусталеву-Носарю. Такой или подобный образ может принять церковная «политика» и по всем градам и весям св. Руси. Разделение в церкви для «общенародного блага» может дойти в таком случае до самых кощунственных форм. И «на месте святе станет мерзость запустения». Истинно-православный христианин возгнушается тою церковью, где он, в жажде успокоения от

треволнений и дразг мірського життя, буде шукати небесного глагола миру і любові, а знайде тільки земний крик партійного розділення і ворожби.

В «Церк. Вестн.» пишеться:

«Якщо церква, керівима вірним інстинктивним(?) свідомістю(!) універсальності своєї задачі і любов'ю до людськості, не гнушалася раніше содействовать його зовнішньому благополуччю через «політику», то на яке підґрунтя тепер тікати в пустелю соціального бездіяльності?».

Якщо церква совершить таке втекти, вона совершить злочин; але не через «політику» вона може *содействовать*, як і раніше содействовала лікуванню соціальних недугів, а словом Євангельського благовістя миру на землі і примирення землі з небом; а до такого або іншого зовнішньополітичного устрою країни це слово безісходно, тільки б в ньому, цьому устрою, найбільше здійснювалися слова молитви Господньої: «Отче наш... да прийде *царство Твоє*, да буде *воля Твоя, як на небесах і на землі*». А з цієї точки зору ми б завадилися відповісти на запитання, що ближче підходило до цього ідеалу, наприклад, в християнській Франції: монархія Карла Великого, Людовика Благочестивого і т.п., або ж остання республіка в прем'єрство Комба, зваженого відкрите гоніння на церкву Божу? Беру полюси державного устрою. В проміжних його стадіях завадження в цьому випадку ще більше. Тому і думається, що церква тільки з євангельським масштабом і може підходити до оцінки політики всіх людей від царя до раба включительно. Тільки в цьому випадку вона збереже свою самооцінку і вірність своєму Божественному Главі, Спасителю світа.

Сам же «Церк. Вестн.» повідомляє, що «ніяка політика, *строго* говоря, *християнину* не потрібна». Чому б йому і не триматися цього ідеального представлення про християнина (і тим більше про християнського пастирства, про що він і почав свою мову), не говоря двусмысленностей в бажанні угодити «і нашим, і вашим» і приховати від світа свою християнську позицію? Різкошники в таких випадках говорять на бесідах своїм противникам: «ти, брат, повернись, а говори справа і по строку, щоб всім було ясно, що ти поєси».

Відомив, що «для християнина, строго говоря, ніяка політика не потрібна», «Церк. Вестн.» продовжує:

«Але ідеал цей втілюється повністю тільки вже в царстві слави... До цих пор, поки земна воююча церква... по необхідності совершает своє поприще в смузі, так сказати, компромісу між стихійним протихристиянським порядком речей і вищим християнським ідеалом, *членам церкви* необхідно йти *в саму гущу* земних державно-економічних відносин і, приносячи сюди на місце гніта законної необхідності, благодатну свободу і чудо любові, не дозволяти земним порядкам увековечивати своє несовершенство, не допускати

процветания власти «князя міра сего» вопреки славе града Божия. Итак, пока *мы* еще не святые, мы не имеем права на гордое пренебрежение интересами политики и экономики».

В этом «компромиссе» между «да» и «нет» «Церков. Вест.» может быть, и «захватил вопрос в его принципиальной глубине», но только едва ли на тему. Вопрос ставится не о том – обходимо или «необходимо *нам, членам церкви*» в виду таких или сяких соображений «идти в самую гущу государственно-экономических отношений... с благодатной свободой и чудом любви» (и даже с чисто житейскими интересами), а о том, какое отношение к этой «самой гуще», в виде всяких политико-экономических партий, должна иметь теперь наша «соль земли», наш светильник «вверху горы стояй», – наша *пастырская* церковь, которая, по самому своему служению, должна смотреть на вещи с точки зрения христианского идеала. В этом случае «компромиссы» с «гущей», необходимые нам, мірянам, должны быть ниже «строителей таин Божиих» обручившихся престолу Господню, поскольку Христос не был и «да» и «нет». Пусть звуки небесной мелодии от алтаря церковного и мало слышны будут теперь среди дикого рева греховного человечества, но рано или поздно душа человека расслышит их, как родную песню, опомнится и придет под «кров отчий». А смешайся церковь со «стихиями міра сего», она потеряна для своей цели. И имя ей будет: «соль обуявшая». Думается, ни по каким другим соображениям, как по этим, клирикам еще в эпоху вселенских соборов воспрещено было «вступать в распоряжение мірскими делами» или «в мірской чин» под угрозой церковного наказания или даже анафемы (4 вс. соб. пр. 3 и 7). «Пренебрегать интересами политики и экономика» мірскому человеку («члену церкви»), понятно, невозможно, иначе ему пришлось бы переселяться на луну. И разъяснены на эту тему «Церк. Вест.», при всей его учености, ровно никому не нужны. Что теперь настоятельно требуется разъяснить отношение церковной кафедры к политике в чистом ей виде – он об этом не проронил ни слова. А между тем, вопрос об участии духовенства в Государственной Думе, и особенно, если она будет иметь значение не только законосовещательного учреждения, должен бы быть для духовной прессы вопросом первой очереди.

«Церк. Вест.» в виду этого совершенно напрасно следует примеру «соседа Демьяна» и «потчует» читателей «ухой» общих до странности рассуждений. «Чем объяснить, – читаем в нем, – недомыслием или даже лицемерием – странность некоторых ревнителей церковных интересов (?) разлучать навсегда *церковь и политику*, когда самые церковные учреждения *имеют деньги*, кладут их в банки, отстаивают свои права путем суда и т.п.? Почему же, участвуя в государственной статике, нельзя участвовать и в ее динамике? Это, так сказать, *ultima ratio* «Церк. Вест.» по данному вопросу. Но сказал ли он, что он сам-то понимает тут под

церковью и политикой? Заговорил он об участии в политике духовенства и свел речь на участие в ней вообще членов церкви, на «мы». Что он понимает под *политикой христианина* – только ли «благодатную свободу» и «чудо любви», которую «член церкви» должен нести в «компромиссы между стихийным противохристианским порядком вещей и высшим христианским идеалом» и в «гущу земных государственно-экономических отношении на место гнета законной необходимости», или самые эти «компромиссы» и самую эту «гущу», – трудно понять, несмотря на то, что сказано из «принципиальной глубины»? А затем его основания. Самые церковные учреждения имеют деньги, кладут в банки, отстаивать свои права путем суда и т.п. ... Это ли не основание участвующим в государственной статике, участвовать и в государственной динамике? Ужели «Церк. Вестнику» ненавистно, что и Христос участвовал в государственной статике: Он имел деньги и даже Своего, так сказать, казначея Иуду («бе бо вор»), Он велел воздавать кесарево кесареви; а между тем отказался от раздела имения между двумя братьями, – т.е. от «гущи» «Церков. Вестника»? Или: когда ап. Павла с Силой в г. Филиппах побили, по приказанию воевод, палками и ввергли в темницу, а затем те же воеводы прислали городских служителей отпустить их, то «Павел сказал к ним: нас, *римских граждан*, без суда всенародно били и бросили в темницу, а теперь тайно выпускают. Нет, пусть придут и сами выведут нас... и воеводы, пришедши, *извинились* пред ними и, выведши, *просили* удалиться из города» (Деян.16). Наглядное участие ап. Павла «в государственной статике». Но вмешивался ли он в чистую политику государства, в котором проповедовал, участвовали ли они в «динамике» по выработке прав «римских граждан» и в их судебных учреждениях? Более того, митрополиты, епископы, пресвитеры и драконы, напр., носят платье из «тканей, изготовленных средствами капиталистического производства» и пьют вино; почему бы им, по логике «Церк. Вестника», не участвовать и в «динамике» департаментов торговли и промышленности и неокладных сборов?

Нет, Церковь, по своей идее, должна быть выше всякой чистой политики, как дух выше плоти и крови, и до себя должна возводить эту политику своим идеалом, а не сама нисходить до нее, рассуждая по земному. Историческая работа ее в последнем смысле (Феофан Прокопович и Духовный Регламент), быть может, и была одной из причин «омирщения» нашей церкви, кислых плодов которого до сих пор нам не сбыть.

Я. Гринякин

Р-ч. Открытое письмо гр. Л.Н. Толстому. СПб. 1905 г. 1 – 27.

Письмо сплошь, от начала до конца представляет собой восторженное, исполненное глубокой веры исповедание Христа Сыном Божиим.

Тон полемики благородный, душевный, христианский. Преобладает положительное выяснение истины, в высшей степени убедительное, по местам переходящее в поэтическое прозрение внутреннего смысла идеи Богочеловека, ее нравственно-прикладного значения.

Рекомендуем письмо всеми добрым христианам, а также и тем «страстными» полемистами, литературное «единоборство» которых часто не столько выясняет истину, сколько закрывает и затемняет ее.

Побольше бы таких книжек!...

А. Платонов

Опровержение неправды Старообрядческого Вестника // «Миссионерское Обозрение», 1906, № 1, стр. 89–91

«Старообрядческий Вестник» напечатал заметку под заглавием: «Скандал в родильном приюте». В этой заметке сообщается, что в родильном приюте в Н. Новгорода родила жена лысковского крестьянина Гр. Калинкина. Калинкин хотел взять своего ребенка домой для крещения, но ему не позволили, так как новорожденных не отпускают из приюта до известного срока, а он ждать не хотел. Для совершения крещения ему указана была особая комната, предназначенная специально для крещения всех новорожденных младенцев «неправославных родителей»; сюда ему и разрешили привести своего священника для совершения крещения над новорожденным. Старообрядческий (т.е. австрийский) свящ. о. Григорий Спирин, по зову Калинкина, явившись в приют, начал совершать крещение.

Так скромно, будто бы, начало совершаться крещение, но на самом деле, «Вестник» лукаво замалчивает некоторые обстоятельства, предшествовавшие крещению, а именно: Калинкин не пожелал крестить своего ребенка в комнате, которую ему указали, потому что в ней крестят новорожденных младенцев «неправославных родителей», католиков, протестантов и проч. Себя причислить в сонму неправославных Калинкин не пожелал, а для крещения своего младенца избрал коридор, отделяющий церковь от родильного заведения, где в это время хранилась церковная купель. В этом коридоре прямо против входа в церковь старообрядцы и устроили самочинно свою крещальню, а на ручку церковной двери повесили свой крест: против креста поставили купель и стали крестить младенца. Это было 29 августа часа в четыре; в это время назначено было крещение православных младенцев.

И это самочинное крещение раскольнического младенца на пороге церкви православной раскольники не считают скандалом, и о нем умалчивают!

А вот что они пишут далее:

о. Григорий начал совершать крещение. Совершение сего таинства близилось уже к концу; о. Григорий приступил к пострижению власов крещаемого, как вдруг врывается православный прот. о. Н. Ф-ий с такою силою, что крест, стоявший у стены (а стена-то каменная, пять четвертей толщины!) упал на пол. Ничего не говоря, он вырвал ребенка из рук о. Григория (разве старообрядческие попы для пострижения младенца берут себе на руки?), чуть не поранив его ножницами, которыми о. Григорий делал пострижение власов младенца. Не успели присутствующие опомниться, как ребенок исчез, а о. Николай, потеряв всякое приличие махал руками, топал ногами и грозил сослать всех чуть не на каторгу.

Собралось (откуда?) много народу! Никакие просьбы присутствующих не могли заставить о. Николая дозволить окончить крещение.

Сколько лжи и грязной клеветы высказано в этих немногих словах озлобленных раскольников. А между тем дело было так: в то время, когда раскольники крестили своего младенца, православный причт с восприемниками собрались в церковь для крещения православных младенцев. Вход в церковь устроен с улицы, с западной стороны, а с восточной стороны из церкви устроен ход для прохода в родильное заведение; этим ходом из заведения носят младенцев в церковь для крещения; этим ходом и протоиерей ходит в заведение для чтения молитвы родительницам и для наречения имени младенцам. Церковная дверь запирается из церкви и отворяется в коридор, где австрийцы против дверей крестили младенца. Псаломщик отпер дверь и пошел за купелью в коридор, не зная, что там делается; когда он отворял дверь, крест, висевший на дверной ручке, упал. Воротившись в церковь, псаломщик оставил дверь отворенною и сказал протоиерею, что делается за дверью.

Так как крещение младенцев иноверцев, а иногда и ревностных старообрядцев-единоверцев, допускается в заведении без ведома православного причта, то этому случаю протоиерей не придавал особенного значения и пошел в заведение для чтения молитвы родильницам. Из церкви протоиерей вышел чрез отворенную дверь. Этот выход протоиерея из церкви в коридор «Ст. Вест.» и описывает: «вдруг врывается правосл. прот. о. Н. Ф-ий с такой силою, что крест, стоявший у стены, упал на пол!

Протоиерей спросил стоявшего перед купелью: «откуда, бат., вы будете?». Тот ответил: «я старообрядческий священник, с Нижнего базара». Протоиерей сказал: «снимите ризу и уйдите отсюда; вам здесь не место». Спирин сказал: я окончу и уйду. Протоиерей ему заметил: «я вас прошу снять ризу и уйти отсюда, иначе я приглашу полицейского, и он вас удалит». Кум сказал протоиерею: «все одно, мы вам не дадим крестить». Протоиерей сказал: «я не прошу вас о том», и опять, обратясь к Спирину, сказал: «уйдите отсюда». Со Спириным пришли, кроме кума и кумы, мужик-псаломщик и еще две женщины. Женщина постарше стала упрашивать протоиерея дозволить окончить крещение, а другая женщина сказала: «что это в самом деле вы не уходите? ведь, ее хорошо вы сделали, что на дороге уставились крестить, да почти и в церкви; разве может батюшка вам дозволить здесь крестить? идите домой». Во время этого разговора из родильного помещения вошла сиделка, протоиерей сказал ей, чтобы она убрала младенца. Сиделка отнесла его в помещение для новорожденных младенцев, а протоиерей ушел в комнату к родильницам для чтения молитвы. Более никаких разговоров не было, да и разговаривать было некогда, потому что уже было 4 часа, мешкать было нельзя: нужно было, окрестивши младенцев, служить параклис и всенощную, так как 30 августа храмовой праздник в храме

родовспомогательного заведения. Ни крику, ни топанья, ни маханья руками, ни запугиванья Сибирью, ничего этого не было. Все это измышление раскольничьего корреспондента. Собралось много народу, пишет «Вестник». Это в помещении-то в сажень ширины к немного поболее в длину, в котором с протоиереем было 3 человек, да купель помещалась? Куда же народ-то собрался? Не сочиняйте небылиц!

«С матерью чуть не сделался обморок, – пишет, «Вестник», – хватились, где ребенок (а то и забыли, что его нет!) – нет нигде. Насилу нашли ребенка в одной из комнат, откуда раздавался жалобный писк, но она оказалась запертой, а ключ у протоиерея».

Эта нелепая сказка только и могла сложиться в голове лжеца. Ведь сам же он говорил, что ему не дали унести младенца из заведения до выхода родильницы; значит, в заведении есть условия, которым подчиняются люди, имеющие соответствие с заведением, а одно из этих условий таково, что к каждой родильнице для свидания допускается только один посетитель и то однажды. Посторонним лицам вход в заведение положительно воспрещен, а потому сказка о разыскивании младенца есть бред расстроенного воображения. Кроме того, протоиерей живет вне заведения, никакого ключа ни от какой комнаты и никакой комнаты в своем распоряжении не имеет, а чужие помещения запирают не имеют надобности.

Далее «Ст. В.» Пишет: «ключ у о. протоиереи. Сколько ни просили его отдать ребенка, все было напрасно». Где и когда просили? Протоиерей, давши молитвы родильницам, тотчас возвратился в церковь крестить, а потом служить.

Ложь, клевета, искажение фактов – вот те средства к защите старообрядчества, в котором прибегает печатный орган последнего, в 1-м своем номере напечатавши клеветническую корреспонденцию и тем уже зарекомендовавший себя с самой невыгодной стороны.

Прот. Н. Фиалковский

**Миссионерство, секты и раскол. Астраханская миссия в
истекшем году // «Миссионерское Обозрение», 1906, № 1,
стр. 92–97**

С чувством высокой духовной радости и глубоким интересом прочитали мы «Отчет Астраханского епархиального Кирилло-Мефодиевского братства за 1904 г.». Это – совсем необычный отчет. Это скорее целая историческая картина современной беспримерной работы миссионеров, целой армии защитников православия. Отчет в 90 стр. нами прочитан, с таким же удовольствием, как и хорошая историческая повесть. Приводим из него некоторые характерные данные.

Для более успешного воздействия на старообрядцев и сектантов и для охранения православного населения от раскольнических и сектантских заблуждений, вся Астраханская епархия разделена на 3 миссионерских участка, а участки на 10 округов. Каждым участком заведует бесприходный епархиальный миссионер, окружными состоят приходские священники; в помощь им приглашены некоторые из низших членов причта и из светских лиц способные и благонадежные. Для каждого епархиального миссионера и окружного имеются устроенные Братством миссионерские библиотеки с достаточным запасом книг противораскольнической и противосектантской литературы.

В первом миссионерском участии общее количество старообрядцев и сектантов определяется в 4.180 душ обоего пола, из коих 8.975 старообрядцев в 205 сектантов. Беспоповцы разделяются на различные секты и толки: поморцев, безбрачников и брачников, спасовцев, федосеевцев, никудышников и средников, поповцы в свою очередь – на беглоповцев и приемлющих австрийское священство противокружников и кружников. О существовании в 1 участке сектантов-мистиков можно только предполагать. Лет 15 назад в с. Оленичеве появились хлысты; движение это во время было остановлено, но следы его остались до ныне. Устройство отдельных от церквей собраний, пение на них духовных песней и отказ признать во всем руководство священника и вместе с тем слишком ревностное до лицемерия выполнение предписаний св. церкви дают основание полагать, что дух хлыстовства сказывается в Оленичеве и в настоящее время.

В отношении к расколо-сектантству в 1 участке принимались те же меры воздействия и вразумления, как и в прежние годы: публичные и частные беседы и поучения, внебогослужебные чтения миссионерского характера, раздача книг, листов и брошюр миссионерского содержания. В частности, о своей миссионерской деятельности миссионеры доложили Совету Братства следующее: а) и.д. епархиального миссионера протоиерей Евтропий Кочергин: деятельность моя до 1 мая

исключительно сосредоточивалась в г. Астрахани, так как в это время был отдельный епархиальный миссионер свящ. М. Русанов, с мая же я исправлял его должность за его освобождением от должности. Всех бесед мною было сделано: 25 публичных и до 150 частных; последние велись при всяком удобном случае: в домах, на улицах, на пароходах, лодках и на рыбных промыслах. б) И.д. епархиального миссионера протоиерею Евтропию Кочергину помогал приходской священник Тих. Березин, которому епарх. начальством разрешено именоваться миссионером. О своей миссионерской деятельности он доложил следующее: В отчетном году, как и в прежние годы, я старался посильно действовать на пользу миссии. К моему удовольствию, занимаемые мною должности представляют мне много удобных к тому случаев. Раскол и сектантство есть порождение невежества в вере и невежеством этим отчасти поддерживается, посему бороться с невежеством, разъяснять истины веры в православном духе – значит оказывать услугу миссии. И я старался неленостно проповедовать слово Божие – при каждом своем служении по праздникам и по будням великим постом. В течение года мною произнесено 62 проповеди. Во многих из них разъяснялись с положительной стороны прорекаемые истины веры, в других разбирались попутно заблуждения отщепенцев Церкви. в) Вновь назначенный в ноябре епархиальным миссионером 1-го участка священник Василий Добронравов прибыл из Саратовской епархии, где он состоял одновременно приходским священником, окружным миссионером и заведующим второклассной учительской школой, 9 декабря 1904 года.

Время от 9 декабря до 1 января было посвящено им на знакомство с местным расколом, миссионерской библиотекой и на устройство нескольких бесед со старообрядцами и сектантами.

Со 2-го января, согласно составленному Советом Братства и утвержденному Его Преосвященством расписанию, начато ведение публичных бесед в зале Епархиальной библиотеки по 2-е марта включительно. А печатание бесед миссионера дало возможность даже принести некоторую пользу и лицам, интересующимся делом миссии и во всей епархии, так как «Епархиальные Ведомости» получают в каждом селе и могут знакомить читателей с возражениями старообрядцев в сектантов, так сказать, с натуры. Некоторым старообрядцам и ревнителям православия миссионером выдавались в подарок его сочинения: «Краткая история старообрядчества», каковая книга была рекомендована членом Совета Братства епархиальным наблюдателем ст. сов. А.Н. Летницким для приобретения второклассными школами, из которых одной по ее требованию и послано просимое количество экземпляров. Время между беседами посвящалось на ведение частных бесед со старообрядцами и сектантами на квартире у миссионера и по домам, где то было возможно.

Сделана поездка в низовые села, но бесед публичных, за отъездом народа на промыслы, не состоялось, кроме частных.

Усердно трудился по миссии и окружной миссионер 1-го участка священник ст. Атаманской Иоанн Нигровский, состоящий священником в многолюдном и разбросанном приходе, представляющем все удобства к тайной пропаганде раскола и сектантства, потому им обращено было особенное внимание на свой приход. Кроме чисто пастырских мер – постоянных внебогослужебных чтений, всенощных, проповедей миссионерского содержания, – окружной миссионер посетил свой округ 5 раз.

Из приходских священников за 2-е полугодие более потрудились священники: с. Икряного Владимир Киселев, с. Замьян Василий Реверсов и с. Михайловки Иоанн Пчельников, диакон с. Михайловки Алексей Шмелев; благодаря последним в Михайловке многие колеблющиеся удержаны в православии и стали посещать св. храм, из них 4 человека не были в храм 30 лет. Движение субботническое значительно утихло.

Во втором миссионерском участке живут старообрядцы и сектанты всех толков, хотя и понемногу: австрийцев 116, брачников 534, безбрачников 191, самокрестов 107, судействующих 467, караимов 30, воскресников 441, баптистов 112, евангеликов 48, хлыстов 64; еноховцы или нововеры переселились на свою родину. В учении, в обрядах как между старообрядцами, так и сектантами в общем сравнительно с прежними годами никаких особенностей не замечалось; некоторые баптисты (напр., в Батаевке) на публичной беседе признавали, что делать изображение Спасителя не противно заповеди Божией. Во 2 участке давно известен по количеству старообрядцев пос. Ступино, где они разделяются на две группы. Одна – 12–13 дряхлых старух считают себя истинными православными и называют «отказными», т.е. отказавшимися от мира: все они пред вступлением в эту группу вторично крестятся по раскольническому обряду, не сообщаются ни в молитве, ни в употреблении пищи с своими единоверцами, постоянно скрываются в своих келлиях и избегают всякого житейского общения с другими. В случае болезни или опасности смерти старообрядца, а иногда и православных, эти старухи окружают постель больного, рисуют ему страшные картины вечных мук и убеждают принять крещение по их обряду, в чем иногда успевают. Другая группа – остальные старообрядцы села; отрицая брак и признавая безбрачное сожитие блудным, они в то же время открыто сватают и выдают замуж, и благословляют своих детей на сожительство, причем обижаются, что их сожительницы не записываются в церковные книги их законными женами. Меры к ослаблению старообрядчества и сектантства и утверждению православных во 2 участке предпринимались обычные: публичные и частные беседы, раздача брошюр и упражнение в ведении бесед ревнующих из членов причта и

сотрудников из прихожан. Епархиальным миссионером Алексеем Шашиным произведено было 113 бесед, из коих 82 публичных и 31 частных. Беседы производились во время миссионерских поездок по участку и главным образом в местах, особенно нуждавшихся в миссионерской проповеди.

Окружным миссионером свящ. К. Цендровским проведено 40 частных бесед, 16 миссионерских поучений, 12 внебогослужебных чтений.

В третьем миссионерском участке сектантов 10.665. Они принадлежат к следующим разновидностям: а) из рационалистических сект – уклеинцы, субботники, штундобаптисты и евангелики: б) из мистических – эноховды, хлысты и духоборы, и в) из старообрядцев – беспоповцы, приемлющие брак, беспоповцы и австрийцы неокружники. В вероучении этих сект, кроме одной секты эноховцев, изменений не последовало; но внутренняя жизнь их не лишена была некоторых более или менее характерных явлений.

Для характеристики местного сектантства следует отметить, что субботники имеют сильный наклон к чистому еврейству, даже страстно желают слиться с ним. Наблюдавшей богомоление субботников 10–15 лет тому назад, когда они были более русскими людьми, теперь совершенно не узнают его: обстановка молитвенного дома с ковчегом для торы и аналоем для кантора, молитвы, их порядок, речитатив, поклоны, молитвенная одежда – все поразительно напоминает еврейскую синагогу. Такая переработка русского человека в еврея происходит, конечно, не без содействия коренных евреев. Еврейское влияние к субботникам идет двумя путями: чрез письменные сношения и наезды евреев. Представители субботников караимов многие имеют письменные сношения с гаханами таврических евреев, а к талмудистам ежегодно наезжают учителя евреи. Эти наезды особенно часто бывают в село Быково, бойкую приволжскую пристань: здесь в летнее время, почти каждую субботу на богомолении талмудистов можно встретить еврея. Июля 3-го, например, у талмудистов было три еврея, и один из них – учитель из Брест-Литовска, занимал во время богослужений первенствующее и место: недели за две вперед были еще евреи, они привезли для местных талмудистов новую тору и, конечно, преизрядно обобрали их.

Секта духоборов явление новое в 3 участке. Она открылась в поселке Таловке, как пересадок из Александрова Гая Самарской губернии. До 1903 года духоборы в количестве 27 человек с своим главарем Ф.Р. скрывали себя под именем уклеинцев и имели с ними общие собрания, но с этого года решились выделиться в особую общину с горделивым наименованием «истинные христиане». Уклеинцев они именуют презрительным именем «молокане». Духоборские взгляды на Лицо Христа Спасителя и на все главные акты Его земной жизни эта община проявила

как в частных, так и в публичных беседах. На православных, по словам приходского священника, духоборы влияния не имеют, но на уклеинцах оно замечается.

Епархиальным миссионером 3 участка состоит старший из местных миссионеров протоиерей Петр Горохов. Будучи верным стражем своего участка, он, как и всегда, приносил слово миссионерского увещания, вразумления и обличения не только во все села и поселки, зараженные сектантством, но даже во многие хутора. Почти все пункты сектантства им посещены не менее двух раз; в веси же, зараженные сектой эноховцев, он наезжал с своей проповедью 4, 5 и более раз. Обезд сектантских хуторов в участковых степях произведен им, по примеру прежних лет, дважды – в конце апреля и начале мая и в октябре. В первую поездку обращено было внимание преимущественно на хутора с сектантами христианами, во вторую – с иудействующими.

Отрадно засвидетельствовать, что, благодаря совместной деятельности и миссии, и приходских пастырей, православие, прежде загнанное в некоторых сектантских селах, все более в более крепнет: заметно крепнет вера в те самые истины и постановления церкви, относительно коих оно так прежде было обуреваемо со мнениями и даже отрицаниями. Особенно заметно, как теперь во дни праздников и великого поста переполнены молящимися храмы Божии в селах Пришибе и Заплавном, этих гнездах сектантства, как горят там множеством свечей на прежде пустовавших подсвечниках пред св. иконами, как прежняя холодность к св. иконам сменилась искренним благоговением к ним, как, наконец, усилились молитвенные обращения к святым угодникам (служению молебнов) и молитвы об отшедших отцах и братиях, прежде почти отрицаемый. И что особенно важно, что такое настроение не есть только безотчетное влечение сердца, но в основе его лежит убеждение ума в согласии указанных истин с словом Божиим. А такое убеждение образовалось наиболее всего под воздействием миссии.

Не оставил Господь дело миссии и без более осязательных плодов. Благодаря бдительному надзору и своевременному воздействию епархиального миссионера, предупреждено появление сектантства в с. Пологом-Займище, на хуторе Ковалевом, и виновник его, совратившийся на юго-западе в штундизм местный солдат К.К., начавши было уже проповедь пагубного лжеучения хуторянам, возвращен, к великой радости родителей, православной церкви. Кроме К. в отчетном году по всему участку к православию присоединено 33 душ; из них 12 уклеинцев, 5 – субботников, 3 – эноховца, 3 – из старообрядцев, 1 – из штундобаптистов, 11 душ из лютеран, 2 – магометанина и 1 из буддистов. Из общего количества присоединенных епархиальным миссионером присоединено 10 душ.

**Плоды неправильно понятой религиозной свободы.
(Корреспонденция из Стародубья, Чернигов. губ.) //**
«Миссионерское Обозрение», 1906, № 1, стр. 97–100

Старообрядцы в Стародубье давно мечтали о свободе. Года два тому назад они уверенно уже стали утверждать: «ваши живут в Питере и добьются свободы». Такая уверенность среди стародубского старообрядчества придавала его вожакам особую смелость: они стали совращать православных, не останавливаясь ни пред какими мерами. Из многих фактов укажем хотя один характерный.

В посаде Воронке, Стародубского уезда, по смерти православного отца семейства остались при матери – старообрядке двое бедных сирот: 14-летний мальчик и 9-летняя девочка, оба православные. Священник австрийского толка М. М-в стал действовать на мать этих сирот, чтобы она перевела их в старообрядчество: «иначе они погибнут, говорил он, и ты за них примешь вечное мучение». Бедная неграмотная женщина, уstraшенная такими словами, из кроткого человека превратилась в лютого зверя, и стала настаивать, чтобы дети ее не ходили в церковь. Мальчик не согласился на это и по настоящее время, девочка же, слушая приказания матери, пошла в старообрядческую молельню; там лжепоп, после службы и по выходе народа, принял ее в старообрядчество чрез свое миропомазание. Об этом девочка рассказывала потом своим, подругами: «меня поп М-л чем-то мазал в молельне, давал в руки свечку и умывал губкой». Все это, видимо, делалось тайно. После такого чиноприема девочка с своими подругами пошла, однако, в православную церковь, там исповедовалась и причастилась Си. Таин. Когда же она пришла из храма домой (раньше того времени, как выходят из молельни), мать, узнавши от нее, где она была, бросилась на девочку, избивала ее, как только могла, и, неизвестно какими мерами вызвала у нее рвоту, дабы очистить ее от причастия. После такого страшного издевательства под девочкою, мать, оставив ее полумертвою, прибежала к церковному старосте Д.В. Карамину и стала кричать: «вот ваше причастие – в лохани и дочка моя в вашу церковь ходить не будет». А девочка после этого проишествия стала как бы полу-умною.

При таких «свободных» действиях старообрядцев, трудно стало жить православным, а в особенности тем, которые оставили старообрядчество и присоединились к св. церкви: всякою ложью и бранью они ежедневно были оскорбляемы от «ревнителей благочестия»...

При таком-то положении дела получена у нас религиозная свобода 17-го апреля. Как и следовало ожидать, старообрядцы стали действовать с особой смелостью и решительностью. Православным жизнь стала невыносимой. Убитые досадою, они не знали, что делать.

Здесь в п. Воронке живут 3 священника, один из них епархиальный миссионер. Священники усиливали проповеди в церквах и на площади, напоминая Христово страдание и терпение, и этим удерживая народ от крайнего озлобления. В это же время появились в изобилии прокламации – против царствия небесного и против священников. Настроение было недоброе и ожидалось что-то ужасное.

В посаде Воронке есть большая молельня австрийского толка. В этой молельне набран старостою некий мещанин А. С-ий, который живет в 3-х верстах от Воронка в имении своей жены, а по праздникам приезжает в молельню в Воронок. Этот С-кий во многих местах России был веры какой угодно, смотря по настроению народа. Приехал он в Воронок, оженился на одной богатой вдове и чрез жену свою стала старостою молельни. Через несколько времени после издания указа от 17 апреля староста С-кий собрал в молельню передовых прихожан, и, прочитав им со своими комментариями этот указ, заключил: «теперь нам можно строить храмы и становить кресты, а поэтому давайте поставим крест и на своей молельне». И, без всякого на то разрешения, старообрядцы, в мае месяце сего года, поставили на своей молельне крест. Православные, узнав, что крест поставлен без всякого разрешения, что не дозволяется и православным, подняли ропот; одни говорили: «на Савкином сарае (так называется давно эта молельня) бесчестно становить крест Христов»; другие говорили: «эх, еще и такой свободой недовольны раскольники, какая дана им 17 апреля! нарушают и тут закон; пусть бы ставили огромную церковь, но только с разрешения». Ропот, а вместе и опасность от него дошла до слуха полиции. Нужно заметить, что у нас, в Воронке, полицейская власть новая, с духом старообрядческим еще не ознакомилась. Не посоветовавшись со сведущими людьми, она стала требовать снятия креста, как без разрешения поставленного. Старообрядцы ее требований не исполнили. Тогда, в виду возможности из-за этого волнения народного, 27 мая в 2 часа пополудни полиция стала сама снимать с меленной крест. Старообрядцы же, как только полиция сняла крест, забили набат в железную доску при моленной. Еще полиция не успела с крестом слезть с молельни, как к последней сбегалась толпа боле двух тысяч душ. Она стала осыпать бранью полицию и всех православных. Видя перед собою разъяренную толпу, от которой живыми уйти нельзя было, полиция немедленно поставила крест на прежнее место, дабы успокоить ее. Но не тут-то было: старообрядцы избили полицию тут же около молельни. Затем толпа направилась к полицейскому дому. При встрече с православными она вопила: «бей еретиков! нам дана свобода! При этом старообрядцы толкали православных, и те скрывались, куда попало. Идя мимо дома известного поборника православия, купца Д.В. Карамина, толпа кричала: «на куски разорвать надо Митьку» и т.д. Подойдя к полицейскому дому, толпа

немедленно послала в имение за С-ким. Он явился с быстротой молнии и остановил, разъяренную толпу, которая уже глумилась над полицией. Войдя затем в полицейский дом с С-ким во главе, старообрядцы стали снимать с полицейского надзирателя допросы «кто доносил, тебе о том, что мы поставили крест»? Надзиратель, видя, что ему угрожает смерть, сказал: «мне священник отец Иоанн Барзылович говорил, что поставили крест незаконно». После этого толпа двинулась к дому священника, крича на пути: «убить его»!

Один еврей, живущий рядом с о. Барзыловичем, поспешил предупредить его обо всем готовящемся. Священник вовремя успел запереть ворота и окна. Узнав о таком предупреждении, старообрядцы разбили квартиру еврея, а затем стали ломиться в дом священника; кольями и камнями били в окна, крича при этом разные ругательства и угрозы. Услыша об этом, православные ближайшего села Вороночка поспешили на выручку православного пастыря; они пробились задним ходом, через сад, в квартиру священника, и, найдя его в полусознательном состоянии, вынесли его и немедленно отвезли в село Солову. Когда толпа узнала, что о. Иоанн уже увезен, опять воротилась к полиции с криком: «убить полицию, убить единоверцев! Нам сам Царь свободу дал»!

В с. Солове есть большие слесарные мастерские. Услыша о таком оскорблении православного священника, мастера хотели бежать для отмщения, но кто-то остановил их.

28-го мая приезжал из Стародуба уездный исправник. Он немедленно удалил городских и призвал вожakov раскола. Последние обещали ему не учинять более «бунта». Исправник (католического вероисповедания) не оказал все же защиты священнику. Наоборот, после исправнического посещения села старообрядцы еще более озлились на православного пастыря, так как исправник сказал, что «отец Иоанн Барзылович требовал снять крест». (На самом же деле этого не было). Исправник уехал, а злоба старообрядцев не утихает. «Убьем еретика!» кричат старообрядцы на священника. И теперь бедному священнику нельзя пройти по улице. Куда ему нужно пройти, идет с провожатыми, а ночное время скрывается из дома. 29 мая православные боялись пройти в храм...

Епархиальный миссионер вернулся в Воронок вечером 27 мая в тот день, когда происходил бунт и, увидев, что его дом окружали вооруженные православные, просил их разойтись, в виду того, что он давно приготовился умереть за слово Божие.

В настоящее время среди стародубских слобод идет сильное волнение, и Бог знает, чем оно окончится. Весьма трудно живется здесь единоверцам. Старообрядчество здесь сильно и богато; есть уже и соращения; молодых ребят прельщают старообрядческими девицами, выдают их за православных, которых предварительно перемазывают в

свое упование, а родители православных женихов до истерики рыдают «о чадах своих»...

С.П.

Вестник «Миссионерского Обозрения» // «Миссионерское Обозрение», 1906, № 1, стр. 101–107

В «Калужских Епарх. Вед.» свящ. К.И. решает вопрос *об отношении духовенства к современным событиям*. «Мне кажется, говорит автор, что в этом вопросе, вопрос отношения духовенства к современному движению, не может быть и разногласий. По-моему, в душе каждый истинный пастырь церкви Христовой, если еще не определил свои отношения к современным событиям, то должен определить таковые и определить поскорее. Предлагаю это в виду того, что «нельзя», как говорит собор, «без конца хромать на оба колена, не рискуя серьезно лишиться того и другого». Помня наставление Спасителя, данное Им апостолам, а в лице их и всем пастырям церкви: «будите убо мудры яко змии, и цели яко голубие» (Мф.10:16) с одной стороны, а с другой стороны, постоянно памятуя, что каждый из нас поставлен пасти стадо Христово, которое Господь наш Иисус Христос стяжал кровью Своею, т.е. каждый устроить спасение своих пасомых, не может быть и речи о том, чтобы каждый пастырь в отдельности, или все духовенство сообща, как при настоящих событиях, так и вообще-то примыкало к той или другой политической партии. Главная забота истинного пастыря – спасение людей. Поэтому для него должно быть совершенно безразлично, к какой политической партии принадлежит тот или другой из его пасомых. Каждого, будет ли он монархист или республиканец, пастырь должен вести его ко спасению, а не к тому, чтобы он был устройтелем той или иной формы правления. Да при современной партийной разрозненности, если пастырь примкнет к какой-либо одной партии, он тем оттолкнет от себя принадлежащих к другой партии, что видно из недавнего прошлого, а это может послужить на пагубу его пасомых. Поэтому пастырю необходимо, не примыкая открыто ни к одной из партий (я говорю «открыто», потому что нельзя же без того, чтобы он в душе не сочувствовал той или другой партии), во всех своих словах и действиях держать себя так, чтобы всякий видел, что он устройтель спасения каждого без партийных политических взглядов на него, а не устройтель внешней формы жизни или формы правления. Это дело не его, а дело правительства и – с учреждения Государственной Думы – дело народа. Действительная, лучше сказать, священная обязанность каждого пастыря особенно в настоящее время, при возбуждении разных – если можно так выразиться – партийных политических страстей, это быть вестником мира везде и всегда, чтобы время, переживаемое нами, время великих реформ, прошло без кровопролитий и без потери для нашего дорогого отечества того престижа, которым оно пользовалось до сего времени среди других великих держав. В этом отношении должно соединиться

всем нам, архипастырям и пастырям, в один общий голос, высказать порицание тем из вас, которые открыто высказывали свои политические взгляды, тем натравляли разные партии друг на друга и еще больше подорвали уже подорванное уважение к духовенству, а главным образом, всем нам «настоять благовременно и безвременно, обличить, запретить, умолить со всяким долготерпением и учением» (Тим.11:4, 2) всякого и каждого, начиная с низшего и кончая высшим, чтобы великое дело, дело реформ было совершено без всякого кровопролития, чтобы из детей нашего дорогого отечества, будет ли то верующий ли или неверующий. русский ли или другой какой национальности, имеющий ли власть повелевать и приказывать или простой смертный, чтобы, одним словом, никто, никто не запятнал, себя грехом Каина, грехом братоубийства. В этом будет хвала и слава как правительству, так и всему народу, а в том числе и нам, т.е. духовенству».

Кишиневское духовенство на обще-епархиальном съезде истекшего 1905 года признало необходимыми в целях развития религиозно-нравственного просвещения среди молдаван и вообще кишиневской паствы следующие меры:

Исходя из того положения, что в большинстве приходов Бессарабии прихожане часто, кроме своего родного языка – молдавского, никакого другого не знают и не понимают, а молодые пастыри, с ранних лет оторванные от своих родителей и своего родного села, в училищах и семинарии до того забывают молдавский язык, что не в состоянии часто объясняться с своими прихожанами в обыденной жизни, не говоря уже об отправлении на этом языке богослужений и проповедания Слова Божия, оо. депутаты для устранения этой ненормальности и для более успешной и плодотворной пастырской деятельности признали вполне рациональным средством ввести, как уже сказано выше, в программу V и VI классов семинары обучения молдавскому языку. В тех же видах улучшения церковной службы и благолепия ее, съезд оо. депутатов постановил ввести обязательное преподавание церковного молдавского чтения и пения, и в программу псаломщического класса.

В дополнение к указанным мероприятиям для возвышения религиозно-просветительной деятельности своей среди паствы своей и для более успешной и плодотворной деятельности современной миссии на началах Высочайшего Указа, от 17 апреля, оо. депутаты признали необходимым самое широкое распространение среди населения Бессарабии религиозно-нравственных, противо-раскольнических и противо-сектантских брошюр и листов на понятных местному населению – молдавском, болгарском и др. наречиях, в виду чего и постановили открыть свою собственную епархиальную типографию.

(Киш. Еп. Вед.).

В настоящее время на страницах духовной и светской печати дебатруется вопрос о совместимости пастырского служения с земледельческими занятиями и решается в двух противоположных направлениях – положительном и отрицательном. «Калужские Епарх. Ведомости» весьма удачно по этому поводу замечают:

Духовенство, отказываясь от земли, отказывается не только за себя лично, но и за все будущее поколение и тем принимает на себя слишком большую ответственность. Если и нерасчетливо духовенству отказываться от землевладения, то этот отказ, может быть, необходим ради непреходящих требований пастырского долга нашего, исполнения служебных обязанностей? Да, есть между священнослужителями такие, которые все время, все силы ума и воли употребляют на землю и хозяйство. Но эти личности, воспитанные вековой необеспеченностью и приниженностью духовного сословия, к счастью редки. Отнимите у них землю, и они найдут возможность другими способами удовлетворить свою страсть к обогащению. В большинстве же случаев наблюдается следующее любопытное явление: наиболее ревностные в исполнении своих пастырских обязанностей являются наиболее рачительными в своем домашнем и земельном хозяйстве. Как это происходит и как достаёт времени на все дела и работы, объяснение тому нужно искать не в двадцати четырех часах суточных, а в духовной энергии этих лиц. Наоборот, неусердные в исполнении своих служебных обязанностей бывают нерачительными в своем земельном хозяйстве. Таким образом, практика жизни показывает, что землепользование не препятствует ревностному исполнению пастырского долга. В таком случае, во имя чего же духовенству отказываться от векового церковного достояния; в силу каких достаточных оснований подрубать тот сук, на котором оно имело до сего времени хоть какую-либо точку опоры?...

По поводу предполагаемого сокращения семинарской программы, по предмету истории и обличения старообрядчества и сектантства, г. Высотский в «Таврическом Церковно-общественном Вестнике» справедливо замечает:

Дарование сектантам свободы вероисповедания способствовало подъему духа, оживлению религиозной жизни и усилению пропагаторских стремлений у них. Подъем духа и религиозное одушевление в среде молоканских общин имели своим ближайшим последствием устройство всероссийских молоканских съездов. Первый такой съезд был в конце июля (начался 22 июля) в с. Воронцовке, Тифлисской губ., второй – в начале сентября в с. Астраханке, Таврической губ. Последний происходил отдельно у старомолокан (2, 3 и 4 сентября) и отдельно у новомолокан (4, 5 и 6 сентября). На съездах старомолокан и новомолокан, бывших в с. Астраханке, мне пришлось присутствовать. Я видел огромное религиозное одушевление сектантов; слышал множество проповедей и речей,

произнесенных молоканскими пресвитерами и проповедниками, съехавшимися на съезд со всех концов России; со стороны наблюдал их оживленные совещания в закрытых собраниях представителей их общин. Не трудно догадаться, что сектанты обсуждали на этих последних, закрытых собраниях. Вопрос о пропаганде своей веры был, несомненно, одним из главных вопросов, подвергавшихся обсуждению. На юбилейных молитвенных собраниях молоканами высказывались пожелания, чтобы подобные общемолоканские съезды повторялись и впредь по возможности чаще. Описывая все виденное мною на съезде, я тогда же говорил: «последствием такого оживления религиозной жизни в среде сектантов, несомненно, будет усиление пропагаторских стремлений и деятельности их, направленной к распространению секты. Начало таким стремлениям и новомолкан, нам кажется, уже положено постановлением об открытии в Астрахани учебного заведения для приготовления пресвитеров и проповедников в их секте. Все это нам, православным, следует иметь в виду. Нам нужно быть настороже, чтобы все последствия указа 17 апреля об укреплении начал веротерпимости, как уже проявившиеся в сектантских обществах, так и впредь могущие быть, не наносили ущерба интересам православно. церкви. (Таврич. Епарх. Вед. 1905 г. № 18).

И так, нам нужно быть настороже. Что же нужно для этого? Несомненно, прежде всего и ближайшим, образом потребуются усиление пастырско-миссионерской деятельности приходских священников. А для того, чтобы наши приходские священники были подготовлены к такой усиленной пастырско-миссионерской деятельности, необходимо позаботиться об усилении миссионерского образования для будущих пастырей церкви в духовн. семинарии. Пусть же каждый рассудит, своевременно ли теперь поднимать вопрос об упразднении в семинариях специальной кафедры для изучения миссионерских предметов?

Первая годовщина Обдорского миссионерского Братства во имя свят. Гурия, архиеп. Казанского. 4 октября 1905 года в Обдорске праздновалась первая годовщина Обдорского миссионерского Братства во имя святителя Гурия, открытого 8 сентября 1904 года.

Из отчета о деятельности Братства за 190⁴/₅ братский год видно, что первый год действий Братства должен считаться годом устройства и испытаний.

Не говоря о Трудности правильной постановки переводческой и издательской деятельности. Братству пришлось натолкнуться на первых порах на затруднения и в деятельности благотворительной. Последнюю с одной стороны тормозили скромные денежные средства Братства и, с другой, – что особенно важно, – отношения самих благодетельствованных Братством бедных инородцев.

Иностранцы, как ни странно это, сначала смотрели с недоверием на братскую поддержку и помощь. Например, нищенствовавший в Обдорске самоед Иван Ломду, дети которого были устроены в миссионерском иностранческом приюте, а семья обеспечена ежемесячным по 4 руб. пособием, выражал недовольство на то, что другие иностранцы ходят за подаванием, когда он по требованию Братства прекратил эти хождения. «Не нужны мне ваши деньги, говорил он, отдайте мне моих детей, я буду тоже ходить за милостыней. Чем я хуже других?». Некоторые из других бедняков тоже отказывались от помощи, предпочитая ей христосрабничество. Не смотря, однако, на все это, Братство с упорством и энергией работало и трудилось, и достигло по части просветительной и благотворительной некоторых результатов.

(Прав. Благов.)

Письмо в редакцию

М.Г.Г. Редактор

В интересах не столько самозащиты, сколько истины, прошу дать место в вашем органе нижеследующим строкам.

В 13 № «Мисс. Обзор.» в отделе «Откликов» сделана перепечатка крайне несправедливой ко мне корреспонденции из «Спб. Ведомостей» в № 224.

«Святыни» моими святынями никогда не были. Это знают мои прихожане. Некоторые из них, прочитавши лживую на меня корреспонденцию, только и сказали: нужно же было какому-то злому языку такую небылицу в лицах представить на нашего священника». Таксы у нас в приходе за требоисправления никакой не бывало. Прихожане сами добровольно дают то, что заведено еще нашими и ихними прадедами. Напр., за венчание берется различно, от 3 до 8 руб., смотря по состоянию и благорасположению прихожан; было, впрочем, в течение 37-летней моей службы 2–4 случая венчания за 10 руб., так это из богатых домов и при этом причтом исполнялись их особые религиозные желания встретить и проводить новобрачных со св. крестом и то без нашего за это какого-либо таксового требования. За крещение младенца платят 40 коп. В св. Пасху собираются в каждом дом исповедных и за постную молитву 6 коп., за молебен 10 коп. (а не 50) и за годовое поминовение родителей различно, и то ведь не у всех, а только у желающих, от 10 до 20 коп. Масло же, капусту, солону и т.п. и в голову нам не приходило собирать.

А что еще дальше. Помню, говорит тот же корреспондент, пришел к священнику крестьянин д. Хламова Вас. Фед. с невестой и просит повенчать его и при этом выкладывает на стол 6 руб. и прочие вымышленные приношения. Но я этого «жениха» совсем не знаю и никогда его не видал, знаю только по духовным росписям, что он и у меня, и причта не бывал. Спрашивал я, прочитавши злую корреспонденцию «СПБ. Ведомостей», сестру и мать «жениха»: где этот «жених» с невестой и были ли они у меня или у причта, и получаю ответ: «не знаем, где они болтаются, они ведь у нас почти и не бывают и к тебе, и причту не ходили»...

Корреспондент указывает еще «другой пример»: «В той же деревне Хламове умерь кр. Ал. Воронов, помер в тот самый день, как жена его разрешилась от бремени. Пастырь отказывается крестить и хоронить без денег». Скажу на это следующее: Ал. Воронов был погребен 26 февраля, а 27 февраля окрещен и его новорожденный, и из метрики видно, что смерть и погребение предшествовали рождению и крещению младенца. И здесь корреспондент допускает ложь. О вознаграждении же тут, даже и

малом, слова не было, в виду бедности вдовы; таким беднякам я с причтом сами помогаем, а не то, чтобы брать у них последних «овцу и ягнят». «Овцу и ягнят» вдова Воронова чрез год после смерти своего мужа продала бывшему, ныне заштатному, диакону нашей церкви, Феодору Разумову, за 5 рублей и деньги получила сполна. Это подтверждают ее родственники: брат ее мужа кр. Петр Григорьев Воронов и его мать Степанида Саввина и сама вдова Марья Иванова Воронова. А знает ли корреспондент, когда умерь Ал. Воронов? Он умер давно – в 1895 году, и за такой продолжительный период времени мой судья все хорошо помнит о моих вымышленных поступках... Следовало бы ему сразу же огласить их, чтобы «не держать на памяти зла. целых десять годов.

«Суди, Господи, обидящая мя».

Пошехонского уезда, Щетинской волости церкви Села Спасского на Мяксе священник *Василий Богородский*

Политические митинги и миссионерские беседы

Православный миссионер узнает из газет, что в одном из уездов его епархии ожидаются аграрные беспорядки. Появились агитаторы, проповедующие крестьянам «прямое захватное право». Был уже случай разграбления общественного магазина, наполненного зерновым хлебом. Миссионер немедленно же отправляется в «неблагополучную» местность, чтобы евангельскою проповедью мира и любви внести успокоение в волнуемую крестьянскую массу. По приезде в село, миссионер испрашивает благословение у приходского священника побеседовать с его прихожанами. Священник с удовольствием соглашается на это: «я уже говорил им по поводу беспорядков, – рад буду, если и вы потолкуете"... С обоюдного согласия назначается в шесть часов вечера внебогослужебная беседа в деревне П-е, где было наиболее заметно аграрное возбуждение. Все, казалось бы, шло хорошо: но тут встречается неожиданное препятствие.

За час до беседы в дом священника является местный полицейский урядник и требует от миссионера письменного разрешения на право «устраивать митинги в селах и деревнях его стана».

– Да ведь это – не политический митинг, а внебогослужебная беседа на такой-то текст из евангелия...

– Все равно. Мне необходимо знать, имеете ли вы специальное разрешение от духовной и светской власти на устройство этих бесед.

– Да я эти беседы устраиваю по уездам вот уже почти шесть лет во всех подходящих помещениях: храмах, школах, крестьянских избах, волостных правлениях, вагонах железных дорог и даже на открытом воздухе. До сих пор я не встречал препятствия со стороны полицейской власти. Наконец, у меня есть паспорт, из которого видно, что я – проповедник Церкви Христовой.

– Паспортная книжка только удостоверяет вашу личность, но не дает вам права устраивать беседы с народом; о каждой таковой беседе вы должны за семь дней обязательно уведомлять уездного исправника, – упрямо твердил урядник.

Дальнейшие переговоры с урядником были, понятно, бесполезны. Во избежание соблазна «малых сих» (Мф.18:6), пришлось отказаться от устройства беседы в деревне П-е, и назначить таковую в храме. Между тем последствием полицейского вмешательства в миссионерское дело было то, что в храм пришли только 15 благомыслящих деревенских стариков. «Тронутая же» агитаторами деревенская молодежь в храм не явилась, а демонстративно в тот же вечер устроила свой настоящий митинг в деревне П-е. Этот митинг был устроен «явочным порядком», причем было громогласно заявлено, что уряднику переломают ноги, если

он вздумает чинить какие-либо препятствия устроителям митинга. Таким образом евангельское слово мира и любви не дошло до ушей тех людей, которые особенно в нем нуждались.

Миссионер Н. Булгаков

**Отклики // «Миссионерское Обозрение», 1906, № 1, стр. 108–
117**

О христианской политике

В какое отношение должны стать священники к совершающимся событиям? Могут ли они стать совершенно в стороне от них и, когда душа народная смущена, народ мятется и на улицах льется кровь, могут ли они, как Пилат, умыть руки свои и говорить: неповинны мы в крови народа сего?... О, нет, и они часть народа, как и народ – часть церкви Христовой. Священники со своим христианским народом соединены в одно неразрывными узами, и в то время, когда совершается устройство земной гражданской жизни, – участие священников должно выражаться, кроме молитв о помощи Божией, кроме непрестанного напоминания христианам из-за благ гражданской земной жизни не забывать небесных благ, еще и в том, что священники должны уяснить народу, в чем сущность христианской политики, какие требования предъявляет к политике христианское учение. Священники не могут быть демагогами и вести за собой народ в устройении гражданской жизни, ибо они пастыри не просто народа, а пастыри Церкви Христовой, но они должны со всею смелостью и искренностью высказать свой взгляд на то, какова должна быть христианская политика.

Итак, не просто политика, а указание, какою должна быть христианская политика, есть дело священника. Это же составляет и предмет моей беседы. И в этом указании на то, что наша политика должка быть христианской политикой, мы на деле выразим нашу любовь к родине нашей, ибо чего лучшего мы можем пожелать ей, как не того, чтобы гражданская жизнь в ней стала христианскою?

Перестройка гражданских отношений между людьми у нас на Руси теперь в полном ходу. Тот старый дом, который так долго давал предкам нашим, отцам и дедам, приют и тепло, обветшал и нас уже не удовлетворяет. Несчастливая война показала, что он не защищает уже нас и от внешних врагов. На каком же основании будем строить мы наш новый дом, какой фундамент будем закладывать в основу новой государственности? Каков чертеж или план этого дома и кто в нем строитель, т.е. какова желанная форма нового государственного устройства? Какими средствами, наконец, нужно строить этот дом, т.е. какой характера должна носить работа политических партий. Вот, образно говоря, главные вопросы государственной политики, и мы желали бы ответить на них с христианской точки зрения.

Новый дом отроится на возведенных Государем в Манифесте 17 октября новых незыблемых основах гражданской свободы, свободы личности, совести, слова, союзов и собраний.

Что же, начало гражданской свободы, положенное в основу новых отношений между членами русского государства может ли быть признано

христианским началом жизни? Может ли эта свобода быть принята с радостью и надеждами на будущее теми из граждан наших, кто на всякое явление жизни хотел бы смотреть с точки зрения христианского учения? Ответом на этот вопрос будет напоминание, что рабство есть символ греха. Проклят Ханаан: раб рабов он будет у братьев своих – вот что говорить Библия о рабской судьбе потомков Хама, вновь осквернившего грехом своим землю, омытую потопом. Христианство же есть свобода от греха, проклятия и смерти. Христианство не берет на себя задачу устройства на земле гражданской свободы, но оно возвещает ее и призывает к ней, как к христианскому идеалу, ибо царство Христово есть царство свободы. Сам Христос сказал о Себе словами пророка, что целью Его пришествия на землю было проповедовать пленным освобождение» (Лк.4:38). Где Дух Господень, там и свобода, говорил апостол Павел, указывая на присущий христианству признак – свободу (2Кор.3:17). «К свободе призваны вы, братия» – напоминал он уверовавшим во Христа иудеям и язычникам (Гал.5:13).

Итак, христиане должны принять возвещенную свободу гражданской жизни с радостью и благословением, как веяние Духа Божия, как начало осуществления и в гражданской жизни признаков Церкви, т.е. царства Христова. Пусть каждый из нас, в каком бы низком состоянии земного бытия он ни находился, уже не чувствует себя рабом устрояемой людьми государственности. Христианин должен стремиться к освобождению себя от рабства и если христианин называется рабом Христа, то и это рабство не есть рабий страх, а то дерзновение, которое позволяет нам к самому Богу и Отцу обращаться с сыновней близостью и говорит Ему: Авва, Отче ... (Рим.8:15).

Гражданская свобода освобождает язык наш от уз, давая возможность бестрепетно говорить правду, она охраняет от внешних посягательств жилище наше, она дает нам право соединяться в союзы для достижений общей цели. Христианство приветствует все виды этой свободы, ибо само оно ко всему этому стремится для достижения еще здесь на земле царства Божия. Но, благословляя эту свободу, христианство не может не указать на все те опасности, когда человек пользуется всеми видами этой свободы необузданно или для достижения недобрых целей. Вот здесь-то христианам и нужно вспомнить наставления слова Божия, как нужно пользоваться свободой, чтобы свобода эта была христианскою. Свободным людям, – говорит ап. Петр, – нужно пользоваться свободой не для прикрытия зла (Пет.2:16). «К свободе призваны вы, братие, учить нас апостол Павел, но только бы свобода ваша не была поводом к угождению плоти (Гал.5:13). «Берегитесь, – говорит апостол христианам по другому случаю, – чтобы свобода ваша не послужила соблазном для немощных» (1Кор.8:9).

И когда христианин будет встречаться с различными видами свободы или, когда он будет сам осуществлять их в своей жизни, не всякую свободу он должен принимать, как христианскую. Свобода совести есть высшее благо души христианской, но не должен ли христианин, согласно учению апостольскому, следовать заповедям только *доброй совести* (1Пет.3:16), освобождаться от *порочной совести* (Евр.10:22; Деян.29:16), *очищать свою совесть* (Евр.9:14), *отвергать оскверненную совесть* (1Кор.8:7; Тит.1:15), *остерегаться сожженных совестью* (Тим.9:2)? Если мы радуемся свободе слова устного и печатного, то не благовременно ли нам вспомнить красноречивое наставление апостола Иакова по поводу языка человеческого, наставлено на тему: «*Кто не согрешает в слове, – тот человек совершенный, могущий укротить все тело*» (3, 2, 12). Если для нас открыта свобода союзов и собраний, то не приходит ли нам на память воспеваемый часто в церкви псалом Давида: *блажен муж, иже не иде на совет нечестивых и ни пути грешников не ста, – и на седалищах губителей не седе?...* Если мы крепко стоим за неприкосновенность нашей личности и нашего жилища от незаконных посягательств властей, то ведь нужно помнить еще и то, что говорит апостол, именно, что и начальствующие страшны не для добрых дел, но для злых. Хочешь ли не бояться власти? Делай добро и получишь похвалу от нее, ибо начальник есть Божий слуга, тебе на добро. Если же делаешь зло, бойся, ибо он не напрасно носить меч; он Божий слуга, отмститель в наказание делающему злое (Рим.13:3–4).

Итак, новая гражданская жизнь должна отныне устроиться на началах свободы. Но ведь, осуществляя в жизни одну лишь свободу, мы встретимся и с тем, что свободой воспользуются богатые против бедных, сильные против бессильных знатные против незнатных. Если бы в основу гражданских отношений положить одну только свободу, то гнет богатства, силы и знатности был бы еще сильнее и нестерпимее, чем был доселе. И вот, если мы полагаем свободу в основу нашей гражданской жизни и хотим, чтобы эта свобода носила христианский характер, мы должны постараться еще и о том, чтобы свобода сопровождалась христианским характером, т.е. равенством всех людей. Все люди – дети Божии, все произошли от одного человека, все имеют одно обетование вечной жизни, если захотят воспользоваться им. Итак, ничто, ни богатство, ни сила, ни власть, ничто не должно внешне и насильственно возвышать одного человека и уничивать, поработать другого. Только при равенстве личного достоинства всех людей возможно осуществление свободы, насколько это, конечно, возможно в этом грешном мире. Пусть богатство, знатность, власть и сила будут личным приобретением каждого, пусть все это даже передается от родителей к детям, как наследство, добытое трудом предков, но оно не должно давать никаких внешних преимуществ в государстве – общем нашем достоянии. Тогда, при равенстве личного

достоинства всех граждан, богатство, сила и знатность не будут предметом сословной зависти, тогда и не будет повода к этим ужасным народным нестроением. Тогда настанет гражданское братство людей, т.е. подготовится та внешняя почва для объединения всех людей в братство, когда не будут говорить: человек для человека – волк, а скажут: все мы братья, граждане и христиане.

Свобода гражданская только тогда доброе основание гражданской жизни, когда она соединяется с христианским равенством и ведет к христианскому братству. Свобода, равенство и братство, – это все христианские понятия. Социалистами они взяты из Евангелия. И если провозглашение свободы, равенства и братства не создало еще царства Божия на земле, то в этом виноваты мы – христиане. Мы об этом мало думаем и к этому мало стремимся, а социалисты, которые к этому стремятся, употребляют не христианские средства, почему они и не достигают целей царства Божия.

Свобода гражданская ложится ныне в основу нового государственного устройства земли русской, и задача пастырей церкви напомнить христианам, что у христиан все гражданские свободы должны носить христианский характер. Но во всяком государстве существует определенное и законом устанавливаемое государственное устройство. Это как бы чертеж или план, по которому должны действовать строители государства. Строителем государства является власть в ее различных видах. Какое государственное устройство согласно с духом христианства и как христианство относится к государственной власти? Власть государственная естественно должна сохраниться и в обыкновенной жизни государства нашего. Власть эта должна охранять гражданскую свободу людей и обеспечивать за ними блага государственной жизни. Христианство смотрит на власть, обеспечивающую нам жизнь, тихую и безмятежную, как на божественное установление и призывает христиан к повиновению предержащим властям (Рим.13:1–2) не только за страх, но и за совесть. Христианство не входит в рассмотрение политической формы власти, не защищает тот или иной вид ее, а указывает, что существует, власть на земле по божественному изволению, чтобы люди могли проводить жизнь, тихую и безмятежную.

До сих пор у нас на Руси осуществлялась власть в форме неограниченного царского самодержавия и чрез посредство поставляемых Царем и ответственных только пред ним чиновников. Ныне возведено единение Царя и народа в осуществлении как законодательной, так управительной власти. Еще не выяснено, что останется за Царем и что перейдет к народу в лице его представителей, или, говоря политическими языком, еще не установлено, какая у нас будет конституция. В этом вопросе еще меньше, чем в вопросе о той или иной форме гражданской свободы, священник может выступить с учением Христовым. Дело в том,

что Церковь Христова может существовать в государствах самого различного государственного устройства. Церковь Христова существует в доселе неограниченном самодержавном государстве русском, но она существует и в деспотической Турции, и в конституционных монархиях Греции, Сербии, Болгарии и даже языческой Японии и в республиканских Соединенных Штатах в Америке. Церковь Христова имеет существовать вечно и по всей земле и не может себя связывать с каким-нибудь определенным образом государственного управления, ибо все государственные формы правления временны и преходящи.

Во имя веры Христовой или во имя Церкви Христовой, следовательно, нельзя стоять за неограниченное самодержавие, или за конституционную монархию, или за республику. Это дело не веры, не Церкви, а личных политических взглядов или пользы государственной. Но в этом вопросе есть одна сторона, которая требует от христианина большой осторожности и осмотрительности, когда он устанавливает и защищает свои политические взгляды на государственную власть. Кому бы эта власть ни принадлежала: одному ли Царю и ее чиновникам, или одному только народу, или, наконец Царю и народу вместе, христианин должен ясно представлять себе размеры той человеческой власти, которые он может считать согласными со своей христианской совестью. Может ли, напр., христианин желать для царской власти такой безграничности, как власть древнего Навуходоносора, «величие которого дошло до небес и власть до краев земли», когда только страшное посланное ему от Бога наказание, образ звериный, мог напомнить ему и всем людям, что не царь земной, а «Всевышний владычествует над царством человеческим и дает его кому хочет» (Дан.4:14). Может ли христианин желать такой царской власти, которая была у римских императоров, ставивших свои статуи для поклонения и еще заживо величаемых богами? Такое обожение царской власти противно христианской совести и губит самую царскую власть. Русский православный народ предан своему православному русскому царю, и мы уверены, что народ и вперед останется верным царю и в большинстве русские останутся, как теперь говорят, монархистами, но православные христиане не должны и не могут думать так, что царь на земле есть то, что Бог на небе. Бог на небе и на земле и власть царя должна ограничиваться волею Божией. Вот раскройте книгу пророка Моисея, Второзаконие, там прочтите, на каких условиях народ Божий может и должен принимать царскую власть. «Когда ты придешь в землю, – говорит Моисей к народу Божию, – которую Господь Бог твой дает тебе, и овладеешь ею, и поселишься в ней и скажешь: поставлю я над собою царя, подобно прочим народам, которые вокруг меня, – то поставь над собою царя, которого изберет Господь Бог твой; из среды братьев твоих поставь над собою царя; но можешь поставить над собою царем

иноземца, который не брат тебе. Только чтобы он не умножал себе коней... и чтобы не умножал себе жен... и чтобы серебра и золота не умножал себе чрезмерно. Но когда сядет на престоле царства своего, должен списать для себя список закона с книги, находящейся у священников, и пусть он будет у него и пусть он читает его во все дни жизни своей, дабы научался бояться Бога, Господа Своего, и старался исполнять все слова закона сего и постановления сии, чтобы не надмевалось сердце его пред братьями его, и чтобы не уклонялся он от закона ни направо, ни налево, дабы долгие дни пребыл на царстве своем он и сыновья его посреди Израиля» (Втор.17:14–20).

Отвергая самую мысль, что человеческая государственная власть не должна на земле ограничиваться никакими установлениями, христиане в то же время не могут не желать, чтобы самое проявление государственной власти носило христианский характер, чтобы в христианском государстве власть не господствовала над людьми, а служила людям. Вы помните, как учил об этом Христос. «Князья народов, – говорил он ученикам своим, когда у них поднялся вопрос о первенстве, – князья народов господствуют над ними и вельможи властвуют ими: но между вами да не будет так: а кто хочет между вами быть большим, да будет вам слугою, и кто хочет между вами быть первым, да будет вам рабом» (Мф.20:25,27). «Если Я, Господь и Учитель, умыл ноги вам, говорил Христос по другому случаю, то и вы должны умывать ноги друг другу. Ибо Я дал вам пример, чтобы и вы делали то же, что Я сделал вам» (Ин.13:14). Такое самоотречение власти от надменности и господства, такое полное предание себя на служение ближним и должно отличать христианских начальников в христианском государстве от прочих обыкновенных земных властей. Повиноваться властям это наш долг; желать, чтобы власти служили не себе, а людям – это стремление или чаяние христианской души вашей...

В области христианской политики христианин должен еще со всею ясностью уяснить себе вопрос об отношении государственной власти к Церкви Христовой. Может ли эта власть простирается на веру нашу, на внутреннюю жизнь Церкви Христовой? Может ли власть государственная, будет ли то царская власть или власть представителей народных, Государственная Дума, напр., может ли она вмешиваться в то, как христиане должны веровать, чему поклоняться, когда собираться в храм на молитву, когда нет, кого нужно венчать таинством брака, кого нет, кого хоронить христианским погребением и т.д.? Может ли власть государственная издавать приказы по этим вопросам? Конечно, нет! Для православных христиан в Церкви Христовой, в ее вере и обрядах – начальником должен быть только Христос и сама Церковь, руководимая Духом Божиим и управляемая, на основании церковных правил поставленною иерархией. Власть государственная в христианских

государствах часто этим злоупотребляет. Византийские императоры часто в своих указах рассылали своим подданным приказания, как нужно веровать. Близко к этому, по недоразумению, делается и у нас, когда царя почитают за главу и судию Церкви, в то время, как он, хотя и Царь, но не глава и не судия Церкви, а только сын ее. Еще хуже мы замечаем в Англии, где власть на деле перешла от короля к народу; представители народа или парламент получил там власть над Церковью и издает повеление – почитать святых или нет, молиться за умерших или нет, кадить в храмах или нет. Не должна Церковь вмешиваться в дела мирские и главенствовать над мирской властью, чего, напр., добивается католичество, но и мирская власть не должна браться за то дело, которое принадлежит Церкви и Ей единой... Вот почему все христиане должны желать и содействовать тому, чтобы наша православная Церковь освободилась из-под гнета мирской власти, чтобы она управлялась не мирскими чиновниками, а церковным священноначалием, на основании Евангелия и правил Апостолов и св. Отец. Вот почему нужно желать скорейшего созыва Церковного собора из представителей всей Церкви, чтобы Церковь могла сказать, в чем должна быть ее свобода и как должна протекать ее жизнь. С этим делом нужно поспешить, чтобы не было поздно. Ибо когда Государственная Дума, куда войдут и верующие и неверующие, и православные, и католики, и протестанты, и магометане, и язычники, когда она возьмет власть и над Церковью православною, тогда последнее будет горше первого: из-под власти православных чиновников власть над церковью может перейти в руки разноречивого и разноязычного народа. Мы, православные христиане, должны постараться поэтому о том, чтобы Государственная Дума ведала одни мирские дела, дела же церковные предоставила ведать церковному собору.

И последний вопрос нашей беседы о христианской политике таков: как же христианин должен добиваться осуществления здесь на земле своих гражданских желаний? Одни из людей добиваются их борьбой. Социалисты, напр., часто повторяют слова: «в борьбе обрешь ты право свое». А христиане как могут и должны находить и осуществлять свои гражданами права? На это Христово учение Евангелие преподает нам, христианам, положительные правила. Кто из нас, христиан, вынет меч на добычу своих гражданских прав, или на поражение своих политических противников, от меча и погибнет. Не насилием христиане должны добиваться прав своих, а мольбою к Богу. Бог найдет средство и пошлет людей, чрез которых мы получим то, что должны получить по изволению Божию. В этом отличие христиан от социалистов. Многого доброго они желают, чего и мы просим себе от Бога, напр., равенства всех людей в государстве, обеспечения человека на случай болезни или старости и малолетних детей на случай смерти родителей, бесплатного обучения, возможности каждому трудиться на собственном куске земли под кущею

своей и смоковницей своей и т.д. Но всего этого социалисты желают достигнуть насилием над хозяевами земли, фабрик, заводов и государственной казны; христианин должен достигать всего этого мольбою к Богу, чтобы Бог смягчил и просветил сердце богачей и непрестанною просьбою к самим богачам поделить тот дар Божий, которым они владеют, с неимущими. Весь мир должен быть наполнен мольбою обиженных и, верьте Богу, свершится то чудо, которого насильники добиваются огнем и мечом... Кому из нас не ведомы слова Спасителя: «Просите и дано будет вам, ищите и найдете; стучите и отворят вам, ибо всякий просящий получает, и ищущий находит, и стучащему отворят» (Мф.5, 7, 8). И когда христианину, в ответ на такую веру его в Бога и людей, кто-либо ответит: Бог-то даст, да человек не подаст, христианин должен вспомнить притчу, которую рассказал Христос в ответ на такое сомнение. Вот этот евангельский рассказ. «В одном городе был судия, который Бога не боялся и людей не стыдился. В том же городе была одна вдова, и она, приходя к нему, говорила: защити меня от соперника моего. Но он долгое время не хотел. А после сказал сам себе: хотя я и Бога не боюсь и людей не стыжусь, но как эта вдова не дает мне покоя, защищу ее, чтобы она не приходила больше докучать мне. И сказал Господь: слышите, что говорит судия несправедливый. *Бог ли не защитит избранных Своих, вопиющих к Нему день и ночь, хотя и медлит защищать их. Сказываю вам, что подаст им защиту вскоре*» (Лк.18:2–8). В руках Божиих все стихии мира, судьба всех народов и каждого человека и Он ли не может направить судьбы человеческие на путь своей божественной правды по прошению верующим в Него, вопреки борющимся с Ним. Мы, христиане, можем спокойно ждать. Долготерпение Божие мы должны принимать, как испытание нашей веры и нашего сознания и в этом испытании не должны ни шагу делать на путь Ветхого Завета, на путь насильников и неверов. У нас, христиан, законом нашей политической жизни да будет слово Христово: не противься злему человеку!... И если Бог не облек нас в начальственные права, если мы не несем обязанности мечом противиться злое творящему, то злой человек потребует от нас исполнения противного нашей христианской совести, наш язык да воздержится от хульных словес порицания, а рука наша да не поднимется для поражения. Мы должны ужасаться при виде разбоя и погромов, которыми одни люди отвечают другим. И если этой братоненавистнической борьбе, этому забвению заповедей Божиих: не укради и не убий, предаются неверующие это еще понятно, но когда вам подражать христиане верующие, это ужасно... Мы не должны слушаться злого, не должны исполнять то, что противно нашей совести, но не разбоем, не насилием должны отвечать, а отвечать так, как некогда ответили Апостолы членам Синедриона: Богу нужно повиноваться больше, нежели людям... И Бог даст нам такую победу над противниками нашими, какую дал Апостолам над современным им языческим и

иудейским мірами. Не мудрые міра, они посрамили мудрых, немощные міра, они посрамили сильных и незнатные міра и уничиженные и ничего не значущие, они упразднили значущее, чтобы никакая плоть не хвалилась пред Богом (1Кор.1:27).

Но, предлагая воздерживаться в своей гражданской политической жизни от всякого насилия над противниками своих политич. убеждений, ибо христианин все свое упование должен возложить на Бога и на торжество правды не земле, христианство отнюдь не отвращает христиан от самого живого участия в политической гражданской жизни страны. Православные христиане должны воспользоваться всею полнотой своего гражданского разума и своих гражданских законных прав, христианин – человек, сын своей родины и не может отрешиться от мысли, что современная жизнь имеет связь с жизнью прошлого и имеет продолжение в будущем. Христианин, поэтому, не может совершенно отвернуться от прошлой истории своего народа, но в уроках прошлого и любви своей к старине предков должен он находить для себя вдохновение для дальнейшего развития страны. С другой стороны, он должен ясно представлять себе, что история народов еще не закончилась. Пред народами стоят еще не осуществленные задачи, особенно пред нашим православным русским народом. Мы не должны отвращаться от этих задач, и чтобы осуществить их, мы должны воспользоваться свободно всеми теми средствами общественной науки, которые указываются для достижения большого и общего блага на земле. Если все мы будем делать только по старине, как отцы и деды делывали, то вскоре вернемся вспять, к рабству и мраку.

Христианин не может чуждаться и участия в работе различных политических партий. Каждый человек обладает различными дарами и нужно соединять их на общую и большую пользу. И христианин, приступая к политической деятельности может примкнуть к тем из политических партий, которые более всех других соответствуют его политическим взглядам и христианскому настроению. Но христианин должен примыкать к ним всецело, беспрекословно, с рабскою покорностью. Только тогда православный христианин мог бы всецело примкнуть к политической партии, если бы она всецело выражала одни лишь христианские мысли и желания и указывала бы чисто-христианский образ действия. Такой партии еще нет, но она будет, когда православная Церковь воссияет в міре во всей своей свободе и своей чистоте, когда Церковь Христову будут представлять не одни храмы да священники, а все православно-верующие, объединенные с Богом и между собою во одно Тело Христово...

Ныне я хотел только разъяснить, какой характер должно носить устройство гражданской жизни христианского народа. Во-первых, гражданские отношения между всеми людьми в христианском государстве

должны устроиться на началах свободы, стремиться к равенству и осуществлять братство всех людей между собою. Во-вторых, принимая и подчиняясь власти, как божественному установлению, христиане должны стремиться к тому с одной стороны, чтобы в подчинении власти не дойти до человеко-обожания, когда власть ставится на место Бога, будет ли эта власть в одном лице, как в монархиях, или в лице народных представителей, как в республиках, с другой стороны, чтобы власть стремилась не к господству над народом, а к служению народу. Наконец, в-третьих, участие христиан в достижении различных целей политической жизни не должна отличаться насильственным характером. Молитва к Богу и просьбы к людям – вот наше оружие в политической борьбе. Только такое христианское учение в политической жизни в эти дни общего нестроения будет полезно, только такое действие согласно с христианским законом, только христианская политика будет иметь на себе благословение Божие и с нами будет Бог. А если Бог с нами, кто против нас?

Священник-миссионер *С. Потехин*

**К десятилетнему юбилею // «Миссионерское Обозрение»,
1906, № 1, стр. 118–119**

По случаю исполнившегося десятилетия издания журн. «Мисс. Обозр.», Тамбовский епархиальн. миссионерский съезд прислал телеграмму следующего содержания:

Петербург, Невский 153.

Редакция «Миссионерского Обозрения».

Собравшись на миссионерский съезд, мы сердечно приветствуем «Миссионерское Обозрение» с его десятилетним служением нуждам дорогой нам миссии, и желаем уважаемому журналу и впредь бодро стоять на страже интересов миссии.

Миссионер Базарянинов.

Миссионер Третьяков.

Миссионер Иван Айвазов.

Священник Феодор Малицкий.

Свящ. Василий Успенский.

Священник Александр Дмитриев.

Бывший миссионер. свящ. Алексей Знаменский.

Священник Петр Ангелов.

Священник Владимир Конобеевский.

Священник Иоанн Похваленский.

Диакон Петр Шмарин.

Священник Михаил Панский.

Священник Николай Скрижалин.

Священник Павел Воскресенский.

Протоиерей Василий Викторов.

Священник Иоанн Беляков.

Священник Василий Тигров.

Протоиерей Василий Ремизов.

Священник Василий Данилов.

Священник Иоанн Преображенский.

Священник Дмитрий Агреев.

Священник Владимир Покровский.

Священник Кирилий Архангельский.

Священник Павел Добротворцев.

Священник Алексей Петров.

Священник Павел Молчанов.

Священник Павел Кедрин.

Священник Дмитрий Соколов.

Священник Николай Оржевский.

Священник Феодор Словин.

Священник Василий Санталов.
Священник Алексей Богословский.
Священник Петр Конобеевский.
Священник Александр Николаевский.
Священник Петр Сергиевский.
Священник Григорий Потапьев.
Священник Петр Полянский.
Псаломщик-начетчик Дмитрий Федотов.
Священник Георгий Константиновский.

[Февраль]

Какое место в церковной жизни могут и должны иметь миссионерские собеседования с народом в настоящее время? // «Миссионерское Обозрение», 1906, № 2, стр. 121–138

Миссионерские собеседования с старообрядцами и сектантами были, и мы думаем, останутся главным видом деятельности нашей внутренней миссии. Они получили в последнее время широкое распространение, но начинающая осуществляться надежда на освобождение церковных приходов от слишком большой опеки со стороны центрального управления, – а к этой опеке относят и миссионерскую помощь приходам, – может резко поставить вопрос: нужны ли в приходе миссионерские собеседования приезжих миссионеров. Закон 17 апреля обособляет старообрядцев и сектантов от православного населения настолько, что многим приходским священникам с этого времени представляются уже невозможными какие бы то ни было миссионерские собеседования, и самое существование миссии не имеющим смысла и, посеку, излишним.

Нужно сознаться, что такое отрицательное отношение к миссионерским собеседованиям и к миссионерам слышалось еще задолго до закона 17 апреля. Весьма многие из приходского духовенства, вопреки указам Святейшего Синода и разъяснениям своего епархиального начальства относительно обязательности повсеместной организации миссионерских собеседований, не только не прилагали к этой организации созидающих рук, но и приезжим для собеседований миссионерам вкладывали палки в колеса. И замечательно: чем проще и менее ученым оказывался приходской священник, тем с большею охотой и доброжелательством относился он к собеседованиям. Ученое духовенство, по большей части, относилось к собеседованиям миссионеров положительно с высокомерием и презрительностью даже в тех случаях, когда приходы их оказывались зараженными сектантством в сильной степени.

Кажется, редкое явление церковной жизни удостаивалось таких трогательных забот высшего церковного правительства, каких удостаивалась миссия. И тем не менее, недовольство миссионерскими собеседованиями со стороны духовенства и недоброжелательство к миссионерам как будто бывали непобедимы.

Многое в этих чувствах можно отнести на долю человеческого, только человеческого... Как ни как, а миссионер чужой приходу человек и вмешивается в чужое дело, а приходской священник с естественным человеческим самолюбием, которое не так легко растворить в сознании блага прихода, часто блага всей Церкви Христовой. Миссионеры, дальше,

люди, по большей части, молодые, не сановные, без знаков отличия, с сомнительною надеждою на дальнейшую карьеру. Являются они в приход, правда, без официального уполномочия на ревизию, но кто помешает ему прописать в рапорте, а то и проговориться пред начальством на докладе или за чашкой чая? Все это создаем в высокой степени неблагоприятную почву и для миссионерских собеседований, и для самих миссионеров среди духовенства.

Но если мы отбросим в сторону все то, что говорится против миссионерских собеседований по побуждениям чисто человеческих слабостей, если мы признаем, с другой стороны, что неблагоприятные суждения о миссионерских собеседованиях могут иметь основание в неумелой постановке бесед и часто в неспособности лиц, которые берутся за это дело, то все же в почти общем отрицательном отношении большинства образованного духовенства (я уже не говорю о светских лицах) есть принципиальная сторона, которая требует самого внимательного рассмотрения. Есть миссионеры высокого христианского настроения, есть беседы глубочайшего богословствования и пламенного красноречия и все-таки даже эти миссионеры и эти беседы не могут примирить отрицателей с пользою и смыслом миссионерских собеседований.

Принципиально отрицательное отношение вытекает из соображений частью теоретического, частью практического содержания.

Миссионерские собеседования для большинства лиц, отрицательно относящихся к ним, представляются простым спором или состязанием между православными с одной стороны и сектантами с другой. Беседы представляются как бы турниром, борьбой способностей и сил нападать и защищаться. При этом укалывается на попытки каждого собеседника проявить словесную ловкость на диалектические ухищрения, на искусственный подбор текстов и доказательств, благоприятных своим положениям, и на умалчивание всего благоприятного чужим, словом указывается на то, что характеризует обычные человеческие споры до ученых диспутов включительно. Других отрицателей миссионерских собеседований соблазняет то, что эти собеседования являются как бы публичною выставкой религиозных разногласий, часто поношение православия и оказательством ереси. Указывают на часто повторяющиеся на собеседованиях кощунственные выходки сектантов против православного учения, обычаев, обрядов, священников и т.д., одним словом против всего, что дорого чувству православного человека.

Под таким углом зрения, в первом и втором случае, миссионерские собеседования кажутся противными нравственному чувству религиозного человека. Вера есть сокровище сердца нашего и доказательность ее состоит, по Апостолу, «не в препретельных человеческия мудрости словесех, но в явлениях духа и силы». Прямые указания Св. Писания

также не оставляют ни малейшего сомнения в том, что всяких религиозный спор, как и всякая выставка религиозных разномыслий не могут и не должны иметь места среди христиан. «О, Тимофей, – завещевал апостол Павел, – храни преданное тебе, отвращаясь негодного пустословия и прекословия лжеименного разума» (6:20). Апостол заповедовал избегать всего того, что производит больше споры, нежели Божие назидание в вере (1:4). Всякую выставку разногласия и разномыслия в деле веры Апостол считал прискорбной, и редкое явление в церковной жизни так огорчало Апостола, как видимые разномыслия и несогласия. Он увещевал христиан оставлять эти разномыслия про себя и заявлением их не нарушать единства веры Христовой. «Умоляю вас, братие, – писал Апостол по этому поводу коринфским христианам, – чтобы вы говорили одно, и чтобы не было между вами разделений, но, чтобы вы были соединены в одном духе и в одних мыслях. Я разумею то, что у вас говорят: я – Павлов, я – Аполлосов, я – Кифин, а я – Христов. Разве разделился Христос, разве Павел распялен за вас или во имя Павла вы крестились?» (1:10–13). Апостол допускал внутреннее разногласие у христиан по многим, конечно, несущественным вопросам, только бы их не обнаруживать и тем не нарушать мира церковного. «Немощного в вере (т.е. того, кто не вполне православен в вере) принимайте, – наставлял Апостол римских христиан» (14 гл.), – без споров о мнениях. Ибо иной уверен, что можно есть все, а немощной есть овощи... Иной отличает день от дня, а другой судить о всяком дне равно. Всякий поступай по удостоверению ума своего... Каждый из нас за себя даст отчет Богу. Не станем же судить друг друга, а лучше судите о том, как бы не подавать брату случая к преткновению или соблазну... Будем искать того, что служит к миру и взаимному назиданию... Ты имеешь веру, имей ее в себе пред Богом"... «Если бы кто захотел спорить, – говорил Апостол по другому подобному же случаю, – то мы не имеем такого обычая, ни церкви Божии (1Кор.11:16).

И нельзя не согласиться с тем, что миссионерские собеседования прошены нравственному чувству верующего христианина, если они носят на себе характер состязания в вере, словесного турнира с целью поразить противника или выставить на вид его неразумие или слабость. К великому сожалению, миссионерские собеседования даже лучших миссионеров не всегда могут быть свободны от этого упрека в характере состязания. Правда, к этому сознательно ведут беседы, по большей части, сами сектанты, а православные миссионеры только отвечают на вызов. «Пря будет, великая пря будет», наперед объявляли народу родоначальники современных старообрядцев пред знаменитым историческим собеседованием в Грановитой Палате Никиты Пустосвята с православными архиереями. «Победихом, препрехом», восторженно, хотя и без больших оснований кричали они о результатах этой «великой при».

С не меньшим желанием обратить собеседования в «прю» и победить, препреть, вступают в беседу и современные старообрядческие и сектантские апологеты и полемисты. Но и православные миссионеры не удерживаются от желания разбить противников «на всех пунктах» и не прекращают разгоревшихся споров, которые, конечно, никогда не могут привести к «Божью назиданию в вере»...

Больше пользы для веры бывает, когда миссионерские собеседования возвышаются над мелочным спором и препирательством и, если уже нельзя уклониться от спора, представляют собою характер ученых диспутов. Собеседований с таким характером у нас бывает мало уже по одному тому, что если православные миссионеры могут указать в своих рядах лиц, известных своею высокою богословскою ученостью, то этого нельзя сказать про сектантски мир. Но чего не было раньше, о том нельзя поручиться, что его не будет и впредь. С свободою вероисповедания, с доступностью для сектантов самого широкого образования, у них несомненно появятся лица большей не просто богословской начитанности, а прямо-таки учености. Между православными, с одной стороны, и старообрядцами, с другой, возможны будут публичные ученые диспуты, но миссионерские собеседования не должны рассчитывать на особую пользу таких диспутов. Не помогли эти диспуты католичеству в XVI веке победить протестантство, не помогут они и нам. Вся ученость Экков найдет себе противников в не менее ученых Лютерах и Меланхтонах, а каноническая правота наша и даже возможный внешний успех будут сорваны теми двумя-тремя возражениями, опровергнуть которые мы будем бессильны... Такие возражения против непреложности и неоспоримости во всех пунктах православная учения всегда найдутся, а ведь для спорщика всегда будет достаточным найти в противнике погрешность в малом, чтобы заключить о полной его несостоятельности. Кроме того, только умы в высокой степени объективные, – а такие встречаются чрезвычайно редко, – могут прийти к заключениям, имеющим плод для веры, на основании научных богословских доводов, и богословский диспут для обыкновенных слушателей останется бесплодным зрелищем борьбы слов и убеждений и вряд ли принесет плод назидания в вере.

Миссионерские собеседования могут выступить с характером богословского диспута исключительно в том только случае, если бы этого требовали интересы церковно-общественной жизни. По обстоятельствам времени и места обнаруживается иногда нужда публично обличить еретичество сектантов. Еще задолго до отмены карательных и ограничительных против сектантства законов, православные миссионеры прибегали к этому средству публичного суда над пропагандистами и совратителями, суда, состоящего не во внешнем насилии, а в публичном

доказательстве виновнику его вины и преступности пред Церковью и Словом Божиим.

Наш православный простолюдин темен и грамотностью не просвещен. Догматов веры своей он не знает и с главным источником их, Св. Писанием, он не знаком. Сектанты же этим пользуются и, будучи в большинстве грамотными, одним уже чтением Св. Писания производят на православных неотразимое впечатление богопросвещенности. Умелым подбором отдельных мест Писания, подходящих текстов, сектанты сбивают православных легко с пути истины и укрепляю! за собой авторитет непогрешимых знатоков Слова Божия. Конечно, в этом бóльшая вина православных, чем сектантов, только умело и в своих целях, пользующихся благоприятным для них положением, но разрушить это обаяние сектантов, свести их с пьедестала, на который они взошли, хотя и умело, но несправедливо, – долг защитников истины и обличителей лжи. Миссионерские беседы на очной, так сказать, ставке православия и сектантства показывают слушателям, как сектанты искусно, но не по правде подбирают тексты Св. Писания, как они извращают его своим неправильным толкованием, как сами они впадают в ересь и в противоречие со Св. Писанием и как, наконец, огульны и несправедливы их нападки на православную Церковь. Это святое обличение, последняя инстанция церковного суда, исполнение завета Христова и Апостолов: «поведание Церкви» (Мф.18:17), «обличение противящихся» (Тим.1:11), «заграждение уст непокорным, пустословам и обманщикам» (Тим.10–11).

Такой характер публичного суда над еретичеством миссионерские собеседования принимали, повторяем, еще задолго до 17 апреля и этот суд Церкви имел несомненно большее значение и для сектантов, и для православных слушателей, чем тот гражданский суд над ними, к которому нередко прибегали светские и духовные власти. Неохотно шли старообрядцы и сектанты на этот суд, но шли. Отчасти их влекла на беседу смутная надежда, что этот суд обратится в поношение православия и в уничижение самого миссионера, если только удастся на беседе «сорвать» его, или «переговорить», отчасти их влекло естественное любопытство послушать приезжего и образованного человека. Но в большинстве случаев, сектанты приходили потому, что «начальством приказано». Теперь этот порядок изменился, и если желание победить миссионера или любопытство, как причины появления сектантов на беседах, еще будут иметь кое-где силу, то всякая надежда на то, что совопросники могут быть понуждаемы прийти на беседу, должна быть оставлена. Скорее наоборот. Мы должны ожидать, что по сектантскому миру будет издан приказ всячески уклоняться от бесед с миссионерами; и дисциплина там отличная...

Чтобы привлечь старообрядцев и сектантов на беседу, миссионеры должны придать ей такой характер, чтобы она не имела ничего другого,

кроме изъяснения православного христианского учения и выяснения его истины из сопоставления его со Словом Божиим... Слух о таком характере миссионерских бесед пройдет скоро по селам епархии и дойдет до самых захолустных сектантских углов и привлечет сектантов на собеседования. Как теперь с ними вести беседу, теперь, когда они уже не мыслятся, как самостоятельно «не сущие», а представляют собою открыто организованные религиозные общины, когда уже они не «временно заблуждающиеся», а полноправный религиозно-юридические лица, это другой вопрос, и мы будем говорить об этом – о методике миссионерских бесед – другой раз. Теперь же с особою настойчивостью мы говорим о том, что миссионерские собеседования должны быть свободны от намерения чинить суд и расправу над религиозными верованиями людей чужой веры, чужого христианского общества. Только тогда, когда эти «чужие» учителя явятся на беседу с явно обнаруживающимися стремлениями показать свое превосходство над православием и доказать свою истину, православный миссионер должен проявить силу «противящихся обличить», но и то «со всяким долготерпением и кротостью».

Кроме возражения против миссионерских собеседований, как отличающихся противным христианскому настроению характером спора или состязания, нами указано и другое возражение, часто встречающееся и многих отвращающее от устройства собеседований и сочувствия к ним. Это возражение указывает на то, что миссионерские собеседования часто являются соблазнительным для православия доказательством ереси своего рода еретическою пропагандою, а еще чаще кощунственным надругательством над православною верою и жизнью.

Конечно, весьма возможны такие беседы, где изложение иноверными пропагандистами своих верований и своего несогласия с православным учением не встречает в лице православного миссионера достаточной апологетической и полемической силы, когда иноверцы берут перевес на беседе и торжествуют, а православные уходят в смущении. Это возможно было в прошлом, еще возможнее будет в будущем. Но нужно забывать, что старообрядцами и сектантами учреждаются специальные миссионерские училища, предпринимается издание журналов, книг и брошюр и т.п. Трудно допустить, чтобы, в случае появления в их среде искусных и опытных апологетов и полемистов, они не воспользовались таким удобным средством пропаганды, как возможность сразиться публично с православным миссионером. Еще чаще будут встречаться случаи кощунственного публичного поношения православного учения и православной святыни, и то, что для него будет казаться несомненным и преступным кощунством, то будет лишь естественным осуществлением свободы вероисповедания, ибо, не нужно забывать, большая и существенная часть содержания учения различных толков

старообрядчества и сектантства есть отрицание и глумление над ненавистным им православием.

Как ни сильно это возражение против устройства миссионерских бесед, но оно падает пред неизбежностью того, чего оно хочет избежать, и помимо устраиваемых миссионерами бесед. Кто теперь помешает иноверцам устраивать публичные собрания, приглашать на них православных и говорить все, что им вздумается? Если мы не будем устраивать народных церковных собраний для бесед о вере, где мы будем хозяевами, – эти собрания будут устраивать сектанты, а православные будут там гостями. Так не лучше ли, пока сектанты не укрепились еще, как открыто организованные общины, но настроили еще помещений для многочисленных бесед, не имеют еще опытных полемистов, школ, библиотек, книг и брошюр, – но сдавать им еще не завоеванных ими позиций, а сильнее укреплять их за собою, утверждая православных в вере и разъясняя неправоту иноверия? Миссионерство выдвинуло уже опытных апологетов и полемистов. Нужно увеличивать число их. Нужно приобретать опытность руководить народными собраниями. Нужно изучать сектантство и старообрядчество, учение их и психологию иноверной массы и ее руководителей. Нужно, наконец, создавать в себе самих такое настроение, чтобы не соблазняться осуществлением свободы вероисповедания даже и тогда, когда это вероисповедание даже поносит самое святое святых нашей веры. Признак гонения со стороны, признак страдания на веру отличает, по Слову Божию, истинных последователей христианства. Так не настало ли это «блаженное» время для православных, подвергавшихся опасности за долгое время государственной опеки забыть обязанности несения этого креста и этого испытания? «Блажени есте, егда поносят вы, и ижедеут и рекут всяк золь глагол, на вы лжуще Мене ради"... Не нужно забывать, что как бы мы ни избрали этого испытания, оно будет гнаться за нами в свободе не только уже совести и вероисповедания, но и в свободе всякого устного и печатного слова, в свободе всяких союзов и собраний. Ненависть против Церкви слишком сильна и носится в воздухе и нет основания бояться, что она изольется во вред для православия преимущественно на миссионерских собеседованиях. Там-то она встретит должный и открытый отпор и наносимые раны там-то и получат если не исцеление, то обезвреживание.

Какой же, однако, практический смысл миссионерских бесед, их видимые результаты? Неосновательность как случайных, так даже и принципиальных возражений не может еще служить оправданием тех громадных затрат на содержание миссионеров и той массы энергии, которая затрачивается на устройство и ведение этих бесед миссионерами...

Прямую непосредственную пользу миссионерских бесед обыкновенно полагают в том, что они служат, средством к обращению сектантов в православие. И хотя цифры ежегодных обращений в разных епархиях довольно значительны, но эти обращения сами миссионеры мало склонны бывают приписывать непосредственному воздействию миссионерских бесед. Действительно, случаев, чтобы старообрядец или сектант заявил о своем желании присоединиться к Церкви непосредственно после миссионерского собеседования, бывает немного даже у лучших миссионеров. Можно не обинуясь сказать, что если эти случаи и бывают, то они, за редкими счастливыми, можно сказать, прямо благодатными исключениями, объясняются не столько сознанием истины и правоты православия и ложности иноверия, сколько различными соображениями, мало относящимися к религиозным побуждениям.

Что случаи обращений непосредственно после бесед редко бывают, это и понятно. Дело веры, если она искренна и сознательна, есть дело внутреннего, сокровеннейшего свойства и чуждается как публичного обнаружения, так и внешнего восприятия. А миссионерские собеседования к этому именно и ведут. Правда, «вера» все же, согласно Апостолу, «происходит от слышания, а слышание от проповедующего», но миссионерские собеседования только тогда стали бы приносить прямой и непосредственный плод веры, произвели бы веру, если бы они сохранили характер истинно-христианского, апостольского проповедания Слова Божия, того проповедания, которое одинаково покоряет мудрых и неразумных, склонных к восприятию Слова Божия и стропотных. А это уже дар благодатного учения, выходящий из области естественных человеческих способностей и естественного человеческого труда...

Есть еще другая причина, почему миссионерские собеседования даже талантливейших и вдохновенных миссионеров не приводят к непосредственным присоединениям к православию. Чтобы отстать от своей веры и присоединиться к другой, необходимо сознание неудовлетворенности своей и искание высшей и лучшей. Эта психологическая подготовка к восприятию истины православия если не у старообрядцев, то у сектантов несомненно есть. Круг религиозных идей у них чрезвычайно ограничен и пред богатством христианского православного учения, казалось бы, кто из жаждущих божественной мудрости может устоять? Но это богатство православного учения и вся несомненная, легко доказуемая мудрость его не покоряет сектанта. Дело в том, что, наряду с очевидной божественной правдой православного учения, еще более очевидна для простого человека вся вопиющая неправда православной жизни. А эту-то правду, правду христианской жизни, сектанты только и ищут и, не находя ее в православном народе, отвращаются и от православного учения, от православной Церкви.

Как там ни смотреть на причины появления сектантства, одно несомненно, что сектанты в нем ищут себе душевного спасения, оправдания пред Богом. Не идеи веры, не истины догматические гонят сектантов от православия в сектантство, а затем из одного толка сект в другой, а искание именно правды христианской жизни. Сектанты живут в сектантстве теми отрывками богопознания, которые они вынесли из православия. Ничего нового, оригинального в этой области они, за исключением разве мистиков-хлыстов и малеванцев, не создали, но они этого как будто и не ищут. Вся их вера в сущности сводится к правилам жизни: не пьянствуй, не сквернословь, не кради, не бей и не убивай и т.п., и в этой-то своей тоске по правильной, согласной со Словом Божиим, жизни они и не могут обратиться к православию, ибо они видят одну лишь печальную действительность его, а идеальной стороны его они не знают и знать не хотят. И когда их постигает крушение своих собственных идеалов «правильной жизни», или жизни по «евангельской» правде, они скорее обращаются к хлыстовству или малеванству с их таинственностью или загадочностью, чем к православию. Надежда на неизвестное будущее всегда сильно действует в человеке.

И пусть миссионер распинается в доказательствах, что сущность христианства не в этой трезвой и бодрой жизни, а в вере в Искупителя, освобождающей христианина от страха смерти и вечного разлучения с Богом, что вера – одно, а жизнь по вере – другое, что Православная Церковь столько же учит доброй жизни, сколько сохраняет и истинную веру, – вопрос сектанта к православию: «покажи мне веру от дел твоих», имеет непоколебимую и неотвратимую силу и значимость. И что может сказать миссионер в ответ на этот вопрос? Как бы ни были сильны его доводы и пламенны его собственные убеждения, он будет бессилён убедить сектантов до тех пор, пока не покажет реальной правды православия, пока не откроет в православной церковной жизни действительной организации искомой сектантами правды жизни, организации труда, трезвости, честности, братолюбия и т.п. христианских добродетелей. А это в силе ли миссионера и в его ли воле? Женщины еще менее, чем мужчины, дорожат истинами веры, но гораздо более, чем мужчины, дорожат правдою жизни. И кому из миссионеров, в ответ на свои доказательства сектантам истинности православия, не приходится слышать даже от православных жен этих сектантов полный трепета и боязни вопрос: что, если муж вернется в православие и вновь станет «пыты й менэ быты (пить и меня бить)»?

Старообрядчество ищет в религиозной жизни не правды доброделания, а правды обряда по преданию святых отцов, но это не меняет дела, хотя здесь труд миссионеров в их старании обратить заблудших в лоно православной Церкви несравненно легче... Все же и здесь, как и в отношении сектантов, задачу миссионерских собеседований

отнюдь нельзя считать невыполненной, если непосредственным результатом их не являются обращения старообрядцев в православие...

Но если миссионерские собеседования не вызывают непосредственного возвращения в Церковь, то какой же конечный смысл этих бесед? Смысл этот – в научении слушателей вере. Ведь первое, если не единственное, требование, которое должно предъявить к миссии даже в апостольском ее значении, есть научение, научение прежде обращения. «Шедше научите», потом уже «крестя их"... И Апостол определяет свою миссию в мире так: «не послал меня Бог крестить, а благовестить"... Дело конечно не в специализации служения, а в том, что миссия, как научено вере, есть важная, возвышенная и существенно необходимая часть служения церковного.

Еще великий защитник православной Церкви, архиепископ Никанор говорит, что нет на свете другого христианского народа, который менее бы знал свою веру, чем православный русский народ. В этом незнании своей веры архиепископ видел даже причину массовых отпадений православного народа в сектантство. Мы не разделяем взгляда преосвященного Никанора на последнее обстоятельство, ибо отпадение в секты более верно объясняется практическими мотивами, чем увлечением «просвещенностью» сектантов: деление просвещенного протестантского мира на довольно грубые и всегда менее просвещенные в богословском смысле секты – тому пример. Но мы с чувством глубочайшей скорби подтверждаем слова преосвященного Никанора о глубоком религиозном невежестве русского народа. Это невежество поразительное. Что говорить о простом народе, девять десятых которого совершенно безграмотны, а из этой десятой грамотной части едва ли один на десять знаком с Евангелием? Все религиозное знание простолюдина выражается в знании некоторых молитв, которые при этом заучиваются и читаются с искажением смысла. Религиозного чувства, чувства беспредельной преданности Богу и упования на Него, готовности душу свою положить за св. Церковь, за храм, иконы, крест, за ненарушимость отеческих преданий – бездна. Эта бездна религиозного чувства приводит в изумление интеллигенцию нашу, удивляет западный мир и дает право людям мистического прозрения видеть в простом русском народе – Богоносца, Христоносца... Но не плача ли достойно, что этот богато одаренный религиозным чувством народ, достойный быть сам проповедником Христовой истины, так темен в христианском богопознании, что дает основание упрекать его в язычестве и идолопоклонстве?! Ведь подумаешь только, что в представлениях этого народа и Николай Угодник – Бог и Пресвятая Богородица – наряду с Троицею... А что совершил Христос для нашего спасения, в чем должно состоять христианское усвоение этого спасения, сущность христианской религии, – это

совершенно незнакомо простолюдину. Обрядоверие вытесняет у него всякое представление о христианской религии духа и истины.

Наша интеллигенция, изучавшая в школах Закон Божий, не может, по-видимому, подвергнуться этому упреку в незнакомстве со своею религией. Уроки Закона Божия достаточно уясняют содержание догматов веры и смысл их. Но и здесь положение дела заставляет желать больших изменений или улучшений. Теперь уже стало общим местом признание, что программы, учебники и самый метод преподавания Закона Божия, от самых низших школ и до высших, находятся, – мало сказать: в неудовлетворительном, прямо в противоречащем религиозному научению положении. Введение изучения христианской религии в ряд других школьных предметов, отсюда предъявление к учащим и учащимся безжизненного формального выполнения программы, схоластическое дробление священного учения, отчасти в угоду системе, отчасти для легкости изучения, на рубрики и параграфы, противоестественная классификация одного Закона Божия на «науки»: догматику, мораль, апологетику и т.д. и т.д., предложение священных слов Слова Божия на слова всевозможных учебников, с коммерческою предприимчивостью предлагаемых в «последних изданиях», а над всем этим требование законоучителя от учеников выучить все эти учебники со всеми рубриками и параграфами, выучить во чтобы ни стало, под угрозой двоек и единиц и даже оставления в классе и увольнения, – все это, в чем состоит и чем характеризуется современное преподавание Закона Божия, стоит в прямом противоречии с тем законом Божиим, который вписан в священные скрижали Евангелия и должен вписываться преподавателями в скрижали сердца своих учеников. Система преподавания Закона Божия не по первоисточникам и преподавание для выучки текста и формул, а не для усвоения содержания в той мере, насколько это приемлется умом и насколько отвечает потребности сердца, делают выученное если уже не прямо противным, то совершенно безразличным, обреченным на забвение...

А между тем даже после такого изучения откликается еще живая душа на слово религии. И если мы замечаем в выходящем из школ юношества массовое увлечение материализмом, атеизмом и ницшеанством, то это увлечение объясняется столько же талантливостью проповедников сих учений, сколько и отсутствием талантливой, живой проповеди Слова Божия. На ряду с материализмом увлекаются же и толстовством, а современное побеждающее материализм увлечение идеалистическою философией доказывает это еще более. Познакомьте современную интеллигенцию с христианским мировоззрением по первоисточникам его, познакомьте не с формулами в схоластической передаче их, а с тою жизнью Церкви, которая выразилась в догматах и канонах, укажите, что в христианском миропонимании заложено

разрешение всех социальных вопросов и что христианство не только не чуждается общественных наук, но и принимает их на лоно своего божественного разума, делает их христианскими науками, «христианской социологией», и вы увидите, как интеллигенция, хватаящаяся за все, что носит атеистический характер, в силу одного лишь протеста против холодной безжизненной схоластики христианского Закона Божия, пойдет на встречу евангельской проповеди и падет к ногам Христа...

И вот в этой-то темноте простого народа и в этом антихристианском настроении некоторой части интеллигенции миссионерские собеседования и должны послужить Церкви Христовой в качестве проповеди христианства. Приходские пастыри не могут успокоиться на *statu quo*. Если до сих пор можно было успокоить себя мыслью, что сильная государственной защитой православная Церковь не может много терять ни среди простого непросвещенного народа, ни среди интеллигенции потому, что уходить могут из Церкви и открыто противиться ей только единицы, то теперь, с объявлением религиозной и гражданской свободы всколыхнется и масса. Она свободно пойдет за теми, кто сумеет повести ее. Укрепите же, насколько возможно, связь с Церковью, устраните причины недовольства и противления, и свобода веры и личности не только не будет пугать возможностью отпадения от Церкви, но станет, тою свободой, которая крепче всех внешних уз привязывает «послушанием» ко Христу и Церкви.

Миссионерские собеседования должны быть в настоящее время тем, что называется на современном общественном языке «митингами», т.е. религиозными собраниями для обсуждения вопросом веры. Здесь в собрании, где открыт доступ лицам самых различных религиозных убеждений, неверующим и сектантам, должно совершаться совершенно свободное обсуждение вопросов веры и неверия, сомнения и колебания, утверждения и отрицания. Такт руководителей и сознание участниками собрания всей важности его сделают собрание религиозным, а исконность в намерениях поучить и поучиться истине сделают его плодотворным. И если миссионер православный на этом собрании окажется на высоте своего призвания, если он будет действительно силен в слове и учении, силен верных, но несведущих в учении, научить, а неверных, но противящихся, обличить, то такое религиозное собрание, такая миссионерская беседа будет самым лучшим, соответствующим потребностям и характеру времени средством религиозного просвещения народа.

Жизнь церковная не имеет другой лучшей и подходящей формы для сеяния Слова Божия среди верующих, но не просвещенных, так и неверующих, но ищущих веры... Больше того, даже равнодушные к вере, даже противящиеся ей пойдут послушать и побеседовать о вере, если заранее они будут знать, что на беседе обеспечена полная свобода слова

и мнения. А такая свобода в Церкви, можете быть, и уже издавна установилась только на миссионерских собеседованиях. И если в настоящее время не воспользоваться миссионерскими собеседованиями, где между вопрошающим и отвечающим происходит совершенно свободный обмен мнений по вопросам религии, то в проповеднической жизни Церкви окажется ничем не заполнимая пустота. Наши храмовые религиозно-богослужебные собрания не дают места беседе даже между пастырем и пасомыми, не говоря уже о беседе между присутствующими в собрании. Та свобода богослужебных собраний, о которых говорят апостольские памятники, когда каждому, кто сходил, давалась свобода сказать «псалом, поучение, откровенно, истолкование», теперь в церквях невозможна. Особое благоговение к храму и нерушимость устава церковного не допустят этого.

Не может быть беседой и церковная проповедь, хотя она часто называется таковой. Самое сильное чувство слушателей, возбужденное проповедью, и самая живая мысль, навеянная ею, обречены на молчание. Проповедник церковный не может ждать от слушателей ни вопроса, ни ответа, ни знаков одобрения или несогласия. Неоспоримость его поучения обеспечена, но эта неоспоримость весьма близка к тому, что определяется наперед, как безразличие... Даже в том случае, когда на кафедре появляется талантливый вдохновенный проповедник, с силою слова соединяющий авторитет христианского жития, даже и тогда его проповедь вряд ли достигнет цели полного научения Христовой истине, если она не ответит на скрытые в душе молчаливых слушателей вопросы неверия, сомнения, колебания... Эти вопросы могут быть подавлены обаятельной действительностью проповеди, но они встанут вновь, когда это обаяние пройдет, а живая душа человеческая вновь заговорит своими сомнениями и недоумениями.

Только такая бы проповедь удовлетворяла вопросам полного всевозможных недоумений времени нашего, если бы в слове чуткого к обстоятельствам времени проповедника обнимались все вопросы мятущейся ныне души христианской, если бы он сам угадывал все настроения, давал удовлетворительным, но возбуждающий уже возражения ответ на всяческие предлагаемые вопросы всех своих слушателей... Но ни одному проповеднику не удастся «объять необъятное».

А на миссионерских собеседованиях миссионеру помогают в этом случае те, кто вопрошает его, даже те, кто противостоят ему. В этом случае, как средство проповедания христианской истины, они отчасти выполнять, отчасти вернее идут к цели, чем даже другие современные способы пропаганды идей: лекции, распространение книг и брошюр и т.п., так как представляют живое дело с живыми людьми. И православная Церковь должна воспользоваться в миссионерских собеседованиях, уже

привившихся к жизни, свободой устного слова и свободой собраний для того, чтобы утверждать в сознании народа истину и рассеивать ложь. Там, где нет открытых сектантов, там придут на беседу те, кто имеет явное или тайное нерасположение к Церкви: для Церкви эти лица не безразличны и их чувство к Церкви необходимо выяснить и обратить к любви, миру и послушанию. Необходимо, чтобы все, что можно сказать против Церкви, было высказано. Не только явное или тайное недоброжелательство, но и простое сомнение в вопросах церковных должно быть рассеиваемо. Нужно помнить, что сомнение в истине свойственно человеческой душе и если оно, не рассеянное, в сильных волею людях порождает открытый протест, а по отношению к Церкви отпадение от нее, даже борьбу с пей, то в людях слабых волею оно порождает холодность, равнодушие, легкомыслие. А такое состояние веры – состояние ни горячности, ни холодности – для христианского чувства хуже открытого отпадения... Нужно же дать возможность открыто выступить с вопросами, которые вызываются душевными сомнениями или недоумениями, чтобы дать ответ...

Мы особенно подробно остановились на том значении, которое должны иметь миссионерские собеседования в настоящее время свободы веры, слова и собраний... Мы все время представляли миссионера беседующим то с открытыми сектантами, то с явными или тайными недоброжелателями Церкви, то, наконец, с просто колеблющимися в вере... Но мы как будто не говорили о той массе православных слушателей, которые не приносят на беседу своего слова, но приносят свое страстное внимание, которые задыхаются на беседах от недостатка воздуха и тесноты, которые забираются в помещение задолго до начала беседы, и которые, как бы поздно она ни окончилась, уходят с сожалением. Кто вел миссионерскую беседу в такой аудитории, кто в очах этих безмолвных слушателей читал интерес, глубочайшее сочувствие и благодарность за живое слово истины, тот никогда не расставался с мыслью, что нет лучшего средства религиозного научения народа. Миссионерские собеседования – это лучшая школа Закона Божия, преподавание по первоисточникам христианской веры, преподавание необходимейших, безусловно нужных истин спасения, преподавание в меру разума слушателей и действительных запросов их духовной жизни, преподавание наконец, не только жаждущим истины и вопрошающим, но и отвращающимся от нее, сомневающимся и недоумевающим... Миссионерские собеседования – это катехизация православного народа наряду с апологией православия... Они воссоздают в церковной жизни настоящего времени ту катехизаторскую школу древних времен христианства, которая была средством просвещения не только христиан, но и светочем христианства среди еретиков и язычников. Беседа с сектантами должна послужить просвещению православных, подобно тому,

как беседы христианских катехетов с еретиками, иудеями и язычниками служили в древности религиозному просвещению христиан.

Священник-миссионер С. Потехин

**К истории раскольников «бегунского» толка⁶⁵//
«Миссионерское Обозрение», 1906, № 2, стр. 139–157**

III.

Пустыня, темные леса, непроходимые, оплетенные болотистой мшариной трущобы – вот! куда привода «рабов Христовых» резкая, беспощадно последовательная система основателя бегунства Евфимия.

Но уж с самого начала можно было предвидеть, что эта система, уничтожающая даже простую оседлость и совращающая всех, придерживающихся ее, в постоянных бездомных бродяг, просуществует в первоначальном своем виде недолго. При ней невозможна была никакая организация сектантов. Постоянное бродяжничество и жизнь изо-дня-вдень в неведомых никому пещерах скоро разорвали бы связь между отдельными последователями такого учения: и секта, как общество, должна была бы неизбежно распасться и исчезнуть. Однако, этого не случилось. И не случилось потому, что возбужденное чувство сектаторов скоро принуждено было уступить простому практическому расчету, в чем, без всякого сомнения, лежит первое и довольно существенное *уклонение* теперешнего бегунства от первоначальной его системы.

Произошло это уклонение вскоре же после смерти Евфимия. Под давлением именно боязни распада секты, кем-то из его последователей возбужден был вопрос о том, кто должен считаться «истинным христианином», т.е. членом согласия странников или бегунов, – тот ли только, кто *действительно, на самом деле*, бежит и скрывается, и никто более, или же вместе с тем еще и тот, кто признает учение бегунов за истинное, дает обет бегунства, но сам до поры до времени, до своего крещения, *остается жить в обществе* наравне со всеми не-бегунами?

Вопрос этот не вытекал из системы Евфимия, а напротив, он с совершенной очевидностью решался в ней, как мы то видели, в смысле отрицательном. И тем не менее он не только был поставлен, но и решен в смысле утвердительном, т.е. что последователем согласия странников может и должен считаться не только тот, кто на самом деле странствует и бежит, но и тот, кто дает лишь обет бегунства, а сам живет на міру. Явились, таким образом, бегуны *“жиловые”*, т.е. не перекрещенные, а только «познавшие веру христианскую» и продолжающие еще *жить* в «греховном Вавилоне».

С точки зрения Евфимия эти «жиловые» бегуны в существе дела – те же лицемерные раскольники, которых он осудил на соборе в 1784 году, так как они, подобно последним, живя в обществе «антихристовых слуг» и исполняя все общественные обязанности и повинности (платя подати, выправляя паспорта, слушаясь исправника и станового, называя себя то «поморцами», то «православными», посещая изредка церковь и даже

принимая к себе на дом православных священников, тоже «укрываются за попами» и, следовательно, – такие же вероотступники и «христопораспинатели». И, как таковые, они не должны бы быть терпимы в секте. И, однако, они не только в ней терпят и существуют, но и почитаются и ублажаются, как истинные благодетели и «христолубцы». Конечно, это – уклонение, не совсем бескорыстная уступка расчету, но она была необходима. Ведь они-то именно, эти «жиловые рабы Божии», и составили собою те звенья, которые не дали рассыпаться и бесследно затеряться по лесным логам да перелогам всем этим бродящим в одиночку странникам, а сплотили их в одно стройно и прочно организованное общество. В домах этих именно «христолубцев», часто зажиточных и домовитых, притом ведущих брачную жизнь и имеющих детей, устраиваются теперь и молельни, в которых бегуны совершают свое богослужение, и так называемые «соборы», на которых они обсуждают разные вопросы, касающиеся их секты. А на случай, на осеннюю и зимнюю непогоду, можно найти у них и различные «тайнички», всевозможные «затворные прирубы», «спуды» и «келейки», в которых, в тепле и довольстве можно теперь отдохнуть бездомному бродяге...

Интересно, между прочим, устройство этих «тайничков».

Все они обставляются обыкновенно так, что сразу и не смекнешь, что тут, где-нибудь в подызбице, под полом, куда спускаются чрез приподнятую половицу, на чердаке, в сарае, в чулане, под печкой, есть помещение, в котором скрываются иногда разом, по несколько десятков сектантов. В Царевококшайском уезде, напр., при осмотре одного дома, с виду ничем не отличающегося от обыкновенных крестьянских построек, в кухне была замечена дверь, находившаяся в стенном шкафу для посуды. Все полки этого шкафа были заставлены горшками: не была занята одна лишь нижняя полка, и когда ее подняли, то под ней оказалась щель, чрез которую и представилась возможность проникнуть в подполье, где и были устроены отдельные помещения с выходом из них прямо на крышу дома. В другом доме вход в тайник был замаскирован деревянной лавкой; в третьем вход этот находился под лестницей, одна из ступенек которой отодвигалась и пр. В Костромской, Владимирской, Ярославской и Тверской губерниях эти входы обнаружены в так называемых «голбецах», т.е. припечьях со ступеньками для влезанья на печь и на полати. В Олонецкой губернии в недавнее время найден особый вид тайничков – «подпечники». Устраиваются эти «подпечники», как то видно уже из самого названия, в фундаменте русской печи, причем одна из досок фундамента свободно ходит на шарнире и, таким образом, открывает и закрывает, собою доступ в имеющееся под печью помещение, в котором свободно могут укрыться от 5 до 6 и даже более человек. Не редкость в этих подпечниках – люк, который, спускаясь вертикально между срубом подполья и наружной стеной дома, ведет в небольшое подземное

помещение со всеми приспособлениями и для жилья. Подобные же подземные помещения находили и под хлевами, и под сараями, как, напр., в Полетайкином доме в деревне Михайловой, Олонецкой губернии. Есть, наконец, раздвижные стены, двойные потолки, вделанные в пол лари и ороch. В общем все эти «тайники», и без того так искусно замаскированные, в видах еще большего ограждения скрывающихся в них странников от нечаянного наезда «духоборного суда», всегда соединяются между собою еще массою не менее замысловатых входов, и переходов, с бесчисленными лазьями то в огород, то в поле, то во двор соседа, такого же бегуна христолюбца, так что захватить сектантов на месте, без предварительного точного знания этих ходов и выходов, довольно мудрено. Это целый лабиринт, таинственный не менее, чем в любом, средневековом рыцарском замке. Правда, дом, в котором он помещается, не обнесен, подобно древнему замку, каменными стенами с бойницами и подъемными мостами: он по большей части стоит у всех на виду, скромный, обыденно – крестьянский. Мимо него ни днем, ни ночью не прекращается езда. Тянутся обозы, едут богатые купцы, бредет неимущий люд, спешат чиновники... Всякий глядит на этот дом и никому не приходит в голову, сколько тайн видели его стены, сколько перебивало в этого бегунском замке людей, находящихся в открытой войне с общественными установлениями...

IV.

Итак, выход найден...

Странствование по пустыням, по темным лесам и непроходимым, оплетенным болотистой мшариной тущам, благодаря «жиловым» бегунам, не грозит более прекращением для секты...

Посмотрим теперь, как же уходят «в странство» люди окружающего нас общества?

Такие люди, обыкновенно, запасаются в последний раз «бесовскими бумагами», т.е. паспортом, выправляя его большей частью то на дальний промысел, то на богомолье. Само собою разумеется, что ни туда, ни сюда эти люди и не думают идти, а проделывают все это для того лишь, чтобы, с одной стороны, сделать свое исчезновение «из мира» менее заметным, а с другой – по возможности вернее и разом порвал свои связи с обществом, в котором они раньше жили, ибо, по миновании срока паспорта, их обыкновенно записывают «в безвестной отлучке», а впоследствии и совершенно выписывают из мирских сказок. А это-то для странника, собственно, и нужно, так как, по нему, все те, которые записаны в этих сказках, значатся «в адских книгах, в Титине, у самого сатаны на коленях».

Здесь мы принуждены несколько остановиться, чтобы выяснить то противоречие, которое лежит между теперешним обыкновением странников брать, уходя в странство, паспорта – с одной стороны и самым

понятием «странник», как оно сложилось в системе основатели странничества Евфимия, – с другой.

Дело в том, что Евфимий, а за ним и все первоначальные наставники бегунства ни против чего так строго не восставали, как против именно паспортов. В последних и особенно в гербе (двуглавом орле), по их убеждению, с особенной силой выражается «печать антихристовая», так как «человек, зверь и птица имеют по одной голове, а две головы у одного только дьявола». При том, паспорт и постоянное бродяжничество и укрывательство – вещи и вообще между собой непримиримые. Паспорт нужен для общества, а странник как раз и должен быть неведомым для этого общества «рабом Христовым». Настоящее, странническое имя и звание его должны быть никому неизвестны, а от прежних, мирских, он уже отрекся при вторичном истинном крещении. Поэтому и обычного паспорта у истых бегунов нет и быть не должно; он – «мерзость вавилонская», «клеймо Велиарово», «скверная печать антихриста». Если же ныне и замечается обратное явление, то это опять-таки уже резкое отклонение от системы основателя бегунства, сделка, вызванная временем и обстоятельствами.

Вместо же обычного «антихристового» паспорта, у истинного странника можно встретить нередко такой:

«Объявитель сего раб Иисуса Христа (имя рек) уволен из Иерусалима града Божия в разные города и селения ради души прокормления, грешному же телу ради всякого озлобления. Утверди ми, Господи, во святых Твоих заповедях стояти и от Востока Тебя, Христе, к Западу, сиречь – ко антихристу не отступить. Господь просвещение мое и Спаситель мой – кого ся убою? Господь защититель живота моего – кого ся утешу? Аще ополчится на мя полк, не убоится сердце мое. Покой мне – Бог, прибежище – Христос, покровитель и просветитель – Дух святой. А как я сего не буду соблюдать, то после много буду плакать и рыдать. А кто странного ми прияти в дом свой будить бояться, тот не хочет с Господином моим знаться. А кто ми ради веры погонять, тот яве себя с антихристом в ад готовит. Дан сей пачпорт из града Бога Вышняго, из Сионской полиции, из Голгофского квартала. Приложено к сему пачпорту множество невидимых святых отец рук, еже бы бояться страшных и вечных мук. Дан сей пачпорт от нижеписанного числа на один век, а по истечении срока явиться мне в место нарочито на страшный Христов суд. Прописаны мои приметы и лета в радость будущего века. Явлен пачпорт в части святых и в книгу животну под номером будущего века записал».

Господи Боже, чего-чего тут только нет! И вирши, и богобоязнь рядом с кощунством, и застрачиванье, и даже залезанье во имя Сиона к добрым людям на чужие хлеба...

Но возвратимся к решившему поступить в секту странников.

Выправив паспорт куда-либо на дальний промысел или на богомолье, такое лицо идет потом в известную пустыньку, скит или просто – в подызбицу, куда ему указано, и там *перекрещивается*, ибо «поповское крещение» (т.е. православное), по убеждению странников, – «осквернение» и это осквернение нужно «омыть».

Перед перекрещиваньем его подвергают, обыкновенно, довольно тяжелому искусу. Так он должен, напр., вынести шестинедельный поет: кроме субботы и дней воскресных и праздничных, есть только холодное – и то без масла и рыбы. Кроме того, в течение всего указанного срока он обязан каждый день полагать по тысяче земных поклонов, а последнюю ночь перед перекрещиваньем совсем не спать, а молиться и читать божественное писание.

Перекрещивают большею частью «крестители» (особая должность у странников), а если их нет на лицо, то рядовые начетчики иди особенно уважаемые старицы, в роде известной Ирины Федоровны, неизменной спутницы самого основателя бегунства Евфимия, которая крестила, напр., в селе Сопелках довольно видного впоследствии наставника бегунства Мокия Федорыча, а также – Петра Семеныча (Севастиана) и др.

Перекрещивают в ближайшей реке, пруду иди даже в кадке с водой и, при том, во всякое время года и не только здоровых и взрослых, но и больных, и младенцев.

При самом перекрещивании заставляют крещаемого (при крещении младенца – восприемника иди восприемницу) произносить особый чин проклятия «никонианских ересей» и отречения от всяких соблазнов и мирской суеты. При этом ему дается новое имя, в большинстве случаев – иноческое, – Варлаама, Маркелла, Исихия, Изота и пр. Вместо креста, данного при православном крещении, надевают свой, бегунский, очень часто из вересового (можжевелового) дерева в жестяной или оловянной оправе. Указывают, далее, хотя и без непременно обязательства, носить определенную одежду. Так, женщине, напр., рекомендуется носить обыкновенные темных цветов староверские сарафаны с медными пуговицами-шаркунчиками по передней тресте и черные платки. Для мужчины же, сверх одежды, ставят в обязательство еще иметь выстриженное на темени «гуменце». Это для того, чтобы благодать могла вернее проходить сквозь голую голову во всего человека. Наконец, новокрещенный запасается своим отдельным медным образком (складнем), пред которым всегда и молится и который кладет во время еды и питья постоянно на заблюдику. Заводит он себе также отдельную лестовку, подручник, подколенник, чашку, ложку и прочую посуду. Все эти вещи, в виду возможности осквернения чем-нибудь никонианским в бродячей жизни необходимые, обыкновенно, бегунского же изготовления, так как покупать, держать и кланяться тем, напр., образам, которые сделаны не странническими руками, а православными, считается у них за

великий грех. В этом случае они ссылаются на пример св. Андрея Христа ради юродивого и указывают в своих цветниках то место из Апокалипсиса, где говорится, что в царствование антихриста поставятся на месте святе «кумиры антихристовы»...

V.

Перекрестившись и запасшись всем вышеуказанным, новопросвещенный становится уже настоящими, «*правоверным*» странником.

Суетный мир с его антихристовой прелестью, с его зловерными, злочестивыми, пустопытами и праздниками табельными, сиречь табачными, – все это осталось теперь далеко позади.

«Прощай мир весь со страстями

И со прелестью – на век

И со всеми суетами...

Я от вас уже далек"...

Впереди – строго иноческая жизнь, полная духовных подвигов и воздержания. Но крайней мере, устав бегунский строго запрещает «рабам Божиим» не только излишества, в роде табакокурения и питья вина, но и такой обыденные и с мирской точки зрения нравственно-невинные вещи, как иметь какую-либо собственность, пить чай, есть мясное, вступать в брак, ходить в гости и другие людные собрания... Все это – «грех», «суета», «богомерзкая закваска Велиарова», которую нужно вырвать из себя, от которой, как от разъедающей заразной болезни, нужно исцелиться. И от всего этого одно только средство: «Возьми корень послушания и листвия терпения, цвет чистоты, плод добрых дел; изотри сие в котле безмолвия, просей в решете уединенного благомыслия, всыпи в гарнец смирения, прилей – елико можеша – воды и слез молитвенных, подпали огнем божественным любви, покрый крышкою милостыни и, егда огонь учредится, простуди и посоли братолюбием и вкушай лжицею покаяния. И егда тако сотвориши, будеша совершенно здрав».

Молитва, уединение, незлобие, нестяжательность, чистота телесная и духовная, покаянный плач... Да это, действительно, настоящий скитский устав, настоящее иноческое житие...

Но только так ли все это на самом деле? Нет ли и здесь уклонений в современном бегунстве от начертанного Евфимием образца?

Обратимся к фактам. Проследим, насколько возможно, жизнь бегуна с момента вступления его в секту до самой его смерти. Посмотрим, чем он занимается, как проводит свободное время, как относится к своим братьям-единогласникам...

Возможно только одно из двух для человека, принявшего бегунское крещение: или он уходит в какую-нибудь лесную пустыньку, или же прячется в тайничок у какого-нибудь жилого «христоролюбца».

Но в том и в другом случае, при чисто внешнем, формально-обрядовом отношении бегунов, как и всех вообще раскольников, к своим религиозным обязанностям, от уставных поклонов, от вечерниц, полунощниц и обедниц остается масса свободного времени. И это время вполне естественно сначала кажется для новопоступившего, в большинстве случаев, – изморившегося на тяжелой работе, захудалого мужичка, настоящим светлым праздником. Еще бы! Теперь ему уже не нужно возиться с этой неблагодарной сохой ковырялкой, не нужно, обливаясь потом, добывать подати, гнуть спину пред грозным и надоедливym начальством, заботиться о продовольствии голодной семьи, крыть и перекрывать обрешетившуюся хатенку... Теперь его дело – встал, помолился, «отбыл правило, еже указася» – и все! Сиди себе спокойно и беспечально до нового «правила». Любота да и только! Точно барин какой. А «окромя всего – и душеспасительно: христианская «молитовка» за Богом никогда не пропадает. В общем же все это так хорошо, что в первое время даже не верится, что и завтра, и послезавтра будет то же самое...

Но вот проходит неделя, месяц – и картина несколько изменяется. Ничего неделанье, так приятное вначале, начинает уже приедаться и тяготить этих, чуть не с пеленок, втянувшихся в работу, людей. Медленно, шаг за шагом, но верно и неумолимо подкрадывается скука, тяжелая, беспросветная. Чтобы рассеять ее несколько, бегун пробует переключиваться из одного тайничка в другой, из одной пустыньки в другую. Новые места, новые лица как будто встряхнут его немного, но проходит первое ознакомление – и на душе еще тяжелей, ибо, к ужасу его, его и здесь встречает та же бездушная у большинства уставная формалистика без искренней настроенности, та же убийственная тоска, то же «томление» и бесконечная бегунская «праздность». И чует он, что, хотя бы сотни мест он переменил, а везде все то же будет...

Но что же делать? Куда же деваться от этой гложащей скуки?

А разное бывает.

Если новопоступивший – человек мало-мальски искренний, грамотный и действительно мистически настроенный, то он замыкается в себя и совершенно уходит в изучение и списывание своих «богодуховенных» книг. Это – будущий фанатик-начетчик, краса и «велелепие» секты. Он глубоко верит в святость бегунского подвига и злобно ненавидит все православное. Мрачного вида, с бледным и изможденным от подпольного сиденья лицом, с лихорадочно горящими глазами, обескровленный, с отвычкой от чужих людей и дневного света, он грозно громит «антихристово семя» и готов ежеминутно пойти на всяческие «мучения», вплоть даже до самосожжения. Таков, напр., был Матвей Игнатьев Ухинов, крестьянин деревни Щекиновой, Волосовского прихода, Каргопольского уезда, Олонецкой губернии. Вместе с 14 совращенными им в бегунство крестьянами, он спокойно вошел в избушку на сенокосной

пожне Старцева, запер дверь и самолично подпалил еще ранее натасканную в эту избушку бересту. Столб черного дыма – и от пятнадцати человек остались лишь обгорелые черепа, ребра и издававшие невыносимый смрад желудки. В четырех саженьях от пожарища, на березке, найдена и разгадка – бумажный листок, на котором было написано карандашом церковно-славянскими буквами:

«Иоанн Богослов. А сколько палочек, столько и человека сгорело (15 черточек); а наставник Матвей Ухинов, а во святом крещении Максим. А мы бежали и не можем на вашу вражью прелесть глядети. Лучше в огне сгорать, чем антихристу служить и бесами быть. Писано бо во Покаянии: Вавилон, Вавилон, град великий, жилище бесом. А еже странных гонят, то все со Христом лучше и горят».

Правда, это – единичный случай и на основании его невозможно делать каких-либо общих выводов. Большинство фанатиков-начетчиков не идет дальше более или менее дерзкой пропаганды бегунского учения да разве еще открытого глумления над всем православным во время судебных следствий. Да и вообще фанатики-бегуны теперь, сравнительно, редкое явление. Рядовая же масса «людей Божиих» предана своему «едино-истинному христианству» вовсе уже не так беззаветно и справляется с одолевающей ее в первое время скукой значительно проще: она просто-напросто не обращает на нее никакого внимания (так, дескать, «с непривычки», «блажь одна»), и, не мудрствуя лукаво, со спокойной совестью продолжает излениваться и постепенно превращаться в невозможных тунеядцев и развращенных сластолюбцев.

Правда, некоторые из них плетут лапти, шьют башмаки, вяжут чулки, режут крестики, гнуть из бересты бураки (корзины) и все это продают потом при содействии «христоролюбцев»-пристанодержателей. Многие тайком, в ночное время, «под сокрытием спасительной сутемени», даже помогают последним в их полевых работах. Но все это делается ими вяло, безучастно, – больше так, «для лекарства», «для ради того, чтобы размяться», «разогнать по жилам застоявшуюся кровь». И это, конечно, потому, что все необходимое для жизни и без того доставляется им разными жиловыми «благодетелями». Последние шлют им чрез верные руки и мучку, и маслице, и яйца, и рыбку, и грешным делом – так неподходящие к их уставной «нестяжательности» денежки. И насколько обильны бывают эти денежные пожертвования, можно судить, напр., из того, что не так давно едва «христоролюбивая купчиха из Ярославля разом прислала на Каргопольский бегунский «предел» 12 тысяч рублей. Такие же пожертвования, как в 100, 200 и 300 рублей, бывают очень часты. Пишущему эти строки лично известны несколько купцов, делающих подобные пожертвования или, как они их называют «поминки» по несколько раз в год. Все эти пожертвования поступают, обыкновенно, в

распоряжение старшего, который и делит их потом, по мере накопления, между всею наличною «братией».

При таких условиях, разумеется, жизнь бегуна вполне обеспечена и без всяких личных его трудов: живи, действительно, как говорится, точно у Христа за пазушкой, да славь Бога, –

«Иже излил на тя любовь:

Дал тебе сей странный кров,

Без печали, без заботы,

Без мечтаний, суеты...».

Бегуны так и живут. Хорошо, но ихнему, живут: спят себе сколько угодно, едят и пьют, не смотря на хваленую строгость устава, сытно и обильно... Когда же сон уж «отвалил» и «не берет больше», а правило уже выполнено и время еды еще не приблизилось (по крайней мере, еще не слышно жалоб, что «скет на животе»), то к услугам бегунов являются собеседования с начетчиками и слушание их поучений, хотя бы и для того только, чтобы повздыхать, памятуя суету мирскую и всякие житейские невзгоды, ставшие теперь для них лишь воспоминаниями. Когда же и это принаскучит, то один «для ради лекарства» садятся ковырять лапотки или гнуть бурачки, а другие, усевшись в кружок, затягивают хором различные духовные стихи и псалмы, которых у них имеется замечательное обилие. Есть несколько стихов о пустынях и пустынножителях (напр., «О, прекрасная пустыня, приими мя во свою частыню»), стих об антихристе («По грехом нашим на нашу страну напусти Господь такову беду»), о втором пришествии («Господь грядет в полунощи, жених идет со славою»), о смерти («О, неумолимая смерть, люта еси и немилостива»), о потопе праведного Ноя («От начала было века, от первого человека»), про Иосафа Царевича, в пустыню идуща («Боже Отче всемогуще, Боже Сыне присносуще»), про узника-невольника («Поздно-поздно вечерами, как утихнет весь народ»), о страстях Господних («Со страхом мы, братие»), о ленивом, про молодые лета и пр.

Поют странники, действительно, хорошо. Да и стихи попадаются чудесные, полные, по местам, замечательной силы чувства и поэтической изобразительности. Таков, напр., следующий стих, составленный первым патриархом известного толка бегунского «статейников», Никитой Семеновым:

Умоляла мать родная

Свое милое дитя,

Пред кончиною рыдая,

О судьбе, его грустя:

– «Распростись со мной на веки,

Ненаглядный мой цветок:

Скоро будешь сиротою –

Цвести в поле одинок...

Мне минута наступила
Тебя на век покидать;
Скоро хладная могила
У тебя отнимет мать...
Ты звезда моя – денница,
Не затляй своей красы,
Не губи себя на веки,
Не плети ты две косы.
Не меняй волю златую
На прелестные цветы,
На богатство, честь земную.
На заботы, суеты.
Теперь ты и не богата
И в народе не славна.
Зато птичка ты крылата,
Беспечальна и вольна...
Ты звезда моя – денница,
Твой жених – небес Творец,
С ним ты будешь голубица,
С ним пойдешь ты под венец.
Рай пресветлый на восток.
Я тебя там буду ждать.
Лучше царских там палаты,
Вертограды и сады.
Терема, чертоги, златы,
В садах дивные плоды.
Рощи с чудными древами,
Всегда ангелы поют.
Поля устланы цветами,
Розы запах издают.
Плавно катятся там реки.
Чище слез воды струя.
Там вселишься ты навеки,
Дочь любимая моя!
Там не жди беды, напасти,
Ни печали никакой;
Там погаснуть в душе страсти,
Там лишь радости покой"...
Мать в последний раз вздохнула,
Оградившая крестом.
На девицу раз взглянула
И уснула вечным сном...
Не забыла дева слова,

Помнит материн совет,
Без препятствия земного
Она жизнь свою ведет:
Во пустыне, во частыне,
В дивном тереме златом
Красоту свою лепную
Она делит со Христом...
Или вот еще:
Хвали сердце мое в вышних.
Хвали Бога в небесах.
Воспой песнь ему в псалтири.
Воспой песнь ему в гусях!
Воспой гласом, воспой духом,
Воспой милость всю его!
Ударь в струны, нежным звуком
Прославь Бога своего,
Кто извел тя из напасти
И житейския мечты,
Удалил тя есть от страсти
И мирския суеты,
И привел тя во ограду,
Где пасет своих овец.
С ними дай же мне отраду
Ты, премудрый наш Отец!
и проч.

Ведь как ни как, а нужно сознаться, что эта и подобные им дифирамбы в честь буйства замечательно красочны и составлены мастерски. Не удивительно после этого, что послушать распеваемые бегунами стихи в подызбицу набирается иногда очень много и посторонних: филипповцев и особенно – православных. Не удивительно и то, что все они расходятся с этого пения часто грустные, задумчивые, с неуловимой, но цепкой паутинкой расположенности к секте...

Но продолжим описание времяпровождения «странной братии».
VI.

Хорошо пение стихов и бегуны его очень любят: поют стройно, дружно, с елейными вздохами и сокрушенными охами, но в конце концов и оно надоест. Тогда в распоряжении странников остается еще одна утеха и одна ли не самая любимая: это – баба.

С первого взгляда это кажется несколько странным и даже маловероятным, ибо, как мы видели, секта носит с виду суровый иноческий характер и нравственные требования ее устава на этот счет очень определены и строги. Так, за первый грех против 7 заповеди полагается епитимия в 1.000 земных поклонов: за греховное падение в

пост – 12.500 поклонов, а за годичный грех – 50.000 поклонов. Но все это именно только *с виду и на первый взгляд*. На самом же деле мы встречаем теперь в среде бегунов совершенно противоположное: отрицая брань, как «осквернение» и воспевая девство и «целомудренное житие», они совершенно спокойно и нисколько не смущаясь бродят по темным лесам и скрываются по глухим подземельям веселыми парами случайно сошедшихся безбрачных сожителей. Выходит, таким образом: девство на словах – и разврат на деле, безбрачие в теории – и самое разнообразное наложничество на практике. И началось сие «злокозненное падение» давно-давно. По крайней мере, обращаясь к истории секты, мы видим первые следы его в очень отдаленные времена, граничат чуть ли не с началом, бегунства. И что всего удивительнее, так это то, что даже сами наставники оказываются далеко не безгрешными. Их собственные показания, данные в 50-х годах, – лучшие тому доказательства. Так, на ряду со скорбью и рыданием об истлении благочестия, нет, по показанию странницы Аполлинарии Ивановой, «ни одного наставника, у которого бы не было по несколько любовниц». И действительно, как живые встают пред нами – Евфимий и Ирина Федоровна (крестьянка Кашинского уезда, Тверской губернии), Никита Семенов и Варвара Димитриевна с одной еще «рабой Божией» из Пошехонских скитов, Савва Александров и девица Татьяна Светлякова из деревни Усть-Пормы (Олонецкой губ.) и еще Марфа Полетаева из деревни Морозовой (той же губ.), Глеб и Глафира, Миров и Василиса, Савватий и Марья, Никанор и Устивья и другие, подобные им светильники бегунства, эти, как оказывается, на самом деле «бабы воины и девичьи ратники», имевшие то по одной, то по несколько разом наложниц. «Начну, еже содеях», – писал в своей исповеди наставник Александр Васильев; но то, что он «содеях», невозможно и передать здесь. С наставником Антипой Яковлевым произошла, далее, такая оказия: «некогда случилось ему быть при моленьи – и вдруг некая жена ухвати его бесстыдно». Описатель жизни странников 60-х годов, бывший ранее тоже странником, передает, что один из видных деятелей бегунства того времени нарочито при перекрещивании избрал себе в восприемницы девицу Любовь, чтобы позволили жить с нею в одной келье на правах духовного родства, как с крестной матерью. И когда позволили, то действительно жил с нею. Один бегунский писатель, восстававший против появившегося в секте толка «брачников», заявляет: «от их же непреподобного учения и прочие согласия люди навыкоша при себе водить девок и баб, а что они с ними делают, про то сами знают». Иконный изограф бегунский Селиверст

Где квартира потеплее,
Он согласен тут и быть;
Ему вера та милее,
Где послабже можно жить.

Он давно, чего желал,
То нашел и получил;
Такой веры и искал.
Чтоб свободно при ней жить
и проч.

Из этих и подобных им фактов и показаний самих бегунов (а их такая масса, что перечислить даже сотую долю их нет никакой возможности) с достаточной ясностью видно, как понимали и теперь понимают, сохраняли и теперь сохраняют свое «иноческое» девство бегуны, во всем слепо идущие за своими наставниками. Не даром, поэтому, существуют и поговорки у современных бегунов, что «тело играет, душа непорочна», – «жена дьявлом дана, а девка Богом»; что «хоть семерых роди, только замуж не ходи» и «тайно содеянное тайно и судится». Не даром, далее, и все более или менее видные исследователи и знатоки расколо-сектантства относят странников, не смотря на их кажущуюся иноческую строгость, к разряду сект противно-нравственных. Третий всероссийский миссионерский съезд, бывший в г. Казани в 1807 году, в одном из своих заседаний категорично выразился, что странники еще решительнее, нежели федосеевцы, восстают против брака и что умножению разврата в страннической секте весьма много способствует совместное мужчин и женщин бродяжничество и проживание в тайниках. Бракоборное же федосеевское учение известно.

«Не жену, а стряпуху держи и, часто переменяючи, отклони зазор; детей не роди, а если и родишь, тайно воспитай и племянничком называй; а когда покинешь жену с детьми, тогда только будешь чистый раб» – вот федосеевский совет мужчинам.

«Девство каждый сохраняй, тайну брака не познай, – сколько хочешь народи, только замуж не ходи; нас отцы за грех простят, в райско место поместят» – вот федосеевский совет женщинам.

Мало того, –
«Тайна брака истребися.
Детородство запретися,
Что к зачатию человека
Ныне душу к жизни века
Бог Творец не посылает.
Сам дьявол помещает.
Дева, отрок, умертвись,
Жизни в ложеснах лишишь"...

Так разоблачает» изуверный взгляд федосеевцев на семью известный в истории беспоповства «Андреян» Сергеев. Можно судить поэтому, какова нравственная чистота жизни странников, если она – не говорим «превышает», а хотя лишь сколько-нибудь приближается к таковой же федосеевцев!...

Но кроме разврата полубовного, согласного, летопись странничества представляет нам и возмутительные случаи насилия, жестокости и бесчеловечия на этой почве.

Так странница Ирина Никифоровна (она же Марфа) рассказывала, как привязался к ней странник Ивана Тимофеева и скоро начал ревновать ее. Раз он зазвал ее в холодную горницу, где оказался какой-то неизвестный ей человек. Вдвоем они схватили ее и сначала стали было душить, а потом принялись сечь. Секли долго и жестоко, даже по животу. Когда один уставала, начинал другой, приговаривая: «Знай наших, каково изменять нам!». В заключении Тимофеев обрезал несчастной косу, а потом взяла за уши и отрезал ножницами по куску каждого уха. Показание это было подтверждено в свое время медицинским освидетельствованием.

Нам самим привелось слышать не так давно рассказ некоей Ирины Алексеевой Белогузовой, крестьянки деревни Фефиловской (Олонецкой губ.), о том, как ее племянница, ушедшая в «странство», едва не подверглась насилию со стороны старика-странника, к которому ее «определили», случайно спасшись от позора лишь бегством из скита. При этом за ней гнались, но настигнуть и найти не могли, так как дело происходило ночью и в лесу, и она успела спрятаться от преследователей в одной яме, откуда и слышала все их переговоры, что нужно, дескать, ее «порешить», а то она может «выдать нас»...

Жестокость и бесчеловечие странников на почве беспорядочных любовных сопряжений усматривается, между прочим, еще и в том, что в среде их практикуется в ужасающих размерах вытравление плода. Для этой цели бегунки принимают внутрь казачий можжевельник (*juniperus sabina*), янтарь, шафран, тертый порошок, настой на водке разных трав, в роде – баранца (*agnus captus*), чернобыльника (*Arthemisia*), переступа (*bryonia*) и проч. И надо полагать, – успешно, так как, в общем, случай рождения детей в бегунстве очень редки. А если и случится такой грех, то к услугам «сплоховавших» являются «христороубцы»-пристанодержатели, которые и усыновляют, ребят, говоря любопытным, что получили ребенка от какой-то проходившей богомолки, которая шла будто бы с этой крикливой ношей, притомилась, заболела, да и говорит: «Мне девать теперь некуда, возьми дитя Христа ради!».

Но довольно...

Уже из сказанного ясно, насколько странники верны своему «иноческому» уставу. Да, впрочем, припертые к стене неопровержимыми фактами, они и сами не скрывают своих «прорех», с циничной откровенностью заявляя, что «жить по уставу – тяжело суставу», что «на все суставы уставные не уставишься» и что «не нами, дескать, уставилось, но нами и переставится»...

Вот и слушайте после этого, как они с елейными вздохами и сокрушенными охами распевают:

«Прощал мір весь со страстями
И со прелестью – на век!
И со всеми суетами...
Я от вас уже далек"...
Ложь. Беззастенчивая, грубая ложь...

VII.

В тепле и довольстве, среди «молитовок» и пения священных стихов
вперемешку с «любострастными утехами», беспечально течет жизнь
странника...

Но вот подошла старость, подкралось бессилие, приключилась
болезнь смертная. Пришло время умирать и идти «ко страшному Судии и
ко грозному Владыце»...

Тяжелая, безотрадная обстановка.

Тайком, глухой ночью, без гроба, завернутого в рогожу выносят
«преставльшагося раба Божия» его единосогласники куда-нибудь в поле
или в сырой бор и там, как падал, зарывают, его в ямке. И никакого
крестика, никакого бугорка, никакого знака, что тут, под тонким слоем
земли, лежит человек! Оно, впрочем, и понятно: *неведомый міру* странник
должен и почивать в *неведомом міру* месте...

«Никто моей могилушки
Никогда не посетит,
Разве пташечка лесная
На ней сядет – посидит.
Или разве мимоходом
Кто близ могилушки пройдет,
Приустанови – на зеленом
Дерне сядет – отдохнет"...

Зарывают странника очень мелко, причем голову, – обращенную
лицом к востоку, зарывают еще мельче, чем ноги. Это делается, с одной
стороны, в том расчете, чтобы земля антихристова не слишком *давила*
истинного христианина, а с другой, чтобы ему *легче* было встать, когда
труба архангелова вострубит в последний день.

Зарывают нередко в той же самой одежде, в которой покойный
странствовал: в полушубке или армяке с подпояской, в той же шапке
сапогах или лапотках и часто даже с палочкой, чтобы быть, когда настанет
кончина міра, в малом стаде набранных, совсем, как говорится, *наготове*.

«И буду лежать, гласа ожидать. Как в трубу вострубят, всех мертвых
возбудят, и аз пробужуся, с землей разлучуся. Пойду на суд Божий. И буду
стояти, ответ помышляти, себя укоряти, Творца умоляти».

«Приими мя, Боже,
Верного сына!
Во твоём эдеме.
В пресветлом месте,

Да на Тя взираю,
Радость получаю"...

Станный народ и странное учение! Как в нем все противоречиво! Ложь и младенческая наивность, аскетизм и распущенность, любовь и ненависть, покаянный плач и бессердечие – все перепуталось в какой-то непонятный, хаотически-беспорядочный клубок...

И где выход, где конец всему этому?

Разумеется, – не в старом, к которому, как мы видели, бегуны стали в невозможные противоречия, а в новом: в любовном отношении к этим заблудшим людям и в просвещении. Авось –

«Блеснет огонек
Среди томной ночи –
И дрогнет тьма,
И отверзутся очи...
И познают они
Заблуждения они"..."
Д.М. Березкин

Обличение лжеучения хлыстовской секты. (Изложение учения слова Божия о Лице Господа Иисуса Христа, о христианах, как детях Божиих, и о браке) // «Миссионерское Обозрение», 1906, № 2, стр. 158–171

«Не участвуйте в бесплодных делах тьмы, но и обличайте»
(Еф.5:11).

Предисловие

Обыкновенно предполагается, что хлысты не руководятся Св. Писанием, как источником вероучения; поэтому, – имеет ли смысл полемика с ними на почве Св. Писания? То, что хлысты – в сущности – не считаются с текстом Слова Божия и не стесняются им в своем веро- и нравоучении, – совершенно справедливо. Но, это положение по отношению к хлыстам требует некоторого ограничения и разъяснения.

На Св. Писание хлысты смотрят подобно тому, как и на Церковь. «Я ходил в церковь, пусть теперь дети ходят!» – говорил нам один хлыст – Почему? – «Научился и доволюно!» На Церковь хлысты смотрят, как на «сень» их «тайн». Точно также они смотрят и на Писание: его буквальный смысл, по убеждению сектантов это скорлупа, скрывающая за собой их «тайны». То, что описано в Библии это, по их мнению, было и прошло безвозвратно и – по букве никакого отношения к ним не имеет, но с другой стороны – «духовно» пророки и апостолы, небо и рай, и ад, описываемые св. Писанием, все это совершается теперь, здесь на земле. Вот почему хлысты нередко читают некоторые места св. Писания, толкуя их «духовно», т.о. извращая их по-своему, читают, очевидно, не только для совращений, или напоказ, а отчасти и для себя.

Приведем некоторые примеры. «Прежде нежели был Авраам, Я есмь» (Ин.8:58), – читают они, прибавляют сюда повествование о Мелхиседеке (Евр.7:3) и в результате этого сопоставления текстов ими выводится мысль о ветхозаветных воплощениях Христа, как многократных. «Вы говорите, что Христос восшел на небо (1Пет.3:22)», говорят хлысты миссионеру, а вы вперед объясните: что такое «небеса» и «беса»? По-хлыстовски предполагается, что «небеса» – они сами, а «беса» – остальные люди. Ссылки и перетолкование хлыстами текстов (1Ин.4:2–3; Мф.12:48–50) – известны.

«Тело мертво», оно – «для греха» (отдавай его для греха) читают хлысты с своими комментариями; «дух жив для праведности»⁶⁶, т.е. для радений.

Закон (брачный) «имеет власть над человеком, пока он жив». «Замужняя женщина, привязанная законом к живому мужу» т.е. не – хлысту; а «если умрет муж», т.е. перейдет в хлысты, «умрет для греха»,

она «освобождается от закона замужества»; если при живом муже выйдет за другого, называется «прелюбодейцей», т.е. в случае обычного законного брака; «если же умрет муж, она свободна от закона и не будет прелюбодейцей, вышедши за другого мужа.⁶⁷ В том же смысле, т.е. в модной брачной антиномии хлысты понимают слова: «мы теперь не под законом, а под благодатью»...⁶⁸ В пример приводится самарянка, имевшая пять мужей, и семь братьев, имевших одну жену⁶⁹ и т.п. Оставление законных жен и принятие т.н. «сестер», «духовных жен» хлысты иногда мотивируют текстом: (Гал.4:22–31) и выражением его: «изгони рабу и сына ее»...

Правда, толкование Писания нельзя считать устойчивым, везде одинаковым у хлыстов, но несомненно, что хлысты стараются оправдать себя своеобразным толкованием некоторых его мест. Еще большее значение имеют ссылки и «духовное» истолкование хлыстами Писания при совращении ими в секту сторонних лиц; ссылаются хлысты на Слово Божие и в беседах с православными; в последнем случае хлыст, не желая (а может быть и стыдясь) сразу открывать свои «тайны», – по крайней мере в начале беседы, – хотя и не прочь высказаться загадочно, все же поневоле держится более буквального, прямого смысла священного текста.

Посему, мы, – надеясь на помощь Божию, памятуя, что «слово Божие живо и действенно, и острее всякого меча обоюду острого: оно проникает до разделения души и духа, составов и мозгов, судит помышления и намерения сердечные» (Евр.4:12), на беседах, – не говоря о других видах сектантства, – и по отношению к хлыстам старались обличать их лжеучение и злые дела на основании Слова Божия.

Нижеследующее «Обличение лжеучения хлыстовской секты» есть запись тех вразумлений, которые нам приходилось до сих пор предлагать по отношению к хлыстам на нашем миссионерском служении.

Собеседование с хлыстами, как совопросничество, в особенности, в начале беседы, приводит в большинстве случаев к досадной для миссионера, затемняющей дело игре слов со стороны сектанта. Приходится прежде всего пытаться вносить в собеседование свет, т.е. беседовать с сектантами сначала в положительной форме, и только к концу беседы обычно совопросничают и сектанты. Поэтому, в настоящем «Обличении» мы предлагаем в противовес основным пунктам лжеучения хлыстов, прежде всего, положительное учение Св. Писания.

Надеемся, что разъяснения, подобные нашему, могут оказать пользу в смысле различения между истиной и заблуждением и православным, живущим в местах, зараженных хлыстовством.

Велико, упорно при нравственном развращении заблуждение хлыстов! На миссии, тем не менее, лежит долг сеять посильно, благовествовать церковную истину и среди заблудившихся, обличать их темные дела

Словом Божиим, терпеливо уповая на молитву Церкви: «да откроет Он им Евангелие правды»!

Д. Грацианский

Возлюбленные! имея все усердие писать вам об этом общем спасении, я почел за нужное написать вам увещание подвизаться за веру, однажды преданную святым. Ибо вкрались некоторые люди, издревле предназначенные к сему осуждению, нечестивые, обращающие благодать Бога нашего в повод к распутству и отвергающие единого Владыки Бога и Господа Нашего Иисуса Христа...

Как Содом и Гоморра и окрестные города, подобно им блудодействовавшие и ходившие за иною плотью, подвергшись казни огня вечного, поставлены в пример⁷⁰, – так точно будет и с сими мечтателями, которые оскверняют плоть, отвергают начальства и злословят высокие власти» (Иуд.3–4, 7–8).

«Дух ясно говорит, что в последние времена отступят некоторые от веры, внимая духам оболстителям и учениям бесовским чрез лицемерие лжесловесников, сожженных в совести своей, запрещающих вступать в брак и употреблять в пищу то, что Бог сотворил» (1Тим.4:1–3).

«Были и лжепророки в народе, как и у вас будут лжеучители, которые введут пагубные ереси и, отвергаясь искупившего их Господа, навлекут сами на себя скорую погибель» (2Пет.2:1 и далее).

В некоторых местах нашего отечества, к несчастью, проживают такие люди, которые лживы на словах, имеют сожженную совесть, не считают Господа нашего Иисуса Христа за единого Владыку, учение о благодати Божией обращают в повод к распутству, запрещают вступать в брак и употреблять в пищу сотворенное Богом... Такие люди обычно называются «хлыстами».

Побеседуем о них подробнее.

Слово Божие упоминает иногда и о грехах человеческих, – зачем? – А затем, чтобы мы, зная об их пагубности для нас, избегали их. Так и здесь; мы скажем нечто об учении и делах хлыстов затем, чтобы, поняв пагубность их лжеучения и дел, мы заранее могли убежать от еретического соблазна и тем избавить свои тело и душу от разврата, гибели, казни, огня вечного.

Что за люди хлысты? Какое их учение и какие дела?

«Хлысты по большей части не любят, когда их зовут «хлыстами»; называли же их этим именем, вероятно потому, что в некоторых местах на своих собраниях, они хлестали себя (вербами или жгутами) и приговаривали:

Хлыщу, хлыщу.

Бога ищу.

Сами себя хлысты называют: «людьми Божиими», «богомолами», «духовными» и другими, в сущности, к ним не подходящими названиями.

Обыкновенно хлысты стараются скрыть от посторонних лиц свое учение и свои дела. Только некоторые из них явно не посещают христианского храма, явно бросают своих жен и живут с чужими. Большею частью хлысты, когда их спрашивают публично о вере, называют себя «православными», ходят в храм, принимают у себя священников, держат в домах св. иконы, даже – бывают у исповеди и св. причастия. Видимое исполнение христианского православного долга делается ими не по совести, а притворно, чтобы скрыть свое хлыстовство. В то же время хлысты имеют свои отдельные собрания, на которых поют свои песни, производят действия – по-своему, нехристианскому порядку и обычаю. На православных они смотрят, как на врагов, к злословят церковных пастырей. Наружно хлысты представляются людьми благочестивыми: они стараются говорить вкрадчиво, мягко: когда вы с ними заговорите, они объяснят, что нехорошо ходить на уличные гулянья, петь светские песни, сквернословить и т.п.; про себя скажут, что – вот они оставили все это и за то их, будто бы, стали звать «хлыстами», а про то, что они делают на своих собраниях, они не говорят на этот раз...

Сердцем же, т.е. на самом деле, не принадлежат к православной Церкви, Общество, отделившееся от Церкви, зовется «сектой»: общество хлыстов называется «хлыстовской сектой».

Хлысты, как мы сказали, имеют свои отдельные собрания. Собрания эти бывают двух родов: малые и большие.

Малые собрания у хлыстов совершаются иногда открыто и на них допускаются даже посторонние лица. На этих собраниях сектанты ведут себя осторожно и не допускают ничего предосудительного. Войдете вы к ним, положим, в первый раз и увидите, что сидят в хате мужчины и женщины, или поют, или читают, св. Писание; поют и церковные песни, и «духовные стихи», иногда же и свои хлыстовские песни – и только! Бывает, что человек очень долго ходит на подобные собрания, а действительных дел хлыстов и пагубного учения их не узнает.

Другое дело – большие собрания хлыстов. Эти собрания совершают в строгой тайне; большею частью они бывают в ночь под двенадцатые, воскресные и другие праздники. Местом собраний бывают уединенные дома в отдаленных от главного поселения, глухих поселках. На них съезжаются иногда хлысты из дальних мест и народу на них бывает вообще довольно много. Постороннего человека, не хлыста, сектанты туда не пустят. Ставни дома, где бывает такое собрание, плотно закрываются; у дверей иногда ставятся сторожа, а на дворе спускаются собаки. На этих собраниях хлысты учат и делают, как им хочется.

В чем же состоит их тайное учение?

Слову Божию, Евангелию хлысты в сущности не веруют: они смотрят на него, как на загадку (аллегии), тень и понимают его так, как им желательно, – превращают его. Читают Писание они редко и затем

больше, чтобы другие это видели. Главным источником их веры служат «вещания» главарей секты.

Хлысты не признают Христа единократным Сыном Божиим, единократно воплотившимся и вочеловечившимся нашего ради спасения. По их учению, Тот Господь И. Христос, о Котором говорить св. Писание, – подобный им человек. Бог Отец, Сын и Дух Святой, по хлыстовскому учению, воплощаются будто бы в них самих, некоторые из хлыстов считают себя то саваофами, то христами, богородицами, то апостолами, громами, старцами, юношами к т.п. лицами, упоминаемыми в слове Божиим. Они учат, что на их собраниях, будто бы, сходит на них Дух, под действием которого они пророчествуют и говорят на иностранных языках. Кроме того, у них есть заповеди такие: женатые разженитесь, неженатые не женитесь: тайн никому, – ни отцу, ни матери, не открывайте. – Плоть свою нужно, – по их мнению, – изнурять, отдавая ее греху. В некоторых местах они запрещают есть мясо.

Что же делают хлысты на своих тайных собраниях?

Обыкновенно сначала на этих собраниях хлысты поют церковные песни; потом переходят к своим хлыстовским (хлыстовские песни большей частью имеют плясовой напев). От духоты, громкого, возбуждающего пения у многих сектантов начинается кружение головы, нервные подергивания, которые мало-помалу переходят в притоптывание, беганье, пляски, верчение или кружение по хате. Иногда хлысты вертятся в одиночку, иногда бегают кругом друг за другом, или же пляшут и вертятся, схватившись друг с другом – мужчина с женщиной.⁷¹ Подобные пляски хлыстов называются радениями.

На ночных собраниях, под утро, хлысты иногда тушат огни и тогда совершается т.н. «свальный грех», – происходить то, о чем, по слову ап. Павла, «стыдно и говорить»! (Гал.5:12).

Кто бывал на больших и тайных собраниях хлыстов, тот знает, какие скверные, постыдные дела производятся там. Тихие на вид хлысты, – тут делаются скверными, нечестивыми людьми, подобными тем, которые некогда жили в городах Содоме и Гоморре. Неудивительно, поэтому, что по порядку, принятому у хлыстов, они – с своими законными женами разобщаются (иногда они открыто удаляют жен из домов, чаще оставляют их жить в том же доме для вида) и имеют чужих жен или девиц (иногда – они не разбирают при этом и родства); называют их «сестрами», «духовными женами». С этими «духовными женами» они и живут прелюбодейно.

Хлысты любят сманивать к себе молодых людей, внушают им непочтение к родителям и растлевают своим распутством. Таким образом сбывается на хлыстах слово Писания, что учение о благодати Бога нашего они «обращали, в повод к распутству».

Святой апостол Павел, перечисляя виды грешников, имеющих открыться в «последние дни», во «времена тяжкие», упоминает, между прочим, и о таких, которые вкрадываются в дома и обольщают женщин, утопающих во грехах и водимых различными похотями» (2Тим.3:1–7). «Таковых, завещает он, удаляйся»!

Недостаточно только знать, где погибель. Чтобы получить спасение от Господа, прежде всего нужно знать истинную веру и твердо держаться ее. Истинная вера, ведущая ко спасению, преподала нам Своим Господом нашим Иисусом Христом и содержится в св. Писании и согласно с ним учении святой Церкви.

Св. Писание должно понимать так, как учит св. Церковь, просто и без лукавства, помня, что «никакого пророчества в Писании нельзя разрешить самому собою» (2Пет.1:20); что нельзя – «превращать» святые слова Писания; только «невежды и неутвержденные, по слову Апостола, к собственной своей гибели превращают» неудобовразумительное в Св. Писании (2Пет.3:16).

Чтобы усвоить себе данное во Св. Писании во спасение, нужно понимать его так, как учит Св. Церковь; ибо она есть «столп и утверждение истины» (1Тим.3:15). Чтобы утвердиться в истинной вере, а также понять ложность сектантского учения, его пагубность для души, поучимся тому, как учат Св. Писание и св. Церковь, – во-первых, о Лице Господа нашего Иисуса Христа, во-вторых, о христианах, как детях Божиих и, в-третьих, о браке.

I.

Как учит свящ. Писание о Господе нашем Иисусе Христе?

Согласно св. Писанию, Господь И. Христос, едиnorodный Сын Божий (Ин.1:14), второе Лицо Святой Троицы (Мф.28:19) рождается от Бога Отца прежде всех веков, прежде были міре (Ин.17:5, 24). «Когда пришла полнота времени» (Гал.4:4), Он ради нас, ради нашего спасения, принял человеческую плоть, родился от Девы Марии. Событие рождества Господа по плоти записано в Евангелии Апостолами (Мф.1:18–25; Лк.2:1–20). Оно произошло 19 слишком веков тому назад. «Мать Господа» родила Иисуса Христа по человечеству, – без мужа, по наитию от Духа Святого (Лк.1:43; 34–35; Мф.1:18–20, 23–25), и навсегда пробыла Девой (Иез.44:1–3).

Дева Мария была обручена Иосифу, но только обручена, – Иосиф не был действительным мужем ее (Мф.1:18–19, 25); дети Иосифа считались (сводными) братьями и сестрами Господа (Мк.6:3), Иосиф – Его (т.н. приемным) отцом (Лк.2:48). Родословие Христа Спасителя (Мф.1:16; Лк.3:23) показывает, что Иосиф и Дева Мария принадлежали оба к роду Давидову (согласно закону – Чис.36:8).

Во время Своего служения делу спасения рода человеческого Господь Иисус Христос был явлен міру чрез глас Бога Отца.

Так, когда Господь крестился от Иоанна и вышел из воды, «отверзлись Ему небеса, и увидел Иоанн Духа Божия, Который сходил, как голубь, и ниспускался на Него. И се глас с небес, глаголющий: Сей есть Сын Мой возлюбленный, в Котором Мое благоволение» (Мф.3:16–17).

Когда Господь преобразился пред учениками Своими на Фаворе, «просияло лице Его, как солнце, одежды же Его сделались белыми, как Свет, И вот явились им Моисей и Илия, с Ним беседующие... Се облако светлое осенило их, – и се глас из облака, глаголющий: сей есть Сын Мой возлюбленный, в Котором Мое благоволение; Его слушайте»! (Мф.17:2–3, 5).

Господь приходил на землю в виде, уничиженном и смиренном: «Он унижил Себя Самого, приняв образ раба, сделавшись подобным человекам, и по виду став, как человек; смирил Себя, быв послушным даже до смерти, и смерти крестной» (Флп.2:7–8; Ис.53:2–4).

Около времени первого пришествия Господа на землю появлялись люди, – лжемессии, ложные христы; таковы были Февда и Иуда Галилеянин, как о том есть свидетельство в книге Деяний Ап. (5:36–37).

Как, по каким признакам тогда – во время первого пришествия Господа, – можно было узнать Его, истинного Христа, Спасителя мира?

Главным образом, Его можно было тогда узнать по тем добрым, божественным, чудесным делам, которые Он творил.

Однажды Господь сказал: «Я и Отец одно». Иудеи схватили камень, чтобы побить Его. «Иисус отвечал им: много добрых дел показал Я вам от Отца Моего: за которое из них хотите побить Меня камнями? Иудеи сказали Ему в ответ: не за доброе дело хотим побить тебя камнями, но за богохульство и за до, что Ты, будучи человек, делаешь Себя Богом. Иисус отвечал им: не написано ли в законе вашем: Я сказал: вы боги (Пс.81:6)? Если он назвал богами тех, к которым было Слово Божие, и не может нарушиться Писание, – Тому ли, Которого Отец освятил и послал в мир, вы говорите: богохульствуешь, потому что Я сказал: Я Сын Божий? Если Я не творю дел Отца Моего, не верьте Мне; а если творю, то, когда не верите мне, верьте делам Моим, чтобы узнать и поверить, что Отец во Мне и Я в Нем» (Ин.10:30–38).

Каш же дела совершал Сын Божий, – дела, по которым можно было познать Его, как Сына Божия?

В евангелии от Матфея сказано: «Иоанн (Креститель), услышав, в темнице о делах Христовых, послал двоих из учеников своих – сказать ему: Ты ли Тот, Который должен прийти, или ожидать нам другого? И сказал им Иисус в ответ: пойдите, скажите Иоанну, что слышите и видите: слепые прозревают и хромые ходят, прокаженные очищаются и глухие слышат, мертвые воскресают и нищие благовествуют (11:2–6).⁷²

Господь говорил иудеям: «Если Я свидетельствую Сам о Себе, то свидетельство Мое не есть истинно. Есть другой, свидетельствующий о Мне: и Я знаю, что истинно то свидетельство, которым Он свидетельствует о Мне. Вы посылали к Иоанну, и он засвидетельствовал об истине.⁷³ Впрочем, Я не от человека принимаю свидетельство; но говорю это для того, чтобы вы спаслись. Я же имею свидетельство более Иоаннова: ибо дела, которые Отец дал Мне совершить, самые дела сии, Мною творимые, свидетельствуют о Мне, что Отец послал Меня. И пославший Меня Отец Сам засвидетельствовал о Мне (Ин.5:31–34, 36–37).

Иисус Христос молился к Богу Отцу: «Я прославил Тебя на земле, совершил дело, которое Ты поручил Мне исполнить. И ныне прославь Меня Ты, Отче, у Тебя Самого славою, которую Я имел у Тебя прежде бытия мира» (Ин.17:4–5).

Господь был распят за грехи наши, умер за нас. (Ис.53:5–8), был погребен и в третьей день воскрес (Мк.15:25; Мф.27:57–60; 12:40; 28:1–6).

Первое пришествие Господа нашего И. Христа закончилось Его вознесением на небо. Он вознесся на небо в присутствии апостолов: «Он поднялся в глазах их, и облако взяло Его из вида их. И когда они смотрели на небо, во время восхождения Его, вдруг предстали им два мужа в белой одежде, и сказали, мужи Галилейские! что вы стоите и смотрите на небо? Сей Иисус, вознесшийся от вас на небо, придет таким же образом, как вы видели Его восходящим на небо» (Деян.1:9–11).

Ангелы возвестили Апостолам после вознесения Христа, что Он «таким же образом» опять придет.

Было ли это второе пришествие Господа? какие его признаки? когда можно сказать, что Христос опять пришел?

На эти вопросы Слово Божие дает такой ответ.

«Когда сидел Он (Христос) на горе Елеонской, то приступили к Нему ученики наедине, и спросили: скажи нам, когда это будет, и какой признак Твоего пришествия и кончины века?

Иисус сказал им в ответ: берегитесь, чтобы кто не прельстил вас; ибо многие придут под именем Моим и будут говорить: я Христос, и многих прельстят... Тогда, если кто скажет вам: вот, здесь Христос, или там, – не верьте; ибо восстанут лжехристы и лжепророки, и дадут великие знамения и чудеса, чтобы прельстить, если возможно, и избранных. Вот я наперед сказал вам: итак, если скажут вам: вот Он в пустыне – не выходите; вот, Он в потаенных комнатах, – не верьте» (Мф.24:3–5; 23–26).

Как же можно будет узнать пришествие истинного Господа?

«Как молния исходит от востока и видна бывает даже до запада, так будет пришествие Сына Человеческого... И вдруг, после скорби дней тех, солнце померкнет, и луна не даст света своего, и звезды спадут с неба, и силы небесные поколеблются. Тогда явится знамение Сына Человеческого

на небе; и тогда восплачутся все племена земные и увидят Сына Человеческого, грядущего на облаках небесных с силою и славою великою. И пошлет ангелов Своих с трубою громогласною, и соберут избранных Его от четырех ветров, от края небес до края их. От смоковницы возьмите подобие: когда ветви ее становятся уже мягки и пускают листья, то знайте, что близко лето; так, когда увидите все сие, знайте, что близко, при дверях... О дне же том и часе никто не знает, ни Ангелы небесные, а только Отец Мой один (Мф.24:27, 29–33, 36).

Из приведенных слов Самого Господа ясно видно, что второго пришествия Его на землю не было еще, но его должно ожидать, – оно будет.

Апостолы, по вознесении Христовом и сошествии на них св. Духа (Деян.2:1–4), исповедовали, что Господь, «восшед на небо, пребывает, одесную Бога» (1Пет.3:22; Еф.1:20; Евр.12:2) и придет в будущем времени (Флп.3:20; 1Фес.4:16). Св. Ап. Павел в послании к евреям пишет: «Христос, однажды принеся Себя в жертву, чтобы подъять грехи многих, во *второй раз явится* не для очищения от греха, а для ожидающих его во спасение (Евр.9:28).

Первое пришествие Господа было уничиженное, смиренное: второе Его пришествие будет славное: все племена земные тогда увидят Его, «грядущего с силою и славою великою».

Так учит нас веровать и святая Церковь: «верую... во единого Иисуса Христа, Сына Божия, единородного, Иже от Отца рожденного прежде всех век. Нас ради человек, нашего ради спасения сошедшего с небес, воплотившегося от Духа Свята и Марии Девы и вочеловечшеся: распятого же за ны при Понтийстем Пилате, страдавша и погребенна, и воскресшаго в третий день по Писанием и восшедшаго на небеса и сидяща одесную Отца, и паки грядущаго со славою судити живым и мертвым, Его же царствию не будет конца».

Таково учение Св. Писания и св. Церкви о Лице Господа И. Христа, Его первом и втором происшествиях.

Присутствует ли Господь на земле в настоящее время?

Всегда присутствовал и присутствует.

Во время Своей земной жизни Спаситель видимо жил среди людей (1Ин.1:1–2; Ин.1:24); видимо является Он Своим ученикам и по воскресении.

Известно, напр., как Он явился для удостоверения в истине Своего воскресения ап. Фоме: «пришел Иисус, когда двери были заперты, стал посреди них и сказал; мир вам! Потом говорит Фоме: подай перст твой сюда, и посмотри руки Мои; и не будь неверующим, но верующим. Фома сказал Ему в ответ: Господь мой и Бог мой! Иисус говорит ему: ты поверил, потому что увидел Меня; блаженны не видевшие, но уверовавшие» (1Ин.20:26–29).

Спаситель пребывал с Апостолами, пребывает всегда и с верующими уже невидимо, как Сам Он обетовал: се, Я с вами во все дни до скончания века (Мф.28:20).

«Если мы», – говорит Апостол, (ранее) «и знали Христа по плоти, то ныне уже не знаем» (2Кор.5:16). Св. Ап. Петр пишет: «О сем радуйтесь, поскорбевши теперь немного, если нужно от различных искушений, дабы испытанная вера ваша оказалась драгоценнее гибнущего, хотя и огнем испытываемого золота к похвале чести и славе, в явление Иисуса Христа, Которого (вы) *не видевши* любите, и Которого *доселе не видя*, но веруя в Него, радуетесь радостью неизреченною и преславною, достигая наконец верою вашею спасения душ» (1Пет.1:6–9; Ср. 2Кор.5:7).

Что означают слова Апостола: «Возлюбленные! не всякому духу верьте, но испытывайте духов, от Бога ли они, потому что много лжепророков явилось в мире. Духа Божия (и духа заблуждения) узнавайте так: всякий дух, который исповедует Иисуса Христа, пришедшего во плоти, есть от Бога. А всякий дух, который не исповедует Иисуса Христа, пришедшего во плоти, не есть от Бога, но это дух антихриста, о котором вы слышали, что он пройдет и теперь уже есть в мире» (1Ин.4:1–3)?

В древнее время также были лжеучители, были еретики – т.н. «допеты»; они считали плоть Христа не настоящей, призрачной; против них, главным образом, и написал вышеприведенное место Апостол.

По евангелию, Христа должно исповедовать единым, совершенным Человеком: Он был «подобно нам искушен во всем кроме греха» (Евр.4:15); в то же время Он был «истинным» Богом» (1Ин.5:20).

Во (1Ин.4:2–3) сказано: «Иисуса Христа, *пришедшего* во плоти"... Слово «*пришедшего*» означает прошедшее время, иначе: того, который *пришел*. Оно не означает настоящего времени, – тогда было бы сказано: «*приходящего* (иначе: того, который *приходит*). Потом сказано: «во плоти», значит – в одной плоти, но не во многих плотях.

Православная Церковь так, согласно Св. Писания, исповедует: единого И. Христа, воплотившегося, т.е. пришедшего во плоти.

А всякий дух, который не исповедует И. Христа, *пришедшего во плоти*, а считает Его *приходящим и во многих плотях*, не есть от Бога; это дух заблуждения, – анархистов.

«Разве разделился Христос»? (1Кор.1:13) – Нет: «ибо един Бог, един и посредник между Богом и человеками, – Человек Христос Иисус» (1Тим.2:5); «и бесспорно великая благочестия тайна: Бог явился во плоти, оправдал Себя в Духе, показал Себя Ангелам, проповедан верою в мире, вознесся в славе» (3:16).

Тот, кто благовестит иное благовествование (не то, которое дано в Писании и учении Церкви), «да будет анафема» (Гал.1:8)⁷⁴, по слову Апостола.

Д. Грацианский

(Продолжение следует).

О судебных доказательствах по каноническому праву (К предстоящей реформе церковного судопроизводства) // «Миссионерское Обозрение», 1906, № 2, стр. 172–177

I.

Среди многочисленных голосов о реформах по духовному ведомству, раздался голос и о реформе судопроизводства в нашем духовном суде. Газеты сообщают, что уже составляется и комиссия по вопросу об этой реформе, – и что председателем этой комиссии назначен известный протоиерей М. Ив. Горчаков, профессор церковного права в С.-Петербургском университете. Пр. Горчаков известен как большой ученый и как специалист и знаток канонического и церковного права, и как автор многочисленных статей по своей специальности. Он писал в «Сборнике государственных знаний» и о духовном суде, ныне еще действующем, и о его реформе. Будучи знакомы с его взглядами на этот предмет и принимая во внимание его известность как специалиста канонического и церковного права, мы заранее приветствуем назначение его председателем комиссии по реформе нашего духовного суда. Если этой реформе суждено осуществиться, и если руководителем ею назначен пр. Горчаков, то мы вполне убеждены, что столь серьезное и великое для русской церкви дело попало в надлежащие руки, и можем выразить надежду, что это дело, наконец, получит надлежащее разрешение.

В чем же должна состоять реформа и на каких началах она должна быть построена?

Уставы, действующие на нашем духовном суде, уставы старые, дореформенные и чинимое по ним судопроизводство всегда служит лишь предметом всеобщего и единогласного порицания.

Так как имеется в виду реформа именно церковного судопроизводства, и так как каждая поместная церковь в своем устройстве должна всегда руководиться основными положениями, выработанными Вселенскою церковью и запечатленными в ее правилах или канонах, имеющих вселенское значение, – то и комиссия по реформе церковного судопроизводства должна поверять себя этими каноническими правилами.

Отсюда вытекает интерес вопроса о том, что представляет из себя каноническое судопроизводство. Изучив начала и характер канонического судопроизводства и сравнив с ним постановку судопроизводства на современном духовном суде, мы будем иметь возможность с ясностью судить о том, насколько желательна и какова должна быть реформа духовного суда, по существу.

Предлагаем вниманию читателей наше небольшое исследование по этому предмету.

Считаема не лишним сделать некоторую историческую справку, для уяснения, так сказать, общего положения интересующего нас вопроса. Эта справка покажет нам всю важность предпринимаемой комиссией по реформе духовного суда работы.

Дело в том, что вопрос о реформе церковного суда вопроса не новый. Она был поднят вскоре же по обнародовании Высочайше утвержденных 20 ноября 1864 года Судебных уставов для светского суда, когда было обращено внимание и на состояние судебной части по духовному ведомству и даже предпринято было нашей администрацией (но не доведено до конца) преобразование ее. Наряду с другими вопросами о церковном суде предметом обсуждений был и вопрос о доказательствах. При этом известно, что постановка такой важной в судопроизводстве части, как доказательства, сохраняющиеся в нашем современном духовном суде, была признана совершенно неудовлетворительною. Имеет с признанием полной неудовлетворительности нашего церковного судопроизводства, как построенного на узкой теории формальных доказательств, указывалось на необходимость отменить эту теорию и всему акту доказательства дать такую же постановку, какая сообщена ему на светском суде после реформы, произведенной уставами 20 ноября 1864 года, отменившими теорию формальных доказательств и предоставившими судьям решать дела по внутреннему убеждению. По поводу обнародования этих новых уставов со стороны Св. Синода было признано необходимые составить особые правила для духовных установлены с целью предупредить могущие возникнуть на практике недоразумения и, когда по этому случаю со стороны тогдашнего синодального обер-прокурора было поручено состоявшему при нем юрисконсульту составить по сему предмету свои предварительные предположения, то последний в своей записке, указывая на некоторые неотложные изменения в духовном судопроизводстве, с особенною настойчивостью заявлял о необходимости отмены теории формальных доказательств и о введении правила о решении дел по внутреннему убеждению. В этом отношении юрисконсульт с своей стороны полагал «немедленно войти установленным для сего порядком со всеподданнейшим докладом о том, чтобы 252 и все другие статьи устава духовных консисторий, указывающие, как доказательства и улики, и при каких условиях должны или не должны иметь для духовного суда убеждающую силу при определении события преступления и вины или невиновности подсудимого, пояснить тем, что при этом определении правила, содержащиеся в сих статьях, могут служить впредь только руководящим наставлением, а не обязательным неперемным и непреложным основанием, стесняющим внутреннее убеждение судей, и что за сим вопросы о том, совершилось ли событие преступления, было ли оно деянием подсудимого и должно ли оно быть вменено ему в вину,

должны быть разрешаемы по внутреннему убеждению судей, основанному на тщательном соображении всех обстоятельств дела в совокупности. Такую же перемену юрисконсульт полагал произвести и по делам о всех преступлениях и проступках духовных лиц, подвергающихся духовному суду, и для сего испросить Высочайшее разрешение с тем, во-первых, чтобы приговоры духовных судей могли быть или осуждающие или оправдывающие подсудимых, но никак не оставляющее их в подозрении, и во-вторых, чтобы существующие на практике, или могущие быть изданными при общем преобразовании судов духовных, правила о силе судебных доказательств служили, в случае надобности, только как бы наставлением при определении вины или невиновности подсудимых по внутреннему убеждению судей, основанному на совокупности обстоятельств, обнаруженных при производстве следствия и суда».⁷⁵

Точно также, когда при составлении судебных уставов в Государственном Совете обсуждался вопрос о передаче бракоразводных дел из духовного суда в светский, и когда в основание для такой передачи указывалось на несовершенство производства сих дел в духовных судах и, между прочим, на то, что на светском суде несравненно труднее будет обойти правосудие теми постыдными сделками, которые устраиваются для получения требуемых на суде духовном формальных доказательств⁷⁶, в то время исправлявший должность обер-прокурора Св. Синода, согласно мыслям и определениям последнего, чтобы отклонить упрек духовному суду в несовершенстве производства на нем дел, и защитить подсудность бракоразводных дел сему суду, подал в Государственный совет особое мнение, в котором касательно вопроса о доказательствах, между прочим изъяснено: «указывают на несовершенство производства дел в судах духовных и на предусматриваемое, вследствие ожидаемого судебного преобразования, улучшение производства дел в судах светских, преимущественно потому, что в сих последних событие преступления и виновность подсудимого должны быть определяемы впредь по внутреннему убеждению судей, тогда как на суде духовном, будто бы, принята в нем отношении самая узкая теория формальных доказательств. Но, предположим, что предпринимаемые улучшения в светских судах, где ныне по преимуществу господствует теория формальных доказательств, действительно могут принести ожидаемые благодетельные последствия, почему также не предположить, что и суды духовные, при благоразумном развитии сохранившихся у них начал состязательного суда, настолько же будут способны производить и судить означенные дела, как и суды светские?».⁷⁷

Таким образом указанием на подобное предположение Св. Синоде, в лице своего обер-прокурора, некоторым образом с своей стороны выразил пред Государственным советом обязательство в том, что и духовные суды будут улучшены в тех сторонах судопроизводства, которые, имея место в

нынешнем духовном суде, оказываются неудовлетворительными при сравнении с преобразованным светским судом.

Наконец и, занимавшийся составлением «проекта основных положений преобразования духовно-судебной части», комитет точно также не нашел никаких препятствий для преобразования производства дел в духовном суде по образцу суда светского, выразив свое мнение в следующей статье составленного им проекта: «приговор о виновности подсудимых постановляется, по внутреннему убеждению, судей, основанному на совокупности обстоятельств, обнаруженных при следствии и суде».⁷⁸ При этом комитет главным мотивом, по которому он решился на произведенную им перемену, выставляет то соображение, что без изменения существующей в духовных судах практики, развившейся под влиянием старых светских судов, нельзя ожидать от первых вполне удовлетворительных решений, какие бы, напр., меры ни употребляло духовное правительство для улучшения судебной части, которая не улучшится, если нынешний способ удостоверения в истине на суде останется на прежних основаниях⁷⁹, и указывает вместе с тем и на то обстоятельство, что требуемая им замена формальной теории живым воззрением судеб на дело вполне согласна и с каноническими началами. «Каноны, изъяснил комитет, независимо от содержащихся в них предписаний, предоставляют именно внутреннему убеждению судей, по совокупности многообразных обстоятельств, вменить или не вменить виновному преступление, усилить, уменьшить, или вовсе отменить для него самое наказание».⁸⁰

Но против мнения, признающего всю необходимость замены формального производства на церковного суде тою постановкой его, какая принята на суде светском, как вполне согласно с принципами правосудия и вместе с началами каноническими, были высказаны и возражения, усиливающиеся показать неуместность решения дел на духовном суде по внутреннему убеждению судей, по причине-де несогласия сего способа с имеющимися на сей предмет библейскими и каноническими постановлениями, – и потому отстаивающие для духовного суда принятую на нем формальную теорию доказательств. «Основания, по которым предоставлено в светском суде решать дело, по внутреннему убеждению, весьма уважительны», – говорится при разъяснении указанной мысли. – Но этим отменяется та теория доказательств, для которой имеется основание и в св. Писании, которое должно оставаться непреложным и неизменным (Втор.19:15; Мф.18:15–16; Ин.8:17; 1Тим.5:19) – и в правилах апостольских (2Кор.13:1; Апост. пр. 75), – в канонических постановлениях Церкви (Сард. 14. Карф. 147). В виду сего допускать замену этой теории новым способом решения дел, в противоположность каноническим постановлениям и древней церковной практики, в высшей степени несообразно и нежелательно». Такова была

судьба вопроса о коренной реформе церковного судопроизводства до настоящего времени, когда этот вопрос остается еще открытым и окончательного решения еще не получил.

В. Троицкий

(Продолжение следует).

**К вопросу о том, как поднять религиозно-нравственное
настроение православных, удержать их от уклонения в
сектантство и улучшить их отношение к служителям Церкви
// «Миссионерское Обозрение», 1906, № 2, стр. 178–186**

19 августа 1905 года духовная консистория нашей епархии выработала меры, которыми надеется оградить чад православной Церкви от обольщения ложными учениями, сохранить их от отпадения и обратить к св. Церкви заблудших.

Меры эти в форме циркулярного указа разосланы по церквям.

Сжато, по возможности, подробно изложим эти меры.

1) «Консистория поставляет в известность пастырей, что с изданием закона 17 апреля православная Церковь поставлена в такое положение, которое требует от пастырей особой ревностной деятельности в деле строения Церкви Христовой, тем более, что враги Церкви усиленно сами действуют, стараясь путем воззваний, подговоров, угроз и далее насилий, отторгнуть от нее возможно большее число ее чад».

2) Напоминает пастырям о необходимости быть «бдительными, переносить скорби, совершать дело благовестника и исполнять служение свое» (2Тим.4:5).

По отношению к верным чадам св. Церкви быть «образцом в словах и делах и относиться с кротостью и долготерпением. Учить детей и взрослых школьным путем и чрез проповеди и беседы. В деревнях, где есть школы, в некоторые праздники и недели Великого поста служить и беседовать; пополнять церковные библиотеки книгами религиозно-нравственного содержания».

3) Подтвердить духовенству епархии, чтобы службы Божии в православных храмах отправлялись в определенное, уставом положенное, время и совершались истово, с неспешным и внятным чтением и благозвучным пением, благоприлично и благопристойно, с сердечным и нелицемерным благоговением, при правильном употреблении молитвенных знаков, как например, изображения на себе крестного знамения, и с воздержанием от разговора: вместе с сим подтвердить духовенству и то, чтобы при богослужениях оно старалось вводить общее пение.

4) Для обсуждения о способах обращения заблудших и утверждения в вере нетвердых в православном учении пасомых, предписать благочинным в возможно непродолжительном времени созвать собрание из священнослужителей...

5) Образовывать по временам пастырские собрания и приглашать на них достойных мирян.

6) В приходах, зараженных расколо-сектантством, образовать миссионерские кружки и предложить священникам открыть братства».

Четвертым пунктом предложено созвать собрание из священнослужителей.

Благочинный нашего округа распорядился 4 октября устроить съезд. Съехались. Прочитали кое-какие указы, решили по одним – что делать, подивились – другому и приступили к суждению о том, что изложено в циркулярном консисторском указе от 19 августа.

По этому делу я предложил съезду прочитать свою записку. В ней излагались те способы, посредством которых можно, по-моему, удержать православных от отпадения в раскол или сектантство, приучить их усердно посещать храм Божий, внимательно там стоять и с должным уважением относиться к служителям Церкви. Об этих способах, о которых я говорю в записке, в консисторском указе или не ясно сказано, или совсем умолчано.

Вот моя записка.

«Никогда я не собирался ехать на благочиннический съезд с такими серьезными и в то же время тревожными думами, с какими собирался на настоящий съезд. Прежде, бывало, едешь без всякой думы, едешь для исполнения какой-то неважной повинности, – и только.

Но теперь чувствуешь, что будешь для решения чего-то важного в твоей жизнедеятельности, именно того, что так давно занимало твои мысли.

Неведение того, к какому хорошему положительному результату (решению) придем на съезде, да еще сумеем ли выработать это хорошее, заставляет тревожиться.

В самом деле, ведь будем решать – как удержать православных в Церкви и возвратить отпавших. Речь, значит, будет идти о спасении и гибели словесных овец. Погибель этой овцы, по нашей вине, взыщется ценою стоимости души погибшей овцы, – спасение же ее – покроет множество грехов.

Как счастливы трудящиеся миссионеры, которым удастся возвратить в лоно св. Церкви погибшие души!

Не мешает несколько слов сказать и о тех православных, которые пока не склонны к переходу в сектантство.

Ведь ни для кого, полагаю, не секрет, что православные все больше и больше остывают в своем усердии – исполнять заповеди Божии, посещать храм и стоять там внимательно; а также и к служителям церкви относятся не с таким, как бывало, почтением. – Ныне не диво, если прихожанин из простых, подойдя к священнику о чем-нибудь говорит, не снимет шапку и не бросит папироску или не утушить трубку, – и это не у каких-нибудь чувашей, а среди коренных русских.

Сплошь и рядом, проходя мимо храма, тоже не снимет шапку и не бросить курево.

Подробно распространяться об общем упадке религиозно-нравственного настроения православных теперь считаю несвоевременным, – но, думаю, с этим едва ли кто не согласится.

Перейдем к тому, что, по нашему мнению, может, – если уже не вернуть отпавших от Церкви, то хотя удержать не отпавших, приподнять их религиозно-нравственный уклад и изменить в лучшую сторону отношения к служителям церкви.

1) В указе нашей консистории от 19 августа в § 3 сказано, чтобы службы Божии совершались истово, с неспешным и внятным чтением и т.д., но не упомянуто, что службы должны совершаться по уставу св. Церкви. Если это разумеется, а по-нашему и должно бы разуметься, то я бы желал обратить внимание съезда именно «на исполнение по уставу».

Есть ли вот сейчас среди нас такой, который может про себя сказать, что он понимает весь устав?

Едва ли кто решится.

Но, по крайней мере, большинство сознается в незнании его.

В одинаковости совершения всех служб, особенно утрени, два прихода из нашего благочиния едва ли могут сойтись. И, по русской пословице, совершает их всякий молодец на свой образец. Это Божии-то службы!

Один из пророков говорит: проклят всякий, творящий дело Божие с небрежением.

Не подвергаются ли этому проклятию после каждой службы многие из нас!? Думаю!

Происходит это небрежение и от лени, и от незнания – как совершать правильно.

Вот мне, да, знаю, и не мне одному, хочется, чтобы введено было однообразие в совершении церковных служб. Именно: чего, когда и сколько читать, и петь.

Подобное однообразие должно выработать и при совершении таинств и треб.

2) Но одним введением однообразия и даже истовым созерцанием служб и треб не заинтересуешь прихожан. Ум их нужно еще довести до сознательного отношения ко всему тому, что во время служб и треб читается, поется и делается. А этого можно достигнуть чрез неленостные благовременные и безвременные проповеди и внебогослужебные беседы.

Ох, эти беседы! Многие ли знают – как их толково вести? т.е. с чего начинать и по каким источникам?

В решении этого, по-нашему, очень трудного, вопроса не много найдется искусных.

Воспитание народа, что воспитание в школе детей. Каких, каких там не вводили и не вводят учебников по Закону Божию! Беру сельскую школу. А и до сих пор нет «всеобдержного». Но и то хорошо, что есть составленные применительно к программе.

Так ведь и в воспитании народа. Необходимо составить программу на целый год (мало – на два) и указать более или менее порядочные (не сухие содержанием) книги и статьи. Для составления такой программы не мешало бы назначить известную премию составителю, хотя бы из денег, собранных с российских церквей. Сбор с каждой церкви копеечный, а составила бы сумма вполне достаточная для премии. Без программы положительно теряешься вести эти беседы.

3) Но допустим, ум молящегося занят, им он все понимает – что делается, хорошо и пред глазами, если храм благоуукрашен и священные действия совершаются истово, но у него есть еще известное чувство, которое постоянно во время службы церковной занято, – я разумею – слух, которым пользуется молящийся, когда читают и поют в церкви.

Чтецов порядочных теперь в большинстве сел не трудно, наверное, найти. Но вот хорошо пение поставить – это другое дело. А ведь как приятно быть в храме при хорошем пении! Кто не испытывал этого приятного чувства?! И служба-то, – как говорится, – незаметно пройдет. И воистину!

Хоров во многих селах не существует, и где есть, так подчас едва влачат свое существование.

Беру свой хор. Сам я любитель пения, а завести порядочный хор (по селу порядочный) нет возможности. И главная причина – отсутствие на этот предмет средств. Рублей пять от церкви и своих три даем (в год), – вот и все содержание хора. Душой бы рад от себя больше дать, но не располагаю свободными ресурсами. Ну судите – как хор на такие средства можно содержать?!

В виду этого желательно, чтобы взносы и сборы с церковью поубавить (а на что сбавить взносы – это дело обще-епархиальных съездов и Св. Синода).

4) Но всего сказанного недостаточно для достижения известных выше целей.

Нужно, чтобы у духовенства установились доверчивые и сердечные отношения с прихожанами. Этого можно прежде всего достигнуть на почве экономических интересов. Факт – что материальная нужда заела крестьян. Вот и нужно приложить старание облегчить, по возможности, их нужду, а это в нашем деле от нас зависит. – Совершили потребу, а у прихожанина заплатить нечем – потерпите охотно, дает мало – не просите больше, долг не платит – не понукайте. Я, лично, стою за добровольную плату прихожанами за все положительно требы. Можно и сходку сделать и уговориться с прихожанами – сколько за требы брать, если уже кто не

желает добровольным даянием пользоваться. – По Ап. Петру (1Пет.5:2) – мы должны пасти стада не ради гнусной корысти, но из усердия и заботливости о спасении его.

Видя сердечные отношения пастырей, пасомые не обидят их и платой.

Имею факты на лицо...

5) Много поможет укреплению связи между пастырями и пасомыми церковно-приходское попечительство. Но только чтобы деньги употреблять главным образом, если не исключительно, на нужды бедных или потерпевших какое-нибудь несчастье (вроде пожара, падежа скота и проч.) прихожан. Расход производить гласно, отдавая отчет в каждой копейке.

6) Есть одна справедливая фраза. Вот она: «примеры двигают». Справедливо. Никакие слова так не убедительны, как убедительны поступки людей. Говорит человек одно, а делает другое, и цена его словам нуль. Он другою рукой разрушает то, что созидает первой. Не даром в Св. Писании говорящий, а не делающий – уподобляется меди звенящей и кимвалу звяцающему. Желая отучить прихожан от каких-нибудь дурных привычек, сами прежде всего должны себя от них отучить. Всякий священник по себе знает, как неприятно обличать другого в том, в чем сам себя считаешь виновным.

Возьмем, например, само по себе невинное занятие, курение. Ведь и греха-то в нем столько, сколько в питии чая. Такое мое мнение. Тем не менее, я в принципе враг курева, как дурной привычки, служащей соблазном – как для православных, так особенно для сектантов.

Что же вы сделаете, если такой взгляд на табако-курение, как на пагубную привычку, установился у низшей части нашего общества. Нужно и нам для блага снизить до их понимания и служить не соблазном, а образцом в слове, в житии, в любви, в духе, в вере, в чистоте (1Тим.4:12).

Вот, по-моему, «minimum», что необходимо должно быть исполнено, вместе, разумеется, с изложенным, в указе консисторском, чтобы православные не отпадали от св. Церкви, усердно посещали службы и с должным уважением относились к служителям Церкви.

Прочитав записку, я предложил съезду высказаться по каждому пункту отдельно.

В первом пункте говорится об однообразии совершения всеми причтами церковных служб, таинств и треб и о совершении их по уставу.

Рассуждали шумно и все же долго, но к желаемому выводу не пришли.

Один почтенный батюшка сказал: известный святитель советовал хотя то, что где совершается – совершать хорошо.

– Но, – говорю ему, – совет этого святителя почти никому не известен и для прихожан, желающих слышать богослужения, по возможности, без

пропусков – не убедителен.

Иные высказывали опасение, как бы сектанты и православные не смутились, видя новшество при введении однообразия.

– Да ведь теперь уже знают старообрядцы, что у нас службы совершаются с пропусками, знают о том же и православные – и... зазирают. Когда же введено будет однообразие, с гораздо меньшими, тем теперь, пропусками, – тогда чем же возмущаться? – спрашиваю. Ведь перешли от худшего к лучшему.

– Ну, теперь еще не все замечают, что не одинаково в разных церквах служат, – говорят мне.

– Так это, значит, пользоваться темнотой не замечающих и нам самим коснеть в прежних дурных привычках?! Доколе же?!...

По существу, второго пункта почти никто не говорил. Один только диакон говорил, что программы не нужно, и должно что-нибудь хорошенько прочитать и потом говорить, т.е. вести беседу.

Что хорошенько нужно читать – против этого и возражать нечего, это, само собой разумеется.

Но, ведь, если без разбору читать, что бы то ни было, из религиозно-нравственного, подчас не о чем будет говорить, а чтение с скудным содержанием и совсем, пожалуй, охоту отобьет у слушателей. Говорить по прочтении всякой статьи не каждый может, вот для таких и полезно составить программу и указать с хорошим содержанием книги и статьи.

Чем плохо – иметь хорошую программу – никто не показал, а все же желания иметь такую съезд не высказал.

Может статься разве потому, что мало этим важным вопросом интересовались. Да не будет этого!

О хоре певчих мало говорили. Но кто же будет отрицать хор, как одно из средств к привлечению прихожан, ко храму?! Некоторые высказывались о введении общего пения.

Шумно, и с заметным негодованием приняли для рассуждения предложение о добровольной плате за требы, а некоторые даже и рассуждать об этом, как бы о какой-то утопии, не захотели.

Чего, чего не приводили противники добровольной платы.

Один иерей говорит: теперь, когда не установили добровольную плату, и то мне за крестины раз дали пятиалтынный, вместо сорока копеек, говоря: будет с вас, батюшка; мы за сорок копеек целый день работаем.

– Ну что же, – спрашиваю, – разве мало?

– Понятно!

– А если дадут вам рубль, не говорите, что много?!

И приведенный пример его уже потерял силу.

Другому священнику чуть не пять копеек далъ прихожанин и при этом показал листок от отрывного календаря, где сказано, что священники не

имеют права вымогать.

Третий священник сказал: за известное добро прихожанин обещал дать две пудовки ржи, когда по сбору пойдем, а, между тем, дал только два лотка ухвостья.

Три только священника привели грустные примеры из своей практики. Эти примеры есть, по-моему, единичные случаи, не могущие доказать, что и все прихожане так будут делиться с пастырями за труд их...

По своему опыту могу засвидетельствовать, что крестьяне весьма редкие дают меньше того, сколько у нас, раньше бралось.

Но недобор нескольких рублей искупляется душевным спокойствием, которое раньше нарушалось торгом при плате.

Да и чего в самом деле брать с такой бедноты, как крестьяне!

По существу заповедей Божиих и законов человеческих брать столько, сколько бы мы захотели, а не сколько они, прихожане, в состоянии дать – не имеем права, а между тем отстаиваем его.

По какому праву или этическому закону? Понять не могу.

Заповедающий нам пасти стадо Христово не ради корысти, а из усердия, – знает, что не умрем мы с голоду; и должны бы верить. Как и Господь сказал: ищите прежде царствия Божия и правды Его, и сия вся приложится вам (Мф.6:33). Неужели Он, говоря это, обманывает нас? Нет, Господь обманывать не может. Аще не веруем, Он верен пребывает, отрещися бо Себе не может (2Тим.2:13). А если так, то чего же бояться нужды в будущем?!

Даже что за беда, если доведется и себе кое в чем отказать и потерпеть нужду. Забили мы, что Христос заповедал истинным христианам нести крест и от несения его никто не имеет права отказываться.

Каждый пастырь, думаю, не раз говорил проповедь на эту тему и приглашал к крестоношению слушателей.

Но, должно быть, мы только можем говорить, а не делать.

От нас всегда, а особенно в теперешнее тревожное время требуется решимость, самоотвержение во всем. Но решимости, к сожалению, не выказали.

И так – к чему же доброму пришли мы на съезде? Ни к чему! Напрасно и ехали. Не даром я так тревожился.

На другой день, по приезде со съезда, беру только что полученную газету «Биржевые Ведомости» № 251. И как на грех попадает на первой странице статья «О разладе между духовенством и интеллигенцией».

В ней вот что, между прочим, писано: «Если в глазах невежественной массы духовенство и остается руководителями и учителями, то в глазах интеллигенции, отлично знающей духовенство, священники – не более, не менее, как чиновники, совершители треб и разных богослужений, говорящие одно, а делающие другое.

И вина в этом не на интеллигенции, а всецело на самом духовенстве, не исполняющем своих обязанностей пастырей и учителей».

Прочитал я. И сугубо тяжело стало на душе. Еще вчерашняя гарь от неудачного съезда с сердца не успела сойти, а вот тебе и еще.

Раз навсегда мы должны отказаться от мысли – устроить свое положение на земле счастливо, зная, что не для этого живем здесь, в этой юдоли плача; и тогда нам легче будет самоотвергнуться.

Кстати приведем слова профессора С.-Петербургского университета К.Н. Бестужева-Рюмина, в которых он высказывает взгляд на счастье.

«Не в личном счастье, – говорит он, – истинное счастье, а оно есть только условие, обязывающее человека трудиться, действовать и служить другим. Поставить себе целью добиться личного счастья, во что бы то ни стало, есть задача эгоистическая, удовлетвориться которой могут только натуры эгоистические.

...Земная жизнь не иное что, как испытание для человека».

Приходят мне на память следующие чьи-то прекрасные слова: «священники Твои да облекутся в правду, да помнят они всегда о высоте своего звания и да не запутываются они в сетях мира и диавола, да отбежит от сердец их печаль века сего, лесь богатства и прочих похотей, входящих в их сердце».

И вот, когда мы облечемся в правду, т.е. будем говорить святую правду и делать согласно этой евангельской правде, тогда признают нас люди и Бог за истинных пастырей. Иначе... горе нам!

Сельский священник *И. С-ский*

Духовные песни скопцов Курской епархии // **«Миссионерское Обозрение», 1906, № 2, стр. 186–197**

«Занимаемся таинственными псалмами
и пением Сионских песен, кои на
земле чуждей не поются»
(Извещение
Ельницкого)

Нужно ли говорить, насколько важный научный интерес представляют собой духовные песнопения сектантов. В песне изливается сердце человека. Она указывает, чем живет человек, на что надеется, о чем вздыхает... Служа отражением религиозных дум, надежд и чаяний, духовные песни сектантов иногда яснее всяких исследований раскрывают нам сектантское мирозерцание, обрисовывают религиозный идеал сектантов. Отвлеченные положения веры и нравоучительные истины раскрываются в них в живой форме, иллюстрируются в образах, подобиях, поэтических символах. Понятно поэтому, насколько важно появление в печати всякого нового материала из области духовной поэзии сектантов вообще, в особенности же тайных сектантов мистиков, вероучение которых до сих пор еще не поддавалось вполне точной формулировке и систематизации.

Предлагаемые вниманию читателей скопческие духовные песни собраны нами во время миссионерских поездок по сектантским уголкам Курской епархии.

Большинство из этих песен явятся новинкой в печати. Другие же, хотя и встречаются в известных сборниках скопческих песнопений⁸¹, но в значительно измененной редакции и потому также имеют свою долю интереса, поскольку в них содержатся новые черты чисто местного творчества, соответствующие местным особенностям скопческих верований.

Всех песен 35. Они не отличаются безупречностью стиха, красотой и изяществом языка; в них не блещет рифма, некоторые грубы, нескладны. Но им нельзя отказать в некоторых достоинствах со стороны содержания. Почти все они одушевлены глубоким чувством, проникнуты особенно, чисто-народною грустью и задумчивостью. Сквозь оболочку диких религиозных верований в них ясно видна неудовлетворенность наличною жизнью и стремление к другой жизни, свободной от греха и зла. В них нет радости, нет счастья и духовного удовлетворения, но есть глубокое, исходящее из недр души, стремление к спасению и порывы к небу.

Содержание песен разнообразное. Но они могут быть разделены на две категории: одни – по преимуществу нравоучительные и нравственно-бытовые, в которых раскрываются нравственные правила и уясняется

взгляд на жизнь, на отношения к міру и к людям, другие – по преимуществу вероучительные, изъясняющие догматические истины и главным образом – учение об Искупителе, о Его втором пришествии и страшном суде.

I. Песни нравоучительные и нравственно бытовые

1. Исходным началом религиозного міровоззрения сектантов-скопцов необходимо признать их общий взгляд на мір, как на совокупность одного только зла. «Весь мір во зле лежит» (Ин.5:19) – вот с чего начинают сектанты. Мір – море зла, скопище всякой неправды. Все в нем полная противоположность добру. Мір, это зверь, апокалипсический дракон семиглавый, сеющий зло и обольщающий. Это Вавилон великий, стоящий при водах многих – и конец его погибель (Откр.18:21–24). В судном огне сгорит Вавилон, а спасутся только те, кто вне его, кто стоит вдали от этого города и не участвуют в его беззакониях. А потому, чем, дальше от міра, тем лучше. Нужно умереть для міра, порвать с ним связи, совлечь с себя его ветхое начало.

Приведем песню, где указанный взгляд на мір раскрывается со всею ясностью. В песне вступающий в секту прощается с грешным міром, оплакивает свою прежнюю любовь к нему и лаает клятву навеки и до конца забыть, этот мір и жить для Бога в небесном Сионе. Мір в песне сравнивается с адом и прямо называется греховным Вавилоном.

Коль скоро я познал Сион
Не мил мне стал град Вавилон.
Прекрасный взор светлых небес
Пленил дух мой, пленил ум весь.
Прости, прости мір темный ад.
Спешу ныне в небесный град.
Мне жаль, что я тебя любил
И жаль, что я тебе служил.
Терзай меня, ты весь терзай.
Как хочешь ты меня карай.
Ни все беды, ни зло, ни напасть,
Ни огонь, ни меч, ни адская власть –
Ничто меня не может разлучить от Бога.
Что меня прельстит?...
Ни богатство, ни лесть, ни роскошь, ни честь.
Прости, прости мір! В последний раз!
Не льстишь теперь ты моих глаз:
Нельзя мне в дружбе жить с тобой.
Лети, мой дух, в Сион стрелой.
Скажи весь замысл Богу свой,
Плени меня, ты мною обладай
В залог любовь мне свою дай.

Чего тебе, мой дух, желать?...
Бог – всех твоих желаний край.
К Нему спеши, в Нем пребывай
Навеки, отныне, до конца.

2. Особенное зло в мире заключается, по скопческому пониманию, в «лености», в соблазняющих прелестях плотского греха. Этот грех соблазнил Адама; чрез него, по учению скопцов, падают и все люди. «Леность, это – бездонный, непаполнимый ров, в который падает и в котором гибнет все человечество. В одной песне так изображается картина падения праотцев, а в лице их и всего их потомства:

Саваоф с неба сходил,
Зеленый сад насадил.
Оградю оградил,
Первых людей посадил.
Саваоф им говорил,
Чтоб не уходили с того саду,
Нк глядели сквозь ограду,
А то за оградю высокой
Находится ров глубокий,
Приукрашенный цветами,
Прельщен многими грехами.
Первые люди слабы были,
Из того саду выходили.
Они сняли свой покров,
Попадали прямо в ров.

3. Так, в бездонную пропасть плотского греха, украшенную прелестью сладострастия, падают все потомки Адама, женящиеся, творящие блуд и любодеющие.

Чтобы освободиться от греха, нужно сразу подавить эту «леность», сразу наступить на главу соблазняющего змия – подавить чрез оскотление всякие плотские вожделения.

Проглаголовал Сударь Батюшка:
Ой вы детушки, все сердечные.
Друзья мои, графы и княгини.
Все вы райские чины.
Слуги верные рабы,
Любезные сироты:
Я с Вами пребывал.
Наследничка выбирал
Себе любчего, разудалого молодца.
И богатого купца.
Веру, кротость и терпение.
Чистоту, девство, смирение

Вызывал я, выкликал –
Те бесценные имена.
Но рад бы я тому был,
Кто бы мой товар купил.
Любезные, не взыщу
И цены, други, спущу.
За то, детушки, люблю,
Уступлю вам по рублю
За единую ступню.
Я слова не изменю.
А жизнь вашу переменю.
Наступите вы на грех
Своей правою ногою,
На аспию, скорпию
И на лютую змею.
А я слова не измею
И жизнь вашу переменю.
Я за эти перемены
Всю землю перемерил
Из конца я всю в конец.

К борьбе с леностью, к сохранению девства и чистоты призывают и другие песни.

4. В райском садочке, на кипарисовом древушке распевает таинственный соловушко. В своих песнях он упрашивает людей, чтоб они не творили лености, не вкушали горького плода и не упивались горьким пивом плотского греха.

Во саду, саду, во зеленом саду.
Посреди садику зеленого,
Там стоит древо кипарисное.
На том древичку соловеюшко,
Он поет, поет песни райские;
«Вы послушайте, други царские,
Отчего Господь заповедовал,
Что вам Дух Святой проповедовал,
Творить лености заповедовал,
Не вкушайте ж вы плода горького.
Не упивайтесь пива пьяного.

5. Или еще:

По саду, по саду.
По зеленому саду,
Летала райская птица
В предвышнюю высоту.
Приказывал нам Искушитель

Хранить верну чистоту.
Чистый закон вы храните,
Сына Божия хвалите,
Что Он, Агнец милосердый,
Открыл правый нам закон.
Прозвонит нам Искупитель
Во свой звонкий колокол!...

6.

Во граде было, во Питере,
Стоит Церковь, сооружен престол.
Лежит книга напечатана семью печатями,
Со устами со печальными.
Из уст как гром гремит,
Из очей лучи жаркие.
Вы послушайте, люди, Слово Божие,
Прикасайтесь к суду страшному,
Опасайтесь греха тяжкого.

7. И так «леность» есть тяжкий, судный грех. В противоположность лени, сохранение девства и целомудрия выставляется в песнях как первейшая добродетель и верный путь к райскому блаженству.

Девственники – друзья Небесного Агнца, наследники небесного престола, ратоборцы Бога Вышнего. Их 144 тысячи, как написано в Откровении (14,3). Они победили лютого змия и дракона семиглавого. На них – белые одежды – символ невинности, на челах их – Божие имя, а в руках – царское знамя.

Они исчисленное воинство
Сто сорок четыре тысячи.
Это число Богослов написал
В своей книге Откровение.
На всех них одежды белые
И невинные, нетленные,
Кровью Агнца все намытые.
На челах их ими Божие,
А в руках их знамя Царское
Сии девственники Божии
Ото всех времен искупленные
Ратоборцы Бога Выгаияго.
Победили змея лютого
И дракона седмиглавого.
Они все Господни мученики.
Имена их все записаны
В книге жизни, на престоле на Христовом.
А память их бессмертная.

А тела их всех нетленные
Все житейское оставили они.
Ради Христа пострадали они.
И за нас там они молятся.
Во свитой престол поклонятся.

8. Девственники – неперенные наследники рая. В раю, среди блаженства, они будут слышать хвалебные гимны ангелов, которые будут прославлять их за земные страдания и величать их за сохранение девства:

Там гремят ключи все источники,
Божьи кладези неисчерпаемые.
Все места им там любезные,
Им Батюшкой заслуженные.
И все ангелы про страды поют.
Величают их терпение.
На земле идет про них пение.
Уж и тут о них проповедуют.
В чистоте с Богом беседуют.
Величают их по небесному,
Произошли они пути тесные.

9. Одним из средств к охранению себя от блудных помыслов скопцы считают так называемые радения.

Радения для сектантов настоящий праздник. Ослабляя тело, они поднимают, по сектантскому упованию, дух, сообщают высокий духовный восторг. Они ставят радующего в осязательное общение с Богом и святыми. Среди радующих пребывает Сам Сударь Батюшка Искупитель, Богородица, Архангелы и ангелы. Нужно сильнее радеть, радеть допьяна, до упоения, чтобы сильнее разоблачиться духовным пивом благодати.

А нынче у нас веселье.
Да светлый день воскресенье.
Ко мне гости в гости будут.
Ко мне гости дорогие,
Сударь Батюшка Родимый.
Свет Михаила Архангел,
Ко мне Матушка Родная,
Ко мне гостыи дорогая,
Богородица Святая.
Вкупе с нами пребывала.
Она пивушко варила,
Святы ангелы сливали,
Архангелы разливали.
Херувимы разносили,
У Бога милости просили,

Душу грешную крестили,
Во грехах ее простили.
Ну да что ж это за диво,
Что мое пиво не пьяно;
Или я гостям не рада,
Или мне гостей не надо?
А я красная девица
Пойду в зеленый садочек!...
А я пивушка напьюся,
Святым Духом разблажуся,
Крестным знаменем огражуся.
Вот мое пиво пьяно,
Вот и я гостям рада,
Вот и мне гостей надо.

10. Круговые хождения радеющих с зажженными светильниками, переходящие в быстрые, стремительные движения, являются символом стремления к Свету-Христу и к Владыке неба:

А мы к Тебе Свету стремились,
Во Иордане все крестились
И в смерть с тобою погреблись.
На тебя Свет, мы уповали,
На Владыку, на Христа.
Мы к Тебе Свету и шли.
По светильнику несли...

11. Известно, с каким уважением и любовью относятся скопцы к своим наставникам. Скопческие кормчие, пророки и наставники, по общему убеждению сектантов, суть люди, озаренные от Духа. Они владеют ключами от сокрытой истины и могут открыть ее жаждущим. Их слово, особенно па кругу в радениях, в момент пророческого экстаза. есть слово как бы Бога, высшее откровение Духа, во много раз превосходящее евангелие. Им нужно только верить, верить послушно, терпеливо и жадно слушать слова их наставлений.

В одной песне так наливается чувство благоговения сектантов пред наставником-кормчим: одинокая девушка

Ждала, ждала Батюшку к себе в гости,
И насили его света дождала.
Поночуй, моя Батюшка одну ночь,
Поночуй, родной, хоть другую,
А как третью заночуешь,
То сама тебя буду провожати:
По широкому двору со поклоном,
По темному лесу со свечами.
По чистому полю с голосами,

По синему морю с кораблями.
Садился наш Батюшка в кораблик,
Садился Родимый во широкий.
«Постойте вы, пловцы, не плывите,
Позабыла я с Батюшкой спроситься.
Позабыла с Родимым доложиться:
Уж как то нам, жити и прожити.
Душу в теле спасти».
Проглаголовал наш Батюшка да Надежда,
Он наш Гость Богатый:
Да молитесь, други, не ленитесь.
Господу Богу молитесь, други, не ленитесь,
Учителя света почитайте,
Святого Духа почитайте,
Святого Духа соблюдайте.
Уж так-то нам жити и прожити,
Душу в теле спасти.

12. В другой песне восхваляется заботливость Батюшки кормчего о
вверенных ему детушках.

В чистом поле при долине,
При зеленой при дубраве,
Вырастал там сад зеленый
С плодовитыми древами.
Посреди зелена саду
Паслось духовное стадо.
Здесь была Божья ограда.
И в лугах было в лугах,
На Сионских на горах
Стоял Батюшкин терем.
Радости были все в нем
Верным, праведным собрание.
Случилось незнание:
Потеряли свое звание –
Печаль горе все большое.
С полуночной стороны
Поднималась погода,
Расшумелась дубрава.
Раскачался сад зеленый
С плодовитыми древами.
А зрители задремали.
Налетели птицы-враны,
Со древ плоды пособрали,
Не созревши винограду.

Выносили за ограду
О вы, о вы, вы проспали
Овец волки растаскали.
Пастырь, пастырь, пастырь добрый
Овечек своих хватился,
Плакал Батюшка, молился,
За златой престол садился.
«Вы, Архангелы Господни,
Вам чины будут престольны,
Вы пойдите, покатите,
Овец моих воротите.
Они бедные в вертепах
Злую муку горько терпят».
Архангелы покатили,
Взяли гусли звончатые,
И органы дорогие –
Распевать будут святые,
Пред ними трубы золотые.
На гусях заиграют,
На органах запоют
И к себе всех позовут.
Любезные, спохватитесь,
Болезные, воротитесь.
О вы, о вы, наш Сын Божий.
Благослови, Творец Предвышний,
Открыть нам Твой ключ сердечный
Рай царствия отпереть,
Чтоб душой не умереть.

13. Живя среди міра, тщательно укрывая от людей свои верования, часто претерпевая преследования со стороны властей скопцы смотрят на жизнь, как на великий подвиг, как на трудное и тяжелое странничество. Жизнь, по излюбленному их сравнению, это великое бурное море, и горе тому, кто отважится плыть в это море, надеясь на свои только слабые силы. В одной из песен прекрасно обрисовано это сравнение жизни с морем.

Ой по морю, морю синему,
Не по синему, по житейскому,
Не сине море взбушевалось.
А волны жесткие взволновались.
А все кормщики перепугались,
А работнички перепечалились.
Ну-ка, братцы, мы думу задумаем
Все единую.

Как напишем мы просьбу на большом листу.
Воздадим мы просьбу к самому Христу
Да еще и к матушке Помощнице,
Ко святой всем Богородице.
До нас матушка умилилася,
Своему Сыну возмолилася,
Она ему поклонилася,
А до белаго лица, до сырой земли:
«Сын Мой возлюбленный.
Чадо Мое сладкое.
Ты прими просьбу верных праведных,
И прими, Государь, немедленно».
Сын просьбу принял,
Волны жесткие унял,
Словечко сказал,
Дорожку указал:
«Плывите вы, други, большим кораблем.
Истинным путем на ту сторону,
На ту сторону, на восточную.
Уж на той стороне там Церковь стоит.
У той церкви перебор будет.
Перебирать будет Сударь Батюшка,
Перебирать будет верных праведных,
Он, Батюшка, за то ничего не берет.
Только берет Он, Государь, веру, раденье,
А еще пост, моление, усердное попечение,
А после того – любовь Божию с добродетелью».

14. С надеждой на Заступницу Матушку, с верой, любовью, постом и молитвой, нужно мужественно и твердо держаться святого общения с верными и не оставлять их в минуты опасности.

В небольшой песне порицаются малодушные люди, постыдно убегающие из общества верных в минуту неожиданно выпавшей беды, и восхваляются те, которые, несмотря на опасность, остались непоколебимы в преданности вере:

А и в дальней стороне
Стоял там зеленый сад.
Как в прекрасную погоду
В нем было много народу.
Как спустился дождь и град,
Все бегут в дома назад
Да и хулят Божий сад,
Божеством не занялись,
Большой страсти поддались.

А которы крепки в вере.
Тех и страсти не одолели,
Венцы ясные надели.

Заканчивая этим отрывком серию нравоучительных песен, переходим
к песням вероучительным.

Свящ. Шевалеевский
(Продолжение следует).

Белокриницкий старообрядческий митрополит Афанасий и отношение к нему русских «окружников» (По поводу его смерти) // «Миссионерское Обозрение», 1906, № 2, стр. 198–212

1 октября 1905 г. в Белой Кринице, в Австрии умер Белокриницкий старообрядческий митрополит Афанасий.

Афанасий «бысть по числу третьим митрополитом Беляя Криницы». ⁸² Первый – «изобретенный» ⁸³ знаменитым иноком Павлом Белокриницким – Амвросием, бывший Босносараевский митрополит, приобретенный в Константинополь, – с 23 октября ⁸⁴ 1846 года до начала декабря 1847 года, когда он из Криницы был потребован в Вену ⁸⁵; второй – Кирилл, бывший дьяк при церкви Белокриницкого селения Киприан Тимофеев, правивший службу за неимением попа, по жребию избранный в преемники Амвросию и рукоположенный им во епископа 6 января 1847 года; в митрополиты поставлен 4 января 1849 года: особенно известен своим «скоропревратным и непостоянным характером» ⁸⁶, относительно изданного в австрийстве 24 февраля 1862 года «Окружного Послания», и закрепленном разделении, происшедшего в Белокриницкой иерархии, чрез поставлено в 1864 году епископа для противо-окружников; умер 2 декабря 1873 года.

«Митрополит» Афанасий – в мире Аггей Федоров Бакурин (иначе: Макуров) ⁸⁷ – уроженец молдавский – из села Мандиловки; родился в декабре 1826 года. В марте 1851 года был поставлен в «диакона» «епископом» Алимпием Тульчанским. Во «священника» рукоположен «митрополитом» Кириллом в мае 1857 года. Был «попом» Браиловского хутора на Дунае; в иерействе овдовел. ⁸⁸

23 августа 1870 года в Белой Кринице умер наместник Белокриницкой митрополии, преемник перешедшего в 1865 году в православие «епископа» Онуфрия (скончавшегося иноком Никольского единоверческого монастыря в Москве в августе 1894 г.), «епископ» Формосский Антоний. Антоний особенно высокими качествами не отличался: присутствовавшие при его хиротонии, говорят, оценивали его очень дешево – «поведи продавать, не дадут и две левки» ⁸⁹, – он был полуграмотен, однажды учинил драку в Белокриницкой женской обители и под. ⁹⁰ Нужно думать, что в Белой Кринице по смерти наместника было желание избрать преемника ему – человека более достойного.

В начале октября 1870 года в Белой Кринице состоялся собор заграничных австрийских епископов для избрания наместника. Большинство членов указало в преемника Антония вдового хуторского попа Аггея, меньшинство хотело видеть наместником Аркадия,

«архиепископа» Васлуйского. Но Аркадий не считал для себя особенно заманчивым наместничество в митрополии по сравнению с своим положением «архиепископа», тем более, что место «преславного происшества» иерархии – Белая Криница – тогда уже начинало блекнуть в глазах старообрядцев, почерпнувших благодать от ее источника⁹¹, и был избран Аггей. Выбором попа Аггея остались довольны и в Москве. Тогдашний окружнический «архиепископ» Московский Антоний Шутов так писал об этом в митрополию: дошло до сведения нашего, что бывшим освященным собором в вашей Богохранимой митрополии избран в наместника к оной благоговейный священно-иерей Аггей Федоров Браиловского хутора, о благоразумии и благоговействе коего нам раньше было известно: то мы о сем избрании весьма радуемся и благодарим Господа Бога, устрояющего полезное церкви Своей».⁹²

2 мая 1871 года избранный был пострижен в Белой Кринице в иночество «митрополитом» Кириллом с именем Афанасия, а 3 июня того же года совершен Кириллом с Аркадием Васлуйским и Иринархом Славским торжественное рукоположение его в наместника епископа «града Браилова». На торжестве присутствовали даже почетные гости Белой Криницы – «немцы и люторы и прочие еретики» – сам президент, т.е. губернатор Черновицкий... и другое местное начальство, пожелавшее быть из любопытства, которые были приняты с честью, как следует таким высоким лицам».⁹³ Криница тем была и хороша до последнего времени, что была под покровом немцев, – хотя и еретиков, – при недостаточной «свободе» в России...

Новому наместнику недолго пришлось ожидать митрополичьей Белокриницкой кафедры. Спустя два с половиной года после его хиротонии во «епископа» сошел в могилу Кирилл⁹⁴ Наместник Афанасий заменил его и 9 мая 1874 года стал третьим Белокриницким митрополитом, возведенным в этот сан тремя «епископами» – Аркадием Измаиловским, Иринархом Славским и Тульчанским⁹⁵, при соучастии двух «архимандритов», до двадцати пяти «священноиноков» и «иереев», четырех «диаконов» и пяти стихарных клириков. Были при этом некоторые затруднения со стороны так будто бы опечаленных теперь смертью Афанасия российских старообрядцев, замышлявших было даже совсем положить конец Белокриницкой митрополии (о чем подробнее скажем ниже), но дело уладилось в общем довольно благополучно для Белой Криницы и Афанасия.⁹⁶

Что представлял собою в умственном и нравственном отношениях Афанасий, 30 слишком лет (т.е. большую половину всего существования Белокриницкой иерархии, праздновавшей в 1896 году только пятидесятилетний юбилей) митрополитствовавший в Белой Кринице. Вот что – в главных чертах – известно о нем с этих сторон.

В литературе известно небольшое произведение (изданное в брош. свящ. С. Маркова) «Послание старообрядческого архиепископа Афанасия Браиловского, именуемого и ныне митрополитом Белокрыницким» (М. 1890 г.), – написанное в марте 1872 года. Послание, адресованное преимущественно к двум старообрядцам Браиловского хутора, представляет собою краткое обличение беспоповства и такую же защиту Белокрыницкой иерархии и показывает в составителе некоторое начетничество в старопечатных книгах, знание в известной мере защиты собственного церковного положения (чем иногда в достаточной мере не обладают духовные лица австрийства) и если, конечно, не полную, то по крайней мере некоторую грамотность». ⁹⁷ Но, с другой стороны, известны за Афанасием и такие мудрые речи: «знай азбуку да псалтирь, а в другие науки не вникай: все науки ведут к еретичеству». ⁹⁸ Известно, что он обрел «еретичество» даже в книгах патриарха Иосифа – в том, что в них прилагательные напечатаны с кратким и, напр., «Царю небесный», а не «небесный» и т.п. ⁹⁹ «Окружному Посланию» Афанасий хотя и не изменял, но довольно склонен был осуждать признанные в нем непогрешительными некоторые особенности «никонианства». Напр., он распорядился отменить чтение за трапезой в Белокрыницком монастыре четий-миней новой печати: «разве можно читать такую книгу, говорил он, где написано «Иисус»: не подобает древле-православным христианам еретические книги не только читать, но и в руки брать». ¹⁰⁰

Таков был ушедший в лучший мир, «третий по числу митрополит Белая Крыница».

Что касается отношений к Белой Крынице и ее митрополиту российских австрийцев, то (помимо значимости Белой Крыницы, как источника архиерейства после двухвекового «глада» в собственном священстве) – они вовсе не так умирительно-трогательны, как можно подумать на основании газетных сообщений о скорби русского австрийско-старообрядческого мира об умершем «митрополите».

Мы говорили о затруднениях, и весьма серьезных, – которые встретились Афанасию со стороны русского австрийства на пути к митрополичьей степени. Русское австрийство было недовольно митрополитом Кириллом, бывшим по своему слабоумию и нетвердости характера, а частью и по златолюбию, одним из виновников той «хаотической» ¹⁰¹, шумной истории – с ее соборами, – иногда действительно почти «ярмарками» ¹⁰² с криком и воплем ¹⁰³, с взаимными извержениями, клятвами и т.п., которая выпала на долю «святой» старообрядческой австрийской церкви со времени издания окружного послания и до начала 70-х годов, – виновником, содействовавшим, между прочим, и закреплению разделения окружников и неокружников чрез рукоположение для последних, по просьбам купцов Крюкова и Муравьева, «за сребренники довольны» (1.000 р.) в 1864 г. особого

епископа – Антония (Антоний II; в отличие от Антония I – Шутова, окружнического). И вот – по смерти Кирилла в России естественно возник план, оставив за Белой Криницей ее неотъемлемое значение – места «благознаменитого происшествия», присоединения в староверие «злополучного митрополита Амвросия, митрополичью кафедру в ней упразднить. Подумывали наградить титулом «митрополита» московского «архиепископа» Антония Шутова. Антоний, хотя был в некотором смысле замечательным ревнителем старой веры, в чем много способствовало ему его бескорыстие¹⁰⁴, был честолубив, из-за честолубия он главным образом и перешел из беспоповства в поповство¹⁰⁵, пред этим мечтал украсить свою главу белым клобуком¹⁰⁶ и поэтому был доволен перспективой стать митрополитом... Но потом дело оказалось не совсем по времени. Заводить митрополию в Москве показалось не совсем безопасным для австрийства. Белокриницкая же митрополия – за границей – существует на законном основании и находится под покровительством австрийского императора. Старообрядцы во главе со своим московским духовным советом должны были решить оставить митрополию на месте. Однако, чтобы сократить возможный произвол Белокриницкого «святителя», наученные горьким опытом постановили, что Белокриницкий митрополит не должен простираť своей власти на Россию, а ведать только Буковину и Молдавию. С этого времени административная, так сказать, роль Белокриницкого митрополита в русской австрийщине должна была прекратиться: оставались только братские, дружественные отношения. В некоторой степени повлияло это и на материальное благосостояние Белой Криницы, хотя благочестивое чувство обогатившегося чрез нее «духовно» старообрядства, особенно богатых верующих «гильдийцев», в радостях, горестях (помин умерших и под.) и в грехах своих и т.п. не забывало своей соответственной капиталу лептой ее благополучия.¹⁰⁷

Значение Белой Криницы, как места «верховного», при вступлении на «митрополичью» кафедру Афанасия, пало... Особенно это заметно было на первых порах и далее – во ясе восьмидесятые годы. Русское окружническое австрийство в своей церковной жизни было самостоятельно, редко даже сносясь с Белой Криницей. Кто читал прекрасные «Летописи» происходящих в расколе событий, которые вел в своем «Братском Слове» и затем в «Церковном Вестнике» со всем вниманием следивший за жизнью австрийской иерархии покойный проф. Н.И. Субботин, и тот даже редко встречал в них сообщения о Белой Кринице и ее жизни.¹⁰⁸ Так забвена была она... Мало того, – к ней относились – в случаях сношений – иногда даже не по-братски, ее даже иногда третировали... Характерен тон известных главным образом из «Братского Слова» сношений с Белой Криницей за это время. Московский духовный совет, – учреждение, состоявшее из попов и мирян при

Московском «архиепископе»¹⁰⁹, без церемонии посылал «приказы» Афанасию.¹¹⁰ Даже простой иеромонах Арсений (Швецов, теперь «епископ» Уральский), – правда «второй Златоуст» в австрийстве¹¹¹, держал себя очень свободно-относительно «митрополита», когда не видел в нем особой нужды для своих интересов.¹¹²

Правда, с девяностых годов сношения с Белой Криницей российских австрийцев, по-видимому, несколько участились и отчасти улучшились.

За девяностые годы известны случаи, когда власть митрополита окружники, – по крайней мере иногда, в особо-затруднительных обстоятельствах, хотели чтить; известен даже проект о подчинении русских окружнических «епископов» Белокриницкому «митрополиту». Напр., окружники имели сношение с Афанасием по делу о московском «архиепископе» Савватии. Суть дела, как помнят следившие за событиями, происходившими в австрийстве, была в следующем. Владыка Савватий, вступивший на Московскую кафедру в октябре 1882 года (преемник Антония Шутова, умершего 8 ноября 1881 г., бывший Тобольский), был умом довольно скуден¹¹³, грамотою не был богат¹¹⁴, начитанностью не отличался¹¹⁵, язык у владыки был довольно косен...¹¹⁶ По словам «Братского Слова», Савватий даже во время службы производил неприятное впечатление: был крайне прост и т.п., так что видеть особу его в архиерейском облачении было даже несколько блазнительно». ¹¹⁷ В обычной же жизни он, по выражению одного повествователя, был «мужик мужиком»¹¹⁸, «грубенек». ¹¹⁹ За недостаток представительности и проч. Савватий не нравился «тузам» своей паствы и они всегда думали о смещении и замене его кем-либо более подходящим. ¹²⁰ Под конец «владыка Савватий» запутался в какое-то не совсем выясненное в свое время в печати дело с какой-то немкой, переkreщенной в старообрядство, у которой он взял 32.000 рублей. Дело казалось крайне хлопотливым и послужило главной причиной падения «архиепископа». ¹²¹ Поводом же было данное Савватием полиции обещание не именоваться Московским архиепископом. Собор окружнических «епископов» 19 марта 1898 года будто по снисхождению приложил к Савватию вместо 62 Апостольского привила, подвергающего извержению отрекшегося своего сана, 17 правило св. Василия Великого и лишил Савватия кафедры, сохранив за ним «архиепископство». Участие в этом деле «митрополита» Афанасия выразилось в том, что он чрез посланного к нему (от кого именно, т.е. от российских ли «епископов», или по крайней мере от некоторых из них, или просто от лиц, особо недовольных Савватием, – точно не известно) выразил свое полное согласие с тем, что постановит собор «боголюбивых епископов». ¹²² Сносились русские окружники с митрополитом и по поводу назначения преемника Савватия. Афанасий, очевидно, на просьбу некоторых, не желавших видеть местоблюстителем Савватия, в

Москве Арсения Уральского (Швецова) действительным «архиепископом» Московским назначил Московским (и, по-видимому, довольно решительно) Сильвестра Балтского, как старейшего из «епископов».¹²³ Русский собор окружнических «епископов» в октябре 1898 года однако назначил на Московскую «архиепископскую» кафедру Иоанна (Иустина Картушина, донского казачьего урядника), незадолго пред этим рукоположенного во «епископа» Донского и Екатеринославского.¹²⁴ Москва подала Афанасию мысль просить австрийское министерство внутренних дел, разрешить перенести в Белую Криницу прах основателя Белокриницкого священства митрополита Амвросия из Триеста (где он погребен), по случаю 50-летнего юбилея этого священства.¹²⁵ Бывали и другие – более частные (отдельных лиц из австрийства) сношения с белокриницким «митрополитом».¹²⁶ Проект (в начале 90-х годов) о подчинении русских «епископов» Белокриницкому «митрополиту» принадлежал «иеромонаху» Арсению. Только говорилось тогда, что «Златоуст» хочет угодить пренебрегаемому им в других случаях Афанасию, так как желает епископства, что можно получить в Белой Кринице.¹²⁷ Проект остался без осуществления.

Как видим, однако, отношения к Белокриницкой митрополии и в 90-е годы были не только не постоянны, но и не очень часты, и весьма – так сказать – не выразительны. Лично же Афанасия в 90-е годы, напр., Силуан Кавказский однажды почестил именем даже «дурака».¹²⁸

Из сношений с Белокриницкой митрополией за истекшие годы нового столетия особенно выдаются следующие.

Известно, что собор окружнических «епископов» в Нижнем Новгороде в августе 1901 года предполагал произвести в «архиепископа» Уральского «епископа» Арсения (Швецова) с переводом его в Нижний и с предоставлением ему прав архиепископа «и всея России», т.е. с сосредоточением в его ведении всех главнейших дел, касающихся всего окружнического австрийства в России, Иоанн Картушин, не бывший на соборе, отверг такое решение собора, как унижающее его значение.¹²⁹ По его влиянию¹³⁰ в январе 1902 года в Москве было несколько собраний старообрядческих депутатов из разных губерний.

Предметом суждений были обвинение «архиепископом» Иоанном и Тульским старообрядческим «священником» Механиковым «епископа» Арсения в еретичестве¹³¹ и назначение его собором 1901 года «архиепископом». Собранием, на котором были по крайней мере «священники», было решено: постановления Нижегородского собора об открытии новой архиепископии в Нижнем признать не действительными и вменить «яко не бывшая», а нового «архиепископа», проповедующего неправославные мысли, извергнуть. Чтобы придать своему решению значение, собрание чрез особую депутацию обратилось к «митрополиту» Афанасию. Афанасий – сообщалось, – признав незаконным учреждение

новой «архиепископии», равно и возведение в «архиепископы» Арсения, – утвердил, что должен быть всего один «архиепископ» в России – Московский, относительно же извержения Арсения, видимо, удержался (боясь разделения в окружничестве и, может быть, из уважения к Павлу Белокриницкому, защищаемому Швецовым).¹³² Позже – в августе 1902 года на соборе Швецов отказался от «архиепископства» и примирился с Иоанном и Механиковым («политически») по вопросам догматическим.¹³³ В этом сношении с Афанасием принимала участие одна сторона австрийцев – стоящая за Иоанна Московского и не всегда склонная мириться с догматствованиями Арсения, но дело осталось, по-видимому, не без влияния и на другую...

Другое дело, по которому сносились с Белой Криницей, касалось собирающихся теперь ежегодно во время Нижегородской ярмарки «Всероссийских съездов представителей старообрядческих обществ австрийского толка». Первый такой съезд, – собранный, очевидно, в подражание нашим миссионерским съездам, – состоялся в 1900 году. На выборе «епископов» в августе 1901 года, на котором, как знаем, не было Иоанна, по инициативе Арсения было утверждено собрание таких съездов ежегодно.¹³⁴ Учреждением их Швецов, может быть, хотел вознаградить мирян за то, что они, по его же инициативе, были устранены от церковных дел чрез уничтожение в 1898 году Московского «духовного совета». Устранив их от внутренних дел церкви (духовный совет, например, налагал запрещения и т.п. на духовных лиц и проч. при участии мирян), епископ Арсений допустил их значение в делах более внешних, каковы именно преимущественно предметы суждений всероссийских съездов (школы, сбор денег, ходатайства за староверие, защита австрийства от «никонианских» миссионеров и проч. под.). Покойный Н.И. Субботин, кроме того, полагал (на основании имевшихся у него данных), что, учреждая съезды, Арсений имел целью достигнуть при помощи их – при воздействии на них своих сторонников – «архиепископства» с так заманчивым сосредоточением в его руках всех дел русского окружничества. «На том же самом соборе 1901 года, писал проф. Субботин, именно от собравшихся граждан и потребовано было учредить в Нижнем центральную старообрядческую архиепископию с возведением Швецова. От граждан против несогласия Картушина была написана и особая «записка», которою доказывалась необходимость учреждения такой кафедры и указывались заслуги Швецова».¹³⁵

Съезды состоять из мирян (съезды 1901 и 1902 г., как известно, даже выразили желание, чтобы духовные лица в них не принимали участия).¹³⁶ «Архиепископ» Иоанн и Москва остались недовольны решением собора 1901 года. В январе 1902 года представители съездов на собраниях в Москве пытались было убедить москвичей в необходимости и пользе их. Особенно старался известный Ф. Мельников, дошедший в своем

ораторстве даже до дерзостей, – так что его однажды даже выгнали из собрания.¹³⁷ Москвичи после собраний составили «особое мнение» против съездов и подали его Иоанну. Иоанн утвердил «особое мнение». Затем «особое мнение» с депутацией было отправлено к «митрополиту» Афанасию. Он признал его правильным и также подтвердил.¹³⁸ После этого «архиепископ» Иоанн на соборе 28 июня 1902 года провел постановление, которым ежегодные съезды мирян признавались не имеющими оснований в канонах, вызывающими пререкания и укоризны: не ежегодные же, а случайные – по требованиям времени, при том без обсуждения на них дел, подлежащих суждению епископов, допускались. «Собор, говорило постановление 28 июня 1902 года, оставляет собрание оных усмотреть церковно-общественных попечительств¹³⁹, не без участия в оных духовных лиц, и только для обсуждения церковно-общественных нужд, отнюдь не касаясь дел, принадлежащих, суду епископов».¹⁴⁰

В свою очередь таким постановлением собора и согласием Афанасия с «особым мнением» москвичей остались недовольны руководители съездов. Чтобы «ознакомить Афанасия с делами и решениями всероссийских съездов и вообще с церковно-общественными делами Российской старообрядческой области»¹⁴¹ и, по крайней мере, настроить Афанасия так, чтобы он не затруднял их, осенью 1902 года была предпринята от лица съездов особая экспедиция в Белую Креницу. Депутатами были лица очень значительные (в разных отношениях) в старообрядчестве, именно: известный капиталист, богородский фабрикант Арсений Морозов, ехавший по собственному делу, но принявший участие в депутации нижегородец Сироткин – «председатель Совета Всероссийского общественного попечительства»¹⁴², егорьевский Зенин – фотограф, очень влиятельные лица в своих обществах, московский Бриллиантов – «товарищ председателя Совета»¹⁴³ того же попечительства (он же секретарь братства старообрядческого в Москве; также и «писатель» против «никонианства») и известный «вития» Ф. Мельников (также «писатель», также какой-то «чин» в «Совете» и проч.). Путешествие этой депутации, по брош., вероятно, Ф. Мельникова: «Поездка в Белую Креницу и г. Триест¹⁴⁴ в ноябре 1902 года», и результаты его были описаны в последних – почти предсмертных статьях проф. Субботина. Из них мы знаем, что хотя митрополит и Афанасию были привезены достойные подарки¹⁴⁵, хотя Афанасий услышал от некоторых из депутатов и похвалу себе: «вас, владыко, все любят за вашу святую жизнь, полную доброты и смирения»¹⁴⁶ и «славу» Белой Креницы: «Белая Креница для нас дорога, это наш духовный возрожденный источник»¹⁴⁷, но за то услышал «митрополита» и речи, что он, вмешиваясь в дела чужой области, нарушает правила, сеет раздор и смуту¹⁴⁸ в «самостоятельной» русской церкви¹⁴⁹, – слова: «преступно»¹⁵⁰ и проч. ... «По 34 правилу св. апостол митрополит, говорил Афанасию

более умеренный из депутатов Бриллиантов, не должен творить что-либо касающееся всей области, без согласия своих епископов. «Особое мнение» москвичей не было предъявлено нашим владыкам в Российской области и о нем до сих пор собор не имел своего суждения. Москвичи мнение свое рассылали по приходам нашим и этим породили недоумения и смуту. Многим становилось непонятным: кому же верить и кого должно слушать – собор или митрополита? Собор постановил быть ежегодно всероссийским старообрядческим съездам, а в особом мнении эти съезды неосновательно порицались. Такое разногласие способно лишь произвести церковный раздор. Припомните, владыко, сколько вреда святой церкви принесло смутное и неканоническое вмешательство митрополита Кирилла в дела нашей Российской области».¹⁵¹ Хотя проф. Субботин и полагал, что «митрополит» отвечал с полным достоинством, но можно подумать, что он, если и указал действительно, что подтвердил «Особое мнение», потому что оно было представлено от «архиепископа» Иоанна чрез уполномоченную депутацию, на самом деле был довольно смущен и стеснен предъявлениями и особенно речами «вызывающего ораторства».¹⁵² Ф. Мельникова о «самостоятельности» русской церкви (о «самостоятельности» Мельников твердил с особым подчеркиванием, точно «вбить» хотел «в голову» митрополита это и проч.¹⁵³

Кроме «главного дела» – о съездах – предметом поездки депутации 1902 года в Белую Криницу были учреждение заграницей старообрядческого банка для капиталов Всероссийского старообрядческого попечительства, высшей (даже) школы для приготовления пастырей и т.п. дела, бывшие более удобными для устройства заграницей. Об этом, по крайней мере, были рассуждения с «митрополитом».¹⁵⁴

В заключение можно прибавить, что начинавший выходить в Буковине с января 1905 года журнал – «Старообрядческий Вестник» решительно разграничивает австрийство зарубежное и российское; «московский архиепископ не подчинен митрополиту Белокриницкому и относится к нему, как к старейшему брату о Христе»; «власть митрополита Белокриницкого простирается на епископов, живущих в Австрии, а также и в Румынии; на епископов же Российской империи его власть не простирается».¹⁵⁵

Вообще, – если бывают и доселе сношения российской окружнической иерархии с Белокриницкой «митрополией», как митрополии, то они так сказать – характера очень эпизодического; при том – «митрополит» Белокриницкий в последнее время как бы извлекается «из-под спуда» в случаях, особых, – где кстати применить неведомую еще в России «митрополичью» степень с ее некоторым особым авторитетом, а иногда же «митрополит» за свою «Степень» – даже и сильно «страдает», не всегда при том с возможностью вполне постигнуть, за что, про что.

Бросить же совершенно в сторону «митрополита» своего «духовного возрожденного источника» еще не совсем «годится» и «подходить», пока нет еще у окружников своего древле-православного Российского «митрополита». Поэтому, конечно, не так трогательно скорбят австрийцы над могилой своего третьего митрополита, как о том извещают...

Преемником умершего Афанасия должен быть его «наместник» Макарий¹⁵⁶ (с 1900 г.). Родом Макарий из Бессарабии; в мире назывался Маркионом. В диаконы посвящен он измаильским «архиепископом» Виссарионом, в священники поставлен 14 сентября 1879 года «митрополитом» Афанасием; священствовал в г. Яссах; 5 июля 1900 года хиротонисан им же во епископа.

Уходят со сцены старые лица, их заменяют новые, а раскол, создавший себе иерархию, неистинность которой так очевидна для всякого разумющего христианина, стоит. Долго ли будет это?

Геннадий Захаревич

Церковь Христова и временно без епископа быти не может¹⁵⁷ (Замечания на книгу Ивана Усова «Церковь Христова временно без епископа» миссионером, священника Сергия Шалкинского и Калл. Картушина) II «Миссионерское Обозрение», 1906, № 2, стр. 213–221

Беспоповец. Если без всякого священноначалия церковь была истинна и спасительна, и даже создана Христом в таком именно виде, то значит наша церковь и есть истинная, и спасительная, потому что сохраняет именно то устройство, какое ей даровал Христос, то есть пребывает без священноначалия и таинств.

Беспоповец намеренно *упускает из вида*, что живет он не во времена «устроения царствия Божия на земли», – т.е. не до дня Пятидесятницы, а почти два тысячелетия после. До дня Пятидесятницы не было крещения во имя Отца и Сына и Св. Духа, не совершалось таинств: миропомазания, хиротонии, брака и пр., не было служения литургии, вечерни, утрени, погребения над умершими и под. Так неужели и теперь ничего этого не нужно?

Новообрядец. Но ведь это ведет прямо в протестантство. Ведь протестанты учат, что Христос создал церковь без священноначалия. А это явная – ересь.

Старообрядец. Справедливо, что это ересь. И вот эту ересь содержат протестанты, беспоповцы и вы, новообрядцы. Признать, что Бог создал Свою церковь без иерархии, без священников и епископов, значит признать, что Бог создал несовершенную церковь.

Несовершенной или неустроенной называется церковь, не имеющая епископов. «Господь, отходя на небеса, сказано в Кн. о вере, не восхоте достояние Свое оставить на земли неустроено, но взял два сребрянника, даде гостинником», т.е. апостолам и преемникам их служения, им же и *спребывати* (пребывать с ними) даже до скончания века обетование сотвори и по своему неложному обетованию благодатне избирает и поставляет их чрез патриархи, архиепископы и епископы» (л. 69 об.). Раскольнические же мнимые церкви, – отделившись от православной церкви, не имели епископов, не совершали таинства хиротонии, следовательно, их церкви не Христовы, не устроенные, а разоренные, одоленные от врат ада.

Если священники и епископы явились в церкви уже после ее создания, то значит их установил в церкви не Христос, а уже другой кто-то после Него, и таким образом епископы и священники – не Христово установление. Поэтому учение ваше, что церковь основал Христос, а епископов установил не Он, а другой кто-то, есть действительно страшное

и гибельное заблуждение, ведущее к отрицанию священства и иерархии в церкви.

Неужели, по понятию Усова, в день Пятидесятницы св. апостолы получили благодатное, право на управление церковью и совершение св. таинств, без участия Спасителя? Неужели он думает, что Дух Св. существует и проявляет Свое Божество без Отца и Сына? Такое учение, действительно, нельзя не признать еретическим. А мы веруем, что где Дух Св., там неразлучно и нераздельно и Отец, и Сын. Поэтому в день Пятидесятницы избранных и наученных Господом апостолов, поставил на служение св. Церкви тот же Господь: «Все, что имеет Отец, принадлежит и Сыну... все, что имеет Сын, принадлежит и Духу» (св. Григор. Богосл. сл. на Пятидесятницу).

Но священноначалие в церкви Христос установил раньше дня Пятидесятницы, даже раньше Своих крестных страданий. В евангелии говорится, что Он еще прежде Своего страдания и крестной смерти избрал апостолов (Лук. зач. 23), которые имели право совершать таинства крещения (Иоанн. зач. 11) и елеосвящения, или маслопомазания (Марк. зач. 23). А это принадлежит только епископам и священникам: только они имеют власть совершать таинства церковные. Следовательно, апостолы еще до страдания Христова, до окончательного создания им своей ново-благодатной церкви, имели на себе сан священства и сан епископства. Посему в то время, когда все апостолы пребывали в неверии Христову воскресению, они были уже епископами; и, хотя церковь тогда не имела ни одного истинно-верующего епископа-апостола, однако, пребывала неодоленна и непобежденна от врат адовых. Понятно, что и старообрядческая церковь в то время, когда не имела ни одного истинно-верующего епископа, пребывала церковью вполне неодоленною.

Припомните раннейшие слова Усова: Церковь создана или искуплена на кресте... церковь, конечно, существовала и раньше этого, но она не была искуплена, находилась как бы в плену у диавола, и называлась ветхозаветною (стран. 37 и 38). Заметим теперь следующее. В соответствии двум заветам, все книги священного писания разделяются на ветхозаветные и новозаветные. В одной новозаветной книге мы читаем: «И егда бысть день, призва (Христос) ученики Своя: и избра от них дванадесяте, их же и *апостолы нарече*» (Лк.6:13). Описанное событие происходило ранее момента создания церкви, отмеченного Усовым: по нему выходит, что часть апостольского служения совершена была в ветхом завете. В другой новозаветной книге читаем: «Аз о сих молю; не о всем міре молю, но о тех, их не дал еси мне, яко твои суть» (Ин.17:9). По Усову, эти люди, за которых так молятся Единородный Своему Отцу, во время молитвы находились «во власти диавола». Усов учит, что св. апостолы «имели право и власть совершать таинство крещения» задолго до страдания Спасителя. Не подавало ли это крещение Духа Святаго, об

этом умалчивает. Св. Иоанн Златоуст на указанные Усовым слова Евангелия говорит: «А если бы кто захотел узнать, имело ли какое-нибудь преимущество крещение учеников (Иисуса) пред крещением Иоанна, – мы скажем, что никакого. То и другое крещение равно не имело благодати Духа, и целью того или другого было только приведение крещаемых ко Христу» (та же беседа). Из 19 кн. «Деяний св. апостол» – видно, что крестившиеся Иоанновым крещением снова крестились. Следовательно, таинства, совершенные апостолами до дня Пятидесятницы, не подавали приемлющим их благодати Духа Святого, которой не имели сами апостолы. А отсюда вывод ясен: апостолы в то время не имели тех прав, какие дарованы были им в день Пятидесятницы, не были *епископами* в том значении этого слова, какое оно имеет теперь: «еда ту несть архиерея, таковым не дается Дух Святой» – (кн. Ник. Черн.).

Новообрядец. Хотя в евангелии и говорится, что апостолы еще до страдания Христова имели власть совершать таинства, но наша православная церковь учит, что они в то время были еще мирянами. Сан священства они получили только в день пятидесятницы, когда на них сошел Дух Снятый. Во вступлении к восьми вопросам, поданным вам, старообрядцам, в 1863 году, говорится следующее: «в церкви Христовой должна существовать иерархия (священноначалие), которую Иисус Христос, будучи сам «по силе живота неразрушимого вечным первосвященником» (Евр. зач. 316), совершил в пятидесятницу ниспосланием на апостолов Своих во огненных языцах Святого Духа (Деян. зач. 3; апост. тол. л. 12; синоксарь на сош. Святого Духа), которому обещал пребывать в церкви в век (Ин. зач. 48)». Вот когда, по учению нашей церкви, явилась в церкви иерархия, а не при Христе.

Беспоповец. Теперь ты нас оправдал совершенно. Ты сказал, что апостолы до сошествия Святого Духа были мирянами и имели власть совершать таинства; значит и наши наставники, будучи мирянами имеют такую же власть совершать таинства церковные. Если апостолы не погрешали, совершая таинства, еще будучи мирянами, то и наши наставники тоже не погрешают, совершая таинства и будучи мирянами. А если они в этом погрешают, то значит погрешали и апостолы. Притом же Христос, как вы сами говорите, даровал право и власть совершать таинства мирянам, каковы были тогда апостолы, а не священникам и епископам. А кому Он дал ее, тому и она принадлежит. Следовательно, власть совершать таинства, принадлежите мирянам, а не епископам и не священникам.

Напрасно торжествует усовский беспоповец; крещение, совершаемое апостолами до дня Пятидесятницы, не сообщало благодати Св. Духа. Если он считает и крещение, совершаемое своими наставниками, равным Иоаннову, то пусть вновь крестится, ибо оно не очищало от грехов. «Может быть, – говорит св. И. Златоуст, – многие желают, чтобы и теперь

было крещение Иоанново. Но в таком случае многие не стали бы заботиться о добродетельной жизни, или можно было бы подумать, что многие для этого, а не для царствия небесного заботятся о добродетели. Кроме того, было бы много лжепророков» (бес. 40 на Деяния).

Новообрядец. Да помилуйте! Это учение ведет к совершенному отрицанию священства, и приводит прямо в бездну протестантства, молоканства, а то и еще хуже.

Старообрядец. Правда, что это учение ведет в бездну погибели. Но вы сами же сказали, что ваша церковь учит, что апостолы до самого дня пятидесятницы были мирянами и совершали таинства. А беспоповец это учение подхватил и приложил к себе, тогда и вы увидали, в какую бездну нечестия оно ведет. Итаь, вы должны или, оставаясь при учении своей церкви, что апостолы до дня пятидесятницы были мирянами и совершали таинства, согласиться с беспоповцем, что миряне имеют полную власть совершать таинства и, таким образом, оправдать не только беспоповцев, но и протестантов; или же – совершенно отвергнуть учение своей церкви, что апостолы были мирянами до сошествия на них Святого Духа в день пятидесятницы.

Новообрядец. Но как же иначе понимать об этом? Скажите, каково ваше решение о том, когда Христос установил в церкви Своей иерархию епископов, священников и диаконов.

Старообрядец. Ответьте на следующий вопрос; священник выше ли диакона?

Новообрядец. Конечно, выше.

Старообрядец. Какие саны священства он на себе имеет?

Новообрядец. Два: диаконский и пресвитерский.

Старообрядец. Хорошо. А епископ выше ли священника?

Новообрядец. Выше.

Старообрядец. Какие степени священства он на себе имеет?

Новообрядец. Три степени: диакона, священника и епископа.

Старообрядец. Апостолы выше ли епископов?

Новообрядец. Без сомнения выше.

Старообрядец. А имели они в себе все прочие степени иерархии: диакона, священника и епископа?

Новообрядец. Конечно, имели.

Старообрядец. А когда Христос соделал их апостолами: до сошествия Святого Духа, или после?

Новообрядец. До сошествия Святого Духа; даже же до крестных страданий Своих.

Итак, до крестных страданий Спасителя апостолы совмещали в себе все три тина иерархии. В день же Воскресения Его уклонились «в неверие», которое «больше заблуждения» или принятия ереси. Из кого же тогда состояла церковь, «имеющая все свойства и признаки» Христовой

Церкви? «Церковь неодоленная» – состояла тогда из одних мирян, отвечает Усов. Как благодарен ему должен быть беспоповец.

Старообрядец. Справедливо. Об этом написано в евангелии от Луки: «Бысть же во дни тыя, взыде в гору помолитися: и бе обнощь в молитве Божии. И егда бысть день, призва ученики Своя и избра от них дванадесяте, их же и апостолы нарече: Симона, его же именова Петра, и Андрея брата его, Иакова и Иоанна, Филиппа и Варфоломея, Матфея и Фому, Иакова Алфеева и Симона нарицаемого Зилота, Иуду Иаковлева и Иуду Искаротского, иже и бысть предатель» (Лк. зач. 23). Вот когда Господь избрал, явил и послал некоторых из учеников Своих. Этих избранных Он отделил от прочих своих учеников и дал особое имя: «ихже, сказано, и апостолы нарече». Это избрание, наречение и назначение апостолов Христос совершил не просто, а после продолжительной молитвы: «и бе обнощь в молитве Божии»: значит это было – не простой выбор, какой бывает, например, у людей при выборе друзей и знакомых, а особое молитвенное, с определенным назначением и именем избранных. До этого избрания и назначения они назывались проста учениками, а после этого стали называться апостолами, в отличие от прочих учеников Христовых, не удостоенных этого звания. И действительно, в недельном евангелии в толковании на слова Спасителя: «О! роде неверный» и проч., сказано так: Сего ради и стужает си Христос, оболгаем святым апостолом и учеником; понеже бо священных проповедь, слово прияша апостоли, и учителя вселенной *хиротонисани быша*, и свет истинного благоразумия сияху везде, верующим право и последующим добре, и послушающим учения их, даже изначала не презрени будут» (толк. еванг. неделя 4 поста л. 72). Святой Иоанн Златоуст пишет: «Тогда глагола (Иисус) учеником Своим: жатва убо много, делателей же мало; молитесь убо Господину жатвы, яко да изведет делатели на жатву Свою. И призва обанадесяте ученики Своя, даде им власть на дусех нечистых, яко да изгонять их, и целити всяк недуг и всяку болезнь. Дванадесяте же апостоле имена суть сия; и проч. (Толкование). Сказавши – молитесь Господину жатвы, без просьбы и без моления их (Христос) сам немедленно рукополагает, поставляет их в сие звание» (беседы Златоуста на еванг. Мф. бес. 32).

Апостолы «учителями вселенной хиротонисани быша» – не прежде страданий Спасителя: «из мертвых востав, апостолов Своих на се освяти хиротониею, еже есть руковозложением*. И воздвиг* руце Свои, благослови их, и вознесся на небо». (Кирилл. кн. л. 77). «Дух Святый сошед рукоположи апостолы всей вселенной, «аще не быша прияли Духа Святаго благодать, не бысть подано им апостольство всего мира» (Толк. апост. л. 12). «Дух Святый... рукоположи апостолы учителя быти всей поднебесней» (Синоксарь в понед. Св. Духа, сравн. Сим. Сол. гл. 88).

При избрании св. апостолов, Господь поставляет их не совершителями таинств, а лишь учителями среди народа израильского и

дает им власть только врачевать телесные недуги, как говорит об этом св. И. Златоуст: «Он посылает учеников. Впрочем, не для того только посылает, но и для собственного их обучения, чтобы, образовавшись в Палестине, как бы в некотором училище ратоборства, они приготовили себя к подвигам в целом мире. Потому-то, как юных птенцов приучая к летанию, Он открывает обширнейшее поприще для их действия, сколько было то соразмерено с их силами, чтобы они удобнее могли приступить к последующим подвигам; и сначала *делает их только врачами тел*, чтобы *после* вверить им важнейшее – врачевание душ» (Беседа 32, ст. 2 на евангелие от Матфея).

Старообрядец. В книге «Истинно древняя и истинно православная церковь», Григория митр. С.– петербургского, читаем: «Святой священномученик Киприан, в послании к падшим (пишет): Господь наш, устанавливая достоинство епископа, и образ Своей церкви, сказал в евангелии Петру: ты еси Петр, и на сем камени созижду церковь Мою, и врата ада не одолеют ей. И дам ти ключи царства небесного: и еже аще свяжешь на земли, будет связано на небесах; и еже аще разрешиши на земли, будет разрешено на небесах. *С того времени* преемственно продолжается поставление епископов» (час. I. гл. 10).

У св. Киприана сказано: «Отсюда последовательно и преемственно истекает власть епископов и управление Церкви, так что Церковь поставляется на епископах... Церковь заключается в епископе, клире и всех стоящих в вере». Да если бы даже сказано было у св. отца: «с того времени», – т.е., *когда апостолы получили власть* решить и вязать грехи (а власть эта получена ими по воскресении Спасителя; здесь же лишь обещание: «дам ти ключи» в будущем); и тогда для Усова нет оснований к учению о том, что апостолы имели все епископские права до дня Пятидесятницы. «Мы празднуем Пятидесятницу, пришествие Духа, окончательное совершение обетования, исполнение надежды, таинство и при том столь великое и досточтимое» (Св. Григ. Богосл. слово на Пятидес.).

Новообрядец. А как же вы говорили, что Христос создал Свою церковь на кресте кровью Своею. А теперь говорите, что Он и апостолов набрал до крестных страданий.

Старообрядец. Христос действительно на кресте создал церковь. Но основание ее положил с начала Своей евангельской проповеди, со времени Своего крещения. Еще до страдания Своего Он установил почти все таинства церковные. По крайней мере об установлении самых важнейших из них прямо говорится в евангелии; об установлении крещения (Ин. зач. 11). причащения (Лк. зач. 108), елеосвящения (Мк. зач. 23). Таким образом еще до Своих *крестных страданий* Спаситель установил священные таинства, конечно, в церкви... Еще до этих

страданий уже существовала церковь Христова на земле, хотя и не совершенно искупленная кровью Его.

Новообрядец. Да, теперь и я вижу, что... мнение, что церковь до дня пятидесятницы не имела епископов, есть учение беспоповское, неправильное и лживое.

Да и глупо было бы признавать, что принявшие Духа Святаго в день пятидесятницы, рукоположились им во епископов. Тогда приняли Духа не одни апостолы, но и другие лица, даже не одни мужчины, но и женщины, мироносицы и Богородица (Деян. зач. 2). Поэтому, если Дух Святой рукоположил во епископов, принявших Его, то значит и жены мироносицы рукоположены в этот сан.

Совсем не «значить»: хотя «все мы одним Духом крестились... а все напоены одним Духом» (1Кор.12; 13), однако «дары различны и служения различны, и действия различны: одному дастся Духом слово мудрости, другому слово знания, иному вера, иному дары исцелений, иному чудотворение, иному пророчества, иному различие духов, иному истолкование языков. Все же сие производит один и тот же Дух, разделяя каждому особо, как Ему угодно... И иных Бог поставил в церкви, во-первых, апостолами, во-вторых, пророками, в-третьих, учителями: далее, иным дал силы чудотворственные, также дары исцеления, воспоможения, управления, равные языки. Все ли пророки? Все ли чудотворцы? (1Кор.12).

Кн. Усова. Вообще относительно сошествия Святаго Духа на апостолов должно сказать, что Он не вновь совершил над ними таинства, а только восполнить Своею благодатью уже принятые ими таинства, начиная с крещения, как и сам Христос сказал им пред Своим вознесением: «вы же имате креститися Духом Святым не по мнозех сих днех» (Деян. зач. 1), хотя они уже получили раньше крещение водою. Святой Иоанн Златоуст в толковании на сие говорит: «Почему Христос говорит: имате креститися, когда в горнице не было воды? Потому, что самое главное (в крещении) есть Дух (Святой), чрез которого действует и вода... Впрочем, можно видеть, что они были крещены и водою, и (крещены) в различные времена. У нас то и другое (крещение, то есть водою и духом) бывает вместе, а тогда (было) раздельно. В начале они крещены были от Иоанна» (Бес. 1 на Деяния святых апостол). Итак, апостолы были крещены водою раньше сошествия Святаго Духа, который только восполнил в них это таинство. Тоже должно сказать и относительно хиротонии.

Дух Святой в день Пятидесятницы *восполнил* Своею Благодатью крещение (и другие таинства), так как «апостолы крещены водою раньше сошествия Св. Духа». *То же должно сказать и относительно хиротонии.* Что «то же самое»? Очевидно, что и Усов, влагающий свои мнения в уста собеседника, признает *апостолов до дня Пятидесятницы* «не совершенно

крещенными», не имевшими полных благодатных даров Духа Св., даруемых ныне не только епископам, но даже младенцам при крещении.

Иначе, если понимать, что Дух Снятый совершил над ними и крещение, и хиротонию без всяких видимых действий, то есть без воды и рукоположения, то должно будет признать, что и теперь можно получать эти таинства без всяких видимых действий, и мы таким образом впадем в самое крайнее протестантство, а затем и в безбожие.

Дух Св. сошел на главы апостолов *в виде* огненных языков. Это *видимое* проявление невидимой благодати Св. Духа и ныне подается чрез видимое возложение рук на главу приемлющего священное служение.

Старообрядец. Апостолы имели сан епископства еще до воскресения Христа. А когда Он воскрес, они все не поверили этому воскресению, несмотря на то, что неложные свидетели возвещали им сию непреложную истину, не верили до тех пор, пока не явился к ним сам Христос «и поноси неверствию их и жестокосердию, яко видевшим Его воставша не яша веры» (Мк. зач. 71). Вот ясное доказательство того, что все епископы¹⁵⁸ могут уклониться в заблуждение, и что церковь может некоторое время оставаться не имея ни одного истинно-верующего, истинно-православного епископа, и в то же время пребыть вполне неодоленною истинною церковью.

Новообрядец. Все-таки и не убеждаюсь. В то время, когда апостолы не веровали воскресению Христа, Он сам был видимо на земле, так, как это было до Его вознесения. А потому пример этот не может служить доказательством того, что епископы могут уклониться в заблуждение.

Старообрядец. Если уж тогда, когда сам Господь был на земле видимо, апостолы могли уклониться в неверствие, то тем более могут епископы уклониться в заблуждение тогда, когда Он вознесся на небеса.

«Тем более» – могут уклониться в заблуждение епископы (конечно, священники и диаконы, а еще «тем более» и миряне) тогда, когда Господь вознесся на небеса, лжемудрствует Усов! Но разве Христос, отходя на небеса, оставил апостолов сирыми, без руководства, разве не послал Он им Духа Св., наставляющего их ни всякую истину, которой они во время земной жизни Спасителя во всей полноте не знали (Ин.16:12). Сравнивая апостолов до и после дня Пятидесятницы св. И. Златоуст говорит: «Никто не должен смущаться, видя Апостолов столь несовершенными; ибо крест еще не совершился, *благодать Духа им еще не была дана*. Если ты хочешь позвать добродетель их, то смотри на их последующую жизнь и увидиши, что они были выше всех страстей. Господь для того и открывает, недостатки их, чтобы ты узнал впоследствии, сколь великими они сделались по получении благодати» (Бес. 65 на ев. Мф.), а Усов учит, что *недостатки* апостолов показаны Господом (напр., «неверствие» их), как прообраз уклонения епископов в ересь! Какая свобода толкований Писания! «Сомнение происходило от неверия... Но так было прежде, чем

(ученики) получили Духа Святаго; а *после* – не такт: они уже были совершенны» (Бес. 87 на Ев. Ин.), а Усов учит, что по сошествии Св. Духа они «чем более» могут впасть в неверие! Св. Иоанн Златоуст от лица Господа говорит апостолам и их приемникам епископам: «вы получите дерзновение, опасности исчезнуть, проповедь с каждым днем будет процветать и *все уступят и покорятся слову благочестия* (там же, беседа 75), а Усов учит, наоборот, что сами преемники апостольского служения *все покорятся слову злочестия*, то ость впадут в ересь. Следовательно, кто поверит Усову, тот должен отвергать учение святого Иоанна Златоуста.

Все епископы никогда не могут уклониться в ересь. В послании св. апостола Павла к Филиппийцам: «всем святым о Христе Иисусе, сущим в Филиппех *со епископы и диаконы*» (1:1), оказано: «мир Божий, превосходяй всяк ум *да соблюдет сердца ваша и разумения ваша* и о Христе Иисусе (IV, 7). «Выражение *о Христе Иисусе*, объясняет бл. Феофилакт, значит: Он (Христос) соблюдет весь (со епископами) в себе, чтобы нам не отпасть от Него, но паче пребывать в Нем».

(Продолжение следует).

**Летопись периодической духовной и светской печати и
новые книги по вопросам веры и миссии церкви //**
«Миссионерское Обозрение», 1906, № 2, стр. 222–236

В ответ нашему критику «Церковного Вестника»¹⁵⁹

В начале минувшей осени мы издали книгу «Церковная реформа» (сборник статей духовной и светской периодической печати по вопросу о реформах). Спб. 1905 г. Стр. X+580 in 4°.

Вопросу о церковной реформе «Церковный Вестник» уделяет особенно много внимания. Естественно было предположить, что журнал этот отнесется к нашей книге с серьезным вниманием и беспристрастно. В этом предположении мы поспешили представить свою книгу о. редактору журнала. О. редактор, в особом своем письме к нам, благодаря нас за книгу, назвал ее «весьма интересною» и выразил *уверенность*, что она «найдет многих читателей». Обещан был и отзыв о книге. После этого письма мы стали надеяться на отзыв серьезный и беспристрастный.

Каково же было наше удивление, когда мы прочитали (в № 40-м 1905 г.) рецензию на нашу книгу свящ. В. Колачева! Трудно себе представить что-либо более пристрастное, более несправедливое, более проникнутое каким-то прямо фанатическим озлоблением, чем эта рецензия о. Колачева. Критик-священник не побрезговал никакими приемами, не воздержался от оскорбительных выходок и лично по нашему адресу. Однако, читая рецензию на наш труд свящ. Колачева, мы не столько возмущались ее пристрастностью, несправедливостью и третированием нас, сколько удивлялись претензиям рецензента выставить себя судьей авторитетным, знающим дело и даже способным проникать в чужие мысли и намерения.

Это общее впечатление от рецензии и разбор ее по частям мы поместили в ответе («Поклон») о. Колачеву, напечатанном в № 44-м того же «Ц. Вестника».

Напечатанию нашего ответа о. Колачеву предшествовала особая весьма характерная переписка с о. редактором.

Любопытно, конечно, уже одно то, что о. редактор сначала пишет нам благодарственное письмо, в котором он соблюл не один долг деликатности, но, как уже сказано, назвал нашу книгу «весьма интересною», и выразил *уверенность*, что «она найдет многих читателей», а потом допускает на страницы руководимого им журнала отзыв, позорящий не одну только книгу, но и нас лично. Но вот и другие дальнейшие, более важные факты.

Препровождая наш ответ на рецензию о. Колачева с просьбою о его напечатании, мы, между прочим, писали о. редактору: «несколько замедлил я с этою просьбою»¹⁶⁰ потому, что меня со всех сторон уверяют и

устно, и письменно, что просьба моя не будет исполнена, или если и будет, то ответ мой будет помещен не в полном виде или с примечаниями, *на что согласиться я никак не могу*. (Теперь подчеркиваем). Говорят, что о. Колачев приближен к вам и за вас держится. Все это, некоторое время, невольно удерживало мою руку. Решившись же теперь беспокоить нас, я питаю надежду, что смущен был напрасно и что вы, в ограждение моего доброго имени и в беспристрастном отношении к посильному труду, не откажете исполнить мою покорнейшую просьбу напечатать *в ближайшем номере* прилагаемый при сем ответ полностью и *без примечаний*. Если о. Колачев найдет нужным возражать на мой ответ, то *заранее прошу у вас места в руководимом вами органе*».

Отправив при этом письмо статью непосредственно к о. редактору, мы имели право надеяться, что она будет напечатана в следующем же номере (№ 42-м, а № 41 уже вышел). Но в ожиданиях обманулись: номер вышел без нашей статьи. Но мы почтены были от о. редактора следующим письмом (от 21 октября): «Статью вашу напечатаю в возможно скором времени: забастовка типографий не позволяет напечатать немедленно. Примечаний к статье *не будет*, но ответ будет особой статьей, на которую, *конечно*, и вы можете отвечать, но только по существу и без всяких оскорбительных выражений, как их не будет допущено и в ответе. Считаю лишним для себя отвечать на те изветы, которые вы подучали на меня «с разных сторон» устно и письменно. Очень жалею, что вы передали их мне, не испытав на деле их справедливость».

Недоумевали мы, прочитав это письмо, прежде всего над вопросом: почему это забастовка типографий мешает *немедленному* появлению в печати *только нашей статьи*! Невольно являлось предположение: не задерживает ли дело о. Колачев, работая над ответом нам? А потом недоуменным казалось нам: почему это о. редактор в рецензии о. Колачева не заметил никаких оскорбительных выражений по нашему адресу? и неужели наличие в рецензии таких выражений, если бы они были по адресу его, о. редактора, последний почел бы для себя за комплименты? Если да, то вкус у о. редактора оказался бы оригинальный, но – смеем утверждать – незавидный и, во всяком случае, навязывать его другим он не имеет никакого права. Мы, конечно, были довольны обещанием о. редактора исполнить нашу просьбу напечатать статью *без примечаний* и открыть нам с о. Колачевым страницы журнала для полемики «без оскорбительных выражений». Но были мы и пристыжены выражением сожалений о. редактора по поводу того, что мы, в порыве, откровенности, передали ему «изветы» на него, не испытав на деле их справедливости. Действительно, как было не устыдиться нам на наше легкомыслие, привившее нам на *некоторое время* предположение в о.

Рождественском способности быть пристрастным, а, следовательно, сознательно несправедливым!

В немедленном ответе о. редактору мы чистосердечно признались, как пристыжены были его письмом. В то же время объяснили ему, что и сами мы всей душой на стороне полемики без нервничанья и без задора, и что если ответил я о. Колачеву в приподнятом тоне, то к этому вызваны были его оскорбительными выходками по отношению к нам. Присовокупили, что на нашем месте и он, о. редактор, едва ли сохранил бы невозмутимое спокойствие. В виду же замедления печатанием нашей статьи посетовали и на то, как иногда трудно бывает защищать себя от публичного поругания. «Не дай Бог, писали мы, что-либо подобное испытать и вам!».

В объясненных сложных чувствах ждали мы выхода № 43-го журнала. Дождались: но и в этом номере статьи нашей не оказалось... Тут уже невольно стало закрадываться сомнение в беспристрастии и справедливости о. Рождественского и раскаяние в том, не преждевременно ли мы устыдились, что на минуту предположили в нем то, что должно быть бесконечно ниже его достоинства...

Не увидав своей статьи и в № 43-м, мы в отменно деликатных выражениях напомнили о. редактору о его обещании быть к нам беспристрастным. Высказали мнение, что о. Колачеву, если он трудится над ответом на нашу статью, времени для этого дано очень достаточно и пора бы ему закончить свой труд.

И на это письмо мы получили ответ (от 2-го ноября), но такой, что пришлось руками развести... «ваше возражение, писал нам о. Рождественский, будет помещено полностью в следующем номере. *Затем от помещения ваших дальнейших возражений категорически отказываюсь*».

Можно ли было этого ожидать в виду категорического обещания о. редактора, выраженного в предыдущем письме, дать место и дальнейшим нашим возражениям лишь с желательным для нас самих ограничением? Отнюдь нельзя было ожидать.

Чем же объясняется такая изумительная непоследовательность о. редактора? А вот – послушайте. Наперед скажем: изумительный факт имеет еще более изумительное объяснение.

В последнем письме о. редактору мы, напомнив ему об обещании его быть к нам беспристрастными, выразили еще и такую почтительную просьбу, *при том еще условную*: «Если есть законные основания просить о том, чтобы моя статья в ответ на нее о. Колачева были напечатаны в разных номерах, то не откажите исполнить и эту мою покорнейшую просьбу». Вот, в этой-то просьбе и вся суть дела, точнее – не в просьбе, а в выражении: «законные основания». Это безобидное выражение, по-видимому, вывело из себя о. Рождественского. В раздражении, забыв и

«весьма интересную книгу», и пророчество о «многих читателях», которых она найдет, и обещание беспристрастия, он прежде, чем заявить о категорическом своем отказе помещать наши дальнейшие возражения о. Колачову, написал следующие строки, *в начале письма*:

«Раз вы говорите о «законном основан», то честь имею вам сообщить, что закон ничего не говорит о примечаниях (заметьте – и ответ не на предмет просьбы) и во всяком случае не обязывает помещать возражений с личными оскорблениями против автора статьи, на которую возражают».

«Образцовое», можно сказать, «беспристрастие» о. редактора! Только обладая таким беспристрастием и можно помещать на страницах редактируемого органа рецензии с личными оскорблениями против автором рецензируемых книг, а у этих последних отнимать возможность защититься от оскорблений. Затем, какое о. редактор имеет право требовать от оскорбляемых, чтобы они были изысканно деликатными, церемонными с оскорбителями?... Несравненно было бы лучше, если бы о. Рождественский прежде, чем печатать рецензию о. Колачева, посоветовал последнему выкинуть из рецензии неприличные, оскорбительные выходки его против автора рецензируемой книги.

Наконец, обещание исполнено. В следующем номере (44-м) статья наша была напечатана, но напечатана с новым уже публичным оказательством «беспристрастия» о. Рождественского.

Как было уже сказано, статью о. редактору мы доставили 16 октября, а свет она увидела 16 ноября. Затем припомните наше категорическое заявление о. редактору, что на напечатание нашей статьи с «примечаниями» *мы согласиться никак не можем*, припомните и обещание о. редактора напечатать статью *без примечаний*. Но, увлеченный требованиями «беспристрастия и справедливости», он все это забыл. Помещая нашу статью, он не воздержался от собственного «беспристрастного» примечания: «Помещая, делает он примечание, по требованию справедливости, возражение на заметку свящ. В. Колачева о книге И. Преображенского, редакция *очень сожалеет* (наши курсивы), что последний не воздержался от резких выражений по адресу своего противника, и обещает читателям дать в *следующем номере* ответ свящ. В. Колачева».

Прежде всего, какая обязательная предупредительность со стороны редакции по отношению к о. Колачеву и его ответу!¹⁶¹ Место для ответа обещается в *следующем* же номере, о чем специально и оповещаются читатели. Ждите, мол! – Затем, лично нам, а может быть и иным беспристрастным читателям «Церковного Ватника», интересно было бы знать, во-первых, *была ли и насколько редакция рада*, печатая не только «резкие», но прямо оскорбительные выражения о. Колачева по нашему адресу, и во-вторых, находит ли она, что допущенные о. Колачевым выражения по нашему адресу на ее вкус – приятные комплименты?

Наконец, почему «беспристрастная» редакция скрыла, что она «категорически отказалась помещать наши дальнейшие возражения» о. Колачеву и тем дала читателям повод думать, что о. Колачев силою своих писаний, якобы, сделал нас безответными?...¹⁶²

Всеконечно, обещание свое редакция исполнила: в следующем же номере (45-м) ответ о. Колачева появился. Читателям не пришлось томиться в ожидании его. Но чего же они дождались? Что представляют торжественно обещанный ответ о. Колачева. Почти одно сплошное словопрение. Ни одного из выставленных нами против его рецензии возражений он не только не отстраняет, но и не ослабляет. К обнаруженным в рецензии доблестным качествам – способности передергивать чужие мысли и утверждать явную ложь, о. Колачев в ответе своем выразил, быть может, нечаянно невольное признание того, что он не может понять *сравнительной* оценки предметов и явлений. Это по поводу наших речей о сравнительном состоянии отечественной церкви теперь и в 70-ые и 60-ые годы (точнее – со второй половины 60-х гг.).

Тем не менее, о. Колачев в ответе на наше предложение, сделанное ему нами по поводу его инсинуаций, относительно побуждений, с которыми мы, якобы, издали свою книгу и на приглашение к третейскому суду, не мог найти ничего другого, как обозвать книгу «негодною вещью», от приобретения которой он даже считает своим долгом «предостеречь» других. Цену такого приговора о. Колачева читатель увидят сейчас ниже.

Вот какова в отношении нас «священная двоица». Один, раздраженный до нельзя безобидным выражением «законные основания», являет к нам своеобразное беспристрастие, другой, поощряемый таким «беспристрастием», объявляет наш труд «негодною вещью».

Есть уста, которые нельзя не заграждать, иначе восторжествует ложь и неправда. Таковы и уста свящ. В. Колачева. А что это так, читатель может сам заключить, сравнив его отзыв о нашей книге с отзывами о ней действительно авторитетных и компетентных лиц, профессоров духовных академий, докторов богословских наук.¹⁶³ Вот эти отзывы:

В «Миссионерском Обозрении» (№ 13-й 1905 г.) проф. А. Бронзов, отзываясь о нашем Сборнике, между прочим, говорит: «*Составителю надлежит отдать честь за его самоотверженный труд, с каким он разыскивал различные издания и в них относившиеся к заинтересовавшему его вопросу статьи... причем половина этих изданий – провинциальные, о существовании которых иные, быть может, и не догадывались... Долг публики поддержать дело составителя симпатичное и как нельзя более отвечающее современным запросам церковной жизни. Настоящий Сборник, изданный при том, тщательно, вполне заслуживает внимания лиц, интересующихся вопросом о церковной реформе. Желаем ему широкого распространения.*»

В октябрьской книге «Богословского Вестника» другой профессор – Н. Каптерев¹⁶⁴ в статье: *«К вопросу о церковной реформе»*, касаясь нашей книги, говорит: автор сводит очень старательно и тщательно собранный им материал... Он употребил очень много труда и стараний, чтобы выбрать нужное ему почти из всех существующих у нас периодических изданий... Едва ли много нужно говорить, как, *полезно и своевременно* появление такой справочной, *добросовестно составленной, книги*. Интересующихся церковною реформой у нас много и очень многие пожелают сами познакомиться с теми взглядами на предстоящую реформу, какие ранее высказывались в нашей печати. Но каждому в отдельности собирать все периодические издания и самому разыскивать в них статьи, относящиеся к данному вопросу, конечно, нет никакой возможности. Книга г. Преображенского дает, интересующимся делом, *полную возможность* в несколько дней пересмотреть все, что нужно... Понятно, также, что книга г. Пр-го *очень важна и необходима* для всех обозревателей нашей внутренней церковной жизни, помещающих свои обзоры в разных журналах. Но, вероятно она *особенно сыграет роль необходимой справочной книги*, когда будет вырабатываться самая программа занятий всероссийского церковного собора.

Проф. Каптерев и намек никакого не делает на то, чтобы мы, как это решился утверждать о. Колачев, не поняли его статьи, помещенной у нас в сокращении. По поводу сокращения нами обширных журнальных статей г. Каптерева замечается только, что они передаются *«в пересказе очень близкому к подлиннику, и в большинстве словами самих авторов статей»*.

Ни в какой недостаток нашего труда проф. Каптерев не ставит отсутствие в нем расценки и группировки статей по их внутренним соотношениям. Он склонен скорее видеть в нашем отношении к материалу и его распланировке достоинство, чем недостаток, когда говорит: *«автор хотел представить читателю весь собранный им материал в его, так сказать, чистом, натуральном виде, чтобы читатель сам мог видеть и судить о том, кто, как и в каком периодическом издании решает тот или другой церковный вопрос, и чтобы читатель, таким образом, мог составить по вопросу, на основами различных взглядов, свое собственное мнение и убеждение без всяких посторонних подсказов»*.

В 8-й книге журнала «Вера и Церковь» (1905 г.) Н.Е. Реформатор так высказывается о нашей книге: *«Этот огромный том отвечает самой живой нужде и удовлетворяет ее вполне удачно*. Мания реформаторства не оставила в покое и церкви, для которой взывают о реформах извне и внутри. Хорошо или дурно это, – пока не будем предрешать, а несомненно лишь одно, что нужно каждому лицу церкви сознательно разобраться в этом вопросе, неизмеримой важности. Само собою понятно, что наилучшим средством для этого является строгая оценка высказанных по этому вопросу голосов. Этой именно цели и служит

рассматриваемый сборник. В нем объединены все мнения печати о церковной реформе»¹⁶⁵, появившаяся до июня месяца. Они приводятся большою частью полностью, реже с купюрами и только, по исключению, в близком пересказе. Достоинство труда и в том, что коллектор ведет дело с строжайшей объективностью и не подгоняет материала к своей точке зрения. (А «критик» о. Колачев за это достоинство корит наш труд?!). Статьи располагаются хронологически, – не легко было разместить иначе по самому характеру и по срочности работы; да есть при этом и некоторая выгода, что читатель может наблюдать развитие вопроса по всей исторической преемственности... Во всяком случае книга и в настоящем виде достойна серьезного внимания и широкого распространения. Желая ей доброго успеха и плодотворного действия, будем ожидать продолжений, который обещает неутомимый и компетентный собиратель.¹⁶⁶

После стольких свидетельств, со всею решительностью утверждающих за нашею книгою существенные достоинства, признающих ее своевременною, полезною, необходимою для лиц, интересующихся церковными вопросами и в особенности вопросом о церковной реформе, после единодушных свидетельств от лица трех профессоров духовных академий, докторов богословских наук, мы в полном праве гордимся нашим трудом, а на потуги «критика» о. Колачева обесславить этот труд в таком же праве смотреть с сожалением и призрением.

И. Преображенский

«Старообрядец», ежемесячный журнал, изд. старообр. еп. Иннокентием под редакцией Ив. Захарова. № 1. Январь, 1906 г.

С января месяца сего 1906 г., в Н.-Новгороде Иннокентием Усовым издается старообрядческий журнал «Старообрядец». По формату, по обложке и даже по шрифту «Старообрядец» сильно напоминает журнал Братское Слово, покойного Н.И. Субботина. 1-я книга имеет 112 страниц. Из них большая часть (73 стр.) принадлежит перу Иннокентия; 9 страниц написаны Ив. Захаровым, а остальные страницы подписаны – Волоколамским и Непорочным. Главный труд, следовательно, падает на долю известного старообрядческого епископа Иннокентия Усова и самый журнал служит выразителем мнений старообрядцев, приемлющих белокрыницкое священство.

В своей программе редакция высказывает, что «направление журнала будет чисто *христианское в старообрядческом духе*, при этом обещано место и для статей по общим вопросам общественной в государственной жизни» (стр. 6).

Вслед за программой помещены два поучения Иннокентия Усова: Поучение в неделю 32, под заглавием: «*Нажива м милостыня*», а 2-е, в неделю о мытаре и фарисее, под заглавием: «*Теперешние фарисеи*». Оба поучения изложены литературным современным языком; в них действительно излагается «христианское учение в старообрядческом духе».

Почтение в неделю 32 составляет «вольный перевод с славянского учительного Евангелия; л. 368 об. по 376», как помещено редакцией в начале поучения. Поучение это имеется в учительном Евангелии на славянском языке, а Иннокентий Усов почти буквально перевел его на русский язык применительно к понятию своих старообрядцев.

Так, в начале слова, выражение неудобопонятное: «*Мытарь же непреложна вещь есть, лихоимения и злобы и неправды*» (л. 368 об.), – Усов переводит: «А всего этого зла – несправедливости и любостяжания, – неизбежный продукт, – капиталист» (стр. 7). И ниже: «*Мытари и оболгатели, паче прочих человек суть неправеднейши и лукавейши*». Перевод: «Капиталисты и эксплуататоры хуже и нечестивее всех людей» (стр. 7).

Таким образом, по вольному переводу старообрядческого епископа, евангельскими мытарями означаются «капиталисты и эксплуататоры». Хотя неверно, но очень упрощенно и понятно Иннокентий сделал перевод слова «мытарь».

В таком же «старообрядческом духе» и редактор И. Захаров излагает свою статью «*Старообрядческая Русь*». В этой статье довольно

обстоятельно описываются: *Егорьевск* и *Гуслица*, два знаменитых поселения старообрядцев австрийского толка. Егорьевск «в последние годы является одним из центров старообрядчества, принимающих видное участие в старообрядческом движении и оказывающих немалое влияние и на окрестных старообрядцев, пишет Захаров. Затем он описывает храм, кладбище, старообр. братство, библиотеку. Упоминает, что из Егорьевска происходит Виталий, бывший старообр. священником, а ныне еписк. С.-Петерб. и Тверской. Главным деятелем братства называет Н.Д. Зенина. В то же время он порицает местных миссионеров и обвиняет их в клевете и в доносах на местных старообрядцев и в устройстве у старообрядцев обысков. Затем описывает служение архиерейское в Цаплинской моленной; там служил И. Картуши 9 мая и говорил поучение о почитании царской власти и о необходимости обучения детей. Дер. Цаплино лежит близ реки Гуслицы. О гуслицких селениях, расположенных близ реки, он говорит, что в селениях этих молитвенные дома окрашены красной краской, а крыши – зеленой. В Гуслицах устроено 10 старообрядческих школ в разных селениях. «Красные» молитвенные дома автору не нравятся. Далее рассказывается, что в Ильинском погосте, лет 20 тому назад, священник православный уничтожил старообрядческое кладбище и устроил туг конную площадь, но старообрядцы окопали кладбище, устроили ворота и на них поставили крест. Священник заставил посторонних людей сломать ворота и крест; они это сделали, и в ту же ночь сгорел дои священника, а от него сгорел и крест на колокольне. В этом поразительном событии старообрядцы признали чудо. О причине пожара старообрядец умалчивает.

В отделе под заглавием: «*Нам пишут*», в ст. «Из Осинского уезда (Пермской губ.). *Отец Колодепентий*», сообщается, что назад тому два с половиной года, в одной версте от с. Верхотурки, в одном логу стала подыматься земля в виде могилы. Скоро распространился слух, что тут мощи и что являются видения и бывают чудеса и исцеления. «Православные» начали собираться молиться, поставили столб, на котором водрузили икону и повесили лампаду... Миссионеры и их приспешники начали хвалиться: «Господь Бог снова посетил своею милостью род христианский», говорили они... Старообрядцам просто прохождению не стало... Был назначен день открытия «новоявленных мощей» 21 сент. 1905 г. Съехались два священника, миссионеры, пристав, урядник, старшина, староста, сотские, десятские, и множество много людей... Начали раскапывать могилу в несколько квадратных аршин. Углубившись четвертей на шесть, обнаружили большой пень. Вытащив его, стали опять копать. Прокопав еще четвертей шесть обрели совершенно нетленную колоду, долю и мирно почивавшую в недрах матери земли. Новоявленную колоду извлекли на землю и тут же разрубили пополам, вероятно, в чаянии найти в ней мощи. Но в ней

ничего не оказалось. После сего обретения колоды и пня, все разошлись восвояси».

Теперь миссионеры притихли, вероятно, до явления новых мощен, а старообрядцы торжествуют, говоря: «вот, вы как-то выдумали дикую и глупую сказку, будто у старообрядцев явился «отец Терентий», но указывая, где и когда это было. Не за то ли вас Бог ныне и покарал, так, что у вас на самом деле явился «отец Колодопентий», память обретения которого, должно быть, будете праздновать 21 сентября» (стр. 89 и 90).

Кто зарыл пень и колоду и распустил слух о мощах, так что привелось публично разрыть яму и вынуть зарытые деревья, – раскольники, или иной кто? об этом ни в корреспонденции, ни в послесловии, не говорится, а только сообщается о торжестве старообрядцев с их вразумлением православным, и это описание помещается в журнале, имеющем направление чисто христианское, в старообрядческом духе».

Для более подробного ознакомления с направлением журнала «по общим вопросам общественной и государственной жизни» приведем выдержку из статьи: «Оправдание зла».¹⁶⁷

В этой статье автор, раскрывая учение социал-демократов, говорит, что они проповедуют «злобу, ненависть, месть, проклятие всем и всему», что им мешает, и изрыгают хулу на самое божество. Автор советует остерегаться этой партии и «соединиться в отдельное общество, или парию»...

«С истинной и искренней верой, говорит он, с христианским евангельским учением и любовью ко всем, можно удобнее, легче и плодотворнее заботиться о благе народа и всего человечества, чем со злобой, местью и проклятием, простираемым даже на Всевышнего».

«Мы уже не говорим о том, сколько горя, бедствий и страданий причинило чиновно-бюрократическое правительство всем сынам России, потому что это всем известно. Пред его действиями самые «красные» кажутся совсем не красными, самые черные – не черными и самое зло почти не кажется злом» (стр. 21).

Такими густыми, мрачными красками в новом журнале описывается деятельность правительства. Под этой окраской правительственного бюрократического чиновничества бледнеют даже все красные и черные, стушевывается и самое зло, а этих «красных». «Старообрядец» изображает так: «Они простирают свою ненависть, хулу и проклятия даже (содрогнись земля!) ко Всевышнему, к самому Богу». В брошюре, изданной «Российской социал-демократической рабочей партией» (окт. 1905 г.) под названием: «Песня революции, № 1», они вопиют:

«Проклятие Богу, пред Кем мы с мольбою
Склоняемся в голоде и холоде зимою:
Напрасно мы ждали, надежды полны,
Он вас обманул, одурачены мы» (стр. 20).

Эти выдержки из первого номера журнала «Старообрядец» дают понятие о характере и направлении журнала.

Нижегородский епарх. мисс. протоиерей *Николай Фиалковский*

Lettres Provinciales Блез-Паскаля (к 25-летию их юбилею: 23 янв. 1656 г. – 23 янв. 1906 г.)

По какой-то странной случайности Паскаль известен широкой публике лишь как автор «Pensées», а не как автор «Lettres Provinciales»¹⁶⁸; а между тем этому последнему произведению его пера должно принадлежать более почетное место в церковно-исторической и богословской науке.

Написанные в самый разгар борьбы иезуитского ордена с янсенистами и ставшим во главе их (вместо Сен-Сирана) Arnaud'ом, «Письма» Людовика Монтальта¹⁶⁹ оказали сильное и очень заметное влияние на дальнейшую судьбу иезуитского ордена. «Насмешки, тонкое издевательство Паскаля достигли того, – пишет Поль-Луи-Курье, – чего не могли достигнуть никакие эдикты и никакие постановления: иезуиты изгнаны отовсюду, и эти самые листки, такие легковесные, задавили огромное общество. Памфлетность шутя сваливает колосса, которого страшились некогда короли и народы. Раз рухнувшее общество (иезуитов) уже потом не может подняться на прежнюю высоту, какую бы поддержку ему ни оказывали»...¹⁷⁰

Успех, который имели «Письма» с самого начала, с дальнейшим развитием борьбы все возрастал. За три только года разошлось три издания их на французском языке. Латинский перевод их, сделанный другом Паскаля Николем¹⁷¹, выдержал тоже несколько изданий, как равно и английский.¹⁷²

Общественное мнение Европы стало всюду на сторону Паскаля и янсенистов и, хотя Рим осудил его «Письма», как еретические, на сожжение (1657 г.), однако мера эта явилась запоздалой: дело было выиграно пред судом общественной совести гораздо раньше, чем приговор о сожжении приведен был в исполнение.

Еще до окончания издания «Писем», в декабрь 1656 года, в Париже собрался съезд, на котором принято было предложение руанского духовенства заявить публично, что «чтение иезуитских книг привело слушателей в ужас». «Как только появились «Письма» – говорили представители руанского духовенства – мы избрали из среды своей комиссию, с целью проверить цитаты в них. Мы были вынуждены заткнуть уши, как некогда поступили отцы никейского собора, не желавшие слушать богохульства Ария; каждый из нас хотел покарать этих жалких писак (иезуитов), извращающих евангельские истины и вводящих мораль, которой бы постыдились даже честные язычники и добрые турки».¹⁷³ Не более благоприятен был для иезуитов и приговор широкой публики.¹⁷⁴ Насколько сильно было влияние «Писем» на общественное мнение современной Паскалю Европы, показывает хотя бы следующий факт.

«Escobarder» – у французов со времени Паскаля значит вилоть, лукавить, лгать; *éscobarderie* (от имени иезуита Эскобара, *Petite théologie morale*, которого чаще всего затрагивает в своих письмах мнимый Монтальт) значит – увертка, хитрая ложь...

Успеху «Писем» способствовало, главным образом, то, что Паскаль первый бросил борьбу с иезуитами на почве схоластических тонкостей и начал говорить – по выражению Э. Бутру, – «как человек». «Это уже не теолог, обращающийся к теологам; это человек, который хочет, чтобы его слушало все человечество. Вопрос партийный обращается, т.о. (у Паскаля), в вопрос общечеловеческий, в призыв к совести, здравому смыслу, присущим каждой человеческой душе».¹⁷⁵ Паскаль оставил вопрос о благодати, явившийся яблоком раздора для иезуитов и янсенистов, и в своих «Письмах» пытается указать те неправильности, которые допустили иезуиты в своем учении «о морали и политике». Он хотел показать, во что обращают иезуиты наши священнейшие обязанности, как они понимают духовные наставления, каковы их цели и средства к достижению этих целей».

Основательно изучив сочинения иезуитов, нужные места в которых указывали ему богословски-образованные друзья его¹⁷⁶, Паскаль представил в своих «Письмах» такие серьезные обвинения против оо. иезуитов, тяжести которых в доселе еще не удалось ослабить ни одному из защитников последователей Лойолы.¹⁷⁷ При всех усилиях отрицательной критики ей удалось найти в «Письмах» лишь два-три недосмотра, вызванные спешностью и страстностью работы, и сжатостью изложения.¹⁷⁸ Неудивительно, поэтому, что, когда явилась тенденциозная *Apologie des Casuistes*, направленная против обвинения Паскаля, то под давлением общественного мнения, само духовенство восстало против этой книги и ходатайствовало пред папой о ее запрещении...

Торжество Паскаля было полное...

В юбилейной заметке трудно определить с достаточной полнотой значение рассматриваемого памятника для нашего времени, – но и здесь долг справедливости требует сказать, что «летучие листки» Паскаля и доселе еще остаются сильнейшим из богословско-полемических сочинений, направленных против учеников Лойолы и Молины...

П. Феофилов

**Миссионерство, секты и раскол. // «Миссионерское
Обозрение», 1906, № 2, стр. 237–242**

Как отразился на православной церкви Высочайший Указ о свободе вероисповеданий? – О средствах борьбы с католической и расколо-сектантской пропагандой. – Союз «верующих* евангеликов» в г. Харькове

По вопросу о том, как отразился на правомочной церкви Высочайший указ о свободе вероисповеданий, полоцкий съезд духовенства и мирян высказал следующие суждения.

В коренных русских православных приходах этот указ по-видимому не имеет вредных для православия последствий и только в немногих старообрядческих приходах некоторые смущались тем, что «безблагодатные попы» и все вообще руководители старообрядцев уравнины в правах с православным духовенством. В некоторых же бывших униатских приходах под влиянием пропаганды ксендзов и костельных «девоток», произошло значительное отпадение православных в католичество. В этом последнем случае во многих местах ксендзы действовали посредством лжи, обмана, высмеивания православных обрядов, извращения самого указа о свободе вероисповедания, причем в некоторых случаях даже связывали совратившихся в католичество клятвою в том, что они ни в каком случае не возвратятся в православие, некоторые из уклонившихся, раскаиваясь в своем переходе в католичество, просиди приходских священников, нельзя ли снять с них необдуманно данную ими клятву. Отношения иноверцев и их руководителей к православию сделались надменными и всегда сопровождались открытым порицанием православной веры и духовенства.

При обсуждении следующих двух вопросов выяснилось, что духовенство имеет влияние, и во многих случаях большое, на своих прихожан и, если в некоторых униатских приходах и были значительные отпадения в католичество, то это объясняется, главным образом, тем, что отпавшие и присоединялись к православию не по внутреннему убеждению, а в силу воздействия некоторых внешних обстоятельств, почему всегда было заметно некоторое тяготение их к костелу. Вследствие этого и недостаточного утверждения их в истинах православия, эти лица, с изданием указа о свободе вероисповеданий, как я следовало ожидать, поспешили перейти в католичество, к которому больше лежало их сердце. Коли же в некоторых случаях и замечается, что ксендзы имеют большое влияние на паству, то это, между прочим, объясняется строгою католическою дисциплиною. К тому же светское католическое общество всегда поддерживает авторитет своего духовенства. Между тем, православное духовенство, без разрешения своего епархиального

архиерея, не имеет права отлучать от св. причастия даже самого тяжкого грешника. О поддержке же православного духовенства со стороны светского общества нечего и говорить. Кроме того, по мнению некоторых членов собора, причина большого влияния ксендзов на свою паству заключается и в том, что они лучше подготовлены к пастырской деятельности (дисциплинированы), чем православное духовенство, которое, однако, в отношении умственного развития стоит выше ксендзов, так как программы православных семинарий много шире таковых же католических. При том же ксендзы имеют в своем распоряжении целую армию помощников. Правда, нельзя не призвать, что в некоторых случаях и само духовенство несколько виновато в отпадении своим, чад, так как не утвердило их в истинах православия, не сумело заставить полюбить православную церковь. Одни из пастырей поучали народ слишком отвлеченным языком, так что речь их не всегда была доступна народу, а другие, хотя и умело проповедовали, но не всегда оправдывали свои слова собственной жизнью. Между тем св. Писание говорит: «если я говорю и ангельскими языками, а любви не имею, то я ничто» (Кор.13:1). («Пол. Епарх. Вед.»).

Тот же Полодий съезд имел суждение и о средствах борьбы с католической и расколо-сектантской пропагандой. Мнение съезда весьма поучительно и мы приводим его целиком

В помощь учительству священников в храмах и школах комитету или св. Владимирскому братству следовало бы издавать листки с простым и доступным для понимания народа изложением истины веры и нравственности с целью возможно большего их распространения среди народа. Желательно выбрать из окончивших курс-церковно-приходских школ для каждой деревни учителя или учительницу и дать в их распоряжение книги религиозно-нравственного содержания, которые они могли бы читать в свободное время своим односельчанам. По примеру братцев и сестриц армии спасения эти учителя и учительницы могли бы заняться и общим просвещением народа чрез чтение и распространение полезных книг, сообщала бы священнику сведения о больных и о всех нуждающихся в благотворительности и первыми являлись бы на помощь несчастным и, таким образом, устанавливали бы живую связь между пастырем и пасомыми, так как вся деятельность братцев и сестриц должна производиться под контролем приходская священника. Необходимо сблизить народную школу с церковью. Предлагается завести переносные школы грамоты. Следует издать молитвословы и песнословы, которые бы на ряду с евангелием служили жизненным руководством для грамотных. Необходимо издание евангелия латинским шрифтом, для приходов с католическим населением, в видах ознакомления с учением Христовым, которое ксендзами от народа скрывается. Необходимо славянский язык богослужебных книг изменить на русский, как более понятный. Исповедь должно совершать внимательно и не спеша. Браки венчать в тех же степенях родства и в те же дни, в какие разрешается у католиков и лютеран и вообще устранить при совершении браков связывающую священников бумажную формальность.

По прочтении вопросов, касающихся миссии в расколо-сектантстве, один из товарищей председателя приглашает собравшихся с особенной ревностью и одушевлением идти на дело проповеди среди старообрядцев и сектантов, которые после манифеста 17-го апреля несомненно будут с особенною силою развивать свою деятельность. По мнению оратора, полемика с расколо-сектантством требует большого запаса званий от духовенства, живущего среди старообрядцев и сектантов. Пастыри должны, не теряя времени, заняться самообразованием, путем чтения святоотеческой и всякой другой литературы. Нужно хорошо узнать тех людей, среди которых развивается деятельность пастырей. Действовать миссионерам нужно дружно под объединяющим руководством епархиального миссионера. Необходимо создать миссионерские курсы.

Привлекать мирян в качестве пособников. Усилить распространено брошюр и листов миссионерского содержания.

о. епархиальный миссионер Крупский в своей речи приглашал проникнуться сознанием важности, необходимости миссии в расколосектантстве, полюбить это дело из любви к отпадшим, ибо любовь к делу всего более способствует объединению деятелей на миссионерской ниве.

Признано полезным священникам иметь в своем распоряжении гектограф для распространяя полезных листов в народе. Режицкий миссионер о. Рушанов заявил, что по местным условиям приходилось вести беседы частные; публичные же беседы, если и практиковались, то редко, и при малом стечении народа. По мнению о. миссионера, частные беседы при теперешних свободах полезнее публичных. Следует, заявил он далее, открывать школы грамоты с учителями и учительницами из единоверцев.

Необходимо правильное единоверческое пение и служение по крюкам, ибо единоверие только тогда имеет миссионерский смысл и значение, когда служба в единоверческих церквах совершается так, как совершается она у старообрядцев. («Пол. Еп. Вед.»).

Союз верующих евангельских христиан в г. Харькове

Высочайший указ 17 апреля о веротерпимости сильно всколыхнул наш русский раскол и сектантство. Последнее особенно заявило о своей готовности сплотиться внешним образом на почве закона и реформироваться внутренне, дабы не только удержать свой status, но сделать и новые завоевания. Вслед за молоканами, устроившими всероссийский съезд на Кавказе (в с. Воронцовке) в июле текущего года, идут баптисты. И доселе хорошо организованные *тайно*, эти сектанты теперь организуются явно, под покровом манифеста 17-го октября. На днях, напр., появился в г. Харькове «Проект устава союза верующих евангельских христиан г. Харькова». Так именуют себя живущие здесь баптисты.¹⁷⁹ Любопытны некоторые статьи этого проекта – устава. «Союз» имеет свою целью удовлетворять религиозно-нравственные, просветительные и материальные нужды и запросы своих членов. Средствами для удовлетворения религиозно-нравственных целей признается: устройство общих и частных собеседований на религиозные темы, устройство диспутов с участием лиц всех вероисповеданий, учреждение школ для подрастающего поколения и учебных курсов для взрослых, где бы Слово Божие изучалось систематически и научно, издание книг, брошюр, духовно-религиозной газеты, чтение докладов, рефератов, взаимное дружеское увещевание, нравственная поддержка и проч. Но Союз заботится и о просвещении своих членов вообще путем учреждения школ, библиотек, читален, курсов, школ для пения и проч. Материальную помощь предполагается осуществить чрез учреждение больниц, сберегательной кассы, кассы взаимопомощи, мастерских и магазинов, дешевых столовых, богаделен, детских приютов. В состав Союза входят члены действительные и сочувствующие. Под первыми нужно разуместь лиц, исповедующих *истинно евангельское учение* (§ 4), а под сочувствующими всякое *лицо христианского исповедания*, принятое комитетом Союза (§ 13). Союз учреждается установленным, законным порядком (§ 60), ходатайствует о признании за ним прав юридического лица (§ 62), имеет свою печать (§ 64). Деятельность его не ограничивается пределами Харьковской губ., а простирается и вне ее и может быть соединяема с деятельностью других подобных союзов. Опускаем детали касательно прав и обязанностей членов Союза и административной стороны дела.

Нельзя не сочувствовать цели союза содействовать искоренению в среде своих членов разного рода заблуждений, предрассудков, суеверий, нетерпимости, вообще невежества и некоторых нравственных недостатков путем целого ряда просветительных средств. Несомненно, что невежество вообще служит одною из опор для рационалистического сектантства в

равной степени, как и для раскола старообрядчества. В понимании и толковании Слова Божия, в отношении к православному учению, богослужению в проч., сектанты-рационалисты (молокане, штундобробастисты) обнаруживают буквоедство, мелочность, предвзятость и фанатизм, свидетельствующие вообще об узости их умственного горизонта и односторонности нравственного развития.

Но, с другой стороны, нельзя и не тревожиться, в виду той опасности, какой грозит этот Союз православия. Союз состоит не только из лиц, принадлежащих к евангельским христианам (баптистам), но рассчитывает иметь в своей среде и членов, *сочувствующих* или иных христианских исповеданий (конечно, принадлежащих к сектантству и *православию*). Тех и других Союз намерен просвещать в религиозно-нравственном отношении путем школ, курсов, рефератов, книг и проч. Конечно, это просвещение будет совершаться в духе вероучения секты баптистов, и при том последовательно, *систематично*, *научно*, как выражаются составители проекта-устава. А дабы дальше раскинуть сети своей пропаганды и иметь обильный улов, евангельские христиане намерены в широких размерах развить благотворительную деятельность на капитал из членских взносов, добровольных пожертвований от разного рода коммерческих предприятий. Невольно приходится согласиться с словами одного современного наблюдателя русского сектантства: *«Мы накануне самого широкого распространения баптизма, т.е. события, которое должно стать предметом особенного нашего внимания, в виду того, что русский баптизм, как и всякий другой, имеет прекрасную, строго выдержанную организацию, крупные капиталы, большое книгоиздательское дело, прекрасных проповедников и ораторов, громадную плеяду дисциплинированных и преданных своему делу миссионеров, заявил себя в сильной степени своим нравственным укладом жизни»*.

В виду опасности, какой грозит нашей православной Церкви вообще и харьковской в частности сплоченный и культивированный рационализм баптистов, необходимо обратить серьезное внимание на это явление не только нашему духовенству, но и всем тем, которые дорожат интересами Церкви, ее славой и величием. Недостаточно только все надежды возлагать на миссионеров и миссионерские беседы. Необходимо реформировать нашу духовную школу, церковно-административный и судебный строй, изменить коренным образом быт духовенства, оживить церковно-приходскую жизнь, развить религиозно-просветительную и благотворительную деятельность, действовать не в одиночку, а сообществами, союзами, не разрозненно, а единомышленно.

Пора воспрянуть, пора!

Тамбовский миссионерский съезд

Тамбовский миссионерский съезд с самого воскресенья 15 января с.г., до четверга усиленно работал по делам миссии, собираясь на свои заседания утром и вечером. Прошел съезд очень оживленно и интересно. Все съехавшиеся из сектантских глухих уголков священники свободно выражали свои мнения по разным вопросам миссии. Объясняется это многим: симпатичною личностью самого о. председателя свящ. Стефенского и благородством наших миссионеров – Вл. Пор. Базарянинова и М.И. Третьякова, приездом дорогих гостей миссионеров-проповедников – петербургского Д.И. Боголюбова и харьковского И.Г. Айвазова. Сельский батюшка, давно уже не выдавший такого многолюдного собрания, да еще в зале с электрическим освещением, инстинктивно порывался с места и начинал говорить, сначала стесняясь, робея. Но, видя внимание к себе, бодрее говорил про нужды приходской миссии. Беседа становилась интересной. Но особенную оживленность в съезд внесли наши епископы, всегда присутствовавшие на заседаниях. Присутствие их никого не стесняло. Было заметно, что они старались отечески ободрить более робких иереев.

Например, один сельский священник по вопросу о хлыстах ваялся высказывать свое мнение, но сконфузился и сделал это несвязно. Объяснение его вышло каким-то путаным. Но как же он был рад, когда преосвященнейший владыка Нафанаил посмотрел на него с добродушной улыбкой и поднял его упавший дух! Высказывались и спорные мнения, но, замечательно, что мир между съехавшимися не нарушался. Заметна была какая-то теплота отношений между всем, что сказывалось особенно на перерывах заседаний. Вот один кружок собеседников: преподаватель семинаров Н.Н. Чиннов, столичный миссионер и тут же заурядные сельские священники, тут и отец диакон, – и все так, хорошо, так братски беседуют, будто эти люди давным-давно знают друг друга... А вот другой кружок: наблюдатель церк.-прих. школ, с ним батюшка приходский, тут же и учитель; к ним присоединяются – настоятель градского собора и сельский молодой священник без набедренника».

Все было хорошо... Но того, что произошло на последнем заседании, ничем иначе нельзя объяснить, как особенною милостью Божией к съезду. Да, это, видимо, было благодатное заседание, дарованное съезду Самим Господом, за его трудную недельную работу.

На это вечернее заседание прибыл преосвященнейший Иннокентий. Поднят был вопрос о положении православной Церкви после манифеста 17 апреля. По данному вопросу говорили два миссионера, харьковский Айвазов и петербургский Боголюбов. Спасибо И.Г. Айвазову! Из его речи мы увидели, что вероисповедная свобода нанесла уже ущерб Церкви

православной, а в будущем может нанести ей и неизлечимую рану. Впереди большая опасность!... После перерыва заседания заговорил Д.И. Боголюбов. Он говорил нам про то, что вероисповедная свобода, по мысли самого Государя, должна служить к большему прославлению Церкви православной. Он не умалял опасности для Церкви от собирающейся на нее сектантской рати. Но он же указал и на новую грядущую силу обновления самой Церкви. Оберегать дом Божий отныне призваны уже мы, священники, во главе со своими архипастырями. Вероисповедной свободой само собою уничтожается в устах каждого сектанта нарекание на нас, будто мы гонители. Сила Христова спасет нашу Церковь, она и при сектантской свободе будет процветать во веки веков. Впереди не одна только опасность, а новая, свыше грядущая, сила в самой Церкви, которую ждет большая слава, чем прежде.

Но вот встал ваш владыка Иннокентий, и обратившись к нам, как к «братчикам епархиальной миссии», повел речь о предстоящем всероссийском соборе, молил Бога продлить дни присутствующих до него. В голосе соборном владыка видел спасение православной Церкви от могущих быть бед и напастей.

Впервые я видел владыку во всем величии его апостольского воодушевления. Он стоял в среде нашей, как древний святитель, объятый одним невидимым пламенем Духа Святого. Я видел слезы владыки, плакал и все. Да, это была особенная милость Божия! Это была такая святая картина общения, что ее трудно и забыть. В эту святую минуту все осталось где-то позади и личное горе, и неправда, и обида людская!...

Свящ. М. Кривский

Забытый путь религиозно-нравственного просвещения. – «Воззвания к сопастырям». – Будущее нашего духовенства. – Кто виноват? (по поводу переживаемых событий). – Последние известия из жизни церкви и внутренней миссии.

Забытый путь религиозно-нравственного просвещения

Духовенство иногда забывает тот путь, по которому надо вести дело религиозно-нравственного воспитания в школах и храмах.

Проходя учебники по Закону Божию в школах, оно редко и мало говорит детям о жизни и делах святых Божиих людей, или говорит языком мертвым, книжным, в результате чего и случилось то, о чем заявляют теперь нам наши пасомые, когда говорят: «Святые с своих образов не зовут нас на подвиг»... Святые забыты!

Видно, и в храмах к величаниям и хвалениям в песнях духовенство редко присоединяет вдохновенный свои слова в похвалу святых, если случается то, о чем говорят нам теперь искренно интеллигенты: «Святые с своих образов не зовут нас на подвиг». Святые молчат!

Видно, – совершенно ясно видно, что дело учительства в наших школах и храмах повелось не тем методом, какой указан Св. Церковью в Евангелии, посланиях Апостолов, в Четь-Минеях и др.

Видно, проповедь и ученье наше бывают часто и бесцветны, и безжизненны!

(Том. Еп. Вед.)

В «Тобол. Епарх. Вед.» помещено весьма типичное (каких теперь не мало на стр. епархиальных органов печати) воззвание свящ. И.П. «к сопастырям»

За последнее время в журналах и газетах все громче и громче раздаются голоса верных сынов отечества, призывающих всех сограждан к усиленной единомудушной работе для пополнения тех пробелов в жизни народа, которые служили главным тормозом общему строю и процветанию нашего государства. Все воспрянули как бы от летаргического сна, все с особенным напряжением стали раздумывать: отчего это у нас, на Святой Руси, все стало как-то не так? Все воспрянули и подали голос, призывающий к объединению и братской любви. Настало время сплотиться и нам в одну общую великую армию и проявить свою мощь и силу, вооружившись мечом духовным, еже есть глагол Божий. Мы, пастыри церкви, всем соотечественникам должны показать, что не даром мы облеклись в сан иерейский, что мы не только граждане и верные слуги Царевы, но и руководители к правде, носители мира и братской любви.

Мы поставлены светильниками вверху горы, дабы освещать других светом Христовой любви.

Наше пастырское бремя – бремя тяжелое и много-ответственное, как пред Богом, так и пред людьми. Нести это бремя без помощи других и, в особенности, своих сопастырей, слишком тяжело. Много, очень много приходится одинокому пастырю в приходе передумать, перечувствовать, чтобы найти верный путь к искоренению того или другого порока среди пасомых. Это всякий на нас знает по опыту. Как трудно стать истинным руководителем словесных овец в деле веры и благочестия! Это прямо подвиг великий. Тут необходима благодать свыше, тут необходима и братская помощь сопастырей. «Друг друга тяготы носите и так исполните закон Христов», учит нас великий из апостолов Павел (Гал.6:2.), и эта заповедь особенно должна быть обязательна для нас, пастырей церкви.

Братья оопастыри! подадим друг другу руку помощи в деле многотрудного нашего служения. Будем делиться всем из нашей пастырской практики, что служить на пользу нам и нашим пасомым. Деятельность пастыря очень широка, а потому каждый из нас пусть принесет для общей пользы все, что может: в насаждение веры и благочестия, в поддержании православия и привлечения отступивших от церкви Христовой, в искоренении пороков и суеверий, в поддержании добрых нравов и обычаев, в школьном деле, в деле законо-учительства и т.п. Будем делиться своим опытом не ради похвалы, от чего да избавит нас Господь, а единственно из сердечного искреннего желания оказать посильную помощь своему собрату-сопастырю в его многотрудном служении. Такие братские отношения облегчат наше пастырское служение церкви и отечеству, они помогут нам вести пасомых более верным путем к тем христианским добродетелям, которые рожают мир и любовь, обновляют жизнь, дают крепость и силу державе Российской.

Г. Левитов в журн. «Вера и Раз.» весьма светло, вопреки несправедливо иногда выражаемым пессимистическим ожиданиям, смотрит на будущее нашего православного пастырства

Полного же оскудения даровитого духовенства мы не допускаем. Всегда найдутся между семинаристами религиозно-нравственные люди достаточно даровитые, которые не захотят променять священства ни на какую, даже самую блестящую светскую карьеру. И эти-то иереи, как в собственном смысле свободно, по внутреннему расположению, принявшие подвиг священства, явятся истинными светильниками миру, образцами веры и благочестия. С другой стороны, вместе с проектируемым нами возвышением духовенства, увеличением его прав и улучшением материального положения, охотно станут поступать в духовную школу лица и из других сословий, приверженные к церкви. В настоящее время духовное сословие почти не пополняется свежими элементами из общества – не из духовного сословия, а между тем ведь

не может быть, чтобы среди него не было людей, столько же даровитых, как и расположенных к пастырскому служению. Но теперь всех пугает способ содержания духовенства, его бедность и малоправие. С уничтожением этих факторов и в состав церковного клира может войти не мало новых достойных членов, деятельность которых, как людей призвания, может быть в высокой степени плодотворна...

Кто виноват? (По поводу переживаемых событий)

И так, прожили мы и 1905 год, который будет памятен не только для нас, но и для внуков и правнуков наших. Волна нестроений, бунтов и убийств чисто политического характера шумно прокатилась от одного края России до другого. Пройдут года, десятки лет, а впечатление пережитого за это время останется навсегда чем-то мрачным в истории нашей многострадальной родины.

Обнаружилась острая борьба между трудом и капиталом. Забастовки, стачки рабочих всех профессий являются ныне делом совершенно обыкновенным. Вместо обычного почтения к представителям правительства наблюдается совершенно противоположное явление. Противоправительственные агитаторы убивали и убивают приставов, полицеймейстеров и даже начальников губерний. Армия ваша, которая исстари славилась уважением к дисциплине, в истекшем году тоже проявила неповиновение прямым своим начальникам. Что произошло на броненосцах Потемкин, Георгии и других? Ужас овладевает всем существом при одном воспоминании! Воспитатели даже в духовно-учебных заведениях потеряли авторитет и нравственное влияние на молодое поколение. Из газетных сообщений мы узнаем, что итоги духовный семинарии закрыты в виду чудовищных требований воспитанников, предъявленных своему начальству. Наш серый мужичок, отличительною чертою которого были скромность и уважение к чужой собственности, бросился расхищать имущество и захватывать землю помещиков. Отношения прихожан к местному духовенству самые нежелательные. Никогда, кажется, прихожанин не имел такого сильного недоверия к нему, как теперь. На священника, в большинстве случаев, он смотрит как на узкого эгоиста, который все делает исключительно с корыстной для себя целью. Та любовь, то уважение, которыми пользовались наши деды и прадеды среди своих прихожан, отошли в область преданий.

Бюрократы наши оказались также далеко не на высоте своего положения. Сколько расхищений казенного имущества, всевозможного рода злоупотреблений по службе обнаружилось за это время!

Вот какое время мы переживаем. Все устои пошатнулись, все как-то сразу развинтилось и пошло врозь. Суммируя все это, страшно делается на душе. Уж не на пороге ли мы той революции, о которой говорил известный наш мыслитель и знаток русской души – Герцен: «натура

русского человека очень широкая. Она не знает границ в своем увлечении. Если русского человека направить на аскетизм, то из него выйдет такой высокий подвижник, равного которому не может дать никакая другая нация. Если же в силу чисто исторических причин в России произойдет когда-нибудь революция, то он прольет столько крови, что ужаснется весь мир».

Но кто же виновник этой сумятицы, этого всеобщего пожара? Виновны мы все; виновны отцы, воспитатели, священники, начальники всех учреждений; виновны тем, что при обучении детей оторвали их от влияния св. церкви, не обращали должного внимания на религиозно-нравственное воспитание их.

(Воскр. Чт.).

Г. Полиевктов в «Вятск. Епарх. Вед.» высказывается за положительное решение вопроса о введении естествознания в курс духовно-учебных заведений

Преподавание естественных наук в курсе мужских и женских духовно-учебных заведений является не только желательным, но и существенно необходимым. Большую часть своей жизни, как детство и отрочество, так и время последующей службы служитель Церкви проводить среди мира растений и животных. С первых моментов пробуждения сознания природа близка детям духовенства. Не служит ли это обстоятельство убедительным доказательством того, что естествознание привьется к духовной школе и результаты обучения получатся лучшие, чем преподавание ботаники городским жителям, нередко не видавшим природы во всей ее красоте и разнообразий? Священник призван учить народ, местом его проповеди должен служить не только храм, а всякое место и время. Не будет ли в данном случае природа помощницей пастырю. «Небеса поведают славу Божию, дела же рук Его возвещают твердь». Священнослужитель призван учить поклоняться «духом и истиною» Тому Высочайшему Существу, о Котором он проповедует народу. Как архитектора мы можем оценить тогда, когда будем в состоянии понять смысл и назначение построенного им здания, так и Творца мы можем познать по Его творениям, осуществляющим предвечные планы Великого Зодчего. В природе отклонений от общего закона развития почти не существует. Прогресс медлен, но за то нет опасных скачков, вызываемых развитием свободного существа. Все в природе подчинено законам, предначертанным Творцом. Неужели это не лучшая проповедь о подчинении своей ограниченной воли воле Высочайшегоущества? Не будут ли законы, которым подчинена природа, стимулом для одаренного бессмертным духом человека следовать велениям Божественного Откровения, если бездушная природа осуществляет волю Создателя? А изучение законов естествоведения не выполняет ли завет Апостола созерцать Бога чрез Его творения и

познавать «присноусущную силу Его и Божество»? Вся природа – это храм, предназначенный человеку для служения Божеству. Все в нем связано единством плана. Растения, перерабатывая неорганические вещества в органические (азот, кислород, водород, углерод – в углеводы, белковые вещества и масла), делают возможным существование животного мира и царя его, человека. В вырастании каждой былинки заключается больше идея, чем в великолепных созданиях из неодушевленных металлов и минералов?

Духовенство занимается сельским хозяйством. Неужели ему не полезно знать условия наиболее быстрого и успешного прорастания семян и сознавать, что, возвращая земле лишь неусвоенные живыми организмами остатки растительного мира, сельский хозяин из воздуха и солнечного луча получает все новую и новую жатву?

Прежде указывали на мнимую враждебность естественных наук по отношению к религии. Но не была ли это вина увлекающихся адептов науки, принимающих отдельные факты и законы за мировые? Пресловутая борьба за существование, – не частный ли случай и одна из стадий более общего и всеобъемлющего положения Ньютона, что действие равно противодействию и что природа стремится к равновесию и, следовательно, к общему миру? Чтобы понять поэта, по словам Гете, нужно побывать в его стране, а мы – богословы, были ли в лагере казавшихся нам враждебными естествоведов и могли ли по достоинству понять и оценить положения природоведения?

Не менее равнодушно духовная школа относилась к математике, в частности – к алгебре. В семинариях ее программа была урезана, а в епархиальных училищах ее нет вовсе. А между тем, кроме логического значения, математика важна, как наука, указывающая пределы нашего знания и всего нагляднее говорящая об ограниченности нашего ума и невозможности понять и решать мировые вопросы.

Последние известия о церковно-общественной жизни и деятельности миссии

– *Заседания особого предсоборного присутствия* при Св. Синоде открываются со второй недели великого поста. Работы продолжатся до трех месяцев и будут иметь комиссионный характер.

– *Харьковский архиепископ Арсений на ходатайство городского головы о допущении к священнослужению некоторых местных пастырей*, запрещенных в священнослужении, письменно ответил, что он всегда был и будет искренно благожелателен к своим батюшкам: но теперь он, к своему сожалению, ничего не может сделать для них, так как это дело должно быть доложено Св. Синоду. Архипастырь надеется, что, по окончании следствия, запрещение священнослужения будет снято.

– В Полтавской епархии *неблагонадежные священники* отстраняются епархиальным начальством от должностей.

– Ялтинский благочинный Таврической епархии уволен за самовольный созыв собрания, обсуждавшего политические вопросы.

– Казанским епархиальным начальством за распространение вольных идей отстранены от должности и лишены права священнослужения три священника, один диакон и один псаломщик.

– Херсонский архиепископ циркулярно предписал подведомственному ему духовенству, под угрозой строгой ответственности, ни в каком случае не участвовать в самовольных съездах по вопросам церковно-общественной жизни.

– На последнем съезде духовенства Симферопольского благочиннического округа сделаны такие постановления: образовать комиссию для выработки проекта правил об организации общих приходских собраний, церковно-приходских советов и пастырских собраний: принять с любовью и молитвенным благодарением манифест 17 октября 1905 г., но проводить в жизнь все данные народу свободы в строгом согласии с евангельским законом и в соответствии с гражданскими распоряжениями и определениями, регулирующими данные свободы.

– На одном из благочиннических собраний духовенства Вятской епархии обсуждался вопрос о том, какие разумные меры могло бы принять духовенство в борьбе с усиленно распространяемым в настоящее время среди крестьян социал-революционным учением. По всестороннем обсуждении вопроса, собравшееся пришли к таким заключениям. Так как социал-революционное учение, исходя из христианских начал – братства, равенства и свободы, в дальнейших своих выводах и особенно в применении этих начал к жизни является прямым противоречием основным пунктам христианства, то духовенство не может вступить в сделку, или делать какие-нибудь уступки этому крайнему учению, а должно употребить особое свое усилие, чтобы, насколько возможно, предохранить крестьян от увлечения им: а) рекомендовать духовенству самым надлежащим образом ознакомиться с сущностью и доктриной учения социал-революционеров, чтобы запастись затем верными и убедительными данными для опровержения его, для чего приобретать, по возможности, все как капитальные произведения, так и периодические издания и прокламации этих партий на личные средства духовенства, выписывать на церковные средства серьезные богословские журналы, в которых можно было бы найти основательный разбор и критику новых учений, несогласных с взглядами православно-христианской церкви; в) выразить пожелание, чтобы отдельно от Епархиальных Ведомостей издавался в Вятке небольшой периодический орган, или хотя отдельные брошюры полемического характера, с опровержением учения социал-революционеров и указанием его слабых сторон и недостатков; г) в случае устройства в приходе народных

митингов, духовенству не чуждаться вожаков этих партий, не устраняться от собраний, напротив, желательно присутствовать на них и, в случае подготовки, делать свои возражения с общехристианской точки зрения, по возможности не касаясь политической борьбы партий; д) в противовес собраниям социал-революционеров устраивать свои собрания прихожан, на которых в живой беседе выяснять всю несостоятельность их учения, наперед знакомя их с учением социализма и разбивать его доводы, причем не должно касаться политических тенденций, но иметь в виду, главным образом, ограждение от посягательства на веру и церковь.

– *Черниговский епархиальный съезд* признал необходимым заменить консисторию советом пресвитеров, избираемых на срок духовенством всей епархии, ввести братский суд чести, дозволить сложение сана без лишения прав по рождению и образованию и разрешить вдовым священнослужителям вступать во второй брак, отменить знаки отличия.

– Недавно состоявшийся миссионерский *Тамбовский епархиальный съезд* отличался большою оживленностью, хотя постановлений практического характера дал немного. Особенно живо прошел вопрос об организации миссионерского дела в епархии. Миссии в епархии грозила серьезная опасность. Духовенство, увлекаясь чрез меру чувством своей силы, сознанием своей ответственности за пасомых и обязанности быть их пастырем и охраной, подняло вопрос о ненужности никакой специально-миссионерской организации, в виде ли братства, или в виде института миссионеров. Вопрос о братстве решен, однако, лишь в смысле реформы последнего. Духовенство решило сделать участие в братстве обязательным для всех своих членов, ежегодно собираться на общее братское собрание, а для текущих дел – иметь уполномоченный выборный совет, пет исполнительный орган. Вопрос о специально-миссионерском институте решен тоже в духе осторожности и благоразумия. Миссионеры епархиальные и окружные признаны полезными и необходимыми особенно после того, как на съезде выяснилась вся та сила, с какою надвигается на нас расколо-сектантство. Съезд сделал постановление, чтобы семинария, настоящая ли, будущая ли, практически готовила воспитанников к миссионерству, чего не давала доньше Тамбовская семинария.

Религиозно-просветительная деятельность Харьковского Епархиального Братства

Помимо распространения религиозно-нравственных брошюр, братство заботилось об устройстве подвижных библиотек. Осуществление этого дела было возложено на особую комиссию, в составе епархиального наблюдателя В.Ф. Давыденко, свящ. университетской церкви о. И. Инокова и свящ. М. Феодоровского. Комиссией этой было устроено две подвижные библиотеки: 1) на Благовещенском базаре при лавке купца Чепахина и 2) на Рыбном базаре при лавке купца Цуканова. Кроме того,

по предложению той же комиссии, открыта подвижная библиотека на местные средства при Иоанно-Богословской церкви пригородной слободы Ивановки. В этих библиотеках выставляются листки религиозно-нравственного содержания, каковые, по свидетельству многих лиц, с большим интересом читаются народом.

Сознавая всю важность существования подобных подвижных библиотек, совет братства при обсуждении вопроса об их открытии, между прочим постановил: просить Харьковскую духовную консисторию напомнить духовенству о бывшем уже по настоящему предмету распоряжении Епархиального Начальства с пояснением, что практические указания относительно того, каким образом приступить к открытию этих библиотек, желающие могут найти в статье В.Ф. Давыденко, помещенной в «Листке для Харьковской епархии» за 1897 год, № 40. К сожалению, братство не располагает сведениями о том, существуют ли где-либо в епархии, кроме названных, еще такие же библиотеки, а между тем в настоящее тревожное время, когда из различных подпольных типографий выбрасываются на улицу тысячи различных брошюр и прокламаций противо-правительственного и противо-церковного содержания; сколь возможно широкое распространение библиотек-читален, с листками религиозно-нравственного содержания, является делом существенной важности и крайней необходимости.

Стремилось братство в отчетном году также и к тому, чтобы приобрести свою книжную лавку и устроить при ней братскую библиотеку – читальню, но этому стремлению не суждено было осуществиться, главным образом, по недостатку материальных средств, необходимых для этого дела, а также вследствие невозможности найти за недорогую плату соответствующее помещение для лавки и читальни.

Братство старалось, не ограничивать своей деятельности одним городом Харьковом, а распространять ее на все епархии и потому в одном из своих заседаний Совет признал необходимым для расширения круга своей деятельности открыть отделения братства во всех уездных городах епархии, предоставив сим последним с своей стороны открывать отделения в тех селах и местечках, где это окажется возможным.

Деятельность уездных отделений должна была происходить на основании устава братства, а сверх сего для них были составлены особые дополнительные правила, которые по утверждению их Его Высокопреосвященством и были разосланы для руководства всем отделениям. Дело открытия уездных отделений Его Высокопреосвященством, согласно заключения совета братства, было возложено на настоятелей уездных соборов. Лица эти, являясь таким образом организаторами уездных отделений должны были в то же время быть председателями их совета, согласно дополнительных правил Совет братства, обращаясь с просьбой к оо. настоятелям уездных соборов об

открытии уездных отделений и о принятии ими на себя руководства этими отделениями, выражал уверенность, оо. настоятели приложат все свое старание к тому, чтобы открываемые ими отделения не существовали только на бумаге, а были бы действительно живым рассадником духовно-нравственного просвещения среди окружающего их населения. К чести оо. настоятелей уездных соборов, надобно сказать, что все они лишь за малым исключением, весьма отзывчиво отнеслись к просьбе совета братства об открытии отделений и, несмотря на то, что со времени издания правил для действия отделений прошло всего лишь несколько месяцев, совет братства имеет сведения об открытии отделений братства в городах: Ахтырке, Богодухове, Валках, Волчанске, Изюме, Купянске и Лебедине. Сведения же о деятельности этих отделений имеют войти в следующий годовой отчет.

Корреспонденция «Миссионерского Обозрения»

Из Новочеркасска

На должность ректора Донской духовной семинарии, освободившуюся за назначением бывшего ректора, архимандрита Митрофана, епископом Чебоксарским, викарием Казанским, назначен преподаватель Донской семинарии по кафедре истории и обличения старообрядческого раскола и местных сект священник Евграф Овсянников. Новый молодой ректор хорошо известен и как практический деятель на миссионерском поприще и как литературный сотрудник миссионерских журналов, их том числе и «Миссионерского Обозрения», «Православного Путеводителя» и «Миссионерского Сборника». В «Донских Епархиальных Ведомостях» о. Овсянников редактировал до последнего времени заведенный по его инициативе особый отдел под заглавием: «Раскол и сектантство». Как практический деятель по мнению в Донской епархии, о. Овсянников заявил себя своими миссионерскими экскурсиями с воспитанниками Донской духовной семинарии, имевшими весьма важное значение для изучения современного состояния местного раскола и сектантства и для практического ознакомления воспитанников с приемами ведения беседований с старообрядцами и сектантами. Сообщения об этих экскурсиях печатались в «Миссионерском Обозрении» и в «местных Епархиальных Ведомостях».

Из литературных трудов о. Овсянникова отметим: 1) его церковно-историческое исследование – «Константинопольский патриарх Кирилл Лукарис и его борьба с римско-католическою пропагандою на востоке», 2) «Причины широкого распространения старообрядческого раскола на Дону», 3) «Святитель Митрофан, первый епископ Воронежский, как деятель против раскола в Донской Украине» и др. Много статей по вопросам миссии и другим церковно-общественным вопросам помещались о. Овсянниковым в «Церковном Вестнике» и «Церковных Ведомостях».

В последние три года о. Овсянников работал над изучением истории старообрядческого раскола на Дону в XVIII и начале XIX веков по данным местных архивов, каковую работу обещал доставить в редакцию нашего журнала.

Надеемся, что почтенный о. ректор и в новой ответственной и многотрудной должности начальника духовной школы не оставит своего любимого дела миссии и литературного сотрудничества в нашем миссионерском журнале и, как начальник семинарии в Донской епархии, сильно зараженной расколом и сектантством, будет стараться внушать любовь к святому миссионерскому деланию питомцам Донской семинарии.

Из религиозно-общественной жизни г. Минска

22 января православное население г. Минска торжественно встретило прибытие иконы Божией Матери, пожертвованной афонскими старцами Минскому кафедральному собору. Святое изображение Богоматери прислано было с Афона в Холм еще в ноябре месяце и тогда же предполагалось перенесение ее в Минск, но смутное время, опасение могущего случиться погрома, заставило епархиальную власть отклонить перенесение св. иконы до более удобного времени.

Св. икона Богоматери встречена Минским епископом Михаилом крестным ходом, с пением и музыкою, при массе богомольцев и любопытствующих зрителей, собравшихся около собора. Да покроет же своим омофором небесная предстательница г. Минск со всеми чтущими ее лик и молящимися пред нею. С прибытием честного образа ее да водворится у нас мир, тишина, да пробудится сердце русских людей к хранению учения Православной церкви и своей русской самобытности!

Высказывая такое пожелание жителям Минского края, мы имеем в виду именно таких людей, которые только считаются русскими и православными, в церковных списках так обозначены, а на деле представляют собою полу-поляков, полу-евреев. Из среды таких русских лиц вы увидите живущих с еврейками, имеющих от них детей, которые, конечно, не крещены, а обрезаны, и эти русские люди, не совестясь, выдают таких женщин за своих жен. В церкви Божией такие люди бывают очень редко; о св. причащении они и понятие утратили, а сами они настолько сроднились с евреями, что живут мыслью и интересами последних. Тоже самое можно сказать и о полу-поляках. Эти русские люди, женившись на польках, подпали под влияние жен своих и окатоличились. До 17 апреля в таких семьях дети оставались не крещенными, до 10–12 лет, но были воспитываемы матерью в католичестве. С нею они ходили в костел слушать «мессу»; с ними ходил и православный отец их, все говорили по-польски, исполняли католические праздники, обряды и обычаи в жизни. Кроме этих лиц есть еще особый сорт русских людей, которые, слившись с такими же

поляками и евреями, говорят: Бог один у нас, а остальное – ненужные перегородки, построенные попами, ксендзами и раввинами. Принадлежность таких лиц к православию проявляется только по смерти их, когда приходится хоронить их православному священнику, а не ксендзу и раввину. Но и тут, в чем выражается их православие? Служит священник панихиды, совершает погребение и провожает тело на кладбище. И только в этом. Все умирают без причащения св. таин; поминовений никаких, и никогда. За то считаются необходимыми: дорогой роскошный гроб, венки, цветы из оранжерей, речи на могиле, траур в обстановке, богатый катафалк, бросание по пути шествия гроба зелени, и за все это платятся большие деньги. При таких роскошных похоронах хороший доход певчим, но скудное вознаграждение священнослужителю; ничего в церковь и конечное освещение храма при богослужении. Оба кладбища, как военное, так и городское, лежат далеко загородом и причту, прошедшему 5 верст при похоронной процессии, обратно приходится также идти пешком, так как извозчиков в таких случаях нанимать не в обычае.

Как относятся показанные люди к православной вере, свидетельствует след. факт: женская министерская гимназия в Минске осталась без православного законоучителя, так как бывшей до этого законоучитель о. Шенец отказался от уроков. По сношению с дирекцией преосвященный назначил законоучителем кафедрального протоиерея В. Успенского. Это было вскоре после забастовки. И что же? 2 русские лица, состоящие на государственной службе, и сами, и жены их тотчас начали агитировать среди учениц, побуждая их отказаться от слушания Закона Божия, и подать о сем начальству петицию. Но ученицы не согласились, не смотря на энергичную пропаганду этих 2-х лиц и подговоренных ими учениц тех же классов, евреек. Православные ученицы твердо стояли на своем и говорили: католички изучают закон Божий у ксендза, еврейки у раввина, почему же мы не будем изучать закон Божий?! Вот и судите: откуда идут все эти забастовки! Они от нас исходят. В отцах дело состоит. Каковы отцы, таковы и дети. Именно так. Во время безумных ученических вакханалий прошлого года, жена минского губернского предводителя дворянства г-жа Матвеева, приглашенная дирекцией гимназии, как мать, на ряду с прочими родителями, на совет, крикнула в собрании: «не надо нам законоучителей! Вычеркнуть их из списка преподавателей гимназии и дать свободу детям не ходить в гимназическую церковь к богослужению и пр.

За то католики твердо держат свое знамя. Паства их тесно сплочена с своим ксендзом и чтит его, и слушает во всем. Едва раздался голос свободы вероисповедания, как католики решили построить в Минске огромных размеров костел. На лучшей Захарьевской улице, рядом с железнодорожной церковью, маленькой и невидной, они откупили дома

обывателей, расчистили место и произвели закладку нового костела. Жертвы на это дело посыпались тысячами. А у нас?! Задумал кафедральный протоиерей построить маленькую деревянную церковь тысячи в 4–5 для бедных чиновников и рабочих, проживающих на окраине Минска, вдали от собора, составил подписной лист, сам подписал 100 р., епископ вложил свою лепту, побегали с листом по местной знати, и на этом стало дело. Мелкие люди, бедняки, дают рубли, копейки, а высшие... говорят, что денег нет. И замерзло доброе дело, остановилось благое начинание в самом своем зародыше.

В смешанных браках ксендзы прямо и категорически заявили, чтобы католическая половина всячески старалась убедить мужа или жену перейти в католичество; в противном случае они не будут допускать до причащения. Этим распоряжением ксендзов положен теперь великий раздор в смешанных браках, преимущественно в простом народе, где православных лица твердо держатся православной веры, и вместе с собою воспитывают в православии и детей своих. И вот недавний факт. В приход с. Прилук, Мин. у., в смешанном крестьянском браке, родился ребенок. Муж православный, жена католичка. Крещение в здешнем крае и в деревнях совершается также весьма поздно. Случилось, что родившая женщина простудилась и слегла в постель; муж привез ксендза напутствовать жену. Казалось, какой бы еще веротерпимости и для чего ксендзу вносить раздор в семью «малых сих». Не тут-то было; воинственный ксендз поступил иначе и внес раздор в семью своим прибытием. Тотчас он объявил мужу и жене, что прежде, чем напутствовать больную, он желает окрестить новорожденного младенца. Муж и жена заявили ксендзу, что у них еще есть дети и все они крещены по православному и посему разделять их в данном случае им вовсе нежелательно. Ксендз остался непреклонен и заявил, что иначе он уедет и причащать больную не станет. Эта угроза ксендза испугала бедную женщину, но муж тоже не уступал ксендзу. Тогда ксендз выслал мужа из хаты и начал увещевать женщину, не скупясь на проклятия и адские мучения в пекле. И это пред одром умирающей женщины! Кончилось тем, что пока муж был на дворе, ксендз окрестил ребенка, а потом уже причастил больную. Так поступают верные сыны Рима. Так понимают они свободу вероисповедания. А у нас, православных?! У нас не считают нужным убеждать иноверцев к переходу в православие, и существование епархиального миссионера в епархии само духовенство считает излишним, но нужным, что и говорилось некоторыми депутатами на бывшем епархиальном съезде, хотя вне публичных заседаний, так как, благодаря преосвященному Михаилу, вопрос этот не допущен к обсуждению съезда.

Свящ. К. Попов

Братство без братства

(Из Костромы)

Вышел отчет о деятельности Костромского епарх. Федоровско-Сергиевского Братства за 1904 г. (в послед. № Епар. Вед.). В других городах подобные учреждения (братства) отличаются живой и плодотворной деятельностью: ведут, напр., широкую, книжную и иконную торговлю, устраивают в губернских и уездных городах библиотеки и читальни, ведут в разных пунктах богословские и религиозно-нравств. чтения и беседы, устраивают попечительства о бедных, стараются объединить и сплотить не только духовенство, но и мирян в просветительной и благотворительной деятельности и т.д.

Всего этого вполне возможно бы ожидать и от Костр. Братства. В исполнительном комитете (совете) состоят самым почтенные и видные лица по духовному ведомству: председатель – заштатный кафедр. протоиерей, члены – два соборных протоиерея и соборный священник, секретарь консистории, епархиал. наблюдатель школ, епархиал. миссионер, один видный преподаватель семинарии и четыре городских священника. Деятелей, кажется, достаточно, и все люди с достоинством и честью. Между тем братство все чахнет и чахнет...

Собственно говоря, и братства-то нет. Слово это звучит здесь фальшиво. Братство предполагает внутреннее, теснейшее объединение его членов на почве общей, живой деятельности. А такого-то объединения членов в Феод.-сергиевском братстве и не существует. Члены братства даже не знают: собирается ли когда выбранный ими, а вернее сказать навязанный им Совет для обсуждения живых, просветительных и благотворительных дел, или только ведутся кем-либо письменные журналы и делаются соответствующие распоряжения? Скорее последнее... Ведь в Совете-то сидят большею частью власть имущие, которые привыкли более к бюрократическому ведению дел, а не к живой деятельности; привыкли распоряжаться, а не советоваться с другими. Не потому ли отчет братства не говорит даже, были ли когда собрания совета, в каком количестве? Но зато ясно видно (стр. 38), что на жалованье должностным лицам при Совете при оборотном капитале 5.500 р. тратится 360 руб. Можно смело надеяться, что журналы в совете пишутся исправно, и для начальства все обстоит благополучно, но как обстоят дела в действительности, это вопрос... из отчета даже не видно, было ли в 1904 г. хоть одно общее собрание членов? Нам достоверно известно, что по крайней мере в 1905 г. *ни одного* такого собрания не было. Между тем Совет братства по уставу есть только исполнительный орган мероприятий братства. Чьи же мероприятия он исполняет. А участвовать в общих собраниях есть кому: в составе братства числится 128 чел., вносящих членские взносы. Да и поговорить на общих собраниях есть о чем, и не один раз в году, а хотя бы каждый месяц, особенно в нынешнее, столь трудное в церковной жизни время.

Ужели деятельность братства должна состоять только в том, чтобы Совет властных лиц собирал разные взносы: членские, по церковным кружкам и тарелкам, по подписным листам и т.п., и распределял эти суммы из года в год по раз намеченному плану?

К сожалению, деятельность Совета только этим и ограничивается. Братство существует уже более 15 л. Что делалось им годов десять или более тому назад, то делается и теперь. Собирается с церковью и духовенства добровольных и недобровольных сборов ежегодно до 5.000 рублей. На эти суммы Совет братства, как видно из отчета, содержит несколько противораскольнических миссионеров-священников, заботится о распространении в среде простого народа полезных книг религиозно-нравств. содержания, чрез продажу их из церковно-книжных складов, и заботится о поддержании церковно-прих. школ в приходах, зараженных расколом.

Но как миссия, так и книжное дело поставлены очень, очень печально. Уездные братские миссионеры из приходских священников подучают из сумм братства каждый по 200–300 руб. в год. За эту сумму три миссионера-свящ. Николаевский, Смирнов и Скворцов провели – одни три, другой четыре и третий пять публичных бесед. Очевидно, этим труженикам было более приятно получать деньги, а не дело делать. Оттого и результаты миссии ничтожные. В разбираемом отчете на стр. 30 сказано об успехах миссии так: со стороны миссионеров в отчетном 1904 г. деятельность миссии проявлялась в безукоризненном виде (?). Но весьма желательно поддержание миссионерского дела приходскими пастырями, чтобы оно не оставалось гласом вопиющего в пустыне. Замечательных случаев присоединения к православной церкви не было; но были (?) присоединения как по убеждению в правоте св. церкви, так и по разным житейским расчетам и выгодам. Точных сведений о числе присоединенных миссионерами не представлено, по неполучению (?) ими таковых сведений от приходских священников. Были и отклонения в раскол крещенных в православной церкви (!). Вот вам и плод миссионерских усилий восьми миссионеров (по отчету), получивших за свои труды из сумм братства 2.861 р. 80 к. вознаграждения.

Не более успешно идут и книжные операции братства. По приложенной к отчету ведомости видно, что в ведении Совета братства числилось по разным селам епархии 165 церковных книжных складов, и ни одного склада по городам. Цифра 165 почтенная. Но если взглянуть повнимательнее, то оказывается, что в течение отчетного года книги посылались, и то в кредит, только в 15 складов всего на сумму 282 р. 6 коп. Деньги за книги получены из 27 складов, всего 512 р., в том числе из 13 складов высылался долг за прежние годы. Следовательно, 123 склада (из 165), в отчетном году не функционировали и никакой связи с братством не имели. По отчету числится 37 даже таких книжных складов,

в которые книг не посылалось, денег от них не получалось и долга за ними нет, следовательно, и книг там нет. Склады фактически т.о. не существуют, а числятся... Для чего?...

Еще можно прибавить разве то, что за весь год выслано безвозмездно мелких брошюр для раздачи народу *на 15 рублей (?)*.

В отчете значится еще школьная деятельность братства, именно в одну открытую братством в с. Шадрине школу и четыре другие школы послано пособие 530 руб. 72 коп.

Вот и вся деятельность обще-епархиального просветительного учреждения.

Отчета за 1905 г. будем ждать, вероятно еще целый год, тем более, что деятельность братства была, кажется, еще слабее.

Тяжело замечать, что дело, которое могло бы быть при других обстоятельствах весьма живым и плодотворным, чахнет и умирает только оттого, что во главе его стоят люди, не желавшие влить в него живую струю и своим мертвым отношением к делу отталкивающие всех полезных деятелей.

Пора братским деятелям оставить свой покой, сплотить вокруг себя в истинное братство духовенство и мирян и идти широким путем просвещения народа. Тогда и народ пойдет к ним и составит братство, основанное не на денежных только взносах, но на почве любви и взаимного доверия. Христос Спаситель, апостолы и их ближайшие ученики не ждали, чтобы народ шел к ним и искал случая сблизиться с ними, а сами шли в народ, ходили везде, сами старались приблизить к себе народ и помочь, кому можно или словом, или делом. Не для своего только времени Спаситель учит: *«кто хочет быть из вас большим, да будет всем слугой»*.

Братчик

Американский лжепророк Илья

Бельгийская газ. «Le Précurseur» в статье «Пророк» приводит следующие сведения о жизни и деятельности «пророка Ильи П».

Америка страна сект. Они кишат там не менее, чем в мусульманской Африке; также выдвигают время от времени из среды своей пророков, не менее восторженных, чем муллы, и таких же властных, как эмиры черного континента.

История мормонов хорошо известна. Они сумели создать цветущий город на западе Союза, на берегу Соленого озера и жили там долгие годы, несмотря на то, что уклад их жизни не согласовался с законами республики, а некоторые обычаи прямо оскорбляли правила общепринятой морали.

Самый необыкновенный пророк, восставший в Америке в последнее время, без сомнения Доун. Он воздвиг в Иллинойсе город, больше того –

целое царство, так как он распоряжается с неограниченной властью, против которой из 200.000 человек не решается восстать ни один.

Жизнь его полна случайностей, хотя он выступил на арену общественной деятельности сравнительно недавно. Психология его, весьма сложная на первый взгляд и очень простая на самом деле, занимает многих американских писателей, которые тщательно ее изучают. В нем уживаются свойства, как будто противоречащие друг другу, а вместе с тем, в общем, они служат источником его необыкновенной силы. Эго проповедник, глава государства и в то же время человек одаренный удивительными практическими, деловыми способностями; в этом он тоже сходится с некоторыми мусульманскими эмирами.

Он родился в Эдинбурге, в Шотландии в 1847 г., а молодость провел в Аделаиде, в Австралии, куда родители его отправились искать счастья. По окончании богословского образования, он сделался пастором в Сиднее и сразу имел на этом поприще такой успех, что ему был предложен портфель министра народного просвещения в Новой Южной Галлии. Несмотря на заманчивость предложения, он отказался, так как ценил свои способности очень высоко и стремился к более широкому полю деятельности.

В ожидании лучшего, он отдался своей миссии, стараясь исполнять все заветы священного Писания, в котором он находил, судя, по его словам, готовые правила на все случаи жизни и решение всевозможных вопросов, и довольствовался тем, что получал от своих прихожан. Скопив известную сумму денег, он употребил ее на постройку церкви, в которой и сделался полновластным хозяином.

В 1878 г. он переселился из Сиднея в Мельбурн, и в этом городе выступил в поход, доставивший ему известность. Он объявил войну медицине, стал доказывать ее бессилье и утверждать, что только вера может исцелять больных.

Инстинктивно понимая значение и силу ассоциации у англосаксов, он основал общество, которое, проникнувшись его учением, стало распространять его в Старом и Новом Свете. В скором времени отделения общества возникли в Новой Зеландии, в Америке и впоследствии в Европе. Для Доун настал час выступить на широкую арену.

Из Австралии он отправился в Лондон, а оттуда в 1890 г. в Чикаго, где и поселился в одном из предместий города.

Он имел колоссальный успех. Биографии его, появившиеся в бесчисленном множестве, свидетельствуют все о неотразимом влиянии его личности и о необыкновенной магнетической силе, напоминавшей Месмера. Будучи, как некий хороший богослов, знатоком священного Писания, он был в то же время близко знаком с самыми смелыми теориями современной науки. Гипнотизм не мел тайн для этого необычно умного человека, также, как и задачи телепата, которую он основательно

изучил. Не удивительно, что при таких условиях он имел успех при излечении нервных болезней и скоро сделался знаменитостью.

Он провозгласил себя представителем Божества, новым Ильей, пророком пророков. Он собрал вокруг себя в своем предместии, которое росло не по дням, а по часам, всех последователей, желавших жить его жизнью и основал таким образом секту доунстов. Большие деньги стекались к нему со всех сторон, из Австралии и Китая, из Норвегии и Аравии, и давали ему средства развивать деятельность своего анти-медицинского союза. Он основал отделения его в Лондоне, Сиднее и Мельбурне. Ну своему городе – Новом Сионе – он построил церкви, различные школы, основал, всевозможные учреждения и даже собственный банк.

Все это внушило наконец опасение правительству Соединенных Штатов, несмотря на всю царствующую там свободу. Правительство не могло остаться равнодушным, когда сила, вначале только нравственная, грозила принять другой характер: Доун сосредоточил в своих руках слишком большую власть над сотней тысячу (в настоящее время более 200 тыс.) своих последователей.

Тогда начались гонения, продолжавшиеся несколько лет и наделавшие много шума за Атлантическим океаном: эти гонения напоминали преследования, некогда направленные против мормонов. Пророк был более ста раз арестован за нарушение законов: его схватывали за столом, в постели, уводили с кафедры, тем не менее ему всегда удавалось отделаться от тюрьмы. Когда на него налагали штраф, он протестовал, жаловался в суд, тратил до 100 тыс. франков в несколько месяцев и в конце концов выходил сухим из воды.

Путешествуя за пределами сферы своего влияния, он не раз подвергался преследованиям толпы, причем ему угрожала иногда серьезная опасность. В 1900 г. он решил наконец покинуть Чикаго и основать настоящее государство: за 5 миллионов долларов он приобрел несколько тысяч акров земли и воздвиг на берегах озера Мичигана Новый Сион, где и царствует, как самодержавный владыки.

Доун располагает капиталом в слишком 60 миллионов долларов: подданные его не смеют себе позволить ни малейшего проявления собственной воли. Он запрещает употребление табака и спирта, изгоняет докторов, не разрешает театров и допускает только самые простые развлечения. Окруженный своей Сионской гвардией, он действительно напоминает предводителей магометанских сект, которые бесконтрольно распоряжаются имуществом и жизнью своих последователей.

Отклики. Против насильников (Голос священника) // «Миссионерское Обозрение», 1906, № 2, стр. 260–268

I.

Светлый день царского Манифеста, возвестившего свободу гражданской жизни в России, закончился во многих местах России мрачным ужасом погромов, насилия и убийства. Несчастье разразилось быстро, неожиданно. Сознание помутилось, чувства расстроились, и добрая воля оказалась бессильной даже у тех, кто мог бы и должен был остановить разыгравшуюся бурю человеческих страстей и произвола.

В эти черные дни общего для всей христианской и нехристианской России несчастья, православное духовенство оказалось в самом тяжком положении. Лишь только слышались первые тревожные крики междоусобной распри и вражды, многие пастыри Церкви выходили к народу, чтоб призвать чад своих к миру и успокоению. Одни из пастырей совершали для собравшегося народа молебствия, надеясь дать проявлению чувств народных молитвенное направление, другие выходили к бушевавшей уже толпе и во имя Христа призывали ее к кротости, и благоразумию. В Киеве, напр., сам епископ Церкви православной, во всем церковном Величии своего сана, преклонял колена пред насильниками, умоляя их прекратить грабеж и убийство... Но все было напрасно! Бог не благословил на этот раз подвиг и молитву пастырскую и ярость народных страстей свирепствовала до тех пор, пока не насытилась.

Пусть же разум наш примет свершившееся, как страшное наказание для всего православного народа, наказание ничем несмываемого стыда и позора, а для нас, пастырей, как страшное напоминание о долге нашем, долге пред всем христианским и нехристианским миром. И теперь, когда, мы очнулись от нежданного потрясения, мы должны со всею ясностью указать, в обличение и запрещение одним, в утешение и успокоение других, что совершавшиеся в минувшие дни насилия суть грех против Христа и Его святой Церкви.

Происшедшие нападения христиан на евреев стоят в тесной связи с последними событиями общественной жизни в России. Когда одни добивались этой перемены в общественной жизни, другие не желали ее, старались не допустить ее. И вот борьба политических партий обратилась к насилию, как средству достижения своих целей. Православные пастыри, по долгу своему и совести своей, со всею силою должны возвысить голос свой против этого нехристианского образа действий, безразлично к тому, какая бы партия его ни проявляла.

Мы, православные пастыри, признаем всякую внешнюю власть, как данную Богом для того, чтобы проводить жизнь тихую и безмятежную

(1Тим.2:2). Мы призываем повиноваться ей Господа ради (1Пет.2:13). И до тех пор, пока власть эта не станет в противоречие с прямыми и ясными заповедями Божиими, повиновение ей есть повиновение божественному установлению. Мы не можем вмешиваться ни в существо, ни в формы внешней мирской власти, обязанные к повиновению ей в мирских делах. И даже в том случае, когда мирская власть станет нарушать заповеди Божии, наше отношение к ней ни в каком случае не может проявиться в мятеже, ослушании, или своеволии. Нам остается один способ действия: непротивление злу, по заповеди Спасителя. (Мф.5:39). Мы должны в этом случае сказать, как сказали Апостолы членам синаедриона: «должно повиноваться больше Богу, нежели человекам» (Деян.5:2), сказать так, и поступать так.

В таком именно настроении православное духовенство исполняло свое служение в течение долгих лет неограниченного царского самодержавия, благословляя в той власти то, что вело к действительно тихому и безмятежному житию. С такими именно чувствами и настроением православное духовенство должно отнестись и к совершившемуся 17 октября событию в политической жизни России. Верховная власть законодательства и управления отныне будет осуществляться не в одной самоличной Особе Государя, а в тесном единении Царя и земли, в лице ее представителей. Да будет же эта объединенная власть Царя и земли источником и залогом мира и тишины в отечестве нашем и пусть станет предметом церковных молитв и благословений!

II.

Мы, служители Церкви, как Тела Христова, создающего для всех христиан единство духа в союзе мира, мы, православные пастыри, отрицаем всякое разделение на партии только в Церкви. В мирской гражданской жизни мы не можем отрицать необходимости образования различных политических партий для достижения различных политических целей. Мы сами, совершая свое служение среди мира, не можем замкнуться в область одних лишь церковных интересов и быть чистыми выразителями одних лишь церковных взглядов. Граждане земли русской, мы в себе носим и выражаем своими словами и действиями различные политические убеждения. Одни из нас, напр., с боязнью и трепетом за судьбы русской земли, взирают на совершающуюся перемену в государственной жизни России. Они сожалеют о преходящих порядках и поколебленных старых устоях земли русской. Другие с светлой надеждою на будущее приветствуют занявшую зарю гражданской свободы, видя в ней источник лучшего будущего. Все мы, далее, одинаково не можем отрешиться от забот о внешней судьбе Церкви Христовой. Все мы, однако веруем в вечность и неодоленность Церкви, хотя бы ей пришлось бежать в пустыню, или спуститься в катакомбы, но мы не одинаково, а различно

смотрим на отношение того или иного государственного строя к внешнему благополучию Церкви Христовой. Одним из нас кажется, что для Церкви более благоприятен прошедший государственный строй, когда права и привилегии Церкви обеспечивались силою и властью царского самодержавия. Для других – более благоприятным кажется новый государственный строй, со свободой личности и союзов, ибо он обеспечивает свободу Церкви от внешнего посягательства на ее внутреннюю жизнь.

Весьма понятно, поэтому, что в области политических убеждений православные пастыри как будто и сами делятся на политические партии, высказывая и устно, и печатно самые различные политические убеждения. Но общее у них – христианское настроение, общее послушание Христу, Царю мира и любви, не должно ни в коем случае допустить между ними насилия друг над другом – во имя различия политических убеждений. Пастыри Церкви должны признать, что свободное различие в политических убеждениях и идейная, мирная, ненасильственная борьба их может способствовать истинному и действительному преуспеянию государства. Даже в Церкви Христовой, этом органическом догматами и канонами установленном единстве верующих, «приращение любви» совершается «посредством всяких взаимно скрепляющих связей», при свободном «действии в свою меру каждого члена» (Еф.4:16). Тем более в государстве. Здесь должно быть даже обезличено свободное действие каждой политической партии, свободное выражение каждого политического убеждения. Но все эти действия и эти выражения должны носить христианский, совершенно мирный, ненасильственный характер.

Держась тех или других политических убеждений, мы, православные пастыри, должны быть осторожны в своих действиях и выражениях, чтобы не давать ни малейшего повода заподозрить нас в отступлении от идеалов мира и любви. Мы все одинаково должны скорбеть о том, когда кто-нибудь из нас поддается страстности, когда речи наших собратий могут звучать призывом не к мирному разрешению вопросов, а к насильственному отстаиванию своих и к насильственному же подавлению чужих убеждений. Мы должны открыто признаться, что содержание и характер таких речей не есть обще-монастырский и ни в коем случае не должен быть им. Для нас, православных пастырей, если возможна какая-либо борьба, то борьба слов и убеждений, борьба добра против зла, благодати против насилия. «Такова есть воля Божия, – заповедал нам Апостол, научая нас, как мы должны вести себя в борьбе даже с невежественными и безумными, – чтобы мы, делая добро, заграждали уста невежеству безумных людей, как свободные, не как употребляющие свободу для прикрытия зла, но как рабы Божии» (2Пет.5:16).

В таком именно смысле мы, пастыри Церкви, свободны в своих политических убеждениях, и мы должны желать видеть только такую

свободу и в своих пасомых, свободу без внешнего насилия над чужими убеждениями. Для Церкви Христовой, для этого вселенского царства Христова, должны быть близки и равноценны как те, что видят благо государственное в возвращении к старине, так и те, что желали бы вести государство по пути дальнейших реформ и усовершенствований. Так называемые либералы и консерваторы, монархисты и республиканцы, националисты и космополиты, все одинаково могут быть членами Церкви Христовой, но в ней не могут быть обидчики и насильники.

Какою же тяжкою скорбью должно было омрачиться сердце пастырей Церкви и всех верных чад ее, признающих мирную ненасильственную свободу, уже в первый день свободы, когда ликование одной части народа, по поводу объявленной гражданской свободы, приняло такой ужасный характер! Не сама эта радость, не опьянение даже этою радостью в речах, кликах восторга, в красных значках и знаменах должны были вызвать скорбь нашу и возмущение, а то, что наряду с этой живой, светлой и искренней радостью, стало проявляться насилие, насилие в речах и действиях, насилие одной ликующей части населения над другой – или смущенной, или тихо радующейся. Чем, как не ругательством и оскорблением, должно показаться разрывание портретов царских для всех тех, кому образ Царя – священен, дорог и мил? Что, как не посягательство на величие и славу русского народа, должно было являть собою ниспровержение царской короны и национальных флагов для всех тех, кто не утратил еще веры в мировое значение русского государства? Не преступное ли, наконец, посягательство на жизнь человеческую – эти неоднократные выстрелы по войскам и полиции, это нападение из-за угла на стоявших на посту своем и еще не смененных часовых, стражей мира и спокойствия?...

Тысячи спокойного и мирного народа видели эту вакханалию свободы, свободы дикой и насильственной. И мы, свидетели событий, знаем всю горечь обиды и оскорбленного чувства наших пасомых, спокойных и мирных граждан. Мы видели их слезы, мы слышали их ропот... Да будет же благословен тот, кто нашел в себе и в своей покорности Христу силы справиться со своими чувствами, как подобает христианину, не ответил злом за зло, а возложил печаль свою на Господа. Ибо не успело еще раздаться слово наше в обличение совершающегося насилия и в успокоение смущенных им, как разразилось нечто ужасное, при воспоминании о чем цепенеет ум и на лицо выступает краска стыда и позора. Свершился самосуд толпы, и христиане покрыли себя позором хищничества и убийств.

Мы со всею силою своего пастырского долга и сознания должны возвысить свой голос против всяких насильственных революций и контрреволюций, против грабежа и убийства, которыми мстят противникам своих политических убеждений и в которые втягивают мирное и спокойное

население. Мы должны возвысить свой голос во имя Христа, заповедавшего нам любить врагов наших, благословлять проклинающих нас, благотворить ненавидящим нас и молиться за обижающих нас и гонящих нас (Мф.5:44). Мы должны возвысить голос свой против всякого насилия во имя обязательных для всего человечества заповедей Божиих: «не убий» и «не укради», и возвысить тем громче и сильнее, чем яростнее насилие, чем слабее жертвы... Насилию же христиан над евреями в эти позорные дни грабежа и убийства не было пределов, не было препон...

И пусть не говорят, что насилие над евреями чинили одни лишь хулиганы, т.е. люди, потерявшие совесть и стыд пред Богом и людьми. О, если бы это было так! Мы скорбели бы тогда о развитии в городе преступного элемента, мы взывали бы тогда к тем, кто должен блюсти за злодеями, мы смотрели бы тогда на погром еврейский, как на обычное, хотя и безмерно громадное, печальное происшествие, так на бедствие независимое от нас... Но нет! Грабили и убивали не одни хулиганы, не одни лишь те, на кого не простирается наше влияние, кто не молится у алтарей Господних, кого не видим мы у кафедр церковных... Увы, мы знаем, что в грабеже и убийствах принимали участие православные христиане, наши пасомые. Нет тайны, которая бы не открылась, и если мы будем молчать и не призовем грешников к покаянию, то камни возопиют, ибо пролитая кровь вопиет к Богу о мщении.

Мы должны обратиться к православным христианам, к братьям и чадам нашим, со своим пастырским словом увещания и обличения, потому что на нас, пастырей Церкви, ложится стыд и позор. Мы должны со всею решительностью сказать всем: кто приложил руку свою и сердце свое к делу убийц и грабителей и не покается, тому не будет оправдания на суде Божиим.

И пусть не говорят они, в свое оправдание, что они были оскорблены безумными действиями революционеров, необузданным поношением царского величия, что они выступили на защиту чести и славы России, и что это только подняло их на месть и жестокую расправу. Кто поставил их судить чужого раба (Рим.14:4)? Кто дал им меч в отмщение злое творящему (Рим.13:4)? Разве забыли они, что заповедал нам Христос в лице апостола Петра, когда он встал на защиту Господа: «вложи меч твой в ножны, ибо все, взявшие меч, мечом погибнут (Мф.26:52)? И разве у Царя нашего еще не осталось многих легионов верных ему войск, которыми он может защитить честь свою и достоинство России? Своим непрошенным, своим преступным вмешательством в дело воздаяния за сделанные обиды, они только сделали досаждение Царю и поставленным от Него правителям.

Но мало того. Они сделали не только недолжное, но и глубоко несправедливое дело. Если чувства их оскорблены революционными насильниками, то они должны были бы найти виновников, чтобы предать

их судьям. Но нашли ли они их? Взявшись за самосуд в ярости и безумии, чинили ли они его по крайней мере, над виновными? О, нет? Они напали на евреев. Они обратили свою ярость на весь народ еврейский, как будто весь народ еврейский, и он один только, виноват в происходящих в России мятежах и убийствах.

Дело еще пока темное, кто виноват, кто первый подал повод к происшедшему несчастью, евреи или русские, и не нам судить об этом. Но одно несомненно, что в нападениях на евреев сказалось не столько оскорбленное на этот раз чувство, сколько древняя застарелая вражда христиан к еврейскому народу. Это несправедливая и неугодная Богу вражда. Если бы для христиан еврейский народ казался действительно отверженным Богом, то и в этом случае не следует прилагать свою грешную руку к неисповедимой воле Божией. Мы должны помнить, что Божие попечение о народе еврейском еще не кончено. В Св. Писании есть указание, что ожесточение евреев против Христа только временное, и что придет время, когда весь народ еврейский спасется (Рим.11:26). Не должно ли нам стараться, чтобы это свершилось скорее? и не должны ли мы, поэтому, относиться к евреям по-христиански, т.е., по-братски, чтобы они узнавали веру нашу по добрым делам нашим. Мстить евреям за то, что предки их распяли Христа – богопротивно. Христос простил их: какое же мы имеем право мстить за прощенное Христом? Не лучше ли нам, христианам, и не богоугоднее ли думать не о зле предков еврейских, а о добре, содеянном для нас Богом чрез народ еврейский? думать не о распинателях Христа, а о патриархах, пророках, апостолах, евангелистах, Божией Матери и Самом Господе нашем Иисусе Христе, чьи имена мы носим, чьи заповеди мы исповедуем, и чьим делам должны мы подражать: все они по плоти принадлежали еврейскому народу?

Мы, пастыри Церкви, во имя вселенского значения христианства и Церкви Христовой, должны противостать тому, чтобы христиане вымещали зло свое на евреях. Мы должны представить себе весь ужас еврейского погрома и слово наше должно зазвучать силою грома небесного против насильников. Стыд горе и позор! Христиане нападали на проходящих и проезжающих, если их наружность указывала на принадлежность к еврейскому народу, отыскивали дома евреев, магазины и мастерские и громили их. Они врывались в жилища их, только что объявленным царским указом неприкосновенными, и производили страшные опустошения. Забывши всякую жалость и сострадание, без всякого разбора, они нападали, били и увечили мужчин, женщин, стариков и детей, как жертвы своей ярости. Они убивали тех, кто встречал их без сопротивления, а с мольбою о жалости и сострадании, или со слабыми попытками недостаточного сопротивления. Неслыханное злодеяние; Так пусть же не считают они себя судьями оскорбленного народного чувства. Ни один в мире судья, если он только не насильник, не казнит жен за

мужей, детей за родителей, родителей за детей, а они совершили это вопиющее к Богу преступление. Если они хотели наказать виновных, то зачем они опозорили еще себя убийством, воровством и грабежом чужого добра? Еврейское добро – чужое, не наше. И христианин, изнывая под тяжким трудом добывания куска насущного хлеба, не может, не должен протянуть руку к чужому, чтобы запятнать себя позором гнусного преступления. Воры и грабители, на ряду с убийцами, царства Божия не наследуют.

Омыть содеянный грех мы можем только покаянием, и к этому покаянию мы, пастыри Церкви, должны призвать своих пасомых. Сознать свою вину, возвратить отнятое, утереть слезы обиженных, испросить прощение, любовью и братством загладить свой грех – вот путь для исправления тяжкого преступления столько же против обиженных евреев, сколько и против Христа и Его святой Церкви. Нужно христианам уразуметь наконец и навсегда, что христианская вера наша положительно запрещает всякое незаконное насилие и насильники напрасно христианами именуются. Беззаконное насилие над противниками своих взглядов и убеждения, над обвиненными без суда, над беззащитными, над слабыми, над семьями, жилищами и имуществами их, останется всегда и везде не судом и борьбой, а разбоем, грабежом и убийством. Пусть же покаются насильники и вместе с нами не дадут уклониться сердцу своему в словеса лукавства, чтобы найти извинение совершенному греху.

Буди милостив к ним, Господи, ради тех, кто сохранил веру Христову и соблюл дела благие в эти дни тяжкого падения христианского, кто удерживал руку нападающего, останавливал хищников, противостал убийцам, обуздал ругателей, умиротворял враждующих, кто, не затворив дверей сердца своего, отверз двери дома своего, дал убежище искавшим у него спасения от руки хищников и убийц! Благословенные Отцом небесным, они примут установленное им от сложения мира! Будь милостив и к нам, Господи, и прости нам грехи наши вольные и невольные.

Священник С. Потехин

[Март]

По общим вопросам веры и церковной жизни

Карелин А.А. Церковная мозаика и ее участь в России //
«Миссионерское Обозрение», 1906, № 3, стр. 273–298

На долю православного иконописания выпали счастливые технические данные, какими полностью не обладала религиозная живопись запада. Если припомнить прием так называемого яичного иконного письма, то станет очевидною незыблемая прочность и долговечность этого рода своеобразной живописи, которая лишь потому зачастую доходить до наших дней в грубо испорченном виде, что ее не умеют беречь, варварски протирая иконы деревянным маслом, сдирая слой этой костеобразной по твердости краски всевозможными, крайне невежественными приемами. Между тем только единственный род живописи – восковой (энкаустика) может сравниться с долговечностью, какую обладает иконописная техника красками, разведенными на яичном белке. Но энкаустика, несмотря на свои высокие свойства, превышающие все другие типы художественной техники, утратила незаслуженно права гражданства, тогда как яичное письмо продолжает быть в деле православного иконописания приемом, наиболее чтимым народом и более других подходящим к характеру наших священных изображений. Не вдаваясь в настоящей статье в изложение причин упадка и этого типа нашего иконописания, чему мы посвятим особый специальный очерк, на этих страницах мы займемся другим вековечным художественно-техническим приемом, издревле предназначавшимся служить незыблемым устоям православия, теми своими драгоценными свойствами, которые можно определить, назвав их *абсолютно нерушимыми*. Речь будет о мозаике.

С 1017–1037 год собор Св. Софии в Киеве украшался по повелению Ярослава I стеклянной мозаикой, часть которой, не тронутая рукою разрушителей, незыблемо стоит и в наши дни, вызывая изумление простого народа, зовущего горнее место *нерушимую стеною*. Эти слова «Нерушимая Стена» и служат одним из церковных поэтических именований Богоматери.¹⁸⁰ Народ смешивает это представление, относя его непосредственно к *мозаичному* воспроизведению Св. Девы Марии. В работах греческих мастеров, делавших эту мозаику, принимал участие Св. Олимпий Печерский. В Златоверхом соборе Михайловского монастыря, построенного великим князем Святополком Изяславичем (1008 г.) сохранилась в полной своей неприкосновенности мозаика, изображающая Св. Троицу с предстоящими ангелами и Тайную вечерю. Древнерусскую мозаику мы встречаем еще у нас в России и в третьем месте, а именно в Новгород Великом, в алтаре Софийского собора. Здесь не разрушен лишь орнамент, составленный из плиточек: белого, желтого, зеленого, фиолетового, амарантового и кофейного цветов. В Синописе имеется

указание о бывших мозаиках в церквях Печерской и Св. Ирины – в Киеве. Одного времени с киевскими мозаиками имеются еще остатки таковой в Гелате близь Кутаиса и в Имеретии, в храме Богоматери, построенном царем Грузии Давидом II Восстановителем (XII в.). Здесь в алтарной апсиде сохранились мозаичные изображения, на золотом фоне: Богоматери, сидящей на престоле, с младенцем Иисусом, и архангелов Михаила и Гавриила по бокам их. Мозаика эта, впрочем, подарок восточного императора царю Давиду. Перечисленные древние мозаики, находящиеся в России, принадлежат приблизительно одному периоду художественного творчества и с полной наглядностью говорят о своей необычайной стойкости в борьбе с всеразрушающим временем. Необыкновенно странным является то обстоятельство, что в деле воспроизведения в России священных изображений мозаикою с XII до XVIII века наблюдается ничем не оправдываемым промежутком. Это тем более необъяснимо, что в указанный промежуток времени на Руси воздвигались огромные, роскошные по художественности храмы, которые вовсе не носили в себе следов мозаичных украшений, не смотря на очевидное богатство и вековую прочность этого типа художественной техники. Трудно подсчитать те брошенные капиталы, которые тратились на всевозможные *возобновления* стеной росписи в храмах всей России за период более чем полутысячелетия, брошенные непроизводительно только потому, что, вначале *или исподволь*, не покрывали церковных стен вековой мозаикой. Несомненно, этот капитал дорос до миллиардов рублей. Такая потеря тем более обидна, что таким образом утрачено неперечислимое количество великолепных образцов православной иконографии испорченной реставрацией, перепиской или погубленной невежественными обновителями.

В XVIII веке начинается возрождение русской мозаики. Михаил Васильевич Ломоносов, под впечатлением увиденного им в доме его покровителя вице-канцлера М.Л. Воронцова мозаичного портрета императрицы Елизаветы Петровны, сделанного итальянским художником, приступил в 1751 году со свойственною ему горячностью за исследование мозаичной стеклянной массы, твердо решив начать самому делать в России мозаики. В рапорте М.В. Ломоносова о своих «совершенных трудах с 1751–1756 г.», а именно в 1752 году, вместе с предварительными работами по мозаике, были уже указаны результаты: – «изыскивал способы и практикою доказал, как составлять *мусию*». А далее: – «по канцелярскому указу обучал составлению разноцветных стекол присланного из канцелярии строений ученика Дружинина для здешних стеклянных заводов». Кроме него Ломоносов взял из рисовальных классов при Академии Наук (Академии Художеств еще не существовало) ученика Матвея Васильева (октябрь 1752 г.), впоследствии лучшего мастера на его фабрике. Представив к концу года первые опыты

изобретенной им мозаики на Высочайшее воззрение, Ломоносов получил (по указу Сената 23 февраля 1753) – «для заведения бисерной фабрики» в Копорском уезде, из Коважской мызы, землю и 211 душ, в 6 деревнях. В этом поместье, отстоящем от столицы в 70 верстах (на мызе Усть Рудицы), Ломоносов построил завод, где кроме выделки стекла, приготавлилась и *смальта*. Таким образом было положено начало возрождению в России мозаики. Слова смальта происходит от латинского *esmalum* или *smaltum*, как и итальянское *smalti* и французское *email*. Отсюда, цветное стекло для мозаичного набора называется для отличия смальтою.

Под словом *мусия* древние греки и византийцы разумели нынешнюю мозаику. Ученые несогласно определяют смысл и происхождение этого слова. Чампини, отыскивая колыбель мозаики на востоке, считал корень этого слова еврейским; Буленгер (*De Pictura* кн. 1 глава 8) объяснял слово *мусия* глаголом *мусейн*, т.е. разнообразить, различать, расцветивать колерами. В примечаниях к книге Манилия, Скалигер просто переводил греческое слово *мусеион* или латинское *musivus* – мозаический – *эпитетами искусно, изящно составленный*. Было еще мнение о производстве этого слова от *mucis* – так как работа из малейших камешков, или *musis*, так как составление мозаики предполагало и требовало, по самой своей трудности, особенных, *поэтических* способностей. Курьезнейшее объяснение слову *мусля* дал Фуриети – «от слова *музей*, означającego публичное место, где собирались ученейшие мужи и где обыкновенно, как заметил Спон, пол украшался мозаикой».

Древнейший вид мозаики – мраморный из разноцветных кусочков этого материала *в узор*, в силу чего мозаика, как мраморная, так и стеклянная, долго назывались делом резным – *secilia*, наборнымъ – *teeselata*, или просто половым – *lithostrota*.

В христианских церквях мозаикою украшалась апсида (алтарная сферическая ниша). В Византии во дворцах императоров мозаика покрывала своды *труллов* (*trullus*) и столовых (*triclinium*). Павзаний изобретение выделки мраморных плит для обшивки стен приписывает Бизасу (за 6 веков до нашей эры). Затем прошел большой или меньший период времени с изобретения Бизаса, когда дошли до резки мрамора в маленькие кусочки произвольной величины, подбор которых по рисунку назывался *opus tessellatum*. Позднее появилась архитектурная орнаментация – *opus sectile* или *opus segmentatum*, хотя римляне удерживали греческое общее имя *lithostroton* (каменная настилка). *Opus segmentatum* – уже изображение фигур из животного или растительного царства посредством двух или трех (не более) цветов мрамора, т.е. то самое, что в ближайшие к нам времена во Флоренции известно под именем *opera de Comesso*. Ограниченность цветов мрамора заставила искать материала более разнообразного по богатству колеров.

Энкаустика¹⁸¹ своею прочностью давала повод заключить о возможности получить огненным путем такой материал, который ни время, ни атмосферные перемены не будут портить и уничтожать. Таким образом внимание было обращено и на стекло, которое финикийцы умели окрашивать в более или менее произвольные цвета и не только однотонные, а как бы и мраморного характера. Мозаичное дело в первое время смешивали с мраморною инкрустацией, иногда давая обоим общее название. Иногда мозаику обозначали и особым греческим словом *асаротон* (от сарон – стекло). Изделия этого рода, по словам Плиния, стали впервые фабриковать в Пергаме и родоначальником считается некто Sosus. Древнейшие остатки *асаротного* дела найдены в развалинах виллы Адриана в Тиволи, где в одном месте изображены с высоким совершенством четыре голубя и остатки трапезы. В III веке мозаичная орнаментика не ограничивается полами и из нее уже делали портреты. С введением христианства, в храмах с первого же момента мозаика нашла себе приют в качестве украшения потолков или даже и всех стен, представляя в лицах для непосвященных все главные события ветхого и нового завета. В эдикте Константина Великого от 337 года говорится уже о мозаичных мастерах (*musivarii artifices*). Древнейшим христианским храмом, украшенным мозаикою, была равеннская церковь св. Агаты. Одновременно с этими замечательными мозаиками были украшены таким же приемом арка в базилике Св. Павла в Риме и храм мучеников Назария и Цельса в Равене (440 г.). В 451 г. купол храма св. Иоанна на водах был весь выложен стеклянной мозаикой. Самая значительная по размерам мозаика была сделана при Теодорике, в церкви S. Maria, доказывающая огромную тогда наличность искусных мозаичистов. Высшая степень совершенства христианской мозаики в православной Византии всего ярче и полнее сказалась в первом храме во всем христианском мире – соборе св. Софии (536 г.) в Константинополе. Блеск и художественность этого сооружения были так ослепительны, что венцом своей земной славы Ярослав I и его сын Владимир, при сооружении ими много позднее храмов св. Софии в Киеве и Новгороде, считали осуществление желаний хоть сколько-нибудь приблизиться к великолепной постройке Юстиниана I. Мозаики константинопольской св. Софии, после перехода ее в турецкое владычество, были временно раскрыты из-под штукатурки только в 1847 г.–1848 г. архитектором Гасп. Фоссати.

В том же 1848 году Высочайше повелено было реставрировать, мозаики киевской св. Софии, – тоже, в саду невежества, бывшими многие годы под штукатуркой. Мы не будем перечислять всех дворцов, украсившихся в дни византизма мозаикой. Храм, построенный в дворце Василием Македонянином, мог спорить по богатству и совершенству мозаик с св. Софией. Последняя была так бесподобна своими мозаиками,

что Юстиниан в день ее освящения признал себя превзошедшим Соломона». Равенна видела пример щедрости этого императора, украсившего ее в 553 году храмом св. Виталия. Несколько рутинными начинают быть мозаичные изображения святых к церкви св. Лаврентия в Вероно (578 г.), как и в церквах св. Агнессы (623 г.) и в оратории се. Веранция (623 г.) в Риме, равно как и в церквах св. Стефана на Монте-Челио и св. Петра (582 г.). Мозаики св. Евангелистов в с. св. Марка и Спаситель со святыми (774 г.), служение ангелов в церкви св. Нерее и Ахиллея (796 г.), Христа с апостолами и другое изображение Спасителя и св. Петра в Латеране (797 г.), Христа на престоле (там же) и Карла Великого в церкви св. Сусанны – представляют уже полную рутину и произведения жалкого искусства. Совершенно утеряны первоначальные типы в мозаиках церкви св. Пракседы (819 г.). В капуанской церкви конца VIII и начала IX века снова видим чистейший византийский стиль. Италия, южная часть которой долго принадлежала восточной империи, во все продолжение средних веков наводнилась приливом византийских художников мозаичистов, или строивших дворцы и храмы в ней самой, или переправлявшихся на запад и север. Венеция, как один из приморских городов, составлявших тогда центры, при постоянных сношениях с Византией и снабжении всех прочих стран произведениями ее фабрик, привлекала к себе капиталы, часть которых уделяла на храм своего патрона – св. Евангелиста Марка. Этот храм в течение веков сделался сокровищницею всего лучшего, что успели добыть деньги и произвести искусство венециан. Собор св. Марка обязан прежде всего тенью византийцев. В 970 г. дож Пьетро Орсеоло призвал строителей из Константинополя для постройки этого собора, длившейся целый век и оконченный при доже Доменико Сельво в 1084 г. Первые мозаики св. Марка должны быть отнесены к этому времени и оказали благотворное влияние на позднейшее возрождение мозаики, как в самой Италии, так и во всей Европе. Сюда относится сооружение мозаик св. Софии Киева (1017–1037) и Новгорода (1044) – одновременно с установкой главных первых мозаик собора св. Марка в Венеции.

С 1000 года при соборе св. Марка беспрерывно 905 лет работала собственная мозаичная мастерская, украшавшая несравненный памятник, как музей тысячелетней эволюции мозаичного искусства. В настоящее время этою мозаичною студией заведует синьор Агацци. Изготовление цветных масс стекла перенеслось в Мурано, расположенное близ Венеции. Точно так же при соборе св. Петра в Риме с момента начала постановки в нем мозаик, замещающих произведения тленной живописи, работает, обслуживая его нужды, мозаическая студия Ватикана. Материал для мозаик св. Петра изготавливается в Ватикане и выделкою смальт заведует в наши дни синьор Мануччи. Мурано и Ватиканская студия продают свои смальты почти всему мозаичному миру.

В России М.В. Ломоносов изобрел свою собственную смальту и, возродив угаснувшее с XII века русское мусийное дело, должен считаться родоначальником ныне функционирующих у нас фабрик. Необходимо обратить внимание на постановку русского мозаичного дела сравнительно с соборами св. Петра и св. Марка, проследить с XVIII века историю русской мозаики, взглянув на *утраченные заветы Ломоносова, подкреплявшиеся в свое время предначертаниями Екатерины Великой и императора Николая I.* Но ради некоторой последовательности в изложении истории мозаики, предположим еще некоторые строки.

Восстановителем мозаики на итальянской почве считается грек Феофан, приглашенный в Венецию для украшения собора св. Марка. Феофан открыл в Венеции (в 1200 году) школу живописи, в которой изучение мозаичного искусства составляло обязательную часть технического образования живописца, настолько же для него в те времена необходимого, как писание по сырой (*al fresco*) и сухой (*al secco, al tempera*) штукатурке. Школа Феофана создала целый ряд замечательных мозаичистов, из которых назовем грека Аполлония, феррарца Джелазо, флорентинца Тафи, Андреа Тафи (1213–1294) обучил мозаике Гаддо Гадди (1239–1312), в свою очередь учеником которого был знаменитый Джотто (1267–1321), создавший мозаический *chef d'oeuvre* своего времени «укрощение бури Иисусом Христом на Тивериадском озере». Помощником Джотто был Пьетро Кавалини, исполнивший мозаики на фасаде церкви Богородицы в Трастеве (Рим). При папе Павле II делались мозаики в Петровском соборе и при Сиксте IV – в апсиде капеллы его сооружения. Век возрождения и самое высшее развитие живописи не только не уничтожило мозаического производства, но даже поддержало его. Великий Тициан принимал живейшее участие в усовершенствовании колорита мозаики, исполнявшейся в соборе св. Марка Франческом Цуккато. Тициан давал свои картоны и внимательно следил за выполнением мозаики. Кавалер Арпино и Гвидо Рени в свое время принимали не менее деятельное участие, так что общими усилиями искусных мозаичистов (*создававших и смальту*) вместе с великими мастерами живописи, мозаика наконец была доведена до возможности передавать гармонию тонов картины, нисколько не уменьшая в таком воспроизведении свежести и силы оригинала. Огромную услугу мозаике оказало папское правительство, предпринявшее изготовление мозаичных копий с *chef d'oeuvre*’ов великих художников, наполнявших собор св. Петра в Риме.

Высоте совершенства мозаичных работ способствовало открытие синьором Маттиоли (в XVIII в.) пурпуровой смальты, что дало возможность передавать тончайшие нюансы живописи. К сожалению, *для итальянцев*, секрет пурпуровых смальт (*purpurini*) ими затерян и не возобновлен, так что папский магазин смальт, продавая в недавнем

прошлом запасы этих оттенков стекла чуть ли не на вес золота, ныне прекратил его выдачу.

В 20-х годах прошлого века мозаичисты Giovanni Moro и Gazetti впервые применили упрощенный ими мозаичный прием набора кусочков смальты при реставрации некоторых мозаик св. Марка в Венеции. Как известно, имеются две главных разновидности мозаичной техники – римской и венецианской. Первый, практикуемый в Ватикане и в русском мозаичном отделении, состоит в наборе мозаики с лицевой стороны, второй – с обратной стороны, таким образом, что правая сторона ее находится на левой от зрителя или так, как мы видим себя в зеркале. Для этой цели прорисовывают контуры оригинала на прозрачный бумагу или провосченную материю, положенные плотно на картину. На такой рисунок, перевернутый на другую сторону, приклеивают, смотря по оригиналам, разноцветные кусочки смальт, которые, по окончании набора, заливают цементом и отмочив первоначальный прозрачный рисунок подучают готовую мозаику. Способ этот имеет тысячи преимуществ перед римским приемом и особенно драгоценен при реставрациях мозаики.

Один из экземпляров мозаичной работы Ватиканской студии дал толчок М.В. Ломоносову положил начало чисто русской мозаике. Мы не будем, указывая на ту разницу в производстве мозаик, какая имеется между римским способом и работами Ломоносова, так как это совершенно не имеет существенного значения для качества мозаики, укажем лишь *на основу введения в России мозаичного дела открытием им первой русской фабрики, изготавливающей смальту*. Как бы велики ни были запасы смальт, сколько бы десятков тысяч готовых разноцветных кусочков стекла не были приготовлены, все-таки *постоянно и непременно приходится готовить новым смальты новых оттенков*, по той причине, что *градации красочных тонов картин бесконечны*. Основа мозаики смальтоварение. Начало искусства мозаики *в печи*, где готовится смальта первым художником, приступающим к мозаичному делу. *В печи* начало художественности мозаики. С этого момента, *главным образом*, начинается разрешение художественных данных сути «запечатления авторства» в вековечный материал – стекло. Кусок стекла – только кусок, и бриллиант – тело как бы стекловидное; но и в смальте, и в драгоценных камнях заключены: в последних – отблеск даров природы, в первой – *художественная мысль основного мозаичиста*. Повторяю, основа мозаики – *прежде всего* в смальтоварении, как в живописи умение распоряжаться смешением красок на палитре. До тех пор, пока возможность получать любые цветные оттенки в смальте не была решена, не могло быть и совершенства мозаики. Мы обращаем особенное внимание на изложенные основные положения мозаичного дела, так как в дальнейшем нам придется исходить из этих данных. Обратим теперь внимание на те цели, которые рисовались М.В. Ломоносову, при его стремлении к

введению мозаичного искусства в России. Наиболее картинно, чем пишет об этом сам «господин коллежский советник Ломоносов, Санкт-Петербургской Императорской и Королевской Шведской Академии наук член и химии профессор», изложить трудно, а потому приведем его прошение и Императрице Екатерине. «Понеже указом Вашего Императорского Величества, данным из Правительствующего сената прошлого 1756 года повелено, чтоб я особливо к размножению мозаичного искусства прилагал старание, – того ради, исполняя указ, паче прочих вещей старался о произведении в совершенство помянутого художества, которое и достигло уже такого состояния, что совершенно служить может для украшения церквей Божиих и других публичных строений, каковыя Высочайшим Вашего Императорского Величества повелением строятся к украшению отечества и к вечной славе благословенного государствования. А как через многие достоверные опыты из древних лет подлинно известно, что мозаичная живопись не подвержена такому тлению, как ее другие роды, но кроме чрезвычайных и насильных действий. ни воздухом, ни долгою времени не повреждаются, оными неувядающими цветами могу и желаю я, низжайший, как для церквей Божиих святые образы, так и для других публичных строений, изображать на моих заводах лица и дела Ваших предков, а особливо бессмертные памяти дражайших Ваших родителей, равно как геройское Вашего Величества на родительский престол восшествие и благодеяния к отечеству, где Высочайшими Вашим указом повелено мне будет; которое дело производить имею по данным оригиналам или рисункам, со всяким требуемым совершенством за надлежащую цену. И дабы Высочайшим Вашего Императорского Величества указом повелено было сие мое прошение в Правительствующий Сенат принять и Всемиловитейше указать на моих заводах составлять мозаичные живописные вещи для украшения казенных строений по данным оригиналам или рисункам за надлежащую цену, дабы возобновленное и в несравненно лучшее состояние, приведенное мною, сие в России искусство могло размножиться». Из этого замечательного прошения совершенно ясен здравый взгляд Ломоносова на роль мозаики, которая и в действительности должна была бы обслуживать храмы и правительственные здания, сооружаемые по Высочайшему повелению, за оплату действительной их стоимости и кроме того послужила бы вообще распространению этого искусства в России. Так ясно выраженная мысль Ломоносова положительно не осуществилась. Мы постепенно подойдем к этому печальному историческому явлению и объясним его причины.

Ломоносов исполнил мозаикою 7 образов, 6 портретов, несколько незначительных или затерявшихся работ, а также большую мозаику (2 на 6½ аршин), изображавшую «Полтавскую битву», воспроизводившую

оригинал, написанный масляными красками, придворным живописцем Петром Дени Мартеном младшим. На верху этой мозаики, в *выгиге* был сделан образ Св. апостола Павла с пером в руке. Кроме того, его же фабрикою начата была мозаика «Азовское взятие» и «Начало государевой службы», не сохранившиеся и неизвестно куда исчезнувшие. Последние три большие мозаичные картины набирались Ломоносовым для крайне сложного памятника Петру Великому, который предполагалось поставить в Петропавловском соборе. Проект был составлен самим. М.В., а исполнение, как следствие вышеприведенного прошения 1757 года, было поручено ему же по Высочайшему разрешению 26 октября 1760 года за сумму 148.682 рубля. С 20 марта следующего года Ломоносов приступил к выполнению названных больших мозаик. В 1764 году мозаика «Полтавская битва» была окончена и вызвала полное одобрение Сената. Весь проект Ломоносова, касавшийся памятника Петру Великому, помимо многих фигур и чисто архитектурного построения, состоял из 10 очень больших мозаик, не меньших размера «Полтавской битвы». Смерть гениального, первого *ученого* русского мозаичиста (7 апреля 1765 года) пресекла дальнейшее выполнение изумительного по богатству и широте замысла памятника великому преобразователю. Общее число квадратных аршин всех мозаик монумента должно было равняться шестистам. Нельзя искренно не пожалеть, что сооружение не могло быть окончено. Как будто бы рок тяготел над первыми шагами возрожденной русской мозаики, продолжавшей быть немилостивым и в дальнейшем развитии русской мозаики. Ломоносовская мозаичная фабрика, строго говоря, принадлежала казне, выдавшей на нее тринадцать тысяч рублей и М.В. был т.с., арендатором, на 30 лет. Ссора жены Ломоносова с мозаичистами понудила Сенат указом 17 июня 1766 года вывести мозаичную мастерскую из дома изобретателя с Большой Морской и передать ее в контору Ее Императорского Величества. Инспекция над мозаичным производством была вверена *живописцу* Ивану Ивановичу Бельскому (1720–1799), при котором были исполнены только два образа, попавшие на академическую выставку 1770 года. Несмотря на официальное существование мастерской до 1798 года, мы не находим данных о большей ее деятельности, хотя встречаются сведения о доставлении смальт на Императорский стеклянный завод. В половине семидесятых годов исчезает лучший мастер мозаичист, которым держалось учреждение по смерти Ломоносова, и покидает фабрику составитель смальт, шурин М.В. – Иван Цильх. С 1798 года до 1829 мозаичное дело, в том виде, о каком мечтал Ломоносов, фактически не существовало, если не считать тех мозаичистов, которые работали из заграничных покупных и ломоносовских смальт.

Дальнейший исторический путь русской мозаики обязан своим бытием Императору Николаю I. Посетив студию мозаичиста-академика Веклера

(1800–1861), государь обратил внимание на плачевное состояние, в котором оказалась мозаика «Полтавская битва», сосланная в Академию художеств, заколоченная досками, искрошившаяся от небрежного с ней обращения, с отломанным и утерянным изображением св. апостола Павла. Тогда же был отдан приказ реставрировать эту драгоценность, для чего вызвали из заграницы (в 1829 г.) мозаичиста Дольфини, который вскоре умер, и работа перешла к самому Веклеру. Георг Фердинанд Веклер, как мозаичист, стоял совсем обособленно от деятельности образовывавшейся новой «николаевской» мозаичной студии, сделавшись совершенно случайно в 1856 году питомцем римского мозаичиста Молья, учившегося у Агвцци (изобретателя *мелкой* мозаики, отца ныне работающего в соборе св. Марка в Венеции). В нашем обзоре нельзя не упомянуть его имени, как все-таки некоторыми образом заполнившего пробел между погибшим делом Ломоносова и новыми возрождением русской мозаики, обязанной императору Николаю I. Веклер был рижанин, величался «Егором Яковлевичем», и оставил после себя более полусотни прекрасных и очень ценных мозаик. Реставрация «Полтавского боя» не двинулась ни на шаг, потому что Веклер не успел приспособиться к более широкой манере Ломоносовской мозаики. У Веклера было два ученика, и один из них сложившийся, после поездки за границу, в самостоятельного мастера, одиноко практиковал образа, портреты и мелкие мозаики.

Существенным рычагом к реставрации мозаичного дела послужил доклад Кривцова – «начальника русских художников-пансионеров», живших в Риме, доложившего в 1842 году министру Императорского двора о желательности и практичности учредить русское мозаичное заведение. Несомненно, эта идея была подсказана Кривцову строителем Исаакиевского собора архитектором Монфераном, тем более, что доклад был написан и подан после поездки Монферана в вечный город. К осуществлению проекта возрождения мозаичной студии являлись те данные, что строившийся собор сооружался из ценнейших и вековых материалов и еще то, что можно было дешево купить до 35.000 фунтов *смальты*, оставшейся от прекращения мозаичной фабрики вице-короля итальянской республики герцога Мельци, существовавшей в Милане на правительственную субсидию, неожиданно прекращенную известному мастеру-мозаичисту Рафаэлли. Кривцов купил эту смальту и предлагал правительству вызвать в Петербург знаменитого римского мозаичиста кавалера Микель-Анджело Барбери, бравшегося организовать студию, указывая на желательность пригласить, и профессоров-итальянцев для обучения в 3–4 года русских молодых людей. При этом Кривцов сообщал, что Барбери находит возможным исполнять картины для собора *более декоративными типом мозаики* сравнительно с тем, к которому привыкли в русской академии художеств. Наше *высшее художественное учреждение* оказалось не на высоте своего положения и ограничилось

выражением своего неодобрения проекту Кривцова, найдя, что 35.000 фунтов смальты мало, что обучить мозаичному набору нельзя так скоро и что Барбери ошибается, предлагая декоративное выполнение. Вполне естественным результатом такого отзыва академии художеств явилось то, что государь принужден был написать не иную резолюцию, как – «повременить» с исполнением проекта Кривцова. Мы нарочно подчеркиваем мнение академии художеств, потому что оно легло в главных своих частях совершенно ложной основой, за которую приходится расплачиваться слишком шестьдесят лет спустя. Мы придет еще к этому выводу совершенно осязательно, в заключениях настоящей статьи.

12 августа 1845 года государь повелел прекратить писание икон для Исаакиевского собора на трудно поддававшихся изготовлению медных досках, приказал писать на холстах и постановил «учредить мозаичное заведение для изображения после сих икон мозаикою». Министр Императорского Двора князь Петр Михайлович Волконский, живший в то время в Италии, составил записку-проект об учреждении в Риме, мозаичной студии для обучения русских мастеров, которые впоследствии могли бы в России вести самостоятельное дело. Барбери брался приготовить шестерых мозаичистов в четыре года, в продолжение которых они успели бы сделать один мозаичный образ для Исаакиевского собора: при этом князь Волконский проектировал будущую в России «Императорскую мозаичную фабрику» вверить академии художеств с подчинением комиссии Исаакиевского собора (М.В.Д.). В ожидании того времени, когда русские миссионеры закончат свое образование в Риме, князь Волконский предлагал поручить в Петербурге Веклеру заняться исполнением икон из римской смальты или прислать его, Кокки-отца профессора с двумя учениками Веклера и двумя химиками в Рим, так что через те же четыре года создавался бы штат только русских мозаичистов и изготовителей смальт. «Мозаика же потребоваться может не для одного Исаакиевского собора, храм Спасителя (в Москве) сооружается тоже вековым памятником: наконец галереи Императорских дворцов могут потребовать воспроизведения chef d'oeuvre'ов своих для увековечения их», – заканчивал министр свой проект, указывая на желательного директора предполагаемого мозаичного отделения профессора Ф.А. Бруни, а профессора Винченцо Рафаэлли в качестве руководителя по изготовлению смальт. На этот раз проект был осуществлен; Рафаэлли приглашен на четыре года с обязательством, поставить всю техническую сторону дела, с условием «передать свою опытность» по устройству всех частей мозаичного искусства. Римских пенсионеров-художников, живших в Риме, определили, по выраженному ими согласию, в науку к Барбери, с обязательством прослужить по окончании курса десять лет на петербургской мозаичной фабрике, последнюю причислить к академии

художеств, а печи устроить на Императорском стеклянном заводе. Рафаэлли двинулся в Россию через Константинополь на Одессу, откуда ехал шестьдесят восемь дней до Петербурга. То, что было Ломоносову по силам *одному*, потребовало учреждения целой комиссии для выяснения всего необходимого по оборудованию печи и набора мозаик. С десятого июля 1848 г. до 10 марта 1850 делались приготовления, когда, наконец, зажгли первый огонь в построенной плавильне. Десятого июня последовало Высочайшее повеление о передаче в мозаичное заведение первого оригинала, которым был иконостасный образ Спасителя работы профессора Неффа. По предложению д.с.с. князи Гр. П. Волконского – ввести в технические приемы Рафаэлли по изготовлению смальты улучшенный метод Барбери, были приглашены синьоры Кокки (лучший мозаичист ватиканской студии), Рубиконди и Джустиниано Бонафеде – «самый способный для выполнения обязанностей инспектора всякого рода работ в петербургском мозаическом отделении». О Джустиниано Бонафеде Г.П. Волконский писал: «тотальному таланту Джустиниано Бонафеде образцовая мастерская св. Николая (так называл Г.П. будущую мозаичную студию) может быть одолжена заведением плавильной и изготовлением в ней смальт по качеству своему и в самом Риме считающихся выше всех до сих пор фабрикуемых». Между тем в Риме шестеро русских пансинеров, обучаясь мозаике, исполнили пять икон и две копии с пола, открытого в Отриколи. По окончании этих работ в июле 1851 г. римская студия была закрыта и наши мозаичисты водворены при петербургском мозаичном заведении (кроме умершего отца Дмитриева) художниками мозаичистами (Раев, Солнцев, Шаповалов, Федоров и Дмитриев-сын). К ним положено было выбрать 6 учеников. Мозаичное отделение было разделено на художественное отделение и техническую часть. Первое обосновалось при академии художеств, вторая при Императорском стеклянном заводе. Штаты их были 17.030 р. и 20.200 р. в год.

При техническом отделении были определены сплавщики и химики. Синьоры Д. Бонафеде, его брат Л. Бонафеде, проф. Кокки и инженер-технолог П.И. Михайлову учившийся у Рафаэлли, большой знаток мозаичного дела. Рафаэлли в 1852 году уехал, награжденный пенсионом в 1.000 скуди. Общее заведывание в обоих отделениях мозаичного отделения было возложено на Дж. Бонафеде, как на химика и главного мастера, на обязанности которого лежало наблюдение за приготовлением масс всякого рода, устройство химических печей, свидетельство материалов, заведывание лабораторией, руководство мастеров, не только сплавщиков, *но и живописцев*.

Граф Л.А. Ченовский в 1856 г. впервые *выразил естественное недовольство медленностью производства мозаик* и провел меры к некоторому ускорению дела, *соединив* оба разрозненные отделы на

стеклянном заводе. Мозаичное заведение оставалось под покровительством президента академии художеств, но подчинялось управляющему кабинетом Его Величества, причем полное заведывание хозяйственной частью было возложено на г. управляющего Императорскими заводами, помощником которого должен был быть директор стеклянного завода. Должностные лица определялись с разрешения управляющего кабинетом. При сдаче магазина *смальт* запаса этого материала *оказалось 2.467 пудов 4 фунта на сумму 126.649 р. 30¼ к.* В мозаичную студию были допущены в 1858 году монахини Дивеевского монастыря. Их занятия не оказали видная влияния на распространение мозаичного дела вне пределов Петербурга.

13 января 1862 года решено было вновь *перенести мозаичное заведение в академию художеств, упразднив техническое отделение и предоставив Императорскому стеклянному заводу снабжать заведение смальтой.* Такое мероприятие являлось похожим на то, если бы художник смешивал краски на палитре за одной заставой, а писал картину за заставой противоположной. Таким образом на Васильевском острове в третьей линии возникло учреждение, помещенное в специальное здание, именуемое «теперь *Императорскими мозаичным отделением*». Ко времени открытия мозаичного отделения (7 декабря 1864 г.) следующие мозаичисты были работниками по созданию мозаичных икон Исаакиевского собора: М.А. Хмелевский, академик М.Н. Алексеев, И.Д. Бурухин, М.П. Щетинин, Г.М. Агафонов, Ф.Ф. Гартунг, А.Н. Фролов, Н.М. Голубцов, М.П. Муравьев, И.С. Васильев, В.А. Колосов, Е.Г. Солнцев, и И.С. Шаповалов.

Мирное процветание нового мозаичного отделения внешне ничем не было нарушено до настоящих дней. После Д. Бонафедде официально во главе мозаичного отделения стояли: Ф.А. Вруни (живописец), Ф.И. Иордан (гравер), А.Н. Фролов (мозаичист-наборщик) и П.П. Чистяков (живописец). С 64 года прошло уже 41 год и как дело было поставлено, так оно как будто бы не хуже, и не лучше движется по раз установленному пути. В действительности, не все обстоит так благополучно, как следовало бы. Необходимо упомянуть о случившихся переменах в главном личном составе деятелей нашего мозаичного дела. В непосредственные помощники Леопольду Бонафедде был приглашен в 1896 году инженер-технолог С.П. Петухов. Приблизительно в это время умер инженер-технолог П.И. Михайлов. В 1878 г. со смертью обоих братьев Бонафедде, С.П. Петухов принял на себя те же обязанности, какие нес Джустиниано Бонафедде, и исполнял их вплоть до 1892 года, когда новообразовавшееся управление Императорских стеклянных заводов, в свою очередь, не занеся в свой штат, передало смальтовый завод в кабинет Его Величества. С 1882 года десять лет С.П. Петухов обучал кандидата естественных наук В.Н. Селезнева смальтовому производству, который и

остался при заводе с уходом С.П. Петухова в качестве производителя этого материала. Одно время В.Н. Селезнева страдал дальтонизмом, а самое производство смальт сократилось до такой степени, что заводские рабочие стали жаловаться на начинающееся от безделья одичание. Очевидно, что мозаичное отделение, вступив на путь экономии, стало довольствоваться запасами смальт. Не надо забывать, что как бы ни был велик запас материала, его все-таки необходимо переплавлять для получения вполне точных колеров. В Мурано, близ Венеции и в складах Ватикана накопились вековые запасы смальт, но и они почти постоянно требуют такой переработки. В настоящее время заведующим мозаичным отделением числится профессор живописи П.П. Чистяков и работы по набору мозаик исполняются тем же удручающе-кропотливым способом, какими делались с середины 1850 года, с тою только разницею что задельная плата мозаичистов с 20 рублей за квадратный вершок мозаичного набора лица, которые платились в конце царствования Николая I, уменьшилась до 4,5 рублей. Но все-таки стоимость больших мозаик мозаического отделения представляет устрашающие цифры, так, например, воспроизведение картины «Лобзание Иуды» обошлось около 70.000 руб., а оплата мозаик по 50–60 тысяч не составляет редкости в мозаичном отделении. Цены мозаик мозаичного отделения становятся прямо нелепыми даже для позапрошлого века, если сравнить площадь всех мозаик, сделанных для Исаакиевского собора, с площадью 10 картин Ломоносова, которые тот брался сделать не менее тщательно, при разнице цифр 5 миллионов и 148.682 р. Теперь мы просим вспомнить мнение Барбери, высказанное в 1842 г., о возможности делать мозаики для Исаакиевского собора менее драгоценным и ничуть не худшим способом, в особенности для произведений, к которым нельзя будет после их постановки, подходить вплотную, просим вспомнить мнение по этому поводу академии художеств. К этому необходимо добавить, что даже в соборе св. Петра в Риме принято за правило воспроизведение мозаик верхних частей *делать декоративным, несравненно более дешевым способом*. Теперь становится ясна та живучесть академической рутины, которая процветает, вопреки всякому здравому смыслу, до настоящего времени и обошлась правительству *не в один лишний миллион рублей*. Вина мозаичного отделения еще более усугубляется, если принять во внимание следующую видную картину русского мозаичного дела, которая уже стала исторической.

Великий князь Константин Николаевич, видя непомерные траты на мозаики Исаакиевского собора и будучи хорошо знаком с постановкой мозаичного дела на западе, высказал мысль о необходимости ввести в России удешевленный и упрощенный тип мозаичного производства. По его инициативе, конференц-секретарь академии художеств П.Ф. Исеев, по поручению президента академии обратился в 1888 году к упомянутому

уже нами инженер-технологу С.И. Петухову за разрешением вопроса об удешевленной декоративной мозаике, и по разъяснению С.П. Петухова, высшие сферы убедились в целесообразности и полезности введения этого способа в России. Отсюда вытекла командировка Академией Художеств С.П. Петухова, единственного оставшегося прямого преемника Джустиниано и Леопольда Бонафедде, за границу для детального и ближайшего ознакомления с постановкой в Италии и Франции и этого удешевленного декоративного производства. В 1889 году С.П. Петухов в звании *инспектора* сопровождал для этой же цели трех учеников академии художеств и осмотрев все, что было необходимо, работал с учениками в мастерских – Сальвиатти (Венения), Морелли (Милан) и Гильбер-Мартен (Париж). Академия Художеств снабдила С.П. Петухова необходимыми полномочиями и официальными просьбами во все императорские посольства, миссии и консульства об оказании содействия цели экспедиции. По возвращении из командировки, несмотря на блестяще выполненную миссию всеми членами экспедиции, *ни Академия Художеств, ни мозаичное, отделение не воспользовались результатами добытых знаний*. По архивным документам мы видим, что наибольшие успехи из посылавшихся трех учеников академии оказывал архитектор А.А. Фролов, которому, по докладу С.П. Петухова Академия Художеств, Августейший ее президент в.к. Владимир Александрович нашел *безусловно необходимым* продолжать пенсионерство. По возвращении из заграницы С.П. Петухова и А.А. Фролова, Академия не покидала мысли привить в мозаичном отделении новые технические приемы работы, так что С.П. Петухову пришлось, продолжая свою официальную миссию, находиться в неизбежных сношениях с А.А. Фроловым по совместному устройству технической и искусственной части мастерских декоративной мозаики, *которую* предполагалось в то время учредить при мозаичном отделении Академии. Таким образом, А.А. Фролову разрешено было работать по удешевленному декоративному способу при мозаичном отделении принимать там заказы. Но все это продолжалась не долго по причине крайне неприязненного отношения заведующего отделением П.П. Чистякова ко всякому новаторству. Необходимо пояснить, чем невыгодна было для чинов мозаичного отделения и ее шефа П.П. Чистякова введение новых практических, технических приемов. При новой постановке дела непомерно *ускорялось* производство, при том оно чрезвычайно *удешевлялось*. Опыт С.П. Петухова и А.А. Фролова доказывал, что мозаичисту наборщику не надо было быть семи пядей во лбу, так, что ореол тотальности мозаичистов мозаичного отделения спускался до выучки мальчиков и *не-художников* простой копировке оригинала. В мастерской Фролова ученики настолько осваивались с подбором цветных смальт, что нередко превосходили, в смысле тонкости передачи оригинала, своих товарищей, умевших рисовать. Таким образом пала бы

казенная задельная плата, то, что делалось годами, стало бы изготавливаться в месяцы и пришлось бы энергично работать, а не прохлаждаться, к чему так привыкли в отделении. А.А. Фролов *принужден* был покинуть негостеприимный кров, а мозаичное отделение не всосало ни крупинки бывших под его руками элементов освежающих знаний. Руководимый С.П. Петуховым, А.А. Фролов проявил большую энергию, стал создавать и добиваться заказов. Благодаря его настойчивости ему был передан подряд на изготовление 3.700.000 квадратных вершков декоративной и мелкой мозаики для храма Воскресения в Петербурге на месте смертельного поранения в Бозе почившего императора Александра II. *Никому из членов академии художеств не показалось странным, что такой огромный заказ миновал мозаическое отделение.* Курьезнее всего то, что А.А. Фролов и его наследники обогатились на этом подряде, а мозаичное отделение продолжало только поглощать несуразно огромные правительственные суммы, ничего не делая иного, кроме мозаик для Исаакиевского собора. То немногое, что мозаичное отделение делало не для собора, таю ничтожно, что об этом не может быть и речи. Деятели академии и ее член П.П. Чистяков оказались в незавидном положении, быть может не заметном для них самих, но буквально юмористическом для знающих дело. Академия посылала людей изучить новый, современный и практичнейший прием мозаики, а сама им не воспользовалась. Непростительно и прямо было преступно со стороны П.П. Чистякова изгадим нового способа мозаики, даже не испробовав его в отделении руками его мастеров. Сам П.П. Чистяков никогда лично мозаикой не занимался, имея смутное представление о химии и технике изготовления смальт. Между тем мы в самом начале нашей статьи привели слова М.В. Ломоносова о той широте задач, которые надлежит по здравому смыслу, исполнять казенной мозаичной студии – обслуживание всех правительством строящихся церквей и зданий. Что же делает мозаичное отделение? Оно довольно жалованием двадцатого числа и ему никакого нет дела ни до храма Воскресения, ни до варшавского, новочеркасского и ревельского соборов. Оно пассивно относится к гибели картин храма Спаса в Москве, тогда как на необходимость подумать об исполнении мозаикой его картин было указано, как я писал, еще в 1845 году князем Волконским. Рутинная техническая деятельность мозаичного отделения под управлением П.П. Чистякова, огромнейшие запасы – завали смальт, омертвление смальтового завода заставляют указать на полную несостоятельность учреждения, отставшего ровно на сто пятьдесят лет от тех указаний, которые были ясно подчеркнуты, как желательные (а ныне более чем возможные), Екатериною Великой и позднее Великим князем Константином Николаевичем. Безразличное отношение к прямому долгу подумать об использовании средств

мозаичного отделения на нужды всех казенных зданий – не имеет оправдания, но, к несчастью, имеет объяснение.

Обращаясь к данным архива академии художеств, мы открываем причину всех печальных сторон рутинной деятельности мозаичного отделения. Причина эта – *грубое невежество*. Приведем доказательства.

В 1890 года в документе от 8 февраля видим, что П.П. Чистяков сообщил об изготовлении четырех мозаик св. Евангелистов, для парусов Исаакиевского собора и поднял вопрос о задаче постановки этих мозаик на места. Эти мозаики составляют пятьдесят одну тысячу девятьсот шестьдесят два квадратных вершка. Смешанная комиссия из членов мозаичного отделения и техническо-художественного совещания по Исаакиевскому собору, в пункте третьем своего совещания от того же числа, пришла к заключению, «что необходимо предварительно *обсудить* все способы и средства к исполнению задачи и затем составить в мозаичном отделении модель прикрепления этих мозаик». Для знатоков мозаического дела такое постановление равносильно признанию всеми господами членами смешанной комиссии своего совершенного незнания того дела, за решение которого они взялись. Видимо, что решению задачи казалось членам комиссии настолько сложным, что немедленно решено было разграничить стороны ответственности при исполнении казавшейся для них столь трудной задачи. «Самое прикрепление мозаик должно лежать на ответственности обоих учреждений мозаичного отделения и техническо-художественного совещания при Исаакиевском соборе, причем ответственность при исполнении этих работ распределяется следующим образом: а) Мозаичное отделение одно отвечает за прочность мозаики как ее отдельных частей, так и за прочное и художественное соединение частей между собою, б) Техническо-художественное совещание собора принимает на себя ответственность за прочность мест прикрепления мозаик и за соответствующую подготовку этих мест, и в) ответственность за способ прикрепления и установку мозаик на местах лежит на обоих учреждениях и самый способ прикрепления должен быть установлен по совместному соглашению». Забавен и этот документ весь с начала до конца, но особенно курьезен его пункт: а) из которого так и кажется, что комиссия *первый раз* соединят отдельные больше куски мозаик в одно общее целое. В 1899 году была изготовлена железная *модель* для постановки мозаик и сделаны два куска орнамента, для их прикрепления к модели, что и было проделано к полному удовольствию членов комиссии. Заведующий мозаичным отделением П.П. Чистяков предложил еще *новый* способ прикрепления на пилонах. Комиссия осталась при прежнем своем постановлении «повесить каркасы на поясах и пространство между мозаикою и стеною цементом не заливать». Но решение это все-таки оставили открытым, при предположении, что придется пространство между мозаикою и стеною залить цементом. Из двух этих противоречий

ясно, что для членов мозаичного отделения совершенно было неизвестно, какой полагается применить в данном случае способ. Наконец актом от 27 июня 1901 года комиссия постановила: «мозаичные изображения Евангелистов поставить на особый железной конструкции каркас с отступлением от кирпичной кладки». Такое постановление комиссии для специалиста равносильно тому, что метод выработан *будто бы нарочно для того, чтобы вся система перетерлась, переломалась и обрушила мозаики*. Невольно вспоминается тоже исторический курьез по поводу конкурса XV века, когда забыли и не умели строить купола. Решено было покрыть флорентийскую Баптистерию куполом. В числе проектов, достойных решений смешанной комиссии Исаакиевского собора, был и такой: насыпать куполовидную гору земли, перемешанную с медными деньгами, и на ней произвести каменную кладку купола. Деньги должны были сыграть роль приманки для доброхотных очистателей купола от земляной начинки. Заливка и незаливка цементом – та же гора земли, она стоит далеко не медных денег, но с большей легкостью неминуемо докажет еще раз закон тяготения. Об акте 27 июня 1901 года мы высказали суждение. Теперь, очевидно, что сама комиссия почувствовала что-то неладное в своих предварительных пятилетних работах по постановке мозаик в паруса собора, ибо в нынешнем году исполнится десятилетний юбилей «полной несостоятельности прямого дела мозаичного отделения», так как поставить изображение св. Евангелистов *не решаются*. Отчего же наша старейшая мозаичная студия оказалась такой несостоятельной? Причина очень простая. Мозаичная мастерская не может быть управляема только наборщиками мозаики и зрителем этого дела, так как все они совершенно не знакомы с основной сущностью мозаичного дела. И ломоносовское дело погибло в руках *только художника* Бельского, по уходе мастера смальт. Нельзя было и теперь оставлять мозаичное отделение на ответственности живописца, давно уже не работающего и кистью, без наличного главного присутствия знатока дела мозаики во всех ее деталях от альфы до омеги. Вопрос о постановке этих парусов давным-давно решен в бывшем художественно-техническом отделе мозаичного отделения гг. Джустиниано и Леопольдом Бонафедо вместе с инженер-технологом С.П. Петуховым, еще до начала изготовления этих мозаик.

Скандал с неумением десять лет поставить мозаики на их места разросся до такой степени, что П.П. Чистяков высказывал мысль о постройке особого здания для помещения в нем этих мозаичных парусов картинами – как в музее. Более курьезного анекдота, чем этот, который дала сама действительность, невозможно придумать!... Существеннейшей ошибкой, на которую теперь приходится расплачиваться, было сначала отделение технической части от мозаичной студии, а затем, низведение ее до степени почти лишнего учреждения,

конечно, при существующем только положении дел. Теперь ясно, почему мозаика не развилась из Киева после постройки ее Св. Софии, так как при последней не было ученых искусников-техников со смальтовым заводом, как то всегда было при Ватикане и с. св. Марка. Не надо забывать, что процветание мозаичного дела возможно только при непрерывном огне в печи, плавящей смальту, при постоянном, *всесторонне* компетентном влиянии и руководстве делом таких людей, каким был Д. Бонафедде и есть С.П. Петухов. Никто не будет оспаривать желательности художественной экспертизы, которая конечно быть должна. Надо помнить, что подобных комуфлетов, как произошел с постановкой парусов, ожидается еще много. Апатичная бездеятельность мозаичного отделения сказалась и в полном невнимании к мозаике Ломоносова «Полтавский бой», которую по всей справедливости надо было бы украсить хотя бы фасад, этой студии. Пришлось частному человеку платить деньги за ее реставрацию частному мозаичисту. Реставрация мозаик новгородской Св. Софии тоже сделана не этим учреждением. Не следует забывать, что еще в 1870 году количество бесцельно отягощающей землю смальты, лежащей в казенных запасах, было достаточное для выстилки тротуара в аршин шириною от стеклянного завода до мозаичного отделения. Каково же *теперь* это количество?! Этим количеством не переделать мозаиками картин в вышеупомянутых наших позднейших соборах, вместе с храмом св. Владимира в Киеве. Кроме того, русскую смальту будут покупать даже за границу, так как она выше всех других, фабрикуемых в Европе. Тона purpurini, leonati и тельные не имеют себе равных в целом мире. Мы должны подчеркнуть, что для С.П. Петухова – как ученого стекловеда, известного и рядом своих по этой отрасли печатных трудов, нет такого тона любого цвета, который им не мог бы быть сплавлен. Умри этот деятель и Россия останется без заместителя в области тех ученых и практических знаний, которым необходимо передать *на деле*, новым лицам. Правительство в настоящий момент обладает, таким запасом смальты, что реорганизация мозаичного отделения сразу станет давать даже доход казне. Пример ведения мозаичного дела наследниками А.А. Фролова, у которого вся специальная часть и плавка смальты была поставлена С.П. Петуховым, но, к сожалению, перешедшая в руки человеку без всякой специальной научной подготовки, с полной очевидностью доказывает, материально-коммерческую выгодность мозаичного дела. Эта фирма успела изготовить уже массу мозаик, из которых особенно крупные в церквях Дармштадта и села Хрустальный Гусь. Затем же оставлять без внимания вопиющие факты убыточности и ничтожности продуктивования казенного мозаичного отделения? Реорганизация этого учреждения с достижением, *сразу* цели обслуживания хотя бы и *в убыток* казне и с ее гарантией, всех правительственных сооружений – дело назревшей, сложившейся реформы. В наши дни, когда

у нас в России еще жив *ученый знаток* римской и венецианской удешевленной и упрощенной мозаики, смешно читать официальную бумагу от 28 июня 1902 года, в которой говорится, что одни мозаики по аттику Исаакиевского собора *потребуется еще 73 года*. Смешно потому, что мозаичное отделение может быть поставлено в один год так, что не только будет иметь возможность закончить в несколько лет работы по Исаакиевскому собору, но и обслужить мозаиками все вновь строившиеся государственные постройки. Лучшие иконы обязательно должны быть увековечиваемы мозаикою. Поговаривают уже о скорой гибели живописи Васнецова в Киеве. В интересах православия и сохранения лучших религиозных произведений буквально необходим указ об исполнении их вековым стеклом.

Судьбы мозаичного дела в России, подпав под невежественный бюрократический режим, печальны. Частное мозаичное дело мастерской Фролова и «декоративно-монументальной мозаики инженер-технолога С.П. Петухова и К°» доказываю™ полную, назревшую возможность реорганизовать «Императорское мозаичное отделение».

Существенной части настоящей статьи, в виде особого доклада, дано надлежащее движение, и мы твердо верим в грядущую реформу правительственного мозаичного дела, имеющего все данные, чтобы занять первенствующее место во всем мире.

А.А. Карелин

Императорской Академии Художеств Почетный Общник.

Троицкий В. О судебных доказательствах по каноническому праву¹⁸². (К предстоящей реформе церковная судопроизводства) // «Миссионерское Обозрение», 1906, № 3, стр. 299–328

II.

Знакомясь с каноническим судопроизводством по делам поступлений (винам церковным), мы должны признать за несомненное, что в основание его устройства и построения на нем системы доказательств был положен закон, нравственный, что началом, которое было принято на суде каноническом для установления факта виновности или невиновности подсудимого, служила совесть, лично сознание и внутреннее убеждение судей. В этом мы убеждаемся прежде всего из рассмотрения канонов, начертывающих правила для постановления судебных приговоров. Знакомясь с ними, мы ясно видим, что они в основание вменения виновному преступления полагают именно живое воззрение судей на совершенное преступление, – вообще их свободное благоусмотрение и в частности, – принятие в соображение нравственного состояния преступившего. В согласии с этим основным принципом, каноны, начертывая, напр., правила относительно принятия в Церковь падших и устанавливая для них определенные роды церковных наказаний, замечают: «позволительно епископу и человеколюбнее нечто о них устроить» (I-12 пр.), или: «епископы да имеют власть испытать образ обращения человеколюбовствовати, или большее время покаяния приложить. Паче всея да испытуется житие, предшествующее искушению и последовавшее за оным и тем да размеряет человеколюбие» (Анк. 5 пр.). Точно также в согласии с тем же началом, каноны, начертывая правила для суда и разрешения вообще духовно-преступивших, повелевают: «рассматривати качество греха... расположение согрешившего... и наблюдать, к здравью ли он, или напротив, собственными нравами привлекает к себе болезнь и како между тем учреждает свое поведение (VI-102 пр.).¹⁸³

На том же принципе основываются каноны и при определении правил касательно постановления приговоров на суде открытом, по обвинениям «людей вероятия достойных». Так, делая постановления относительно суда над епископом в 1-ом случае, когда последний не пожелает явиться к делу судопроизводства, и повеления произвести суд в его отсутствие, каноны прямо определяют: «Аще не предстанет (обвиняемый), собор по благоусмотрению своему да произнесет о нем решение (74 Ап. пр.).¹⁸⁴

Исторические данные, изображающие практику канонического судопроизводства, показывают также нам, что на последнем, в согласии с

тем общим, принятым на нем правилом, по которому судебное решение дел предоставлялось внутреннему убеждению судей, всегда требовалось рассмотрение самой сущности исследуемого факта, и что подобная постановка дела была, так сказать, постоянною принадлежностью и главным преимуществом канонического судопроизводства.

Так, в Апостольских постановлениях, изображающих практику церковного суда в первые века существования Церкви, мы находим свидетельство, что церковные суды того времени, постановляя приговоры относительно подлежавших их рассмотрению дел, «произносили свои мнения, со многою тщательностью, вникнув в дело... и со многим благоразумием осуждая каждое прегрешение как малое, так и великое... уподобляясь таким образом в искусстве сведущим мастерам серебряных дел, тонко отличающим поддельные монеты от настоящих»¹⁸⁵, то есть, что приговоры этих судей, являясь выражением их собственных мнений, были результатом их внутреннего, основанного на самом тщательном рассмотрении существа дела, убеждения и их благоусмотрения.

Подобное же свидетельство находим у Тертуллиана, который говорит, что церковный суд в его время «производился со строгим исследованием преступлений».

Помимо приведенных свидетельств, мы встречаем и такое, которое показывает, что ко времени вселенских и вообще, бывших после III века, соборов, решение судебных дел по внутреннему, основанному на непосредственном знакомстве с существом дела, убеждению судей было вообще делом прочно установившегося и строго охранявшегося церковной властью порядка церковного судопроизводства.

Разумею свидетельство, находящееся в известном обличительном послании Юлия папы римского к Евсевиевым приверженцам – епископам, судившим Афанасия Великого.

В этом послании, в высшей степени замечательным, как отличающемся тою характерною чертою, что автор его излагает требования правильного порядка судопроизводства и обличает уклонения от него с полною уверенностью и положительностью, мы встречаем, между прочим, такие слова: «Суды церковные не по Евангелию уже производятся, возлюбленные, но домогаются заключений и смерти. Если и подлинно, как говорите, была в них (осужденных) какая вина, то по церковному правилу, а не так надлежало произвести суд; надобно было написать ко всем нам, чтобы, таким образом, всеми произнесено было справедливое решение... Теперь же нам не сообщили ясных сведений, а сами сделали дело, как хотели, и, наконец, требуют, чтобы, *не разобрав дела*, подали один с ними голос. Не таковы Павловы постановления; не так предали отцы; это – иной образ действия, это – новое предначертание».¹⁸⁶

Чтобы видеть, как выясненное нами, начало, установленное канонами для судопроизводства, было развито собственно в самой постановке судебных доказательств, – и вообще, чтобы ближе ознакомиться с имевшею место ни каноническом судопроизводстве системой доказательств, рассмотрим все, какие употреблялись в нем, роды доказательств, и вместе все те правила, соблюдение которых считалось необходимым при собирании и оценке их.

Собственное признание подсудимого, как доказательство

Одним из самых употребительных и обыкновенных условий для открытия истины в каноническом судопроизводств служило собственное признание подсудимого. По своему значению, как судебное доказательство, признание подсудимого почиталось равносильным всем остальным, вместе взятым, доказательствам, так что все обличено обвиняемого при помощи последних употребляемо было только тогда, когда недоставало первого. Указание на такое значение собственного признания подсудимого в деле судебного решения можно ясно видеть, напр., в 74 апостол. правиле, которое прямо повелевает: «Епископ обвиняемый... аще предстанет и *признается*, или *обличен будет*, да определится епитимия», или в 69 правиле Василия Великого, где читаем: «прикосновенный к которому-либо из вышереченных грехов, и *не исповедавший, но обличенный*, да будет под епитимией столько же времени, на сколько подвергается епитимии делатель зла».

Но признавая собственное признание подсудимого одним из важных средств для открытия судебной истины, каноны в то же время указывают, что не всякое признание подсудимого безотносительно и всегда должно быть принимаемо, как полное доказательство его виновности, но только такое, справедливость и истинность и вообще полная достоверность которого остается вне всякого сомнения для судей. Это со всею ясностью можно видеть, напр., из 147 правила Карфагенского собора, которое гласит: «постановлено (на соборе) и сие: аще епископ глаголет, яко некто ему одному исповедал свое преступление, а тот не признается (на общем *соборном* обсуждении)¹⁸⁷, то епископ да не обращает себе в обиду того, что не полагаются в сем на него единого. Аще же речет, яко по возмущении совести своя не хочет имети общения с не признающимся: то доколе отлученного по сему случаю не приемлет в общение свой епископ, дотол сего епископа да не приемлют в общение прочие епископы: *да тем паче блюдется епископ, да не глаголет о ком-либо, что пред другими не может утвердить доказательствами*». Ясное указание на то, что в каноническом судопроизводстве обращалось строгое внимание на искренность и достоверность признания, делаемого подсудимым, можно видеть также в письме Кирилла Александрийского к константинопольскому клиру о Нестории, где читаем: «Мы ожидали, что достопочтеннейший Несторий придет на собор и раскается во всех

богохульствах, какие он изрыгал своими устами со времени своего посвящения, и будет просить прощения у святого собора, *хотя и весьма опасно даровать ему прощение*: ибо этот человек, своими проповедями возмутивший всю вселенную и поколебавши содержимую в церквах веру, не заслуживает прощения... По истине мы удивились жестокосердию этого человека, ибо он не раскаялся и не восплакал о том, что дерзнул говорить против величия и достоинства общего нашего Спасителя и Христа».¹⁸⁸

Наряду с тем общим правилом, по которому для принятия делаемого подсудимым признания в своей вине, как вполне достаточного для постановления судебного приговора доказательства, требовалось установление полной достоверности этого признания, к каноническом судопроизводстве имели приложение и важное значение и особенные правила, соблюдение которых должно было гарантировать в известной мере правильность самого дела установления достоверности признания, как доказательства, в каждом отдельном случае, и с которыми поэтому всякий раз должны были сообразоваться и суды.

Знакомясь с этими правилами, определяющими условия, с какими соединена была на каноническом суде ценность собственного признания подсудимого, как доказательства, мы видим, что самым общим требованием по отношению к признанию, как к доказательству, было то, чтобы признание было добровольное, а не вынужденное, чтобы признающийся имел желание говорить перед судом правду (*animus confitendi*). Это отчасти видно из характера выражения 74 апостольского правила: *"аще предстанет (обвиняемый) и признается"*, и яснее из 4-го правила Григория Нисского, в котором читаем: «Возбуждивший сам себя в исповедании грехов, как уже начавший врачевание своего недуга, тем самым, что решился по собственному побуждению быть обличителем своих тайн и как показавший знамение своего изменения к лучшему, да будет под епитимией более снисходительною, а уловленного во зле, или по некоему подозрению, или обвинению невольно обличенный, подвергается продолжительнейшему исправлению».

Ясные указания находим мы в памятниках канонического судопроизводства также и относительно внешних (формальных) условий, с которыми соединена была ценность собственного признания подсудимого, как доказательства. Так, несомненно, что по правилам канонического судопроизводства, полную силу, как доказательство, имело лишь признание подсудимого, данное именно в суде самим подсудимым лично и в присутствии судей. Эго видно уже в слове 74 апостольского правила: *«аще предстанет, и признается... да определится епитимия*. Свидетельство, подтверждающее то же самое, можно видеть и в приведенных ранее нами словах письма Кирилла Александрийского к константинопольскому клиру о Нестории: «мы ожидали, что достопочтоннейший Несторий *придет на собор*, и раскается во всех

богохульствах». Но особенно ясное свидетельство, показывающее, что на каноническом суде имело ценность лишь признание, сделанное лично подсудимым на суде в присутствии судей, можно видеть в следующих словах патриарха Флавиана, сказанных им на Константинопольском 448 года соборе, созванное по делу Евтихия: «о если бы он (Евлогий), *прийдя сюда и сознав* свое заблуждение, раскаялся... Посему посланные теперь почтеннейшие пресвитеры Мама и Феофил, отдав ему посланную от нас к нему вызывную грамоту, пусть убедят его *прийти на наш святый собор*, соблазняемый обвинительными против него записками, представленными боголюбезнейшим епископом Евсевием и донесениями Иоанна, Андрея и Афанасия. Если же он придет сюда, изрыгнет прежде свое нечестие и признает истинную веру и изложение святых отцов наших, тогда он получит прощение, какое мы обыкновенно даем раскаявающимся».¹⁸⁹

Нужно заметить, что требование, по которому признание делалось подсудимым именно на суде, было вообще согласно с правилами канонического судопроизводства, по которым вызов подсудимого на суд, для подачи вообще своих показаний, был обязателен. Этот вызов составляли необходимую, всегда строго исполнявшуюся, часть канонического судопроизводства. В доказательстве этого можно привести, напр., следующие слова одного из епископов, судивших Нестория: «так как не следует ничего опускать *из церковного порядка*, а между тем боголюбезнейший Несторий, не смотря на двукратное напоминание вчера и сегодня, очевидно противится, то снова нужно напомнить ему третьим предписанием. Именно благочестивейшие епископы – Анисий и (4 другие) пусть отправятся к нему».¹⁹⁰ Обязанностью собора все производить «согласно с канонами» было мотивировано точно также и отцами IV Вселенского собора отправление троекратного посольства к Диоскору.¹⁹¹

Признание было вообще явно выраженное, а не безмолвное. Но и безмолвное признание, открывавшееся из каких-либо определенных данных, как, напр., неявка на суд с явной целью уклонения от судебного разбирательства, также принималось во внимание. Такая неявка (после троекратного вызова), оставляя в сильном подозрении подсудимого, в связи с другими, подтверждающими обвинение обстоятельствами, могла служить основанием для постановления обвинительного приговора. Доказательством этого может служить, напр., приговор отцов Антиохийского собора по делу Афанасия, епископа Перрской церкви. «Если бы епископ Афанасий дорожил мнением о себе, – говорили отцы собора, постановляя приговор, – то он не избрал бы исследования взведенных на него обвинений, и тем более, когда судопроизводство передано было блаженнейшему Пановлию, бывшему епископу Иеропольскому, который, как сам Афанасий неоднократно высказал в своих грамотах, был ему другом к благосклонно быть расположен к нему. Но он трижды отказался от епископства Перрского письменно, чрез свои

грамоты, которые он посылал к блаженному Пановлию, и в которых умолял о том, чтобы подучить покой. Но он не исполнил этого; а совершив длинное путешествие, утруждать слух святейших и боголюбнейших архиепископов Прокла и Кирилла, не сообщив им ничего верного. И после этого, неоднократно быв вызываем то святейшим отцом нашим и архиепископом Домном, то святым собором снять с себя взводимые на него обвинения, он не хотел прибыть. Итак, что определяют церковные постановления? – Того, кто обвиняется в каких-либо неуместных поступках и, будучи вызываем в третий раз, не явится, лишать той чести, какую он имеет. Но оказывается, что упомянутый Афанасий не трижды только, а часто был вызываем, и не оказал послушания и не хотел отвечать на взводимые на него обвинения».¹⁹²

Доказательство посредством свидетелей

Самым употребительными доказательством и обыкновенными условием для открытия истины в каноническом судопроизводстве служило точно также и *доказательство посредством свидетелей*. Важное значение присутствия свидетелей при избличении виновного придается Самим Спасителем в Его изречении: «Аще ли тебе не послушает брат твой (обличаемый), пойми с собою еще единого, или два: да при устех двою или триех свидетелей станет всяк глагол». (Мф.18:15–18).

То же наставление повторено и апостолом Павлом, который, поучая Тимофея относительно суда над пресвитерами, говорит: «на пресвитера хулы не приемли, разве при двою, или триех свидетелях» (Тим.4:19). Та же заповедь приводится в 75 апостольском правиле, в котором читаем: «Во свидетельство против епископа не приимати еретика; но и верного единого не довольно. На устах бо двоих, или триех свидетелей твердо станет всяк глагол»; и во 2-м правиле I-го Вселенского собора, где говорится: «Аще душевный некоторый грех обретен будет в некоем лице, и будет обличен двумя, или тремя свидетелями, таковой да будет исключен из клира».

Исторические памятники, изображают практику канонического судопроизводства, показывают также, что и в ней свидетельские показания нескольких лиц имели важное значение при открытии судебной истины. Так, напр., Апостольские постановления свидетельствуют, что в судопроизводстве древней вселенской церкви никогда не доверялось показаниям одного обвинителя, хотя бы он был благонамереннейшим человеком («благой совести»), но каждый обвинитель должен был иметь всегда и других свидетелей.¹⁹³ Св. Афанасий Великий, описывая судопроизводство, происходившее по его делу на Сардикийском соборе 347 года, делает, между прочим, такое сообщение о результатах этого судопроизводства: «Когда мы пересказали (собору), как было поступлено с нами, и *представили свидетелей* и доказательства, тогда все удивились

и признали, что поэтому вероятно и убоялись они (враги его) собора, чтобы не быть обличенными в лицо».¹⁹⁴ Из истории судопроизводства по делу Диоскора, разбиравшемся на Халкидонском вселенском соборе 451 года, известно, что один из обвинителей Диоскора, Феодор, диакон Александрийской церкви, подавая на него свою письменную жалобу собору «и поименовав в ней четырех свидетелей», просил собор задержать этих последних, «дабы они не укрылись от свидетельствования».¹⁹⁵ Эти и им подобные примеры показывают, какое важное значение придавалось свидетельским показаниям на каноническом судопроизводстве.

Что касается тех условий, с которыми соединялось принятие свидетельских показаний, как доказательства, то и в этом случае имело приложение то же общее требование, какое прилагалось и по отношению к признанию, как доказательству, то есть, что свидетельские показания точно также принимались, как доказательство, только после тщательного исследования их собственной справедливости и истинности. Для сего правила канонического судопроизводства предписывают судьям обращать самое строгое внимание на самую личность свидетелей, как и вообще, и – на личность обвинителей. «Епископ, *от людей вероятия достойных* обвиняемый в чем-либо... должен быть призван епископами» на суд, – читаем в 74 Апостольском правиле. – «Поелику многие, желая привести в замешательство, и ниспровергнуть церковное благочиние, враждебно и клеветнически вымышляют на правящих церквами православных епископов некия вины... того ради собор стекшихся в Константинополе епископов *заблагорассудил: не без исследования допускати обличителей, ниже позволяти всякому приносимы обвинения на правителей церкви...* Аще возводимая на епископа вина будет церковная¹⁹⁶, *но подобает рассмотреть лице обвинителя*», – читаем в 6 правиле II Вселенского собора. Это правило было повторено и отцами IV Вселенского собора, которые определили: «от клириков, или мирян, доносящих на епископов или на клириков, не принимати доноса просто и без исследования; но предварительно исследывати общественное о них мнение (21 пр.). Указание на требование именно достоверных свидетелей при обвинениях находим также у Феофила Александрийского: «о состоящих в клире, если обвиняются в любодеянии, должно быть произведено исследование. И если будут достоверные обвинители, и преступление доказано будет представлением *достоверных свидетелей*, то виновные должны быть извержены», – читать у него в 9 правиле.

Что требование представления при обвинениях лишь достоверных свидетелей было общим правилом канонического судопроизводства, ясное указание на то дают и исторические свидетельства, изображающие самую практику производства дел на суде в древней вселенской церкви.

Так, в Апостольских постановлениях относительно практики духовного суда в первые века христианской церкви пишется: «одному обвиняющему, хотя бы он был добросовестен, не верьте, ибо это противозаконно, а пусть будут у него и другие свидетели, подобные ему по поведению, как говорит закон; при устех двою и триех свидетелей станет всяк глагол (Втор.19:15). Почему же должно исследовать, каково поведение их? – Потому, что часто случается, что и двое и большое число свидетелей свидетельствуют зле, и согласно утверждают ложь, как поступили в Вавилоне два старца против Сусанны (Дан.13:36–40), в Самарии – сыны беззаконных против Навуфея (3Цар.21:15), в Иерусалиме множество иудеев против Господа (Мк.14:36), и против первомученика св. Стефана (Деян.6:11). Итак, свидетели да будут кротки, негневливы, справедливы, любовны, целомудренны, воздержны, не злы, верующие, благочестивые, ибо свидетельство таковых по самому поведению их твердо и по образу жизни их истинно. А кто не таков, тех свидетельства не принимайте, хотя бы и казались они согласными в обвинении, ибо в законе повелевается: да не будеши со многими на злобу, да не примеши слуха суетна, да не приложиши ко множеству превратити праведное» (Исх.23:1, 2).¹⁹⁷ Такое же прямое свидетельство о том, что на духовном суде в древней церкви при выслушивании обвинений обращалось внимание на личное достоинство обвинителя и свидетелей, мы усматриваем у св. Киприана. «Когда послы Новациана, произнося в собрании христиан (Карфагенской церкви) хулы и возмутительные вещи, неотступно требовали от нас и народа публично выслушать то обвинение, которое они намеревались представить и доказать, то мы почли несовместным с достоинством нашим допустить, чтобы добрал слава товарища нашего, уже избранного, посвященного (епископа Корнилия) и заслужившего от многих похвалу и одобрение, была долее поносима злоречивыми устами завистников», – читаем мы в 35 письме его.

Несомненно, что и за позднейшее после III века время, за период Вселенских соборов на суде церковном обращалось строгое внимание на личное достоинство свидетелей. – «Я имею достовернейших свидетелей, при которых он (обвиняемый Евтихий) учил и проповедовал превратно и пробовал спорить», – говорил, напр., обвинитель Евтихия, Евсевий на Константинопольском соборе 443 г.¹⁹⁸ «Бог мне свидетель и сильные и почтенные (заслуживающие полное доверие) люди», – говорил также бывший епископ ефесской Вассиан при представлении своей жалобы на соборе Халкидонском 451 г.¹⁹⁹

В виду важной роли свидетельских показаний в деле отыскания судебной истины, на каноническом судопроизводстве были приняты, со всею строгостью и тщательностью разработанные, правила, необходимые при установлении достоверности свидетельских показаний, – и указывавшие условия, с какими должна была соединяться ценность

последних в каждом отдельном случае. Эти условия могут быть подразделены на внутренние и внешние.

Для большей ясности обозрения, рассмотрим сначала внутренние условия, а потом внешние.

Внутренние условия, с какими в тесной связи находилась достоверность свидетельских показаний в каноническом судопроизводстве, могут быть подведены к двум главным вопросам: 1) кто может быть свидетелем (о качестве свидетеля), – и 2) сколько должно быть свидетелей (о числе свидетелей).

В первом случае – для решения того, кто может быть свидетелем – имеют значение два главные условия: знание предмета свидетелями и желание дать справедливое показание. В отношении к первому условию, то есть к знанию того, о чем дается свидетельское показание, в судопроизводстве древней Вселенской церкви имело силу требование, по которому свидетелем мог быть только очевидец дела. Это подтверждается примерами, какие мы встречаем в самой судебной практике древней Вселенской церкви. Одним из таких примеров может служить, напр., Факт кассирования на Римском соборе 342 года судебного решения собора Тирского по делу Афанасия Великого, – кассирования по той именно причине, что решение это основывалось на показаниях свидетелей неочевидцев. «Вы, обвинители Афанасия, собравшиеся в Антиохии и писавшие оттуда послание к папе, живете вдали, – писал последний в ответном послании к ним, – между тем, как писавшие в защиту Афанасия *живут вместе, с ним и знают его*, они свидетельствуют об его жизни и утверждают, что он во всем оклеветан по заговору». Таков же факт оправдания того же Афанасия Великого во взводимых на него обвинениях, имевший место на Сардикийском соборе 347 года, для которого собору послужило основанием точно также то обстоятельство, что для доказательства обвинений не было представлено свидетелей очевидцев, а между тем опровергнуты они были свидетелями очевидцами. «Разглашали они (обвинители Афанасия) и о чаше, будто бы разбитой Афанасиевым пресвитером, – говорилось в окружном послании собора, – но пришедшее из Александрии, Мареота и прочих мест засвидетельствовали, что ничего этого не было, и епископы, писанные из Египта к сослужителю нашему Юлию, достаточно подтвердили, что там не было вовсе и подозрения о чем-либо подобном».

В «гражданских законах» (в греко-римском праве), имевших приложение в духовном суде древней Вселенской церкви (144 прав. Карфаг. собора), требование от свидетелей непосредственного ознакомления с делом, о котором они дают показания, было выражено в виде следующего законоположения: «свидетели не должны свидетельствовать по слуху, хотя и тавулларии будут делать это

показание: ибо необходимо, чтобы в уголовных обвинениях приводимы были свидетели, а не слова их».²⁰⁰

С полной несомненностью мы можем утверждать, что и второе условие достоверности свидетельства, заключающееся в желании свидетеля дать истинное и справедливое показание, в древней Вселенской церкви признавалось одним из важнейших на суде. За это говорит та подробность и вообще та внимательность, с какою были определены правилами канонического судопроизводства самые основания, которые могли бы свидетельствовать о присутствии, или отсутствии означенного условия, то есть желании в свидетеле дать правдивое показание, которым бы не прикрывалась намеренная ложь.

Все те основания, которые считались по правилам канонического судопроизводства достаточными для убеждения в присутствии или отсутствии в свидетеле искреннего желания дать правдивое показание, могут быть подведены под две рубрики: личные качества свидетелей и отношение свидетелей к тяжущимся сторонам.

Рассматривая частности, на которые обращалось внимание на каноническом суде при исследовании личных качеств свидетелей, мы видим, что одним из главных условий для принятия показаний от свидетеля считалась правая вера последнего и вообще принадлежность его к Церкви. «В свидетелях взыскают ... и веры», – читаем мы в гражданских, имевших приложение на суде древней Вселенской церкви законах.²⁰¹ – Церковные же правила, перечисляя, так сказать, отдельные виды лиц, не принадлежащих к Церкви, запрещают в частности принимать свидетельские показания, как и вообще обвинения (по крайней мере против духовных лиц) прежде всего от еретиков и раскольников. «В свидетельство против епископа не приимати еретика», – говорится в 75 Апостольском правиле. – «Не позволять еретикам приносить обвинения на православных епископов по делам церковным», – читаем также в 6 правиле II-го Вселенского собора.²⁰²

Вместе с еретиками и раскольниками к числу лиц, которым воспрещалось давать свидетельские показания и делать обвинения против духовных лиц по церковным делам, правила относят далее иудеев и еллинов, то есть, вообще нехристиан. «Положено и сие: не приимати доносов... от еретиков, или еллинов, или иудеев», – читаем в 144 правиле Карфагенского собора. – К той же категории лиц, не имевших права обвинять епископа, относятся и те из «принадлежащих к Церкви», которые «за некия вины прежде были осуждены к извержены, или отлучены из клира, или из разряда мирян»²⁰³, доколе не очистят себя от обвинения, которому сами подпали, а равно и те, которые подверглись предварительному доносу, пока также не докажут с несомненностью свою невинность противу возведенных на них обвинений» (6 пр. II-го Всел. собора).

Другим не менее важным условием для принятия показаний от свидетелей по церковным делам, на которое обращалось строгое внимание в каноническом судопроизводстве при наследовании личных качеств свидетелей, служила добрая нравственность последних. «В свидетелях должно испытывать и нравы», – читаем мы в гражданских законах о свидетелях. «О каждом свидетеле, – читаем далее, – должно наследовать, который честен и непорочен, или который бесчестен и достоин порицания».²⁰⁴ – Усвояя это правило, церковные каноны запрещают свидетельствование людям вообще «неблагонравным» (οὐκ ἀγαθῆς ἀναστροφῆς) (8 прав. Карфагенск. собора, – то есть, людям недоброго поведения, нехорошей жизни²⁰⁵, и «опороченным» (8 и 28 правила Карфаген. собора), на которых лежит «пятно бесчестия» (144 пр. Карфаг. собора).

Если строги были положительные правила судопроизводства древней Вселенской церкви по отношению к требованию доброй нравственности, то не менее строга была в исполнении этого требования и самая практика судопроизводства древней Вселенской церкви, как это можно видеть из знакомства с нею по историческим свидетельствам. Так, в Апостольских постановлениях, изображающих практику древнего церковного суда, наряду с другими наставлениями, служившими руководством для церковного судопроизводства, находятся весьма строгие и подробные наставления и относительно исследования нравственного характера свидетелей.

Повелевая исследовать самих тяжущихся в отношении к их нравственности, «Постановления» предписывают требовать от них и свидетелей «подобных им по нравственности»; причем повелевают, чтобы свидетелями были люди «кроткие, несклонные к гневу, тихие, любящие, целомудренные, воздержные, нелукавые, верные, благочестивые; ибо свидетельство их твердо по нравственным их качествам и истинно по их образу жизни. А свидетельство тех, кои не таковы, не принимайте, хотя бы, по-видимому, они и согласовались в своем свидетельстве, ибо в законе повелено: да не приимеши слуха суетна, да не изволиши со множеством уклонити праведное» (Исх.23:1–2).²⁰⁶ Такой же прямой свидетельством о том, что в судебной практике древней Вселенской церкви добрая нравственность обвинителей и свидетелей считалась важным условием для принятия от них судебных показаний, можно видеть также в приведенных нами выше словах из 35 письма св. Каприана: «Когда послы Новациана, произнося в собрании христиан хулы и возмутительные вещи, требовали выслушать обвинение..., то мы почли несовместным с достоинством нашим допустить, чтобы добрая слава товарища нашего... была поносима злоречивыми устами завистников».²⁰⁷

Помимо нравственных качеств при оценке личности свидетеля обращалось внимание и на физические способности его дать верный отчет

о том, что он наблюдал. Это ясно видно из запрещения свидетельствовать «глухому» (surdus), «немому» (mutus) и «бесноватому» (furiosus). (Theophil. 11. Harm. § 51. Prochir. H. Zach, t. XXVII, s. 33).

Обращалось внимание также и на возраст свидетеля, как это видно из запрещения свидетельствовать «несовершеннолетнему» (ἄνηβος – impubes).²⁰⁸

С меньшим доверием принимались показания женщин сравнительно с показаниями мужчин, как это можно видеть из следующего постановления гражданских законов: «жены не проходят мужской должности и не свидетельствуют в завещании; в других же случаях – тогда, когда мужчины не призываются».²⁰⁹

Встречаем далее (в гражданских законах) запрещение принимать свидетельство бедных против богатых.²¹⁰

Встречаем, наконец, весьма важное для характеристики канонического судопроизводства, запрещение относительно принятия свидетельских показаний от лиц, отправлявших обязанности судей при рассмотрении дела. «Я поставлен судьей, и не могу быть свидетелем», – говорил, напр., Мара при разбирательстве дела Ивы Эдесского. А относительно свидетельствования, при пересмотре дела по апелляции, бывших по тому же делу судей или даже лиц, присутствовавших при его рассмотрении, в 70 правиле Карфагенского собора читаем: «Подобает просить благочестивейших царей, да благоволят узаконить и сие: аще некоторые пожелают по какому-либо делу имети суд в Церкви, по праву апостольскому, принадлежащему Церквам, и, может быть, решением клириков одна сторона будет недовольна, то да не будет позволено призывать в суд к свидетельству того клирика, который прежде сие самое дело рассматривал, или при рассмотрении оного присутствовал». Из всего этого видно, с какою строгостью на каноническом суде разграничивалась функция свидетеля от функции судьи и с какою внимательностью правила канонического судопроизводства старались обеспечить охранение, так сказать, целостность той и другой: судья, и даже лицо, ранее рассматривавшее или только присутствовавшее при рассмотрении дела, не могло быть свидетелем при новом рассмотрении того же дела. Это важно заметить, как характерную черту канонического судопроизводства.

Отношение свидетелей к тяжущимся лицам

Весьма строги и внимательны были правила канонического судопроизводства и касательно отношений свидетелей к тяжущимся лицам. Согласно с этою строгостью, прежде всего было запрещено принимать свидетельские показания от лиц подвластных, находящихся вообще под влиянием лица, их, – свидетелей, представляющего. Относительно свидетельствования таких лиц в законах мы читаем: «Недостоверен свидетель, которому я могу приказывать».²¹¹ Согласно с

этим общим правилом, каноны запрещают в частности принимать свидетельские показания от тех лиц, которых доноситель (обвинитель) представит из своего дома. «Никто из домашних лиц церковного да не вводится в суд, с обязанностью свидетельствовать»: или: «свидетелей же к свидетельству не приимати... тех, которых сам доноситель представит из своего дома», – читаем в 70 и 140 правилах Карфагенского собора.²¹² Согласно с тем же основным правилом – не принимать свидетельские показания от лиц подвластных – запрещалось на суде в древней Вселенской Церкви допускать к свидетельствованию рабов. «Не приимати доносов от всех рабов» – читаем в 144 правиле Карфагенского собора.²¹³ Точно также запрещено было свидетельствование отпущенникам против своих освободителей, или их детей, или наследников, имеющих над ними право патроната. «Положено и сие: не приимати доносов от отпущенников тех самых, на которых доносити хотят», – читаем в том же 144 правиле Карфагенского собора.²¹⁴ – Не оставлялись без внимания при оценке свидетельских показаний и родственные связи лиц, свидетельствующих с тяжущимися, как это видно, например, из запрещения свидетельствовать сыну отца, или отцу – относительно сына, каковое запрещение находим в гражданских законах. «Не свидетельствует ни сын относительно отца, ни отец относительно сына», – читаем мы в этих законах.²¹⁵ – Наконец, принимались в соображение при оценке показаний свидетелей и враждебные или дружественные отношения последних к тяжущимся лицам. «Относительно каждого свидетеля должно исследовать – не друг ли он лица представляющего и не враг ли тому, против кого представляется», – читаем мы в гражданских законах.²¹⁶ Из рассмотрения практики судопроизводства древней Вселенской Церкви видно, что это последнее правило было общепринятым на нем и строго выполнялось. Так, например, из истории судопроизводства по делу Афанасия Великого на соборе Тирском известно, что, когда собор для исследования на месте преступления пресвитера Макария, в котором обвиняли его враги Афанасия и вообще для разъяснения всех сомнительных обстоятельств, происшедших, по показаниям их же, в Марсоте, назначил комиссию, составленную из злейших врагов Афанасия, то последний, пользуясь правами закона, решительно протестовал против этой комиссии, заявив собору, что «это – явная несправедливость, что это видимое коварство; комиссией в таком составе, очевидно, будут собраны доказательства, нужные только для обвинения подсудимых».²¹⁷ Тем же правилом руководствовался и Ива Эдесский, когда он, при судебном разбирательстве его дела с четырьмя клириками Эдесской церкви на Халкидонском (451 г.) соборе в X-е заседание, требовал устранения представленных обвинителями троих свидетелей на том именно основании, что они свидетели – явные враги его и друзья обвинителей.²¹⁸

О числе свидетелей

Что касается числа свидетелей, то обычно требовалось возможно полное количество их. «Мы спрашивали вас (обвинителей) – в Церкви ли Ива учил, тому, о чем вы говорите? И вы сказали, что он учил об этом в присутствии всего клира в столовой комнате епископии: поэтому, как каноны и законы установили только в случае недостатка приводит определенное число свидетелей; а в настоящем случае не недостаток, а избыток; то необходимо спрашивать не только тех, которых указали вы и которых Ива однако ж устраняет, как своих врагов, но и других, принимавших в то время от него благословение», – говорили, например, судьи при разбирательстве дела Ивы Эдесского на IV Вселенском Соборе.²¹⁹ Что же касается необходимого числа свидетелей, то в отношении к этому предмету в судопроизводстве древней Вселенской Церкви было общий строгим правилом, по которому требовалось всякий раз не менее двоих свидетелей. «На устех бо двоих, или триех станет всяк глагол», – говорится в 75 Апостольском правиле.²²⁰

О присяге свидетелей

Несомненно, что подача показаний свидетелями на суде в древней Вселенской Церкви предварялась всякий раз принятием последними присяги. «Свидетели прежде, чем будут свидетельствовать, должны принять присягу, – читаем в гражданских законах.²²¹ Только лица духовные были освобождены от нее. «Не знаем, чтобы до этого времени епископы давали клятву», – отвечали епископы светским судьям, требовавшим от них присяги в суде по делу о нотариях св. Флавиана.²²² Но и духовные лица обычно давали свои показания перед св. Евангелием, что таким образом должно было заменять присягу. «Я узнал кое от кого, что когда ваш снятый собор делал второй вызов (Евтихию), – говорил Евсевий отцам Константинопольского 448 года собора, – посланные нами почтеннейшие пресвитеры Мама и Феофил слышали от пресвитера и архимандрита Евтихия нечто такое, чего не изложили в памятниках веры. Если и это уяснится, то будет очевидное доказательство его мудрствования. Поэтому я прошу, чтобы пресвитеры Мама и Феофил были призваны и пред святым Евангелием сказали, что они слышали от пресвитера и архимандрита Евтихия».²²³ «Здесь епископ Фотий (свидетель по делу Ивы Эдесского): положите пред ним Евангелие», – требовали на Халкидонском собора прежде, чем этот епископ начал свои показания.²²⁴ « – «Ваше благочестие обещало созвать монастыри и нас с ними и, положивши святое Евангелие, разобрать дело между нами обоими», – так обращались обыкновенно тяжущиеся к суду.²²⁵

Порядок допроса свидетелей

Что касается, наконец, того порядка, какой был принят в судопроизводстве древней Вселенской Церкви при допросе свидетелей, то в этом отношении было установлено то общее правило, по которому требовалось, чтобы свидетели были допрашиваемы на суде самолично и

обязательно в присутствии самих тяжущихся сторон, причем требовалась именно устная подача показаний.

А) Правил относительно самоличной подачи показаний свидетелями, выраженных в виде определенных постановлений, собственно в канонах мы не находим.²²⁶ Но в гражданских законах служивших руководством в судопроизводстве древней Вселенской Церкви, мы встречаем ясно выраженное правило относительно самоличной подачи свидетелями показаний. «Свидетелям, а не свидетельствам должно верить: поэтому они самолично должны быть спрашиваемы судьями относительно преступлений», – читаем мы в них.²²⁷

Рассматривая известные в истории Вселенской Церкви процессы духовного суда, мы точно также видим, что допрос свидетелей в тех или других случаях всегда производился на суде в личном их присутствии, – и убеждаемся, что такой порядок был общим, строго установленным и всегда неуклонно соблюдавшимся в судебной практике древней Вселенской Церкви. Примеров уклонений от этого обычного порядка мы не встречаем в истории этих процессов. Наоборот, встречаем такого рода факты, когда судьи обращались с положительным требованием самоличной явки свидетеля на суд. Так было, например, при разбирательстве дела Евтихия на Константинопольском соборе 448 года, из актов которого именно узнаем, что, когда в одно из заседаний (15 ноября) собора один из дававших свидетельские показания против Евтихия, пресвитер Иоанн, заявил, что свидетелем показываемого им против Евтихия был еще некий диакон Афанасий, то собор немедленно потребовал, чтобы этот последний явился пред лицом суда, «став на середине» (обычном месте для свидетелей).²²⁸ Или же встречаем факт, когда сами тяжущиеся обращались к судебным властям с требованием о распоряжении касательно вызова свидетелей в суд для разбирательства дела именно в их личном присутствии, как поступил, например, обвинитель Евтихия Евсевий в шестое (20 ноября) заседание того же Константинопольского (448 г.) собора, когда он просил собор, чтобы ко дню в который обещал Евтихий явиться на суд, были вызваны необходимые (указанные им же Евсевием) для него лица из числа приверженцев Евтихия, «дабы сделав дознание в их присутствии, – говорил он, – яснее открыть истину».²²⁹ Подобным же образом поступил один из обличителей Диоскора – Феодор, диакон Александрийской Церкви, который, подавая свою жалобу на первого отцам Халкидонского (451 г.) собора, обратился к ним, между прочим, с просьбой приказать задержать (заключить под стражу) обозначенных им свидетелей, «дабы обнаружилась истина».²³⁰

В) Присутствие тяжущихся – обвинителя и в особенности обвиняемого – при допросе свидетелей на суде, как и вообще при судебном разбирательстве, почиталось по правилам, церковного судопроизводства

строго необходимым условием для установления судебной истины, почему всегда и требовалось неукоснительно. «Такое требование прямо высказано, например, в 74 апостольском правиле, в котором читаем: Епископ... обвиняемый в чем-либо, *необходимо сам должен быть призван епископами, и еще предстанет и признается, или обличен будет: да определится епитимия. Аще же зван быв, не послушает: да позовется вторично... аще же и тако не послушает: да позовется и в третий раз*». И только тогда, когда он не явится и после этого третьего приглашения, «собор по благоусмотрению своему» должен произнести о нем решение «да не мнится выгоду имети, бегая от суда».

Точно также весьма строгие наставления касательно необходимости присутствия обеих тяжущихся сторон при судебном разбирательстве, следовательно, и при допросе свидетелей, мы находим в Апостольских постановлениях. «Как войдут оба лица, да станут в середине суда, как и закон говорит (Втор.19:17), те, у кого есть тяжба. И, выслушав их, справедливо произносите свои мнения», – читаем мы здесь.

«Если против кого возводится кем-либо обвинение и в неправом хождении о Господе, – читаем далее, – то и о сем случае подобным же образом выслушивайте каждое из лиц, обвинителя или обвиняемого, беспристрастно и не односторонне, как дающие приговор о вечной жизни или смерти... Односторонне суд производить несправедливо. Ибо, если вы выслушаете одно лицо, без присутствия другого, не выслушав защиты его против взводимого на него обвинения, и (так) безрассудно вынесете на него приговор осуждения, вы будете повинны в убийстве и пред праведным судом Божиим разделите жребий с клеветником: якоже держай за ошиб (за хвост) пса, тако председательствуя чуждому суду (Прит.24:17). Если вы сделаетесь подражателями старцев в Вавилоне, которые, согласись с лжесвидетельствами на Сусанну, осудили ее на смерть, вы раздайте участь совершившегося над ними суда и осуждения. Ибо Сусанну Господь изъял чрез Даниила из рук законопреступников, повинных же в крови ее старцев осудил на сожжение огнем, и вас чрез него (уже) подверг укоризне, говоря: еще ли юродивы сынове Израилевы? Не испытаете, ни истины разумеете, осудите дочь Израилеву? Возвратитесь на судище: лжу бо сие послушествовавшие на ню» (Дан. 13:42–48).²³¹

Сколь важным и потому необходимым условием для отыскания судебной истины почиталось в судопроизводстве древней Вселенской церкви присутствие при разбирательстве дела и допросе свидетелей тяжущихся и в особенности обвиняемого, ясное свидетельство об этом находим также в известном послании папы Юлия к Евсевиевым приверженцам, врагам Афанасия Великого. В этом послании папа Юлий, объясняя причины кассирования ими суда Тирского собора по делу Афанасия Великого, как дела «неблагочестивого, незаконного,

совершенного не по правилам Церкви», и касаясь в частности факта расследования дела, произведенного назначенною собором комиссией, в Мареоте, пишет: «О судебным записях, сделанных в Мареоте, подтвердилось, что они составлены по *одностороннем* исследовании дела: ибо не были там ни обвиняемый пресвитер Макарий, ни сам епископ его Афанасий. И это стало нам известно из самых записей, какие принесли нам Мартирий и Исихий. Прочитав их, мы нашли, что был там обвинитель Исхир, но не было там ни Макария, ни епископа Афанасия, ни даже Афанасиевых пресвитеров, которые желали быть, но не были допущены. Если бы суд производился справедливо, то надлежало бы, возлюбленные, *лично* там быть не только обвинителю, но и обвиняемому. Как в Тире лично были и обвиняемый Макарий, и обвинитель Исхир, и ничто не было доказано: так надлежало и в Мареот идти не одному обвинителю, но и обвиняемому, чтобы там или лично ого уличили, или – если не уличать – доказал он, что все клевета. А теперь, поскольку сего не было, обвинитель пошел один туда в сопровождении людей, которых Афанасий устранял от дела, то и самое делопроизводство кажется подозрительным».²³²

Одним словом, присутствие обвиняемого при допросе свидетелей и вообще при разбирательстве дела требовалось со всею строгостью уставами суда давней Вселенской Церкви, что составляло отличительную характерную черту последнего. Так, когда при рассмотрении на Халкидонском соборе 451 года дела Ивы Эдесского по осуждению его на Ефесском соборе 449 года, Ива обратился к собору с жалобой: «прошу вас, я осужден в отсутствии; я не присутствовал, я не имел возможности защищаться, меня не удостоили слова», – то отцы собора воскликнули: «худо поступили осудившие его вопреки канонам, пусть будет отменено то, что сделано против отсутствующего, все мы говорим это, – отсутствующего никто не осуждает».²³³

С) Что подача свидетельских показаний была устная и – что это было также именно строгим требованием судопроизводства в древней Вселенской Церкви, в этом мы точно также с полной очевидностью убеждаемся из рассмотрения судебной практики ее. Так, напр., из истории процесса Ивы Эдесского с четырьмя клириками известно, что при разбирательстве его дела на IV Вселенском соборе, один из обвинителей (Самуил) обратился, между прочим, к судьям со следующим заявлением: «у нас есть свидетели этого; мы просим, чтобы они, вызванные вами, отвечали и *собственными голосом* заявили, не слышали ли, когда он (Ива) говорил это», – слова: «не завидую Христу, сделавшемуся Богом, ибо насколько сделался он, сделался и я», в произнесении каковых именно Ива обвинялся».²³⁴

Нужно заметить, что устный способ подачи свидетельских показаний быть вообще согласен с правилами судопроизводства древней

Вселенской Церкви, строго требовавшими, чтобы и показания самих обвинителей и обвиняемых подавались также устно.

«Каждый пусть собственным голосом заявит, настаивает ли он на обвинении по поданным пунктам», – говорили, напр., судьи обвинителям Ивы на Халкидонском собор.²³⁵ – «Говори сам собою; что за нужда тебе в бумагах?», требовали судьи от обвиняемого Евтихия при разбирательстве его дела на Константинопольском соборе 448 года, когда он сделал попытку прочитать письменное изложение своей веры.²³⁶

Что касается, наконец, собственно права допроса свидетелей, то оно обыкновенно принадлежало прежде всего судье, который начинал его тем, что удостоверялся в имени, звании и образе жизни и занятий свидетеля: затем предлагал вопросы касательно подлежащего исследованию дела. В пример можно привести начало допроса, произведенного св. Флавианом, архиепископом Константинопольским по делу об Евтихии, обвинявшемся епископом Евсеием на Константинопольском соборе. Святейший Флавиан сказал: «здесь ли тот, о котором ты сказал?». – Нотарии сказали: «Здесь». – Флавиан: «Пусть станет на середине!». – Флавиан: «Как тебя зовут?». – Ответ: «Авраам». – Вопрос: «Какого ты удостоен сана?». – Ответ: «Я пресвитер в Евдоле у твоей святости». – Вопрос: «Слышал ли ты, что говорил благочестивейший епископ Евсевий?». – Ответ: «Да, клянусь стопами ног твоих». – Вопрос: «Что такое?». – Ответ: «Пресвитер и арх. Мануил посылал меня к пресвитеру Астерию известить его, что пресвитера и арх. Евтихий присылал ему статью о вере и убеждал его подписаться под нею. Объявил он это с тем, чтобы пресвитер Астерий известил об этом, вашу святость». – Евсевий: «Так как он (Евтихий) осмелился сделать это не только в монастыре пресвитера Мануила, то я прошу послать и в другие монастыри и узнать наперед: посылал ли он и туда для подписи статью о вере».²³⁷

Вместе с тем имели право допроса свидетелей и обвинитель, и обвиняемый, а равно и другие, прикосновенные к делу лица, которые от себя могли предлагать им вопросы и обращаться за разъяснениями по поводу их показаний, так что *перекрестный допрос* являлся обычным приемом расследования дел на суде в древней Вселенской Церкви. Образцом такого перекрестного допроса может служить, напр., следующий отдел из процесса между нотариями Константинопольского архиепископа Флавиана и адвокатами Евтихия, обвинявшими первых в подделке деяний Константинопольского собора. «По прочтении отрывка из деяний Константинопольского собора, диакон Константин (поверенный Евтихия) сказал: «просим спросить их: слышали ли они это?». Знатнейший Патриций сказал: «Пусть и Феофил, по обнародовании его показаний, скажет: сознает ли он, что он это слышал или говорил? И когда почтеннейший пресвитер Феофил вышел на средину, то сказал: «Я и пресвитер Мама, посланные святейшим архиепископом и святым

собором, ходили в монастырь Евтихия; и точно... это самое, что (сейчас) прочитано, мы слышали из уст почтеннейшего мужа (Евтихия) и не сделали ни прибавления какого-нибудь, ни опущения». – Константин: «Он (Феофил) не слышал ничего другого?». – Патриций: «Кроме того, что объявил ты, ничего другого ты не слышал?». – Феофил: «Он говорил: я следую и изложениям отцов: это он говорил». – Патриций (к поверенным Евтихия): «Чего еще требуете?». – Диакон Константин: «Просим, чтобы спрошен был и господин Мама». Патриций: «Пусть и почтеннейший Мама объяснит, что знает». Елевсиний (другой поверенный Евтихия): «Он (Феофил) показал, что Евтихий говорил: следую и изложениям отцов: и это не внесено в документы» (деяния собора). – Патриций (Феофилу): «Почему вовсе не содержится в документах то, что, как сказанное Евтихием, ты после прибавил в своем показании?». – Феофил: «Он сказал и другое, клянусь стопами ног ваших, чего я не помню, а что помню, то я объявил». – Патриций: «Почему в то время ты вовсе не включил этого в документы?». Елевсиний: «А выше он еще сказал, что он ничего ни прибавил, ни убавил из слов Евтихия». – Феофил: «Я сказал то, что слышал из уст самого архимандрита. Если же хотят, чтобы я сказал больше, то я не слышал (больше)». – Патриций: «Пусть даст показание и пресвитер Мама, как сказано». – Мама: «Ради стоп ваших, пусть прочтется показание, данное тогда, потому что я забыл его». – Патриций: Пусть прочтутся из документов слова его, чтобы по прочтении их, он сказал, что он слышал по его сознанию». Мама (по прочтении его показания): «Это так, клянусь стопами ног ваших, и показал то, что прочитано, и больше ничего не показал». И т.д.

В. Троицкий

(Продолжение следует).

Берс А.А. Как японцы относятся к христианству // «Миссионерское Обозрение», 1906, № 3, стр. 329–333

Достигла ли христианская миссия в Японии за последние три-четыре десятилетия (т.е. с тех пор, как Япония открыла Европе свои двери) благих результатов? Можно ли сказать, что японцы поняли и прониклись духом Христа с такою же легкостью и быстротой, с какою они поняли и заимствовали у Европы все ее новейшие изобретения, касающиеся практической жизни? Могут ли христианские миссии рассчитывать в будущем на быстрый успех? Вот ряд вопросов, на которые мы постараемся ответить.

Миссионерской деятельности приходилось на своем пути встречать не мало всяких препятствий, а в особенности в последнее время, когда в стране началась поразительная и еще небывалая в истории народов по своей силе и скорости хода переработка государственного строя. Это движение всецело охватило умы и отодвинуло на дальний план вопросы духа, не поддающиеся такой быстрой переоценке: теперь страна всецело занята не небом, а землей. К числу главных тормозов, препятствующих успеху христианской проповеди, надо отнести тесную и неразрывную сплоченность в Японии религии с государственною жизнью страны. Для японца микадо есть неоспоримый 121-й потомок богини солнца: слепое повиновение властелину, затем культ горячо любимой природы, обожествление ее сил, культ предков, и наконец, необыкновенно сильная любовь к своей родине, – все это вместе составляет сущность нехитрого религиозного воззрения японца (шинтоизм). Его религиозная жизнь, если только шинтоизм можно назвать религией, растворяется в жизни государственной. При таком образе мыслей, японцу – простолыдину трудно усвоить себе мысль, что Бога должно любить больше, чем человека, больше, чем предков; ему трудно понять слова Спасителя: кесарево кесарю, а Божие Богу; по его мнению, проповедь Христа о равенстве и любви к Богу только вооружает детей против родителей, а граждан против микадо.

Лет сорок тому назад, первые пионеры христианства (не считая католических миссионеров XVII-го века, деятельность которых была весьма кратковременна, – они были убиты японцами), – эти первые пионеры нашли там совсем самобытную, с своеобразной культурой, страну, в которой высший класс жил без всякого Бога, а низший утопал в суевериях. Жрецы безмолвствовали, ибо им не о чем было говорить со своей паствой, все уже было высказано консервативным, парализующим всякую эволюцию духа шинтоизмом и безотрадным буддизмом, перешедшим в страну из Китая 1500 лет тому назад, тоже не могшим внести живую струю в духовный мир японца. Вот с этой-то консервативной

стороной японца в деле эволюции духа, и пришлось, как приходится и теперь, бороться пионерам христианства. В деле же обновления своей практической жизни они оказались значительно более восприимчивыми, чем в деле обновления своей духовной жизни. Да это и понятно; для восприятия учения Христа японцу пришлось бы изменить самые основы своего мировоззрения, переработать в корне весь свой исторически сложившийся характер. А для такой метаморфозы сорока лет ведь слишком мало.

Христово учение захватило японца лишь крылышком; а потому, поневоле возникает вопрос, действительно ли Япония – страна культурная, понимая настоящую культуру не только в смысле проявления творческого гения народа в практической жизни, или в его способности к заимствованию, но и в смысле усвоения высших начал духовной жизни, – вопрос, на который приходится ответить отрицательно. Но в то же время, приходится отметить и особую духовную черту, свойственную этому народу, еще не имевшему во всемирной истории себе предшественника в смысле быстрого роста своей материальной культуры. Но словами серьезных наблюдателей, интересующихся миссионерским делом, в этом народе несомненно таится Божья искра к восприятию учения Христа, искра, которая при более благоприятных, чем теперь, обстоятельствах, а главное, при некотором изменении приемов, практикуемых миссиями (о чем речь будет ниже), может разгораться в большое пламя.

Первое впечатление, вынесенное японцами при сближении с европейцами, было таково, что все дары европейской культуры следует отнести к влиянию на Европу христианской религии. Несмотря на сильный протест против сближения с Европой, оказанный лет сорок тому назад старой Японией, молодая Япония, чтобы не прерывать завязавшихся в 60-х годах прошлого столетия сношений с Европой, ухватила за христианскую религию и послала в Европу своих ученых буддийских жрецов с целью ознакомления с христианством. По своем возвращении на родину, жрецы заявили, что между христианской религией и культурой (они понимали это слово, как его понимают многие и у нас, а именно как комфорт в жизни, наличие телефонов, фонографов и проч.) они не нашли ничего общего и что заимствовать плоды культуры можно и без перенесения на их родину христианской религии. Они сделали весьма меткое замечание на счет того, что в Европе жизнь расходуется с религией и что общественная жизнь в христианских столицах гораздо распушеннее, чем в Токио или Киото. Ко всему этому, в христианской религии они не нашли ничего такого, что отличало бы ее особенно сильно от буддизма; ясно, что они подметили только общие внешние черты, свойственные обеим религиям и проглядели, вследствие своей духовной малоразвитости, самое ядро христианства. Все эти замечания охладили первый порыв молодой Японии, решившей, что христианская религия не

заслуживает особенного внимания. В общем же, исповедной вопрос предоставлен в настоящее время в Японии полной свободе личного вкуса и выбора. Многие склонны приписать религиозную свободу в Японии терпимости японцев, т.е. чувству, свойственному только культурному народу, каковым является уважение к чужой религии. Но ничего подобного здесь нет. Здесь имеет место не терпимость, а только полное религиозное безразличие: а к христианству, могущему, по мнению японцев, подорвать его гражданскую любовь к родине и их властелину, они чувствуют даже некоторую боязнь, сильно тормозящую миссионерское дело. Миссионеры, однако, не теряют надежды на успех своего дела, ибо народ, так энергично работавший над укладом общественной жизни, рано или поздно поймет всю важность христианской религии для успехов социальной жизни, важность христианского начала – не делать другому того, чего не желаешь, чтоб тебе делали другие. Наблюдательные и беспартийные миссионеры полагают, что наибольшее число убежденных неофитов (наша речь идет только о действительно убежденных, а не о тех, которыми руководил какой-нибудь расчет) должно выпасть на долю евангелической миссии. И это вот почему. Японец, действительно почувствовавший стремление к духовному перерождению, предвидит, что православная и католическая миссии поставят его в духовную зависимость от совсем чуждых ему церковных столиц – от Петербурга и Рима; ритуал в церквях будет напоминать ему не потомка богини солнца, а лиц совсем ему чуждых. Церковные сборы также не по вкусу японцу. Все это вместе взятое точно отрывает его от родной земли и ставить его как бы в зависимость от иноземного влияния. Кто знает патриотический дух японца, его преданность микадо, тот поймет, что все это не может ему нравиться. Ничего подобного не встретит ищущий обновления в евангелической миссии. Решительно ничем *иноземным* она его не стесняет. Так, что в результате, все неофиты евангелической миссии, как думают ее пионеры, поголовно будут только такие, которые сумели понять учение Христа. Истинный же успех христианской миссии определяется не количеством неофитов, а числом действительно убежденных. Смогут ли со временем похвастать не цифровым, а действительным успехом православные и католические миссионеры, на которых японцы, почувствовавшие стремление к Христу, смотрят скорей, как на посланников из Петербурга и Рима, чем на посланцев Христа. Хотя в настоящее время паства католических и православных неофитов, благодаря энергии отдельных личностей, и многочисленнее паствы евангелической, но мы говорим об *успехе* в будущем пропаганды христианской идеи, а не о *числе* неофитов, которые, в католической и православной миссиях, иногда находят удовлетворение, как рассказывают путешественники, разве только в том, что их икона стоит, и то не всегда на

первом плане, возле идолов, принадлежащих остальным, не принявшим крещение, членам семьи.

Многое говорит в пользу того, что душа японца слегка уже подготовлена к восприятию божественного откровения. Отчасти подготовила его к тому особая форма буддизма, распространяемая в особенности среди высших классов.

Буддист Шинран (1262) сделал большое отступление от первоначальной формы безотрадного индусского буддизма, твердившего только о зле на земле и обещавшего за добродетель нирвану, но ни единым словом не обмолвившегося о *грехе* и об *ответственности* за грех. Шинран внес в буддизм новый элемент, – он считал Амиду-Будду богом богов, без помощи которого человеку невозможно достичь блаженства (нирваны). В свой, так сказать, протестантский буддизм (Schin-sekte) он внес идею *спасения* слабого человечества, идею, подобную той, которая в начале нашей эры воодушевляла первых христиан и указывала им путь, по которому дух, почуявший правду, мог выйти из тяжелого, безотрадного состояния. На этой, отчасти уже подготовленной почве, семена христианской проповеди, конечно, не иначе, как только умело посеянные, могут пустить благодатные корни в языческой стране *восходящего солнца*, как ее назвал, очень много веков тому назад, народ, подошедший с материка к тихоокеанскому побережью Китая и устремивший свой взор к благодатному острову, по направлению восходящего солнца.

А.А. Берс

**Иванов А. Тридцатипятилетнее служение в священном сане
Преосвященного Гурия, Епископа Симбирского и
Сызранского // «Миссионерское Обозрение», 1906, № 3, стр.
334–342**

16 марта сего 1906 года исполняется тридцатипятилетнее служение в священном сане преосвященного Гурия, епископа Симбирского и Сызранского. Преосвященный Гурий принадлежит к числу замечательных архипастырей-миссионеров. Почти всю свою жизнь он посвятил миссионерскому служению. Считаю долгом сказать по поводу 35-летнего его служения несколько слов о его плодотворной миссионерской деятельности.

Преосвященный Гурий, в мире Сергей Васильевич Буртасовский, сын диакона г. Казани, высшее богословское образование получил в Казанской духовной академии, где окончил курс в 1872 году. Еще в академии, молодой студент Сергей Буртасовский принял монашество с именем Гурия, в честь первого святителя Казанского, и тем посвятил себя на служение Церкви Божией. Монашество он принял 11 марта 1871 г. Тотчас же, по окончании академического образования, он был послан в далекую Сибирь, где служил двадцать лет, положивши много апостольских трудов для просвещения диких инородцев отдаленной окраины. Он последовательно проходил должности преподавателя Иркутской духовной семинарии, смотрителя Иркутского духовного училища, начальника Иркутской духовной миссии, ректора Благовещенской духовной семинарии, и наконец, 11 мая 1885 года поставлен на высшее служение в сане епископа Камчатского. Камчатской епархией преосвященный Гурий управлял до 24 октября 1902 года, когда был перемещен на Самарскую кафедру. С 24 апреля 1904 года преосвященный Гурий управляет Симбирскою епархией.

Преосвященный Гурий учился в академии в то самое время, когда в Казани шла самая оживленная и деятельная работа по христианскому просвещению местных инородцев. Главными руководителями этого дела были: высокопреосвященный Антоний, архиепископ Казанский, который в виду вероотступничества крещеных татар и других инородцев, отпадавших от Церкви Христовой целыми деревнями, целыми тысячами, со всею энергией принялся за устройство миссионерского дела в здешнем крае, – и приснопамятный Николай Иванович Ильинский, сначала профессор духовной академии, затем директор Казанской инородческой учительской семинарии, всей душой преданный делу христианского просвещения и вразумления инородцев. На глазах преосвященного Гурия, тогда еще молодого студента академии, происходило открытие и дальнейшее развитие различных казанских учреждений, основанных для христианского просвещения и вразумления инородцев, – именно: крещено-татарской центральной школы, инородческой учительской семинарии, Братства св. Гурия. Все это, без сомнения, имело громадное влияние на преосвященного Гурия, вся жизнь которого ушла на самую тяжелую деятельность по христианскому просвещению темных инородцев. Он все свои молодые годы употребил на служение юношеству отдаленного востока и на апостольские труды по просвещению диких инородцев. Миссионерские труды преосвященного Гурия по просвещению диких инородцев Сибири и Самарского края столь велики, что, читая о его миссионерских путешествиях по самым дальним и глухим инородческим селениям, невольно приходишь в удивление и переносимые мыслью к далеким временам первых веков христианства.

Вот как описывают жилище и обстановку жилищ гиляков очевидцы, среди которых преосвященный Гурий проповедовал слово спасения: «зимним убежищем, а отчасти и летним, говорит один из спутников преосвященного Гурия, служит юрта. Самая архитектура этой юрты так не затейлива и так непрактична, что заставляет, только жалеть живущих в ней. Она делается на скорую руку из тонких жердей. У дверей юрты, по обыкновению, сделан очаг, в котором всегда поддерживается огонь. Дым из очага частью уходит в трубу, проведенную под нары, расположенные кругом юрты, частью же наполняет, самую юрту. Дым из очага сам по себе не был бы так убийствен, если бы он не смешивался с паром, исходящим из котла на очаге, в котором варится часто полусгнившая сушеная рыба, в изобилии наловленная в летнее время. Вот в таких-то юртах приходилось преосвященному Гурию проповедовать слово Божие. Самое путешествие по сибирским тундрам представляет не менее ужасное зрелище. На нартах (род саней) всю дорогу приходится сидеть неподвижно, прислонившись к спинке и вытянувши вперед ноги. Нарты издали представляются похожими на маленькую колыбель, а путник – полулежащий на нартах и имеющий свободными одни лишь руки, – на спеленатого ребенка. В эти нарты впрягаются собаки, которые страшно быстро бегут, подкидывая путника из стороны в сторону. С величайшими опасностями сопряжены разъезды миссионеров в зимнее время, и в особенности в летнее. При отыскании своих чад, в летнее время расселяющихся по берегам Амура, миссионерам волей-неволей приходится совершать опасные плавания по Амуру на ладьях, которые, по справедливости, нужно назвать щепками по сравнению с могучим и страшным Амуром. Преосвященному Гурию, во время одной поездки по Амуру (в 1887 г.), пришлось испытать и пережить страшный шторм на этой реке, вздымавшей свои волны далеко выше парохода, на котором совершал архипастырь свое путешествие по обозрению инородцев, на лето перебравшихся к Амуру. «Душа наша», писал преосвященный путешественник, «в злых таяше и вся мудрость наша», по выражению псалмопевца, «поглощена бысть», когда волны восходили до небес и нисходили до бездны (Пс.106:26, 27). Таких миссионерских путешествий владыка Гурий совершал почти ежегодно по 4 и 6 тысяч верст.

Останавливаясь в каждом поселении, преосвященный совершал, где были храмы Божии, всенощные бдения и литургии, а где их не было – молебные пения с водоосвящением. Везде он вел беседы, в которых словами, доступными пониманию «темных людей», излагал основное учение христианской веры. Беседа изливалась от сердца отца, желавшего своею любовью возгреть в сердцах новопросвещенных свет Христовой веры. Инородцы, слушая беседу, умилялись сердцем. По свидетельству спутников преосвященного, его беседы отличались «сердечностью», в особенности тогда, когда он встречал среди инородцев недоверие или

озлобление против русских вообще и «попа» в особенности. «Я буду всегда молиться о вас», говорил владыка, обращаясь к запуганным собеседникам, «буду молиться, чтобы вы на земле были счастливы и по смерти вашей Бог вам дал райскую жизнь». Памятником архипастырской ревности о наилучшей постановке миссионерского дела среди приамурских инородцев служит «внушение» преосвященного Гурия, опубликованное указом из камчатской духовной консистории, содержащим в себе предложено его преосвященства от 27 января 1887 г. за № 217. В этом предложении весьма определенно указаны задачи, возложенные на российские миссии, действующие среди инородцев, и показаны наилучшие средства к осуществлению таковых задач.

Преосвященный Гурий в апостольских трудах по христианскому просвещению диких инородцев Сибири провел 12 лет, с 12 сентября 1880 года ПО 24 октября 1892.

Не меньшую заботу и энергию проявил преосвященный Гурий и в Самарской епархии по просвещению разных инородцев, старообрядцев и сектантов. Он особенное внимание обратил на инородцев епархии: чуваш, татар, мордву и вотяков, которые особенно представляли собою совершенно невозделанную почву. Как чуваш и вотяки язычествующие, так и татары – мусульмане крепко держатся своей веры, считая перемену ее изменой своей народности, и на убеждения православных священников в превосходстве Христовой веры пред их верою отвечают, что у всякого народа есть своя вера, что каждая вера хороша, что-де русская вера также хороша, пожалуй, лучше их веры, но только она чужая для них, что кто родился в какой вере, в той и должен умереть. Что же касается самого исповедания христианской веры принявшими христианство инородцами, то она в представлениях их соединяется с коренными их языческими понятиями и мировоззрениями. Вот почему именно крещенные названные инородцы до сих пор и пребывают в «двоеверии», младенцами в вере, полу-христианами, и со стороны миссионерствующих среди них лиц требуется самое внимательное проникновение в их мировоззрение наряду с самым неослабным пастырским воздействием.

Дело христианского просвещения этих инородцев преосвященный Гурий принял близко к сердцу. Предварительно он сам лично, через свои неоднократные поездки по инородческим селениям, ознакомлялся с религиозно-нравственным состоянием инородцев и затем уже изыскивал средства для их просвещения. Усмотрев, с одной стороны, насколько серьезного внимания заслуживает инородческое миссионерское дело в Самарской епархии, особенно в виду пропаганды татар-мусульман, родственных инородцам по языку, а с другой – ограниченность средств, находящихся в распоряжении местного миссионерского комитета, преосвященный Гурий обращается к св. Синоду, православному

миссионерскому обществу и к разным другим учреждениям, обществам и лицам за содействием и материальною помощью для удовлетворения неотложных нужд епархиальной инородческой миссии. Результатом этих ходатайств и просьб была постройка во многих инородческих селениях новых церквей, церквей-школ, школ грамоты, открытие новых причтовых штатов, с жалованием от казни, постройка причтовых домов и т.д.

Преосвященный Гурий, как опытный миссионер, прекрасно знал, что большого успеха в достижении миссионерских целей среди инородцев Самарской епархии нельзя ожидать, пока во главе инородческих приходов не будут поставлены священники – или из самих инородцев, получивших образование, или из русских, но в совершенстве знающих инородческие языки. Вот почему он и стал вызывать к себе на службу окончивших курс Казанской инородческой учительской семинарии Симбирской чувашской учительской школы, а также учителей инородческих школ – Казанской, Симбирской и Уфимской епархий для замещения священнических и учительских должностей в инородческих приходах Самарской епархии. В 1903 году священников из инородцев в Самарской епархии было уже около 70, диаконов около 20, псаломщиков 60, учителей – до 120, тогда как до поступления преосвященного Гурия, вполне владеющих инородческим языком было только три священника, один диакон и один учитель.

Всем священникам инородческих приходов епархии преосвященным Гурием было поставлено в неперемнную обязанность возможно чаще объезжать деревни своих приходов и проповедовать инородцам Христово учение на их родном языке, прилагать заботы о возможно лучшей постановке богослужения на инородческих наречиях, отправлять по деревням всенощные бдения с произнесением поучений, научать инородцев – молитвам, заботиться об устройстве по деревням церковных школ, о лучшей их организации, обращая особенное внимание на церковное пение и пр.

За деятельностью их наблюдал сам преосвященный лично, преподавая им благопотребные архипастырские наставления и распоряжения относительно христианского образования и просвещения инородцев. Он ежегодно по несколько раз совершал миссионерские поездки по старообрядческим и инородческим селениям, устраивал в них торжественные богослужения, предлагал поучения и беседы, направленные преимущественно на опровержение заблуждений старообрядцев, сектантов и инородцев. Ни одна сторона церковно-общественной жизни не ускользала от бдительного ока архипастыря: церковь и школа, нравственное состояние пастырей и пасомых, их взаимные отношения и материальное благосостояние, старообрядчество и местные секты, церковно-приходские попечительства и их деятельность, внешний и внутренний быт крестьян, их занятия, нажитые временем

навыки и привычки, их суеверия, общественные и семейные отношения, – все это, смотря по удобству места и времени, обсуждалось преосвященным Гурием или с церковной кафедры, или в школе, или на открытом воздухе, а иногда, в минуты откровений, и в домах священников.

Владыка Гурий первый из самарских архипастырей проникал в самые отдаленные и глухие местности с проповедью слова Божия. С 1893 г. он посетил все инородческие селения, в некоторых из них бывал даже по два-по три раза. Главная цель этих путешествий была – распространение веры Христовой между коснеющими в языческих заблуждениях инородцами и отклонение их от языческого идолопоклонства и магометанского влияния. Путешествия эти приносили большую пользу темным инородцам. Везде инородцы встречали владыку с великою радостью, устраивали торжественные встречи, оставляли обычные полевые работы, несли кошмы и холсты и расстилали по пути следования архипастыря, давали обещания исполнить его архипастырские наставления и советы, искренно благодарили его за заботы о них, строили школы и церкви-школы, оставляли языческие обычаи и обряды. Чуваша дер. Иштулкиной, Бугуруславского уезда, выразили свою благодарность владыке Гурию в следующих словах: «Ваше преосвященство, милостивый архипастырь и отец! На второй седмице текущей св. четыредесятницы, в нашей церкви-школе, сооруженной по благоволению вашего преосвященства, отправлялось богослужение, а в субботу даже совершалась и божественная литургия. Мы от мала до стара, назидались наставлениями, поучениями и службою Божией на нашем родном языке. Как после холодной и бурной зимы лучи весеннего солнца согревают и оживляют мертвую землю, так и божественная служба минувшей недели внесла свет и теплоту в наши души. Многие из нас впервые слышат богослужение, в полном его круге, да при том по-чувашски: так ясно, попятно и трогательно! Великая радость и праздник для нас, великое счастье наше. Виновником этого духовного торжества мы считаем вас, ваше преосвященство! Христианская проповедь и богослужение на чувашском языке, эти источники света среди нас, темных чуваш, – все плоды апостольских трудов ваших. Мы свято храним в душах наших неоднократное посещение вашим преосвященством нашей бедной деревни, вашу проповедь о пагубности язычества, о благодатных дарах св. церкви, и вспоминая все это, теперь воочию убеждаясь в правоте и святости слов ваших, вполне понимаем и ценим важность ваших посещений. Движимые искренней сыновней признательностью и любовью, мы, нижеподписавшиеся, осмеливаемся повергнуть вашему преосвященству свои чувства беспредельной благодарности за вашу заботливость, труды и милость к нам – чувашам». Приговор этот подписан 157 чувашами.

Миссионерские труды преосвященного Гурия в Самарской епархии велики, плоды их весьма заметны. О них настоящий Самарский архипастырь преосвященный Константин так свидетельствует: «Ныне я посетил немало инородческих приходов и селений и всюду заметил одно отрадное явление: у инородцев везде есть певческие хоры, которые поют очень стройно и одушевленно. Инородцы стекались большими массами для встречи меня, храмы были везде полны народа, – из чего я заключаю, что они любят храм Божий и весьма религиозны».²³⁸

Не меньше внимания обратил владыка Гурий на борьбу с вековым злом – расколом и сектантством в епархии, и, болея душой и сердцем, что старообрядческая пропаганда ведется дружно и усиленно, что волки со всех сторон окружают овец, он открыл должность епархиального миссионера, справедливо полагая, что до того времени жившие, быть может, в гордом сознании своей правоты, старообрядцы из бесед епархиального миссионера могут и должны, если не разубедиться, то, по крайней мере, усомниться в своей правоте, а православные и единоверцы, иногда духовно пригнетенные и колеблющиеся, при торжественном засвидетельствовании истинности их веры, получают возможность воспрянуть духом и сознательно укрепятся в преданности православной церкви. Справедливо полагая, что одному епархиальному миссионеру в такой епархии, как Самарская, которая и по пространству, и по числу старообрядцев велика, не поспеть всюду с проповедью, он учредил должности окружных миссионеров, призвав к борьбе и назначив на эти места людей, получивших специальную миссионерскую подготовку, или вышедших из раскола и основательно изучивших миссионерское дело на практике. О миссионерских трудах преосв. Гурия среди старообрядцев Самарский епархиальный миссионер о. Александров так свидетельствует: «Ваше, – говорил миссионер владыке, – полное доверие к миссионерам, ваша любовь, мудрое и опытное руководство придавали нам бодрость духа и сообщали энергию. Миссия окрылилась, стала твердо и с успехом шла вперед, действуя на заблуждающихся и устно, и путем публичной и частной проповеди, и письменно, путем распространения полемических книг и брошюр. За 11½-летнее служение Самарской церкви миссия привлекла в лоно церкви более 6.000 человек, сделав их верными св. церкви и преданными вам детьми». (Из речи, сказанной при прощании с преосвященным Гурием).

Здесь мы говорили о миссионерских трудах преосвященного Гурия. Но и другие стороны его деятельности не менее важны. Владыка особенное внимание обращал также и на дела начального народного образования в своей епархии. Он всеми зависящими от него способами старался воздействовать на духовенство, чтобы оно относилось с должною заботливостью и внимательностью к церковным школам. Церковно-приходское дело в епархии он считал настолько близким себе,

что не отказывался принимать лично почти все прошения об определении на учительские места, о выдаче учащим вознаграждения и о других школьных делах, – и это, несмотря на то, что по опубликованным руководственным в епархии определениям к архиерею должны были поступать только важнейшие из дел и при том не иначе, как чрез посредство епархиального училищного совета. При таком отношении владыки к церковно-приходскому школьному просвещению в Самарской епархии, церковные школы, естественно, умножались и улучшались в материальном и качественном отношении.

Преосвященный Гурий в Самарской епархии не мало заботился и об улучшении быта духовенства как в материальном, так и нравственном отношении.

Архипастырско-миссионерская деятельность преосвященного Гурия в Симбирской епархии продолжается в том же духе апостольской ревности, как и в Самарской епархии. В заключение нашей настоящей статьи искренно пожелаем архипастырю-миссионеру, чтобы Господь продлил жизнь его на пользу Христовой церкви и православной миссии и помог ему в дальнейшем его святом и великом служении.

Свящ. А. Иванов

Миссионерский отдел

Ивановский. И., проф. К вопросу о перечислении из православия в единоверие // «Миссионерское Обозрение», 1906, № 3, стр. 343–361

(Заключение по прошению крестьян села Марьино, православных, о приписке их к местному храму и Марьинскому приходу, единоверческому)

Консистория просит дать заключение по делу относительно поданного в Св. Синод прошения крестьянами, живущими в единоверческом селе Марьине, Тет. уезда, в количестве 18 человек, о приписке их с семействами к приходу своего села. Объясняется эта просьба, дошедшая до высшей церковной власти, тем обстоятельством, что просители – люди православные, а храм в Марьине единоверческий. Таким образом, вопрос, по-видимому, совершенно простой, осложняется возможностью или невозможностью перечисления просителей из православия в единоверие. Дело в том, что Марьино – приход новый, образовавшийся 16 лет назад (1890 г.). До этого времени это была захолустная деревня, входившая в состав православного Ишеевского прихода, за немногими семействами вся населенная старообрядцами австрийского согласия – противоокружниками. Бывший их священник Матвей Лещин и привел часть своего стада в ограду св. Церкви на правах единоверия; из нее и образовался единоверческий приход.

Остающаяся часть православных, по своей склонности к «старому» обряду, были все, как и теперь, – двуперстники, любители посолония и других особенностей старообрядства. Совершенно естественно, что когда в их деревне построен был храм и в нем стало совершаться богослужение, то и в силу их внешнего положения, вблизи нового храма, вследствие стародавних привычек, их потянуло к нему, так, что они тогда же, на самых первых порах, хотели уже просить о приписке к своему храму (единоверческому). В свое время мы удерживали их от подобной формальной просьбы, понимая и объясняя им невозможность исполнения их жадной. Но при этом, само собой понятно, нельзя было воспретить им посещать богослужение, в их храме (единоверческом) совершаемое. Таким образом, и оставшиеся в Марьине православные стали ходить молиться в свой храм, а церковно-религиозная связь с Ишеевым незаметно стала ослабевать. В то же время, частью вследствие словесных разрешений местных преосвященных, а еще более на основании смягченных в 1881 году правила единоверия, – по которым, в облегчение доступа в него неотписным раскольникам, были значительно изменены 5-й и 11-й пункты «правил» митр. Платона и в то же время разрешено единоверческим священникам исповедовать и причащать православных вследствие болезни, или иных случаев нужды («Церк. Вестн.» 1881 г., № 37 и «Руководство по ист. раск.» ч. 1, стр. 219 и 224),

православные марьевцы исполняли некоторые требы и у единоверческого священника, а также принимали его на праздниках с крестом и св. водой. Так шло дело до последних лет. В последние годы, не довольствуясь таким неопределенным положением, они стали добиваться формальной приписки их к марьинскому храму. В 1900 году, как пишут в прошении Св. Синоду, они подали о том прошение епархиальному начальству, которое «ничего не ответило». Так ли это было, нам неизвестно и прошение до нас, но крайней мере, не доходило. В конце 1903 г. поступил «приговор» их о том же. Мотивы указаны в «приговоре» не однородные: – с одной стороны бедность и неимение лошадей, чтобы привезти православного священника из Ишеева в Марьино, или самим ехать, например, с покойником, в Ишеево для отпевания и погребения на ишеевском кладбище, а с другой стороны и «ревность к старому обряду и богослужению», при нежелании уклониться в раскол. Высокопреосвященный Димитрий, бывший архиепископ казанский и свияжский, посмотрел на этот «приговор», как на стремление православных марьинцев перейти из православия в единоверие, что и указал в своей резолюции от 23 ноября 1903 г. Но при этом от присовокупил: «Марьинские дела хорошо известны профессору Ивановскому. Просить его дать отзыв по содержанию этого приговора».

Мы были поставлены в немалое затруднение, чтобы не пойти с одной стороны против резолюции высокопреосвященного, – при сознании, что мы ничего этим не достигнем, – а с другой, чтобы как-нибудь и насколько возможно, успокоить и удовлетворить просителей. Для личного с ними объяснения и переговоров мы сочли необходимым побывать на месте. Результатом наших взаимных объяснений было следующее, представленное в консистории заключение, из которого и выписываем все существенное. «Просьба живущих в Марьине ишеевских прихожан является переходом из православия в единоверие, что запрещается прямыми правилами единоверия. На обстоятельство это указано и в резолюции его высокопреосвященства. Посему приговор просителей с этой точки зрения не может подлежать удовлетворению. Но при этом нельзя не обратить внимания на бытовые условия просителей, которые, по преимуществу, ими и выдвигаются. При личном объяснении с ними и по засвидетельствованию священника села Ишеева (он же и благочинный) о. Богоносцева, я не мог не убедиться, что действительными побуждениями со стороны просителей были не унижительный или пренебрежительный взгляд их на православие, сравнительно с единоверием, а *главным образом* означенные в приговоре бытовые условия. Посему, приняв во внимание последние и соображаясь с существующими «правилами» единоверия, я полагал бы: 1) Просьбу православных жителей села Марьино о приписке их к марьинскому единоверческому приходу *в настоящее время* отклонить, как не

соответствующую «правилам» единоверия. Подчеркиваю: «в настоящее время», почему что сила вещей и привычка к своему местному храму (помимо всяких других причин) в будущем, рано или поздно, сделает свое дело и закрывать на это глаза нам нечего. 2) Относительно таинств исповеди и св. причащения, а равно и крещения младенцев (о посещении богослужений и не говорим) оставить все так, как и теперь делается, т.е. предоставить продолжать совершение их, в случаях какой-либо нужды, для православных и единоверческому священнику. При этом относительно говения в великом посте я находил бы не лишним предписать тому и другому священникам (ишеевскому и Марьинскому) располагать православных жителей Марьина к тому, что если они и могут невозбранно посещать богослужения в местном храме, то для исповеди и св. причастия должны, – по крайней мере более здоровые и свободные от семейных обязанностей, – приходить в свой приходской храм. Этим они и покажут на деле, что православного храма они и семейства их не чуждаются и таинств, православным священником совершаемых, не избегают. Тогда и настоящее их ходатайство получить один определенный смысл. 3) Погребение умерших в затруднительных случаях может быть совершаемо православным ишеевским священником и в марьинском храме, причем и местом погребения может быть и марьинское кладбище. Вопрос о кладбищах правилами единоверия и не предусмотрен, и практической важности не имеет. В подобных же случаях возможным представляется, по соглашению с православным священником, совершить погребение и священнику единоверческому. 4) Остается только совершение браков. За редкостью их и по другим причинам нецерковного свойства, браки обязательно должны быть совершаемы в приходском храме. 5) Возбуждаемы были, при личном объяснении, и другие вопросы, в приговоре не упомянутые, и выходящие за пределы тайнодействий. Должны упомянуть об одном, независимом уже от бедности просителей, вопросе: может ли местный единоверческий священник ходить в дома православных, к ишеевскому приходу приписанных, по праздникам с крестом и св. водой? Повторю, что ответил: я не вижу никакой серьезной причины воспрещать сие и единоверческому священнику, по желанию, конечно, православных прихожан. В правилах единоверия запрета на это не было и нет. Пусть поэтому они принимают и священника ишеевского (православного), как своего приходского пастыря марьинского (единоверческого, как ближайшего по месту жительства, в храме которого присутствовали и при богослужении».

«Со стороны формальной, сказанное не могло служить переходом из православия в единоверие, а в то же время и просители получали бы фактически почти все, чего желали. Когда обстоятельство это было нами разъяснено, то, видимо, оно успокоило просителей и примирило их с положением вещей. Можно было надеяться, что они и в будущем

примирятся с этим на более или менее продолжительное время. И это тем более, что настоящий ишеевский священник (Богоносцев) вел и ведет дело с тактом и не любитель придирается к мелочам, могущим возбуждать неприятную, бесплодную переписку и поддерживать неудовольствие и взаимную неприязнь, и пререкания».

Составив такое заключение, мы надеялись на полную возможность осуществления всего нами сказанного. Надежды ваши не оправдались. К сожалению, консистория не пожелала посмотреть на дело всесторонне, ограничившись лишь первым пунктом моего заключения, вернее же, хорошо ей известным запрещением в правилах единоверия митр. Платона; при этом она не поинтересовалась даже новейшими распоряжениями Св. Синода. 8 марта 1904 г. был послан внушительный указ ишеевскому священнику Богоносцеву, коим подтверждалось ему «принять самые усиленные воздействия на указанных крестьян, пожелавших отчислиться к единоверческой церкви и со всем усердием убеждать их неуклонно, до скончания жизни своей пребывать в неразрывном единстве с породившею их духовно церковью, а не оставлять ее ради обрядов, по снисхождению допущенных к употреблению в единоверческих церквях». При этом консистория затребовала от о. Богоносцева точных сведений, сколько именно верст от Марьина до Ишеева (просители указывали 4½), все ли просители живут в Марьине, все ли они не имеют лошадей и сколько лиц в каждом семействе просителей. В то же время послан был указ и единоверческому благочинному Мансурову, с требованием самых верных сведений: «сколько лиц с 1900 по 1904 г. по каждому единоверческому приходу в отдельности присоединилось из раскола в единоверие и сколько перешло из единоверия и обратно, – сколько ушло из православия в единоверие (этого официально не могло и быть, а неофициальные случаи обращений православных к единоверческому священнику за исправлением некоторых треб не есть переход) и сколько из единоверия отпало в раскол?». Когда ответы Мансурова и Богоносцева были получены, консистория составила 23 июля 1904 г. обстоятельное, мотивированное по делу определение, его высокопреосвященством утвержденное, на основании которого и послала 14 октября указ.

Указом этим просьба православных крестьян села Марьина о причислении их к своему единоверческому приходу была отклонена, о чем просители и уведомялены. Основанием для отказа послужили усмотренные консисторией противоречия в побуждениях, высказываемых просителями, неправильное показание расстояния от Марьина до Ишеева (в 4½ в., благоч. Богоносцев показал 4 в., благоч. Мансуров словесно заявил в 3 в., тогда как на самом деле, по крайней мере, от храма до храма будет не менее 4 верст, от места же нахождения дома или несколько более, или менее), указание на неимение лошадей, тогда как

лошади у некоторых имеются и т.п. Но едва ли эти именно основания и соображения могли и могут иметь важное, решающее значение. Необходимо искать чего-либо другого. Действительно, в конце определения брошена фраза, что перечислением из православия в единоверие «сделан будет значительный шаг в сторону раскола» (Журн. Консист. 1904 г., июня 23, № 90). В этих немногих словах, – нам кажется, и заключается главная причина отказа. Подтверждением этого может служить первичная резолюция, имеющаяся в деле (12 февр. 1904 г. № 12), подлежащего о. члена консистории, в коей и раскрывается взгляд на единоверие с его принципиальной стороны. На основание рапорта о. Богоносцева, в коем прописано заявление марьинцев, что «существование в их селении церкви, по разъяснению *миссионеров*, приводящей ко спасению *одинаково* с православною, располагает их» и т.д., замечается, что «эту причину признать безусловно уважительной нельзя». Почему нельзя, не объясняется, но получается впечатление, что «миссионеры» православные говорят не совсем правду, а дальше понимай и о единоверии иначе. Затем это неприятное впечатление усиливается. «Нельзя согласиться, читаем далее, и на то, чтобы позволить православным села Марьина исповедоваться и причащаться у единоверческого священника (что уже делалось), так как таковое дозволение явно противоречит пункту правил митр. Платона, при чем и выписывается полностью известный пункт (5-й), – отживший уже свое время и замененный определением Св. Синода 1881 г., нами указанным. Еще далее: «Крайне также неудобно позволить единоверческому священнику ходить по домам православных и со св. водой, так как святость этой воды, в виду прошения, читаемого на великой ектеньи при освящении ее, *не несомнительно*. Прощение же это в старопечатном чинопоследовании изложено так: «о погрузитися силе душетленного супостата в водах сих, Господу помолимся».

Мы привели зги выдержки из проекта определения для иллюстрации, брошенной в подлинном консисторском журнале фразы об уклонении (при том значительном единоверии в сторону раскола. Нельзя не видеть во всеми этом недоразумения понятий старообрядства и раскола (см. подробно нашу статью: «Старообрядство и раскол», в «Собрании» наших сочин., т. 1. стр. 33 и дал.). Вместе с сим сказанное представляет глухую критику последующих (за первым) пунктов нашего заключения, хотя полностью не оглашенную и отодвигает положение дела церковного общения и единения даже назад, в обратную сторону сравнительно с тем, как оно стояло до данного времени. Ясно, наконец, что в приложении к настоящему случаю оно не могло успокоить просителей, и в результате последовало как бы апелляционное прошение в Св. Синод.

Так как главный узел вопроса и затруднение его распутать заключается в принципиальном взгляде на единоверие, то, изложив в

последовательном порядке обстоятельства образовали марьинского прихода и весь ход настоящего дела, – мы считаем себя не только в праве, но и обязанными, во-1-х, осветить его с той же принципиальной стороны, установив надлежащую, как мы понимаем, точку зрения, и, во-2-х, войти в суждение о настоящем деле и со стороны церковно-практической, имея в виду пользу церкви.

1. С принципиальной стороны в основу единоверия положены два принципа, не совпадающие между собою, из коих второй служит как бы ограничением первого. Поэтому, все, кому приходится нести речь о единоверии, должны и говорить с двух точек зрения: со строго богословской и церковно-административной. Эти-то точки зрения по некоторыми практическими вопросами и расходятся между собою, так что при решении этих вопросов в каждом данном случае необходимо отыскивать что-либо посредствующее и как бы примиряющее. Постараемся раскрыть эти положения, чтобы подойти к более правильному, соответствующему интересам церкви, решению вопроса и в данном случае.

а) Единоверие прежде всего представляет собою единение старообрядцев с православною церковью, при котором в подчинении ее священноначалию и в участии святых таинств открывается и для вступивших в оное путь ко спасению в равной степени, как и для православных. Никто и никогда в этом не сомневался, как никто и никогда не сомневался в православии и благодатности церкви до-Никоновской, при употреблении ею известных книг и обрядов. Пусть это сделано «по снисхождению», но из этого для вопроса о получении спасения ничего еще не следует, так как сделано по исконному праву церкви оказывать таковое снисхождение в предметах, существа веры не касающихся, во имя, так называемого церковного «домостроительства». При этом вопросе об обрядовых или буквенно-словесных преимуществах отошли и должны, естественно, были отойти, в сознании церкви и церковной власти, на задний план. И это тем более, что во взгляде на эти вопросы заключается в сущности и вся разница между православием и расколом: первое допускает изменяемость и разнообразие, последний стоит за каждую йоту, провозгласив ее неизменность и почив на этой именно букве, или внешнем обряде. По этому признаку мы ценим людей церкви и людей не духа церкви и в некоторых случаях не более, как запутавшегося в мелочах фанатика. Нужно ли для того, что мы сказали, указывать на авторитеты? Если нужно, то можем назвать имена двух святителей, – греческого и русского: константинопольского патриарха Паисия, современника патр. Никона, который писал Никону и о возможности обрядового разнообразия, не вредящего единству веры и церкви, и осуждал распри из-за этого (Посл. его в «Скрижали» и в новом переводе при «Христ. Чтении», проф. И.Е. Троицкого), – и митр. Платона – творца единоверия. Последний

замечал, что «надлежало бы (патр. Никону), объяснив все причины исправления книг и представив пред очи видимые ошибки, также оговорив, что и в старых книгах ничего церкви противного не заключается... надлежало бы оставить на волю: по старым ли служить книгам или по новым. «Вероятно», заключает митр. Платон, «что сим поступком умы были бы успокоены». Но как стали везде вводить новые книги, а старые отбирать, восстал общий ропот, возмущение, мятеж и раскол (Кратк. церк. ист., т. II, стр. 234–235). Одновременно эту точку зрения разделяли митр. новгородский Димитрий Сеченов, епископ псковский Гедеон и др. (см. в исслед. Лысогорского о митр. Платоне, 1905 г., стр. 295). В последние десятилетия современная церковная власть не раз во всеуслышание заявляла, что, не смотря на обрядовое разнообразие, единоверие и православие составляют *единую* святую, апостольскую церковь. Отсюда сам собою ясен вывод и о возможности спасения, *одинаковой* как в православии, так и в единоверии, с дозволенным употреблением старых книг и обрядов. Ясно таким образом, что и миссионеры говорят об этом сущую правду. На этой точке зрения, строго богословской, – стоят и наши просители, как стояли всегда все искавшие единоверия, – за исключением лишь тех, которые хотели получить законное священство с иными задними, сепаративными целями, а не ради соединения; что без особого труда всегда и предусматривалось, кем должно. Искренно же ищущих единоверия сбить с их позиции невозможно.

б) Но из указанной, высшей, богословской точки зрения в жизни церковной не все сделаны практические выводы. Именно, желающим перейти из *православия* в единоверие поставлен запрет. Такое ограничение уже не богословского характера, из понятия о Христовой церкви вытекающее, а церковно-административного свойства, явившееся по другим более внешним побуждениям, – охранения порядка церковью принятого и обдержно-существующего, исправленного обряда. «Породившая же духовно» *церковь* одна и та же. Поэтому, когда и значащийся «православным» любитель старого обряда обопрется на понятие о единстве церкви (православной и единоверческой) и об одинаковых в той и другой условиях спасения, то ему трудно втолковать *причину* запрета быть ему членом общества единоверческого. И на самом деле, рассуждая отвлеченно, если церковь едина, то почему запрет? Если же есть запрет, то заключение относительно единоверия напрашивается иное, какое-то двусмысленное. Ответ, если угодно, пожалуй, на это готов: «единоверие допущено и благословлено *только* для обращающихся из раскола. Но почему же, является опять вопрос со стороны догматической, – что можно позволить одному, того нельзя позволить другому, *когда цели жизни одинаково достижимы?* Был и есть и на это ответ, – что единоверие дано по *снисхождению к немощной совести*, в благом

чаянии, что со временем такое происхождение приведет к полному и обрядовому единению. Но и здесь новый вопрос: если возможно оказать снисхождение одному, – раскольнику «немощному», то почему же нельзя оказать его другому, тоже немощному, слепо приверженному к известным обычаям, также хромающему на оба колена, хотя формально и именующемуся православным? Ведь, и так называемых «православных» не всех же приходится питать твердой пищей, а многих еще и молоком. Если, таким образом, мы снисходим, из жалости гибели, к первым (чтобы привлечь их в церковь), то от чего же, из той же жалости и опасения (чтобы не ушли они за ограду церкви), не снизойти и к последним, – еще более нам близким, – особенно если бытовая их обстановка по каким-либо причинам может располагать их к тому?... А что до благих надежд, основателем единоверия высказанных и за ним, особенно в предшествовавшее время, часто повторявшихся, – на основании чего единоверие называли мостом к православию или больницей в доме здоровых, то об этой *переходной* лишь ступени теперь уже перестали говорить. Единоверие просуществовало более ста лет (если считать со времени митр. Платона, а не Никодима, за 16 лет ранее, под именем «Согласия»), как учреждение самостоятельное и с задатками будущности. И, однако, и при неосуществившихся надеждах его основателя, никто не думает поворачивать назад, к тому времени, когда его не было; напротив, высшая власть церковная, поддерживаемая единодушным голосом бывших миссионерских съездов (московских и казанского), облегчает способы доступа в него и образование новых единоверческих приходов. Теперь речь может быть о том только, чтобы воспитывать и укреплять единоверцев в духе единения с православием, дабы и самое единоверие было единым не на словах только, или в отвлеченно-богословских умозрениях, но и в самой жизни. Имея в виду недостатки воспитания и смотря на единичные случаи жизни, некоторые бросают относительно единоверия даже такую непозволительную фразу, что оно есть «мост к расколу». Фразу эту мы называли непозволительной не только с точки зрения *понятия* о единоверии и его содержания, но и самой жизни. И на самом деле, что она означает? То ли, что употребление менее исправных богослужебных книг и обрядов приближает уже единоверцев тем самым к расколу (который *по существу* есть раздор с церковью), так что и самое единоверие не столь уже спасительно, как православие или, что тоже, «не несомненно»? Но не нужно ни на минуту забывать хотя бы того, что оно благословлено Церковью, как спасительное и подтверждается ею, как едино с православием. Или то, быть может, разумеют, называя единоверие «мостом к раскату», что единоверцы с большею легкостью уходят в раскол, чем православные? Но для подтверждения этого требуются факты, которых указать невозможно. Одно знаем, что в среде единоверцев встречаются

некоторые с чисто раскольническими убеждениями в своих взглядах на прав. церковь, – как есть подобные и в православии, – и таковым прямо идти бы в раскол, не заходя попутно в единоверие; есть и люди тенденциозные, стремящиеся к тому, чтобы из самого единоверия сделать раскол, придав ему вид особой церкви. Но все это уже нечто другое, внутреннего положения самого единоверия касающееся, а не мост к другому берегу. Но об этом и свои заботы, и свои печалования... Благочинный Мансуров, как мы говорили уже, и о том был спрошен, сколько в приходах его благочиния из единоверия ушло в раскол, и ответил, что ни одного. А между тем, если бы, помимо этого официального вопроса и ответа, сличить два хотя прихода единоверческих и два зараженные духом раскола православные и составить действительную, а не формальную только статистику уклонения в раскол прихожан, то результаты, – смело можем говорить, – получились бы обратные. Единоверие не только не мост к расколу, а более удерживает колеблющихся в церкви. И причина этого понятна и у всех на глазах. Это, во-первых, привычка к излюбленным обычаям и большая уставность в богослужении.

в) Раскрыв два, положенные в основание единоверия, несоответствующее между собою, принципа и следующие из них неодинаковые заключения и применения к жизни, мы должны каждому из них дать надлежащую цену, чтобы ни на минуту не отклоняться от главного и более существенного, и ценного. В духовно-религиозном отношении первый принцип выше и устойчивее, так что при нарушении его исчезает самая идея единоверия, как *единения* с церковью. В отношении административном второй принцип определеннее и удобнее, по-видимому, для применения, как принцип церковного порядка. Но при этом, если первого невозможно ослабить, то второй, по самому существу своему, может подлежать изменениям и допускать исключения по разным благословным винам, с ведома, конечно, той же власти церковной. В истории единоверия он и подвергался таким изменениям. Начальными пунктами «единоверия» митр. Платона только записным раскольникам предоставлялось присоединяться к церкви на его правах, незаписные же, хотя и издавна уклонившиеся в раскол, не могли быть единоверцами, а это на деле равнялось почти всем, рожденным не в расколе. Впоследствии же времени (в 30-х годах минувшего столетия) предоставлена была возможность делаться единоверцами и тем, которые пробыли в расколе не менее 10 лет, а 50 годов спустя после этого (1881 г.) облегчен доступ в единоверие пятилетним пребыванием в расколе, – что существует и доселе. В то же время и высшая церковная власть, и епархиальные преосвященные разрешали некоторым священникам употребление старого, отмененного обряда и для лиц, в расколе не находящихся, но приверженных к означенному обряду. Такова

возможность изменений и исключений из существующего запрета переходить православным в единоверие. Изменения и исключения могут идти и далее.

Само собою разумеется, что эксперт, как лицо сведущее, но не властное, должен считаться со всеми существующими правилами и требованиями, – особенно, если они не гармонируют между собою, – и в своем заключении по каждому данному делу иметь их в виду. Здесь нередко ему приходится проходить между сциллой и харибдой, склоняясь то на одну, то на другую сторону, смотря по обстоятельствам дела. Какой же, спрашивается, должен быть принят посредствующий, руководящий критерий за точку отправления для решения каждого отдельного дела по вопросу о разрешении быть причисленным к единоверию лицу, не подходящему под существующие правила? Ответ на этот вопрос мы можем позаимствовать у того же творца единоверия митр. Платона. Как в своем «Увещании», так и в других сочинениях, он выдвигал более всего мир церкви и любовь христианскую, которые далеко выше и важнее обрядовой привычки. С этой точки зрения и мы будем смотреть на дело. Если чье-либо стремление к единоверию может породить соблазн и смуту, а тем паче унижение достоинства православной церкви, – в общем нарушить ее мир и порядок, то, конечно, необходимо строго держаться административной точки зрения, и это не в *противоречии* стояло бы и с основной идеей *церковного единства*. Иллюстрируем вашу мысль хотя одним-двумя примерами, близко нам известными. В Нижегородской епархии явилась просьба прихожан и предположение некоторых обратить существующий издавна православный храм и приход в единоверческий, заменив в нем исправленные книги «старыми», с употреблением и «старых» обрядов. Дело доходило до Св. Синода. Случайно мы были спрошены дать об этом свое заключение, побывав на месте. Поговорив с толпой собравшихся, а потом с некоторыми отдельно, мы должны были посмотреть на начатую в таком виде затею, как на церковную смуту, на демонстрацию против прав, церкви, как на унижение ее достоинства, а кроме того и как на прецедент к дальнейшим нежелательным движениям народным. Заключение наше было в свое время представлено Св. Синоду.²³⁹ Были и в нашей епархии подобные попытки, частью словесно нам заявляемые (в с. Ходяшеве, Свяж. у.), частью на бумаге, на имя епархиального начальства выраженная (в с. Шеланге и в Урюме, Тет. у.). В первом случае в подобных мы влияли словом и советом, в последних давали отрицательный отзыв на бумаге, в консисторию. Сверх сего, мы всегда о том старались, чтобы не строить единоверческих храмов в самых селах православных, – во избежание нежелательной конкуренции и столкновений, – а строить их в деревнях, более или менее удаленных от православных храмов. По счастью, так это у нас и выходило. Четыре, выстроенные за последние 25 лет, единоверческие храма, – все в

деревнях. Три открытых при них вновь прихода мало соприкасаются с приходами православными, находясь от них в 4–9 верстах.

Но с другой стороны, в тех обстоятельствах и при такой обстановке, когда не угрожает какая-либо смута церковная и соблазн, могущий породить беспорядок, когда не страдает при этом достоинство православия, когда и количество чад единой церкви, чрез уход в раскол, не умаляется, когда при том и речь идет не о массовых движениях, а о единицах или не более, как о десятках людей, – церковно-административный запрет без всякого ущерба может быть оставлен в стороне, на первое же место, как спорное, и должна быть, кажется, выдвинута богословская идея церковного единства единоверия и православия, со всеми логическими ее последствиями. И это соображение особенно применимо к тем ищущим единоверия православным, которые живут в единоверческих селениях, вблизи единоверческих храмов и более или менее в отдалении от храмов православных. Мы глубоко убеждены в том, (что высказали и в первом своем заключении), что если в каком-либо единоверческом селении окажутся несколько семейств православных, в православных же селениях несколько семейств единоверческих, то сила вещей и привычка к местному храму сделает первых единоверцами (по меньшей мере, фактически), а последних православными (если не последует каких-либо неудовольствий на местного священника); и если этого не последует почему-либо в наличном поколении, то последует во втором, когда дети с малых лет будут посещать местный храм. И одного этого соображения, казалось бы, достаточно было для данного случая. Заключим, что с этим обстоятельством невозможно и бороться, не порождая в народе таких недоразумений и неудовольствий, которые далеко не в интересах Церкви.

2. Переходя от принципиальных взглядов и рассуждений и следующих из них выводов ближе к настоящему делу, к указанию настроения просителей и их бытовой обстановки, мы должны были еще раз повидаться с ними и побеседовать с каждым в отдельности. Впечатление от всего виденного и слышанного получилось следующее:

1) *Захаров Иван*. У него трое детей, последнему 6 месяцев, человек бедный, имеет одну лошадь, коровы нет. Старших детей крестил в Ишееве, а последнего, по случаю распутицы, в Марьине. Говел и причащался в Марьине, по близости храма, – что и побуждает его желать приписки к оному. Православие не только не зазирает, но и почитает, считая то и другое за едино. Но сам и семейные молятся двуперстно, так из детства научен и так он и жена учили и своих детей.

2) *Архипов Иван*. Имеет 5 детей, но из них работников нет ни одного. Хотя есть и лошадь, и корова, но едва кормиться только можно. Желает быть прихожанином Марьинской церкви, потому что она близко.

Вследствие близости, прошедший год и говел в Марьине, там же крестил и двоих последних детей, чему никто не препятствовал.

3) *Захаров Егор*. Женат, но бессемейный, живет «по среднему». Вместе с ним живет его мать, единоверка. По близости храма и ему удобнее быть вместе с матерью.

4) *Зорин Александр*. Был вдов и женился вторично на единоверке. Венчался в прав. церкви, но мог венчаться и в единоверческой. От первой жены две девочки, младшая, которой 6 лет, крещена была в Марьине. Думает, что обе церкви (ишеевская и марьинская за-едино, а по жене он полагает, что и может, если пожелает быть марьинским прихожанином.²⁴⁰ Теперь стесняется только нести некоторые повинности на ишеевскую церковь, от которых не освобождают, – желая участвовать в расходах на местную марьинскую церковь. Потому и подписал прошение.

5) *Тимухин Киприан*. Зажиточный. Как церковь в Марьине поставили, так и перестал ходить в Ишеево. Шесть лет не говел. Отец и мать – старики, по болезни, причащались в Марьине. Относительно убеждений говорит сдержанно.

6) *Буранов, Осип Григорьев*. Бедняк и многосемейный (8 чел. детей), часто отлучается на заработки. Давно не говел; семейные же говели. Желает, чтобы они были поближе к церкви. Куда, при бедности, ходить за 4 версты?

7) *Игнатъев Филипп*. Имеет жену и троих детей. Бедняк, никакой скотины нет. Года три назад говел в Ишееве. Жена и ныне говела, но в Марьине, детей нельзя одних оставлять, ишеевскую церковь и священника почитает, как и марьинского.

8) *Скворцов Онисим Яковлев*. Многосемейный (6 чел. детей), но живет еще сносно: есть лошадь и корова. Раньше был в расколе и теперь придерживается старообрядчества. Дома молится «по началу», утром и вечером. «Желаем, желаем», повторяет, «быть единоверцами»... да и церковь близко.

9) *Михайлов Андрей*. В семействе жена, мать и две сестры. Бедный, лошади нет, а только корова. Лет 5 не говел, хотя с крестом священника принимал и в церковь ходил в Марьино. Близко она, а Ишеево далеко, а лошади нет. Относительно убеждений сдержан.

10) *Антипов Андрей Васильев* (за себя и за отца Василия Антипова). Многосемейные (отец и мать Андрея и 6 чел. детей), живут бедно, лошадь есть. Говели в Марьине, потому что церковь в соседстве с их домом. Как им не быть прихожанами к своей церкви? Молятся по-старому, но ишеевскую церковь почитают, да и священник там хороший человек.

11) *Захаров Марк Дмитриев*. Бедняк, хотя и бездетный. Причина просьбы – близость к церкви. Православием не гнушается, ведь церковь одна и спасение в той и другой получить можно.

12) *Захаров Дмитрий*. Тоже бедняк и 5 чел. детей. Ишеево далеко, а своя церковь близко.

13) *Зорина Анна* (жена Сергея Зорина). Муж работает в Казани, у Алафузова, двое детей и отец с матерью. Живут бедно, лошади нет. Говела в Марьине, в Ишеево же лет 14 не ходила, как церковь свою построили, за дальностью. Отец и сейчас старообрядец. Им сподручнее молиться в нашей (единоверч.) церкви, отец не так сердится.

14) *Митягина Мария*, – хотя прошения и не подписывала, но того же желает. Вдова, бедная, имеет малолетнего сына. Говела в Марьине, в Ишеево не ходит за дальностью.

15) *Савельева Наталья*. Бедная. Два сына семейные, в отлучке, на работах. Ни лошади, ни коровы нет. Говела в Марьине, в Ишеево ходить далеко. Жена сына Павла и теперь не могла прийти, трое детей малых и больны. Последний ребенок и крещен в Марьине.

16) *Солтеева Анна*, – хотя под прошением не подписывалась, но о том же просит. Муж почти всегда в Казани, детей трое. Бедность одолевает, даже земли нет. «Куда пойдешь в Ишеево? Как церковь почти под глазами поставили, так и хожу в нее».

Судя по объяснениям просителей и некоторых других, желающих перечислиться из ишеевского прихода к марьинскому, картина выходить пестрая. В числе побуждений есть и бедность, и многосемейность, при отсутствии рабочих сил, и семейный связи с единоверцами и старообрядцами, и любовь к известному обряду (что консистории угодно было назвать отклонением в сторону раскола), более же всего близость храма, при желании и искании повинности нести на его поддержании. Но такое разнообразие побуждений не есть противоречие, – как то выражено в определении консистории, – а есть *именно* только разнообразие, а в общем совокупность мотивов, которой не сумели выразить просители, как должно, ни в своем «Приговоре», ни в своей апелляции Св. Синоду. Во всяком же случае нет ничего здесь похожего на церковную смуту, не видится ничего демонстративного по отношению к православию. Остановимся несколько на одном из мотивов, брошенном вскользь в первом прошении или «приговоре», который и послужил основанием для всего направления дела, столь для просителей нежелательного, – именно на стремлении к излюбленному обряду. И ранее и при наших объяснениях мотив этот не только не выдвигался, но большинством, может быть, и намеренно, скрывался и замалчивался. Но если это и так, если его иметь в виду, как главное, предполагаемое побуждение, то и в таком случае от перечисления просителей к единоверческому храму никакого ущерба для церкви не будет. Станем даже и на точку зрения консистории, что единоверие есть отклонение в сторону раскола или, как говорят, «мост к расколу»; то и в таком случае необъяснимо, почему они – просители желают остановиться на этом мосту, а не идти прямо на чужой берег, что и

прежде они могли сделать безнаказанно, а теперь, в силу Высочайшего повеления от 17 апр., и совсем свободно?... Если единоверие, как еще говорили (о. архим. Павел) есть больница для немощных, то с какой стати ложиться в нее, по личному ощущению, здоровому, в тех лишь видах, чтобы потом не в дом возвратиться, а идти на улицу в сугробы снега, в непроглядную тьму? Не естественнее ли идти туда прямо из дому?... Ясно, что просители наши не тянут к расколу. Да наконец, если предположить и последнее, то нам-то и в таком случае весь интерес задержать их на мосту, плотно примыкающему к нашему берегу, в надежде, что, остановившись на нем и успокоившись, они не сделают рискованного шага удалиться на другой берег; не нам своим отказом толкать их туда. Мы остановились *ad hominem*, на последнем предполагаемом опасении в настроении просителей, при подозрительном взгляде на единоверие. Сами же мы держимся более всего того убеждения, что существование в Марьино храма и притягивает к нему православных, около него живущих, *помимо всяких других причин*.

Что убеждение наше не безосновательно, тому мы видим и наглядный пример, который у всех там на лицо. В то время, когда православные марьинцы хлопчут о приписке их к своему храму, единоверческому, единоверцы, живущие в Ишееве, перечисляются к местному храму, православному. Из 15 единоверческих семейств, оказавшихся при открытии Марьинского прихода, теперь только 6 семейств, – 9 семейств перечислились уже к своему приходу. Там это перечисление произошло легко и просто, здесь оно соединено с большими затруднениями, которые в данном, по крайней мере, случае представляется необходимым устранить. Мы могли бы указать примеры такой практики и в других епархиях, в тех местностях, где строятся, или построены уже единоверческие храмы. Но так как большинство подобных случаев, более или менее нам известных, нами не проверены, то, естественно, неудобно перечислять их полностью. В настоящее время мы имеем под руками два дела Нижегородской дух. консистории (1899 г. № 212 и 1902 г. № 189). Из них видно: 1) В дер. Евлашке, Васильского у., Воротынской вол., построена единоверческая церковь. Между тем, подавляющее большинство жителей этой деревни православные, входящие в состав Воротынского прихода, отстоящего всего в 3 верстах. 83 домохозяина означенной деревни, православные, просили перечислить их к своему единоверческому храму. Преосвященный Назарий, епископ нижегородский и арзамасский, вследствие «настойчивого их домогательства присоединиться к единоверию», в своем представлении и заключении Св. Синоду призвал необходимым удовлетворить их желание и Св. Синод, указом от 14 июня 1905 года, № 5904, заключение преосвященного признал правильным и утвердил. 2) Указанное нами выше выездное дело, согласно представлению преосвященного, окончилось тем, что

указом Св. Синода от 25 июня того же года, № 6380 разрешено в одной из приходских деревень построить единоверческий храм и образовать при нем особый единоверческий приход. Предположено построить означенный храм в деревне Келейниково, отстоящей в одной версте от с. Выездного, в которой проживают главные ходоки по этому делу. Приход будет состоять из наличных православных, так как из прямых старообрядцев никто не принимал участия в настоящем ходатайстве. Оба указанные дела, восходившие на усмотрение высшей церковной власти, далеко оставляют за собою наше дело, о котором говорим.

В заключение не можем обойти молчанием пример, оповещенный в печати, – хотя касающийся частного только вопроса относительно единоверия, – возможности православному столь близко к нему придвинуться, чтобы идти из его храма и на вечный покой и кости свои сложить в его ограде. Известный ратоборец против раскола и ревнитель православия, усерднейший сын церкви святой, профессор-специалист, Н. Ив. Субботин отпет в Никольском единоверческом монастыре и погребена в его ограде, рядом с известным отцом Павлом. И никто сему не воспрепятствовал, никто, сколько видится, против сего и не возражал. Это ли не показание лучших людей нашего времени, что православие и единоверие, действительно, едина церковь, один путь ко спасенью?!... Пример весьма поучительный!... А что было бы, думается нам по этому поводу, что если бы какой-нибудь православный житель Марьино пожелала быть отпетым в своем храме и похороненным на марьинском единоверческом кладбище, хотя бы ради того, чтобы близкие и родные чаще могли навещать его могилу и помолиться на ней? Что тогда?...

Итак, сколько и как ни рассуждай, на какие точки зрения ни становись, заключение получается одно, – в пользу удовлетворения и успокоения просителей.

Профессор Н. Ивановский

По сектоведению

II.

Рассудим теперь о том, – почему и в каком смысле, согласно слову Писания, мы можем называться «детьми Божиими»?

Мы, православные христиане, – молимся по заповеди Христовой: «Отче наш!» (Мф.6:9) и тем называем Бога, «сущаго на небесах», – Отцом нашим. Ибо Господь «тем, которые приняли Его, дал власть быть чадами Божиими, которые не от крови, не от хотения мужа, но от Бога родились» (Ин.1:12–13).

Когда человек рождается от Бога? – В св. таинстве крещения. «Если кто не родился от воды и Духа, не может войти в царствие Божие» (Ин.3:5; ср. ст. 3).

Человек, рожденный от Бога, творит добрые дела. «Кто будет исполнять волю Отца Моего Небесного, тот Мне братъ и сестра, и мать», сказал Г.И. Христос; и указав рукою на учеников Своих, сказал: «вот мать Моя и братья Мои» (Мф.12:49–50).

По плоти верующие суть дети Адама, во Христе они – дети Божии (1Кор.15:45–49). «Когда пришла полнота времен Бог послал Сына Своего (Единородного), Который родился от жены, подчинился закону, чтобы искупить подзаконных дабы нам получить усыновление. А как вы сыны, то Бог послал в сердца ваши Духа Сына Своего, вопиющего: Авва, Отче! Посему ты уже не раб, но сын, а если сын, то и наследник Божий чрез Иисуса Христа» (Гал.4:4–7). «Ибо кого Он предузнал, тем и предопределил быть подобными образу Сына Своего, дабы Он был первородным между многими братьями» (Рим.8:29).

Люди созданы Богом по Его образу и подобию (Быт.1:26–27), – в них живет печать, искра Божия; но – по телесной природе, как дети падшего Адама, они все «чада гнева» и всегда имеют остатки греха (1Ин.1:8). Св. пророк, царь Давид, сказал: «Бог стал в сонм богов; среди богов произнес суд: доколе будете вы судить неправедно и оказывать лицепрятие нечестивым*?... Я сказал: «вы – боги, и Сыны Всевышнего все вы; но вы умрете, как человеки, к падете, как всякий из князей» (Пс.81:1–2, 6–7). Эти слова означают, что, хотя в людях есть образ Божий, но люди затмили его своей греховностью. Возмездие за грех – смерть (Рим.6:23), поэтому все мы при жизни на земле носим «смертное тело» (12).

Во Христе мы – дети Божии по благодати Духа Его, но оправдание и увенчание праведные из нас получать только по смерти: «когда Он приидет прославиться во святых Своих и явиться дивным во всех веровавших» (2Фес.1:10) – тогда праведные получают отраду (7) и венец правды (2Тим.4:8).

Если бы люди не имели следствий греха на земле, они не умирали бы. Полного, окончательного суда и оправдания нет для человека на земле, и мы можем только надеяться на получение его после смерти. «Возлюбленные! мы теперь дети Божии, но еще не открылось, что будем. Знаем только, что, когда откроется, будем подобны Ему, потому что увидим Его, как Он есть» (1Ин.3:2). А теперь «мы сами, имея начаток Духа, стенаем, ожидая усыновления, искупления тела нашего, ибо мы спасены в надежде. Надежда же, когда кто видит, не есть надежда, ибо если кто видит, то чего ему и надеяться? Но когда надеемся того, чего не видим, тогда ожидаем в терпении» (Рим.8:23–25).

Итак, Единородный Сын Божий, ставили по великой любви Своей первородным между многими братьями, – Бог: верующие в Него, дети небесного Отца по благодати Божией, – суть смертные люди: усыновление их Богу вполне еще не совершилось; мы надеемся на усыновление, но его не видим – по слову Писания. Поэтому, поклоняться людям (что делают тайно сектанты), хотя бы и праведным, при жизни их, и поклоняться им, как Божеству, нельзя. Это запрещено апостолами: Корнилий поклонился Ап. Петру, как божеству, и Апостол запретил это, сказав: «встань, я тоже человек» (Деян.10:25–26); то же самое сделали апостолы Павел и Варнава во время пребывания их в городе Листре (Деян.14:11–15).

В сердце человека христианина – Христос: в нем же – и Дух Божий, Дух Христов. «Не знаете ли, что тела ваши суть храм живущего в вас Духа, Которого имеете вы от Бога» (1Кор.6:19). «Разве вы не знаете, что вы – храм Божий и Дух Божий живет в вас?» (3:16).

В апостольские времена присутствие Духа Божия в людях выражалось в пророчествах, в способности говорить на иных языках (Деян.2:4; 1Кор.12:9–10). Говорят: почему этих даров Духа мы не видим во всех христианах теперь?

Ответ на это дан св. Апостолом Павлом, который предсказал: «любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнуть и знание упразднится» (1Кор.13:8). Так и ныне: сила Духа Божия, главным образом, действует в любви, а пророчества сократились и дары языков умолкли.

Если сказано, что всякий человек греховен (1Ин.1:8), как в нем может иметь обитание Дух Божий: «какое общение праведности с беззаконием? Что общего у света со тьмой? Какое согласие между Христом и Велиаром?» (1Кор.6:14–15).

Нужно различать грех, как проявление злой, непокорной воли человека и грехи немощи, слабости воли, в корне не отвергнется Бога, но стремящейся к Нему. Если человек намеренно идет по пути греха, услаждается ему (Ис.5:12) и противится Богу, Дух Божий не обитает в нем. Но, если человек, при всей своей духовной немощи, отворяет дверь

Христу, стучащему в его сердце, то и Дух Божий может обитать в смертном теле его: «сокровище сие мы носим в глиняных сосудах, чтобы преизбыточная сила была приписываема Богу, а не нам» (2Кор.4:7). «И свет во тьме светить, и тьма не объяла его» (Ин.1:5).

«Когда умножился грех, стала преизбыточествовать благодать». «Что же скажем? оставаться ли нам во грехе, чтобы умножилась благодать? Никак. Мы умерли для греха: как же нам жить в нем?» (Рим.5:20; 6:1–2). «Всякий рожденный от Бога не делает греха, потому что семя Его пребывает в нем и он не может грешить, потому что рожден от Бога» (1Ин.3:8–9).

И – при этом – «не тот достоин, кто сам себя хвалит, но кого хвалит Господь» (2Кор.10:18).

Мы грешны пред Богом, оправдываемся пред Ним по Его великой милости чрез Иисуса Христа, распятого за нас, но да избавить нас Господь от всякого греха!

Что означает слово Писания: «Христос в вас»?

«Все мы, во Христа крестившиеся, во Христа облеклись» (Гал.3:27). В Церкви Господь поставил руководителями для нас пророков, апостолов, пастырей и учителей, доколе все мы возрастов «в меру возраста Христова» (Еф.4:13). «Подражайте мне, как я Христу» (1Кор.4:16; 11:1), говорил св. Ап. Павел. «Дети мои, для которых я снова в муках рождения, доколе не изобразится в вас Христос» (Гал.4:19).

Облечься во Христа значит – стараться подражать Ему, быть кротким и смиренным, носить Его благое и легкое бремя на себе (Мф.11:28–30).

«Се стою у двери и стучу; если кто услышит голос Мой и отворит дверь, войду к нему и буду вечерять с ним, и он со Мною» (Откр.3:20).

«Кто любить Меня, тот соблюдет слово Мое; и Отец Мой возлюбит Его, и мы придем к нему и обитель у него сотворим» (Ин.14:23).

Господь обитает в сердце любящего Бога и верующего в Него человека. Но толкования святых отцов, понять это можно чрез следующие примеры. Как солнце, оставаясь в небе, лучами своими входит в каплю воды, сверкающую в траве и отражается в воде, как огонь проникает железо в горне: так и Бог Своєю благодатью, Духом Своим, живет в сердцах верующих. Вода отражает подобие солнца, но она не солнце. Железо в горне проникается огнем, но не смешивается с ним. Так и верующий и любящий Бога человек уподобляется Богу, но не отождествляется с ним, не делается Богом.

«Если Христос в вас, то тело мертво для греха, дух жив для праведности» (Рим.8:10), говорит св. Ап. Павел. В христианине, который носит Христа в сердце своем, тело мертво, т.е. не делает греха, дух же жив для добрых дел: для греха праведный должен быть, как мертвец, он должен жить только для добра.

Бог указал человеку путь быть подобным Ему: «будьте святы, потому что Я свят» (Лев.19:2; 1Пет.1:16); «будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный» (Мф.5:48). Бог, по великой своей благодати и любви к человеку, воплотился и тем дал человеку возможность идти по пути к совершенству, или, по выражению святых отцов Церкви, Бог в воплощении «снизошел до нас, чтобы возвести нас до Себя».

Уподобляясь Христу, человек не должен превозноситься своей добродетелью, ставить ее на вид. Спасатель поучает Своих последователей: «когда исполните все поведенное вам, говорите: мы рабы ничего не стоящие, потому что сделали, что должны были сделать» (Лк.17:10).

А что, если человек ложно сам себя будет называть богом (как делают некоторые сектанты)?

Диавол, когда искушал Еву, сказал ей: «в день, в который вы вкусите их (т.е. плоды древа, с которого Бог запретил вкушать), откроются глаза ваши и вы будете, как боги, знающие добро и зло» (Быт.3:5). Ева послушалась и тяжко согрешила. Так и всякий человек, если он помыслить, что в нем есть что-либо от Бога, а сам грешит, то этот человек тонет в тьме гордости и идет по пути диавола. Диавол хотел, не покоряясь Богу, быть равным Ему и стал отцом лжи, человекоубийцей. Так и люди, которые называют себя святыми, или «богами» и делают злое, – такие суть дети лжи и зла. (ср. Ис.66:2–6).

Вот, положим, какой-либо человек называет себя святым, или пророком – как узнать его?

«Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные: по плодам их узнаете их! Собирают ли с терновника виноград, или с репейника смоквы? Так всякое дерево доброе приносит и плоды добрые, а худое дерево приносит и плоды худые"... Итак, по плодам их узнают их» (Мф.7:15–20). Хотя называющий себя пророком ведет себя снаружи и тихо, кажется овцой, однако нужно посмотреть на плоды его учения: если плоды его, т.е. дела, которые выходят из его учения, скверны, значит, и человек тот лжепророк, волк – внутри, и нужно избегать его.

Служители диавола, ложные пророки, любят иногда казаться кроткими снаружи. «Ибо таковые лжеапостолы, лукавые делатели, принимают вид Апостолов Христовых. И не удивительно: потому что сам сатана принимает вид Ангела света; а потому не великое дело, если и служители его принимают вид служителей правды; но конец их будет по делам их» (2Кор.11:13–15). Лжепророки скрывают свои злые дела, и не могут скрыть их. «Грехи некоторых людей явны и прямо ведут к осуждению, а некоторых открываются впоследствии. Равным образом и добрые дела явны; а если и не таковы, скрываться не могут» (1Тим.5:24–25).

«Дети Божии и дети диавола узнаются так: всякий, не делающий правды, не есть от Бога; равно и не любящий брата своего» (1Ин.3:10).

Из указанных мест св. Писания мы видим, что «дети Божии», истинно верующие, познаются по добрым делам, а те, которые содержали учение, плодами коего бывают злые дела, суть лжеапостолы, лукавые делатели, дети диавола.

Не нужно верить сразу новому, еще неиспытанному учению: нужно сначала узнать о нем, нет ли в нем вреда, гибели? Неосмотрительный и доверчивый человек легко может погибнуть во лжи лжеучения. Необходимо для нас всегда просить Бога: «не введи нас во искушение, но избавь нас от лукавого!».

Д. Грацианский

(Продолжение следует).

II. Песни вероучительные

До сих пор вы приводили песни, по преимуществу, посвященные выяснению нравственных скопческих правил добродетельной жизни. Теперь нашему рассмотрению подлежат песни, преобладающим содержанием которых служат истины сектантской веры.

Как в системе нравственного учения сектантов различные: нравственные истины исходят из общего отрицательного взгляда на мир, как на совокупность одного только зла, так и в системе скопческого вероучения все истины сектантов исходят из одного главного источника – из основного учения об Искупителе и совершенном Им деле искупления. Вот почему все песни, относящиеся к уяснению веры, группируются вокруг этого учения, как около главной и основной своей темы. Почти все они прославляют Искупителя и его дело. Имена – Батюшка, Царь, Свет, Орел белый, Красное Солнышко, Агнец, Отец – эти постоянные эпитеты Искупителя, постоянно пестрят в песнях – и мы по необходимости, чтобы облегчить понимание текста песен, должны изложить, хотя вкратце, указанный сектантский догмат.

Иисус Христос, учат скопцы, приходил в мир только затем, чтобы научить людей оскоплению, чрез то освободить их от плотской жизни и открыть им путь к святости и чистоте. Пришедши в мир, Христос Сам принял оскопление от Иоанна Крестителя, оскопил потом на тайной вечери Своих учеников и всю Свою жизнь только и учил соблюдению заповеди об оскоплении. В этом – все Его дело.

Явившись в первый раз в смиренном и уничиженном виде, Христос Искупитель обещал прийти на землю вторично. И вот, когда люди стали забывать Его учение и стали предаваться «лености». Он явился вторично, в лице некоего Кондратов Селиванова, который есть тот же Христос, второй Сын Божий. На этот раз Искупитель пришел в царском величии, ибо Селиванов не кто другой, как Император Петр Феодорович III-й, потому и в песнях он величается Царем и Государем.

Но как первый Христос за свою проповедь об оскоплении подвергся гонению со стороны неверующих иудеев, так и второй Христос искупитель Селиванов претерпел те же «страды», был бит и мучим, за научение людей оскоплению от неверных жидов и после мучений в Туле и Морше (Моршанске) был сослан в Иркутскую страну.

Однако, страды его – только, временные. Когда число скопцов достигнет 144 тысяч – числа указанного в Откровении (14:1–4), тогда Искупитель снова «прикатить» в Россию и здесь, в Москве, совершить

свой страшный суд над миром, смирить русского царя и весь его «синод», сам возьмет скипетр и державу и воцарится в обновленной России.

Он даст тогда своим детушкам счастье, мир и покой, а неверных накажет вечными муками.

Все указанные положения скопческого учения об Икупителе находят себе ясное и полное выражение в подлежащих нашему обзору песнях. Рождение Икупителя, Его страды, Его будущее пришествие суд и Его будущее славное царствование описываются в песнях с самыми тщательными подробностями

1) Батюшка икупитель есть второй Сын Божий, второй Христос. Он жил на земле, претерпел муки в Туле. Он учил людей отвращаться от лени, возвестил им царствие, дал радость и утешение и, освободив людей от плотского греха, дал им сладкий источник несказанного блаженства. Он – истинный свет и солнце.

Второй Сын Божий был,
Дела свои повторил,
В Туле был мучим, гоним.
Истинный Свет пребывал,
Но сырой земле катал
Всю вселенну освещал.
Как во прежнее было время,
Красное солнышко светило,
Высоко оно всходило.
Лучи свои простирало,
Во всю землю свет давало,
Всякое сердце просвещало.
От лени отвращало.
А царствие возвещало.
То наше Батюшка Родимый
Источник дал нам сладимый.
Мы к нему. Свету, сходились,
В нем утешение находили,
Все в радости пребывали.
Сердца свои обмывали
Кто сладкою рекою,
Все сосуды наполняли.
Быстрота из уст стремилась,
Во сердца наши вселилась
Наше сердце распалилось,
Головушка приклонилась.
Отдавалась во власть Божью.

2) Сей икупитель есть истинный Бог – Бог Промыслитель и Вседержитель. Небо, земля и вся вселенная – все держится его рукою.

Цари получают от него власть. И хотя на земле люди гнали икупителя, но он подает им свои милости.

На органах на духовных
Нашу радость запоем,
Беспреданно в любви чистой
Сей день праздновать начнем.
Бог Отец, Создатель мира,
Излил милость нам Свою,
Послал Сына Богослова
Избавить от смерти нас.
Побеждает естество
Человеческое все.
Бог во плоть нашу облекся,
Ради нас Он и родился,
Человеком Бог родился,
Чтобы сделать нас святыми,
Будем мы им наполнены.
С ним во веки пребывать.
Когда кончим путь сей узкий,
Придем в вечный упокой.
О премудрость неведома,
Глубина непостижима!
Ни один высокий в мире
Не может тебя понять.
Ты есть камень укрепленья
Для всех гордых умов.
Только знают Тебя света
Сердцем простые души –
Любовь, вера, простота,
Смиренье, чистота,
Коим можно только видеть
Свет младенец наш тебя.
Ты владычною рукою
Всю вселенну держишь.
В твоей власти, икупитель,
Небо, и земля, и тварь.
Про тебя батюшку не знают,
Хотя все тобой живут
Ты презрен, свет, умален
От иудеев на земле.
Ты даешь всем им пищу
Ты порядок их хранишь.
Все державы тобой крепки,

Ибо Ты им власть даешь.
Хотя они тебя гонят
Как злодея на земле.
Ты, наш агнец незлобивый,
Терпишь всякое их зло.
За зло ты их благословляешь
И покоем награждаешь,
Власть им крепче управляешь
И во всем успех даешь.

3) Рождение испытателя было чудесное. Мать пресвятая Богородица породила его, «скативши» с седьмого неба. Она обрядила его в дорогие белые ризы, осыпала жемчугом, бисером, золотом, и серебром, посадила на доброго коня и на вервиях спустила на землю, умоляя его явиться к верным.

Матушка родная
Со седьма неба скатила.
Из-за облак оком зрила.
Своего сына породила.
Хорошо его урядила,
Ривы белые надевала.
Она золотом золотила,
Она серебром серебрила,
Крупным жемчугом низала,
Мелким бисером усыпала,
На добра коня сажала,
На вервиях с неба спускало.
Большой колокол прозвонила.
По всей земле слух пустила.
Своего сына упросила:
Сын мой, умилися,
По всей земле покатися.
Своим верным появися.
Государь батюшка умилился,
По всей земле покатися,
К своим верным появился,
Ко избранным Он открылся.
Он стал жаловать, дарить,
Дары верным разносить –
Кому пенье, кому чтение;
Кому веру и раденье,
Кому сердца рассужденье,
Кому кротость и смирение,
Кому совет духовный,

Кому крылья херувимски.
Кому кони колесницы,
Кому огненны языцы.
За кем гонцы,
Тому венцы.
За Его, Света, страданья
Благодати с неба подаянье.

4) С особенной нежностью изображаются в песнях страдания Искупителя.

Батюшка-Искупитель претерпел те самые муки, какие и переносил Иисус Христос, и Его страдания должны быть одушевляющим примером к терпению и безропотному перенесению житейских бедствий:

Терпите, сиротинушки, вы гонимыя
Несите распятый крест вы с любовью.
Надейтесь, детушки, на Своего Отца.
Страдателя Батюшку, Вышнего Творца.
Не покинет Батюшка никого из вас,
Всегда Он помощник, везде подле нас.
Подумайте, детушки, как Он Сам страдал.
Оставлял прискорбный путь в знак памяти.
Пойдем по дороженьке Его чистой,
Вслед которой наш Батюшка шел, истинный Свет.
Взяли Отца нашего неверны жида,
Повели во допрос Его безо всякой вины.
Без ответу Батюшка вместе с ними шел,
Шел, как сиротушка, будто силы нет.
Смотрел на всех жалобно.
А сам воздохнул.
Несет Он тяжелый крест
На Валгор-гору.
Осудили Батюшку на распятие.
Сняли со Страдателя ризы светлые.
Просили тут жребий, кому ризы взять.
С креста смотрел Батюшка.
А сам воздохнул.
Пожелал Страдатель наш уста промочит.
Жиды Ему подали чашу с желчью.
Не принял Страдалец наш,
А сам воздохнул.

5) В другой песне повествуется о тех бичеваниях и истязаниях, какие претерпел искупитель Селиванов в Туле и Моршанске от арестовавших его властей.

Послушайте вы, любезные,

Сына Божия мученья,
Как страдал он на кресте,
Его мучили везде,
Как сидел он на том стуле,
Отвечал он прежде в Туле.
Наказали его в Морше
Пречистые его мощи.
Пилат бил его бичом
По могучим по плечам.
Его били до руды (до крови)
Не жалел свои труды,
Задал просьбу он туда.
Во вышнии небеса,
Но жалел он телеса.
Потекли кровью потоки,
Запели о нем пророки
Про его света страды,
Полил кровью он сады
Запечатались уста
У Иисуса у Христа.
С неба ангелы слетали.
Его манною питали,
Причастием причастили,
Всем праведным возвестили,
Про отца верным сказали,
Они скоро подбежали
Иудеев упрощали,
Его казной откупили,
За Иисуса заступили.

6) Но страдания искупителя, это – только путь к будущей его славе. В одной песне искупитель увещевает детушек, чтобы они не соблазнялись его мучениями, но твердо берегли его учение и заветы и не уклонялись бы на распутья мира. Муки его временные. Придет скоро времечко, когда он «прикатит» в Россию, соорудит здесь царский престол, соберет всех верных детушек и ублажит их блаженствами.

Проглаголовал Иисус
Из пречистых своих уст:
Пойдите други вы в собор,
Просите в небе вы Творца,
Умолите и Отца.
Обо всем я вам прорек,
На страды вас поберег.
Хоть приму за вас мученья,

Не забудьте вы ученье.
Все мои вы словеса,
Не уклоняйтесь во леса,
Ждите от Бога чудеса.
Я дождуся того время,
Когда Господь посеет сем.
Прикачуся я в Россию,
Все полянушки посею,
Долинушки украшу.
У Бога милости попрошу,
Со грехом вас развяжу,
Чистый след вам укажу,
Всех утешу, ублажу,
Престол Божий сооружу.

7) В этом будущем царстве искупителя изменится вся жизнь; все будет по-новому, будут новые книги, и для всех будет одна вера и один закон.

Уж и в ту пору, да и в то время
Что сойдут чудеса с неба на землю.
Переменит Бог всю жизнь явную,
По закону вера установится,
Вот глагол идет с неба на землю.
Чтобы все в жизни опасались.
Уж Аминь Царю небесному,
Сокровищу прелюбезному.

8) То будет царство любви, кротости и мира, счастливое время соцарствования с Богом. Но наступлению его будут предшествовать страшные знамения в мире и людях. Будут мятежи, восстания, войны, убийства и вообще крайнее умножение зла. И только тогда, когда чаша беззаконий наполнится, и люди сознают зло, обратятся к покаянию, и будут искать обновленной жизни, – только тогда откроется незлобивый Агнец Искупитель и явит свое славное царствование.

Вот проходит, други, время,
Наступает скорый час,
Уж как ты, смиренный Агнец,
Укатишь, свет, от нас.
Протекут тогда реки
Кровавые ил земле,
Застонут все в это время
Станут смерти все искать.
Страх и ужас тогда станет
И во всех тогда странах
Возмнутся, потрясутся

Все народы дочиста.
Убивать друг друга будут,
И не будет мира в них.
Тогда всяко зло прольется
Живущим на земле,
Тогда все нужду узнают,
Своим сердцем обратятся.
И станут искать Его, –
Незлобивый кроткий Агнец
Откроется им тогда;
Блаженное Свое царство
Утвердит он на земле.
Возмутятся силен, связан
Всегда будет Он везде.
Дух кротости и любви
Прольется во все концы.
Животворной своей силой
Оживит мертвым сердца.
Любовь чистая Христова
Всеми будет управлять.
Укротится ярость гнева
И мир будет почивать.
О, счастливые мы люди,
Кем мы созданы сюда!
Прежде общего всем царства
Мы царствуем теперь.
Самим Богом мы созданы
Видеть тайные дела:
Как присутствует в сем роде
Воплощенный Божий Сын,
Как живой бессмертный Агнец
Закалялся Свет за нас.
Самовидцы тайные,
Все братцы и сестрицы,
Соберемся вместе все
Братцы милые, друзья.
Соединимся в одно сердце
И в единую душу.
Про земное позабудем,
В любви чистой, в вере будем.
Священник В. Шевалеевский
(Окончание следует).

**Третьяков М. Надгробные надписи субботников и молокан с.
Разказова Тамбовского уезда²⁴³// «Миссионерское
Обозрение», 1906, № 2, стр. 376–380**

В надгробных памятниках и особенно в надписях на них так или иначе сказывается религиозное мировоззрение народа. Мусульмане, напр., выражает, в надписях свой строгий монотеизм, веру Магомета, как последнего пророка Божия и как ходатая за них на всеобщем суде; православные христиане – свою веру в Единого Бога, Троичного в лицах, свою надежду на будущее воскресение, свою уверенность в помощи молитв св. церкви.

Мы намерены предложить вниманию участников 3-го миссионерского съезда Тамбовской епархии несколько надгробных надписей субботников и молокан первого в епархии по численности сектантов села Разказова. Мы полагаем, что надгробные надписи наших сектантов могут оказать не малую услугу всякому деятелю миссии. Может быть, они прольют хоть небольшой луч света, необходимого для всестороннего понимания сектантства. Один проф. Московской духовной академии высказал однажды такую мысль: «у нас не изучены даже верования собственных инородцев». От себя мы прибавили бы: и далеко не всех русских сектантов. Имея сказанное в виду, мы и ставим вопрос: если в надгробных памятниках страны вообще выражаются религиозные убеждения, то весьма важно знать, действительно ли в надгробных надписях наших сектантов, в частности субботников и молокан, выражаются их религиозные мировоззрения?

У сектантов, именующих себя *субботниками* или *жидовствующими*, т.е., тех, которые не признают Троичности лиц в Боге, Иисуса Христа не считают за Сына Божия и Бога, веруют только в Ветхий Завет, – мы видели следующие надгробные надписи:

1) «Господи, Боже Израилев! Упокой младенца Исаака. Здесь покойся прах младенца С., жизни его 1 г. 1м. Мир праху его!».

2) «Благословен Бог, благословенно имя Его!».

3) «В деснице Всемоущего Бога Израилева находятся все души сынов человеческих. Здесь покойся тело М., скончался тогда-то, жизни его было столько-то». – Надпись эта сделана славянским шрифтом. Должно сказать, что эта последняя надпись самая употребительная у субботников. Она видоизменяется иногда так:

«Во всемоущей деснице Бога Израилева находятся души человеческие»; вариация: «покоятся» все души сынов человеческих; или; «в деснице все могущество Бога Израилева».

4) «Господи, Всемоущий Боже Израилев! не суди меня по делам моим, а суди по милосердию Своему». Иногда последние слова

относительно суда присоединяются к словам: «В деснице Всемогущего Бога»...

5) «Господи, да не яростью Твоею обличиши мене, ниже гневом Твоим накажеша мене». – Как видно, слова эти взяты из 37 псалма, стих 2-й или из 6 пс. тоже стих 2-й. Цитаты в надписи нет.

6) «Грех юности моя и певеления моего не помяни: по милости Твоей помяни мя Ты, ради благодати Твоея, Господи». – Эти слова взяты из 24 псалма, ст. 7. Но указания на это опять нет. Последние две надписи свидетельствуют, что субботники пользуются славянским языком. А известно, что они в обычно пользуются библией венского издания – на русском языке или виленского на еврейском и русском.

7) «Боже любвеобильный! Упокой под крылом величия Твоего среди святых и пречистых, озаренных светом небесным, душу отошедшей в вечность рабы Твоей Е., незабвенной матери детей, и да даст ей Господь милосердный вечну охрану в сени крыл Своих и да примет ее для вечной жизни. Господь удел ея; да почиет она на ложе своем в мире. Аминь». – Могила, где находится эта надпись, обнесена чугунной оградой; на могиле чугунная плита, на ней вышеприведенная надпись. Такая внешняя обстановка на очень немногих могилах. Внешность большинства такова. На могиле, в одном конце ее, врыт столб, вершка 1½ в диаметре; иногда два столба, на расстоянии 1½ аршина друг от друга, в ширину могилы. К ним сверху прибавляется деревянная доска; на доске железная или жестяная пластинка, на пластинке надпись. На некоторых могилах есть металлические венки с лентами и надписями на них. Венки обыкновенно вкладываются в деревянный со стеклом с лицевой стороны ящик, который прикрепляется или к нижней части столбов, или верхней.

У *молокан*, т.е. тех сектантов, которые отрицают «видимость» в религии, не признают молитв за умерших и всегда вооружаются за это на православных, мы видели такие надписи:

1) «Боже, буди милостив к усопшей рабе Твоей М., скончавшейся тогда-то на таком-то году жизни».

2) «Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа Аминь. Господи. Боже Израилев! не суди меня по делам моим, но суди меня по милости Твоей. Господи. Боже Израилев! отвори мне врата вечные, восточные и я вниду в них со святыми Твоими ангелами. Всели меня, Господи, с лицом Твоим, который Ты уготовал любящим Тебя» (1Кор.2:9).

8) «Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Аминь. Господи, Боже Израилев! отвори мне врата вечные и вниду я в них со святыми Твоими Ангелами. Всели меня, Господи, где святые Твои пребывают вечно ибо всем нам должно явиться пред судилище Христово, чтоб каждому получать доброе или худое (2Кор.5:10). Но не суди меня, Господи, по делам моим, суди меня, Господи, по милости Твоей! приими дух мой с миром».

4) «Господи, Боже, Царю Богов и царей! Прими душу рабы Твоея во Царство Твое небесное».

5) «Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Аминь. Господи, прими дух мой с миром. Не суди меня, Господи, по делам моим, суди меня, Господи, по милости Твоей».

6) «Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Аминь. Господи. Царь Небесный! Отвори врата рая Твоего рабе (имя) и приими душу ея во пресветлий рай Твой».

7) «Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа, аминь. Аз рекох: в высоте дней моих пойду я, во врата адовы оставлю лета прочая; кому не узрю спасения Божия, к тому не узрю спасения Израилева, к тому не узрю спасение с человеками, со живущими на земле».

8) «Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, аминь. Ибо знаем, что, когда земной наш дом, – эта хижина, – разрушится, мы имеем от Бога жилище на небесах, дом нерукотворенный, вечный» (2Кор.5:1).

9) «Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа; аминь. Господи. Вседержителю, Боже Отец наших! Воззри милосердным оком Твоим на рабов Твоих, отвори им врата рая Твоего, где пребывают *святые* твои вечно.

10) «Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа; аминь. Господи, не помяни наши беззакония; но скоро да предварят на щедроты Твоя, Господи (Пс.78:8). Приидите ко Мне вси труждающиеся и обремененнии и Я успокою вас; возьмите иго Мое на себя и поучитесь от меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим (Мф.11:29). Приидите благословеннии Отца Моего, наследуйте царство, уготованное вам от создания мира» (Ма.25:34).

11) «Боже, Господи, Вседержителю! Бог отец наших, щедрый, долготерпеливый и многомилостивый. Воззри милосердным оком Твоим на рабу твою (имя); избави душу ее от ада преисподнего; всели меня. Господи, во святыи рай твой».

Помимо этих надписей, содержание которых, как видно, заимствовано из Св. Писания иногда дословно, иногда с перефразировкой, нам встретились еще следующие две надписи.

12) «Спи, дитя мое, в могиле прохладной и порой мы к тебе придем».

13) «Господи, мы всегда в житейских заботах пребываем, без страха жизнь свою проводим. Мы никогда не тщимся на суд явиться; там осуждение будет грозно, а каяться будет поздно».

Относительно последней надписи мы должны сказать, что она очень близка, почти тождественна с надписью на (памятнике бывшей богородицы тамбовских хлыстов (с 1831 по 1892 г.) Анисьи Ивановны Копыловой. Могила последней находится на православном кладбище села Перевоза, Кирсановского уезда Тамбовской губернии. «Среди бедных серых деревянных крестов православных бросается в глаза, – пишет

очевидец²⁴⁴, – дорогой мраморный памятник, круг памятника приличная ограда. На задней стороне его стихи:

«Всегда в заботах пребываем,
Без страха жизнь проводим.
В жизни сей весьма гордимся.
На страшный суд предстать не тщимся.
Осуждение будет грозно.
А каяться там уж будет поздно».

Мы намерены сказать несколько слов о характере надписей субботников с. Разказова. Как видно из них, они признают необходимость молитв за умерших. В самом деле, что представляют из себя такая выражения: «Господи! упокой младенца Исаака», или «упокой душу рабы твоей, дай ей вечну охрану, приими ее для вечной жизни». Мы отмечаем эту мысль потому, что в разговорах с ними мы слышали упрек православной церкви за молитвы об умерших.

Характер надписей надгробных у молокан-уклеинцев дает возможность предполагать, что они «признают святых», когда говорят: «Господи, всели меня, где «святые» Твои пребывают вечно»; признать молитвы за умерших, когда взывают к Богу с такой просьбой: «Господи, приими душу рабы Твоей в царство небесное, всели ее в пресветлый рай Твой"... Именно *эти* мысли мы подчеркиваем на том основании, что на беседах мы слышали противоположное.

Наше сообщение относительно надгробных надписей субботников и молокан-уклеинцев мы считаем «каплей в море». Но мы будем весьма довольны, если эта «капля» даст возможность нашим собратьям миссионерам и приходским пастырям остановиться своим вниманием на *необходимости* знакомиться с надписями надгробными наших сектантов. Лично мы признаем за этими надписями *большое значение для полемики*.

Епарх. миссионер М. Третьяков

По расколоведению

Демидов В. Из жизни современной беглопоповщины // «Миссионерское Обозрение», 1906, № 3, стр. 381–384

За последнее пятилетие в беглопоповщине, и особенно в ее центре – Москве, ощущается большой недостаток в беглых попах. Объяснить это явление не беремся, но несомненно, что беглопоповщина ослабевает и ей грозит полное падение. Среди беглопоповцев почти уже нет таких ловких, предприимчивых и энергичных искателей-ловцов беглых иереев, в роде тех, какими славились беглопоповцы 10–15 лет тому назад. Такие «ловцы», как Кадысев (Родники – Оренбур. губер.), Доронин-Матросов (Сухиничи – Калуж. губ.), В. Студенков (Русск. Поречье – Курск. губ.), в беглопоповстве за последние годы не появлялись. Да и «тайное иерейство» поизмельчало. Прежние «бегствующие» иереи сознавали, что в них все спасение беглопоповцев, и поэтому, требовали себе подчинения и уважения.

Прежде и сами беглопоповцы строго относились к своим, хотя и не законным, пастырям. Ныне не то Вершители судеб беглопоповства теперь забрали в свои руки власть над беглыми иереями, и распоряжаются ими, как своими наемными людьми.

Если возникает какое-либо недоразумение между беглыми иереями и их паствами, суд и расправу чинят попечители, присвоив себе власть епископскую. Стоит только беглому иерею немножко не угодить попечителю и над этим иереем собирается грозная туча. Попечитель приглашает своих «христиан» порадеть на пользу древнего благочестия – таких же толстосумов, как и он сам, и вот над своим пастырем стадо совершает строгий суд. А причина всегда найдется. В Москве, например, несколько уж раз судили за всякие мелочи непокорного иерея о. Максима Горева: то о. Максим не так кадит, как того требует устав, и его судят, то о. Максим ведет компанию с уставщиками Рогожского кладбища и имеет знакомых иеромонахов в Никольском единоверческом монастыре – и за это его запрещают; то он допускает до общественной молитвы молодых купчиков, «блудолюбного образа прелесть, душегубительную, помрачительную ересь» имеющих – еже есть пострижение брады, – и за сие суд.

Зимой 1903 года о. Максима судили за каждение не по уставу и за брадобрийцев. Председателем на этом «собрании» был московский купец Третьяков. Обращался с своим священником этот беглопоповский туз невыносимо плохо: отпускает непристойные, по его адресу, остроты, бесцеремонно шутит и поминутно наносит ему всякие другие оскорбления.

М.Ф. Ясашнов, попечитель моленной, где служит о. Максим, был возмущен, дикими выходками г. Третьякова и сделал ему, при собрании, замечание: – «прекратите, пожалуйста, свои неуместные остроты, сказал

Ясашнов Третьякову, вы не должны забывать, что вы имеете дело не с ломовым извозчиком, а со священником».

Третьяков был задет за живое и, желая отплатить тою же монетой, сказал: – «ну, уж извините, уважаемый Михаил Федорович, – если батюшка и не ломовой извозчик, то уж во всяком разе и не шапошник, поэтому я с ними не больно люблю сентиментальничать (у Ясашнова фабрика смушков для шапок).

Ясашнов огорчился; произошла ссора. С затаенной злобой с той поры на Третьякова Ясашнов искал случая отомстить ему.

Случай скоро представился. На упомянутом «собрании» было решено, в виду скудости в «священниках», приискать и переманить из Великороссийской церкви иерея, ибо один о. Максим не в силах исправлять требы у московских старообрядцев, на просьбы же из провинции приходится отказывать. Отыскать и уговорить кого-нибудь из православных священников перейти в раскол поручено было гусляку Федору Поликарпову (который прежде состоял при московском же беглом священнике Александре Плавтве и за выездом Плавтова из Москвы, оставался без дела). Поликарпова снабдили достаточной суммой сребренников и он отправился уловлять православного священника, который бы согласился продаться на службу старообрядцам. После долгих странствований и неудачных попыток купить кого-либо из священников центральных губерний, Федор Поликарпов обрел близ Симбирска «о. Евгения», который изъявил желание перейти к беглопоповцам.

Поликарпов привез этого отца в Москву, представил его попечителям и его решили принять, по обыкновению, вторым чином – чрез миропомазание. Третьякову о. Евгений очень поправился, и он хлопотал, чтобы нового отца скорее принять в их общество. Он снял для о. Евгения квартиру (в 50 руб. в месяц), и заботился о нем, как ни об одном из прежде-бывших иереев. Это было в половине великого поста 1903 года. Тем временем Ясашнов не дремал. Он разослал письма по всем центрам беглопоповщины, спрашивая, – не знает ли кто чего-нибудь об о. Евгении. Первыми откликнулся Н.А. Бугров. Он писал М.Ф. Ясашнову, что сей поп Евгений волк в овечьей шкуре, пагубу овцам содевающ», и что уж несколько лет он, Бугров, его знает, как человека, способного на обман. Самого Бугрова этот о. Евгений уж не раз обманывал.

Несколько раз он давал согласие перейти к беглопоповцам, и как только получал «мзду в десницу», тотчас же скрывался. И не одного только Бугрова обставил о. Евгений; его помнят и других городов беглопоповцы. Получивши сведения о прошлом о. Евгения, М.Ф. Ясашнов сделал приказание о. Максиму, чтобы последний не соглашался перемазывать его. Но Третьяков спешил. Когда он узнал о несогласии о. Максима принимать нового «батюшку», то, недолго думая, телеграммой

вытребовали из Самары беглого попа Петра. Итак, на пятой неделе Великого поста состоялось, наконец, перемазание в раскол беглым раскольническим попом Петром бежавшего от Греко-российской церкви попа Евгения.

После присоединения в раскол, поп Евгений стал учиться служить по старообрядчески, для чего ему велели ходить в моленную М.Ф. Ясашнова на Ирнинской улице, где служит о. Максим.

На шестой неделе Великого поста он вдруг оставляет Москву и едет в Курск и Воробьевку, куда якобы беглопоповцы просили его «для говения». Третьяков и Ермолов, взявшие о. Евгения под свое покровительство, не хотели было отпускать его, но он их не слушался, и они принуждены были его отпустить. В качестве уставщика, к о. Евгению назначили того же в. Поликарпова и они, побыв в Курской губ., без всякого уже соизволения своих московских заправил посетили г. Сухиничи, Калужск. губ. Более 600 руб. о. Евгени собрал с беглопоповцов за эту поездку (уставщику своему не дал ни одной копейки). Возвратившись в Москву на страстной неделе поста, о. Евгений заявил попечителям, что жена его серьезно заболела и телеграммой требует его домой, в Симбирскую губернию. Ничего не подозревая, доверчивые попечители, снабдивши его сребренниками, с миром отпустили его восояси. Третьяков на дорогу дал ему 300 р., а Сергей Ермолаев 200 р. С этими и прежде собранными деньгами о. Евгений, в сопровождении того же Ф. Поликарпова, отправился в Симбирск и, по приезде на место, сказал своему спутнику: «вот что, друг, поезжай-ка ты обратно в Москву и скажи попечителям, что я приеду в Великую пятницу, а в Симбирске тебе делать нечего». Ф. Поликарпов возвратился в Москву, сообщил попечителям обещание о. Евгения, и они терпеливо стали дожидать назначенного срока. Но о. Евгений и не думал возвращаться в Москву. Пришла Великая пятница, московские беглопоповцы ждут о. Евгения, но он как в воду канул.

Впоследствии же оказалось, что сей «бегствующий иерей Евгений», добывши в Москве от доктора свидетельство о постигшей, якобы, его внезапной болезни, по причине которой, будто бы, он прожил значительное время в Москве, возвратился потом в свой приход, где продолжает служить и в настоящее время.

А беглопоповцы и до сих пор не могут понять, что по убеждению к ним никогда никто, даже из недостойных православных иереев не присоединится. Если же иногда и являются отцы, клятвопреступники, то не лучше о. Евгения, о котором мы сейчас рассказали.

В. Демидов

Шакалинский С., свящ. Церковь Христова и временно без епископа быти не может²⁴⁵ . (Из полемики) // «Миссионерское Обозрение», 1906, № 3, стр. 385–391

(Замечания на книгу Ивана Усова «Церковь Христова временно без епископа» миссионеров священника Сергия Шалкинского и Калл. Кортюшина)

13. О падении епископов

Если все епископы одновременно могли пасть не просто в заблуждение, а даже в неверие воскресению Христа, то тем более могут уклониться в заблуждение епископы, как и действительно уклонились в половине семнадцатого столетия. И то еще нужно заметить, что апостолы все сразу пали в сказанное неверие, а епископы не сразу все, а по частям.

Новобрядец. А как же вы утверждаете, что во времена Никона все епископы сразу пали в ересь?

Старообрядец. Никто вам этого не говорит. Тогда только частичка, и притом очень малая частичка епископов уклонилась в заблуждение. Еще задолго до Никона одна частичка епископов впала в арианство, другая – в несторианство, потом еще часть уклонилась в монофизитство, а еще часть – в монофелитство и проч., и проч.; а через несколько времени еще огромная часть епископов отпала от православия вместе с папою римским. Осталась самая малая часть епископов. И вот эта часть в половине семнадцатого столетия уклонилась в заблуждение. Насколько ничтожна была эта последняя частичка, можно видеть из того, что на самом большем, по сравнению с предыдущими, соборе 1667 года всех епископов было только двадцать девять (Ист. русск. церк. Мак., т. 12, стр. 683), и трех десятков не набралось. И эта ничтожная частичка епископов уклонилась в ересь не сразу, а по частям. Сначала уклонился только один московский патриарх Никон, когда издал свою «память», или распоряжение с превратным учением о поклонах и о перстосложении для крестного знамения в 1653 году (там же стр. 118); потом в следующем 1656 году на соборе обманом и насилием были привлечены на сторону Никона еще восемь епископов; затем года через два, именно в 1656 году к этим отступникам присоединилось еще четыре греческих иерарха, когда проклинали православных христиан; в том же году на соборе десять епископов отвергли двоеперстное сложение, как ересь, и подтвердили проклятие на православных христиан, за моление двоеперстным сложением. Потом лет через одиннадцать после этого, в 1667 году, к этим ересиархам присоединилось еще епископов четырнадцать. Эго были последние епископы, отпавшие от православия: после них, не осталось

ни одного истинно-православного епископа. Из этого ясно, что епископы, хотя и все уклонились в заблуждение, но не разом, а по частям.

Замечание. Как выше разъяснено, апостолы не уклонялись от той веры, которой их до Своих страданий научил Спаситель: они лишь не поварили благовестию жен мироносиц о воскресении Спасителя, не поверили потому, что «оставались как бы в некоем мраке, не зная, что должно Ему воскреснуть» (Злат. бес. 54 на Ев. Мф.); они не знали, что Христу Спасителю должно воскреснуть, по Его Святой воле, по Его особому промыслительству – такова была воля Божия. Где же в писании Усов найдет указание в подтверждение той нечестивой мысли, что и на уклонение всех епископов в ересь была особая воля Божия, что Богу было угодно, чтобы все они были еретиками?!

Помимо этого, рассуждения Усова о постепенном уклонении в ересь *всех* епископов страдает большими «натяжками». Правда то, что некоторые епископы уклонялись в ереси: арианскую, несторианскую, монофелитскую, и пр., но не должно забывать, что и по уклонении *некоторых* епископов в еретичество, Церковь Христова *никогда* без епископов истинно-православных не была и какие бы вновь явившиеся ереси ни отторгали от православия *некоторых* епископов, она без истинных епископов не будет. Справедливо ли, что с отделением от Православия римской церкви «осталась самая малая часть епископов?». Это неправда: остался в Православии весь восток во главе с четырьмя патриархами, воссиял свет Православия и в нашей святой Руси. При вступлении на патриарший престол п. Никона все восточные патриархи и подчиненные им митрополиты, архиепископы и епископы были православны, что свидетельствуют и изданные при п. Иосифе в Москве книги, завещавшие слушать восточных патриархов, как Христа (кн. о вере л. 232). Следовательно, при п. Никоне не двадцать девять только епископов было в Христовой Церкви, а многое множество их, во главе с пятью патриархами. Это первая неправда Усова. Далее он говорит, что при п. Никоне все епископы «уклонились в ересь».

В какую же? Патр. Никон, отвечает Усов, уклонился в ересь, когда издал в 1653 г. «память», в которой повелевалось для изображения на себе крестного знамения слагать три первые перста и при чтении молитвы св. Ефрема Сирина полагать вместо 16 земных поклонов 4 земных и 12 малых.

В 1654 г. эту ересь, продолжает Усов, приняли на соборе еще восемь епископов. Легко назвать того или другого человека еретиком, по ведь для того, чтобы доказать его еретичество, нужны данные. Св. Василий Великий в первом своем каноническом послании (к Амфилохию еп. икон.) говорит: Древние еретиками называли *совершенно* отторгшихся, и в самой вере отчуждавшихся (Тр.) Толковник Аристин поясняет: «Еретики суть те, которые совершенно отчуждили себя о веры в Бога, как пепузиане,

манихеи, валентиане, маркиониты и др.! Ибо пепузиане именуют Монтана утешителем и блудно сожителем, соживавшим с ним двух жен – Прискиллу и Максимиллу признают за пророчиц; без разбору расторгают браки; неправильно совершают Пасху; три ипостаси единосущного Божества сливают в одно лицо и держатся других, столь же нечестивых мнений. Манихеи вводят два противные и равносильные начала и думают, что первое есть причина света, второе – тьмы; обоготворяют солнце и луну; диавола называют начальником вещества; брак признают законоположением демона; и подаяние нуждающимся считают беззаконием; учат также, что Господь, воплотившись, не принял ничего человеческого; унижает, крест, смерть и воскресение, как будто бы этого не было на самом деле; и держатся множества других нечистых учений. Валентиане отрицают воскресение плоти, отвергают Ветхий Завет; читая пророков и толкуя их по своему произволу, выдумывают разные баснословия и говорят, что Христос принес плоть с неба и прошел чрез Деву, как чрез канал, и изрыгают некоторые другие хульные пустословия в том же роде. Маркиониты суть массалиане, называемые также евхитами, которые имеют многоглавую и многоименную ересь». «Ересь состоит в низвращении догмата», – говорит и бл. Иероним.

Прав ли после этого Усов, утверждая, что п. Никон в 1653 г. принял ересь? И как может он ставить патр. Никона в ряду еретиков: Арий, Нестория и пр.? Чему учили Арий и Несторий, и чему – патр. Никон? Арий «хуляще Сына Божия Господа нашего Иисуса Христа истинного Бога: тварь убо Того глаголаше нечестивый, и не единосущна Отцу: и глаголаше (как учит теперь и собрат Усова, лжеепископ Арсений Швецов), яко бе некогда, егда не бе» (Корм. предисл. л. 6). Несторий же «человека верующа Христа... проста человека быти Того глаголаше, а не Бога воплощася... Два Сына о едином Христе Бозе глаголя... ни Богородицу, но Христородицу Пресвятую Деву Марию, рождшую Того Господа нашего и Бога Иисуса Христа именоваше (там же л. 7–8). Чему же учил патр. Никон? Учил слагать первые три перста, а не первый и два последних, для изображения на себе крестного знамения! И это, по мнению Усова, ересь, равная арианской, несторианской и им под.! Но кто же не посмеется над таким учением? Даже начитанные раскольники давно уже заявили, что греко-российская церковь в догматах веры о самом Божестве никакой погрешности не имеет, что есть главный пункт православия (Инока Павла Белокр. «Краткое сличение») и в другом месте: «нынешняя греко-российская церковь... в догматах Богословия не погрешает» (ответы на восемь вопросов, отв. 7). В Окружном послании, изданном от лица собора австрийских лжеепископов, сказано: «Господствующая ныне в России церковь, вкупе же и греческая, верует не во иного Бога, но во единого с нами: Творца небу и земли» и пр. (ст. 2).

Итак, в 1653 г. никто из великого сонма пастырей Церкви Христовой: патриархов, митрополитов, архиепископов и епископов – ни в какую ересь не впадал.

Что же касается троеперстия, то оно не есть ересь, ибо не отчуждает от веры в Бога, а напротив служит к прославлению Св. Троицы. Оно даже и «не новшество», а обряд древний: такое перстоложение употреблялось не только в греческой, но и в русской церкви, далеко раньше патр. Никона (см. Выписки А. Озерского ч. 2).

Уменьшение числа земных поклонов при чтении молитвы св. Ефрема Сирина никто и из раскольников, кроме Усова, не дерзнет признать ересью. Усов, вероятно, думает: еще кто прибавит или убавит поклоны да будет проклят. Но тогда подвергнется проклятию и сам св. Ефрем Сирин за *прибавление* этой молитвы в богослужении, проклят и тот, кто вновь установил полагать известное число поклонов при чтении этой молитвы, так как от св. Ефрема не было указания о количестве поклонов. В древности читалась эта молитва с 4 земными и 12 малыми поклонами (Выписки А. Озерского ч. 2). Но посмотрим, как учит о поклонах другой, более искренний и правдивый, защитник раскола.

«В 1654 г., – пишет австрийский поп Механиков, – собран был под председательством царя первый собор из русских иерархов. Патриарх начал собор речью, в которой, прикрываясь (не прикрываясь, а будучи на самом деле таковым) личиной строгого последователя древности и исправителя вкравшихся в церковно-богослужебные книги многих будто бы погрешностей, указывая на *самые непредосудительные* из них: например, ... поклонов во святую четыредесятницу» (В. Механиков. Историк.-кан. обозрение стар. общ. л. 12).

Итак, Усов называет отменение нескольких земных поклонов ересью, а Механиков – делом «самым непредосудительным». Кто же из них прав?

Какие, далее, ереси нашел Усов на соборах в 1656 и 1667 годах? Такие же, как и только что указанные.

«В 1656 г., говорит Усов, к этим отступникам присоединилось еще *четыре* греческих иерарха, когда проклинали православных христиан». Этими словами Усов сам себя обличает. До 1656 года все греческие иерархи, по его словам, были православны и только в этом году *четыре* из них будто бы присоединились к мнимым отступникам. Но разве не известно Усову, что в греческой церкви и вообще на Востоке православная иерархия состояла в то время не из четырех только иерархов, а из многочисленного сонма митрополитов, архиепископов и епископов во главе с четырьмя патриархами. И если бы в 1656 г. *четыре* иерарха уклонились в заблуждение, то оставалось ведь еще сотни не уклонившихся, следовательно, церковь Христова не оставалась без епископов.

Но в 1656 году и эти «четыре иерарха» ни к каким отступникам «не присоединялись» – они ни пред кем не отказывались от Православия, они не приняли в России никаких еретических «новшеств», а лишь засвидетельствовали, что на Востоке все православные издревле молятся троеперстно; двумя перстами молятся лишь армяне, преданные Св. Церковью проклятию и не за двуперстие, а за ереси. Если бы Усов доказал, что восточные иерархи до прибытия в Москву молились двуперстно, и только здесь изменяли своему обычаю, тогда еще он имел бы некоторое основание считать их отступниками от прежнего обряда (а не от истинной веры). Но доказать этого он не может, так как ему известно, что в Греции все молились троеперстно. Это видно, между прочим, и из православного исповедания, за несколько лет до того утвержденного собором восточных иерархов. В этом «исповедании» повелевается слагать для изображения крестного знамения «три первые перста». Признавая греческих иерархов, молившихся троеперстно и до 1656 г., православными, Усов впал в обычное защитникам неправды противоречие: п. Никона за учение о троеперстии он сравнивал с еретиками арианами, несторианами и под., а греческих иерархов, содержащих издревле такое же учение, вполне православными. Невольно скажем вместе с царем пророком: *солга неправда себе!*

Но, скажет Усов, они признаются им еретиками не за троеперстие, а за то, что проклинали православных христиан. И здесь будет искажение правды. Восточные патриархи никого из православных христиан проклятию не предавали: они лишь засвидетельствовали, что у них на Востоке никто из православных христиан не молится двуперстно; так молятся у еретиков-армян только, и если бы кто *от* православных христиан, – там на Востоке, а не здесь в России, – стал молиться двуперстно, тот считался бы у них подражателем не пастырем православной церкви, а арменом, тот вышел бы из повиновения учению св. Церкви, доверился бы более еретикам, чем православным – отделялся бы от общения со св. Церковью, и за это бы предан был проклятию. О русских двуперстниках восточные иерархи не сказали ни слова, клятв против них не произносили, да и не имели на то и канонического права. Следовательно, Усов признает их еретиками только за то, что они *рассказали*, кто и как молится на Востоке!

«Они отвергли двоеперстие, как ересь», – продолжает Усов. Но двуперстие никогда ересью не считалось и не считается. Не отвергалось оно, а ему лишь было предпочтено троеперстие, во-первых, потому, что троеперстно крестились на православном Востоке, а восточных патриархов должно слушать (кн. о вере л. 232), и потому еще, что троеперстие точнее символизирует учение о Св. Троице. Но если бы случилось и то, что хотелось доказать Усову, – т.е. «двуперстие было бы отвергнуто», так неужели за это епископы стали бы все еретиками? Но

тогда пришлось бы считать, например, и патр. Иоасафа еретиком за то, что он *отверг*, исключил из требника чин священнического погребения, назвав его еретическим...

«В 1667 г. присоединилось к ересиархам еще четырнадцать епископов», продолжает Усов. «Это были *последние* епископы, после них не осталось ни одного истинно-православного епископа»!

«Ересиархом» называется начальник ереси. Но кто же из указанных Усовым 29 епископов ввел какую-либо *ересь*? Усов говорил мне в Ростове на беседах: «вы сделали пугало и, считая это пугало за живое существо, устрашаете им слушателей"... Да, рассматриваемые нами слова г. Усова нельзя назвать иначе, как пугалом, которым он хочет устроить раскольников. Он хорошо понимает, что такие слова, как «ересиарх», «отступник» и пр. по адресу православных очень любезны раскольникам и читаются с особенным наслаждением. Но мы вправе настаивать, чтобы Усов *доказал* на основании Слова Божия и святоотеческих творений: каких ересей начальниками («ересиархами») были патр. Никон и современные ему епископы?

"Это были *последние* епископы!», говорит Усов; *последние*, конечно, подразумевает он, в Церкви Христовой.

Со словом *последний* подразумевается конечное прекращение того или другого рода, времени и т.п. Например, *последняя* минута жизни человека, после которой наступает смерть; *последний* антихрист, после которого антихристов *никогда* уже не будет; *последний* судный день, после которого настанет жизнь новая...

В 1667 г. уклонились в ересь *последние* православные епископы, учит Усов. Следовательно, епископы *навсегда* оставили Церковь Христову, их *никогда* уже в ней не будет – они будут только в обществах еретических. Какая ложь, какое пагубное учение! Чтобы очевидна была эта ложь, спросите Усова: «а ваши епископы православны»? Конечно, православны! ответит он. Но ведь в 1667 г. впали в ересь уже *последние* православные епископы, получившие начало от св. апостол, а с этого времени их совершенно не стало на свете?... Значит, ваши епископы получили начало *от нового* основателя иерархии, не от Христа, не от апостолов? Те все прекратились?

Удивительно не то, что Усов так пишет, а то, что находятся в старообрядчестве люди, которые его ложному писанию внемлют и доверяют.

Священство Христово или трехчинная иерархия в Церкви Христовой, как уже раньше доказано, никогда, до скончания века не прекратится, «церковь без епископа быти не может» (Златоуст).

Во всех предыдущих главах своего сочинения Усов, так сказать, только вводил читателя в курс своего богословия, и не приводил положительных доказательств своего учения, что «Церковь Христова

временно» может быть «без епископа». В дальнейшем же изложении он приступает к решению главной своей задачи – «указанию свидетельств». Эта часть его книги (гл. 13, 14; 15 и 16) требует особого внимания.
(Продолжение следует).

Хроника

**Летопись периодической духовной и светской печати и
новые книги по вопросам веры и миссии церкви. Таубе М.Ф.
Сущность христианства // «Миссионерское Обозрение»,
1906, № 3, стр. 392–399**

(R. Seeberg. Grundwahrheiten der christlichen Religion. Leipzig. Georg Böhme. Зееберг. Основные истины христианских исповеданий. Лейпциг. Г. Беме)

Богатая немецкая богословская литература дала не мало сочинений, цель которых выяснить основную сущность христианства вне вероисповедных различий. Богословский труд, заглавие которого выписано выше, принадлежит протестантскому богослову, получившему свое образование в Юрьеве, но перенесшему свою ученую деятельность в Берлинский университет. Так как за этим ученым известно некоторое знание русского языка и знакомство с православным богословием, то можно было ожидать от него более широкого взгляда на все христианство без исключения основ Православия.

Но узкие взгляды протестантства не позволяли ему перейти границы, свойственной мышлению протеста, и выйти на простор вселенской истины. Очевидно, профессор имел в виду протестантскую аудиторию по преимуществу, несмотря на то, что, судя по заглавию, он желал выразить сущность всех христианских верований, так как внимание его обращено на те только черты христианской жизни и учения, которые всего более понятны бесцерковному протестантству, оставляя остальные воззрения в некотором перспективном удалении или чаще всего умалчивая о них совершенно. *Православный же основывает свое вероисповедное мировоззрение и жизнепонимание на началах соборного объединения* многочленного разнообразия и стремится к *полноте* доступного человеку ведения, а потому при рассмотрении указанного труда, православный легко находит пропуски и пробелы. Строгая систематизация исследования проф. Зееберга облегчает труд определения, в чем заключаются пропуски. Все содержание книги сосредоточивается главным образом на трех вопросах: на полноте могущества Бога, христианских добродетелях и «христианском достижении», или небесной награде. В решении каждого вопроса православный мыслитель не может не заметить важных для профессора недочетов.

I. Полнота могущества Бога мыслима не только в Его Владычестве (Herrschaft; «Да святится Имя Твое»), не только в Его Царстве (Reich; «Да приидет Царство Твое»), как указывает берлинский профессор, но и в Его домостроительстве («да будет воля Твоя»), осуществляемом в Церкви Христовой. Церковь эта – соборная, ибо таковой изображается в

священном писании и исповедуется в Символе веры. В этой полноте могущества Бога, обнаруживается не только верование и религия, но и единая "вера". Вера есть союз Бога с духовными существами (ангелами) и с людьми, на земле живущими и умершими, между тем, как «религия» есть только союз людей между собой во имя Бога. Вот почему религий (croyances) много, а вера (foi) едина, и она всегда истинная и иною быть не может. Убеждений, уверений, исповеданий много, а истина одна, вечная и неизменная. Вера есть око истины, и об этой всеединой вечной вере нет и намек у проф. Зееберга. Вера, как союз всего творения с Богом; и чувство веры каждого отдельного человека не одно и то же.

II. Полнота христианских добродетелей и стремлений не может ограничиться только чувствами веры (Glaube) и любви, как указываем Зееберг, и должна быть дополнена еще и чувством *упования*, ибо душевных свойств или сил человеческих, не два, а три: 1) разум (Vernunft), возвышающийся до «ума» (νοῦς; соответственного слова в романо-германском словаре нет: лютеровский перевод νοῦς – Geist означает собственно Дух); 2) чувство, возвышающееся до богопознания, и 3) хотение, возвышающееся до творческой свободы воли. Вера есть выражение духовного ума; любовь – духовной свободной воли. Духовное чувство проявляется в уповании. Об этом последнем ученый богослов совершенно умалчивает.

III. Полнота христианского достижения, или полнота небесной награды, – не в одном только мире всего мира (Friede) и не только в добродетели (Tat), чем ограничивает «христианское достижение» берлинский богослов, но и в истине, ибо только истина вкупе с миром и святостью составит полноту христианских целодостижений всех духовных сторон человека, разума, чувства и воли, его веры, упования и любви. Полнота духовных стремлений: боговедение, всеобщая связь в любви и всесвободное произволение в творчестве. Вот те основания, на которых создается и обосновывается богословское воззрение Православия.

Православный читатель найдет в богословском труде Зееберга, говоря философским языком, «последовательную двусторонность» (дуализм). У автора, мир распадается на мир духовный и мир вещественный; двойное проявление этих миров в духовном – божеском и душевном, – психическом. Мы строго отличаем понятия «телесность», «тело», т.е. организация (домостроительство), от «плоти» и «вещества» (Leib), ибо по апост. Павлу существуете тело духовное, тело душевное и тело плотское, а потому, кроме проявления духовного – божеского, душевного – психического, существует еще проявление телесного домостроительства, а эти три выражают собою три области, а не только две, на что указывает протестантский ученый. Вообще, православному мышлению свойственно признание тройственного проявления, тройственного начала в трех областях, или мирах и с трех сторон.

В заключительном определении труда проф. Зееберга сущность христианства выражается в следующих двусторонних положениях: «Владычество Бога и верование (сroyансе, Glaube), Царство Божие и любовь – вот христианское вероисповедание. Она дает нам мир и добродетяние (Tat) и тем *наполняет* потребу нашей души. И это *все*. Вот вывод профессора. По-нашему же это «все» – не все, а часть всего, это «наполнение» (полнота), по-нашему, не полное, а частичное. Постараемся параллельно, т.е. соответственно сему, выразить трихотомично наше воззрение на внутреннее содержание христианству, которое также тройственно-сложно. Оно не ость простая сущность (Wesen), а состоит собственно из домостроительной (организационной) телесной существенности (субстанции), душевной сущности (субстанционности) и духовной сути (субстанциальности – οὐσία).

Существенность христианского домостроительства состоит из Владычества Бога, Царства Бога и Церкви Божией.

Сущность добродетелей христианства – Вера, Надежда, Любовь.

Суть христианства – правда (мир), истина и добро (Tat), т.е. святость.

Вся эта полнота веры определяется догматически-христианской формулой равнопрославления и равнопочитания Троицей Трисвятой Троицы: «во имя Отца и Сына и Святаго Духа», нераздельных и неслиянных. Причем Церковь Божия исходит непосредственно от владычества Бога, любовь исходит непосредственно от веры и добро исходит непосредственно от правды, точно так же, как и Дух Святой исходит непосредственно от Бога Отца, а не от Бога Сына. Вообще православное мышление никакого филиоквизма не признает, даже в философии. Психологическая основа христианства замечательно правильно подтверждается автором книги ссылкой на святоотеческое изречение, что «душа человека – по природе христианка». Душевность тут должна быть мыслима отдельно от духовности. Душа же сама состоит из триединой способности: разума, чувства и воли. Связь души с божеством посредством духовного ума (νοῦς) – есть *вера*, духовного чувства – *упование*, духовной воли – *любовь*, и эта связь или богоношение приводит человека к святости здесь на земле, в нашей земной жизни, ибо настоящий совершенный христианин – всегда святой.

Гносеология христианская, как и христианская психология, – весьма сложная и основывается на сложной способности человека к цельному познанию, называемому Хомяковым *верующим познанием*; оно же обозначается словами «веросознание», «боговедение».

Православный взгляд, стремясь достичь этого цельного познания помощью верующего сознания, усматривает в воззрениях протестантства неправоту в том, что последнее принимает *частичность или частность за полноту*, в воззрениях же римско-католичества, ставшего с 1870 г. католичеством ватиканским, – в том, что оно принимает *единоличное за*

целое; общее же свойство, как ватиканского католичества, так протестантства, заключается в – *протесте*, первого – против соборной вселенской церкви, чтобы возвеличить местную церковь до превосходства во власти над всеми, и второго – против церкви вообще, чтобы ограничиться мелкими церковными общинами без их единения мысли и исповедания обще-церковного земного устройства. *Православие же требует соборного единения всех церквей, всех частей без остатка для образования полноты все-едино-целого.* Это и есть коренное свойство или суть христианства, и оно недостижимо без вселенской совести, без вселенной любви, без вселенской церкви.

Итак, нужны для христианина вера, надежде, любовь в целокупности своих стремлений к истине, миру и святости. Божественная сила проявляется в своем Владычестве, Царстве и Вселенской Церкви, без которых удовлетворение полноты жизни духовной, душевной и плотской телесности (организации) человечества немыслимо.

В заключение позволяем себе выразить пожелание, чтобы ученые запада, пытаясь выяснять сущность христианства, не пренебрегали бы и философско-богословскими трудами православия. Без этого все их попытки изобразить основные начала всего христианства во всей их полноте будут тщетными и останутся всегда отрывочными, а потому и неправильными. Пора западу приняться изучать православных богословов и учиться у востока тому, что история на западе не сохранила, а сберегла исключительно только в недрах православия. Несправедливо признавать свою науку полною, когда пренебрегают богатым кладом звания истины и светом востока. Удивительно встретить эту неполноту у тех западных ученых, которые, владея в достаточной мере русским языком, имеют возможность пополнять свои знания православною богословскою наукою, не ограничиваясь узкими пределами местного мышления, т.е. пытаться достичь вселенского уразумения истины.

Барон М.Ф. Таубе

Пора дать и православной церкви свободу. (По поводу статьи старообрядца о веротерпимости)

Помещенная в № 202 газеты «Русск. Лист.» за 1905 г. статья В. Механикова, под заглавием «старообрядец о веротерпимости», вызывает на размышления. Заглавие статьи не совсем соответствует ее содержанию. Вместо принципиального решения вопроса о свободе веры, автор делает только односторонне подбор церковно-исторических фактов и канонов, в которых говорится о снисходительных и кротких мерах, с какими обращались отцы церкви к иноверцам. Вопрос о свободе веры в той его постановке, какую ему дал автор статьи, нам кажется неразрешимым. Факты церковной истории говорят только о том, что есть и было в известное время, а вовсе не о том, что должно быть нормой, которой руководится вся церковь. Правда, такой абсолютной нормой для

христианства должна быть любовь. Но конкретно осуществляется эта норма в разные периоды и моменты церковной истории неодинаково. Автор говорит о снисходительных и кротких мерах по отношению к еретикам. Но из той же истории известен ряд суровых мер, каким подвергала церковь упорных еретиков. Дело – в несообразности той или другой меры. Известно, прежде всего, неодинаковое отношение Христа к иудеям. Когда он обращался к «труждающимся и обремененным», то кротко говорил: «прейдите ко Мне, Аз упокою вы». Но как Христос относился к агитаторам иудействующей партии, стремившихся насильственными средствами погубить все дело Христово? Скрывая скорбь в душе, Он взирал на них с гневом. Он бичом изгонял тех, которые попирали святые храмы. Св. Григорий Богослов писал Константинопольскому патриарху Нектарию, чтобы он в борьбе с аполлинаристами обратился за содействием к гражданской власти. Св. Златоуст просил императора Аркадия об изгнании ариан из Константинополя (см. также Собор. Карфаген. прав. 94 и 97; «Просветитель» Иосифа Волоколамского, стран. 526–555). Конечно, автор, задавшийся целью решить вопрос о свободе веры на основании церковной истории, не должен забывать и об этих фактах, должен объяснить их. В разрезе с основным принципом старообрядчества, по которому каноны и установления древней церкви имеют незыблемое учение и авторитет отцов церкви непоколебим, он скажет, что факты последней категории находят свое объяснение в условиях того времени, когда христианство не проникло еще во все сферы жизни и не было еще понятно, как учение о всеобъемлющей любви. Помимо того, что в подобном объяснении нужно усматривать измену старообрядчеству, оно само по себе недостаточно. Неужели христианство менее глубоко, чем современным обществом, было усвоено первоверховным апостолом Петром, поразившим смертью Ананию?! Неужели и великий проповедник Евангелия апостол Павел, ослепивший Елима; в деле понимания христианства стоял ниже уровня современного интеллигента?! Не думаем... Что, наконец, скажет старообрядец о Самом Основателе христианства, Который двукратно изгнал бичом торгующих из храма... Чтобы быть последовательным, старообрядец должен отречься не только от старины, но и от самого христианства.

Для объяснения того противоречия, которое, по-видимому, возникает между христианским учением о любви и насильственными мерами, можно предложить следующее. Нужно прежде всего смотреть на меры внешнего воздействия по отношению к еретикам, как на исключительные, когда усиленная агитация вызывала исключительные по своему характеру противодействия со стороны представителей церковной власти. Не решаясь на эти меры, отцы церкви должны бы были мириться с осквернением святыни, с расхищением стада Христова. Нет, – они

дорожили истиной более, нежели своими отношениями к тем, которые насильственными средствами старались подавить истину, и это не было плодом неразумной ревности, о которой говорит апостол, это было сознательное, разумное стремление покорить Богу вселенную, сохранить в чистоте учение Христово, и ту веру без которой дела мертвы. Говоря об исключительных фактах отношений к еретикам со стороны отцов древней церкви, мы вовсе не желаем писать апологию инквизиции. Известно, что католицизм, породивший инквизицию, подпал третьему искушению Христа и стремился к политическому господству над миром. Нет, конечно, причины указывать разницу между деятельностью, например, Ионна Златоуста и деятельностью инквизиторов. Что касается тех суровых мер, который принимала будто бы русская церковь против старообрядцев, то, – кроме того, что эти последние, желая оправдать свое отделение от церкви, обыкновенно сгущают краски в описании этих мер, – хорошо известно, кто здесь больше виноват. Разве можно здесь обвинять ту церковь, которая находилась в это время в «параличе»? Петр I, стремясь к неограниченной власти, перенес, идеи цезаропапизма с запада на русскую почву, и здесь осуществил их, превратив русскую церковь в простой атрибут русской государственности. В интересах государственно-общественной жизни необходимо было подавить религиозные волнения и разногласия; отсюда и преследования старообрядцев гражданской властью... Таким образом, факты пока остаются фактами; мы только объясняем их, только оцениваем не с точки зрения выработанной заранее нормы отношений церкви к другим исповеданиям, а с точки зрения их целесообразности в деле распространения Христова учения их с точки зрения того одушевления, которым руководствуются люди, их совершившие. Одни из этих фактов вполне одобряем, другие оправдываем, третьи извиняем, а вопрос о свободе веры остается пока открытым.

Автор статьи направляет свою аргументацию против тех немногих органов, которые развивают враждебное отношение к старообрядчеству. Сам же он с большинством нашей прессы ратует за принципы свободы веры. Но в данном случае старообрядец «своих не позна»: в решении вопроса о свободе веры он опирается на авторитет отцов церкви и древние церковные законоположения, тогда как большинство нашей прессы в решении того же вопроса стоит на почве юридической, на почве учения социальной биологии, по законам которой жизнь общества может развиваться только тогда, когда все члены и части его правильно совершают свои функции. Положительное решение вопроса о свободе веры на почве юридической мы вполне разделяем, потому что такое именно решение этого вопроса таится в глубине человеческого сознания и гражданский акт, осуществивший этот принцип, мы можем только приветствовать. Но ведь, когда старообрядцы говорят о праве их

исповедания на свободу, то они хлопочут из-за торжества своей веры; они желают, чтобы им дана была возможность свободно развивать свои силы, вести победоносную борьбу с иноверцами. Церковь мистическая не боится этой борьбы, она может принять чей угодно вызов; она выше исторических условий, ее не страшит ни меч государственный, ни усиленная пропаганда не верующих в нее и борющихся с нею, и совершенно напрасны хлопоты обессилить всемогущую силу. Что же касается церкви исторической, то она находится в сравнительно другом положении, борьба с нею должна быть равной и честной. А мы ведь знаем, что наша церковь вот уже около двухсот лет находится под опекой государственной власти. Внешняя сила обезоружила нашу церковь, лишив ее свободы действия; – так как государственною печатью придавлены все те мощные силы, которые хранит в своих недрах наша церковь. С такою церковью не может быть равной борьбы. Но мы верим, что недалеко то светлое будущее, когда с нашей церкви спадают цепи чуждой ей опеки, она восстанет для борьбы во всем своем грозном величии и будет в состоянии исполнить ту великую миссию пред народом, о которой говорил Достоевский. Есть сила в той церкви, которая выделила такую умственную силу, как Филарет, как Иннокентий, есть сила в той церкви, которая воспитала Тихона Задонского, Серафима Саровского и друг. многих, пред которой преклонялся Хомяков, в которую верил Вл. С. Соловьев?! Дарование церкви свободы считается теперь в некоторых кругах вельможных людей несвоевременным в виду тех волнений, которыми обуреваются наша родина. Нам, наоборот, кажется, что теперь и является самым насущным вопрос о предоставлении церкви свободы, потому что церковь может остановить русский народ от взаимного самоистребления. Теперь-то именно церковь обнаружит тем более могучие силы, что в состав ее должна войти большая часть интеллигенции, которая ведь как бы то ни было искренно стремится к воплощению в своей жизни религиозно-нравственных идеалов. Такого рода интеллигенты – его будущие прозелиты, отрешившиеся от марксизма, позитивизма и разного рода других «измов». Нужна реформа всего строя нашей церковной жизни, потому что современный ее строй не удовлетворяет мыслящей части нашего населения, в сознании которого замечается поворот к идеалам религии. И те из православных, которые веруют в истину православия по привычке и не различают церковь, мистическую и церковь историческую, должны без боязни смотреть на эту будущую реформу, потому что пора уже уметь различать божественный элемент от человеческого в учении Христа. Божественная сторона христианства, заключающегося в Его догматическом и нравственном учении, должна оставаться незыблемой до самого конца всемирной истории: тогда как внешняя жизнь церкви может прогрессировать и изменяться на лучшее в зависимости от тех исторических условий, среди

которых церкви приходится бороться с заблуждениями и разного рода полуистинами. Итак, пора стряхнуть с церкви тот «сор, который на историческом торжище покрыл Христову жемчужину».

Священник-миссионер *Дометий И. Холопом*

Миссионерство, секты и раскол // «Миссионерское Обозрение», 1906, № 1, стр. 400–410

Печать и общество о миссии и миссионерах. – Общий взгляд на современное состояние внутренней миссии. – Организация миссии в Тамбовской епархии. – Двадцатипятилетие миссионерской деятельности.

С прискорбием приходится отмечать, что нападки на миссию и ее деятелей, как в печати, так и в обществе продолжают, а за последнее время пожалуй, и усиливаются. Говорят прежде всего: «зачем теперь миссия, когда с высоты Царского Престола объявлена, веротерпимостью, всем дарована полная свобода совести, свобода не только убеждений, но и внешнего религиозного культа? Не является ли после этого миссия с ее насилием (?) над личными убеждениями анархизмом, совершенно неуместным в наше время пережитком прошлого»? Не скрывая правды, заметим кстати, что подобные голоса раздаются не из одного светского лагеря недоброжелателей миссии. Нет, их можно услышать и в наших церковных кругах: они раздаются на некоторых съездах духовенства, на пастырских собраниях...

Прискорбный факт...

Светской печати и светскому обществу, неосведомленным в специально-церковных вопросах, конечно, до некоторой степени еще простительно непонимание смысла и важности миссионерской работы. Но что сказать об этом недоразумении, которым проникнуты некоторые деятели церкви? Неужели они доселе не могут понять, что миссия – это органически-составная часть общепросветительной церковной деятельности? Что «воинствующая» Церковь Христова (а таковою она останется до конца своих дней на земле) не может отказаться от вразумления заблуждающихся и охранения верных своих чад? Что подобный отказ был бы со стороны Церкви *самоотказом*, отречением от своей великой и святой миссии среди людей?

Когда, впрочем, попытки унизить и дискредитировать миссию, как именно явление церковной жизни, оказываются построенными на песке и встречают должный ответ в печати, особенно на странах епархиальных органов (см., напр., речь г. Зороастрова в № 1-м «Мисс. Обозр.» за тек. г. из «Астрах. Епарх. Ведом.»), то пресса, особенно светская, старается, во что бы то ни стало, набросить тень на деятельность представителей миссии, на ненавистных ей «миссионеров», чтобы доказать, что миссия не только бесполезна, но даже вредна для общественного блага и чуть ли не грозит гибелью всему русскому обществу... Вот типический образец таких суждений, найденный нами на стр. «Нижегородского Листка»:

«Каждый должен себе задать вопрос: для чего миссионеры? Полезны ли они? и есть ли надобность тратить на них миллионы рублей,

собираемых с голодного народа, который они своими поступками не привлекают в церковь, а отгоняют от нее даже тех, которые и желали бы находиться в ней? Они скорее поселяют в народе смуту, разжигают страсти. Это неудивительно. На беседе в Городце называли старообрядцев слушатели японцами, а митрополитов их купленными и фальшивыми».

Удивляемся злословию и клеветничеству этой «филиппики». Откуда газета взяла это лживое сообщение, что на миссию тратятся миллионы? Ничего, хотя бы приблизительно похожего на эти мифическое «миллионы», в действительности нет. На всех миссионеров Империи Св. Синод тратит *из своих специальных средств* не более 4–5 десятков тысяч рублей, если не считать те буквально крохи, которые уделяются на миссионерское дело из местных епархиальных средств. «Миссионеры сеют смуту»... Что-то похожее на революцию... Но кроме «слез и смеха» такое утверждение едва ли заслуживает хоть сколько-нибудь серьезного возражения. Не можем, однако, не порекомендовать «Листку» и его единомышленникам вспомнить одно золотое правило здравого человеческого смысла: «злословие не есть доказательство».

Нельзя обойти молчанием тех известий о деятельности миссии, которые нами получены за последнее время, известий тем более важных по своему значению для характеристики современной миссионерской работы и тем более утешительных, что они фактически, данными самой неприкрашенной живой действительности говорят против недоразумений, которыми окружено миссионерское «делание».

С юга, юго-востока, из западного и северного края нам сообщают весьма отрадные вести. Миссионеры почти везде работают по сравнению с прошлым с удвоенной энергией. Миссионерская поездка в епархиях, беседы с заблуждающимися и православными участились. Епархиальные преосвященные в епархиях, зараженных расколо-сектантством, изыскивают новые и новые меры к оживлению и усилению миссионерской деятельности. Возникают и с успехом работают новые и новые братства и кружки ревнителей православия. Учреждаются миссионерские комитеты для содействия миссии и миссионерам, миссионерские курсы, школы для приготовления миссионеров из народа. Идут вести и о добрых благотворных результатах деятельности миссии, миссионерской проповеди. В одном месте прекращена пропаганда сектантов среди православных, в другом сектанты обращаются в лоно православной Церкви и т.п. И все это несмотря на все те, порой, по-видимому, непреодолимые препятствия, непобедимые препоны, который лежат на пути миссионерской проповеди. Не надо упускать из вида и того, что с объявлением веротерпимости наши диссиденты стали относиться к миссионерам и православию по местам с гораздо большим недоброжелательством, чем до издания законов о

свободе совести. Вот что, например, пишет свящ. Е. Зубарев в «Костр. Епарх. Ведомостях»:

«Отношения раскольников к миссионерам и православию после дарования свободы исповедания несколько изменились к худшему. Миссионеру Макарьевского и Юрьевецкого уездов они говорили: «Ныне все спутались в вере и само начальство не знает, какая истинная вера, оттого оно и дозволило все веры, велело веровать всякому, кто как хочет. В старину начальство знало истину и за нее стояло, а еретиков преследовало и старалось обратить на правый путь, оттого ересей и расколов тогда и не было. Появилась было ересь (собственно раскол) стригольников, но скоро была уничтожена. Ныне же все веры признаны истинными». Далее говорили раскольники, что «на беседы ходить уж не пошто», что «и миссионеров-то скоро уничтожат, да и попов-то скоро не буде». И на самом деле, замечает о. миссионер, раскольники почти не стали ходить на беседы, а если упросить и придут, то прямо говорят: «теперь нас не заставишь веровать по-вашему: само начальство признало нашу веру правой». Раньше в них было некоторое сомнение, продолжает о. миссионер, в расколе; я знаю и священники сообщают несколько примеров, что были колеблющиеся и желавшие присоединиться к православию, теперь же они успокоились в своем заблуждении, и это их спокойствие едва ли скоро растревожишь. Народ русский смотрит больше на начальство, в нем сильно воспитано благоговение пред властью и пока оно еще не истреблено прокламациями, – и вот он видит, что власть его веру признает законной, посему и успокаивается, говоря: «начальство больше знает».

Успокоению раскола, по словам того же миссионера, много способствуют и светские писатели-никудашники. Книги с предвзятыми взглядами, каковы «Водный раскол» Мордовдева, «Обмірщение» Боборыкина и т.п., имеются у раскольников Макарьевского уезда и иного способствуют укреплению их в расколе. Они не могут еще понять, что есть не действительные, а только именуемые православные, которые их ложно защищают; они говорят: «если нас защищают, то, значит, вам нечего прать против правды». Результат всего этого тот, говорит о. миссионер, что в нынешнем (1905) году, не смотря на беседы, веденные епархиальным миссионером, приезжавшим два раза в здешнюю местность, и обычные мои, обращений из раскола в православие было менее всех прежних лет. Беспорядков раскольники во время собеседований в нынешнем году не производили, а фанатизм их вами редко описывается.

Однако считаю нужным сказать, пишет он, что здешние раскольники все фанатики; особенно фанатичны женщины. Они здесь – сила раскола, раскол ими живет и крепнет; они здесь часто исполняют и обязанности требоисправителей. Они православным не дают ни прохода, ни проезда,

чтобы не посмеяться над их верой; где ни сойдутся, на базаре ли, в деревне ли, в лесу ли, на реке ли, – везде только и разговор о нас, православных. Нами раскольники в большинстве гнушаются, как погаными. Наши обряды называют самими мерзкими именами. В деревнях, где большинство раскольников, православным положительно житья нет, – они просто мученики: их и срамят, и землю от них отбирают десятком, и в нуждах их никогда не удовлетворяюсь и т.п. Подлинно, только благодать Божия еще удерживает здесь православие при таких, почти невозможных, условиях жизни. Этот раскольнический фанатизм, в случае нужды соединяемый с лицемерием, и служит препятствием к откровенным отношениям их к миссионерам и священникам. Как они решатся откровенничать с человеком, с которым считают грехом есть и пить²⁴⁶, которого считают поганым, слугою сатаны, при встрече с которым стараются отворотиться или, как некоторые, лечь ниц лицом на землю, чтобы не видеть его. Если некоторые священники смягчительно говорят о раскольниках в этом отношении, то это происходит или оттого, что раскольники умеют и любят лицемерить, или же оттого, что священникам просто не хочется писать о фанатизме раскольников, да еще с указанием фактов. Это ли не фанатизм, когда раскольники, идя мимо храма, стараются идти от него так, чтобы даже тень храма не пала на них и не «осквернила их»? Это ли не фанатизм, когда своих же, принужденных обстоятельствами жизни обращаться с православными, они считают «обмірщившимися» и «осквернившимися», и с ними уже не едят и не пьют вместе, пока не «очистят» их? Это ли не фанатизм, когда они даже воды не дадут православному из своего колодца, боясь, что он «осквернит» их колодец? И таковых фанатиков здесь большинство, чуть ли не все, а потому трудно ожидать скоро больших плодов от миссионеров и их собеседований. Так заключает о. миссионер Макарьевского в Юрьевоцкого уездов.

К миссионеру Варнавинского уезда раскольники и сектанты, по его сообщению, относились с уважением, а к беседам его со вниманием, хотя взгляд на миссионеров, говорит он, не успел еще выработаться у них, как на людей – проповедников безусловной истины. По мнению многих, особенно главарей раскола, миссионеры – это люди мастеровые, души продажные, подкупленные жалованьем. Поэтому и к доводам их относятся с большим разбором. Надо полагать, что частые собеседования с ними, исполненные мира, любви и снисходительности к заблудшим, заставят их отказаться от своего взгляда на миссионеров, как на узких специалистов, работающих «не ради Иисуса, а ради хлеба куска». Откровенным отношениям раскольников и сектантов к миссионерам много препятствуют их уважаемые «старики» и «старухи», к которым они относятся с большим доверием, как хранителям старой веры, а также страх лишиться молитвенного общения с ними. Миссионерские беседы

многими раскольниками и сектантами посещаются охотно и на них старообрядцы стараются сохранить должный порядок. Побуждающее мотивы посещать беседы они находят прежде всего в своем сердце, в желании узнать «вечную истину» и спасти свою душу. Правда, бывали на беседах у о. миссионера и противоположные явления, но это благодаря обнаруженному упорному невежеству собеседников: Якова Петрова, Максима Сергеева (по слухам, ныне уклонившегося в молоканство) и Якова Онисимова. Доводы о. миссионера, очевидно, подрывали их авторитет пред слушателями, как неопытных и самозванных учителей, потому они старались замять дело то зачитыванием, то криком и даже бранью, и т.п.».

В последнем номере «Тамбовских Епархиальных Ведомостей» истекшего года напечатана новая местная инструкция епархиальным миссионерам.

Бедная наша противо-расколо-сектантская миссия, пасынок среди других епархиальных дел и учреждений, в каждой епархии устроена на свой образец и везде неопределенно касательно своих прав и отношении к другим должностным лицам местам епархии. Поэтому, вопрос о реформе миссии в одной какой-либо епархии приобретает всеобщий интерес: большие места у миссии разных епархий обычно одни и те же; а если и не так, то сравнение устройства миссионерского дела разных епархий должно послужить материалом к созданию общими силами лучшего типа миссионерской организации. И, кажется, настанет время, о котором миссионеры должны думать: теперь или никогда, т.е. если после объявленных религиозных свобод мы не добьемся твердого признания Церковью нашего дела и ясной правовой регламентации нашего института, то, значит, этого никогда и не будет.

Миссия тамбовская, может быть, одна из самых многострадальных. У нее много дела. Епархия исстари имеет тысяч 13 молокан, штундо-баптистов, жидовствующих, хлыстов и скопцов и тысяч 8 последователей австрийщины, беспоповства и беглопоповства. Но служебных прав, делового значения и инициативы у миссионеров было очень и очень мало. Долгое время, несмотря на Синодские указы и правила о миссии, миссионеры считались наймитами местного миссионерского²⁴⁷ Братства, без права участия в его Совете и без доступа к центру епархиальной жизни и управления. Это положение вещей санкционировала старая местная инструкция 1893 года. После миссионеры были допущены в Совет Братства и стали иметь доступ в епархиальному преосвященному. Но Совет оставался их ближайшим начальством и всегда держался такого взгляда, что епархиальный миссионер есть только подведомый ему разъезжий проповедник. Служебное отношение епархиального миссионера к епископу и Совету Братства стало крайне двусмысленным; отношения же к другим, касающимся дела миссии епархиальным

учреждениям, как, например, консистории, были совсем даже и не намечены. Миссионеры епархиальные не знали даже и того, что они в отношении миссионеров окружных и приходских священников. Это лишало их служебной инициативы и возможности влиять на миссионерское дело епархии. Между тем, жизнь ясно доказала, что два-три миссионера епархиальных, без влияния на общее миссионерское дело епархии и без ясно установленной связи с миссионерами окружными и приходскими, просто как одинокие и от всего отъединенные проповедники, сделать многого не в силах против раскиданных на 400 верст в длину и 200 в ширину 20 тысяч диссидентов. Однако от означенной должности ждали многого: духовенство думало, что 3 миссионера должны работать *вместо него*, а миссионерское Братство, – что оно может *лишь руководить* миссионерами; и сектантство купно с расколом должно-дескать быть сокрушено. Последнего не случилось. Статистика не вполне удовлетворительна. Ergo: миссионеры худы. Положение миссионеров стало нравственно тяжелым. Не довернись – виноват, перевернись – тоже. Хочешь приложить силы в помощь делу: оказывается, ты не в курсе епархиального миссионерского дела; оказывается, ты не знаешь, что указывают по миссии в епархии, чего желает Синод и т.д. Хочешь узнать что-либо по этой части, – там не имеешь права, а это дано «конфиденциально», а тут надоедаешь, часто одолжаешься... Что увидел своими глазами или узнал случайно и келейно, лишь то и твое. А всего одним своим глазом не измеришь, келейно всего не узнаешь...

Все сие и побудило тамбовскую миссию искать себе бумажного определения своих служебных прав и отношений. Преосвященный отнесся к этой мысли сочувственно. Составленная, при его личном участии, инструкция именно и имела в виду дать епархиальному миссионеру определенное место в ряду других служебных лиц и мест епархии, чтобы дать ему возможность иметь служебное влияние на миссионерское дело епархии. Задача эта выполнена следующим образом.

Инструкция подчеркивает всеобщую обязательность Синодальных правил о миссии 1888 года и определяет служебное положение епархиальных миссионеров, почти дословно выражениями Синодальных правил, в непосредственных отношениях к епископу.

§ 11. «В служебном отношении епархиальный миссионер состоит в ближайшем и непосредственном распоряжении епархиального преосвященного, будучи им назначаем в должность, от него непосредственно получая руководственные по службе указания, к нему входя с докладами по всем делам миссии в епархии и ему давая отчет о своих служебных занятиях, состоянии сект или старообрядчества и вообще о всех условиях и обстоятельствах, благоприятствующих миссионерскому делу или тормозящих его. Епархиальный епископ, по

своему ближайшему усмотрению, распределяет между епархиальными миссионерами их служебные занятия».

Отношения к консистории выражены так:

§ 12. «Не будучи подведомы консистории и не входя в состав ее ни в каком качестве, епархиальные миссионеры, по ее приглашению или по нарочитому распоряжению епископа, дают однако свои письменные отзывы и заключения по делам, касающимся миссии, например, о состоянии зараженных сектами или старообрядчеством, приходов, о принимаемых в оных мероприятиях и действовании со стороны приходского духовенства, об открытии в таких местностях новых приходов или построении церквей, об открытии единоверческих приходов и т.п., а равно исполняют ее поручения касательно миссии, но не иначе, как по утверждении их епархиальным епископом. Но для сего они должны быть поставляемы в известность обо всем, что может иметь руководственное по делам, касающимся миссии вообще и местной в частности, значение».

Отношения к Братству, служили исстари для миссионеров источником всяких дразг и служебных недоразумений, теперь определены в следующих чертах:

§ 13. «Так как для целей миссионерства в ближайшем распоряжении епархиального епископа, кроме епархиальных миссионеров есть еще и Казанско-Богородичное Братство, устав которого ставит ему в задачу борьбу против сект и старообрядчества, то для установления между братством, и епархиальной миссией единства действий, общения и взаимопомощи, епархиальные миссионеры, по должности, входят в Совет Братства в качестве неперенных членов оного. В силу своей обоюдной подчиненности одному епископу, епархиальные миссионеры, как и совет Братства одинаково исполняют поручения преосвященного, будут ли они выражены на докладах ему епархиальных миссионеров или на журнальных постановлениях пред ним Совета Братства».

Епархиальные миссионеры по должности введены в состав епархиального училищного совета, как сверхштатные его члены (Инстр. § 14). Служебная связь миссионеров епархиальных с окружным установлена в таком виде:

§ 15. «Назначаемые епархиальным преосвященным, согласно § 6 Синод. пр., окружные миссионеры из приходских или бесприходных священников, равно и из среды мирян, вполне способных к миссионерской деятельности, являются сотрудниками и помощниками миссионеров епархиальных, коими они руководствуются в своей миссионерской деятельности, к ним обращаются во всех недоуменных случаях, свой отчет представляют в Совет Братства, а о всех более важных обстоятельствах миссионерского дела своего округа (особенно о случаях совращений) сообщают им или епархиальному архиерею немедленно».

Касательно приходского духовенства для миссионера создано следующее положение:

§ 16. «Будучи первым миссионером своего прихода, священник непрерывно ведет в нем миссионерское дело. В лице епарх. миссионера он имеет себе сотрудника и советника, к которому непосредственно и обращается в нужных и недоуменных по делу миссии случаях. Долг епарх. миссионера ободрять и оживлять энергию деятелей приходской миссии и обратно – дело последних осведомлять епарх. миссионера о состоянии миссии, сект и старообрядчества в своем приходе"...

Наконец, формулировано служебное отношение епархиального миссионера ко всем остальным сторонам миссионерского дела.

§ 17. «Рекомендация миссионерских брошюр и листов для бесплатного распространения в народе, а равно – и миссионерских книг для приходских и иных миссионерских библиотек епархии входит в круг прав и обязанностей епархиального миссионера. Миссионеры-книгоноши и ревнители из крестьян, в отношении миссионерства, получают от епарх. миссионера руководственные указания. Епарх. миссионер по возможности располагает к занятию миссионерством низших членов клира и является советником по миссионерской части учителей церковных школ в зараженных сектами и старообрядчеством приходах и особенно – школ, субсидируемых в миссионерских целях. Он радуется и ходатайствует пред преосвященным о приходских миссионерских кружках или братствах, о повременных миссионерских курсах, об устройстве школ для подготовки к миссионерской деятельности крестьян – ревнителей, об учреждении миссионерских фондов, особенно для помощи новообращенных и вообще изыскивает, с ведома преосвященного, лучшие пути и мероприятия миссионерства».

§ 20. «Забота и ходатайство пред преосвященным о миссионерских съездах есть дело епархиального миссионера».

Инструкция, как видно, не представляет собою окончательного слова и определяет служебные права миссионера не вполне твердою рукою. Так, например, в отношении консистории на миссионеров возложены одни обязанности; права же их выражены крайне обще: «они должны быть поставляемы в известность (кем) обо всем, что может иметь руководственное по делам миссии значение». Удаленный же от официального руководственного бумажного материала, как сможет миссионер руководить делом миссии в епархии? Есть в инструкции и такое противоречие: хотя миссионер объявляется неподведомым консистории, а лишь непосредственно одному преосвященному, но ему вменяется в обязанность исполнять утвержденные епископом миссионерские поручения консистории. Слабо выражено в инструкции и руководительное положение миссионера к приходскому духовенству. Наконец,

епархиальный миссионер поставлен совершенно в стороне от отчетности миссионеров окружных, что едва ли будет полезно его делу.

Но за всем тем, инструкция есть громадный шаг вперед сравнительно с прежним положением вещей в епархии Тамбовской. Верим, что выясняющееся новое трудное положение миссионерства побудит сочувствующую делу миссии власть идти еще вперед по принятому направлению.

13 марта сего года исполнится двадцати пятилетие служебного подвига на миссионерском поприще проживающего здесь Саратовского епархиального миссионера, священника Павла Димитриевича Шалкинского.

Почтенный юбиляр происходит из крестьян Саратовской губернии, – крещен в православной Церкви, но в детстве, вместе с отцом, уклонился в раскол беспоповщины. С детства, отличаясь природным умом и любовью к чтению святоотеческих и богослужебных книг, он еще в юношеские годы занимал видное положение в беспоповщине, в особенности после посещения с. Самодуровки, где он проживал, преосвященного Иоанникия саратовского, которому юный защитник раскола в церковной ограде предложил несколько устных вопросов и вручил тетрадь, излагающую причины, служащие препятствием к воссоединению старообрядцев с Св. Церковью.

С этого времени П.Д. выступил уже, как признанный защитник беспоповщины, в собеседования с «внешними», т.е. не беспоповцами, и предназначался в кандидаты «наставника». Но, вступая в собеседования и наталкиваясь на разные жгучие вопросы по церковной догматике, он стал колебаться в правоте раскола и усерднее изучать творения св. отцов и каноны св. Церкви.

Сомнение, как червь, точило его сердце, не давало душевного покоя. И вскоре он вполне убедился, что спасение только в православной Церкви. Но порвать сразу с расколом, где он пользовался таким почетом, было трудно: нужна была помощь свыше, чтобы переломить себя – и она явилась в виде сильной болезни. Надежды на выздоровление не было, – и больной просит Бога исцелить его, обещаясь по выздоровлении посвятить свою жизнь на служение святой Церкви. Бог услышал молитву.

По выздоровлении П.Д., еще не присоединяясь, начал объезжать все села и деревни, в которых совратил в раскол не одну сотню православных, и убеждал их возвратиться в православную Церковь. Кроме устной проповеди, он вел с раскольниками и переписку. Одно из таких писем – посланий попало в руки священника с. Шалкина П. Георгиевского, который и напечатал это послание в местных «Епарх. Вед.». Преосвященный саратовский Тихон, прочитав письмо, пожелал познакомиться с автором и пригласил к себе в Саратов. 8 марта 1881 года преосвященный Тихон лично присоединил П.Д. к православной Церкви, в

саратовском кафедральном соборе и в этот же день новоприсоединенный провел беседу в Саратове с известным защитником австрийщины И.П. Масловым, а 18 того же марта утвержден миссионером на три уезда. И с тех пор, в продолжение 25 лет, о. Павел, с истинным апостольским самоотвержением трудится на пользу св. Церкви, не желая променять эту должность на более спокойную и обеспеченную жизнь приходского священника.

С какою ревностью отдался он своему св. служению, видно из его отчетов и известно всем, близко знакомым с о. юбиляром: он проводил, в год иногда более 200 публичных бесед, продолжавшихся по 5, 8, 10, а иногда и 12 часов без перерыва. Кроме того, он находил время писать статьи и заметки по расколо-обличению в журналах: «Истина», «Братское Слово», «Миссионерское Обозрение», «Православный Путеводитель» и др. Особенно много его статей напечатано в местных «Епархиальных Ведомостях»; сотрудничал он и в ежедневных газетах столичных и провинциальных. И труды его не оставались тщетными. Непосредственно им самим присоединено к св. Церкви более тысячи человек, не говоря уже о присоединениях, совершенных благодаря его проповеди, приходскими священниками.

От души пожелаем ревностному проповеднику св. истины, труженику миссии, еще многие годы во здравии с прежней энергией и пользой потрудиться на тернистом пути миссионерского служения.

**Вестник «Миссионерского Обозрения» // «Миссионерское
Обозрение», 1906, № 1, стр. 411–415**

Беглый поп в Забайкалье

В ноябре минувшего года забайкальская беглопоповская община, от разных сел и деревень снарядила депутацию человек в 7 или 8, в Москву – по разным делам, кого на предстоявший в декабре месяце старообрядческий собор, кого раздобыть древний антиминос (в некоторых селениях после Указа 17 апреля 1905 года беглопоповцы построили форменные церкви): а кого специально за попом.

Община, конечно, не поскупилась собрать на проезд своей депутации пенязей довольно. Все благодумствовали и радовались, благодарили Всевышнего, что наконец Господь сподобил их дожидаться того светлого и всерадостного, давно желанного времени, о котором пророчествовали старики, – что «настанет время, когда процветет Христова вера яко крин сельный».

Беглопоповцы с нетерпением ждали возвращения своей депутации, которая, думалось им, навезет для общины всякой благодати. Депутация в первых числах января сего года, возвратилась обратно, но ничего свежего не привезла: собор не состоялся, антиминосов не раздобылись, привезли только попу, да разной шелковой материи, которою теперь депутаты потихоньку и торгуют. Попа привезли совсем какого-то из новеньких, называется он Сергием И-ским.

Депутаты рассказывают:

«Только что, Бог дал, нашли священника, присоединили его, хотели было отправляться в путь, вдруг забастовка, железнодорожное движение прекратилось, пришлось в Москве просидеть лишних две недели. А сколько пришлось в это время принять голоду и холоду, и всякой страсти натерпеться? Не один раз случалось по несколько часов сидеть в отхожих местах. Но за то и привезли уже слишком авторитетного батюшку, с большими правами: он никого не боится, все может совершить, что угодно, не опасаясь никакого преследования, потому что ему права даны от самого Государя и ему не смеет никто указать».

И, действительно, старообрядцы нисколько не преувеличивают, что их поп никого не боится, что хочет, то и делает. Вот факт. В Бичурское волостное правление поступило от крестьянского начальника распоряжение, чтобы вновь избранных волостных судей и помощников волостного старшины привести к присяге. Волостной старшина, родной брат беглопоповского уставщика, который в качестве старшего депутата ездил в Москву и привез попу, 5 февраля текущего года роздал повестки волостным судьям и помощникам старшины, чтобы на следующий день они непременно явились в беглопоповскую часовню для приведения их к присяге; и все они явились в часовню, где приняли присягу и подписали присяжный лист; подписал его в настоящей форме и сам беглый поп. Все

это проделывается на основании указа 17 апреля 1905 г., хотя вообще раскольнические начетчики и говорят относительно свободы вероисповедания с указом 17 апр., что это самая тонкая сеть антихристова, в которую хотят оставшуюся горсть христианства, т.е. их, старообрядцев, уловить и погубить...

Свящ. А. Павлов

Ответное открытое письмо баптистскому наставнику Дею Ивановичу Мазаеву

Многоуважаемый Дей Иванович!

Слово Божие говорит нам, что Господь Иисус Христос есть дверь во двор овчий, т.е. церковь. Каким образом должно входить этой дверью? – путем исполнения Его заповедей.

Предположим, что кто-либо без вашего ведома будет внушать детям вашим учение, которое вы считаете вредным. Вы зовете этого человека на объяснение, а он заявляет вам: «с вами я беседовать не желаю». Вы будете совершенно правы, когда скажете, что человек этот входит не дверью, а «перелезает инде» (Ин.10:1), что он далек от заветов Христовой любви и правды, что в нем отсутствует прямота, приличная христианину.

Господь сказал: «будьте мудры, как змии, и просты, как голуби» (Мф.10:16). При наличии первого качества необходимо иметь и второе.

Для того, чтобы понять это, – уверяю вас – нет никакой нужды считать меня дверью церкви, или читальни.

Затрудняюсь допустить, что вам неизвестно было, что преобладающее население г. Новочеркаска – православное. Как мне известно, баптисты во время своего приезда сюда, не только читали, но и объясняли Писание.

По-своему, или как написано? что делают православные миссионеры – спорят или проповедуют – на беседах? насколько близко сердцу баптистов учение св. Афанасия Великого и Иоанна Златоуста? – эти вопросы лучше всего выяснились бы на публичной беседе с вами.

Вы глубоко правы в том, что «приемы» православных миссионеров и баптистских наставников различны: мне ни разу не приходилось замечать, чтобы «в планы» православных миссионеров «входило» – избегать публичных бесед с распространителями баптизма.

Чтению слова Божия я всегда радуюсь. Баптистской пропагандой «исподтишка», как и всяким поступком, в котором недостает нравственной корректности, я, действительно, бываю огорчен.

Святой Апостол Петр пишет: «будьте всегда готовы всякому, требующему у вас отчета в вашем уповании, дать ответ с кротостью и благоговением» (1Пет.3:15).

Я просил вас и собратьев ваших прибыть на 1, 2 и 3 марта в Новочеркасск на публичные беседы. Вопреки повелению Апостола вы не явились.

Надеюсь, и вы простите мне, если я на вашу откровенность отвечу откровенностью: ваше отсутствие было понято мною и другими, собиравшимися на предполагаемые беседы, – в том смысле, что вы не так чувствуете себя сильными «за истину», как «против истины», что вы

отсутствовали потому, что предчувствовали обличение, или обнаружение несогласия вашего упования со словом Божиим.

Огорчен вашими поступками вдвойне и сожалею о вас.

Желающий вам всего доброго от Господа.

Миссионер *Д. Грацианский*

О единении духовенства на почве народного образования. По поводу не прекращающегося спора между представителями церковно-приходской и земской школ, свящ. А. Ромоданов в «Таврич. Епарх. Вед.» справедливо замечает:

«Земству и духовенству нужно дружно сплотиться и соединиться, и не укорять друг друга, а верить, что как ни одиноко пока стоят их школы, как ни страшно медленно, но дело народного образования подвигается уже вперед; сеются уже семена будущей лучшей жизни для России, и главными сеятелями этих лучших основ должны быть школы и их учителя. Пускай же поймут это и наши реформаторы и убедятся, что не забастовками, насилиями и беззакониями можно возродить страну к лучшему, а пусть сначала оглянутся на ниву народную, поддержат дух народных тружеников – русских учителей, поддержат в них сознание важности в необходимости того дела, которому они служат, дав им прежде всего полные материальные средства; тогда труды их двинут родину по пути к достижению давно желанного счастья и добра, которые заключаются в правильном усвоении идеалов, и заветов Евангельской жизни с одной стороны, а с другой – в проведении в жизнь истинно русских национальных желаний и стремлений.

Оригинальный проект. На первом полоцком епарх. съезде свящ. А. Гегель выступил с докладом по вопросу об отношении православия к инославии и сектантству и в числе мер для ослабления иноверной пропаганды среди православных предложил две меры, выхваченные очевидно автором из средневековых католических летописей и в качестве анахронизма удерживающихся по недоразумению в современном католическом мире. Эти меры: преобразование духовно-учебных заведений в совершенно закрытые заведения с монастырскими порядками и установление на будущем поместном Русском Соборе обязательного безбрачия духовенства, которое, по мысли о. Гегеля, «в общем может возвысить пастырей в глазах народа (!) и будет способствовать усилению в них пастырской ревности (!)

Отмечаем это мнение, как совершенно исключительное среди русского духовенства.

Меткий ответ миссионера на речь старообрядца об исключительной спасительности старообрядчества. На беседе Полоцкого епарх. миссионера с старообрядцами в г. Режице один молодой старообрядец произнес длинную речь о том, что Государь Император в манифесте 17 апр. 1905 г. признал беспоповскую веру законной и

правильной и что старообрядцы – единственная опора Царя и Отечества. В ответ на эту речь миссионер ответил, что законность и спасительность веры познается не по манифестам, а по писанию (кн. о вере, л. 216), и что свою преданность отечеству старообрядцы скорее доказали бы вступлением в единение веры с Царем и большинством русского народа, и что, наконец, в самом манифесте высказано пожелание, чтобы старообрядцы пришли к этому единению с православной церковью.

Чудесное исцеление. Свящ. Успенский в «Черниговских Епарх. Вед.» (№ 3), сообщает об исцелении жителя г. Ново-Архангельска А. Соколова по молитвам пр. Серафима Саровского. Соколов настолько страдал от ран и сведения жил в ногах, что не мог почти ходить. Омывшись в источнике преподобного, больной стал совершенно здоровым. Это было в пасху 1905 г.

Новая секта в Англии. В Англии, в Иоркшире появилась новая секта под названием «Христова Церковь» или «Заря тысячелетия». Последователи ее считают, что человек смертен и что он будет одарен бессмертной душой только после воскресения мертвых, которое имеет быть в 1905 году.

Тогда на земле появится Христос и встанет во главе Своей Церкви, которая будет состоять из тех, кто был верен новому завету. С этого года начнется новый период, в продолжение которого Христос и Его Церковь будут судить и все, кто не присоединился к новой Церкви, будут иметь возможность сделать это и достигнуть совершенной жизни.

Этот период будет продолжаться тысячу лет.

Чтоб направлять людей по пути благочестия, появятся вожди и дьявол будет преследоваться, чтоб люди были избавлены от искушения. Если к концу тысячного года они достигнут своего первобытного состояния – состояния безгрешного Адама – им будет дарована вечная жизнь. Но к церкви будут причтены только те, которые присоединились к ней до зари тысячелетия.

Членами этой церкви будут мудрые девы новой эры, и они первые встанут в день воскресения, за ними последуют те, которые снискали спасение и получили вечную жизнь, тогда как все остальные пойдут во вторую смерть – вечную смерть.

Между последователями новой секты есть три местных методистских священника. Они говорят, что «смерть есть плата за грехи» и уверены, что Христос придет снова и веяний будет иметь возможность спастись. (Daily Chronicle).

Тернистый путь современного пастыря церкви. – Об оживлении прихода.

Революционное движение как всем известно, проникло и в нашу деревню, не знавшую до последнего времени никакой политики, кроме разве мифологических рассказов о том, что «агличанка» собирается воевать с Россией... Тяжелые, порой невыносимые страдания приходится испытывать нашему сельскому батюшке при виде того, как быстро и охотно деревенские массы поддаются влиянию социал-революционеров, их пропаганде и революционной литературе, – и это тем более, что революционная пропаганда, в виду несомненно еще большого влияния духовенства на простой верующий народ, старается всячески, прежде всего, подорвать в глазах последнего авторитет священника, высвободить паству из-под влияния «батюшки». Вот как один «пастырь» рисует в «Церковно-Обществ. Жизни» положение сельского священника в настоящее время:

«Трудно, – говорит автор, – приходится духовенству в настоящее переходное время, – время всевозможных брожений. Теперь язык развязался у всех и против всех и особенно против духовенства. Дело доходить до насилий, и это: – в местах самых тихих и спокойных, где раньше не было ни шума, ни крика, где раньше священническое слово было законом. В селе Абашеве, Чебокс. у., чуваша выгнали священника из церкви, и он некоторое время скрывался в чужом селе.

В с. Анат-Киндярях. Козм. у., чувашская толпа подступила к духовенству и, под угрозой насилия, потребовала водки, а у дьякона, отказавшегося от выдачи, была выломана дверь. Потом – на приходском сходе там же лесник Никифор Ермолаев давал читать литографированную прокламацию против духовенства. Шум и крик в церкви был страшный. Говорили ужасные вещи... В селе Убееве, Ядр. у., на приходском сходе отказывались нанять сторожа, говоря, что «один поп пусть служит, а другой звонит» (по очереди) и т.п. В селе Чемееве, Ядр. у., священник едва уцелел от погрома. Нечего и говорить про то, сколько оскорблений приходится терпеть духовенству. От любого деревенского кулака теперь можно услышать самые оскорбительные насмешки.

Да мало ли чего увидишь и услышишь в деревне! И испытывать приходится всем: и хорошим, и плохим священникам. Просто хоть беги, куда глаза глядят.

Что же делать? Как упорядочить в селах церковную жизнь? Какие предпринять меры?

Конечно, – не без вины и само духовенство... Но не во всем оно виновато...

Как же в самом деле выйти из такого положения? Автор заметки рекомендует «принять самые решительные меры к закреплению нравственных связей пастыря с пасомыми, тех связей, который до сих пор поддерживались большей частью только внешними средствами». В числе таких мер «Пастырь» указывает на общепархиальные съезды духовенства и мирян, на которых можно было бы «обсуждать положение дел приходских сообществ – пастырями и пасомыми». Думается, однако, что для удовлетворительного разрешения вопроса этого недостаточно. Нужно обратить теперь внимание на созидание прихода, христианской братской общины. Никакие съезды не помогут, если священник, по настойчиво предъявляемым требованиям времени, не отдастся всецело и самоотверженно делу возрождения прихода. Пастырь должен выйти из своих узких рамок исполнителя треб, сделаться «душой» народа, нести в него свет и теплоту правды Христовой. Конечно, и здесь много терний. Но эти тернии – неизбежны и заглушить светлого сознания честно исполненного пастырского долга в доброй душе самоотверженного священника они не могут.

Приходское православное духовенство, повторяем, должно приложить теперь все свои усилия к оживлению прихода для того, чтобы сохранить и поддержать не только свой авторитет, но и авторитет всей Церкви. В чем заключается основная идея этого «приходского возрождения», от которого ожидает столько благотворных для жизни церкви результатов церковное общество? Прекрасный ответ на это дает свящ. С. Четвериков в «Душеполезном Чтении» (в статье «Неотложная забота Церкви»).

«Мы привыкли думать, – говорит автор, – что пастырская ревность должна особенно проявляться *в проповеди* (кроме, конечно, богослужения и требоисправления). Хорошая проповедь, несомненно, вещь хорошая и необходимая. Но проповедь сама по себе, взятая отдельно, мало имеет значения: приглашать к добродетели, разъяснять христианские истины, обличать заблуждения и пороки, – все это хорошо, но у слушателя иногда может явиться невольное досадное чувство: «все проповедь да проповедь – надо бы дела»! Душа просит работы, положительной, хорошей, дружной работы, а не одного только наставления, или обличения. У нас и молодежь, и интеллигенция томятся бездельем, да и всякий другой человек с радостью готов послужить действительно доброму делу. Вот и надо, чтобы у прихода было это общее доброе дело, к которому могли бы приложить свои руки все, и богатые, и бедные, и знатные, и простые, и мужчины, и женщины, и даже дети».

Но каким образом, спрашивается, возможно создать приходское общее дело? Прежде всего не предоставлением приходам новых

юридических и др. прав. Это предоставление прав создаст только мишуру, шумиху приходского дела, его грубую подделку, а не настоящее приходское дело. Зло не в отсутствии прав, а в *отсутствии ясного сознания идеи, цели, значения приходского союза.*

Не права создают идею учреждения, а наоборот, выработавшаяся идея облекается в известные права.

Вспомним, напр., как возникли старинные западнорусские братства, имевшие такое громадное и благотворное значение в отстаивании и сохранении православия в Западной России от притязаний и насилий со стороны католичества.

Они возникли из религиозной идеи приходских собраний в большие праздники, а потом уже сама жизнь указывала дальнейшее развитие и расширение программы их практической деятельности. И теперь жизнь требует приходского единения, без него угасает церковное, христианское мирозерцание, без него одолевают нас всякие ложные идеи и понятия, которыми хотят в корне перевернуть и изуродовать вашу жизнь. Это общее дело всех – и мирян, и духовенства, которые и должны все объединиться дружно, бескорыстно, с полным взаимным доверием и искренностью. И это единение не требует, повторяем, для своего осуществления никаких новых внешних форм приходской жизни. Как все истинно плодотворное, истинно глубокое, оно должно осуществляться не в один краткий момент времени, путем правительственного распоряжения, а *должно вырасти органически, медленно, но прочно, путем постоянной, настойчивой работы со стороны духовенства и мирян, работы, сопровождаемой молитвою, самоотвержением, скорбью, даже слезами...*

Чтобы началось формирование живого приходского тела, необходимо, чтобы в приходе появились несколько человек, хотя бы два или три, которые бы, будучи в полном единодушии с настоятелем приходской церкви, вместе с ним понимали всю важность объединения прихода и искренно захотели послужить этому делу. Лучше всего, если бы эти люди составляли приходское попечительство, или по крайней мере часть его, включая сюда и председателя попечительства.

Из церковно-приходского попечительства, одушевляемого приходским священником, может и должна исходить инициатива самой широкой приходской внутренней самодеятельности, взаимопопечительства и приходского единения. Помощь бедным членам прихода, подыскивание им работы, уход за беспомощными больными, устройство яслей, устройство приходской библиотеки, устройство любительского хора певчих при церкви, приходские собрания, поминовения умерших безродных членов прихода, организация приходских праздников и проч., и проч., – все это может быть устроено церковно-приходским попечительством, все

это входит в его прямые задачи и всем этим достигается оживление и объединение приходов.

Серьезное недоразумение о нашем миссионерстве // **«Миссионерское Обозрение», 1906, № 1, стр. 419–426**

(По поводу ст. в № 9 «Церк.Вед.», «О миссии и ее постановке»)

В № 9 «Церковных Ведомостей» за текущий год помещена довольно любопытная статья г. Я.В. «о миссии и ее постановке». Любопытна, оговоримся, с той стороны, что она нашла себе место в официальном синодальном органе. Появись эта статья на столбцах какого-нибудь другого издания, мы бы приняли ее только к сведению. Теперь же мы нравственно вынуждены откликнуться на нее более подробно.

Дело, извольте видеть, в том, что на страницах органа св. Синода извещается, якобы деятели нашей специальной противо-расколосектантской миссии до сих пор только «били воздух» и обременяли лишь бюджет ведомства. Не сказано этого в статье буквально, но весь ее смысл говорит ни более, ни менее, как это. Вот что в ней пишется:

«Определением св. Синода от 25 мая 1888 г. за № 1116, утверждены правила об устройстве миссии и способе действий миссионеров и пастырей по отношению к старообрядцам и сектантам... Чтобы представить себе всю силу миссионерской рати, нельзя забывать, что в нее вошли многие богато наделенные высшим богословским ведением и даром красноречия питомцы духовных академий и весь цвет приходского духовенства. Исполнилась во всей полноте заповедь апостола языков: проповедай слово... обличай, запрещай, убеждай со всяким долготерпением и назиданием... Миссионеры обошли море и сушу. Их слова раздавались и в убогих деревенских храмах, школах и избушках, и в блестящих залах столиц и губернских городов, и на пароходах, и под открытым небом. Но поколеблены ли лжеучения старообрядцев и сектантов, много ли последних возвратилось в лоно церкви? Бегут старообрядцы общения с церковью... И ныне, как и 10, и 40 лет назад, старообрядчество и сектантство представляет собою все ту же одинаковую и в количественном, и в качественном отношении силу"...

Из этих слов «Церк. Вед.», следует, думаем, с неумолимой логической необходимостью, что наше специально миссионерский институт давно пора бы прикрыть: работает себе в убыток. В самом деле. Почти 20 лет прошло со времени синодального утверждения «правил об устройстве миссии и способе действий миссионеров». В состав «миссионерской рати» входили богато одаренные высшим богословским ведением и даром красноречия питомцы духовных академий... Они исполняли во всей полноте апостольскую заповедь о проповедании слова... обошли «море и сушу», устроили несколько всероссийских и окружных миссионерских съездов пооткрывали множество миссионерских комитетов, провели тысячи публичных бесед с вожаками расколо-

сектантских упований, создали целую полемико-апологетическую миссионерскую литературу и т.п., словом «из кожи лезли вон, а возу все нет ходу»: расколо-сектантство и *количественно*, и *качественно* все тоже *одинаковая* сила и ныне, «что и 20, и 40 лет назад». Не ясно ли, что на миссионерском институте нет руки Божией и «это предприятие должно разрушиться»... О действительном положении дела: что миссионеры трудились не «бия воздух», пока помолчим. Скажем лишь несколько слов. Если расколо-сектантство теперь *количественно* то же, что было и 40 лет назад, так это слава Богу: так как считая в год обычные 3% рождаемости и 1% смертности населения, расколо-сектантство за 40 лет *количественно* должно бы, пожалуй, удвоиться, а не оставаться тем же самым. Трудно, затем, согласиться, чтобы отступничество *качественно* было теперь то же, что и 40 лет назад: его нетерпимость и фанатизм по отношению к Церкви значительно смягчены: обращения в лоно церкви были во множестве, единоверие ежегодно пополнялось па счет раскола новыми чадами: в православных – гражданских и даже церковно-приходских школах не редкость теперь встретить и детей старообрядческих и сектантских и т.п. Ужели тут наша специальная миссия не при чем?...

Приведены в статье г. Я.В. и причины безуспешности нашей миссии. Причины те же самые, которые на все лады повторяются уж десятки лет и в отчетах обер-прокурора св. Синода, и в миссионерской литературе, и в миссионерских отчетах. Это – религиозное невежество народа, которому недоступны «разум православного учения, святость таинств и красота богослужения православной церкви». У нас нет простого научающего слова пастыря. Приходская жизнь у нас в упадке. Словом, у нас дома неблагополучно. Между тем в расколо-сектантстве есть «стороны привлекательные, говорящие уму и сердцу верующего. Там существует самоуправляющаяся, с выборным духовенством, с широко развитою и прекрасно организованною благотворительно-просветительною деятельностью, приходская община». Религиозное научение там не оставляет желать ничего лучшего. Уста отступнических наставников «медоточивы». «Слова их согреты огнем и ревностью». В виду этого «настоящее положение православной паствы среди борющихся ее старообрядчества и сект может быть сравнено с домом, построенным на песке... Пастыри же и миссионеры, исходящие со дворов Господних на распутья и дебри старообрядчества и сектантства, подобны врачам, которые, не замечая болезни всего организма, срезают на нем нарывы: ведь на место срезанного появится другой, ибо надо лечить болезнь организма».

По смыслу приведенного панегирика «Церк. Вед.» по адресу отступничества в сравнении его с «больным организмом» православной церкви, раскольники и сектанты будут, думается, правы, если скажут нам: не плачьте о нас, а плачьте о себе и о чадах ваших, и, приходя к нам, не

учите, а учитесь... И можем ручаться чем угодно, а в отступническом мире слова синодального органа так именно и будут поняты и пронесены в «концы земли»: Синод признал-де нас за настоящих христиан, а православную церковь объявил «больным организмом». Нам известно, с каким усердием и коварством пользуются расколо-сектантские наставники, на миссионерских беседах, словами даже какой-нибудь пустой газетки, которая хоть малость похвалит отступников или укорит православных; а тут вдруг на страницах «Церк. Вед.» православная паства объявлена «больным организмом» «домом, построенным на песке», а ее пастыри и миссионеры врачами, которым прежде самим нужно исцелиться! Нет спора, Церковь Христова не боится правды и никогда не стеснялась обнаруживать недуги своей паствы, но г. Я.В., противопоставляя худшее в церкви лучшему в отступничестве, не щадит совести немощных братьев своих, следуя тем, которые, не ведая подлинной правды о жизни расколо-сектантских общин, верят «всякому слуху» о «славных бубнах за горами». Думается поэтому, что с «оживлением» «Церков. Ведомостей», в них заметно начинает умирать такт.

Коснувшись самых способов миссионерского воздействия на отступников, г. Я.В., между прочим, пишет:

«Опыт свидетельствует, что публичных беседы в большинстве случаев ведут не столько к уяснению и спокойному познанию пререкаемой истины, сколько к нвншнему и тщеславному торжеству одержавшей верх в слопопрении стороны, а потому *всегда* вызывают раздражение, а иногда и разжигают страсти... Наша миссия, не познавшим своего стада по именам и не ходившая пред ним, спокойно бросает его и устремляется на за заблудшими. Да возвратится же миссия во дворы Господни, а за ограду их выходит лишь тогда, когда или нужно отогнать хищных волков, или обрести овцу заблудшую из стада. Миссия должна сделаться по преимуществу приходской... Миссионерские беседы желательно вести частным образом, в частных домах и семьях».

Тут сплошное недоразумение. В церкви должны быть и есть «пастыри и учителя» (1Кор.12:28; Еф.4:11). То, что в статье г. Я.В. разумеется под познанием своего стада, по именам, хождением пред ним и частно-миссионерской проповедью и т.п., все это, как автор и сам далее говорит об этом дело приходского пастыря. Специальная миссия и публичные беседы имеют свои особые основания и задачи.

«Опыт» г. Я.В. в счет публичных бесед едва ли подтвердят гг. и оо. миссионеры; а они хорошо знают этот «опыт». Он не верен фактически. Да не будет почтено нескромностью. Предо мной, сейчас на столе письма от бывших раскольнических начетчиков (в Орском и Оренб. уу., ныне миссионеров православной церкви), которые оставили свое заблуждение именно после и по причине публичных с ними наших бесед; и вообще Бог

благословлял успехом нашу миссионерскую проповедь, и отступники обращались в лоно церкви, именно после публичного собеседования с их вожаками. Частною беседою и убеждением от беседы публичной «во двory Господни» «хищного волка» не «отогнать». Кому известна народная психология и в частности, психология расколо-сектантской массы, тот прекрасно поймет это. На частной беседе рядовой старообрядец или сектант скажет вам, и по праву: я человек темный, вот побеседуйте-ка с нашим наставником, а мы послушаем... Что же, ужели вы скажете ему: нет благодарю покорно, – «опыт свидетельствует, что публичные беседы не ведут к уяснению и познанию истины, они вызывают раздражение и разжигают страсти"... Мне не до этого, мне нужно возвратиться «во двory Господни»?... Да ведь вы этим прямо погубите дело: а... дай Бог ноги «во двory Господни», бежать от нашего-то миссионера, дело-то, стало быть, неважно обстоит у тебя, боишься... Ведь вот как заключить отступник из такой «частной» беседы и, несомненно, еще более укрепитя в своем заблуждении. А «волки хищные», опираясь на народную психологию, в данном случае именно и будут домогаться публичных бесед и, вне всякого сомнения, будут устраивать их, хоть бы без православных совопросников, и в похулениях на св. церковь и ее служителей, будьте уверены, прекрасно воспользуются словами писаны: «бегают нечестивый, ни единому же гонящу"...

Печальные случаи после публичных бесед в с. Павловках (Харьков. губ.) и в г. Ставрополе, на которые указывает г. Я.В., зависело ли тут дело от руководителей бесед, или от их слушателей, как исключительные, в расчет едва ли нужно брать. В ликаонском г. Листре, апп. Павла и Варнаву после их проповеди и исцеления безногого, жители приняли за богов (Зевеса и Ермия) и хотели принести им жертвы (Деян.14:6–18). Значило ли это, что во избежание таких случаев апостолы должны были прекратить свою публичную проповедь и чудотворение и «возвратиться во двory Господни», тем более, что и в их уже церкви были и нестроения, и разделения, и даже кровосмесники?

г. Я.В., зная таких апологетов раскола, как Коновалов, Перетрухин, Мельников, которые при беседах с православными миссионерами, часто дают своим единоверцам право восклицать: «победихом, препрехом», знает и то, что эти и под. миссионеры отступничества «создали целую апологетическую литературу», «обосновали» раскол и сектантство и «тем расширили пропасть, отделяющую православие от старообрядчества и сектантских заблуждений» и что борьба с ними сделалась для православной миссии весьма трудною. Что же в виду этого желательно ему? Усилить специальное миссионерство? Нет, – совсем обратное. «Скромная миссия приходского духовенства» и управление специально миссионерских публичных бесед! Мы бы спросили его после этого об одном, – как поступить приходскому духовенству, даже в Петербурге, если

сюда приедет какой-нибудь Коновалов или Мельников, «побеждающие и препирающие» даже специалистов миссионеров, и объявят публичную беседу. Принимать ее приходским пастырям или отклонять. В том и другом случае будет одно «посрамление»: пойти им на эту беседу значит наперед обречь себя на «безответность» в своем уповании пред вопросами раскольничьего миссионера, не пойти, значит подать повод последнему издеваться над православием и его «бегающими» от ответа пастырями...

Отмечая хорошие стороны в отступничестве, г. Я.В. напрасно не усмотрел, между прочим, и ту, что в нем с каждым годом усиливается специальная миссия, с каждым годом там появляются все новые и новые миссионерские силы, новые миссионеры; там давно уже создано, что пастырство, при многосложности своих обязанностей, никогда не может заменить миссионеров специалистов в деле защиты или проповеди вне «дворов Господних» своего упования. Упомянутые г-ном Я.В. – Коновалов, Перетрухин и Мельников – в своих обществах только миссионеры; и мы, быть может, вовсе не знали бы об их существовании, как сильных защитников раскола, будь они раскольничьими требоисправителями, да и для своих единоверцев они, надо думать, не имели бы никакого авторитета, как не имели бы и успеха в своей пропаганде, избегай они публичных собеседований с православными миссионерами. К прискорбию, должны сознаться, что отступники лучше нас знают душу народа... Да и по классической мудрости: *e contrariis veritas cognoscitur*. А у нас, видите ли, полагают, что публичные беседы бесполезны и даже вредны, так как они не ведут к уяснению и познанию пререкаемой истины, а всегда вызывают только раздражение... Приходилось, кстати заметим, слышать и такие суждения наших слащавых богословов на счет публичных бесед, что они-де носят характер спора и вражды, а мы должны приходиться к заблудшим со словом мира и любви. Не будем распространяться о том, что публичные полемические собеседования с еретиками и раскольниками освящены примерами древнейшей истории церкви Христовой, еще эпохи вселенских и поместных соборов. Обратим внимание на следующее. Собираете вы беседу с раскольниками или сектантами и держите речь: братцы, Христос нам заповедал мир и любовь, мы должны жить в мире и любить друг друга, не разъединяться нам нужно, а соединяться и т.п. А вам какой-нибудь Мельников или Перетрухин и скажет: заповедь Христову о мире и любви мы и без вас довольно знаем и не за тем, чтобы послушать о ней, ми пришли сюда, – вы нам ответьте, заповедано ли Словом Божиим и отеческим вести единение, мир и любовь с еретиками, проклятыми от святых отец. Доказывать это, если вы знакомы с тайным смыслом вопроса, вы не решитесь; а вам затем станут изъяснять, что в православной церкви сотня злейших ересей, от которых «христианам»

надобно бегать, как от заразы... Ужели вы и после этого все будете навязываться со своею любовью..., а не говорить дело?... Упоминаем об этом отрицании публичных бесед от «мира и любви», чтобы дополнить им доказательства «Церк. Ведомостей».

Памятуя о справедливости, не можем умолчать, наконец, что «Церк. Вед.» не упраздняют специальных миссионеров. Им ведомо, что сектантство и раскол «под влиянием миссионерских бесед (каких – частных или публичных, не писано) слабеют все же. Небезызвестно им и то, что борьба с отступниками теперь трудна, что приходской пастырь не располагает для этого ни «ясно сознанными задачами и целями», ни «определенными приемами и умением, и, главное, специальными для дела знаниями». А потому они не отрицают специальной миссии. Но только не для публичных бесед, а для другого. «Великое бы дело совершили ваши епархиальные академики-миссионеры, если бы взяли на себя труд странствующих учителей и советников в деде миссии приходскому духовенству». Вот пожелание «Церк. Ведомостей». Вполне понимаем, с каким недоумением будет встречено оо. и гг. миссионерами это пожелание обратить их во что-то в роде средневековых странствующих трубадуров и «советников» для «частных бесед»! Если бы г. Я.В. когда-либо практически имел дело с тем, о чем он пишет, или хоть бы был пастырем в приходе, зараженном отступничеством, он, вне всякого сомнения, понял бы, что одна публичная беседа опытного епархиального миссионера с отступническим начетчиком, проведенная в присутствии приходского пастыря, бывает для последнего в тысячи раз ценнее всяких миссионерских «советов странствующих учителей», если бы они преподавались этому пастырю в его столовой целые месяцы. Для людей, знакомых с делом, эта истина не требует доказательства, а для незнакомых с ним, такие доказательства были бы длинною повестью.

В общем статья г. Я.В. блещет красотою выражений, образов и всем прочим, что принято мыслить в термине «поэтические вольности». Пред этими ее достоинствами совершенно тушется ее маленький невольный грех – практическое незнакомство с делом миссии. Конец статьи, в смысле вдохновенного красноречия, не оставляет желать ничего... лучшего. Вот он. «Не забудем и того, в какое тревожное время мы живем. События, меняясь, точно картины в кинематографе, бегут одно за другим с головокружительной быстротой... На поверхность и церковной, и общественной жизни, как бы из кратера вулкана, выбрасываются все новые и новые запросы и потребности. История открывает страницы, которые мы еще не умеем читать». Последняя поэтическая фраза является реальной, кажется, правдой по адресу автора. Пусть простить нам, если ошибаемся. На самом деле. Теперь все истины, все дела нашей общественно-государственной жизни, которые раньше содержались под семью печатями департамента полиции и за прикосновение к которым

еще недавно грозили семью замками Петропавловской крепости, обсуждаются публично «на кровлях», и это входит ныне в нашу политическую догматику; а он вопросы религиозного разномыслия, ту сферу, которая прежде всего есть правда и свобода, хочет упрятать в кутузку «частных» бесед!... Да если мы станем уклоняться от публичных собеседований с раскольниками и сектантами, они с полным правом подумают, что мы раньше звали их на эти беседы только потому, что осмеливались беседовать из-за спины станового пристава. Нам придется таким образом расписываться под собственным позором. Ужели это кому-нибудь непонятно?!

Заключительные строки статьи г. Я.В. безусловно интересны, и мы с удовольствием берем их для заключения и своей заметки. «Не слышится твердой, смелой, уверенной, властной, живой, благонамеренной речи. Не раздаётся и проповеди. Взамен – дерзкая пропаганда агитаторов и масса всевозможных прокламаций... Масса народная живет не умом, она повинуется чувству и впечатлению. Она пойдет туда, куда ее поведут, и за тем, кто громче и смелее заговорит. И так, довольно молчания! Пастыри, настал ваш час. Родина ждет вашей службы и заранее благословляет ее. Отверзайте же ваши уста. Пусть слово ваше пламенеет, зажигает сердца и освещает светом правды, мира и любви великие милости царские и события наших дней. Но уста ваши молчат, еще не готово ваше слово. Вы ждете учителей и вдохновителей. Так пусть же идут впереди вас миссионеры (только, разумеется, не вспять «во дворы Господни»!... Нельзя больше медлить ни месяца, ни дня! Иначе жатва будет снята иными жателями».

Прекрасные слова! Только мы окончили бы их так; изучайте поэтому миссионерски защиту своего упования, зовите заблудших на публичные беседы, пред всеми откройте нашу правду и обличите их ложь; где чувствуете себя слабыми, пригласите миссионера, чтобы он опять-таки «пред лицом всех людей» дал ответ вопрошающим. Помните, что теперь более чем когда-либо прежде, настояла нужда открыто показать, что наш свет не боится отступнической тьмы, что наша св. Церковь сама по себе сильна; сильна своей святой истиной и «сею победит»!

Н. Гринякин

**Со скрижалей сердца // «Миссионерское Обозрение», 1906,
№ 1, стр. 427–432**

Pro domo sua

Промчались уже три месяца нового года, полного какой-то мучительной таинственности и гнетущего страха пред самым ближайшим будущим... Никто не уверен в том, «что лень грядущий нам готовит!...». И сколько за это время совершилось самых неожиданных и, конечно, больше печальных, ужасных, чем радостных событий и явлений во всех сферах современной жизни, не исключая и нашей, церковно-общественной... А мы, к нашей великой скорби, физически не могли доселе в новом году взяться за перо, чтобы, по обычаю прежних лет, откликаться в наших «Скрижалях» на жгучие запросы нашего тревожного реформаторского времени, – беседовать о «злобах дня» – по совести и по сердцу, с нашими «старыми друзьями», – постоянными читателями «Мисс. Обозрения»... Оставшийся от служебных занятий весь досуг поглощался у нас кипучей организационной работой в новом ежедневном органе нашей редакции – «Колоколе».

Из подписных бюллетеней конторы видно, что главный контингент подписчиков «Колокола» составляют постоянные читатели «Мисс. Обозрения», которые оказались опорой и основой новой газеты. Так мы и думали, на это только и надеялись, когда предпринималось столь рискованное по теперешним временам и громоздкое новое издательское дело.

Следовательно, и без наших объяснений, надеемся, большинству читателей, знакомых с «Колоколом», вполне ясно и понятно наше молчание на страницах «Мисс. Обозр.».

И мы для выяснения пережитых трудностей в этом новом редакционно-издательском нашем предприятии отметим лишь некоторые стороны дела.

Вопрос об издании церковной газеты носился в воздухе уж несколько лет. Энергично защищал эту мысль известный московский протоиерей и плодовитый писатель о. Дьяченко, и он несомненно осуществил бы эту идею и удовлетворил бы этой назревшей в церкви и обществе потребности, и нужде, если бы неожиданно смерть не прервала дорогую жизнь этого неутомимого труженика. Захватывала эта мысль и наших столичных, чутких к запросам духовной жизни пастырей и мирян писателей. Одно время, дело это считалась совсем близким осуществлению, организовался было для этой цели даже кружок во главе с одним известным духовным писателем из черного духовенства, выпущен был и пробный № церковной газеты, но дальше этого дело не пошло. А когда повеяло «весной», то издание церковной газеты считалось

делом совершенно решенным, так что в одной духовной академии, между прочим, ради этого дела два «прогрессивных» преподавателя оставили свои кафедры... Во главе предприятия называли и о. Г. Петрова, и Сытина, и Сойкина и др.

В живом и ясном сознании того, что русской великой церкви и православному духовенству – нельзя, а после 17 апреля прямо непростительно – оставаться без ежедневного органа, редакция наша еще осенью приняла решение издавать газету с нового 1906 г.

Но вот разбушевалась политическая буря, зашумели буйные волны дикой революции, прокатился опустошительный девятый вал в виде страшных забастовок. Наконец, дожили до 17 октября. Смута властвовала, начали быстро нарождаться партии, и сначала только одни радикальные, левые и крайние. Появилась ожесточенная борьба всеми средствами. Новые партийные газеты нарождались, как грибы после дождя, целыми «пачками», мода определилась только на одно красное, все не красное объявлено «черным», «черносотенным», мода действовала властно и повелительно: все, что не красно или только не полосато-розово, подвергалось «бойкоту», топталось в грязь. Почтово-телеграфная забастовка запугала провинцию так, что и старые-то, прочные, казалось, издания пошатнулись. После всего этого до новых ли тут, да еще «клерикальных» изданий?! Все предполагаемые издатели церковной газеты усомнились в успехе и остановились в осуществлении этой идеи.

Мучительный момент колебания и нерешительности пережит и нашей редакцией. Наши убеждения слишком определены для того, чтобы решиться плыть по бурному течению или входить в компромиссы, делать уступки партийным веяниям мятежного времени.

Вместе с тем мы ясно понимали, что церковная политическая газета, чтобы быть верной выразительницей голоса Церкви, – понимаемого в неразрывном единении пастырей и верующей паствы со вселенской истиною и канонической правдою не должна быть партийным, словом с модным органом.

Божью помощью, в надежде на сплоченную аудиторию читателей «М.О.», мы решили издавать *первую* и пока *единственную* церковно-политическую ежедневную газету и вести ее по тернистому в наше набатное время пути спокойного беспристрастного, беспартийного и искреннего обсуждения вопросов внутренней и церковной политики, по мере крайнего нашего разумения и сил.

Позже, когда политические стихии несколько успокоились, народились кроме «Колокола» и другие церковно-общественные органы в Казани и Харькове, но все они *еженедельные*.

Если трудно было начать церковную газету, то не менее трудно и вести ее без уступок духу времени, когда на рынке газетного торга ценно и

единственно модно только лишь то, что набатно-крикливо, что партийно-радикально... Этот набатный призыв, истерический пенистый прибой модного, так называемого, освободительного движения глубоко захватил и нашу среду писателей, ну и, конечно, известного сорта читателей из «передового духовенства»...

И ныне подобрать единомышленных идейных писателей кажется труднее, чем собрать аудитора читателей. В этом новая трудность нового и старого издательства, хотя это вполне понятно и совершенно естественно. Таков закон переходного времени.

Теперь трудно каждому установить единомыслие и единодушие в собственной своей семье, где часто родители не понимают детей и наоборот, что же удивительного в том, если теперь почти немыслимо составить едино-убежденный, «редакционный кабинет». Вы посмотрите, кто два-три года назад стоял в одних писательских рядах, искренно защищая единомышленные начала, ныне они политические враги прежнего своего лагеря, работающие уже в противоположном стане, апологетствуя совсем за другие убеждения, поклоняясь иным богам. Расхождение совершается также быстро и легкомысленно, как все ныне. А потому теперь одинаково трудно как новое издание основательно поставить на свои рельсы и пустить закономерным ходом, как и старое удержать на своем сторожевом посту, без измены своему прошлому, без колебания отвердевших основ, ибо все и везде ныне трещит, дрожит и рвется...

Да, отцы и братие, великий исторический перелом переживают и государство, и Церковь русская. Ломка и созидание, отрицательная критика и положительное творчество так тесно сплелись, так перепутались между собою, что нелегко разобраться, где кончается разрушение и когда начинается созидание, кто ваши друзья и, кто враги, – ошуюю или одесную наветники и льстецы, честные и преданные своему долгу патриоты и сыны... Все настолько замутилось, затуманилось, облегло густою тьмой, что нет сил, нет почвы даже самому мужественному и стойкому твердо стоять, мужественно держаться убеждений своего внутреннего голоса совести. И это понятно: потрясение, шатание и колебание внешних условий государственной и церковной жизни не может же не отражаться и на состоянии внутренней жизни духа каждого живущего в сей юдоли плача, – в условиях пространства и времени... Теперь строго нельзя никого ни винить, ни казнить. Переживаем эпидемический болезненный момент исторического процесса, попущенного волею Всевышня, видимо отнявшего свою промыслительную десницу от много-нагрешившей Руси, которая должна испустить свои вековые беззакония в крови и слезах многих...

А между тем надо работать всем, кто, как и чем может работать, – всем сердцем и всеми силами души и тела на пользу Церкви и отчизны,

ибо другого такого момента уже не будет в нашей истории... Иначе ведь можно оказаться пред судом истории в положении евангельских «юродивых дев», а говоря языком нынешнего дня, – в положении правых политических партий на петербургских выборах, запоздавших в своей предвыборной работе и оказавшихся побитыми, побежденными со стороны так называемых «кадет» – вне чертога будущей Думы.

В последнее десятилетие наша личная работа и служение Церкви и отечеству главным образом выражалось чрез основанный и руководимый нами печатный апологетический орган «Мисс. Обозрение», завоевавший себе за 10 лет издания прочное и определенное положение в духовной журналистике. И мы считаем непозволительным выпускать из своих рук это великое в наше время орудие борьбы чрез печатное слово правды с религиозною и политическою неправдою нашей смутной эпохи, с тьмой злокозненных ухищрений против истины: мы снова с этого № становимся у редакционного кормила нашего апологетического журнала, так, как и уклонялись мы только временно от редактирования, в виду сверхслужебных занятий в Особом Высочайше утвержденном совещании по делам веры, где наши работы ныне уже в конце.

С настоящей книжки «М.О.» для удобства читателей мы произвели некоторые изменения во внешнем распределении по отделам печатного материала.

Все статьи, входящие в месячную книжку журнала мы подразделяем на 6 отделов, из них *первый* отводим для статей по *общим* вопросам веры и церковной жизни, – сюда будут относиться статьи богословского, догматического, церковно-исторического, апологетического характера. Отдел *второй* посвящается статьям по основным и общим вопросам миссии, миссионерской методики и техники вообще, отд. *третий* – *сектоведению* и сектообличению, *четвертый* – *расколоведению* и полемике с старообрядчеством – *пятый* отдел посвящается *хронике*, куда войдут летопись печати и библиография, «миссионерство, секты и старообрядчество», миссионерский вестник (известия, заметки и корреспонденции). Независимо от сих отделов в каждой книжке журнала будут помещаться «Отклики», посвящаемые критическим очеркам выдающихся современных событий в жизни церковно-общественной и политической, в области науки и искусств.

Заключать каждую по возможности книжку будем нашими «Скрижалями».

Останавливаясь за сим на задачах, запросах и требованиях, налагаемых на духовную печать нашим временем, мы долгом считаем объяснить, что по нашему крайнему разумению первый долг современной апологетической печати сосредоточить свое внимание на борьбе с неверием и антихристианским, противо-церковным направлением общественной жизни и мысли. Дух этот, под видом социал-

демократических доктрин, видимо проникает и в народные массы, производя страшное опустошение веры в их сердцах. Для борьбы с этим грозным врагом церкви и государства весьма важно объединить все живые верующие во Христа-Искупителя силы, даже и те, которые будут находиться и в разъединенном от нас лагере догматического старообрядчества, и даже в стане суемудрствующему сектантства, где, несмотря на пагубные религиозные заблуждения ума, много живо и действительно верующих сердцем и живущих благочестивой, нравственной жизнью.

Особенно важно это объединение с старообрядческим миром, сохранившим у себя во всей строгости исконные начала и дух церковности и народности.

Пора перестать ссориться из-за буквы и обряда двум ближайшим, и кровно, и духовно родственным церковным великим русским течениям. Если не о примирении, которое, в виду еще болезненной чувствительности ран старообрядческого сердца, образовавшихся от исторических тисков векового прошлого, не может быстро по мановению совершаться, – то об устранении причин к дальнейшему раздору и ожесточению следует позаботиться с обеих сторон, хотя бы в виду общего врага, – безбожного антихристианства, одинаково грозящего материалистическим растлением и нигилистическим погублением и православного, и старообрядческого народа, свято верующего и блюдущего церковным традициям веры и жизни.

В этом отношении желательно, чтобы пионерами мира выступила миссия и с нашей, и старообрядческой стороны: ей необходимо переменить прежний задорно-бранчивый тон и направление на более христиански-мирный и взаимно уважительный, искренно доверчивый и любовный. Только благожелательная любовь способна сближать разъединенные сердца, расторгнутые коварством врага, полною рукою посеявавшего плевелы раздора, в течение стольких веков засорявшего святорусскую народную ниву столь тучными плевелами многочисленного раскола и сект.

Мы уверены, что когда миссия господствующей православной церкви направит свои любовные стремления и усилия к примирению с вселенской церковной истиной, свято хранимой в нашей церкви, враждующего старообрядческого мира, найдутся и в этом последнем духовные вожди, деятели мира и единения вроде, доблестных исследователей путей к миру и истине, почивших Никодима, Ксенофа, Павла и др. Долг духовной печати в этом направлении идти впереди и освещать путь, прокладывая след...

Таково наше, выношенное в сердце, выстраданное долгим опытом литературно-миссионерской деятельности убеждение, и мы его будем по мере сил осуществлять в наших изданиях, при содействии наших

сотрудников и читателей. И да поможет нам воскресый из мертвых
Господь Бог. Христос воскресе!

В. Скворцов

[Апрель]

По общим вопросам веры и церковной жизни

I.

«Духа не угашайте». (Сол.5:19).

Для «естественного», нравственно неразвитого человека самое сильное и явственное проявление сознания есть плотское выражение и влечение.

Психический прогресс, интеллектуальное развитие ведет к подчинению плотских вожделений, непосредственных желаний, душевному органу – рассудку. С интеллектуальным преобладанием связано сознание, увеличение душевных, сердечных волнений, заканчивающееся более или менее полным самосознанием.

С самосознанием, рефлексией, выявляется свобода воли. Как и всякая сила в природе, самосознание обладает тенденцией к росту, расширению. Самоуглубление же порождает духовное ведение.

Такие фазы психического процесса выведены, однако, из наблюдения над неограниченным количеством неделимых. Тут психика понимается, как единая сущность, разбивающаяся в действительности на обособленные единицы – личные сознания. Если же рассматривать сознание лишь по данным, доставляемым одной индивидуальной жизнью, то вышеприведенная психическая эволюция не получит достаточного количества своих признаков. Жизнь отдельного человека представляет материал, далеко не подтверждающий наших положений в их целом. Для проведения идеи психической эволюции, в ее наиболее широком объеме, лучше всего распространить наблюдение на весь род человеческий, на все его прошлое и настоящее состояние.

Теперь приступая к расчленению человечества по принципу повышения этической ценности в его представителях, мы образовываем следующие группы психически-сродных, составляющих человечество, единицы: первая – это люди плоти, чувственности, рабы греха; вторая – лица с достаточным умственным развитием, контролирующие свои непосредственные, инстинктивные движения, наделенные внутренней борьбой с искушениями и соблазнами; наконец, третья – «светочи духа», те, которым дана в удел и которые сами приобрели власть над своими страстями и похотями, завоевали душевный мир, ясность и спокойствие сознания, внутреннее обновление и перерождение.

В количественном взаимоотношении эти группы могут быть представлены в уменьшающемся последовательно порядке, являясь своего рода зданием с непомерно огромным нижним этажом (первая группа), с резко суженным вторым (вторая группа) и шпицеобразной башенкой на вершине (третья группа).

Следует заметить, что, несмотря на выделение членов по одному исключительному, характерному признаку, у выделенных другие элементы сознания не отсутствуют совершенно, не уничтожаются основным, а лишь организуются главным, становятся к господствующему в соответствующее положение.

Конечно, у подвижников, у достигших состояния полной святости, плотские страсти не выказывают над ними своей власти, но, напр., тело – седалище плоти в земной жизни не оставляет святых и, так называемые, физические потребности, не заключающие греха, удовлетворяются ими: напр., голод, жажда.

Так же и у подавленных чувственностью, безраздельно господствующей над послушными ей манекенами, бывают минуты, когда что-то, какой-то отзвук из другого мира, хоть и чуть-чуть приметный, является в сознании. Пробужденным от чувственного угара, близки в эти минуты отрезвления и раскаяния, эти страшные моменты для переживающего их.

II.

В современной психологии существует деление психических явлений на феномены познания, чувства и воли. Такое разделение вертикально пересекается вышеприведенным расчленением на плоть, душу, дух. Каждому из членов вышеприведенного расчленения свойственны признаки познания, чувства и воли, но только в резко отличном одного от другого качестве. При этом подобное различие у духа от души несомненно более, нежели у души от плоти. Душевному, не говоря уже о плотском, человеку непостижимо духовное ощущение непосильно дело духовной воли. От него скрыты тайны духовного понимания, бесконечно далеко общее чисто-духовное настроение. Сфера испытаний душевного человека – соответствующие внешнему миру, безмерность и хаотичность сердечных волнений; борение, междоусобица желаний и расчетливость поведения. Ум для такого есть единственный пособник в понимании правды, точно так же, как пресыщение и разочарования, жестокие удары окружающей среды, – для плотского сознания.

Многочисленны, доходящие до души, вести от развернувшегося возле нее мира, – различно ее волнующие, приковывающие к себе ее внимание. Обширен материал для жизни, но не находят тут человек удовлетворения.

Удовлетворение не тоже, что приятное удовольствие. Последнее поверхностно и преходяще, может быть сильным, но никогда не становится, так сказать, центральным, глубоко западающим в душевные родники, не ассимилируется нашей жизненной основой. Правда, удовольствие сохраняется в памяти, оставляет след в сознании, но мы не знаем такого удовольствия, которое бы вынесло все житейские скорби, устояло бы против всевозможных жизненных испытаний. Нет

удовольствия, отсекающего у души все ее интересы и стремления, сосредоточивающегося лишь на самом себе, – удовольствия, признанного размышлением равноценным и даже стоящим выше всего действительного и возможного психического содержания.

III.

При отчетливом самонаблюдении улавливаем чувственный оттенок не только в фактах внешних, конкретных ощущений, но и в самых тонких умственных движениях, в абстрактнейших представлениях. Рассуждение, столь свойственное находящемуся на ступени «душевной» жизни, является богатым источником всевозможных чувствований. Чем глубже, шире, детальнее размышление, тем больше, сильнее наполняется грудь мыслящего эмоциями, сердечными раздражениями. Обильный поток переживаний особенно порождается выработкой міросозерцания, метафизическим творчеством, философским углублением, завися от обширности и многогранности рассматриваемого в них предмета – природы, міра, сущего.

Обладающий способностью широкого рассуждения – философ – является, таким образом, этическим высшим продуктом природы, содержательнейшим и сложнейшим ее произведением.

Закон Божий, написанный, по слову ап. Павла, даже, в сердце язычников, благодаря высокой интеллигенции философа, с большей ясностью проявляется в сознании, принудительно говорит о следовании ему. Отсюда этическая высота философа. Рассудочность развивает скрытое в нем зерно совести в роскошный моральный плод.

Исключения в кругу представителей «науки наук» объясняются или интеллектуальной ограниченностью, или же преобладанием чувственных влечений над нравственной рефлексией личности, несмотря на сравнительно сильный интеллект. Нужно известное соответствие между умом и чувственностью, их энергиями для того, чтобы победил первый.

Мір идей дает личности новые объективы для воли и для чувства, изменяет ее отношение к данным ощущений, иначе освещает последние. Он отстраняет от человека грубый животный сенсуализм, плоское самодовольство. Не даром мы имеем все эти высоко-положительные отзывы о философии многих из отцов Церкви! Не даром Григорий Богослов советовал учиться христианам у греческих философов! Не даром Василий Великий, покидая Афины обливался слезами, сожалея о разлуке с очагом эллинского любомудрия! Стремление к истине, попытка отыскать ее хоть бы одним естественным разумом есть, если и не сама лестница, соединяющая небо с землей, то по крайней мере одна или несколько из ее ступеней.

Существует мнение, что интеллектуализм порождает пессимизм. Кажется, Гартман сделал целый ряд выписок из произведений различных мыслителей, для подтверждения этого мнения. Чем же, в таком случае,

объясняется констатируемый им факт? Истощением ли сил, через непомерную мозговую работу, малою ли инностью уединенной, кабинетной жизни, – или же неудовлетворенностью конечными результатами умственного исследования, тем, что последние не ответили, в достаточном размере, на интимнейшие душевные запросы?

Как бы ни были сильны доказательства чисто органических причин такого пессимизма, нельзя отрицать в нем участия и мотивов второго рода. Постоянная смена философем в истории, мятущаяся, судорожно хватающаяся за всякую новую теорию человеческая мысль – самое очевидное свидетельство того, что уныние мыслящих связано с убеждением в недостижимости рационализмом полной, абсолютной истины. Бедная мысль увлекается миражами!

Вспоминаем о Фаустовой трагедии. Но разочарование в интеллектуализме не имеет никакой необходимости, вопреки поведению гетевского героя, обращаться к чувственным наслаждениям. И разуверившись в энергии разума, не последуем совету «есть, пить и веселиться», ограничиваться лишь этими потребностями в своем существовании. Возможен иной, чуждый рациональному, путь для достижения истины. Есть выход из того тупого угла, куда приводит вас непомерные притязания интеллекта, слишком высокая оценка его сил; существует новый путь для достижения недостигнутых целей, путь мистического познания. О нем нам может сказать самое стремление к истине.

Что порождает стремление к истине? кто ставит перед личностью целью истину? Откуда получает личность, в порыве к адекватному знанию, отрадное предчувствие существования объективной, бесстрастной, общеобязательной Истины? Где таится счастье первого, не обвеянного испытаниями, стремления к теоретической правде?

Для ответа, обратимся к непосредственному опыту, к самонаблюдению. Увидим следующее: «я», сделавшее предположение о существовании истины, уяснившее себе идею истины во всей ее возвышенности, всей своей целостностью радостно отзывается на эту мысль, как-то сливается с ней, делает для себя очевидной ее достоверность, превращает предположение в убеждение. Все существо личности произвольно, как растение к солнечному свету и теплу, тянется к познанию и прочувствованию содержания Истины.

Таким образом, влечение к объективному знанию есть убеждающее, мистическое, бессознательное влечение, в противоположность поверхностным и преходящим внешним ощущениям, и чувствованиям, дробным и отделенным от самосознания, в противоположность пустоте и ясности обыденных пожеланий и appetitов.

То, что обозначал Давид выражением: «внутренняя моя», утверждает и вызывает основу философии.

Но там, где хранится голая, формальная постановка проблемы, об Истине, находится и ее разрешение. В самоуглублении мы имеем особый и ценный орган познания. Для успешного пользования внутренним, как и всяким, органом познания, необходимо соблюдение известных условий. Описывать здесь эти условия не входит в нашу задачу. Интересующихся отсылаем к специальной литературе о принципах мистического ведения. С своей стороны, мы ограничимся лишь указанием одного, существенного, подчеркнем необходимость особенных условий для получения «духовных созерцаний».

Обыденное – плотское и рассудочное – мышление так поспешно на выводы, так пристрастно к одному лишь знакомому, что, во имя последнего, готово отрицать все, от него более или менее отдаленное, ему недоступное.

Человеческое сознание можно сравнить с глубоким колодцем, достаточно заглушим, но в своих низинах скрывающие чистую и свежую воду. Жаждущему стоит только зачерпнуть поглубже из этого колодца, прорвать его сорные наслоения, и он получит кристально-чистый, холодный, освежающий напиток: на дне колодца струится оживотворяющий ключ.

Плесенью для человеческого сознания служат греховные ощущения и действия, пагубные помыслы и позы, человеческая суетность и рассеянность. Мы обтянуты этою плесенью, поросли дурными травами души, мучимся и страдаем от них. Между тем, для избавления от коренящегося в нас зла, имеется близкое и верное средство. Через углубление в самого себя, через строгий отчет в своих состояниях и действиях, через борьбу с грехом, через внимание к своим переживаниям, вообще, благодаря так наз. «умному деланию» человек постепенно доходит и до желанного освобождения – мистического познания, духовной жизни.

В храм духовного ведения сверхприродный и нерукотворный, широко и приветливо раскрыты двери всем алчущим и жаждущим правды. Такой храм и есть истинный храм Божий, обитель Духа Святаго.

IV.

Представления вызывают соответствующие им чувства. Из чувств образуется настроение. Укрепляясь, настроение мало-помалу переходит в душевную основу, получает эмпирический характер. Последний же выражается и поведением, действиями, поступками. Таковы звенья цепи влияния представлений на жизнь.

Содержанием идей определяется жизненный процесс. Весь состав сознания, все сознательные проявления, в значительной мере, зависят от того, каким воззрением питалось и питается сознание.

И как необходимо, для жизненного обновления, обратить внимание на появляющиеся и господствующие в нашей душе представления.

Представления могут быть приятными и вероятными, вредными и полезными, спасительными и греховными.

Одни из них доходят до сознания благодаря непосредственному впечатлению от адекватных им вещей, другие посредством какого-либо знака: звуковую или световую, речи или письма.

Самостоятельное наблюдение, чужая речь и поучающая книга – основы образованы.

Достигнувший понимания психической обусловленности, уяснивший себе зависимость душевного строя, точно определивший характер тех или иных влияний на сознание и, вместе с этим, поставивший себе целью моральное самоулучшение, отдает и свои рассудочные проявления под строгий контроль влекущего идеала.

Просвещенному искателю правды известна очерченная здесь власть рассудка над внутренним существом человека. Он знает каким чуждым растением для земной греховной почвы является личное совершенствование. И в мире, и в падшей человеческой природе личное совершенствование встречает ожесточенных противников. И тем, – мелочный, житейский ум, – ум в естественном состоянии, не просвещенный свыше идущей благодатью, есть союзник, слуга мира и естества. Только тоскующая философская натура может возвыситься до воззрений разума, породить возвышенные метафизические проблемы. В обыденности же, сознание подавлено думами о плотском, суетном, – ограничено в своем интеллектуальном кругозоре. Лишь усиленно сосредоточась на поставленной цели, строго разбирая, при ее свете, наплывающие переживания, неукоснительно преследуя поведением желаемое, воспитает в себе духовного человека. Твердый в этом стремлении выметет из рассудка все страстное и незначительное, развлекающее и угнетающее. Он проведет перед судом основного принципа и впечатления, и окружающие речи, мнения, и закрепленное, увековеченное человеческое слово – литературу. Здесь мы разберем отношение душевно-обновляющегося к литературе. Постараемся определить, к каким вопросам приводит повышенное самосознание, как зарождаются и где таятся эти вопросы.

V.

Точкой отправления берем непосредственное опознание существования и существа душ и Декартовское «*cognito, ergo sum*». Увел всякого бытия и всякой ценности, зажигательное стекло, концентрирующее для нас все явления, есть наше «я», потайная внутренняя клеть человека, нечто чувствующее и мнящееся, доступное самоуглублению.

Одновременно с чутьем самого себя, это «нечто» противопоставляет сознанию мир чуждых ему, отдельных, внешних вещей.

Характер такого мира, для отдельного лица, обыкновенно образуется следующим: местность, в которой приходится жить, двигаться;

наполняющая ее вещи, неорганические и органические; одушевленные существа, личности, с которыми приходится сталкиваться. Здесь заключается опытное, твердое знание, свойственное личности. Из этих данных особо выделяется, очерченный чувством, круг материальной собственности, любимых предметов, близких лиц – родных и знакомых. Чувство расценивает и все остальное, разделяет на враждебное и благоприятное сознающему. Таким образом, элементарными понятиями действительно жизненного, выходящего из сердцевины жизни, размышления будет следующее: сознание себя самого, сознание внешней реальности и оценка данных сознания. Явлениями, отображенными в этих понятиях, обусловлена жизнь, в содержании их глубже всего заинтересовано все живое.

Наблюдающему факты не представляются всегда в неизменном виде: время господствует над фактами. Последние появляются и исчезают, и никогда более не возвращаются на свет действительности в таком же образе, какой носили раньше. Теряется сознанием дурное и хорошее, вредное и полезное, вне стоящее и ему присущее, объективное и субъективное. Уходят куда-то от обозревающего взгляда и жизнь, и мировой облик. Действенное, волевое сознание протестует, борется с этой вечной сменой сущего. Оно стремится сохранить из общего потока бытия гармонирующее с его чувством, обнаруживает консервативную силу.

Правда, сохранение многого желается лишь на время, на различные сроки времени, смотря по предмету, но и с этим ограничением действительность не соответствует желанию. А, между тем, среди наших симпатий имеются и такие, которые мы хотели бы сохранить, избавить от уничтожения, навсегда, навыки. Чаще всего к таким принадлежат одушевленные разумные существа. Смерть дорогих нам лиц вызывает, может быть, самые сильные взрывы отчаяния.

Разочарование вынуждает человека углубиться в данный сознания, расширить свой умственный кругозор, пересмотреть свои мнения. Удары судьбы, в особенности, обращают внимание на загадку о том, что «едино на потребу» человеку, что составляет единственное его спасение, ибо строй мира не осуществляет обыкновенный, обыденные человеческие хотения. Какая потребность в человеке должна считаться основной?

К этой загадке присоединяется мысль об одиночестве человека. Беззащитен ли смертный в своем борении с миром, отдан ли он на растерзание враждебным стихиям, одна ли личная энергия служит ему защитой? Есть ли человек незначительная капля в космическом кипении? Равноценен ли он всякой другой части существующего, предстоит ли ему погрузиться, после смерти, в безмолвное бытие?

Как-то невольно зарождается протест против утвердительных ответов на поставленные вопросы.

Контраст с отрицательными сторонами сущего, жажда представить порядок природы в согласии с возможностью безусловного удовлетворения личности, создает мысль о вечном и неизменном, одушевленном и личном, содержащем в себе все блага и ценности, о Верховном Существо. Верховное Существо, – так требует практически разум, горячее желание погибающих в мирской сутолоке, – должно состоять в интимнейших отношениях с одиноким в вихре вещественного движения разумным сознанием.

Содержание сейчас излагаемых идей и проблем образуют, как видим, духовные предметы, в полном смысле слова: душа, Бог, их отношение. Мы видим, как эти идеи и проблемы вытекают из корня жизни.

Духовным предметам посвящена особая литература, посвящены многочисленные размышления.

Познание духовных предметов, как вами уже сказано, предпринимается двояким образом: через диалектику и через чувство. Правда на стороне последнего.

Только чувство разрешило недоумения, ответило на жизненные, вековые вопросы, – ответило на них содержательно и успокоительно. Об этом свидетельствуют мистические писания. Духовное преображение сознания следует за ознакомлением с мистическими идеями, вписыванием их в сознание.

VI.

Для образца, возьмем действие святоотеческого творения на читающего.

С многочисленными плотскими помыслами, с душевной раздражительностью и неустойчивостью, со всем дурным психическим скарбом, накопившимся в сознании от житейских треволнений, приступает «раб греха и печали» к ознакомлению с полным духовного горения произведением. Глухо сердце вначале к глубокому и важному смыслу слов книги, но, постепенно, отражение нездешнего, лучшего мира в читаемом растопляет сердечный лед, вызывает умиление, очищает сердце от страстей и волнений. Душа постепенно наполняется радостью, умиротворяется какой-то внутренней легкостью. Удаленный от смущающих и развлекающих чувственных движений, чистым сердцем, ум обращается ко Христу, вызывает представление о Богочеловеке. Тогда-то сознание делается способным к безусловному отчуждению мира, к переживанию глубокого покоя, доступного лишь уединяющимся, – хотя бы только внутренне – для дум о Спасителе мира.

Трансцендентное становится живым, понятием в читающем.

Такова одна из дверей в царство вечности, в прекрасный сад духовных ощущений! Устремись к ней, взыскующий «горного града»! Неудовлетворенный попытками достигнуть познание истины одним, естественным разумом, стремящийся к существенному перерождению

самого себя, к преобразованию в духовного человека, пусть искренне обратится, отбросив всякие сомнения, к помощи духовного, мистического чтения. Он найдет в нем оправдание своим чаяниям, удовлетворение разбитым надеждам.

Как магнит притягивает железо, так духовное чтение вызывает духовные настроения, при нем произрастает духовное зерно сознания.²⁴⁸

Из необозримой дали веков слышится голос Исаака Сирина: «Сподоби нас, Господи, познать и возлюбить Тебя не тем ведением, какое приобретается чрез упражнение с расточением ума, но сподоби нас того ведения, в котором ум, созерцая Тебя, прославляет естество Твое в созерцании, похищающем, у мысли ощущение мира... Исполни сердца наши жизни вечной; да воссияет в них Истина Твоя, Христе, *полнота* Истины, и да познаем, как по воле Твоей ходить путем Твоим».

Жизнь духовная, вечная, сверхъестественная, новозаветная – высшее благо, корень религии, дарованный падшему Адаму – человечеству воскресением Христа. Воскресение Христа есть опорный камень всего христианского исповедания. Так говорит ап. Павел: «если Христос не воскрес, то и проповедь наша тщетна, тщетна и вера наша»... и еще: «если Христос не воскрес, то вера ваша тщетна: вы еще во грехах ваших; поэтому и умершие во Христе погибли» (Кор.15:14, 17, 18).

Истина воскресения Христа должна существенно изменить наши взгляды. Вот в подтверждение слова современного нам писателя, горячего апологета опытного богопознания:

«Если Христос воскрес и, следовательно, св. Писание истинно, то историку уже нельзя верить в бесконечный прогресс на земле; экономисту – считать желудок основным двигателем (исторической) жизни, а производительность земли независимой от религиозно-нравственного состояния человека; зоологу нельзя признавать неизменной нормой борьбу за существование; астроному – видеть в движении планетной системы бездушную механическую силу, управляемую слепым роком; физику – утверждать всеобщность закона тяготения, не выпускающая из-под своей железной руки и свободно-разумного существа – человека; моралисту нельзя строить правил поведения человека на основании выводов, сделанных из наблюдений над животными; психологу и историку литературы нельзя обзирать движений человеческой души, смены типов и характеров вне их отношения к Солнцу Правды Христу; философу нельзя и теорию познания, и все здание философии опирать на познавательные силы одного лишь «натурального» человека, мудрствовать по стихиям мира, а не по Христу (Кол.2:8); серьезному политику нельзя с высокомерной снисходительностью относиться к указанию, на теократический строй царства еврейского.

Изображение процесса и финала всемирной истории по указаниям Слова Божия не должно уже вызывать насмешки историка.

Молитвы о дожде, раннем и позднем, об умножении плодов земных, об избавлении от голода не должны удивлять экономиста. Лев, послушный старцу Герасиму, и медведь, питающийся от трапезы преп. Сергия, не должны вызывать недоверия со стороны зоолога.

Солнце, остановившееся над долиною Аиалонскою, не должно вызывать иронической улыбки на устах астронома.

Мария Египетская, переходящая реку по поверхности воды, но должна казаться существом фантастическим физику. Отрешение сотен и тысяч людей не только от брака, но и от каких-либо чувственных влечений не должно представляться странным или невозможным моралисту и безумным психиатру.

Изучение не только «естественной», но и «возрожденной во Христе» души человеческой не должно ли входить в обязанность психолога? Попытка оценивать писателей, этих руководителей человеческой мысли и совести, с точки зрения идеала Христова, с точки зрения пестунствования людей во Христа, не есть ли прямой долг историка литературы?

Не надлежит ли истинному «другу мудрости», минуя Сциллу рационализма и Харибду эмпиризма, устремляться в тихие, бесконечно глубокие и необозримо широкие, текущие в жизнь вечную, воды «духовного ведения»?

Возлюбленный певец и раб Иеговы, типичный царь теократического царства, не должен ли приковывать к себе внимание того, кому вручаются судьбы родного государства»?²⁴⁹

Сергей Загребин

**Андреев Д. Викарные епископы // «Миссионерское
Обозрение», 1906, № 4, стр. 446–452**

Вопрос об изменении существующего положения викариев, помимо канонических соображений, выдвигается на очередь насущною потребностью – облегчить чрезмерный труд епархиальных архиереев, упростить их служение и чрез это приблизить их к пастве. В самом деле, управлять епархией, раскинувшеюся на огромное пространство с громадным количеством приходов – труд непосильный для одного лица. Епископу при нынешних условиях его служения, как это признают сами архипастыри, невозможно стать в живое и тесное общение с паствою, непосредственно руководить деятельностью пастырей, самому входить во все религиозно-нравственные нужды пасомых. А известно, что чем меньше в деле управления непосредственного наблюдения, тем больше бумажных распоряжений. Отсюда и происходит наша беда: преобладание бумаг над живым делом. В настоящее время у всех пробудилось желание освободиться от мертвящего влияния канцелярской письменности, установить близкие, свободные, истинно-церковные отношения между архипастырем, клиром и народом. Прежде всего надо изменить условия деятельности архиереев. Практический путь к установлению таких отношений заключается главным образом в разделении нынешних больших епархий на меньшие, чтобы иметь епископов не только в губернских городах, но и во многих уездных.

Но открытие отдельных и самостоятельных епархий вызывает образование новых органов управления, реорганизацию сложного общепархиального хозяйства, учебного дела и проч., что является делом нелегким, требующим во всяком случае времени и средств для своего осуществления. Между тем жизнь не ждет и заставляет искать выхода: так или иначе пределы нынешних епархий должны быть сокращены. Если нельзя вновь образовать необходимое количество самостоятельных кафедр, то вполне возможно предоставить викарным епископам управление на определенных правах отдельной части епархии. Такими полномочиями пользовались викарии на Руси до начала прошлого столетия.

В этом отношении, полагаем, небезынтересным будет привести несколько данных из прошлого и современного положения у нас викариатства.

Должность викариев в составе епархиального управления впервые появляется в Новгородской епархии в самом конце XVI в. Первый викарий ее епископ Корельский и Ладогский был послан патриархом Иовом для управления Корелией, тогда вновь завоеванной. При учреждении Синода викариев было двое: в московской и новгородской епархиях. «В этих

епархиях и церквей и городов не малое число и в отдаленных местах между собою состоит, и поэтому епархиальному архиерею и управления, и самоперсонального в оных надсмотрения иметь неудобно; то для того в них викарии определяемы бывают». Так объясняет официальный документ происхождение викариатства. По штатам епархий 1764 г. положено «быть особливому епископу, и жительство из них иметь новгородскому викарию в Олонце, а другому (т.е. московскому) в Севске, с тем именно, чтобы они отделенные им от местных архиереев епархии управляли сами, непосредственно подчинены были тем своим местным архиереям, от которых они и ризницею, и прочим до священнослужения принадлежащим облачением снабжены быть должны» (Полн. Собр. Закон. 1764 г. № 12060).

Характеристикой компетенции викария в сфере управления может служить инструкция митроп. Платона московскому викарию – епископу Дмитровскому Серапиону. Викарию поручались в управление Дмитров с уездом и другие города с уездами с тем, чтобы он управлял на основании правил св. отец, духовного регламента и указов; управляя вверенными городами и уездами, викарий должен был выслушивать в чтении и пении желающих вступить на священнослужительские места, посвящать ставленников и выдавать им грамоты от своего имени. Дела, по рассмотрении духовных правлений, подведомых преосвященному городов, решать ему самому, исключая тех дел, по которым священники и диаконы будут подлежать лишению священства. О таковых, произведши дела в духовных правлениях и рассмотрев оные, с приложением своего мнения, викарий должен представлять митрополиту при рапорте с требованием конечного решения. По прочим же делам, ежели священно-церковно-служители решением викария будут недовольны, о пересмотре дела могут просить самого митрополита; вверенные викарию духовные правления потребных по делам сведений могут просить от консистории; с указов св. Синода, по касающимся до епархии делам, доставлять викарию копии; в священнослужениях имя викария воспоминать после имени митрополита только во вверенных викарию городах и уездных церквях и в монастырях, где он имеет пребывание; управляя своею епархией, может в Москве исправлять служение, и в случае болезни митрополита, посвящать ставленников церквей, непосредственно подведомых митрополиту. Викарии давали даже увольнительные свидетельства, если кто из их ведомства желал поступить к церквам, подведомым митрополиту (Истор. Моск. епарх. управл. Н. Розанова кн. 1 стр. 163–165).

На таких началах викарии управляли отдельною частью епархии до конца XIX века. В 1799 г. произошло новое распределение епархиальных границ, согласно с границами губерний, коснувшееся и викариатств. Число их увеличено двумя новыми. А главное – положение их с этого

времени изменяется коренным образом: суживается круг их деятельности, зависимость их от правящего архиерея делается полною, причем он уже не заведует определе́нною частью епархии. «В Киевской, Новгородской, Московской и Казанской – читаем в постановлении екатерининской комиссии о штатах епархий – учредить для вспомоществования местным архиереям в управлении епархиальных дел викарных епископов на таком положении, чтобы викарии, состоя в непосредственном ведении и зависимости местных преосвященных, исправляли поручаемые им дела, производящиеся в консисториях тех архиереев, заимствуя от них в церковном служении и все при том нужное» (Полн. Собр. Зак. 1799 г. № 19156).

Вышеприведенными законодательными актами 1764 и 1799 гг. в сущности и исчерпывается все внутреннее развитие института викариатства. Сравнивая права и обязанности викариев по положению того и другого акта, мы видим умаление их власти с 1799 г. Этому содействовали две причины. Во-1-х, увеличение количества епархий (с 29 до 36) и, следовательно, сокращение объема епархий: самостоятельные викарии, управляющие отдельною частью епархии, признаются, поэтому, излишними. С другой стороны, общее направление епархиальной жизни складывается крайне неблагоприятно для викариев. К этому времени петровский коллегиальный строй управления, введенный и в епархиях, получает полное развитие: консистории делаются средоточием управления и регламентируют все сношения с епархиальною властью в разные инструкции, формы и предписания. Вместе с централизацией управления приход утрачивает прежнюю самостоятельность (например, в праве самостоятельно распоряжаться церковным хозяйством, избирать клириков и проч.). Этот-то вновь утверждающийся видимый порядок и внешняя законность и вызвал пышный расцвет плевел канцелярской формалистики, понизил живую деятельность архипастырей, приковав их внимание к консисторским бумагам. Сообразно с этим изменяется и самое назначение викариев. Если прежде викарий нужен был для управления епархией (частью общей епархии) и для самоперсонального надсмотрения, то теперь он уже понадобился для рассмотрения консисторских дел, «Исправление поручаемых викарию дел, производящихся в консисториях» буквально стало главнейшею обязанностью викария, о других даже не упоминается; канцелярия и бумага возобладали над жизнью и духом. Викарий ставится для исполнения распоряжений правящего архиерея в полную его зависимость. С тех пор положение викариев не изменилось. Замечательно, что устав духовной консистории посвящает викарию одну только статью, весьма характерную: «в епархиях, где есть викарий, говорится в этой статье, и имеет местопребывание в епархиальном городе, рассмотрение и утверждение журналов епархиальный архиерей может предоставить ему.

Так особенно поступать во время отсутствия епархиального архиерея из епархиального города» (ст. 331-я). Это – те же канцелярские обязанности, о которых упоминается в законе 1799 года. Значит жизнь не выдвинула иных задач: весь строй епархиального управления до наших дней движется по тому же направлению – присному канцелярскому.

Так как викарии поставляются в непосредственное ведение епархиальных архиереев, то им обыкновенно преподает инструкцию епархиальный архиерей в пределах, разумеется, устава духовной консистории. Инструкции эти по всем епархиям однообразны: предварительное чтение консисторских протоколов и утверждение некоторых незначительных и шаблонных журналов, просмотр журналов епархиального попечительства, духовных училищ по хозяйственной части, училищного совета, назначение на сельские приходы псаломщиков, наконец рукоположение ставленников по поручению правящего епископа – вот и все обязанности викария, причем викарий может быть лишен и этих обязанностей, по усмотрению епарх. архиерея. Исключение составляет вятский викарий епископ Сарапульский, имеющий Синодскую инструкцию: он управляет церквами, монастырями и духовенством трех городов Вятской губ., с их уездами. Вообще Сарапульский викарий близко напоминает, по своим полномочиям, викариев первого времени.

Все остальные викарии – а их в настоящее время 42 в 69 епархиях – не пользуются никакими самостоятельными полномочиями, кроме разве совершения богослужения в своем монастыре.

Полное безусловное подчинение викария епархиальному епископу вместе с отсутствием определенных, начертанных в законе или преподанных высшею церковною властью правил, создают для викария беспримерное положение в истории православной Церкви, как восточной, так и русской до начала прошедшего столетия.

Викариатство в том виде, как оно существует у нас в настоящее время, не может найти себе оправдания ни в практических потребностях, ни в канонических правилах.

На практике деятельность викария слишком незначительна по ограниченности круга его ведения, чтобы он мог оказать действительную помощь правящему архиерею. В составе епархиального управления он является не больше, как канцелярскою инстанцией между архиереем и епархиальными учреждениями. Без обращения к главному архиерею он не может шагу ступить в своей архипастырской деятельности, не может» отслужить, например, по-своему желанию в какой-либо церкви вне своего монастыря. Лица, имеющие надобность в епархиальном начальстве, к викарию не обращаются, зная, что это бесполезно, так как викарий не имеет никакой власти. Даже епархиальные учреждения, журналы коих он прочитывает, не считает его своим начальником и при всяком разногласии с ним переносит дело на усмотрело правящего архиерея, чем нередко

создается для последнего затруднения при разрешении разногласий. Все это не может не ослаблять ревности викария, не возбуждать в нем опасения, как бы не выйти из границ своих полномочий, не встать в противоречие с намерением и усмотрением епархиального архиерея и не создать какого-либо инцидента. При таких условиях в епархии оказывается «удобным» большею частью такой викарий, который проявляет меньшую инициативу и деятельность, безропотно переносит свой послушнический искуc, соединенный с званием викария.

Титулуясь епископом Михайловским, Чебоксарским и проч. по имени какого-либо уездного города, викарий можете и совсем не посетить своей номинальной паствы: обыкновенно он проживает вместе с правящим епископом в одном епархиальном городе. И в этом нельзя не видеть известной ненормальности, так как многие церкви епархии в продолжении целых десятилетий не видят у себя епископа.

Правда, изредка викарии обзревают, по поручению епископа, епархию, но в этом случае они лишь случайные посетители. Не имея сам никакой власти, свои наблюдения викарий наложит в письменном докладе архиерею, а архиерей через консисторию сделает письменное же распоряжение. Одним словом, опять дело сводится к той же канцелярской письменности.

Что касается канонической точки зрения, то и с этой стороны современное положение викариев следует признать уклонившимся от канонических правил. Каноны не знают таких отношений между епископами, как непосредственное и можно сказать исключительное подчинение одного другому во всех действиях, свойственных и викарию, как епископу. Вместе с хиротонией епископ получает канонические права в церкви (право рукоположения в священные степени по своей совести, учительства, управления). Между тем наш викарий не может воспользоваться данною ему чрез благодать властью, делаясь и в этой области исполнителем чужой воли (при выборе рукополагаемых клириков), и является устраненным от непосредственного управления епархией.

«Епископы малых городов в древности были в зависимости от епископов больших городов» (Лаод. Соб. 53 пр.), но эта зависимость совсем иного рода. Св. правилами повелевается епископам всякого народа признавать первого епископа, яко главу, и ничего превышающего их власть не творити без его рассуждения: *творити же каждому только то, что касается до его епархии* и до мест, к ней принадлежащих (34 апост. прав., 9 пр. Анк. Соб.).

В древней церкви также строго соблюдалось правило не назначать двух епископов в один и тот же город (1 Всел. Соб. 18 прав.).

Уклонено от этих правил ведет к умалению в лице викария епископского достоинства, к возможному нарушению братских отношений

между епископами, наконец, к бесполезности самого института викариев.

Итак, преобразовало наших викариатств необходимо. Но нов в вашей истории и путь для приведения их в соответствие с канонами: надлежит – лишь восстановить их первоначальное значение в епархиальном управлении.

Викарий первого периода до начала XIX в. управляли своею епархией, как называлась отдаленная в их ведение часть епархии. Они были архипастырями не по имени только, а в действительности, как облеченные властью: имели *надсмотрение* за церквами, набирали и рукополагали священнослужителей, судили их, разрешали построение храмов и проч. И лишь в превышающих их власть случаях просили «совета и наставления» (как и в нынешних викариальных грамотах говорится) у митрополитов. Отношения к последним викариев строго каноничны, так как они самостоятельно совершали епископские действия, касающиеся до их епархии.

Участвуя в управлении епархией, они оказывали действительную, а не канцелярскую помощь своему епархиальному архиерею.

Развитие викариатств в этом направлении, сокращая постепенно границы нынешних епархий, послужило бы средством к сближению епископов с клиром и народом, к упрощению существующей сложной системы епархиального управления.

Преобразование викариатств, полагаем, должно быть предметом рассуждений предстоящего собора.

Д. Андреев

Бударовский В. Жестокий закон (О сложивших священный сан) // «Миссионерское Обозрение», 1906, № 4, стр. 453–458

Среди пережитков русского законодательства, стесняющих свободу человеческой личности в ущерб его нравственным интересам, нужно отметить жестокую статью нашего закона, по которой лицо, добровольно сложившее с себя священный сан, лишается права государственной службы (диакон в течение пяти, священник – десяти лет), и, по возвращении ему прав государственной службы, по истечении указанных сроков, во всю свою жизнь не может служить в пределах той епархии, где оно находилось до сложения сана.

По смыслу нашего закона, лицо, сложившее с себя священный сан, таким образом, приравнивается к преступникам и выход из духовного звания квалифицируется, как гражданское преступление.

Общественное мнение, как известно, относится к лицам, выходящим из духовного звания, очень сурово, и тем, следовательно, ставит их в тяжелые моральные условия жизни. Правительство, с своей стороны, как мы видим, ставит их в тяжелые материальные условия (а вместе конечно – также и в моральные).

Но чем оправдать этот тяжелый гнет, тяготеющий над лицами, выходящими из духовного звания? Мы не говорим об общественном мнении: оно всегда – продукт сложных, разнообразных факторов и прежде всего продукт культурного развития самого общества, и находится в зависимости от того, насколько, так сказать, тонка общественная психическая организация и восприимчивость ко всякого рода человеческим болям: воспринимает и понимает ли общество, т.е. средний человек – только то, что лежит на поверхности человеческого существа и резко само по себе бросается в глаза, или оно имеет такой развитой слух, что и при наружных признаках благополучия способно уловить симптомы, выражающие тяжелые страдания и жестокую борьбу между жизнью и смертью, идущую в далекой сердцевине человеческого существа. Победить общественное мнение, в виду нашей малокультурное, в данном случае пока нельзя. Но протестовать против законодательных ограничений прав для лиц, слагающих с себя священный сан, мы можем и должны. Мы ставим вопрос: Чем оправдать эти ограничения? На какое моральное право опирается в данном случае наш закон?

Это ограничение в правах есть ли возмездие за выход из клира и жестокое потому, что велико само преступление? Или эта мера, продиктованная страхом, что если не подвергать наказанию лиц, слагающих с себя сан, то найдется слишком много желающих выйти из духовного звания?

Разберем первое предположение, что права лиц, слагающих с себя духовный сан, ограничиваются в возмездие за их преступление.

Повторяем свой вопрос: в чем состоит это преступление?

Слагающие сан не совершают никакого внешне-преступного деяния и не угрожают никаким общественным устоям, если просто отказываются совершать известное дело, которое от этого отнюдь ничего не терпит, и переходят, так сказать, в пассивное состояние. Значит, с этой точки зрения в сложении сана нет проступка. Но может быть проступок заключается в внутреннем состоянии лица, слагающего сан?

Разберемся в причинах, которые могут побуждать отдельных лиц искать выхода из духовного сословия.

Причины эти могут быть двоякого характера: или перемен убеждений, или чувство нравственной непригодности для служения в священном сане.

Может случиться, что человек перестанет верить в то, во что должен верить по своему положению, как духовное лицо. В таком случае человек может стремиться к выходу из духовного звания из нежелания допускать ложь в своих словах и действиях, пусть ложь субъективную, но для него во всяком случае ложь. Если такой человека слагает с себя священный сан, то, очевидно, из уважения к требованиям своей совести и, следовательно, морально он не преступник, так как жить по своим убеждениям – право всякого человека, раз такая жизнь не противоречит свободе отдельных лиц.

При существовавших условиях рукоположения в иерархические степени (заккрытие доступа для семинаристов в светские высшие учебные заведения и косвенное принуждение окончивших семинарию искать священного сана, а также и то, что их рукополагают обыкновенно в ранние годы 20–23 л.) возможны и такие случаи, когда человек надевает рясу без надлежащего самоиспытания и с некоторым пренебрежением к *теоретическому сознанию* своей неподготовленности в виду относительной безвыходности положения при недостаточной твердости характера. Такой человек со временем может на опыте *почувствовать* то, о чем неясно говорило только голое сознание, именно, что в его личном складе нет того, что необходимо для его служения, хотя бы религиозные воззрения его и отвечали этому служению, и также стремиться к выходу из духовного звания. Но и такой человеку не совершает нравственного проступка и также, как в первом приведенном случае, признает для себя обязательность требований нравственного закона. Спрашивается: за что же карать того и другого? Разве они были бы нравственно чище, если бы один учил тому, во что сам не верует, а другой учил бы вопреки настойчивому свидетельству совести, что он учит не по праву?

Едва ли можно оспаривать, что в сложении сана из-за убеждений или из-за личного признания себя недостойным носителем священного сана

нет признаков преступления, за которое нужно было бы наказывать.

Нередко из духовного звания выходят вдовы священнослужители затем, чтобы вступить во второй брак. Совершают ли они преступление сложением священного сана?

Наши священнослужители люди брачные (диаконы и священники). Брак – одно из условий рукоположения, и всякий, принимающий рукоположение, рассчитывает на семейную жизнь, так что многие и многие никоим образом не рвались бы принимать посвящение, если бы они были лишены прав на семью. Если, теперь, рукоположенный лишается жены, условия его служения резко изменяются и притом, – в зависимости от индивидуальных особенностей, иногда так, что делают совершенно невозможным спокойное, уравновешенное прохождение служения, требующего особенной чистоты настроения и свободы от дисгармонии в физической жизни. В таком случае для обездоленного и подвергнутого тяжелым испытаниям вдового священнослужителя остается два выхода: или компромисс, не одобряемый, но легко извиняемый и обществом, и даже властью, раз соблюдается известный декорум, – или монастырь. Но компромисс нравственного успокоения дать не может, а к монашеству не все подготовлены и не все пригодны, о чем свидетельствуют частые случаи морального разложения в среде самих монашествующих. Спрашивается, какой же нравственный закон нарушают вдовы священнослужители, если они выходят из своего звания затем, чтобы вступить в брак? И какой другой выход можно указать им в их тяжелом положении?... А если здесь нет преступления, то за что же их наказывать?

Обыкновенно на всякие разговоры о браке священнослужителя смотрят, как на что-то унижительное для него, и брак священнослужителя служит более темой пикантных шуток и острот, в гостиных, чем предметом серьезного обсуждения. Может быть, в этом сказывается высокий взгляд на дело священнослужителя, который, значит, настолько должен быть занят духовными интересами, что должен перестать считаться с сердечными и физическими условиями своего существования; но здесь во всяком случае нет практически правильного взгляда на вещи и желания считаться с психофизической организацией человека, какова она есть в действительности. Кроме того, если священнослужитель стремится ко второму браку, это отнюдь не значит, что он интересам тела приносит в жертву интересы своего духа. Нужно иметь в виду, что ни при каком общественном служении внутренние дисгармонии и внутренняя неуравновешенность, хотя бы и на физической основе, не чувствуются такими тяжелыми, неуместными и вяжущими, как именно в священническом служении. Мы даже думаем, что внутренние дисгармонии выступали бы менее остро, если бы вдовый священнослужитель занимал другое какое-либо общественное служение,

а ее был служителем церкви: от священнослужителя требуется особенная чистота настроения в силу самого характера его служения, а это обстоятельство вынуждает его быть особенно внимательным к себе и, следов., тем яснее видеть несоответствие того, чем он должен быть, – тому, что он есть. Значит, если вдовый священнослужитель стремится к браку, это отнюдь не служит знаком того, что у него физическая жизнь подавляет духовную сторону его существа. Во-вторых, – если даже и физические или – вернее – психофизические причины вынуждают человека сложить сан (из-за брака), то они во всяком случае выступают не как желание счастья и возможной полноты жизни, а как тормоза нравственного развития прежде всего, как факторы, нарушающие нравственное спокойствие человека и лишаящие его возможности вести духовную работу в обществе. И мы опять ставим вопрос, что преступного делают лица, слагающие с себя священный сан из-за брака?

Наконец, позволительно спросить: «а судьи кто»? Нет ли в их приговорах лицемерия и лжи, если они квалифицируют сложение сана из-за брака, как преступление? И достаточно ли они сами уважают нравственные принципы, если ограничение священнослужителей в отношении брака – «предание человеческое ставят выше заповеди: «не прелюбы сотвори» – установления божественного. Приходится слышать иногда, что ограничения в правах службы для лиц, выходящих из духовного звания, налагаются в тех видах, чтобы предупредить частые случаи подобных выходов, являющихся для общества соблазнов. Но в чем тут соблазн? В измене убеждений?... Едва ли нужно доказывать, что тут соблазнительного ничего не может быть. В религиозном маловерии? Но ни для кого не тайна, что не все носители рясы – глубоко верующие люди. В пренебрежении к сану? Но если священнослужитель становится в ряды мирян по мотивам нравственного характера, желая остаться верным основным началам евангельской морали, то почему нужно думать, что он пренебрегает, саном? Не наоборот ли? Не выражает ли он своим поступком высокой оценки своего сана, подобно пророку, который просил Бога не посылать его на проповедь, потому что он недостойн этой высокой миссии!?...

Мы даже думаем, что если бы все, не имеющие искренних убеждений или неспособные без компромиссов выполнить священническое служение, выходили из духовного звания, то этим они не только не понизили бы, но даже подняли бы уважение к священному сану, потому что тогда в обществе твердо держалось бы убеждение, что носящие сан, действительно, люди убежденные, а не приспособляющиеся к жизни, между тем, как теперь-то именно, при искусственных мерах внушения и поддержания доверия к искренности слова и дела священнослужителя, доверия к нему как раз часто недостает.

Но отрицаем, почему бы священнослужитель ни слагал с себя сан, это во всяком случае указывает на некоторые недочеты в общем духовном его строе. Пусть так! Но это, однако, не значит еще, что он хуже других, также слабых, членов человеческого общества и что, поэтому, доступ в это общество должен быть ограничен для него, как это выходит по смыслу наших законов...

Если ограничение в правах лица, сложившего священные сан, никоим образом не может быть принимаемо, как мера наказания и если стеснение свободы выхода из клира, не принося пользы церкви, ведет только к тому, что в рядах священнослужителей могут насильственно удерживаться люди недостойные или деморализоваться люди слабые, – действительно к соблазну членов церкви, – то, спрашивается, что хорошего достигается этою суровою мерою в отношении к самим лицам, выходящим из клира?

Мы утверждаем, что мера эта, ничего хорошего не достигая, очень часто оказывается и безусловно пагубною для лиц, вышедших из духовного звания. Жизнь на них обыкновенно ложится тяжелым гнетом; вследствие приниженного положения, в которое они становятся, и общественным мнением, и *законом*, они нередко делаются алкоголиками, опускаются «на дно», даже доканчивают жизнь самоубийством. Если говорить о возмездии, то для сложивших с себя сан достаточно и одного гнетущего сознания, что жизнь их нравственно не удалась и пошла по кривому направлению. Одна эта мысль, от которой, обыкновенно, они не освобождаются во всю жизнь, способна доставить много острой и жгучей сердечной боли в придаток к тем нравственным мукам, которые предшествуют решению о сложении сана. К чему же новые муки?

В. Бударовский

Троицкий В. О судебных доказательствах по каноническому праву²⁵⁰. (К предстоящей реформе церковного судопроизводства) // «Миссионерское Обозрение», 1906, № 4, стр. 459–483

III.

На ряду с рассмотренными родами доказательства весьма важным и употребительным доказательством на суде древней Вселенской Церкви служили также различного рода *письменные документы*. В самых правилах церковных в числе письменных документов, имевших значение судебных доказательств, указываются, напр., акты или постановления соборов, утверждающие права митрополита на известные епархии. Так, на основании древнего акта, хранившегося в Нумидийском архиве, Карфагенский собор утвердил митрополитское достоинство за епископами Нумидии и Мавритании. «Да сохраняется право первенствующих епископов Нумидии и Мавритании, на основании Нумидийского письменнохранилища и *списка престолов*. Потом угодно было всем епископам, подписавшим определения сего собора, чтобы список престолов и первоначальное постановление Нумидийское находились и у первого престола, и в митрополии Константина», – читаем в 97 правиле Карфагенского собора. Подобного же содержания и 8-е правило III Вселенского собора.

В самой практике древнего церковного суда также встречаем примеры употребления различного рода письменных документов в качестве судебных доказательств. Так известно, что Афанасий Великий при помощи письменного документа – подлинного списка пресвитеров Мареотских, рукоположенных епископом Мелетием, опровергнул на Тирском соборе обвинение в нападении, будто бы учиненном на пресвитера Исхираса, указавши судьям, что в этом списке нет вовсе пресвитера с таким именем.²⁵¹ Весь процесс против Нестория на III Вселенском соборе состоял почти из разбора одних письменных документов, как-то: символов веры, сочинений отцов и учителей Церкви, соборных определений, а также сочинений самого обвиняемого: его бесед, поучений и посланий, на основании каковых документов и осуждено было его лжеучение.²⁵² Письменные документы, в качестве судебных доказательств, встречаем также в известном процессе между Афанасием и Савинианом, епископами Перрской церкви. Так при разбирательстве дела этих епископов на Антиохийском соборе для ознакомления с последствиями раннейшего разбирательства того же дела митрополитом Иерапольским Пановлием было читано послание этого Пановлия. Здесь же были читаны «подлинники» и «копии» с отказов епископа Афанасия от Перрской

кафедры, на основании которых было постановлено соборное решение о лишении его этой кафедры. Все эти документы вновь пересматривались и при разбирательстве дела на IV Вселенском соборе.²⁵³ Точно также при разбирательстве дела Ивы Эдесского на соборе в Берите для ознакомления с постановлениями, сделанными относительно того же дела на ранее бывшем Антиохийском соборе, были потребованы судьями от Ивы и читаны акты этого последнего собора.²⁵⁴ Наконец, известно, какое важное значение имело при оправдании Ивы Эдесского против обвинения его Марою, опровергающее это обвинение, письмо Ивы к Марию Персу, представленное Ивою и прочитанное на соборе.²⁵⁵

Вместе с тем такого рода факт, как внимательно рассмотрение представляемых в качестве доказательств письменных документов пред лицом всего состава судей, причем каждый из них должен был высказать свое мнение по поводу рассмотренного документа, как это было, напр., при разбирательстве дела Нестория на III-м Вселенском соборе²⁵⁶, или такого рода факт, какой встречаем в процессе Ивы Эдесского при разбирательстве его дела на соборе Беритском, на котором, после чтения представленных Ивою, для ознакомления собора с решением раннейшего Антиохийского собора, актов этого собора, направленных против его обвинителей, последние требовали, чтобы, для удостоверения в подлинности этих актов, были рассмотрены находящиеся на них подписи обретавшихся на соборе епископов, что и было исполнено²⁵⁷; эти и им подобные факты свидетельствуют, что и принятие письменных документов, как доказательств, на суде древней Вселенской Церкви соединялось со строгим исследованием со стороны судей их достоверности.

Факт представления письменного одобрительного свидетельства от целого общества в пользу обвиняемого, какой встречаем в процессе Ивы Эдесского, представившего, как известно, одобрительное свидетельство в свою пользу от клириков Эдесской церкви, которое было читано при разбирательстве его дела в Берите и приложено к деяниям этого судебного процесса²⁵⁸, указывает, что на суде древней Вселенской церкви имел приложение, как судебное доказательство, и, так называемый *повальный обыск*.

Наконец в Числе употреблявшихся на суде древней Вселенской Церкви доказательств, должно отметить еще доказательства, выводимые из различного рода обстоятельств совершения преступления, разных следов его (вещественный доказательства), подозрения, подтверждающаяся последующими или предшествующими поступками подсудимого, хотя и не прямо относящимися к совершенному преступлению, – вообще *argnmenta per indicia* древнеримского права.

Прямое свидетельство о пользовании на суде древней Вселенской Церкви доказательствами *per indicia*, мы можем видеть в Апостольских

постановлениях, из которых среди наставлений касательно судопроизводства, между прочим, находится и следующее: «И относительно другой стороны – обвиняемого – вы должны знать, какой он нравственности и каков образ жизни его. Одобрительна ли жизнь его, не преступна ли, ревнует ли он о благочестии, благотворит ли он вдовам, странникам, бедным, братолюбив ли, не любостяжатебен ли, не чревоугодник ли, не лихоимец ли, целомудрен ли, не развратник ли, не пьяница ли, не тунеядец ли, сострадателен ли, щедродателен ли. Ибо если за ним и прежде были худые дела, то этим в некоторой мере подтверждаются и возводимые на него обвинения, если только не стоит на его стороне правда. Ибо возможно, что некогда он действительно согрешил, но свободен от настоящего. Посему со всею тщательностью вникнув в дело, произносите приговоры твердые и ясные на изобличаемого... Но не оставляйте безнаказанным, и клеветника, дабы он не оклеветал и другого кого-либо, хорошо живущего, или не подал примера кому-либо другому сделать подобное».²⁵⁹

Такое же свидетельство находим также у Св. Киприана, который, излагая отчет о своих действиях относительно падших, в послании своем к епископу Антонину, между прочим, говорит: «мы желали внушить им, что они долго должны приносить покаяние и сокрушенно просить отеческой милости и что надобно исследовать *вины, побуждения и обстоятельства* каждого из них. Все это содержится в свитке, где по главам прописаны все решения"...²⁶⁰

Встречаем много и отдельных примеров приложения доказательств – *per indicia* – в судебной практике древней Вселенской Церкви. Так, например, известно, что исповедник Наталий, чтобы получить прощение у Римского епископа и возвратиться к общению с Церковью должен был свидетельствоваться своими собственными язвами.²⁶¹ Почти все обвинение против св. Афанасия основывалось точно также на доказательствах *per indicia*. Так, при обвинении Афанасия в убийстве и волшебстве, кроме множества лжесвидетелей, была представлена в суд, будто бы найденная у него и нужная ему при занятиях волшебством, рука убитого им же клирика Арсения. Со своей стороны, Афанасий, чтобы опровергнуть это, столь по-видимому очевидное вещественное доказательство его вины, должен был представить *argumentum per indicia*, что он и сделал. В тот момент, когда, в виду лежавшей руки и наглых показаний обвинителей и свидетелей, все присутствовавшие на соборе были уверены в виновности св. Афанасия, он, предварительно спросив, кто из присутствующих и обвиняющих знает Арсения и, когда на этот вопрос многие дали утвердительный ответ, приказал своим приближенным привести Арсения с скрытыми под плащом руками. Представив его собору, Афанасий спросил: «это ли тот самый Арсений, которого он, по показанию обвинителей, умертвил и у которого отсек руку?». Смутьивши

такую неожиданностью своих врагов, Афанасий, чтобы довершить свое оправдание, последовательно, с некоторою торжественною медленностью показал одну за другою обе руки Арсению и не без иронии сказал при этом, присутствующим: «Арсений, как видите, имеет две руки, а место, откуда отсечена третья, пусть покажут обвинители». После этого обвинители, воспользовавшись общим смущением на соборе, скрылись.²⁶² Представлением подобного же рода доказательства защищался св. Афанасий и против другого обвинения. Его обвиняли в том, что будто бы он учинил в Мареоте нападение на пресвитера Исхираса во время совершения последним литургии и при этом разбил святой потир. Против этого обвинения св. Афанасий возражал именно, что пресвитер Исхирас не мог совершать литургию, так по точному списку всех клириков Мареотиды пресвитера с именем Исхираса в числе последних не оказалось. Возражение это, впрочем, не было принято, вследствие чего была назначена особая комиссия для расследования дела на месте.²⁶³ Обращает на себя внимание оригинальный, допустивший также доказательство *per indicia* в судебное следствие, процесс, имевший место в IV века на Западе. Перед епископом Веронским была обвиняема своим зятем одна девственница Индиция в прелюбодеянии. Хотя обвинитель, подав обвинение, скрылся, однако соблазнительное дело произвело в городе большее волнение. Напуганный этим обстоятельством, епископ Веронский распорядился произвести суд об Индиции без обвинителя, на основании телесного осмотра чрез сведущих жен и показаний свидетелей. Но Индиция обратилась с жалобой на это к медиоланскому епископу Амвросию, как митрополиту, который отменил решение Веронского епископа, оправдал Индицию и от имени собора сделал выговор судье за его поспешное и неправильное решение.²⁶⁴ Многие из тех 18-ти пунктов обвинения, какие были представлены против Ивы епископа Эдесского и епископа Даниила, необходимо также должны были быть подтверждены доказательствами *per indicia*.²⁶⁵ Вообще виды доказательств *per indicia*, употреблявшихся на суде древней Вселенской Церкви, могли быть весьма разнообразны, как могли быть разнообразны самые дела и преступления, на нем рассматривавшиеся, а также разнообразны и лица, в этих делах заинтересованные.²⁶⁶ Но несомненно, что эти доказательства *per indicia* точно также принимались после тщательного исследования их собственной достоверности. Так, Апостольские постановления, повелевая судьям разузнавать относительно обвиняемого, какой он нравственности и каков образ жизни его... «ибо если за ним и прежде были худые дела, то этим в некоторой мере подтверждаются и возводимые на него обвинения», в то же время прямо требуют, чтобы судьи «со всею тщательностью вникали в дело и клеветника не оставляли бы безнаказанным». Точно также несомненно, что одна достоверность

фактов, представляющих собою доказательства *per indicia*, не могла, однако служить основанием для того, чтобы на этих фактах, как совершенно достаточных доказательствах, вполне могло утверждаться судебное решение. Такие факты, как видно из Апостольских постановлений, только тогда могли служить «подтверждающими в некоторой степени» возводимое на то или другое лицо обвинение, «когда не стоит на его (обвиняемого) стороне правда», то есть, когда имеются на лицо и другие естественные доказательства: собственное сознание обвиняемого, свидетели и пр.²⁶⁷

Таким образом, после сделанного нами обзора установленной законодательством и принятой судебной практикой древней Вселенской Церкви системы доказательств, мы можем вполне выяснить общие начала и характер устройства процессуального акта доказательств на «каноническом» суде.

А. Прежде всего, мы с полной несомненностью можем утверждать, что построение «канонического» судопроизводства основывалось на том общем положении, по которому принципом для решения подлежащих судебному рассмотрению дел – при постановлении судебных приговоров – признается внутреннее убеждение, личное сознание, совесть судей. В согласии с этим положением, каноны церковные, а равно и судебная практика древней Вселенской Церкви не предписывают какой-либо сложной искусственной теории судебных доказательств, но твердо постановляя только одно, что, при отсутствии доказательств, обвинение не может быть состоятельным; они ограничиваются требованием простых естественных доказательств, какие необходимы по существу дела и могут служить средством к отысканию истины, и присовокупляют к этому еще строгое требование самого тщательного исследования достоверности представляемых, при судебном разбирательстве обвинений, доказательств.

Б. Устанавливая начало свободного отношения судей к делу констатирования достоверности преступных деяний, подлежащих судебному рассмотрению, и не стесняя в этом деле судей какими-либо заранее определенными предписаниями, а всецело предоставляя их внутреннему убеждению, по тщательном рассмотрении всех, уясняющих дело, обстоятельства в их совокупности, вменить, или не вменить факта преступления обвиняемому, в то же время церковное законодательство, с целью именно обеспечения самой правильности составляла убеждения судей в вине или невиновности подсудимого в том, или другом случае, находит нужным указать, в качестве руководства при собирании, рассмотрении и оценке доказательств, особые, выработанные путем своей судебной практики, а равно и заимствованные из гражданских законов, правила о «силе» доказательств.

В. Что касается, наконец, того внешнего порядка, какой был принят в судопроизводстве древней Вселенской Церкви при собирании и рассмотрении доказательств, то устройство этого порядка основывалось на той главной мысли, чтобы содействовать ближайшему ознакомлению судей с существом дела, при каковом условии единственно только и возможно образование более или менее правильного убеждения в истине исследуемого дела. В согласии с этою мыслью, правила церковного судопроизводства требуют именно непосредственного рассмотрения дела самими судьями, при котором они должны лично знакомиться со всеми, могущими служить к уяснению дела, доказательствами, поверяя их самым внимательным образом чрез личный и непременно устный допрос всех прикосновенных к делу лиц: обвинителя, обвиняемого и свидетелей. Такой порядок, требующий непосредственного рассмотрения судьями доказательств в присутствии всех прикосновенных к делу лиц чрез устный их допрос, составляла так сказать, отличительную характерную черту «канонического» судопроизводства, и наряду с другими правилами, формами и обрядами, считавшимися обязательными для соблюдения при собирании и рассмотрении доказательств, получил полное юридическое значение, сообщая всем действиям судного процесса законную и обязательную силу: так что несоблюдение этого порядка при судебном разбирательстве того или другого дела почиталось вполне достаточным и важным основанием для кассирования постановленного судебного решения при новом разбирательстве того же дела.

О судебных доказательствах по ныне действующим судебным уставам

Ознакомившись с устройством процессуального акта доказательств, какое последний имел на суде древней Вселенской Церкви по правилам «канонического» судопроизводства, обратимся к рассмотрению наших, ныне действующих, судебных уставов, то есть, уставов, действующих собственно на нашем современном церковном суде и новых уставов светского суда 20 ноября 1864 года, чтобы видеть, сколь согласны те и другие в деле определения ими правил о судебных доказательствах, и таким образом решить вопрос о том, могут ли оставаться в силе на церковном, всегда и во всем долженствующем быть согласным с каноническими началами суде правила, устанавливаемые первыми, и, если не могут, то поскольку последние – судебные уставы 20 ноября 1864 года – могут служить руководством для устройства процессуального акта доказательств на нашем церковном суде.

Останавливаясь на судебных уставах, действующих в нашем современном церковном суде, и рассматривая те правила, какие устанавливаются ими для доказательств, мы не можем не видеть, что они в определении этих правил совершенно разногласят с каноническими началами и что устройство процессуального акта доказательств, какое

имеет последний по действующим уставам церковного судопроизводства, вовсе не согласно с тою постановкой этого акта, какая была принята канонами и имела место на суде древней Вселенской Церкви. Те начала, на каких был построен акт доказательств на суде древней Вселенской Церкви, так снизят совершенно игнорируется на нашем современном церковном суде.

Так, мы видели, что в основание устройства «канонического», судопроизводства была положена та общая мысль, что правильное судебное решение и вообще установление истины в подлежащих судебному разбирательству фактах преступных деяний должно быть следствием только внутреннего свободного убеждения судей, основанного на внимательном ознакомлении их с самою сущностью дела, для чего требовалось рассмотрение судьями всех обстоятельств, могущих служить для уяснения дела доказательствами, – и самое тщательное исследование собственной достоверности последних.

Действующие на современном церковном суде уставы совершенно оставляют без внимания принятый канонами принцип для судопроизводства. В силу этих уставов на нашем современном церковном суде со всею строгостью принята и имеет полное господство, так называемая, теория формальных доказательств, при которой внутреннему свободному убеждению судей при постановлении ими судебных приговоров относительно рассматриваемых фактов преступных деяний, уже не остается места.

Знакомясь с статьями действующего ныне устава духовных консисторий, излагающими правила относительно постановления судебных приговоров, мы видим, что для правильности последних статьи устава требуют, между прочим, согласия их приговоров с законом. «При разногласии членов (при постановлении судебного решения о том или другом деле, секретарь объясняет существо дела и докладывает о законах, на которых может быть основано единогласное решение. Таким же образом поступает он и при единогласном решении, если бы оное не согласовалось с обстоятельствами дела или законами». Или: «При разногласном решении дела протокол составляется по большинству голосов. Член, оставшийся при своем особом мнении, обязан изложить оное с объяснением причин и оснований в деле и законе, по которым он не соглашается с общим решением"... – читаем мы в статьях устава духовных консисторий (315, 324 стт.). В этом же, то есть, в том же уставе духовных консисторий, помещены в то же время такого рода статьи, которые делают некоторые доказательства прямо обязательными для духовного суда при определении вины или невинности подсудимых в преступлениях и проступках, подведомственных этому суду. Так, в 249 статья устава духовных консисторий, касающейся доказательств, требуемых при расторжении духовным судом браков по искам супругов,

мы читаем: «Представленные на судеговорении обвинения (в нарушении святости брака), доводы и оправдания подвергаются исследованию. Главными доказательствами преступления должны быть признаны: а) показания двух или трех очевидных свидетелей и б) прижитие детей вне законного супружества, доказанное метрическими актами и доводами о незаконной связи с посторонним лицом. Затем прочие доказательства, как то: письма, обнаруживающие преступную связь ответчика, показания свидетелей, не бывших очевидцами преступления, но знающих о том по достоверным сведениям, или по слухам; показания обыскных людей о развратной жизни ответчика, и другие, – тогда только могут иметь свою силу, когда соединяются с одним из главных доказательств, или же в своей совокупности обнаруживают преступление». – Если буквальным смыслом этого постановления и допускается обвинение подсудимого по внутреннему убеждению судей при совокупности всех, уясняющих дело, доказательств, то вместе с тем не отрицается, но с ясностью получает силу и то, чтобы в том случае, когда именно отсутствует полное убеждение в виновности подсудимого, но в то же время имеются на лицо «главные» доказательства, напр., показания двух свидетелей, судьи не могли не обвинить его, то есть, решить дело формальным образом на основании только законных доказательств.

Таково же по своему характеру постановление устава духовных консисторий и относительно собственного признания подсудимого, как доказательства при обвинении в нарушении святости брака. – «Собственное признание ответчика в нарушении святости брака прелюбодеянием не принимается в уважение, если оно не соглашается с обстоятельствами дела и не сопровождается доказательствами», – читаем мы в 250 статье Устава консистории, а если собственное признание подсудимого согласуется с обстоятельствами и сопровождается одним из «главных» доказательств, напр., показаниями двух свидетелей, – можем продолжить то же правило, – то, в силу приведенной 249 статьи Устава духовных консисторий, такое признание должно быть принято во внимание при постановлении судебного приговора.

Таким образом ясно, что указанными статьями Устава духовных консисторий допускается соединение в одно несоединимых начал, то есть, допускается именно та ошибка, которая ясно раскрывается в мотивах к статье 766 Устава Уголовного Судопроизводства 20 ноября 1864 года, в которых замечено: «Основанием приговора о вине или невинности подсудимого может быть: или положительный закон, так называемая, «теория законных доказательств», или закон нравственный, совесть или внутреннее убеждение судей. По теории законных доказательств, судьи не могут ни обвинить подсудимого, когда не открыто требуемых законом доказательств, ни оправдать его, когда такие доказательства обнаружены. Но началу внутреннего убеждения от судей

требуется только то, чтобы они поставили приговор по совести, основываясь не на теоретических умозрениях, а на том убеждении, к которому привело их тщательное соображение всех обстоятельств дела в совокупности. Ни наука, ни законодательство до сих пор не могли открыть ничего промежуточного между этими двумя началами. Приняв за коренное начало правосудия, что судьи должны постановлять приговоры о вине или невинности подсудимых, по внутреннему убеждению, законодательная власть не может вместе с тем предписывать какие-либо правила на счет тех условий, при которых судьи обязаны считать себя убежденными или неубежденными в действительности и истине преступления. Предписание подобных правил равнялось уничтожению свободы по той причине, что убеждение не знает других законов, кроме указаний разума и внушений совести. Притом правила о доказательствах, сколько бы они ни представлялись верными *a priori*, не могут быть почитаемы непреложными в применении ко всем случаям, многообразной действительности. Никаким правилом, в какой бы полной и обдуманной форме оно ни было постановлено, нельзя заменить живого воззрения на то, что справедливо или истинно в каждом данном случае. Вообще означенные два начала столь несовместимы, что никакая попытка к слиянию их не может быть, успешною».²⁶⁸

Что касается собственно судопроизводства по проступкам и преступлениям лиц духовного звания против должности, благочиния и благоповедения, то в статьях Устава духовных консисторий, касающихся судопроизводства по этим делам, относительно судебных доказательств нет никаких правил. Но несомненно, что при судопроизводстве по преступлениям лиц духовного звания против должности, благочиния и благоповедения, церковные судьи, в силу действующих уставов, обязаны руководиться именно теорией формальных доказательств, принятой Сводом Законов Российской Империи 1857 года.²⁶⁹ Так в том же Уставе духовных консисторий, в котором, как мы сказали, нет особых правил касательно судебных доказательств при судопроизводстве по преступлениям духовных лиц, имеются однако такого рода статьи, которые предписывают на недостающие случаи руководствоваться действующими в государстве узаконениями (6 ст.) и в частности Сводом Законов Российской Империи (195 ст.). Между тем во 2-ю часть XV тома Свода Законов 1876 года вошли как новые постановления Устава Уголовного Судопроизводства 1864 года касательно судопроизводства и судебных доказательств, так вместе с тем и статьи старого закона, то есть, «закона о судопроизводстве по делам о преступлениях и проступках» (Свод. зак. 1856 года). Но в то же время Указ Св. Синода (1871 года за № 23) гласит, что «преобразование судебной части на основании Уставов 20 ноября 1864 года (отменивших формальную теорию доказательств, принятую законами 1857 года) вовсе не касается духовных

судов». А в примечании к статье 2-ой Учрежд. Судебн. Установл. мы читаем: «судебная власть духовных, военных, коммерческих, крестьянских и инородческих судов определяется особыми о них узаконениями». Так как в узаконениях о духовном суде, под которыми прежде всего должно разуместь Устав духовных консисторий, относительно пользования собственно правилами Уставов 20 ноября 1864 года для собирания и рассмотрения судебных доказательств, нет никаких предписаний, то в силу всех приведенных постановлений о духовном суде, на нем и должна оставаться в силе формальная теория доказательств, принятая законами 1857 года. Повыв же правила о доказательствах Уставов 20 ноября 1864 года могут прилагаться на духовном суде, очевидно, лишь в той мере, в какой приложение их согласно с теорией формальных доказательств, если только это возможно.

Разнствуют с католическими началами действующие на нашем современном церковном суде Уставы и в отношении к определению ими того внешнего порядка, с каким должен соединяться процессуальный акт доказательств, то есть самое собственно судебное рассмотрение последних.

Общею отличительною чертою канонического судопроизводства, как мы видели, было то, что, по его правилам, рассмотрение всех обстоятельств, могущих служить к уяснению разбираемого судебным порядком того или другого обвинения в преступлении, производилось непосредственно на суде самими судьями в обязательном личном присутствии всех, прикосновенных к делу, лиц, которые, будучи допрашиваемы устно, принимали в разбирательстве дела самое живое участие. Такой порядок, как стоящий в связи с основным требованием канонического судопроизводства, чтобы судебное решение и приговор о вине или невинности подсудимого постановлялись по внутреннему убеждению судей, правильное образование которого в свою очередь невозможно без ближайшего, непосредственного ознакомления судей с существом дела, получил на суде древней Вселенской Церкви полное юридическое значение и, как мы видели, выполнялся со всею строгостью.

Но действующие на нашем церковном суде Уставы, оставляя для руководства на нем формальную теорию доказательств и игнорируя основное правило «канонического» судопроизводства о постановлении судебного приговора, по внутреннему убеждению, судей, оставляют без внимания и соединенное с ним требование непосредственного рассмотрения судьями представляемых для уяснения дела доказательств, и не требуют обязательного присутствия при этом рассмотрении прикосновенных к делу лиц.

Рассматривая статьи Устава духовных консисторий, определяющие внешний порядок судопроизводства по делам о преступлениях лиц

духовного звания против должности, благочиния и благоповедения²⁷⁰, мы видим, что это судопроизводство по своему характеру есть именно судопроизводство *следственное*, следственное не в том смысле, что судебный процесс возбуждается и направляется *ex officio*, органом власти, а не частным лицом, в порядке частного обвинения. В нынешнем консисторском суде дело может быть начато и на основании слухов, и по поводу донесений, сообщений и отношений должностных лиц и присутственных мест, светских и духовных, на основании жалоб и по искам (Уст. дух. конс. стт. 153, 206, 238). Сущность «следственного» консисторского судопроизводства состоит в том, что результат всего процесса решительно определяется предварительным следствием, которое производится на месте по распоряжению епархиального архиерея особо назначенным духовным следователем, в присутствии подсудимого и всех прикосновенных к делу лиц (стт. 156, 158 и 161). Участие же в рассмотрении дела консистории, которая собственно является в роли судьи, как постановляющая окончательный приговор о деле (стт. 158, 166), носит совершенно внешний формальный характер. Это участие ограничивается лишь тем, что, получив произведенное на месте, прочитанное прикосновенными к делу лицами, подписанное ими, с объяснением довольства или недовольства исследованием дела (ст. 161), следствие, консистория (собственно канцелярия ее под руководством секретаря) «обозревает, произведено ли оное согласно с установленными формами и правилами, вполне ли обнимает и уясняет дело, и если от подсудимого и прикосновенных к делу лиц сделаны в подписи возражения на неполноту следствия, то учинены ли по оным дополнительные изыскания, и буде не учинены, то по основательным ли причинам». И если окажутся какие-либо недостатки, то консистория предписывает дополнить следствие прежним производителем, или же другим (162). На основании данных, добытых предварительным следствием, составляется канцелярией письменный доклад, который уже и служит основанием для членов консистории, участвующих в рассмотрении дела, при постановлении судебного приговора о нем; причем, при выслушивании этого доклада члены руководятся лишь объяснениями существа дела, представляемыми секретарем, и указаниями его о законах, на которых может быть основано единогласное решение (ст. 315). Что касается наличности подсудимого и прикосновенных к делу лиц, то она не требуется при судебном разбирательстве дела в консистории. Только, впрочем, в тех случаях, когда сделанные подсудимым при допросе показания представляются почему-либо неполными или неудовлетворительными, консистория обязана требовать его на лицо и допросить подробнее; причем по расстоянию места, где живет подсудимый, личный вызов его для допроса и в этом случае может быть заменен дополнительным допросом на месте прежним следователем, или

другими лицами (163 ст.). О личном вызове для допроса других, прикосновенных к делу лиц и обвинителей и др. в Уставе духовных консисторий вовсе нет и речи. Есть только постановление, которым требуется прикосновенных к делу лиц вместе с подсудимым по их собственной просьбе допускать лишь к прочтению следствия или составленной из оного записки и к рукоприкладству в том случае, когда они не подписывали его ранее (164).²⁷¹

Таким образом, после сделанного нами сопоставления постановки процессуального акта доказательств, сохраняющейся в силу действующих уставов на нашем современном церковном суде с устройством того же акта на суде древней Вселенской Церкви, мы с полной несомненностью убеждаемся в явном противоречии наших уставов церковного суда, в деле определения правил о судебных доказательствах, началам и требованиям канонического судопроизводства, – и отсюда – в необходимости отмены этих, устанавливаемых ими правил о доказательствах – и замены их такими, которые делали бы постановку процессуального акта доказательств на нашем церковном суде вполне согласно с каноническими началами.

Рассматривая действующие ныне на нашем церковном суде Уставы, мы ясно видели их полную несостоятельность с точки зрения канонического права в деле определения ими правил для устройства процессуального акта доказательств.

Остановимся на новых, ныне действующих на нашем светском суде Уставах 20 ноября 1864 года, которые, будучи направлены к улучшению дела судопроизводства, являются, так сказать, последним словом науки и законодательства по отношению к делу применения судопроизводства к условиям и потребностям времени, что, конечно, но должно быть оставлено без внимания и при преобразовании церковно-судебной части. Эти уставы должны быть приняты во внимание и потому еще, что они были приняты в соображение и руководство при официальном обсуждении вопроса о преобразовании духовно-судейской части и при составлении комитетом 12 января 1864 года проекта основных положений для этого преобразования.²⁷²

Знакомясь с судебными уставами 20 ноября 1864 года и рассматривая содержащиеся в них правила о доказательствах с тою целью, чтобы видеть, сколь возможно с точки зрения канонических начал приложение этих Уставов для преобразования церковного судопроизводства и собственно для преобразования устройства процессуального акта доказательств на нашем церковном суде, мы можем решить этот вопрос положительно, то есть, можем признать, что для принятия этих Уставов в качестве ближайшего руководства для преобразования устройства процессуального акта доказательств на

нашем церковном суде с канонической точки зрения нет никаких препятствий.

Рассматривая правила о доказательствах принятия судебными Уставами 20 ноября 1864 года, мы убеждаемся, что они совершенно согласны с основными требованиями канонического судопроизводства.

По правилам канонического судопроизводства судебное решение постановлялось по внутреннему свободному убеждению судей, независимо от каких-либо положительных предписаний закона, причем, однако судьи при рассмотрении и оценке доказательств должны были руководиться и установленными законом, и судебною практикою правилами о «силе» доказательств, как вспомогательным средством для правильного наследования их достоверности и отсюда для правильности убеждения в степени виновности или невинности подсудимого. То же общее правило положено в основание для устройства процессуального акта доказательств и по судебным Уставам 20 ноября 1864 года. «Теория доказательств, основанная единственно на их формальности, отменяется. Правила о силе судебных доказательств должны служить только руководством при определении вины или невинности подсудимых по внутреннему убеждению судей, основанному на совокупности обстоятельств, обнаруженных при производстве следствия и суда», – читаем еще в «Основных Положениях преобразования судебной части в России»; то есть «Основные Положения», определяя постановление приговора делать по внутреннему убеждению судей и отменяя законную теорию доказательств, в то же время признают значение за правилами о силе их, как важным руководством для судей. Это основное начало, содержащее два положения о постановлении судебного решения по внутреннему убеждению судей и о необходимости при этом правил о силе доказательств, как руководства для судей при составлении убеждения, вполне усвояется и Судебными Уставами 20 ноября 1864 года, развивающими в полном согласии с этими положениями все правила о доказательствах. Согласно с основным правилом, чтобы судебное решение постановлялось свободно по внутреннему убеждению судей. Уставами предписывается, чтобы в качестве доказательств были принимаемы все, как только могут быть представлены для уяснения дела, обстоятельства, так, что свобода судей при постановлении ими судебного приговора не стесняется какими-либо обязательными постановлениями о доказательствах, с подразделениями последних на главные и неглавные, на совершенные и несовершенные и т.п. «Судьи должны определять вину или невинность подсудимого по внутреннему своему убеждению, основанному на обсуждении в совокупности всех обстоятельств дела»; или: «Председатель суда заключает свое объяснение (существенных обстоятельств дела и законов, ст. 801) напоминанием присяжным заседателям, что они должны определить вину

или невинность подсудимого по внутреннему своему убеждению, основанному на обсуждении в совокупности всех обстоятельств дела...», – читаем в 766 и 804 статьях Уставов.

Вместе с тем по судебным Уставам 20 ноября 1864 года признается уместною и необходимою в судопроизводстве и теория доказательств, как учение, изъясняющее их сравнительную силу и относительное значение, но только в смысле руководства к правильному убеждению. «В делах, рассматриваемых с участием присяжных заседателей, председатель суда, вручая их старшине вопросный лист, объясняет им существенные обстоятельства дела и законы, относящиеся к определению свойства рассматриваемого преступления или проступка», – читаем в 801 статье Уставов, а 803 статья добавляет: «общие основания к суждению о силе доказательств объясняются председателем суда, не в виде непреложных положений, но лишь в смысле предостережения от всякого увлечения к обвинению или оправданию подсудимого».

Что касается самых правил, какие указываются Уставами для руководства судей при оценке доказательств, то в числе их мы находим, например, правило относительно собственного признания подсудимого, требующее, чтобы последнее было всегда ясно выраженным (685 ст.). Таковы же правила о свидетельских показаниях, содержащиеся в 704–709 статьях Уставов, запрещающих принимать свидетельские показания от различного рода лиц, не заслуживающих доверия или в виду собственных личных качеств, как то: от безумных, слабоумных, малолетних и пр., – или в виду особенных отношений к подсудимому – родственных, враждебных и пр.

Наконец и в отношении к делу определения внешнего порядка судебного рассмотрения доказательств мы усматриваем полное тожество правил касательно этого предмета, устанавливаемых судебными Уставами 20 ноября 1864 года, с правилами «канонического» судопроизводства.

При определении правил для порядка судебного рассмотрения доказательств Уставы имеют в виду ту же задачу – обеспечить ближайшее внимательное ознакомление судей с существом дела, для чего в свою очередь необходимо непосредственное личное рассмотрение и проверка самими судьями доказательств. С этою целью, по Уставам, требуется прежде всего обязательный вызов на суд для допроса самого подсудимого (636–638 стт.). Точно также со все строгостью требуется обязательный вызов на суд для личного допроса и свидетелей. За неявкой в суд тех из них, показание которых имеет в деле существенное значение, суд постановляет определение об отсрочке судебного заседания (639, 640, 641 стт.). Вещественные доказательства, могущие служить к обнаружению преступления, или же к обличению, или к оправданию подсудимого, по требованию Уставов, точно также представляются в

заседание суда, если не встроится к тому препятствий в объеме или качестве вещей (696 ст.). А по 690 статье позволяется суду вызывать в свое заседание лиц, производивших освидетельствование или испытание на месте преступления, и требовать от них обстоятельного отчета в их действиях. В чрезвычайных же случаях, когда приходится иметь дело с важным преступлением, суд лично выезжает в узаконенном составе на место преступления, где и открывает судебное заседание установленным порядком (689 ст.).

Вообще приведенных данных для сравнения правил о доказательствах, принятых судебными Уставами 20 ноября 1864 года, с правилами о доказательствах канонического судопроизводства совершенно достаточно, чтобы со всею ясностью убедиться в полной возможности заимствования правил Уставов и применения их к нашему церковному судопроизводству, как так с точки зрения общих требований или начал канонического судопроизводства для сего нет никаких препятствий. Постановка процессуального акта доказательств, как она рисуется по статьям судебных Уставов 20 ноября 1864 года, вполне тождественна с постановкой его на суде древней Вселенской Церкви. Она в том и другом случае имеет полное сходство в отношении к общим началам, на которых построена, а также сходна и в отношении к частностям, то есть, в разработке правил о «силе» доказательств. Понятно, что этих правил о «силе» доказательств, заключающихся в статьях Судебных Уставов 20 ноября 1864 года, как примененных только к судопроизводству над светскими лицами, недостаточно для церковного судопроизводства, имеющего дело с обвинениями лиц духовного звания, и что они должны быть дополнены правилами епархиального характера, имеющими значение на суде по обвинениям лиц духовного звания. Мы видели, что на суде древней Вселенской Церкви со всею строгостью выполнялись правила, запрещающие свидетельствовать против православных духовных лиц – лицам иных исповеданий, не христианам и вообще лицам, нравственное и христианское достоинство которых может быть заподозрено. (75 Апост. пр. 6 пр. П. Всел. Соб. 144 пр. Карф. соб.). Очевидно, что в данном случае Церковь руководствовалась заботливостью о сохранении собственного престижа святости. Церковь была неукоснительно строга к своей пастве и в частности к клиру, как носителю идеи апостольства Христова, освященному высоким званием из уст Самого Христа Его словами: – вы соль земли, вы свет миру. Но она была строга, внимательна и в деле наследования данных при возникновении обвинений против того или иного лица из клира и, дабы не дать простора злонамеренности, строго исследовала на своем суде нравственное и христианское достоинство подателя этих данных.

В заключение считаем не лишним сделать некоторое замечание относительно положений для преобразования постановки акта

доказательств на нашем церковном суде, помещенных в проекте комиссии по преобразованию духовно-судебной части 12 января 1870 г. Рассматривая внимательно эти положения, мы не можем не заметить, что они, разнствуя с общими определениями о доказательствах судебных Уставов 20 ноября 1864 года, так сказать, не выдерживают согласия и с требованиями канонического судопроизводства. Так, в 62 статье проекта говорится: «приговор духовного суда постановляется по поверке и дополнении представленных доказательств в заседании суда».²⁷³ В 82 статье сказано: «при рассмотрении дел по отзывам и приговорам свидетели и сведущие люди требуются в суд, когда последний, по особенно уважительным причинам, признает это необходимым». В 108 статье читаем: «требование личной явки обвиняемого на суде и вызов к суду свидетелей, указанных сторонами, зависит от усмотрения суда».²⁷⁴ В III-й статье излагается: «представленные доказательства поверяются и дополняются в заседании суда: а) рассмотрением подлинных протоколов и других письменных и вещественных доказательств и б) отображением показаний от подсудимого, сведущих людей, свидетелей и участвующих в деле лиц».²⁷⁵ Из сопоставления этих статей мы видим, что ими устанавливаются два способа для поверки и дополнения в заседании духовного суда представленных доказательств: 1) рассмотрение членами суда письменных и вещественных доказательств и 2) отображение показаний от подсудимого и прочих участвующих в деле лиц. При этом второй способ не составляет как видно из 82 и 108 стт. проекта, существенной необходимости для постановления приговора, и допустить этот способ или не допустить – будет зависеть от усмотрения судей, а усмотрение, в свою очередь, будет зависеть от уважительности причин к тому, чтобы допустить; его или не допустить: следовательно, существенно необходимым и в то же время вполне достаточным способом для поверки и дополнения представленных доказательств в заседании суда комитетом признан только один – именно рассмотрение письменных и вещественных доказательств.

Но проектировать такого рода статьи, которыми признается необходимость одного только способа для поверки и дополнения в заседании суда представленных доказательств именно лишь чрез рассмотрение письменных документов и вещественных доказательств, и отменять другой – чрез выслушивание сторон – значит, так сказать, смещать духовный суд с канонической почвы и устанавливать на новой, где ясно предвидится только ущерб для правосудия и лишения для духовенства. По правилам «канонического» судопроизводства поверка и дополнение доказательств в заседании суда должны были производиться, как мы видели, обязательно по двум способам: через рассмотрение письменных документов и чрез выслушивание стороне; причем судебное следствие, состоящее в поверке и дополнении представленных доказательств

указанными двумя способами, составляло самый центр, существенную и важнейшую часть всего процесса и служило главным основанием для постановления приговора; несоблюдение же этого порядка поверки и дополнения доказательств почиталось нарушением прав подсудимых на защиту и составляло достаточный повод к кассации судебного приговора. Да и в объяснительных записках, приложенных к проекту, вполне ясно разъясняется необходимость того и другого способа поверки и дополнения доказательств в заседании суда, как именно согласных с правилами канонического судопроизводства и требованиями правосудия. Так, комитет, указывая, в своем рассуждении по поводу содержания проектируемой им 63 статьи, на необходимость устранения из духовных судов, отмененной в светских судах, теории формальных доказательств и на необходимость того, чтобы духовный суд производился в проектируемых судебных установлениях «со всеми обеспечениями, которые признаны необходимыми и допущены на светском суде», «согласно с расспросом сторон и свидетелей...», касаясь собственно существующего порядка духовного судопроизводства, в тех же объяснительных записках говорит: «Духовный суд производится в тайне, без бытности подсудимого, по письменным актам, составленным во время следствия. Этот порядок вполне согласен с порядком, существовавшим в гражданском суде до Судебных Уставов 20 ноября 1864 года, но не имеет никакого сходства с порядком, какой установлен для суда церковными правилами. По церковным правилам обвиняемый непременно должен быть вызван к суду лично; заочные решения допускались только как изъятия: если подсудимый не являлся к суду по трем вызовам, в таком случае суд мог постановить о нем заочное решение, как бы в наказание за неявку, да не мнится выгоду имети, бегая от суда (Ап. 74). Постановление решений без бытности подсудимого по письменным актам, составленным во время следствия, сопряжено вместе с тем с крайне вредными последствиями. Опыт судебных установлений, образованных по Устам 20 ноября 1864 года, почти ежедневно убеждает, что по актам так называемого предварительного следствия, можно вывести заключение совершенно противоположное тому, к которому суд приходит на основании следствия судебного, при котором подсудимый и свидетели лично перед судьями дают показания. Предварительное следствие, даже при самом добросовестном его производстве, не может исчерпать всех средств к открытию истины в данном случае, а представляет только собрание материалов для полного ее обнаружения на судебном следствии. В этом последнем суд и должен искать оснований к оправданию или обвинению подсудимого, так как при этом (судебном) следствии заявляются и обнаруживаются обстоятельства, как обвиняющие, как и оправдывающие подсудимого, совокупность которых и должна служить основанием того внутреннего убеждения, по которому

составляется решение».²⁷⁶ Таким образом, если 82 и 108 статьи комитетского проекта явно противоречат правилам канонического судопроизводства и вместе не согласны с началами правосудия, как то и другое ясно раскрывается и в объяснительных записках к проекту, то они, без всякого сомнения, должны быть отменены и заменены такими, которые находились бы в полном соответствии со статьей III-ю того же проекта, то есть, который делали бы вызов сторон и вообще всех прикосновенных к делу лиц в заседание суда для устного допроса строго обязательным во всех случаях без исключения.

В. Троицкий

Миссионерский отдел

Высотский А. К вопросу о постановке миссионерского образования в духовных семинариях // «Миссионерское Обозрение», 1906, № 4, стр. 484–495

(По поводу предполагаемой реформы духовных семинарий)

Вышел Высочайший указ 17 апреля об укреплении начал веротерпимости. По прочтении его невольно думалось: «Итак, в распоряжении Православной Церкви отныне не будет более никаких внешних мер для борьбы с расколом и сектантством, для противодействия им. Никаких репрессалий, никаких ограничительных мер по отношению к раскольникам и сектантам, никаких преимуществ для Православной Церкви, благодаря которым она занимала бы положение *господствующей* Церкви. Пало это внешнее средостение, стоящее между Православием и расколо-сектантством, как двумя противоборствующими силами. Отныне раскол и сектантство, не сдерживаемые никакой внешнею силою, свободно устремятся на борьбу с Православием. Для них открыта свобода проповеди (свободная пропаганда) своих учений, свобода публичного оказательства своей веры на соблазн православным, свободная организация миссионерских учреждений. И хотелось от души выразить пожелание: о, дал бы Бог, чтобы Православная Церковь нашла в себе достаточно духовных сил для того, чтобы это новое положение, в которое она должна теперь стать по отношению к расколу и сектантству, оказалось лишь на пользу ей; дал бы Бог, чтобы борьба с расколом, и сектантством одними духовными мерами была столь же ревностной, сколь и правильно поставленной, а по результатам – благоплодной. Многого нужно для этого. О многом в интересах Православной Церкви и для успехов православного миссионерского дела нужно теперь подумать и позаботиться, – обо всем, что имеет и может иметь прямое или косвенное отношение к деятельности православной миссии, направленной к ограждению чад Православной Церкви от увлечения расколом или сектантством и к возвращению самих раскольников и сектантов в лоно Св. Православной Церкви. А между прочим и не прежде ли всего следует нам в особенности теперь приложить все старания и заботы к *усилению миссионерского образования* пастырей нашей Православной Церкви. Кажется, дело так ясно, что едва ли нужно усиливать все это доказывать. В самом деле, что означает, для пастырей Православной Церкви указ 17 апреля о веротерпимости, какие обязанности налагает на них? Означаете, ли он конец их пастырско-миссионерской деятельности, или, наоборот, пробуждение ее и возможное усиление? Конечно, последнее. Прежде, до издания этого указа, за пастыря Церкви иногда действовали то административные, то полицейские, то судебные власти, репрессивными и ограничительными

мерами подавляя пропаганду и публичное оказательство раскола и сектантства. Теперь для целей борьбы с расколом и сектантством и для ограждения православных от пропагаторских влияний со стороны раскольников и сектантов одно важнейшее средство – пастырско-миссионерская деятельность православных священников. Следовательно, если, когда, то в особенности теперь, духовная семинария должна позаботиться давать своим воспитанникам, будущим пастырям Церкви, возможно совершенное пастырско-миссионерское образование.

Так думалось. Так естественно было желать. Но что же оказывается в действительности? Из № 46 «Церк. Ведомостей» узнаем, что по выработанному Учебным Комитетом при Св. Синоде проекту реформы духовных семинарий специальная кафедра для преподавания миссионерского предмета о расколе и сектантстве упраздняется; для изучения этого предмета вместо 6 недельных уроков, полагаемых по ныне действующим программам, оставлено только три и они присоединены к кафедре церковной истории.

Итак, миссионерское образование для будущих пастырей Церкви не только не усиливается, как требуют того обстоятельства времени напротив, оно ослабляется до такой степени, что предполагаемая постановка его в реформированной дух. семинарии фактически будет равняться упразднению его, именно *как миссионерского*. Почему так, это объясним ниже. А теперь продолжим наши соображения, по вопросу о том, о чем теперь, соответственно вопросам жизни, следует думать – об ослаблении, или, наоборот, об усилении миссионерского образования в духовной семинарию.

По обнародовании указа 17 апреля о веротерпимости, естественно, всех и каждого интересовал вопрос: как отзовутся на этот указ раскольники и сектанты? Какие ближайшие последствия он будет иметь для их религиозной жизни и для определения ими своих отношений к Правосл. Церкви? Ответа пришлось ждать не долго. Раскольники и сектанты вскоре же отозвались на указ об укреплении начал веротерпимости. Для своей цели мы будем говорить только о сектантах.

Дарование сектантам свободы вероисповедания способствовало подъему духа, оживлению религиозной жизни и усилению пропагаторских стремлений у них. Подъем духа и религиозное одушевление в среде молоканских общин имели своим ближайшим последствием устройство всероссийских молоканских съездов. Первый такой съезд был в конце июля (начался 22 июля) в с. Воронцовке Тифлисской губ., второй – в начале сентября в с. Астраханке Таврической губ. Последний происходил отдельно у старомолокан (2, 3 и 4 сент.) и отдельно у новомолокан (4, 5, и 6 сент.). На съездах старомолокан и новомолокан, бывших в с. Астраханке, мне пришлось присутствовать. Я видел огромное религиозное одушевление сектантов; слышал множество проповедей и речей,

произнесенных молоканскими пресвитерами и проповедниками, съехавшимися на съезд со всех концов России; со стороны наблюдал их оживленные совещания в закрытых собраниях представителей их общин. Не трудно догадаться, что сектанты обсуждали на этих последних, закрытых собраниях. Вопрос о пропаганде своей веры был, несомненно, один из главных вопросов, подвергавшихся обсуждению. На юбилейных молитвенных собраниях молоканами высказывались пожелания, чтобы подобные обще-молоканские съезды повторялись и впредь по возможности чаще. Описывая все виденное мною на съезде, я тогда же говорил: «последствием такого оживления религиозной жизни в среде сектантов, несомненно, будет усиление пропагаторских стремлений и деятельности их, направленной к распространению секты. Начало таким стремлениям у новомолокан, нам кажется, уже положено постановлением об открытии в с. Астраханке учебного заведения для приготовления пресвитеров и проповедников в их секте. Все это нам, православным, следует иметь в виду. Нам нужно быть настороже, чтобы все последствия указа 17 апреля об укреплении начал веротерпимости, как уже проявившиеся в сектантских обществах, так и впредь могущие быть, не наносили ущерба интересам Правосл. Церкви» (*Таврич. Епарх. Вedom.* 1905 г. № 18).

Итак, нам нужно быть настороже. Что же нужно для этого? Несомненно, прежде всего и ближайшим образом потребуются усиление пастырско-миссионерской деятельности приходских священников. А для того, чтобы наши приходские священники были подготовлены к такой усиленной пастырско-миссионерской деятельности, необходимо позаботиться об усилении миссионерского образования для будущих пастырей Церкви в духовной семинарии. Пусть же каждый рассудит, своевременно ли теперь поднимать вопрос об упразднении в семинариях специальной кафедры для изучения миссионерских предметов?

На всероссийском съезде новомолокан в с. Астраханке, как сказано выше, постановлено открыть школу для приготовления пресвитеров и проповедников в их секте, т.е., говоря иначе, сделано постановление об открытии *миссионерской* школы (которая юридически будет носить, вероятно, какое-нибудь другое наименование, фактически же будет именно миссионерскою). Такое постановление новомолокан (иначе штундо-молокан) нас несколько не удивило и не поразило неожиданностью. Напротив, это было так естественно. Желая процветания своей секте, возможно широкого распространение ее, конечно, нужно прежде всего позаботиться о возможно лучшей постановке миссионерского образования для представителей секты – пресвитеров и проповедников. Сектанты всегда это понимали и к этому стремились. Доселе, не имея возможности завести у себя на родине миссионерских школ, они посылали будущих своих пресвитеров и миссионеров для

получения миссионерского образования за границу, преимущественно в Гамбургскую баптистскую семинарию. Да, не останавливались ни перед какими трудностями. Ну, а теперь, получив свободу вероисповедания, конечно, прежде всего позаботятся об открытии миссионерских школ у себя дома. Так поступают сектанты. Они заботятся об открытии специальных миссионерских школ. А мы? Увы, мы не только не думаем об усилении и лучшей постановке миссионерского образования для наших будущих пастырей Церкви, а хотим в этом отношении пойти назад. Мы не только не заводим специальных миссионерских школ, но хотим упразднить и специальную миссионерскую кафедру в духовных семинариях. Какое грустное недоразумение!

Проект постановки миссионерского образования в реформированной духовной семинарии, как сообщено в *Православном Путеводителе* (окт., стр. 417), составлен профессором Петербургской дух. академии П.С. Смирновым; программа же, составленная в 1901 году комиссией преподавателей семинарии, не принята. Не подложит сомнению ученая компетентность составителя проекта. Впрочем, вынуждаемся сказать, что признаем это с оговоркой. П.С. Смирнов – известный в науке специалист по истории старообрядческого раскола. Но, сколько нам известно, ни в бытность преподавателем Рязанской дух. семинарии, ни теперь, состоя профессором академии, П.С. не занимался *специальным* изучением сектантства и не имеет никакого отношения к *живому миссионерскому делу*. Не зная же детально сектантства и тем более живого миссионерского дела, он едва ли мог живо представить себе, сколько запросов наше современное русское сектантство ставит пастырю Православной Церкви и в какой высокой степени должен иметь миссионерское образование современный священник в приходе, уже зараженном сектантством или где начинает проявляться сектантская пропаганда. Мы нимало не сомневаемся, что всякий, кто не захочет спрятаться в своем ученом кабинете, а почтет своим долгом внимательно присматриваться к самой жизни, не произнесет приговора об ослаблении миссионерского образования для современного пастыря нашей Православной Церкви.

В самом деле, попробуем хотя на короткое время заглянуть, напр., в наши широкие южнорусские степи и посмотреть, что там делается в православных приходах. Мы хотели бы говорить лишь то, что сами видели, слышали и, главное, перечувствовали, для того, чтобы о таком живом и жизненном деле, как пастырско-миссионерская деятельность и миссионерское образование пастырей церкви, говорить от жизни, а не на основании теоретических соображений и кабинетных размышлений.

Напомним прежде всего о том, что было на новомолоканском всероссийском съезде в с. Астраханке. Как мы уже сообщали в свое время (*Таврич Епарх. Ведом.* 1905 г. № 18), на съезд прибыли

проповедники не только из разных мест России, но из заграницы: из Германии, Австрии и даже один из Америки. В числе русских проповедников были лица из интеллигентных классов общества (орловский помещик Н.П. Зиновьев, Яковлев, из Москвы и другие). Прибывшие из заграницы были баптистские, пресвитерианские или методистские пасторы и специальные миссионеры. Нужно ли пояснять, что означает такое собрание интеллигентных сектантских проповедников, не только русских, но и иностранных!? Эти полчища сектантских проповедников и миссионеров не будут ли разносить свое учение по разным местам нашего отечества, особенно ставшего гостеприимным по отношению к ним теперь после указа 17 апреля об укреплении начал веротерпимости.

В молитвенных собраниях новомолокан я слышал оживленные проповеди и зажигательная речи собравшихся проповедников и миссионеров. Я видел, какое сильное впечатление производили они. И больно сжималось мое сердце при мысли, что не всегда и не все мои бывшие ученики, теперь пастыри церкви, окажутся имеющими достаточное миссионерское образование для того, чтобы быть готовыми разрешить все недоумения, возбуждаемые сектантскими проповедниками в душах православных слушателей.

Тут же, в Астрахани, в течение заседаний всероссийского молоканского съезда я обменивался своими впечатлениями с моими бывшими воспитанниками, которых теперь встретил уже пастырями Церкви. И согласное было наше общее суждение, что в семинарии должно быть усилено миссионерское образование, с предоставлением преподавателю возможности большей свободы в исполнении программы.²⁷⁷ Так думали все мы, стоя лицом к лицу с запросами жизни. Иначе думали там, в Петербурге, вдали от наших степей, где вопрос о миссионерском образовании для будущих пастырей церкви разрешается самою жизнью. Там, вдали от жизни, решили иначе – не только не усиливать миссионерского образования для будущих пастырей церкви, но еще ослабить, а собственно даже упразднить его, как живое, именно *миссионерское*, практически поставленное, образование.

Как известно из донесений священников, по Таврической епархии разъезжает теперь немало сектантских проповедников, не только русских, но и заграничных. В рапортах в Таврический епархиальный миссионерский комитет священники называют некоторых из них: Герасименко, Розенцвай, Квирих, Эксцпах, Штеккер и др. В числе их есть заграничные пасторы и миссионеры; есть, говорят, и профессора заграничных университетов (за достоверность последнего не ручаемся). Все сектантские миссионеры состоять на определенном жаловании. Деятельность их после 17 апреля приняла характер открытой свободной пропаганды. Является сектантский миссионер в какую-нибудь немецкую колонию или русскую деревню;

оповещает, что приехал *миссионер* (часто вводят этим в заблуждение православных; последние думают, что приехал православный миссионер); назначается время и место, когда и где он будет проповедовать; собираются слушатели; начинается открытая публичная пропаганда лжеучения... Здесь все это мы видим, слышим, читаем донесения об этом. И для нас несомненно, что на русскую православную церковь ополчается с страшною силою протестантизм. Он распространяется не только среди простого народа в виде сектантства, но начинает проникать в чистом его виде (западноевропейские протестантские исповедания) и в интеллигентные классы нашего общества. Может быть, для нас, гг. представители богословской науки, как отвлеченного ведения, это безразлично? А у нас душа болит при виде нашей Св. Православной Церкви, терзаемой сектантскою пропагандой. Станьте же ближе к запросам жизни и подумайте, время ли теперь говорить об ослаблении миссионерского образования для нашей церкви. Ведь наслушавшись соблазнительных для своей православной веры речей сектантских проповедников, православные слушатели идут, затем, к приходскому священнику и, смущенные в своей религиозной совести, просят у него разрешения навеянных сомнений. И теперь-то не всегда и не всякий священник найдет, что ответить в разрешение возбужденных недоумений и сомнений. Значит, следовало бы подумать об усилении миссионерского образования в наших духовных семинариях, а уж, конечно, не об ослаблении его.

Прислушайтесь еще и еще к тому, что говорят люди жизни. В № 45 «Церк. Ведом.» дано сообщение о пастырском собрании духовенства Ставропольской епархии. Коснувшись вопроса о нуждах миссии в епархии, духовенство постановило между прочим: просить правление семинарии поставить преподавание обличения раскола и сектантства в соответствие с условиями религиозной жизни населения епархии». Считаем лишним делать комментарии к этому постановлению приходских пастырей церкви – людей, непосредственно знакомых с запросами жизни.

На Одесском областном съезде миссионеров южных епархий, бывшем в сентябре месяце 1905 г., было суждение о последствиях издания указа 17 апреля о веротерпимости и о вытекающих отсюда нуждах православной миссии. Было констатировано, что «указ 17 апреля поднял дух и энергию сектантов, они увеличивают количество своих специальных разъездных проповедников, организуют свою миссию путем назначения новых миссионеров и увеличения им жалованья, а новомолокане хотят открыть семинарию для приготовления миссионеров. Он предоставил сектантам право проповеди в многолюдных собраниях». В противовес развитию сектантской пропаганды съездом выражены, между прочим, следующие пожелания: «духовенство, а отчасти и специальная миссия должны постараться восполнять то, чего им

недостает, усилив свою противо-сектантскую подготовку. Необходимо во всех академиях иметь кафедры истории и обличения сектантства», («Кишин. Епарх. Ведом.» 1905 г. № 22, стр. 593–594). Вот о чем мечтали представители миссионерского дела, собравшиеся в сентябре месяце в Одессе. Им представлялось необходимым учреждение специальной кафедры для изучения истории и обличения сектантства во всех четырех наших духовных академиях. Допускали ли они мысль о возможности упразднения этой кафедры даже и в семинариях. А между тем проект такого упразднения миссионерского образования в семинариях был уже готов, хотя и лежал еще под спудом.

Мы уже говорили выше, что проектируемая новым уставом дух. семинарии постановка изучения раскола и сектантства не только ослабить миссионерское образование будущих пастырей церкви, но фактически будет равняться совершенному упразднению его. Теперь в заключение наших рассуждений поясним это.

1) При трех уроках в неделю можно пройти только историю старообрядческого раскола и в самых лишь основных положениях обличение его. На изучение истории и обличение сектантства времени совсем не остается. Для более или менее удовлетворительного изучения истории и обличения раскола и сектантства нужно не менее 7 уроков в неделю. Чтобы не быть голословным, я поясню свое рассуждение собственным педагогическим опытом. По ныне действующей программе на изучение раскола и сектантства положено 2 урока в V кл. и 4 урока в VI кл. Пользуясь этими 6 недельными уроками, учебный материал я располагаю таким образом. В 5 кл. прохожу историю старообрядческого раскола и часть курса обличения его; повторить успеваю едва четвертую часть пройденного; остальное ученики повторяют лишь при подготовке к экзаменам. В 6 классе к половине ноября месяца оканчиваю курс обличения раскола (значительно сокращая его против действующей программы). Затем во все остальное время до конца учебного года прохожу историю и особенно обличение сектантства (молоканства и штундизма, отчасти толстовщины). Повторить нет. пройденного успеваю лишь немного. Отчего так медленно? Лица, осведомленные в миссионерском деле, легко ответят за меня на этот вопрос. И я, и они скажут, что материал, относящийся к обличению сектантства, должен быть поставлен преподавателем и усвоен учениками практически, живо и вполне сознательно; урок должен быть воспроизведением полемико-апологической противо-сектантской беседы, а не механическим заучиванием и воспроизведением известных теоретических богословских сведений. При этом, позволяю себе думать и сказать, что учеников не тяготит изучение истории и обличения сектантства, напротив, привлекает к себе их интерес и внимание. Но это именно лишь при условии, если изучение предмета ставит живо, а не теоретически отвлеченно, если

преподаватель обращается к живой характеристике местных фракций сектантства и ставит возражения сектантские и способы, и приемы опровержения их также живо – от опыта.

2) Из сказанного видно, что преподаватель истории и обличения раскола и сектантства должен быть специалистом своего предмета и потому кафедра для преподавания его должна быть особая специальная в семинарии. Я стал чувствовать себя хозяином своего дела в классе лишь после того, как побывал в главных центрах сектантства в нашей Таврической губернии и таким образом иметь возможность непосредственно ознакомиться с местным сектантством, а затем в течение нескольких лет вел полемико-апологетические беседы с сектантами или же апологетические противо-сектантские беседы для православных.

3) В виду вышесказанного, затем, очевидно, что упразднение особой специальной кафедры для преподавания раскола и сектантства в семинарии не ослабит только миссионерское образование, а фактически будет равняться именно упразднению его для будущих пастырей церкви. Дадите ли преподавателю церковной истории 3, 4, 5 уроков для преподавания учения о расколе и сектантстве, он будет почитать себя *специально* преподавателем церковной истории; преподавание истории и обличения раскола и сектантства он всегда будет почитать придаточным сверхштатным предметом, почему-то навязанным ему так, между прочим. Полагаем, что такого отношения его к делу не измените никакими *мерами внушения*. В самом деле, примите во внимание, что, помимо специального изучения истории раскола и сектантства, преподавателю для обличения сектантства необходимо очень основательное изучение Св. Писания и догматического богословия.²⁷⁸ Прибавьте к этому обширный предмет общей и русской церковной истории, многотрудный для памяти курс обличения старообрядческого раскола, и посудите сами, справедливо ли требовать, чтобы преподаватель церковной истории вместил весь этот многопредметный, разнообразный и обширный материал в свою голову? Справедливо ли требовать от него же, чтобы он поездил по епархии для непосредственного ознакомления с местными фракциями сектантства, а затем от времени до времени вел и беседы полемико-апологетические с сектантами или противо-сектантские апологетические с православными? Конечно, требовать от него всего этого было бы явно несправедливо, а между тем это безусловно необходимо для преподавателя истории и обличения сектантства, как было уже сказано выше.

4) Если признаем, что изучение обличения раскола и сектантства должно быть поставлено практически, то этим сам собою будет разрешаться вопрос о числе уроков по кафедре миссионерских предметов в семинарии. Повторяем, что число этих уроков должно быть не менее

семи. При разрешении этого вопроса мы хотели бы обратить внимание на следующий пример. Для преподавания очень краткого по объему курса педагогики и дидактики в дух. семинарии по ныне действующему уставу полагается 2 урока в неделю для теоретического изучения учебного материала и 4 урока для практического изучения его в образцовой при семинарии школе. Курс истории и обличения раскола и сектантства, вероятно, раз в пять по объему шире курса педагогики и дидактики. Итак, если для практического преподавания последних предметов признается необходимым 6 недельных уроков, то каким образом находят возможным для преподавания истории и обличения раскола и сектантства назначать только 3 урока, между тем как, повторяем, преподавание обличения раскола и сектантства должно быть поставлено непременно практически, каждый урок по обличению раскола или сектантства должен быть не сообщением только известных теоретических сведений, и воспроизведением полемико-апологетической противораскольничьей или противосектантской беседы.

Итак, по нашему мнению, которое, как нам кажется, вытекает из современных запросов жизни, думать в настоящее время, особенно после издания указа 17 апреля об укреплении начал веротерпимости, об ослаблении или почти полном упразднении миссионерского образования в наших семинариях для будущих пастырей церкви едва ли уместно и соответственно интересам св. Православной Церкви. Какова должна быть соответственно нуждам времен и действительным жизненным интересам Церкви постановка миссионерского образования в духовной семинарии, этот вопрос компетентно и справедливо, даст Бог, разрешат люди жизни и опыта в лице архипастырей – членов Св. Синода, где проект реформы духовной школы будет еще рассматриваться, а затем в лице архипастырей и пастырей Церкви, имеющих собраться на всероссийский церковный собор, на котором выработанный проект должен будет, вероятно, получить последнюю санкцию.

А. Высотский

**Ивановский Н., проф. Записка по вопросам о расколо-
сектантстве и об устройстве миссии // «Миссионерское
Обозрение», 1906, № 4, стр. 497–519**

Борьба не с иноверием только, но и с инославием в разнородных видах сектантства и всякого религиозного неправомыслия, составляет исконную задачу Церкви. Всегда и все ее сознавали, и никто никогда не оспаривал. Религиозно-церковный индифферентизм всегда считался явлением аномальным. Сказать: «веруй, как хочешь и принадлежи к какой угодно церковной общине и достигнешь цели бытия» значит отрицать всякое значение содержания веры и авторитет церкви. Раскол или раздор с Церковью есть вражда против нее и в этой вражде весь его смысл. Не двуперстое, или посолоние и проч. зазорны; зазорно то, что из-за этого враждуют. В иных, чуждых благовествованию Христову верованиях (догматах) заключается то, что принято называть «ересью». В этих положениях исходный пункт настоящих объяснений и предначертаний. До последнего времени в борьбе с сектами принимало у нас участие и гражданское правительство изданием разных воспретительных законов. Обстоятельство это отодвигало как бы на второй план чисто духовные воздействия словом вразумления, мало того: оно направляло и деятельность духовенства на несвойственную ему роль быть более всего надзирателями над противозаконными деяниями расколе-сектантов. По донесениям священников и по почину местных духовных властей вчинались и судебные процессы. Высочайшим указом 17 апреля положение дела круто изменилось. Для внешних правительственных запретов не осталось почти и места; пастыри церкви не призываются уже ни к какому административному надзору. Так, по крайней мере, следует по смыслу указа, хотя частные законы многие еще не изменены принятым юридически порядком и не исключены из существующих кодексов. Церковному пастырству указывается один путь *духовного* воздействия. Является отсюда вопрос: достаточно ли наши пастыри к этому подготовлены и в силах ли справиться одни, каждый в своем месте? Не требуется ли им помощь извне, от так называемых «миссионеров» или специально сведущих людей, причем самое название «миссионера» лучше заменить каким-либо другим именем, более скромным в роде «катехизатора», «проповедника» или как-нибудь иначе. В настоящее время помощь сведущих в миссионерском деле людей является неотложною и чем больше окажется таких сведущих людей, тем лучше. Уравновешение отношений между пастырями и людьми, им помогающими, неприходными, может определяться особыми на сей предмет инструкциями, утвержденными местными преосвященными. Во

всяком случае свобода и независимость пастырского влияния не должна никоим образом быть ими стесняема.

Из сказанного и является первый вопрос как поставить миссионерский (проповеднический) институт? В настоящее время *de facto* он хотя и существует, но *de jure* нет. Все зависит от личных чисто взглядов, и отношений местных преосвященных и по большей мере от разных Братств и других частных учреждений, который по принятым ими задачам, заботятся о поддержании миссионерского дела. Но раз признана необходимость в особых специальных деятелях, необходимо создать им и соответствующее положение. Не говоря о деятелях второстепенных такого или иного рода, занимающих в общественной лестнице свое место, попечение о которых может быть всецело возложено на означенные просветительным учреждения и на епархиальные начальства, располагающие местными средствами, нельзя не обратить внимания на существующих, так называемых, миссионеров епархиальных. В настоящее время эти миссионеры, не занимающие никаких других должностей и всецело отдавшие себя на служение своему делу, будучи в священном сане, состоят приписными сверх штата священниками к каким-либо церквам, а не имеющие священного сана, хотя и окончившие даже академическое образование, псаломщиками. Ясно, что их правовое по службе положение совершенно неестественно; первые имеют еще права на протоиерейскую пенсию, последние ничего. Между тем обязанности их очень тяжелые и ответственные – по крайней мере со стороны нравственной. Провести 4-часовую беседу терпеливо с достоинством и без нервного раздражения руководить массой, толково разъясняя казуистические вопросы, при том же знать, что далее ожидает перетолкование, а нередко и прямая клевета, которую нужно будет разоблачать, – это прямо подвиг...

Какое же было бы справедливым создать им положение?

Обсуждая постановленный вопрос, мы сочли соответствующим обязанностям епархиального миссионера остановиться на близком по задаче служении положении епархиального наблюдателя церковных школ. Как последний поставлен во главе образования детей в духе церковном, так первый стоит во главе церковно-просветительного воздействия на взрослых, смущаемых ложным проповеданием, – в чем чувствуется не меньшая потребность. При том, обязанности последнего лишь контролирующие и внешне-административные, не соединенные в сущности ни с какою личной ответственностью и сверх того во многом, если не во всем, он может укрыться за Училищным Советом. Миссионер должен делать дело сам, быть передовым бойцом, других же направлять и руководить, укрыться ему не за кем. И по своей подготовке он должен стоять выше, обладая, кроме обще-богословских и педагогических, знаниями еще специальными. Наконец, требуется от него и больше

народничества, такта и умения держать себя пред другими, никого против себя не возбуждая. Все это обязанности, а права какие?

Существующая бесправность миссионеров продолжает такое нежелательное явление, что прослужившие в означенном звании 10–15 лет стараются переменить свою службу, хотя и не менее обозначенную, но на более определенную. Места их занимают новички, бывает, очень неподготовленные, от чего же дело очевидно проигрывает. Как быть, чтобы не было последнего? Для этого желательно, чтобы епархиальными миссионерами назначались лица, послужившие уже в семинариях, преподаватели по расколу-сектантству, известные своею практическою деятельностью с таким расчетом, чтобы их служба зачлась в пенсию, и чтобы по выслуге оной, они могли снова, если силы не позволять продолжать миссионерское служение, – занять места преподавателей семинарий, сохраняя пенсию. В этом несколько другая система в сравнении с приравнением миссионеров с наблюдателями церковных школ, но что-же-нибудь необходимо сделать, смотря по средствам. Оставлять дело в таком положении, в каком находится оно теперь, прямо невозможно. На основании сказанного было бы справедливо сравнивать епархиальных миссионеров по службе и по пенсии с епархиальными наблюдателями церковных школ, назначать и утверждать их по представлениям местных преосвященных и по исполнению обязанностей поставить в непосредственную зависимость от епархиальных лишь преосвященных, минуя другие учреждения, за исключением учреждений миссионерского характера, в Советах коих они должны быть непременно членами. При этом образовательный их ценз должен быть академический. Существующие теперь миссионеры, хотя и низшего образования, по признанию преосвященными их полезности, могут оставаться на своих местах и пользоваться всеми означенными правами.

Что касается простецов, то они, хотя и могут быть хорошими специалистами и опытными беседниками и, наконец, людьми близкими к народу, но не могут быть руководителями других, а тем более составителями каких-либо предначертаний и изобретателями духовных мероприятий, требующих богословского, канонического и археологическо-литургического образования, так, как и цели практические не должны, да и не будут достигаться с нарушением основных норм церковной жизни. (Такова предоставленная православным священникам возможность уходить безнаказанно со стороны церковной власти к беглопоповцам).

Само собою понятно, что в некоторых епархиях могут быть не один, а два епархиальных миссионера: один противостарообрядческий (с церковной чисто точки зрения «противо-раскольнический», так как со старообрядством, как *таковым*, борьбы быть не может и не должно), другой противосектантский. Совмещение в одном лице обязанностей того и другого весьма нежелательно по причине разнообразия источников и

приемов и по существу самых вопросов, какие выдвигаются противными сторонами: что важно в глазах одной противной стороны, то совсем не важно или не нужно в глазах другой, и ориентироваться одному человеку во всей массе разнообразнейших источников просто не под силу.

Под руководством епархиальных миссионеров и при непосредственном их участии и может в каждой епархии, по мере надобности и наличных сил, образовываться своего рода дружина миссионерских деятелей, в которую могут призываться лица всех званий и состояний. Задача епархиального миссионера сплотить их между собою, а епархиальных начальств озаботиться изысканием средств, чтобы каждого вознаградить за труды, поглощающие его время, и поощрить труженика, поддерживая его энергию своим вниманием.

При предполагаемом устройении просветительно-миссионерского дела является уже аномалией существование какого-то сверх-епархиального (Синодального) миссионера, не то начальника над другими, вмешивающегося и в дела епархиального управления, без всякого юридического права, не то, не знаем, как и выразиться. Если же было бы признано полезным иметь общее руководящее лицо, то оно должно быть выше других, как по специальному знанию, так и по общему богословскому образованию, – состоя без сомнения, в непосредственном ведении центральной власти. Но и при этом скорее всего на деле вышла бы та же неестественность и давление на епархиальную миссию. Посему, если бы где понадобились лучшие руководители и беседники, чем какие имеются, то сами преосвященные могли бы приглашать их в свои епархии.

Специальные миссионеры от малого и до большого, – суть помощники пастырству. Но какие дать указания самим пастырям? Без сомнения, прежде всего хорошо было бы спросить их самих, и тех именно из них, которые поставлены в непосредственные отношения к расколосектантству, – но не посторонних, могущих рассуждать лишь априорно, а иногда и тенденциозно. Нужно узнать от них самих, как они ведут дело церковного домостроительства и где и в чем со стороны миссионерского делания затрудняются, чтобы явиться им на помощь.

1) На бывшем в Казани в сентябрь 1905 года Миссионерском съезде и был поставлен и обсуждаем вопрос «о привлечении к миссионерскому делу церковных пастырей». Съезд, по заявлениям пастырей – миссионеров, справедливо остановился на двух обстоятельствах сближения пастыря с своими прихожанами в виду облегчения пастырского на них влияния. И прежде всего на общности чистого, честного труда, в роде пчеловодства, садоводства и т.п. Здесь, на нейтральной почве, легче сближаться даже и с раскольничающими прихожанами и приобретать их доверие. С другой же стороны в жизни церковной являются полезными некоторый приспособлены к излюбленным народом

обычаям, не нарушающим, конечно, существа веры, из коих некоторые и вашу Церковь узаконяются, а иные разрешаются церковною властью; таковы для примера: наложение епитимии, – хотя и не тяжелой, на кающихся, употребление в частных случаях двуперстного благословения, положение пред началом церковных служб и по окончании оных, так наз., «начала», т.е. произнесения вслух молитвенного возгласения: «Боже, милостив буди ми грешному» и проч. чтение тропаря празднику, или храму в начале и «Достойно» или Задостойника в конце. (Здесь может быть и не все так, как принято старообрядцами). Само собой, понятно, что такая приспособляемость может быть рекомендована там, где она могла бы быть полезною в смысле привлечения народа к Церкви.

Вопрос о приспособляемости возбудил, правда, на общем заседании и миссионеров с депутатами от духовенства, бывшими на Епархиальном съезде, пререкания и возражения со стороны некоторых, особенно городских священников. Но эти пререкания были сплошным недоразумением, теме более необъяснимым, что помимо данных уже церковною властью указаний и разрешений (благословлять двуперстно), – речь шла о потребностях деревни и при том известного рода местностей. По существу, начало приспособлениям, не касающимся существа веры, положил еще св. Апостол Павел, обрезавший некогда Тимофея и сказавши о себе: «с иудеем был я, как иудей, с эллином, как еллин, всем быв вся, да всяко некия приобрящу». (1Кор.9:20–23). «Мы сильнии, говорил он и в другом месте, немощи немощных должны носить, а не себе угождати». (Рим.15:1).

2) Но это только начало, как бы зародыш пастырско-миссионерского воздействия, а не конец его и даже не продолжение, это лишь первая ступень длинной лестницы. В чем же должно заключаться продолжение? Об этом даны уже подробные указания частью в распоряжениях Св. Синода, частью Миссионерскими съездами. Очень хорошую их группировку представляет изданная редакцией «Миссионерского Обозрения» «Пастырская миссионерская памятка». Полезно было бы пересмотреть эту «Памятку» и, исправив, применительно к обстоятельствам и потребностям настоящего времени, издать вновь, *по благословению высшей церковной власти* для всеобщего руководства. Бывший в Казани съезд и просил уже сделать это своего председателя профессора Казанской Духовной Академии Ивановского), совместно с преподавателем Казанской Духовной Семинарии священником Н. Воронцовым.

3) Верхом миссионерского воздействия являются, бесспорно беседы (публичные или частные), требующие специальных познаний, – обладая которыми пастырь мог бы обходиться и без посторонней помощи; это такие познания, чтобы он мог, действительно, дать неопровержимый ответ о словеси своего упования, обличить лжеумствования и вольнодумства и

защитить церковь православную от всех изветов. Но об этом речи и надежды на рядовых пастырей далеко еще впереди. Хитрая казуистика расколо-сектантства придумала слишком много запросов и обвинений против православия нашей церкви, по существу хотя и мелочных, но практически в глазах народа кажущихся весьма важными, с самым понятием об учении Христа Спасителя связанными, а при этом и слишком большую изворотливость в защиту своих доктрин. И широкий ум, и богатая начитанность не всегда способны сладить с этим, чтобы распутывать искусно затянутые узлы софизмов и сразу показать свет истины. Поэтому, по отношению к рядовым приходским пастырям можно говорить о познаниях не более, как посредственных, могущих удовлетворять бесхитростным вопросам своих прихожан, чтобы они не мучились совестью в своих верованиях и обычаях. Для приобретения и таких знаний необходима прежде всего предварительная школьная подготовка, при которой вступившему в жизнь пастырю была бы облегчена возможность усовершенствовать себя и с этой стороны путем чтения и личного опыта.

Вопрос о школьной подготовке уже поставлен и разрешен нами в статье «Накануне объявления полной веротерпимости» (Правос. Собесед. 1905 г. и отд. оттиски). В школе и теперь преподается учение о расколе и о сектах со стороны исторической и полемической. Но еще на Казанском Миссионерском съезде, в 1897 г. признана была необходимость в пересмотре программ преподавания означенных предметов. Четыре года назад программы были пересмотрены при учебном комитете при Святейшем Синоде. Но дело это так и заглохло. Теперь, существенно необходимым представляется, прямо злобою дня, пересмотрев их снова, – при участии и людей не теории только, но и практики, – ввести по ним преподавание и чем скорее, тем лучше. Вместе с этим, предметам этим должно быть, отведено в школах наиболее видное место.

В школе высшей, откуда поступают преподаватели в семинарии, пусть и не все этому учатся, – у большинства другие поприща жизни, – но кто уже захотел учиться, то учился бы как следует, не третируя предмета, как мало-потребного, могущего разве только на случай пригодиться. При этом необходимо рекомендовать гг. профессорам академий, чтобы они не обходили «полемики», как науки скучной, безыдейной, даже мелочной. Дело, впрочем, и не в мелочах, а в том, чтобы не путем только научных чтений, а демонстративным, наглядным ознакомлять будущих семинарских преподавателей с первичными источниками полемики и главнейшими наилучшими пособиями, – указывая и их недостатки, дабы потом не повторять их, – а также и с новейшими старообрядческими произведениями. Все это при ознакомлении и с общей системой вопросов-ответов, и эту науку сделает нескучною, а жизненною и интересною. История же расколо-сектантства и сама по себе очень

интересна. Раскол и сектантство (рационалистическое и мистическое) могут даже и разделены быть между двумя профессорами, почин чему сделан уже в Московской Академии.

2) В ближайшей к сельским пастырям средней школе должно, по возможности, быть увеличено число уроков, хотя и немного (1–2). Но дело, впрочем, не в количестве только уроков, а опять в самом преподавании, чтобы поставить его на жизненную почву. Поясняя последние слова, мы не имеем в виду сказать, чтобы в каждой семинарии велись публичные беседы в присутствии воспитанников. Где они ведутся, пусть будут. (В настоящее время публичные беседы вступили в такой фазис развития, что на них много затуманивающих сознание пустословий, с примесью непорядочных слов и выражений). Желательно, чтобы преподавателю было время, если не по утрам, то по вечерам устроить в семинарии домашние беседы, в присутствии, если то возможно, и учеников V класса и всех желающих. При таком обмене мыслей, чуждым улицы, учились бы сдержанности, добропорядочности и знанию дела. На этих домашне-школьных беседах вырабатывалась бы гибкость мысли, свобода слова, знакомство с теми местами из разных книг и их сочетаниями, какое потребно в данное время. Такие беседы могли бы быть практической школой, в тоже время очень занимательными, так как будили бы мысль. Раскол не спит: одно место или одну книгу «вышибут у него из рук» (разъяснят, опровергнут), хватаются за другую, перечитывают многотомные произведения письменности, чтобы отыскать несколько подходящих мест, мало кому известных, в отрывках, которые и выдвигают. Теперь налегли особенно на творения блаженного Иеронима. Полемика с расколом таким образом, год от году меняется и за всеми этими изменениями следить необходимо, не довольствуясь одними руководствами и известными пособиями. Когда подготовленный к пастырскому служению семинарист будет обо всем этом, хотя и в общих чертах, осведомлен, то, поступив на приход, он будет уже знать, что и как делать и что сказать, или по крайней мере, где, о чем прочитать, а не будет ошеломлен тем, что старообрядец вычитывать станет. Для него не будет уже таких сюрпризов (как теперь), что и не особенно начитанный старообрядец может ставить его в затруднение по вопросу, например, о том, православно ли двуперстие, было ли оно в России и в других древних церквях во время «благочестия» и можно ли им знаменоваться человеку строго *православному*, или почему священник сам не молится двуперстно, или что такое единоверие и можно ли совершать богослужение совместно с единоверческим священником, или на скольких просфорах совершается литургия и т.п. Для пастыря церкви, имеющего уже достаточный запас знаний, хотя и общих (средняя школа не может дать видных специалистов), вынесшего из школы правильный только взгляд и надлежащие понятия, не трудно будет сказать здоровое слово по

подобным вопросам, затем совершенствоваться и далее посредством чтения или разъяснений более сведущего лица; этим разъяснениям, иногда сложным и обстоятельным, будет уже к чему привиться, так что они могут быть вполне усвоены».

Могут заметить, что, усиливая урочные и неурочные даже занятия по изучению раскола и сектантства, мы вносим новую, непосильную тяготу для учащихся. Многопредметность с обширными программами, и без того подавляя память, затемняет сознание и ослабляет логическое развитие. Нельзя накладывать на лошадь воз не по силам: повезет она, да и из сил выбьется и неспособна станет к дальнейшей работе. Нельзя не признать верности такого замечания. Многопредметность страшная, программы невозможно обширные. Конечно, с академической точки зрения всякое знание полезно и чем больше его, тем лучше; но в семинариях мы готовим не ученых энциклопедистов, а пастырей церкви, людей жизни, а не кабинета. Поэтому все то, чего наиболее требует жизнь, и должно быть предметом особого внимания и заботливости. Остальное многое и обширное из области чисто теоретической может, если является необходимость, быть урезано и сокращено. С ограниченностью сил необходимо считаться и лучше знать меньше, но отчетливо, чем много, да не ясно.

От школы переходим к жизни. И здесь не можем не повторить сказанного в той же статье.

«И хорошо подготовленный священник один в приходском поле не воин. Необходимо группировать около себя других, более ревностных к церкви прихожан, более отзывчивых на нужды духовные, а иногда и материальные, могущих помочь ему и в деле борьбы с иномыслием. Итак, не только в деревнях, но и в городах. Из этого соображения вытекает необходимость организации разных обществ, – образования Братств и их Отделений в городах и миссионерских кружков в деревнях. В эти общества и должно главным образом привлекать людей из мирян, которые таким или иным путем и доселе оказывали и будут оказывать поддержку и содействие пастырям». В настоящее время Святейший Синод, озабоченный возрождением приходской жизни, дабы всех прихожан привлечь к активной деятельности, уже предписал озаботиться образованием приходских Советов с более широкими задачами. (Определение Святейшего Синода 18 ноября 1905 года № 5900). Но пока эти предначертания не проведены еще в жизнь и как осуществляются, сказать трудно. Поэтому невозможно игнорировать означенных существующих уже местами обществ с специальными задачами, тем более, что члены их могли бы составить ядро предначертанных приходских Советов и сплочения всей приходской общины. И так, речь о Братствах с их Отделениями и о кружках.

1. «Уже около 40 лет назад, у нас сознана была нужда в привлечении мирян к содействию пастырям в охранении интересов церкви и к живому развитию церковно-общественной жизни. Год от году постоянно образовывались миссионерские и просветительные братства и другие общества, поставлявшие для себя разные задачи, какие указывала жизнь. Учреждения эти принесли много пользы. О них говорили и писали, как об учреждениях жизнедеятельных. Но в последнее время, близкое к настоящему, веяния как-то изменились, живое участие общества стало игнорироваться, самая идея братств суживаться. Общество, таким образом, отдалялось от дел и жизнь очень многих братств захудала. От каких причин все это происходило, сказать трудно. Может быть, в разных местах и причины были разные, а общая заключалась во всем направлении жизни: в потере доверия к людям не духовным и в апатии последних к интересам церкви. Поэтому, не раскрывая их, напомним только про основную идею Братств, что это есть живой, свободный, желанный союз духовенства и народа, пастырей и мирян «под покровительством местных владык. Но более двух лет тому назад эту мысль нужно было раскрывать и доказывать, теперь это уже не требуется. Перемена взглядов и понятий происходит с такою головокружительною быстротой, что то, что говорилось вчера, стало уже излишним, или непригодным сегодня. Но надеемся, что идея Братств устоит надолго, и знающее дело миряне займут подобающее место и в Советах братских, и в руководстве других. Под высшим зорким и любвеобильным наблюдением епископа братчики пусть действуют согласно уставам по своему усмотрению, где и как находят лучшим и целесообразным.

Если в городах Братства и другие общества из членов всех сословий сплотившиеся, то в деревнях пусть придут на помощь пастырям, так называемые, «миссионерские кружки». Там эти кружки из мирян еще более вызываются жизнью. И доселе в тех приходах и других местностях, где в помощь миссионеру и священнику являлись 5–10 человек, хотя и не много знающих, но преданных церкви, борьба всегда бывала успешна и плодотворна. Без них редко где что-либо достигалось. Но эти 5–10 человек действовали отдельно, не связанные между собою. Существенная необходимость теперь связать их. Потребность в организации кружков сознана была еще 8 лет назад Казанским и Миссионерским Съездом. (1897 г.), и образование их было предписано Святейшим Синодом. То же повторено и на бывшем (в сентябре 1905 года), в Казани, съезде. Необходимо еще раз напомнить о сем, духовенству. Инициативу образования кружков без сомнения должны дать пастыри. Нет надобности с членов этих кружков требовать и определенных взносов, пусть один даст, что может и пожелает, хотя 5–10 копеек, а другой – свой труд, по силе возможности. Задача пастырства сплотить их между собою и указать им дело, которое они и разделят.

Поэтому нет надобности писать и подробных правил. Все деревенские кружки должны входить в состав Братств, или их отделений, или даже и сами называться таковыми, где уже принято (дело не в названиях) – которые (т.е. Братства) могут оказывать им и материальную помощь. Вообще здесь город пусть помогает деревне.

Когда таким образом и наличные сведущие люди займут подобающее им место, и приходские пастыри будут оживленно работать па миссионерском поприще, ревниво охраняя каждый свою паству, и общество мирян всех званий и состояний выделить более или менее значительное количество людей способных вести активную борьбу, а все другие отнесутся к ним сочувственно и с нравственной поддержкой, словом: когда вся церковь выступит на дело Божие, тогда можно надеяться и на желанный успех борьбы. Тогда с другой стороны и только тогда и обетование Господа о неодоленности церкви получит в наших устах более наглядный, жизненный смысл, не будет повторяться оно как-то безучастно, точно с нашей стороны ничего и не требуется, а доставить нам отрадную уверенность, что и мы, входя в состав этой неодоленной церкви, не покладем рук, надеясь на данные только обетования, не впадаем в спячку, а являемся борцами за церковь и трудниками ее. Мы про то забываем, что Господь, наделивший нас преизобильными духовными дарами, хочет, чтобы и мы, пользуясь ими, вносили каждый лепту своих трудов и подвигов в ее сокровищницу, обогащая ее.

Работая в наше время, мы должны и о будущем подумать, о том позаботиться, чтобы и после нас, не только ученые и пастыри, но и люди из народа были более, чем теперь, готовы к борьбе. В этом *народная школа* должна сослужить свою службу. Некоторые архипастыри и пастыри положили уже сему начало, а другие теперь полагают, образованием особых миссионерских школ для приготовления деятелей из народа. К сожалению, уставы этих школ общи, не разработаны и не согласованы, да и результаты от них мало известны. Знают ли об этом даже свои епархии? Ни желательных сообщений, а тем более взаимных совещаний, хотя бы на миссионерских съездах, почти не было и не бывает. Всякий проектирует дело и делает его по личному только своему усмотрению (да некоторые уже и закрылись, – ясно, что поставлены были нецелесообразно). А между тем школы эти могли бы приносить большую пользу. Необходимо посему постараться воскресить к оживить их. Вышедшие из них могли бы быть борцами за церковь по деревням, своего рода «начетчиками»; они составляли бы ядро «миссионерских кружков», а в случае надобности могли бы определяться на низшие хотя, церковные должности. Для миссионерских школ найдутся люди толковые и ревностные, могущие потом влиять на народ.

Для образования и надлежащей постановки означенных школ требуется выработать в *общем* единообразный устав, с указанием задач,

содержания и методов преподавания. В подробных программах и регламентациях надобности не видится. Пусть предоставлена будет свобода школьным советам и преосвященным делать изменения в частностях, применительно к местным условиям. Если бы Святейшему Синоду благоугодно было утвердить проект «миссионерской школы» в Нижнем Новгороде, то его можно было бы принять за образец.

Нельзя пройти далее молчанием и существующих народных школ, особенно «церковных», которые также не могут стоять в стороне от церкви и ее задач. С этой стороны и они потребуют некоторой реформы. Нам (собственно Церкви) не особенно нужны грамматисты, арифметисты, чисто-писатели, нам нужны *главным образом* люди церкви, преданные, ревностные, подготовленные ее чада. Больших миссионерско-специальных знаний, конечно, невозможно дать детям, но заинтересовать их той обстановкой, в которой они живут, ознакомить с самыми общими понятиями – и возможно, и обязательно. И это прямой долг школьных руководителей. Поэтому не требуется ли теперь, пересмотрев программы по преподаванию Закона Божия, ввести в них и сообщение специальных некоторых сведений, как то рекомендовано было тем же Казанским съездом и разрешено Святейшим Синодом (опред. от 18 июня 1897 года, «Церк. Ведом.» № 28). Необходимость такого улучшения в церковных школах тем более назрела, что старообрядческие «настоятели» и «наставники» получили право преподавать в существующих школах детям своих единоверцев Закон Божий. Значит, на ряду с православным законоучителем явится и другой, вчерашний бесправный «раскольник» явится, как полноправный. Думаем, впрочем, что картина получится другая: старообрядцы будут открывать свои школы, в которые и отвлекут многих детей. Есть, о чем тут подумать.

Что же и как делать по улучшению преподавания Закона Божия в местностях с старообрядческим населением? На этот вопрос можно ответить так, чтобы и ломки большой не было и вопрос более или менее разрешался. Будем иметь школы начальный и высших типов (второклассные и учительские семинарии). В первых школах, взяв в руки существующую программу, можно сделать указание, какие вопросы в отношении к расколо-сектантству полезно было бы предлагать и разрешать, не входя при этом ни в какую полемику и даже ни на кого не указывая. Вот два-три примера. Урок о почитании Креста Христова. Можно описать его разные виды, с пояснением, что они равночестны. Урок о крестном знаменовании себя. Хорошо объяснить внутреннее значение перстосложения, – что в троеперстном и двуперстном заключаются одни и те же мысли и, значит, можно знаменовать так и иначе, не чуждаясь друг друга. Урок о Спасителе. Можно войти в разъяснение начертания его имени (*Иисус, Исус*), – что эти начертания одно и то же лицо означают. Урок об исповеди. Хорошо спросить: может ли несвященник *разрешить*

грехи от имени Божия, и ответить, как следует. Некоторые свидетельства о Христовой Церкви, об иерархии, о таинстве св. причащения требуется подчеркивать, чтобы сильнее запечатлеть их в сознании и памяти детей. Учение об антихристе несколько дополнить (применительно к тому, как учат беспоповцы). И все это и многое другое сделать кратко, сердечно, как бы попутно. Думаем, что при сделанных указаниях, – примерных, и все другое подобное выполнить будет нетрудно всякому законоучителю, не становясь в то же время ни с кем в какой-либо антагонизм и не возбуждая личных неудовольствий. А для детей это будет весьма полезно.

Для школ более высших типов можно и особую программу составить по истории и обличению расколо-сектантства, но краткую, и отделить на нее несколько уроков. Эта программа в каждой епархии может быть не одинакова, смотря по местным условиям, где – раскол и где – сектантство, такое, или иное. Во всяком случае в программу истории должна быть введена краткая характеристика всего расколо-сектантства, а в программу обличения – замечания об учении сект наличных. Впрочем, если высшею церковною властью признана будет целесообразность наших слов, то частности без особого труда могут быть разрабатываемы по указаниям местных нужд и опыта. Одно можно сказать, что вышедшие из школ с сведениями, касающимися указанных предметов, и душевно преданные церкви люди всегда встретят любовь народную и принесут несомненную пользу.

Если, Бог даст, церковная жизнь забьет живым ключом, – о чем теперь думают крепкую думу все радители церковного устройства, – то и все то, что сказано, даст немалую струю живой воды. Для того, чтобы провести сказанное в жизнь, требуется много и много работы.

Единоверие и возникающие в нем вопросы

В связи со старообрядческим церковным «расколом» стоит вопрос о «единоверии».

Единоверие, как *учреждение*, бесспорно, и законно, и целесообразно. Законно оно потому, что разнообразие в предметах, существа веры не касающихся, всегда было, есть и будет. И это не только между частными церквами, но и приходами одной и той же поместной церкви. И у нас в дониколаевское время, при единовременном существовании и употреблении печатаемых в разное время богослужебных книг, было не мало разностей в чинах и обрядах. Особенно разнятся в этом потребники патр. Филарета и пп. Иоасафа I и Иосифа. Целесообразно оно потому, что многие, при допущенном употреблении старых обрядов, вошли в единение церковное, без чего совесть претила им сделать это по укоренившейся привычке к известным обрядам.

Со стороны практической деятельности и ревности о благе Св. Церкви единовѣрцы должны бы быть самым передовым отрядом в нашей миссионерской армии и ее разведчиками. Они тесно соприкасаются со

старообрядческой средой и по своему внешнему положению, а частью и по своему настроению. Кому бы кажется, как не им именно, и быть передовыми борцами за отечеств. православие? Но жизнь говорит другое. Дело в том, что самая эта близость соприкосновения, при неодинаковом душевном настроении, при двойственности принципов, положенных в основу единоверия (единение с православием и общение в таинствах и в то же время допущение церковных особенностей) делает массу единоверцев чрезвычайно разнообразною. Выдвинутая на передовые позиции она вся перепутается, как перепутались и мы во взглядах на нее. Общество единоверцев – это поле великое и пространное, на котором виднеются и полные аромата цветы, и цветочки неароматные, и простая трава, и крапива. Требуется пока обрабатывать самое это поле, давая большой простор цветам чрез очищение разного сора и культивируя даже крапиву, наблюдая, не пойдет ли цветочек и около ее корня, или подчищая ее ствол от колючек. Те, которые дорожили и дорожат первым принципом, как наиважнейшим, которые проникнуты наиболее всего сознанием необходимости церковного единения, расцветали подобно пышным розам и на самом деле становились в самом центре борьбы, создав себе имя в истории миссии, и сумели сгруппировать около себя и многих других. Таков был, например, о. Павел (Прусский). Ученики его, одного с ним духа, но перевелись и теперь. Но есть другие, которых больше, – тяготеющие к излюбленным особенностям, общим и с прямыми противниками церкви, променивающими церковь с ее благодатью на обряды и привычные им обычаи. До крайности ими увлеченные, они стремились и стремятся поставить единоверие на другой путь, путь большого обособления от православия, почему и затрудняли издавна власть церковную в решении выдвигаемых ими запросов и требования. Эти требования были, по-видимому, очень благовидны, но везде сквозила в них одна мысль и цель, создать из общества единоверцев особую от православия церковь, перетянув в нее и многих православных, иметь свое церковное управление.²⁷⁹ Из массы людей, мало понимающих и инертных, весьма многие примыкали к последним, давая свои под прошениями подписи, – так как наглядность казалась им яснее и заманчивее. Оценить же силу и значение принципов было выше их разумения.

В настоящее время при полной веротерпимости всплывут и всплывают уже старые вопросы, а может быть и новые появятся, и церковной власти придется неизбежно считаться с ними на иной, чем прежде, почве. Обсуждая такое положение дела относительно Единоверия, мы остановились на нижеследующих мнениях и заключениях.

1. Чтобы яснее каждый мог представлять себе идею Единоверия и определить, как должно, взаимные отношения между православными и

единоверцами, необходимо прежде всего пересмотреть снова «Правила Единоверия» митрополита Платона, имея в виду и некоторые позднейшие в них изменения.

Исходным пунктом при таком пересмотре должна быть, положена коренная мысль о единоверии, как единой церкви с православною, хотя и имеющей некоторые в богослужении и обычаях особенности, разрешенные и благословленные. Мысль эта особенно громко и не раз провозглашалась в позднейшее время высшею властью отечественной церкви. При этом должны быть обойдены и исключены разные оговорки прежнего времени в роде какой-то *временности* единоверия, как учреждения церковно-государственной политики, в надежде и с целью *полного слияния* его с православием, т.е. поступления его особенностями. Будет оно, пусть будет, не будет – пусть живут единоверцы при своих обычаях, в полном успокоении, что этих обычаев никто не тронет. Единоверие – не больница *только*, как выражались лет 20–30 назад, не мост *только* к православию, не притвор к храму, а самый храм, в коем совершаются все благодатные действия, для конечной цели нашей жизни необходимый, храм, в коем преподаются одинаковые дары духовного возрождения и укрепления печатью Духа Святого, разрешения грехов, где и Жертва Христова, и причащение единой бессмертной пищи и животворящего питания. Ничто в нем существующее этому не вредит и нимало сего не умаляет, – до тех пор, пока хранится в единоверии единение и общение с великою восточно-российскою православною церковью, без чего единоверие снова стало бы расколом. Это *первое*, это общее начало и почва для дальнейших рассуждений и заключений. Далее *второе*, как выводное, является желательным частое по возможности молитвенное общение с единоверцами архипастырей, как наглядное показание единой церкви, с соблюдением излюбленных ими обычаев, которые необходимо и знать в совершенстве.²⁸⁰ Обстоятельство это предусмотрено частью и правилами митрополита Платона, которые с этой стороны требуется уяснить и дополнить. Здесь речь опять о тех же приспособленных, уже прямо узаконенных, и опять то же слово Св. Апостола: «Мы, сильнии, немощи немощных должны носить, а не себе угождати». *Третье*, не только желательно, но и прямо необходимо избегать всяких пререканий о сравнительном достоинстве обычаев и обрядов, пререканий, которые не приведут ни к чему хорошему. Если два взрослых *кровные* брата, разошедшиеся между собою, а потом примирившиеся, и, *по примирении*, будут возбуждать старые недоразумения, доказывая каждый свою правоту и свое превосходство в предметах почти безразличных, то что из этого может произойти, кроме новой ссоры и отчуждения?... Людям силы и необходимо всячески этого избегать, а тем более непростительно самим напрашиваться, молчаливо переносить то, что им хотя и не по вкусу и уже не по привычке. Пусть

каждый останется при своем во имя мира. Эти мысли проводились и учредителем единоверия митрополитом Платоном. Единоверие не есть только вынужденный старообрядцами компромисс, но сознание церкви в лице многих ее иерархов, что старый отмененный обряд сам по себе спасению не вредит, ибо противного правой вере ничего в нем не заключается.

2. Это одна сторона дела. Но есть и другая, с которой, по малоразвитости единоверцев, труднее считаться и сладить, поставив их на высоту надлежащего понимания дела. О тождестве православия и единоверия со стороны *догматической*, т.е. о единстве церкви и они довольно громко заявляют, но практических выводов из этого не делают, или, – что хуже, – делают неправильные выводы, в роде *своего* единоверческого епископа и т.п. Поэтому мы поставляем свою задачу указать, как и в чем их можно было бы поправить. Выходя из общепризнанной основной мысли *единства церкви*, представляется необходимым, во-первых, исключить тот пункт «Правил» митрополита Платона, в коем говорится о неприглашении единоверческого духовенства на общие моления в кафедральный собор, что показывает разобщение его с православными. Во-вторых, есть нечто еще более важное. Разумею довольно открытое, а иногда и резко выражаемое непризнание *святых*, которые жили и канонизованы церковью после патриарха Никона: св. Димитрия Ростовского, Иннокентия Иркутского, Митрофана Воронежского, Тихона Задонского, Феодосия Черниговского и последнего прославленного подвижника Серафима Саровского. Если церковь, (единоверческая и православная) едина, святая и апостольская, то и канонизации в ней угодников Божиих обязательно всеми должны признаваться и всеми они должны чтиться. Было бы благоприлично праздновать и дни их памяти. Но для того, чтобы избежать резкостей и не производить «новшеств», столь неприятных единоверцам, представляется возможным допустить, чтобы службы помянутым святым совершались по Общим Минеям. В этом ничего особенного не будет, но празднование должно совершаться во имя единства церкви, чтобы заявление о церкви единой было не на словах только, но и на деле. Можно этого в Правила не вводить, но в практике располагать к сему нетребовательно и нестеснительно.

Могут найтись и другие пункты, требующие исправлений, которые сейчас трудно предвидеть. Все таковые частности могли бы быть разработаны и подвергнуться всестороннему обсуждению в особой смешанной (православных и единоверцев) комиссии и внесены на рассмотрение и одобрение церковной власти. Только более удобоприемлемое, из примерно сказанного, могло бы, но Соборному установлению, приводиться в осуществление и теперь. Наконец,

необходимо достигнуть единства взглядов и действий местных церковных властей.

3. Переработанные в означенном духе правила Единоверия желательно было бы для успокоения умов, – в виду некоторого несоответствия самого допущения к употреблению «старых» отмененных обрядов с постановлениями Собора 1667 г., при участии восточных патриархов происходившего, – внести на благословение и подтверждение восточных патриархов, чрез особое послание от имени Высшей Власти Российской Церкви. Такое представление о подтверждении единоверия восточными святителями представляется тем более удобоприемлемым, что вселенскому патриарху Константинопольскому оно уже ведомо, как существующее и в его области (в Майносе). При этом по тесной связи, неизбежно выдвинулся бы и вопрос о смысле и значении клятв собора 1667 года, который доселе сильно мутить умы и требует посему и сам по себе разъяснения со стороны церкви вселенской, – относительно чего и предположения были лет около 40–30 назад, при жизни в Бозе почивающего Московского митрополита Филарета и при его участии. Вопрос этот в настоящее (и в прошедшее) время представляется большинству людей ученых и практически опытных или чем-то чрезмерно затруднительным, или уже слишком легким. Сказал, что «клятвы» положены на противников, и подыскал кой-какие подходящие выражения, и делу конец. Но не нужно забывать, что его решали некогда такие сильные умом, люди, как профессор Иван Феодорович Нильский и Третий Иванович Филиппов, в своих обширных речах и не только не пришли к соглашению, но и разошлись радикально и одни слушатели и читатели этих речей убедились в одном, другие в другом, противоположном. Ясно, что-нибудь – да не так, не та была дана самая постановка вопроса. Нам кажется, что разъяснение вопроса, более удовлетворяющее и в духе древней (времен соборов) церковной практики возможно. Стоит только посмотреть на слово «клятва» с двух сторон: как на суд современников и как на *законоположение* для будущих поколений. Первое – совершившийся факт (хотя и судебные решения иногда пересматриваются), последнее – закон, с *угрозой* наказания, который при изменившихся обстоятельствах и наличных признаках *известных* людей, в главном на своих предков уже и непохожих, может быть и изменяем или, говоря точнее, именно *разъясняем*. Мысли эти требуют, конечно, раскрытия, но в данном случае оно не может быть, даже по недостатку времени, сделано. Довольно сказать, что и разъяснено клятв, по связи с единоверием, не невозможно и может быть всеми принято, за исключением, конечно, людей тенденциозно упорствующих.

«Распри и хулы, писали Московские старообрядцы, ищущие единоверия, да не слышатся между содержателями разных обрядов», и митрополит Платон признал это желание «благим». К сожалению, в жизни

оно недостаточно осуществляется. Требуется, чтобы оно повторено было *соборне* от лица всей церкви.

Когда по совершенном прекращении распрей, наступит общение в мире, тогда и Бог мира будет с нами.

4. Помимо общего благоустроения Единоверия жизнь выдвигает два частных вопроса, как требования со стороны единоверцев, на которых нельзя не остановиться. Это вопрос, о переходе из Православия в Единоверие и второй вопрос о единоверческом епископе. Вопросы эти старые, прошедшие, можно сказать, чрез всю историю Единоверия.

В основание единоверия с этой стороны положены два несогласующиеся между собою принципа: понятие *церковного единения* (т.е. что православие и единоверие – одна церковь) и запрещение православным переходить в единоверие. В этом запрещении, даже в запрещении исповедоваться и причащаться православному у единоверческого священника (пп. 5 и 11 Правил митрополита Платона) единоверцы видели унижение и даже оскорбление единоверия, как единой с православною церкви. По существу, и значению первый принцип догматический, второй церковно-административный, имеющий свои практические резоны; ибо ни в каком обществе (ни даже в семье) не могут быть два *одинаково правовые* порядка, а один будет общим «обдержным», а другой только допустимым «смотрительным» (по усмотрению). Тем не менее последний, как только административный, потерпел уже значительные изменения, – от безусловного запрещения всем «незаписным» старообрядцам (иначе: не от рождения) делаться единоверцами, до 5 только лет пребывания в расколе с церковью, причем *в случаях нужды* разрешено православному исповедоваться и причащаться у единоверческого священника. Но и при этом запрещение православным переходить в единоверие в общем осталось. Правда, лет 17–18 назад вопрос этот был поднят в правительственных сферах гораздо шире и радикальнее, в смысле совершенно свободного желания оставаться ли православным, или стать единоверцем. Он обсуждался в Комиссиях при Св. Синоде, но решение его в положительном смысле оказалось гораздо труднее, чем, как думали те, которые его возбудили. Трудность эта и на самом деле заключалась не в догматически-церковных верованиях и соображениях, ни в каком-нибудь подозрительном взгляде на т.н. «старые» обряды, как то было прежде, а в той неурядице церковной жизни, какая наступила бы при двустороннем противоположном требовании, чтобы духовенство церквей приходских служило бы и по старым, и по исправленным книгам, или одно село разделилось бы на два, с взаимною конкуренцией и с колеблющимся количеством прихожан, да и от архиереев стали бы требовать переменного служения. При том, реформа эта задевала бы и другие стороны церковной жизни к духовного

образования пастырей. Так по крайней мере смотрели на дело тогда люди установившегося порядка, и проекты остались без осуществления.

Но в жизни такие веяния времени не остались бесследными. Они породили заметную нежелательную рознь между действиями церковных властей и иных влиятельных лиц и послужили поводом к неприятным недоразумениям и пререканиям. С одной стороны, усматривается столь ревнивое охранение воспретительного закона, что если, например, во вновь образовавшемся единоверческом селе оказывалось немного семейств, числящихся православными, то и им не позволяли приписываться к своему храму, единоверческому, а оставляли приписанными к православному приходу, несмотря даже на то, что приходской храм отстоял от их жительства на 5, на 10 верст, при затруднительном сообщении. Как-то не желали понять, укрываясь за буквою, той простой вещи, что в конце концов жизнь притянет их к своему храму и если не их самих, то детей их. Или: неужели же ради этого нужно было пробыть им 5 лет в удалении от церкви, чтобы потом сделаться единоверцем?! Средство нравственно тяжелое и опасное.

С другой стороны, есть люди, руководящиеся мыслью о церковном домостроительстве (по крайней мере по виду и по словам), чтобы не ушел кто в раскол. При перечислении из православия в единоверие они не задумывались ни над какими законами ограничительными и даже над обстановкой. Широко раскрывали они двери единоверия всем желающим, сказывая им свое содействие и покровительство. Но здесь были другого рода крайности. Бываю, что строили церкви и открывали единоверческие приходы в таких местностях, где одна треть или даже четверть населения, обратившиеся из раскола единоверны, остальные же не чуждались православия, хотя и молились двуперстно. Бывало и еще хуже. Просили и проектировали православные храмы обратить в единоверческие, изменив богослужебный чин и переменяв обряды и обычаи. Здесь уже являлось нечто похожее на смуту, могущее породить соблазн и унижить достоинство церкви. Как же быть при настоящем порядке вещей, когда все свободно могут сделаться старообрядцами (раскольниками)? Как быть с теми, которые пожелали бы стать единоверцами? Таким образом компетенция власти государственной, открывшей двери вероисповедной свободы, касается и компетенции власти церковной относительно единоверия. По тщательном и всестороннем обсуждении этого вопроса мы пришли к следующему: а) пп. 5 и 11 Правил митрополита Платона совершенно, как мы и сказали уже, отменить. б) Не открывая широко дверей желающим перейти из православия в единоверие, не обращать внимания на частные переходы, особенно тех, которые живут ближе к храмам единоверческим, чем к православным. в) Охранять достоинство церкви православной, и г) Каждое затруднительное дело рассматривать особо и по данной его обстановке постановлять решение, согласно заключениям сведущих лиц.

В дальнейшем жизнь подскажет, что потребуется сделать.

5. Вторым вопросом об особом *единоверческом* епископе уже выдвинут единоверцами во главе с священником Семеном Шлеевым. Последним был составлен и проект прошения о единоверческом епископе, под которым и собирались тем или иным путем подписи. Единоверцы разных городов и селений охотно давали свои подписи, не понимая того, как трудно церковной власти осуществить это. В августе 1905 года проект о. Шлеева, сделавшийся уже известным съехавшимся в Нижний Новгород миссионерам, рассматривался на их собрании в присутствии самого о. Шлеева и когда председателем собрания было заявлено, что дарование самостоятельного *единоверческого* епископа пойдет в разрез с церковными канонами²⁸¹ и нарушит понятие о единстве церкви, то о. Шлеев, не имеющий прямо сказать что-либо против, согласился на образование при Св. Синоде особой комиссии по единоверческим делам, под председательством постоянного члена Синода епископа, и свое согласие скрепил подписью под протоколом. Все это правдиво описано в обстоятельной критической статье г. Сенатова, помещенной в Миссионерском Обзоре (№ 16). Казалось бы, здесь, если уже не конец, то поворот к более приемлемому. Но о. Шлеев не расстался с своим намерением. Поэтому вопрос о единоверческом архиерее снова был рассмотрен, в присутствии двух приглашенных единоверческих старост г. Казани, на бывшем здесь в сентябре 1905 года миссионерском съезде. Когда прочитаны были относящиеся к вопросу соборные правила, то один староста согласился, что мысль об особом епископе, действительно, не осуществима, другой же остался при своем сложившемся уже мнении, что и просил записать в протокол. В минувшем ноябре месяце прошение об особом епископе, по достоверным сообщениям, внесено в Святейший Синод и несомненно будет представлено на усмотрение предстоящего Всероссийского Собора.

По настоящему вопросу считаем долгом сказать следующее:

Некогда Московские единоверцы принесли прошение об отдельном епископе митрополиту Филарету. Приснопамятный Владыка, выслушав их, заметил: «а я думал, что вы меня любите... Чем я вам не архиерей?». Прошение осталось непосланным. Впоследствии, когда новое ходатайство о епископе дошло до Петербурга, один весьма умный и строго церковный человек заметил, что «это значит покрыть дом другой крышей». Выходит, или старая крыша обветшала, или отделение дома под другой крышей будет иметь вид другого дома, хотя и близко пристроенного. К сказанному присоединим и свое уподобление. Когда в корпусе одной армии свой командир, независимый от главнокомандующего, преследующий свои цели и своими средствами, то это уже не корпус одной армии, а своя самостоятельная армия, помогающая кому захочет и в чем захочет.

Если, оставив образы, станем говорить языком церковного права, то увидим соборные постановления, воспрещающие в одной епархии быть двум самостоятельным епископам. А далее, если станем и на почву догматическую, так сказать, самый источник правил, то можем читать у древних отцов церкви, что «епископ в церкви и церковь в епископе» (Св. Киприан, посл. 69). Последует заключение, что, если в одной церкви два самостоятельных, друг от друга независимых епископа, там окажется и две церкви, тогда, как Святая и апостольская церковь едина. При этом обе эти церкви, как две армии, неизбежно будут соперничать между собою, а не с внешними врагами бороться за-едино. Тогда и возражение старообрядцев, которое и теперь громко раздается, что у нас две церкви (православная и единоверческая), будет, уже прямо, скажем, убийственным.

Существует другой проект о рукоположении викариев для единоверцев пока хотя двух (для Москвы и для Уральска). Этот проект нам кажется более приемлемым, если права их не будут превышать прав викариев. По разрешению же и сношению местных преосвященных они могут совершать богослужения и рукоположения и в других епархиях.²⁸²

Профессор Николай Ивановский

**Козицкий П. К вопросу об открытии в Киеве миссионерских
противо-сектантских курсов // «Миссионерское Обозрение»,
1906, № 4, стр. 520–529**

В силу Высочайшего Указа 17 апреля 1905 года о веротерпимости, охранительный закон, имевший до 17 апреля широкое применение в нашей православной церкви и охранявший немощные души от соблазна лжеучений, пал. В нашей церкви началась новая эра жизни. Теперь нужно всем стоящим на страже православия и всем, кому вверены его судьбы, работать, но покладая рук, с энергией и с пламенной надеждой на успех выступить только с своими силами и во всеоружении знаний на защиту православия, на защиту его кровных интересов от всяких хищников, проторгающихся в ограду церкви под видом инославных и сектантских пропагаторов. При вошедшем в силу Указе 17 апреля о веротерпимости, открывшем широкий простор инославной и сектантской пропаганде, ставятся новые задачи для пастырства – вообще и для миссии – в частности.

К сожалению, эта святая и в то же время простая истина сознается далеко не всеми! После издания Указа 17 апреля в публику и даже в среду духовенства проторглась весьма нежелательная струя по отношению к миссии. Некоторые даже из высокопоставленных духовных лиц заговорили о ненужности в настоящее время миссии. По психологическому закону раболепная преклонения младших перед старшими, низших перед высшими это мнение, подобно эху, быстро разнеслось повсюду и получило широкую огласку и в сферах, соприкосновенных с делом миссии. Многие из православных – частью по сочувствию к инославию и сектантству, частью – по необдуманности и легкомыслию – стали громко и настойчиво говорить: теперь, после 17 апреля, православию миссия не нужна и бесполезна; миссионерский институт, как не соответствующий своим задачам и назначению, совершенно излишнее и бесполезное учреждение!

Такие речи – плод недомыслия и непонимания задач миссии; плод недоразумения и заблуждения. Несочувственное и даже отрицательное отношение к делу миссии не только в светских, но даже и в духовных сферах – явление не новое. Такое течение всегда замечалось и в обществе, и в правящих церковных сферах. Только теперь оно вынаружилось яснее и выпуклее. Нужно и должно глубоко скорбеть, что такой взгляд на дело миссии, как плод печального недоразумения и заблуждения, находить для себя сочувствие и в обществе, и церковных сферах! Но имеет ли он для себя какую-нибудь реальную почву, может ли он быть оправдан фактами прежнего времени и переживаемыми нами текущими событиями? Нет и нет! Не забираясь в глубь истории нашей

миссии, – что отвлекло бы нас слишком далеко от прямой цели, – мы остановимся только на ближайших событиях, связанных с Указом 17 апреля, имевших место в инославном и сектантском мире, и посмотрим, что там творится. Обратим внимание на сектантов и последователей инославия, как они почувствовали себя после Указа 17 апреля и что они предприняли в интересах пропаганды своих учений? Факты, на которых мы остановим свое внимание, – надеемся, – послужат наглядным подтверждением ложности взгляда, что в настоящее время, после Указа 17 апреля, миссия в нашей церкви будто бы не нужна и излишня.

Католичество и протестантство в своих взаимоотношениях к православию, как повествует об этом история, никогда не сходили с боевых позиций. На протяжении всего XIX столетия шла борьба православия с католичеством на пространстве всего юго-западного, северо-западного и привислинского края и с протестантством в остзейских губерниях. Борьба эта то обострялась, то затихала, смотря по тем или другим политическим течениям в жизни нашего государственного организма. Особенно сильно обострилась борьба православия во 2-й половине XIX ст. с рационалистическим сектантством – штундо-баптизмом, отпрыском чистейшего протестантства, пустившим глубокие корни на южнорусской преимущественно почве, причинившим нашей церкви не мало бед и, благодаря своему воинствующему характеру, держащим православие и доселе в крайнем напряжении. Не касаясь истории этой борьбы, мы только заметим, что, благодаря штундо-баптизму, вызван к жизни противо-сектантский миссионерский институт во всех епархиях, где только появилось это сектантство. Это ли не доказательство настоятельной нужды в этом институте и его жизненности? Что сделал институт миссионеров в деле борьбы православия с штундо-баптизмом и вообще рационалистическим сектантством, сколько он принес пользы для науки сектоведения и сектообличения – об этом нет надобности много распространяться: факты – на лицо, и они, как непреложные свидетели истины, являются наилучшим защитником настоятельной необходимости, полезности и жизненности для православия миссионерского института вообще, и противо-сектантского – в частности.

Развернем летопись событий, имевших место по издании Указа 17 апреля о веротерпимости, и посмотрим, какие плоды принес этот закон в мире инославия и сектантства в течение года со дня его опубликования.

Католицизм, притихший в последнее время и исподтишка ведший пропаганду в северо-западной, и юго-западной и Холмской Руси, после 17 апреля гордо поднял голову, прямо – грудью двинулся на православие и повел самую широкую пропаганду; состоялся целый ряд торжественных по городам процессий и объездов католическими епископами своих епархий; устроен был целый ряд съездов католических ксендзов и на этих

съездах выработана целая программа пропаганды католичества, т.е. совращения православных в католичество, с целым рядом льгот и милостей со стороны ксендзов и костела, и экономических выгод и преимуществ со стороны помещиков-католиков для совратившихся из православия в католичество крестьян. Какие же получились результаты этого систематического похода католичества против православия в этот сравнительно небольшой промежуток времени? Холмская Русь прежде всего почувствовала на себе тиски польско-католической пропаганды. Бывшие униаты массами возвратились в католичество, перешли в католичество многие при смешанных браках. Массовый переход из православия в католичество совершился на протяжении всего западного и северо-западного края. Православие и католичество обменялись, своими ролями: и православие из господствующей превратилось в гонимую веру. В Холмской Руси дело польско-католической пропаганды приняло такой серьезный оборот, что понадобилась такая экстренная мера, как выделение из Холмско-варшавской епархии Холмской Руси в самостоятельную епископию. А теперь та же Холмщина по чисто политическим соображениям, спасаясь от польского влияния и окончательного ополячения, ходатайствует об отделении себя от польских губерний и причислении к юго-западному краю. В основе всех этих волнений лежит, бесспорно, польско-католическая пропаганда.

Не лучше обстоит дело и в Прибалтийском крае. И здесь многие исконно-русские перешли из православия в протестанство. Переход этот совершился не без участия и влияния немецких пасторов!

При таком стремительном натиске католической, отчасти и протестантской пропаганды – что предпринять и что делать пастырям православной церкви? Сидеть сложа руки и безучастно смотреть на расхищение своего словесного стада инославной пропагандой, легкомысленно сдавать свои позиции католицизму и протестантству и упорно отрицать бесполезность миссии? Или ждать чудесного ограждения сынов православия от католической и протестантской пропаганды? Ответ на эти вопросы – ясен как Божий день!

А вот что представляет из себя в настоящее время вечно волнующееся, вечно пенящееся и бурлящее море нашего рационалистического сектантства.

Сектантство во всех своих разветвлениях еще больше, чем католичество, зашевелилось, встрепенулось и пришло в движение. Молокане устроили съезды в Воронцовке на Кавказе, и в Ново-Астраханке, Таврической губернии; среди духоборов и баптистов – также движение. По проникшим в печать известиям, выселившиеся в Канаду духоборы подняли вопрос о возвращении в Россию. Но больше всего нашумели молокане с своими съездами на Кавказе и в Крыму. Особенно шумным и многолюдным оказался Ново-Астраханский съезд, привлекая к

себе молокан со всех концов России и даже из-за границы. На этот съезд, как оказалось, прибыли представители молоканских общин – преимущественно пресвитеры и проповедники с своими хорами: они явились не только из внутренних губерний и Поволжья, но даже из отдаленного Кавказа и Закавказья, Терской и Кубанской областей, из Бессарабии и Тульчи в Румынии. В числе гостей оказались также проповедники из Германии, Австрии и один даже из Америки. Эти последние были преимущественно методистские и пресвитерианские проповедники, произносившие свои речи на немецком языке. Добавим также, что на открытии Ново-Астраханского молоканского съезда присутствовал Таврический губернатор. Отсюда ясно обрисовывается смысл и значение этого молоканского движения сравнительно недавнего времени.

Что же? Пред грозным призраком надвигавшегося сектантства с его усиленной пропагандой, под напором католицизма сложить ли православию свое оружие, и склонивши свою выю, покорно ждать расхищения своих чад, – или выступить на борьбу с врагами православия, на решительные бой? Да, и только да! На ратоборство, на решительную борьбу! После 17 апреля миссия в православной церкви должна возродиться на новых началах, на новых основаниях, – и с новыми силами развернуть во всей мощи и красе свою деятельность и расцвести! Этого требует настоятельно новое положение вещей в церкви и государстве, созданное Указом 17 апреля, этого требуют интересы церкви, этого требует разум и смысл всей нашей прежней и настоящей государственной и церковной жизни.

Такие перспективы для нашей православной миссии открывает Указ 17 апреля.

Если так, то отсюда с логической необходимостью вытекает новое положение: пришло время, обнаружилось повелительное требование организовать дело нашей миссии на самых рациональных началах с более широкими, чем прежде, задачами и целями, сообщить ей более жизненный, более практический характер, вдохновить ее деятелей на подвиг борьбы с надвигающимися врагами православия и вселить в них дух энергии, бодрости и апостольской ревности. Короче сказать – в настоящее время необходимо пополнить ряды миссии более энергичными, более подготовленными для миссионерского дела ратоборцами и деятелями. Это же насущное требование выдвигает на очередь другой не менее серьезный вопрос – о более рациональной, более жизненной, более широкой, чем теперь, подготовке будущих деятелей миссии.

Наш взор невольно обращается к Казани с ее миссионерскими курсами. Эти курсы, раньше существовавшие при Казанской духовной академии, а теперь получившие самостоятельную организацию,

удовлетворяют нуждам миссии среди инородцев Сибири, Уральского края и Поволжья, доставляя довольно подготовленный контингент миссионеров. От бывшей столицы Казанского царства с ее миссионерскими курсами мысль наша переносится к древнему стольному граду Киеву, откуда распространился по всей Руси свет веры Христовой, откуда благодать Божия чрез сонм Киево-Печерских угодников незримо осияла, изливалась и изливается на всю Русскую землю, куда стекаются десятками тысяч богомольцы со всей Руси православной и где теперь, не смотря на осиявшую благодать Божию, утвердился почти центр нашего модного сектантства – штундо-баптизма. Все вместе взятое – и прошлый исторические судьбы г. Киева с его государственным и церковно-просветительным влиянием и настоящее его положение, как крупного культурно-административного центра всего юго-западного края России – говорит за то, что именно здесь, на горах киевских должен основаться, утвердиться и расцвести новый рассадник веры и благочестия, вызываемый современными положениями наших церковных дел, – именно – постоянные миссионерские противо-сектантские курсы. Эти курсы и должны служить, по примеру Казанских, рассадником опытных противо-сектантских миссионеров на всю Россию.

Едва ли кто станет сомневаться в полезности учреждения этих курсов и оспаривать у Киева право приютить на своих горах этот институт. В пользу Киева говорить целый ряд данных. Киев, как крупный умственный и религиозный центр, является наиболее подходящим пунктом для открытия постоянных миссионерских курсов. Здесь есть и духовная академия, которая может своими научными силами прийти на помощь курсам: здесь и богатейшая Киево-Печерская лавра, которая может ущедрить от избытка своих благ на содержание курсов; здесь есть правильно организованный институт опытных миссионеров, которые благодаря своему опытно-добытому знанию сектантства, могут принести немалую пользу практическим занятиям на курсах, – и наконец наличие среди городских жителей сектантов даст возможность слушателям курсов применять на деле, в живых собеседованиях с сектантами, приобретенные знания, приемы и методы миссионерствования.

Еще одно весьма серьезное обстоятельство выдвигает вопрос о необходимости учреждения постоянных миссионерских курсов. Как известно, на очереди реформа духовно-учебных заведений. Учебным Комитетом уже выработаны и опубликованы в «Церковных Ведомостях» проекты изменений учебной части в наших духовных семинариях и училищах. Изменения коснутся в семинарском курсе постановки преподавания истории и обличения расколо-сектантства. Теперь, при ныне действующем уставе дух. семинарий, в семинарском курсе этому предмету отведено 6 недельных уроков (2 – в V-м и 4 – в VI-м классах); причем в тех семинариях, где в епархиях нет сектантства, с разрешения

св. синода, изучается во всей полноте история и обличение раскола; сектантству же уделяется самое незначительное внимание; там же, где в епархии нет раскола, сектантство с расколом меняется ролями, т.е. раскол остается в тени, а сектантству отдается исключительное внимание. По новым программам расколу и сектантству предположено удалить, вместо 6, только 3 урока, т.е. вдвое меньше, чем теперь. Вследствие этого предположено историческую часть расколо-сектантства отнести к церковной истории, обличению его предоставить 3 урока; преподавание же этого предмета возложить на наставника церковной истории. Иначе самостоятельная кафедра расколо-сектантства, с отдельным наставником, по новому проекту совершенно упраздняется. Если теперь, при существовании в курсе семинарских наук отдельной кафедры по расколо-сектантству, миссия наша стоит далеко не на подобающей высоте, то что будет с миссией с упразднением в семинариях отдельных кафедр по расколо-сектантству и отдельных преподавателей? А ведь за 20 лет существования кафедры расколо-сектантства преподаватели по этому предмету сделали весьма и весьма много как для самой науки, так и для миссии.

Отсюда еще более очевидно, что открытие в Киеве постоянных миссионерских противо-сектантских курсов – настоятельно необходимое, безотлагательное и святое дело, тесно связанное с насущными интересами самого православия.

Какова же должна быть учебная организация проектируемых нами миссионерских противо-сектантских курсов в Киеве, дабы они вполне отвечали высоким задачам и целям миссии?

По нашему мнению, миссионерские курсы в Киеве, ставящие своей задачей как теоретическую, так и практическую подготовку миссионеров, по постановке на них учебного дела, по типу своему должны занимать срединное место между духовными семинариями и академиями. Организация учебного дела на курсах должна быть приблизительно такова.

На курсы поступают без экзамена окончившее полный курс семинарских наук, имеющие любовь и призвание к миссии. Для привлечения на курсы семинаристов следует, кроме бесплатного содержания их пищей, одеждой и квартирой, засчитывать им 2-летнее пребывание на курсах в епархиальную службу. Предоставление им особых прав и преимуществ пред рядовыми семинаристами и – должно быть общепризнанным правом во всех епархиях.

На миссионерских курсах, с двухлетним периодом обучения, следовало бы преподавать следующие предметы: 1) Свящ. Писание В. и Н. Заветов; 2) историю русской церкви; 3) обличительное богословие, разбор и обличение сектантства; 4) русскую гражданскую историю; 5) историю литературы (преимущественно новейшую) и немецкий язык.

Детальная сторона преподавания всех предметов должна быть направлена к миссионерским целям, потому и самые программы предметов должны быть согласованы с этими именно целями. Так, при прохождении Н. Завета должно быть обращено преимущественное внимание на уяснение и разбор тех мест, на которые опираются сектантские лжеучения, – а также и на строго научное сопоставление всех этих мест с контекстом речи. Из в.-заветных книг должны быть рассмотрены в таком же порядке только те места, на которые ссылаются сектанты, как в подтверждение своих догматических положений, так и в полемике с православным учением; так, напр., об иконопочитании и священстве (против штундо-баптистов), пророчества о Мессии и их исполнение в Новом Завете (против жидовствующих) и т.п. Преподаватель русской церковной истории должен обратить особенное внимание на историю сектантства у нас на Руси, начиная с ереси стригольников и оканчивая новейшим сектантством, и подчеркнуть те условия церковной жизни, которые способствовали появлению и развитию в нашей церкви ересей и сект. Преподаватель русской гражданской истории должен остановить свое внимание на культурных течениях XVIII и XIX веков, подготовивших почву в нашем обществе для восприятия протестантских идей, мистицизма, разных философских и политико-экономических учений, вселивших разлад между интеллигенцией и церковью и создавших почву для сектантства в народе. Преподаватель обличительного богословия и сектообличения кроме систематического разбора сектантских заблуждений, должен обстоятельно ознакомить слушателей с сектообличительной литературой, – с указанием достоинства и недостатков существующих руководств и пособий. Такая постановка преподавания этого предмета вызывается как практическими соображениями, так и центральным положением сектообличения среди других предметов на курсах. Преподавание немецкого языка, на котором написаны главные баптистические руководства и которыми с большим успехом пользуются для целей пропаганды вожаки русских баптистов, не есть прихоть, а вызывается самим существом дела, потому должно быть поставлено в совершенстве. Слушатели должны к концу 2-го года своего пребывания на курсах свободно владеть немецким языком. Только при этом условии они явятся серьезными противниками в борьбе с баптизмом.

Таким образом, на курсах нами предположено иметь шесть постоянных лекторов-преподавателей. Кстати, заметим, что система преподавания должна быть лекционно-собеседовательная. Лекторы периодически по прочтении отделов в своих науках, устраивают репетиции – собеседования для контроля занятий и проверки знаний у слушателей.

Но необходимою принадлежностью курсов должны быть периодические чтения лекций специалистами, вызываемыми в последовательном порядке на курсы из разных мест империи. Чтения

каждого из специалистов ограничиваются двухнедельным периодом времени. Такими специалистами, которые могли бы предложить интересные чтения на курсах, могут быть известные миссионеры и преподаватели дух. семинарий, заявившие о себе литературно и практически в качестве выдающихся деятелей.

Что же касается постоянных лекторов, то, как на таковых, мы можем указать на профессоров Киевской духовной академии: Д.И. Богдашевского (Свящ. Писание Н.З.), В.П. Рыбинского (Св. Писание В.З.). В.З. Завитневича (русская история) и протоиерея Ф.И. Титова (русская церковная история). Преподавание же обличительного богословия и сектообличения может быть поручено, как специалистам, весьма опытным и дельным миссионерам Киевской епархии – свящ. С.М. Потехину и Н.А. Белогорскому.

На 2-м курсе слушатели составляют самостоятельные рефераты по вопросам, пререкаемым сектантами, а также и отзывы о тех или других руководствах по сектообличению. Для обсуждения этих рефератов и отзывов, под руководством преподавателей обличительного богословия и сектообличения, – назначается 3 лекционных часа в неделю.

Недельное расписание чтения лекций по предметам на курсах могло бы быть, по нашему мнению, приблизительно такое:

	I-й курс	2II-й курс2
Св. Писание В.З.	лекции	лекции
Св. Писание Н.З.	3 "	3 "
Русская церковная история	2 "	2 "
Русская гражданская история	3 "	–
Обличительное богословие	и 3 "	3 "
сектообличение		
История русской литературы	2 "	2 "
Чтения сторонних лекторов	–	4 "
Практические занятия (разбор рефератов)	–	3 "
Немецкий язык	3 "	3 "
	18 лекций	22 лекции

Само собою разумеется, что предложенная нами учебная организация на курсах – есть только приблизительная. При учреждении и открытии курсов она могла бы быть переработана и расширена по указанию сведущих людей. Наши предположения – только *pin desideria*.

В заключение мы коснемся самого трудного вопроса – о средствах содержания курсов. Рассчитывать устроителям курсов на ассигнование средств из казны – более чем наивная мечта. Нужно изыскивать средства на месте, в епархиях. Открытие и устранение курсов – дело общецерковное, общерусское. Потому каждая из епархий, где есть сектантство, должна прийти на помощь посильной лептой предполагаемым к открытию миссионерским курсам в Киеве. Если

допустить, что 25–30 епархий, наиболее зараженных сектантством, согласятся делать ежегодные взносы по 500 р., то получится довольно порядочная сумма от 12–15 тысяч рублей. Этой суммы хватит на содержание постоянных преподавателей и на вознаграждение лекторов, вызываемых из других мест, а также на наем помещения для курсов. Содержание же пищевым довольством курсистов может принять на себя богатая Киево-Печорская лавра, снабжая курсы продуктами в натуре. Желательно было бы, чтобы пришли на помощь курсам и Почаевская лавра, и некоторые богатые монастыри других епархий (напр., Курской, Калужской и др.). Материальная помощь миссионерским курсам со стороны епархий и монастырей окупится сторицею. Это святая и непреложная истина!

На настоятельную нужду открытия постоянных миссионерских курсов в Киеве мы обращаем благосклонное внимание всех владык, епархии которых заражены сектантством, и вообще всех радетелей наших церковных интересов и преуспевания нашей миссии в борьбе с все больше и больше надвигающимся на православную церковь сектантством. Откладывание в долгий ящик выдвигаемого нами вопроса – положительно немислимо. Промедление в данном деле принесет неисчислимые беды православию, особенно теперь после Указа 17 апреля о веротерпимости, предоставившего свободу пропаганды инославия и сектантству.

Мы будем бесконечно счастливы, если наша мысль упадет на добрую почву и принесет добрый плод. Пусть наша настоящая краткая заметка явится первой лептой для благого дела миссии и пусть она будет первым камнем для основания миссионерских противо-сектантских курсов в родном и дорогом для нас Киеве. И так в добрый час!

И. Козицкий

По сектоведению

III.

Перейдем к изложению того, – как учит Слово Божие о браке.

В ветхом завете было строго запрещено нарушение святости брака. В заповедях десятословия сказано: «не прелюбодействуй» (Исх.20:14). Позднее эту заповедь законодатель разъясняет в таких словах: «если кто будет прелюбодействовать с женою замужнею, если кто будет прелюбодействовать с женою ближнего своего, да будут преданы смерти и прелюбодей и прелюбодейка» (Лев.20:10). Ветхий завет запрещает даже дурное пожелание в отношении жены ближнего (Исх.20:17).

В новом завете Господь еще более возвышает святость брака, признавая за прелюбодеяние даже нечистые мысли или пожелания: «вы слышали, что сказано древним: не прелюбодействуй (Исх.20:14). А Я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем» (Мф.5:28).

В ветхом завете допускался развод в виду жестокосердия народа, по многим, иногда совсем не важным причинам (Втор.24:1; Мф.19:8). В новом завете развод с женою не допускается: «кто разведется с женою своею не за прелюбодеяние, и женится на другой, тот прелюбодействует; и женившийся на разведенной – прелюбодействует» (Мф.19:9; 31–32). Основанием нерасторжимости брака служит его богоучрежденность. Господь сказал фарисеям: «не читали ли вы, что Сотворивший в начале мужчину и женщину сотворил их? (Быт.1:27). И сказал: посему оставить человек отца и мать, и прилепится к жене своей, и будут два одною плотью (Быт.2:24); так что они уже не двое, но одна плоть. Итак, что Бог сочетал, того человек да не разлучает» (Мф.19:4–6).²⁸⁴

Тоже учение Христово о браке излагает и св. Апостол Павел в первом послании к Коринфянам.

«А о чем вы писали ко мне, то хорошо человеку не касаться женщины. Но, во избежание блуда, каждый имей свою жену, и каждая имей своего мужа. Муж оказывай жене должное благорасположение; подобно и жена мужу. Жена не властна над своим телом, но муж; равно и муж не властен над своим телом, но жена. Но уклоняйтесь друг от друга, разве по согласию, на время, для упражнения в посте и молитве, а потом опять будьте вместе, чтобы не искушал вас сатана невоздержанием вашим». «Безбрачным же и вдовам говорю: хорошо им оставаться, как и я (т.е. безбрачными), но, если не могут воздержаться, пусть вступают в брак, ибо лучше вступить в брак, нежели разжигаться. А вступившим в брак – не я повелеваю, а Господь: жене не разводиться с мужем (если же разведется, то должна оставаться безбрачною, или примириться с мужем своим), и

мужу не оставлять жены своей» (1Кор.7:1–5, 8–9). Тот же св. Апостол пишет: «соединен ли ты с женою? Не ищи развода. Остался ли без жены? Не ищи жены. Впрочем, если и жениться, не согрешишь; и, если девица выйдет замуж, не согрешит» (27–28).

Как понимать слова Апостола: «время уже коротко, так что имеющие жен должны быть, как не имеющие»?

Далее в том же месте св. Писания сказано: «и плачущие (должны быть), как не плачущие; и радующиеся, как не радующиеся; и покупающие, как Ее приобретающие; и пользующиеся миром сим, как не пользующиеся; ибо проходит образ мира сего» (1Кор.7:29–31). Эти слова означают то, что не следует любить мир больше Бога (Мф.10:37–39; 16:24–27), что должно искать «прежде всего царствия Божия» (Мф.6:33), ибо все мы – «странники и пришельцы на земле» (Евр.11:13; 13:14).

Слова «имеющие жен должны быть, как не имеющие» – означают то же, что «пользующиеся миром сим, как не пользующиеся», то есть – должно пользоваться миром сим, но не должно ради него забывать о Боге; точно также те, кто не может воздержаться, лучше пусть вступают в брак, и вступившие не должны разводиться; необходимо только, чтобы человек, заботясь о семье, прежде всего и более всего любил Бога (Мф.10:37–39) и искал царства Его. Однако, эти слова св. Писания не означают того, что муж не должен жить с женой: Апостол ясно сказал: «а вступившим в брак – не я повелеваю, а Господь – жене не разводиться с мужем и мужу не оставлять жены своей».

Как понимать слова св. Ап. Павла: «или (мы) не имеем власти иметь спутницу сестру жену, как и прочие Апостолы, и братья Господни, и Кифа?».

Несомненно, то, что св. Апостол Павел, когда писал приведенный слова, быть безбрачен и не имел спутницей жены. «Безбрачным же и вдовам говорю: хорошо им оставаться, как и я», говорил он выше. «Или один я и Варнава не имеем власти не работать?» – спрашивает св. Павел далее и сам уверяет: «Но я не пользовался ничем таковым. И написал это не для того, чтобы так было для меня» (1Кор.9:5–6, 15).

Что касается других Апостолов, то возможно, что они были женаты: об Апостоле Петре мы несомненно знаем, что он состоял в браке: Господь исцелил его тещу (Лк.4:38–39).

Грех нарушения брака строго запрещается св. Писанием: «брак у всех да будет честен и ложе непорочно; блудников же и прелюбодеев судит Бог» (Евр.13:4; 1Кор.6:13–18).

Семейная жизнь – по смыслу св. Писания, не препятствует человеку достигать спасения, праведности; о жене прямо сказано, что «она спасется чрез чадородие, если пребудет в вере и любви и в святости с целомудрием» (1Тим.2:15).

Семейные обязанности родителей в отношении детей состоят в попечении об их благосостоянии – духовном, и телесном (1Тим.5:8; Еф.6:4); дети же должны почитать и повиноваться своим плотским родителям: «почитай отца и мать». Сам Господь неоднократно повторял эту заповедь, данную еще в ветхом завете (Мф.15:4; 19:19; ср. Еф.6:1–3).

Что означают слова св. Писания: «мы теперь не под законом, а под благодатью»?

В ветхом завете Бог дал человеку заповеди, и человек должен был исполнять "весь" закон, чтобы оправдаться (Иак.2:10). Но своими естественными, поврежденными грехом, силами (Еф.2:3) человек не мог исполнить закон и оправдаться делами закона (Рим.3:20): ветхозаветный закон пробуждал только в человеке сознание своей немощи и желание божественной помощи во Христе-Спасителе и Искупителе (Гал.3:24).

Когда пришел Христос, Он искупил людей от наказания за грех (Рим.3:25), и люди получили возможность оправдываться пред Богом не делами закона, но верой, – получать спасение по милости Божией чрез И. Христа (ст. 24). Человек не мог молиться: «Господи, по делам моим оправдай меня!» – как он должен был молиться по смыслу ветхозаветного закона; люди могли только говорить: «Господи, по Твоей милости спаси нас!» и это оправдание даруется чрез Христа в новом завете. Поэтому, отменено оправдание ветхозаветным законом, но самый закон в его существе не отменен.

«Если законом оправдание, то Христос напрасно умер» (Гал.2:21). «Итак мы уничтожаем закон верою? Никак. Но закон утверждаем» (Рим.3:31).

Мы оправдываемся в новом завете не делами закона, а по милости Божией. Однако, мы никак не должны нарушать закон, – в его существенной – догматической и нравственной части, – а должны исполнять его.

«И не делать ли нам зло, чтобы вышло добро?». «Что же скажем? Оставаться ли нам во грехе, чтобы умножилась благодать? Никак, мы умерли для греха: как же нам жить в нем? (Рим.8:8; 6:1–2). «Итак, да не царствует грех в смертном теле вашем, чтобы вам повиноваться ему в похотях его; и не предавайте членов ваших греху в орудия неправды, но представьте себя Богу, как оживших из мертвых, и члены ваши Богу в орудия праведности. Грех не должен над вами господствовать, ибо вы не под законом, но под благодатью. Что же? Станем ли грешить, потому что мы не под законом, а под благодатью? Никак» (Рим.6:12–15).

Что такое грех? «Всякий делающий грех, делает и беззаконие; и грех есть беззаконие» (1Ин.3:4). Грех есть нарушение закона.

В тексте св. Писания: «замужняя женщина привязана законом к живому мужу; а если умрет муж, она освобождается от закона замужества» (Рим.7:2) никаким образом нельзя видеть оправдания

беззаконию, как думают некоторые. Ибо Апостол здесь же говорит, что при живом муже жена не должна выходить за другого; а если выйдет, то будет «прелюбодейцею» (ст. 3).

«Чада века сего женятся и выходят замуж: а сподобившиеся достигнуть того века и воскресения из мертвых ни женятся, ни замуж не выходят» (Лк.20:34–35).

«Если, ища оправдания во Христе, мы и сами оказались грешниками, – то неужели Христос есть слугитель греха? Никак!» (Тал.2:17).

Может быть, только духом нельзя грешить, а телом можно?

Нет. По слову Божию, и телом нельзя грешить. Тело наше после смерти, по истлении, воскреснет, – как стебель из пшеничного зерна и будет бессмертно (1Кор.15:35–38): «ибо тленному сему надлежит облечься в нетление, и смертному сему облечься в бессмертие» (ст. 53).

Посему, Апостол говорит: «удерживайтесь от всякого рода зла. Сам же Бог мира да освятит вас во всей полноте; и ваш дух, душа и тело во всей целости да сохранится без порока в пришествие Господа нашего Иисуса Христа» (1Фес.5:22–23).

«Разве вы не знаете, что тела ваши суть члены Христовы? (Церковь есть тело Христово, глава тела Церкви – Христос; верующие – члены тела Церкви, – Еф.1:23; 5:23; 1Кор.12:27).

«Итак отниму ли члены у Христа, чтобы сделать их членами блудницы? Да не будет». «Бегайте блуда; всякий грех, какой делает человек, есть вне тела, а блудник грешит против собственного тела» (1Кор.6:18).

Тело свое мы должны соблюдать в непорочности: «ибо всем нам должно явиться пред судилище Христово, чтобы получить каждому соответственно тому, что он делал, живя в теле, доброе, или худое» (по-славянски: «яже с телом содела блага или зла» (2Кор.5:10).

«К свободе призваны вы, братия, только бы свобода ваша не была поводом к угождению плоти, но любовью служите друг другу» (Гал.5:13).

«Я говорю: поступайте по духу, и вы не будете исполнять вожделения плоти». «Дела плоти известны; они суть: прелюбодеяние, блуд, нечистота, непотребство, идолослужение, волшебство, вражда, ссоры, гнев, распри, разногласия (соблазны), ереси, ненависть, убийства, пьянство, бесчинство и тому подобное; предваряю вас, как и прежде предварял, что поступающие так Царствия Божия не наследуют. Плод же духа: любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание. На таковых нет закона» (закон остается внешним предписанием для грешника, для праведника же он – внутренняя потребность – подобно тому, как, напр., гражданский закон страшен для нарушителей его и не стесняет тех, которые, сами делают добро (Рим.13:3: «закон положен не для праведника, но для беззаконных и непокоривых, нечестивых и грешников, развратных и оскверненных, для

оскорбителей отца и матери, для человекоубийц, для блудников, мужеложников, лжецов, клятвопреступников, и для всего, что противно здравому учению». (1Тим.1:9–10).

«Если мы живем духом, то по духу и поступать должны» (Гал.5:16–25).

Что значат слова: «духовный человек судит о всем, а о чем судить никто не может» (1Кор.2:15)?

Праведник может понять грешника, так праведные люди могут давать советы согрешающим; а грешник, как помраченный грехом, не может понять праведника.

Грешник – плотской человек; ибо он делает дела плоти; духовный человек – это праведник, который делает добрые дела – духа.

Возвратимся теперь опять к рассуждению о людях, называемых хлыстами.

Из изложенного учения слова Божия о Лице Господа Иисуса Христа видно, что хлыстовское учение о боговоплощениях – ложно, что само св. Писание заповедует не слушать, не верить учению о новых пришествиях Христа, кроме второго – страшного пришествия; видно также, что добродетельные из христиан могут быть увенчаны Богом, но только по смерти; на земле же усыновление верующих не может считаться полным и оконченным.

Из учения Слова Божия о браке ясно видно, что и хлыстовская заповедь: «женатые разженитесь, не женатые не женитесь», равно как все тайные и явные нарушения церковного брака, допускаемые сектантами, – противны св. Писанию, суть прелюбодеяние и блуд.

«Есть пути», говорит Премудрый, «которые кажутся человеку прямыми, но конец их путь к смерти» (Прит.14:12).

Бывает, что к хлыстам ходят такие люди, которые не виляют на их собраниях ничего особенного; и сами хлысты сначала учат о том, что «не нужно ходить на мирские сборища, ругаться нехорошими словами и т.п. И о самих себе они часто говорят миссионерам: «за что вы нас упрекаете? Мы, правда, собираемся, поем, читаем слово Божие и – только. Неужели мы должны оставить все это и ругаться, пить водку, как прежде?». Такие речи хлыстов – лукавы. Дай, Господи, всякого добра человеку, который не пьет, не ругается, живет мирно и благочестиво, читает Слово Божие и поет церковные песнопения! Но зачем же хлысты собираются тайно, по ночам? Спросите людей, кто бывал на больших собраниях сектантов, что скажут они? «Грехи некоторых людей явны и прямо ведут к осуждению, а некоторых открываются впоследствии, равным образом и добрые дела явны, а если не таковы, скрыться не могут» (1Тим.5:24–25)...

«Что ж? у нас бывают и женщины; только у нас – «несть мужеский пол, несть женский» (Гал.3:28), говорят иногда сектанты.

Это сказало о будущей жизни (Лк.20:34–35). А об этой земной жизни вот что говорит св. Писание: «может ли кто взять себе огонь в пазуху, чтобы не прогорело платье его? Может ли кто ходить по горящим угольям, чтобы не обжечь ног своих? Тоже бывает и с тем, кто входит к жене ближнего своего: кто прикоснется к ней, не останется без вины» (Прит.6:27–29).

Есть еще примета, почему можно заметить хлыста. Это – лживость; хлысты – «лжесловесники», солгать – ничего не стоит для них. Совесть сожжена у этих людей (1Тим.4:2).

Между тем, по Слову Божию «отец лжи – диавол» (Ин.8:44); христианину должно веяному спрашивающему давать правый ответ (1Пет.3:15) и ложь строго запрещается (Лев.19:11; Еф.4:25; Кол.3:9).

Свои тайные, неприличные дела хлысты всегда стараются скрыть. «Ибо всякий, делающий злое, ненавидит свет и не идет к свету чтобы, не облачились дела его, потому что они злы. А поступающий по правде идет к свету, дабы явны были дела его, потому что они в Боге соделаны» (Ин.3:20–21).

Хлыстовское «хождение в духе», хлыстовские пляски – суть своего рода болезнь в роде «падучей» (эпилепсии), болезнь нервов, приобретаемая сектантами путем искусственного возбуждения. От этой болезни расстраивается и душевное, и телесное здоровье сектантов. Хлыстовское учение распространяет «запах смертоносный на смерть» (2Кор.2:16; Рим.6:23).

Того человека, который привык ходить к хлыстам, тянет идти туда; бывает, что, если не пустить его туда, он заплачет. Такому человеку нужно помнить слово, которое Бог сказал Каину: «почему ты огорчился? и отчего поникло лицо твое? Коли делаешь доброе, то не поднимаешь ли лица? А если не делаешь доброго, то у дверей грех лежит: он влечет тебя к себе, но ты господствуй над ним» (Быт.4:6–7).

Хлысты иногда говорят: «христиан прежде ненавидели, гнали, – вот и нас теперь гонят, значит, мы правы, – «та вера спасима, которая гонима».

Нужно сказать на это, что не всякая «гонимая вера спасима»; еретики всех времен жаловались на преследования. Неужели, поэтому, они были правы?... «Что за похвала, если вы терпите, когда вас бьют за проступки?». (1Пет.2:20).

Государство позволяет жить магометанам евреям, а хлыстовская секта государственными законами преследуется. Почему? Потому, что хлысты вредны для государства.

Государство состоит из семейств, точно также как дом состоит из камней, или деревьев. Если кто стал бы разделять камни, или деревья дома и перекладывать одни половинки к другим, тогда дом бы разрушился. Если кто стал бы разлучать жену от мужа, мужа от жены, родителей от детей, детей от родителей, словом – разрушать семьи, тот разрушал бы и

государство. Хлысты разрушают семью, потому они и вредны для государства и собрания хлыстов – считаются запрещенными. – «Как же тех, кто не хлыст, а живет с чужой женой, никто не гонит?», – спрашивают сектанты.

В мире встречаются такие; и их государство не карает. Почему? Потому, что они не заражают своим грехом других. Если человек сам выпьет яд и его вылечат, то его не осудит гражданский закон. А если он отравит другого, то отравителя судят, как убийцу. Так точно, и хлыстов судят за то, что они приносят вред обществу, распространяя свое пагубное учение.

Тем людям, которые зовутся хлыстами, мы от лица Церкви и Слова Божия, ею хранимого, скажем: «обратись каждый человек, посещающий ночные собрания хлыстов, к своей совести, если она не сожглась еще огнем хлыстовского греха, спроси себя, свою душу: не говоришь ли ты пагубной лжи? Не близок ли ты к нечистоте, распутству на собрании? Не запутываешься ли ты в сетях отца лжи и человекоубийцы (2Тим.2:26)?

«Скрывающий свои преступления не будет иметь успеха; а кто сознается и оставляет их, тот будет помилован. Блажен человек, который пребывает в благочестии, а кто ожесточает сердце свое, тот попадать в беду» (Прем.28:13–14).

Православные же должны помнить слова Писания: «Завещаваем же вам, братия, именем Господа нашего Иисуса Христа; удаляться от всякого брата, поступающего бесчинно, а не по преданию, которое приняли от нас». «Если же кто не послушает слова нашего в сем послании, того имейте на замечании и не сообщайтесь с ним, чтобы устыдить его; но не считайте его за врага, а вразумляйте, как брата. Сам же Господь мира да даст вам мир всегда во всем; Господь со всеми вами!» (2Фес.3:6, 14–16).

Д. Грацианский

По расколоведению

**Шалкинский С. Церковь Христова и временно без епископа
быти не может²⁸⁵ (Из полемики). // «Миссионерское
Обозрение», 1906, № 4, стр. 539–546**

(Замечания на книгу Ивана Усова «Церковь Христова временно без епископа» миссионеров священника Сергея Шалкинского и Калл. Картушина)

Посмотрим, какими «доказательствами» будет оправдывать свою вдовствующую церковь ее сын.

Из книги Усова.

«Но если бы не только по частям, а все сразу епископы уклонились в заблуждение, и тогда не должно бы смущаться, как чего-то необычного и изменять православной вере. На это кроме выше-представленных есть много других доказательств, из которых представлю некоторые. Когда преподобного Максима исповедника еретики единовольники посадили в неволю, и начали увещевать его принять их ереси, представляя, что с ними согласились очень многие епископы, в том числе и пришедшие из Рима от папы два апокрисария, – тогда отвеча им преподобный (Максим): еще и вся вселенная начнет с патриархом (еретиком) причащаться, аз не имам причаститися с ним: вем бо Духа Святого чрез апостола Павла, и ангелов анафеме предающего еще бы инако благовестили, новое что вносяще и (чет. мин. генв. 21). Замечательно, что преп. Максим не сказал еретикам, что не может быть, чтобы все епископы уклонились в ересь, сколько-нибудь осталось епископов, которые не могут уклониться. Нет: он сказал о падении епископов больше и сильнее, чем еретики, полагавшие изумить и убедить его множеством падших епископов; когда они стали говорить ему, что и римские апокрисарии с ними соединились, и очень многие епископы, то он им сказал, что если бы не только многие епископы уклонились в заблуждение, но хотя бы даже и вся вселенная, – и то не поколеблюсь в православии, хотя и один останусь». А он был не епископ, а просто игумен. Я согласен допустить, что еретики обманывали его, когда говорили, что с ними соединились очень многие епископы, согласен допустить даже, что с ними никто не соединился: одни они были с цареградским патриархом. Не это важно, а то, что сказал преподобный Максим исповедник: если и вся вселенная уклонится в ересь я один не имам причаститися с отступниками, не последую за ними. Он, конечно, не врал. Если бы в его время действительно случилось, что все епископы уклонились в ересь, он бы сдержал свое слово: не последовал бы за ними. Мало все епископы; хотя бы вся вселенная уклонилась в ересь, – и то он не смутился бы: остался бы в православной вере. Если бы преподобный Максим исповедник жил во времена Никона, он нисколько не смутился бы от того, что все, или точнее – остальные, епископы пали в

заблуждение, и не последовал бы за ними. Но хотя он в то время и не был на земле, однако содержатели и исполнители его учения были, и ничуть не смутились от того, что остальные епископы пали в заблуждение, – не смутились, повторяя слова преподобного: «аще и вся вселенная» (а не только двадцать девять епископов) начнет мудрствовать по-еретически, и то православный христианин не должен соблазняться.

Таким образом, древняя святая церковь, святые отцы и учителя церкви отнюдь не содержали вашего миссионерского учения, что все епископы не могут уклониться в ересь. Так учил не один преподобный Максим исповедник, а и другие святые отцы церкви. Так, когда Мартину папе римскому предложили принять еретическое учение, изложенное в книге, именуемой «Тип», – то он отвечал: «аще бы и весь мир новое то учение, правоверию противное, восхотел прияти, аз не прииму, ни отступлю евангельского и апостольского учения и святых отец предания, аще ми будет и смертью пострадати» (чет. мин. генваря 21).

Замечание. Преподобный Максим Исповедник и папа Мартин, как истинные сыны св. Церкви; знали, что слова Спасателя: «созижду Церковь Мою, в врата ада не одолеют ей» – суть слова Господа Всемогущего, обещания Которого истинны и непреложны. Они веровали, что какие бы козни ни изобретали еретики, – именуемые вратами ада, – против св. Церкви, она вечно будет сиять красотой непорочного учения, не уступит никаким искушениям. Пусть на сторону еретиков склонится один-два, даже и больше епископов, пусть отпадает целая область, но св. церковь от этого не потеряет дарованной ей силы «побеждать мир». Они так проникнуты были верою в неодоленность еретиками Церкви Христовой, что на временные успехи еретиков, отторгавших некоторых епископов в свое заблуждение, смотрели, как на явление, над которым и не стоило задумываться. И когда еретики указывали им на отпадение некоторых епископов, как на доказательство превосходства ереси пред православием, они отвечали: – что вы указываете нам на некоторых отступников? Если бы вы сказали нам, что и вся вселенная, весь мир, принял ваше новое, еретическое учение, то мы его не примем! Так отвечали еретикам единовольникам пр. Максим и папа Мартин.

Слова их служат доказательством не того, что все епископы могут уклониться в ересь, а выражением их личной твердой веры в непобедимость св. Церкви. Церковь же из одного человека состоять не может, как известно было им из слов св. апостола Павла: *«как тело одно, но имеет многие члены, и все члены одною тела, хотя их и много, составляют одно тело: так и Христос»* (1Кор.12:12), так и Церковь, поясняет св. И. Златоуст. И в этом церковном теле *иных Бог поставил во-первых апостолами, во-вторых пророками, в третьих учителями. А если бы все были один член, то где было бы тело, т.е. Церковь* (ст. 28:19). Никто не допустит мысли, чтобы пр. Максим и папа Мартин не

знали этих слов, или, что и зная их, они не соглашались с учением апостола. Усов же не сменяется приписывать этим защитникам апостольского учения такое лжемудрование, которое противоречит словам апостола Павла: апостол поучает, что *вся Церковь Христова из одного члена* состоять не может, а они будто бы допускали возможность существования *всей церкви из одного* человека. Нет, пр. Максим говорит: «вем бо Духа Святого чрез ап. Павла и ангелов анафем предающего, аще бы *инако* благовестили, новое что вносяще». А учение о церкви, состоящей из одного человека, или одного члена, учение новое, непреданное св. апостолом. Как же мог пр. отец проповедовать такое учение, за которое ему грозит страшная анафема? Неправду говорит Усов и в следующих словах: «Если бы пр. Максим исповедник жил во времена Никона, он нисколько не смутился бы от того, что все, или точнее – остальные, епископы пали в заблуждение, и не последовал бы за ними». На чем же основано такое предположение? Если пр. Максим не соглашался принять *ересь* единовольников, не право мудрствующих о Лице Господа нашего Иисуса Христа, то это еще не доказывает, что он стал бы спорить из-за церковных обрядов. Ведь он не Аввакум, не Никита Пустосвят, а св. отец, святые же отцы говорят: «срамно есть из-за обрядов ратоваться!» Да, живи он во времена п. Никона, он сказал бы расколовождам: «срамно, братия, из-за обрядов ратоваться!... смотрите, не оцезиваете ли вы комара, глотая верблюдов: спорите из-за обрядов и чрез этот спор разрываете союз со св. Церковью, являетесь преслушниками Спасителя нашего, заповедовавшего слушаться пастырей церкви, как Его Самого... Стыдитесь!»

Таково первое и самое сильное доказательство Усова, положенное в основу всей его книги. Но это доказательство, как ясно каждому, ни единым словом не оправдывают положения Усова, а лишь обличает его в клевете на преподобного *Условные выражения* пр. Максима: *"аще и вся вселенная начнет"* и папы Мартина: *"аще бы и весь мир восхотел прияти"* – Усов бесцеремонно выдает за *положительное* их учение. Кроме того, допуская возможность бытия Церкви Христовой из одного человека, который подлежит смерти, Усов допускает конечное прекращение существования Церкви Христовой: помер этот человек, и на земле не осталось ни одного истинного христианина, не осталось Церкви. И такое-то свое нечестивое учение он выдает за учение пр. Максима исповедника и папы Мартина.

Так поступать свойственно только еретикам: «Еретицы же сердца людей простых вводят в обман добрыми и сладкими речами, Христовым именем, как, медом, прикрывая яд злочестивых учений. О всех них в совокупности говорит Господь: *блюдите, да никто же вас прельстит* (Мф.24:4). Для сего-то и проповедуется учение веры и изъяснение оной» (Св. Кирилла. 40 гл. сл. ст. 2).

Из книги Усова:

Так и святой Василий Великий, вселенский учитель, писал к монахам, утесненным от ариан: «Да не устрашает вас многочисленность народа, волнуемая, как вода в море, ветрами, ибо, если и один кто спасется, как Лот в Содоме, должен держаться здравого суждения, имея непоколебимое упование о Христе, потому что Господь не оставит преподобных Своих» (твор. его ч. 7, письмо 249).

Замечание. Второе «доказательство» о возможности бытия церкви Христовой без епископа Усов усматривает в приведенных словах св. Василия Великого. Но в этих словах никто, кроме Усова, не найдет такого учения. Из них видно только, что св. отец увещевает монахов пребывать непоколебимыми в Православии, уповать на Господа, который не оставит *преподобных* (не одного, а многих) Своих, как не оставил праведного Лота с семейством в Содоме, но спас его от угрожавшей опасности. «Если» (опять *если*) и *один* кто из братии этого монастыря «спасется», т.е. останется жив, и тот не должен смущаться. Но вас спасется много, ибо Господь не оставит *преподобных* Своих, не допустит, чтобы еретики одержали победу над Святой Церковью.

Из книги Усова.

Так и другой вселенский учитель, святой Иоанн Златоуст, указывая, что безначалие есть зло, а так же зло есть неповиновение подчиненных, говорит, между прочим, так: «Но скажет кто-нибудь, есть еще третье зло, – когда начальник нехорош. Знаю: это не малое зло, и даже гораздо большее, нежели безначалие, потому что лучше не управляться никем, нежели быть под управлением дурного начальника. В первом случае народ иногда подвергается опасности, а иногда и спасается. В последнем же всегда находится в опасности и увлекается в пропасть. Почему же Павел говорит: повинуйтесь наставникам вашим и покоряйтесь? Он выше сказал: ниже взираяще на скончание жителства, подражайте вере их, а потом и говорит: повинуйтесь наставником нашим и покоряйтесь. А что, скажешь, когда начальник нехорош, то не нужно повиноваться ему? Нехорош, – в каком смысле говоришь ты? Если по отношению к вере, то беги от него и не общайся с ним, хотя бы он был не только человек, но даже ангел сшедый с небес: если же по отношению к жизни, то не спрашивай об этом (34 беседа на посл. евр.).

Замечание. Третье свидетельство Усов находит, и опять ложно, у св. Иоанна Златоуста. В виду того, что эти слова великого учителя часто приводят не только австрийцы в оправдание «временного» состояния их мнимой церкви без епископа, но и беспоповцы видят в них учение о возможности бытия церкви Христовой без священства, мы обращаем на него особенное внимание.

Прежде всего следует обратить внимание, что св. Иоанн Златоуст был архиепископом церкви Православной – жил в такое время, когда Церковь

Христова обуревалась еретическими лжеучениями – и, несмотря на это, он никогда ни одним словом не высказал той мысли, какую настойчиво проповедуют в настоящее время беспоповцы и единомысленные им в этом вопросе австрийцы, – что Церковь Христова может совершенно лишиться всех истинно-православных епископов и священников. Кто знаком с творениями св. Иоанна Златоуста, тот знает, что св. Иоанн, напротив, убеждал своих пасомых, что неправильно называют себя православными те лжеучители и их последователи, которые не имеют епископов. «Непщуете ли сие дозрети, говорит он, яко православию суть? А яже рукоположения исчезает и погибают? И кая польза есть иных, сему не сущу опасну? Я коже бо за веру, тако и за сие ратоватися подобает» (11 нравоуч. на посл. Ефес. стр. 1693). Если бы во времена св. Иоанна Златоуста были беглопоповцы (каковыми были австрийцы до принятия беглого митрополита Амвросия) и стали бы доказывать ему, что они содержат *обряды, считая их за старую веру*, что они совершают, уставное богослужение, постятся, помогают ближним своим и пр. св. Златоуст сказал бы им: напрасно вы хвалитесь своей верой, своим богослужением и под.: ни вера ваша, ни богослужение не дают вам права именоваться православными христианами: «кая вам польза есть иных», когда у вас нет совершения таинства рукоположения? Не забывают, что это таинство должно быть для истинного христианина так же дорого, как и самая вера. Истинно-православная Церковь не может быть без епископов: если в каком обществе по-видимому и содержится правая вера, но епископов, совершителей таинства рукоположения, нет, то такое общество я не назову православным; принадлежащие к нему тяжко погрешают, думая, что и одной веры достаточно, чтобы именоваться и быть православными.

Так сказал бы св. Иоанн г Усову.

Однажды, когда св. Иоанна Златоуста несправедливо осудили в ссылке и паства его горько плакала, высказывая даже свое намерение не подчиняться епископу, которого поставят вместо сосланного св. Иоанна, святитель Божий говорил им: «не мозите никто же вас отторзатися от Церкви... не может бо церкви без епископа быти... и тако милость примите от Бога» (Марг. л. 154 об. втор. счета). Но подчинение законно поставленному (хотя бы и на место незаконно изгнанного) епископу св. отец называет «отторжением» от св. Церкви.

След. св. учитель вселенной – «Павловы уста, уста которого суть Христовы уста» – поучает, что милость и вечное спасение получают только пребывающие в единении со св. Церковью, тою св. Церковью, которая «без епископа быть не может».

Но, скажут, в другом месте св. Златоуст учит, что можно быть не только без епископов, но и совершенно без пастырей, да не только можно, но еще и *лучше* быть без них, чем с пастырями.

«Кто же из читателей будет настолько несправедлив, – говорит блаженный Иероним, – чтобы судить меня не из моих собственных слов, но по своему уразумению их?... Обязанность толкователя излагать не то, что ему вздумается, но то, что думает тот, кого истолковывает. Если бы кто-нибудь стал поступать наоборот, то он стал бы не столько толкователем, сколько противником того, кого старался объяснить» (твор. бл. Иерон. т. 2, стр. 18, 39, изд. 2, Киев 1894 г.). Несправедливым толкователем св. Златоуста и противником его является и Усов. Своим толкованием он допускает мысль, что св. отец не всегда учил одному и тому же, что его учение противоречить само себе. В одном месте он учит, что «без епископа церковь не может быть», в другом говорит, что «без пастырей *лучше* спасешься». Так учить св. отец не мог, иначе его никто из пастырей церкви не считал бы достоверным учителем. «Подобает ведати, говорит преп. Максим Грек, – яко всяко писание тремя некими свойство изрядне достоверное и твердое имать: аще убо от благовернаго и соборней церкви знаема и знаменитаго писателя сложено бысть; второе, аще по всему согласует апостольским догматом и преданиям, третье, аще кто само к себе по всему согласует, а нигде же разликует» (Твор. Макс. Грек. ч. 3, стр. 104, по 2 изд. Казань 1897 год).

Но как же, однако, понимать слова св. Иоанна, приведенные Усовым: «*лучше* не управляться никем, нежели быть под управлением дурного начальника»? Для правильного разумения этого отрывочного изречения, прочитаем полностью слова св. Иоанна по старопечатной книге «Беседы на 14 посланий ап. Павла». Вот что говорит в них святитель Божий. «Злое убо есть везде безначалие, и многих зол вина, и начало безчиния и слияни: наипаче же в Церкви толико не твердое есть, елика и начала вящшее и высочайшее. Яко же бо аще лика Верховнаго отъимеши, не будет Лик по песни и по чину и аще есть полка воинству Воеводу оставивши, не к тому правлением и чином яже ополчения будут, и от корабля кормчию аще отъимеши, погрузиши корабль: тако и от стада пастыря аще оставивши, вся развратил еси и погубил: зло убо безначалие, и возмущению вина. Злое же не менее и неповиновение начинаемых. Тоже бо бывает паки. Людие бо князю не повинующеся, подобни суть не имущему: неглиже и горшии тако убо (поне) и прощение имут о безчинии: zde же некому, но и мучими бывают. Но негли (если) кто речет нам, яко есть и третье зло, егда Начальник будет зол: вем и аз, яко не мало сие зло, но и безначалия много злнйшее: лучше бо есть ни от единого водиму (обладану) быти, нежели от злаго водиму быти, той бо многожды спасеся, многожды же и беду подъят: сей же всячески беду приимет, в яму ведом сый... Что убо рече, егда зол будет, не повинемся ли; зол, како глаголеши; аще убо веры ради, бегай его и отрицайся... аще же ли жития ради, не испытай». (34 бес. на посл. Евр. зач. 335, стр. 3113–14).

Нам уже известно, что св. Иоанн Златоуст не допускал и мысли о возможности бытия Церкви без епископа. Теперь, в пояснение того же учения он говорит: «Злое убо есть везде безначалие, и многих зол вина, и начало безчиния и слияния: наипаче же в церкви (ибо) от стада пастыря аще оставиши, *вся развратил еси и погубил: зло убо есть безначалие*, и возмущению вина. Эти слова Усов намеренно опустил, как резко обличающие его лжетолкование. А в них и содержится главная мысль всего рассуждения св. отца. Он говорит, что быть без начальника есть *зло* во всяком деле, а особенно в церкви, и в этом последнем случае такое *зло*, что без пастыря церковь есть *развращенная и погубленная*, т.е. но Христова. С этим невольно соглашается и сам Усов, говоря ниже (гл. 14): «пребывание церкви без епископа – состояние жестокое, испытание великое и тяжкое, бедствие горестное» и ниже: «когда митрополит Амвросий присоединился к ней (церкви развращенной и погубленной) и она снова стала с епископами, тогда она представилась в самом деле *возустроенною, воскресшею*, т.е. до беглеца Амвросия расколе-беглопоповщинская церковь была разрушенной, мертвой и только благодаря прикосновению к ней еретика (каковым считала Амвросия) «мертвая» беглопоповщинская церковь снова устроилась и воскресла! Вот какую силу приписывает Усов еретiku: он не только может воскрешать мертвых, но даже воскресил Церковь, глава Которой Христос не мог, по его мнению, воскресить Свою Церковь, а еретик епископ мог!

Итак, бытие церкви без епископа есть такое страшное зло, которое умерщвляет всю Церковь.

Но есть и второе зло, говорит св. Златоуст: зло это состоит в неповиновении законным пастырям.

Третье зло, продолжает Златоуст, еще злее хуже первого – безначалия.

Какое же *это зло*? *Злый начальник*. Не говорит ли он, что все и всюду начальники будут злы? Нет, не говорит, ибо он раньше еще сказал, что истинная Церковь Христова без истинных православных епископов быть не может.

Если вдуматься в слова св. Иоанна, то они беспощадно осуждают раскольников: все три вида зла постигли их по отделении от св. Церкви. Они, порвав единение со св. Церковью, остались без начальников церковных – епископов. А где нет епископов, там нет и Церкви (св. Кипр.), нет и не дается таковым и Дух Святой (Ник. Черн.) – такая церковь становится мертвою, какою ее считает и сам Усов.

Второе зло – неподчинение раскольников законным пастырям церкви Православной.

Третье зло – признание ими «злых» пастырей-мирян епископами, священниками и диаконами.

Это третье зло самое худшее, так что беспоповцы, пребывающие без пастырей, *лучше* австрийцев: беспоповцы «многожды» спасутся, обращаясь ко св. Церкви, а австрийцы «всячески беду примут, в яму ведами суть» злыми пастырями – мірянами.

Вот в каком отношении безначалие *лучшее зло* по сравнению с пребыванием под управлением злых пастырей. Но как первое, так и второе зло тоже спасти никого из пребывающих в нем не может. «Спасение» дарует нам не зло, а св. *"церковь"*. (В. Кат. л. 119–122 Ник. Черн. л. 141).

(Продолжение следует).

Хроника

Летопись периодической духовной и светской печати и по вопросам веры и миссии церкви. Пустынник Н. Обзор светской печати (О новой книге В.В. Розанова «Около церковных стен») // «Миссионерское Обозрение», 1906, № 4, стр. 547–562

I.

Нынешняя смута захватила все русское общество как-то врасплох. Ее не ждали. Казалось, что везде «все обстоит благополучно», прогресс шибко идет вперед, эволюция действует во всю, «мыслящая Россия» «сознательно» идет к вполне определенной цели, жизнь организуется и кристаллизуется, а «вожди человечества» и «властители дум» отлично знают дорогу и ведет за собою толпы «вперед и выше, все вперед и все выше».

Но – один, взмах какой-то магической и волшебной палочки, один крутой поворот истории, которого не ждали, в который не верили, – и все изменялось.

Храм науки, о котором так много и красноречиво говорили на всех торжищах и рынках, которыми гордились и хвалились, – оказался убогим и дешевым балаганом. Обои отстали и клочьями висят вдоль стен, осыпалась штукатурка, на подгнившем полу валяется мусор. Старые шуты скинули свои колпаки с погремушками, пестрые костюмы и мишурные украшения и на их усталых, дряблых и желтых после долгого грима лицах видны следы утомления, уныния, скуки.

Они знают, что им уже не верят и больше верить не будут и не возлагают надежд на новый успех своего надоевшего всем фарса.

В какую трясику затащил нас недавно ликовавший прогресс! До чего довертелась «общественная стихийная эволюция»! Где те прославленные «идеи*», на которые так долго и так слепо возлагала все свои надежды «мыслящая Россия»?

Мираж – пропал. Слишком суроводохнул на него свежий, холодный и отрезвляющий воздух реальной жизни. Пустыня оказалась пустыней. Ничего впереди и ничего позади.

Мы говорим об огромном, большинстве так называемого «интеллигентного» общества. Было, конечно, и меньшинство. Эти староверы недоверчиво и подозрительно относились к той волшебной сказке, которую так монотонно и утомительно рассказывали разные «передовые умы». Они говорили, что это только слова, а не понятия, только «идеи» мечтательного воображения, а не рост мысли в виде широкого знания и умного опыта. Но они были одиноки. Их голос был голосом «вопиющего в пустыни». Торжествующий прогресс шел своей

дорогой, не слышал угроз и предостережений, как новый Нарцисс, любовался собою в отражении на глади стоячей воды, пока не свалился в болото.

Полное банкротство обнаружилось так недавно, произвело такое ошеломляющее впечатление, что точно и безошибочно подвести все итоги – время еще не настало. Но крупные цифры и главнейшие промахи и ошибки очевидны для каждого, кто не утратил способности просто смотреть на вещи и отдавать себе отчет в событиях, людях и идеях.

Дело в том, что признаки приближающегося урагана – были на глазах у всех. На глазах у всех популярные писатели и журналисты сеяли ветер, готовя бурю. Происходила самая комическая переоценка ценностей. Сбывалось то, что отметил когда-то покойный Влад. Соловьев в шуточном стихотворении о библейском пророке Валааме, которому Господь запретил говорить и отверз уста его ослице. В этом талантливый юморист видел предсказание для России.

Гонима, Русь, ты беспощадным роком,
Как некогда неверный Валаам:
Заграждены уста твоим пророкам
И слово вольное дано твоим ослам.

Это, конечно, оказало и должно было оказать огромное влияние на предпринятую в то время оценку ценностей. Все, что считалось пороком, мало-помалу становилось добродетелью. Полуграмотная полуобразованность в каждой распивочной газете выдавала себя за последнее слово науки. Наследственные лентяи и эгоисты возлагали на себя затасканные венки жрецов человечества и братства народов.

Такая переоценка была, конечно только манерой речи и на жизнь не влияла. Все по-прежнему оставалось на своих местах – порок, и добродетель, ум и глупость, знание и идейное невежество. В итоге этой переоценки остались только нелепые и бесполезные «верования и убеждения лучшей части русской интеллигенции».

Каждый работал в своей области. Беллетристы пели босяков, бродяг и хулиганов и только в них видели предшественников торжествующего и державного пролетариата. Публицисты на тысячи ладов перетряхивали засаленные популярный книжки с изложением великих идей Маркса и Энгельса, Бебеля и Либкнехта, Бернштейна и Каутского. Юристы говорили о постоянной амнистии, о безответственности и незыблемости каждые преступления и о той прожорливой «среде», которая в лице воров и убийц «заедает» самые лучшие элементы роста личности и правового сознания. Богословы говорили...

Но здесь сделаем остановку. Именно о богословах-то мы и хотим повести речь. За последнее время заговорили, как кажется, настоящие богословы и речи их следует, выслушать с полной серьезностью и с

полным вниманием. Но еще недавно вместо настоящих богословов на богословские темы говорили...

Впрочем, скажу просто и коротко: в этом первом моем «Обзор. печати» в «Миссионерском Обозрении» мне хочется сказать несколько слов о новой книге В.В. Розанова «Около церковных степей», в которой он без заранее обдуманного намерения и злого умысла собрал несколько своих журнальных и газетных статей.

II.

Удивительная книга!

Впрочем, это выражение бледно и слабо.

Неправдоподобная книга!

Каждая страница и почти каждый абзац на странице – в своем роде перл, достойный чрезвычайного изумления. Яхонтов, алмазов и жемчужин так много, что просто глаза разбегаются. Известно,

Что в море купаться, то Данте читать.

То же можно сказать и про В.В. Розанова. Поэтому во что было ни стало необходимо ограничить почти необозримое поле зрения. Мы будем говорить только о характерном «Предисловии» автора и об его первой статье «Религия, как свет и радость», с которой

г. Розанов восторженно приветствует литературные опыты «батюшка Петрова». Но и здесь – увы! – мы не надеемся сделать полную опись золотой россыпи отдельных слов и выражений.

«Ничто из далеких моих воспоминаний, – так г. Розанов, начинает свое «Предисловие», – так не ярко, как весенние игры на бугорке, где стояла наша Покровская церковь».

Будьте внимательны, читатель! Это не спроста. Тут многозначительный намек на ряд больших выводов и неожиданных обобщений.

Во-первых, – *Покров*.

«На вопрос, что это такое, – не только всякий мужик, но и почти все образованные дают ответ: *"не знаю"*».

Возможно. Но что же из этого следует?

«Это странная смесь *любви* и *незнания*, *молитвы* с *неведением*, к чему она собственно прикреплена, – напоминает наивный ответ древних на вопрос: «чей жертвенник это стоит?» – «Это жертвенник Неведомому Богу», «*Deo ignoto*». Достопочтеннейший архимандрит (ныне епископ) Антонин на одном из Религиозно-философских Собраний в 1903 г. объяснил об этом *Templo Dei ignoti* афинян, что древние политеисты не только не исключали поклонения никакому чуждому им самим Богу, но были так простодушны и ласковы ко всем народам, что на тот случай, если в какой-нибудь стране, так сказать географически не открытой, тамошнее население или по забывчивости, или от бедности, или по какой-нибудь случайности не поставило алтаря своему Богу, – то вот они,

афиняне, ставят этому Deo ignoto алтарь; и таким образом божество не останется без жертвы, а наконец ничего не потерпит за безбожие». – Неправда ли, какая простота и грация? Любовь и братство международное еще в пору, когда не существовало науки международного права».

При таком «выступлении» автор сама собою припоминается одна старая побасенка.

– Для начала недурно, – сказал смуглый турок, когда его посадили на кол.

г. Розанов в детском простодушии не хочет знать, что каждый, кто молится чужим неведомым богам, не чтит и не знает своего Бога, что это не веротерпимость, а безверие. Пусть у нас плохо знают, что такое «Покров», но это отнюдь не та степень религиозного безразличия, на которой молятся всякому неведомому богу – и только потому, что он – «неведомый». Это повадка нашей интеллигенции, а вовсе не простого народа. От маленького факта г. Розанов, этот сущий младенец в логике, очертя голову перепрыгнул в лоно «братства международного», где его пучина и поглотила, как кита Иону.

Впрочем, делать логический учет выводам г. Розанова – довольно мудрено. И по этому образцу видно, что мысли у него, как у пушкинского мельника, «рассеяны, как листья после бури».

III.

Вернемся к первой фразе «Предисловия». Был «Покров».

Теперь, во-вторых, «на бугорке».

«Хороший обычай у русских ставит храм на бугре, на горе. Это напоминает обычай древних поклоняться Богу «на высотах», «высоких местах», «горах». Еще Соломон «приносил жертвы и курения на высотах"... Мартовское-апрельское солнце обсушит, бывало, этот бугорок раньше всей околицы. Везде зима, а около храма – весна. Как это хорошо. Пусть физики догадываются, что каменные ступени паперти и отражение от белых каменных стен солнечных лучей нагревали бугорок. Я не делю Бога и солнце: Солнце – как правый глаз Божий, а луна – левый, и ими обоими Небо смотрит на нашу милую землю. Значит, если Небо сушить бугорок своего возлюбленного места – это Бог его сушит. Ведь земля – дитя Солнца... Но я все сбиваюсь в сторону и пишу рассеянно».

«Не то, чтобы рассеянно... Тут бы лучше другое слово... Надо сообразить все... Солнце, Небо, Бог... Пожалуй, я это по своему Троица... Но не та, очевидно, не та... Так и кажется, что это отрывок из догматического богословия «древних», поклонявшихся Хорсу и Дажбогу, Ваалу и Мелитте».

Час от часу не легче. Начали с «неведомого бога» пришли к догматике солнцепоклонников!

Вот до чего г. Розановых «бугорки» доводит! Вещь маленькая, а приводит – к откровенному язычеству.

Впрочем, это, быть может, следствие литературной манеры автора. При начитанности он не обладает логическим мышлением, не умеет точно, строго и последовательно делать необходимые выводы.

Нельзя назвать его метод и мистическим. Там есть единобожие, есть одно начало. Здесь мистический метод проникается насквозь аппетитами эпикуреизма и поэтому приобретает направление собирательное, эклектическое, валит в одну кучу Бога и Небо, Солнце и Луну, благочестие и шалости Венеры.

При таком методе каждый пустяк приобретает неподобающее ему всеобщее и таинственное значение, становится прообразом и символом.

На соблазн и искушение г. Розанова около церкви был цветник, были колокольчики, розы и астры. Для простого человека тут ничего чудесного и пророческого – нет. Но г. Розанов – не таков. Он с места в карьер начинает декретировать новую главу языческой мифологии.

«Я удлинил бы эти грядочки цветов и узкой полосой ввел бы их в церковь: пусть и цветочки, как я же, слушают неизъяснимую херувимскую песнь, которую, если и я слушаю, то не понимаю, а все же хорошо. И я думаю: все хорошо, что мы не понимаем; а что мы понимаем, то не очень хорошо».

Это была бы типичная и характерная речь типичного русского интеллигента, который верит только в то, чего не понимает, если бы сквозь эту проповедь бессознательности и принципиального невежества не пробивалась струйка задорного и чувственного пантеизма. Пока определим эту удивительную тираду, как желание автора, чтобы земля, мать сыра земля, вошла в церковь. И отметим мимоходом слащавую и приторную манеру его речи. Грядочки... цветочки... Так нежно и мягко играют на уменьшительных и ласкательных именах, как известно, скопцы.

Но из этих «цветочков» выходят и другие ягодки.

Автор на какой-то страже «Около стен церковных».

«Стены эти как бы расходятся служба становится открытою: херувимская несется по лугам, лесам; умиляет птичек, смиряет зверей, все спешат к человеку: «благодарим, что ты не забыл про нас и вынес Бога твоего всем твоим братьям по райскому саду. Ныне, как и тогда, Бог ходит между своих тварей».

Значит, – земля цветочной дорожкой вошла в церковь, а церковь вышла из церковных стен, пошла по земле, слилась с землей и в ней исчезла.

Вот чего ждал и ждет В.В. Розанов «около церковных стен»!

Таких чудаков, как он, конечно, немного. У «церковных стен» христианской церкви ему ждать нечего. Здесь он случайный турист, изучающий архитектурный стиль церковной постройки. Здесь он чужой.

Перед аудиторией русской интеллигенции, темной и невежественной, он мог за туманными образами и символами прятать свой младенчески-наивный пантеизм, прикрывать подогретое язычество именем и формулами христианства. Но для зрячего и знающего человека сквозь дыры его красноречия просвечивает лукавство и лицемерие.

Пантеизм, как таков, мы порицать не будем. В истории философии он должен был иметь и имел свое место. В недрах этой доктрины рождались и работали и великие умы, и благородные характеры. Но они имели мужество исповедовать свою доктрину. У них была своя честность неверия. Они не терлись «около церковных стен» и не подделывались под церковный язык. Они были так же далеки от лицемерной казуистики, как и от шпионства.

Чего же или, вернее, кого же ждет В.В. Розанов «Около стен церковных»?

Оказывается, «батюшку Петрова» и ему подобных.

Как только «батюшка» пришел, религия стала «светом и радостью».

Переходим к этой главе «Голубиной книги» нашего язычника-мистика.

IV.

Пришел «батюшка» и у Розанова – пир горой.

«Мы даже вовсе и совершенно безгрешны, дети Божии, птицы Божии, лилии Божии, без какой-либо тени первородной испорченности в нашем «я». Маленькое психологическое наблюдение: вы даже невиновны, но признаете, что вас *подозревают* в вине, что на вас *дурная тень*, и которой вам нет средств избыть: какая унылость, апатия устанавливается в душе! До чего не хочется ничего делать! И эта психика угнетенности наконец переходит и в психику *озлобления*. Так тяжело, что я становлюсь и в самом деле дурен, я ищу и подлинно нахожу (сознаю) вину! Т.е. *иллюзия греха создает в самом деле грех*. Вот психология: и кто не узнает ее, оглянувшись кругом на помертвевшие, тусклые очи мира? Но мы похвалены: а, теперь-то уже мы победим! И ноги не встанут, и руки не опустятся. Теперь это частное практическое наблюдение раздвинем до края «видимого и невидимого». Мы всемирно милы. Бог прямо не *налюбуется* на нас и нашу невинность и, так сказать, ежесекундно в творческих недрах Своих повторяет: какую тварь я создал: кто подобен в красоте и совершенстве ей».

Признаюсь, что привожу эти вздорные и языческие фразы с чувством конфузливости и даже некоторой брезгливости. Есть здесь и неприкрытый цинизм, и та болезненная самовлюбленность, которая когда-то довела Нарцисса до того, что он потерял человеческий образ и, став цветком, попал в болото. А ведь то Нарцисс красавец и по мерке таких тонких ценителей красоты, как греки!

Как же это угораздило г. Розанова влюбиться в себя и свои грехи?

Все эти рассуждения по своей нелепости и вздорности вызвали бы только пренебрежительную улыбку у всякого серьезного человека, если бы под ними не таились лукавство и посторонние цели. Цель его, как мы видели, выманить церковь из церковных стен... Явный жрец тайных пороков, он хотел заменить церковь чувственной и пьяной вакханкой, и не без успеха трудился на этом поприще, стяжал себе имя богослова, чуть не учителя церкви, спорил с епископами и учеными профессорами, – и ему серьезно отвечали, верили его мнимому христианству, в споре с ним ссылались на тексты писания и даже договаривались о компромиссе, – может быть, под влиянием старой легенды о сатире, который, – на зло стихиям, – стал монахом, подвижником и анахоретом.

Но попробуем всмотреться в узоры этой лукавой и лживой диалектики, поискать в них другого смысла, посмотреть на них при ином освещении.

Греха – нет. Нет ответственности, нет вменения. Берем общую и голую форму. Богословские рассуждения о первородном грехе и искупления – здесь, конечно, не к месту. г. Розанов вовсе не к тому клонить.

Нет ли среди «веяний и течений» нашей интеллигенции такой идеи, которая другими словами и в другом контексте намечали бы такую же тенденцию? Если она есть, мы может быть поймем, каким порохом заряжает свои пулеметы безгрешный трубадур нашей прелести, невинности и совершенства и к какой собственно цели он бьет.

А ведь такая «тенденция» несомненно существует, существует давно и крепко засела в мозгах «мыслящей России».

В грубейшей и особенно комической форме ее дал Горький в девизе: «вперед и выше, все вперед и все выше», – который стал козырным тузом в азартной идейной игре передовых умов, утративших здравый смысл и способность суждения о событиях с человеческой точки зрения.

Признание греха требует от человека постоянной самокритики и пристального самонаблюдения. Если грех не упразднен, совсем не выброшен из совести и сознания, возможно, что каждый из нас может нагрешить, идти не вперед, а назад, – не выше, а ниже, – иногда же «все назад и все ниже». Если же греха нет и человеку все возможно и дозволительно, если он, как крепкий и задорный козел, может смело отдаваться каждой «стихийной общественной эволюции», без фигового листка и без зазрения совести, – то он заранее оправдан, поэтому «рук не опустит», а, напротив, на руку охулки не положит.

V.

Учение о прогрессе и общественной эволюции в сознании русской интеллигенции и «мыслящей России» приняло такие болезненно-уродливые, прямо чудовищные формы, что разбудило в «сознательном»

обществе бессознательный и темный инстинкт непримиримой борьбы против всякой реальной культуры и всякого истинного прогресса.

По наивности и самодовольному недомыслию наши прогрессисты не замечают, не хотят заметить, нарочно закрывать глаза, чтобы не заметить, — что они стали сторонниками злейшей реакции и самого свирепого консерватизма. Они хотят сохранить пыльные и затхлые формулы застарелой идейности, делают ошибку за ошибкой, не понимают смысла событий, пускаются в схоластику в духе лживого педантизма и, когда жизнь бьет их на каждом шагу, говорят, что прогресс идет все-таки своей дорогой и это судьбы эволюции в их руках. Личной вины, личной ответственности нет уже потому, что нет ни греха, ни преступления. Общественная жизнь создается, движется и растет *стихийно*, без участия воли, сознания и совести отдельных лиц. Здесь нет мысли ни для похвалы, ни для порицания. Никто ни за что не отвечает. Все делается само собой. Учение о прогрессе — в той форме, в которой оно уселось в передовых мозгах, — категорически и принципиально отрицает всякую самокритику и самодеятельность.

Ясно, что это оправдывает многолетнюю спячку нашей интеллигенции, ее идейный застой, ее умственную отсталость и неразвитость. За щитом этой теории прятались и прячутся все ленивые и праздные люди, все невежды и недоучки, которые по эпикурейской повадке мнимого прогресса всякую новую глупость называли новым словом, новой правдой, новым путем.

Может быть, эти речи покажутся слишком непривычными для «мыслящей России». Она привыкла к газетной и журнальной лести, к тому, чтобы поставщики периодического общественного мнения восторгались ее прогрессивностью, ее утонченностью, ее всечеловечностью, ее корректным национальным самоотречением.

Но уже многие заговорили другим языком. Они не делают выводов и обобщений, но их замечания по частным вопросам ясно свидетельствуют, что здоровым людям идейные кумирни осточертели, что идейные фетиши сданы в археологический музей.

Пора заметить и понять одно явление общественной жизни. По всей линии идет борьба с бюрократическим строем государства. Эта борьба, которую первыми начали славянофилы, имела за собою два века произвола и насилия, и отвлеченности, беспочвенности и формализма. Два века Россия не была национальной. Два века она не служила интересам своей страны и своего народа. Самоуправление везде, исчезло, церковь притаилась и замолчала.

Это был хронической недуг русской жизни, подтачивающий организм и парализующий его самодеятельность. Илья сиднем сидел тридцать лет и три года. Русскому народу пришлось просидеть больше. Теперь, по-

видимому, книжные и бумажные чары, погрузившие его в сон, спали. Дай Бог. Привет новому дню и новой творческой работе!

Но смысл переживаемого момента затемняет один грубый предрассудок. С бюрократий в первую голову будто бы бьется интеллигенция. Она будто бы стоит за жизненные интересы страны и народа. У нее будто бы другие идеалы и другие средства действия.

В этом весь смысл взаимного непонимания враждующих сторон. Бюрократия плоть от плоти и кость от костей нашей интеллигенции. Интеллигенция по всему составу своих убеждений и программе бюрократична до мозга когтей. Та и другая хотят *править* народом с высоты птичьего полета, подавляя всякую самобытность и самостоятельность, – одна по магистерским циркулярам, другая по популярным переводным книжкам.

Если проснутся живые силы народа, бюрократия будет введена в подобающее ей русло, но уничтожена не будет, так как без нее государственный организм обойтись не может. Она будет только подчинена авторитетному контролю, в котором она давно нуждается. А интеллигенция, в ее теперешних определениях должна будет бесследно исчезнуть, так как она все время жила идеями и теориями, которые оправдывали ее бездеятельность и тунеядство. Вся сумма текущей и действующей идеологии – это самозащита паразитизма, самодовольная, отрицающего грех в принципе, чтобы побольше грешить, проповедующего непрерывную амнистию, потому что самое существование его – преступна.

Этот интеллигентный строй мышления сгнил до конца. Средства, которыми он пользуется для своих целей, ведут его к гибели. Забастовка, которая в идейном освещении казалась последним словом науки и лучшим перлом государственной мудрости, ясно показала, что вооруженное меньшинство населения, действующее в интересах только этого меньшинства, победы никогда не достигнет и не приобретет долговременного господства. Вооруженное восстание до конца подорвало кредит революции. Теперь на очереди торжество кадетов, последний, по-видимому, опыт управлять страной вопреки действительному соотношению реальных сил в стране. Не надо быть пророком, чтобы предсказать полную неудачу этой фантастической и рискованной попытки.

На очереди стоит таким образом государственный экзамен нашей интеллигенции. Она, конечно, блистательно срежется на нем, как наша бюрократия срезалась в русско-японской войне.

Теперь в кровавом зареве вечерней зари подает свой последний голос отходящий мир русской интеллигенции. Она не признавала греха, ни за что и никогда не брала на себя ответственности и поэтому ответственные дела ей снова придется передать в руки другого закона, – на этот раз и не в бюрократические руки.

VI.

А ведь теперь, пожалуй, становится вполне понятным, почему г. Розанов трется именно «Около церковных стен». Там знают ответственность не только за дела, но и за помышления. Там знают, что не каждый идет все вперед и все выше, но многие падают и в придорожные канавы. Там знают, что есть грех и что грех недозволителен. Туда не проникла еще та форма идейного безумия, которая так долго объединяла интеллигенцию с бюрократией. Поэтому церковь – единственная твердыня, где еще не водворился острый дух времени разложения и упадка. Церковь на всем протяжении своего учения стоит гораздо ближе к народной совести, чем бюрократия и интеллигенция.

И вот новому Мефистофелю захотелось проникнуть в «приют священный» новой Маргариты. Замысел удался. Не всякая добродетель умеет устоять против соблазнов и искушений. Не "около" церковных стен, а уже *внутри* этих стен нашлись седовласые Улиссы, которые весело и задорно откликнулись на соблазнительные песни новой сладкогласной сирены. Чем же очаровал затворницу предприимчивый гусляр?

Самыми пошлыми песнями улицы и рынка.

Вот еще несколько игривых прибауток из залихватской серенады русского Дон-Жуана:

«Чтобы не страдал человек – Спаситель *пострадал*; чтобы маленький и слабосильный он *не гнулся* под грехом – Спаситель тяжесть мирского грех *взял* на себя, человек стал через это сейчас же абсолютно безгрешен, свободен от первородного греха и способен к греху лишь личному, у каждого своему, ничтожненькому и легонькому, затираемому легко же добрым (малейшим) делом. Отсюда неразгаданные слова Спасителя, что «меньший в царстве благодати – больше Иоанна Крестителя и Моисея, ибо на тех лежал первородный грех и при всей высоте личной – он понижал их долу». Но «в благодати», уже «купленные» от греха Спасителем – подобны пустым корпусам кораблей, которые выпирает из воды наверх, и они чуть-чуть донышком погружены в «океан!» побежденного греха.

«Но явилось искание страданий, «терновых венцов», «оков», «оплеваний».

«Юдаизм, иудейские крики; величайший излом сознания в истории. Но читатель уже видит в самом деле, что через этот излом мысли все «дело» Иисуса, «акт искупления» прошел *мимо* человека и рухнул в какую-то бездну, в пустоту – никого и ничего не спася («не захотели сами спасения», «со Христом в темнице»)).

Воистину – идиллия во вкусе Теокрита и Вергилия. Грехи такие милые, легонькие и веселенькие! И «затереть» их так легко! Махнул платяной щеткой и – готово! Это полный контраст покаянному канону

Андрея Критского. Там другой взгляд на грех, своя поэзия, – строгая, чистая, поэзия покаяния и молитвы.

Как смешон и неуместен веселый и убежденный грешник, влюбленный в свои грехи и грешки, когда он думает петь свои опереточные куплеты перед людьми строгой и честной совести, чистых помыслов и дум! Но по нынешним временам – оперетка и фарс делают успехи и в иных слоях общества, где по старой привычке все ждут серьезности и авторитета.

Статья г. Розанова – это пламенная, наивная апология «существующего интеллигентного строя», канканной размашистости, развеселой оргии, забубенного бесстыдства.

А если все эти грехи не так ничтожны, как это кажется самоуверенному грешнику? И с какой поры г. Розанов взял на себя папские привилегии вязать и решить узы греховности при жизни грешников и непременно в их пользу? Правда, суд его не строг и по душе многим, которые в своих грехах ничего грешного не видят. Но угодливый и легкомысленный судья – не судья в делах совести. Это скорее адвокат, софист из эпикурейской школы языческой богини Вожделения. Здесь мы на пороге не столько богословия, сколько порнографии, – не «около церковных стен», а у дверей лупанара.

«Эротических поэтов соблазна годные стихи» – имеют свое место в истории литературы. Но есть какая-то утонченная половая извращенность, какой-то особый оттенок садизма в неодолимом желании петь непристойные куплеты не на подмостках кафешантана, а непременно «около церковных стен».

Это, конечно, специальность В.В. Розанова. Но и она обвеена духом времени, носит несомненные следы общей идейности, лукавой и безответственной. И он имел и имеет несомненный успех в обществе. Это факт, значение которого надо помнить и с которым надо считаться.

Отметив примеры «радостного полета души доброго батюшки», г. Розанов кличет боевой клич: «подвизайтесь же, пастыри Божьи», «ибо в мире-то, от грешных мирских человеков, и идет «воня святости» (церковный термин), благоухание почти мощей».

Эго г. Розанов, очевидно, говорит в пику старцу Зосиме из романа Достоевского «Братья Карамазовы», которому в статье посвящено не мало страниц. Думали, что тление не коснется тела Зосимы, но почивший, по энергичному выражению о. Ферапонта, «провонял».

Это тоже особенность литературной манеры г. Розанова. Вместе с Бодлером он любит поэзию и символизм запахов – и охотно отмечает вонь христианских мощей и благоухание еврейской миквы.

Но тут, пожалуй, и ключ к его таинственной пентаграмме: «вони святости» идет от *грешных* мирских человеков, «от труда, от пота, а не от минеральных частиц».

Так-то оно так: от пота всегда бывает «воня». Только всегда ли «воня святости»?

VII.

Если смотреть на определенность терминов, на ясность мысли, на обдуманность и серьезность аргументации, – то статья г. Розанова представляет из себя младенчески-наивный лепет, резвость и задор мышиноного жеребчика, неожиданные скачки расходившегося козла, почувствовавшего избыток сил. По местам она носит следы явного сумасшествия. И это не может быть обидно для В.В. Розанова. Он и сам точно так же смотрит на дело.

На 4 странице своей книги, в начале статьи о радостных порывах «доброго» батюшки, стоит буквально следующее:

«Я говорю о литературе и о «призвании писателя», которое есть до некоторой степени «призвание к сумасшествию», и позыв «сойти с ума».

Много горькой правды в этом неожиданном самозаушении. Много писателей и органов печати в настоящее время обращается к «мыслящей России» с настойчивым позывом «сойти с ума». И много читателей с непонятным самоотречением отзываются на это радушное и гостеприимное приглашение.

Но не одним сумасшествием объясняется возможность такого «позыва». Тут есть и лукавый расчет. Чувствуется: автору очень *нужно*, чтобы кто-то сошел с ума, для чего он и сам по местам притворяется сумасшедшим.

Сложный и загадочный тип! Но чем проще смотреть на людей и на их дела, тем скорее можно разгадать потаенный шифр узорного письма.

Время наше тревожное и смутное. Мнений и речей много, а на душе, у всех один затаенный и грозный вопрос.

Простит ли нас великий наш народ,
Когда он наш великий грех узнает?...

В этом сознании вины, преступной тяжести наследственного великого греха – единственный выход для честной и разумной части образованного общества. Споры о социализме и национализации земли, партийные споры кадетов и октябристов, формы и формулы чистого парламентаризма – все это пена, накипь над водоворотом, над пучиной потревоженной народной жизни.

Нравственный смысл начинающегося движения не здесь, не на поверхности, не в весенней перебежке воды на отмели, а глубже, внизу, в народной массе, в мужицкой совести.

Два века мы жили только для себя, не для народа.

И все это знали.

Только многие думали, что это очень хорошо, что так и следует, что мы белая кость, а там черная, что мы призваны «на простор мирового служения», а народ коснеет в невежестве и темноте, что мы ни в чем не

виноваты, что наши грехи маленькие и веселенькие, что в наших ошибках и в нашей распущенности виноваты фатальный прогресс и стихийная эволюция и мы имеем право продолжать свой пир, но смущаясь нравственным осуждением тех, на чьи деньги мы кутили.

А славянофилы устами Достоевского говорили: смирись, гордый человек, – брось твои завиральные идеи, от которых никому ни тепло, ни холодно, – работай для своего народа, а не для всего человечества, для которого ты ничего не сделал и сделать не можешь, – перестань болтать и научись дело делать.

Многие чувствуют, что настало время осуществить эти благородные и чистые, истинно-христианские заветы, освободить церковь от вековых полицейских и идейных уз, в христианской общине дать простор совести и свободе, не парить в эфире безвоздушного пространства, и просто и честно делать свое честное будничное дело.

А в ответ на этот «позыв» к честной и нужной работе им отвечают: «мы всемирно милы», «Бог не налюбуется на нас и нашу невинность», грехи у нас самые пустяковые и веселенькие.

Разве в этом ответе не побиты все рекорды бесстыдства? Разве можно с большим комизмом защищать права тунеядства и мечтательности, взлелеянной на пресыщении? Разве с такими негодными средствами стоят за права вековой лени и идейного паразитизма? Что может сказать честный и серьезный служитель церкви, когда «от имени мирских грешных человеков» г. Розанов засвидетельствует, что «Бог не налюбуется на нас», что «от нас идет воня святости?».

Скромность, может быть, но позволит служителю церкви ответить так, как ответил бы каждый разумный «мирской человек».

– Нахал, но говори глупостей

VIII.

«Бог не налюбуется на нас»...

Сколько высокомерия, тупости и бесстыдства в одной этой фразе!

Какой Бог? На кого *на вас*?

Это «Покров»? «Неведомый Бог на бугорках, которому Соломон, склонившийся к идолопоклонству, приносил жертвы на высотах?». Это Бог, у которого правый глаз – солнце, а левый глаз – луна?

Что за безумная чепуха, которую говорит читаемый писатель совершенно серьезно, хотя и не без гримас скомороха? И что за общество, которое без хохота смотрит на этого горохового шута?

И кто – эти мы? Где вы слышали «в сновидениях эту музыку, по коей человек обнимется (?) с ланью, как бы с понимающим его существом, заговорить с медведем – как говорил один святой пустынный, где откроется разумение истины животным и человеком, и какая-то разумеющая, им обоим родственная и обоюднoобщая им радость, восторг даже?».

Человек человека не понимает, в тунеядстве и паразитизме греха не видит, а туда же с ланью обниматься и с медведем разговаривать хочет – даже в восторге и «совокупной радости»!

Но лани и медведи не спасут того сектанта-изувера, который позволяет себе говорить: «Мы – святы; вот подлинный восторг христианства; мы свободны (так и учили апостолы) не внешнею независимостью, но внутреннею – от греха».

Недавно кто-то безымянный в газетах выражал сожаление, что такие столпы и утверждения истины, как гг. Розанов и Мережковский, не приглашены в комиссию для совещания о созыве церковного собора.

В самом деле, отчего их не пригласили, прихватив и «батюшку Петрова»?

Может быть только потому, что они не христиане, а язычники?

Но по нынешним временам этого слишком мало для отвода.

Может быть, специально г. Розанова не пригласили только потому, что «призвание писателя» он понимает, как «призвание к сумасшествию», а там нет еще должной готовности «сойти с ума»?

Н. Пустынник

Миссионерство, секты и раскол // «Миссионерское Обозрение», 1906, № 4, стр. 563–567

Миссия по епархиям: миссионерские беседы архипастыря с сектантами. – Тамбовская миссия. – Новый миссионер. комитет в Могилеве. – Миссионер. деятельность вятского братства. – Инородческая миссия.

Миссия по епархиям. Для более наглядного представления современной миссионерской деятельности приводим факты, характеризующие рост нашей внутренней миссии.

В *Благовещенске* сам преосвященный ведет лично и систематически т.н. «четверговые» беседы с сектантами, которые для собеседований с преосвященным миссионером являются иногда из окружающих поселков. Миссионерская деятельность в Благовещенской епархии, кстати заметить, весьма нуждается в просвещенном архипастырском руководстве, так как епархия в сильной степени заражена сектантством, пропагандируемым многочисленными переселенцами-сектантами, вышедшими с юга Европейской России. – Возрастает в успехе миссионерское дело и в епархии *Тамбовской*, где работают такие ревностные и преданные своему делу миссионеры, как гг. Базарянинов и Третьяков. Не мало надежд миссия возлагает и на бывший в январе т.г. Тамбовский епархиальный съезд, на котором духовенство единогласно высказалось за необходимость развития дела приходской миссии.

Нужно отметить также учреждение миссионерского комитета в *Могилевской* епархии, который, судя по уставу его, обещает быть весьма многоплодным по своей деятельности. Вот некоторые статьи этого устава, осуществление которых принесет несомненную пользу Могилевской миссии:

§ 18. Для более подробного ознакомления с нуждами миссионерского дела и лучшей его постановки, и миссионерский совет, по мере надобности, созывает благочиннические, уездные и епархиальные миссионерские съезды и, на основании состоявшихся на этих съездах постановлений, совет делает соответствующие распоряжения в пределах своей компетенции.

§ 19. Благочиннические миссионерские съезды созываются советом под председательством благочинного и состоят из следующих лиц: благочинного, духовенства благочиния, миссионерствующих в благочинии лиц, уездного миссионера, если таковой в уезде имеется, и епархиального миссионера.

§ 20. Уездные миссионерские съезды созываются советом из следующих лиц: епархиального миссионера, настоятеля собора уездного города, уездного наблюдателя церковных школ, миссионеров уезда,

благочинных, священников приходов, зараженных расколом и сектантством и других духовных и светских лиц, интересующихся делами миссии. Председателем уездного съезда бывает лицо по назначению епархиального преосвященного или по избранию съезда.

§ 21. Епархиальные миссионерские съезды созываются под председательством епархиального преосвященного и состояются: из всех членов миссионерского совета, всех миссионеров епархии и других духовных и светских лиц, близко стоящих к делу миссии, могущих сообщить съезду полезные сведения, а также миссионеров соседних епархий, по особому приглашению совета.

Не можем, однако, не порекомендовать вновь учрежденному комитету уделять возможно меньше места канцелярской волоките, сухой формалистике, только убивающей и тормозящей миссионерское дело. Согласно § 22 устава комитета совет, если признает нужным, составляет и дает в руководство миссионерам и другим деятелям миссии инструкции или руководственные правила в их миссионерской деятельности.

«Инструкция» и «руководственные правила» безусловно необходимы для всякого рода деятельности, но только до тех пор, пока последняя не превращается в бесконечные изменения и переделки этих правил, пока правила не начинают сковывать свободное творчество, живую инициативу, и творчество, широкая свободная инициатива, необходимые во всяком деле, тем более нужны в такой деятельности, как миссионерская, являющаяся не столько обычной шаблонной профессиональной работой, сколько искусством, скажем более: искусством из искусств. Для большей успешности и плодотворности проповеди миссионеров, которым приходится переносить в их путешествиях столько и физических невзгод и, порой острых нравственных переживаний во время бесед, необходимо также, чтобы миссионерские комитеты озаботились назначением определенного времени для отдыха миссионеров. Было бы в высшей степени справедливым дать им те же вакации, какими пользуются учащие в духовно-учебных заведениях. — С особенным удовольствием останавливаемся на деятельности Вятской миссии. Судя по отчету Вятского Николаевского Братства, эта миссия по широте и рациональности своей постановки нисколько не уступает выдающейся по своей организации миссии Астраханской, отмеченной нами в январской книжке вашего журнала. Вот некоторые, наиболее важные и характерные черты из жизни Вятской миссии. Прежде всего в Вятской епархии действует на пользу миссии 47 миссионерских школ.

В г. Вятке таких школ, называемыхся центральными, две: мужская, учрежденная в 1875 г. прот. С. Кашменским, и женская, основанная по его же идее в 1891 г.

Всех учащихся 1904–6 уч. г. в мужской школе было 23 в возрасте от 20 до 53 лет; в женской 15 крестьянских девиц от 17 до 24 лет.

Соответственно установленной для школ программе, предметами изучения в них были: 1) священная история, 2) катехизис, 3) церковная история. 4) историко-литургические сведения и 5) а) история и б) обличение русского старообрядчества.

Главное внимание учащихся было обращено на изучение этого последнего предмета.

Учение продолжалось в течение шести месяцев: началось 2 октября 1904 года и окончилось 31 марта 1905 года. Уроки в обеих школах были ежедневные, с 8 часов утра до 12 часов дня, исключая воскресных и праздничных дней.

Во внеклассное время учащиеся знакомились со старопечатными книгами и читали книги миссионерского и другого содержания, обсуждали и решали разные вопросы; беседовали с приходившими в школу старообрядцами.

С практическими приемами собеседований со старообрядцами учащиеся знакомились, присутствуя на публичных собеседованиях со старообрядцами, происходивших в г. Вятке в декабре, феврале, марте и апреле месяцев в здании двухклассной церковно-приходской женской школы и народном доме.

Кроме центральных миссионерских школ, Вятское братство содержит 45 церковно-приходских школ в селах и деревнях, зараженных старообрядчеством. Эти школы также могут быть названы миссионерскими в виду того, что в них преподаются краткие сведения по расколоведению, выясняются в доступной детскому пониманию заблуждения старообрядцев.

В школах обучаются не только православные, но и старообрядцы, составляющие 43% общего числа учащихся.

О благотворном воспитательно-миссионерском влиянии братских школ на детей и местное население свидетельствуют многочисленные сообщения оо. миссионеров и заведующих школами. Для примера приводим сведения, данные миссионером о. Шерстенниковым о Большелукошечной школе и свящ. Васнецовым о Подгорновской школе. Первый пишет:

«Большелукошечная школа в предыдущие годы считалась одною из лучших братских школ, мне подведомственных, по истинно-христианскому настроению, неизменно господствовавшему в ней во все время занятий учителя Александра Палкина. Такою эта школа была и в отчетном году. Учитель Палкин был не столько учителем, сколько пестуном детей, усердным и религиозно-настроенным человеком. Частые молитвы, общее согласное пение, катехизаторский способ обучения Закону Божию, ревностное внедрение в учеников послушания и почтения к старшим,

взаимопомощь их в школьных трудах – все это делало школу не такою, как многие другие, не монотонною, а глубоко осмысленною и весьма приятною для крестьянского люда.

За Большелукошечною школою нужно признать весьма важное миссионерское значение в местности; благодаря ей, православное население укрепилося в православии и значительное количество старообрядцев присоединилось в разное время к православию».

Необходимо при этом заметить, что учителя и учительницы братских школ не ограничиваются исполнением только прямых школьных обязанностей. В свободное от учебных занятий время они ведут миссионерскую проповедь среди населения – православного и старообрядческого. 17 учителей и учительница на этом поприще работают с неослабной энергией и трудолюбием. Вот как отзываются оо. миссионеры и заведующие школами о некоторых из них.

Миссионер южной полосы Глазовского уезда, священник Даниил Шерстенников сообщает: «Учитель Большелукошечной братской школы А. Палкин неутомим в беседах с старообрядцами».

Тот же миссионер: «Учитель Клабуковской школы И. Сиков не ограничивался одними школьными занятиями: как известный ревнитель православия, вышедший из грубого раскола и перенесший на себе все ужасы борьбы с темною средою, Сиков не оставлял бесед с заблудившимися: в здании школы было устроено им 9 бесед, в окружающих школу деревнях – 12 и в деревнях Святогорского, Васильевского и Архангельского приходов – 19. Кроме того, Сикову мною были делаемы поручения увещать разных лиц, нетвердых в православии, что он исполнял охотно».

О том же учителе Клабуковской школы Иосифе Сикове заведующий школою, свящ. Васнецов, сообщает: «Миссионерской деятельности учителя Сикова обязаны своим обращением в православие его отец и зять».

Заведующий Слеповскою школою, свящ. Селивановский: «В свободное от учебных занятий время учитель школы Михаил Рябов производил беседы со старообрядцами деревень моего прихода, чем немало содействовал мне в приходско-миссионерской деятельности. Через него я всегда был в курсе тех религиозных движений, какие за отчетный год замечались среди старообрядцев моего прихода».

Вообще миссионерское и школьно-миссионерское дело в Вятской епархии поставлено весьма высоко. Дай Бог, чтобы оно нашло своих подражателей...

И это тем более, что, как сообщают миссионеры и приходские батюшки, отпадения в сектантство за последнее время принимают по местам угрожающий массовый характер и сектантское влияние заявляет о себе уже там, где еще вчера, по-видимому, не могло быть о нем и речи.

Вот что, напр., пишет нам священник из города Курска, из прихода, в котором доселе была «тишь да гладь, да Божья благодать»: пришлось, сообщает о. Мешковский, сделаться миссионером: жаль православных! «Батюшка, заявил мне один из них, нас забили шалопуты (так православные называют в этом приходе баптистов-субботников); помогите нам... Бог вас не оставит». Неутешительные вести по этой части идут также с юга и запада Роса и где отпадения в католичество и баптизм стали самым и заурядным явлением.

Инородческая миссия. Говоря о миссионерско-просветительной деятельности церкви, нельзя обойти молчанием миссии инородческой. Факты из этой области весьма немногочисленны. Миссионерская деятельность среди инородцев вообще представляет собой для русского общества что-то в высшей степени таинственное, малоизвестное. Успехи ее, насколько можно судить по данным скудных миссионерских отчетов, весьма незначительны. По местам, как напр., в Закавказье, на севере, Енисейской епархии (после известного труженика-миссионера о. Платона) миссионерская инородческая проповедь почти замерла.

Целые племена, даже бывали православными, как напр., аджарцы (100.000) Гурийской епархии, эти когда-то грузины, омусульманившиеся под владычеством турок и сделавшиеся русскими подданными после войны русских с турками в 1875–78 гг. остаются у нас в совершенном забросе, лишены всякого христианско-просветительного влияния (не до приезда ли везде поспевающих с своей проповедью английских и шведских миссионеров)? И тем, конечно, с большей любовью останавливаешься на тех немногих фактах из жизни многострадальной инородческой миссии, которые свидетельствуют о том, что дело просвещения инородцев еще не умерло окончательно, и что и теперь по местам оно поддерживается усердием отдельных деятелей, горячо преданных своему делу. Из настоящей книжки журнала читатель может узнать о высокопросвещенной деятельности в этом направлении преосвященного *Гурия* епископа Симбирского (бывшего Самарского). «Благовещ. Епарх. Ведомости» с своей стороны сообщают о неустанной миссионерской деятельности владыки *Благовещенского*, который вместе с своими 15 сподвижниками-миссионерами предпринимает поездки к тунгусам, и якутам, беседует с инородцами, отправляет у них богослужение, и пользуется среди них большей любовью, как истинный отец-архипастырь, идущий навстречу всякой нужде этих малых, вновь приобретаемых для царства Божия. Тот же епархиальный орган сообщает и еще об одном, к сожалению, скончавшемся, труженике-миссионере свящ. П. Протодиаконове, который почти половину своей жизни посвятил на беззаветное и бескорыстное служение гольдам, гилякам, ороchonан, самогирцам, негидальцам, якутам и тунгусам, действуя среди них то в качестве миссионера-проповедника истины евангельской, то в роли

переводчика на гольдский язык св. евангелия, краткой священной истории и богослужебных книг, а также и медицинских брошюр (о дифтерите и о правиле предохранительной оспы), то, наконец, как лингвист-дилетант при составлении гольдской азбуки и гольдско-русского словаря. И трудился он на ниве Христовой *не нуждою*, а именно *волею*, при слабых физических силах, но с неослабевающею энергией в пастырско-миссионерском действовании.

Мир душе проповедника, честно и свято потрудившегося в деле благовествования святой истины Христовой!

Из жизни инославия и из мира заграничного сектантства // «Миссионерское Обозрение», 1906, № 4, стр. 568–572

Конференция миссионеров в Галле. – Заботы миссии о школах. – Плодотворность миссии в юго-восточной Африке. – Персидская секта кающихся. – Церемония, совершаемая накануне праздника Ашара. – Гуссейн, внук пророка Магоммеда. – Эфиопский орден.

Газета «Magdeburgische Zeitung» говорит, что 19 и 20 февраля с.г. состоялась конференция миссионеров в Галле. Это уже по счету 28 годовое собрание. Весьма интересные делади сообщения инспектора миссий Аксенфельд и Трительвиц. Кроме того, говорил, миссионер пастор Ротерберг, инспектор миссии Гаусмейтер, профессор Варнек и некоторые другие. Главным предметом сообщений были и наибольший интерес представляли собою сообщения о восстании в германских владениях в юго-восточной Африке и отношении к нему миссий, а также о положении последних.

Оказывается, что климатические условия не особенно тягостно отзываются на здоровье миссионеров и «malaria» (род болотной лихорадки) не особенно их одолевает, как видно из отчета инспектора миссии г. Трительвица. В горных местностях малярия довольно редкое и одиночное явление. В настоящее время железная дорога ведет до самой подошвы горы Килиманджаро, чем избегается переход по нездоровым низменностям. Отношения к немецкому правительству весьма удовлетворительны. Недоразумения возникают только по вопросам о землевладении. Вопрос главный заключается в том, что миссия, в интересах туземцев и для обеспечения последним постоянной и достаточно оплачиваемой работы, должна стремиться к обладанию возможно большим количеством земли.

Кроме того, из других сообщений оказывается, что восстание весьма мало коснулось Узамбары, так что туземцы оставались там почти совершенно спокойными.

Миссии весьма озабочены и находят самым важным устройство школ. Весьма утешительным находят также то обстоятельство, что во время восстания в германских владениях юго-восточной Африки, католические и евангелические миссии действовали весьма дружно и единодушно.

Хотя приходится миссиям значительно бороться с исламом, сильно распространенным среди населения берегов и в особенности из Суагелиса, проникающим внутрь колонии, но вообще можно сказать, что деятельность миссий плодотворна и в будущем подает большие надежды.

Значительный интерес в конференциях возбужден был вопросом о том, что Евангелие язычникам должно быть проповедуемо на их родном языке, причем миссионеры, при изучении туземных языков должны

главным образом обращать внимание на дух языка, так как представления и понятия туземцев весьма существенно отличаются от понятий и воззрений европейцев. Сообщение об этом делал г. Мейнгоф, профессор семинарии восточных языков в г. Берлине.

В газете «Berliner Tageblatt» в корреспонденции из Константинополя от 10 марта говорится о значении и влиянии на народ персидской секты «кающихся». В этой стране до сих пор преобладает идея о гневном Боге, прощение и благоволение которого можно приобрести только жертвами и самоистязанием, кровью и ранами. С этим воззрением в связи хотя весьма мало эстетическая, но потрясающая церемония, совершаемая накануне празднования Ашара.

Первоначально празднество это или лучше сказать траурная церемония была установлена и введена в воспоминание смерти Гуссейна, внука пророка Магоммеда, который, сражаясь за свою веру и владычество, был разбит неприятелем в сражении при Кербеле 10 Мухареха 680 года. Отсюда происходит, и самое название празднества: праздник десятого дня. Разбитый в сказанном сражении, Гуссейн умер в пустыне мученической смертью. С течением времени развился культ Гуссейна в воспоминание его смерти, убитого ею брата Гассана, а также увода в рабство сыновей Гуссейна. Их судьба разукрашена и дополнена была весьма сложной легендой и теперь мы видим ее вполне реально изображаемой в Константинополе.

Все обставляется траурно, всюду покаяние и печаль. Все входные двери, стены, окна, все сплошь завешивается материей черного цвета. Все скамьи и трибуны покрыты темными коврами. С этих трибун персидский посол и высшее духовенство указывают на черные доски, на которых серебряными буквами изображены изречения, разъясняющие значение этого дня. Плавающие факелы отбрасывают кровавый блеск на громадную толпу народа и отражаются на оружии турецких солдат, густыми шпалерами, в виду сохранения порядка, окружающих дворцовую площадь, на которой происходит торжественная церемония. Среди многочисленной толпы персов видно много иностранцев и не мало женщин. Церемония начинается с заходом солнца. После омовения и произнесения молитв в соседней мечети из главных входных дверей появляется первая группа страждущих и раздается траурное, печальное пение. Все они одеты в черные одежды и видна только голая грудь. Еще до их появления, оно возвещается особого рода шумом, производимым ритмическими размеренными ударами, постоянно наносимыми ими себе в грудь рукою или сжатым кулаком, в знак глубокого траура. Эти удары так жестоки и продолжительны, что вызывают опасные и тяжкие заболевания.

После того как эта первая группа обойдет площадь вокруг устроенного по середине места для моления, появляется другая группа, также одетая в черное, но выкачивающая свою скорбь уже не ударами кулаком в грудь, а

жестоким и беспрестанным постегиванием своих голых спин тонкими ремнями, соединенными в один пучок. Не успевали они обойти круг, как уже вся спина была окровавлена и виднелось рассеченное в клочья тело. Они также совершали свое шествие с пением, причем иногда прерывали его дикими и жалобными возгласами, выкрикивая: «Гассан, Гуссейн!». Эти две процессии должны были изображать печаль и воспоминания религиозной общины по поводу смерти Гуссейна. Следующая за ним группа должна была символически напоминать о страданиях его в пустыне. На сцену появлялись школьники в белом одеянии с чашами в руках, наполненными водою. Вслед за ними появляется белая лошадь, на которой сидит связанный и покрытый кровавыми пятнами мальчик, одетый в белое. Этим должна быть изображена судьба сыновей Гуссейна, которых отняли у отца и увели в рабство. В заключение появляются мальчики, несущие воткнутые на копья руки, сделанные из окрашенной жести, и изображающие участь поборника родной религии, которому отсечены были руки в тот момент, когда он хотел защитить своих детей.

После этой последней сцены мы наконец имеем дело с настоящими кающимися и мучениками. Они в длинных белых одеждах с непокрытыми головами. Приближение их возвещается пением, сходным с воем, причем беспрестанно выкрикиваются имена: Гуссейн и Гасан. Они появляются с блестящими мечами в руках и уже окровавленные. Они с трудом дождались этого момента и еще до появления на площадь, па пути наносили себе сильно наточенными мечами раны в лицо, грудь и куда попало. Они были глубоко убеждены, что этим они неизбежно прокладывают себе путь в рай. Все это представляло ужасную, отвратительную картину. Эти окровавленные лица, эти глаза, горящие диким, неистовым фанатизмом, эти размахивания блестящими, острыми мечами, эти порывистые, отчаянные телодвижения, эти потоки крови, лившиеся по белым одеяниям, и все это освещенное кровавым ярким отблеском пылавших факелов, – все было ужасно.

Многие при этом умирают от ран, самими себе нанесенных, но это нисколько не мешает на будущий год устраивать такое же торжественное, кровавое празднество. Это «покаяние» напротив того устраивается еще более ярко и кровопролитно и так повторяется из года в год. Прав была Мефистофель, говоря, что «кровь – это какой-то особый, необычайный сок»; изуверство процветает и в наше время настолько же сильно, как и во времена аммонитян, приносивших Молоху человеческие жертвы.

В одной корреспонденции, помещенной в газете «Koelnische Volkszeitung», говорится, что прежде, чем вспыхнуло восстание в различных пунктах германских владений в юго-восточной Африке, ходили слухи о сильном эфиопском движении. Предполагают, что существовало задолго пред тем подготовленное движение фанатического характера среди туземных племен, к которому примкнуло фанатическое

магометанское движение. Некоторые утверждали, будто за спиной этого движения втайне стояли аравитяне, другие же утверждали, что арабы ему не сочувствовали, так как многие из их вождей обязаны были выгодными должностями и высоким положением германскому влиянию. Кто знаком с хитростью и скрытной натурой арабов, тот, конечно, не поверит последнему, так как не напрасно у арабов существует поговорка: «Целуй ту руку, которую не в силах отсечь». Следы общего эфиопского движения усматриваются англичанами даже в волнениях, возникших теперь в Натале. Собственно говоря, внешним толчком, вызвавшим волнение, было возвышение пошлин и налогов, которое пришлось очень не по вкусу туземцев. Ведь лозунг: «Южная Африка должна быть для чернокожих» давно уже существует. Кроме того, на это движение повлияли еще весьма значительно и некоторые религиозные причины, в особенности с переходом громадного числа туземцев из вселенской церкви в епископальную. В ней образовался т.н. «эфиопский орден». Религиозные энтузиасты посещали одно племя за другим и убеждали туземцев, принявших христианство, иметь священников не из белых, а из чернокожих. Случалось, даже так, что эти проповедники снова совершали крещение над теми туземцами, которые были крещены английскими священниками. Приезжали также в Южную Африку негры-миссионеры из северной Америки и из Либерии. Эти агитировали в пользу «освобождения африканской расы». «Daily Chronicle» сообщала из Блумфонтена, что в стране находится очень много таких проповедников из северной Америки и из Либерии, посещающих африканские племена и убеждающих их, что они такие же, как белые, и должны сбросить с себя иго последних. В силу этого опасались в Блумфонтене всеобщего восстания туземцев. 80.000 вооруженных базутосов были уже на границе колоний оранжевой реки. Конечно, их бы возможно было обезоружить, пока лорд Робертс находился с своими войсками в южной Африке, но теперь это дело немыслимое. Вместе с тем указывается на те затруднения, с которыми удалось Германии подавить восстание в своих владениях. В виду того, что германцы сильнейшая нация в военном отношении, это обстоятельство вселяет в туземцах убеждение, что англичанам не удастся сломить их.

Волнения в Натале, возникшие в настоящее время, невольно вызывают размышления о том, каково теперь действительное положение «белого человека» в южной Африке. Уже привыкли на нее смотреть, как на владение белого человека. А между тем на самом деле поселения белых крайне незначительны численностью среди густого населения африканских туземцев. Если они восстанут, то есть основание опасаться истребления белых. Самая большая опасность угрожает Наталю, так как, там нет английских войск, а вся его милиция не свыше 3.500 человек. Наталь не может оказаться в состоянии снабдить гарнизонами города и села и одновременно с этим выслать войско в окрестности. Туземцев в

десять раз более, нежели белых. В некоторых других частях южной Африки это процентное отношение не так сильно, но все же весьма значительно. В Капских колониях имеется 75 процентов чернокожих. В колониях Оранжевой реки отношение белых к чернокожим как 1:2. В Трансваале приходится трое чернокожих на одного белого, а в Родезии один белый на 50 чернокожих. Так как, германские и португальские поселения по малой мере имеют два миллиона чернокожего населения, можно сказать, что к югу от Замбези туземцев в пять раз более, нежели белых. Если бы только среди этого черного населения появился энергичный вождь, или если бы какое-либо всеобщее неудовольствие объединило все туземные племена, то можно предвидеть ужасную, истребительную войну, из которой южноафриканская цивилизация может выйти победительницей только после продолжительной и тяжелой борьбы. Эти религиозные секты представляют собою главную и страшную опасность южной Африки.

**Вестник «Миссионерского Обозрения» // «Миссионерское
Обозрение», 1906, № 4, стр. 573–585**

Новые законы о положении римско-католического духовенства в России

В №№ 37 и 42 «Собрания узаконений и распоряжений Правительства» опубликован ряд законов, касающихся римско-католического духовенства. Таковы законы: 1) о порядке назначения, перемещения и увольнения приходского римско-католического духовенства, ректоров, инспекторов и профессоров Императорской римско-католической духовной академии и семинарий, а также регентов и секретарей консисторий, и об установлении в законе взысканий с духовных лиц римско-католическ. исповедания. 2) Об изменении существующего порядка отпуска духовных лиц р.-к. исповеданы. 3) Об отмене постановлений относительно упразднения и закрытия р.-к. монастырей в губерниях Царства Польского, северо-западных и юго-западных. 4) О р.-к. крестных ходах в религиозных процессах, и 5) О постановке р.-к. крестов и священных изображений.

Законы эти вносят значительным облегчение в быт римско-католического духовенства и населения, сравнительно с прежде существовавшими по сему предмету ограничительными узаконениями и распоряжениями административных властей.

1) Так, хотя, законом об установлении нового порядка назначения римско-католических духовных лиц на должности, за органами правительственной власти и сохранено право контроля в отношении *первоначального назначения* ксендзов к духовным должностям, в форме предварительных сношений епархиальных начальников с гражданской властью, однако *перемещение* и *увольнение* духовных лиц всецело предоставлено епископам.

Кроме того, допущено поступление иностранных ксендзов на службу в Привислинский край на тех же основаниях, как это существовало до настоящего времени для Империи, с заменою дозволения министра внутренних дел разрешением варшавского генерал-губернатора. Равным образом р.-к. священники из русских подданных, получившие образование и рукоположение за границу, сравнены в правах с ксендзами, посвященными в России, и для них, в отмену прежних воспрещений, установлен общий, указанный выше порядок назначения к должностям.

Независимо от этого, гражданской власти, во избежание всяких проволочек в деле назначения духовных лиц, отныне вменяется в обязанность давать свои ответы на обращаемые к ним епископами запросы по этим делам в месячный срок, причем неполучение епархиальною властью ответа в указанный срок признается равносильным изъявлению согласия на предложенное назначение.

2) Относительно отлучек римско-католического духовенства отменена действовавшая доселе установленная, под влиянием польского мятежа, сложная система надзора правительственной власти за передвижением р.-к. духовных лиц не только вне пределов губерний, где они состояли на службе, но даже и за отлучками их из приходов. Увольнение этих лиц в отпуск ныне предоставлено духовному начальству, от которого ксендзы, на основании закона 26 декабря, и будут получать бессрочные паспортные книжки. Таким образом отмененными являются все прежние распоряжения, налагавшие на р.-к. духовные власти обязанность при разрешении отлучек подведомственным им ксендзам, предварительно сноситься с местным административным или полицейским начальством.

3) Что касается наложения административных взысканий на лиц р.-к. духовенства, то в этом отношении законом 26 декабря внесены в существовавший порядок весьма существенные изменения в двояком отношении: во-первых, право на наложение взыскания в административном порядке сосредоточено в руках министра внутренних дел, в отмену прежних правил, в силу которых, такое право принадлежало, кроме министра, генерал-губернаторам и даже губернаторам; во-вторых, обширная система административных кар, до заключения в монастырь включительно, заменена правом министра предлагать епархиальному начальству о принятии соответственных мер к прекращению вредной деятельности ксендза с указанием, что лишь в том случае, если епархиальный начальник не примет надлежащих мер или таковые будут признаны недостаточными, министр имеет право требовать увольнения ксендза от должности. В силу сказанного, наказания на ксендзов будут отныне фактически налагаться духовным начальством, усмотрению которого предоставлено устанавливать и самую меру взыскания, не говоря уже о праве епископа давать министру внутренних дел объяснения, которые по мнению епархиальной власти могли бы служить основанием к оправданию обвиняемого священника.

4) В отношении крестных ходов и религиозных процессий, совершение коих вне костельных оград в городах 9 западных и Курляндской губерниях до настоящего времени вообще не допускалось, а в селах и деревнях было ограничено случаями крайней необходимости, установлен для упомянутых губерний и Царства Польского общий, сближающий совершение р.-к. крестных ходов с условиями допущения православных процессий, порядок, в силу которого р.-к. духовенство, совершающее или устраивающее крестные ходы, похоронные шествия или паломничества с религиозною целью, обязано руководствоваться указаниями своего епархиального начальства и только каждый раз заблаговременно предупреждать местную полицию о времени и месте предполагаемой процессии. Таким образом, с устранением администрации от участия в деле разрешения тех или иных религиозных процессий, роль полиции в

настоящем деле сводится лишь к наблюдению за порядком во время упомянутых шествий.

5) По вопросу о постановке р.-к. крестов и священных изображений в Западном крае и Царстве Польском отменено ограничение, в силу которого постановка означенных сооружений ставилась в зависимость от предварительного разрешения гражданской власти. Такое разрешение, по мысли Государственного Совета, должно быть испрашиваемо лишь в тех случаях, когда, на основании действующих узаконений, оно требуется для всяких вообще сооружений, возводимых, например, в городах, на землях общего пользования и т.д. Таким образом, все имевшиеся до сего времени ограничения в праве населения не только сооружать новые, но даже поддерживать и ремонтировать уже существовавшие р.-к. кресты, новым законом совершенно отменены и лишь в отношении надписей на крестах и священных изображениях закон 26 декабря удержал за губернаторами право утверждать таковые и то за исключением текстов из Священного Писания.

6) С отменой в законодательном порядке статьи 187 и примечания к ней уст. ин. исп. и Высочайшего повеления 2 апреля 1866 г. о закрытии р.-к. монастырей, положен предел дальнейшему упразднению существующих в Западном крае и Царстве Польском р.-к. монастырей, каковые, таким образом, – в числе 9 для Империи и 13 для Царства Польского, – будут оставлены неприкосновенными. Особое значение этот закон приобретает в виду предстоящего, на основании Высочайше утвержденного 17 апреля мин. года журнала Комитета Министров, рассмотрения в особом по делам веры совещании вопроса об упрощении самого порядка приема новиков в монастыри и об устранении всех тех сохранившихся еще в уставе иностранных исповедания ограничений, которые могли бы создавать некомплектность монастыря и затем влечь за собою его упразднение по недостатку монашествующих, когда и во р.-к. церковным постановлениям монастырь должен прекратить свое существование (Булла Папы Бенедикта XIV, 1744 г.). С предположенною затем отменой также и тех статей закона (189, 190), в силу коих обители штатные пополнялись монашествующими исключительно из нештатных монастырей, вступление же в эти последние было воспрещено, р.-к. население получит полную возможность удовлетворения в этом направлении своих религиозных нужд и потребностей, так как в ближайшем будущем устранятся все вытекавшие из приведенных законов препятствия к пополнению р.-к. монастырей до положенной в них нормы.

К изложенному следует прибавить, что законы 26 декабря 1905 г. не исчерпывают всей совокупности преобразований в отношении р.-к. духовенства и населения, а дополняют лишь обширную систему льгот, которые предоставлены инославным церквям в России Высочайшими указами 12 декабря 1904 г., 17 апреля 1905 г. и Всемилоостивейшим

Манифестом 17 октября того же года об укреплении начал веротерпимости.

Существенные в этом мероприятия получили конкретное определение преимущественно в указе 17 апреля, главнейшие положения которого сводятся к следующему: всем лицам, исповедующим православие и достигшим совершеннолетия, предоставлено беспрепятственно переходить в инославные исповедания; разрешение постройки, возобновления и ремонта церквей всех христианских исповеданий поставлено в зависимость лишь от согласия духовного начальства подлежащего исповедания, наличности денежных средств и соблюдения технических требований устава строительного; преподавание в учебных заведениях Закона Божия инославных христианских исповеданий допущено на природном языке учащихся, причем преподавание это должно быть поручаемо духовным, лицам подлежащего исповедания и только при отсутствии светским учителям того же исповедания и т.п.

Наконец, нельзя упускать из виду, что, на основании Высочайше утвержденного 11 февраля 1905 г. положения Комитета Министров, отменены, во исполнение п. 6 Высочайшего указа 12 декабря 1904 г. все стеснявшие свободу исповедания веры и не основанный прямо на законе административные распоряжения, от каких бы начальств они ни исходили.

Из числа таких стеснений, отмена которых несомненно имеет весьма важное значение и вносит коренные изменения в положение р.-к. церкви в России и, следует отметить, например: основанное на Высочайшем повелении 27 ноября 1872 г. ограничение р.-к. епископов в посещении местностей с униатским населением и находившиеся в связи с этим циркулярные распоряжения местных властей западных губерний и Царства Польского, устанавливавшие особый порядок предварительных сношений при объезде епархиальными начальниками своих епархий и воспрещавшие торжественный встречи епископов в приходах; административные распоряжения о предварительном цензуровании светскою властью пастырских посланий епархиальных начальников; распоряжения центральной и местной власти, ограничивавшие съезды ксендзов для совершения сорокачасового богослужения и на храмовые праздники; воспреещение открытого ношения Св. Даров и развоза органистами р.-к. церквей облаток с религиозными изображениями и целый ряд иных более или менее мелких ограничений, устранение которых составляет весьма чувствительное облегчение для всего римско-католического духовенства и населения.

Высочайшие повеления. О согласовании некоторых постановлений свода законов с Высочайше утвержденными 17-го апреля 1905 г. положениями Комитета Министров, об укреплении начал веротерпимости

94. Духовное лицо инославного христианского вероисповедания, состоящее в сане священнослужителя или в звании настоятеля или наставника старообрядческого согласия или сектантской общины, виновное:

1) в совершении брака лица инославного христианского исповедания с лицом заведомо православного исповедания, если брак потом не был совершен по православному обряду;

2) в совершении брака между заведомо православными, наказывается:

денежную пеню не свыше пятисот рублей.

Сверх того, виновный удаляется от занимаемой должности на время от трех месяцев до одного года, а при повторении – на время от одного года до трех лет или навсегда.

96. Виновный в принадлежности к изуверному учению, соединенному с посягательством на жизнь свою или других, или с оскотлением себя или других, или с явно безнравственными действиями, наказывается:

ссылкой на поселение в особо предназначенные для сих осужденных местности.

Сему же наказанию подлежит виновный в оскотлении самого себя по заблуждению фанатизма.

98. Лицо нехристианского вероисповедания, последователь изуверного учения, сектант или лицо инославного христианского вероисповедания, а также старообрядец, виновные в оскорблении православного священнослужителя или в предусмотренном статьей 475 насилии над его личностью не во время совершения им службы Божией или духовной требы, но с целью оказать неуважение к вере и церкви православной, наказываются:

заключением в тюрьме.

Если сие оскорбление или насилие над личностью учинено во время совершения священнослужителем службы Божией или духовной требы, то виновный наказывается:

за оскорбление – заключением в исправительном доме на срок не свыше трех лет;

за насилие – заключением в исправительном доме.

380. Виновный в устройстве, без надлежащего разрешения, старообрядческого или сектантского скита, или иного сего рода

обиталища, наказывается:

денежную пеню не свыше трехсот рублей.

381. Сооруженные, без надлежащего разрешения церковь или молитвенный дом, скит или иное сего рода обиталище, в случаях, статьями 379 и 380 предусмотренных, могут быть сохранены по воспоследовании надлежащего на то разрешения.

413. Духовное лицо христианского вероисповедания, состоящее в сане священнослужителя или в звании настоятеля или наставника старообрядческого согласия или сектантской общины, участвовавшее заведомо в совершении брака, предусмотренного статьями 408–412, наказывается:

заключением в исправительном доме на срок не свыше трех лет или заключением в тюрьме.

425. Духовное лицо инославного христианского вероисповедания, состоящее в сане священнослужителя, или в звании настоятеля, или наставника старообрядческого согласия или сектантской общины, или духовное лицо нехристианского вероисповедания, или служащий, обязанные вести метрические книги или записи о рождении, смерти или бракосочетании, виновные в невнесении в оные сведений, коими обуславливаются гражданские последствия сих событий, наказываются:

заключением в тюрьме.

Сверх того, суду предоставляется удалить виновное духовное лицо от занимаемой духовной должности на время от шести месяцев до трех лет.

426. Духовное лицо инославного христианского вероисповедания, состоящее в сане священнослужителя или в звании настоятеля или наставника старообрядческого согласия или сектантской общины, или духовное лицо нехристианского вероисповедания, или служащий, обязанные вести метрические книги или записи о рождении, смерти или бракосочетании, виновные:

1) в невнесении по небрежности в таковые книгу или запись надлежащих сведений;

2) во внесении по небрежности в таковые книгу или запись неверных сведений;

3) в неисполнении установленных законом или обязательным постановлением правил о порядке ведения или хранения таковых книг или записей, а равно о представлении оных, своевременно в подлежащие места, наказываются:

денежную пеню не свыше трехсот рублей.

455. Виновный в убийстве:

2) духовного лица христианского вероисповедания состоящего в сане священнослужителя, или в звании настоятеля, или наставника старообрядческого согласия или сектантской общины, при совершении им службы Божией или духовной требы, наказывается:

каторгой без срока или на срок не ниже десяти лет.

471. Виновный в причинении телесного повреждения:

2) духовному лицу христианского вероисповедания, состоящему в сане священнослужителя, или в звании настоятеля, или наставника старообрядческого согласия или сектантской общины, при совершении им службы Божией или духовной требы, наказывается:

каторгой на срок свыше десяти лет, если повреждение весьма тяжкое; заключению, в исправительном доме на срок не ниже трех лет, если повреждение тяжкое;

заключением в исправительном доме, если повреждение легкое.

510. Виновный в умышленной угрозе лишить жизни или свободы угрожаемое лицо или члена его семьи, или учинить насильственное на их личность посягательство или произвести поджог, взрыв или потопление их имущества, если таковая угроза могла вызвать у угрожаемого опасения ее осуществимости, наказывается:

арестом на срок не свыше трех месяцев или денежную пеню не свыше трехсот рублей.

Если означенная угроза была выражена на письме или направлена против:

2) духовного лица христианского вероисповедания, состоящего в сане священнослужителя, или в звании настоятеля или наставника старообрядческого согласия, или сектантской общины, при совершении им службы Божией или духовной требы, то виновный наказывается:

арестом.

532. Виновный в оскорблении:

2) духовного лица христианского вероисповедания, состоящего в сане священнослужителя, или в звании настоятеля, или наставника старообрядческого согласия или сектантской общины, при совершении им службы Божией или духовной требы, наказывается:

заключением в тюрьме.

II. В статье 37 (п. 2) Высочайше утвержденного, 22-го марта 1903 года, уголовного уложения исключить ссылку на статью 380 (ч. 2), а в статье 53 того же уложения: в части 2 – исключить ссылку на статью 84 (ч. 2); в части же 3 – ссылку на статью 84 (ч. 4) заменить ссылкой на статью 84 (ч. 2).

III. Статьи 91, 92 и 301 Высочайше утвержденного, 22-го марта 1903 г., уголовного уложения отменить.

IV. В изменение, дополнение и отмену подлежащих узаконений, постановить:

1) По делам о нарушении ограждающих веру постановлений, не ожидая введения в действие Высочайше утвержденного, 22-го марта 1903 года, уголовного уложения («Собр. узак.», ст. 416) в полном его объеме, вступают в силу глава вторая и статья 309 сего уложения, а по

применению к преступным деяниям, предусмотренным указанными главою второю и статьей 309, и глава первая упомянутого уложения, а также отделы I и II Высочайше утвержденного, 22 марта 1903 года, мнения Государственного Совета по проекту уголовного уложения;

2) При применении уголовного уложения к указанным в пункте 1 делам (отд. IV) соблюдаются временные правила, изложенные в статьях 3–7 отдела VII Высочайше утвержденного, 7-го июня 1904 г., мнения Государственного Совета о некоторых изменениях в порядке производства по делам о преступных деяниях государственных и о применении к оным постановлений нового уголовного уложения («Собр. узак.». 1901 г. № 98, ст. 966).

V. Статьи 206, 234, 1585¹ и 1585² и Оглавление Отделения четвертого главы первой раздела одиннадцатого уложения о наказаниях уголовных и исправительных (свод. зак. т. XV, изд. 1885 г.) изложить следующим образом:

206. За устройство, без надлежащего разрешения, старообрядческого или сектантского скита, или иного сего рода обиталища, виновные подвергаются:

денежному взысканию не свыше трехсот рублей.

Все, ими открытое или устроенное без надлежащего разрешения, подложить закрытию впредь до получения сего разрешения.

234. За разрытие могил для ограбления мертвых, виновные приговариваются:

к лишению всех особенных, лично и по состоянию присвоенных, прав и преимуществ и отдаче в исправительные арестантские отделения на время от двух с половиною до шести лет.

Отделение 4. О нарушении постановлений о браках старообрядцев и сектантов

1585¹. За преступления против союза брачного старообрядцы и сектанты приговариваются к наказаниям, определенным в сем уложении, кроме заключения в монастырь и предания церковному покаянию.

1585². За умышленно ложное показание, данное заявившими о их браке при записи оного в метрическую книгу, в том, что они не состоят в браке, совершенному по правилам православной церкви или по обрядам другого признаваемого в Государстве исповедания, виновные подвергаются:

наказаниям, определенным в статьях 236 и 238 сего уложения.

VI. Статью 86 уложения о наказаниях уголовных и исправительных (свод. зак., т. XV, изд. 1885 г.) дополнить следующим постановлением:

86¹. Старообрядческие и сектантские настоятели и наставники приговариваются в случаях, законом определенных, к удалению от должности настоятеля или наставника на время от одного года до пяти лет или навсегда.

VII. Отделение первое главы 1 раздела XI уложения о наказаниях уголовных и исправительных (свод. зак., т. XV, изд. 1885 г.) дополнить следующим примечанием:

«Постановления статей 1557 (ч. 2), 1575, 1577 и 1578 распространяются и на состоящих в звании настоятелей, либо наставников старообрядческого согласия или сектантской общины, но виновные приговариваются в подлежащих случаях, вместо лишения духовного сана и отрешения от должности, к удалению от должности настоятеля или наставника (ст. 86¹ сего уложения)».

VIII. В статьях 215, 1004, 1021, 1022 и 1026 уложения о наказаниях уголовных и исправительных (свод. зак., т. XV, изд. 1885 г.) ссылки: в статье 215 на статью 213 исключить, а в статьях 1004, 1021, 1022 и 1026 – на статьи 181 и 189 того же уложения заявить ссылками на статьи 73 и 90 Высочайше утвержденного, 22-го марта 1903 г., уголовного уложения («Собр. узак.», ст. 416).

IX. Статьи 176, 177 (по прод.), 178 (по прод.), 179, 180, 181 (по прод.), 182, 183, 184, 185, 186 (по прод.), 187 (по прод.), 188, 189 (по прод.), 190–192, 193 (по прод.), 194 (по прод.), 194¹ (по прод.), 195, 196 (по прод.), 197 (по прод.), 200, 201 (по прод.), 202, 203 (по прод.), 204 (по прод.), 205, 207–209, 209¹ (по прод.), 210, 213, 216, 217, 936 (по прод.), 1361 и 1576 уложения о наказании уголовных и исправительных (свод. зак., т. XV, изд. 1885 г. и по прод. 1902 г.) и статьи 35, 36 и 48² устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями (свод. зак., т. XV, изд. 1885 г. и по прод. 1902 г.) – отменить.

Х. Статьи 200, 201 и 620² устава уголовного судопроизводства (свод. зак., т. XVI ч. 1, изд. 1892 г.) изложить следующим образом:

200. Окружным судам, в общем порядке судопроизводства, подсудны все уголовный дела, изъятые из ведомства мировых судей, а также дела о преступных деяниях, предусмотренных статьями 73, 74, 78–80, 82–90 и 93–98 Высочайше утвержденного, 22-го марта 1903 г., уголовного уложения.

201. Дела о преступлениях или проступках, за которые в законе положены наказания, соединенный с лишением всех прав состояния или всех особенно лично и по состоянию присвоенных прав и преимуществ, а равно дела о преступных деяниях, предусмотренных второю главою Высочайше утвержденного, 22-го марта 1903 г., уголовного уложения, когда высшее за сии преступные деяния наказание определено в уголовном уложении не ниже исправительного дома, выдаются окружным судом с присяжными заседателями.

620². Из правила, изложенного к статье 620, изъеются и подлежат рассмотрению при закрытых дверях присутствии дела: 1) о нарушении ограждающих веру постановлении (Выс. утв., 22-го марта 1903 г., угол. улож., ст. 73, 74, 84, 85 и 96); 2) о преступлениях против прав семейственных (улож. наказ., ст. 1549–1575 и 1577–1594, 1596 и 1597); 3) о преступлениях против чести и целомудрия женщин (улож. наказ., ст. 1523–1532) и 4) о развратном поведении, противоестественных пороках в сводничестве (улож. наказ., ст. 993–1000).

XI. Статью 828 устава уголовного судопроизводства (свод. зак., т. XVI ч. 1, изд. 1892 г.) дополнит примечанием следующего содержания:

«По делам о преступных деяниях, предусмотренных статьями 73 (ч. 1), 79 (ч. 1 и 2), 82, 83 (ч. 2), 84, 85, 87, 96, 97 (ч. 2) и 98 (ч. 2) Высочайше утвержденного, 22-го марта 1903 г., уголовного уложения, в случае признания присяжными заседателями подсудимого заслуживающим снисхождения, наказание смягчается по правилам, в статье 53 уголовного уложения изложенным».

XII. Устав уголовного судопроизводства (свод. зак., т. XVI ч. 1, изд. 1892 г.) дополнить новыми статьями следующего содержания.

33₁. Ведомству мировых судей сверх дел, означенных в статье 33 с примечаниями, подлежат преступные деяния, предусмотренные статьями 75, 76, 77 и 81 Высочайше утвержденного, 22-го марта 1903 г., уголовного уложения. При определении наказаний по этим делам мировые судьи руководствуются пределами наказаний, установленными статьями 20 и 21 сего уложения.

34₁. Дела, означенным в статье 33₁, изъеются из разбирательства мировых судей, когда на основании Высочайше утвержденного, 22-го марта 1903 г., уголовного уложения заключение в тюрьме может быть назначено на срок свыше одного года и арест на срок свыше шести

месяцев (ст. 64), а также в случаях, указанных пунктом 2 статьи 34 сего устава.

1287₁. Ведомству мировых судей сверх дел, означенных в Статьях 1287 и 1288, подлежат преступные деяния, предусмотренные статьями 75, 76, 77 и 81 Высочайше утвержденного, 22-го марта 1903 г., уголовного уложения.

При определении наказаний по этим делам мировые судьи руководствуются пределами наказаний, установленными статьями 20 и 21 сего уложения.

1289₁. Дела, означенные в статье 1287₁, изъеются из разбирательства мировых судей, когда на основании Высочайше утвержденного, 22-го марта 1903 г., уголовного уложения заключение в тюрьме может быть назначено на срок свыше одного года и арест на срок свыше шести месяцев (ст. 64), а также в случаях, указанных пунктами 2 и 3 статьи 1259 сего устава.

1290₁. Сверх дел, указанных в предшедших статьях (1289 и 1290), ведомству мировых судов не подлежат преступные деяния, предусмотренные статьями 75, 76, 77 и 81 Высочайше утвержденного, 22-го марта 1903 г., уголовного уложения. Дела о сих преступных деяниях подсудны мировому судье, в участке которого они совершены.

XIII. Статью 1260 устава уголовного судопроизводства (свод. зак., т. XVI ч. 1, изд. 1892 г.) дополнить новым (5) пунктом следующего содержания:

«дела о преступных деяниях, предусмотренных статьями 73, 74, 78–80, 82–90 и 93–98 Высочайше утвержденного, 22-го марта 1903 г., уголовного уложения».

XIV. Статьи 124 и 1263 устава уголовного судопроизводства (свод. зак., т. XVI ч. 1, изд. 1892 г.) дополнить примечанием следующего содержания:

«По делам о преступных деяниях, предусмотренных статьями 75, 76, 77 и 81 Высочайше утвержденного, 22-го марта 1903 г., уголовного уложения, приговор мирового судьи почитается во всяком случае неокончательным».

XV. Статью 1004 и примечание к ней устава уголовного судопроизводства (свод. зак., т. XVI ч. 1, изд. 1892 г.) отменить.

Его Императорское Величество изложенное мнение Государственного Совета, 14-го марта 1906 г., Высочайше утвердить соизволил и повелел исполнить.

Вятское Братство святителя и чудотворца Николая за 1904–1905 годы²⁸⁶

За 1904 и 1905 годы Братство состояло из 2-х попечителей, 19 почетных членов и 831 годовых членов. Цель Братства заключалась в том, чтобы «содействовать Вятской епархиальной власти и духовенству Вятской епархии в их противораскольнической деятельности (§ 2 Устава Братства)». Средствами для этой цели служили: а) школы, б) бесплатные брошюры и книги, в) публичные беседы с раскольниками, г) материальная помощь миссионерским деятелям. Совет Братства состоял из председателя, его товарища и 9 членов. Он заведовал 1) экономической частью, 2) школами, 3) брошюрами и книгами миссионерского и религиозно-нравственного содержания (таковых было разослано по епархии в истекшем году до 6.470 экземпляров и 4) устройством публичных бесед с старообрядцами (всех бесед было 8).

Особый интерес представляет школьное дело, в котором на первый план выдвигаются центральные две школы в г. Вятке. В мужской школе было 23 человека в возрасте от 20 до 53 лет, в женской – 15 девиц в возрасте от 17 до 24 л. В обеих школах преподавались 1) Священная История, 2) Катехизис, 3) Церковная история, 4) Историко-литургические сведения и 5) История и Обличение раскола. С практикою ведения бесед, учащиеся знакомились, присутствуя на публичных раскольнических беседах.

Что же касается остальных 45-ти братских школ, разбросанных по Вятской епархии в местах, зараженных расколом, то учебные программы их были значительно меньше, чем в центральных школах. В них преподавались: Закон Божий, Св. История. Объяснение символа Веры, 10-ти заповедей, молитв, церковных служб, русское в церковно-славянское чтение, счисление и чистописание. Сообщались также элементарные сведения по расколоведению. Число учащихся во всех братских школах было 988 (558 правосл. и 430 раск.). Учителями и учительницами в них были крестьяне в крестьянские девицы, окончившие курс в центральных миссионерских школах.

О постановке учебного дела и воспитания в братских школах миссионеры и священники, посылавшиеся Советом Братства для ревизии, дают самые прекрасные отзывы. Такие же отзывы читаем и в отчетах о миссионерской – просветительной деятельности учителей и учительниц. Эти труженики, почти отделенные от мира, живущие в глухих местах, населенных большей частью раскольниками, относящимися враждебно к православным христианам несмотря ни на какие лишения и невзгоды, с несокрушимой энергией борются с окружающей их темнотой и вносят в нее истинный свет Христова учения.

Опечаливает нас один горький факт, с которым приходится считаться Братству – это недостаток материальных средств. Вследствие этого недостатка в школах нет учебных пособий и принадлежностей в достаточной мере, у братства не достает книг и брошюр противораскольнического содержания, учителя и учительницы живут в крайней нужде, довольствуясь очень скудным жалованием (90 р. в год). И некоторые из них оставляют свои обязанности и переходят к другим, более обеспечивающим их существование. Это обстоятельство, грозящее Братству оскудением, в высшей степени печально, особенно в виду того, что в настоящее время, после указа 17 апреля раскол (равно как и сектантство) могут свободно осуществлять разные коварные замыслы против чад истинной Церкви Христовой.

По поводу корреспонденции из Волчанска Харьковской губернии

«В пользу миссии» Якова Глаголева

18 марта 1906 года в корреспонденции из Волчанска, Харьковской губернии, я прочел лживую заметку Якова Глаголева, помещенную в газете «Колокол», Глаголев пишет, что беспоповцами-старообрядцами в село Красный Лог, Воронежского уезда был, приглашен для собеседования начетчик Пичугин. В данном случае автор лжет. Дело в том, что г. Пичугиным была прислана в село Красный Лог лживая и грязная брошюрка, в которой Пичугин пред своими единоверцами всячески старался очернить Синодального миссионера отца Ксенофонта Крючкова. Наш же приходской священник, узнавши о таком гнусном поступке Пичугина, задался целью во что бы то ни стало обличить ложь Пичугина. А для этого с разрешения Его Высокопреосвященства были посланы одновременно телеграммы: протоиерею отцу Ксенофонту Крючкову и Пичугину, в которых последних просили прибыть в с. Красный Лог с целью изобличения лживой брошюры Пичугина. Но Пичугин никак не хотел быть вместе с отцом Ксенофонтом в селе Красном» Лог и вести беседу с последним, что лично и сказал мне Пичугин в бытность мою у него в доме 22-го апреля 1905 года.

25 октября 1905 года отец Ксенофонт уехал в Екатеринбург, а Пичугин, пользуясь отсутствием отца Ксенофонта, заявился в Красный Лог. И приехал Пичугин в Красный Лог не с целью вести общую беседу, так как он отказался вести беседу с священником и мною, а с тем, как он мне лично сказал, чтобы побеседовать с своими собратиями. И на это собеседование, происходившее в доме раскольника, из православных никто не был допущен. Откуда же Глаголев» вывел заключение, что раскольники укрепились в своем заблуждении, а православные пали духом? Не ясное ли дело, что Глаголев Яков задался целью поправить правду, и наклеветать на нашего достойного и заслуженного батюшку, с горячею любовью относящегося к делу миссии, что доказывает приобретенные им весьма ценные книги против раскольников и частые домашние собеседования с раскольниками, результатом чего является присоединение к православной церкви раскольников в числе четырнадцати человек (14 ч.). Больно было читать такую грязную и ложную заметку Глаголева, да еще под заглавием: «В пользу миссии». Но, к сожалению, это явление не первое. В «Воронежских Епархиальных Ведомостях» за 1905 год № 13-й окружной миссионер священник Феохист Глаголев в своем отчете дерзнул без зазрения совести напечатать, что он с сыном своим, автором выше изложенной грязной заметки, вел беседы с раскольниками в селе Красном Лог и по пяти часов к ряду. На самом же

деле о. Глаголев с своим сыном ни разу у нас беседы не вели, да и сын-то его Яков едва ли и издали видел Красный Лог.

Шесть лет тому назад епархиальный миссионер Тихон Семенович Рождественский вел беседы с раскольниками, был и о. Глаголев и не раз было вмешивался в беседу, но Т.С. Рождественский любезно просил его не принимать участия, дабы не портить беседу. Великое спасибо Т.С. Рождественскому! Великую он пользу оказал нашему народу чрез свои частые собеседования. Но нынешний миссионер о. Михаил Грацианский не принимает никакого участия. Три года тому назад проездом чрез наше село он был в доме у нашего любимого батюшки и обещал непременно быть в Красном Логу и вести беседы, но это, к сожалению, осталось словами.

О. миссионер Грацианский, должно быть, забыл про существование Красного Лога, а ведь в нем» 1.500 душ обоего пола пребывают в расколе. Жалкое и грустное явление!!

Помощник миссионера *Иван Болдинов*

Отклики

**Антонов М., дьяк. Христос и революция // «Миссионерское
Обозрение», 1906, № 4, стр. 587–598**

«Я получил запрос: можно ли
крестьянский съезд христианским?
Если б был жив сейчас Христос, Он был бы среди нас: Он
всегда стоял за угнетенных, Он
был первый социалист».
(Речь воронежского делегата-священника
на 1-м крестьянском съезде).

В виду того, что крестьянский съезд является таким же революционным, как и рабочий союз, а этими двумя союзами и держится главным образом русская революция, вышеприведенный слова священника можно приложить вообще к нашей революции и спросить: «можно ли ее назвать христианской? Был ли бы среди ее деятелей Христос»? Эти вопросы настолько важны, настолько требуют твердого обоснования, что решать их сплеча не приходится. Посильное решение этих вопросов и будет предметом настоящей статьи.

Покойный философ-христианин Владимир Соловьев в своем сочинении «Духовные основы жизни», говоря об обязанности христианина воплощать Христа в своей личной жизни и общественной деятельности, представляя пред свои «духовным оком» светлый образ Христа и отражая его чрез себя в жизнь, советует достигать этой цели следующим образом: «Следует только пред тем как решаться на какой-нибудь поступок, имеющий значение для личной или для общественной жизни, вызвать в душе своей нравственный образ Христа, сосредоточиться на Нем и спросить себя; мог ли бы Он совершить этот поступок, или другими словам и – одобрить Он его или нет? благословит меня на его совершение или нет? Предлагаю эту поверку всем – она не обманет».²⁸⁷ Спасибо покойному философу за совет! Только я сильно сомневаюсь, чтобы деятели нашей революции – оба священника – и о. Гапон, ринувший рабочих в пучину революционной бездны, и воронежский священник делегат от трех волостей, могли серьезно воспользоваться советом нашего философа. Хотя воронежский священник (фамилия его в газетном отчете не обозначена) категорически уверяет спрашивающих его о христианском значении крестьянского съезда, что Христос непременно был бы с ними, потому что Он сам – первый социалист, но это уверение после проверки его критерием подлинной правды Христа оказывается безусловно неправильным.

Прежде всего, несколько странно слышать из уст священника такие слова: «если бы был сейчас Христос"... Что это значит? Неужели Христа *сейчас нет в живых*? По какому вероисповеданию это так выходит? По-нашему, по православному, Христос и теперь *живет*, так как

Он живым вознесся на небо, и последними словами Воскресшего из мертвых Христа, обращенными к ученикам, были: «и се Аз с вами есть во вся дни до скончания века» (Мф.28:20).

Это – во-первых. Во-вторых, Иисус Христос ясно сказал, когда люди могут быть уверены, в присутствии Его между ними: «где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них» (Мф.18:20).

Очевидно, воронежский священник полагает, что крестьянский съезд потому мог бы видеть в своей среде Христа, что делегаты этого съезда собрались *во имя Христа*, а еще потому, что Христу, как первому социалисту», и надлежало бы быть среди революционного сообщества.

Постараемся разубедить воронежского священника в его будто бы совершенно правдивом понимании нравственного образа Христа Спасителя, и показать единомышленникам священника, что Христос Своим учением и деятельностью являет великую противоположность учению и деятельности наших революционеров.

Социал-демократы, ведущие за собою рабочих, и социал-революционеры, агитирующие крестьян, стремятся, как известно, к тому, чтобы рабочие и крестьяне не были обездолены на жизненном пиру. Они обещают и тем, и другим «земной рай», наступление «золотого века», когда в руки рабочих перейдут орудия производства, т.е. когда фабрики и заводы, с их машинами, будут не частной собственностью «капиталистов», а «общественной собственностью рабочего класса». Равным образом, они уверяют, что крестьяне начнут благоденствовать только тогда, когда *вся* земля, отнятая у частных владельцев, перейдет в трудовое пользование крестьян. Тенденция революционеров, как видим, чисто эгоистическая, материальная, имеющая в виду «земные блага». С этой стороны учение Христа представляет собой противоположную доктрину. Христос «земные блага» поставляет на второй план, заповедуя прежде всего заботиться о приобретении «благ духовных», ведущих в Царство Небесное. Христос основал на земле Царство Божие, а не «земной рай», и к людям, поставляющим главной заботой своей жизни стремление к эгоистичному пользованию земными благами, могут быть отнесены слова Христа: «Марфа, Марфа! ты заботишься и суетишься о *многом*, а *одно* только нужно» (Лк.11:41–42). И это «одно только нужное» есть именно Царство Божие. И так, не заботьтесь, учит Христос, и не говорите: что нам есть? или что нам пить? или во что одеться? потому что всего этого ищут язычники, и потому, что Отец ваш Небесный знает, что вы имеете нужду во всем этом. *Ищите же прежде Царства Божия и правды Его и это все приложится вам* (Мф.7:31–33). Царство же Божие, по словам Христа, не приходит заметным образом, ибо Царство Божие «внутри нас есть». Признаком этого Царства служит христиански-радостное состояние нашего духа, который, чрез исполнение заповедей Христовых, входит в общение с Самим Господом Богом. Но достижение

этого блаженства требует от человека «внутреннего перерождения и обновления», основывается на внутренней свободе человека от всякого зла, «от всякие скверны плоти и духа». Только ценой этой свободы и приобретается право на вступление в Царство Божие. Иисус Христос никого не прельщал земными благами: наоборот всем истинным Своим последователям Он завещал несение тяжелого креста страданий, всяких гонений и унижений, и за самоотвержение, за самопожертвование своими земными интересами, за беспредельную любовь к Нему и ко всем людям, обещал лишь загробное блаженство в Царствии Отца Своего. Соответственно этому Иисус Христос учил, как надо смотреть на богатство. В наших революционерах «богатство», очевидно, возбуждает зависть, раз они стремятся обогатить обездоленных рабочих и крестьян. По учению же Христа богатство само по себе не представляет для Его последователей предмета зависти, наоборот, Христос учит, что богатство само по себе не представляет для Его последователей предмета зависти, наоборот, Христос учит, что богатство очень часто служит только препятствием для спасения души.

Он прямо называет *безумцами* тех, которые собирают только себе, а не в Бога богатеют. Припомните беседу Христа с богатым юношей, которому Он, для достижения совершенства, для получения сокровища на небе, советовал продать все имение и раздать нищим. Юноша не мог исполнить этого совета, потому что был очень богат, и отошел от Христа очень опечаленным. «Иисус же сказал ученикам Своим: истинно говорю вам, что трудно богатому войти в Царство Небесное; и еще говорю вам: удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царство Божие». (Мф.19:23–24). В других местах Евангелия мы встречаем, тот же взгляд Христа на богатство, как на такое состояние, которое всецело покоряет душу человека и отдаляет его от Бога. «Не можете, говорить Христос, Богу работать и маммоне» (богатству). Притча о богаче и нищем еще яснее говорит нам, как бесполезно для спасения души человека богатство, и, наоборот, как велика награда тех, кто подобно Лазарю, до конца дней своих безропотно несет свое обездоленное существование. Поэтому-то Христос и говорит: «не собирайте себе сокровищ на земле, по собирайте себе сокровища на небе, где сокровище ваше, там будет и сердце ваше». (Мф.6:19–21).

Из сказанного с достаточной ясностью открывается, что человеческое учение социал-революционеров совершенно противоположно божественному учению Христа.

По их учению, все счастье человека заключается в здешней, земной жизни и достигается «внешним образом», приобретением «сокровищ» земных: а счастье есть только «*земной рай*», который приходит к людям совершенно видимым образом. По Христову же учению счастье есть блаженство, находящееся *внутри* человека, в его душе, и достигается не

земными сокровищами, а, наоборот, отречением от них. «Земной рай» и «Золотой век» наших революционеров наступит тогда для всех обездоленных, когда явится их «Мессия» и «Избавитель», когда все машины и фабрики, когда вся земля будут в их руках, когда, следовательно, совершится внешний переворот, когда богатство перейдет в их руки. Царство же Божие, или царство Христа наступит для всех и для каждого только тогда, когда произойдет внутренний переворот в душе человека, когда человек почувствует отвращение от всякого зла, в каком бы то ни было виде, когда почувствует влечение к добру, ради самого добра, к правде, ради самой правды, к любви, к истине и красоте. По учению революционеров, богатство цель всех стремлений человека, по учению Христа, богатство скорее тормоз, препятствие для истинного духовного совершенствования, преграда на пути к Богу. Итак, «земной рай» наших социалистов и «Царство Божие», основанное Христом, ничего общего не имеют: основанием первого служит чисто плотское, внешнее, эгоистичное самоуслаждение, основанием второго служит чисто-духовное блаженство, заключающееся в святости жизни, в исполнении воли Божией, в терпеливом перенесении всяких страданий ради «загробного» блаженства.

Воронежский делегат-священник говорить, что деятели крестьянского союза, а с ними вместе, конечно, и деятели рабочего союза солидарны с Иисусом Христом потому, что «Он всегда стоял за угнетенных». Но, и здесь мы находим опять лишь кажущуюся солидарность, а на самом деле совершенную противоположность.

Прежде всего в учении Иисуса Христа нет и самонаименования тени насилия над совестью человека и над его достоинством. Если Христос говорит: «Приходите ко мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас», то в этом случае разумеется нравственное успокоение, что и ясно из следующих далее слов: «Возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня, *ибо Я кроток и смирен сердцем* и найдете покой душам вашим». (Мф.12:28–29). Из этого видно, что Иисус Христос призывает к Себе всех «труждающихся и обремененных», оскорбленных, и униженных, обездоленных и угнетенных, затем, чтобы «научить» их, как переносить жизненные невзгоды «с кротостью и смирением». В этом только смысле и заботится Христос об угнетенных, давая им нравственное мужество бороться с неизбежными в жизни страданиями. Совершенно иначе заботятся и строят за угнетенных социал-демократы и социал-революционеры: они «призывают» угнетенных рабочих и крестьян, и вообще всех обездоленных ни более, ни менее, как к вооруженному восстанию, зовут их завоевывать себе земные блага с оружием в руках, разбойнически отнять эти блага у всех имущих. Спрашивается, какая же здесь солидарность? что между этими различными «призываниями угнетенных» общего.

Священник-делегат уверяет, что Христос потому был бы среди крестьянского съезда, что «Он был первый социалист». Неверно и это утверждение.

Если можно говорить о *социализме* Христа, то только в том смысле, что Он призывал всех людей к любви, и к врачеванию этой любовью всех ран и болезней общественного организма, призывал любить не только кровных и друзей, но всех и каждого, даже своих врагов, и для других жить столько же, сколько и для себя, даже больше, – полагать, в случае надобности, и душу свою за ближних. Эта-то всеобъемлющая любовь, соединяющая все человечество в одну семью, в одно огромное «братство», и произвела тот переворот, во всемирной истории, который именуется «христианством». Любовь к Богу в христианстве нераздельно соединяется с любовью ко всем людям, что определенно высказано в следующих словах Христа: «что вы сделали одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне и, чего вы не сделали одному из сих меньших, то не сделали Мне» (Мф.25:40,45). Значит, вот в чем состоит христианский «социализм», – в нераздельной любви к Богу и людям, и если Христос призывает всех быть «милостивыми», то милость наша, по учению Христа, должна быть совершенно свободной, добровольной, и девизом ее должно служить исключительно добровольное: *«все мое – твое»*.

Иное явление представляет из себя социализм наших, революционных партий. Основанием его служит не любовь ко всем людям без различия, а, наоборот, вражда, страшная вражда между классами одного и того же народа, вражда между рабочими и фабрикантами, между крестьянами и помещиками, между подчиненными и начальниками, между обществом и правительством. Психологически революционный социализм есть зависть ко всем, имущим, власть и богатство, зависть, переходящая в непримиримую вражду. Основанием социалистической реформы служить не свободная, добровольная «милость», как в христианстве, а кровавое, насильническое, разбойническое отнятие собственности и власти у всех имущих, – а девизом крик: *«все твое – мое»*. Только что сказанным еще более усугубляется противоположность между социалистическим «земным раем» и «Царством Божиим», основанным Христом. Социалисты-революционеры видят источник всех зол во внешних порядках. Для того, чтобы осушить этот источник, по их мнению, нужно ниспровергнуть существующей строй политической жизни, совершить внешний переворот общественной и государственной жизни. Совершенно иное представляет собой «Царство Божие», которое может существовать при каком угодно общественном и государственном строе, потому что оно создается не внешними переворотами, а внутренним перерождением самого человека; не внешними условиями жизни, а внутренними. «Царство Божие» не

земное богатство и не наслаждение всеми благами жизни, не пища и питье, а внутренняя чистота и просветление души светом Христовой правды и любви, радость, о Духе Святом, одним словом, «святость» наша – вот в чем заключается Царство Божие. «Царство Божие» есть царство добродетели и борьбы со злом, которое должно быть побеждаемо *только* добром, *только* любовью. «Земной же рай» социализма есть плод борьбы со всеми властью и богатством имущими: правительством, начальством, фабрикантами, заводчиками, помещиками, купцами, которые тоже должны быть побежденными, но только не любовью и добром, а насилием, разбоем и убийством. В «Царстве Божием» награду избранникам этого Царства Христос обещал лишь на небе, а созидатели «земного рая» такой отдаленной наградой недовольны, – загробный идеал, вечное блаженство на лоне Авраама их не соблазняет, – они стремятся к более практическим целям, – именно, к сытому и довольному «земному блаженству».

«Равенство» людей в Царствии Божием также не имеет ничего общего с «социальным равенством». В Царство Божие призываются все люди без различия: и бедные, и богатые, и знатные, и убогие, и ученые, и невежды, они все могут быть равны пред Богом по своей добродетели, и, не смотря на свое общественное неравенство, могут получить равную награду. «Социальное же равенство», наоборот, не принимая во внимание «добродетели», стремится исключительно к всеобщей нивелировке, личностей и состояний. «Горе вам, богатые! ибо вы получили свое утешение. Горе вам, пресыщенные ныне! ибо взалчете. Горе вам, смеющиеся ныне! ибо восплачете и возрыдаете»! (Лк.6:24–25). Этими словами Христос не безусловно осуждает всех богатых, пресыщенных и смеющихся, а только тех, кто забыл «о меньших братьях», кто забыл заповедь Христову о любви к ближнему, о милосердии, кто злоупотребил дарованным им от Бога «изобилием» благ земных и забыл поделиться с неимущими. Таких-то жестокосердых богачей ожидает в загробной жизни *горе*, потому что они ничем не заслужили «награды на небесах». Но из этого не следует, что Христос осуждал всех богачей, даже и тех, которые делились своим богатством. В Евангелии указывается несколько случаев благорасположения Христа к богатым людям, которые того заслуживали, напр., к Закхею, отдавшему пол-имения нищим, к богатому семейству Лазаря, Марфы и Марии, которых Христос очень любил, Он похвалил также веру Иаира, начальника синагоги, человека властного и богатого, и др. Все это доказывает, что Христос ничего не имел ни против богатства, ни против бедности, – в глазах Иисуса Христа заслуживал благословения богач, отдающий половину своего имущества нищим, и «гнильный Лазарь», валявшийся у ворот жестокого богача. Но богач, ничего не жертвовавший бедным, всецело прилепившийся к своему золоту, и бедняк, постоянно мечтающий о богатстве, для Христа – люди потерянные, потому что помыслы этих богача и бедняка не могут уже возноситься «горе», к

небесной высоте; эти люди, как к тачке прикованы к земле. «Горе вам, богатые!», говорит Христос, и в притче о богаче и бедняке Лазаре дает нам истинное понимание богатства и бедности. Себялюбивый, в высшей степени эгоистичный богач, пресыщающийся и веселящийся «по вся дни светло», получает свое *утешение* здесь, но его ждет, по слову Иисуса Христа, *страдание там*, ибо он не исполнил на земле своего главного назначения, – он не заботился о своем религиозно-нравственном совершенствовании, не исполнил главной Заповеди Божией – «любви, милосердия, благотворения» людям; хотя имел к тому *полную возможность*, будучи очень богатым. Он променял «вечное блаженство» на «земной рай». Лазарь же, поставленный в социальном смысле на самую низшую ступень, валяющийся, так сказать, на «дне» жизненного моря, в то же время не роптал ни на Бога, ни на людей, ни на этого жестокого богача, у ворот которого лежал он, ожидая напрасно хоть крошки хлеба, упавшей со стола этого сластолюбца. И вот, за свое *страдание здесь*, он, по смерти, за гробом получает истинное блаженство вместе со всеми и угодниками Божиими. Этой притчей Христос дает истинный, вечный урок как себялюбцам богачам, позабывшим «сотворить милость», так и горьким беднякам, *безропотно* несущим крест своей тяжелой доли. Говоря поэтому: «горе вам, богатые», Христос напоминает им об ожидающей их участи, если они *всецело* только одни воспользуются своим богатством и не поделятся добровольно, из чувства «сострадания, милосердия» с бедняками: их ожидает «суд без милости, потому что они не сотворили милости». Социалисты-революционеры тоже кричат: «горе вам, богатые, пресыщенные и веселящиеся!». Но этот крик – крик пиратов, браконьеров, флибустьеров, бандитов и нашей «понизовой вольницы», с ее разбойническим «сарынь на кичку!...». Этот крик – открытое восстание против всех власть и богатство имущих которым они грозят гибелью.

Нам могут, конечно, возразить, что мы, взявшись за сравнение социал-революционного учения с учением Христа, совершенно не понимаем сущности первого. «По-вашему, скажут нам социал-революционеры, мы все отчаянные головорезы и отпетые разбойники? И это в то время, как в сущности социализм развивается мирным, легальным путем и сама жизнь идет планомерно к тому, чтоб водворился во всех образованных обществах социалистический строй жизни?». Смеем уверить, что отлично понимаем эту планомерную тенденцию форм жизни к социалистическому строю, но в то же время и социал-демократы и революционеры должны отлично знать, что социальные формы жизни могут создаваться двояким путем: *эволюционным* (т.е. постепенно подготавливаясь, развиваясь и складываясь), или *революционным* (т.е. без подготовки, а *сразу, насильственно*). Они должны знать, что в социальных партиях есть «террористические» фракции, которые

действуют всегда насилем, ужасом, стремясь совершить кровавый переворот, общественного и государственного строя. Они должны знать, что есть социализм легальный, парламентарный и есть также иной тип (французский), который действует конспиративным путем, путем заговоров, баррикад, крови, огня и железа.

Этот-то последний тип социализма, тип революционный играет роль и у нас. Но деятельность таких «созидателей социалистического строя» ничем не отличается от деятельности «разрушителей всякого строя», т.е. анархистов. Карл Маркс в своем манифесте говорит: «Пролетарии всех стран, объединяйтесь!». У наших бунтарей, этот призыв выходит несколько драматичнее: «Пролетарии всех стран, *вооружайтесь!*».

Какая непроходимая пропасть между такой кровавой борьбой и между борьбой, проповедуемой Христом! Христос тоже призывал на борьбу, но... *на борьбу с самим собой, и с своею греховною природою, со своими страстями и похотьми, с мирскими соблазнами, со всею силою дьявольскою...*

Ясно, что *«нет ни малейшего основания для того, чтобы Христос благословил нашу революцию, одобрил ее»...* Что касается в частности собственно «крестьянского съезда», то для доказательства, что он тоже не имеет со Христом ничего общего, я приведу несколько подлинных выражений самих делегатов съезда.

Председатель Куприн сказал: «Настала новая жизнь. Русский народ почувствовал в себе силу... Теперь мы свободный народ. С нами сила.²⁸⁸ Мы возьмем себе всю землю, возьмем всю власть!». Делегат Мазуренко высказался: «Гибель всем, кто пил и пьет нашу кровь! Сила на нашей стороне. Стомиллионный народ *раздавит* стоголовую гидру... Крестьянство проснулось, и *гибель* полицейскому государству! Нужно правильно организовать боевую мощную армию, на подобие организованной армии рабочих, вложить в нее сознательность и вести к победе. Мы *одолеем* стоголовую гидру, ибо нас сто миллионов. Мы *завоюем* свободу».²⁸⁹ Делегат Белоруссии говорит: «Сознание крестьян просветлено. Они понимают, что *они – одно, а помп-тихи и полиция – другое*. Чтобы *побороть* полицию, нужно самоуправление, ибо надеяться не на кого. Белоруссия ждет, но *ждет с оружием в руках*. Ждет только от Великоруссии знака и начала. «Нужно объединить крестьянство в боевую *дружину*». Слова Макарова: Во многих местах крестьяне говорят: «Манифестов было много, но от этого ничего не было хорошего, *лучше отнять* землю». Из сообщения других делегатов выяснилось, что во многих углах России крестьяне прямо говорят: «Если нынешней зимой нам не отдадут землю, – весной мы сами ее возьмем». Делегат Саратовской губ.: «Наши крестьяне вступили в открытую *борьбу*. Идет борьба с оружием. Образовываются крестьянская боевые дружины, вооруженные револьверами, ружьями. Но одни саратовские крестьяне не могут одолеть

врага. Они будут биться до конца, но *победа будет тогда, когда встанет с оружием вся Россия*. Обращаюсь к вам, – зовите интеллигенцию, зовите рабочих, и все вместе встанем на защиту своих прав и *уничтожим врага*. «Казанский делегат»: *Сейчас же за оружие!* Все средства законны. Сейчас крестьянский союз хотят подвести под мирное знамя. Боятся. Но придет время, и он силою вещей станет революционным. *Придется взяться за оружие. Мирный путь невозможен*"... Помещик из Ярославля: «Я, помещик и дворянин, говорю вам, если вы сами не возьмете силой земли, то Дума ее вам не даст. *Никакой мирный путь не даст вам земли*"... И т.д., и т.д. Нет надобности продолжать выписки. Из приведенных заявлений делегатов видно, чем *пахнет крестьянский союз*. Хотя некоторые делегаты и высказывались за «мирное» решение вопроса, но, ведь, в конце концов, они сами же поддавались обаянию революционеров, и революционный, террористически характер крестьянского движения этими «мирными» разрешителями не устраняется. Невозможность «мирного» разрешения крестьянского вопроса подтвердил и воронежский делегат-священник в словах, сказанных им в назидание «истерзанной» его паствы. Паства обращалась к нему: «Научи!» – Что я им отвечу? Что скажу? Внутренний голос мне подсказывает одно: без свободы – *террор!*". Уж если священнику, приносящему бескровную жертву, представителю христианской любви, милосердия, братства и мира, «внутренний голос» говорит, что без *террора* (ужаса, насилия) *не обойтись*, то что же говорить о других? Когда этот священник произнес приведенные эпиграфом слова о том, что Сам Христос посетил бы крестьянский съезд, то речь его покрылась бурными аплодисментами. Что же это значит? Чему здесь больше удивляться? Апломбу ли священника, с таким легким сердцем санкционировавшего Божественным авторитетом Спасителя заведомо революционное соборище, или же невежеству рукоплескавших, не на шутку возомнивших, что Христос с ними? Они все, очевидно, заблуждаются, думая, что Христос был «политическим» деятелем, что он занимался социальными, социалистическими и революционными вопросами!... Божественного Основателя Царства Божия, царства «не от мира сего», они насильно хотят сделать покровителем их революционного сброда! Что-то дикое, что-то нелепое творится с мудрецами века сего! Зачем они кощунничают, зачем совмещают несовместимое? Уж пусть бы «делали революцию», пусть бы на свой страх и риск ломали *всех и вся*, кто им не по нраву, – зачем же имя-то Божие призывать всуе? Вот уж поистине, «не ведут, что творят!».²⁹⁰ Вдохновительницею революционного движения рабочих, крестьян, солдат и матросов, кроме всяких делегатов, ораторов, агитаторов, является еще и революционная печать, буквально наводнившая все грады и веси нашей родины всякими листками, брошюрами, книгами и газетами. В короткое время создалась целая

революционная литература! И здесь, во всей этой «бумажной» революции, те же песни, что и на крестьянском съезде... Кто хотя немного знаком с этими революционными изданиями, тот, наверно, понял, какой тон задают они всему революционному хору, – какой ужасной ненавистью, злобою, враждой дышат их «зажигательные» воззвания, к чему сводятся их мятежные вождения: кровавая, беспощадная борьба с правительством, со всеми, имущими власть и богатство, – вот их песни, вот их крики. «Душите их всех! Раздавите эту гадину!», вот смысл всей революционной литературы. И «хор» отлично повинуется своим регентам: он всю Россию «оглушил» раскатами рабочего, солдатского и крестьянского разгрома. Но это пока лишь отдельные спевки! Они готовятся дать «грандиозный» концерт, такой концерт, от одного «объявления» о котором становится жутко и страшно!... Так «дело обстоит» с революцией «крайних левых партий». Но не лучше и в «крайних правых», которые соперничают с левым революционным хором. Устроенные ими погромы, а также организованный избиения интеллигенции, евреев, студентов и учащихся, – все это довольно красноречиво говорит, что «правый хор» не хочет уступать «левому» первенства в кровавом концерте. И здесь также *не обошлось* без того, чтобы кощунственно не освятить разбойнических убийств именем Христа, и здесь богохульственно призывается «Святых Святейшее Слово» для благословения «братоубийственных мечей», и здесь собирались в дом молитвы и «лобызали подножие креста», и здесь устраивалась боевые дружины и тоже прикрывались именем Христа, умышленно искажая Его святые слова, запрещающие всякое *произвольное насилие и самосуд* даже для защиты самого правого, самого святого дела... Апостолу Петру, хотевшему «защитить» своего Невинного Учителя мечом, Христос сказал: «Вложи меч в ножны, *ибо взявший меч от меча погибнет*». Это-то слова Христа и послужили для них основанием, чтобы *обнажить* меч для убийства своих же братьев! Христос – *и вражда!* Христос – *и насилие!* Христос – *и варварское убийство!* Христос – *и революция!*... Что же здесь общего? Какое общение свету со тьмой? Какое общение Христу и Велиару? Вожди слепые! Вожди безумные! Как вы ни старайтесь соблазнить темных и невежественных людей тем, что с вами Христос, что вы боретесь за *Христову правду*, – ваши старания тщетны! Неужели вы, именующие себя христианами, не знаете, что Господь наш Иисус Христос страдал для того, чтобы *прекратить* в людях *всякую* вражду, *всякое* насилие, *всякое* убийство, от кого бы они ни исходили! Не затем ли Христос страдал, чтобы внести *примирение* человека с Богом, и человека с человеком. Не затем ли Он и страдал, чтобы был на земле мир? Вы, называясь христианами, в сущности вновь распинаете Христа! Паки Голгофа и Крест! Снова Христос забичуется, заушения и раны приемлет, снова возносится на крест, снова слышатся восклицания: «Радуйся, Царь

иудейский!». Безумные вожди братоубийственной революции! Вы – в сетях дьявола! Ведь это он – человекоубийца искони! Вы залили всю Русь братскою кровью, вы захлебываетесь в ней... и вы Христа зовете! Знайте же, что вы лжете, и нет истины в вас! Опомнитесь, что вы делаете? Очнитесь от кровавого кошмара! Сделайтесь из озверелых братоубийц «*благоразумными разбойниками*» и принесите, пока не поздно, искреннее раскаяние Тому, Кого вы так богохульственно призываете: Иначе горе вам, братоубийцы! Вы не услышите кроткого прощения Голгофского Страдальца: «*Отче, прости им, не видят бо что творят*», для вас прозвучит грозный голос Нелицеприятного Судии: «*Идите от Меня проклятые... Что Меня зовете?... Не вем вас!*»

Диакон Михаил Антонов

Е.В. Как началось пасхальное богослужение на татарском языке в Поволжье // «Миссионерское Обозрение», 1906, № 4, стр. 599–604

«Христос Воскресе!»

Божественною *Силою Воскресения*

Христова Церковь Его, вот уже 19-столетий, победоносно *Отражает все нападения* на нее злобы земной и адской... И в богослужении Пасхальном вся судьба мира горнего и дольного, неба и земли – изображается в чертах величественных, дивно прекрасных"...

В дни, когда со всех сторон все только обвиняют Русскую Православную Церковь в безжизненности и в извращении задушевности богослужения, отрадно напомнить обстоятельства противоположные таким укоризнам.

Шестидесятые годы и часть семидесятых нашего времени были весьма бурны на Руси и во многих местностях требовалось усмирение волнений даже войсками. Волновались также и в Поволжье давно крещенные инородцы. В Казани только что начал архипастырствовать тогда известный ревностный святитель Антоний (Амфитеатров) и им было учреждено религиозно-просветительное Братство Святителя Гурия. Деятельные члены совета этого Братства благотворно проявили миротворное воздействие на упомянутые волнения своими посещениями взволнованных инородческих местностей, успокоительными беседами и устройством в деревнях небольших религиозно-просветительных школ с обучением грамоте и церковному пению на родном инородцам языке.

В самой же Казани энергично действовала в этом направлении *частная* крещено-татарская школа известных ревнителей профессоров Академии Н.И. Ильминского и Е.А. Малова. Самым действительным средством к возбуждению и воспитанию в инородцах умиротворяющего христианского религиозного чувства признано было пение и чтение церковных молитв на народном языке.²⁹¹ Литургия Св. Иоанна Златоустого была переведена на татарский язык Алтайскими миссионерами и напечатана в Синодальной типографии еще в 1866 году по распоряжению графа Д.А. Толстого. Были переведены и в Казани утренние, вечерние и другие обыкновенные молитвы, а также главные из всенощного богослужения, и татарчата распевали их в школе домашним образом, в виде учебно-воспитательного упражнения. А летом, разъезжая по своим деревням, ученики этой Казанской школы пением таких молитв

по домам и улицам селений привлекали расположение и приводили в умиление односельчан.

И вот в 1869 году приезжает по делам Алтайской миссии иеромонах Макарий Невский (ныне святительствующий в Томске). В Алтайской миссии иеромонах Макарий тогда уже много лет успешно продолжал благовестническое дело известного апостола Алтая архимандрита Макария Глухарева. Увидя начаток такого же святого дела в Казани, задушевный, энергичный, любвеобильный сибирский миссионер посвящает все свои досуги Казанской крещено-татарской школе и составляет из учеников ее стройный церковный хор. Владыка казанский и члены Братства сочувственно поддерживали эту просветительную ревность отца Макария. Владея в совершенстве татарским наречием, отцу Макарию удалось впервые для сотни говевших татарчат отслужить всенощную в школе, а литургию в неделю Православия в кладбищенской церкви близ школы. Этакое полное и торжественное в храме богослужение на родном языке произвело чрезвычайно сильное впечатление на татарчат, возбудило в них усердное желание чаще слушать такое богослужение, и любвеобильный алтайский миссионер каждый воскресный и праздничный день Четырдесятницы служил с ними всенощную в школе, а раннюю литургию в кладбищенском храме. Совершение такого богослужения повело к исполнению в Казани переводом на татарский язык литургийных часов, праздничных стихир, ирмосов, канонов и надлежащих чтений из апостольских посланий. К предстоящей тогда Пасхе было переведено все положенное по церковному уставу пасхальное богослужение и напечатано отдельной книжкою. И вот Пасхальная утренняя и ранняя литургия в день Воскресения Христова совершены были на татарском языке отцом Макарием при пении татарчат с особою торжественностью в великолепном храме Богоявления Господня, почти в центре города Казани. Живое сочувствие этому оказали местный священник профессор Евфимий Малов и православные прихожане. Русское богослужение совершено было в теплой церкви, а на татарском языке в холодной в одно время, свидетельствуя братство во Христе обеих народностей. Торжество это привлекло всеобщее сочувственное внимание жителей Казани; о нем оживленно говорили и обсуждали его все. И по желанию многих русских, знающих в Казани татарский язык, пасхальная утренняя и литургия в том же Богоявленском храме еще были отслужены на татарском языке и в четверг пасхальной недели, а татарчата школы считали такое богослужение уже насущною своею потребностью. Но оно должно было на время прерваться, так как отец Макарий тогда же был вызван в Москву для участия в обсуждении проекта устава Всероссийского Миссионерского Общества. А возвратясь в Казань, он поместился в крещено-татарской школе, все лето неопустительно продолжал совершать богослужение на татарском языке и

довел школьный хор до полной возможности сознательно и правильно отправлять воскресное и праздничное богослужение на татарском языке.

С живейшим сочувствием к этому делу отнесся и высокопреосвященнейший Антоний Казанский, решив упрочить навсегда в Казани такое богослужение рукоположением особого для этого священника из крещеных татар. Выбор архипастыря и Совета Братства Святителя Гурия остановился на ученике профессора Ильминского и учителя этой школы Василии Т. Тимофееве.²⁹² По рукоположении 7 сентября 1839 года новопосвященного отца Василия Тимофеева, отец Макарий Алтайский руководил и его с величайшею попечительностью, приучая к истовому задушевному, проникновенному церковному священнослужению. Школа татарская и Братство Святителя Гурия жили в это время особенно деятельно, возвышенно и душою этого просветительного движения был отец Макарий Алтайский.

По-видимому, случайное прибытие в Казань этого любвеобильного алтайского миссионера явилось условием, благодаря которому исключительно осуществилось и упрочилось сначала в школе Казанской, а затем и в инородческом Поволжье богослужение на языке инородцев, имевшее чрезвычайно благотворное влияние на просвещение многочисленных поволжских инородцев. Родной и при том вполне удобопонятный язык, на который было переведено для крещеных татар богослужение, придал всем богослужебным возгласам, прошениям, славословиям и исповеданиям – действительное и сильное впечатление и непосредственный доступ к мысли и чувству предстоящих инородцев, воодушевляет их и дает им твердые нравственные правила.

Окончательно же упрочилось такое просветительное богослужение в центральной руководительной Казанской крещено-татарской школе в 1871 году, когда, благодаря сочувственным заботам графа Д.А. Толстого, для этой честной школы был выстроен трехэтажный каменный дом, а попечением одного из ревнителей миссионерского братства Казанского П.В. Щетинкина устроена была домовая церковь, освященная во имя Святителя Гурия Казанского 12 декабря 1871 года с особенною торжественностью высокопреосвященнейшим Антонием, сказавшим тогда глубоко назидательное и воодушевленное слово на молитвенный текст: *«Утверждение на Тя надеющихся, утверди, Господи, Церковь!»*.

Для большей торжественности и полноты церковного чина высокопреосвященнейший Антоний благоволил назначить в школьную крещено-татарскую церковь и диакона из крещеных же татар, для чего избран был помощник отца Василия по школе крестьянин Козьма Прокофьев. После приготовления его в Спасском монастыре под личным наблюдением викарного епископа Викторина, он рукоположен был 20 февраля 1872 года.

Таким полным устроением крещено-татарская церковь-школа дала большое удобство и всегдашнюю свободу совершать всегда все церковное богослужение на татарском языке без всяких препятствий. И на первой же неделе Великого поста, кроме учащихся в школе, приезжали говеть в эту церковь многие пожилые крещеные татары обоего пола даже из отдаленных селений. Служба совершалась по три раза ежедневно. После каждой службы отец Василий говорил сердечные и разъяснительные поучения. На страстной неделе все учащиеся опять говели; было много и приезжих из деревень, желавших видеть и послушать на своем родном языке особенно пасхальное богослужение, которое действительно было прекрасно.

Это было *первое* пасхальное богослужение в собственной церкви инородческой с полным составом клира и молящихся. Все готовились к нему особенно, с воодушевлением. Ктитор нового храма не пожалел всевозможного освещения и все устроено было соответственно великому торжеству. Были многие из русских казанцев, был там и я, пишущий эти строки, как пожизненный член просветительного Братства Святителя Гурия. И никогда не забуду я высокого отрадного впечатления от этого инородческого пасхального богослужения, вдохновленного Алтайским миссионером отцом Макарием. Настоятель отец Василий Тимофеев, диакон и два стройных хора певчих из учеников и учениц школы, совершали это богослужение с энтузиазмом, с торжествующим ликованием, вызываемым возвышенными чудными песнопениями пасхальной утрени, часов и литургии. Наполнившие церковь старые и малые инородцы относились с чутким вниманием к понятным песнопениям, к развитию священнослужения и молились с сердечным умилением. Общее восторженное увлечение с продолжением богослужения не только не ослабевало, а увеличивалось настолько, что среди обедни на одного русского братчика, приезжего академического богослова, присутствовавшего с женою своею, это дивное религиозное торжество произвело столь сильное впечатление, что выразилось у него радостными слезами, а когда, чтобы успокоиться, он вышел на прилегающую к церкви площадку, то истерически разрыдался и потом горячо стал благодарить вызванного к нему начальника этой школы профессора Н.И. Ильминского за истинно христианское, животворное просвещение и развитие религиозных сил в простых деревенских людях...

– Вот так-то, – говорил потом добрейший и незабвенный профессор Ильминский, – слышали вы и видели, каковы наши мужички-простачки и ребятки, просвещенные и освещенные христианскою благодатью... Как апостолы Христовы, пленяют они мудрых и ученых мужей и тем более своих простодушных односельчан... Да, – *писал он* в другой раз, – я воображаю некоторое Царство Божие на земле, только вместо ангелов Божиих у меня вертятся татарчата... Мне хотелось бы, чтобы все пылали

самородным огнем усердия ко благу церкви, отечества и татарского человечества. Чудная вещь произойдет в нашем татарском крае, когда татары и все татарство предпримет торжественный ход в Царство Христово... Пусть будут какие-нибудь, земле свойственные, недостатки, только бы любовь-то христианская не оскудела, – она, любовь эта, вынесет на своих плечах все дело"...

И действительно, вся обширная благовестническая просветительная деятельность Н.И. Ильминского с почтенными отцами Макарием, Евфимием, Василием и всеми прочими искренними его сотрудниками представляет собою светлые, отрадные, глубоко задушевные животворные черты восторженного и любвеобильного церковного служения пасхального, которое они начали и распространили между татарами и другими инородцами в Поволжье.

Е.В.

[Май]

По общим вопросам веры и церковной жизни //
«Миссионерское Обозрение», 1906, № 5, стр. 609–622

Меры к уничтожению русской иконописи

(Материалы к истории современного иконоборства)

Начало текущего года вписало две грустные страницы в летопись русского искусства, вопия о глубоком пренебрежении к нуждам национального художественного творчества, указывая на полное невнимание к одному из существенных путей народного благосостояния и развития, вычеркнув из намеченной разработки вопросов государственного значения деловую возможность обсуждения в Государственных Думе и Совете всего того, что касается не только чистого, но даже и прикладного искусства. По установленным правилам выборов, в Думу не мог попасть ни один представитель искусства. Казалось, могла еще остаться надежда на выборы в Совет, но и тут упомянутыми были лишь Академия наук и университет, а *Академия художеств забита и лишена права посылки своих выборных*. Такое более чем печальное явление явилось следствием полной апатии членов академической корпорации к сознанной всеми насущности всюду назревших реформ и гражданской молодости деятелей нашего художественного мира. Забыть оказался исторический пример, который представлен Францией: – Тьер, непосредственно вслед за избранием его «главою исполнительной власти» новоявленной республики, ранее приема делегаций, явившихся к нему с поздравлениями, принял только двух чиновников: префекта полиции и главного инспектора школ, и первые его слова, к ним обращенные, были высоко-знаменательны: «мы вернем миллиарды контрибуции обновлением нашей художественной промышленности». В России забыли, что последовавшее затем обновление художественной промышленности было одним из могучих рычагов, к созданию ее высокого материального благосостояния. У нас забыли так же и то, что *русское искусство тесно связано с первейшими духовными народными нуждами, с делом удовлетворения религиозных потребностей всякого православного – с иконою*. Забота попечительства о русской иконописи, как это ни странно, находится в светских руках, причем в таком учреждении, в котором не нашлось места ни одному художнику.

Забытые в наших будущих законодательных учреждениях нужды искусства и в частности иконописания оказались переданными группе теоретиков, создавших, в конце концов, такой проект попечения об иконописи, который составляет вторую безмерно печальную страницу летописи редакционных работ русского законо-созидательства по предмету нашего обездоленного и бесправного художества...

Золотыми буквами должны быть занесены на скрижали истории слова именного Высочайшего указа Правительствующему Сенату, ясно и без

всяких сомнений указывавших людям, облеченным доверием и властью, тот *истинный путь*, которого Государь Николай Александрович повелел придерживаться в деле роста православного иконописания. «В Монарших заботах, – гласит указ, – «о процветании русской иконописи и охране в ней плодотворного влияния художественных образцов нашей старины, признали Мы за благо учредить под непосредственным покровительством Нашим Комитет попечительства о русской иконописи». Как много сказано этими словами! Охранение плодотворного влияния *художественных Образцов старины* – путь, *не допускающий* отклонения от древних истинно чтимых иконописных подлинников *во всех их положительных качествах*. Древняя православная иконопись, помимо многих своих высоких свойств, обладает незаменимой прочностью своей техники, так называемого, яичного письма. Это одна положительная сторона нашей образцовой художественной иконописи. Другая существенная сторона «образцов» – их *ручное* производство. Государь определенно говорит, *именно* об иконо-*писании*. Из приведенного и сказанного ясно, что заботы Высочайше утвержденного Комитета должны быть направляемы *только* на попечительство *ручной* иконописи и борьбы против всех тех способов изготовления икон, которые могут вредить процветанию работ наших изографов. Понято ли это основное предначертание и повеление Государя членами Комитета и как оно ими усвоено ранее *и теперь* – мы внимательно рассмотрим в настоящей статье.

В Положении о Высочайше учрежденном Комитете попечительства о русской иконописи в пункте пятом читаеа: «*Комитет имеет целью: изыскание мер к обеспечению благосостояния и дальнейшего развития русской иконописи*»... (Курсив наш). 17 мая 1901 года состоялось первое постановление Комитета, под председательством графа С.Д. Шереметева, в присутствии неперменного члена, – управляющего делами Комитета Академии Н.П. Кондакова и членов Комитета: т.с. В.И. Ковалевского, гофмейстера Ю.С. Нечаева-Мальцева, графа И.И. Толстого – бывшего в то время вице-президентом Академии Художеств, профессора Н.В. Покровского, д.с.с. Н.В. Султанова и с.с. Н.В. Пономарева. Значению и трезвость *первого* постановления Комитета так существенны, что мы приведем главную его часть.

«Комитета, всесторонне обсудив современное положение русской иконописи и, в частности, бедственное состояние иконописных сел Владимирской губернии, доселе поставлявших рукописный иконы почти на всю Россию и на часть христианского востока, пришел к убеждению, что *русское иконописание ведет ныне непосильную для него борьбу с машинным производством подобию рукописной иконы на жести и впало от того в крайность, которая грозит в ближайшем будущем уничтожением общим народного мастерства иконописания, за исключением лишь немногих мастерских и заводов, производящих самые*

дешевые сорта икон, способных выдержать конкуренцию с машинными изделиями. В настоящее время *машинное производство вытесняет повсюду в иконных лавках и монастырских складах рукописную икону*, в силу того экономического обстоятельства, что его издоил, производимые с наименьшею затратой, могут быть поставляемы дешевле писанных икон продавцам, которым оно приносит, поэтому, наибольшую выгоду. Вместе с тем, распространение машинных изделий за последние годы в продаже не способствовало видимому удешевлению иконы, так как жестяные подделки под иконы, производимые ныне фабрикою Жако и Бонакер, идут по цене настоящих икон, но зато оно усилило и довело до крайности погоню заводов за дешевизною производства, умножив имитацию молебной иконы в виде фолежных изделий, бумажных листов, наклеиваемых на деревянные доски, и иные виды печатных изделий. Такой опыт машинного производства икон убеждает, что оно нисколько не исправляет существующих в русском иконописании недостатков и не придает нового художественного или духовного достоинства русской иконе. Напротив того, машинное производство поведет к быстрой утрате православного характера священных ликов, выработанных вековою работою русских иконописцев, так как мастера, призванные фабрикою для исполнения лика, воспроизводимого печатным способом, необходимо будут в угодую фабриканта, представителя базарных вкусов, стремиться к прикрасам, а в ликах к слащавости и миловидности, которые отличают печатные и литографские воспроизведения религиозных образов в католическом мире. Но когда машинное производство задавит живую среду народного иконописного мастерства, оставив от него только немногие мастерские, имеющие работать на любителей, оно обратит русскую иконопись, с ее обширным циклом ликов и сюжетов, в тесный торговый подбор ходовых икон, печатаемых массами на продажу. Таким образом, уничтожится православный обычай иметь, при желании, каждому икону своего святого. Когда же распространением машинных изделий будет уничтожена среда иконописцев, поныне разрабатывающая дело иконописания, то в самой иконописи отнимется сила дивного религиозного чувства и благочестия, дарующего даже неискусному образу высокий характер, влияющий на молебщика. Машинное исполнение унизит икону, поставит ее наряду и наравне с другими изделиями фирмы, производящей из крашеной жести коробки для ваксы. Поддельная икона вызовет неуважение к образу и нарушит вековые обычаи и предания греко-русской церкви. *Основываясь на таковом своем глубоком убеждении и исходя из основных положений Высочайше учрежденного комитета и Высочайшей воли, объявленной в указе Правительствующему Сенату, от 19 марта сего года. Комитет единогласно определил: обратиться к Святейшему Правительствующему Синоду с просьбою воспретить указом на будущее время всякое*

машинное производство печатных подражаний рукописной иконе, исполняемых на жести, дереве и т.п., разрешив лишь обращение в продаже гравюр и литографий в виде отдельных листков, не наклеиваемых на доску. Особенным распоряжением Святейшего Синода желательно объявить монастырям и духовным властям, в подтверждение православная обычая, что иконами храмовыми и моленными должны быть признаваемы только иконы, писанным рукою"...

Как бы в подтверждение этого замечательного и мотивированная *единогласного определения* Комитета, строго исполнявшая *Монаршую* волю, граф С.Д. Шереметев и профессор В.М. Васнецов представили названному учреждению свои записки. Граф С.Д. Шереметев сообщал, что в его поездку еще в 1901 году по монастырям даже *московской епархии*, как то Даниловском, Симоновом и Нопоспасском, он не нашел в них ни одной продажной писанной иконы, совершенно вытесненных машинными иконами. В этих монастырях с усмешкой говорили, что *писанных икон более не принято держать!* В Кремлевском Вознесенском монастыре оказались тоже лжеиконные продукты фирмы Жако. Граф наблюдал это же явление в монастырях: Ростовском Борисоглебском, в Лубенском Мгарском, в Софийском Киевском и Златоверхом Михайловском. в Печерской Лавре и др. и даже на Кавказе, куда тоже проникла машинная икона. «В Москве», – пишет граф, – «В.М. Васнецов с огорчением передавал мне, что его же произведет в снимках Жако и К° расходятся везде и продаются в самом Владимирском соборе в Киеве, помимо его и вне его согласия». «Не доказывает ли все это ненормальность современного положения вопроса и отсутствие решимости чистосердечно признать эту ненормальность!?... *В таком вопросе не может быть среднего мнения, не может быть недомолвок*» – заканчивает граф С.Д. Шереметев свою записку. Профессор В.М. Васнецов сообщал такое свое мнение: «Монастыри и иконные лавки и даже в храмах, что казалось бы даже и грешно, так как сам Спаситель изгонял торгующих из храма – везде и всюду в огромном количестве предлагаются православным печатные образа на меди, жести и бумаге, и *неопытному трудно избежать приобретения этих поддельных фальсификаций образов. Трудно бороться живому искусству с наплывом этих мертвых продуктов промышленности и спекуляции*, в основе которых – капитал и нажива!». В заключение В.М. Васнецов настаивал «*на повелении священно-церковнослужителей освящать для молитвы в храмах и домах образа только рукописные, без всяких исключений*».

Не смотря на присутствие 17 мая в заседании Комитета попечительства о русской иконописи всего вышеперечисленного личного его состава и не взирая на то, что комитет *единогласно* сделал уже нами приведенное определение, основанное на *глубоком убеждении всех*

господ членов, одним из них была написана статья, помещенная сначала в «Церковном Вестнике», а затем изданная отдельной книжкой, в которой по наложенному определению был высказан *диаметрально противоположный взгляд*. Такое необычное и странное, если не сказать более, раздвоение одноличного мнения: принадлежало профессору Н.В. Покровскому. Не станем вспоминать, какое впечатление произвело появление в свет этого мнения на сочленов Н.В. Покровского, но разберем его «исторические справки», художественные и практические взгляды, а также выводы, шедшие в разрез с постановлением комитета, в котором он участвовал с «глубоким убеждением». Просматривая внимательно эту его статью «К вопросу о мерах улучшения русского иконописания», мы видим, прежде всего, что Н.В. Покровский старается доказать, будто бы «воспроизведение священных изображений механическим способом – посредством печатания их на бумаге, полотне и *жести*, – получило свое начало уже *давно*». Положение это прежде всего совершенно неверное *в главной* его и существеннейшей для дела части. *На жести* печатать стали *очень недавно*, этот тип печатания появился не более, как двадцать лет назад, против чего в иконном деле и ополчились иконописцы, а по Монаршей воле комитет. Такими образом, исторически вопрос сводится только печатанию на полотне и бумаге.

Говорить о печатании на полотне не стоит, так как антиминосов народ не видит и соблазна от того, что они сделаны машиной, а не руками, произойти не могло и не может. Вопрос мог сводиться только к печатным священным изображениям на бумаге. Н.В. Покровский сообщал, что печатные «картинки», стали входить в обращение только с XVII века (значит совсем недавно), т.о. с начала упадка нашей иконографии, происшедшей главным образом от вторжения этих печатанных, *именно картинок* в наш религиозный обиход. Сам Н.В. Покровский указывает, что патриарх Иоаким в том же XVII веке, видя полную непригодность и непристойность бумажных немецких листов, воспретил употребление их в церквях и домах вместо икон. Подобные указы повторялись до 1761 г. и позднее того. Борьба духовной власти велась против «смехотворных» и неискусных гравюр. На стр. 14-й Н.В. Покровский высказывает резонное и в конце концов совершенно побивающее его резюме, умозаключение. По вопросу оценки, для случаев изъятия из обращения бумажных священных изображений, он говорит, что не было свыше указано никакого критерия: «даже не сделано ссылки на исконный критерий – подражание древним лучшим иконописным образцам, и это, быть может, потому, что *находили почему-либо неуместным сравнение иконы с гравюрой, или же потому, что чувство уважения к иконописной старине было в XVIII веке сильно поколеблено*». Выходит так: – или видели в гравюре, что безусловно верно, суррогат, не могущий дать даже мысли заменить рукописную икону, или представление о здоровом и исконном типе русской иконы стало уже

утрачиваться. Мы знаем, что истинно православному чужда мысль о замене печатным листком, молельной рукописной иконы, а с другой стороны нам ведомо, что, при небрежности к сохранению веками сложившихся церковных обычаев, для многих стаю все равно, чему бы ни молиться. Западное безразличие в этом отношении вторглось в православную Русь и породило, в среде шатких в почитании и хранении старины, разлагающий индифферентизм. Н.В. Покровский сам говорит, что «в решении вопроса о гравюре, как механического произведения, и не ставился ребром кардинальный вопрос – быть или не быть». Отсюда ясно, что «механическая» зараза завоевала не только массы темного люда, но и *допускалась* власть имущими. Разумеется, сам Н.В. Покровский признает потерю уважения к иконописной старине *нежелательной*. Но, несмотря на это, на странице 18 он приходит к неожиданному *«убеждению»*, что запрещение печатных икон *«доколе преждевременно»*. Это *«доколе преждевременно»* сделалось знаменитым выражением в решении вопросов на плохих и шатких доказательствах. В чем же гнилость подпорок, поддерживающих изумительное новое *«убеждение»* Н.В. Покровского?

Предпошлем разбору этих шатких доказательств и рассуждений Н.В. Покровского указание на его, вообще, давно выяснившуюся в художественном мире полную некомпетентность касательно вопросов искусства. Будучи замечательным энциклопедистом знатоком по церковной археологии, он совершенно невосприимчив к пониманию произведений художественного творчества, представляя собою как бы трубу архангела, через которую проходят слова Божии, но не оставляют в ней никакого следа. Например, невозможно сказать, что лучше: акварель. Фреска, масляная живопись или мозаика; а между тем Н.В. Покровский решает, что гравюра на дереве хуже гравюры на меди. Тут уж играет роль вкус судьи, а не действительность оценки способа воспроизведения. Может быть, Н.В. Покровскому приятнее и кажется лучшим тенор, чем бас, но никто не решится сказать, что один из этих голосов лучше другого. Г. профессор – решается и идет далее, говоря, что «икона, писанная от руки, гораздо выше иконы печатной: в первой *всегда* чувствуется незримое веяние жизни, духа, во второй все безжизненно, мертво и плоско».

Уже поэтому несомненно, что профессор археологии некомпетентен в вопросах искусства, так как совсем не всегда в рукописной иконе может чувствоваться *«жизнь и дух»*, тогда как *«с точки зрения идеальной»* (его выражение) печатная икона может быть не безжизненна, не мертва и не плоска. Но оставим художественную сторону вопроса, перейдем к подпоркам, поддерживающим *«доколе преждевременно»*. Главнейшей защитой бытия печатных икон Н.В. Покровский выставляет следующие положения. В решении вопроса о выборе между рукописными и печатными иконами он видит *«неодолимые практические затруднения»*.

Он спрашивает и отвечает: «если будут запрещены печатные изображения, то чем мы заменим их? Иконами, писанными от руки? Но, во-1-х, современный спрос на иконы *так велик*, что наличные иконописные силы *едва ли* в состоянии будут удовлетворить этому спросу в той мере, как желательно».

Устрашающая ценность этой боязни сводится к нулю: двадцать лет тому назад печатной иконы на жести не было и православные не ощущали недостатка в рукописных иконах на протяжении столетий. Неужели в последние 20 лет так возрос спрос на иконы, что приходится помогать производительности иконописцев машинами?

В действительности происходит совершенно обратное – спрос на иконы *уменьшается* под отрицательным давлением духа времени.

«Едва ли» – совершенно неосновательно и потому еще, что Комитет, в котором заседал и Н.В. Покровский высказал, что *«по его глубокому убеждению (стало быть и действительному мнению самого профессора), приведение в исполнение таковой меры (запрещение печатать и продавать иконы) не может вызвать ни экономического ущерба, ни недостатка икон в продаже»*. Таким образом, от «во-1-х» Н.В. Покровского ни остается ровно ничего и его заботы о народе значительно скромнее забот о благополучии фабрикантов печатных икон. «Во-2-х», – пишет тот же ученый, – «наличная действительность показывает, что некоторые иконы от руки, исполненные плохими ремесленниками и находящиеся в обращении на провинциальных рынках, а иногда достигающие и Петербурга, бывают хуже, чем хорошая олеография». Ссылаясь на вышеприведенное мнение Н.В. Покровского о безжизненности, мертвенности и плоскости всяких, печатных икон, даже с идеальной точки зрения, становится ясным, что нечего и беспокоиться о *некоторых* плохих рукописных иконах. Далее профессор сообщает о разнице в стоимости обоих типов икон, указывая на дешевизну печатных и дороговизну писанных икон и восклицает: «А кто будет в ответе, если разные штундисты, баптисты, духоборы, пашковцы, молокане и т.п. (имя им легион!) воспользуются этим налогом на иконы и будут усиленно приглашать православных в свою компанию, где нет излишних расходов на иконы?». Если бы так случилось, то в ответе должен быть Н.В. Покровский, как ученый, как представитель Св. Синода, в свое время *не заметивший* лавины фальсификаций, позорящей истинные православные святыни и не принявший мер против возмутительной *подделки* под иконы в *наклейке бумажных изображений на доски* – ведь этот продукт совсем *недавний*.

В статье Н.В. Покровского ловко скрыть им в начале пущенной фразой переход к апогею фальсификации иконы, что *на жести уже давно* печатают, иконы, а затем не указано значения разницы листа и его наклейки на доску, что весьма существенно в иконоборстве наших дней,

против *совершенно нового* типа подделки, не освященной хотя бы какою-либо существенной давностью.

Странно читать мнение Н.В. Покровского о сравнительной дешевизне икон печатных и придавание этому какого-либо значения, когда он же в комитете выразился согласно с постановлением, из которого нами уже были приведены строки, что иконы печатные *идут по цене настоящих рукописных икон*.

Шедевром защиты печатных икон является мнение Н.В. Покровского, где он советует отказаться от запрещения столь полезных машинных икон до тех пор, «когда хорошая иконопись в состоянии будет сама собою, без всяких внешних репрессалий, удалить всех механических конкурентов». Вспомним и сопоставим с этим взглядом мнение *действительно правдивое* и компетентное М.В. Васнецова, в котором он говорит: «трудно бороться живому искусству с наплывом мертвых продуктов промышленности и спекуляции, в основе которых – капитал и нажива»! Вспомним мнение *всех* членов Комитета, высказавшего, что в ближайшем будущем грозить уничтожение общего народного мастерства иконописания из-за конкуренции с машиной.

Для кого и ради чего профессор Н.В. Покровский обнародовал такое свое мнение, которое ничто иное, как явное противоречие здравому смыслу? Не принадлежит это мнение профессору Н.В. Покровскому, мы были бы уверены, что оно высказал со всеми приведенными гнилыми подпорками *участник* фирм Жако и Бонакера, Фесенко, Ракочий и К° и т.п.

«Доколе преждевременно» профессора Н.В. Покровского, создало первый удручающий по своим последствиям шаг к мерам *уничтожения* русского иконописания.

Судьба русского искусства многосторонне печальна. Наша высшая художественная инстанция – Академия Художеств совершенно не входит и не считает своим долгом входить в нужды художественных корпораций, хотя бы им грозила опасность быть стертыми с лица земли. Другого ведомства, которому была бы дорога та часть благосостояния государства, которая находится в прямой зависимости от роста искусства, – у нас нет. Частично, в последние годы, лишь министерство финансов обратило было внимание на желательность развития художественной промышленности и 10 июня 1902 года обнародовано было положение о нормальных художественно-промышленных учреждениях этого министерства. С этого момента особенно осязательно стала видима – официальная подчеркнутость деления искусства на «чисто» и «прикладное». То, что совершенно не может и не должно быть разделяемо официально, оказалось размежеванным. Путаница в понятиях о том, что должно относиться к «чистому» искусству и что к «прикладному», – увеличились во вред тому и другому. Ни Академия Художеств не желала входить в нужды иконописцев и русской иконописи –

как «нечистого» искусства, ни министерство финансов – как искусства, хотя и «прикладного», но якобы более подведомого Святейшему Синоду. Ни в уставе Академии ни в Положении о художественно-промышленных учреждениях ведомства министерства финансов с художественной инспекцией не имеется указаний (прямых) пещись о благосостоянии несомненно ценной и *продуктивнейшей отрасли русского искусства – иконографии*. Таким образом, *сто шестьдесят тысяч русских иконописцев* не имели до 1901 года по русскому законодательству нигде и ни в ком официального защитника или покровителя. В Академии до сих пор отсутствует даже кафедра иконографии, так что, не покровительствуя «чистой» религиозной живописи, ей ли было заботиться о той иконографии, которая еще до зачатия предназначалась продаже на рынках?! Нашим иконописцам пришлось причислить себя к *кустарям* и решиться попытать счастья в ходатайстве защиты против машинных икон также и перед министерством финансов. Это первое ходатайство иконописцев соль Владимирской губернии: Холуя, Мстеры к Палехи было направлено в 1898–1899 годах и в нем просили министерство о запрещении печатных иконных подделок, как *убивающих* производство рукописных икон, с просьбой помочь такому ходатайству в Святейшем Синоде.

Министерство, не рассмотрев просьбы по существу, сослалось на компетенцию Святейшего Синода. В таком рассмотрении вопроса или сказать почти в полном игнорировании ходатайства кустарей с отсылкой их лишь в другую инстанцию, *совершенно чуждую художественной компетенции*, сказалось мертвящее бюрократическое начало, не пожелавшее вникнуть даже в принципиальное обсуждение идейного и практического спора между *ста шестьюдесятью тысячами человек рабочих и двумя иностранцами – фальсификаторами народной святыни*.

Полутора-тысячная армия православных иконописцев в лице представителей Владимирского района ударила челом Святейшему Синоду. В этой инстанции им отказали. Мотивом отказа было *отсутствие* каких-либо канонических постановлений, *воспреещающих печатание священных изображений*. В такой мотивировке и в самом прошении десятков тысяч человек существовал один и тот же непростительно досадный пропуск – обмолвка или случайное обхождение молчанием того, что должно было составить идейную сущность ходатайства и *законного* предлога, не могшего привести к отказу. С началом наклейки печатных изображений *на доску*, или с печатанием на жести, прибиваемой *к доске*, было положено начало *подлога и фальсификации* веками освященного типа рукописной иконы на доске. Против *такого* новшества *и не могло быть*, – ранее приведенной челобитной, как всплеска негодования против прямого обмана нашего невежественного народа, – *какого бы то ни было канонического*

постановления. Представитель Св. Синода в Комитете, профессор Н.В. Покровский, в своей знаменитой, цитированной нами книге, дойдя на стр. 15-ой до новейших печатных всевозможных типов репродукций священных изображений, произносит, как бы вскользь, не придавая особого значения, фразу: «некоторые из них (предпринимателей печатников) *наклеивают* печатные бумажные листы *на доску* и таким образом *придают* им *вид настоящей иконы*». Бонакер и Жако в Москве печатают священные изображения на жести и прикрепляют эти жестяные листы к доскам, обтянутым двойным коленкором, *как настоящие иконы*». (Курсив наш). Слова Н.В. Покровского "*придают* им *вид настоящей иконы*" и "*как настоящие иконы*" – равносильно выражению – *ловко подделывают*. Что Н.В. Покровский проговорился именно в этом духе, видно из его же слов на страниц 18-й его книги: «не только для ⁹/₁₀ из простонародья, но и для многих интеллигентных людей различие иконы писанной от печатной – дело нелегкое"... Этими словами профессор Н.В. Покровский признает наличность фальсификации и обмана. Какое же «присутствие» канонических постановлений можно было отыскать о *новоявленном* подлоге приделывания печатного изображения к доске, чему нельзя насчитать и двух десятилетий и что выросло во зло, – поедающее *все* ручное производство? Мы подчеркиваем слово *все* потому, что на днях г. Фесенко сообщил нам о приготовленных им печатных *иконостасных* иконах. Очевидно, что при энергии Н.В. Покровского и игнорирования вопроса о *подделке и обмане народа* – иконописное письмо будет уничтожаться печатным хламом на досках. Иным эпитетом, как хлам, нельзя наградить печатные иконы сравнительно с рукописными яичными красками – так велика разница *прочности* фальсификации сравнительно с настоящей иконой. Отстаивание печатных икон, таким образом, есть еще и посягательство на народные деньги. *Безразличие к народным нуждам, игнорирование* веками упрочившихся традиций *иметь вековую, прочную, ручную икону* и предоставление меньшей братии произволу и обману продавца сказывается в следующих словах Н.В. Покровского: – «*В церковном употреблении несомненно должна быть настоящая, хорошая иконопись; сильных затруднений – здесь не было и нет. Для храма Божия всегда найдутся хорошие иконы, а гравюры, которые нам лично доводилось видеть даже в некоторых подгородных петербургских храмах, здесь не должны иметь места. Другое дело – частное, домашнее употребление икон*». Можно ли отнести с большим легкомыслием к народу, которому, следовательно, по мнению Н.В. Покровского, можно позволять всучивать *ненастоящие, дурные и нерукописные* иконы. В вопросах религии, мы полагали бы, непозволительно делать такие подразделения, а тем более профессору и члену Комитета *попечительства* о русской иконописи.

В своем ходатайстве иконописцы допустили некоторую ошибку, назвав Жако евреем. Св. Синод указал, на неправильность этого положения, сообщив, что Жако христианин...

Карелин

(Окончание следует).

**Герцен и наши дни // «Миссионерское Обозрение», 1906, № 5,
стр. 623–648**

I. «Прощай, отходящий мир! Прощай, Европа!»

«Святая почва Европы, – благословение ей, благословение!» (VI, 142).

Так писал в своем «Дневнике» Герцен в те годы, когда, в долгом и долго напрасном ожидании заграничного паспорта, он мечтает об Европе по книжкам, создавала великолепные легенды и красивые мифы о далеких волшебных мирах, где мысль свободна и сильна, где жизнь построена на праве и правде, где социализм идет вперед в сапогах скороходах и стоит уже на пороге своего осуществления, где прогресс на ковче-самолете несет все вперед и вперед счастливое человечество, где люди деятельны и энергичны и работают только ради общего блага.

Но в конце концов он получил этот заграничный паспорт, который унес все его мечты и надежды. Ему казалось постыдным не присутствовать на парижской революции 1848 г. Он отбросил счастливые впечатления прекрасной Италии и в тревожном энтузиазме помчался к всемирному очагу всемирной свободы.

Он видел и знал, – близко знал, – всех великих деятелей революции и демократической республики, знал их не только по книгам, но знал их по их речам и делам, знал, как людей своего круга, своих близких знакомых, со всеми их достоинствами и недостатками. От него эти властители дум и вожди человечества не могли спрятать своей мечтательности и беспочвенности под дырявым плащом бумажного периодического величия и громких, но бессодержательных фраз.

«Прощай отходящий мир!! Прощай Европа!» (V, 247) – с ужасом и отвращением кричал обманутый и разочарованный трубадур Европы, подводи итоги своих ярких и живых наблюдений, своего долгого и многостороннего опыта.

«Я пять лет не видал светлого лица, не слышал простого смеха, понимающего взгляда». (III, 263).

«Мудрено теперь сбить их (славянофилов) примером запада, когда достаточно одного нумера любой газеты, чтобы увидеть страшную болезнь, под которую ломится Европа. Отворачиваться от ее ран и поклоняться *не только* идеям, который она выработала и с которыми не может сладить ее современная жизнь, но и ей самой, – столько же невозможно, как уверить нас, что фанатически поврежденная умственная деятельность поклонников Будды или карпатских раскольников важнее и глубже всех вопросов, занимающих нас». (V, 391).

«Мир европейский в той форме, в которой он теперь существует, окончил свою карьеру. Но нам кажется, что ему следовало окончить ее торжественнее: если не без страданий и боли, то, по крайней мере, без стыда и унижения. Консерваторы, как вообще старые скупцы, боятся

только наследника и отдаляются от него. Их в ночное время задушат и ограбят воры и разбойники». (V, 313).

Недуги запада перебросились и к нам. И теперь, когда незаконные наследники «отходящего мира», подлинные воры и разбойники, в ночное время пришли душить и грабить, можно оценить это пророчество Герцена во всей его полноту и определенности.

«Не любит романский мир свободы: он любит только домогаться ет. Силы на *освобождение* он иногда находит, но на *свободу* – никогда». (III, 160).

И эти мы видим теперь своими глазами. Русские революционеры плагиаторы и рутинеры по шаблонам запада, на заре освобождения обнаруживают столько деспотизма и тирании, что давно уже набили рекорд злейших тиранов мира. Запад передал свое роковое наследство русским ренегатам, и общая болезнь вскрылась прежде всего среди младенчески доверчивого и наивного поколения подражателей и приспешников чужой мудрости.

«Когда я спорил в Москве с славянофилами (между 1842–1846 годами), мои воззрения в основах были те же. Но тогда я не знал запада, т.е. знал его книжно, теоретически – и еще больше любил его всею ненавистью к петербургским порядкам. Видя, как Франция смело ставит социальный вопрос, я предполагал, что она хоть отчасти разрешит его, – и от того был, как тогда называли, *западником*. Париж в один год отрезвил меня, – но за то этот год был 1848. Во имя тех же начал, во имя которых я спорил с славянофилами за запад, я стал спорить с ним самим.

«Обличая революцию, я вовсе не был обязан переходить на сторону ее врагов. Падение февральской республики не могло меня отбросить ни в католицизм, ни в консерватизм; оно меня снова привело *домой*.

«Стоя в стану побитых, я указывал им на народ, носящий в быте своем больше условий к экономическому перевороту, чем окончательно сложившиеся западные народы. Я указывал на народ, у которого нет тех нравственных препятствий, о которые разбивается в Европе всякая новая общественная мысль, а напротив есть *земля под ногами* и уверенность, что *она его*.

«И вот пятнадцать лет я проповедую это. Слова мои возбуждали смех и негодование, но я шел своей дорогой. Пришла крымская война, – смех сменился свистом, клеветой... Но я шел своей дорогой. По странной иронии мне пришлось на развалинах французской республики проповедовать на западе часть того, что в сороковых годах проповедовали в Москве Хомяков, Кириевские... и на что я возражал». (VI, 284).

II. Старая ложь

«По-видимому, ясно. Герцен сам, своими собственными словами формулирует мысль, которую он проповедовал пятнадцать лет, которую он сохранил до конца жизни, в которой заветное его убеждение. Он *был* западником и перестал им быть. Но влюбленные – по плохому портрету – и мало осведомленные его поклонники из лагеря западников никак не могут с этим примириться. Они хотят быть больше строгими Герценами, чем сам Герцен, т.е. последовательными западниками, каким Герцен не был.

Это особый вид партийного дальтонизма. Они не хотят видеть того, что у них перед глазами, и представляются слепыми. Чтобы сохранить свою младенческую веру в Герцена, они не верят Герцену, а верят его тенденциозным и невежественным комментаторам, которые создали из его осколков западного фетиша и поклонялись своей суеверной мечте, не считаясь с действительностью.

Свою познаю они защищали самыми террористическими средствами, предавая то либеральной, то радикальной, то просто нигилистической анафеме всякого, кто имел мужество говорить правду. Для этой цели сфабриковано много мнимо-литературных форм запугивания, шуллерства и скоморошества. Пользуясь умственным и теоретическим одичанием русской интеллигенции и так называемой «мыслящей России», давно утратившей способность и умение мыслить, литературные кондотьеры под угрозой отлучения заставляют читателей видеть то, чего на самом деле нет. И те, по силе смиренного и всестороннего невежества, – *видят*. Эта одна из многочисленных форм умственного упадка нашей ленивой и праздной, но деспотической в своем безграмотстве интеллигенции.

Но эти полемические и публицистические фокусы безнаказанно могли сходить с рук только тогда, когда Герцен был под спудом. Теперь, чтобы, с прежнею уверенностью продолжать эту нечистую игру и врать, нужно особое своеобразное мужество. Мы приводили подлинные слова Герцена, чтобы никаких недоразумений не было. Если в том, что вышло в свет за последнее время в русском издании Герцена, или в том, что было исключено цензурой, Герцен высказывал не эти, а другие, противоположные мысли, пусть их дословно приведут поклонники измышленного Герцена и только тогда будет возможен спор по документам, а не по сомнительным тенденциям партийной изворотливости. Но таких слов Герцена они никогда не приведут, потому что таких слов нет. Кроме того, решающим и последним доказательством в этом споре является то, что сущность подлинной «идеологии» Герцена заключается именно в этих выводах, что без них Герцен и не был бы Герценом, что именно в них все его права на самобытность и

оригинальность, что без них он бесследно потонул бы в безличном стаде многоименных, но всех на одно лицо русских западников.

Стройность и гармоничность воззрений Герцена с логической необходимостью требует именно этих выводов, а не каких-либо других, потому что только они соответствуют его посылкам.

Убедиться в этом – нетрудно.

III. Нищета современной идеологии

Почтальоны, которые перестали носить письма, кондуктора и смазчики, которые остановили железнодорожное движение, вооруженный и чуть не догола обнаженный пролетариат, адвокаты из судов и фармацевты из аптек, «сознательные» борцы за свободу из матросов и слезоточивые трусы из офицеров, даже члены союза союзов, даже члены державной и правящей рабочей организации, – знают ли они, за что они подняли красное знамя, за что они проливают кровь, – чужую, конечно, – чем они могли бы оправдать свой произвол и свое насилие?

Быть может, они слышали уличные и площадные девизы и усвоили их звуковой облик, не зная их содержания. Быть может, они слышали прихотливые сказки о реках молочных и берегах кисельных, которых так много в книжках и которых никогда не было в действительности, нет теперь и не будет никогда. Быть может, их соблазняет уличная кутерьма и убогая роскошь процесса с красными знаменами.

Людям, действительно обездоленным, достаточно самого ничтожного повода, чтобы глупо и грозно производить бестолковое движение,

если им будто бы «ученые» люди обещают журавля в небе. Они легкомысленны и легковверны, потому что опыт истории им совершенно неизвестен, а сулят им золотой век «господа», которых теперь в участок не тащат. Если рабочий, не перевирая иностранных названий, связно скажет два членораздельных слова, – и то из книжки, или с чужого голоса, – вся передовая пресса приходит в умиление от его непомерной идейности. Ведь и пресса наша в своей идейности и убежденности недалеко ушла от полуграмотного рабочего.

Нет нужды давать себе отчет в теоретических основаниях движения и многочисленному классу так называемым агитаторов и пропагандистов. Они бунтуют народ. В этом вся их цель и вся их философия. Они торгуют в розницу и в разнос тем товаром, который им сбывают в радикальных газетах и в передовых ежемесячниках.

Какой же товар они получают у этих оптовиков? Самый гнилой и самый залежалый. На почве нелепой теории о фатальном прогрессе и стихийной общественной эволюции им дают соблазнительный и произвольный вывод, будто бы законы исторического развития для всех народов одинаковы, и толкуют этот вывод с самым мальчишеским легкомыслием. На западе была конституция, значить и у нас должна быть конституция. Революция была, подавай ее и нам. Там забастовки, и у нас забастовки. И все это без понимания дела, на авось, с диким разгулом и свирепой непреклонностью.

Прогресса – знает, куда вести. Он ведет все вперед. И самое простое соображение никому не приходит в голову. «Идя без оглядки вперед, –

говорил Герцен, – можно затесаться, как Наполеон, в Москву и погибнуть, отступая от нее, не доходя даже до Березины» (V, 446). Наши Наполеоны не имеют маршрута и географической карты, идут вперед, но не знают, куда и зачем, в надежде, что прогресс, как и всякая кривая, вывезет.

Они не знают ни прошедшего, ни настоящего, но они удивительно знают будущее, потому что все будет точно так, как было на западе. Других доказательств нет и быть не может. В этом все верования и убеждения нашей интеллигенции. Кроме этого ничтожного и нищенского софизма, у нее ничего за душой нет. И когда кровь перестанет литься, когда первобытная одичалость животных страстей уляжется, когда люди поймут преступность и омерзительность своего бессмысленного движения и спросят у своих вожаков, во имя чего их завели в грязное и кровавое болото, – какой ответ дадут тупые властители смутных дум? Скажут ли они им, что это была только схоластическая полемика, защита академической диссертации, идейный эксперимент за счет револьверного мяса?... А на самом деле, это ведь так. Революция, прежде чем выйти на улицу, жила в идейном мозговом тумане доктринеров и мечтателей, которым страстно хотелось, чтобы все люди и народы были лицо в лицо и шаблон в шаблон.

Настоящий террор льет настоящую живую кровь: меньшинство путем кровавой бойни навязывает свою волю большинству. Но это меньшинство мыслью, творчеством и опытом – мертво, книжно и невежественно. Его убило убожество его идеологии. Пока люди далеких идеалов, непризнанные восстановители прав разума в пестрой сказке истории, не перестанут мешать другим людям жить по своему уму и по своей совести, революция не кончится, потому что в тиранической свободе меньшинства жить нельзя. Нынешняя революция, всегда книжная и отвлеченная, начинается с того момента, когда педанты и рутинеры начинают утверждать, что люди и народы всегда и во всем похожи друг на друга, что история постоянно и во всем повторяется, что неудержимая эволюция творила чудеса, меняя людей во мгновение ока в какую-то совершенно новую породу двуногих. А так как новой породы не является, то под ее флагом показывают на балаганных подмостках нравственные и умственные отбросы здорового человеческого общества.

IV. Идейный спорт

Герцен не только был бы, как он и был, но и остался бы, чего к счастью не случилось, западником, если бы он усвоил себе эту форму теоретического помешательства. Но он был слишком трезв и здоров, чтобы опьянеть на этой беспутной вакханалии.

«Путь человечества неизвестен», – писал он в январе 1843 г., писал в «Дневнике», т.е. в ту пору, когда так легко отдавался всем теориям и гипотезам, когда весь от головы и до пят был западником. Но эта мысль засела глубоко в его мозгу и осталась там до его смерти.

«Пути истории, пути природы от того так и кажутся нам неисповедимы, что они прокладываются без плана, ломают без жалости и пользуются всем по дороге, как настоящие мародеры». (VI, 311).

«Пути развития очень туги и непросты в природе, в истории: они употребляют страшное количество сил и форм. Нам это мало видно, потому что мы всегда находимся лицом к лицу с результатом, с выработавшимся, с успехом. Ряды неудачных форм были вызваны по дороге, жили не вполне (по сравнению с последующими) и заменялись другими, нам неизвестными. Они не были пожертвованы, потому что они жили для себя, но, отживши, передали свое наследие не детям, а чужим. Мамонты и ихтиозавры – слонам и крокодилам, Египет и Индия – Греции и Риму. Весьма может быть, что вся творческая способность западных народов истратилась, истощилась, создавая свой общественный идеал, свою науку, – стремясь к ним и осуществляя отдельные, односторонние фазы их со всею страстностью и увлечением борьбы, в которой оттого людям так легко умирать, что они на всяком шагу думают достигнуть *полного идеала своего*» (V, 332).

Это легкомысленная ошибка всех мечтательных оптимистов. На наших глазах начиналось столько новых эр и эпох, что мир будто бы за это время вертелся волчком и торопился тащить катаклизмами и катастрофами вечно юных педантов и доктринеров. Плох тот журналист, который на своем веку не отметил дюжины новых эпох. Все течет, все льется, все меняется, всюду новые формы и новые породы. Это, конечно, характерный признак самоуверенного невежества. Все ново для того, кто не знает старого. Для людей этого типа старое так же неинтересно и безразлично, как и настоящее. Они все в будущем, потому что мечтать и грезить гораздо легче, чем познавать и изучать. Таково постоянное свойство ленивого мышления.

Если мышление на протяжении века обнаружило такую легковесность и поверхностность, необходимо допустить, что оно надолго останется таким же и долго не изменит своей старой привычке. Нужны новые породы людей неистощенных и свежих, которые могли бы перестроить

всю систему познания и мышления. Кровь наших интеллигентных поколений так испорчена и истощена, что от них, не обнаруживших творческой способности на протяжении века, смешно было бы ждать личного опыта и личной наблюдательности. С наследственной привычкой жить чужим умом, они не носят в себе и не передадут потомству умения пользоваться своей головой для надобностей личной и общественной жизни. Их мозг парализован идейным рабством и только это рабство они могут передать потомству, кань свое наследство. Поэтому они не могут и не должны делать никакого живого дела и жизнь так или иначе устранить их с общественной арены, так как они здесь не только бесполезны, но по легкомыслию и легкомыслию прямо вредны.

Не здоровой молодостью, но бессильной, апатичной и застывшей в узком эгоизме старостью веет от этой закоснелой идеологии. Все пути испробованы и изжиты. Нового в мире нет ничего и никогда не будет. Шаблоны истории будут повторяться из века в век, из рода в род. Нет ничего нового под солнцем, как говорил ветхозаветный когелет.

Кто стал на эту дорогу, тот дряхл и немощен духом, как старец на краю могилы, хотя бы по годам и здоровью это был цветущий юноша. Он уже несет смерть в себе и для жизни не нужен. Его дело кончено. Он не поверит и жизни, когда она развернет перед ним пеструю и разнообразную картину своих типов, своих видов, своих явлений. Он наскоро наклеит старый ярлык на новое явление, хотя бы он к этому явлению совсем не подходил, и пройдет мимо. Только самое общее, самое формальное, т.е. безжизненное и бессодержательное в жизни ему по книжке чуть-чуть знакомо.

Его беда в том, что ничто другое его и не интересует. Он близорук, его кругозор тесен, он старец, покончивший счеты с жизнью и равнодушный по ее кипучей энергии. Ему кажется, что он все знает, когда знает два десятка отвлеченных терминов, чтобы ими, как пентаграммой, оградить себя от живых впечатлений и прожить всю жизнь в душной келье отшельника-мечтателя.

Ему кажется, что его не понимают. Но это только потому, что он никого и ничего не понимает. В минуты идейного исступления он выходит на площадь с бомбой и револьвером, чтобы отрицать и разрушать, – прямолинейный и ограниченный, как схоластик. И как же он сердится, когда ни бомба, ни револьвер ни к каким результатам не приводят! Кроме насилия, у него никаких средств нет, – кроме идейного произвола, нет никаких побуждений. Он разрушает, потому что ненавидит жизнь и людей, – ненавидит за то, что они не подходят к его педантической мерке. Он не ищет, потому что он все нашел.

У него нет пытливости, потому что он, как ему кажется, уже владеет всеведением. У него нет снисходительности и прощения, потому что он не видит и не хочет видеть живых людей, а живет в мире грез, и фантазий.

Поколение современных революционеров воспитано на книжках и доктрине. Теперь в их бессознательной и бессмысленной деятельности мы видим все характерные признаки их воспитания и их дикой идеологии. Никто не имеет права жить по-своему. Все должны жить по произвольной и случайной доктрине. Смерть тому, кто захочет строить свою жизнь по своему уму. Легкомысленная проповедь исторического монизма, т.е. того, что законы исторического развития для всех народов одинаковы, уже таила в себе семена идейной, т.е. самой бессмысленной и нелепой революции, предсказывала револьверы и бомбы, кровь и подлую забастовку.

Результаты революционного эксперимента можно предвидеть заранее. Педанты и доктринеры ошибались, потому что знали свои теории и не знали жизни. Новый строй жизни не падает с неба. Люди останутся людьми и под легкими переменами внешних форм сохраняют основной тип своей совести и своей мысли. Силою вещей дикие звери и хищники разойдутся по своим трущобам. Хулиганы не станут правителями и царями. Пролетарии станут на свои места, вынужденные всем строем общественной жизни отказаться от смешной мечтательности, от несбыточных утопий. Подлые люди так и сохраняют за собою Каиново клеймо подлости.

Никакой переоценки ценностей не произойдет. Плохой рабочей так и останется плохим рабочим и за плохой труд не получит баснословно огромной заработной платы. Дураки не станут и не будут признаны мудрецами, хотя бы они пролили моря крови. Вожаки революции с жиру бесятся, а когда придется поголодать и поработать, начнут бранить правительство за то, что оно допустило их до революции. Ведь наши революционеры без правительства жить не могут: надо же им кого-нибудь обвинять, кому-нибудь делать оппозицию. Русский революционер без правительства не мыслим и для него немислимо объявить себя правительством, потому что он неопытен, несведущ, не знает и не понимает дела и по привычке должен будет агитировать против самого себя.

Это идейный спорт, «беспощадный и бессмысленный», – более беспощадный и бессмысленный, чем пугачевский бунт.

Надо дивиться тому, что умные и почтенные люди не видели, что школы и университеты, газеты и журналы идейной убежденности проповедовали и проповедуют постоянную и непрерывную революцию. Единство законов исторического развития всех народов предполагает уже кровавую и бесконечную борьбу с русским народом, потому что он дома устроился по-своему. Для того, чтобы доказать эту теоретическую догадку, надо известить весь русский народ, начиная с черной сотни, духовенства, донских и другой казаков, лавочников и торговцев, ломовых и дворников, мясников и краснорядцев, Колупаевых и Разуваевых, и кончая самими

низшими слоями «темного и невежественного народа». И никого эта перспектива не пугает. Напротив, интеллигенция восторженно приветствует эту программу. Проповедуя истребление русского народа, она и не думает о возможности такого же решения со стороны населения, обреченного ими на упразднение.

Слабый и больной ум, отупевший и малоподвижный от постоянной праздности, ищет коротких путей, слишком общих формул и всю сложность истории хочет перевязать тонкой идейной ниточкой, чтобы носить ее, как казенный пакет, у себя под мышкой. Ему кажется, что дорога перед ним пряма и ровна, без сучка и задоринки и пройти ее можно даже в нетрезвом виде или в присядку.

V. Остановка прогресса

«При отсутствии плана и срока, аршина и часов, – говорил Герцен, – развитие в природе, в истории не то, что *не может* отклониться, но *должно* беспрестанно отклоняться, следуя всякому влиянию и в силу своей беспечной страдательности, происходящей от отсутствия определенных целей. В отдельном организме иногда отклонение дает себя знать болью и тут часто болью является слишком поздним предостережением. Сложные, сводные организмы сбиваются с своих диагоналей и уносятся по скатам, вовсе не замечая ни дороги, ни опасности, благодаря смене поколений. Возможность остановить отклонившееся, удержать набежавшее или догнать его очень мала и мало желается; желание предполагало бы всякий раз, сознание и цель» (V, 364).

Именно такое отклонение мы и видим в истории нашей интеллигенции за последний век. С половины XIX в. русские передовые умы занялись переоценкой ценностей, т.е. употребили все усилия подлое представить честным, злое добрым, глупое умным. Это «отклонение» завертывалось все круче, скользило вниз по скату пропасти, а вожди человечества говорили, что-это-то именно и есть прогресс, что каждый новый ущерб в скудном и без того запасе ума и совести – огромный шаг впереди по пути эволюции и теперь нестерпимая боль во всем общественном организме является результатом разложения мозга, отравленного винными и идейными парами, алкоголем и теорией. Каждое падение вниз торжественно провозглашается подъемом по лестнице эволюции и всякое загнивание – ростом то личности, то общества. Падение на дно считают движеньем вперед и выше и при общем идейном восторге справляется триумф крайней реакции и самого дремучего обскурантизма.

Прогресс – это щит, за которым скрывается всякая бездарность и всякое нравственное уродство, хищнические инстинкты черни и противоестественная порнография сластолюбивых мистиков, грубое невежество, прикрывающееся плащом мнимой науки, и безграничная алчность мародеров, расхищающих общее достояние под флагом общего блага.

В основе этого гнилого и затхлого мышления лежит то глупое предположение, будто все люди одинаковы, будто бы нет ни честных, ни подлых, ни умных, ни глупых, – нет устойчивости в добре и зле, устойчивости типов природы и истории. Все эти «массы», нули, создание стихийной эволюции, которая с ловкостью и быстротой шулера, меняет формы физической и общественной жизни, меняет всю поверхность вселенной и каждую секунду творит баснословные чудеса. По общему убеждению – стихийная общественная эволюция проворнее блохи,

быстрее и поворотливее юлы, переменчивее Протея. Она чуть не каждый день создает эры и полагает новые условия бытия и мышления.

А история движется медленно, и природа никуда не торопится.

«Там, где вид сложился, *история* почти прекращается, – по крайней мере, становится скромнее, развивается исподволь – в том роде, как и планета наша. Дозревши до известного порога охлаждения, она меняет свою кору понемногу: есть наводнения, нет всемирных потопов, есть землетрясения там сям, нет всеобщего переворота... Виды останавливаются, консолидируются на разных возможностях, – больше или меньше, в ту или другую сторону, односторонних. Они их удовлетворяют, перешагнуть их они почти не могут, а если б перешагнули, то в смысле той же односторонности. Моллюск не домогается сделаться раком, рак – форелью, Голландия – Швецией... Если б можно было предположить животные идеалы, то идеал рака был бы тоже рак, но с более совершенным организмом. Чем ближе страна к своему окончательному состоянию, тем больше она считает себя средоточием просвещения и всех совершенств, как Китай, стоящий без соперников, как Англия и Франция, не сомневающаяся в своем антагонизме, в своем соревновании, в своей взаимной ненависти, что они передовые страны мира. Пока одни успокаиваются на достигнутом, развитие совершается в не сложившихся видах возле, около *готового*, совершившего свой цикл вида». (V, 372).

Можно подумать, что это говорит не Герцен, а Н.Я. Данилевский. Так близка их мысль даже по внешней форме. Очевидно, что наследственный и преемственный прогресс самых различных народов по одной линии, – этот чудовищный угорь зарапортовывавшейся софистики, – не придушил живой и свежей мысли Герцена и не сделал его жалким рабом стихийности, т.е. бессознательности и безответственности.

VI. Идейная лесть толпе

Забавен и поучителен тот повод, который побудил Герцена высказать эти азбучные и простые истины об устойчивости типов истории и природы, – истины, убедительные и доступные даже для детского понимания, но давно забытые передовыми умами.

К нему зашел один из тогдашни Милюковых и обрушился на него всею тяжестью идейной декламации.

– Вы с большою чуткостью, – говорил он, – производите диагнозу современного человека, да только, разобравши все признаки хронической болезни, вы говорите, что все это произошло от того, что пациенты – француз или немец. А те, дома у нас и в самом деле воображают, что у них-то и молодость, и будущность. Все, что нам дорого в предании, в цивилизации, в истории западных народов, вы вырезываете без оглядок, без жалости, выставляя наружу страшные язвы. И тут вы в вашей прозекторской роли. Но валандаться вечно с трупами вам надоело. И вот вы, отрекшись от всех идеалов в мире, сотворяете себе новый кумир, – не золотого тельца, а бараний тулуп – да и давай ему поклоняться и славословить его: «абсолютный тулуп, тулуп будущности, тулуп общинный, социальный»! Вы, который сделали себе из скептицизма должность и занятие, ждете от народа, ничего не сделавшего, всякую благодать, новизну и оригинальность будущих общественных форм, – и в ультра-фанатическом экстазе затыкаете уши, зажимаете глаза, чтобы не видеть, что ваш бог в грубом безобразии не уступает любому японскому кумиру, у которого живот в три яруса, нос расплюснуть до скул и усы сардинского короля. Вам, что ни говори, как ни приводи факты, вы «в восторге некоем пламенном» толкуете о весенней свежести, о благодатных бурях, о много обещающих радугах, восходах! Чему же дивиться, что наша молодежь, упившись вашей не перебродившей социально-славянофильской брагой, бродит потом, отуманенная и хмельная, пока себе сломит шею или разобьет нос об действительную действительность вашу. Разумеется, что их, как вас, протрезвить трудно: история, филология, статистика, неотразимые факты вам! обоим ни по чем.

– Позвольте, однако и я в свою очередь скажу: надобно знать меру. Какие же это несомненные факты?

– Бездна.

– Например!?

– Например, факт, что мы, русские, принадлежим и по языку, и по породе к европейской семье, *genus europeum*, и, следовательно, *по самым неизменным законам физиологии должны идти по той же дороге*. Я не слыхал еще об утке, которая, принадлежа к породе уток, дышала бы жабрами...

– Представьте себе, что и я не слыхал!"... (V, 401).

«Я ненавижу, особенно после бед 1848 г., – говорил Герцен в другом месте, – демагогическую лесть толпе. Но аристократическую клевету на народ ненавижу еще больше». (II, 24–25).

Нашим Милюковым никак не уйти с честью из этого Кандинского ущелья. В мирное время они не находят достаточно оскорбительных слов для «темного и невежественного» народа, во имя своей мнимой культурности всячески бранят и поносят его. В немирное время они ползают перед ним на брюхе и «вооруженный народ» становится их фетишом, их последнею надеждою, самым грозным и величавым из их девизов. На самом деле, конечно, и в том и другом случае дон-Кихоты научности и революции в обоих случаях имеют дело с ветряными мельницами и в имени народа воплощают свои домотканые бредни.

«Ученый друг мой, – говорит Герцен про своего софиста-собеседника, – приходивший возмущать покой моей берлоги, принимает за *несомненный факт*, за *несомненный физиологический закон*, что, если *русские* принадлежать к европейской семье, им предстоят та же дорога и то же развитие, которое совершено романо-германскими народами. Но в своде физиологических законов такого § не имеется» (V, 402).

Такт из мечтательного невежества создается современная научность! Свои случайные мечты разные Милюковы выдают за последнее слово науки и «мыслящая Россия», с наукою незнакомая, верит им на слово.

VII. Ответственность в истории

Клиническая картина современного мышления дополняется мечтательным суеверием о всемогуществе стихийного общественного процесса и о полном бессилии личности. Может быть, именно из этого потаенного сознания о ничтожестве личности, выброшенной из жизни к плавающей в идейном эфире «без руля и без ветрил», и вызван этот вид холопского идолопоклонства. Обособленная личность не знает, что надо делать и куда идти, поэтому не сознает ответственности за свою прихотливую блажь, чувствует себя «самодержавной» для всякой порочности и всякого преступления и поэтому в общественной жизни требует для себя амнистии, возлагая ответственность за себя на среду, ход событий и эволюцию. Если судить по идеологии, люди еще никогда не были так ничтожны, так плутоваты и трусливы, так ленивы и лукавы, как в наши дни.

«Чем кончилось польское восстание, невозможное по несоразмерности сил?

«Каково теперь на совести тех, которые подталкивали поляков?

«На это говорят наши противники с каким-то философским фатализмом:

«Избрание путей истории не в личной власти; не события зависят от лиц, а лица от событий. Мы только мнимо заправляем движением, но в сущности плывем, куда волна несет, не зная, до чего доплывем».

«Пути вовсе не неизменимы. Напротив, они-то и изменяются с обстоятельствами, с пониманием, с личной энергией. Личность создается средой и событиями, но и события осуществляются личностями и носят на себе их печать: тут взаимодействие. Быть страдательным орудием каких-то независимых от нас сил нам не по росту. Чтобы стать слепым орудием судеб, бичом, палачом Божиим, надобно наивную веру, простоту неведения, дикий фанатизм и своего рода младенчество мысли. Честно мы не можем брать на себя ни роль Аттилы, ни даже роль Антона Петрова. Принимая их, мы должны будем обманывать других или самих себя. За эту ложь нам придется отвечать перед своею совестью и перед судом близких нам по духу». (V, 449–450).

Аттила не боялся ответственности за свои разбойничьи подвиги. Он чувствовал себя достаточно сильным, чтобы сшить себя выше всякой ответственности. Но Аттилы ваших дней – жалкие трусы. Чтобы не подвергнуться ответственности, они кричат, будто бы пакостят и бесчинствуют для блага человечества. Если возьмет верх противная партия, они не будут каяться даже в теоретической ошибке: в жизни и в истории все стихийно, т.е. все глупо и при универсальной глупости личностей никто за свою собственную глупость не ответчик. Там, где за

все ответственность несут на себе среда и эволюция, нет целей в жизни, нет смысла в деятельности, нет совести в сердце, нет ума в засохшем мозгу.

VIII. Разбитые надежды

Это мертвое механическое мышление, эта истощенность анемичного мозга, эта ограниченность понимания – могут и должны возбуждать самый тревожные опасения для будущего. Все передовые умы полны мечтами о счастье, но все счастье у них сводится только к сытости. Дальше их фантазия не идет. В грезах об этом «золотом веке» интеллигенция живет от колыбели до могилы.

«Часть образованного мира страдает стародавешескою тоской – о счастье, которое она не утратила, а вовсе не имела. И вместо того, чтобы твердо решиться на вдовство без замужества, хнычет о том, что *идеал* молодых лет не похитил, не увез ее... Что делал? Не увез, – а теперь поздно...

«Люди досадают за то, что у них нет крыльев, и от этого не заботятся об обуви. Тягость европейской жизни в наиболее развитых слоях в прямой зависимости от ее ложного положения между несбыточными мечтами и пренебрежением того, что есть». (V, 391).

«Мудрено ли после этого, что мы не умеем уладить ни внутреннего, ни внешнего быта, лишнее требуем, лишнее жертвуем, пренебрегаем возможным и негодуем на то, что невозможное нами пренебрегает: возмущаемся против естественных форма жизни и покоряемся произвольному вздору». (V, 177).

Жизнь, которую передовые умы называют жизнью, только призрачное существование, невеселый монотонный досуг людей сытых и праздных, платонически порыв импотентов. А реальная жизнь – вне круга их наблюдения, вне их контроля, вне их влияния. Они, как им кажется, ушли слишком высоко, так высоко, что дальше и дороги нет.

«Фанатические верования в осуществимость гармоническая порядка, общая блаженства, в осуществимость истины, *потому что она истина*, это отрешение от всего частного, личного, эта преданность, переживающая все испытания, все удары, – это-то и есть *вершина*. Гора окончена. Выше, дальше – холодный воздух, мгла, ничего. Опять спускаться? Отчего нельзя продолжать? Отчего Монблан не стоит на Чимборазо и Гималай не продолжает их? Какова бы была гора»? (V, 369–370).

Как бы ни была высока эта гора, но на ней тесно и холодно. С нее надо спускаться: ни климат, ни флора, ни фауна не соответствуют организму жителя долин. Эта гора – только мгновение; только случайный подъем. Ночевать на ней нельзя. *Надо* спускаться и, спускаясь, крепко подумать, истина ли то, что считалось за истину и разум ли то, что привело нас к этой туманной и никому не нужной истине. При свете этого

вопроса горный туман пропадает. Горы – для туриста, а не для поля или пастбища.

«Тому, но прозрел эту европейскую Майю, которая гораздо прозрачно и бестелеснее великой Майи индусов, скучно и сиротливо живет на свете. Бессилие того, что привыкли называть умом, наукой, прогрессом, цивилизацией, искусственность и вымученность модной идейной декламации, нелепость риторического пафоса, дешевая гниль напускного негодования, детская наивность глупого восторга, шаблоны проклятий и благословений – весь пестрый маскарад идейного балагана – перед строгим испытующим взором обнажает все свое духовное ничтожество, свою рыночную продажность, свое уличное фокусничество.

«Мне же особенно посчастливилось, – говорит Герцен, – Место в анатомическом театре досталось славное и возле самой клиники. Не стоило смотреть в атлас, ходить на лекции парламентской терапии и метафизической патологии: болезнь, смерть и разложение совершались перед глазами».

«Десять лет!

«Быль досуг всмотреться в эту жизнь, – в то, что делалось вокруг. Но мое мнение не изменилось с тех пор, как в сорок восьмом году я осмелился, еще с некоторым ужасом, разобрать на лбу этих людей цicerоновское *vixerunt*!

«С каждым днем я бьюсь более и более об непонимание этих людей, об их равнодушие ко всем интересам, ко всем истинам, об легкомысленную ветряность их старого ума, об невозможность растолковать им, что рутина не есть запелляционный критериум, и привычка – не доказательство. Иногда я приостанавливаюсь. Мне кажется, что лучшее время пришло. Я стараюсь быть непоследовательным: мне кажется, например, будто стесненное слово во Франции вырастает в мысль... Я жду, надеюсь... Бывает же иногда и исключение! Будто что-то брезжит... Нет, ничего!» (V, 366).

IX. Вера в Россию

Но в этой беспроглядной ночи вдруг загорелся новый свет, совсем неожиданный и даже невидимый для каждого настоящего западника. *Lux ex oriente!* В безрадостном и безутешном пессимизме, к которому привел Герцена трезвый и строгий анализ холодной интеллигенции с ее мечтами и теориями, пробилась брешь. В сознание вместо книжной пыли проникла живая, непочатая сила с иным кругом понятий, с иною совестью, с другим складом жизни. Нашлось что-то такое, что спасло Герцена, как от барского эпикуреизма, так и от идейного омертвления мозга.

Была минута, когда ему было очень тяжело, когда он боялся за свою последнюю крепкую веру.

«Где революция? Где Грановский?... Осталась еще вера в Россию. Неужели и от нее придется отвыкать?» (II, 394).

Но эта вера не изменила Герцену. От нее отвыкать не пришлось.

«Начавши с крика радости при переезде через границу, я окончил моим духовным возвращением на родину.

«Вера в Россию спасла меня на краю нравственной гибели». (V, 2).

Как же родина могла сделать то, чего не могли сделать чужие края?

«Условия, свойства русской жизни, русского бытия – иные, оригинальные, *свои*. Этого ни признать, ни исследовать никто ни хочет. Особенность же его ставится ему в преступление на том основании, на котором француз не может простить англичанину, что он обедает без салфетки, а англичанин француз, что он носит бороду. Западная цивилизация срезывается на своем первом следственном допрос своей собственной нетерпимостью и остается при одном негодовании». (VI, 221).

«Пусть узнают европейцы своего соседа. Они его только боятся. Надо им знать, чего они боятся.

«До сих пор мы были непростительно скромны и, сознавая свое тяжкое положение бесправия, забывали все хорошее, полное надежды и развития, что представляет наша народная жизнь. Мы дождались немца для того, чтобы рекомендоваться Европе. Не стыдно ли?

«Успею ли я что сделать?... Но знаю, – надеюсь». (V, 173).

Немец, рекомендовавший нас Европе, это, конечно, Гакстгаузен.

«Народ русский, широко раскинувшийся между Европой и Азией, принадлежащий каким-то двоюродным братом к общей семье народов европейских, – не принимал, почти никакого участия в семейной хронике запада. Сложившийся туго и поздно, он должен внести или свою неспособность к развитию, или развить что-нибудь свое под влиянием былого и заимствованного, соседнего примера и угла отражения». (V, 403).

«Русский народ, милостивый государь, жив, здоров и даже не стар: напротив того, очень молод, – писал Герцен И. Мишле («Русский народ и социализм»). – Умирают люди и в молодости. Это бывает. Но это ненормально». (V, 203).

И это совсем неожиданно? В прославленном западник! вы но предполагали чистокровного славянофила? В его посылках вы не замечали необходимых выводов? Вам трудно связать начала с концами? От вас ускользнули промежуточные звенья в стальной цепи логических заключений? Вы еще не верите глазам и хотите проверить последние станции пройденной дороги?

Что же? Можно будет сделать и это для школьной наглядности, для тех умов, которые ощупью бродят по дороге выводов.

Х. Повторять ли Европу?

Что же скрывало и скрывает от запада и западников важный и огромный факт яркой самобытности русского народа?

«Это одна из старческих ошибок западных народов. Они думают, что имеют монополю исторического бытия и единоспасающую форму образования. Все самобытное и независимое кажется им варварским и крамольным. Все новое обижает их, как нелепость. К тому же они до такой степени привыкли думать и рассуждать по своим шаблонам, что они не понимают ничего, не подходящего под них. В той *неспособности* славян, в которой немцы видят низшую, недоразвившуюся до *них* натуру, мы видим залог *нашего будущего развития*!» (VI, 240).

А это главный козырь в азартной игре интеллигенции. Вне Европы нет общественной жизни, нет разума, нет совести. Творчество – истощено до тла. Единственная задача человечества – тащиться по кровавым следам хищного запада и подражать ему во всем.

Но это сон идейного невежества. Когда факты дадут себя знать и теории упадут, ненависть и месть народа дадут понять интеллигенции, что она ошиблась, что она спала, выпустив из рук компас разума и совести.

«Как бы то ни было, но теперь вопрос собственно вот в чем: имея западную фасаду и формы без лучшей стороны содержания, что нам придется, – разбить ли чужие формы или усвоить чужое содержание?

«То, что в Европе есть общечеловеческое, – т.е. наука и больше ничего, – само собою принадлежит всем, как воздух, принадлежит, каждому, имеющему легкие. Стало быть, речь не о науке, а о том, могут ли другие результаты западного развития усвоиться нами, не мешая нашему собственному росту или мы разовьем какие-либо иные исторические элементы?» (VI, 318).

«Серьезный вопрос не в том, которое состояние лучше и выше, – европейское, уравновешенное, правильное, или наше хаотическое, где только одни рамы как-то сколочены, а содержание вяло бродит или дремлет в каком-то допотопном растворе, в котором едва сделано различие света и тьмы, добра и зла. Тут не может быть двух решений.

«Остановиться на этом хаосе мы не можем. Это тоже ясно. Но для того, чтобы *сознательно* выйти из него, нам предстоит другой вопрос для разрешения: есть ли путь европейского развития единый возможный, необходимый, так что каждому народу, где бы он ни жил, какие бы antecedенты ни имел, должно пройти им как младенцу прорезыванием зубов, срастанием черепных костей и проч.? Или оно самобытный случай развития, имеющий в себе общечеловеческую канву, которая сложилась и образовалась под влияниями частными, индивидуальными, вследствие известных событий, при известных элементах, при известных помехах и

отклонениях? И в таком случае не странно ли нам повторять теперь всю длинную метаморфозу западной истории, *зная вперед le secret de la comédie*, т.е. что со всем этим развитием рано или поздно нас так же причалит к той меже, перед которой вся Европа свернула паруса и, испугавшись, гребет назад"... (VI, 274).

После освобождения крестьян от крепостной зависимости и мы, и Европа совсем не те. И мы, и Европа стоим у какого-то предела. И мы, и она коснулись черт, которой оканчивается том истории.

«Тогда западные люди еще не знали своей границы. Они свой быт высокомерно принимали за идеал всех народов. Они соглашались, что в нем надобно кое-что почистить, но в фонде никто не сомневался"...

«Тогда, униженные, забытые, и мы верили в западный быт и мы – тянулись к нему.

«Теперь – запад пошатнулся. Мы вышли из оцепенения. Мы рвемся куда-то, он стремится удержаться на месте. Черта, до которой мы дошли, значит, что мы кончили ученическое подражание, что нам следует из Петровской школы становиться на свои ноги и не твердить больше чужих задов. В идее, в меньшинстве мыслящих людей, в литературе, в казематах, – мы прожили западную историю, и будто теперь нам надобно ее повторять оптом». (VI, 274).

Давно это было сказано. Много воды утекло с тех пор. Но не впрок пошло мудрое и верное предсказание Герцена. Петры Великие не переводились среди идейных дикарей. Теперь они разошлись во всю, работают бомбами и дубинами и хотят повторить всю историю запада от начала до конца. Надо надеяться, что это последний опыт палачей и фанатиков. Жизнь не примет их теорий и, как злокачественную грязь, выбросит их утопии. В бессильном гневе им придется сознаться, что ни фанатизм, ни тирания не могут повернуть жизнь по указке младенческой безграмотности. Когда рабочие начинают руководить интеллигенцией, это прежде всего свидетельствует о первобытном невежестве интеллигенции.

«Что европейские гражданские формы были несравненно выше не только старинных русских, но и теперешних, – в этом нет сомнения. И вопрос не в том, догнали ли мы запад или нет, а в том, следует ли его догонять по длинному шоссе его, когда мы можем пуститься в объезд. Нам кажется, что, пройдя западной дрессировкой, подкованные ей, мы можем стать на свои ноги и вместо того, чтобы твердить чужие зады и прилаживать стоптанные сапоги, – нам следует подумать, нет ли в народном быту, в народном характере нашем, в нашей мысли, в нашем художестве чего-нибудь такого, что может иметь притязание на устройство, несравненно высшее западного. Хорошие ученики часто переводятся через класс». (VI, 260–261).

XI. Запад и славянство

«Неужели вы в самом деле не видите, в чем дело? Исторические формы западной жизни – в одно и то же время будучи *несравнимо-выше* политического устройства России, не соответствуют больше современной нужде, современному пониманию. Это понимание развилось на западе, но с той минуты, как оно было создано и высказано, оно сделалось общечеловеческим достоянием всех понимающих. Запад носить в себе зародыш, но желает продолжать свою прежнюю жизнь и делать все, чтобы произвести аборт. Кто из них останется жив – мать ли, ребенок ли, или как они примирятся, – этого мы не знаем. Но что мать представляет больше воспоминаний, а зародыш больше надежд, в этом нет сомнения.

«В виду этой борьбы возникает страна, имеющая только маску, и то прескверную, западной гражданской жизни, только ее фасад, и народный быт, неразвитый, полудиккий, но нисколько не похожий на народный быт европейских народов. Он в своей массе так же мало может идти, как Европа в своей коже. Что же ему делать? Следует ли ему пройти всеми фазами западной жизни для того, чтобы дойти в поте лица, с подгибающимися коленями, через реки крови – до того же выхода, до той же идеи будущего устройства невозможности современных форм, до которых дошла Европа? И при том зная вперед, что все это *не в самом деле*, а только для какого-то искуса. Да разве вы не видите, что это безумно? Довольно, что мы постоянно играем в маневры и представляет мирную борьбу. Зачем же еще представлять прошлую историю цивилизации?

«А потому существенный вопрос в том, – как относится ныне народный быт не к обмирающим формам Европы, а к тому новому идеалу ее будущности, перед которым она побледнела, как перед головой Медузы». (VI, 278–279).

В этом освещении Герцен ставит вопрос и о славянском мире вообще.

«Чего домогается этот *немой мир*, проживший в постоянном *a parte*, не раскрывая рта, целый ряд столетий, со времени переселения народов, до наших времен.

«Мир странный, не имеющий почти ничего общего ни с Европой, ни с Азией.

«Европа занята крестовыми походами. Славяне сидят спокойно дома.

«Европа развивает феодальную систему, строит большие города, составляет законодательства, основанные на римском праве, и на германских обычаях; Европа становится последовательно протестантской, либеральной, парламентской, революционной. Славяне не имеют ни больших городов, ни аристократического дворянства; они не понимают римского права, не знают различия между крестьянином и горожанином;

они предпочитают жизнь сельскую и сохраняют патриархальные и демократические учреждения, – свою сельскую общину и вече.

«Час этих народов еще не пробил. Они век в ожидании чего-то. Их теперешнее *status quo* какое-то предварительное состояние. Так, по крайней мере, кажется». (V, 305–306).

«Я не фаталист и ни в какие предопределения не верю, ни даже в пресловутое «совершенствование человечества». Природа и история плетутся себе со дня на день и во веки веков, сбиваясь с дороги, прокладывая новые, попадая на старые, удивляя то быстротой, то медленностью, то умом, то глупостью, толкаясь всюду, но идя только туда, где ворота отперты. Говоря о возможном развитии, я не говорю о его *неминуемой необходимости*. Что из возможного осуществится, что нет, – я не знаю, потому что в жизни народов очень много зависит от лиц и воли. Я чую сердцем и умом, что история толкается именно в наши ворота. Если мы бессильны их отворить, а сильные не хотят или не умеют, дальнейшее развитие прошедшего найдет более способные органы в Америке, в Австралии, где гражданственность складывается совсем на иной лад. Может, и сама Европа переработается, встанет, возьмет одр свой и пойдет по святой земле, под которой лежит столько мучеников и на которую пало столько поту и столько слез. Может быть!» (V, 338).

«О странном и независимом положении русского относительно Европы, этого *своего и чужого*, мы говорили много раз. Мысль запада легко усвоится нами. У нас нет азиатского отворачивания от науки. Исторический быт его для нас необязателен. Для нас все это один костюм. Сверх того, на западе мы были знакомы с одним образованным слоем. Отделенные от своего народа, мы и с ним потеряли связь. Его *незападный* быт был непонятен нам, да и не интересовал нас. Может быть, запад коснулся вопросов, несовместных с его государственными формами, и на первый случай срезался. И мы вспомнили тут особенно ярко, что под внешними западными формами русского государства, сохранился какой-то *иной* народный быт, основанный на *ином понятии* об отношении человека к земле и к ближнему" (VI, 314).

«К земле и к ближнему"... Важно и то, и другое. Отношения к ближнему, конечно, еще важнее отношений к земле, хотя они неразрывно связаны между собою. Но Герцен, смотревший на русскую деревню из дали европейских столиц, лучше видел внешнюю сторону мужицкого уклада, т.е. его отношения к земле, а не дух жизни, проявляющийся в отношениях к ближним. Тут, конечно, серьезной помехой был дух материализма и эпикурейский склад мышления, от которого Герцен никогда не мог освободиться. В этом объяснение неполноты и недосказанности его конечных выводов.

Н.М. Соколов

(Продолжение следует).

**К вопросу о смертной казни // «Миссионерское Обозрение»,
1906, № 5, стр. 649–669**

(По поводу суждений о ней в периодической печати)

«Царствие Божие внутрь вас есть»

Тревожные события нашего времени снова с особенною силою выдвинули вопрос о смертной казни. На него горячо откликнулась наша пресса. В ней раздались голоса православных пастырей, юристов и прочих лиц. Одни высказались за смертную казнь, применяемую в крайних случаях. Другие негодуяюще протестовали против смертной казни и называли сторонников ее «палачами» и «убийцами»!... Очевидно, «Юпитеры», потеряв душевное равновесие, забыли, что вопрос о смертной казни имеет свою вековую историю; что он является своего рода «Гордиевым узлом», которого нельзя рассечь одним взмахом пера; что положительно решали его Кант, Гегель, Сталь, Тренделенбург и другие философы и мыслители.

Нас в данном случае интересуют собственно суждения православных пастырей, высказавшихся в прессе против смертной казни. Что касается других лиц, преимущественно юристов, то о них мы скажем коротко.

В своем отрицании смертной казни эти лица исходят из ложных воззрений на сущность права. По установившемуся мнению, под правом разумеется организованная защита отношений граждан в данном государстве.²⁹³ Там, где такая защита признана, «сила перестает быть правом, а право становится силою».²⁹⁴ Сила права заключается в том, что оно в своем сохранении и осуществлении опирается на могущественную государственную власть и является воплощением идей правды и справедливости. Правде присуща идея возмездия. И право по сему требует наказания. Так что право проявляется или в форме исполнения, или в форме возмездия. В последнем случае власть, призванная осуществлять и охранять право, выступает «отмстителем в наказание делающему злое» (Рим.13:4). Этим путем право восстанавливает и подтверждает за собою «всеобщее признание» (Гегель), наглядно доказывает, что «нравственный порядок господствует» (Сталь). Наказание является собственно необходимою реакцией права против его нарушителей. Степень реакции зависит от силы нарушения. Отсюда с неумолимою логикою вытекает пропорциональность отношений между преступлением и наказанием. Это требуется природою права, коренящеюся в нем идеей справедливости. За абсолютное преступление – убийство должно быть и абсолютное возмездие – смертная казнь преступника... И законодательство, налагающее за убийство не смертную казнь, а только ограничение свободы, не соблюло бы закона, охраняющего жизнь, во всей его святости: следовательно, оно далеко не было бы

человечным, напротив того, оно отреклось бы от уважения к человеческой жизни, было бы несправедливым законодательством (Сталь). Нет никакой соразмерности между жизнью, как бы она ни была горька, и смертью, и так как жизнь обнимает все существование, то и наказание за нее не может заключаться ни в каком ином возмездии, как только опять в лишении жизни (Кант и «Philos. des Rechts» Гегеля). Правда, в большинстве случаев нужно ограничить смертную казнь; но если упразднить ее законом, то за преступником будет признано право на жизнь, которого он не имеет, отчего произойдет путаница в понятиях о праве, основывающихся на пропорциональности отношений (Тренделенбург). И если, по мягкому выражению Иеринга, из двух заповедей: «не делай беззакония» и «не терпи беззакония», – в практической жизни более важна вторая заповедь, менее – первая, то наряду с второю заповедью можно поставить заповедь: «наказывай соответственно преступлению»!...

Между тем, под влиянием гуманизма и зародившихся в Италии в 60-х годах прошлого столетия, в золотой век естественных наук, идей криминальной антропологии в науке уголовного права произошел переворот. Центр тяжести с преступления был перенесен на преступника. Со всею силою был выдвинут вопрос: что же такое преступник? И хотя этот вопрос доселе не разрешен, но под его влиянием образовался в науке, новый взгляд на наказание, как *на средство исправления преступника*. Понятно, что этим взглядом в корне подрывалось основное требование права, чтобы наказание соответствовало преступлению. Высшим преступлением считалось лишение жизни. Но оно уже не могло влечь за собою и высшее наказание – смерть преступника. Жизнь последнего была неприкосновенна и подлежала только исправлению. Отсюда шло отрицание смертной казни. Таким образом, общественное благо, охраняемое и олицетворяемое правом, приносилось в жертву благу «преступного человека». Возвращался старый порядок, где «сила была правом», потому что общество, не находя организованной защиты своей безопасности, – защиты от убийц в праве, – вынуждалось к самоохране на личный произвол каждого. Становилось ясным, что право не может иметь своею задачею исправление преступника; иначе оно перестанет быть правом. Милость к преступнику, стремление исправить его – все это служит предметом не права, а христианской любви, которая осуществляет право и сочетает с ним – милость к преступнику, в зависимости от его внутреннего состояния, старание исправить его. Здесь Церковь подает государству руку. Здесь сбывается: «милость превозносится над судом» (Иак.2:13); «превозносится», но не отменяет справедливости права, суда! Когда же под влиянием ложно понятой гуманности и разных веяний в науке, в праве водворяется милосердие на счет справедливости, когда рушится основа права, т.е. требование пропорциональности отношений между преступлением и наказанием, тогда преступления теряют свой

ужас и преступник перестает «бояться носящего меч» (Рим.13:4). Гибельные последствия от этого неисчислимы!... Почему в европейских кодексах доселе существует смертная казнь, как высшее наказание за крайнее преступление.

Теперь рассмотрим суждения православных богословов, высказавшихся в прессе против смертной казни.

С наибольшей подробностью эти суждения изложены в *«Голосе священника о смертной казни и об убийстве, как средстве, политической борьбы»*.²⁹⁵

Опуская в нем все несущественное и к делу не относящееся, мы разберем только основные положения «Голоса».

Впрочем, не лишним считаем сказать несколько слов по поведению весьма характерного обвинения, брошенного «Голосом» пастырей по адресу тех, которые «молчат» по вопросу о смертной казни.

«Мы все – убийцы и палачи, – пишут пастыри, – если допускаем смертную казнь, если не кричим, не протестуем против нее. Молчание знак согласия, и мы, если молчим, то *eo ipso* соглашаемся». Невольно хочется спросить «любвеобильных» пастырей-прокуроров, кто же признал, что «молчание знак согласия»?

Житейский обиход? Жаль, что пастыри в таком источнике черпают мудрость для составления столь грозных обвинительных актов! Впрочем, при желании покопаться в том же арсенале, лучше, можно найти там и другое: «слово – серебро; молчание – золото». Значит, молчание не всегда – знак согласия!... И в Библии на счет молчания сказано: «всему свое время... время молчать, и время говорить... бывает, обвинение, но не во время, и бывает, что иной молчит», – и он благоразумен. Иной молчит, потому что не имеет, что отвечать; а иной молчит, потому что знает время. Мудрый человек будет молчать до времени, а тщеславный и безрассудный не будет ждать времени? Не давайте святыни псам, говорит Христос, и не бросайте жемчуга вашего пред свиньями. Ясно, что молчание молчанию рознь. Можно молчать, потому что «время молчать»; можно молчать, потому что нечего отвечать (Мф.22:34); можно молчать, потому что время обсуждать: так или иначе; можно молчать, потому что согласны; можно молчать, как молчал однажды Христос (Ин.8:3–7) и т.д. и т.д. ... Признать же за молчанием исключительно значение согласия и для «Голоса» вряд ли будете, удачным? Ведь пастыри выразили в нем свой «крикливый протест» только в январе 1906 г. Значит, если держаться логики названных пастырей, то *до этого времени* они своим молчанием выражали *согласие* на смертную казнь и, таким образом были «палачами и убийцами»? Если же окажется, что осуждение смертной казни *всегда* гнезилось в душе пастырей, то почему же нельзя допустить этого и относительно других душ, которые *en masse* причислены пастырями к

«убийцам» и «палачам» за одно только «молчание»!... Не напрасно же Писание говорит: «не делайте другим того, чего себе не хотите»?!...

Но обратимся к разбору основных мыслей «Голоса священника». «Нет ничего на свете ужаснее убийства», заявляет «Голос», разумея убийство тела человеческого. «Не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить; а бойтесь более того, кто может и душу, и тело погубить» – учит Христос. Разница, как видим, огромная! В «Голосе» самым ужасным признается зло физическое, в Евангелии – зло нравственное. По Евангелию, всякий, убивающий душу человека, убивает *всего* человека: и душу, и тело его; а убивающий тело человека, далеко еще не убивает и души его. Это – азбука Писания!... К сожалению, «Голос» старается оправдать себя даже Писанием, указывая, что в нем-де диавол – это «олицетворение зла» – называется «человекоубийцею». Но наивность такой ссылки слишком очевидна. В своей речи к иудеям Христос говорил о диаволе, как об убийце душ первых людей ложью (Ин.8:44). Никаких тел человеческих диавол не убивал «от начала» и в раю похорон не было. Там произошла смерть духовная. И только уже после нравственной смерти появились, как ее необходимые следствия, на земле физические болезни и, наконец, телесная смерть (Рим.5:12; и др.). В смысле первого убийцы душ человеческих диавол и называется в Писании «человекоубийцею» и «отцом лжи». Все это – «млеко» Писания!...

Если же ужаснейшим злом по Евангелию является убийство души человека, то «Голос», протестующий против «самого ужасного на свете», должен был бы «протестовать» именно против отравы или убийства *душ* человеческих. Особенно – это долг, пастырей Церкви, которые призваны насаждать Царство Божие «внутри» людей.

Но если пастыри, вместо лечения душ человеческих, станут бороться с гнилыми плодами больных душ, да еще путем «крикливых протестов» и воплей: мы не допустим²⁹⁶ ..., то в результате получится еще горьшее зло, еще большая сумятица. За призраком лечения, как за надежной ширмой, зло спокойно станет растя в глубь человека. Нужно взять в послушание истине душу человека и тогда гнилые плоды последней, лишившись питания, сами иссохнут. Всякая другая работа будет трудом Данаид...

Между тем «Голос» не только этого не сознает, но даже заявляет, что и солдат, и революционер, борющиеся за свои убеждения оружием, – *«оба правы, каждый со своей точки зрения, оба честные, хороши люди»*²⁹⁷ и посему «Голосу священника» одинаково (!) жаль и убитого революционера, и солдата, убитого на своем посту. Признаемся, что ничего подобного мы не ожидали услышать от пастырей Церкви, у которых должна быть своя, христианская точка зрения, и с этой точки зрения они обязаны были оценить по достоинству убеждения солдата, за который он пошел и убеждения павшего в битве революционера.²⁹⁸ Двух правд для христианского пастыря нет. Одно из двух: или солдат прав, а

революционер неправ; или наоборот. Если же окажутся оба неправыми, то пастырь обязан с кротостью поведать им правду и пленить ею души их. Тогда кончится между ними и борьба за убеждения. Страдалец же за правду всегда и везде удостаивался не только неизмеримо большей жалости, чем погибший за неправду, но и память о нем пребывала благословенной (Мф.5:11; 1Пет.2:19–20; 2Тим.2:5). Это также – «млеко» Писания!... Да, пастырям Церкви Христовой надлежать выступать не с «крикливыми протестами», по духу и форме подобными прокламациям, а с увещанием ко всем творить от чистого сердца дела Христовы, как единственно спасительные для человека...

Но посмотрим, что говорится далее в «Голосе священника». «Убийство – диаметрально противоположно любви... Господь Иисус Христос запрещает Своим ученикам не только убийство, но и гневливое, грубое отношение к ближним"... Так ли? И, во-первых, *всякий* ли гнев запрещен Христом? В Евангелии сказано: «Я говорю вам, что *всякий*, гневающийся на брата своего *напрасно*, подлежал суду» (Мф.5:22). Значит, *не всякий*, а только *напрасный* гнев преступен, как преступна и всякая неправда. Справедливый же гнев был присущ и Христу, и Богу-Отцу и Апостолам, и это понятно, потому что божественная любовь «не бесчинствует» и «не радуется неправде». Так: Христос "*с гневом*" отнесся к жестокосердым фарисеям (Мк.3:5) и однажды «*вознегодовал*» даже на учеников Своих (Мк.10:14); Апостолы говорят нам о «гневе Божиим» на людей, упорно подавляющих истину неправдою (Рим.1:18; 2:4–8:12: 19), и свидетельствуют, что «*гнев Божий*» вполне мирится с божественною «благостью» и требуется божественным правосудием (Рим.2:4–5; 3:5–8). Припомним проявление гнева Христова в храме, как свидетельство «ревности» Его по доме Божиим (Ин.2:15–17). Негодовали на зло в людях и апостолы. Так «*вознегодовали*» они на сыновей Заведеевых (Мф.20:24); так вознегодовал ап. Павел (Деян.16:18)... И думается, что отвергать возможность *справедливого* гнева – противно разуму и сердцу человека, любящего правду.

Ну, а *убийство*? Всякое ли убийство – «диаметрально противоположно любви»? В «Голосе» говорится, что *всякое*. К сожалению, ссылаясь на учение Христа, «Голос» не только не привел полностью слов Иисуса Христа относительно убийства, но и не сделал никаких к ним пояснений. Между тем в данном случае, как и в вопросе о «гневе», необходимо процитировать слова Христа и пояснить их. «Вы слышали, что сказано древним: не убивай; кто же убьет, подлежит суду», – так Христос подтверждает ученикам древнюю заповедь (Мф.5:21).

Как видим, здесь не только запрещается убийство, но и совершивший убийство отдается «суду». Что же это за «суд»? Еще Ною Бог сказал: «кто прольет кровь человеческую, того кровь прольется рукою человека». Моисей по повелению Бога ввел в законе месть за кровь убитого и убийца,

виновный в пролитии крови человеческий, подвергнулся смерти от родственников убитого. Впоследствии, в целях уничтожения злоупотреблений этим правом, дела убийц были переданы особым «судам», состоявшим обычно из 23-х членов. Приговоры «судов», определяющие смертную казнь убийцам, утверждались верховным судилищем или «синедрионом». Затечь «суд» приводил в исполнение смертный приговор. За этими-то «судами» Христос и признавал право по-прежнему выдать дела убийц. Значит, Христос допускал *возможность* смертной казни в нарушение заповеди: «"но убий» и резко отличал такую казнь, как *возмездие* за грех, от убийства, как *преступления*.

Если же, далее, признать, что всякое убийство, всякая смертная казнь «диаметрально-противоположны любви», то как тогда смотреть на убийства и казни, совершенные Богом лично и чрез людей? Ведь примерами таких убийств и казней полна история ветхозаветной Церкви. В Новом же Завете мы видим Христа, то с бичом в руках выгоняющего из храма людей и животных, рассыпающего деньги у меновщиков, опрокидывающего их столы; то повторяющего иными словами древнюю угрозу: «все, взявшие меч, мечом погибнут» (Мф.26:52; ср. Быт.9:6). Замечательно, что на суде у Пилата Христос не только не отверг власти последнего предавать известного рода преступников смертной казни, но прямо санкционировал эту власть Божественным происхождением!... На вопрос Пилата: не знаешь ли, что я имею власть распять Тебя, и власть имею отпустить Тебя? – Иисус отвечал: «ты не имел бы над Мною никакой власти, если бы не было дано тебе свыше» (Ин.19:10, 11). Укажем еще на казнь Ап. Петром Анании и Сапфиры, на ослепление Ап. Павлом волхва. Не будем уже говорить об Апостольском учении, по которому человеческие власти имеют право силою меча наказывать преступников: убийц, воров,²⁹⁹ злодеев, посягающих на чужое (1Пет.2:13–20; 4:15; Рим.13:1–10)... И оспаривать с христианской точки зрения *самую возможность* и *законность* наказания властями преступников, начиная от *minimum*'а и кончая *maximum*'ом наказаний, отнюдь нельзя. Другое дело, когда говорят о *помиловании* преступников, о *смягчении* наказания, – тогда действительно в таких речах чувствуется настоящий дух Христа, сказавшего: «блаженны милостивые, ибо они помилованы будут». Писание ясно говорит: «милость превозносится над судом», хотя милостивым нужно быть «с рассмотрением» (Иуд.22). И вот в оказании дел "*милости*" к преступникам и заключается святейшая обязанность пастырей Церкви.

«Запрещая всякое (?!) убийство, читаем далее в «Голосе», Господь запретил и смертную казнь. К нему привели женщину, взятую в прелюбодеянии. По закону евреев ее нужно было побить камнями. Спросили у Иисуса, что с ней делать, желая обличить Его в неуважении к отеческим законам и зная наперед (?!), что Он смертной казни не одобрит

(?!). Господь отвечал: «кто из вас без греха, пусть первый бросит в нее камнем» (нужно *точнее* приводить текст). Тогда строгие судьи, обличаемые совестью, стали расходиться и оставили женщину одну, стоящую перед Иисусом. Господь, наставивши ее на добрый путь, отпустил. Кого же, спрашивает «Голос», после приведенных слов Спасителя, можно казнить и кто имеет право казнить (sic!...)? Грешник? Но сказано: «кто без греха, пусть бросит камень». Значит грешник не может казнить, т.к., и сам такой же грешник, как и казнимый (sic!...). Праведник? – Но он не станет казнить, потому что любит» (sic!!!)...

Перед такую экскурсией в область богословской экзегетики остается только руками развести! Откуда «Голос» взял, что фарисеи *наперед знали, что Христос смертной казни не одобрит?*... Из учения Христа «о суде» над убийцами, как мы уже знаем, – такого заключения нельзя сделать, да и никто его не делал. И наш евангельский текст, передающий событие с женщиною-прелюбодейцею также не дает никакого основания к такому заключению. Новых же «египетских» текстов мы не знаем, а харьковскому не имеем права верить...

Да если бы фарисеи действительно «*наперед знали*», что Христос ответит вопреки закону Моисея, то что мешало им раньше, когда Христос так учил, и в данном случае прямо предъявить ко Христу обвинение?! Между тем они настойчиво *вымогают* у Христа ответ и так формулируют свой вопрос, что в нем нет и намека на то, что им уже ведомо учение Христа. А ведь таким умолчанием они сами дают Христу возможность разрушить их козни! Другое дело, если бы фарисеи спросили Христа: «Моисей заповедал в законе побивать таких камнями, а Ты учил иному. Что *теперь* скажешь?». Картина резко меняется. Думать же, что совопросники Христа, опытные в лукавых вопросах, допустили навязанную им «Голосом» оплошность, – крайне было бы наивным!

Не менее наивно и другое поползновение «Голоса» – это приписать фарисеям цель обвинить Христа только «в неуважении к отеческим законам»?! В Евангелии ясно сказано: «говорили это, искушая Его, чтобы найти *что-нибудь* к обвинению Его». А «*чем-нибудь*» могло быть и полное *согласие* Христа с законом Моисея. Фарисеи, иродиане и книжники обычно так вопрошали Христа, что и положительный, и отрицательный ответ на их вопросы равно мог дать им повод к обвинению Христа. Так, например, они вопрошали Христа о подати Кесарю. Иногда и Христос мерил им тою же мерою (Мк.11:28–33). Так было и в случае с прелюбодейцею. В то время Палестина была под властью Римского Кесаря, отнявшего у иудеев право смертной казни («нам не позволено предавать смерти никого» – (Ин.18:31)). И вот, если бы Христос дал согласие на исполнение закона Моисеева, то совопросники обвинили бы Его в противлении *кесарю*; но, если бы Он отверг закон Моисея, то его обвинили бы в неуважении отеческих законов и в предпочтении Кесаря

Моисею. Посему Христос на такие вопросы всегда отвечал так, что ни в том, ни в другом Его нельзя было обвинить. Так Он ответил и на вопрос о женщине-прелюбодейце. Зная коварство фарисеев, Христос в то же время видел, что его совопросники сами же прелюбодеи, только не *"взятые"* в прелюбодеянии, благодаря своей хитрости. Пред Ним они выступили не в качестве официального *"суда"*, который по «отеческим законам» ведал дела прелюбодейцев, а в качестве добровольных обвинителей – судей. Между тем последние и сами подлежали «суду». Таким положением Своих совопросников Христос и воспользовался. Он уклоняется от прямого и принципиального решения поставленного Ему вопроса, а только дает понять коварным вопрошателям, что они сами повинны в грехе прелюбодеяния. Не ожидавшие такого оборота дела, когда из ловцов они превратились в уловленных, – фарисеи и книжники поспешили уйти. Так Христос ответом: «кто из вас без греха, первый брось на нее камень» – избежал обвинения Его в нарушении закона Моисея, потому что не отверг возможности наказания прелюбодейцы по Моисееву закону; а также не проявил и противления воле Кесаря, так как сделал невозможным осуществление этого наказания в данном случае. Отпуская женщину, Христос сказал: «и Я не осуждаю тебя», но не потому опять, чтобы Христос отвергал «суд» над прелюбодейцами и возмездие за грех прелюбодеяния, а потому, что женщина раскаялась и ей оставалось лишь *"впредь"* не грешить: «иди, и впредь не греши», – сказал Христос.

Извратив смысл евангельского текста, «Голос», далее из слов Христа, делает такое, поистине, изумительное заключение: *"кого же, – спрашивает он, после приведенных слов Христа (разумеются слова: «кто из вас без греха, первый брось на нее камень»), можно казнить и кто имеет право казнить?»*. Не отвечая на первый вопрос, так как на него ответ дается решением вопроса: «кто имеет право казнить?». «Голоса» на этот последний вопрос отвечает: «Грешник? Но сказано: кто без греха, пусть бросить камень. Значит, грешник не может казнить, так, как и сам такой же грешник, как и казнимый. Праведник? Но он не станет казнить, потому что любит».

Жалкая софистика! Не будем уже говорить о том, что в словах Христа: «кто из вас без греха» – разумелся грех прелюбодеяния, за который и побивали камнями, а не вообще грех!... Не будем говорить и о том, что в словах Христа: «пусть бросит камень» ясно указана возможность для того, кто без греха, бросить камень!... Не будем говорить также и о том, что все заключения «Голоса» здесь лишены элементарной логики!... Но укажем на то, что «Голос» в принципе отверг собственно *всякое* наказание «грешника», так как-де *грешники не наказывают грешника, а праведники любят грешников!*... А если нет тех, кто наказывает, то ясно, что нет и наказуемости, нет и наказуемых! Дальше уже идти некуда!... Вполне понятно, что если оспаривается *возможность*

борьбы со злом в людях путем физических наказаний на том основаны, что грешники не имеют права наказывать, так как сами грешат, а праведники не наказывают, а любят, – то отсюда понятна невозможность для грешников и вообще какой-либо, хотя бы то и духовной борьбы со злом в других, так как они сами грешники. Со злом могут бороться только праведники и опять только «любовью». Интересно знать, к какому разряду причисляют себя пастыри, подписавшие «Голос»: к «грешникам» или к «праведникам»? Известно, что они борются с злом, – значит они «праведники». Тогда остается только спросить их: от кого их праведность? Мы знаем, что Евангельская праведность и вообще Библейская всегда допускала возможность не только любви грешников, но и наказания упорных и нераскаянных людей, примеры чего мы уже приводили.

Далее в «Голосе» читаем: «К чести русского законодательства нужно сказать, что русское уголовное право, в противоположность уголовному праву западных государств, *не знает*³⁰⁰ (sic!...) смертной казни. Тем ужаснее, непоследовательнее, несправедливее факты смертной казни у нас в России!»

Выходит, что смертная казнь в России является произволом правительства!... Подобной нелепости в наше время не скажет и школьник. Очевидно, что пастыри не поняли, в чем дело. В уголовном праве преступления делятся на: общественные, в тесном смысле, и личные; что то же: преступления против общества и преступления против личности. И вот в то время, как в *европейских* кодексах: французском, немецком, английском, венгерском и других существует смертная казнь, как высшее наказание за преступления против личности (квалифицированные действия), в нашем уголовном праве высшим наказанием за те же преступления, именуемые «тяжкими», является бессрочная каторга. Что же касается преступлений против общества, главным образом преступлений *государственных*, то и в нашем Уложении 1845 г., и в новом Уголовном Уложении 22 марта 1903 г. в числе наказаний, как высшее наказание, полагается «*смертная казнь*», совершаемая чрез повешение, непублично (Угол. Улож. ст. 2; ст. 15) и определяемая за квалифицированные преступления *государственного* характера (ст. 99; 100; 101; 104; 108; т. 6). И мы удивляемся, как это *юридическая* газета «Волна» допустила на своих столбцах такую «юридическую» простоту!...

«Страхом смертной казни нельзя запугать убежденного революционера, или анархиста, отдавшего всем существом своему делу, ни убежденного черносотенника, ни закоренелого злодея», – говорит «Голос» и посему-де смертная казнь излишня.

Но при таком рассуждении и *всякое* наказание является излишним!... Ошибка так рассуждающих заключается в том, что они наказанию приписывают цель запугивания. Между тем запугивание не составляет

сущности и цели наказания. Наказание по существу своему есть возмездие или «отмщение». Если же с ним и связывается нечто запугивающее, то последнее является уже субъективным чувством каждого отдельного человека. Наказание и боязнь наказания нельзя смешивать. Посему, если бы в известном случае и не было боязни наказания, то последнее должно свершиться в осуществление *своей* цели – возмездия. Иначе, и человеческое, и божественное право «закоренелыми злодеями» будет попирается безнаказанно и вместо «права» воцарится произвол. Сверх того, необходимо принять во внимание, что наказание должно оцениваться не только с точки зрения личности преступника, но и по действию его на общество. А в таком случае кто станет утверждать, что с ослаблением наказаний уменьшатся в обществе преступления? Разве наказания породили преступления, а не наоборот: преступления вызвали различные наказания?! Пусть существуют груды уголовных законов, пусть начальник носить меч, но если я не делаю злого, то и закон, и меч не для меня. Я не только не чувствую тяжести их, но даже не замечаю их и живу по закону *Христовой свободы*. Но если я стремлюсь делать злое, то из моих уст будет раздаваться протест против *всякого* наказания, как своего рода плотины, преграждающей течение реки. И конец протеста совпадает только с концом наказаний. Но это настанет только тогда, когда человечество снова потеряет мерку отличия добра от зла и снова воскликнет: «что есть истина»?

«Злодею, резавшему людей из-за денег, даруют жизнь, пишет «Голос», а человека безусловно честного, правдивого (*sic!*...), но лишь чрезмерно увлекшегося(*sic!*...) политической или социальной идеей, до забвения себя, до преступления, казнят!».

Какая наивность! Кто же не знает, что интересы общества и государства выше интересов отдельного лица?! И в Писании сказано: «больше сея любви никтоже имать, да кто душу свою положить за *други* своя». Почему нарушение или посягательство на благо общества и государства всегда и везде считалось неизмеримо большим преступлением, чем причиненный отдельному лицу вред. Большее же преступление влечет за собою и большее возмездие. Что же касается «чрезмерных увлечений», то они более бывают присущи «злодею» – грабителю, чем анархистам и революционерам, которые сознательно и заранее возвели убийство неприятных им лиц в *догмат!*... Во всяком случае, крайне наивно требовать отмены смертной казни за политические или социальные преступления на том основании, что преступники «чрезмерно увлеклись идеей»!... «Безусловная же честность и правдивость» никогда не вяжутся с преступными действиями, с заранее обдуманном истреблением должностных лиц, с метанием бомб и прочими революционно-анархическими атрибутами.

В своем «увлечении» против смертной казни пастыри в «Голосе» дошли до того, что даже св. Серафима Саровского привлекли к защите своих положений. «Вспомним хоть нашего недавно прославленного угодника Божия, преподобного Серафима Саровского, – пишут они. На него напали в лесу разбойники, думая, что у него есть деньги. Они зверски избили его, искалечили на всю жизнь. Разбойники были пойманы и посажены в тюрьму. Тогда святой отец потребовал их освобождения, угрожая в противном случае оставить монастырь. Разбойники были выпущены на свободу».

Но, как видим, описанный случай ни слова не говорит о смертной казни и прямого отношения к ней не имеет. Святой старец простил *своих* обидчиков и попросил им свободы – вот все, о чем говорит данный случай. Но кто же, на основании этого случая, потребует от *правительства*, чтобы все вообще преступники пользовались неограниченной свободой, и чтобы ни один из них не был заключен в тюрьму?! Разве допустима полная безнаказанность преступлений?! И власть, призванная носить меч в отмщение делающим злое, если откажется действовать мечом, то тем самым не упразднит ли себя?... Ведь без меча власть немыслима! Понятно, что об упразднении властей, об отнятии у них освященного словом Божиим права на меч, св. Серафим и думать не мог! Своим же отношением к разбойникам он показал нам только пример того, как мы должны относиться к своим *личным* врагам и обидчикам. Власть же имеет свои особые обязанности по отношению к делающим злое отдельным людям, обществу и государству и этих обязанностей св. Серафим никогда не отрицал. Просить о помиловании преступников – это не значит отрицать за властью право наказания их. Пора это понять нашим «гуманистам»!... Пора и перестать «играть в имена» великих писателей, а тем более святых угодников Божиих и даже Самого Христа!...

Между тем эта «игра в имена» стала отличительной чертой «свободной совести» нашего времени. И особенно она сказалась в вопросе о смертной казни. Примеру «Голоса», учинившего возмутительное насилие над мыслью св. Серафима, стали подражать другие, в том числе и профессора. Так, в 22 № «Смоленского Вестника» было помещено «Письмо в редакцию», перепечатанное большинством наших газет, в котором предлагалось Святейшему Синоду «отчислить от лика святых преподобного Николая Чудотворца, так как он не только против смертной казни вообще (?!), но однажды собственною своею властью воспрепятствовал оной, удержав за руку палача, честно исполнившего свои непосредственные гражданские обязанности».

Читаешь, и глазам не веришь! Сколько наглости, сознательной лжи проявил автор этого письма!³⁰¹... Где же и когда св. Николай высказался против смертной казни *"вообще"*, т.е. принципиально?! И действительно

ли приведенный автором случай говорит об отрицании св. Николаем всякой смертной казни? В житии св. Николая Чудотворца об этом читаем следующее: когда святитель Николай находился в Плакомате, сюда явились к нему из Мир некоторые из горожан, прося его о *заступничестве за трех ни в чем неповинных их сограждан*, которых градоначальник Мирский Евстафий, подкупленный завистниками этих людей, осудил на смерть. Горожане просили св. Николая повлиять на Евстафия и не допустить этой *несправедливости*. Святитель немедленно поспешил в Миры, чтобы успеть освободить незаконно осужденных к смертной казни и попросил следовать за собою также и трех царских воевод. Но при всей своей поспешности угодник застал осужденных на Диоскуровом поле готовыми принять казнь, когда палач уже обнажил меч. Святитель вырвал из рук палача меч и бросил его на землю, освободил *невинно-осужденных*. Народ благодарил св. Николая за заступничество. Но вот пришел к месту казни и Евстафий. Видя правоту св. Николая и сознавая свою виновность, за которую он мог потерпеть наказание от царя, Евфимий припал к ногам святителя, умоляя его о прощении. Но так как он сваливал свою вину на других, то святитель *хотел донести на него царю* и угрожал ему и сам муками на том свете за несправедливое управление. И только, когда Евстафий чистосердечно покался, святитель простил его.

В другой раз св. Николай, по случаю осуждения на смертную казнь трех *ни в чем неповинных* воевод, явился во сне царю и сказал ему: «освободи из темницы трех воевод, потому что они *неправедно* осуждены и *невинно* страдают». Рассказав царю, как оклеветаны были воеводы, святитель в заключение добавил: «если ты не послушаешь меня и не отпустишь их, то воздвигну такой же мятеж, как во Фригии, и ты погибнешь».³⁰²

Пред нами здесь ясно выступает облик святителя Николая, как *заступника за невинно-осужденных и грозного карателя несправедливых*.

Можно ли, спросим теперь, более извратить в этом случае сказание о святителе, чем извратил его автор письма в «Смоленском Вестнике»?!

Безыменному автору письма в «Смоленском Вестнике» нисколько не уступает в жажде «играть в имена» и профессор Харьковского университета Н. Сумцов. В своей заметке: «По поводу одного духовного чтения» («Южный Край» № 8717) г. Сумцов заявляет: «Златоуст был против смертной казни... Этот великий учитель церкви громко и ясно высказался против смертной казни». К сожалению, профессор не только не привел подлинных слов св. Златоуста, но даже не проставил и соответственной цитаты из его творений!...³⁰³ Мы же настойчиво утверждаем, что великий учитель церкви никогда и нигде ни «громко», ни тихо, ни «ясно», ни туманно не высказывался против смертной казни

вообще или в принципе. Наоборот, в одном месте своих творений, проводя параллель между «житейскими властями» и «властями духовными», св. Златоуст пишет: «какие знаки начальства и что должен иметь начальник!? Власть над темницею, чтобы он был властен одних связывать, а других разрешать; одних выпускать, а других ввергать туда... Еще власть – осуждать на смерть и освобождать от смерти; или, вернее, это – власть не начальника, а одного только царя, или даже и царю не принадлежит вполне этот дар, потому что он освобождает не от смерти уже умершего, а только от осуждения на смерть; приговор он может отменить, а возвратит к жизни от смерти не может!"... Рассматривая затем власть апостольскую, св. Златоуст вопрошает: «нужно ли доказывать, что они (апостолы) осуждали и на смерть и возвращали от смерти, не от приговора только освобождая и ведения на смерть, но и умерших и уже подвергшихся тлению восстанавливая от смерти? Когда же они осуждали на смерть? Когда освобождали от смерти?». На два эти вопроса св. Златоуст отвечает фактами: на первый – умерщвлением Анании и Сапфиры, а на второй – воскрешением Тавифы. Умерщвлению Анании, по св. Златоусту, предшествовал «допрос», затем смертный «приговор» и, наконец, Апостол «поражает» или «умерщвляет святотатца». В заключение св. отец снова вопрошает: «видишь ли, как они властны посылать на смерть?».³⁰⁴ В другом месте тот же св. Златоуст такими словам; доказывает необходимость наказаний «оружием чувственным»: «везде можно видеть оттачиваемые мечи, палачей, казни, пытки, мучения, власть над жизнью и смертью. А что и этот вид господства стал необходим вследствие греха, послушай слова любомудрствующего об этом Павла. *Аще же хочеши*, говорит он, *не бояться власти, благое твори: и имети будеши похвалу от нея. Аще же злое твориши, бойся; не бо все мече носит* (Рим.13:3, 4). Видишь ли, что и начальник, и меч для делающих зло? Послушай еще (сказанное) о том же с большею ясностью. *Отмститель есть*, говорит, *злое творящему*. И не сказал он: «не напрасно существует начальник», а что? *не все мече носит*. Бог поставил над тобою судью вооруженного. Как сердобольный отец по своей доброте отдает детей, когда они оказывают ему невнимание и пренебрежение, злоупотребляя родительскою любовью, – отдает строгим наставникам и учителям, так и Бог, по благодати Своей отдал нашу природу, оказавшую невнимание к Нему, начальникам как бы учителям,³⁰⁵ и наставникам, чтобы они исправили их от беспечности».

Пользу от действия меча начальников св. отец доказывает и примером пережитого его слушателями возмущения: «в самом деле, говорит он, когда уже при начальниках и вооруженных воинах, неистовство нескольких бродяг и пришлецов в самое короткое время произвело у нас такой пожар и воздвигло такую бурю, что заставило всех

бояться кораблекрушения, то если бы не было совсем страха от начальников, до какого неистовства не дошли бы эти люди? Не разрушились бы они у нас города до основания и, перевернув все вверх дном, но лишили-ль бы нас и самой жизни? Уничтожь судилища – и уничтожишь всякий порядок в нашей жизни; удали с корабля кормчего – и потопишь судно; отними вождя у войска – и предашь воинов в плен неприятелям. Так, если отнимешь у городов начальников, мы будем вести себя безумнее бессловесны зверей, – станем друг друга угрызать и снедать; богатый – бедного, сильнейший – слабого, дерзкий – кроткого. Но теперь, по милости Божией. ничего такого нет. Живущие благочестиво, конечно, не имеют нужды в мерах исправления со стороны начальников: *праведнику закон не лежит*, сказано. Но люди порочные, если бы не были удерживаемы страхом от начальников, наполнили бы города бесчисленными бедствиями».³⁰⁶

Мы могли бы привести и еще много таких же выдержек из творений св. Златоуста, но полагаем, что и этих достаточно для того, чтобы видеть, что св. отец «громко» и «ясно» признавал за властью право казнить мечом преступников. Почему он и различал «праведную казнь» от «неправедной», когда казнили невинного. Само собою понятно, что и у св. Златоуста каждый акт наказания освещался христианскою любовью, которая сочетает справедливость с милосердием и которая милует с рассмотрением не бесчинствуя. И опять там, где идет речь о помиловании преступника, – там нельзя видеть отрицание права казнить виновного. Это – азбука здравой логики!...

Но, быть может, проф. Н. Сумцов прав, когда свое голословное утверждение силится оправдать следующим событием из жизни св. Иоанна Златоуста: «с каким усердием, говорит он, Златоуст отстаивал за церковью право убежища. Уже в IV веке гражданская власть стремилась лишить церковь этого права. По настоянию знатного царедворца Евтропия, право убежища было отменено. Но судьба сыграла злую шутку над временщиком. Вскоре Евтропий запутался в придворных интригах, был лишен должностей, и ему угрожала смертная казнь. Тогда он вспомнил о том праве, которое было отменено по его настоянию, и скрылся в церкви. Ненавидевшая его толпа требовала его выдачи; но Иоанн Златоуст бесстрашно выступил на его защиту. «Вы убьете Евтропия, сказал он толпе, но раньше, как умертвив меня». Затем он сам отправился к императору и выпросил для Евтропия помилование».

Что приведенный факт служит доказательством усиленных стараний св. Златоуста отстоять за церковью право убежища, – это не подложить сомнению. Но нелогично и исторически несправедливо выводить отсюда, что святой отец был против смертной казни вообще?!... «Право убежища» ведет свое начало от ветхозаветной Церкви. Там оно существовало на ряду с законами о смертной казни, отнюдь не исключая последних,

потому что действовало в строго отведенной ему области. И в древней новозаветной Церкви «право убежища» не отменяло гражданских законов о смертной казни, действуя в пределах Церкви над лицами, ищущими в ней убежища. Это подтверждается и случаем с Евтропием. Когда Евтропий бежал от царских слуг, пришедших взять его «насильно» за оскорбление императрицы, и скрылся в церковном алтаре, то св. Златоуст, отстаивая за церковь право убежища, не выдал его воинам и негодующей на бывшего надменного временщика толпе. В блестящей речи «на Евтропия евнуха» он говорил, что Евтропий, заградивший «здешнее убежище разными указами и законами, сам теперь нарушил эти законы и что «несчастье сделало его учителем» того, что нельзя отнять от Церкви священного права убежища. Взывая далее к народу о помиловании «просящего помощи» Евтропия, св. Златоуст свидетельствовал, что царь, узнав о бегстве Евтропия в церковь, с своей стороны уже помиловал его и к тому же слезно призывал войско, напомнив воинам, что «несчастный» прибегнул к «священной трапезе». Если же царь, оскорбленный Евтропием, простил его, то *«теперь приложим и мы должное с нашей стороны»*, продолжал свою речь к народу св. Златоуст, и «приступим к человеколюбивому царю, прося его *во имя Церкви, во имя алтаря*, даровать священной трапезе одного человека.³⁰⁷ Если мы это сделаем, то и сам царь будет доволен». Таким образом, в случае с Евтропием св. Златоуст усиленно защищал *церковное право убежища* и если склонял народ просить царя о помиловании Евтропия, то только *«во имя Церкви, во имя алтаря»*. Никакого протеста против законов, по которым Евтропий подлежал смертной казни, здесь не было. Речь шла только о «помиловании» *праведно* осужденного и при том «просящего помощи» у Церкви. Право наказания Евтропия св. Златоуст признавал за властью и потому взывал только о «помиловании», отстаивая собственно в этом случае за церковь «право убежища». Почему, когда помилованный Евтропий после за свои деяния был схвачен, сослан и казнен, то св. Златоуст с негодованием отвергал обвинения, что он не заступился за Евтропия. В казни Евтропия он обвинял самого Евтропия, но не власть, за которую всегда признавал право отмщения мечом в наказание делающим злое.

Понятно теперь, что ссылка проф. Сумцовэ на св. Златоуста так же неудачна, как и ссылка неизвестного автора вышеупомянутого письма на св. Николая Чудотворца.

В заключение не лишним считаем напомнить, что *«протестовал»* против смертной казни и Робеспьер, который, однако, почуяв власть в своих руках, залил Францию кровью» своих политических врагов!... Факт весьма поучительный для наших наносных «гуманистов», которым мы посоветовали бы все свои силы направить на лечение душ человеческих, на создание такой атмосферы, чтобы люди сознали прежде всего

преступность деяний, вызывающих то или другое наказание. Тогда и только тогда сами собою упразднятся законы о смертной казни и многие другие, вызванные к жизни преступлениями. «Царствие Божие *внутри* вас есть»!...

И. Мариупольский

**Миссионерский отдел // «Миссионерское Обозрение», 1906,
№ 5, стр. 670–689**

Миссионерская полемика

Миссионерская полемика в наше время возбуждает много вопросов, из которых прежде всего обращают на себя внимание следующие: нужна ли миссионерская полемика и законна ли она с точки зрения действующего по делам веры государственного законодательства?

Только после разрешения этих кардинальных, в миссионерской полемике вопросов, мы находим возможным перейти к частному суждению о видах миссионерской полемики, ее характере, методах и полноте.

Итак, *нужна ли миссионерская полемика?* Тот или другой ответ на этот вопрос возможно дать только тогда, когда мы выясним, что должно понимать и что обычно некоторые понимают под миссионерскою полемикою. Лица, отрицающие миссионерскую полемику, смотрят на нее, как на словесный турнир миссионера с сектантом. В их мыслях она рисуется чем-то в роде логомахии, или искусного метания слов. Сам же миссионер-полемист – это Хилон Хилонид (в «Quo vadis?» г. Сенкевича). Конечно, такая полемика и такой полемист не только не нужны, но даже вредны. Такая полемика обязательно разовьет в миссионере *"страсть к состязаниям и словопрениям"*, а отсюда, по слову апостола, потекут, «зависть, распри, злоречия, лукавые подозрения». Poleмика в этом случае превращается в «пустые споры», в «глупые к невежественные состязания» (1Тим.6:4–5; 2Тим.2:23).

Но есть и другого рода полемика. Это та, которой учил и которую вел апостол Павел. Осудив «глупые и невежественные состязания, рождающие ссоры», он далее писал: «рабу же Господа не должно ссориться, но быть приветливым ко всем, учительным, незлобивым, с кротостью наставлять противников, не даст ли им Бог покаяния к познанию истины, чтобы они освободились от сети диавола, который уловил их в свою волю» (2Тим.2:27–26). Обличение, запрещение, увещание людей, противящихся истине, развращенных умом и невежд в вере должно, по Апостолу, вести «со всяким долготерпением и назиданием» (2Тим.3:8; 4:2). В таком именно духе вели немалое состязание Павел и Варнава в Антиохии с людьми, которые учили об обязанности для уверовавших во Христа язычников закона Моисеева и обрезания (Деян.15:2–5). В таком духе св. Павел беседовал с иудеями в синагоге, когда «открывал» Писание и «доказывал» им, что Христу надлежало пострадать и воскреснуть (Деян.17:1–3). Также св. Павел «спорил» на площади и в Ареопаге с эпикурейцами и стоиками о Боге, Иисусе Христе и воскресении мертвых (Деян.17:18–34); а в другой раз он же возбудил «распрю» между фарисеями и саддукеями по тому же вопросу о воскресении мертвых (Деян.23:6–10).

И мы уверены, что последнего рода полемика коренится в самом существе церковного учительства и обязательна для Церкви, которая не может спрятать зажженную свечу под сосудом и не должна равнодушно смотреть на заблуждения людей, особенно же бывших чад своих. Но где Церковь сталкивается с заблуждениями, там естественно обе стороны дают одна другой отчет о своем уповании, там происходит обмен мнений или полемика. И, конечно, православный миссионер, спрашивающий и отвечающий противной стороне, должен делать это «с кротостью и благоговением» (1Пет.3:15).

Понятно теперь, что нельзя упразднить *всякую* полемику. Нужно позаботиться только, чтобы полемика с заблудшими велась в духе кротости, с долготерпением и назиданием, как вели ее апостолы.

Законна ли миссионерская полемика с точки зрения действующего по делам веры гражданского законодательства? Лично для нас такого вопроса не существует. Мы твердо уверены, что уста истинного благовестника Евангелия может сомкнуть только смерть. Но раз этот вопрос задается и при том во всеуслышание, то мы считаем долгом дать на него ответ. Действующее ныне законодательство по делам веры, разумею новое «Уголовное Уложение» 22 марта 1903 года в том его виде, как оно исправлено Высочайшим Указом 17 апр. о веротерпимости и отредактировано Государственным Советом 14 марта 1906 г., нисколько не поколебало установленного основными законами государства *первенствующего* в России положения православной Церкви, каковое положение подтверждено в полной силе и вновь изданными 23 апреля сего года «Основными Государственными Законами» (ст. 24). Посему незыблемым остается и право православной Церкви свободно и притом публично проповедовать иномыслящим свое вероучение и путем убеждений и мерами нравственного воздействия привлекать их в свое лоно. Всякие сомнения в этом случае должны быть признаны излишними. Скорее можно ожидать, что государство разрешит также инославным и иноверным исповеданиям публичную пропаганду их учения, чем запретить православной церкви публичную проповедь своего учения иномыслящим. Таким образом, миссионерская полемика с иномыслящими бесспорно является вполне законной с точки зрения действующего у нас по делам веры светского законодательства.

Виды миссионерской полемики. Миссионерская полемика бывает публичная и частная. Первая ведется в публичных местах, в собрании более или менее многочисленном; вторая в частных домах, в небольшом кругу родственников и друг другу близких лиц, или же наедине с заблудшими и колеблющимися в православии.

С уверенностью можно сказать, что ни одна из отраслей миссионерской деятельности не оспаривается так настойчиво, как публичные миссионерские собеседования с заблудшими. Но за то и никто

не проявляет большего незнакомства с практической стороной миссионерского дела, как именно отрицающие публичные миссионерские беседы. Мы сочли долгом разобрать возражения против публичных миссионерских бесед, так как считаем эти беседы одним из краеугольных камней миссионерского здания.

Говорят, что публичные собеседования с заблудшими излишни, потому что: во-1-х, они ведутся чисто-рационалистическим путем, без доказательств *ad hominem*; а между тем, последнего рода доказательства имеют главное значение в деле вразумления заблудших. Посему-де необходимо вместо публичных прений войти с заблудшими в интимные беседы, с каждым отдельно и особенно с представителями сектантских общин: во-2-х, – они дали небольшой % обращений и большую пищу для праздных пересудов и таким образом не достигли своей цели: массовых обращений сектантов и раскольников в лоно Церкви и, в-3-х, – они разжигают народные страсти, вносят в приход смуту и сопровождаются иногда печальными инцидентами. В последнее время появилось и еще одно возражение против публичных миссионерских бесед с сектантами и раскольниками. Оно исходит из той мысли, что теперь надо направить все силы исключительно на охрану православных чад от соблазнов, а не отвлекать части сил на вразумление заблудших или отпавших от Церкви.

Начнем разбор приведенных возражений с последнего. Отрицать вразумление заблудших на том основании, что теперь все силы нужно направить на охрану православных от соблазнов, – значит не понимать духа Христовой веры, который насквозь пропитан прозелитизмом. Благовест Христовой веры иноверцам не может быть прекращено в Церкви никакими соображениями, а тем более ошибочными. Ведь охрана своих чад от соблазнов – это не теперешняя только, а всегдашняя задача Церкви Христовой и, без сомнения, в наше время не более сложная и трудная, чем в былые времена. И, однако, Церковь никогда не замуровывалась в раз построенных ею стенах, а расширялась пристройкой все новых и новых живых стен из людей, раньше чуждых ей по вере. Особенно же пеклась Церковь о чадах, покинувших ее и пошедших блуждать по стихиям мира. Глубоко верно просвещеннейший иерарх нашей Церкви Херсонский архиепископ Димитрий заметил в своей речи пред открытием в сентябре прошлого года областного миссионерского съезда в Одессе: «им показалось, что 17-е апреля означает почти что прекращение дела миссионерского. Не понимают самого существа жизни церкви и истинного характера ее благовестия. Церковь есть светоч, долженствующий озарять лучами истины все самые темные углы человечества. Благовест о свете истинном, христианская миссия это – сущность деятельности церкви. Церковь сама вся есть великий богоучрежденный стан миссионерский, выдвигающий на святое дело еще особых, хорошо подготовленных, работников миссии. И

прекращение дела благовестнического, миссионерского, было бы равносильно прекращению доброго воздействия церкви на жизнь человечества; это была бы угроза самому ее существованию». Тот же иерарх в другом месте еще лучше намечает задачи Церкви: она должна «охранять чад своих от религиозных заблуждений, вразумить уже заблудших и отпавших от нее овец и нечто приобрести со стороны». И мы уверены, что двух мнений в данном вопросе не может быть. Заповедь Христа: «идите, научите *все народы*»... останется и впредь «*во все дни*» обязательной к осуществлению для православной Церкви Христовой.

Публичные беседы, говорят, разжигают народные страсти, вносят в приход смуту и сопровождаются иногда печальными инцидентами, посему-де они и не нужны. В данном возражении против публичных бесед кроется большое недоразумение. Не будем уже говорить о том, насколько в каждом отдельном «печальном инциденте» повинен сам миссионер-полемист. Но допустим, что именно его беседа повела к «печальному инциденту». Что же отсюда следует? Не нужно бесед, или не нужно печальных инцидентов? Если принимаем первое, то тогда придется зачеркнуть и многие другие отрасли церковного воздействия на людей, так как с каждой из них может случиться «печальный инцидент». Ведь никто же не станет утверждать, что «печальный инцидент» есть неотъемлемая и исключительная принадлежность публичных бесед?!... Тогда таких инцидентов были бы тысячи, или столько, сколько проведено публичных бесед!... Значит, беседа и «печальный инцидент» – это два отдельные явления. А если так, то миссионеру должно на беседах всеми силами стараться избегать «печального инцидента», а не зачеркивать самых бесед. Но при этом необходимо помнить, что в «печальном инциденте» может быть повинна, что и бывает, среда, в которой действует миссионер, так что будь его беседа и в апостольском духе, а его противники могут устроить инцидент, чтобы сгладить впечатление его беседы на слушателей. Разве апостольская проповедь по сопровождалась также «печальными инцидентами» и от «возбуждения народа» не были побиты камнями Стефан и Павел (Деян.6:12; 14:19)?! А «немалый мятеж – в Ефесе и обвинение апостолов в том, что они «всесветлые возмутители» (Деян.17; 19 гл.)?! Что же, все это побудило апостолов бросить дело проповеди евангелия иномыслящим?! Нет. Они продолжали свое дело «с долготерпением, назиданием, кротостью и благоговением». Если беседы, далее, «разжигают страсти и вносят в приход смуту», то опять здесь все зависит от способа ведения бесед и опять здесь бывает, повинной и среда заблудших. Мы уже видели, что и апостольская проповедь «разжигала страсти и вносила в народ смуту». Да и всякое ли «разжигание страстей» и всякая ли «смута» – преступны? Миссионер должен разжечь в спящем народе страсть к познанию истины, воспламенить огонь Христовой любви и ревности по дому Божию.

Состояние «теплоты» противно христианству: «но как ты тепл, то извергну тебя из уст Моих». Преступной же смуты и «разжигания» дурных страстей миссионер, конечно, должен всегда и всюду избегать. При обсуждении этого вопроса, Одесский областной миссионерский съезд в сентябре прошлого года постановил: «миссия должна как можно мягче вести беседы с заблудшими, перед беседою следует условиться с сектантами, чтобы не допускать ни с чьей стороны резких и хульных суждений. Если же собеседники миссионера или слушатели станут производить смуту, то тактично прекращать беседу пением молитвы. Там же, где есть опасность подобных явлений, бесед в храме не производить». И мы уверены, что другого решения по вопросу об ограждении публичных бесед от инцидентов нельзя дать. Все опасения на счет «разжигания страстей» или «смуты» не могут и не должны быть устраняемы прекращением бесед!... Последнее походило бы на то, как если бы кто, желая сохранить свое платье от моли, сжег самое платье.

Публичные беседы, говорят, не нужны, потому что они ведутся чисто-рационалистическим путем, без доказательств *ad hominem*; а между тем последнего рода доказательства имеют главное значение в деле вразумления заблудших. Посему, вместо публичных премий необходимо-де войти с заблудшими в интимные беседы, с каждым отдельно и особенно с представителями сектантских общин.

В этом отрицании сказывается полное незнание практической стороны миссионерского дела. Но скажем прежде о логической несостоятельности такого отрицания. Казалось бы, что если публичные беседы не достигают своей цели потому, что ведутся неправильным путем, то стоит только направить их на надлежащий путь, а отнюдь не уничтожать бесед, потому что и каждым средством воздействия на заблудших можно пользоваться ошибочно... Нельзя же по этой причине совсем бросить дело вразумления заблудших! Посмотрим теперь, действительно ли неправилен тот путь, по которому ныне ведутся миссионерами публичные беседы? Что такое «чисто-рационалистические приемы», в которых видят главный недостаток публичных бесед? Под этими «приемами» обычно разумеют старания миссионеров убедить своих совопросников в истине православного учения путем ссылок на *Священное Писание*. Правилен ли этот путь? Думаем, что каждый миссионер-практик ответит: не только правилен, но и единственно возможен на публичных беседах с заблудшими. Это вот почему: публичная миссионерская беседа не есть в тесном смысле проповедь, предлагаемая слушателям с целью побудить их на известного рода нравственный поступок, как например: любить ближнего, не пьянствовать, не прелюбодействовать и пр., ... а – полемика по вопросам *веры* и притом, по характеру и содержанию своему, зависящая от болезни и требований немощного в вере собеседника. Чего же требует от миссионера и чем болеет сектант или раскольник?

«Докажите нам истину вашего вероучения и ложь нашего упования, говорит сектант миссионеру, и докажите не от своего разума, и не от измышлений сердца, а *от строки Св. Писания*, или, если то будет раскольник, *«старопечатных книг»*... И на первую попытку миссионера повлиять на заблудших – доказательствами «от сердца» или «ad hominem» его собеседник-сектант тотчас с улыбочкой ответит: «Эх, г. миссионер, не о том мы вас спрашиваем; вы нам туману поменьше разводите; все то мы знаем, что вы человек ученый и красно говорить можете; хотите поучать, так поучайте своих, а с нами давайте побеседуем о предметах нашего упования; по части же жизни в міру нам и без вас заповеди ведомы, не язычники мы: и ближнего по силе любим и водки поменьше православных пьем... Лучше вы вот, растолкуйте, в чему у нас с вами разладица... В Писании сказано: не делай изображений мужчины и женщины, а вы понаделали. Может, мы и «немудрые», так уж Бог нам судил, а что-то не находим, чтобы Писание велело нарисовать Спасителя, аль Божию Матерь, аль Николая Угодника"... И тут же другой сектант лукаво добавит: «нешто учение Николаитов Господь уважает?» (Апок.2:15). За этим пойдут другие вопросы и все такого же рода: где в Писании сказано тремя перстами креститься, длинные волосы пастырям носить, или в храме сидеть? Это антихрист в храме сядет, раздается из сектантской толпы. А там пойдут речи о «золотой чаше в руке жены» (Апок.17) с явным указанием, что это «православная чаша причащения» и т.д. и т.д. ... С трудом миссионер удержит своих собеседников на одном предмете беседы и приступит к подробному выяснению его «от Писания». Кто скажет, что миссионер должен уклониться от решения этих вопросов и притом по букве писания или старопечатных книг, тот не знает ни сектанта, ни раскольника. Вопросы «видимого упования» или вопросы обрядовые и догматические с внешними их проявлениями для того и другого – вопросы жизни; над их решением он просиживает не один день и своими выводами волнует целое село, тем более что каждый сектант в своем роде – миссионер... В *интимной* ли беседе с сектантом, или *на публичной* вы столкнетесь все с *одними и теми же* вопросами, все с *одной и той же* постановкой их и все с *одним и тем же* требованием «показать от Писания». Так в селе, так в городе, так и в столице. Если же действительность такова, то виноват ли миссионер, употребляя в своих беседах с сектантами «приемы чисто-рационалистические», т.е. решая запросы своей больной паствы применительно к ее действительному духовному гладу – *"от строки Писания"*.

Говорят, что миссионер не должен спускаться до уровня совершенства сектанта, а возводить последнего до своего уровня. Но полагаю, что такое средство возможно прописать только на бумаге, а провести его в жизнь *ex abrupto* невозможно. Необходимо прежде спуститься до уровня совершенства больного пациента, если это, конечно,

не соблазняет других, поговорить с ним на его языке, а затем уже незаметно для пего самого возводить его от степени в степень, иначе вы для него будете чужестранец (Кор.9:19–22).

Таким образом, если миссионер в своей борьбе с заблудшими, путем публичных или же частных бесед с ними, бросит те приемы, которые называют «чисто-рационалистическими», то с уверенностью можно сказать, что он погубит дело миссии, так, как и среди сектантов и среди православных поселит убеждение, что православное учение основано не на Св. Писании, а на философии и пустом обольщении, по преданию человеческому!...

Что же касается «сердечности» в миссионерской полемике, то полагаем, что она необходима не только в полемике, но и во всех отраслях миссионерской деятельности и состоит в том, что каждое свое слово миссионер растворяет чувством любви и сострадания к заблудшему, что свое дело он ведет не как машина, а как преданный миссионерству душою и телом. Такая «сердечность» не измеряется набором «помазанных» слов, а, так сказать, исходит от всего миссионера. Слово такого миссионера действительно и когда он «светит миру» и когда с кем-либо, как с евнухом, говорит наедине.

Публичные беседы, говорят далее, нужно бросить еще и потому, что они дают большую пищу для праздных Пересудов и небольшой процент обращений и, таким образом, не достигают своей цели: массовых обращений сектантов или раскольников в лоно Церкви.

Но кому из миссионеров неизвестно, что интимные беседы их с сектантами, и особенно с сектантскими представителями дают еще большую пищу для пересудов? Приведу один из многих примеров: как-то в с. Разказово, Тамбовской губ., после публичной беседы с сектантами, ко мне подошла группа православных, среди которых были к очень почтенные лица, и убедительно просила меня не ходить в дома сектантских заправил для частных беседок с ними «один-на-один», потому что, по отъезде миссионера, эти лица распространяют про такие беседки очень обидные для православных небылицы. И я не раз имел возможность убедиться, что доверять честности сектантских заправил можно только тогда, когда поставишь себе за правило: жить абстракциями, а не действительностью!... Но что же? Неужели миссионеру бросить частные беседы с сектантами из боязни кривотолков?... Не лучше ли поискать средств к устранению пересудов, чем сокращать самое дело миссии в явный ущерб последнему?

Публичные беседы, говорят, излишни и потому еще, что дают небольшой процент обращений и не достигают своей цели: массовых обращений заблудших в православие.

Мы по будем говорить о том, что, за некоторыми исключениями, сам сектант на публичной беседе не сознается во лжи своего «упования», что

свой переход в православие он совершает втихомолку, как из ложного чувства стыда, так и из боязни своих «собратий». Но на публичной беседе он имеет полную возможность убедиться во лжи своих «пресвитеров» и вот, когда он приходит к батюшке с просьбой «присоединить» его, или едет за этим на сторону, что бывает очень часто, потрудитесь-ка определить: под влиянием публичной или частной беседы с ним миссионера созрела в его душе решимость присоединиться к православию? Нередко сам сектант отказывается дать на этот вопрос определенный ответ и понятно почему: наблюдать за жизнью души несравненно труднее, чем за течением самой быстрой реки, а разобраться в этой жизни и тем более!... Но все же, насколько можно судить об этом со слов бывших сектантов, публичные беседы миссионеров всегда врезывались в их душу и служили одним из самых сильных побуждений к обращению их в лоно православной церкви.

С уверенностью скажем, что прежде чем миссионер не подорвет авторитета сектантских заправил доводами «от Писания», до тех пор он не откроет себе сердца искренно заблудшего рядового сектанта. А этого и можно достигнуть только при помощи публичных бесед, так как невозможно же миссионеру ходить с сектантским начетчиком по избам и перед каждым заблудшим в отдельности устраивать беседу с его наставником. Если же миссионер сам придет к рядовому сектанту, то последний тотчас скажет ему: я неграмотный, малосведущий, а вы лучше поговорите с нашим братом N., – он у вас за «старшего»: мы же послушаем вас и тогда решим, кто из нас идет по Писанию. И все попытки миссионера завязать разговор останутся тщетными, если он не проведет прежде публичных бесед со «старшим» у сектантов. Такова внутренняя связь между сектантским пресвитером и его паствою и миссионеру необходимо прежде всего порвать или ослабить именно эту связь и притом путем гласным, публичным, чтобы внушить к себе доверие не только со стороны рядовых сектантов, но и местной православной паствы, нередко живущей под обаянием «учености» сектантского «пресвитера». Лишенный в приходе доверия, сектантский «пресвитер» или смиряется духом, стушевывается, или еще более ожесточается, чувствуя, что с потерю своего первенства он лишается и многих земных благ... Если же миссионер начнет с того, чтобы заручиться симпатиями сектантских «пресвитеров» путем интимных с ними беседок, то он, во-1-х, тотчас возбудит и среди рядовых сектантов и среди православных недоверие к своей деятельности и тем обесценит особенно в глазах сектантов факт присоединения к православию их «пресвитера»; а, во-2-х, что очень важно, вскоре убедится, что среди «передовых» сектантов слишком мало лиц, искренно и бескорыстно верующих в истину своего «упования» и ищущих спасения «по Писанию». Отсюда, невольно явится у миссионера

неотложная нужда в том, чтобы как можно скорее снять с темных, рядовых сектантов умственно-религиозный гнет их «передовиков».

Мы не можем согласиться с тем, чтобы публичные беседы оценивались количеством происшедших на них обращений заблудших в лоно Церкви, и чтобы в «массовых обращениях» видеть единственную, или хотя бы главную цель публичных бесед. Что таковые обращения на публичной беседе, в огромном большинстве случаев, *и не могут быть*, об этом мы уже сказали. Но к сказанному считаем долгом прибавить несколько слов в разъяснение *истинного значения* публичных бесед.

Прежде всего спросим: кто навязывает публичным беседам вышеупомянутую цель – «массовое обращение заблудших»? Миссионеры? Нет! А кто же? Это: а) или враги миссии, стремящиеся возложить на выю миссионеров «иго неудобноносимое», чтобы затем проливать «крокодиловы слезы» о недостижении миссией этой цели и, как бы нехотя, ставить на очередь вопрос об уничтожении миссионерского института, так сильно мешающего им сеять на народной ниве всевозможные плевелы... б) или искренно желающие чем-либо помочь миссии, но по неопытности, дающие миссионерам неудобноисполнимые советы. Я не имею никакого желания говорить здесь о тех печальных явлениях, имеющих у нас место, когда люди, *по личной неприязни* к деятелям миссии, трубят об уничтожении миссионерского института, для чего только прикрываются тем соображением, что миссионерские-де беседы не сопровождаются «массовым обращением заблудших»!... Наше слово будет только к искренно ревнующим о благе Церкви. Только им мы скажем несколько слов об истинном значении публичным миссионерских бесед.

Необходимо принять во внимание, что публичная миссионерская беседа ведется с *представителями* сектантских общин, которые связаны с своими последователями главным образом, узами не св. Писания. Насколько дорога «передовым» сектантам истина, можно отчасти судить потому, как легко они меняют секты при условии *всегда стоять во главе*. Сверх того, они находятся в большой зависимости, особенно материальной, *со стороны* и эта зависимость несравненно тяжелее местной. Вот почему миссионер, хотя имеет дело на публичной беседе с сектантским «пресвитером», но преимущественною своею целью поставляет воздействовать чрез обличение и увещание «пресвитера» на массу рядовых сектантов и православных, живущих в общении с сектантами и подвергающихся влиянию их «пресвитера». Более подробно цель публичных бесед можно формулировать так: они дают миссионеру возможность – а) подорвать в глазах крестьян авторитет сектантских наставников и тем снять умственно-религиозный гнет последних, как с рядовых сектантов, так и с немощных православных, б) открыто защитить православие от нареканий, что оно, как говорят сектанты, якобы «лишь

шепчет в кулак», в) гласно пред народом, в среде которого работают сектанты-пропагандисты, доказать ложь сектантского учения, г) показать православным на живом примере³⁰⁸, как им должно защищать себя от сектантов учением Слова Божия, д) подойти с открытым лицом, в сознании *доказанной* своей правоты, к душе рядовых сектантов и немощных православных, которые в таком случае с большим доверием и сердечностью откликаются на речи миссионера, с) поднять в общей массе крестьян угасающий и раздуть уже погасший дух православия и побудить их не только к хранению православной веры, но и к защите ее и ж) сильнее расположить и приблизить крестьян к деятелям миссии³⁰⁹ и тем дать последним возможность глубже проникнуть в тайники религиозной жизни народа и там подготовить благодарную почву для всестороннего влияния Церкви на сердца особенно немощных и заблудших ее чад. Восьмилетний миссионерский опыт убедил нас в том, что после успешной публичной защиты православия в душе ищущих истины, но заблудших, зарождается склонность к православию, просыпается пылкость и возникает целый ряд вопросов, которые нередко также разнообразны, как разнообразна религиозная психика крестьян. И вот тогда уже необходимо прийти на помощь к каждому больному отдельно и *в частой беседе* с ним удовлетворить его религиозно-нравственным запросам. Впрочем, нередко и частная беседа переходит в публичную, по количеству слушателей.

Частные беседы с заблудшими, с немощными православными и даже просто с вопрошающими чадами Церкви миссионер считает своим неперенным долгом вести в каждом приходе, конечно, по мере физической возможности. Не раз мы наблюдали, что чем успешнее проходила наша публичная беседа, тем больше являлось охотников побеседовать с нами в тесном кругу, или наедине, тем откровеннее шли эти беседы и тем плодотворнее они были. И эта тесная связь между публичными и частными или интимными беседами вполне понятна. Ведь внутренняя жизнь обыденной личности находится в большой зависимости от настроения окружающей ее среды. И если публичная беседа создает в массе известное настроение, то последнее властно прокрадывается в душу каждого слушателя и там творит обновление ее. Таким моментом и пользуется миссионер, чтобы довершить обновлено отдельной души по заветам Церкви Православной.

Понятно теперь, что публичные и частные беседы с заблудшими и другими чадами Церкви являются для миссионера главными камнями, на которых он строит свое миссионерское здание. И мы глубоко убеждены, что фундамент из этих камней не только прочный, но и крайне необходимый, особенно в наше время и притом в той среде и при тех условиях, в какой и при каких миссионеру приходится действовать. Эти камни, этот фундамент заложен Христом. На нем Церковь со времен апостольских строила и, уверены, что и впредь будет строить живой храм

Господу Богу. Правда, публичная полемическая беседа для миссионера – бремя тяжелое и весьма ответственное. Но снять его с миссионера нам не велит наша совесть, не велит, наконец, польза Церкви Христовой и завет ее Основателя.

Говоря о публичных и частных беседах с заблудшими, мы отнюдь не устраним для миссионера возможности и даже необходимости, особенно в зараженных лжеучениями приходах, прибегать и к обычной *проповеди* в храме и других местах, когда слушателями являются почти всегда исключительно православные. Но мы только утверждаем, что публичные и частные беседы с заблудшими и немощными православными представляют собою два главных камня, лежащих в основе миссионерского делания. Посему на них и должно быть обращено *особливое* внимание миссионера.

Характер миссионерской полемики. Когда мы отвечали на вопрос: нужна ли миссионерская полемика? – то мы начертили два типа полемики: один отрицательный, а другой положительный или апостольский. Обрисовывая апостольскую полемику, мы тем самым определяли и характер миссионерской полемики. Несомненно, что последняя должна быть запечатлена духом Апостольским. Она должна быть кротка, назидательна, долготерпелива, благоговейна, незлобива, приветлива и учительна (2Тим.2:23–26; 3:8; 4:2). Все, присущее «глупым и невежественным состязаниям», когда люди спорят из любви или страсти к словопрениям, должно быть чуждо миссионерской полемике (1Тим.6:4–5; 2Тим.2:23.). Как бы ни был груб, бранчлив и невежествен собеседник миссионера, последний должен увещевать его с кротостью, незлобием и долготерпением. Более того, к такому же отношению к заблудшему он должен побуждать и всех слушателей, погашая духом любви вспышки гнева со стороны слушателей на сектанта или на раскольника. В крайнем случае, если негодование слушателей принимает грозный вид, то тихо и с любовью внести в полемику молитвенное настроение, пригласив всех пропеть молитву, или даже отслужить молебен о вразумлении заблудших и затем спокойно расходиться по домам. Не подлежит сомнению, что моление, особенно продолжительное, успокоить страсти народа и он разойдется с миром в душе.

Методика миссионерской полемики. Вопрос, с чего начинать беседы с сектантами? – много раз обсуждался в миссионерской литературе и на миссионерских съездах. С своей стороны мы ставим ответ на этот вопрос в зависимость от того, о чем собственно должен беседовать миссионер? Несомненно, о *вере Христовой*. Таких бесед требует от него и сектант. Здесь у них общая точка отправления. Далее пред ними невольно встает также общий вопрос: откуда каждый из них черпает *веру Христову*? У того и другого в руках Библия. Уже это свидетельствует, что оба они пришли побеседовать о вере Христовой не от себя, не от собственного вымысла,

а от св. Писания. Но как каждый из них смотрит на книги св. Писания? Этот вопрос требует разъяснения и есть *исходный* для всей их дальнейшей беседы. Не разрешить его значит начать дело собеседований с неизвестного. Посему и необходимо в беседе с сектантами прежде всего выяснить взгляд их на источники христианской веры, с точки зрения которых они оспаривают истину православия и отстаивают свое учение. Это важно и по следующим практическим соображениям: сектант черпает свою веру только из книг Св. Писания или Библии и старается привить такой же взгляд на Библию, как на единственный источник христианской веры, и православным. Отсюда у православных, общающихся с сектантами, образуется привычка искать указаний на все, что есть в Православной Церкви, только в Библии. Понятно, что, не находя многого в Библии, они вступают на путь соблазнов, чем искусно пользуются сектанты. И если в вопросе об источниках христианской веры не последует у миссионера соглашения с сектантом, то все же беседа об этом внедрит в сознание слушателей, что нельзя искать в Библии ответа на все вопросы веры, что есть еще и другой источник христианского вероучения. А уже одна мысль об этом предохранит многих от соблазна сектантством. Особенно, если важность Св. Предания будет обстоятельно выяснена и со стороны необходимости его для правильного истолкования Св. Писания. Так что вопрос об источниках христианского вероучения мы считаем неотъемлемой принадлежностью и притом *начальным* в полемике миссионера с сектантами.

Одновременно с вопросом об источниках христианского вероучения, необходимо внедрить в сознание сектантов и всех вообще слушателей, что принимаются для разъяснения недоумений и «свидетельства человеческие» (Ин.5:9) и что первый лишь больше и важнее последних. Это побудит сектантов изучать историю церкви и перенести полемику на более сознательную почву, чем привязанность к букве Писания. И самая буква Писания тогда будет ими пониматься несравненно разумнее.

Все другого рода вопросы могут быть предметом бесед не в зависимости от какого-либо строгого порядка их, а лишь применительно к потребностям слушателей и немощных чад Церкви. При этом миссионер обязательно должен подкреплять свои суждения и ссылками на Св. Предание и свидетельствами церковной истории, несмотря на то, примет ли их или не примет его собеседник-сектант. Таким путем миссионер закрепит в сознании слушателей весьма важную для успеха миссионерского дела мысль о необходимости решать вопросы на основании и других источников, кроме Библии. Да и каждое слово миссионера будет являться обоснованным на известных источниках, а не на собственном вымысле и чрез это будет действеннее сектантской речи.

Как завязать беседу с сектантами? Конечно, этот вопрос возникает только тогда, когда сектанты молча присутствуют на беседе. В таких

случаях необходимо беседу вести апологетическим методом, разбирая несправедливость сектантского учения об известном предмете веры. Если сектанты не вступят в беседу, то указать им на повеление Ап. Петра: «будьте всегда готовы всякому, требующему у вас отчета в вашем уповании, дать ответ с кротостью и благоговением». Если опять они не пожелают беседовать, то указать на *противление* их заповеди Ап. Петра. Все эти указания и увещания должны быть кроткими и назидательными. Исчерпав освященные Христом и Апостолами способы завязать беседу с сектантами, необходимо дать полную возможность православным высказать все, накопившиеся и царящие среди них недоумения, а затем постепенно разрешить их. Беседа и в таком виде принесет большую пользу делу миссии в приходе.

В какой форме вести беседу с заблудшими? Собственным опытом мы убедились, что продолжительные речи обеих сторон мало способствуют выяснению пред слушателями, особенно пред крестьянами, спорного вопроса. Получается впечатление, что и миссионер говорил много, и сектант не меньше. А на чьей стороне правда, этого собственным умом крестьянин не разрешит. Посему лучше вести беседу кратким диалогом или путем совопросничества, чтобы каждый вопрос немедленно получал себе разрешение. Это – любимая крестьянами форма собеседований. И только предварять, и заключать беседу можно более продолжительным словом на тему беседы. Что касается *перерыва беседы* с целью передохнуть, то это зависит уже от усмотрения миссионера, который и этом случае будет соображать, не сгладить ли такой перерыв впечатления беседы на слушателей, не понизит ли в них отрадного воодушевления? В своей личной практике я редко прибегал к перерыву, хотя бы беседа продолжалась и до восьми часов. Но если перерыв сделан, то необходимо заполнить его пением духовных молитв и песнопений, чтобы религиозное настроение в слушателях не превратилось во взаимную распрю по вопросам беседы и чтобы шум и гам от входящих и выходящих не нарушали божественной гармонии беседы.

Положение собеседников. В настоящее время сектанты особенно часто стали изъяслять претензии на то, чтобы во время беседы стоять рядом с миссионером или же сменять друг друга за кафедрой, и чтобы им также говорить лицом к народу. Если подобных требований нельзя отклонить, то миссионеру никогда не надо сходить с своего места и уступать его сектанту. Народ всегда на беседе должен видеть *лицо* миссионера – это психология беседы. Но удовлетворить требование сектанта-собеседника возможно другим путем, – это поставив ему другую кафедру, стол и т.п.

Время бесед определяется свободой крестьян от полевых работ, а место избирается по усмотрению миссионера и пастыря прихода; причем,

если возможна со стороны сектантов грубость, то в храм не устраивать бесед.

Как приглашать сектантов на беседы? Самым лучшим способом должен быть признан тот, когда «кружки ревнителей православия», или вообще православные прихожане, а особенно православные члены смешанных семей, сами, по просьбе священника или миссионера, зовут сектантов побеседовать. Но хорошо, если и миссионер с пастырем побывают у сектантов и лично пригласит их на беседу в школу, храм и проч. Можно приглашать и письменно. Но всячески должно избегать приглашений сектантов на беседу чрез посредство лиц, состоящих в приходе на полицейской или земской службе, чтобы не дать никакого повода к обвинениям в насилии. Единственным основанием приглашения сектантов на беседы должны быть слова Ап. Петра (1Пет.3:15) и вообще Св. Писания.

Полнота миссионерской полемики. Миссионерская полемика со стороны разработки в ней *тех или других* вопросов веры и жизни стоит в зависимости от требований текущего времени. Считаясь с запросами современности, она решает их в духе учения Христа и Его Св. Православной Церкви. Наше время с его резкою социально-экономическою и политическою борьбой выдвинуло на первую очередь много таких вопросов, которые раньше лишь изредка всплывали на поверхность житейского моря и которым посему мало уделялось или вовсе не уделялось внимания в миссионерской полемической литературе. Сверх того, эти вопросы нередко решаются теперь у нас не только отдельными лицами, но и целыми партиями, группами и братствами, как например: партиями социал-демократов и социалистов-революционеров, «Группою христиан», «Христианским Братством Борьбы» и друг. – на *христианской почве* и проводятся в жизнь под *знаменем Христа*. Все это будит уснувшую, волнует пытливую мысль христианина даже в захолустной деревне, а особенно в зараженных сектантами приходах, где многие давно уже лелеют социально-коммунистические мечты. Под давлением новых дум и сомнений православный горожанин, а тем более сельчанин, идет за советом к пастырям и служителям Церкви. И последние *должны* разрешить его сомнения, *должны* успокоить его мятущуюся совесть. Посему необходимо, чтобы миссионерско-полемическая литература обстоятельно и в доступной для народа форме разработала и осветила с христианской точки зрения следующие жизненные вопросы нашего времени: во-1-х, вопрос о частной собственности и общности мнений; во-2-х, вопрос о добром и преступном богатстве, а также о доброй и преступной бедности; в-3-х, вопрос о необходимости и значении для человека труда; в-4-х – о власти: ее происхождении, свойствах и назначении; ее правах и обязанностях; о необходимости повиновения властям и о крайнем пределе повиновения;

в-5-х – об истинной свободе, равенстве и братстве; в частности: о совместимости свободы с порядком и законностью, а равенства и братства со старшинством одних и повиновением других; в-6-х – о стачках и забастовках; в-7-х – о возмездии за преступление в связи с оценкой одного и того же действия с точки зрения преступления и с точки зрения возмездия или наказания за преступление и, в-8-х, наконец, все вообще вопросы, выдвинутые разлившимся по всему лицу земли русской учением социалистов, коммунистов, революционеров и анархистов. Каждый вопрос должен освещаться с христианской точки зрения так, чтобы в его решении можно было найти и опровержение ложных взглядов, порожденных теми или другими социальными учениями. Возьмем для примера вопрос о происхождении власти. В его решении, соответственно нуждам нашего времени, надо рельефно обрисовать то положение, что узаконяющею властью санкцией является *воля Бога, а не народа*, потому что делегацией власти от народа, как суверена, уничтожается взгляд на носителя власти, как на «небесного» или «Божиего помазанника», что противоречит учению Св. Писания и, в частности, учению Христа и Его св. Апостолов и т.д., и т.д. ...

Кроме перечисленных религиозно-социальных вопросов миссионерская полемическая литература должна пополниться разработкой и вопросов чисто-религиозных. Здесь на первом месте стоит вопрос о взаимном отношении двух заветов: Ветхого и Нового. Сектанты, отрицающие «*видимость*» в Церкви: церковные обряды, внешнюю сторону в таинствах и пр., обосновывают свое отрицание на том соображении, что вся вообще «*видимость*», о которой упоминает новозаветное св. Писание, является остатком ветхозаветной обрядности. Последняя полностью уничтожена Христом. Христос пришел «исполнить всякую правду», – говорят они, – т.е. выполнить весь ветхий закон и тем самым отменить его навсегда, что и исполнилось, когда Христос в момент Своей смерти сказал: «свершилось», т.е. кончился ветхий закон, как о том и говорит Ап. Павел: «кончина закона – Христос». Со смерти Христа начался новый завет, как и сказал Христос: «новый завет в Моей Крови». В новом завете поклонение Богу надлежит воздавать в «духе», а не «*видимости*». Если же и после смерти Христа Апостолы придерживались «*видимости*», то это потому, что они не могли сразу отрешиться от всех обрядов, от предписаний своего прежнего закона, а иногда совершали обряд, чтобы не соблазнить немощной совести верующих их иудеев. Так, они продолжали ходить в храм, приносить жертвы по закону, совершать омовение водою или водное крещение, молиться руками, мазать елеем и проч. ... Между тем для истинных христиан, которые находятся не под законом, а под благодатью, – все эти дары, жертвы, омовения и храмы не нужны. Истинный христианин крестится не водою, а в смерть Христа (Рим.6:3). как крестился Сам Христос, на что и Апостолам Он указал и

т.д., ... и т.д. ... И какой вопрос не поставьте предметом беседы с такими сектантами (преимущественно молоканами), они все сведут: и храм, и водное крещение, и елеопомазание, и иконы и пр. ... – к Ветхому Завету, который-де полностью отменен смертью Христа. Так что необходимо прежде решить общий и главный вопрос об отношении Ветхого завета к Новому. В нашей полемической миссионерской литературе этот вопрос, почти совсем не затронут, что объясняется сложностью данного вопроса. Когда выяснится общая мысль, что не все из Ветхого закона упразднено, что многое видоизменено, а кое-что и оставлено в прежнем виде, тогда уже в каждом отдельном вопросе: о храме, иконах и т.д. ... будет обсуждаться частная мысль, т.е. отменены ли храмы, иконы и проч. ...

Б зависимости от такого взгляда сектантов на Ветхий Завет миссионерская полемика по вопросу, например, об иконах, должна исчерпать собою не только возражения, что «иконы – идолы», но и более трудные, когда сектанты признают иконы священными изображениями, но отрицают их на том основании, что они даны были для Ветхого Завета и притом по повелению Бога. Между тем последнего рода возражения в нашей полемической литературе или едва разбираются, или совершенно обходятся. Также и в вопросе о водном крещении необходимо подробно доказать, что крещение не есть ветхое омовение. Вообще должно сказать, что сектантская изворотливость в защите своего учения прогрессирует и новозаветную обрядность более умные сектанты отвергают уже не отдельными упреками в идолопоклонстве и проч., а общим обвинением в служении букве Ветхого Закона. Так что такое обвинение должно предвидеть при решении каждого вопроса миссионерской полемики.

Я не касаюсь здесь неправильного решения в нашей полемической литературе некоторых вопросов, натяжек и т.п. недостатков, так как все это не имеют отношения к полноте миссионерской полемики. Но укажу еще на некоторые вопросы, которые, по моему мнению, должно подробно разработать в миссионерской литературе. К числу таких вопросов принадлежит вопрос о чудесах, как признак истинной Церкви Христовой, в которой пребывает полнота даров св. Духа. Обличение заблуждений жидовствующих, хлыстов и скопцов, также требует большого внимания со стороны миссионерской литературы. Необходимым признаю ко всему сказанному добавить, чтобы каждый вопрос в полемической литературе обстоятельно разрешался при свете св. Писания, св. Предания и Истории христианской Церкви. Польза от этого для миссии неоспорима.³¹⁰

Итак, миссионерская полемика нужна, законна, проявляется в публичных и частных беседах, ведется в духе кротости, назидательности, учительности, долготерпения и благоговения, строится по известной методике и должна исчерпывать полностью недоуменные вопросы, со стороны их количества и содержания.

Харьковский епархиальный миссионер

Иван Айвазов

**По сектоведению // «Миссионерское Обозрение», 1906, № 5,
стр. 690–704**

III.

9) Вечное царство Искупителя откроется страшным судом.

Вышний Владыка Судия провозвестит о суде с неба трубным звуком, потом сойдет на землю со всею небесною силою, поставит весы и всех потребует к ответу. Страх охватит тогда всех. Суда этого недолго ждать. Время его близко. А потому нужно оставить гордость и угоду плоти и со слезами, смирением и постом ожидать пришествия Судии.

Небеса радость поют,
Хвалу Богу воздают
За великий Его труд
Загремит Вышний Владыка
Во двенадцать страшных труб.
На матушке на земле,
Во израильской семье.
Судить Агнец будет суд.
Такого страшного суда
Не бывало никогда,
А судил вам Мой пророк.
Покрывал грешным порок –
Он до время до поры,
Чтобы ждали. С Сион горы
Катит грозен к нам гонец
Саваоф Господь Творец,
Милосердый наш Отец,
Избранный Божий Сын.
И вся сила Божья с Ним –
Все Ангелы, Архангелы,
Херувимы, Серафимы
И вся сила Свет небесна.
Утвердит Наш Государь
Свои страшные веса,
Поколеблются телеса,
И от страха Его гласу,
Грома страшного, ужаса,
Многи будут держать страх,
Судья скажет – на ответ,
А кто не хранил мой свет,
И не шел во мой след?...
Все ли Богу, мои дети,
Держите данны вам заветы?...

Я вам милости снискал.
Соловей гнездо свивал,
По ночам он рано пел,
А виноград мой белый
В садах спел и зеленел.
На дрена ваши садился,
Сладким пеньем усладился.
Почто ветви повредили.
Живу Богу не угодили.
Страдать Его проводили,
Плоть богатством оградили
Тем вы души погубили.
Всюду цветы посорвали,
Плоды мои поснимали,
На беседах много спали,
Во саду моем зеленом
Соловью места не дали.
В том поруку вы давали.
Чтобы муку миновали.
Я жалел вас, Искупитель.
Чтоб от стадичка не отстали.
А теперь вы мои друзья,
Пред судом вы Божиим, стали.
Спохватитесь, мои друзья;
На святой Божьей округе
Вертитесь, мои друзья.
Когда крест не понесете,
То и души не спасете.
Сребра и золота у весь много,
Заставили страдать Бога.
До суда времени немного.
Вы вставайте, пробудитесь
От телесного, друзья, сна.
Светильнички в сердце жгите
Меня Бога с судом ждите
Дни златые провожайте,
Плотям своим не угождайте.
А суд страшный уж у двери.
Все пороки обзрите,
Во слезах Бога примите,
Во кротости, во смиреньи
Мои друзья помолитесь,
Друг на друга не гордитесь.

Скоро Батюшка родимый
До нас грешных умилился,
И с покровом к нам явится,
По заслугам даст награду,
Своим верным – отраду,
Соберет овец в ограду,
Который без пороку –
То – учителя, пророки,
Чины девственны непорочны,
Грехов тяжких недоточны.

10) Суд будет в Москве. Искупитель батюшка откроется с чудесами. Он вострубит во сто труб – и вся Россия изумится его славному явлению. Соучастником в суде будет Дух Святой и Матушка Царица. Времени до суда немного. Нужно поститься, говеть и терпеть, чтобы с честью встретить Христа. Нужно оставить также и всякую заботу о теле, а вместо того – приобретать сокровища духа – веру, любовь, чистоту и смирение.

Успенья Божья Мать,
Пошли свою благодать
Во все чистые сердца
Проповедать про Отца.
Пошли Сына с высоты,
Мы остались сироты.
Души плачут в телесах –
Виден Агнец в небесах.
Унывает Дух наш в теле,
Ждем на всякой мы неделе.
Дух Святой нас утешает,
В страхе время совершает.
Судит Матушка Царица,
Полетит к нам Орел птица.
Уж этому не бывать.
Чтобы верным унывать.
Откроется Бог Богам,
Судья праведный наш сам.
Откроется с чудесами –
Увидите тогда сами.
Объявится Царь пред нами,
И не будет Москва в пламени,
Не сгорит она, не утонет,
И никто ее не тронет.
Отец числа отстрадал
И на крест Себя отдал.
Дух евангелie складал,

Все страды его, терпенье.
Сама Матушка Успенье
На Господа уповала,
На глас она распевала,
В соборе Христа убирала,
Который за нас умирал.
На кресте он Свет распят.
Протекли реки Его кровью.
Судить суд Он будет вновь.
Судит Матушка Царица
И Дух Святой – райская птица.
Катит с неба колесница
К Илье Божию пророку.
От Христа чиста дорога
А время идет немного.
С чем мы встретим жива Бога?
Его жизнью, страдами.
Тем мы ему не угодили –
Далеко Света проводили.
Вот какое, други, дело
Что нам Матушка запела –
Сердца наши обогрела
С неба своей теплотою
И покрыли высотой,
Приказала Христа ждать.
Чтобы в очи увидеть
А нам надо поболеть,
Попоститься, поговорить
И душою пострадать,
Чтобы честь Христу отдать.
Возлюбите Божье слово,
Не ходите без покрова,
Ожидайте моей славы,
Приклоните свои главы
Жив Бог, жив Царь наш на свете,
А мы, Свет наш, Твои дети.
Ожидайте с неба суд,
Велик Батюшка твой труд.
Кать вострубит во сто труб.
Всю Рассею удивит,
Нас счастливыми явит.
Всем нам глас свой подает,
Птица райская вещает.

Чистота в крылах летает
Прямо к своему Отцу,
А время идет к концу.
Вы подумайте о том,
Оставляйте всяк свой дом,
Но жалейте телеса,
Ждите с неба чудеса,
Любовь пойте на гласа.
Доверяйтесь тому –
Бог живет в чистом дому,
Завсегда с детьми беседует
И никто про то не ведает.
Мы возьмем ему веру,
Любовь, правду, чистоту;
Как оставим простоту,
Тем дойдем мы в высоту.

11) Государь Батюшка заповедует детушкам достойно приготовиться к суду – оставить все телесное, взять одно только небесное. О том же завещал и Илья пророк, который заповедал молиться и не делать грехов «слабости».

Проглаголовал Государь
Изо уст своих златых:
Кабы вы, мои любезные,
Жили бы да не грешили,
А меня, жива Бога,
От себя не отпустили.
Кабы вы, мои любезные,
Оставили все телесное,
А взяли бы небесное.
Его дети не стерпели,
За ним во след полетели,
Просвирочки получали,
Сами голосом кричали,
Что судьбу не замечали.
Они в пречистых руках были,
А сердцами крепко ныли.
Была нам, други, судьба –
Дождемся страшного суда.
Илья пророк загремел
Слабо жить всем не велел.
Молитесь, не унывайте,
От слабости отставайте.
Оглянитесь назад,

Обозрите все пороки,
В чем вы прежде находились.
А наш Батюшка силен,
У него гора Сион,
Мы дождемся тех времен,
Как пойдет Царь наш, со славой,
Объявит он свой указ
Но будет верным отказ,
А грешным откажу.
Хоть на время погожу
И Аминь слово скажу.

12) Есть и другие варианты на ту же тему о страшном суде.

Царь Искупитель сойдет на землю с ключами от неба. С ним сойдет и вся небесная сила. Все небо зажжется тогда свечами. Искупитель сойдет на землю, поднимет белое знамя и поставит трон. Его окружать цари и патриархи. Херувимы и серафимы будут стоять около трона. Илья пророк с Предтечею будут держать над ним корону. Туг же будет присутствовать и ап. Петр с ключами от темничных дверей. Искупитель зазвонит в большой колокол, и по этому звону соберутся в Москву все его верные сироты. Явный Царь России будет преследовать «детушек» мучениями, но Искупитель оградит их чудесами.

Во превышнем небе,
В пресветлом раю
От престола Духа Свята
Нову радость запоем.
Саваофу живу Богу
Убрать тайный кабинет,
Скоро будет новый век,
Будет радость во весь свет.
Саваоф со славой будет,
Со небесными ключами.
И все небо со свечами
Сына Божия встречать.
Матерь Божия вначале
Непорочна чиста дева
Во престоле жалко пела
И молила Тебе, Свет:
Почто страдам конца нет.
Кроткий Агнец отвечал:
Страдам моим есть начал
Во имя Вышнего Творца,
А страдам нету конца.
Скоро придет пора время,

Подниму я белое знамя,
Объявлю скоро указ,
Приготовьтесь на мой глас,
И реку я в один час.
Дни, минуты те настали,
Херувимски полки стали,
Серафимски поют славу,
Преклоняют низко главу.
А небесны патриархи
Все сградатели монархи
Управляют Отца трон
Илья пророк со Предтечей
Держат Агничу корону.
Все Ангелы, Архангелы
К суду страшному готовы
На главах венцы покровы.
И Архангельски соборы.
Светел месяц со лучами –
Петр Апостол со ключами
У темничных у дверей,
Где наш Агнец Бог Владыка
И небесный Архиерей
Сократил Он, Государь,
Гордых, лютых Он зверей.
Отопри замки, печати,
Пора страды покончати,
Чинам девственным, непорочным
Жива Бога в ризы белая облачати.
А вы детушки любезны
Извольте суд мой замечать.
В Слове Божьем говорится:
Огнем грех загорится.
Дух глаголет пресвятой:
Несите крест распятый свой,
И закон чистый, святой.
Я открыл вам тайный свет,
Призову всех на ответ,
Зазвоню я в большой звон,
Во всю землю будет стон
Соберу своих сирот.
О, прекрасная Москва!
Ты прославилась весьма.
В тебе будет Искупитель

Суд со славою судить.
Обещался Искупитель
Все иконы позлатить,
Златы венцы накладывать,
Чтобы небом завладать.
Чудесами Москву прославлю.
Я и Питер так не оставлю
Храбрых воинов поставлю
Тогда, други, не робеть.
Царь вас будет совращать,
Честью, славою прельщать
И мучением тращать.
Многих звери растащат
В темные леса,
В черные моря,
А с вами Бог, страдальцами,
Чудеса буду творить.
Ильи Пророка от престолу
Колесница загремит.

!3) Суд искупителя настолько близок, что считается как бы совершившимся фактом: воображение уже рисует возвращающегося из ссылки Искупителя. А с ним – силы неисчетные: миллионы и биллионы скопцов, как стаи белых голубей, тучами летят встречать его славное явление.

От белой зари,
От крутой горы,
От Иркутской,
Выкатало к нам
Красно Солнышко –
Сударь Батюшка,
Искупитель Свет
Выкатал он к нам
Ясным Солнышком.
Полный Духа Свет
Кораблем плывет.
В корабле том
Огонь, полымя.
Жарка молния.
В кораблях силы неисчетные
Миллионами, биллионами
Белы голуби летят тучами,
Летят тучами,
За крест мучены.

Все скопцы, бельцы,
Земли греческой.

В следующих двух песнях изображаются обстоятельства возвращения Искупителя-Селиванова из ссылки в Петербург (в 1802 г.), когда он некоторое время пользовался свободой и покровительством Императора Александра I-го.

14) Искупитель сидит на царском троне, в порфире и короне, имея в руках державу и щит. Явный царь ему служит защитником.

Как во Питере во граде,
При духовном винограде,
Жили праведны в ограде.
Стоял там Божий дом,
Радости были все в нем.
Он со царским со троном,
Со небесным со покровом.
Сидел Батюшка на троне,
Он в порфире был в короне,
А в правой руке держава,
А в другой ручке два щита,
А явный царь ему был защитой.

15) По другой песне, Селиванов изображается в Сенате, среди царя и вельмож ходатайствующим за свободу своих детушек.

Он страдает за нас Свет,
Вспомним всяк его завет.
Он нам притчу говорил,
Неволюшку растворил,
Открыл волюшку на век.
О том Дух нам святой рек.
Вы служите Отцу с верою,
Иди всякий его путем смело,
Наш Батюшка лучом светит,
За всех за нас отвечает,
Хотя слезы проливает.
Ко царю тайно катит,
Царское сердце сокращает
Рукой, сильною десницей
Во Сенате, при всех лицах.
Удивляются вельможи,
Что премудрый идет Суд Божий.
Творит Он волю по глаголу,
Переменяет нашу волю,
А нам плакать надо боле.
Наливайте слез сосуды,

Разбирайте Божьи суды,
Не угождайте плоти ради,
Поминайте Божьи страды.
Принесите всяк плоды
Совершенные к Отцу,
Приготовьтесь к венцу.
Будьте чисты все сердцами.
Предстань всякий пред зеркалом
Во пророческих трубах.
Пребывая всяк во трудах,
Во любви, вы во совете,
Чего нет краше на свете.

Кроме песен в честь Искупителя, к разряду вероучительных песен нужно отнести несколько стихов, прославляющих Пречистую Матушку Богородицу, некоторых пророков и ангелов.

16) Матушка Богородица есть достойная царица, скорая помощница в житейских бедах. К Ней нужно прибегать в молитвах.

Достойная Матерь Божия
Засудила суд неложный,
Строго с гневом поступила,
Жива Бога откупила
Казною своею небесной.
О, достойная Царица
Приказала всем молиться
И слезами горько литься,
Удостоилась страдати,
Душу святостью награждати
Многих в царствие провожати.
Всех нас грешных прощает
К нам на помощь поспешает
Научи нас Чистая Дева,
Как прожить нам здесь без гнева.
Станем Христа Бога славить
Святой престол Ему ставить.
Пришло время прославляться,
Второму Христу являться.
Начал в небе творить будет,
Как Наш Батюшка засудит,
Во все небушко затрубит,
Во всей земле будет слышно,
Это от Батюшки нам вышло.
Сойдет с неба суда много
Про живого Христа Бога

Все года, числа поставить
И часы его прославить
Пред лицом Творца прославить,
Достойно есть с Богом поздравить.

17) Матушка Богородица научает своих детушек радению. Радение – ремесличко Божие, труд Божий. Радеть нужно усердно, неустанно. С радением должно соединять молитву, чтобы благополучно переплыть житейское море и не увязнуть в тине мірской жизни. Песня изображает далее пречистое Успение Богородицы и приводит ее предсмертные заветы и наставления. Смерть Богородицы сравнивается с закатом солнца. Для принятия тела усопшей Богородицы Батюшка посылает с неба целый полк ангелов со свечами. Четыре патриарха на пеленах несут ее пречистую главу в седьмое небо, где будут называть ее царицей.

Наша Матушка родная в полку пребывала,
Она верных избранных научала,
Ремесличко им Божие вручала:
Вы, возлюбленные мои детушки, радейте,
Божиим ремесличком владейте,
Что которое главы сильная вам вручала,
И служить живому Богу научали.
Беспрестанно труды в небо предносите,
А у Батюшки вы милости просите.
Чтобы вам житейское море переплыти
Да у Батюшки в Сион граде быти,
Посреди нам синего моря не погрязнуть,
А при краюшке вам в тине не увязнуть.
О, великая надежда наша Мать!
Жаль Пречистую твою плоть земли предати,
Чтоб нам Матушку родную не видати,
Из пречистых уст глаголу не слыхати.
Неотступно она Саваофа просит
Из очей она слезушки росит,
И сердечные колена преклоняет,
Сама себя пред Батюшкой извиняет:
Государь, Родной Батюшка помощник,
Помоги мне сироте корабль управить
А святое твое имячко прославить.
С востока красное солнышко выходило,
И за темные оно облака заходило
И покрыло сыру землю темнотою.
А верные избранные замечали,
Что не будет ли от Батюшки печали,
Не пошлет ли полк ангелов со свечами

И четыре патриарха с пеленами
И положат нашу Матушку Родную
Понесут ее в седьмое небо ко престолу,
Пречистую главу будут принимати
И царицей ее будут называти.
О великая Царица наша Мать!
Жаль пречистую твою плоть к земле предати.
Неутешно будут праведные рыдати.
Знать нам Матушку Родную не видати,
Из пречистых уст глаголу не слыхати.
Наша Мать глаголет слова строго:
А вы будьте, мои детушки, готовы,
Вы снимайте с рук и с ног оковы,
Смиранных наш Батюшка принимает,
Горделивых же он отметаает.
Он и хочет их нещадно покарати,
Что нельзя им это время воротити.
По рукам и по ногам их тогда свяжет,
От вечного царствия небесного откажет.
Тогда злей будут страдати,
Что не умели ремесличком Божиим владати,
Тем лишились небесной благодати.

18) Матушка Богородица требует отчета у пророков – всегда ли они усердно радеют и не угождают ли плоти. Она дает им наставление упражняться в чтении евангелия и чаще возноситься мыслями к небу. За это в небе их примет Саваоф и облечет их в золотые ризы. Сама же Матушка неизменно пребывает с радеющими.

Наша Матушка родная
Со собором покатила,
Всех пророков запросила:
Нутка, здравствуйте, пророки,
Каковы ваши истоки,
Как часто ходите,
Как на кручи водите,
По округе ходите,
А плотям волю даете;
Это надо прекратить,
Только в небушко ходить.
Читайте евангелие –
Примут в небе ангелы.
Саваоф будет встречать
В златы ризы облачать.
Наша Матушка родная

По округе покатила,
Служителей удивила.
Служители совстречали
Они свечи засвечали.
Наша Матушка нетленна,
Как солнышко, непременно,
Во трех лицах воссияла,
Всех покровом покрывала.
Свет наш Батюшка Родимый
Во гостях у нас бывает,
Нагостился, распростился,
В седьмо небо укатился,
Засудил Божьим судом,
Взял Сына к себе в дом.
Одно словечко сказал,
Строго Сыну приказал:
Уж ты Сын ты мой сынок,
Я дарю тебе замок,
Еще золоты ключи,
Чтоб не спать тебе в ночи –
Братьев, сестер собирать,
Всех их кротко научать,
Ко царствию прилучать,
Постригать их во монахи,
Нарекать им имена,
Отдавать им стремена,
Золотые удила
Зануздывать свою плоть
Не пускать ко аду плоть.
Вы припомните поруку,
Обойдите горьку муку.
Свет наш Батюшка Родимый
На седьмом небе катает,
За престолом обитает,
Вокруг ангелы летают,
На свои жалостные корабли
Свет очами он взирает,
Всем избранным сиротам
Милость Божию посылает
И покровом покрывает.

19) Наряду с Матушкой Богородицей прославляется архангел
Гавриил, предвозвестивший ей тайну рождения от нее Искупителя.
Избранная Воевода,

Наша Матушка Родная,
Благодатная Мария
Благовещение имела.
Архангел Гавриил Тайну
Божью объявил,
На округе не молчал,
Неоднократно возвещал,
Святыми Духом отвечал.
Жива Бога назначал,
Чистая Дева вверилась,
По глаголу сотворилась,
Святым Духом воспалилась,
Благодать ей с неба лилась
Живой источник течет,
Дух Святой ко всем речет.
Птица райская поет
Глас небесный подает,
Приказ новый отдает.
Кто из вас, други, поймет,
Про Спасителя Христа
Путь дороженька чиста...

20) Прославляются также пророки – Даниил, Энох и Илия, долженствующие предварить своим пришествием суд Икупителя. Пророк Илия прославляется, как пример спасительного страдания и терпения:

Илия пророк был славен.
Его жизнь была невольна.
Били все его довольно,
Он в горах больше скрывался
Да слезами заливался.

21) Энох и Даниил вместе с Ильей пророком устраивают ковчег для всех Божиих людей – для белых голубей, и увещевают их плыть в этом ковчеге вниз по тихому Дону к спасительному дому Давидову, где Божий суд и правда.

Даниил, Энох, Илья.
Они судари пророки
Построили ковчег
Для Божиих людей
Для белых голубей.
Ребятунки молодцы,
Проплывемте мы, ребята,
Вниз по Тихому по Дону,
Ко Давидову мы дому,
Проплывемте мы туда,

Где Божии суда.
Протрубила к нам труба
Блаженная из рая.
Кто во трубушку трубил,
Того Батюшка любил,
Еще жаловал, дарил,
Он конями, богатырями.
Еще царствием небесным,
Еще раем преблаженным.

Этим мы и закончим обзор духовных песнопений скопцов Курской епархии. Мы далеки от мысли, что приведенные песнопения обнимают собой весь песенный материал, находящийся в обращении среди сектантов. Но думаем, что они в достаточной полноте раскрывают мировоззрения сектантов, касаются всех главнейших сторон скопческого учения и достаточно ясно показывают, насколько вообще безотраднo мирозерцание скопцов, как далеко оно от веяний жизни и как оно мертво. Отчуждение от всяких радостей и счастья жизни, призыв к терпению, к страданию, к бесстрастию, соединенному фактическим самоизуродованием, и к якобы ангелоподобной жизни, проникающие собой рассмотренные песни, сообщают скопчеству характер сложного религиозного психоза, противный истине подлинного христианства.

Священник Владимир Шевалеевский

Как проповедуют книгоноши

(Из отчета миссионера – книгоноши)

Прихожу я в один молоканский дом и предлагаю купить книги.

«А нет ли у тебя портретов наших вояк – Куропаткина, Макарова, Стесселя? – спрашивает меня старик: – вот их бы мы купили, пожалуй».

– Нет, говорю, таких нет. А есть у меня портреты тех воинов, которые победили не японцев, а все силы ада.

«Да это кто же такие?».

– А Господь, апостолы...

«О, это ты про иконы что ли!?».

– Да, да, про портреты наших защитников от врагов невидимых.

«Э, этого нам не нужно, мы о них читаем в Евангелиях; изображения их бесполезны».

– Эх, старина, старина, грех тебе! Ведь и про Куропаткина-то ты небось читаешь в телеграммах и газетах. И кажется, довольно бы. Нет, ты еще спрашиваешь их картины. Для чего? почему? Да читать про кого-нибудь – это одно, а кроме того хочется еще видеть и портрет или картину. Читаешь ты, примерно, про сражение. Нет, мало того, ты еще повесишь на стену и картину этого сражения: так оно понятнее, виднее, да и сердце больше трогается. А ведь в спасении – в этом все, чтобы сердце обратить к Богу...

И начав от сего, я благовествовал им о душевной пользе христианского иконопочитания и его различии от языческого идолослужения.

Другой раз, усталый, я попросился в молоканский дом попить чайку.

«Слышу я про тебя, дядя, говорит мне за чаем хозяин, что ты знаешь в Слове Божиим. Вот и библию с собой носишь. Но зачем же ты продаешь несогласное с Писанием?».

– Ты это про что? Как это несогласное?

«Да вон у тебя в коробе иконы».

– То-то и есть, что-несогласного-то в них с Писанием равно ничего нету.

Я пододвинул короб и стал вынимать из него одну за другой бумажные иконки.

– Вот тебе, смотри, например, – взял я одну, – нарисован Христос, на кресте распятый среди двух разбойников; у креста стоит Богослов и Богоматерь; вдали – город; кругом – толпа народа. Ведь это же все из Писания. Не веришь?

И я раскрыл Евангелие и стал читать о распятии.

Вот в этой близости к народу, простоте логики, естественности и жизненности построения проповеди – сила и польза книгоношества –

миссионерства.
Влад. Базарянинов

**По расколоведению // «Миссионерское Обозрение», 1906, №
5, стр. 705–714**

Как смотреть на Белокриницкую иерархию

Последователи Белокриницкой иерархии добиваются признания ее законности, хотя бы чрез Константинопольского патриарха, и обвиняют православную Российскую Церковь в люциферианской ереси за то, что при обращении членов означенной иерархии к православной церкви их принимают как простецов-мирян, или иноков. Некоторые, хотя этого обвинения и не высказывают, но заявляют, что при приеме их в сущих санах им легче было бы прийти к соединению с православною церковью. Заявления эти могут быть неискренни, искусительны только в известных расчетах, но есть и такие, искренность которых заподозрить нельзя. Отсюда является необходимость установить точный взгляд на белокриницкую старообрядческую иерархию, дабы определить и способ приема обращающихся. Взгляд этот может и должен быть установлен с двух точек зрения: со стороны догматико-канонической и церковно-практической, так как вопрос о способах принятия в церковь обращающихся не догматический, почему в разные времена церковь решала его не единообразно и не на основании только теоретических принципов, но и по церковному усмотрению пользы, или вреда для церкви.

Мнение наше со стороны догматико-канонической (теоретической) нижеследующее:

И прежде всего необходимо установить раздельность понятий «догматический» и «канонический», часто сливаемых, от чего получаются неверные, или, по меньшей мере, недостаточно точные представления о предмете и всегда спутанность в рассуждениях по известному вопросу. Правда, в некоторых случаях они и на самом деле сливаются, но во многих не могут быть сливаемы. Иллюстрируем нашу мысль двумя примерами, касающимися таинств крещения и брака, – которые едва ли кто станет оспаривать. Возьмем вопрос о крещении с некоторых, относящихся к нам сторон. Согласно повелению Господа оно должно совершаться «во имя Отца и Сына и Св. Духа» (сторона догматическая, непреложная), так что крещение, по Господней заповеди совершенное, есть действительное, а вопреки ее – не действительное и крещенный все равно, что не крещен; в апостольских правилах оно называется еретическим по существу и потому, что в то время такие еретики были, которые нарушали заповедь Христову (подробно сие раскрыто в нашем сочинении: «Критический разбор учения беспоповцев»). Но есть другие стороны в совершении этого таинства. По церковному устройству, по правилам и практике крещение должен совершать священнослужитель, по известному чину, известным способом (погружением). Нарушение сего, особенно в обдержность введенное, будет противозаконно, но

действительности его такая противозаконность не уничтожает: крещенный крещенным и останется. Принцип св. Киприана, что «еретическое», – в смысле всякого еретика или раскольника, – «крещение несть крещение, но паче осквернение», церковью не принят. Вот почему, признавая крещение наших беспоповцев незаконным, мы, при обращении кого-либо из них в прав. церковь, – не повторяем его. Тоже нужно сказать и о браках. Чтобы брак был церковным таинством, нерасторгаемым (за исключением известной причины), требуется молитвенное благословение церкви, низводящее на брачующихся известного вида благодать. Таково верование вашей церкви. В этом его действительность.

Но законность его совершения обставлена еще большими условиями, до тоекратного предбрачного оглашения. Нередко бывает, что условий этих не соблюдают, совершитель подвергается дисциплинарному наказанию, но брак не расторгается, но остается действительным. Иногда, как сказали мы, законность и действительность сливаются, например: если повенчать кого-либо при живой жене, или брата на родной сестре, – иногда же, по-видимому, полная законность, например: собрание всех документов, не делает брак действительным, который и расторгается; но это далеко не всегда и главным образом по отношению только к браку, который есть установление не исключительно церковное, и церковно-гражданское.

На основании сказанного думаем, что понятие действительности нужно отличать от понятия законности и еще от понятия благодатности, о котором скажем ниже. Первое, как третье, входят в область верований (догмат), второе в область права. И еще полагаем, что такое расчленение не есть пустая схоластика, а необходимо вызывается силою вещей, чтобы получить точно-раздельное о предмете представление, что далее еще яснее увидим.

Итак, приступаем к посильному решению поставленного вопроса о Белокриницкой иерархии, имея в виду установленную нами точку зрения.

1. Когда мы видим пред собою старообрядческого архиерея (по австрийскому священству), или священника (по гражданскому термину «настоятеля»), то, естественно, возникает первый вопрос: кого мы видим пред собой, лицо ли, священную степень имеющее, хотя бы и не нашей церкви, или простого мирянина, или инока. В нашем сознании еще и вопроса не представляется пока о его законности, или незаконности; да раз он не наш, то это последнее как-то мало для нас и интересно. Отвечая на вопрос, мы и останавливаемся: первое, действительно ли он получил преемственную от епископа хиротонию, второе, не был ли рукополагавший запрещен, или извержен и третье, не принадлежал ли он к таким еретикам, от коих не принято и крещение? В данном случае третий признак совершенно устраняется. Вторым возбуждал и возбуждает сомнения и пререкания. Но до тех пор, пока мы не удостоверимся

документально или ничем неоспоримо в факте запрещения до, или даже после уклонения в раскол, извержения из сана (а прямого удостоверения в этом мы пока не имеем), до тех пор, все сомнения должны быть в пользу подсудимого, что до пререканий, то высказывают два положения: а) что поступок Амвросия подпадал под правила, подвергают виновного извержению, а равно всех от него поставленных. Такие правила есть, но правила сами по себе не судят, а судят власть имеющие люди по этим правилам, и пока не произнесен суд, действия виновного (но не осужденного) лица всеми признаются действительными. Иначе и невозможно. Сколько и у нас может оказаться священных лиц, иногда довольно открыто совершающих такие проступки, за которые они с не меньшей решительностью, по правилам, подлежат извержению; но до тех пор, пока не состоялось над ними суда церковного, они продолжали священнодействовать и «тайны строити» и никто в действительности их не сомневался и не может сомневаться. Так и по отношению к Амвросию. Говорят при этом о каком-то «самоотлучении». Термин этот существует и встречается, между прочим, в Номоканоне, печатавшемся при пп. Иоасафе I и Иосифе, известном под именем Афонского Номоканона, и потому обязательном в глазах старообрядцев. Но понятие «самоотлучения» скорее всего разве только нравственное, касающееся совести известного лица, но в глазах других никакого значения не имеющее. Можете быть, и из нас многие, за те или иные пороки, правилами предусмотренные, самоотлучены, но продолжают отправление своего служения, которого никто не считает ничтожным, ничего не значущим. Лучше было бы такого термина при решении вопросов канонических совсем не употреблять как имеющего лишь нравственное (а не каноническое) значение. На этой почве «самоотлучения» мы ничего не решим, а откроем только двери к произволу каждого непризванного судии.

б) Иные вставляют сюда вопрос о благодатности. Это, понятие также догматическое. Но вопрос о благодатности совсем другой вопрос, чем о видимой действительности тайнодействий, которая может быть или не быть, признаваться или не признаваться, а потому и при обращении в церковь из других религиозных обществ повторяться или не повторяться. И решение вопроса о благодатности или безблагодатности опирается, как ниже увидим, совсем на других основаниях и вытекает из других принципов. При рассуждениях по поставленному вопросу он совершенно неуместен.

Третий признак о преемстве происшедшей от Амвросия хиротонии очевиден. Как Амвросий получил рукоположение преемственное, так и все от него происшедшие не лишены этой преемственности. Некоторые стараются различать внешнюю преемственность от внутренней какой-то, чтобы сделать потом более резкий практический вывод. Но правде, мы не знаем такого различия и не представляем ясно, что такое эта внутренняя

преемственность. Если это преемственность веры и благодати, то это другой вопрос, о котором будет еще речь. Но решение вопроса с рассматриваемой стороны имеет одну зацепку, которую невозможно пройти молчанием. Если иметь в виду собственно иерархию Белокриницкую, то вопрос о преемственности, бесспорно, решается в смысле положительном; но если брать то общество, к которому пришел Амвросий, то в нем был в течение целых 180 лет перерыв преемства хиротонии, так что Амвросию пришлось восстанавливать преемство, связать собою и чрез себя порванную нить. Это как бы новая пятидесятница, только совсем не чудесная. Очевидно, здесь две точки зрения на предмет, с двумя противоположными выводами. Каждый может отстаивать ту или другую, примирение же между ними невозможно. Мы выдвигаем это обстоятельство тоже не по любви к схоластике, а по требованию жизни. В настоящее время мы, православные, отстаиваем последнюю точку зрения, тогда как старообрядцы упорно держатся первой. Которая из них более правильна и можем ли мы отстоять свою, вопрос оставляем открытым. Мы желали бы лишь осведомить о сем Высшую церковную власть. Ниже мы увидим, почему в данном случае мы довольствуемся этим. При видимой преемственности хиротонии, при отсутствии ересей, требующих перекрещивания, при сомнительности извержения из сана и даже формального, канонического запрещения, склоняясь видеть в членах австрийской иерархии не простых мирян только, а тем более самозванцев, а людей, посвященных в известной степени, мы усваиваем их очень немного. Мы знаем и древних, и новых отделившихся раскольников, и еретиков, – новациан, донатистов, несториан, армян, католиков, даже англикан, которые ушли от церкви дальше, чем наши старообрядцы, но духовенство которых не мыслилось и не мыслится как простецы, хотя среди упомянутых такие даже есть, признание хиротонии которых, при обращении их в пр. церковь, является в глазах православных иерархов (хотя и не всех) очень сомнительным и затруднительным. Итак, даже и приравнение, по признанию хиротонии, членов Белокриницкой иерархии к помянутым диссидентам делает им еще небольшую честь и едва ли может надмевать их и давать основание к широким, успокоительным для них выводам, в людях же, к ним нерасположенных по своим религиозным упованиям, производить смущение. Насколько можно делать из этого благоприятные заключения, сейчас увидим.

2. Белокриницкая иерархия может ли быть признана канонической? Ответ на этот вопрос должен иметь более решительный характер. С самого начала ее появления и до настоящего времени указывали на 34 прав. св. апостол, 15 первого Вселенского Собора, 13 и 15 Антиохийск. и др., в коих говорится о самовольном удалении епископа из своей области, или епархии и о совершении рукоположений в пределах чуждых, – что сделал Амвросий, а равно и о приеме его в сущем сане иеромонахом, как

о событии небывалом, беспрецедентном, нарушающем коренные устои церковного порядка и устройства. Иеромонах объявил и «достоинство митрополита» и как бы вручил ему паству, точнее – всю церковь, епископства дотоле лишенную. Правда, указанные правила относятся к внутреннему порядку православной церкви, Амвросий же удалился в иное церковное общество, перешел «от ереси в православие», как замечают старообрядцы. Поэтому и поступок его они подводят под 15 пр. первого Собора. Но личное сознание самого Амвросия было другое. В своем объяснении причин перехода, данном на вопрос австрийского правительства, – он ни единым словом не коснулся чистоты православия Греческой церкви, не высказал ни малейшего подозрения в содержании ею каких-либо ересей, а указать на те, именно, побуждения, какие предусмотрены вышеуказанными правилами и еще 13 правилом первого Собора. От слов его мы и должны судить его. Посему точка зрения старообрядцев, по сущей справедливости, не может быть принята за основание. А что до указания последними исторических примеров, подходящих к приему Амвросия иеромонахом, то эти примеры совсем неподходящи.³¹² Ибо «якоже невозможно духовнику (разумей священнику) хиротонисати, сице и испадшаго на степень священства паки возвращати» (Номокан. Потр. Иос. патр.). Амвросий на взгляд старообрядцев был еретик, да при том 2-го чина и тоже, значит, «испадший». Прием от некоторых еретиков конечно возможен, но он требует другой обстановки, канонической.

Заключение о совершенной неканоничности австрийского старообрядческого священства понятно. Скажем более. Если бы даже так могло случиться, что к старообрядцам ушли не один, а десять епископов и если бы с видимой стороны были соблюдены все церковные правила, то и в таком представляемом мыслью случае положение дела, взгляд и отношение православной Церкви, в лице ее кормчих, мало бы изменились, – так как они ушли к обществу людей, раскольничающих с Церковью и неподчиняющихся ее священноначалию, – что Амвросий учинил. И это по существу самое главное. Тогда выдвинулись бы только другие вопросы, еще более важного свойства: о раздрании Христовой Церкви, создании других алтарей и подобные, вызываемые обстановкой. С обратной же стороны, если бы Амвросий, учинивший ряд противоканонических деяний, завершил свою деятельность тем, что привел свою новую паству в ограду Церкви, раскаявшись сам и других расположив к тому же, то, полагаем, что церковь не только приняла бы его, простив его видимые прегрешения, но и самое его деяние признали бы подвигом апостольства, если бы не оказалось побочных обстоятельств, затемняющих его славу. Должны пояснить, что это говорим не в умаление значения канонов, а в том соображении, что церковь может допускать в частных случаях некоторые исключения, не возводя их в закон и

обдержанность. Это неоспоримое ее право на все времена, как вечно живой и не стареющей со всеми присущими ей нравами и полномочиями, Господом данными. Последней нашей вставкой заключение не ослабляется, но усиливается.

3. Благодатна ли Белокриницкая иерархия? Здесь мы оставляем каноническую почву и возвращаемся снова на догматическую, с почвы правил переходим на почву веры. По исконному верованию церкви, благодать святого Духа, в день пятидесятницы ниспосланная на сидящих лишь в Сионской горнице, навсегда осталась и пребывает лишь в истинной Христовой Церкви, откуда, как от источника, и изливаются лучи ее на весь уверовавший мир. Вне же Христовой Церкви, во всех отделившихся от нее обществах (еретиков или раскольников, – все равно) этой благодати нет. Таким образом, вопрос о благодатности, или безблагодатности сводится к вопросу о Церкви. Прилагая этот вопрос к иерархии, от Амвросия ведущей начало, мы, оставляя уже рассуждение о преемственности, должны обратить внимание только на то, к истинной ли Христовой Церкви пришел Амвросий? Если с точки зрения нашей Церкви ответ на вопрос получается отрицательный (а это совершенно верно и по существу учения о церкви с полнотой священных чинов и таинств, тогда как у беглопоповцев не было преемственного епископства), – тогда и вопрос о благодатности не может получить иного решения, кроме отрицательного. И в таком именно решении нет ничего искусственного. Не можем не привести здесь двух-трех слов из 1-го правила св. Василия Великого, что при безблагодатности хиротонии рукоположенные суть даже простые миряне. Буквально в нем читаем: «хотя начало отступления произошло чрез раскол (речь о кафарах), но отступившие от Церкви уже не имели на себе благодати св. Духа. Ибо оскудело преподание благодати... Отторженные, соделавшись мирянами, не имели власти ни крестить, ни рукополагать».

Однако при обращении в православную Церковь не только крещение, но и рукоположение кафаров принимали и св. Василий В. сего не отрицал, а не то, чтобы все вне Церкви рукоположенные уже ничего, даже внешнего вида и названия не получили, и при обращении в прав. Церковь не могли быть принимаемы в прежних званиях. Правила Соборов относительно принятия в нее переходящих от расколов и некоторых ересей достаточно ясны и внушительны, (8-го прав. всел. Соб. 95-е шестого, 112 и 132 карф. и др.).

Итак, с одной стороны Белокриницкая хиротония может быть названа действительной, но с другой противоканонической и раскольнической, наконец, безблагодатною.

На основании сказанного мы переходим к решению и выводного, практического вопроса о приеме в прав. Церковь обращающихся ее членов в «сущих санах», или как простецов. И прежде всего должны

заметить и объяснить, – что и в начале выразили, – что самый вопрос о способе приема обращающихся к церкви еретиков и раскольников недогматический, тесно связанный с правоверием или неправоверием, а канонический, от древних веков и до настоящего не единообразно церковью решаемый. Возьмем для примера признак или непризнание действительности крещения, – этого первейшего таинства, которое при том, по символу веры, должно быть едино, а отсюда и о повторяемости или неповторяемости оно. Сколько было разнообразия в решении этого вопроса по отношению к одним и тем же отделившимся, начиная со св. Киприана и кончая позднейшим временем. Древних новациан одни принимали чрез крещение, другие просто чрез возложение рук, некоторые в прежнее время и армян крестили (Корм. л. 638), в первой половине 17 века и латин у нас, в Великоруссии, крестили (Соборн. изложен. патр. Филарета, см. в п.п. Иосифа), тогда как в Киевской церкви не крестили (требник. Петра Могилы), раньше же этого ни в церквах греко-славянских, и ни у нас их не крестили (Окруж. посл. Марка Ефесского, Житие Саввы сербского, Ответы Нифон. Кирик.). Примечательно при этом, что представители восточной церкви во второй половине 17 века убедили русских отложить крещение латин (Деяние Собор. 1667 г.), а потом, сто лет спустя, сами же ввели у себя перекрещивание, которое и доселе продолжается в Константинопольской церкви. При таком разнообразии следует, то еще отметить, что никогда никого и иначе и не совсем правильно мыслящих и действовавших, никто ни из древних, ни из новых, – еретиками не называл, а много-много старался, убедить в неправильности и несоответствии с коренными церковными принципами (Дионисий александр. убеждал Киприана, патриарх антиохийский Макарий русских епископов). Тимофеем пресвитер, правила которого помещены в Кормчей, устанавливает при приеме обращающихся от еретиков принцип совершенно не догматический, а нравственно-педагогический. Видимо, он разделяет на крещение еретиков точку зрения св. Киприана, хотя выражается сдержанно и прямо этого не говорит, но поясняет, что мы не покрещиваем еретиков ради облегчения присоединения для тех из них, которые могли устыдиться крещения и отложить самое присоединение (прав. 1-е). Принцип этот чисто нравственного свойства церковью не отвергнут и никем не был оспариваем.

Тоже должно сказать и относительно миропомазания и хиротонии, имея в виду принятие переходящих с признанием их, или с повторением. И здесь тоже свободное усмотрение церкви. Пример первого мы усматриваем в Окружном послании Марка Ефесского, написанного после Флорентийской унии. В нем он устанавливает принятие латин чрез миропомазание; тоже подтвердил и наш Собор 1667 г. Между тем, практика церковная последующего времени, неизвестно (по крайней мере нам) когда и по какому установлению, допустила и допускает у нас прием

латин третьим чином. Относительно признания хиротонии, вне прав. церкви полученной, в древней церкви видим следующее. В то время, как первый Вселенский Собор установил принимать в сущих санах новациан (прав. 8-е), второй Собор не признать хиротонии Максима Кипика и им поставленных, хотя по существу заблуждений их отстояли от прав. Церкви отнюдь не далее новациан. Должно сказать более: погрешность Максима К. чисто нравственная, дисциплинарная, и тогда как новациане названы в правиле соборном еретиками, по отношению к Максиму К. и им поставленным отцы Собора названия этого не усвоили. Только впоследствии было открыто, что он держится мнений аполлинариевых, – по обстоятельству это, как только привходящее, на суд Собора видимо влияния не имело. Выписываем самое об этом правило, недостаточно общеизвестное. Второго Всел. Собора нрав. 1-е. «О Максиме Кинике и о произведенном им бесчинии в Константинополь: ниже Максим был, или есть епископ, ниже поставленные им на какую бы то ни было степень клира». Зонара поясняет, что «Максим было философ, циник. Циниками эти философы назывались за их наглость, дерзость и бесстыдство». Вина его в том заключалась, что он был призванными из Египта епископами рукоположен в Константинополе (без ведома местного епископа Григория Богослова), что толковник называет «злодеянием» (см. и толкование Вальсамона). Из приведенного правила ясно, что церковь имела при суждении о людях, нарушивших ее мир, более широкий взгляд, чем одно содержание ересей или раскольничьих мнений по их существу; она не стеснялась произносить строгий суд и за смуту церковную, от чего бы такова, ни происходила и какой бы характер ни имела. Думаем, что в этом (т.е. в охранении церковного мира и порядка) и заключается основной принцип церковного устройства.

Прилагая все сказанное к нашему вопросу относительно принятия обращающихся из Белокриницкой иерархии в сущих санах, или как простецов, мы видим, что со стороны теоретической можно оправдывать и тот и другой способ. Таким образом острота вопроса теряется, о какой-то люциферианской ереси не может быть и речи, руки церковной власти развязываются, – что особенно мы и имели в виду. Ведь нельзя забывать того, что Амвросий произвел большую смуту в прав. церкви, гораздо большую, чем Максим Киник: да и преемники его со всею силой ее поддерживают. Относительно же еретичества не без основания указывают в самом Белокриницком Уставе, как основании Белокриницкой иерархии, мнения, с арианскими очень близкие. Можно сделать по этому поводу и более резкое заключение о предании Амвросия анафеме и всех от него происшедших, кто по меньшей мере разделяете» эти мнения, подобно тому, как был анафематствован Максим, когда обнаружилось, что он держится Аполлинариевых мнений (Зонара и Вальсамон, в толк. 4-го прав.). Но мы не решаемся такого заключения сделать.

Останавливаемся на одном, наиболее мягком и самом, кажется, корректном. Если он изменения чиноприема будет польза для церкви, чрез облегчение в нее доступа отчуждившимся, раскольничающим, – пусть церковная власть в силу присущих ей прав это сделает, и мы должны преклониться пред нею. Если же это породит еще большую смуту и вред, то пусть остается существующая практика. Во всяком случае почин изменения чиноприема должны дать не мы, а ищущие примирения и соединения.

Профессор Н. Ивановский

**Восстановление истины // «Миссионерское Обозрение»,
1906, № 5, стр. 715–721**

(По поводу неправды «Нижегород. Листка» о миссионерских беседах)

В конце сентября и начале октября 1905 года в Городце (Нижегород. губ.) производились собеседования православными миссионерами епархиальным – И.П. Ломакиным и окружным – свящ. В. Орловым, со старобрядцами австрийского толка. Собеседники австрийские хвалились: «Мы казенных миссионеров прохватим в газетах», и действительно в «Нижегородском Листке» в № 270 было напечатано в Отделе хроники следующее: 25 и 26 сентября состоялись беседы миссионеров окружного – священника Владимира и епархиального – г. Ломакина со старобрядцами. 25 сентября беседу вел священник Владимир с одним старобрядческим начетчиком. По окончании беседы, стали сговариваться об условиях следующей беседы. Во время этого г. Ломакин заявил: «Я завтра буду беседовать о том же предмете; они обманули слушателей; я их обличу». Старобрядцы, как знающие г. Ломакина, что беседовать с ним невозможно, категорически отказались. 26 сентября г. Ломакин беседу открыл и старобрядцы увидели г. Ломакина восседающим вместо о. Владимира. И что же собеседники услышали от епархиального миссионера? Во-первых, он не сдержал честного слова, данного накануне, говорить по 20 минут, а говорил, сколько ему хочется, а старобрядческого начетчика перебивал на каждой речи. Во-вторых, отметим образец проповеди и слова увещания наших миссионеров к «заблудшей братии». Вот они: «он обманывал», «он кривоточил», «цель лукавая», «ложная», «бессовестно», «не обманывай народ», «приехали обманывать», «болтуны» и т.п. После перечисленных «задушевных слов», думаем, каждый должен задать себе вопрос: для чего миссионеры? Полезны ли они? и есть ли надобность тратить на них миллионы рублей, собираемых с голодного народа, который они своими поступками не привлекают в церковь, а отгоняют от нее даже тех, которые и желали бы находиться в ней. А 2 октября в соборе беседа не состоялась. Собеседники спорили 5 часов об условиях собеседования, чтобы говорит по 30 минут, а г. Ломакин соглашался беседовать, лишь бы говорить сколько угодно. На такие условия старообрядческие начетчики не соглашались. Все-таки эти 5 часов недаром прошли миссионеру: он обращался с новыми словами проповеди, которых не произносил на прошлой беседе: «ты лгунишка», «ваш архиерей кукольник». С такими наставлениями и пришлось разойтись слушателям по домам». («Нижегород. Листок» № 270 1905 г.).

Как очевидец помянутых в означенной корреспонденции бесед, считаю своим нравственным долгом печатью заявить о моем от них впечатлении.

Корреспондент говорит, что местные старобрядцы пригласили своих собеседников, но не говорить того, кто они – эти *свои* собеседники. О. Владимир открыл и вел беседу с местным мнимым начетчиком австрийской секты. Начетник этот оказался очень слабым и вынужден был пригласить на помощь более его знающих раскольническую казуистику, и пригласил каких-то двух знаменитостей из Н.-Новгорода (проживающих на хлебах у некоего Сироткина). И действительно 25 сентября в слободской церкви мы впервые увидели с о. Владимиром беседующих, или точнее, спорящих двух молодых субъектов, много напоминающих собою (по странному костюму и прическе волос) один – швейцара грязненьких номеров городской окраины, а второй – конторщик или жидка-вояжера, в цилиндре неопределенного цвета, грязненькой, когда-то беленькой сорочке и помятом ошейнике или галстуке.

Субъект в швейцарской форме речитативом и крикливо ведет речи, оборотясь к народу, поднявшись на свой дорожный чемодан и еще выше поднимая книгу, отчеканивает: "Добрые слушатели, вот их церковь-то – в этой книге написано есть – *сонмище иудейское*" (и другие хульные речи), а наша старобрядческая – Христова церковь 180 лет была вдовою, не просто, а по пророчеству Исаии пророка: о вдовстве ее написано у него в 54 главе, это верно».

Старобрядцы с умилением слушают ругательные речи своего нового защитника, но как-то конфузливо опускают долу свои очи из-за таких нескромных учителей; лица их выражают внутреннее недовольство, – они как бы говорят, хорошо-то оно хорошо по-нашему, да сами-то вы верите ли во что: ведь в священном, же писании сказано: «бреющий браду есть еретический слуга, вот оно что»...

Что это за артисты? Кто они? – думалось нам. Оказалось, что это Василий Усов, брат архиерея Иннокентия Усова, и Осип Храмов.

о. Владимир, как он сообщил нам, с такими неограниченно беззастенчивыми ругателями св. Церкви еще не был знаком. Присутствовавший здесь г. Ломакин и предложил о. Владимиру попросить книгу и самому по ней пропитать, о чем говорит в 54 главе пророк Исаия и как объясняет это место блаженный Иероним, так как, по словам г. Ломакина, у пророка Исаии и помину нет о вдовстве Христовой церкви. о. Владимир попросил у собеседников самую книгу, на которую они в оправдание небытия у них 180 лет епископа сделали ссылку, но не вычитали самого места. Храмов подает библию, но не толкование Иеронима. О. Владимир возвратил библию и снова повторил свою просьбу, дать толкования блаж. Иеронима. Храмов подает: изволь, о. Владимир книгу передает г. Ломакину, говоря: «я с этим толкованием Иеронима незнаком». Раскольничьи собеседники поднимают по обычаю шум (обычай у них такой: как только почуют обличение, сейчас закричат неистово): «мы ведем беседу не с Ломакиным, мы с ним беседовать не

желаем». г. Ломакин взял из рук о. Владимира книгу. Оказалось, что и опять подана не та книга, какую у них просили. Так просимой книги раскольничьи собеседники и не дали. г. Ломакин сказал: «в церкви сейчас начинается всенощное (было 6 часов вечера), объявляю, что завтра я буду беседовать, привезу свои книги и по книгам разберем». Раскольничьи собеседники возопили: «мы не желаем». «Как вам угодно, сказал г. Ломакин, а беседа будет о том же, пожалуйста». Вот вся суть этой беседы. Как назвать поступки старообрядческих собеседников, обманывали они или нет, подавая вместо просимой книги другую? Добросовестно это или недобросовестно, но дело было именно так.

Хотя «категорически» собеседники от беседы на следующий день отказались, однако явились и 26 сентября на беседу г. Ломакина. Что было начитано собеседниками 25 сентября отрывками из разных книг, все это по самым книгам г. Ломакин разобрал. Из разбора обнаружилось, что собеседники писанием злоупотребляли – на погибель себе и своим последователям; ни одно из приведенных ими доказательств не дает, как оказалось, и намек о прекращении в церкви Христовой епископов, и не оправдывает отступления раскольников от православной церкви.

2 октября в Городецком соборе г. Ломакин открыл беседу и предложил к обсуждению вопросы: когда Греко-российская церковь сделалась неправославною и лишенною благодати Св. Духа в совершаемых ею таинствах, каковою считают ее старообрядцы, и за что именно, и на каком основании можно ее считать таковой. И просил указать точно время уклонения церкви православной в ересь и подтвердить свое указание словом Божиим и писаниями свв. отец. Собеседники хорошо поняли, что такой вопрос решить от слова Божия и свв. отец и оправдать незаконное отступление раскольников от православной церкви нет никакой возможности, и чтобы в глазах публики не уронить себя, заявляют, что беседовать они согласны, но только с условием говорить каждому свою речь по 30 минут. г. Ломакин сказал: «это дело ваше, можете вопрос решить, то решите хоть в 5 минут, хоть в 35 минут, дело не в минутах; вся сила и суть в доказательствах от писания, вот и решайте». Собеседники поднимают крик и шум: «Мы желаем по 30 минут и тебе больше не дадим». г. Ломакин сказал: «В святом деле, как разъяснение св. истины, мерить время минутами вовсе неудобно и я никогда так не беседую, я полагал бы со своей стороны и советовал согласиться и моим собеседникам – для ясного обмена мысли и чтобы не утомлять публику, прочитывать каждой стороне не более трех мест, до тех пор, пока не исчерпается весь возбужденный вопрос; беседа тогда будет справедливою и интересною и для всех ясною». И вот на такой-то разумный и целесообразный порядок старообрядчески собеседники согласиться никак не могли; прошумев и проспоров несколько часов, они отняли время у других, желавших беседы и на этих условиях (в числе

желавших были и старообрядцы-поморцы, но австрийцы и их до беседы не допустили). Они неистово кричали хульные речи, махая книгами, а большею частью разными газетами, которых у них были полны пазухи. Мы, слушатели, были утомлены и еще более удивлены, почему собеседники не соглашались разбираться в недоуменных вопросах вдумчиво и спокойно, на таких, казалось бы, самых лучших условиях, какие предлагает им епархиальный миссионер, человек почти 50-летнего опыта, посевший на книгах? 30 лет он состоит епархиальным миссионером, сам он вышел из австрийского раскола и даже сам Швецов приходится ему учеником. Собеседники же его сравнительно мальчишки, вести беседы по Божьи и по совести, очевидно, не желают и не могут, и дерзко кричать ему: «епархияшка, еиирхияшка, беседовать с нами не можешь, тебе только со старухами беседовать, а не с просвещенными собеседниками, а еще потомственного почетного гражданина вымолил у Победоносцева». Вот, какие настояния задушевные-то слова мы слышали от приезжих собеседников Усова и Храмова.

У раскольников лукавая цель вести беседы по минутам, как разъяснил г. Ломакин. Они вполне уверены, да оно и естественно, что по заранее заготовленному списку они в 20 минут вычитают в 50-ти и более местах из книг и разных газет, а в 10 минут от себя все эти 50 мест, вычитанных, обобщат и получается огромнейшая, путаная и темная сетка, которую не только основательно разобрать, но даже снова перечитать только нет никакой возможности в 20 минут, а ведь для разъяснения необходимо их повторить снова, раскольники же на разборе вычитанных ими мест более условленного времени срока не дадут, да еще минут за 5 начнут все открывать карманные часы и галдеть: «время миссионера кончено, будет», и опять начинают читать, один подыскивает книги и в них обводит нужное место карандашом, а другой снова читает еще больше 50 мест; а потом от разбора бежать – «разбирай, как тебе надо, мы ведь не жалованье получаем, нам некогда», обо всем этом автор задушевной городецкой хроники умолчал...

Теперь о том, «нужны ли миссионеры, на которых будто бы тратятся миллионы рублей, собираемые с голодных людей, и полезны ли миссионеры». Как тут корреспондент напоминает Иудино нищелюбство («к чему такая трата»?...). Раскольники и их друзья давно об этом пишут. Анонимному корреспонденту «Нижегор. Листка» скажем на это, что в Нижегород. епархии есть 4 епарх. миссионера, получающих от Братства св. Креста по 700 руб. в год, и несколько окружных, получающих по 30 руб., т.е. 8 коп. в сутки – это первое. А второе – корреспондент говорит неправду, что будто бы деньги ото собираются от голодного народа и только будто бы с голодного, а не сытого. Я сам крестьянин, имею плательную книжку и с меня нет ни одной копейки в ней на миссионеров... Если что считать для народа тяжестью, так это именно вот этих господ

собеседников раскольнических, которые явно живут сыто и пьяно за счет старообрядческой простоты, темноты и невежества. А сколько их, этих гг. Усовых, Мельниковых, Мельниковых, Бриллиантовых, Швецовых, Перетрухиных, Храмовых, Коноваловых, Черчимцевых, Худошиных, Зеленковых, Старковых, Варакиных, Иголкиных, Картушиных и т.п.? Старообрядческой духовной братии целое полчище, – этих архиереев, попов, дьяконов, дьячков, читалок. Вот на этих-то пиявок, которые в потемках сосут кровь народа, и следовало бы обратить внимание и сосчитать, сколько стоит их содержание, и за чей счет они так пышно разъезжают и живут. Одному городецкому старообрядчеству обходятся эти дармоеды не менее 10.000 руб. в год, а православный миссионер стоит для Городца 200 руб. Вот какая разница; на нее то и следовало бы без пристрастной печати обратить внимание. А православные миссионеры содержатся братством, на добровольные пожертвования братчиков, так же как строятся православные храмы и богоугодные заведения. Нужны ли и полезны ли миссионеры, на это отвечу фактами. Я уроженец Городца. Имею от роду 50 лет. Рожден и воспитан в расколе и обязан переходом в православие миссионерам. Далее, знаю, что за последние 25–30 лет с начала открытия у нас противораскольнической миссии, благодаря последней, в Городецком отделении было присоединено от раскола в православие более 1.500 душ, отпадений же от православия не более 5 душ, а во всей Нижегород. епархии, как это можно видеть из отчетов Братства св. Креста, ежегодно было присоединяемо от 450 до 700 душ. Не знаю, у кого после этого хватит емкости сказать, что будто бы миссионеры отгоняют от церкви православной, а не присоединяют к ней раскольников? Корреспондент глумится над миссионером, красненькими «задушевыми словами», а над чем глумится? Над тем, что пустого болтуна назвали собственным его именем. Корреспондент не понимает различия между словами увещания и обличения в явной лжи. Миссионер должен знать, с кем он имеет дело. Если с ним выступает на беседу истый старообрядец и убежденный веродержатель, ищущий истины, и предлагает свои сомнения на общее с миссионером решение и обсуждение, то здесь и требуется разъяснения и увещание с заблудшему. Другое дело, когда неожиданно, как тать или хищный волк, является с целым волом своих и всяких книг в православное село и без спроса прямо идет в православный храм и разбирается здесь со своим багажом пропагандист, и настойчиво и дерзко требует беседы для похуления только православной церкви, а не спокойного разъяснения истины. Тут требуется от миссионера уже не увещание, а твердое обличение. Вспомните слова Христовы: «Вожди слепии, порождение ехиднино. Вы дети отца вашего диавола»... или св. Никифора, писавшего против иконоборца Мамона: «ты проповедуешь не догматы, а бредни, болтаешь хуже ворон и лягушек, бесчувственный дуб» («Богосл. Вест.» 1905 июнь 67

стр.). История свидетельствует, что никогда так церковь не церемонилась и не унижалась пред еретиками и отступниками, а тем паче пред ее хулиателями, как ныне. Но нашей ожидаемой печати и этого недостаточно. Ей, может быть, желательно, чтобы церковь «сказала хулу на Бога»?...

Или, быть может, упразднить нашу противо-раскольничью миссию, чтобы не делать препон пропагандистской лжи. Австрийцы давно этого и страшно жаждут. А почему? Да потому что по причине православной миссии успеха никакого не имеют у нас. Из всего населения в 20.000 душ за 50 лет они соврали не более 30 душ и только из беглопоповщины; из православных же только одного и это за 50 лет.

Корреспондент ставит в вину Ломакину то, что он назвал не признаваемого законом старообрядч. епископа Усова «кукольником и лгунишкой». Но корреспонденту, должно быть, неизвестно, что куклой называли сами старообрядцы своего же митрополита Кирилла (Летопись Н. Субботина выпуск II 1865 г. Старообрядческие письма в Белую Криницу). г. Ломакин в подтверждение своего отзыва об Усове указал собеседникам на его книгу, в которой хоть писал, что будто бы апост. Павел учил, что не только епископы, но и апостолы и сами ангелы с небес могут заблуждаться и погрешать (стр. 268, разб. Ф. Круглова), и что тот же Усов написал в той же книге (Церк. Хр. временно без епископа), что погрешать не могут только Бог да скот. Ломакин, объясняя такое нечестивое учение лже-архиерея Усова о заблуждении ангелов и кощунственное сравнение Бога со скотом, предложил оправдать писанием своего архиерея. Собеседники вместо ответа, взяли в руки несколько газет, подняли невообразимый шум, выкрикивая имя Завитневича и поднимая в одной руке «Церковный Вестник», а другой показывая два перста и махая ими в воздухе (это Храмов), кричали: «Сим победим. Сим победим». Итак, самым постыдным и позорным образом с беседы наши знаменитые защитники раскола бежали. Публика (которой было чел. 200) была в недоумении, видя неистовство приезжих собеседников. г. Ломакин высказал сожаление о раскольничьей темноте и закрыл беседу. Вся публика благодарила его за его спокойное ведение настоящей беседы с неблаговоспитанными и грубыми собеседниками.

Вот действительная история собеседований 25–26 сентября и 2 октября.

Очевидец К. Корегин

**Беседа со старообрядцем «Спасова» согласия по вопросу о
таинстве «Покаяния» Восстановление истины //**
«Миссионерское Обозрение», 1906, № 5, стр. 722 –731

(Из полемики)

Православный: В числе семи спасительных таинств, установленных Господом нашим Иисусом Христом, таинство покаяния – принадлежит, по выражению Б. Катехизиса, к числу «нуждно потребных» для каждого христианина таинстве и вот почему. Человек рождается зараженный прародительским грехом. Св. Крещение возрождает его в новую жизнь, но не уничтожает тотчас жизни ветхого человека, ибо вездесущая благодать Божия даст место действию веры и подвигу каждого человека дабы милость была не без правды и дабы мы добровольно приняли спасение. Таким образом и возрожденный не устыдился признаться, что «аще речем, яко греха не имамы, себе прельщаем, и истины несть в нас... Аще речем, яко не согрешихом, лжа творим Его (Иисуса Христа) и слово Его несть в нас» (1Ин.1:8–10).

Но так как крещение едино, не повторяется, то и является необходимость в новом благодатном средстве для очищения нас от грехов, и такое-то средство и есть именно таинство св. Покаяния, дарованное Господом Своей Церкви «Поелику, говорит пр. Ефрем Сирин, нельзя во второй раз креститься, то но надлежало бы быть и греху. Но так как существует болезнь (греховная), то есть и кропление (очищение). Кто даровал надежду спасения в крещении, тот, чтобы не лишить ее, даровал оставление грехов». (Твор. Ефрема Сирина по издан. 1849 г. ч. 8, стр. 129). Еще прежде Своего воскресения Христос Спаситель обещал Апостолам дать власть прощать грехи, когда сказал Ап. Петру, а в лице его и всем ученикам: «дам ти ключи Царства небесного: и еже аще свяжете на земли, будет связано на небесех: и еже аще разрешиши на земли, будет разрешено на небесех» (Мф.16:19), и в другой раз всем апостолам Христос сказал: «Аминь бо глаголю вам: елико аще свяжете на земли, будет связано на небеси, и елико аще разрешите на земли, будут разрешена на небесех». (Мф.18:17:18).

По воскресении Своем, явившись ученикам, эту власть вязать и решить в таинстве покаяния Христос, действительно, и даровал апостолам, сказав им: «мир вам!... И сие рек, дуну, и глагола им: примите Дух Свят. – Им же отпустите грехи, отпустятся им; и имже держите, держатся» (Ин.20:21–23). Так установлено Иисусом Христом таинство покаяния. – Эту богодарованную власть вязать и решить в таинстве покаяния Апостолы, конечно, не без воли Господа передали своим преемникам – пастырям Церкви: епископам и пресвитерам.

Так Игнатий Богоносец учил: «Всем кающимся Господь прощает (грехи), если они возвращаются к единению Божию и к собору епископа. Верую благодати Иисуса Христа, что Он разрешил, вас от всяких уз» (посл. к Филад. Гл. VIII). Ясно, что Бог прощает грехи и дает благодатное от них разрешение, именно тогда, когда грешник прибегает ко Христу, желает восстановить единение с ним и идет исповедовать свои грехи пред поставленными Им лицами, имеющими во главе своей епископа. – Только под этими двумя условиями «благодать Иисуса Христа разрешает (грешника) от великих уз».

Св. священномученик Киприан: «Власть разрешать что-нибудь ли земле так, чтобы это разрешалось и на небе, Господь дал прежде Петру..., а по воскресении и всем Апостолам, говоря: яко же посла Мя Отец и Аз посылаю вы. И сие рек, дуноу, и глагола им: приимите Дух Свят. Имже отпустите грехи, отпустятся им: и имже держите, держатся» (Ин.20:21–23). Отсюда понятно, что давать отпущение грехов могут только в Церкви *предстоятели*, имевшие основанием *Евангельский закон* и *Господне распоряжение*» (т. 1-й, письмо 60-е). – И в другом месте: «Власть отпускать грехи дарована апостолам и Церквям, учрежденным от них – посланников Христовых, а затем епископам, которые наследовали им по преемству» (письмо Фирмилиана). Особенно же ясно об этом учил Св. Златоуст: «кто размыслит, как важно то, что человек, еще облеченный плотью и кровью, может присутствовать близ блаженного и бессмертного Естества, тот ясно увидит, какой чести удостоила священников благодать Духа. *Ими* совершаются эти священнодействия и другие, не менее важные для совершенства и спасения нашего. Люди, живущие на земле и еще обращающиеся на ней, поставлены распоряжаться небесным, и получили власть, которой не дал Бог ни ангелам, ни архангелам; ибо не им сказано: елико аще свяжете на земле, будут связано на небеса, и елико аще разрешите на земли, будут разрешена на небесех (Мф.18:18). – Земные властители имеют власть связывать, но только тело; а эти узы связывают самую душу и проникают в небеса; что священники совершают на земле, то Бог довершает на небе, и мнение рабов утверждает Владыка. Не значит ли это, что Он дал им всю небесную власть.

"Имже, говорит Господь, отпустите грехи, и отпустятся, и имже держите, держатся (Ин.20:23). Какая власть может быть больше этой? Отец Суд весь даде Сынови (Ин.5:22); а я вижу, что Сын весь этот суд вручил священникам». (Т. 1., 416–418).

Так и в правилах св. Апостол и св. соборов – везде, где говорится о покаянии, как таинстве, лица, совершающие это таинство, именуются или епископами, или пресвитерами (см. 39 и 52 пр. св. Апостол, 6, 7 и 52 Карфаг. Соб.; Лаод. соб. 57 и друг. с толкованиями Вальсамона, Зонары и Аристина) и нигде, раз говорится о покаянии, как таинстве, власть вязать и решить грехи не дана мирянам. Следовательно, ваши настоятели, отцы

духовные, не имея сана иерархического, противозаконно действуют, принимая приходящих на покаяние, восхищают недарованное, чем и нарушают основное евангельское учение, нарушают догмат веры, еретичествуют. И не думайте, что суду ваших настоятелей-мірян – последует Суд Божий, – нет, «елицы у них принимают исповедь, неисповедани суть и елицех они свяжут и разрешат, не исправление суть».

Старообрядец: Все сказанное вами, отец миссионер, мы не отрицаем. Мы признаем, что такая исповедь была и должна быть, когда есть и когда были лица иерархические, но, ведь, мы веруем и учим, что теперь нет православных священников, что ныне господствует ересь, – а на это время, – положены и особые правила, и особый вид исповеди. – Так, пр. Феодор Студит писал: так как господствует ересь и обстоятельства со всех сторон спасительны, то предоставил всем желающим врачевать приключившиеся болезни, как может каждый; и хорошо сделал он, достопочтеннейший, так что и совершаемое не есть закон, и душа, за которую умер Христос, не осталась без врачевания» (Письма, т. II, 413 стр.). – Следовательно, во время обуревания ересью, в небытность иереев, разумею православных, врачевать душевные болезни предоставлено всем желающим, как может каждый; значат, и наши наставники могут принимать приходящих к ним на исповедь и ни мало не погрешают.

Православный: Неправильно вы понимаете приведенное вами место из писем пр. Феодора Студита; не о том он учил и писал, что во время ереси каждый, якобы, может врачевать болезни душевные, т.е. якобы мірянин может совершать таинство св. покаяния, – что и увидим мы из подробного рассмотрения письма Ф. Студита к монаху Феодору. Предварительно же скажу несколько слов по поводу сказанного вами, что вы не отвергаете сказанного мною, что, помянув, как таинство, установлено Господом Иисусом Христом и что власть решить и вязать в этом таинстве принадлежит лицам иерархическим, – но, что-де ныне нет священников православных, а потому-де и міряне могут совершать это таинство. Разве власть вязать и решить дана Апостолам, а в лице их и их преемникам только на время? Разве он учил, что наступит такое время, когда не будет православного священника, и тогда власть эту могут присвоить себе и міряне и совершать таинство покаяния?! Нет! Пока будет существовать Церковь, созданная Спасом, а она будет существовать – пока стоит видимый мір, пока живы люди, и никакие врата адовы не могут уничтожить Церковь Христову, – до тех пор будет существовать и Богом преданная власть вязать и решить чрез лиц священных; и никакой другой исповеди, никакой иной власти вязать и решить – Христос не установил, а посему все те свидетельства, которые я выше привел, остаются в силе. Что «ключи Царствия небесного» или иначе, власть вязать и решить чрез

посредство православных священников у православных христиан не прекратится, об этом говорится в Учительном Евангелии: «Обношаше ключ (Царствия Небесного) не один Петр, но и все Апостолы токмо, но и восприемницы престола тех, наместницы, святители, патриархи. Паки же сии оставляша и предаша епископам со возложением рук, епископи же оставиша презвитерам и всему чину священническу; и таковой ключ обносится и до днесь во архиереех и презвитерех и даже до скончания века не отнимется от них» (По изд. 1642 г. лист 136 об.).

Только ересь, по учению св. Амвросия Медиоланского, не имеет православных (Божиих) священников; не имея священников, ересь не должна присвоить себе и права священнического, т.е. вязать и решить (см. кн. «О покаянии» св. Амвросия Медиоланского по издан. 1901 г. гл. 2-я, 5–7 стр.).

Перейдем к рассмотрению свидетельства пр. Феодора Студита. В письме к Феодору Монаху – преподобный не о том писал, что, во время ереси, может каждый и мирянин врачевать душевные болезни, совершать таинство покаяния, а о том, что епитимии налагать – врач-пистыр, во время ереси и когда обстоятельства со всех сторон стеснительны, падшим клирикам, «обличенным или в подписи, или в общении с еретиками», может по своему усмотрению, что он, преподобный, и делал, «налагая епитимии по принуждению от самого первого для, и при том из заключения под стражею посредством писем», но и это он делал «не в виде определения, а в виде совета – до времени мира», «чтобы тогда принять то, что будет определено патриархом с утверждения Св. Собора» (см. 152 письмо его к Феодору Монаху, ч. 2-я, 377–379 стр.).

Освободившись из заключения, пр. Феодор Студит, отдавши отчет в своих действиях касательно назначаемой им епитимии, ни в чем не получил замечания (379 стр.). – Феодор Монах издал «Окружное послание», каковое между прочим получено было преподобным отцом. В этом послании Феодор Монах укорял иерархов и священников за то, что они, якобы, лицемерно принимали покаяние, смеялся над епитимиями, назначаемыми ими, злословил, говоря, что «действия этих иерархов и священников производят соблазн» (стр. 411–414). – Отвечая ему, преподобный и писал, что патриарх, видя, что господствует ересь и обстоятельства со всех сторон стеснительны, предоставил всем желающим врачевать приключившиеся болезни (т.е. подпись, общения с еретиками – иконоборцами и др.), как может каждый, – до тех пор – пока не соберется собор, «когда сделанное хорошо будет одобрено, а сделанное иначе будем отвергнуто» (313 стр.).

Но право то было предоставлено «врачам», – «которые полагают души свои за врачуемых, ибо они совершают куплю Христову» – (414–415 стр.), – а купля вручена пастырям, а не мирянам. – Восстававшему же Монаху Феодору преподобный в назидание писал: «А тебя, брат, кто

поставил законодателем в Церкви Божией, тогда как, ты, может быть, еще не научился и повиноваться? Посему не быв избран начальствовать над кем-нибудь, ты должен принимать законы, а не законодательствовать, руководиться, а не руководить, – просвещаться, а не просвещать, учиться, а не учить!...» (Стр. 417). И так, напрасно ссылаетесь на преподобного, желая оправдать незаконные действия своих настоятелей. Преподобный говорил не о том, что мирянин может совершать таинство покаяния; учил он об епитимиях, при чем применение той или другой епитимии он предоставлял усмотрению «врача», воспрещая даже монаху – восхищать то, что не даровано.

Старообрядец: Вы только указываете на один вид покаяния; между прочим, писание указывает нам несколько видов покаяния.

Можно непосредственно прибегать к Богу с покаянием в содеянных грехах и Господь, видя наши слезы и сокрушение, прощает наши беззакония. Так в беседах И. Златоустого на 14-м посланий Ап. Павла читаем: «Да увещаем себе, яко согрешихом, не языком да глаголем токмо, но и мыслью; не грешных себе нарицаймо токмо, но и согрешения помышляймо, по виду коеждо счисляюще; не глаголю ти, изъяви себе, ниже пред иными, оглаголуй, но покоритися советую пророку глаголющему, открий к Господу путь твой. – Пред Богом сия исповеждь, пред судьей исповедай согрешения моляйся, аще и не языком, но памятью и тако беда помилован быти». (3088 стр.; тоже 2983 стр. по изданию 1624 г.).

Эта же мысль проводится и в Б. Соборнике: «Благодать и оставление, еже в крещении младенци мы приемлюще, во гресех возрастающе осквернихом то, и угасихом. Ради же слез, и даже до старости, и до последняго дыхания, на всяк час крещатися, и очищати можем. Ради слез очистися, ради исповедания оправдася, – еже всегда, и в самой старости, и в последних же седилах, сотворити можем, глаголю же прослезите, и воздохнути, исповедатися, помолитися... Дух Святый рожая нам по уверзения слезы, ко оставлению и поражению и очищению согрешений. Велика иже по Бозе слез крепость, велико тех действо свидетель – в ветхом ниневитяне, Иезекия, Манассия». (Б. Соборн. 210, 211 и 212 лл. об.). Таким образом, Б. Соборник свидетельствует, что достаточно воздохнуть пред Господом со слезами о содеянных грехах и Господь примет это сокрушение о грехах и простит грехи кающегося таким образом. В подтверждение этой, именно, мысли в Соборнике приводится следующий рассказ о разбойнике, который только слезами своими, своим плачем о прежних беззакониях загладил грехи, заслужил прощение. «Бысть, читаем в Соборнике, некто разбойник во странах Фраческих, суров и бесчеловечен, и таков, яко и пути оны не проходны сотворити, и сего яти множайши от волн всяко ухищрения смысаяще и яти не возмогаша. Слышав же блаженный царь Маврикий; с неким юным

отрочищем, посла к нему крест свой, глаголя: не бойся. И якоже действием Божиим разбойник, устыдился слова царева, отлож разбойнический обычай, пришед к ногам царевым со исповеданием припаде». Вскоре после сего, рассказывается далее, разбойник этот впал в тяжкую болезнь и, ведая о скорой своей кончине, «на молитву ко Вседержителю Богу обратился, со слезами исповедуюся, и прощения своих согрешений прося, глаголагаше: не ищи от меня ничто же благо, Владыко человеколюбче: но якоже на бывшем прежде мене разбойнице, аще и на мне удиви милости твоя, и приими сей плачь мой смертный... И яко же прият Петра апостола Твоего горчайший плач, сие приими и мой, Человеколюбче. Проливаю сия слезы ни согрешение моих рукописаний... сие и таковая на многи часы разбойник исповедуясь, и своим главоотяжцем слезы обрысуя, предаде дух». Чудесным образом, во сне, открыто было врачу, надзирававшему над странноприимным домом, в котором скончался разбойник, что «ефиопы, пришедшие взять душу разбойника, – бежаша посрамлени», ибо ангелы показали им «убрусец», омоченный слезами разбойника, сказав, что Господь принял эти слезы, как истинное покаяние, и простил грехи разбойника. Пришедши к царю, врач рассказал ему и видение свое и о тех слезах, кои проливал кающийся разбойник, «глаголя цареви: благодарим Бога... Слышахом разбойника спасшася ради исповедания при кресте небесного Царя и видехом разбойника спасшася ради исповедания при твоём Царствии. – И сие слыша Царь веруем истинно быти». (214 об.–216 об.).

Ясно, что слезы пред Господом, сокрушение о грехах довлеют на покаяние, приемлются Богом. Приведем и еще одно свидетельство из книги «Маргарит» – свидетельство, в котором тоже говорится, что, и помимо иереев, можно непосредственно от Господа получить прощение во грехах и что и это покаяние – приемлется Им. «Се спастися хочу, читаем в «Маргарит», что сотворю? Како спасуся, и кий образ восприму? К кому прибегну? Много бо согреших, и делом, и словом, и умом, во дни и ночи, и по вся час. Тем же что сотворю, како ли спасуся, к кому прибегну? Аз повем к кому прибегнути».

“Блаженный бо Давыд показа к кому прибегнути, рече: Бог нам прибежище и сила, и помощник в скорбех обретших ны зело. К тому и ты прибегни, каяся и плача. Покайся, возлюбленне, и не размышляй, покайся и не тужи, и не отчайся, имея спасения лечбу... Преклоняй колене, бий в персии, слезы изроняй, воздыхай, плачи, простирай руце на небо, возводи очи ко Владыце... Пойдем, поклонимся Ему, и припадем, и плачемся пред Господом сотворшим нас; той-бо есть Бог наш, той нас сотворил, той нас ущедрит той ны помилует и просветит лице Свое на ны. Той бо есть Бог кающихся и тако примет вы кающуюся» (слово 13-е о лжеучителях 593 об., 594, 595–597 лл. об.)

Поэтому-то мы, хотя и не имеем священников, надеемся, что имеем покаяние и можем каяться в своих грехах непосредственно пред Богом, веруя, что и таковое исповедание приемлет Он и простит нам наши прегрешения.

Православный: И так, ваши наставники измыслили новый вид покаяния, как таинства, именно: сердечное сокрушение о грехах, со слезами, пред Самим Господом, чем и стараетесь заменить установленное Господом Иисусом Христом покаяние, исповедь пред лицами иерархическими – и в доказательство приводите вы из «Бесед И. Златотстого» на 14 посланий Ап. Павла, из книги «Маргарит» и из «Соборника». – Но, при беспристрастном рассмотрении указанных вами свидетельств, оказывается, что ни мало они не служат оправданием новому вашему учению.

Дело в том, что сердечное сокрушение о грехах, слезы о содеянных преступлениях, воздыхание и молитвенный вопль пред Господом, – это только составные части покаяния, исповеди, как» таинства.

Об этом только и учил в приведенных вами свидетельствах И. Златоуст (в книге «Маргарит и в «Беседах»). «Ты грешен? Войди в Церковь, учил Св. Златоуст, припади, плачь, рыдай, стенай, проливай слезы.

«Ты согрешил? Исповедай Богу свои грехи, скажи просто: я согрешил, – скажи это Богу, ведающему все прежде, чем это совершится, – скажи Богу, испытующему сердца и утробы, – скажи здесь, чтобы не быть обличенным и посрамленным там многими тысячами ангелов и людей.

«Скажи мне, что лучше: здесь ли в Церкви исповедаться пред Богом только и духовным отцом твоим, или там опозориться пред столькими тысячами людей и ангелов» (т. XI, 936 стр.). Таким образом, исповедь во грехах, плач и слезы – все это перед Господом, но посредником, свидетелем твоей искренней исповеди, твоего исповедания в содеянных преступлениях, твоего плача и слез о грехах, должен быть духовный отец-священник, а этого-то последнего у вас нет.

Да, ты творишь исповедь в содеянных грехах, в преступлениях, которыми оскорбил Творца и отдалил Его от себя, – непосредственно пред Самим Господом, – но повторяю, свидетелем твоей исповеди должен быть иерей, молитвами и возложением рук которого ты примиряешься с Богом и получаешь прощение, разрешение от грехов. «Престол священства, говорит Св. Златоуст, утвержден на небесах, и священнику вверено устроят тамошние дела. Кто говорит это? Сам Царь небес. Елика еще свяжете на земли, говорит Он, будут связано на небесах, и елика еще разрешите на земли, будут разрешено на небесах». (Мф.18:18). Что может сравниться с такою честью?

Небо получает начало суда с земли. Судия судит на земле, и Владыка следует за рабом: и что последний присуждает внизу, то Он утверждает

горе. Священник стоит посредником между Богом и родом человеческим, низводя на нас оттуда благоденствия и вознося туда наша прошения, примиряя со всею природою разгневанного Бога и нас, разгневавших Его, избавляя от рук Его» (т. VI, 417 стр.). И так, не мог учить и не учил Златоуст, что один только слезы, плач, стенание и воздыхание о содеянных грехах непосредственно пред Самим Господом, без присутствия иерея, могут заменить покаяние, как таинство. Так, в Б. Соборнике в слове Анастасия Синаита, приведенном вами, говорится только, что искреннее раскаяние, с сердечным сокрушением и слезами о грехах, приемлет Господь, в доказательство чего и приведен рассказ о разбойнике, который не мог, по болезни, загладить свои преступления доброй жизнью, добрыми делами, а горько плакал и сокрушался о своих беззакониях. Его слезы были приняты Господом, вместо добрых дел, и он получил прощение. – Если во всем сказании о покаявшемся разбойнике не упомянуто о священнике, – так это не значит еще, что покаяние, как таинство, может быть заменено одними слезами. В «Соборнике» не сказано, что разбойник был и крещен, не сказано, что он был и христианин. Но в другом месте тот же Анастасий Синаит учил: «Разве ты не знаешь, что Церковь Божия есть врачевника? – Итак, если ты во врачевнице останешься болящим, то где после получишь исцеление? Исповедай же Богу чрез священников грехи свои. – Осуди свои дела и не стыдись». (Номоканон, изд. Павлова, 1897 г. стр. 474).

Ясно, что ни Св. Златоуст, ни Анастасий Синаит не оправдывают измышленной вами исповеди.

К тем доводам о таинстве покаяния, который я выше привел, приведем и еще учение Бл. Симеона Солунского: «Покаянием совершается исправление наше от грехов, вновь нами содеваемых. И так как после крещения нет другого способа быть возванным ко спасению по благодати и дару, кроме подвигов и трудов, кроме обращения и слез, кроме исповедания прегрешений и удаления от зла: то и дарован этот великий дар... Покаяние, после крещения, и главизна спасения для всех верных, и другое очистилище, и второе крещение, совершаемое посредством исповеди и сокрушения, посильными трудами и слезами...

«Но силу решить и вязать Он (Господь) – даровал нам, человекам, сам от Себя дуновением сообщив в начале этот дар Апостолам. Ибо дуну, сказано, и глагола им: примите Дух Свят. Им же отпустите грехи, отпустятся им, и им же держите, держатся (Ин.20:22–23).

«Для того это, чтобы те, кои пришли в смирении души на исповедь, чрез искреннее раскаяние отклонившись уже от греха, открыто получали разрешение. И это совершается постоянно донныне.

«Сия-то сила Духа проявляется и действует, чрез священнослужителей... Покаяние есть одно из таинств, и совершать его

для верных – принадлежит епископам» (т. 2, по изд. 1856 г. Стр. 14, 15, 33, 314 и 322).

Следовательно, необходимы: сокрушение о грехах, слезы, удаление от зла, подвиги и труды, словесное исповедание грехов пред теми, кои получили на это власть, т.е. пред священнослужителями, и разрешение от грехов, бываемое от иерея. Об этом то у нас и речь с вами; этого-то у вас и нет, именно разрешения иерейского от грехов, а стало быть и слезы, и исповедь ваши вотще.

Самарский Епарх. миссионер иерей Д. Александров
(Окончание следует).

**Хроника // «Миссионерское Обозрение», 1906, № 5, стр. 732–
750**

Летопись периодической духовной и светской печати и новые книги по вопросам веры и миссии церкви

Обзор печати

(По поводу статьи Д.С. Мережковского «Пророк русской революции». «Весы», – № 2 и № 3–4)

I.

В.В. Розанов и Д.С. Мережковский – звезды одной плеяды. Проще сказать, это два сапога – пара.

Оба мистики, оба пламенные и яростные, но, по-видимому, бессильные поклонники «святой плоти». На этой почве – полное единение духа.

Есть и черты различия, но сравнительно незначительные. г. Розанов больше напирал на Ветхий Завет, на богинь вождения и сладострастия по библейскому тексту. г. Мережковский принаровился к Апокалипсису и действует им на читателя, как обухом топора. Его богини и героини – белые дьяволицы, ведьмы с немецкого Брокена и с русской Лысой горы.

г. Розанов много вульгарнее, но и много реальнее г. Мережковского. Он глазам не верит: ему надо дотронуться и обнюхать. г. Мережковский доволен тенью, мимолетным призраком, капризной и мимолетной тучкой и вкушает необъяснимое наслаждение там, где г. Розанов еще сомневается в самой реальности факта.

Тем не менее они какие-то близнецы в русской литературе, два Аякса, которые всегда вместе, где мятежная плоть поднимает стяги борьбы с теми, кто сомневается в ее божественности.

г. Розанов издал прекуръезную книгу «Около церковных стен». Мы о ней уже говорили в прошлой книжке «Миссионерского Обозрения». Но в благородном мистико-эротическом споре г. Мережковский блестяще побил рекорды своего коллеги по вере и дал ему очков пятьдесят вперед.

Придет время – и, по-видимому, оно недалеко, – когда серьезные и образованные люди будут удивляться тому, что гг. Розанова и Мережковского считали писателями, что было и такое поколение, среди которого они могли найти известность и популярность, что их книги читали.

Но наше время, кажется, «из всех правил вышло». Кадеты победили, – а ведь это исторический факт, не менее удивительный, чем лавры двух друзей-мистиков. «Кадеты победили» – ведь это вольный перевод слов Ницше: «все возможно, все дозволено».

Но статья г. Мережковского заслуживает полного внимания при всем юродстве ее содержания, как верх безумия, возможного в наши безумные дни.

Начнем с конца. По дороге реакционных заблуждений Достоевского г. Мережковский шел к своей истине и остановился, когда уперся в нее лбом.

Перед какой же истиной – ложь все, что говорил Достоевский о самодержавии и православии?

«Это истина – пророчество о Св. Духе и о Св. Плоти, о Церкви и царстве Грядущего Господа».

«Не в христианство, а только в религию Троицы, Всех Трех – Божественной Множественности, открывающейся в Божеском Единстве – включается и человеческая множественность, совокупность личностей, святая общественность; только в религию Святой Земли естественно включается и всемирное соединение и устройство людей на земле, церковь, как царство». «Точно так же, как Первая Ипостась Отчая воплотилась в мире природном, в дочеловеческом, в космосе, и Вторая Сыновняя – в Богочеловеке. Третья Ипостась, Духа, воплотилась в Богочеловечестве».

«Не в христианство"... Это надо запомнить. «Божественная Множественность» – по-видимому, языческий политеизм. Святая Земля с большими буквами – какое-то первобытное идолопоклонство.

Вот какую истину надо признать истиной, чтобы разделять взгляды г. Мережковского. Это отчасти успокоительно. Таких чудаков много не наберется и мистическая ахиня творца новой религии едва ли соберет новую нехристианскую церковь. Автор ни в Магометы, ни в Будды не годится: очень уж он далек от земли, с какой бы буквы он это слово ни писал.

II.

В чем же провинился покойный Ф.М. Достоевский перед Д.С. Мережковским?

Вот в чем. Революционер в душе, он притворялся реакционером и только одному г. Мережковскому удалось подметить и объяснить этот литературный маскарад.

От истины, теперь нам уже известной, перейдем к тем заблуждениям, который так удивительно ново объясняет г. Мережковский.

Его путеводная звезда в пустыне заблуждений – «безвластие, кань путь к боговластию».

Было бы несправедливо обвинять автора в трусости или осторожности. Он всегда на передовых позициях, всегда там, где больше опасности.

Достоевский любил историю Европы, «осколки ее святых чудес», но современная Европа была ему не по душе.

«Кажется, – говорит г. Мережковский, – Достоевский чувствовал и то, что на такую любовь Европа не может ответить России ничем, кроме ненависти. «В Европе все держат против нас камень за пазухой. Европа

нас ненавидит». «Европа презирает нас, считает низшими себя, как людей, как породу, а иногда мерзим мы им, мерзим вовсе, особенно когда им на шею бросаемся с братскими поцелуями». «Мы для них не европейцы, мешаем мы им, пахнем не хорошо». Всех славян вообще «Европа готова заваривать кипятком, как гнезда клопов в старушечьих деревянных кроватях». «Там (в Европе) порешили давно уже покончить с Россией. Нам не укрыться от их скрежета и когда-нибудь они бросятся на нас и съедят нас».

«В заключение совет – чтобы не быть съеденными, надо самим съесть Европу. Таково наше «всеслужение человечеству». Но мы ли съедем Европу или Европа съест нас, во всяком случае, этот русский скрежет уже тем омерзительнее европейского, что прикрывается «братскими поцелуями», от которых действительно, «не хорошо пахнет». На эти поцелуи «русскому Христу» Христос вселенский мог бы ответить: «друг, целованием ли предаешь Сына Человеческого?»

Сердиться на г. Мережковского нельзя: он слишком младенец, чтобы требовать от него ответственности за дикий и бессвязный лепет. Его окрошка из цитат Достоевского – детская шалость, рассчитанная на совершенно игрушечные эффекты.

Кто читал Достоевского, тот знает, что покойный писатель никогда «не бросался к ней на шею с братскими поцелуями». Он любил прошлое Европы, но ее настоящее положение не возбуждало его симпатий.

Это знает и г. Мережковский. С чего же он горячку порет? Только оттого, что г. Достоевский сказал «мы»? Но ведь это довольно обычная литературная манера речи. г. Мережковский старый литератор и это ему пора бы знать. Так говорят, чтобы придать больше мягкости речи, чтобы сделать укор безобиднее. Говоря «мы», Достоевский думал не о себе, а, скорее, о г. Мережковском.

И на таком пустяк писатель в цветущем возрасте, как неопытный отрок, притворяющийся умным, строить целую систему вздорных обвинений, все шире и шире охватывая горизонты, которые здесь решительно ни к чему. Достоевский превращается в «русского Христа» и литературная полемика превращается в явное кощунство.

Еще ни один писатель не говорил такого непристойного вздора, потому что серьезный человек щадит свое доброе литературное имя, не просится под розги, не щеголяет озорством и бесшабашностью. На это дерзают только легкомысленные ребята, которым, терять нечего, которые слишком доверчиво рассчитывают на снисхождение своих близких, которые куражатся и капризничают, когда заметят, что им все сходит с рук, что им мирволят и не придают значения их капризам. Но и детская шаловливость иногда переходит через край и тогда...

Доказать свои положения он, конечно, не может. Это набор фраз и игра в слова. Он доволен уже тем, что «дерзнул». В ранней молодости

дерзостью гордятся. У кадетов – это своею рода шик.

Как молод и наивен почти маститый поэт и чревовещатель!

Европа пережила свои старые идеалы. В свое время эти идеалы казались великими и исчерпывающими всю полноту правды, дающими смысл всему существованию человека. В мечте, в теории они были прекрасны. Но, когда захотели осуществить их в жизни, когда кровью и убийством стали внушать «человечеству» новорожденную истину, подайте могучие боги оказались мертвыми чурбанами. Их уже нет. Они позади, на тех путях истории, к которым возврата нет. Теперь Европа живет без горячей веры, без великой идеи. Жизнь стала серой, скучной и бесцветной, без будущего, без целей, без надежд. Легко понять любовь к Европе в годы ее творчества и гордой веры в себя. Легко понять и ненависть к Европе, когда она застыла в безжизненном покое буржуазии и других идеалов не имеет, даже для пролетариата, который строится и организуется по шаблонам буржуазии и своих дорог не нашел. Об этом написаны целые книги и вопрос поставлен вполне определенно. И г. Мережковский эти книги, надо полагать, читал, читал он, вероятно, и Влад. Соловьева, и Герцена, и Хомякова, и Данилевского. Зачем же он напускает на себя тупость и невежество? Только для того, чтобы морочить тех читателей, которые ничего не читают, ничего не знают и знать не хотят?

III.

Ясное дело, что избалованный г. Мережковский за что-то сердится на Достоевского. Кадеты ведь очень обидчивы.

Что же его так задело? А вот что. Достоевский часто высказывал одну мысль, которую берется формулировать сам г. Мережковский. Представим эту мысль в его передаче.

«Русский интеллигент, пока остается самим собою, т.е. русским европейцем, не может понять православия, так же, как Европа не понимает его. А, следовательно, не может понять и русского народа. Остается «погибать врозь».

Эта мысль Достоевского для г. Мережковского – нож острый. Он вспыхнул, озлился, стал ломать в своей детской игрушки и на зло мамаше и няньке повторяет скверные уличные слова, чтобы сорвать свою досаду.

Правда, говорят, глаза колет. Кадеты ныне представляют волк неведомой страны и голос выдуманного народа. Но православия они не понимают, в чем и сами признаются. А без православия русского народа действительно не поймешь. Все это так просто и ясно, что этого не видят только разные кадеты, задавшееся целью перелгать действительность.

Если бы г. Мережковский с годами рос, он мог бы попытаться поспорить с Достоевским, подумать о доказательствах, поискать фактов. Но он слишком ленив и легкомыслен для этого. Он просто показывает

язык и назойливо твердит, что он «победил», как всегда побеждают кадеты.

По г. Мережковскому выходит, что наша интеллигенция прекрасно понимает православие. Но понимает ли его г. Мережковский? Как он его понимает, мы скоро увидим. Но заранее предупреждаем, что так его никто и никогда не понимал, не понимает и понимать не будет. Он и г. Розанов – непризванные строители нового Соломонова храма. Они создают свою собственную религию, и – в интересах пропаганды, подобно другим кадетам, выдают его за православие. Кадеты пробовали убедить мужиков, что самодержавие то же самое, что и республика. Но республика остается республикою, а похотливое язычество – язычеством, как бы их ни называли.

Рознь между интеллигенцией и народом – старый вопрос. Теоретически он поставлен и решен давно, практически он решается на наших глазах. На уличных листках красною краской часто рисуется тенденциозная картина: интеллигент братски жмет руку мужику и заключает с ним союз на почве республики, национализации земли и вооруженного восстания. Кадеты «требуют», чтобы все поверили этой сказке. Но сказок у кадетов слишком много и все они фантастичны.

На этой почве интеллигенция создает мечтательный призрак какой-то особой, не то официальной, не то ветхозаветной Руси, алчной, прожорливой, тупой и бессовестной.

«Россия проглотит сперва Европу, потом Азию и, наконец, весь мир. Это любовь даже не живого к мертвому, а хищного зверя к добыче, хищной птицы к труп. «Где труп, там соберутся орлы». Вселенная – труп. И русский двуглавый орел носится над трупом вселенной».

В евангельском тексте стоят не орлы, а коршуны. Но слишком уже хотелось г. Мережковскому пофорсить красным словцом и показать во всем блеске свободу своего слова в детски-безумной ненависти к двуглавному орлу. Эта лживая и гнусная картина подсказана старой повадкой нашей интеллигенции блистать непомерным, необузданным и бестолковым либерализмом.

Это что-то в роде тех папирос, которые «борцы за свободу» гасили об икону Иверской Божией Матери. В том и другом случае психология одинаковая: «наплевать». А логика... Впрочем, на что логика победителям? Посмотрите на кадетов. Они отлично справляются без разума и без логики и свою глупость прикрывают красною тогою гнева и мести.

г. Мережковский знал, что своею циничною выходкой он многим причинит боль и огорчение. Но его истинная цель именно в том-то и заключается, чтобы причинить эту боль. Младенческая несостоятельность его основной мысли отнюдь не требовала таких оскорбительных и грязных оборотов речи. Причудливость и босяцкая неопрятность образа – для него

цель сама по себе, и он ловит новые нечистоплотные эффекты, чтобы блеснуть цинизмом бесшабашности.

Удивительно ли, что он бросает комьями грязи в русского двуглавого орла, если не останавливается и перед явным кощунством?

«В кровавом бреде Достоевского о всемирно-русской монархии, – говорит он, – «русский Христос» поклонился дьяволу».

Достоевский тут не причем. Но он один не отрекается от «русского Христа» ради какой-то Божественной Множественности и Святой Земли. Да и какое дело г. Мережковскому до Христа, если он сам признается, что его вера – не христианство?

Но и Христос, поклонившийся дьяволу, тоже не Бог.

Что же собственно хочет сказать г. Мережковский?

Спор, который он поднимает, старый спор. Это спор между западниками и славянофилами. Ни одного нового доказательства, ни одного жизненного обобщения г. Мережковский в этот спор не вносит. У него нет ни одной ясной и точной мысли, только подбор слов вычурных и непристойных. Его исходная точка зрения показалась бы смешной и нелепой даже у малограмотной начетчицы, запуганной чтением Апокалипсиса.

И в этот старый спор, который с большим достоинством и с огромною эрудицией вели серьезные и умные люди, как уличный мальчишка, вмешивается г. Мережковский, с визгом, хохотом, с ужимками балаганного шута, и в диком восторге произносит такие пошлости, от которых покраснела бы и обезьяна.

г. Мережковский любит блеснуть своею начитанностью. Его эрудиции не отрицает даже В.П. Буренин, который много раз пользовал розгой учения поэта-мистика, хотя, к сожалению, по-видимому, не достиг цели. Но эта начитанность – для него худшее зло: у него все как-то не ко двору. Лучшие мысли мыслителей и поэтов превращаются в какую-то яичницу, в трактирную крошку из всякой всячины и возбуждают невольную брезгливость. Он всегда искал внимания толпы и черни, и у него нет ничего, чем бы он не пожертвовал ради популярности и рыночного успеха. Теперь балаганное глумление – товар ходкий.

К довершению кощунства и бесстыдства он время от времени принимает позу и язык пророка.

«Господь наказал нас – и слава Господу! Выпьем же чашу гнева Господня до дна, ибо на дне – спасенье».

Не будем забывать, что это говорит пророк Третьего Завета, который молится Великой Матери Елевзинских таинств. Кто ему «Господь» и что он Гесиоду?

Он радуется чаше гнева Божия, но не потому, что на две ее спасение: спасение для проклинаемой им России невозможно, по его убеждению, –

а потому что старая Русь с ее верою, с ее Господом – будто бы гибнет и погибнет.

IV.

Поэт Минский, всю жизнь блуждавший в непроницаемых дебрях дремучей языческой мистики, почувствовал себя убежденнейшим социал-демократом и стал редактором социалистической газеты. Но, испугавшись последствий социалистической программы по шаблонам наших доморощенных мыслителей и вождей социалистической партии, предпочел бежать за границу и оттуда посылать громы на своих недавних союзников.

г. Мережковский принес свою туманную мистику к ногам победоносных кадетов и на свой лад перепевает их нехитрые песенки.

Еврейский вопрос играет огромную роль в судьбе и карьере кадетов. И на этот алтарь проворный мистик приносит свою и своеобразную жертву.

«Когда христиане называют евреев «жидами», они произносят хулу на Христа во чреве Матери Его, в тайне Рождества Его, во святом Израиле. Истинные «жиды» – не евреи, а те христиане, которые возвращаются от Нового Завета к Ветхому, от Христа вселенского к Мессии народному».

Мистик, а знает, где раки зимуют. Значит ли это, что евреи обратились к «Христу вселенскому»?... А если не значит, то что же это значит?

Если «народный Миссия» – что-то позорное и бесстыдное для русского народа, то почему он так хорош для еврейства?

Он будто бы вступается за оскорбленное достоинство Матери Его, он, который Святая Земля пишет с большой буквы и вдается в соблазнительные тонкости толкования по поводу слов: «Богородица есть Великая Мать Сыра Земля».

Автор много раз переворачивает на разные лады лукавые слова покойного Влад. Серг. Соловьева о необходимости для России национального отречения для церковного единства под главенством папы. И у Соловьева это выходило достаточно туманно в тонком лицемерии напускной мистики. А у г. Мережковского это было бы какою-то загадкой сфинкса, если бы его отношение к еврейскому (вопросу не давало ключа к пониманию его удивительной декламации. О вселенском Христе, которого евреи не признают, он говорит «страха ради иудейска», чтобы не допустить русский народ до веры в народного Мессию, которого евреи и теперь еще ждут. Игра старая и нехитрая.

«Каждый народ должен отречься от себя, от своей «синтетической личности, от своего особого Бога», должен сделаться жертвою за все другие народы, умереть, как народ, во всечеловечестве, для того, чтобы воскреснуть в бого-человечестве».

Разберитесь в этом жалком набор слов.

«Каждый народ должен» ... Отчего же ни немцы, ни французы, ни англичане этого не делают? У каждого своя «синтетическая личность» и «свой особый бог». Не детали этого ни римляне, ни греки. Почему такая жестокость только к русскому народу? Отчего одним народам суждено принимать жертвы, а другим приносить их?

«Умереть, как народ» ... Это ясно. И этого для русского народа, г. Мережковский очень желает. Да и не один он. Но нельзя же так неприкровенно выдавать сокровенные тайны кадетов. Это одно из тех пожеланий, которые принято держать в строгой тайне партийной замкнутости.

И это, по уверению г. Мережковского, перспектива очень соблазнительная и очень заманчивая. Умрите, как народ, а воскреснете, как боги. Чего лучше? Отчего же г. Мережковский не сделает этого опыта ни своей собственной особе. Пусть он умрет, как человек, и воскреснет, как Бог, – и тогда, может быть, ему можно будет поверить. Или он уже и без того бог, стал богом, не в пример прочим, даже не умирая?

Что же это? Мистика или новое дурачество капризного младенца?

Дивно, что эти невероятные речи раздавались и в университетской аудитории, в закрытом заседании Философского Общества и им внимали, как речам компетентного пророка, открывающего новые пути и новые правды.

Или и храмы науки превратились у нас в площадные торжища, где каждый говорит, что хочет и как хочет? И там уже отвыкли отличать плевелы от пшеницы, убежденную речь от кривляющейся декламации? Разве не фокусы эти «ужасы», которыми лектор забавлял ученую аудиторию?

Если «Философское общество» пробавляется такою «философией», ему надо переменить свое имя. Иначе и за философию стыдно будет.

А там слушали и даже одобрили такой, например, вздор.

«Последний ужас в том, что, веря в «русского Христа», «русского Бога», нельзя верить в истинного Бога-Слово, во Христа вселенского».

И никакого ужаса – нет. Каждый народ верует во Христа по-своему и от этого Христос не становится не вселенским. Вот веровать в Третий Завет, в «Мать Сыру Землю», в «Святую Плоть» человеческую так же, как и в Христа, – это действительно значит создавать себе «особого Бога» и свою собственную «синтетическую личность».

Зачем г. Мережковский ужасается чужим ужасом? Чего ему страшно? По-видимому, ему-то уже бояться нечего: ведь он открыто не признает христианства.

Но и Христа г. Мережковский, как новый Савл, гонит только для того, чтобы гнать русский народ.

«Русский народ, сделавшись «русским Христом», двойником Христа, сам превратился в зверя, в антихриста, потому что антихрист и есть

двойник Христа».

И все: и Зверь, и Христос, и Антихрист – с большой буквы. Это указание искать особый мистический смысл в прекрovenной речи. Но на самом деле этого потаенного смысла нет. г. Мережковский просто бранится, чтобы браниться.

В «Философском Обществе» г. Мережковскому по существу не возражали. Значит, и там приемлема такая логика и такие приемы доказательства? Тогда *fuit philosophia, non est*.

V.

Итак, русский народ, – антихрист.

Для начала – и это хорошо. Дальнейшие выводы следуют, конечно, сами собой.

«И по другой формуле: «Бог есть синтетическая личность народа», а «русский царь есть воплощение личности русского народа», выходит опять-таки, что «русский Бог», и русский Христос» – есть русский царь».

«И последняя тайна, последний ужас самодержавия не в том ли, что самодержец – самозванец Христа?».

Еще один удар и все будет ясно.

«Разве вся история самодержавия – не самое Фантастическое и самое реальное «неистовство»? Во всяком случае, это не что-то трезвое, умеренное и благоразумное, «конституционно-демократическое», а пьяное, дикое, как тот огненный бред, из которого родились легенды скопцов, и хлыстов, о бoге-саваофе, «сокатившем с неба на землю».

Маска упала. Мы узнаем азартного, хотя и неопытного игрока. Это не мистика, не логика и даже не статья. Это просто *captatio benevolentiae*, униженное пресмыкательство перед слишком молодись знаменем кадетов. Очевидно, автор старается получить знаки ордена Гапона первой степени, когда этот орден заменит собою старые русские ордена.

Все «конституционно-демократическое» – непременно трезвое, непременно умеренное, непременно – благоразумное.

Вот тонкое искусство самой низкой, самой раболепной лести.

Логика и практика кадетов – ни для кого не секрет. До сих пор они еще ни разу не говорили «от разума». Они заминают и проклинаят именем «воли» народа и из этой воли для личных надобностей выделяют только гнев и месть. Они сладострастно мечтают о «сладости мщения». Они жаждут мести и упоены властью.

Это вое, что хотите, только не «трезвость».

Говорить об «умеренности» кадетов – тоже довольно рискованно. У них для всего одно «или», в котором вторая часть противопоставления всегда остается неизменною.

Или амнистия, или революция.

Или автономия окраин, или революция.

Или принудительное отчуждение частно-владельческих земель, или революция.

Если это называть умеренностью, то что же тогда будет называться неумеренностью?

«Благоразумие», конечно, невозможно в том кровавом тумане, которым окутана боевая и победоносная партия, призывающая к новым битвам.

г. Мережковский с верным прицелом нашел именно тот вид лести, который наверняка покоряет славолубивое сердце новых кондотьеров. Ложь, самая грубая и неприкрытая, явно противоречащая наличной действительности, очевидная для каждого, кто умеет своими глазами смотреть на слова и поступки людей, томит и нежит сердце кадетов, которые до г. Мережковского, не имея наемных льстецов, льстили себе сами, при явной безграмотности говорили от имени последнего слова науки, прославляя политические убийства, поднимали свой голос против смертной казни, держали свои дружины под красными флагами, а в Думе поднимали белые, — символ всепрощения и мира, — но под тем неременным условием, чтобы им дали насладиться всею сладостью мести.

Каши маслом не испортишь. Это г. Мережковский понял. И с льстивой угодливостью, как лукавый лакей нового барина, пополз к ногам «конституционно-демократического» фетиша с словами такой бесшабашной и бесстыдной лжи, которая в первый раз позорит буквы русского печатного слова.

И по-своему он указал дорогу и другим. Он понял нехитрое искусство, как и чем надо подольщаться к кадетам.

Для этого надо говорить, что русский народ зверь и хищник, что он антихрист, что русский Христос поклонился дьяволу, что русский царь — самозванец Христа.

Многие, несомненно, пойдут по стопам г. Мережковского, чтобы по мере возможности приспособиться к новому порядку вещей. Но им не обогнать первого прыткого льстеца. Он побил рекорд. У русского народа больше нет таких святынь, кощунственное отношение к которым могло бы снискать большое благоволение кадетов.

Вот «заря нового дня», вот то «солнце свободы», которого так долго ждала «мыслящая Россия»!

И вот, с другой стороны, те жертвы, которые должны будут принести люди русского происхождения и православной веры, чтобы получить права гражданства при новом укладе общественной жизни.

Кадеты всегда и всего «требуют». Видя добровольное низкопоклонство и раболепие г. Мережковского, они потребуют такого же раболепия и от всей литературы.

И цензура их будет беспощадна. Этому есть уже примеры. Председатель Думы чуть не в первом же заседании, как Пифия в удушливом тумане одуряющих испарений, провещал, что Государственная Дума «выше всякого упрека». Надо иметь слишком много «воли» и не иметь разума, чтобы метать такие папские громы.

VI.

г. Мережковский до краев наполнил своим показным гневом какую-то грязную чашку и кощунственно утверждает, что это чаша гнева Господня. Мы знаем, для чего он это делает. Но в его изложении есть еще тонкости, которые показывают, с каким опытным и беззастенчивым виртуозом мы встречаемся на этой почве.

«Романов, Пестель или Пугачев»? – таким вопросом Бакунин озаглавил одну из своих статей, в которой, между прочим, доказывал, что русский царь мог бы спасти, – по крайней мере на время, – самодержавие, – если бы стал во главе русской и всемирной социальной революции. Выкинув среднего, слишком срединного, Пестеля и оставив двух крайних, получим вопрос: самодержец или самозванец? – вопрос монархиста Достоевского, совпавший с вопросом анархиста Бакунина.

«Из русской истории мы знаем, как трудно иногда отличить самодержца от самозванца. Каждый пришедший царь оказывается вовсе не тем грядущим царем, которого ожидает народ, как Мессию. И если бы даже избрание царя совершилось по воле народа, то где ручательство, что воля эта совпадает с волею Божьей, «с милостью Божьей». В соборном голосе церкви? Но Церковь давно лишена соборного голоса; Церковь обезглавлена самим царем, который стал «главою Церкви», «крайним судьей» дел церковных. Помазание на царство совершается в Церкви, но не Церковью, а самим царем...

«С другой стороны, низвержение какой-нибудь династии еще вовсе не обозначает падения самодержавия в его последней исторической сущности. Перемена династий – дело исторического случая»...

Вы, читатель, вполне ясно понимаете эти слова автора, который давно уже претендует на звание опытного мастера литературного слова?

Признаюсь, для меня они туманны и сбивчивы. Это какой-то революционный птичий писк, резкий и пронзительный, но не членораздельный.

Прежде всякий царь был «самозванцем... Христа». На каких исторических фактах великий мыслитель обосновал этот вывод, сказать трудно. Затем самозванец и самодержец, отождествились. Каждый самозванец стал самодержцем, и каждый самодержец стал самозванцем!... Воля народа и «милость Божия» – стали каким-то призраком. Царь «обезглавил» Церковь, стал ее «главою» и сам помазывает себя на царство, а смена династий – дело случая...

Вот беспорядочная куча суждений, которые так странно видеть в статье мистика и философа. И мистика, и философия что-то уж очень лукавы и неуловимы. Ни логическим, ни историческим путем этих выводов автор доказать бы не мог. Зачем же он их дает в такой кудрявой и символической форме?

Логика – ничтожна до смешного. А психология...

Но это только начало скорбей. Жизнь идет так, что надо ждать проявления и худших, еще более циничных инстинктов.

VII.

Вы думаете, что здесь конец? Что мы дошли до предела, «егоже не преjdeши»? Нет, г. Мережковский идет и дальше, «все вперед и все выше».

«Откуда самодержавие – все равно, царя или народа, – откуда власть человеческая, откуда всякое государство? – Вот вопрос, который безмолвно, но неотразимо поставлен Великой Русской и уже всемирной революцией, в настоящем только социально-политической, в будущем неизбежно и религиозной. Вот из-за чего «взволновалось море», «затуманилась Русь», и «такая раскачка пошла, какой мир не видал»?

Пока отметим странный намек на «самодержавие народа».

Для кадетов самодержавие народа – партийный догма, вне которого нет спасения. Для г. Мережковского и это ересь. Не потому ли, что в России самодержавие народа пришлось бы на долю именно русского, а не какого-либо другого народа?

Откуда же в самом деле самодержавие и какой ответ дать Великой Русской Революции?

Чтобы ответить на этот вопрос, г. Мережковский дает характеристику простонародного представления о самодержавии.

«Православный царь-батюшка, красное солнышко» – сначала символ, образ, икона, потом одно из воплощений Христа и, наконец, воплощение совершенное, единственное – сам Христос Грядущий, новый «русский Христос, миру неведомый». Человек становится иконою, икона – идолом, идол Богом. Христианство подменяется хлыстовством, т.е. непобежденным, не созданным, до-христианским язычеством».

На первый взгляд кажется, что автор ловит какую-то мысль, но не может поймать ее. Он хватается за символические слова, делает намеки, но не может свести свои разрозненные впечатления к одному центру. Будто бы в воздухе что-то есть – тонкое, неуловимое, таинственное, – но оно не дается слову.

Но на самом деле ничего такого нет. За словами нет мысли. Там только одно «настроение» и «тенденция». Какая тенденция – ясно.

Установив на таких посылках свой главный вывод: «самодержавие от антихриста», – г. Мережковский берет в руки какой-то «обоюдоострый меч», который он будто бы нашел у Достоевского и «который нельзя

направить в борьбе иначе, как или за самодержавие против Христа, или против самодержавия за Христа».

Так, конечно, и должно быть: если самодержавие от антихриста, то Революция от Христа.

Допустим недопустимое. Допустим, что г. Мережковскому удалось бы убедить православное население в России, что самодержавие и православие от Антихриста, а Революция от Христа. Как было бы легко кадетам повести народы России по новым путям к новой правде!

Но вот вопрос, который надо кадетам решить в интересах партийной дисциплины. Выводы г. Мережковского им, конечно, по сердцу. Но как отнестись к его аргументации и его общим предположениям? Принять и их, как свое, кровное, парни присущее и от нее неотъемлемое? Но тогда, может быть, придется попасть еще в худшее положение, чем с делом об автономии Польши. Конечно, для осуществления политической программы им полезно распространять убеждение, что русский народ – антихрист, а всякий русский царь – самозванец. Но не слишком ли это прямолинейно? Но преждевременно ли это? Победа – победой, а дипломатия – дипломатией.

Боюсь, что его не признают своим и раскольники, которые во всяком случае первыми ославили Петра антихристом. Думается, что по их суждению Христос г. Мережковского будет антихристом, а антихрист Христом.

Это внушает некоторый опасения за карьеру г. Мережковского в бурных переменах освободительного движения. Может статься, что кадеты не признают его своим.

Впрочем, кадеты левеют, будут и должны леветь. Так уже им на роду написано.

Интересно было бы знать, например, мотивированное мнение по поводу следующих утверждений г. Мережковского.

«Антихрист придет и станет на безначалии», – в предсмертном дневнике своем говорит Достоевский. Это не совсем точно. Антихрист придет, выйдет из «безначалия», анархии, но станет не на безначалии, а на единоначалии, единодержавии, самодержавии. Антихрист будет последний и величайший самодержец, самозванец Христа...».

«Антихрист – самозванец, ложный царь, ибо единый истинный царь – Христос. В последней борьбе Государства с Церковью и произойдет та борьба ложного Царя с Истинным, Зверя с Агнцем, о которой сказано: они (самодержцы, слуги антихриста) передадут силу и власть свою зверю и будут вести борьбу с Агнцем, и Агнец победит их, ибо Он есть Господь господствующих и Царь царей"...

«И острие меча Христова, поднятого для этой брани, есть первое пророческое слово великой русской религиозной революции, слово,

недаром (?) идущее именно от нас (?), учеников Достоевского (?): государство – от Антихриста"...

«И здесь, – заключил свою речь на поминках Достоевского в Философском Обществе г. Мережковский, – на этой грозно-торжественной тризне, уготованной ему самой историей, не наш слабый голос, а голоса «Великой Русской Революции», голоса громов человеческих, в которых уже слышатся громы Господни, да споют ему вечную славу.

VIII.

Итак, что же нового мы узнали из новой статьи г. Мережковского?

По-моему, не мало.

Русский народ – антихрист.

Русский царь – самозванец Христа и тоже антихрист.

Государство – от Антихриста.

Последний удар особенно великолепен. Автор, очевидно, анархист. Дешевенький, но анархист.

Все время он старается идти в ногу с кадетами. Помните, как он расстилался перед всем «конституционно-демократическим»? Но так ли это?

Кадеты согласятся, что русский народ – антихрист, и самодержавие от антихриста. Но исповедуют ли они и тот догмат, будто бы от антихриста и государство? Похоже на правду: они так много давали обещаний, что могли дать и это. Но ведь тогда с ними пойдет уже совсем другой разговор. Если они, разрушая существующий строй, и сами ничего не хотят строить и остановятся на «безвластии», тогда ряды их сторонников сильно поредеют и, пожалуй, на сцене, появится какой-нибудь апокалипсический Зверь с большой буквы, которым так пугает «мыслящую Россию» г. Мережковский. Открыта ли тайна кадетов? Это ли их заветное слово? Если партия не «выступить» с опровержением, г. Мережковскому надо до поры до времени верить: его обвинение или, точнее, похвала – вполне определено.

В «реакционере» Достоевском г. Мережковский усмотрел скрытого революционера. Теперь в кадетях он усматривает анархистов, хотя те употребляют все усилия, чтобы казаться государственниками. Он всегда – и всегда один – видит незримое для очей смертных.

Пусть же пока это остается вопросом и секретом партий.

А теперь можно сделать маленький опыт. Нельзя ли перевести грозный и торжественный язык апокалипсиса на простую речь?

Революция – от Христа, самодержавие – от Антихриста. Государство от Антихриста, а анархия от Христа. Русский народ – воплощенный антихрист, а евреи – «святой Израиль». При этом сам автор, как верующий по Третьему Завету, не христианин.

Не слишком ли много козырей для одной игры?

Без Апокалипсиса и русский народ не будет так плох и кадеты не будут казаться Агнцем, поражающим самодержавного Зверя. Все примет свои размеры и свои очертания.

И тогда всем откроется литературный секрет автора этой статьи: автор дал легкомысленный и игривый фельетон для уличного юмористического жанра с аляповатыми пятнами красной краски, а в философском обществе по легковерию и боязливой терпимости признали за эту статью шаловливого пародиста за философа и трибуна и до конца выслушали его затейливые речи. С наукой за последнее время в петербургском университете что-то не ладится. То профессор изобретет такую науку, над которой все смеются, то придет с улицы жрец белой и черной магии и под именем философии напустит серного тумана из геенны огненной или из жаровни захоластной гадалки.

Впрочем, какое дело г. Мережковскому до науки? Он имел свою цель и вполне достиг ее.

А нам, русским людям, это во всяком случае хороший урок. Мы слишком терпимо и благодушно относились ко всем опасным и зловредным шалостям литературы, легко мирились с боссяками, бродягами и хулиганами в венках дешевой славы гражданской скорби и гражданского подвига, простодушно смотрели на одностороннюю проповедь такой «гуманности», не отгоняли от себя ни блох, ни клопов и теперь дожили до того, что первый встречный безнаказанно ругает нас и хищником, и зверем, и даже антихристом.

Перед нами заря будущей литературы.

Русский мужик, русское духовенство, русский солдат, русский купец – все русское и самобытное – уже давно стали мишенью для самих невежественных и тупых газетных борзописцев, для тех полуграмотных болтунов, которые опошлили и уронили нашу литературу и нашу публицистику.

У нас не было достаточно темперамента, чтобы энергично отвечать на гнусную и постоянную клевету, не было любви и к своему и мы – сочувственно смеялись, когда нас обвиняли во всевозможных пороках и преступлениях. Мы никогда не придавали должного значения выходкам доморощенных хулителей и само-оплевателей.

«Все – пустяки», – стало главным правилом нашей личной и общественной жизни. Для нас был далек и порой смешон каждый благородный и смелый порыв одиноких людей серьезно стать за серьезность и жизненность нашей наследственной, в веках окрепшей правды. Мы, как старые псковичи, все такали и такали, пока не протакали.

Весело ли читать нелепости и дикий вздор г. Мережковского?

Но это еще цветочки. Ягодки еще впереди.

Придется услышать и худшие поношения, слова злейшей клеветы: ведь победили – кадеты...

Н. Пустынник

Православно-догматическое учение о первородном грехе. Свящ. Алексия Бургова

Догмат о первородном грехе, являясь предпосылкой других основных христианских догматов (искупления и спасения), настолько важен в христианской догматике, что выделение учения о нем в особое, специальное сочинение давно уже стало необходимым. Однако, не появлялось (за исключением небольших журнальных статей) такого труда ни у нас, ни на Западе. Таким образом, сочинение свящ. А. Бургова служит первым опытом в указанном смысле. По научным своим качествам этот труд напоминает классические произведения мм. Макария, Сильвестра и др. богословов последнего времени. В них, в такой же системе излагаются основания учения православной церкви об этом догмате, заимствованные из Св. Писания, св. отцов и учителей церкви и даже из области человеческих или научных знаний. По примеру тех же классиков автор, для большего уяснения православно-христианских истин, пользуется сопоставлением их с инославными христианскими учениями, с мнениями разных западных богословов. Автор много занимается филологическими исследованиями греческого и еврейского текстов и дает обстоятельный, часто оригинальные объяснения многим темным местам Св. Писания.

При всей научности изложения, сочинение это читается очень легко и доступно даже простому читателю. Поэтому его можно рекомендовать и лицам, не получившим специального богословского образования. Кроме того, рекомендуемое нами сочинение может служить очень южным учебным пособием для воспитанников духовных семинарий, так что помещение его в ученические семинарские библиотеки было бы очень желательным. Издание изящное. Текст напечатан крупным шрифтом, что, конечно, облегчает работу глаз.

1905 год в международном отношении (Венгерский кризис. – Мароккский вопрос. – Англо-японский союз. – Портсмутский договор. – Русско-германский союз). Речь, произнесенная 29 янв. 1906 года А. Штиглицем

Прекрасная брошюра, носящая вышеизложенное заглавие, как показывает уже само название ее, представляет собою воспроизведение всех важнейших событий в международных отношениях, происшедших за последнее время. Как в калейдоскопе, в этой речи пред читателем проходят одна за другою картины политической жизни Европы (а также отчасти и других частей света) в указанный период. Нечего и говорить о том интересе, который представляет приведение в нашем сознании в систему событий, так изменивших за последнее время международные отношения. Кроме этого интереса, возбуждаемого уже самым предметом сочинения, речь Штиглица имеет ценность и с внешней стороны, с которой

она действительно представляется «речью», живым разговором с друзьями (к которым обращается автор), а не сухим, отвлеченным рассуждением. Словом, сочинение является вполне удовлетворительным, а потому мы позволим себе рекомендовать ее читателю, который с нею еще не знаком.

Сборник, правил и программ для производства испытаний по духовному ведомству на звание учителя или учительницы одноклассной церковноприходской школы. Составил свящ. В. Бехтеров.

Считаем долгом известить лиц, готовящихся к учительскому званию в одноклассных церковно-приходских школах, а также экзаменующие учреждения о появлении сборника под вышеприведенным заглавием. Этот сборник является самым лучшим из всех существовавших до него подобных изданий, носивших обыкновенно название «Правил и программ». В него включены не только все требования, предъявляемые «Советом» кандидатам на учительское звание в указанных школах, но указаны и книги, которыми эти лица могут пользоваться для своих экзаменов, а также помещены и циркуляры училищного Совета при Св. Синоде, касающиеся экзаменующих учреждений. Книжка эта, несмотря на полноту содержания, имеет довольно малый объем (31 стр.) и недорого.

Полное собрание резолюций Филарета митрополита московского. Издание редакции «Душеполезного Чтения».

Обращаем также внимание читателей на сборник резолюций Филарета московского, изданный в этом году. Редакция «Душеполезного Чтения» выпустила этот сборник по просьбе многих своих подписчиков. Это обстоятельство свидетельствует о том интересе, который представляют резолюции маститого иерарха. Резолюции до 1833 г. содержатся в 3-х объемистых томах и изданы весьма тщательно.

**Миссионерство, секты и раскол // «Миссионерское
Обозрение», 1906, № 5, стр. 751–775**

Журналы VI отдела присутствия

№ 1-й (13 марта 1906 года³¹³)

1) *Слушали:* предложенный преосвященным председателем следующий проект программы вопросов, подлежащих разработке.

I. О единоверии

а) Общее суждение о смысле и значении единоверия: по отношению к нему самому и 2) по отношению к старообрядчеству.

б) Переход православных в единоверие и обратно; переименование церквей единоверческих в православные и обратно.

в) Служение в единоверческих церквях православных епископов (по какому чину должно быть совершаемо ими служение).

г) Особый епископ или особые викарные епископы для единоверцев.

д) Определение священников в единоверческие приходы.

е) Значение учреждения патриаршества для единоверцев и прочих старообрядцев.

ж) О снятии клятв: нужно ли приглашение для сего восточных патриархов? Как формулировать снятие клятв?

а) Как усовершенствовать жизнь православных приходов, дабы не было соблазна единоверцам и было бы смягчено озлобление на нас старообрядцев (чин богослужения, крестное знамение, поклоны, освоенность клириков с церковной литературой).

II. О старообрядчестве

а) Устройство миссии и положение миссионеров.

б) Об австрийской иерархии.

в) О бегствующих священниках и о беглопоповстве.

г) Прочие меры к обращению старообрядцев, особенно беспоповцев.

III. О сектах

а) Как нравственно оздоравливать зараженные сектантством приходы? Екдики или особо уважаемые духовные лица, назначаемые для пастырских посещений приходов зараженных сектантством.

б) Устранение причин общего недовольства сектантов православною Церковью.

в) Необходимое дополнение противо-сектантской полемики.

IV. О магометанах

Миссионерские курсы и школы. Полемика. Инородческие поселения. Богослужение на инородческих языках. Вторые священники в православных приходах с населением инородческим. Инородческие монастыри.

Язычники. Православное миссионерское общество.

Постановили: Вышеизложенный проект программы вопросов утвердить, приняв оный к руководству при дальнейших работах VI отдела.

2) *Слушали:* заявление преосвященного председателя о том, что в предложении Обер-Прокурора Святейшего Отвода, от 28-го июня 1905 года за № 100, было изъяснено, что по прямому смыслу Высочайшей резолюции на всеподданнейшем докладе о созвании собора каноническому обсуждению его подлежат и предметы веры. Вследствие сего преосвященный председатель отдела возбудил вопрос, следует ли обсуждать VI отделу присутствия предметы веры или их вовсе не следует касаться? По обмену мнений по сему вопросу, *постановили:* В виду важности и сложности вопросов по предметам веры, по мнению VI отдела, их касаться не следует, отложив разрешение их до завершения переустройства нашего церковного управления, о чем и представить общему присутствию. В частности, останавливаясь на вопросе о соединении старокатоликов с православною Церковью, VI отдел не находит возможным отлагать его рассмотрение, в виду особого к нему интереса со стороны общества и литературы, но не может принять его к своему обсуждению, по причине отсутствия в распоряжении VI отдела достаточных научных сил и материалов, о чем также доложит общему присутствию, равно и по вопросам о богослужении.

3) *Имели суждение* по вопросу о смысле и значении единоверия по отношению к нему самому.

По обмену мнений, *постановили:* ходатайствовать о признании собором единоверия, применительно к решению архипастырского собора в Казани, не переходною ступенью от раскола к православию, не болезнью, но почитать единоверческие общины православными и равночестными с теми, которые содержат одобренные собором 1667 года обряды. Мероприятия и распоряжения церковной власти относительно единоверцев не должны быть направляемы к постепенному переходу единоверцев к одобренным собором 1667 года обрядам, но к христианскому усовершенствованию их в единении со вселенскою Церковью, дабы при сем единоверцы, дорожа строгим выполнением богослужебного чина и сохранением древнерусского церковного быта, не унижали бы тех одобренных Собором 1667 года чинов, в коих нельзя усмотреть небрежения, уступки мирскому духу или нарушения церковных установлений и после патриарха Никона обязательных для всех православных приходов и христиан. Самое наименование «единоверческая церковь» и «единоверцы» заменить наименованием «православные старообрядцы».

№ 2. (14 марта 1906 года³¹⁴)

1) *Имели суждение* по вопросу о смысле и значении единоверия по отношению к расколу и, по обмену мнений, *постановили:* миссионерское значение единоверия весьма велико и незаменимо, так как массовых обращений старообрядцев в православие с великороссийским чином не бывает и давно не было, а в единоверие – повторяется нередко. Однако,

чтобы единоверие могло проявить свое влияние во всей силе, нужно оградить это дело от некоторых помех. Дело в том, что единоверцы чрез два-три поколения начинают проявлять сильное тяготение к новоблагословенному чину и быту, как более легкому и удобоносимому, и тем отвращают от своих церквей старообрядцев, ревнителей строгого богослужебного чина и быта. Особенно приметно бывает это неудовольствие в тех новоучрежденных единоверческих приходах, в коих церковная власть спешит вводить некоторые новоблагословенные чины и обычаи и тем озлобляет новообращенных и окончательно делает невозможными дальнейшие обращения старообрядцев, которые поднимают ропот о том, что их обманули. Посему для дальнейшего миссионерского влияния единоверия на раскол необходимо следить за строгим выполнением древнего чина. Это особенно важно наблюдать в новоучрежденных единоверческих церквях, а равно и в тех, которые устроены среди раскольнических поселений.

2) *Имели суждение* по вопросу о переходе православных в единоверие и обратно и о переименовании церквей единоверческих в православные и обратно. При обсуждении сего вопроса были приняты во внимание 5 и 11 пункты правил единоверия 1800 года и дополнительное к ним разъяснение Святейшего Синода в определении, от 8 мая-17 июня 1881 года, Высочайше утвержденном 4 июля того же года. По пункту 5 правил единоверия 1800 года дозволено присоединяться к единоверию незаписанным раскольникам не иначе, как по исследовании от епископа, что присоединяющийся никогда дотоле в церковь православную не ходил и таинств ее не принимал. В 1881 году этот пункт правил единоверия Святейший Синод дополнил разъяснением, что разрешается присоединяться к единоверию тем из записных православным, кои по надлежащем расследовании окажутся издавна, не менее пяти лет, уклоняющимися от исполнения Таинств православной Церкви, но не иначе, как с особого относительно каждого из таковых лиц разрешения епархиального преосвященного. По пункту 11 правил единоверия дозволено православному принимать причащение от единоверческого священника лишь в крайней нужде в смертном случае, где нельзя найти православного священника и церкви. Этот пункт Святейший Синод в 1881 году также дополнил разъяснением, что православные могут обращаться к единоверческим священникам, для исполнены христианского долга исповеди и святого причащения, лишь в особо уважительных случаях с тем при том, чтобы подобное обращение отнюдь не служило поводом к перечислению православного в единоверие; для чего православный, исполнивший в подобных случаях христианский долг исповеди и святого причастия в единоверческой церкви, обязывается представить своему приходскому священнику полученное им от единоверческого – свидетельство о бытии на исповеди и причастия Святых Таин в

единоверческой церкви, для внесения соответствующей записи о сем в книгу приходской церкви. По обсуждении изложенных пунктов правил единоверия и дополнительного к ним разъяснения Святейшего Синода, VI отдел присутствия находить их несоответствующими ни понятию об истинном церковном единении между православием и единоверием, ни Высочайшей воле, выраженной в указе 17-го апреля 1905 года, о дозволении всем русским подданным свободного выбора исповедания веры, а посему *постановил*: ходатайствовать пред Собором об отмене пунктов 5 и 11 правил единоверия и дополнительного к ним в 1881 голу разъяснения Святейшего Синода в о дозволении как православным переходить в единоверческие приходы, так и единоверцам – в православные, с тем, однако, чтобы и православные и единоверцы, переходами из одного прихода в другой, испрашивали на то согласие епископа, посоветовавшись со своим прежним приходским священником. Что же касается переименования православных церквей в единоверческие и обратно, то VI Отдел Присутствия, не находя возможным устанавливать по сему предмету одного общего правила, полагает предоставить епархиальным начальствам каждое вновь возникающее дело о переименовании православной церкви в единоверческую или обратно рассматривать особо и постановлять решение, по тщательном выяснении всех обстоятельств дела и по выслушании заключений сведущих лиц, причем, если переименования православной Церкви в единоверческую или обратно будет домогаться только часть прихожан, хотя бы и большая, в решение епархиального начальства для них будет неблагоприятное, то предлагать им строить особую церковь, именуя ее по своему желанию православною или единоверческою, а самый приход или церковь переименовывать лишь при единодушном или почти единодушном желании всех прихожан. Вместе с ним VI отдел постановил ходатайствовать пред собором об отмене дополнительного мнения митрополита Платона к правилам единоверия, как резко обособляющего единоверие от православия.

№ 3. (15 марта 1906 года³¹⁵)

1) *Имели суждение* по вопросу о служении в единоверческих церквях православных епископов: по какому чину должно быть совершаемо ими служение. По обмине мнений по сему вопросу выяснилось, что богослужение в единоверческих церквях, совершаемое православными епископами по рукописному архиерейскому служебнику XVI века, производить весьма сильное и благотворное впечатление на единоверцев и вообще старообрядцев, присутствующих за таковым богослужением. Посему VI отдел присутствия *постановил* ходатайствовать пред Собором о том, чтобы упомянутый рукописный архиерейский служебник, по предварительном рассмотрении его и исправлении в нем некоторых неточностей, был напечатан для совершения по нему православными

епископами в единоверчески церквах архиерейского служения с соблюдением ими при этом всех обрядовых действий, содержимых единоверцами.

2) *Имели суждение* по вопросу об определении священников в единоверческие приходы. По обмену мнений по сему вопросу, *постановили*: твердо наблюдать, чтобы священники в единоверческие приходы назначались по выбору самых прихожан, а не по усмотрению только епархиальных преосвященных, и чтобы для кандидатов священства, избираемых единоверцами, не ставилось необходимым условием прохождения ими курса учения в одном из духовно-учебных заведений. Войдя за сим в обсуждение вопроса о назначении благочинных для единоверческих церквей, VI отдел *постановил*: ходатайствовать пред Собором о предоставлении единоверческим священникам самим избирать из среды своей благочинного и затем представлять его на утверждение епархиального преосвященного, а в тех епархиях, где число единоверческих церквей незначительно, не более двух, оставлять таковые церкви без подчинения благочинному, с поручением их непосредственному наблюдению самого епархиального преосвященного или его викарного епископа.

3) *Имели суждение* о школьном подготовке кандидатов на священно и церковно-служительские места в единоверческие приходы. Принимал во внимание, что наши духовно-учебные заведения при современном их строе являются мало или даже вовсе непригодными для приготовления достойных кандидатов священства в единоверческие приходы, VI отдел *постановил*: просит Собор учредить для приготовления единоверческого духовенства школу для взрослых на подобие греческих семинарий, готовящих кандидатов священства.

4) *Слушали* заявление священника Симеона Шлеева о необходимости духовного просвещения единоверческих приходов. Церковные власти не должны удовлетворяться воздействием на старообрядцев и единоверцев путем одних только обрядов, а должны приложить заботу и о том, чтобы кроме охранения древних обрядов, единоверцы просвещались Божественным учением православной Христовой веры и добродетели, а потому к прежде бывшим отраслям их приходской жизни необходимо присоединить, по мнению о. Симеона Шлеева, еще и нижеследующие: а) Необходимо возвысить в единоверцах сознательное отношение их к Христовой вере, а для сего – обязательно устраивать для молодого поколения школы с обычаями и постановкой единоверческими, для взрослого же населения – вне-богослужебные воскресные беседы с чтением святого Евангелия (которое, к сожалению, так мало читают старообрядцы), – с чтением, соединенным с параллельным прочитыванием соответствующих святоотеческих толкований и объяснений. В видах сознательного отношения единоверцев к своим

обрядам, и в этом смысле и обрядового их превосходства пред прочими старообрядцами необходимо также устройство бесед литургического характера, где бы излагались история и смысл единоверческих обрядов и обычаев, их богослужебных чинов. б) В целях неприкосновенности древнего уклада церковной жизни необходимо должно поддерживать в единоверческих монастырях и приходах неуклонное исполнение апостольских, соборных и свято-отеческих правил, требований церковного устава и издревле принятых благочестивых обычаев. в) В видах устранения недостатков в религиозно-нравственной жизни единоверцев и создания им и в этой области превосходства пред старообрядцами – необходимо также открывать по приходам библиотеки с книгами духовно-нравственного содержания, приобретать жизнеописания святых угодников, брошюры и листки доброго содержания для бесплатной раздачи. г) Для улучшения пения в единоверческих церквях необходимо умелое исполнение принятого там знаменного-крюкового напева. Для этого должно создать или лучше пересоздать нынешний состав единоверческих певцов – учредить при единоверческих монастырях курсы крюкового пения и дать возможность их слушателям с течением времени занимать при единоверческих церквях не только певческие, но диаконские и даже священнические места. Такие курсы с такими правами повысят своих учеников и в нравственном отношении, в чем так нуждаются нынешние единоверческие певцы. *Постановили:* предложенные священником Симеоном Шлеевым меры к духовному просвещению единоверцев одобрить и представить на утверждение Собора.

№ 4-й (16 марта 1906 г.³¹⁶)

Имели суждение о магометанстве и о средствах борьбы с ним и воздействия на него и, по обмену мнений, постановили:

1) Миссионерское дело в отношении к магометанам и язычникам в поволжских и сибирских епархиях главным образом совершалось при посредстве устроенных по системе Н.И. Ильминского инородческих школ. Сими школами, по возможности, ограждалось отпадение инородцев в магометанство и утверждалось сознательное и одушевленное усовершенствование инородцев в христианской вере и жизни. Посему необходимо программу Ильминского в инородческих школах в самую систему дальнейшего распространения этих школ охранять и ценить. Система Ильминского зиждется на употреблении местных инородческих языков. Целесообразность лежащего в основе сей системы принципа подтверждена преосвященными епископами Леонидом и Кирионом, засвидетельствовавшими печальные результаты игнорирования сего принципа на Кавказе. Так как система Ильминского встречает противодействие со стороны уездных наблюдателей, не знающих инородческих языков и потому требующих русификации татар, и других инородцев, то желательно, чтобы наблюдение за инородческими школами

было сосредоточено в лице людей, прекрасно знающих эти языки. А если в некоторых местах раздается заявление о том, что то или другое инородческое село само настолько обрусело, что подрастающее его поколение вполне правоспособно учиться на русском языке, то во избежание споров и столкновений, необходимо касательно языка преподавания в школах таких сел иметь особое суждение уездным наблюдателям совместно с инородческими наблюдателями и местными приходскими священниками. Что касается местностей Кавказа, обуреваемых магометанством, то желательно употребление того языка, на котором говорит данное племя.

2) Постановленное относительно школ должно быть применимо и к богослужению и выбору священников. Там, где не понимают славянского языка, необходимо поддерживать богослужение на инородческих языках; в приходах же, смешанных можно служить поочередно на русском и инородческом языках, при этом, если какая-либо народность не имеющая своего языка, при полном непонимании русского языка, допускается служение на том языке, который им более понятен. В таких приходах полезно ставить священников из природных инородцев, или таких русских, которые знают инородческий язык настолько, чтобы править на нем божественную службу и совершать живую проповедь.

3) Особенно важно в виду появления многочисленных магометанских журналов (в одной Казани их 5) основать апологетический и полемический журнал на татарско-русском языке в Казани и таковой же на грузинском языке на Кавказе – в виду 1½ миллионного магометанского населения, сохранившего свой природный грузинский язык. Со времени объявления веротерпимости, основание подобного журнала является делом первостепенной важности, на которое не должно жалеть нескольких тысяч рублей в год, но приложить особое попечение о том, чтобы привлечь к нему сведущих лиц. Для Грузии же нужно перепадать древние сочинения местных богословов против магометанства. Не менее важно поручить казанским ученым составить краткое руководство для сравнительного изложения главнейших основ христианского и магометанского вероучений в простейшей форме, на подобие существующих против-штундистских и других катехизисов.

Таковой против-магометанский катехизис необходимо перевести на все языки и наречия, доступные магометанскому населению, и кроме того издавать общедоступные миссионерские листки с самым широким распространением.

4) На Кавказе должно иметь особое наблюдение за остатками христианского благочестия среди магометан грузин и по возможности пользоваться развалинами христианских святынь, привлекающих магометан поклонников, как средствами влияния на их совесть.

5) Необходимо озаботиться, чтобы во всех богословских школах в местностях, где есть магометанское население, преподавались миссионерские предметы в форме обязательных предметов.

6) Одной из главных помех к обращению в христианство магометан разных народностей является страх неизбежной мести от своих бывших единоверцев, избежать которой инородцы могут только в том случае, если получать возможность выселяться или к христианам своего племени, или во вновь учреждаемые христианские поселки, каковые существуют в настоящее время в Самарской губернии и Тургайской области, благодаря заботам и стараниям местных епископов.

Представляется делом огромной церковной и государственной важности, чтобы местные миссионерские комитеты и епархиальные начальства получили от гражданской власти практическую возможность устраивать подобные поселки на государственных землях Заволжья, Сибири, Крыма, Кавказа и т.п. местностей.

В равной степени это необходимо по отношению к новообращенным язычникам.

7) Соглашаясь с тем, что миссионерское влияние бывает прочнее, если оно оказывается со стороны местного деятеля, а не со стороны приезжих, а с другой встречаясь с фактом неспособности к этому со стороны большинства приходских священников, поглощенных пастырскими обязанностями для верных христиан, отдел полагает, что весьма желательно распространить практику и некоторых Заволжских епархий, архипастыри которых старались назначать в села со смешанным населением вторых священников из инородцев, в качестве ли второго штата, или на диаконском штате с специальным назначением ведать прихожанами из инородцев и, по возможности, местных магометан и язычников.

8) Особенно благотворное религиозно-бытовое значение имеют для крещенных инородцев инородческие монастыри мужские и женские тем более, что сами инородцы обнаруживают неудержимое стремление к основанию таких обителей по всему Заволжью, не взирая даже на препятствия со стороны и церковных и гражданских властей. Преосвященный Антоний в бытность епископом Уфимским, уступая желаниям инородцев в продолжение полутора лет устроил 6 монастырей: 2 мордовских, 2 чувашских, и 2 черемисских, которые были быстро населены отшельниками и щедро оделены землею, лесами и хлебом от соседних сельчан своего племени. Монастырь врастает в народный быт, как в почву дерево, связывающееся с нею не только своим главным корнем, но множеством небольших корешков, разрастающихся во все стороны. Так и община с насельниками инородцами и со всею системой своей церковного строя и хозяйственного быта, – вся целиком становится предметом благоговейной любви и посильного подражания местных

крестьян на 100 верст окрест, как, например, Михайлово-Черемисский монастырь, Казанской епархии, близ Васильсурска, этот инородческий Валаам.

Другие деятели миссии, священники и учителя – одинокие деятели, а монастырь является таковым в лице десятков или даже сотен своих насельников, которые сами того иногда не подозревают.

Посему отдел признает необходимым, чтобы церковная власть всюду шла сочувственно на встречу стремлениям инородцев устраивать свои монастыри, обыкновенно возникающие из небольших групп отшельников по лесам и болотам Заволжского края.

№ 5. (17 марта 1906 года³¹⁷)

Обсуждали два известных проекта о даровании единоверцам особого епископа члена Синода или викарных епископов в нескольких епархиях и после многих рассуждений пришли к соглашению в том, что:

1) Неутолимое желание единоверцев иметь своего епископа выражается в многочисленных прошениях их общин в продолжение уже многих десятков лет, а в последнее время охватило всю единоверческую Русь и собрало в Святейшем Синоде более 120 приходских о том приговоров. Единоверцы часто тяготеют своими отношениями к епархиальной власти, лишенной возможности уделять им настолько внимания, чтобы без помощи консистории (как указано в «правилах» их) ведать их приходские дела и служить по их чину, а австрийская иерархия, опираясь на закон о веротерпимости, настойчивой не безуспешно, заманивает, их в свои сети (особенно в Черниговской губернии).

2) Хотя принято думать, что по Номоканону невозможно раздвоение церковей (храмов) и паствы между двумя епископами, но из правил 79, 112, 132 и 131 Карф. Собора видно, что новообращаемым к церкви (б. донатистам) разрешается составлять со своим новообращенным епископом (вероятно, временно) особую общину.

3) Существование ставропигий, подворий одних епископов и монастырей в епархии другого и духовенства военного и придворного, не подчиненного местным архиереям – все это представляет собою уже допущенное и авторизованное распределение пасомых между двумя архипастырями в одном и том же месте.

4) До настоящего времени епархиальный архиерей был вмести в российской Церкви единоличный пастырь (так как Святейший Синод есть собрание, а не личность), а потому существование епархиальных архиереев-единоверцев представляло бы собою общение их с великороссийскими епархиями не возглавленным от высшего общего пастыря и нарушало бы мысль о единстве обоих богослужебных чинов в единой Церкви. В настоящее же время если осуществится каноническая идея о митрополичьих округах, то подобное затруднение устранится само собою.

б) Епископы викарные, как неведомые русской старине, как звание, заимствованное у католиков, не удовлетворяют единоверцев, а главное не устраняют чрез-предельное полномочие каждого из них в том смысле, что его полномочия не будут совпадать с пределами епархий и тем усложнять управление единоверческими приходами до чрезвычайности.

Посему *постановили*: 1) Если осуществится мысль об учреждении митрополичьих округов, ходатайствовать об учреждении в каждом будущем, митрополичьем округе, по одному единоверческому епископу, наименовав его епархию именем того или другого единоверческого местечка и села и подчинив его архипастырскому управлению все единоверческие приходы митрополии на началах ставропигий или подворий с тем, чтобы местные великороссийские епископы не лишены были права следить за поведением клира и мирян и сноситься о сем с единоверческим епископом; а по делам, не терпящим, отлагательства, давали собственные распоряжения; 2) Подчинив единоверческих епископов митрополитам и митрополичьим соборам на ряду с прочими епископами округа, допустить в первопрестольном граде съезды российских единоверческих епископов под председательством русского первосвященника или другого иерарха (единоверческого или великороссийского чина), по его указанию.

№ 6. (18 марта 1906 года³¹⁸)

1) *Слушали* сданный г. Обер-Прокурором Святейшего Синода на заключение отдела проект устава всероссийского братства православных старообрядцев-единоверцев.

Постановили: Признать сей устав беспрепятственным для утверждения с тем, чтобы 1) §§ 4 и 15, где идет речь об учреждении единоверческого епископа, как одной из задач братства, исключить, ибо сия мысль входит в другие параграфы, где идет речь о благоустройении клира, а затем эти параграфы вовсе потеряют значение, если будут учреждены единоверческие епископы.

2) В §§ 11, 16 и 19 вместо властных выражений: «Братство поддерживает, устраивает» надо написать: «старается о поддержании, об устройении», ибо братство не имеет иерархической власти, а только ревнует о благе Церкви.

3) По сей же причине должно опустить вовсе конец § 19 «Певцы могут быть заместителями и дальнейших священных степеней».

4) § 17 по той же причин* опустить.

§ 24. О созвании общих съездов должно прибавить: «с разрешения высшей иерархической власти».

§ 27. В виду значительного центрального влияния, на которое рассчитывает братство, необходимо, чтобы председатель его избирался из духовных лиц, преимущественно епископского сана и не ниже пресвитерского.

§ 61. Можно допустить в члены братства раскольников, но не допускать их в советы ни братства, ни отделений его, дабы они не захватили в руки всех дел братства.

§ 67. Упоминание о свечных заводах опустить.

2) *Слушали* составленный по поручению начальства профессором Н.И. Ивановским проект послания собора русской Церкви к восточным патриархам об утверждении единоверия и о разъяснении клятв собора 1667 года.

Постановили: Согласиться с содержанием проекта и признать, что для широкого влияния Церкви на раскол и для утверждения колеблющихся единоверцев необходимо и ничем незаменимо давно желаемое ими утверждение единоверия и разъяснение сих клятв собором при участии двух восточных патриархов наложенных, равным или большим церковным авторитетом. При сем поскольку полнота влияния сей меры может быть достигнута лишь тогда, когда восточные патриархи не письменно только, но самолично, подтвердят свое согласие, то весьма желательно, чтобы они, пожаловав в Россию, в Московском Успенском соборе вкупе с русскими иерархами и в присутствии православных старообрядцев и раскольников торжественно заявили бы, что те клятвы имели и имеют силу не на содержащих «старые» обряды чад православной Церкви, но на хулителей последней по слову Господню: «аще же Церковь преслушает, буди тебе якоже язычник и мытарь», – причем присовокупить, что если бы кто не поверил правоте такого толкования и продолжал утверждать, что клятвы наложены в 1667 году на самые чины старообрядческие, то сей новый собор от такой клятвы разрешает содержащих старые обряды, но не отделяющихся от нашей Христовой Церкви.

Отдел VI уповает, что такое действие восточных и российских иерархов имело бы неоценимое значение как для единоверцев, так и для раскольников и заменило бы собою многолетние труды миссионеров и пастырей Церкви о примирении раскольников и утверждении в вере колеблющихся.

В том же смысле восстановления авторитета церковной власти имело бы высокое ценное значение восстановление в русской Церкви власти патриаршей, так как Синодальное управление уже потому, что оно не ведало русской старины, является важным препятствием для утверждения прочности единоверия и для обращения раскольников к Церкви Божией.³¹⁹

Из личных впечатлений депутата Курского обще- епархиального съезда

С 23-го января по 31-е включительно в городе Курске происходило заседание обще-епархиального съезда.

Заседания съезда начались в епархиальном доме, за сравнительною теснотой, были перенесены в актовъй зал духовной семинарии, и потом опять продолжались и закончились в епархиальном доме.

На первом, утреннем собрании 23-го января был избран председатель – законоучитель Белгородского учительского института свящ. Е. Попов и делопроизводители. Кроме того, были назначены несколько комиссий для изготовления докладов, на основании постановлений благочиннических собраний, по главным 11-ти вопросам.

24-го, в 10 час. утра, в епархиальный дом прибыл владыка Питирим. Благословив собрание, он убедительно просил отцов и мирян, при обсуждении вопросов, соблюдать возможно больше спокойствия и беспристрастия. Оставив за собою желание присутствовать при решении вопросов первого (об епархиальном управлении) и шестого (о возможном сокращении состава клира), он отбыл, предоставив съезду полную возможность свободно и в меру общего разума высказываться и делать постановления по каждому вопросу.

Так как работы только что составленных комиссий ни по одному вопросу к первому заседанию не были готовы, то съезд запасся слушанием доклада консисторского столоначальника и возможности замены некоторых взносов с церковью епархии прибылью из сумм свечного завода. Доклад был обстоятельнейший. Цифры и пояснительные к ним примечания пестрели и чередовались на каждой из многих страниц. Как ни свежо было внимание слушателей, только что приступавших к занятиям, тем не менее к концу доклада ослабело настолько, что уловимы становились одни цифры, а не комбинации их. Согласно докладу, решили от 20–24-х тысяч руб. взносов церковных переложить на чистую прибыль завода.

Одним, как говорится, почерком столоначальники хотели провести и двухтысячную ежегодную прибавку на содержание консисторских чиновников из сумм все того же свечного завода. Большинство уполномоченных от клира и мирян дружно восстали против такой новой финансовой экскурсии в епархиальные суммы. И, по справедливости. Только за год пред этим в консистории, без ведома и согласия епархии, открыт V стол, с позаимствованием погребных для его содержания 2.500 руб. из тех же свечных заводских сумм. Протестуя, депутаты считались еще с тем обстоятельством, что в дополнительное содержание чиновников идет семикопеечное обложение каждого пробельного листа

для всех церковных книг: приходорасходных, метрических, исповедных и др. А это по многолюднейшей епархии, даже за вычетом их заготовительной стоимости, должно составить сумму не малую. Полного единодушия при обсуждении этого ясного и, казалось бы, бесспорного вопроса все-таки не было. Голоса разделились. Предложили его решить окончательно закрытой баллотировкой.

Большинством шаров вопрос о прибавке был отвергнут.

Решением двух этих вопросов закончилось утреннее собрание съезда, затянувшись, однако слишком до 3-х пополудни.

Вечернее собрание с 7-ми началось в актовом зале духовной семинарии. Так как собрания имели открытый характер, зал наполнился семинаристами и городской публикою, по началу с большим интересом отнесшейся к заседаниям съезда.

Все вечернее собрание почти до 12-ти ночи прошло в обсуждении такого неважного вопроса – оставить или отменить позолоту на выделяемых в епархиальном заводе свечах. Экономия от отмены позолоты получалась не малая – до 6.000 руб., достоинство свечи существенно не менялось. Казалось бы – о чем долго спорить и в чем не столкнуться. Свежая энергия депутатов и первая очередь обсуждения сделали другое. Защитниками позолоты и противниками ее было высказано столько остроумия, столько находчивости, потрачено столько словесного пороха и столько сломано копий, что просто до боли хотелось крикнуть: поберегите силы и разум на более достойное их применение в деле обсуждения более серьезных и важных вопросов.

Едва ли не самым сильным аргументом защитников позолоты был тот, что, если свечи развенчивать от позолоты, тогда и иконы церковные и домашние должны быть чужды всяких украшений.

Так или иначе, она восторжествовала, позолота на свечах была оставлена.

Было уже больше 11 ч. ночи. Обсуждение других вопросов представлялось невозможным, и собрание разошлось до 10 час. утра дня следующего.

Утро 25-го принесло сюрприз не из приятных. Председатель с приложением медицинского удостоверения, прислал заявление, что, за слабостью голоса и почти полной потерей его, он не может вести дальнейших заседаний.

Невольно многим приходило на мысль, что, если на резюмирование суждение об одной свечной позолот потерялся председательский голос, то где же взять председателя с такими голосовыми средствами, каких хватило бы на обсуждение всех 27-ми вопросов или же, что лучше, с таким тактом, чтобы не требовалось их крайнего напряжения. Внимание всех остановилось на двух лицах: протоиерей соборной церкви г. Льгова Положинцеве и свящ. кладбищенской церкви г. Курска Ломакине.

Большинством голосов, после долгой прелюдии и самой процедуры закрытой баллотировки, был избран последний.

Принимая председательствование, о. Ломакин призывал депутатов к спокойствию и порядку: при желании говорить по известному вопросу, они должны соблюдать строго очередь, терпеливо ждать ее и на полуслове не перебивать оратора.

Обращаясь в частности к посторонней публике и учащейся молодежи, он просил их повоздержаться от шумных восторгов своего одобрения говорящим. Ведь настоящий съезд, говорил он, братское во Христе собрание пастырей и преданных церковному делу мирян, а – не разносословный митинг. Поэтому и участвующим, и слушающим нужно держать себя так, чтобы не уронить достоинство собрания, не обесценить всей важности предстоявших ему задач.

Хороша была речь предстателя, убедительны доводы его. Того, однако, порядка в спокойствия, к каким он приглашал, на деле не вышло. Что причиной тому: молодой ли в большинстве состав представителей, бурный ли дух переживаемого времени, или малый опыт многих представителей в подобных собраниях? Думается – то, и другое, и третье. Факт налицо: порядка на всех заседаниях было весьма мало. И чисто героическое терпение председателя, и все его дипломатические приемы разбивались о несокрушимое желание и привычку депутатов говорить по вдохновению, и не в свое время и в своем месте. Даже могучий голос председателя, труба иерихонская в сравнении с голосом председателя первого, к концу заседаний ослаб до хрипоты... Но то – между прочим.

Когда окончилась речь председателя, было уже около трех по полудни. Собрание разошлось до семи вечера с полным чувством удовлетворения за удачный выбор председателя и надеждой, что, под его руководством, заседания должны пойти успешно.

Открылось вечернее заседание. Председатель опросил участников комиссий – не готовы ли доклады хоть по одному из 11-ти главных вопросов.

Доклады готовы не были, и потому приступили к обсуждению вопросов вне программной рубрики.

Собрание происходило в стенах семинарии, и уместным представлялось, поэтому, здесь же на месте, посудить о предложенных вниманию съезда нуждах ее. Первым был затронут вопрос о библиотеках: ученической и фундаментальной, увеличении книг в первой и возможном доступе, воспитанников во вторую. В связи обсуждался вопрос о возможности и необходимости знакомства воспитанников с современной общественной жизнью путем выписки и чтения журналов и газет. Возбужденнейший обмен мнений. И не жаль было тех цветов красноречия, тех блесков остроумия и тех доводов разума, какие проявлены были при этом обмене. Вопросы такие не чета свечной

позолоте. Для того, чтобы свидания, при обсуждении пользы и нужд семинарии, иметь из первых рук, решили пригласить (и пригласили) отца ректора семинарии. Совместно с ним продолжалось обсуждение вопросов о библиотеках, читальне, а также о желательности и возможности замены в семинарии освещения керосинового электрическим и необходимости расширения и даже переустройства больницы.

Вообще – все вечернее собрание было живым и интересным. Закончилось оно допущением депутации от старших классов семинарии. Эта многочисленная депутация, в лице двух выразителей, горячо доказывала необходимость саморазвития воспитанников чрез чтение книг научного содержания и вообще знакомство с текущей литературой по всем ее живым вопросам.

Заодно, выражая некоторое удовлетворение, но не благодарность, за допущение семинаристов, по окончании полного курса, в университеты, они выражали требование, но не желание, чтобы это право было дано по окончании 4-х, а не шести классов.

Здесь они встретили справедливое и сильное возражение одного, совсем еще молодого, о. депутата.

Он имел мужество сказать им горькую правду, что подобный желания уместны лишь при добросовестном и усердном занятии науками, а не при тех самочинных перерывах ими занятий, какие весь учебный год сводят к трем-четырем месяцам. При таких же перерывах, становящихся прямо хроническими, не может быть и речи о том высоком держании семинаристами знамени науки, о каком с таким пафосом говорил один выразитель.

Даже больше того: является справедливое опасение, чтобы современные семинаристы не понизили даже до позора ту действительно высокую репутацию, какая упрочилась за семинаристами прежних времен.

После него представитель от мирян, из отставных военных, обратясь ко всем присутствовавшим на собрании семинаристам, выразил удивление и прямо порицание выражению ими своих желаний не в форме покорнейшей просьбы, а в виде подлежащих немедленному удовлетворению требований. Последнее, по его глубокому убеждению, свидетельствует о крайней их невоспитанности и прямо неприличном бравировании ею.

Эти возражения и замечания, растворенные отеческим сожалением, в массе воспитанников вызвали частью глухое, частью открытое недовольство, без резких, впрочем, проявлений. Ожидая большего и худшего, вернее же, считаясь с половиной 12-го ночи, председатель закрыл собрание. Закрывая, он выразил пожелание, чтобы дальнейшие заседания происходили в епархиальном доме. И таковое предложение единодушно, без всяких возражений, было принято всеми.

Подводя итоги ему, нельзя не сознаться, как был прав владыка Питирим, отечески увещевая – лучше потесниться в епархиальном доме, чем искать простора в семинарском зале. Поддерживали его многие из оо. и мірян. Партия недовольных епархиальным помещением оказалась сильнее. Торжество ее было недолго, всего на три заседания. Дальше, даже самые рьяные из них, убедились воочию, что в семинарском зале не было даже того простора, какой ставили они во славу угла желаний своих. Объемом помещения превосходя зал епархиального дома не более, как в полтора раза, он, кроме всех депутатов и городской публики, должен был вместить еще добрую половину воспитанников многолюднейшей семинарии. Но в этом еще полбеда. Беда в том, с перенесением заседаний в семинарское здание, нарушалось и выбивалось из колеи только что установившееся сравнительно спокойное течение жизни семинарии. Создалась такая коллизия: не допустить их на собрание – значило нарушить принцип открытых дверей, допустить (что и было) – внести несвоевременную и ненужную приподнятость в настроении той молодежи, какая и без того зовется «неучащейся». И действительно, опасения владыки и хорошо понимавших его умеренных депутатов сбылись: правильные классные занятия нарушились. Почти полная пустота в классах и безлюдье в занятых комнатах. Зато в актовом зале в урочное и во внеурочное время «учащихся граждан» хоть отбавляй... Раздувалось таким образом потухавшее пламя, в горевший без шума огонь подливалось масло. Дальнейшие последствия легко учитывались, и потому возвращение в епархиальный дом было естественным и необходимым. Без особой нужды и с плохо продуманной целью был разыгран бесполезный для отцов и заведомо вредный для детей фарс. И не окончился он с перенесением заседаний в епархиальный дом, а продолжался во все время съезда, и разрешился преждевременным отпуском воспитанников на масленицу и первую неделю великого поста.

С возвращением на староселье – в епархиальный дом утреннее собрание 26 янв. посетил преосвященный Питирим. Под его председательством началось обсуждение вопроса об епархиальном управлении. Хотя он был решен уже на ноябрьском курском епархиальном «соборике», тем не менее и повторительное обсуждение его, как широкого и, такт сказать, краеугольного в деле грядущего переустройства церковно-общественной жизни, было полно глубокого интереса. В ноябрьское решение – учреждение при епископе постоянного совета пресвитеров – было внесено то новое положение, что епархиальные соборы из клира и мірян, ежегодно созываемые и возглавляемые епископом, должны быть высшим епархиальным учреждением, центром, объединяющим всю церковно-общественную жизнь епархии.

Принцип выборного начала должен быть при этом приводим широко и свободно.

Было уже около 3-х пополудни. Начавшееся было обсуждение вопроса о возможном сокращении состава клиров отложено было до вечернего заседания. Весьма утешенные общей настроенностью депутатов, владыка отбыл. Следом разошлись и депутаты.

Ход дальнейших заседаний изложим конспективно, останавливаясь более подробно только на более характерных суждениях и постановлениях. В числе таковых, отметим прежде всего единодушное постановление съезда о выведении редакции епарх. ведомостей из стен духовной семинарии. Решено редактора их сделать выборным, оживать и расширить неофициальный их отдел возможно широким и свободным сотрудничеством духовенства всей епархии. Добрый почин в этом сделан епископом Питиримом. Исключительно благодаря его распоряжениям, в течение уже года на страницах ведомостей стали часто появляться интересные и живые статьи по церковно-общественным вопросам. И физиономия самого худосочного органа становится неузнаваемой. Он привлек, теперь внимание даже тех, кто не заглядывал в него дальше определений, перемещений и свободных мест. Вот что значит умелою рукою и добрым искренним желанием вдохнуть «душу живу» в совсем омертвевшее дело. Аккуратно от каждой церкви получая пять рублей, епархиальный орган, прозябал на формулярах – некрологах, словах и поучениях, не всегда образцовых, и скучнейших археологических изысканиях – летописных сказаньях о церквях и приходах. Чаше же был занят натаскиванием статей из тех духовных журналов, с какими, в течение многих лет, вел обмен изданиями. Прочно существуя больше трех десятков лет на обязательной подписке, он не имел доселе ни внешних, ни внутренних побуждений к улучшению и повышению интереса своего содержания.

Другим не менее характерным и отрадным постановлением можно считать подтверждение ноябрьского постановления о желательности и необходимости епархиальных съездов ежегодно, чаще смотря по надобности, и всегда из клира и мирян.

Опыт двух таких съездов показал, что на них можно смотреть, как на первый серьезный шаг сближения клира и мирян и приобщения последних к совместной, дружной работе там, где недавно, еще совсем вчера, была область чуждая, почти заповедная. В кастовую обособленность клира пробивается брошь великая. Пропать, отделявшая клир, ремесленных молитвенников, от мирян, плательщиков за труд-молитву, заметно суживается. Кладутся прочные устои соединительному мосту чрез нее, братски подаются руки для союзного, в духе мира и любви делания правды Божией.

Упоминавшийся уже вопрос о желательных, изменениях в составе клира, сверх ожидания и к общему удовольствию, прошел спокойно и скоро. Надо заметить, что на обсуждение съезда он был предложен в

виду появления в Епарх. Вед. (декабрьских №№) статьи о возможности и желательности упразднения штатных диаконских вакансий при всех церквях, кроме соборных. По согласному заявлению всех депутатов, обсуждение его на благочиннических собраниях прошло повсеместно с небывалой бурностью. Диаконы, это своего рода казачество в армии клира, всеми силами пытались доказать свою необходимость в составе клира, хотя это им нигде и не удалось. Ум хорошо, два лучше, разум, же целой епархии, в лице ее избранников, и совсем неподобно. Именно этим разумом подошли на съезд к вопросу проще и ближе. Бесспорно, было установлено то положение, что многочисленность клира, по материальным условиям приходов, особенно сельских, вообще нежелательна. Желательно поэтому, с согласия приходов, сокращение вакансий диаконских или псаломщических. В последних случаях диаконы, замещая псаломщиков, сохраняют за собой диаконское содержание. Таким решением была обойдена вся острая сторона вопроса, и он разрешился без особых осложнений.

Полная, однако, справедливость требует сказать, что много этому помогло и то обстоятельство, что вопрос, этот обсуждался и решался уже на седьмой день заседаний. Энергия же и внимание депутатов к этому дню пошли под такой уклон, что некоторые из них разъехались по своим приходам. Наглядное доказательство – что значит вопрос о позолоте свечей решать в первую очередь...

Психология всех съездов обычная и неизбежная: когда внимание участников ослабевает и энергия пойдет на убыль, начинается уже не серьезное и коллективное, общим разумом, решение вопросов, а простое, чисто поверхностное, прикосновение к ним, с нарочитым обхождением таких сторон, какие могут возбудить новые прения.

В данном случае иначе и быть не могло. Вниманию съезда было предложено целых 27 вопросов. И первый из них: «какие желательны изменения в органах епархиального управления и в строе епархиальных учреждений» имел целых восемь серьезных отделов. Из них каждый можно считать за целый вопрос. Всех вопросов таким образом набирается уже до 35-ти. Девяти дней с многочасовыми заседаниями утренними и вечерними оказалось все-таки мало. И тем меньше их было, что обсуждались и решались некоторые до боли острые и важные вопросы вне и сверх программы, по письменным и личным докладом трех священников. Суть их докладов та, что прихожане их, под влиянием крестьянских союзов, плату за требы таксировали так низко, что, без назначения казенного содержания или пособия от епархии, служить им дальше невозможно. Выяснилось дальше, что такие явления, не единичные и теперь, скоро могут стать общими и повсюдными. Большинство депутатов было выражено искреннее сожаление о таких прискорбных, все учащающихся, явлениях. Находились, однако, и такие

оо., какие не прочь были добить лежачего. Священникам этих приходов они смело ставили в укор, что сими они, своим жестокосердием и вымогательством, доводят прихожан до такой крайней меры. Они же, с виду горячо, изъявляли готовность идти на их места и восстановить добрые отношения. Самоотверженные и, думалось, искренне их порывы по началу были должным образом оценены. Когда же они оставили за собою тыловые позиции, сказавши, что готовы пойти, если пустят их настоящие их прихожане, порывы их были тотчас переоценены...

Упомянем, в заключение, о двух инцидентах с депутатами съезда.

Съездом были назначены две комиссии: одна в епархиальное женское училище для ревизии экономической стороны жизни его, другая – в духовную семинарию для обозрения библиотек ученической и фундаментальной, о которых так много и долго говорено было при заседаниях съезда в семинарском зале. Попутно комиссии первая коснулась и некоторых сторон жизни учебно-воспитательной. Администрацией училища комиссия (из 5-ти лиц: трех священников и двух мирян) по началу была принята весьма благосклонно. Были для нее, что называется, открыты двери и сердца. Когда же она сделала съезду свой доклад и съезд вторично предложил ей проверить свои первые впечатления, сердца замкнулись и двери затворялись. Ссылкой на поздний час посещения (конец седьмого вечером), от комиссии потребовали документа, уполномочивающий ее на производство ревизий вне экономических нужд училища.

Подобная участь постигла и библиотечную комиссию. В первый раз она свободно была допущена в библиотеки. Когда же она сделала доклад и была послана съездом добыть более подробные и обстоятельные сведения, ей показали такой параграф устава духовных семинарий, каким не предусматриваются подобные полномочия комиссии и права всего съезда. Скрипя сердце, пришлось помириться с такою узкостью прав съезда, сводящихся единственно к экономической стороне дела.

Виделась со стороны и чувствовалась лично страшная усталость после 16-ти кряду многочасовых заседаний. Особенно это нужно сказать о тех, какие по началу проявляли много, если не энергии, то горячности. К концу обезразличились они так, что сгорали одним желанием: поскорее домой, в семью и приход, а здесь после нас хоть потоп.

Серьезно считаясь с этим обычным явлением, нельзя не пожелать, чтобы каждый епархиальный съезд, разъезжаясь, оставлял, после себя не одни журнальные постановления, а живых, убежденных и энергичных продолжателей. Они-то, под живым и свежим впечатлением, должны быть деятельными проводниками мероприятий съезда. Нет особой нужды назначать им много дел по приходу, законоучительству и службе платной и «чести ради» в епархиальных учреждениях. Да и не всякий из них, правду сказать, найдет в себе необходимый запас мужества. Всего

удобней, думается, назначать их из приезжих городских и сельских представителей от клира и мирян, с их, конечно, согласия с назначением им содержания из сумм епархиального свечного завода. Свободные, убежденные, они бы провели в действительную жизнь те постановления съезда, какие не должны терпеть отлагательства до созыва следующего съезда. Оставленные, отстроченные, они, если не совпадают с желанием начальств епархиального и учебных заведений, идут часто на обидную смарку. На следующем съезде о них речь или совсем не поднимется, или поднимется безучастно и глухо. Да и не у всех, даже самых энергичных и прямолинейных, депутатов станет охоты тратить порох на одни холостые выстрелы, часто, однако ж, с чувствительным рикошетом на себя самих...

Вот вывод из нашего правдивого сказания о деяниях январского Курского обще-епархиального съезда.

Один из 120-ти

Миссионерские беседы в зале донской духовной семинарии

С благословения архиепископа донского Афанасия, в зале донской духов. семинарии, по воскресным дням первых пяти недель Великого поста, происходили миссионерские беседы. Организованы они были ректором семинарии, протоиереем Овсянниковым. В ведении их приняли участие местные миссионеры: протоиерей Н. Кутепов, Д. Грацианский и свящ. Иоанн Артемьев, которые взяли на себя труд практически ознакомить воспитанников с методами ведения собеседований со старообрядцами и сектантами. Воспитанника VI класса семинарии читали составленный по поручению о. ректора на добровольно избранные ими темы по обличению раскола и сектантства. Темами для чтений по обличению раскола служил разбор новейших сочинений раскольнических писателей – Мельникова, Усова, Пичугина и Коновалова, частью помещенных в журнале «Старообрядческий Вестник», частью изданных в литографированном виде, каковые сочинения в большом количестве распространены среди донских вообще и ново-черкасских в частности старообрядцев. Из этих сочинений защитники раскола на публичных беседах заимствуют свой полемический арсенал, часто за неимением своих возражений и доказательств, занимаясь на беседах вычитыванием сочинений вышеназванных писателей. Предметом чтений по обличению сектантства служил разбор главнейших пунктов лжеучений местных штундо-баптистов и хлыстов. Воспитанникам, составлявшим чтения, были заблаговременно выданы о. ректором экземпляры разбираемых ими старообрядческих и сектантских произведений и пособия. Воспитанники с усердием писали добровольные сверх-программные письменные работы, представляя рефераты по 5, 8 и даже 12 писанных листов.

Всех рефератов было составлено девять.

На первом чтении, в воскресенье 10 февраля, в неделю православия воспитанником Балашевичем было предложено чтение на тему «Новые попытки со стороны старообрядцев поколебать в православном народе веру в святость мощей преподобного Серафима Саровского и в действительность совершаемых от них чудеса». Это чтение представляло подробный разбор статьи, помещенной в июньской и июльской книжках «Старообрядческого Вестника», под заглавием: «Святость старца Серафима Саровского»; черкасский уездный миссионер свящ. И. Артемьев, в дополнение к этому чтению в устной речи представил разбор тех возражений против мощей преп. Серафима, какие ему приходилось встречать во время своих разъездов по делам миссии, предложил воспитанникам семинарии ряд советов касательно ведения собеседований со старообрядцами, иллюстрируя их примерами из своей миссионерской практики, и сделали несколько разъяснений по поводу

некоторых недоумений по вопросу о мощах старца Серафима, высказанных присутствовавшими на беседе православными слушателями. На второй беседе, в воскресенье 26-го февраля, воспитанник Епифанович предложил чтение па тему: «Свобода вероисповедания, данная государственною властью старообрядцам, делает ли сама по себе старообрядческое общество истинною Церковью Христовою?». Это чтение представляло разбор суждений по сему вопросу, высказанных в различных статьях «Старообрядческого Вестника». Миссионер Артемьев выяснял то впечатление, какое произвел на старообрядцев манифест 17-го апреля 1905 г. и изложил метод своих бесед со старообрядцами по этому вопросу. По окончании речи о. Артемьева воспитанник Савченков предложил чтение на тему: «согласно ли со словом Божиим учат русские сектанты рационалистического направления, когда отвергают необходимость почитания святых икон». о. ректором семинарии была выяснена постановка этого вопроса при собеседованиях с сектантами и были разобраны сектантские возражения против иконопочитания. На третьей беседе, в воскресенье 5-го марта, воспитанник Михайлов предложил противосектантское чтение о почитании св. креста Христова. Донской епархиальный миссионер, протоиерей Николай Кутепов выяснил методы практической постановки вопросов при собеседованиях с сектантами и в частности постановку вопроса о почитании св. креста Христова. Воспитанник Богдановский сделал затем чтение на тему: «Справедливо ли старообрядцы обвиняют православную церковь в люциферианской ереси за то, что она не принимает представителей старообрядческой иерархии при переходе их в православие в сущем сане»? Это чтение представляло критический разбор 29-й главы сочинения старообрядческого писателя Ивана Усова: «Церковь Христова временно без епископа». о. протоиерей Кутепов сделал ряд разъяснений касательно современной постановки при собеседованиях со старообрядцами по вопросу об истинной Церкви Христовой, обильно иллюстрируя свою речь примерами из своего богатого миссионерского опыта.

На четвертом собеседовании, в воскресенье 12-го марта, воспитанник Рукин предложил противосектантское чтение о необходимости крещения младенцев. Донской епархиальный противосектантский миссионер Димитрий Грацианский выяснил свою постановку вопроса при собеседованиях со штундо-баптистами и разобрал новейшие возражения против крещения младенцев, сделанные на основании церковно-исторических и канонических данных известным вожаком штундистов Балихиным в его письмах к одному из православных миссионеров. Речь г. Грацианского заключала в себе совершенно новые сведения по противосектантской полемике, почему были выслушаны всеми с неослабевающим вниманием. Затем воспитанник Ножин предложил: «Разбор оснований,

приводимых беспоповщинскими начетчиками Коноваловым и Надежиным в защиту учения о прекращении священства в Христовой церкви». Это чтение представляло критический разбор старообрядческого сочинения «Апология о существе, вечности и виде Христовой церкви». Миссионер о. Артемьев, которому неоднократно приходилось вести публичные беседы с Коноваловым и Пичугиным, изложил выработанные им методы собеседований с этими беспоповщинскими начетчиками. В особенности подробно изобразил о. миссионер то, как эти начетчики пытаются защищать различные пункты старообрядческой беспоповщинской доктрины перетолкованием различных мест из творений блаженного Иеронима. На пятом собеседовании воспитанник Черницын предложил чтение на тему: «Согласно ли со словом Божиим учат штундо-баптисты об евхаристии, как о простом воспоминании страданий и смерти Спасителя», и воспитанник Евфимьев – «Согласно ли со словом Божиим учение хлыстов о многократных перевоплощениях Христа в различных людях». На это собеседование были приглашены местные хлысты, но они не явились. Миссионер Грацианский подробно изложил выработанные им методы собеседований с хлыстами.

Обо всех этих беседах старообрядцы и сектанты были извещены особыми объявлениями, выставленными на видимых местах. Всем старообрядческим наставникам г. Новочеркасска эти объявления были разосланы в особых пакетах. Объявления о беседах печатались и в местных газетах. Старообрядцы и сектанты, правда, в незначительном количестве, все-таки посещали эти беседы.

Клятвы соборов и клятвы отцов. В газетах промелькнуло как-то известие, что предполагаемый собор Русской церкви, в видах сближения наших старообрядцев с православием, должен будет снять с них клятвы большого Московского Собора. Кто знаком с определением последнего Собора, тот знает, на ком и за что лежать его поречения. «Сие наше соборное повеление и завещание"... – гласят деяния Собора 1667 года – «передаем и повелеваем всем неизменно хранить и покориться святей восточней церкви, аще ли же кто не поступит повелеваемых от нас и не покорится святой восточной церкви и сему освященному собору или начнет прекословити и противитися нам, и мы такового противника данною нам властью от всесвятого и животворящего Духа извергаем... отлучаема, и чужда сотворяем от Отца и Сына и Святаго Духа, и проклятию и анафеме предаем, яко еретика и непокорника, и от Церкви Божией отсекаем, дónдеже уразумится и приидет в правду покаянием» (Мат. для ист. р. л. II, стр. 218–219). Отсюда ясно, что на ищущих единения с Православною Церковью и присоединившихся к ней соборные клятвы не простираются. Следовательно, не в этих клятвах таится причина средостения между православием и расколом.

Где же она? Что препятствует примирительному движению раскольников-старообрядцев с Православною Церковью? Чем заглушатся материнский голос Церкви в сердцах староверов? Ответ на эти вопросы мы находим в статье «Первые плоды веротерпимости», помещенной в № 10477 «Нов. Времени». «Вся стойкость старообрядчества, по словам одного последователя старой веры, держится на страшных заклетиях, положенных умершими дедами и отцами на своих внуков и детей, чтобы они отнюдь не «общились» с членами господствующей Церкви». Свидетельство это правдиво и не может не обращать на себя внимания. Пишущий эти строки опытно знает, что последним препятствием к присоединению к Православной Церкви не редко служит заклете родителей держаться своей веры. Когда доводы и доказательства в пользу истины Православия сделали свое дело, когда, по-видимому, не осталось препятствий к присоединению данного лица к Православной Церкви, усилия миссионера, точно о гранитную скалу, разбиваются о могучую препону отцовских клятв. И это нужно сказать не только о раскольниках-старообрядцах. Подобные заклете, как это видно из свидетельств миссионеров, существуют и в среде сектантов-штундистов.

Что в таких случаях делать миссионеру? Конечно, он должен указать на известные слова Господа Своим ученикам о любви к Нему (Мф.10:37), привести в пример ответ св. апостолов начальникам иудейским

(Деян.4:19) и проч. А миссионер-пастырь данную ему властью взять и решать (Ин.20:21–23) может и должен снять страшное для потомков родительское заклятие, как не соответствующее духу учения Христова. (См. Е.В.).

Печальные знамена времени. Преосвященный Гурий, епископ Симбирский, усмотрев в журналах благочиннических собраний демонстративную настроенность духовенства против епархиальной власти, к сведению духовенства епархии опубликовал резолюцию, в которой, между прочим, говорится о таких непорядках в собраниях духовенства: «собранием духовенства завладевают двое-трое из молодых, священников, проникнутых крайним либерализмом, в своих суждениях по современным течениям жизни и с дерзостью настаивающих, чтобы все соглашались с их рассуждениями, – при чем никаких возражений они не допускают: прямо забивают словами в два-три голоса, повышаемого на несколько тонов до крика. При таких хаотических рассуждениях на благочиннических съездах духовенства, по сознанию благочестных иереев, приходится подписываться к постановлениям собраний против совести потому только, что так решает вопрос большинство присутствующих, под влиянием верховодов собрания. В виду этого я полагал бы те благочиннические округа, где имеются либерально-ярые священники, озлобленные против епархиальной власти, совершенно освободить от обсуждения вопросов из современной церковно-общественной жизни, по предложениям епархиального начальства. Сами по себе пусть они судят-рядят о них сколько угодно и как угодно» («Симб. Еп. Вед.» № 6, ч. офф. отр. 58–59).

О духовных следователях. Во «Владикавказских Еп. Ведом.» пишут: «Официальный следователь в духовном ведомстве есть излишняя, ненужная нам личность по следующим соображениям: 1) Следователь этот все равно такой же юрист, как и все прочие пастыри. Образовательный ценз его ничуть не превышает ценза и прочих – все семинаристы, да иногда и не окончившие. Спрашивается, зачем отличать, выделять, делать своего рода начальством этого одного счастливца из среды других десятков, когда и я, и другой, и пятый, и десятый вполне можем справиться по руководствам с любым нашим следствием в станице?...

2) После этого к чему обременять платою особых суточных и проездных этому «форменному» следователю, проезжающему иногда за целые пять десятков верст на тройке, когда и все то следствие двух грошей не стоит? Далее, они напрасно только беспокоят причты, затягивая ведение следственных дел. Мы не говорим уж здесь про следствия над причтом... Сначала пишут причту: «дать сведения», «выслать метрику одну, другую, третью», «копию прислать», «подлинник списать», «справки навести», «удостоверение прислать», «свидетелей

прислать», «допросить родителей», «к присяге привести», «правда это или нет – узнать», «крест прислать, евангелие выдать, епитрахиль принести», «прийти в общественную квартиру», «вновь туда же явиться», «новое удостоверение написать"... Не лучше ли устроить так: следовательскую должность уничтожить, все следственные дела по приходу поручать местному причту; следствия над священниками по проступкам важным производить комиссии окружных священников, с обязательным условием – не назначать в комиссию врагов подсудимого, тяжбы между причтом разбирать домашним образом непосредственно или архиерею или самим окружным священникам, по поручению владыки, т.е. учинить самосуд, целью которого должно быть не наказание, а примирение; путевые издержки взыскивать не с церкви, а с обвиняемых. Тогда жалобы уменьшатся, прекратятся и суды». («Владик. Еп. Вед.»).

Дайте свету! Под таким заглавием помещена в «Вятск. Епарх. Вedom.» статья свящ. Ардашева, рисующая нам крайнюю религиозную темноту далеких вотских уголков. Вотяки, говорит автор, «по плоти и духу – язычники и христиане – по имени. Христианство коснулось лишь только верхушек. Знают они, что они христиане, крещенные, что «Христос» – Бог, что родится ребенок – крестить надо, вырастет – женить, а умрет – похоронить: постом нужно на «споведь кодить», пред смертью также, а то «коронить» не стянут. В известное время надо принимать «бачка», иконы, – молиться по-русски. Этим и исчерпывались познания в христианстве и отношения к нему шудзимонцев и подобных им. – При всем этом не следует забывать и крепко хранить заветы языческой старины – править моления и праздники злым и добрым богам, оканчивающееся обыкновенно грязным разгулом, варить кумышку, существенно необходимую принадлежность всех языческих молений и праздников, слушаться своих «тунно» и пр. Одним словом, «русской вера править и свой не забывать».

Подобное религиозное состояние – даже и не двоеверие, как называют его некоторые миссионеры. Нет, это язычество, язычество по убеждению, язычество во всем его мрачном безобразии, слегка лишь прикрытое именем христианства. На одной параллели с религиозным состоянием, стоят умственное и нравственное развитие вотяков. Невежество полное – если можно выразиться – цельное, нетронутое. Говори вотякам какую угодно небылицу – поверять. Скажи, что земля стоит на трех китах – безусловно поверят, – жена турецкого царя родная дочь Шайтана – поверять, – там-то летает шестиглавый змей с хвостом в тысячу верст – поверять, а если посомневаются, покажи клочок печатной бумаги: тут, мол, написано про это – окончательно поверят.

Нравственность, в зависимости от язычества, приняла здесь чудовищно уродливые формы. Повальное пьянство, самый грязный разврат – явления, по взгляду вотяков, нормальные, как освященные

старинной: старики так делали, и нам велели – «некорошо» ломать стариковский обычай»! Школ у вотяков мало, и прививаются они туго. Проповедь пастыря бесплодна на каменной почве.

Ни откуда нет притока света, чистого воздуха!

Крепко слит вотяк во тьме и сени смертной...

Зато какой благодатной почвой является вотяк для всякого рода спекуляций, то чудовищно гнусных, ужасных, от которых «горькою болью сжимается сердце, злобно бессильные слезы текут», то – смешных, до упаду, до гомерических слез. Спекулянты – шарлатаны обыкновенно из числа мелких торгашей – татар, различных Юсупок, Галеев, Ахматов. Они пророчествуют, нашептывают, лечат, ворожат, торгуют, воруют, пируют, развратничают. При торговле немилосердно обманывают. И не перечесть всего.

При всем этом, Юсупки – желанные гости вотяков. Эксплуатируя самым бессовестным образом простосердечие и невежество вотяков, Юсупки все силы употребляют к тому, чтобы возможно дольше удерживать их в темном язычестве».

Про одних ли только вотяков можно сказать: «свету сюда! побольше свету»! Не относится ли это ко всей Руси, утопающей ныне в тине неверия, лжи, человеконенавистничества и злобы! Вся Русь нуждается в тех, кто может и силен дать ей истинный свет правды Христовой...

Дерзкое нападение злоумышленников на монахов, охраняющих святой колодезь Тихоновой пустыни. В середине темной ночи с 15 на 16 апреля заведывающий братией на святом колодце Тихоновой пустыни, старец 73 лет, иеромонах Порфирий был разбужен несколькими последовательными ударами в окно своей келии, при чем было разбито 4 стекла. Встревоженный, он вскочил с постели и с криком бросился из келии с целью ударить в колокол, висевший у его крыльца, но едва отворил дверь – его схватили за плечи два злоумышленники и со словами «стой, куда ты», повалили на пол, один схватил его ноги, другой стал коленом на грудь и начал душить; старец посильно сопротивлялся и громко кричал. Тогда один из злоумышленников снял с себя кушак и крикнул: «молчи», «бей его»! а другой зажег спичку и осматривался, как бы что отыскивая, вероятно, впоследствии найденный здесь железный гвоздодер. Человек, душивший о. Порфирия, снял с себя кушак, стараясь обмотать его вокруг шеи и головы старца, но последний все еще продолжал сопротивляться. Тогда злоумышленник стал втискивать ему в рот кушак и о. Порфирий не мог уже звать на помощь. В этот момент последовали удары в колокол, находящийся над окном церкви. Раздался крик двух других злоумышленников «не смей звонить» и один за другим произведены два выстрела в монаха Агапита, выскочившего из своей келии на стоны и крики о. Порфирия. Корпус, в котором находится келия о. Агапита, расположен по другую сторону двора. Бросившись в одном

нижнем белье к тому колоколу, в который обыкновенно звонят к правилу, он нашел веревки и с помощью их вскочил на нижнюю обшивку стены церкви, ухватившись левою рукою за косяк окна и тогда достал веревку и стал ударять в колокол. Видимо эта веревка была умышленно подтянута или обрезана. Вторым выстрелом Агапит слегка ранен несколькими дробинами в ногу, они в числе около 60, пробили рубаху о. Агапита и глубоко засели в обшивке церкви. По-видимому, выстрел был произведен на близком расстоянии от монаха Агапита и церкви, так как дробь попала в стену кучею, занимая площадь в диаметре не более 3–4 вершков. Вслед затем раздался крик плотника Громова, выбежавшего из 3-го корпуса: «ребята, вставайте на помощь». Раздался третий выстрел по направлению к Громову и этим выстрелом сделана пробоина в стекле двери и отщеплены кусочки косяка, другой внутренней двери. Сплюснутая револьверная пуля найдена впоследствии здесь же на полу. В это время о. Порфирия злоумышленники уже оставили и он направился в свою келию, а о. Агапит бросился было к колокольне, чтобы ударить в большой колокол, но его не пустили, при чем злоумышленники кричали: «где у вас здесь находятся монахи, у которых деньги, ведите нас к ним», но тут же кто-то из них крикнул: «ша, ша», что вероятно, было сигналом к отступлению и злоумышленники направилась в ворота, которые по случаю ремонта забора на замок не запирались и уже вероятно заранее ими были отворены. о. Агапит слышал, как один из злоумышленников сказал «поедем» и вслед затем раздался топот копыт и стук колес. Надо полагать, злоумышленников ожидали у святых ворот одна или несколько подвод. Сторож монах совершал свой обход в эту ночь до 12 часов. Всех монахов, вместе с о. Порфирием, на святом колодце находилось 6 человек, а плотников ночевало здесь в эту ночь 8 человек. Никто из бывших на святом колодце заявить об этом событии в обитель не пошел до 6 час. утра и таким образом, злоумышленникам была полная возможность скрыть свои следы. Местный полицейский урядник, находившийся по делам службы в участке, узнал об этом происшествии только в начале 12 часа дня. Найденный на месте преступления железный гвоздодер имеет в длину 12 вершков и весит 3 фунта. Злоумышленники проникли во двор свободно, так как ограда в двух местах, вследствие ремонта, была разобрана. («Калуж. Губерн. Ведом.» № 41).

Постановление 2-го округа Аккерманского уезда, состоявшееся 8-го февраля.

1. Усилить энергию пастырей Церкви настолько, чтобы они во всякое время были готовы отвечать на все требования прихожан, чтобы интересы прихожан в религиозно-нравственном, просветительном и благотворительном, отношениях были бы насущною потребностью пастыря прихода; объединить интересы пастыря и прихожан так, чтобы каждый пастырь заботился прежде всего о пасомых. 2. Самую

существенную помощь прихожанам пастырь может оказать в дни голодовок и других несчастных случаев, при помощи церковноприходских попечительств. Посему необходимо открыть во всех приходах церковноприходские попечительства, которые будут производить всякие пожертвования по положению о попечительствах и, между прочим, на поддержку бедных прихожан в несчастных случаях. 3. Открыть церковноприходские советы, в состав которых входило бы не больше 12 членов, из людей благонадежных и испытанных, в религиозно-нравственном отношении. 4. Открыть по мере возможности общие церковноприходские собрания по предположению окружного благочинного, на которых он должен на первых порах присутствовать для руководства и совета. 5. При обновлении жизни прихода необходимо предъявить новые требования и к псаломщикам, которые и по нынешнему положению должны быть помощниками для проведения известных пастырских идей в жизни прихода, обращать особенное внимание на их правоспособность: чтобы они и сами обладали хорошим голосом, и могли бы устроить хоры певчих из любителей прихожан и учеников, и учениц церковных школ и народных училищ М.Н. Просвещения, а также могли бы устраивать общее хоровое пение в церкви. Хорошее хоровое и общее пение в храмах, сопровождаемое отчетливым произношением слов песнопений и молитв церковных, глубоко западают в души и сердца молящихся и, как семя, павшее на добрую почву, приносит обильный плод, так и всякий христианин, проникнутый до глубины души хорошим мелодичным пением, может получить любовь и привязанность к церкви и всему, что в ней видит и слышит. Псаломщиков, не способных к выполнению своих обязанностей, престарелых и, в особенности, с крупными недостатками, увольнять без всяких предварительных следствий, по экзамену в епархиальной комиссии, или по суду товарищей округа, 6. Недоразумения между членами причта и между причтом и прихожанами разрешать не нынешним порядком чрез духовных следователей, а предварительно сдавать таковые на суд товарищей и только в серьезных случаях передавать расследованию чрез следователей.

Для выполнения всех указанных мероприятий необходимо следующее: усердие и энергия – эти качества могут появиться у пастыря тогда, когда он настолько будет обеспечен, чтобы нужды его семьи не отвлекали его от прямых пастырских обязанностей, а для возбуждения непрерывной энергии и усердия в пастыре церкви на пользу паствы нужно: 1. обеспечить священников содержанием, именно: к нынешнему источнику дохода – арендной плате за землю – назначить жалованье от казны, чтобы священник вовсе не зависел от прихожан, а, напротив, чтобы сам мог помочь бедным прихожанам. Если же и при этом способе обеспечения духовенства окажутся священники, которые будут вымогать у прихожан, таковых немедленно лишить приходов. 2. Для образца ведения

пастырем своего дела в приходе нужно выписать руководства, которые бы руководили пастыря, как вести пастырское дело в приходе.

Вот те мероприятия, которые, по мнению духовенства округа, могут способствовать наилучшей, при настоящих условиях, постановке вопроса об устройении церковно-приходской жизни и пастырских собраний.

Предложение Преосвященного Серафима Орловской духовной консистории. «В городах интеллигенция, сочувственно относящаяся к возрождению приходской жизни и состоящая членами приходских советов, обратилась ко мне с просьбою относительно просветительной деятельности приходов. Дело в том, что не все священники бывают способны проповедовать живым словом, вести собеседования и даже читать произведена св. отцов, а многие очень заняты требами. Поэтому необходима им помощь. Прихожане очень желали бы слушать религиозно-нравственные чтения. Поэтому прошу разъяснить чрез благочинных всем священникам, что я разрешаю чтениями заниматься не только клиру, но и мирянам, членам приходских советов и боголюбивым прихожанам, с благословения оо. благочинных и под наблюдением настоятелей церквей. Есть миряне, которые с любовью читают в церквях св. Апостол и Деяния; почему же им не читать на собраниях творения св. отцов, св. Тихона Задонского, св. Иоанна Златоустого, Святителя Феофана или такие книги, как «Духовный основы жизни» В.С. Соловьева. Это необходимо для поднятия интереса в обществе к религиозно-нравственным вопросам. Но только эти чтецы должны быть люди, пользующиеся доверием духовенства. Собрания должны происходить раз в неделю». («Орл. Еп. Вед.» № 13).

Миссионерские собеседования со старообрядцами в г. Новочеркасске. 20–23 апреля сего года в здании Новочеркасской народной читальни происходили публичные собеседования миссионеров протоиерея Н. Кутепова и свящ. И. Артемьева с защитниками старообрядчества (австрийского окружнического толка) К.А. Перетрухиным и его сыном И.К.

20-го (с 4 ч. веч.) была проведена беседа о вечности церкви Христовой, о необходимости в ней епископского служения; 21-го (с 5 ч. веч.) о незаконности по суду церковных канонов перехода м. Амвросия в старообрядческую белокрыницкую общину; 22-го (с 10 ч. у.) о том же и 23-го (с 4 ч. веч.) о изменении обрядов русской церкви со времени патриарха Никона и о клятвах соборов 1666–1667 гг.

о. протоиерей Кутепов обличал неправоту старообрядчества доводами св. Библии и книги Кормчей. Защитники старообрядчества уклонялись от прямых обличений и уходили в церковно-исторические частности. На поле исторических и канонических справок с полным успехом обличил неправоту старообрядческой защиты о. И. Артемьев. Беседы были заключены прочувствованной речью о. Кутепова, в которой

он вручал посеянное миссией возвращающей силе Божией и убеждал слушателей просить Господа о даровании общего мира и единения всех.

О фотографическом снимке правой руки преп. Спиридония просфорника

В 3-м номере "Старообрядца" напечатана статья под заглавием: «Правая рука мощей преп. Спиридония просфорника», а после статьи, на стр. 294, помещен рисунок руки преп. Спиридония, лежащего во гробе, покрытом покровом. Под рисунком подписано: «Фотографический снимок правой руки преп. Спиридония просфорника».

В пояснительной статье к этому рисунку между прочим говорится: «С 1864 года стали печатать в предисловии к синодальным псалтырям, что правая рука мощей преп. Спиридония просфорника имеет триперстное сложение. Вот что об этом читаем в «Псалтири»: *«Желающий несомненного древняго свидетеля собственными очами видети, да идет во святую киево-печерскую лавру в пещеры к святым мощам препод. Спиридона просфорника, и узрит десницу его, яже, якоже в час кончины своем троеперстие сложи ю для крестнаго знаменія, тако сложеню пребывает и донныне близъ седми сот лет».*³²⁰ (Предислов. к учебн. Псалтир. л. 10, изд. Москва 1898 г.).

...«Пастыри правительственной церкви не представили, при этом сказании, снимка с руки преп. Спиридония"... Однако, некоторые старообрядцы сами позаботились восполнить этот пробел и сняли фотографический снимок с руки преп. Спиридония. Что же оказывается? Оказывается, что рука эта не имеет никакого перстосложения: она сложена просто в кулак, только не плотно, так что большой палец лежит на втором суставе; указательного, концом наружу, а концы остальных пальцев в некотором расстоянии от ладони. Как же из такого положения пальцев сделать триперстие? А очень просто: эту руку показывают большим пальцем к зрителю, так, что он загораживает концы остальных пальцев, и выходит, как будто и в самом деле троеперстие. Это всякий может испытать на своей руке.

«По представленному при сем фотографическому снимку с руки мощей преп. Спиридония всяк наглядно может убедиться, сколько правды в проповеди синода, будто она имеет триперстное сложение» (Старообр. № 3, стр. 293).

Очевидно снимок сделан старообрядцами с целью обличить Синод в том, что рука не имеет триперстного сложения. Снятый старообрядцами рисунок, по словам старообрядца, показывает, что рука «сложена просто в кулак, только неплотно... концы остальных пальцев в некотором расстоянии от ладони. Это рассуждение показывает колебание старообрядца в своих суждениях. Он положительно говорит: рука «сложена просто в кулак», но своими оговорками – «неплотно», «концы

пальцев в некотором расстоянии от ладони» – опровергает свою мысль – «сложена в кулак», а доказывает, что рука не сложена.

И в самом деле – персты указательный и великосредний протянуты мало наклонно, а безымянный и мизинец видятся согбенными, но насколько они согнуты? – Рисунок точного ответа не дает.

Большой палец только боковой стороной виднеется из-под указательного перста, а концом своим даже немного выдается вправо из-под покрывающего его указательного перста. И видится: Большой и указательный персты плотно соединены, из которых – указательный перст покоится на большом, – средний перст несколько отклонился от указательного перста, но, хотя неплотно, примыкает к нему; однако он также вытянут, как и указательный. Одним словом – три первые перста протянутые составляет, троеперстие.

И сам составитель объяснительной статьи к рисунку невольно проговаривается, что рисунок изображает троеперстие. Он говорит: «большой палец лежит на втором суставе указательного, концом наружу» (другими словами – большой палец лежит под указательным), «а концы остальных пальцев» (отделяемые большим пальцем от ладони) «в некотором расстоянии от ладони». «Как же из такого положения пальцев сделать триперстие?» – спрашивает составитель статьи, и отвечает: «А очень просто: эту руку показывают большим пальцем к зрителю, так что он загораживает (а на рисунке большой-то палец загорожен указательным) концы остальных пальцев, и выходит, как будто и в самом деле триперстие. Это всякий может испытать на своей руке». Да, следует только сложить персты триперстно. Так, и старообрядцу совесть подсказывает, что перстосложение у преп. Спиридона триперстное, – «выходит, как будто и в самом деле триперстие», – но упорство в отрицании истины вынуждает его утверждать, что рука эта не имеет никакого перстосложения: она сложена просто в кулак»!

Еще одно замечание. Сколько известно, – рука, положенная на грудь, имеет большой палец, обращенный к голове, а мизинец – к ногам, а здесь наоборот. Странно. И разъяснение к рисунку, и самый рисунок тщатся одинаково превратно изложить обличающее раскольников свидетельство древности троеперстия.

[Июнь]

По общим вопросам веры и церковной жизни

Меры к уничтожению русской иконописи³²¹ //
«Миссионерское Обозрение», 1906, № 6, стр. 785–796

(Материалы к истории современного иконоборства)

В виду огромного исторического значения разнородности взглядов Государя и Св. Синода на один и тот же предмет – иконописание, для полноты картины, которой посвящена настоящая статья, я приведу полностью указ и определение Св. Синода, чтобы иметь возможность сделать на него ссылки.

«Указ! Его Императорского Величества Самодержца Всероссийского из Святейшего Правительствующего Синода. Владимирскому губернскому правлению. По указу Его Императорского Величества, Святейший Правительствующий Синод *слушали*: 1) три прошения уполномоченных сельскими обществами, Мстерским, Палеховским, Вязниковского уезда, крестьян: Александра Купчихина, Петра Бороздина и учителя иконописной школы Михаила Цепкова, из коих одно, от 19 мая сего года на имя первенствующего члена Святейшего Синода преосвященного митрополита киевского, и два от 16-го того же мая и 12 августа сего года, на имя Святейшего Синода, – с жалобой на выделку московскими фабрикантами Жако и Бонакер икон на жести и с просьбой или совсем запретить изготовление означенных икон, или не дозволять духовным учреждениям приобретение и продажу этих икон, а также икон на бумаге, набитых или наклеенных на доски; 2) прошения по тому же предмету крестьян-иконописцев села Холуя того же уезда; 3) донесение преосвященного митрополита московского от 12 июля сего же года за № 368, о том, что изготавливаемые вышеупомянутыми фабриками иконы выпускаются в обращение не иначе, как с дозволения духовной цензуры и с указанием на вероисповедную принадлежность владельцев сих фабрик, и 4) предложение, 17 августа сего года за № 5508, исполнявшего обязанности синодального обер-прокурора, отношения управляющего министерством земледелия и государственных имуществ от 5 августа того же года за № 246, с отзывом по предмету означенных ходатайств вышеупомянутых иконописцев. Приказали: Уполномоченные сельских обществ, Мстерского и 1-го и 2-го Палеховских Вязниковского уезда, крестьяне Александр Купчихин и Петр Бороздин и учитель иконописной школы Михаил Цепков в прошениях от 16-го и 19 мая сего года, из коих первое, на имя Святейшего Синода, а второе – на имя первоприсутствующего члена оного, преосвященного митрополита киевского, ходатайствуют о воспреещении производства икон на жести, выкладываемых московскими фабрикантами Жако и Бонакер, или же по крайней мере о недозволении всем духовным учреждениям приобретать и продавать эти иконы, а также иконы на бумаге, набитые или наклеенные

на доски, объясняя, что с развитием фабричного производства всех этих икон и установлением по сему сравнительной дешевизны их, невозможно существование иконописного промысла, которым занято ныне до 3.800 человек, проживающих в селах Мстере и Палехе, не считая жителей окрестных сел и деревень, занимающихся другими промыслами, вызываемыми иконописанием, и насчитываемых в одном только 2-м участке Вязниковского уезда до 32.000 человек, которым по указанной причине грозит разорение. Затем, при прошении от 12 августа сего года те же лица, в доказательство непочтительного отношения к святыне фабрикантов печатных икон на жести, представили жестяной ящик из-под масла, сделанный из таковых икон. Кроме крестьян, иконописцы с. Холуя того же уезда в прошении Святейшему Синоду от 30 июня сего года излагают так же ходатайства. Независимо сего управляющий министерством земледелия и государственных имуществ, отношением от 5 августа сего года на № 246, сообщил г. синодальному обер-прокурору, что кустари иконописцы Вязниковского уезда обратились в министерство земледелия с просьбою о поддержании перед Св. Синодом ходатайства их о недопущении в монастырях, церквях и подведомственных Св. Синоду учреждениях икон, изготовляемых фабричным способом посредством печатания на жести. Посему, и в виду того, что кустарным иконописным промыслом в Вязниковском уезде занимается все мужское и большая часть взрослого женского населения села Холуй, сел Мстеры и Палех и некоторых других селений, всего свыше 8.000 человек, а также значительное число кустарей в Харьковской губ. и других местностях России, и что конкуренция дешевых печатных икон фабричного изделия без сомнения понизит спрос на более дорогие образа ручной живописной работы, и тем лишит многих кустарей иконописцев их единственного источника существования, – тайный советник барон Икскуль просит г. обер-прокурора не оставить без внимания вышеозначенного ходатайства кустарей иконописцев Вязниковского уезда. Из доставленных преосвященным митрополитом московским, по запросу Св. Синода, сведений относительно представления в духовную цензуру изготовляемых московскими фабриками Жако и Бонакер икон и вероисповедной принадлежности собственников сих фабрик оказывается: 1) все иконы, изготовляемые означенными фабриками, печатаются и выпускаются в обращение не иначе, как с разрешения согласно требований 277 ст. ценз. уст. изд. 1890 года, и разрешения печатаются на каждой иконе, и 2) Август Жако – французский гражданин, постоянно живущий в Париже, вероисповедания римско-католического и главный уполномоченный директор фабрики и распорядитель всего дела в Москве французский гражданин Генрих Ландрю, на имя которого и выдано свидетельство на право производства печати из канцелярии Его Императорского Высочества генерала-губернатора, постоянно живет в

Москве и вероисповедания римско-католического. Заведующим же фабрикою по доверенности состоит московский мещанин Владимир Париков, вероисповедания православного. Владимир Бонакер прусский подданный, живущий постоянно в России, вероисповедания лютеранского. Обсудив наложенное и принимая во внимание, 1) что все изготовляемые на фабриках Жако и Бонакер иконы на жести выпускаются в обращение с разрешения духовной цензуры, 2) что к воспрещению икон на жести не оказывается достаточных оснований ни в канонах, ни в преданиях православной церкви, так как от прежнего времени и доныне не мало сохранилось металлических священных изображений, 3) что в силу 100-й ст. устава о пред. и пресеч. прест. т. XIV, издания 1890 года, изготовление и продажа предметов чествования христиан воспрещается лишь не христианам, а собственники вышеупомянутых фабрик принадлежат хотя и не к православным, но христианским вероисповеданиям, а заведующий фабрикой Жако православный, 4) что указываемое просителями и управляющим министерством земледелия г-ну синодальному обер-прокурору, что кустари-иконописцы Вязниковского уезда обратились в министерство земледелия и государственных имуществ, с вопросом об устранении экономических затруднений кустарей-иконописцев, происходящих от распространения изделий вышеупомянутых фабрик, не может быть предметом заботы духовного ведомства и 5) что представленный при одном из прошений уполномоченных Мстерского и Палеховских сельских обществ ящик из-под масла подлежит изъятию и из обращения, Св. Синод определяет: 1) вышеупомянутые ходатайства кустарей отклонить, и 2) предоставить г. обер-прокурору: а) уведомить управляющего министерством земледелия и государственных имуществ, что Синод признал подлежащим особому обсуждению вопрос о затруднительности положения указанных кустарей и б) пойти с кем следует в сношения о воспрещении обращения предметов обихода, подобных представленному уполномоченными. Для исполнения сего определил передать в канцелярию обер-прокурора, а для объявления просителям послать Владимирскому губернскому правлению указ, каковым уведомить для сведения и преосвященного митрополита московского. Октября 23 дня 1899 года».

Определение Святейшего Синода

«От 6 февраля-3 мая 1902 года за № 504, о воспрещении с 1 января 1903 г. продажи в церквях и лавках при церквях и монастырях икон, печатанных на жести. По возбужденному в центральном управлении Святейшего Синода вопросу о воспрещении всякого машинного производства печатных подражаний рукописной иконе, Святейший Синод, в заботе о поддержании иконописного мастерства, определением от 6 февраля-3 мая 1902 года за № 564, постановил: «объявить по духовному

ведомству, чтобы в церквях и монастырях с 1 января 1903 года не были продаваемы иконы, печатаемые на жести».

Я указал и разъяснил, добавив о новейшем приеме – *непосредственного печатания икон на деревянные доски*, что такого типа не могло быть «в преданиях православной церкви». Таким образом этот аргумент является уже ныне отпадающим. Что касается до выражения о том, что «и доныне не мало сохранилось металлических священных изображений», то и эта ссылка теряет в настоящее время свой вес, как не приложимая и не применимая к *деревянной* иконной фальсификации. Несомненно, что некому было обратить внимание на устарелость духовного цензурного устава 1890 г., хронологически не могшего иметь в своих статьях указываемой мною разновидности иконно-печатного новшества, *неминуемо вводящего в обман* почти каждого неспециалиста. Указ Св. Синода ясно говорит о сознании лиц, его писавших, что наша *высшая духовная инстанция признает печатную икону поддельной*, именуя таковую «подражанием рукописной иконе». Запрещение Св. Синодом продавать такие иконы в подведомственных ему учреждениях есть указание на *непригодность* печатных икон для пользования ими православным людом. Но указ этот *не исполняется нигде*.

Указ Святейшего Синода, изданный в руководство торговцам, не имел и не имеет того значения, какое присуще обыкновенным гражданским законам. Несмотря на то, что указ касался только лиц, прямо подчиненных Св. Синоду, таковые не придали ему ровно никакого значения, как будто его совсем не существовало. При отсутствии контроля и карательных мер или принуждения исполнять указ, а также при полной неразъясненности со стороны Св. Синода причин, вызвавших его появление, также неудовлетворения Св. Синодом основы ходатайства, запретить корень зла – печатание икон, указ этот ничего не внес в жизнь, кроме недоумения на пассивность и бессилие с одной стороны и на злую волю со стороны торговцев. Еще до издания указа, людьми сведущими предвиделись все случившиеся печальные последствия нежелания видеть в печатной иконе, приделанной к доске, подделку под моленную рукописную икону, освященную веками. До появления этих подделок, которые в настоящее время вылились в тип тончайше предательской фальсификации посредством *прямого печатания* священных изображений *непосредственно на деревянные доски*, в России функционировали сто шестьдесят тысяч иконописцев, считая в этом числе и ходебщиков (скупщиков и торговцев иконами, тоже иконописцев). Подделки под иконы в настоящее время уменьшили, в силу неравной и неправой борьбы, число иконописцев до шестидесяти тысяч. Два упомянутых нами ходатайства, окончившиеся буквально ничем, учреждение комитета попечительства о русском иконописании, тоже ничего не сумевшего добиться в этом направлении, выброшенная

фабрикою за борт стотысячная армия иконописцев, ведших свое дело от пра-пра-прадедов и ранее, все это довело наших иконописных тружеников до крайних степеней законного недовольства. Если добавить ко всему этому неуважение свыше защиты чистоты рукописной иконы и сказавшееся в результате чуть ли не покровительство машинным подделкам, уже нанесшим православной иконописи жестокий, почти смертельный удар, то станут ясны те волнения, которые царят среди иконописцев, еще уцелевших от погрома, в котором победоносным фельдмаршалом был профессор Н.В. Покровский. Державная воля, ясно высказанная при учреждении комитета, и, не имеющий двух толкований, Царский наказ о том, чего держаться в деле покровительства иконописания, крепко поняты православными иконописцами, как истины, касавшиеся иконы и лелеявшиеся в сознании православного народа в продолжение веков. Видя Царскую волю нарушенною, нужды иконописания нисколько не защищенными, в декабре 1905 года в селах Владимирской губернии Мстеры, Холуй и Палех, сплошь заселенных иконописцами, возникла вновь мысль послать выборных к Государю с просьбою, *по крайней мере, заставить исполнять указ Св. Синода*; что же касается до воспрещения печатания, то об этом уже отложены были попечение и сколько-нибудь веские надежды. В январь 1906 года депутаты от этих трех сел по 2 человека от каждого имели счастье представиться Государю и лично подать прошение. На словах они просили о воспрещении производства печатных фальсификаций икон и ходатайствовали «по крайней мере» об исполнении указа Св. Синода. Депутации были представлены Государю графом С.Д. Шереметевым, председателем комитета. *Государю благоугодно было обещать принять просьбу во внимание.* Благочестивейшему Государю не надлежало отнестись *иначе* к ходатайству и депутаты-иконописцы, полные веры в исполнение ближайшими слугами Престола Царской воли, отправились в свои села с радостной вестью о Монаршем внимании. Для верующих, свято чтущих заветы старины и характер священных предметов религиозного обихода, признание законности бытия фальсифицированных неправославной фирмою икон, казалось немислимым после слов самого Верховного Вождя земли православной. Каково же было изумление, горе и полная растерянность чаявших движения живой воды, когда пронесся невероятный слух о мнении непосредственного исполнителя Государевой воли — Высочайше утвержденного комитета попечительства об иконописании, совершенно по-новому, вопреки всякому здравому смыслу остановившегося на мысли, никому доселе по приходившей в голову! Слух передает, что комитет *во исполнение желания Государя* пообещал принять все меры, чтобы *печатание икон*, изъяв из рук гг. Жако и Бонакер, *передать монастырям* и этим самым вышепомянутым *селам!* Деятели иконографий просят запретить печатание, В.М. Васнецов, С.Д. Шереметев,

Н.П. Кондаков высказывали громкий возмущенный протест против машинного производства, граф И.И. Толстой всегда стоял против убийства ручной иконы машинною и вдруг, комитет, – где подавляющее большинство этих лиц с незапятнанною идейною репутацией высказывались в унисон с желанием Государя, – приходят к заключению сделать наихудшее, что только можно измыслить, а именно, *окончательно убить иконописание мелких и средних монастырских иконописных работ и производство кустарей*. Все разглагольствования комитета об эксплуатации капиталистами-кулаками мастеров, о борьбе с кулачеством, – выразились в этом мнении в намерении окончательно вдвинуть машину и капиталиста в это святое дело! Чем можно объяснить и оправдать подобное решение? Церемонией с богатыми фабрикантами? Или же намерением купить у них машины и все производство и предать все это уничтожению, – если не хватает здоровых сил добиться указа просто о запрещении печатания? Бюрократическим недомыслием? Но ведь деятели, мною перечисленные, безусловно выдающегося ума и большого государственного опыта! Как объяснить повернувшийся курс большинства комитета в лагерь профессора Н.В. Покровского, вопреки воле Государя? Ведь у комитета нет ни власти, ни права поступать наперекор ясному желанию Императора! А между тем комитет дотолковался до абсурда и до полного нарушения Царского наказа... Неужели этот слух верен?

За одной бедой идет другая, а после третьей и конца нет бедам. На днях, через владимирского губернатора депутаты получили обратно свое прошение, – *поданное лично Государю*, – при уведомлении, что оно *оставлено без последствий*. Дело дошло до такого положения, что буквально никто ничего понять не может. Да и можно ли что-либо понять, когда депутаты лично слышали слова Императора и Его обещание!

Я могу придумать лишь одно объяснение такому бюрократическому лаконизму, который облекает слова «оставлена без последствий». Объяснение это может крыться в здравом смысле собранной Государевой Думы. Но остается ли надежда на будущую ее способность взглянуть на дело с точки зрения Государя и со стороны истинно православного воззрения на ценность рукописной иконы? Будут ли дороги большинству членов Думы нужды убиваемого машиной ручного искусства? Найдутся ли в Думе люди хоть сколько-нибудь сведущие в искусстве? Последний вопрос не из последних. Когда даже профессор Н.В. Покровский, всю жизнь прошедший с художественными памятниками церковной старины, не понимает или не хочет понять, что произведения Жако есть *новшество*, не имевшее хоть сколько-нибудь узаконенной давности, и если даже он не понимает нелепости незапрещения печатания икон, *пока сама иконопись своею качественностью не убьет сама машину*, то что же можно будет требовать или ожидать от состава Думы, в которой не имеется ни одного

члена, хоть сколько-нибудь знакомого с искусством и его нуждами? Остается надеяться только на законопроект, который внесется в Думу, с обильными комментариями. Но и здесь опять, и опять вопросы. Кто составит такой проект? Комитета попечительства об иконописании? – Я указал на слух о его последнем невозможном мнении. Н.В. Покровский? – Радости не больше с его «доколе». Св. Синод? – Он спросит мнение Н.В. Покровского. Академия Художеств? – Из нее вышли единственные два члена, понимавшие нужды иконографии в связи с нашим историческим народным и церковным укладом. Надежда только на приказ Государя составить законопроект в том истинном духе, как *Он* его понимает.

В настоящее время слух о необычайном проекте комитета попечительства о русском иконописании, к полному и общему изумлению, оправдывается. Член комитета профессор Н.П. Кондаков предпринял в конце апреля поездку по иконописным селам владимирской губернии с очевидною целью успокоить иконописцев, волнующихся после «оставленного без последствий» их январского ходатайства. *Успокоение* сказалось в советах проф. Н.П. Кондакова бороться с печатными иконами *такими же, но лучшими, печатными иконами* самим Владимирским иконописцами, для чего комитет рекомендует соединиться им в цех и обещает материальную помощь на машины. Убив таким способом теперь мешающие иконописанию фабрики печатных икон, можно-де будет вследствие приуменьшить по своей воле таковое собственное производство. Излагать оценку *такой меры* попечительства о преуспевании и развитии *рукописной* иконы я нахожу излишним. Полагаю, что для всякого очевидно, что комитет не ведает, что творит, рекомендуя *меру к уничтожению иконописи?* Несомненно, здравый смысл иконописцев не позволит им делать то, против чего они борются. Русский народ вообще неспособен на компромиссы, и еще менее падок на сделку с убеждением в вопросах веры.

Нелепо надеяться на то, что наш *темный* народ *разберет* и предпочтет лучшую печатную школу худшей. В итоге – совет, предлагаемый проф. Н.П. Кондаковым, как членом комитета, в корне подрывает авторитет этого учреждения, так блестяще начавшего свою деятельность и пришедшего к изложенному позорному мероприятию. Нелепость совета проф. Н.П. Кондакова делается еще очевиднее, когда припомним, что комитет *не может* дать иконописцам на производство печатных икон даже одной десятой капитала Жако, затраченного последним на орудия своего производства. Успокоительная миссия Н.П. Кондакова – коварный и заслуживающий глубокого порицания дипломатический изворот...

А тем временем многоколесный дракон, питающийся огнем и горячим паром, изрыгает согни тысяч и миллионы поддельных икон, от которых люд православный вправе отворачиваться и идти на путь сомнений и к

началу неуважения этих произведений католика и лютеранина. Производство машинной иконы возрастает с непомерной быстротой. Не так давно представитель Жако обращался к фабрикантам досок Владимирских сел, прося их ставить ему иконные доски. На вопрос, сколько штук каждого формата прислать *на пробу*, получен ответ, – «пришлите *вагон*». Когда владимирцы спросили, сколько придется посылать досок потом, если пробы подойдут под требования фирмы, доверенный сообщил, что, по меньшей мере, *по вагону еженедельно*. Владимирцы отказались за невозможностью поспевать готовить требуемое количество. И так, «доколе» Н.В. Покровский поджидает *роста* ручного иконописания, машина не может уже довольствоваться всею тою массой досок, которую могут сработать *все владимирцы*. Машина-дракон *дожирает* рукописную икону!

Перед нами остается во всей своей неприкосновенности практически неразрешенный новый иконоборческий вопрос. Сведя в одно общее все, что имеется за и против печатной иконы и выяснив шаткость доводов ее защиты, я остановлю внимание на следующих положениях. Святейший Синод, своим указом, запрещающим торговлю печатной иконой в подведомственных ему учреждениях, признал непригодность *для церкви* иметь что-либо общее с этим суррогатом. Указ этот обойден дважды: 1) торговцами, подведомственными Св. Синоду, и 2) находчивостью фабрикантов, сумевших вместо *жести* печатать иконы на досках. Последний технический кунштюк *совершенно уничтожил всякое значение* указа, даже если бы он ныне и исполнялся. Остается выход – взглянуть на дело прямее и непосредственно ближе к его сущности, разве уже *сложилось убеждение Св. Синода не иметь соприкосновения духовных учреждений с печатной иконой*. Отсюда естественно вытекает нравственная необходимость воспользоваться формулой, предложенной профессором В.М. Васнецовым. Эта формула: «*повеление священнослужителям освящать для молитвы в храмах и домах образа только рукописные без всяких исключений*». Такой редакцией Указ Святейшего Синода уничтожить в корне печатные иконные фальсификации.

Припомним мысль Комитета, что распространение печатной иконы уничтожит то в рукописном образе, даже неискusstvenном по мастерству, что придает ему высокий характер, влияющий на молебщика. Эта особенность ручной иконы истекает из *силы личного* религиозного чувства иконописца. Достоинство это *разнообразится* не только у каждого отдельно иконописца, но и у одного и того же по мере его вдохновенности и совершенствования. Богатство творческого разнообразия здесь беспредельно. Это огромное преимущество рукописных икон драгоценно. Драгоценны и те дремлющие силы высоких художественных способностей, которыми обладает русский православный иконописец

кустарь. Я мог бы назвать имена иконописцев, работы которых по совершенству техники буквально неподражаемы со стороны лиц интеллигентных, посвятивших себя искусству. В народе незыблема и вера, не подточены ничем еще его гигантское терпение и усидчивость. У нас совершенно не обращали внимание на эти редчайшие способности кустарей и не давали рациональных путей их развитию. Между тем из многих десятков тысяч иконописцев-крестьян легко могли бы выработаться замечательные художники религиозной живописи. Хотя это вопрос далекого будущего, но нельзя в данном случае не обратить на него серьезного внимания, тем более, что иконописание в народе преемственно из рода в род, *из поколения в поколение. Врожденность* таких исключительных способностей уже в наличности. Это такая ценность, которую не купить, не привить и не достать ни за какие деньги, ни при каких иных условиях. В вопросе борьбы с печатной иконой забыли, *что* уничтожается для искусства, если кустарям, преемникам поколений иконописцев, придется бросить свое дело и заняться иным производством. Если бы еще можно было направить эту врожденную их способность на другой отдел искусства, тогда было бы полгоря. Но и такого течения не наблюдается, словно десятки тысяч людей своеобразной художественной культуры не представляют высокой государственной ценности. И эта народная сила обрекается на упразднение...

В заключение нельзя не остановиться на положении, высказанном, в пункте 4-м Указа. Оный гласит, что вопрос «об устранении экономических затруднений кустарей иконописцев, происходит от распространения изделий вышеупомянутых фабрик, *не может быть предметом заботы духовного ведомства*». Такое положение никак нельзя признать глубоким и основательным. В самой этой фразе уже *указание на зло*, причиняющее материальный ущерб иконописцам, говорит за *необходимость* заботы. Кому же, как не духовному ведомству интересоваться и пещись о *качественности* молельной иконы? Ясно, что качественность иконы стоит в прямой зависимости от материальной обеспеченности художника.

Для относительной полноты этих материалов по истории и современного иконоборства необходимо добавить, что главное зло упадка нашей иконописи кроется в полной некомпетентности в распознавании качественности иконы, со стороны канонической, подлинника и художественной, и в абсолютной непросвещенности в этой области православных священнослужителей. Религиозная живопись и иконопись в России охватывают *неизмеримо большую часть* всего национального художественно-живописного творчества. Оценка пригодности для молитвы православных икон должна быть обязанностью и священнослужителя, освящающего икону. Только при его просвещенности и при достаточном понимании в области иконографии невозможны будут случаи помещения в

церкви и в домах фальсифицированных и кощунственных икон. Одной из коренных мер должно быть введение иконографии в курс духовных, учебных заведений.

Еще раз напомним первоначальное мнение Комитета попечительства о русской иконописи: «поддельная икона вызовет, неуважение к образу и нарушит вековые обычаи и предания греко-русской церкви». С своей стороны я присоединяюсь к мнению графа С.Д. Шереметева и к убеждению ста шестидесяти тысяч русских иконописцев, что в решении настоящего иконоборческого вопроса «не может быть среднего мнения и не может быть недомолвок».

А.А. Карелин

Императорской Академии Художеств Почетный Общник

Герцен и наши дни³²²// «Миссионерское Обозрение», 1906, №
6, стр. 797–819

XII. Человек будущего в России – мужик

Туманы хаоса расходятся. Это уже не хаос, когда не в книжке, не на бумаге, а в жизни и в деле есть иные понятия об отношении человека к земле и к ближнему. Это новый огромный и сложный тип исторической психологии, новый строй общественной правды. Раз это так, все речи о хаосе и океанидах становятся только риторическим украшением слога.

Почему же Герцен, формулируя такие серьезные, полные такого огромного значения выводы, так нерешителен и не тверд в слове? Зачем он простую и глубокую мысль завертывает в детские идейные пеленки? Ответ ясен. Запад умер. Но когда-то Герцен любил Запад и тени прежней любви стояли над его сознанием, когда он издали и с помощью телескопа присматривался к чудным очертаниям новой красоты.

И он сам знал это и много раз мучился этим.

Вот один любопытный отрывок из его исповеди, о побуждениях остаться навсегда за границей.

«Зачем же я остаюсь?

Остаюсь затем, что борьба здесь, что, не смотря на кровь и слезы, здесь разрешаются общественные вопросы, что здесь страдания болезненны, жгучи, но *гласны*, борьба открытая, никто не прячется. За эту открытую борьбу, за эту речь, за эту гласность – я остаюсь здесь. За нее я отдам все, – я отдаю за нее часть своего достояния; а, может, отдам и жизнь в рядах энергического меньшинства «гонимых, но не низлагаемых».

За эту речь я переломил или, лучше сказать, заглушил на время свою кровную связь с народом, в котором находил так много отзвуков на светлые и темные стороны моей души, которого песнь и язык – моя песнь и мой язык, и остаюсь с народом, в жизни которого я глубоко сочувствую одному горькому плачу пролетария и отчаянному мужеству его друзей.

Дорого мне стоило решиться... Вы знаете меня... и поверите. Я заглушил внутреннюю боль, я перестрадал борьбу, и решился, не как негодующий юноша, а как человек, обдумавший, что делает, сколько теряет... Месяцы целые взвешивал я, колебался, и, наконец принес все на жертву:

Человеческому достоинству,
Свободной речи». (V, 170).

Это одна из сказок неопытной молодости, когда сам Герцен не знал своего сердца. Внешней красотой манили чужие формы. Кровная связь с народом порвалась не только на время. Она порвалась навсегда. Когда чары Запада рассеялись и Герцен, как ему казалось, «вернулся на родину», на самом деле он не только телом, но душой оставался на «стране далече». Он видел только самые общие очертания, внешнюю сторону жизни.

Лживую сказку запада он возненавидел всеми силами своей души. Он понял, что даже человеческое достоинство там можно сохранить, только удалившись в тесный круг семьи и закрыв двери для идейных болтунов и мечтателей. Он понял, что там честного и кровного дела нет, а где нет честного общественного дела, там нет и человеческого достоинства. Блудный сын, он понял, что ему приходится есть с одного корыта со свиньями и тосковал об отцовском доме. Западное корыто он опрокинул презрительным и гневным пинком, но домой воротиться ему не пришлось.

А разрыв с сказочным миром чахлой идейности – был полон и бесповоротен. Герцен перестал верить в пролетария.

«Человек будущего в России – мужик, – точно так же, как во Франции работник» (V, 275).

«Здесь Герцен перешагнул тот порог, вернуться с которого нельзя. «Образованное меньшинство», т.е. интеллигенция, как на Западе, так и у нас, мужика совсем не знает, а поэтому и верить в него – не может. Мужик и пролетарий – эта два полюса, которые никогда и ни в какой точке сойтись не могут. Это два мира, чуждых и враждебных друг другу. У пролетария нет и не может быть здоровых основ общественная уклада. У него нет нравственных основ для обуздания своего эгоизма. У него нет прочных традиций и устойчивых навыков, потому что малейшая перемена в технике производства опрокидывает все устои его жизни. Его победы случайны и временны. Он герой только на одну битву, на один исторический момент. Он явился в мир так же случайно, как и исчезнет. Он необходимый член общества только до тех пор, пока тот или другой народ признает формулы германо-романской психологии всеобщими законами исторического развития.

Это в известном смысле эфемерида, которая чувствует себя в мире. недолговечным фантомом. Он чувствует, что его существование нельзя обеспечить на века и поэтому весь целиком отдается моменту, порыву. Он знает, что все, что строит он и что строят для него, по миновании надобности будет упразднено и поэтому он легко поддается страсти разрушать то, что раньше или позже должно само погибнуть.

У него нет широкого мышления людей действительно образованных, как нет и наследственного опыта мужика, никогда не разрывающая с прошлым и целиком поглощенного работами настоящего. Но самому положению своему, он мечтатель, а мужику мечтателем быть нельзя. В дни случайного торжества, он жесток и беспощаден, как зверь, потому что у него нет никаких побуждений, кроме личных. Полуграмотный и невежественный, он считает себя признанным ценителем науки и искусства. Свою личную и маленькую волю он считает единственной нормой жизни и проливает чужую кровь, потому что ему недорого своя. Он всегда быстр, тороплив и беспощаден, потому что видит недалеко. Его будущее так же темно и туманно, как и его прошлое. Исторические

моменты, отпущенные ему судьбой для кратковременного существования, он хочет сделать годами своего господства и своей тирании.

Он страшен своим невежеством и своею беспочвенностью.

Этот вопрос уже давно расколол всю Европу на две половины. У нас этот раскол – не ко двору. Во все счеты проникает третья половина – мужик. Надо быть большим социал-демократом, чтобы мечтать об единстве интересов рабочего и мужика. Наша интеллигенция стоит за пролетария и поэтому стоять за мужика ни в каком случае не может.

Для Герцена этот вопрос всегда был ясен. «Между селом, и городом, – говорил он, – века. Иные понятия, другая религия, другие нравы, часто другой язык». (VI, 270).

А на западе деревни меньше, чем у нас, и деревня там строится на городской лад. А нашу деревню в город не перетянешь. Она еще достаточно сильна для того, чтобы перетянуть город.

Пролетарий ни к какой стране и ни к какому племенному типу не принадлежит. У него нет характера. Он космополит по профессии. Он так же вне времени, как и вне пространства. Это полное отражение нашей бесформенной и беспочвенной интеллигенции.

XIII. Мужик и пролетарий

Роковая ошибка нашей интеллигенции в том именно и состоит, что на мужика смотрят, как на пролетария, как на фабричного рабочего, как на батрака, который жив и умен только поденным заработком. На самом же деле не только представители свободных профессий, но и бюрократ, и вся интеллигенция, и вся буржуазия по духовному и нравственному смыслу своего заработка и своего пропитания гораздо ближе к рабочему, чем к мужику.

Мужик живет не изо дня в день, а с жатвы до жатвы. И даже не из году в год, а должен принять в счет и возможные неурожаи в будущем. И ему приходится подсчитывать приходы и расходы не только для себя и своего поколения, но не истощать почвы и не тратить всех запасов до тла, потому что ведь и внуки есть захотят.

При каждом новом волнении или восстания рабочих – интеллигенция вспыхивает, как порох. Она сама – праздничный и многоцветный фейерверк, и поэтому любит фейерверки. Вспыхнув, она сгорает до тла, как всякий порох. Это просто взрывчатое вещество, единственное назначение которого разрушить и сгореть. Ее жизнь – не жизнь рабочего, – от субботы до субботы, до получения расчета. Весь режим жизни рассчитан на более короткий срок.

Выражаясь бездарным языком исторического материализма, все остальное только идейные надстройки над экономический базисом недельного заработка и недельной получки. Бог при такой жизни нужен только от субботы до субботы. Расчет получен и – шабаш. После получки – новый счет: все вали на новую.

Этого не хотели замечать, хотя факты были налицо, и мы в свое время на это указывали. Фабричная философия охватила всю нашу литературу. Все наши поэты воспевали мечту и момент. Возьмите томики стихов наших идейных поэтиков. Все они поют мечту, красивую, радужную, непременно и обязательно несбыточную, – как несбыточны мечты рабочего о месячном или годовом обеспечении.

Если мечта остается в пределах возможного, она не по душе нашей интеллигенции. С нележкой руки Надсона, все поэты и идейные мечтатели алчут «нечеловечески-величественных дел, – нечеловечески-великого страдания». Это, конечно, очень смешно, но все же не так дико, как это кажется с первого взгляда. Рабочей все же реальнее интеллигента: он умеет предвидеть на неделю. Интеллигент, побивая рабочий рекорд сокращения сроков, все совместил в один момент. Пусть сгорю, только бы вспыхнуть, только бы ослепить.

Вся литература последнего времени является яркою иллюстрацией к этому общему выводу. Новые христиане, мистики-порнографы по

формулам отныне незабвенного кружка религиозно-философского содомизма, готовы были все отдать – и синод, и сенат, рясы и бороды, догматы и соборы, честь и приличия, церковь и религию, – за миг один плотского и духовного обновления в вонючей микве, как г. Розанов, или за один опыт изнасилования жены-христианки, распростертой перед распятием, мужем-язычником, утончающим разврат мистическою противоестественностью, как Юлиан у г. Мережковского.

Дамы-романистки изощряют всю свою – удивительную по настойчивости – фантазию, чтобы найти такой субъект и создать такой момент, чтобы ради него навек осквернить и опоганить святыню женской чести, испортить семейную жизнь и поднять завесу ужасного и загадочного. Конечно, в этой области ничего нового нет. «Всякое бывало», – говаривалау Гуцкова Акиба. И все это грязно, пошло и цинично. Но вопрос – не в том. Был – *момент*. Пусть после него омерзение, отвращение и скука. Но его ожидание – неодолимые чары коротких сроков.

Идейные писатели и беллетристы всю свою поэзию находили только в этом. Разве не герои момента все эти босяки Горького, прокаженные и сифилитики Андреева, окостеневшие в элѐфантиазисе, идейные трупы идейного творчества?

Теперь революционные поэты и революционные романисты воспевают политические убийства с огромным подъемом мировой и гражданской скорби. Опята дело момента. Ведь нельзя же возвести убийство в норму жизни и убивать всегда. «Товарищи» по приговору неведомого трибунала приходят убивать сторонника старого режима. Поэты и художники увенчивают эти подвиги лаврами нетленной, вечной красоты и сверхчеловеческого величия. Но ведь это герои – на момент. Через момент это будут палачи и убийцы.

Если заветнейшая мечта идейного рабочего состоит в великом желании – нажраться так, чтобы потом всю жизнь не хотеть есть, то заветнейшая мечта интеллигента – наскандалить и набезобразничать так, чтобы от зависти перевернулись в гробу Аретино и маркиз де-Сад, чтобы обезьяна от стыда покраснела, чтобы все добрые люди сказали: каков прохвост и мерзавец!

XIV. Мужика и рабочий – не одно и то же

Итак, по лестнице срочного прокормления и сокращения сроков – от «момента» идейной интеллигенции мы поднялись до субботней получки мастерового. Далее следуют, конечно, люди двадцатого числа. Тут логика и психология реальнее, устойчивее и прочнее уже в четыре раза. Правда, и этот срок не велик и оставляет место для размышления о преходящей славе века сего, о мимолетности всего земного, о суетности человеческой жизни и о прочих невеселых предметах.

Но месяц – все же срок достаточно длинный для того, чтобы до некоторой степени восстановить равновесие духа и обновить способность приспособляемости. На месяц можно почуять, откуда ветер дует и соответственно примениться. Без пера и чернил все равно ни одно правительство существовать не может, а что писать и как писать – не все ли равно? Перечитайте в Библии книгу царств. Сколько сменялось иудейских и израильских царей! Но при этом летопись педантически замечает, что при каждом из них – такой-то и, такой-то – «был писец его».

Бюрократически месяц – срок в миллион раз больший, чем «момент» интеллигента и в четыре слишком, раза больший, чем получка заработной платы на фабрике. Но по степени мечтательности и неопределенности в виду всевозможных веяний и течений не больше содействует устойчивости, широте и дальновидности мышления на общественные темы, чем ветхозаветная суббота пролетариата в лоне капитализма.

Другое дело буржуазия. Не говорю о победителях и рантьегах. Для них никаких сроков не существует, и они отдыхают на лаврах своих. Но воинствующая буржуазия, еще добивающаяся победы и лавров, имеет свои сроки. Полагаю, срок в шесть месяцев. Более долгосрочные векселя теперь не в ходу. Буржуазия по своей собственной расценке определила для себя шестимесячный аршин. Через шесть месяцев – может произойти полная перемена декораций и первые будут последними, а последние первыми.

Но шесть месяцев – все-таки передышка. Можно подготовиться к неожиданностям и принять меры. Пусть за этой чертой – бури и ураганы, но до нее мир и покой.

Если вы всмотритесь в эту градацию коротких сроков, вы сквозь бьющее в глаза различие, увидите общие и родственные черты. С первого взгляда кажется, что общего по логике и психологии пропитания и обеспечения между капиталистом и рабочим, между бюрократом и интеллигентом? Но стоит только каждого из них порознь и всех их вместе сопоставить с мужиком, сразу же бросится в глаза поразительное сходство, так что всем становится очевидно: одна семья.

Что такое мужик? У него нет сроков и все на срок. Он не может забастовать ни на момент, ни на неделю, ни на месяц, ни на шесть месяцев. Ему никак нельзя опустить ни одной упряжки, а все его существование – бессрочное. Землю нельзя истощить одним хищническим посевом, чтобы попробовать счастья в Монте-Карло. Землю нельзя поставить на карту под шестимесячный срок. Тут и ждать нельзя, и торопиться нет смысла. Кроме срочных расчетов, необходимо – стихийно необходимо – иметь и бессрочные. И тут, конечно, возможны инстинкты – беречь и холить землю, или истощить ее по мере возможной скорости. Но это уже характер народа, а не срочная банковская операция.

Понятие о пролетариате на наших глазах растет. Тени и оттенки его уже ложатся на всю интеллигенцию, на всю бюрократию и буржуазию, даже на земцев. Все почувствовали случайность и неустойчивость промышленного и профессионального заработка и с этой целью случайные и временные условия жизни, результат случайной экономической победы, хотят увековечить, гарантировать законом. К примеру, адвокаты, еще недавно получавшие баснословные гонорары, хотели бы перестроить все общество так, чтобы для них никогда не проходили эти дни счастья. Инженеры готовы и на забастовку, и на вооруженное восстание, чтобы навеки гарантировать себе огромные проценты с строительной горячки правительства. Словом, каждая профессия, по аналогии с пролетариатом, хочет придать вечную обязательность и вечную неизменность преходящим и изменчивым экономическим отношениям.

В промышленном государстве эти инстинкты имеют свое оправдание: барыши от предприятия надо делить более равномерно. Но в государстве земледельческом эта устойчивость и определенность промышленного заработка и барыша получается не за счет внешнего рынка, торгового и экономического порабощения чужих стран и далеких народов, а за счет своей же деревенской требухи. Это скорпион, который в минуту опасности убивает сам себя. Промышленные государства жируют и богатеют за чужой счет. Землевладельческое государство с капиталистическими замашками, целое приносит в жертву части.

В рабочем пролетариате мы получаем новый тип, тип экспроприатора мужицкой собственности. Лучшие условия жизни он добывает себе за счет обеднения и истощения мужика и деревин.

И если все слои общества проникаются моралью и психологией пролетариата, мужик попадает в новые формы крепостной зависимости.

Все это я говорил собственно к тому, чтобы отметить меткость и справедливость замечания Герцена о том, что мужик и рабочий – не одно и то же.

Впрочем, может быть, при такой постановке дела, сам собою напрашивается тот вывод, что земледельческое государство не может

вылиться в формы государства промышленного, действительно капиталистического.

При этом не невероятным кажется и то предположение, что, если путем компромиссов и так называемой классовой борьбы все городское население, т.е. буржуазия и бюрократия, интеллигенция и пролетариат, как-нибудь придут к какому-нибудь соглашению, мужицкая Россия совсем останется вне счета. Другими словами, как во всякой настоящей борьбе обнаружатся только две стороны.

Чтобы бороться и драться, нужно не меньше и не больше двух сторон. Третий всегда будет только радоваться. Римляне не спроста же говорили: *tertius gaudet*. Если же такая борьба начнется, по всем разумным соображениям и по всем показаниям здравого смысла, она будет бесконечна. Если же ей какой-нибудь конец и будет, то совершенно особенный – вопреки всякому разуму и всякому здравому смыслу.

Девиз дан. Вере мужика противопоставлена вера пролетария. Все силы мобилизуются. Уже и в официальном органе святейшего синода встречаются в ущерб его достоинству, слишком часто и демонстративно поются – акафисты пролетариату. Несомненно, этот пример производить свое впечатление на духовенство. Недаром его в консервативной печати не раз и сурово упрекали в двоедушии. Новая и большая сила станет против мужика.

Но что делать, если не все окажутся малодушными? Один смелый и мужественный голос может смутить всеобщее соглашение властей и интеллигенции на общепролетарской точке зрения.

Освободительное движение не выдвинуло ни одного пророка и ни одного героя. Это понятно. В борьбе за экономическое преобладание – ничего героического нет. Героизм – всегда в отстаивании своих прав против тирании и террора большинства, в борьбе слабого против внешней давящей силы.

Величайшим и опаснейшим врагом всего освободительного движения был бы новый Сергей Радонежский или митрополит, который в ореоле святости поднял бы простой и мужественный голос против детальной неправды за весь народ и всю землю. Только тогда две, враждующие стороны – стали бы на свои позиции и не стали бы упражняться в усобице по типам прежних удельных усобиц...

Но святой, чтимый всей землей и всем народом – Божье чудо, которое стоит вне всякого человеческого учения.

По земным и житейским расчетам, дело представляется проще и печальнее. Не в первый раз зовут народ на новые дороги. Мужик не шел. И это Герцен отлично знал.

«Трудно, – говорил он, – своротить русский народ с его родной дороги. Он упрется, ляжет на ней, врастет в землю и притворится спящим, мертвым». (VI, 287).

По многим признакам и в официальной церкви надо опасаться уклона не к религии мужика, а пролетариата, – чтобы не увлек ее суетный дух суетой интеллигентности. Допустим, что она перейдет этот роковой порог, не утратив своего догматического наследства, не станет еретической, не будет подобно Феофану Прокоповичу и его сподвижникам, искоренять православие и вводить протестантизм. Все же она рискует быть при таком уклоне по логике вещей чужою народу и возбудить новые толки об антихристовой печати.

Будет тоже, что предсказывал когда-то Хомяков на случай официального окатоличения православной русской церкви.

«Пусть, – говорил Хомяков, – русский народ подпадет обольщению (хотя это вне всякого правдоподобия); пусть духовенство изменит (хотя такое предположение выходит из пределов возможного); – и тогда миллионы душ останутся непоколебимыми в истине, миллионы рук поднимут непобедимую хоругвь церкви и образуют чин мирян. Найдутся же в неизмеримом восточном мире два или три епископа, которые не изменят Богу. Они благословят низшие чины и составят из себя епископство – и церковь ничего не потеряет ни в силе, ни в единстве. Она останется кафолическою церковью, какою была и во времена апостолов».

XV. Что такое мужик?

Герцен, противопоставив мужика рабочему, вышел на ту дорогу, на которой все его взгляды получали и должны были получить совершенно другой характер.

Он остался с мужиком. Но что такое мужик по его представлению?

О мужике Герцену пришлось говорить в самых ранних его произведениях. Вполне естественно, что в молодые годы он разделял сентиментальные и платонически-восторженные речи о мужике филантропов крепостной эпохи. Говорил он о мужике и в «Дневнике». Чтобы тон его речи не показался слащавым и приторным, надо помнить, что «Дневник» одно из самых ранних произведений Герцена. Здесь он типичный представитель не только своего времени, но и вообще русской интеллигенции. Здесь он бьет челом каждому теоретическому западному идолу, не замечая, что эти идолы отнюдь не из одного капища, что стоять рядом им неуместно. Здесь он отдается всем капризным настроениям праздной и несобранной молодости и пишет казенным языком модной идейности. Вот один яркий пример.

1843 год, декабрь. «С 29 на 30, ночь. Ни веры нет, ни надежды... Я себя как-то ненавижу... Хотелось бы, чтоб тут был Грановский и вино хотел бы пить... Этого не должно бы быть"... (VI, 96).

Мечтательны и его суждения о мужике, хотя и в них звучит живая трезвая нотка.

«Грустно в мире Чичикова, – так, как грустно нам в самом деле. И там, и тут одно утешение в вере и уповании на будущее. Но веру эту отрицать нельзя – и она не просто романтическое упование *ins Blaue*, а имеет реалистическую основу: кровь как-то хорошо обращается у русского в груди. Я часто смотрю из окна на бурлаков, – особенно в праздничный день, когда, подгулявши, с бубнами и пением, они едут на лодке. Крик, свист, шум. Немцу во сне не пригрезится такого гулянья. И потом – в бурю. Какой дерзость, смелость! Летит себе, а что будет, ни будет. Взглянул бы на тебя, дитя, юношей. Но мне не дождаться. Благословляю же тебя хоть из могилы.

«Но все это ни одной йтой не уменьшает горечи жизни. Сверх всего, повторенного много раз, – отдельность, несимпатия со всех сторон тягостна. Барству, чиновничеству мы не хотим протянуть руки. Да и они на нашего брата смотрят, как на безумного. А православный народ, которому, для которого, за который всякий благородный человек готов Бог знает, что сделать, если не в открытой борьбе, где он нас опутывает сетью мошенничества, то он молчит и не доверяет, нисколько не доверяет. Я это испытываю очень часто. Когда он видит простой расчет, дело другое. Но,

когда не из расчета, а просто из доброжелательства что-нибудь сделать, – он качает головой и боится быть обманутым». (VI, 14).

Мечта и жизнь, сказка и правда – мешаются в этой тираде с простодушной наивностью. Если мужик не доверяет, значит он имеет право не доверять. Если он мошенничает, значит все прямые пути ему закрыты. Юноша-Герцен с высоты барства старчески качает головой над мужиком и называет его «дитя», когда по годам, уму и опыту это дитя много старше и зрелее своего мечтательного печальника.

«In potentia много в русской душе», (VI, 16) – говорил Герцен, не замечая, что еще больше in facto, поскольку дело касается мужицкой души.

С испанским «плебеем» Герцен познакомился по произведениям Кальдерона. «Велик испанский плебей, если в нем есть такое понятие о законности. Вот он, элемент, вовсе не развитой у нас не токмо у мужика, но и у всех. У нас оскорбленный или снесет, как раб, или отомстит, как взбунтовавшийся холоп. Я смотрю здесь беспрерывно на низкий класс во всегдашнем соприкосновении с нами. Чего недостает ему, чтобы выйти из жалкой апатии? Ум блесит в глазах. Вообще на десять мужиков, наверное, восемь не глупы и пятеро положительно умны, сметливы и знающие люди. На них много клеветают с нравственной стороны. Они лукавы и готовы мошенничать, но это тогда, когда становятся в противоположность нам. Иначе не может быть. Мы явно и законно грабили их: сила неодинаковая. Но, когда они убедятся в человеке (и я имею гордость включать себя в это очень и очень ограниченное изъятие), тогда они поступают просто, даже наивно. Они не трусы, каждый пойдет на волка, готов в драке положить жизнь, согласен на всякую ненужную удаль, плыть в омуте, ходить по льду, когда он ломается, etc. Но видно, – как Чаадаев говорит в своей статье, – чего-то недостает в голове: мы не умеем сделать силлогизм европейский. Эта община, понимающая всю беззаконность нелепого требования, не признающая в душе неограниченной власти помещика, трепещет и валяется в ногах его при первом слове». (VI, 128).

Странно, что остроумный сибарит и тонкий эпикуреец Герцен держит ключ от загадки в руках и не понимает сущности дела. За крепостным правом стояли все силы государства, и мужик отлично понимал, что бороться с ним ему не под силу. Лукавство и плутоватость – его единственное орудие сократить ленивого и ненаблюдательного барина. Да он терпелив и по натуре. Стенька Разин и Пугачев нашли отголосок в его памяти, но не воспитали в нем революционного духа. Он терпит, пока можно терпеть, а вытерпеть он может много.

Революционный характер он принимает только тогда, когда поднимается на строение земли. Самое яркое и поучительное дело – это восстание всем миром на строение земли. Когда перед 1612 годом

тогдашняя интеллигенция, т.е. бояре, кокетничавшие с поляками, лисовчики и польские наездники, стрелецкие головы и казацкие атаманы, шпыни и воры, вооруженные всеми последними словами науки того времени и самую угодливую идейностью, сделали опыт разорить и испакостить землю, народ встал, прогнал идейных воров, выбрал царя и умиротворил страну.

Это революция в русском издании. У нас почему-то знаменательны двенадцатые годы столетий. Но нужно думать, что на этот раз не будет ждать так долго и раньше провиденциального срока умиротворит страну, потому что никому другому это не под силу.

XVI. Крещеная собственность

Определеннее высказывается о мужике Герцен в статье «Крещеная собственность».

«С детских лет я бесконечно любил наши села и деревни. И готов был целые часы, лежа где-нибудь под березой или липой, смотреть на почернелый ряд скромных, бревенчатых изб, тесно прислоненных друг к другу, лучше готовых вместе сгореть, нежели распасться; слушать заунывные песни, раздающиеся во всякое время дня вблизи, вдали... С полей несет сытным дымом овинов, свежим сеном: из лесу веет смолистой хвоей; и скрипит запрещенный колодец, опускай бадью, – и гремит по мосту порожняя телега, подгоняемая молодецким окриком...

В нашей бедной северной долинной природе есть трогательная прелесть, особенно близкая нашему сердцу. Сельские виды наши не задвинулись в моей памяти ни видом Сорренто, ни римской Кампанией, ни насупившимися Альпами, ни богато возделанными фермами Англии. Наши бесконечные луга, покрытые ровной зеленью, успокоительно хороши. В нашей стелящейся природе что-то мирное, доверчивое, раскрытое, незащищенное и кротко грустное... Что-то такое, что поется в русской песне, что кровно отзывается в русском сердце.

И какой славный народ живет в этих селах! Мне не случается еще встречать таких крестьян, как наши великоруссы и украинцы.

Оно и не мудрено. Жизнь европейская пренебрегала деревней. Она бойко шла в замке, потом в городе. Деревня служила пастбищем, кормом. Западный крестьянин, выродившийся кельт, побежденный галл, германец, побитый другим германцем. По городам победители мешались с побежденными. С земледельцами никто не мешался, пока они оставались земледельцами. Там, где победа пронеслась над головой местного населения, не осела на нем или не могла до него добраться, там крестьяне и не таковы, например, в Романьи, в Калабрии, в Испании, в горах Швейцарии, Шотландии, Норвегии.

Крестьянин на западе вообще однодворец. Если он богатеет, то он делается полезным мещанином – так, как, наоборот, в прежнее время русские купцы, приобретая миллионы, оставались по нравам и обычаям теми же крестьянами». (V, 286).

«Мы государство сельское. Наши города – большие деревни. Тот же народ живет в селах и городах. Разница между мещанами и крестьянами выдумана петербургскими немцами. У нас нет потомства победителей, завоевавших нас, – ни раздробления полей на частную собственность, ни сельского пролетариата. Крестьянин наш не дичает в одиночестве. Он вечно на міру и с міром. Коммунизм его общинного устройства, его

сельское самоуправление делают его общительным и развязным». (VI, 287).

За последнее время город дальше отошел от деревни, но в главных чертах схема Герцена сохраняет всю свою силу. Русский город, кроме столичных и крупнопромышленных центров, сохранил и навсегда сохранит черты сельского быта, постоянного общения с деревней. Самостоятельного значения он добивается только в исключительных случаях. Психология города никогда не проникнет в деревню и городскому пролетарию никогда не задуть деревенской морали и совести, деревенского отношения «к ближним».

В этом отношении особенного внимания в русском мужике заслуживает одна характерная черта, только отмеченная Герценом.

«Крестьянин средней Италии так же мало похож на подавленную чернь, как русский мужик – на собственность. Нигде не видал я, кроме Италии и России, чтоб бытность и тяжелая работа так безнаказанно проходили по лицу человека, не исказив ничего в благородных и мужественных чертах. У таких народов есть затаенная мысль или, лучше сказать, не мысль, а *непочатая сила*, непонятная им самим, до поры, до времени, которая дает возможность переносить самые подавляющие несчастия, как крепостное состояние». (VI, 76).

Теперь, когда у порога русской жизни стоит более свирепый и беспощадный враг, чем печальной памяти крепостные помещики, когда домогается тиранической власти и господства идейный и уличный пролетариат, люди вчерашнего дня, люди мстительного и ожесточенного невежества, люди, в личном эгоизме потопившие совесть, люди преступления и насилия, люди крови и убийства, люди амнистии и безответственности, палачи по убеждению и профессии, насильники по инстинкту и влечению, – только вера в здоровый мужицкий ум и дает некоторую надежду на возможность спасения от конечной гибели. Безграмотный, бескровный и голодный мужик оказывается единственным носителем общественной правды, общественной устойчивости и действительно человеческой, а не скотской жизни. Если Герцен был прав, – а мы убеждены, что в данном случае он был прав, – если «благородные и мужественные черты» русского мужика, теперь не крепостного, проявятся во всей своей красоте и силе, все площадные и академические пролетарии превратятся в камень, как от лица Медузы.

«Сверх колоссального горизонта и неустановившейся атмосферы, вы забыли еще один элемент, – говорил Герцен в статье «Россия и Польша», – дающий огромную свободу мысли, а именно нашу привычку, тоже «от самых пеленок», вовсе не думать о политической независимости, о государственной самобытности. Мы не доказываем нашу народность, мы не боимся за нее, nous ne la faisons par valoir. Она такой незыблемый,

неопровергаемый, очевидный факт, что мы забыли ее, как дыхание, как биение сердца» (VI, 292).

Эти бы слова да Богу в уши: очередь за Миниными и Пожарскими.

XVII. Русские немцы

Но правда ли это? Ведь мы имеем дело с «темным и невежественным» народом, холопом и смердом от века, вьючным скотом, который не различает тьмы от света, зла от добра, который, как неуклюжая океанида, копается где-то в грязи, на прокорм и пропой интеллигенции. Ведь именно таково заветнейшее верование и убеждение нашей интеллигенции «с ее добросовестною верою в несбыточные вещи» (V, 198), которая «смотрит с отвращением стыдящегося родственника на народ» (VI, 256).

Наша интеллигенция в погоне за благом всего человечества, имела самые смутные представления о своей стране и, по суду мужика, вся поголовно перешла в «немцы».

«Вступив однажды в немцы, выйти из них очень трудно, как свидетельствует весь петербургский период. Какой-то нерв портится, какой-то угол отшибается и в силу этого теряется всякая возможность понимать что-нибудь русское, – по крайней мере, то русское, которое составляет народную особность.

Дело-то в том, что жизнь русскую, неустановившуюся, задержанную и искаженную, вообще трудно понимать без особенного сочувствия, но во сто раз труднее в *немецком переводе*, а мы ее только в нем и читаем. Она ускользает от чужих определений, а сама не достигла того устоявшегося полного сознания и отчета, которое является у старых народов вместе с сединою и печальным припевом: *si jeunesse savait, si vieillesse pouvait!*

Вместо статистических, юридических, исторических торных дорог, по которым мы ездим во все стороны на западе, у нас везде лес, проселки, дичь... Стремления, способности, огромный рост, в ужас приводящее молчание и какой-то народный быт, засыпанный мусором... Вот и все. Есть признаки, *приметы*, звуки, симпатии, по которым многое делается понятным для простого ума, т.е. не предупрежденного, для простого сердца, для кровной связи. Это чутье совершенно притупляется немецкой дрессировкой.

Кто не видал в свою жизнь истого городского жителя, как он теряется в поле, в лесу, в горах? Ни будочника, чтобы спросить дорогу, ни номеров, ни фонарей. А крестьянский мальчик попевает песни, щелкает орехи и преспокойно идет домой.

Той ясности, той легкости, к которой нас приучает чтение духовных завещаний, надгробных надписей, оконченным процессом, мы не находим и, обращаясь к хаосу русской жизни, ломаем и гнем непонятные факты в чужую меру». (VI, 258).

Герцен, конечно, не такой беспомощный турист, как наши интеллигенты под немца, которым без будочника чистый зарез. Но он все

еще видит хаос там, где крестьянский мальчик преспокойно идет домой. Он все еще чужой в этой местности, хотя лучше других находит дорогу.

«Европа после всех реформ и революций, остановилась на трудах трупов, по колена в крови перед страшным, неразрешимым сфинксом – поземельной собственности и пролетариата, капитала и работника. Ни французский дележ земли на атомы, ни паразитная жизнь английского фермерства – ничего не устраняют, ничего не предупреждают. Земли становится меньше и меньше, владелец губит пахаря, капитал работника – и хор пролетариев из мастерских, из фабрик, с полей, все сильнее и сильнее поет лионский припев: «свинец ила хлеб! смерть или работу»!

Говорят, что возле есть народ, у которого совсем другое отношение к поземельной собственности, у которого на деле существуют веками уцелевшие разные виды коммунистического владения землей – от ежегодного дележа полей между общинниками до полной собственности. Правда ли, нет ли, но согласитесь, что при настоящем положении экономического вопроса нельзя не исследовать такого важного факта. Изучение его может же дать столько же наблюдения, как микрометрические опыты фаланги и икарийцев?

Что же вы думаете? Обратились ли люди на эти факты, изучили их, опровергли, подтверждали? Нет. Они осмеяли тех, которые говорили». (VI, 222–223).

Социализм и коммунизм здесь, конечно, ни к чему. Это остатки идейного жупела. Внешнее сходство в отношениях к земле еще не сглаживает глубокой разницы в отношениях к ближнему. А в этом вся суть. Тем не менее Герцен глубоко прав, когда смеется над идейными педантами, которые боятся найти то, чего так ищут.

XVIII. Мы господские, а земля наша

«Представьте себе то удивление, которыми было поражено наше образованное меньшинство, когда оно, обращая с отчаянием взгляд свой среди этого кораблекрушения в эту темную ночь и не находя нигде ни совета, ни помощи, ни указания, ни маяка, увидело какой-то тусклый свет и этот свет мерцал от лучины, зажженной в избе русского мужика!

«...Этот дикий, этот пьяный, в бараньем тулупе, в лаптях, ограбленный, безграмотный, этот парий, которого лучшие из нас хотели из милосердия оболванить, а худшие продавали на своз и покупали по счету голов, этот немой, который в сто лет не вымолвил ни слова и теперь молчит, – будто он может что-нибудь внести в тот великий спор, в тот нерешенный вопрос, перед которым остановилась Европа, политическая экономия, экстраординарные и ординарные профессора и государственные люди?

В самом деле, что может он внести, кроме продымленного запаха черной избы и дегтя?

Вот подите тут и ищите справедливости в истории: мужик наш вносит не только запах дегтя, но еще какое-то допотопное понятие о *праве каждого работника на даровую землю*. Как нам нравится это? Положим, что еще можно допустить *право на работу*. Но – *право на землю*?

А пожду тем оно у нас, больше, чем право: оно факт. Оно больше, чем признано: оно существует. Крестьянин на нем стоит. Он его мерит десятинами и для него его право на землю следствие *рождения и работы*. Оно так же несомненно в народном сознании, так же логически вытекает из его понятия родины и необходимости существования возле отца, как право на *воздух*, приобретаемое дыханием, вслед за отделением от матери.

Право каждого на пожизненное обладание землею до того вросло в понятие народа русского, что, переживая личную свободу крестьянина, закабаленного в крепость, оно выразилось, по-видимому – бессмысленной поговоркой: *мы господские, а земля наша*». (VI, 283–284).

Тут, конечно, своя логика. Долго и про себя мужик таил одну заветную думу. Если бы он умел говорить по-нашему, он сказал бы, что господа – одна из разновидностей пролетариата, что они не прочно сидят на земле, что они со временем «пройдут», как проходят другие формы пролетарской притязательности и в сущности болезненного безволия. Оторвавшись от земли и работы, люди всегда не знают, чего хотеть, раскидываются на все стороны разом и рассеиваются, как пыль, когда уgomонится ветер. И теперь на земле ничего, кроме деревни, прочного нет.

«Сверх признания права каждого на землю, в народном быте нашем есть другое начало, необходимо пополняющее первое, без которого оно

никогда не имело бы своего полного развития. Это начало состоит в том, что земля на пользование которой каждый имеет право, с тем вместе никому не принадлежит *лично и потомственно*.

Далее, *право на землю и общинное владение* ею предполагают сильное *ми́рское устройство*, как родоначальную базу всего государственная здания, долженствующего развиваться на этих началах. Мировое управление уцелело под гнетом иностранного правительства и помещичьей власти – так, как в Мореке уцелели коммунальные и городские права под властью Османлисов. Этот характер мирского управления русских деревень поразил Гакстгаузена, потом разных американских путешественников и в том числе известного экономиста Кэри, который ныне сам говорил, возвратясь из России в нынешнем году, что «в мирском начале наших коммун лежит великая основа самоуправления».

Итак, элементы, вносимые русским крестьянским миром, элементы стародавние, но теперь приходящие к сознанию и встречающиеся с западным стремлением экономического переворота, состоят из трех начал, из:

1. *права каждого на землю,*
2. *общинного владения ею,*
3. *ми́рского управления.*

На этих началах и *только на них* может развиваться будущая Русь». (VI, 184–285).

Все элементы формулы русской общинности на лицо, но сама формула поставлена вверх ногами: следствия поставлены на месте причин, а причины на место следствий. Прежде всего, мирское самоуправление в той форме, в которой оно существует, возможно только на почве христианских понятий в их православном понимании. Только поэтому и возможно общинное владение ею, а отсюда и права на землю.

Община спасла русский народ от монгольского варварства, от выкрашенных по-европейски помещиков и от немецкой бюрократии. Общинная организация, хотя и сильно потрясенная, устояла против вмешательств власти; она благополучно дожила *до развития социализма в Европе*.

Это обстоятельство бесконечно важно для России». (V, 274).

«Народ русский все вынес, но спас общину. Община спасла народ русский. Уничтожая ее, вы отдаете его, связанного по рукам и ногам, помещику и полиции. И коснуться до нее в то время, когда Европа оплакивает свое раздробление полей и всеми силами стремится к какому-нибудь общинному устройству»! (V, 295–296).

«Скорость, с которою часть населения покорилась европейским обычаям, отрекшись от своих старых привычек, ясное доказательство того, что московское государство никогда не было полным выражением жизни народной и что существование его было только временное. Одни

крестьяне противодействовали, когда перемены касались их быта и, страдательно уклоняясь, не приняли преобразований Петра I. Они остались верным хранителем народности, основанной (по выражению Мишле) на *коммунизме*, т.е. на постоянном разделе полей по числу работающих и на отсутствии личного обладания землею». (V, 307–308).

XIX. Община и земля

Община и общинное владение землею – несомненный и, конечно, очень крупный факт в жизни русского народа. Это одна из внешних оболочек, которые прикрывают тайны русской народной психологии и поэтому будущей русской философии. Если он не ускользнул от внимания немца Гакстгаузена, заезжего туриста, то конечно, Герцену, когда он откладывал идейные телескопы и микроскопы, было гораздо ближе это характерное явление русской жизни. Но объяснить его он не мог. Его мысль дальше внешности и поверхности не проникала.

Правда, он бросал намеки, которые доказывают, что и ему известна тайна удивительная и для чужих непонятного строя жизни. Он говорит, что у мужика не только иные, чем на Западе, отношения к земле, но и иные отношения к ближним. На этой точке ему следовало бы остановиться. Не стоят ли те и другие отношены в взаимной, связи? – Не обуславливают ли они друг друга? А если так, то что ставить в первую голову – землю или ближних? Землю, – говорил Герцен. Ближних, – говорят славянофилы.

Здравый смысл и логика здесь, конечно, не на стороне Герцена. Отношения к земле в русской общине являются отношениями не к земле собственно, а к тем же ближним. Отношения к земле, как по теперешней пролетарской терминологии мертвому орудию производства, никакого нравственного начала в себе не заключают и заключать не могут. Они окрашиваются бытовою, моральною и духовною радугою только на почве отношений к ближним.

Это, можно было бы сказать, азбучная истина. Но плохо ученым и особенно идейным людям – она совершенно недоступна. Чем учение по современной научности человек, тем он простоватее, доверчивее, наивнее и тупее. Он верит книжке и претендует понимать только непонимаемое. Поэтому все простое и ясное для него совершенно не существует.

Следы идейной ограниченности замечены и на отношениях Герцена к общине. Иногда он бьет совсем не в тот колокол. Вместо трезвона иногда начинает бить в набат, возвещая пожар или мятеж, когда все просто, мирно и спокойно. Сюда относятся все его речи о социализме и коммунизме. Не на русской почве создались эти понятия и к русской почве никогда не подходили и не подойдут. В них совсем другая психология и именно поэтому они не применимы к русской жизни. Западный коммунизм на русской почве перестает быть коммунизмом. На западной почве он возник из начал эгоизма, утилитаризма, классовой борьбы, борьбы за существование, – из начал, которых нет в русской совести. Коммунизм и социализм носят признаки принуждения, насильственности, тирании.

Общинное землепользование смешно и бессмысленно вне общего добровольного соглашения.

Социалистическая коммуна имеет в виду землю, только как орудие производства, и во всем преследует только материальные цели. Русская община прежде всего и самым существенным образом институт моральный. Коммунистическая община – как всякая отвлеченная доктрина, как всякая идейная утопия – стоит вне времени и пространства, приобретает абсолютное значение, т.е. для каждого народа и каждой эпохи. Поэтому она неподвижна, неуклюжа, стесняет свободу совести и личности, т.е. попросту мертва уже в зародыше, как все мечты и грезы пролетариата.

Русская община зорко смотрит на давно и хорошо знакомую среду, видит каждую перемену в личностях и обстоятельствах, приспосаблиется ко всяким переменам, каждую минуту живет и творит, нуждается в догадке и вдохновении, находчивости и сметливости, нуждается в каждом уме и каждой способности. Решение общины – плод личных способностей и личной находчивости каждого отдельного члена, оформленный и сглаженный авторитетом общего согласия и одобрения. Эта автономная семья, с которой все до одного члены безусловно автономны в своих мнениях и решениях, но ради общего блага в детальности ближайшей и непосредственной добровольно подчиняются общему соглашению и приговору.

До такой общины и коммунизму, и коллективизму далеко. Это мертвецы с людных улиц Запада, где каждый живет для себя. На просторе полей сильнее и слышнее запах их разложения и гниения. В русской деревне он не ко двору: там несравненно выше, цельнее, справедливее и умнее строй общественной жизни. Ни коммунизму, ни социализму с христианством не совместимы. Это языческий режим поголовной сытости, по мнению сторонников, – полу-нищеты и полу-сытости на самом деле. Это начала стадной, почти скотской жизни, что бы ни болтали мечтатели и педанты. Русская община состоит из людей, из которых каждый имеет голос и право решения.

Н.М. Соколов

(Продолжение следует).

Правда о занятиях духовенства сельским хозяйством // «Миссионерское Обозрение», 1906, № 6, стр. 820–834

В повременной печати – светской и духовной нередко теперь встретишь рецепты по уврачеванию язв экономического быта приходского духовенства. По одному из таких рецептов, духовенству рекомендуется, между прочим, внимательнее отнестись к церковной земле и применением новых, лучших способов, обработки земли возможно полнее использовать этот источник причтового содержания. И вот, когда приходится читать и слышать благожелательные советы в этом роде, невольно раздумываешь о практической пригодности их, целесообразности и совместимости их выполнения с достоинством нашего пастырства, как апостольского служения. А на встречу думам встает ряд картин из будней жизни, в воспоминаниях мелькают знакомые образы, лица...

I.

В уездном городе ярмарка, главным образом конная и рогатого скота. Кругом шум, крик и гвалт невообразимые... Громкое ржанье лошадей, оглушительное мычанье коров, споры продавцов и покупателей и крепкая русская брань, божба и клятва цыган и кулаков и пр., и пр.

– Эй, духовный! отец духовный!... постой, остановись, сделай милость, – слышался плаксивый, умоляющий голос.

Мы с товарищем, будучи случайными гостями ярмарки, остановились оба, принявши плаксивую просьбу на счет одного кого-либо из нас. Недоразумение наше тотчас разъяснилось.

На плоскодонной, обыкновенной барышнической телеге с коновязями, запряженной хорошо выкормленной лошадью, без подстилки, без кучера, стоя на коленях, ехал кто-то из духовных, – но кто именно? трудно было угадать: псаломщик или диакон, – предположить же в нем священника нельзя было никак. Атлет по сложению, косая сажень в плечах, с серебристыми, сидящими космами волос, выбившимися из-под надвинутой на брови высокой шапки, – с кнутом за кушаком, перехватившим заплатанный в нескольких местах ватный подрясник, – ехавший духовный во многом напоминал Лесковского диакона Ахиллы Десницына. Следом за ним, запыхавшись, стараясь догнать, трусил мелкой рысцей, сидя верхом, оборванный, лохматый мужичонко. Лошадь сильно хромала на одну из передних ног и, видимо, выбивалась из сил, повинуюсь стегавшему ее седоку. Седок, не надеясь догнать «духовного», надрывающим душу криком просил его остановиться. «Духовный», наконец, внял мольбам, попридержал возжи и пустил лошадь вольным шагом, поджидая мужика.

– Отец духовный, яви Божескую милость, – вопит мужичок, – возьми молодь лошадку, которую ты мне продал. Отдай мне деньги и получи ее. Не попробовал я при покупке, как она бежит, поверил твоим словам, что лошадь во всем исправная, а она, вон, оказалась совсем хромою. Пожалей, кормилец, ради Истинного Бога, – ведь, последние кровный денежки отдал тебе, – ну, а работать, видишь сам, опять будет не на ком.

– Ну, брат, сама себя раба бьет, что не чисто жнет. Видел, что покупал, – и пользуйся. Мертвых с погоста, сам знаешь, не носят; – как-то особенно невозмутимо-равнодушно отвечал духовный и, стегнул кнутом лошадь, скоро исчез из глаз мужика и начинавшей собираться толпы праздничных любителей ярмарочных сцен.

Мужик завыл-заголосил. Одни из толпы находили положение обманутого мужика смешным и открыто издавались над его оплошностью. Другие – большинство – разразились целым потоком бранных слов по адресу уехавшего духовного.

– Захотел ты милости от кого ждатель?! – говорили они мужику. – Не знаешь же ты, брат, его. А он на ярмарках всегда и ищет таких покупателей, которые его не знают. Скорей камень треснет, чем он над тобой смиростивится, Любого барышника за пояс заткнет и нашего брата-мужика очень хорошо понимает. Купит себе лошаденку за полцены, проработает на ней лето, а потом, как ярмарка, «вдваторога» за нее же сдерет. Священник, ведь, – ну, как тут не поверишь его слову? А поверишь, вон оно что выходит. Потом сам же над тобой и издевается...

Мы посушили с товарищем поскорей убраться, дабы не слышать нового потока заочных «благопожеланий» самого пострадавшего и сочувствовавшей его горю толпы уехавшему священнику, его жене, его детям, матери и всему родству, и свойству.

– Ты не знаешь, – спрашиваю у товарища, – что это за священник?

– Удивительно, как ты его не знаешь, – было ответом на мой вопрос. – Это же один из крупных богатеев и хозяин, каких мало, – Н-ский священник. – И товарищ попутно сообщил столько любопытных сведений о хозяйственных способах быстрой наживы, практикуемых этим священником, что... «не леть есть глаголати».

II.

На большой, трактовой дороге, не далеко от села Н. расположился постоялый двор с обширными надворными постройками-кладовыми, амбарами и сараями. Содержателем постоялого двора состоит сын священника села Н., известного далеко в округе за «образцового», деятельного хозяина. В желании иметь надежного помощника в широко-организованном сельском хозяйстве священник решил, что первоначальной школьной грамотности и быстрого умения щелкать на торговых счетах вполне достаточно для тех занятий, к которым предназначался его сын. Наибольшее внимание было обращено на

развитие практических, хозяйственных способностей сына под непосредственным руководством отца. И сын оказался понятливым, толковым учеником, и скоро превзошел самые смелые ожидания отца. Церковной земли, в значительном, сверх обычной пропорции, количестве для совместной деятельности по сельскому хозяйству отца с сыном было уже мало. Воспользовавшись удобным случаем продажи смежной земли, отец с сыном прикупили десятин пятьдесят. Под опытным руководством отца и тщательным надзором сына, хозяйство шло успешно, давало большие барыши. Отец с сыном не знали, не переживали никаких сельскохозяйственных кризисов. Да и откуда им было взяться, когда большая часть сельскохозяйственных полевых работ исполнялась без затрат, бесплатными руками. Отец каждый год составлял список приходских женихов и невест и, по мере надобности, требовать их то на покос, то на жниво, то на молотьбу. Отказаться от этих требований значило бы потерять добрые отношения священника, – подвергнуть себя всякого рода неприятностям со стороны духовного отца и двойной цене за венчание. На работы к священнику шли так же многочисленные приходские должники. Одни из них в свое время оказались несостоятельными в платежах за требы и отбывали свой долг полевым трудом; другие одолжились у батюшки по весне, кто – восьминкою, кто – четвертью ржицы и теперь работали «за процент». И тем, и другим должникам так же тщательно и исправно велся список.

Обычная область сельского хозяйство-ведения скоро была уже тесна для отца и сына. С общего совета решено было поставить «дело» шире и испытать свои силы в промысловых сельскохозяйственных предприятиях. Первым опытом в этом роде было содержание сыном постоянного двора на большой дороге. Доказавши достаточно свои способности в руководстве делом сельского хозяйства, сын не менее блестяще обнаружил их к в качестве содержателя постоялого двора, главным образом – кабатчика. Случайные заезжие посягатели двора не могли надивиться искусству беспатентной торговли водкой и превращения после дней в воду. Сын затем занялся ссылкой конопли и в этом деле превзошел всех кулаков-мироедов – Колупаевых и Разуваевых. Отец устроил «маслобойню» и повел широко и не без выгоды торговлю маслом и жмыхами. И росло, и ширилось «дело» отца с сыном, и росли, и увеличивалась с каждым днем их оборотные и запасные капиталы... И славны они были по всей той округе, как опытные и искусные хозяева-практики...

III.

Но оставим такие случаи и обратимся к общим суждениям о совместности сельскохозяйственных занятий с достоинством нашего пастырства.

Наши благожелатели, умышленно или нет, всегда имеют в виду здесь одну лишь отрасль сельского хозяйства, именно – полеводство, оставляя почему-то в стороне все остальные, как: скотоводство, домоводство и различного рода сельскохозяйственную промышленность. В занятиях земледелием они не видят ничего зазорного для нашего сана и связанных с ним обязанностей, в подтверждение своего взгляда любят ссылаться на пример Спасителя, не гнушавшегося занятий плотничным ремеслом и скорбят лишь о том, что духовенство до сих пор придерживается ручных способов обработки земли, не хочет или не умеет перейти к рациональному, интенсивному землепользованию.

На наш взгляд отправной пункт подобных суждений не верен уже по одному тому, что тут нравственной оценке подвергается одна лишь отрасль сельского хозяйство-ведения. А между тем, заговоривши о полеводстве, нельзя уже молчать и о других отраслях, составляющих вместе с первым полный круг сельского хозяйство-ведения. Полеводство немыслимо без скотоводства, последнее – без купли-продажи; продукты полевого хозяйства также требуют сбыта. Сельское хозяйство для того, чтобы стать источником хорошего дохода, безусловно должно принять характер одного из видов обрабатывающей промышленности. А понимаемое в этом, единственно отвечающем действительности, смысле, оно, это сельское хозяйство, есть уже далеко не простая, невинная вещь, подобно плотничному ремеслу Спасителя, и вопрос, насколько желателен священник, опытный и дееспособный хозяин-практик, с точки зрения соответствия его занятий с лежащим на нем саном, явится уже в другом освещении. Из фактов, приведенных нами из действительности, ответ на него следует совершенно другой, нежели даваемый многими защитниками хозяйничанья клириков. И у русского священника, приложившего свой ум и сердце к широкой эксплуатации сельского хозяйства, часто практикуются те же нравственные принципы, что и у любого кулака-мироеда: «Своя рубашка к телу ближе», «Но обманешь, – не продашь», «От трудов праведных не наживешь палат каменных» и мн.т.п. ...

Но скажут: приводимые нами примеры исключительны. Пусть так. Но что скажут против следующих обычных явлений в с.-хозяйственной практике каждого священника. Наступает «рабочая пора», – когда для каждого хозяина время особенно дорого, – когда, по народному выражению, «день год кормит». Желая управиться с полевыми работами наемными руками и часто не отыскавши таких рук и за любую плату, вы отстаете с уборкой хлебов от других, – вы волнуетесь, беспокоитесь, как бы все предшествовавшие ваши труды и потраченные средства не пропали даром. Долго ли до беды? Ни оттуда, ни отсюда зайдет туча, пойдет дождь, а то и вовсе град и – пиши все пропало. После некоторого раздумья вы приходите к решению, находите исход, как наверстать потерянное время, не рискуя остаться в большом убытке. В следующий

же праздник или воскресный день вы заказываете матушке испечь пироги, распорядиться насчет съедобного угощения, – покупаете ведро, два водки и приглашаете прихожан «на помочи», «на толоку». Крестьяне охотно идут на эту приманку батюшки в праздничный, нерабочий день. «Утру глубокоу» того же дня вами наскоро, лишь «для очистки совести», совершается с пятого на десятое церковное богослужение, а затем вы вступаете в отправление обязанностей, ничего общего с вашим пастырством не имеющих. Вооружившись «четвертной бутылкой» и большим стаканом, начинаете «угощать» мужиков.

– Своему здоровью, батюшка! – слышатся предложения собравшейся толпы.

Вы отказываетесь под каким-нибудь предлогом, но мужики настаивают на своем, – им «лестно» выпить с батюшкой. И чувствуя себя в этот день рабом толпы и исполнителем ее капризов, вы осушаете первый стакан. Стакан затем начинает гулять по рукам и устам прихожан; устраивается, с благословения и примера священника, общественное пьянство. Попробуйте подвести итог в своих действиях и поступках этого дня. Прежде всего, вы нарушили, оскорбили покой и святость праздничного дня, пригласивши прихожан на работу, были невнимательны и нерадивы в отправлении церковного богослужения, причащались св. Таин без всякой мысли о величии таинства, ибо они, эти мысли, в тот день были заглушены в вас беспокойными думами, как бы поменьше израсходовать, побольше сделать работы и, наконец, своим благословением и примером произвели в своем приходе пьянство. Прислушайтесь к голосу своей пастырской совести, и она скажет вам, во что обошлось вам хозяйство в этот день.

Положим, что вы успешно управляетесь с полевыми работами, не прибегая к подобным способам управки. Но у вас вся церковная земля – полевая, сенокосной нет. Без сена, этого главнейшего кормового продукта для скота, вам не обойтись. И, вот вы в сенокосную пору обращаетесь к тем из прихожан, которые владеют большими сенокосными участками и просите их продать вам сколько-нибудь сена. Мужики, не долго думавши, решительно заявляют вам, что продажного сена у них нет, «а, вот, ежели за могорыч, то для твоей милости – с великим предовольствием. Приезжай уж, батюшка, к вечеру, привози ведерочки две водочки, а мы тут посоветуем промеж себя и отведем возков на пять, на шесть». И опять вы вечером едете на телеге, нагруженной четвертными бутылками, к мужикам на сенокос, поите их водкой и сами принимаете участие в их выпивке.

А, вот, вы, будучи рачительным хозяином, опытно убеждаетесь, что содержимые вами коровы простой породы мало дают молока и не особенно ценны в продаже. Нужно улучшить породу и в этих видах вы покупаете бычка-производителя семментальской породы. А чтобы с

возможно-большей пользой для себя эксплуатировать доходность, доставляемую бычком, вы входите в соглашение с крестьянами. Обрисовав все прелести семментальской породы, за условную цену деньгами или «натурой», отдаете крестьянам в стадо бычка «на нагул». И что же, говорят ли эти и под. факты за совместимость с.-хозяйственных занятий с священным достоинством нашего сана?...

IV.

Рекомендуя, далее, духовенству усердные занят сельским хозяйством, многие закрывают глаза и ничего не хотят знать о сложности посторонних обязанностей, не оставляющих прямо-таки времени для каких-либо хозяйственных занятий. Самые эти занятия почему-то ограничиваются тесным кругом лишь летних половых работ. На деле далеко не так. Там, где хозяйство ведется интенсивно (а лишь при таком только ведении оно в состоянии быть источником хорошего дохода), оно требует к себе усердного внимания, заботливых хлопот и работ во весь круглый год.

Весною вы пашете, засеваеете землю. Только что кончили занятия этого рода, – подошла сенокосная пора. Не успели управиться с сенокосом, – рож подошла, овес поспел и другие яровые посевы. Кончилась уборка хлеба с полей, началась молотья, производится посев озимых хлебов. Сентябрь уже на исходе, «осень на двор через прясло глядит», а вы еще не успели управиться с коноплею. А там еще ждут своей уборки различные корнеплоды, картофель, огородные овощи. Управились вы со всем в конце октября, подводите итоги с.-хозяйственному году. Определяете, сколько у вас хлеба на продажу, сколько оставить в запас на расход по хозяйству, – сколько конопли переработать в масло и оставить на семена. Направляете затем ваше внимание в сторону получения возможно большей выгоды при сбыте с.-хозяйственных продуктов, следите аккуратно за курсовой ценой на хлеб и пр., стараетесь воспользоваться благоприятным моментом повышения цен на хлебном рынке и т.п. Там, одна-две лошади оказались лишними на зиму, – опять заботы – сбыть возможно выгодней, тасканье по ярмаркам и продажа с практикой иной раз тех же приемов, которыми не гнушался и выведенный нами в начале статьи «духовный отец». Затем в своих хозяйственных планах решаете закормить одну пару свиней на продажу, другую себе на убой. Хозяйский глаз везде нужен: там отелилась корова, там лошадь принесла породистого жеребенка. Все требует внимания, бдительного надзора, тщательного хозяйского ухода и т.д., и т.д. ...

Нужно ли на это время? – Без сомнения, и не малое, а ровно-таки 365 дней в году. А исполнение пастырских обязанностей? Разве оно лежит вне времени и пространства?

Пастырские обязанности, говорят, несложны, и от исполнения их у священников остается много свободного, праздного времени, особенно в

период летних полевых работ, когда прихожане-крестьяне поголовно бывают заняты этими работами, реже посещают храм и нечасто требуют духовенство для отправления различных треб и молебнов по домам. Вообще, наши крестьяне приурочивают удовлетворение большинства своих религиозных потребностей к свободному для себя времени – осеннему, зимнему и отчасти весеннему. В наших местах период такого времени обнимает собою девять месяцев в году – с сентября по май. Посмотрим, чем занимается приходской священник в течение этого периода, при чем наперед спешим оговориться, что, при описании этих пастырских занятий, будем иметь в виду священника, сознательно и ревностно относящегося к своему пастырскому долгу.

За это время в нашем, напр., приходе священник с причтом ходит по домам прихожан с крестом в сентябре, совершает молебны по всему приходу с чтимой иконой в октябре перед святками ходит «с молитвой», на святых «христославит», на Крещение ходит «с водою», под Пасху «с молитвой», на Пасху служит молебны по всему приходу с иконами, после Пасхи совершаются частые крестные ходы для молебствования «на-зелени», по колодцам, над скотом и т.п. За это же время у нас бывает от 150 до 200 крестин, до 100 погребений и столько же случаев напутствований больных. За это же время бывает очень много церковных – воскресных, праздничных, заупокойных и великопостных богослужений. Это же время является наиболее удобным для пастырской проповеди с церковной кафедры, по обилию посещающих в храм прихожан. По тем же причинам то же время наиболее удобно для пастырских внебогослужебных собеседований преимущественно в воскресные и праздничные дни. Это же время посвящается усердной деятельности священника по законо-учительству в школах, иногда – в трех-четырех и редко – менее двух. В это же время приходское духовенство, у нас один священник, ведет весь круг церковного письмоводства: метрики и росписи в двух экземплярах, мировые – в 4-х, приходе-расходные, брачный журнал, обыск брачный, выписи по воинской повинности, летопись и пр. Тогда же духовенство должно наиболее усердно следить и за воспитанием собственных малолетних детей, не поступивших еще в духовно-учебные заведения...

Много ли же от исполнения этих занятий у усердного, ревностного к своему долгу священника насчитается за этот период времени праздных дней? – Решительно ни одного. Будний, короткий осенний и зимний день целиком уходят на занятия в школах, на письмоводство, домашние занятия с своими детьми и на отправление приходских треб. Праздничный и воскресный день – на церковное богослужение, пастырское учительство и совершение приходских богослужений и молитвословий. У сельского священника в этот период времени нет праздников, понимаемых в общем смысле дней, посвященных отдыху от трудов. А что и духовенство имеет

право на отдых, вопрос излишний, так как в отдых не отказывают даже и каторжникам. И не будет ли простою справедливостью отдать на сравнительно ограниченный по совершению церковных богослужений и треб отдых духовенству те три летних месяца в году, которые нам рекомендуют посвящать на интенсивные занятия сельским хозяйством? И не лучше ли, отложивши в сторону предлагаемые «специальные с.-хозяйственные журналы, газеты и брошюры», посоветовать тому же духовенству обновить и освежить запас своих духовных сил из источников, более соответствующих своим содержанием самому назначению духовенства, чем сведения по агрономии, культуре табака, корнеплодов и пр.?...

V.

Резюмируя все выше сказанное, нужно признать, что сельскохозяйственным занятиям и лежащие на нас пастырские обязанности взаимно исключают друг друга, что и засвидетельствовано еще 19 с лишком веков тому назад самим Пастыреначальником-Христом, когда Он прямо и категорически заявил: «Не можете Богу работать и мамоне». В священнике – рачительном и деятельном хозяине напрасный труд искать «доброго пастыря», бодрствующего на страже вечного спасения своей паствы и ревностного служителя Таин Божиих. Такой пастырь – только «наемник» и, расходуя постоянно и ежедневно весь запас своих духовных и физических сил на интенсивные занятия сельским хозяйством, на устройство своего жизненного благополучия, мало уделяет внимания своим чисто пастырским обязанностям. Послания часто забываются, игнорируются им и превращаются в холодное, формальное, чисто механическое отправление церковно-приходской «службы». Много было таких пастырей наемников в «доброе старое время» в среде старозаветного сельского духовенства, выросшего и воспитавшегося на почва правовых условий крепостного рабства и созданного им взгляда на священника, как на слепое орудие барской воли, барских капризов. Не мало, к сожалению, в среде рядового, сельского духовенства найдется и теперь – в наш холодный, позитивный век – таких пастырей-наемников, и тип священника – опытного дельца и практика-хозяина «с трезвым взглядом на жизнь», едва ли не преобладающий. Пастырская церковно-приходская деятельность их... О ней лучше бы не говорить. Она вся ушла в погоню за наживой, в эксплуатацию сельского хозяйства, в сколачивание капитала. Много ли теперь священников, «право правящих слово истины»? Церковное богослужение совершается сплошь и рядом кое-как, с пятого на десятое, с одним желанием лишь бы поскорее кончить скучную «службу» и отдаться с.-хозяйственным занятиям. «Служба на почтовых», – это термин, изобретенный духовенством. Требоисправление, совершение таинств превратилось в ремесло. Вы платите рубль за крестины, – вашему ребенку – хорошее имя и самый чин совершен с

некоторую внятностью и членораздельностью речи. А вы – 30 копеек? – Получайте Касьяна и довольствуйтесь ролью истукана, стоящего у купели и ничего, ровно-таки ничего не понимающего из того невнятного лепета, каким прочитываются все молитвы в чине Крещения.

А попробуйте обратить ваше внимание в сторону самой священнейшей обязанности – пастырского учительства, и самое большое, что вы услышите, – это первую, попавшую под руки печатную проповедь, читаемую с кафедры и с таким, заунывным, псалтирным речитативом, что едва ли потом в другой раз у вас явится охота слушать церковное поучение. Отсутствие личной инициативы, живого желания вникнуть в жизнь прихожан, горячим, убедительным словом согреть их сердца, осветить и расширить их темный и тесный кругозор религиозно-нравственных понятий, – отсутствие всего этого красной нитью проходит через всю пастырскую деятельность сельского хозяина-священника. Подобно богослужению и требоисправлению, церковная проповедь превратилась также в ремесло, исполняемое с тем большею халатностью, что за него не платят, не дают цены, не представляют к скуфьям и камилавкам. Для священника – усердного хозяина – в отправлении обязанностей пастырского учительства всякий аршин хорош, всякий шаблон удовлетворителен. Пишущему эти строки пришлось однажды в обществе ктитора и церковного сторожа прослушать терпеливо длиннейшее поучение Златоуста, прочитанное батюшкою на ц.-славянском языке псалтирным речитативом. А на любопытный вопрос – «для чего он читает подобные поучения?» – получишь не менее «любопытный» ответ, что так-де следует по чину, по положению и лучше Златоуста все равно ничего не выдумаешь».

От пастырского учительства попробуйте перенести свой взор на школьное законо-учительство батюшек – сельских хозяев. Попробуйте вы спросить их, когда они, удрученные заботами и хлопотами по хозяйству, успевают заниматься в школах, учить детей вере истинной, жизни нравственной, христианской? И если вы хорошо знакомы с этими батюшками, то на свой вопрос услышите прежде всего веселый, чистосердечный смех над вашею наивностью, а затем уже получите надлежащий ответ. «Наивны вы, – скажут, – милостивый государь, точно пятилетний ребенок. Мыслимо ли усердно заниматься этим делом, когда вас всего с головою захватило хозяйство, а этих самых школ в ином приходе штук до пяти найдется? В одной побудешь, в другую, третью, четвертую не дойдешь. Так уж мы решили равнять все одинаково и, сдавши дело целиком, на руки учителям и учительницам, сами заглядываем изредка и случайно, по пути, напр., к больному с тропой или, вот, когда иной раз удосужится приехать о. наблюдатель, с которым, – к слову сказать, – мы в больших ладах, – ну, тогда провожаем его лично из

одной школы в другую... И вое у нас шито-крыто, ни в чем ни сучка, ни задоринки"...

– Прекрасно, – соглашаетесь вы. – Ну, а как на счет воспитания своих собственных детей? На родительские-то обязанности вы уделяете достаточно времени?

– Ровно столько, сколько советует блаженной памяти поп Сильвестр, автор «Домостроя», для жизненного применения замечательного педагогического принципа: «Аще не имут меры кротости, то палкою – по кости"...

– Ну, а... – раскрываете вы рот для нового вопроса.

– Да позвольте, – нетерпеливо прерывают вас, – полно нам допытываться. Переменим разговор... Видали вы у меня семментальского бычка? Недавно купил и задешево пришелся, – по случаю. Не видали? Нет? Стоит посмотреть, – давно уж всем показываю. Прелесть что такое! Какой хобот, какие рога, – я вам скажу, – хвост, ну и все прочее. Посмотрите, сами убедитесь – красавец, хоть куда! Ну, а только ребенок еще совсем, всего только два года. Уходу за ним, хлопот, наблюдений еще много, пока до дела доведешь. Да, ведь, за то красавец-скотина, прямо залюбоваться можно. Хотелось бы еще теперь жеребца арденской породы достать. У вас так-то нет на примете?...

Сомкните ваши уста, идите смотреть и любоваться семментальским бычком, воспитание которого для хозяина составляет предмет несравненно больших забот и хлопот, чем воспитание собственных детей.

И вот обыденная жизнь нашего сельского духовенства. Это – того духовенства, которое именно, по словам В.М. Скворцова, «и должно составлять подлинную силу церкви» («Новый путь», – Записки р.-философ. собраний, – 1903 г., – январь); это – того духовенства, относительно нравственного значения и силы которого интеллигенция пришла к определенному выводу, «не признавая этой силы доброю» («Вынужденная самозащита», – О. Е. Ведомости, 1904 г.); это – того духовенства, наблюдая обыденную жизнь которого, один из просвещеннейших иерархов нашей церкви, епископ Порфирий, пришел к грустному убеждению, что оно, «обладая узким образованием и направлением душ в одну сторону, – к колокольням, не в состоянии руководить идейной, духовной жизнью общества и рекомендует ставить во священника «грамотных, честных и зажиточных поселян» («Церков. Вестник» 1904 г., № 13, – стр. 399–400); это – того духовенства, – скажем от себя, – которое, в погоне за выгодой, за приобретением, ушедши с головой в сельское хозяйство и другие источники содержат – исповедные, крестинные, свадебные, похоронные вознаграждения, давно уже отказалось от своего великого назначения «священника, на свещнице горящего» и назойливые, мучительные вопросы, волнующие каждую живую душу – о правде Божией на земле сознательно и спокойно

предоставило решать за себя новым самозванным отцам церкви вроде Л.Н. Толстого и т.п.

«Тогда, приступиша ко Иисусови иже от Иерусалима книжницы и фарисеи, глаголюще: почто ученицы Твои преступают предание старец? Он же отвещав, рече им: почто и вы преступаете заповедь Божию за предание ваше? » (Мф.15:1–3).

Я отсюда, из сельской глуши и затишья, вяжу удивленные взоры, слышу недоуменные вопросы: «Кто сей резкий, предерзостный обличитель-священник? Зачем он отступает от «освященных» временем традиций?

Он же, отвещав, рече им: почто и вы преступаете заповедь Божию за предание ваше? Все бо явленное свет есть"... (Еф.5:13).

Пора признать, что «незаменимая и благодарная задача деятельности лиц нашего сословия может быть одна и только лишь одна, находящая себе достаточное определение в названии именно этого сословия в отличие от других «духовным». И не тонеры, не проводники научных сведений по части агрономии, о которых с положительностью нельзя сказать – вышли ли они из семинарии или из с.-хозяйственного института, представят собою «разумную силу в народе», – а те самоотверженные апостолы правды Божией на земле, которые только что начинали обрисовываться, выделяться из густого тумана вековых сословных традиций, выросших и созревших на почве грубого материализма и служения личной выгоде. Не к жатве, выращенной усовершенствованными способами земледелия и минеральным удобрением, должно прилагать свое старательное усердие духовенство; а к той, единственно важной и священной для него «жатве», о которой еще Спаситель говорил, что ее, этой «жатвы», много, а делателей мало. Пора идти в мир, в народ, на апостольское служение. Пора «благовестити нищим, исцелити сокрушенные сердцем, проповедати плененным отпущение и слепым прозрение, отпустить сокрушенные во отраду, проповедати лето Господне приятно» (Лк.4:18–19)...

Священник Семен Попов

Прим. Ред. В искренней статье о. Попова несомненно много реальной правды, но в то же время нельзя не отметить сгущения красок в его мастерских «картинках с натуры» и односторонности в его суждениях по данному вопросу, которых редакция не может вполне разделять.

Миссионерский отдел

Централизация миссии // «Миссионерское Обозрение», 1906, № 6, стр. 835–838

В VI-м Отделе Предсоборного Присутствия, как известно, были сосредоточены все дела относительно нашей внутренней миссии. В числе этих дел находился и вопрос об устройстве миссии. Для детальной разработки этого вопроса была избрана особая комиссия под председательством проф. Н.И. Ивановского и из членов-миссионеров: Харьковского, Херсонского и Самарского. Комиссия признала, что в епархиях миссионерское дело по-прежнему должно нестись народом или паствою, приходскими пастырями и специальными миссионерами. Но, по мнению комиссии, борьба с расколом и сектами не должна ограничиваться *епархиальной организацией*. Раскольники, а тем более сектанты представляют собою силу сплоченную и организованную. Они действуют в пределах России по определенному плану, все части которого выработаны ими сообща и приводятся в исполнение под взаимным контролем и наблюдением центра. Посему, в целях более успешной борьбы с расколо-сектантством необходимо хорошо ознакомиться с повсеместною его деятельностью, обсудить таковую, и затем уже вырабатывать меры к ее ослаблению и даже прекращению. Всего этого и можно достигнуть только путем взаимных совещаний или съездов деятелей епархиальных миссий. Подобные съезды необходимы еще и по другим соображениям. Необходимо: а) прийти деятелям миссии друг к другу с поддержкою в деле возможно лучшего устройства и направления в епархиях миссии, б) водворить в действиях миссионерских лиц и учреждений (как-то: братств, комитетов, советов и т.п.) разных епархий полезное для дела миссии единство, в) предупредить и сгладить те мероприятия, которые являются или нецелесообразными, или бесплодными, или даже вредными для миссии, что особенно случается в местах, где впервые появляется раскол или сектантство и где миссионер и миссионерские учреждения только выступают на миссионерское поприще, г) подробно ознакомиться с расколо-сектантством, которое, как живой организм, дарит нас все новыми и новыми явлениями, д) проверить пригодность ранее принятых мер и выработать новые, соответственно назревшим новым нуждам миссии, е) совместно выяснить литературные нужды миссии, а также разрешить вопросы миссионерской полемики и методики, ж) совместно обсудить дело школьной миссии, з) выяснить материальные нужды миссии и и) вообще, при свете полной картины расколо-сектантства, разработать все вопросы практической и литературной миссии. Нечего уже говорить о том высоком духовном подкреплении, которое деятели миссии всегда получают на подобных

съездах и которое вдохновит их на еще более идейное служение святому делу миссии.

Самое устройство означенных съездов может быть представлено, по мнению комиссии, в следующих чертах: съезды разделяются на областные или окружные и всероссийские. Окружные съезды происходят ежегодно. В состав их входят деятели миссии и представители церковно-общественных миссионерских учреждений братств, обществ и других из епархий, наиболее тесно связанных между собою общностью миссионерских нужд. С этой целью русская церковь делится на миссионерские округа, которые могут совпадать с проектируемыми митрополичьими округами. Всероссийские съезды устраиваются по просьбе не менее, как двух окружных съездов. Время и место тех и других съездов определяется Всероссийским Миссионерским Советом, для участия в заседаниях которого, при обсуждении в нем важнейших миссионерских мероприятий, окружные съезды намечают ежегодно из своей среды трех лиц.

Таким образом, окружные и всероссийские съезды миссионеров и представителей миссионерских церковно-общественных организаций, действующих в епархиях, явятся необходимым средоточием или центром миссионерской жизни русской церкви. Сюда должно стекаться все, касающееся миссионерского дела в епархиях, и отсюда должны исходить все мероприятия относительно миссии. Постановления съездов чрез их председателей – местных епископов, направляются во всероссийский Миссионерский Совет, которым незамедлительно вносятся на утверждение высшей церковной власти.

При таком строе миссии, *правлящим* миссионерским центром в епархии остается епархиальный архиерей, а во всей русской церкви высшая церковная власть, т.е. в настоящее время Св. Синод.

Но, если высшая церковная власть и впредь должна оставаться единственным правящим центром всероссийской внутренней миссии, что не подлежит никакому сомнению, то важность и сложность дел противораскольнической, противосектантской и противинославной миссии настоятельно требуют, чтобы означенная власть имела при себе Всероссийский Миссионерский Совет, в котором сосредоточивались бы все сведения о положении миссионерского дела в России, о состоянии раскола, сект и инославия и их пропаганде, и чрез который она издавала бы руководящие и другого рода распоряжения по делам внутренней миссии.

Деятельность этого Совета, по мнению комиссии, коротко может быть выражена в следующих правилах:

§ 1. Всероссийский Миссионерский Совет учреждается при высшей церковной власти, в настоящее время при Св. Синоде, в качестве ближайшего совещательного и исполнительного органа ее по делам

всероссийской внутренней миссии: противораскольнической, противосектантской и противинославной.

§ 2. Совет состоит из председателя и членов. Председатель назначается высшим церковным управлением из епископов – постоянных членов этого управления. Члены разделяются на постоянных и временных. Первые назначаются в потребном количестве высшею церковною властью из хорошо знающих дело миссии лиц, а вторые вызываются на срок Советом из числа лиц, указанных окружными миссионерскими съездами, а также и из других деятелей миссии.

§ 3. В Совете сосредоточиваются для высшей церковной власти все сведения о состоянии миссий в епархиях, о деятельности миссионерских лиц и учреждений (как-то: братств и др. ...), о положении и пропаганде раскола, сект и инославия и т.п. ... и чрез Совет высшая церковная власть осуществляет все свои мероприятия и распоряжения по делам миссии.

§ 4. Совет вносит на утверждение высшей церковной власти представления епархиальных епископов о назначении и увольнении епархиальных миссионеров, а также ходатайства об открытии окружных и всероссийских миссионерских съездов.

§ 5. В Совете сосредоточиваются суммы, отпускаемые высшею церковною властью на нужды внутренней миссии, и он же изыскивает способы к увеличению этих сумм.

§ 6. Совет сносится по делам миссии чрез подлежащих архиереев со всеми церковно-общественными учреждениями в России: братствами, обществами и т.п., приглашает в свои заседания указанных этими учреждениями лиц с правом полного голоса.

§ 7. Совет пред открытием окружных и всероссийских миссионерских съездов, а также и в другое время приглашает в свои заседания с правом решающего голоса для обсуждения назревших миссионерских вопросов специальных миссионеров и лиц из числа тех, которые намечены для этой цели окружными съездами.

§ 8. Совет заботится о развитии миссионерской литературы: книг, брошюр, листов и проч.

§ 9. По вопросам, касающимся миссионерского дела в епархиях, Совет сносится с епархиальными архиереями.

§ 10. Все журнальные определения Совета проводятся им в исполнение только по утверждении их высшею церковною властью.

§ 11. Более подробно деятельность Совета определяется высшим церковным управлением.

При таком строе высшего миссионерского центра, получится полное взаимодействие церковных и общественных сил, работающих на миссионерской ниве, и высшая церковная власть явится вполне осведомленной в миссионерских делах. К этому и должно стремиться

особенно в столь тревожное для Православной Церкви время, как наше, когда предоставлен широкий простор всякой пропаганде.

И. Мариупольский

По сектоведению

Распределение сект по религиям // «Миссионерское Обозрение», 1906, № 6, стр. 839–847

(Доклад VI отделу предсоборного присутствия)

Новое государственное законодательство по делам веры, – разумею новое Уголовное Уложение 22 марта 1903 года в том его виде, как оно редактировано Высочайше утвержденным 14 марта 1906 года мнением Государственного Совета, а также и Высочайший указ 17 апреля 1905 г. о веротерпимости, покоится на внеконфессиональном принципе. В нем государство объявило себя институтом чисто-правовым, или юридическим. Со скрижалями государственного кодекса предположено постепенно вычеркнуть весь вероисповедной элемент. В настоящее время государство прошло только половину того безрелигиозного пути. Внеконфессионализм еще не проведен им полностью в действующий закон. Исключение, в смысле приложения ограничительных и карательных законов, оставлено для последователей изуверных учений, как «несовместимых с основами разумной и нравственной жизни государства», и для религий нехристианских, по причине «глубокого сознания истинности высоких начал, лежащих в основе веры Христовой».

Таким образом, государство в наше время перешло на *общехристианскую* почву, не сделав существенного различия между христианскими исповеданиями, в том числе «старообрядческими согласиями» и рационалистическими, и мистическими сектами, за исключением, конечно, изуверных. Уравнять же с христианством религии нехристианские государство сразу не решилось, хотя этого и требует от него объявленный им же вероисповедной принцип.

Вследствие такого отношения к нехристианским религиям, государство новыми законами расширило права преимущественно христианских исповеданий, в том числе христианских сект и «старообрядческих согласий». Так, например, оно уравняло в правах «старообрядцев» и сектантов с лицами инославных исповеданий в отношении заключения ими с православными смешанных браков; лицам всех христианских исповеданий, в том числе «старообрядцам» и сектантам, разрешило крестить по обрядам своей веры и воспитывать в той же вере взятых ими на свое попечение некрещенных подкидышей и вообще детей неизвестных родителей.

Все, эти и им подобные права, предоставленные действующим христианским исповеданиям, в том числе «старообрядческим согласиям» и рационалистическим и мистическим сектам, побуждает нас теперь же разрешить выдвинутый новым вероисповедным законодательством весьма важный вопрос: *все ли секты, составившиеся из отпавших от Православной Церкви лиц, должны признаваться сектами*

христианскими, или же некоторые из них должны быть причислены к нехристианским религиозным общинам.

Неотложное решение этого вопроса требуется еще и тем соображением, что много чисто-церковных вопросов, касающихся иномыслящих, разрешаются в зависимости от принадлежности последних к христианским религиям. Таков, например, вопрос о молитве за умерших лиц инославных исповеданий и другие.

Основные положения, по которым та или другая секта должна быть признана нехристианской, – это, по нашему мнению: во-1-х, возникновение, выделение и дальнейшее развитие секты на почве, или точнее из недр нехристианских религий: магометанской, еврейской, языческой и других; во-2-х, возникновение и выделение секты хотя и из христианских исповеданий или учения, но с тем, однако, что в своем дальнейшем развитии эта секта окончательно порывает связь с христианством и усваивает в том или другом виде учение и мораль нехристианских религий и сект; в-3-х, возникновение и выделение секты хотя и из христианства, но с тем, что в дальнейшем своем развитии эта секта привносит в христианское учение языческие и вообще нехристианские религиозные воззрения, или же собственный вымысел, так, что нередко от всего христианства у нее остаются одни только христианские имена с новым нехристианским содержанием; в-4-х, отрицание сектою двух главных догматов христианства, благодаря которым последнее является божественною религией, а не человеческим учением, – это догматы о Божестве Иисуса Христа, или единократном воплощении Его от Святого Духа и Девы Марии и догмата об искуплении Христом грехов всего мира; в-5-х, отрицание сектою обоих божественных источников христианского вероучения: Священного Предания и Священного Писания, и, в-6-х, наконец, отрицание сектою или общиною вообще всякого божественного элемента в своем учении, как и верования в личное бессмертие или загробную жизнь человека. Нехристианство последней категории сект или общин является в своем существе атеизмом, хотя бы секта или община и имела какой-либо культ, даже связанный с личностью или, точнее, с именем Иисуса Христа.

Сверх изложенных оснований, в деле причисления той или другой секты к нехристианским религиозным общинам. Православная Церковь может руководствоваться и церковными канонами: 7-м правилом II Вселен. Собора и 25-м прав. VI Вселен. Собора. В приведенных правилах еретики, наиболее сильно искажившие учение Христа, как то: евномиане, монтанисты, савеллиане, манихеи, валентиниане, маркиониты и им подобные, приравниваются к язычникам. Кто из этих еретиков пожелал бы присоединиться к православию, того принимали, как язычника. Таковых, пишут отцы II-го и VI-го Вселенских Соборов, «в первый день делаем христианами, во второй оглашенными, потом в третий заклиняем их, с

троекратным дуновением в лице и во уши: и тако оглашаем их, и заставляем пребывати в церкви, и слушати писания, и тогда уже крещаем их».

Приняв во внимание изложенные выше основные положения и церковные каноны, которыми, по нашему мнению, надо руководствоваться при распределении сект по религиям, мы признаем необходимым, в интересах Православной Церкви и в виду современного направления государственной веротерпимости, перечислить в разряд *нехристианских* религиозных обществ некоторые из сект, составившихся у нас из отпавших в разное время от Православной Церкви лиц, – это секты: *жидовствующих, духоборцев, иеговистов, хлыстов, и скопцов*, со всеми подразделениями означенных сект на многочисленные толки.

Понятно, что к тому же числу нехристианских религиозных общин должны быть отнесены и все другие секты, учение которых подходит под одно из вышеприведенных нами *основных положений*, или же которые приравняются Церковью к нехристианским обществам *«ради назидания многих»*, как о том читаем в 1-м правиле св. Василия Великого и чему примеры мы видели в 7-м прав. II-го Вселен. Собора и в 95-м прав. VI-го Всел. Собора.

Секта жидовствующих, о которой мы упомянули, в настоящее время гнездится, главным образом, в епархиях: Ставропольской, Астраханской, Оренбургской, Тамбовской и других. Она разделяется на три сравнительно больших толка: талмудистов или шапошников, староиудеев или бесшапошников и караимов. Эти толки разнятся между собою тем, что шапошники во всем подражают коренным евреям – талмудистам; бесшапошники отвергают Талмуд и обосновываются на книгах Св. Писания Ветхого Завета, а караимы пользуются только Пятикнижием Моисея. Все вообще жидовствующие пересаживают в русскую народность вероучение, мораль, надежды и чаяния коренных евреев. Свою судьбу они сливают с судьбой евреев и вместе с ними признают себя рассеянными по лику земли и пленниками русского царя. На православных они усвоили взгляд от евреев и считают их человеко-обожателями. Троичности Лиц в Боге жидовствующие не признают. Иисус Христос, по их мнению, – это простой человек, сын Иосифа и Марии, распятый за богохульство и противление кесарю. На своих религиозных собраниях жидовствующие, из которых талмудисты одеты в традиционные еврейские «талисы», возносят горячие молитвы о собрании их в Палестине, о воссоздании Иерусалима и храма, о наступлении в обетованной земле вечного царства их с царем – Мессией во главе, когда они будут владеть всеми народами. Впрочем, некоторые смотрят на Мессию, как на великого философа – моралиста, царство Которого будет торжеством разума и правды на земле. Другие вовсе не ожидают Мессию. Празднование субботы, обрезание и другие еврейские обряды и

установления соблюдаются жидовствующими строго с тою только разницею, что у талмудистов эта обрядность сложнее, у бесшапошников она черпается только из ветхозаветной Библии, а у караимов из Пятикнижия Моисея.

На основании изложенного секта жидовствующих, хотя и выделилась из недр христианской Церкви, но, как перешедшая на еврейскую почву и усвоившая вероучение и мораль евреев, должна быть признана сектою *нехристианскою*.

Секта иеговистов в лице своего основателя, отставного капитана Николая Ильина, и его последователей отвергла все христианские догматы. Так, она не только отринула троичность Лиц в Боге, воплощение Иисуса Христа и Его искупительную смерть, но и не признала духовности существа Божия. Боги, по учению иеговистов, – это люди же, только бессмертные и просвещенные таинствами природы, музыкою и разными языками. Бог Отец есть «простой человек. Он говорил лицом к лицу с нашими предками, ходил, ел и пил с ними и даже боролся с Яковом, имел не только все члены человеческого тела, но и душу. Имя Его Егова, что значит наимудрейший мудрец из всех мудрецов». Иисус Христос, Мессия – тот же Егова, человекобог, только распятый. «Открытие величайшей истины Божией для всех людей в том, что под именем Иисуса Христа был распят тот же самый Бог – еврей, который обедал у Авраама, ходил и стоял с ним у Содома» и т.д. ... Отсюда у иеговистов полное отрицание Бога, как Творца и Промыслителя мира. «Неопровержимо доказано, учит Ильин, что таким бесчисленным множеством солнцев, планет и комет, вращающихся на расстоянии квадратионов, окталионов, биллионов верстных миль не может владеть одно такое существо, которое, подобно человеку, ограничено в два аршина семь вершков, как Бог, – еврей, Егова или Бог Авраамов, а тем более Он не мог создать их не только в шесть дней, но даже и в 6.666.666 окталионов тысячелетий». Свое учение о происхождении мира иеговисты черпают у материалистов. За отрицанием христианских догматов у иеговистов идет кощунственное отрицание православной и вообще христианской Церкви, церковной иерархии, таинств и обрядов. Из источников христианского вероучения иеговисты признают только ветхозаветное Св. Писание и Апокалипсис, кощунствуя нередко над Св. Евангелием и посланиями Апостолов. Они же далее учат о необходимости соблюдать Моисеев Закон и сами празднуют субботу, обрезаются, не едят свинины и т.п. ... Соблюдение Моисеева закона приводит их к отрицанию всего христианства. Конечные чаяния иеговистов – это тысячелетнее чувственное царство Иисуса – Мессии на земле, в Иерусалиме на горе Сионе, с блаженством в нем только «иеговистов». Задавшись целью объединить все человечество одною религией, – это «религией бессмертия» или «любви», иеговисты отвергли все религии. На место их они поставили свой воинственный бред, представляют собою

смесь иудейства с материализмом и собственной их фантазией. В этом, по выражению Ильина, «новозаветном иудействе» только изредка попадают христианские имена, без соответственного им в христианстве смысла. Таким образом, секта иеговистов, хотя и выделилась из христианства, но вскоре перешла на почву отчасти иудейства, отчасти материализма и собственного вымысла, в духе учения хилиазма и друг., совершенно порвав связь с христианством. От последнего она удержала несколько христианских имен соединив с ними свой смысл.

На этом основании секта иеговистов или «новозаветного иудейства» должна быть признана сектою нехристианскою.

Секта духоборцев коренным образом извратила христианское учение о Боге вообще и, в частности, о троичности Лиц в Нем. Бог, по учению духоборцев, не есть самостоятельное, внемірное и личное Существо. Он неотделим от духоборческого рода и видимого міра. Божественная Троица – это не три отдельных Лица, а три различных действия, проявления или видоизменения одного и того же существа. В человеке: Бог Отец – это память. Бог Сын – разум, Бог Дух Святой – воля. В природе: Отец свет, Сын – живот, Дух Святой – покой. Иисус Христос, таким образом, не есть второе лицо Св. Троицы, а только божественный разум, который переселяется с древних времен из одних избранных в других. Так он переселился в простого человека Иисуса, а, по смерти и истлении Иисуса, перешел чрез Апостолов, и их преемников в духоборческий род, где и пребывает, постоянно рождаясь в духоборцах, особенно в основателе и дальнейших руководителях духоборчества. Посему-то последние и называют себя Сынами Божиими, Христами и требуют себе божеского поклонения. Так что духоборцы поклоняются "живому" Христу. Отсюда у них учение, что воплощение и смерть Христа не были жертвою для искупления грехов міра, а только наглядным выражением того, что происходит в душе каждого духоборца, совершающего свое спасение. В учении о человеке духоборцы повторяют воззрения дуалистического пантеизма. Душа человека, по их мнению, существовала до сотворения видимого міра и тогда же пала. В наказание за грех она заключена в тело. По смерти тела человека, души добрых людей переселяются в тела других людей, а злых – в животных. Отсюда мораль у духоборцев строго запечатлена взглядом на тело человека и на весь внешней мір, как на темницу и узы души. Строгое воздержание в брачной жизни, неядение мяса, нелюбовь к разным благам материальной культуры и т.д., – вот характерные черты внешнего быта духоборцев. Евангельского учения о воскресении мертвых, будущей жизни и мздовоздаянии духоборцы не признают. Все свое учение они черпают не из Библии, которую почти совсем отменяют, а из собственного разума, озаряемого, по их словам, божественным разумом, обитающие внутри каждого духоборца. Другим источником учения у духоборцев является предание их отцов, именуемое

«Животную Книгою» и состоящее из разных псалмов. Выходя из мысли о непосредственном общении человека с Богом, чрез что каждый духоборец есть Сын Божий, духоборцы отвергают *видимую* Церковь, с ее иерархией, таинствами и обрядами. «Наша церковь, учат они, построена в душах, в сердцах человеческих». Члены этой церкви рассеяны повсюду и принадлежат к различным религиозным обществам. Кроме явных духоборцев, в состав невидимой Церкви входят много потаенных, которые, хотя и не знают Христа, но стремятся к добру. Потаенные духоборцы есть и среди язычников, и среди магометан, и среди евреев.

Если теперь, как мы видели, секта духоборцев, извратила в корне все христианское учение привнесением в него дуалистически-пантеистических воззрений и собственного вымысла; если она отвергла самые источники христианского учения, заменив их своими; если она обожествила человека; отвергла к Богу самостоятельную и всякую вообще личность, а также все божественное домостроительство о спасении человека и всего мира, как и всю христианскую эсхатологию; словом, если она от всего христианства сохранила только несколько имен с чуждым христианству содержанием, то она никоим образом не может считаться сектою христианскою, а должна быть признана *нехристианским* религиозным обществом.

Секта хлыстов, известная у нас еще под множеством других названий, полностью отринула все христианское учение, скрыв у себя под христианским обликом пантеистические и дуалистически-мистические начала языческих религий востока и нашего финско-славянского кудесничества, а также отчасти воззрения древних ересей, возникших в Церкви Христовой. Так, учение хлыстов о Боге, кроме употребления ими имен: Саваоф, Христос и др., не имеет в себе ничего христианского. Бог у хлыстов, хотя и существует вне мира, но известен им только по Своим многократным воплощениям в избранных хлыстах. Последние, при воплощении и в них Бога, перестают быть простыми людьми и становятся «богами». Получается обожествление человека, или человекообожание. Троичности Лиц в Боге хлысты не признают. Первые два Лица Св. Троицы у них в учении о воплощении совершенно сливаются и отождествляются, разнясь между собою только в названиях. Дух Святой также является только особою духовною силою Бога Отца, обитающею на седьмом небе, откуда эта сила по молитве хлыстов «накатывает» на них и проявляет себя чрез них в пророчествах, нечленораздельных звуках и разных телодвижениях. Воплощение Христа и людей происходит двояко: или чрез естественное рождение от хлыста – Христа и его жены – Богородицы младенца «христосика», или же чрез особые подвиги хлыста, как-то: усиленную молитву, пост и т.п. В одно и то же время может быть много Христов. Евангельского Иисуса Христа, как второго Лица Св. Троицы, воплотившегося от Духа Святого и Девы Марии, Своею смертью

искупившего грехи всего мира и основавшего на земле Свою церковь, хлысты не признают. У них Иисус – это сын Иосифа и Марии, простой человек, но только воплотивший или вместивший в себя Христа, как вмещают Его и избранные хлысты. Посему закон Христа, данный чрез Иисуса, имел цену только для современников Иисуса, как и откровение Христа чрез хлыстов имеет значение только для современников этих хлыстов. Такое откровение Христа в хлыстовском обществе никогда не прекращается. Отсюда понятно, что и к источникам христианского учения – к Св. Писанию и Св. Преданию хлысты относятся отрицательно, признавая за ними значение только для времени Иисуса. На место их они ставят заповеди своих «живых» христов и пророков. Из учения об Иисусе Христе у хлыстов вытекает и отрицательное отношение к основанной Им видимой новозаветной Церкви. Эта Церковь, по их мнению, плотская, душевная, потребная только для людей, не познавших истины. У познавших истину есть другая Церковь, духовная, обладающая всеми чрезвычайными дарами Св. Духа: даром языков, пророчества и др. ... Выходя из чисто-дуалистических воззрений на материю, хлысты признают в человеке тело злым началом, а дух добрым. Злое начало подлежит умерщвлению или погашению, а доброе возгреванию. Посему они отрицают брак и деторождение, как скверну; изнуряют тело особыми «радениями», иногда завершаемыми «свальным грехом»; не едят мяса и т.д. По той же причине* они отрицают воскресение тела. Тело – это темница души. Душа существовала до сотворения видимого мира и за содеянный грех заключена в тело. По смерти тела, душа хлыста переселяется в сообщество ангелов, а нехлыста входит в животного, где очищается и снова вселяется в тело человека, пока последний не станет хлыстом.

С сектою хлыстов почти вполне тождественна другая секта *скопцов*, выделившаяся из хлыстовства по мотивам нравственного свойства и доведшая или завершившая умерщвление тела известным изуверством над ним.

Из сказанного нами достаточно ясно, что под христианскими именами у хлыстов и у скопцов скрывается совершенно чуждое христианству религиозно-нравственное учение, которое представляет собою смесь пантеистических и дуалистически-мистических начал языческих религий востока с финско-славянским кудесничеством и отчасти носит в себе следы богомильских и монтанских религиозных воззрений. На этом основании секты хлыстов и скопцов должны быть отнесены к нехристианским религиозным обществам.

На перечисленные нами секты, а равно и на те, которые по своему учению подходят под выше изложенные нами положения, и должны быть распространены все те церковные и гражданские постановления, какие существуют у нас относительно нехристианских религий.

И. Айвазов

По расколоведению

Нужна ли специальная миссия против раскольников и сектантов³²³? // «Миссионерское Обозрение», 1906, № 6, стр. 848–853

Горестную картину представляет вам старообрядчество и сектантство во всех своих видах и во всех частнейших подразделениях. Но она, несомненно, была еще бы горестнее, если бы власти духовные и гражданские не употребляли разного рода мер к пресечению, врачеванию и искоренению этого зла. Меры эти, начатые с самого начала появления раскола, продолжались непрерывно, но соответственно духу времени изменялись и разнообразились.

Власть гражданская, со всею строгостью выступившая в первое время появления раскола, против отступников от церкви православной, постепенно делалась уступчивее и снисходительнее, пока, наконец, государственным актом величавшей важности, 17 апреля 1905 года, не объявила полной веротерпимости, предоставив каждому в делах веры следовать внутреннему влечению своего сердца. Отныне, таким образом, все заботы по ограждению чад церкви православной исключительно падают на рамена духовных вождей св. Церкви, архипастырей и пастырей, делая их ответственными пред Богом и людьми за успех или неудачу этого дела. Нет сомнения, что враждующие против Церкви православной, действовавшие до сего времени более или менее тайно, отныне явно и открыто будут стремиться к тому, чтобы привлечь последователей православия на свою сторону, будут назойливо навязывать разного рода измышленные сектантские и старообрядческие лжеучения и через то смущать нетвердых в православной вере. Следовательно, теперь каждый, кому дорого учение Христа, заветы и уставы св. церкви, не щадя сил, должен выступить на духовную защиту св. церкви, должен всемирно стремиться поддерживать колеблющихся в православии и споспешествовать отражению разного рода нападок на дорогую нам св. веру православную. Но такой взгляд ныне далеко разделяется не всеми; часто приходится слышать, что наступил конец проповеди к иномыслящим: «пусть, кто как желает, так и верует, теперь не нужны никакие специальные проповедники-миссионеры для борьбы с сектами и расколом; миссия – прямой долг приходского священника. Дать посильный ответ на представляемые возражения и составляет нашу задачу.

Миссия – прямой долг приходского священника – положение бесспорное. Главное орудие в распоряжении доброго пастыря, для воздействия на пасомых, всегда было и есть учительное слово. Пастырь душ, подобно кормчему, обязан руководить кораблем духовным так, чтобы

обретающиеся в нем не претерпели треволнений и не утонули в волнах бурного житейского моря.

Как велико и ответственно это служение! Какие вообще великие заботы, труды и тяжелые обязанности предлежат пастырям для достойного служения их Богу и своей пастве.

Но кроме этих общих пастырских обязанностей, на священника в тех приходах, где среди православных живут, старообрядцы или сектанты, возлагается новая забота «об иных, овцах, яже не суть от двора сего и тыя подобает, привести"... Привести во двор овчий овец, ушедших на сторону далече, дело в высшей степени трудное, требующее осторожности, умения, любви, снисходительности, терпения, знания Слова Божия, отеческих писаний и кроме того точного знания тех сектантских или старообрядческих учений против которых выступает он с проповедью истинного учения Христова.

Вот те качества, какие предъявляет к современному проповеднику православия миссии. При настоящем составе пастырского института, не с целью унижить или как-нибудь обидеть пастырей церкви, мы, в интересах святого дела миссии, решаемся ставить вопрос: все ли пастыри чувствуют в себе достаточно сил отвечать на запросы со стороны иномыслящих?

Мы смеем думать, что многие молодые пастыри, изучившие историю обличения сект и старообрядчества, при желании, способны сделаться пастырями-миссионерами, но в каком положении может очутиться перед запросами сектантских и старообрядческих лжеучителей добрая половина пастырей, которые никогда не изучали, что и как следует отвечать раскольникам и сектантам, которые никогда не слышали полемических бесед с ними, которые, может быть, две трети жизни уже прожили в чисто православных приходах, и к тому же под твердой охраной гражданской власти, что может сделать в сем случае священник при появлении в его приходе лже-учителя-пропагандиста? Не встанет ли он, пастырь, по отношению к своим пасомым в положение беспомощного зрителя видя свое бессилие, не будет ли только скорбеть и терзаться, как его духовные чада будут, может быть, переходить в иноверный лагерь, из послушных чад делаться заклятыми врагами православной церкви?

Как тут быть, где искать помощи?

Другого исхода пока нет, как обратиться за помощью к опытным апологетам православия, принявшим на себя труд служения миссии. Для лиц, мало или поверхностно, по слухам, знакомых с деятельностью миссионеров, на основании многолетнего опыта скажем взятое прямо из жизни. Долго и спокойно живущий в православном приходе и не чувствовавший никогда нужды в миссионерах, священник обыкновенно привыкает смотреть на них, как на людей мало нужных и в лучшем случае смотрит лишь снисходительно, совершенно равнодушно относясь к их служению, а под влиянием светской и иногда, к удивлению, даже

некоторой части духовной литературы, разного рода ложных слухов, распространяемых раскольниками, а хуже всего слухов, распространяемых некоторыми из своих собратий, почему-либо имеющих личное недовольство на кого-либо из миссионеров, начинает смотреть на деятельность миссии прямо недружелюбно и начинает размышлять о том: нужны ли в самом деле миссионеры, но следует ли эту должность упразднить?

Истинную оценку деятелям миссии знают в тех селах и деревнях, где сектантство или старообрядчество стоит, если так можно выразиться, в боевом положении к православию, где часто и от считающих себя православными веет обрядоверием старообрядчества или духом ложно направленной духовной свободы сектантства. В таких приходах пастыри, стоящие в лучшем виде на высоте своего призвания, всесторонне знакомые с ответами на пререкаемые вопросы, которые предъявляют заблудшие чада своего прихода, всегда видят в миссионерах самых близких своих друзей. Во всяком трудном деле, в силу психологического закона, человек ищет помощи, имеет стремительное, неудержимое желание поделиться своими взглядами на дела, поведать испытанные радость и горе, успехи и неудачи перед другим, но непременно человеком, связанным общностью интересов. В этом разгадка, почему сами деятели миссии сдружаются в такую тесную семью, начиная от простеца-начетчика, до человека, занимающего высокий пост в отечественной церкви.

Здесь нет места любоначалию, здесь равноправные соратники, в поте лица, расчищающие терния нивы Христовой. Самый вопрос: нужны ли миссионеры, здесь вызывает благородное негодование. Каждый пастырь, обуреваемый постоянно нападками со стороны старообрядцев или сектантов, дорожающий пользой дела, не входит в оценку лиц, а от всего сердца желает лишь одного, чтобы как можно чаще раздавалось Евангельское благовестие истинного учения Христова. Старообрядчество и сектантство – болезни вековые и упорные; для искоренения требуется всестороннее на них воздействие.

Но вот, в православном, приходе, где много уже лет священствует достойнейший пастырь, начинающий уже замечать плоды своих трудов, видя то или другое нравственное усовершенствование вверенной ему паствы, вдруг появляется новая личность враждебных взглядов по отношению к православной церкви, будь то человек пришлый или даже один из своих прихожан.

Слышится, что последователь неслыханного раньше в приходе нового религиозного учения, начинает пропагандировать свое учение и проповедь его заражает других. Добрый пастырь начинает беспокоиться за участь вверенных его попечению чад и, наконец, решается идти и преподавать возвращаемым пастырское наставление. Но вместо привычного

послушания и должного внимания к своим словам встречает самый резкий протест, часто подкрепляемый доказательствами массой книг, которые для самого пастыря – terra incognita. От наставления такого пастыря вышла не польза, а скорее вред. Пропагандист с каждым днем действует, смелее и успешнее, пастырь же церкви делается печальнее и скорбь его усиливается сознанием, с одной стороны, ответственности за утрату своих духовных чад пред Богом, а с другой – перед духовным начальством. Горестное сознание неисполненного долга и тревожное состояние в приходе заставляет искать сторонней помощи. Вопрос: нужны ли миссионеры – забывается и встревоженный пастырь обращается за помощью к специальной миссии. Дело обыкновенно идет так: в начале пастырь, нуждающийся в помощи миссионера, лично или письмами ищет совета последнего, предлагая разрешить тот или иной пререкаемый вопрос, но видя, что от его трудов дело мало изменяется, требует, чтобы миссионер явился для бесед. Требование должно быть исполнено немедленно; здесь никто не хочет считаться ни с силами, ни с возможностью для миссионера удовлетворять всем и каждому. При малейшем замедлении летят на миссионера жалобы, обвинение в бездеятельности и лени, напрасном получении жалования и т.п.

Требование исполнено, миссионер с целым возом духовного оружия является в приход, начинается ряд бесед. В глазах колеблющихся слушателей засветился огонек духовной радости, началось пробуждаться сознание правоты дела св. церкви, от этого огонька тают все, навеянные лжеучителем, сомнения в вере. Сам лжеучитель, чувствуя, как его доводы в пользу проповедуемого им учения разбиваются постепенно о несокрушимые твердыни православия, израсходовав весь арсенал клеветы на св. церковь, теряется, а самые, имеющиеся в его руках неведомые, книги, служат ему в обличение.

Мы, пастыри, тяжелый ответ должны будем дать перед Богом и св. церковью за уклонения от нее каждого из «малых сих», колеблемых ветром лжеучений. Посему мы должны сплотиться, подав друг другу руку помощи, во единое воинство духовное; враг пробуждается; мы должны встретить его во всеоружии, впереди имея тех лиц, которым все ухищрения, коварство и козни врага более известны.

А такими лицами нельзя не признать испытанных деятелей на поприще миссионерства.

Но против сего слышится иногда возражение: миссионеры своею деятельностью могут ослабить авторитет приходских пастырей.

Объяснимся и в этом.

Ни один миссионер, понимающий дело, будь то лицо духовное или светское, никогда не позволит себе вести дело так, чтобы набросить малейшую тень унижения на деятельность приходского пастыря. Самые миссионерские правила, утвержденные Св. Синодом, ставят миссионеров

в некоторое подчинение по отношению к приходскому священнику. Приезжий миссионер должен явиться к настоятелю прихода, получить от него согласие и указания о времени и месте бесед; должен предоставить ему на беседах вступительное и заключительное слово. Что касается миссионеров из мирян, то они, каковы бы ни были как по положению, так и образованию, обязательным для себя считают принять пред беседою благословение от приходского пастыря и тем наглядно показать, как высоко смотрят на его авторитет. Ясно, что опасения излишни, а в таком святом деле, как проповедь, споспешествующая делу Божию утверждения св. церкви на земле, и неуместны.

Наши соображения вызваны тем обстоятельством, что некоторые благочиннические округа высказались за упразднение должности благочиннических миссионеров, не представив никаких достаточных к тому оснований.

Лучшей постановки миссионерского дела по епархиям, чем какая принята у нас, мы пока не знаем. Если кто укажет лучшую, спасибо ему скажем. Но все же существа дела специальной миссии это не касается. Оно должно стоять незыблемо.

Наш окончательный вывод нужна ли противораскольничья и противосектантская миссия и миссионеры – таков. До тех пор, пока пастыри не будут в состоянии сами лично бороться с специальными и опытными защитниками противного православной церкви учения, до тех пор, пока поднятие уровня религиозного образования пасомых не даст им возможности самостоятельно разбираться в вопросах веры, до тех пор миссионерство, как особый институт во всех своих видах, публичные беседы, как особое средство борьбы православной церкви, должны существовать («Мисс. Обзор.» ноябрь 1905 г., кн. 2, № 17, стр. 1997). Исконный враг св. церкви Христовой не дремлет, соработники его, лжеучители, надвигаются; духовно возродившая, воспитавшая и облагодатствовавшая нас святая родная наша церковь ждет от нас защиты; встанем же дружной духовной ратью, с молитвою на устах, тщанием не лениви, духом горяще, Господеви работающе (Рим.12:11) за дело Божие!

Священник-миссионер Алексей Сокольский

Беседа со старообрядцем «Спасова» согласия по вопросу о таинстве «Покаяния»³²⁴ // «Миссионерское Обозрение», 1906, № 6, стр. 854–869

(Из полемики)

Старообрядец: Захарий Копистенский в книге «О правдивой единости» во главе 36-й пишет: «Исповедание грехов пред епископами или от них поставленными священниками обязательно для всякого правосл. христианина, и кто не исповедуется или осуждает исповедь, тот грешит смертным грехом, теряет спасение и церковному наказанию подлежит. Но опять-таки, при настоящем гонении латинян и их единомышленников на русскую церковь, при недостатке священников, православные, но противореча учению и практике древней восточной Церкви, могут исповедовать грехи свои пред всяким иеродиаконом, монахом, всяким мирянином и даже непосредственно пред самим Богом» («Палинодия Захария Копистенского», исследование Завитвевича, стр. 300).

А так как мы не имеем священников, то, следовательно, на основании этого учения можем творить исповедь и пред мирянами, и непосредственно пред самим Богом, что не противно учению древней Церкви. Так, в Кормчей книге читаем: «аще во гресех состаревся человек, завещаем в молитве своей завет между собою и Богом, глаголя, яко прости мя Владыко, яже согреших доселе, и прочее не содею древних моих грехов, ни обращаю к ним, но исповемся имени Твоему. Аще сий завет сотворив к Богу человек, в малех днех умрет, что тебе есть помышляти о нем? Ответ. Приятно бысть покаяние его от Бога, в нем же обретося, в томже и вчинен бысть се есть, в спасение придет покаяния ради. Еже бо покаяться и отступить от греха в человеце есть, а еже многолетну быти, в Бозе есть» (л. 629 и об.). – Значит и без иерея возможно получить прощение в грехах, исповедавшись Господу Богу. У пр. Никона Черногорца говорится даже о том, что «муж некий», сотворив исповедь в своих грехах пред образом (иконою) Спаса, получил прощение, что и удостоверено чудесным гласом от образа (Слово 52 л. 420–421).

На основании приведенных мною свидетельств, мы, старообрядцы, уверены, что, исповедуясь пред Господом, получим прощение в содеянных грехах.

Православный: Оправдывая свою исповедь и стараясь показать законность и спасительность совершаемого вами покаяния, вы сослались на Захарию Копистенского, который в книге своей «О правдивой единости» писал к юго-западным христианам, что они, «при настоящем гонении латинян и их единомышленников на русскую Церковь, при

недостатке священников, не противореча учению и практике древней восточной Церкви, могут исповедовать грехи свои пред всяким иеродиаконом, монахом, мирянином и даже непосредственно пред Самим Богом». – Но можно ли ваше положение сравнивать с положением юго-западных христиан? Те имели только скудость иереев, вы же совершенно отрицаете бытие их в настоящее время: тех гнали и угнетали латиняне, вы же живете на свободе и никто вас не гонит, никто не уничтожает священства, которого у вас и нет, да и быть не может; те находились в общении с общей вселенской Церковью, имущей – полноту иерархии и таинств, вы же отрицаетесь от всякого общения со вселенской Церковью, понося и осуждая ее всячески.

Там была нужда только местная, у вас же нужда всеобщая. Если в некоторых местах, благодаря гонению, христиане Юго-Западного края не имели прав. священников, к которым могли прибегать, на покаяние, то в других местах иереев было много, нужды не было. Там не возводили подобную исповедь в обдержный закон, а у вас, ведь, ныне это обдержный закон, которым вы управляетесь. Так можно ли подобным свидетельством оправдываться и тем более ставить его в обдержный закон для Церкви? «Что не по правилам, то в пример не приводится и что и редкое – не закон Церкви», говорит Матфей Властарь (Синтагма буквы В. Гл. 3-я).

Общий же закон таков: «исповедание грехов пред епископами или от них поставленными священниками обязательно для всякого правосл. христианина, и кто не исповедуется, тот грешит смертным грехом, теряет спасение и церковному наказанию подлежит», учит тот же Захарий Копистенский (36 гл. «О правдивой»; см. у Завиткевича, 300 стр.). О том, что власть вязать и решить принадлежит исключительно священникам, а не простецам, и что только чрез посредство лиц иерархических получаем прощение в грехах, тот же Захарий Копистенский учит и в другой книге своей «Палинодия», в ч. перыой, разд. 1. артикул 7, стр. 398–406 и это особенно потому, что он был проповедником той мысли, того учения, что никогда Церковь не может лишиться православного священства. (Ч. 2-я, разд. 7, артик. 3-й. стр. 671).

Из Кормчей вы привели ответ Анастасия Синаита, в котором только и говорится, что Господь принимает кающегося грешника, который, по причине болезни, не успел загладить прежних своих беззаконий, прежней греховной жизни, жизнью добродетельной, добрыми делами и прощает его, вменяя ему, вместо добрых дел, данный им обет отстать от греха. Но никак нельзя думать, что раскаявшийся грешник, давший обет отстать от греха, и принятый Господом, пренебрегал и не прибегал к таинству покаяния, полагая последнее заменить молитвенным обитом – отстать от греха. Ведь, в той же кормчей книге, несколько повыше приведенного вами свидетельства, тот же Анастасий Синаит на вопрос: «Глаголют

неции, яко то есть покаяние греха, еже остоятися и престати от греха», отвечал: «неправо смыслят, иже се глаголют» (л. 626 об.). И в другом месте «находятся, писал он, безумцы или, лучше сказать, нечестивцы, которые говорят, что нет пользы от исповеди пред людьми, такими же грешниками, как и мы, ибо один Бог может отпускать грехи. Говорящие это пусть знают, что они, во-первых, только прикрывают этим свое нечестие и безумие, во-вторых, забывают слова Самого Господа к Своим ученикам: елика аще свяжете на земли, будут связана на небеси и елика аще разрешите на земли, будут разрешена на небесех (Мф.18:18)...

«Бог совершает спасение людей не чрез ангелов, но чрез святых людей, своих служителей, которые суть соучастники Его в делах спасения тех, кто хочет спастись» (Номоканон Павлова по гуд. 1897 г. 473 стр.). Тот же Анастасий Синайский на вопрос: «Аще кто срамлялся рещи священнику человеку своя грехи и студодеяние, внидет же в Церковь, и о себе исповестся Господеви, убо приятен ли есть или ни»? Отвечал: «в онже день умилился человек и обещается Богу ктому не согрешати, но прилежне покается, приемлет его Бог; *но не приемлет извещение о себе*, (т.е. не при священнике) совершенных о своем прощении» (см. в кн. Никона Черниг. Горы 51 сл.; 416 л.).

Указали вы на то, что, якобы, пр. Никон учил, что и пред иконой Спаса можно приносить покаяние, творить исповедь. – Неправда. Таких людей, которые учили, что Бог прощает грехи творящих исповедь пред иконой, преподобный называл «развращенными» и советовал не только не беседовать с такими людьми, но и бегать их. «О других же от части смотрительне бываемых писал он, яко во иже ко иконе исповедавагося, и Давыдово, и ина ветхаго завета и великаго какова, и другая, елика честное твое имяме писание, да испытует владыко мой честь твоя смотрительных силу и отнюдь непримати ниже в беседу, яко о таковых смотрительных развращенная тех толкования, не вмещающая в духовный ум, но от плотскаго мудрования совращается в различные ереси и прелести, и до конца погибают» (пандекты слово 28). Наоборот, преподобный учил, что «все Божественное писание глаголет, яко презвитерам священнодействующим подобает исповедом бывати, а не ко инем» (там же 14 слово).

Ведь и тогда, когда мы приходим на исповедь к священнику, получаем разрешение от грехов, не должны думать, что исповедуем свои беззакония человеку и от человека получаем прощение. Все пред Богом и от Бога. «Разве к человеку ты приходишь с исповеданием грехов, писал Златоуст, или от человека получаешь ты отпущение грехов? Ведь ты приступаешь к Владыке и Царю всех Богу, отпускающему чрез священника тебе твои грехи. Священник здесь только посредник, а не от себя действует... Не сам он (священник) дает тебе отпущение грехов, но

великий Первосвященник Христос, вверивший ему священство». (т. XI, 967–968 стр.).

Итак, никак и ничем нельзя заменить таинство покаяния, совершаемое иереями. Не имея священников, – вы не можете получить и не подучаете отпущение грехов, без чего и получить спасение не можете.

Старообрядец: Но разве мы не можем творить исповедание своих грехов пред нашими старцами, опытными в духовной жизни? Можем, и на это имеем свидетельство от Божественного писания. На вопрос: «хорошо ли исповедовать грехи мужам духовным?», – пр. Анастасий Синаит отвечал: «весьма хорошо и полезно, но не тем, которые исполняют это неискусно и грубо, дабы неразумною снисходительностью, или не благовременным и не рассудительным протяжением епитимий не сделать тебя бесчувственным презрителем их или ленивым и беспечным. Итак, если найдешь духовного мужа искусного, могущего врачевать тебя, исповедайся пред ним без стыда и с верою, как пред Богом, а не человеком» (Номокан. Павлова прилож. № 1). – Что действительно право выслушивать исповедь и давать разрешение от грехов имели лица, не имеющие на себе священного сана, об этом свидетельствует и профессор Суворов, говоря, что «даже простые монахи, не имеющие духовного сана, выслушивали исповедь и давали разрешение от грехов» (Курс. Церк. прав. т. 2 стр. 220).

Мысль, высказанную профессором Суворовым, подтверждает и св. Иоанн Дамаскин, который писал: «что монаху, еще не украшенному священным саном, можно исповедовать грехи, как унаследовавшему это право вместе с покаянною одеждою, и благодарованным образом, это засвидетельствовано в богодухновенных писаниях, которые, если проследить их внимательно, убедить тебя, что я говорю правду. Раньше одни только епископы получили от божественных апостолов в наследство власть вязать и решить. Когда же архиереи, с течением времени, сделались негодными, эта страшная власть перешла к священникам безукоризненной жизни и одаренным божественною благодатью. Затем, когда эти последние смешались с другими, когда и, епископы и священники, оставивши народ, сравнялись друг с другом и многие впали, как это и теперь бывает, в грехи обмана и пустословия, и равно погибли, власть эта, как я сказал, перенесена была на избранный Божий народ, разумею монахов, не потому, чтобы власть была отнята от священников и епископов, а потому, что они сами отчудились от нее» – («К вопросу о тайной исповеди» Суворова; стр. 60–61).

И, вот, о основании приведенных мною свидетельств, наши духовные отцы, хотя и не имеют на себе иерархического сана, хотя и миряне, – могут принимать на исповедь приходящих к ним и, следовательно, т. покаяния мы имеем. Напрасно вы обвиняете нас; мы идем по писанию и самовольно ничего не вводим у себя.

Православный: В начале, стараясь оправдать свою незаконную исповедь, вы старались доказывать, что можно исповедь творить непосредственно пред самым Господом, без присутствия каких-либо посредствующих лиц. Теперь же, когда я доказал всю нелепость и незаконность измышленного вами учения, вы уже говорите, что покаяние свое вы творите пред своими старцами-мірянными, опытными в духовной жизни, стараясь оправдать доводами действия своих старцев. Но, прежде чем разбирать приведенные вами свидетельства, я просил бы вас обратить внимание на то, что я в начале говорил, когда указывал, от слов Христа Спасителя, что власть вязать и решить дана Господом сначала апостолам, а потом и их преемникам – епископам и пресвитерам. Так укажите, когда же и где же Господь или апостолы власть вязать и решить передали и мірянам, вашим старцам? Ведь до сих пор вы не указали.

Правда, вы сослались на Анастасия Синаита, который писал, что хорошо и полезно исповедовать грехи мужам духовным и, если найдешь духовного мужа искусного, могущего врачевать тебя, то исповедайся пред ним без стыда и с верою, как пред Богом, а не человеком». Но кого разумел Анастасий Синаит под «духовными мужами»: простецов ли, или лишь облеченных иерейским саном? Конечно, не простецов, а лиц священных, что видно из дальнейшего содержания ответа преподобного, ответа, который вы, по обычаю, не дочитываете, искажая тем действительный смысл слов преподобного отца: «находятся, говорится далее в ответ, безумцы, или лучше сказать, нечестивцы, которые говорят, что нет пользы, от исповеди пред людьми, такими же грешниками, как и мы, ибо один Бог может отпускать грехи. Говорящие это пусть знают, что они, во-первых, только прикрывают свое нечестие и безумие, во-вторых, забывают слова Самого Господа к Своим ученикам: елика аще свяжете на земли, будут связана на небеси; и елика аще разрешите на земли, будут разрешена на небесех (Мф.18:18). Отвергающие исповедь – отвергают вместе и крещение, и евхаристию, так, как и эти священнодействия совершаются людьми. Ибо Бог совершает – спасение людей не через ангелов, но чрез святых людей. Своих служителей, которые суть соучастники Его в деле спасения тех, кто хочет спастись. – Указывая на это апостол сказал: так нас, да непщует человек, яко слуг Христовых и строителей таин Божиих (1Кор.4:1)». (Номоканон Павлова 473 ст). ясно, что Анастасий Синаит под духовными мужами разумел совершителей таинства покаяния – священников. – Этим «духовным мужам» и «святым людям». Анастасий приписывает совершение таинств крещения и евхаристии и называет их «строителями таин Божиих». Так, разве можно понимать слова его по-вашему, т.е. что и мірянам можно совершать таинство покаяния. Почти современник преподобного Анастасия – Иоанн, Игумен Раифский, писал об исповеди: «чистосердечно исповедовать грехи мы обязуемся в силу божественного повеления. Это видно из преданий и

правил, предложенных Кафолической Церкви апостолами, по внушению Св. Духа. Исполняя эти каноны и уставы и, по их заповеди исповедуя свои грехи Божиим священникам, мы удостоиваемся получать разрешение и отпущение» (там же стр. 472).

Сослались вы на профессора Суворова, который в доказательство того, что исповедь может творить и простой монах, сослался на И. Дамаскина. Но, ведь, сочинение, на которое сослался Суворов, не принадлежит св. Иоанну Дамаскину, оно заведомо подложное, о чем подробно можете прочитать в «Номоканоне» изд. Павлова, в приложении первом, на стр. 475–478. – Так, разве можно подложными сочинениями оправдываться и ими заменять учение Христа, св. апостолов, и каноны церковные, как общий и обязательный для всех закон?! Ведь, Иоанн-то Дамаскин в своем, несомненно подлинном, сочинении о ересь – осуждает в учении мессалиан, как ересь то, что они всех приходящих к ним грешников – без посредства священнической власти объявляют чистыми от всякого греха» (там же стр. 475 в примеч.). Итак, «писание"-то ваше учение об исповеди, о праве, якобы, мирян вязать и решить – считает ересью. Закон же церковный, церковные каноны право совершать таинство покаяния приписывают исключительно только епископам и, по нужде, с разрешения последних, пресвитерам. Так учит об этом 39 пр. и 52 прав. Св. Апостол, 6, 7 и 52 пр. Карфагенского Собора, и 102 пр. Шестого Вселенск. Собора. Вальсамон в толковании на 52 пр. Св. Апостол: «епископы... и пресвитеры, с дозволения епископа, принимают помышления людей».

В толковании на 6-е пр. Карфагенского Собора Зонара: «с Богом примиряет его (кающегося) архиерей чрез покаяние»; Вальсамон: «епископы и пресвитеры принимают обращающихся, но скажи, что и эти пресвитеры принимают кающихся по дозволению епископов».

В толковании на 7-е правило того же Собора Зонара пишет: *Монахи, принимающее помыслы*, и, если не будет им от архиерея позволено принимать помыслы *не имеют власти – ни вязать, ни решить*; ибо Христос дал сию власть священным апостолам; а образ апостолов – суть архиерей». Вальсамон добавляет: *«худо делают те посвященные монахи, которые принимают людские помыслы без епископского дозволения, а тем более не посвященные, ибо сии последние не могут совершить ничего такого и с дозволения епископского... Не посвященному не дозволено принимать помыслы»*. (См. толк. на 6-е пр.). – Таким образом закон церковный право и власть вязать и решить приписывает только епископам – и, с их разрешения, пресвитерам, осуждая монахов, которые, не имея священного сана, стали бы восхищать это право себе, при чем добавлено, что простые монахи даже с разрешения епископа не могут совершать таинство покаяния. – Как же это ваши старцы-настоятели, поправ закон Божий, закон церковный, дерзают

творить исповедь, восхищая не дарованное... На суд себе они творят это...

Старообрядец: Но как же в Номоканоне, патриаршего издания, разрешается и простому старцу помышления принимать и исправляти? На листу 72 Номоканона читаем: «аще убо кто есть священник не искусен же, а другой не священник, искус же имея духовнаго деяния, сему паче священника праведно есть помышления принимать и правильно исправляти». На поле замечено: «старча исповедь прията». На обороте этого листа, как бы в пояснение, добавлено: «елицы убо освящении (т.е. имеющие на себе сан священный) по повелению епископа исповедания человеческия да приемлют, не священному же иноку наказание его искусства дает власть примирения: аще убо себе самого безбедно соблюдает, и исповедующихся Богови да примиряет» (Номоканон при Иосаф. Потребнике).

И так, опытному в духовной жизни старцу, искусному в прохождении духовной жизни иноку-простоцу, – Номоканон разрешает принимать исповедь и примирять кающегося с Богом. Отсюда, вы должны согласиться с тем, что наши духовные отцы, старцы, совершают исповедь не самовольно, а по закону церковному.

Православный: В настоящей беседе мы с вами рассуждаем об исповеди, о покаянии – как одном из семи церковных таинств, совершать которое может только или епископ, или, с его дозволения, пресвитер, о чем выше мы привели доводы. Вы же из «Номоканона» привели часть ответа, да и то совсем не о том.

Разберем первую часть: «Аще убо кто есть священник не искусен же, а другой не священник, искус же имея духовнаго деяния, сему паче священника праведно ость помышления приимати и правильно исправляти». На поле сказано: «старча исповедь прията». В этом, отрывочно вами приведенном, сказании нет ни одного слова о том, что «искусный, т.е. опытный в духовной жизни старец может совершать исповедь – как таинство, т.е. разрешать от грехов. Говорится только о том, что к опытному, искусному в духовной жизни старцу, можно приходить и рассказывать, исповедовать ему свои помыслы, т.е. говорится о так называемой нравственной исповеди, в которой малоопытный в духовных подвигах и брани с врагами нашего спасения христианин, простец ли то будет или инок, или ин кто, – поверяет свои помыслы другому, которого он считает опытнее себя, с целью получить от него совет, наставления, как ему удобнее освободиться от своего греховного состояния, как ему бороться с обуревающими его помыслами, или злыми делами, как ему исправиться и только. В этом случае, действительно, лучше и полезнее обратиться к опытному в духовной жизни иноку-старцу, чем к малоопытному, юному иерею. Но, повторяем, инок-старец дает только совет, наставление, как бороться с грехами, как избавиться от врага

нашего спасения, но разрешения от содеянных грехов он не подает, да и не может подать. Такие старцы бывают, и бывали, обычно, в монастырях, которым новопостриженные иноки вручались, как опытным в духовной жизни, под руководство. Эти старцы назывались «духовными отцами, духовными старцами» или просто «старцами» (см. 79 и 81 пр. Номоканона по изд. Павлова и толкование стр. 208). Об этих старцах, как руководителей неопытных в духовной жизни иноков, говорит и Св. Василий Великий (т. V, 44–49 стр. по изд. 1892 г.). Но к ним, повторяю, прибегали только за советом, наставлением, им вверяли свои помыслы; их советы, наставления соблюдали и не делали ничего, – вопреки воле такого «учителя».

Но если тебе требуется совершить исповедь таинственную, соединенную не только с советом и наставлением – как бороться с грехами, но и с разрешением грехов, то тут уже «Номоканон» не делает, не отдает, предпочтения опытному старцу пред неопытным священником, а прямо заповедует «обаже иже не суть священницы иноцы, паче же не искуснии, приемлющие же неких помышления и связующии и разрешающии, да знают, яко не по правилам сие творят, и ни во что же есть; ибо святии отцы ниже священником изволяют без повеления архиерейскаго примирите кающихся, яко же шестое, и 45 правило, иже в Карфагене Собора изъясняют» (л. 72-й).

Пояснения это правило «Номоканона» более не требует.

Второе свидетельство из «Номоканона» вы привели тоже отрывочно; отсюда и смысл его, и без того темный, вами еще более затемнен.

Вас смутили слова: «не освященному же иноку наказание его искусство дает власть примирения; ища убо себе самого безбедно соблюдает, и исповедующихся Богови да примиряет». Но, ведь, и здесь не сказано, чтобы инок, или простолудин имели власть на разрешение грехов в таинстве покаяния. «Наказание и искусство», т.е. опытность в духовной жизни, дают иноку только право советом и руководством успокаивать мятущуюся совесть человека, исповедующего ему свои помыслы; при чем инок, как сам себя искусно соблюдает в жизни, так и других должен руководствовать, как сам живет в мире с Богом, так и других должен вести к тому же. Что так должно и следует понимать и этот ответ «Номоканона», на то указывают следующие выражения правила: «к богопроповедникам рече Господь апостолам: вы есте соль земли, и елика свяжете, и елика разрешите на земли, разрешена суть на небеси. Тем же от Божественных отец наших узаконися, даже исповедующимся примирителе бывают епископы, приемшии апостольское место от Бога. Освященный же инок, множае паче не освященный, чрез волю епископскую Богови примирити не может исповедующагося. Елицы убо суть освященнии, по повелению епископа исповедания человеческия да приемлют» и далее слова вами приведенные. Значит тот же «Номоканон»

в том же правиле говорит, что право и власть вязать и решить в таинстве покаяния принадлежит епископам, а, по воле их, и пресвитерам. – Не ясный конец запутал вас. В первом издании «Номоканона» (1620 г.), из которого правило это внесено в наши «Патриаршие Потребники» конец этого правила читается так: «Елицы убо суть освящени, по повелению епископскому исповедания человеческия приемлют: не священному же иноку, ниже дар епископскую масть дает примирения»; а это согласно с законом церковным, с церковными правилами, в которых совершителем таинства покаяния считается епископ и, с его разрешения, пресвитер; не посвященные же не могут совершать таинство покаяния, хотя бы и с дозволения епископского» (см. полн. Кормч. в толк. на 6-е орав. Карфагенск. Соб. стр. 388).

Что покаяние, как таинство, могут совершать только лица иерархические, а не простецы, о том учит и Матвей Властарь, который писал: «худо делают те посвященные монахи, которые принимают людские помыслы без епископского дозволения, ибо не имеют власти вязать и решить, а тем более монахи не посвященные, ибо отнюдь не позволительно и дозволять им вообще принимать людские помыслы и судить» (синтагма буквы «μ» гл. 9-я). Что только священники и могут совершать таинство покаяния, о том Св. Василий Великий на вопрос: «желающий исповедать грехи свои всем ли и кому случилось, или некоторым, должен исповедовать»? отвечал «исповедовать грехи необходимо пред теми, кому вверено домостроительство таинств Божиих. Так находим, что в древлекаявшиися делали сие пред святыми. Ибо в Евангелии написано, что крестителю Иоанну исповедовали грехи свои (Мф.3:6), и в Деяниях (19:18) апостолам, которыми и крещены были все (т. 5-й, – стр. 328–329). Домостроительство же таин Божиих вверено было Апостолам и их преемникам – пастырям Церкви.

Старообрядец: Я имею и еще несколько доказательств в пользу того, что наши старцы имеют право принимать на исповедь и давать кающимся епитимии. Так, в «Богословском Вестнике» читаем: «Епитимиям подвергали согрешивших иноком игумены монастырей и простые старцы, не имевшие никакого начальственно-административного положения. Неизвестно точно, с какого времени, но по-видимому рано, в монастырях игуменским и старческим епитимиям стали придавать большее значение, чем простому дисциплинарному наказанию: епитимия признавалась неразрешимой никакою иною властью, кроме наложившей ее. Происходило это из представления об абсолютности игуменской и старческой власти, а также и от того, что в епитимиях старцев стали видеть проявление вяжущей и решающей власти, данной Господом апостолам, хотя большая часть игуменов и старцев не имели иерархического сана... В прологе под 15 октября содержится следующая повесть: некогда в ските жил монах послушный отцу. Но по соблазну

искусителя он ушел «от рук старца без вины, преобидев и запрещение, ибо запрещен баше за послушания отложение». Непокорный монах уходит в Александрию и во время гонения на христиан претерпевает там мучение за Христа. Христиане нашли его тело и погребли в жертвеннике церковном, «яко мученика». Когда же стали служить литургию, то во время возгласа «елицы оглашеннии изыдите» – гроб инока-мученика сам собой на виду у всех молящихся перенесся на паперть и находился там до конца богослужения. После того он занял свое прежнее место. Тогда один человек начал молиться Богу, чтобы открыть ему значение чуда, и явившийся ангел разъяснил ему дело, что инок был за непослушание свое, при жизни, связан епитимией старцем и не разрешен.

Благочестивый миянин разыскал того постника, который был старцем мученика, и привел его в Александрию. Когда над открытым гробом своего непокорного ученика старец произнес прощение ему, гроб перестал переноситься из жертвенника во время литургии. Значит, разрешение поучило силу. Из этого рассказа выходит, что старческая епитимия имеет полную – каноническую силу: она есть проявление апостольского права являть и решить и никакие личные подвиги связанного, даже мученичество за Христа, не освобождают от ее уз» («Бог. Вестн.» апрель 1905 г. 743–744 стр.).

Подобное же свидетельство находим мы и в творениях пр. Феодора Студита. «Один старец, читаем у него, подвизался вместе с послушным учеником своим. Раз случилось, что животные, которых имел подвижник ради нужд монастыря, зашли в поля поселян. Поселяне бранили старца, а тот разгневался на ученика и дал заповедь, чтобы он не ел хлеба до тех пор, пока не остановит и не возвратит назад животных, и не сделает нужного ограждения, чтобы они более не ходили на поля. В то время, когда послушник исполнял приказание, старец помер. Опечалился ученик, возвратившись и найдя мертвым наставника: он почувствовал свое духовное сиротство и затем сознал, что на нем осталась епитимия – не вкушать хлеба. После похорон инок объяснил дела кому следует – и просил врачевства и разрешения епитимии. Однако никого не нашлось, кто бы исцелил язву и разрешил связанного, ибо каждый отрицался и посылал его к старейшему. И так как никто из находящихся там не мог его разрешить, то, по совету большого числа людей, он удаляется оттуда, приходит в Константинополь и идет к патриарху Герману, объясняет ему причину прихода и просит от него помощи, как от такого лица, который был главою Церкви; однако и здесь не получает разрешения и исцеления. Что же затем? Собирается собор, является на среду послушник, производится рассмотрение вины его. Но и после всего того последовало некоторое удивительное, достославное и по истине непостижимое, при таком архиерее и исповеднике, решение.

Ни он, ни собравшийся собор не презрели епитимии старца, связавшего его и внезапно умершего, хотя старец и не желал, чтобы ученик его оставался под епитимией. Но как он, связанный на земле, был связан и на небесах, то они и оставили его под епитимией, не разрешенным, и не смели освободить связанного одним человеком, который, может быть, не имел и степени священства, а был только аввою ученика, хотя тут были архиереи и даже глава Церкви.

Таким образом этот брат пребыл до смерти, не вкушая хлеба» (Огласит. поучения и завещание Феод. Студита; по изд. Оптиной пустыни 1896 г. стр. 133–134).

Так вот вам новое и решительное доказательство того, что старцы, не имея священного сана, могли вязать и решать; отсюда наши наставники поступают законно, когда принимают исповедь приходящих к ним.

Тот же пр. Феодор Студит на вопрос: должно ли не имущему священства (монаху) назначать епитимию за неимением пресвитеров и по вере приступающего? Отвечал: «Не противно правилам и простому монаху назначать епитимии» (твор. его т. 2, 601 стр.). И в другом месте к Аврамию Странноприимцу писал: «Во время болезни нужно искать врача и во время бури кормчего. Разве ты не видишь, что теперь великая буря и посланное от Бога наказание? Будь врачом, господин, будь кормчим, чтобы и себя спасти и виновных исцелять и возвратить в благоустроенное состояние» (т. 2, стр. 253). И так, не ясно ли, что и простой монах имеет право, при отсутствии священников, налагать епитимии, быть врачом и исцелять душевные болезни, т.е. принимать кающихся, вязать их и решать. Напрасно вы и стараетесь обвинить наших старцев в том, что они восхищают недарованное им; – напрасно утверждаете, что мы, не имея священства, не можем иметь и покаяния, отсюда-де – и надежды на получение спасения. Я кончил. Желаю услышать и на эти доводы разъяснение.

Православный: Постараюсь разъяснить и последние ваши доводы, из которых, однако, не видно того, чтобы простец-монах мог совершать исповедь, покаяние, как таинство. Смысл последних ваших доводов тот же, что и «старча исповедь приятна», т.е. в них говорится об исповеди нравственной.

Ведь «Богословский Вестник» свидетельствует, что в период IV-VIII столетия и «міряне и клирики охотно шли к монастырским старцам, людям духовного опыта. Они несли сюда не очищенные свои совести, борющиеся помыслы, разъедающие сомнения мысли, страсти подавленной воли; пред старцем исповедовали они свои грехи, не редко смертные, и прегрешения до мимолетного помысла и под его руководством, приняв епитимию, как духовное врачевство, проходили покаяние» (Бог. Вестн. сентябрь 1905 г. стр. 19).

Но ясно ли, что к старцам шли не для того, чтобы получить разрешение от грехов к таинству покаяния, а шли за советом, наставлениями, шли за лекарством против душевных болезней, а это и была исповедь нравственная, а не таинство, не исповедь «сакраментальная». Ведь мы видим, что к старцам шли и клирики, в том числе и священники; так ужели священник от простеца инока получал разрешение от грехов? Ведь, меньший от большого, по учению Апостола, получает благословение. Иначе думать учить будет нелепость.

«Принимающему исповедание грехов (разумею в таинстве покаяния), говорит Симеон Солунский, нужно и благословлять, и говорить разрушительную молитву, и разрешать... Как же будет совершать это тот, кто не имеет священства?» (Т. 2, стр. 313).

«Какое же значение, читаем в «Богословском Вестнике», имела исповедь мирян у монастырских старцев? Разумеется, только нравственное: исповедь мирян перед простыми монахами была бытовым явлением, а не составною частью покаяния, как справедливо с современной канонической точки зрения рассуждает профессор Павлов» (Сентябрь стр. 20), – который, скажем, писал об этой исповеди, «что она подписывалась монастырскими уставами, как мера к утверждению новоначальных монахов в жизни по своим обетам под руководством старших братий. Обращались и миряне с исповедью греховных таин своей души и с просьбою о подати душеполезного совета или о молитвенном ходатайстве за себя перед Богом... Но никто не смотрел на монахов, не имеющих священнического сана, как на компетентных духовников, т.е. уполномоченных не только выслушивать исповедь, но и разрушать от грехов» (Номоканон Павлова, по изд. 1897 г. 475 стр.).

Эти старцы приходившим к ним – давали и епитимии, как лекарство, противоядие, против известных душевных болезней: «Мирянин, пришедший к старцу с тяжким грехом, получал епитимию, которую должен был добросовестно исполнить, чтобы заслужить разрешение от грехов» («Богосл. Вестн.» Сентябрь, 26 стр.); значит, он еще не получал прощения, разрешения от грехов и понятно почему: старец не иерей.

Словом, такая исповедь не могла заменить собою таинства покаяния: «при ней не было иерархического лица, пресвитерского или епископского сана, в качестве совершителя таинства покаяния» («Богосл. Вестн.» Март 1905 г. стр. 463–464). Так как юные монахи поручались старцам для научения их духовной жизни, о чем говорили мы выше, то «власть старца над безвольным послушником, духовито отца над духовным сыном, была неограниченная» (так же, месяц сентябрь, 26 стр.), – и вот почему таких иноков, послушников, могли разрешать от епитимии только те, кто их наложил; вот почему не разрешили от епитимии пастыри послушников-иноков, о которых привели свидетельства из «Богословского Вестника» и «Огласительных Поучений» пр. Феодора Студита.

Но власть вязать и решать принадлежала и принадлежит исключительно пастырям церкви, а не мирянам, как о том свидетельствует и «Богословский Вестник», приведший свидетельство Нила Синайского: «судить позволительно наиболее славным и чистым из пастырей, которым вверены ключи царствия, а не пасомым и носящим на себе следы греховных скверн («Богосл. Вестн». Апрель 1905 г. стр. 743). А вы дерзновенно вручили «ключи Царствия небесного простецам, своим старцам восхитили то, что Господом не даровано им. Тяжкий грех берут на себя.

Так и препод. Феодор Студит учил: «ключи Царства небеснаго Христос даровал великому Петру, также и всем Апостолам..., преподав через них преемникам их» (твор. его, т. I. – 290 стр.). И в другом месте, приведши евангелические слова: «еже аще свяжете на земли, будет связано на небесех, и еже аще разрешите на земли, будет разрешено на небесех (Мф.16–19), пр. Феодор Студит писал: «кто же это те, которым это вверено»?

«Апостолы и их преемники» (т. II, 322 стр.), так учил и знаменитый по учености и по жизни из монахов пр. Ефрем Сирин: «без священства, писал он, не дается смертным отпущение грехов... Чрез священство приял и ключи небес» (т. 2, стр. 398: сл. 57-е).

Особенно же ясно учил бл. Симеон Солунский, говоря, что монахи не имеют права на совершение таинства покаяния. «Служение духовных отцов, писал он, не должно вверять простым монахам, вовсе не имеющим рукоположения. Ибо это служение столь священо, что принадлежит одним епископам и презвитерам, как говорят правила церковныя (т. 2. стр. 312). Если презвитеры, продолжает он, не имеют на это права без позволения (епископов), а о диаконах правила не упоминают: то как иной простец, вовсе не получивший священства, будет совершать это таинство и священнодействовать святое покаяние?» (Стр. 314). «Ибо покаяние есть одно из таинств, и совершать его для верных – принадлежит епископам» (322 стр.). – «Слыхал и я, писал бл. отец одному епископу, что некоторыми архиереями дается монахам право принимать исповедь. Но я и прежде высказывал, и теперь выскажу мнение свое, оно, надеюсь, мнение и отцов, – что это дело священства и должно быть совершаемо архиереями, или священниками, но ни под каким видом лицами простыми. Если уже нужда какая-нибудь, за отсутствием священника, заставит, с архиерейского дозволения, совершать это дело и монаха, благоговейного и знающего Божии законы, разумею священные каноны: то пусть совершит, только чтобы принял одну исповедь и передал ее епископу, или подал требующему какой-либо душеполезный совет, но не прощал и не разрешал. Иначе без священства он мог бы и священнодействовать, и крестить, и благословлять, совершать и проч., а это чуждо Церкви» (т. 3, стр. 162). То же см. стр. 150.

И так, ясно, все Божественное Писание – право и власть вязать и решить, право совершать таинство покаяния, – усвоает исключительно лицам иерархическим – епископам и пресвитерам, воспрещая монахам и простецам дерзновенно восхищать недарованное им.

Монах или простец, по необходимости и по крайней нужде, может принять исповедь, но должен передать ее епископу, или имеющему право священнослужения (т.е. пресвитеру)...

Помнить монахи и простецы должны, что разрешить сами собою и называть себя духовниками они не могут, потому что не имеют на то права, но, если, по необходимости, принимают исповедь и исповедуют, после пусть передают ее отцу духовному. Все, что услышали и узнали от исповедавшего, пусть они перескажут тому, кто имеет власть решить: чрез это право разрешения останется неприкосновенным».

Самое даже разрешение епископами, при нужде, монахам принимать исповедь, блаженный считает незаконным и предписывает, чтобы и в этом случае «монахи не разрешали сами собою», но «доносили об этом местному архиерею, и чтобы решение было сделано им» – (т. 3, 150–151 стр.).

Какому же суду подлежат ваши старцы за самовольно присвоенное право совершать покаяние? Блаженный отвечает: «Если же некоторые, по Божью попущению, настолько дозволяют себе дерзости, что нечестиво и без веры (ибо это неверие) принимают на себя священство, не быв рукоположены, и совершают дела священства; то для выражения тяжести осуждения, ожидающего такого человека, – нет слов. – Его действия хуже действий самых нечестивцев и свойственны одним демонам, которые преображаются во ангела света, не будучи им, и подделываются под действия Божии, будучи безбожниками и противниками Бога. Таким образом такие люди подвергнутся величайшему и невыразимому наказанию за то, что так кощунствуют над вещами божественными» (т. 3, 148–149 стр.) Таким образом, по учению бл. Симеона Солунского, ваши старцы за присвоение не принадлежащего им права творить покаяние – осуждаются и почитаются горше нечестивых демонов... Вот им суд. И то, что они творят, почитается «кощунством», а не покаянием.

И так, не можете и не имеете вы таинства покаяния, этой «второй денницы по разбиении крестильного карабля и нужно потребной тайны согрешивших», потому что некому у нас совершать эту тайну; ваши старцы не очищают вас от грехов, да и не могут; наоборот, «своим кощунством над Божественными делами», – они на ваши головы приносят большее осуждение...

Некому вас очистить от греховных скверн, а неочищенные от грехов, вы и получить спасения не можете. Пусть же старообрядцы Спасова согласия подумают над своим положением; оглянитесь на Церковь Христову, Церковь Православную, которую вы хулите, но которая одна

только есть истинная мать наша, могущая чрез своих пастырей, хотя и грешных, очистить вас от грехов, и чрез данные ей ключи Царств небесного – ввести вас в небесный чертог – Царя Христа.

Самарский епархиальный миссионер, иерей Димитрий Александров

Хроника // «Миссионерское Обозрение», 1906, № 6, стр. 870–884

Летопись периодической духовной и светской печати и новый книги по вопросам веры и миссии церкви

«Паутина», политичный ром. в 3 част. В.И. Крыжановской. «Русский Вестник», 1906 г. №№ 1, 2, 3 и 4

Г-жа Крыжановская стяжала себе в литературе имя, главным образом, как историческая романистка; ее романы из истории Египта, Рима и средних веков пользуются широкой известностью, в особенности «Железный канцлер древнео Египта», представляющий интересную историко-бытовую картину времени Иосифа, и «Светочи Чехии», рисующие борьбу Кирилло-мефодиевских начал, в Чехии XV в. против немецко-католического гнета и возникновение гуситства.

Теперь перед нами ее новое произведение, печатающееся с января в «Русск. Вестн.» и имеющее не только литературное, но и общественное значение. Автор назвал его романом; но это – не роман в общепринятом смысле, а если и роман, то во всяком случае *роман-хроника*, поскольку подобная литературная квалификация приложима, например, и к «Войне и Миру», где тоже романической интриге отведено второстепенное значение, а на первом месте стоит описание быта того времени и политических событий, в которых принимают участие действующие лица. Так и в данном случае: автор ведет вас в свою галерею и показывает картины быта современного общества и портреты своих героев.

Переживаемое нами «лихолетье» не могло не затронуть чуткого дарования г-жи Крыжановской и вот она рисует нам наше современное общество с его вековым грехом: «духом праздности, уныния, любоначалия и празднословия», и отсутствием национального самосознания, скажем мы, за Ефремом Сириным; а на ряду с этим указан дружный натиск на расшатанные, исконные начала русского народа соединенными силами инородцев и иностранцев, преимущественно наших старых благоприятелей-немцев. Грозящим русскому народу опасность крушения его самобытности, даже в политическом отношении, представляется автору в виде громадной *паутины*, захватившей уже в свои тенета обезличенную и беспочвенную русскую «интеллигенцию».

Роман еще не окончен и едва ли зашел за половину, а потому трудно предугадать конечные выводы автора; однако уже и теперь обрисовка действующих лиц и обстановки вполне ясна, хотя несомненно большой интерес, для сравнения с русским бытом, представят и картины жизни германского общества, в среде которого поселяется героиня романа.

Действие романа происходит сначала в Екатеринославской губернии, в имении генерала Шастунова, а затем переходит в Польшу в поместье барона фон-Рангвальда. Некогда богатый, но затем разорившийся, генерал Шастунов женат вторым браком на вдове, остзейской баронессе

Матильде Фердинандовне Рангвальд, которая и становится орудием немецкого влияния, как на своего добродушного и безалаберного мужа, так и на все его дела, что особенно пагубно отражается на управлении имением Всесвятским, попадающим в цепкие лапы ставленника генеральши, немца-управителя, Либермана с присными. Свитое генеральшей немецкое гнездо, при содействии окрестных немецких колонистов, способствует развитию «штундизма» и растлевающе влияет на местное наследие.

С какими чувствами и намерениями гг. «культуртрегеры» являются из Германии наделять нас своей «культурой», выясняется из откровенной беседы Либермана с пастором. Дело происходит в большом селе, по близости Кенигсберга, куда управляющей генер. Шастунова приезжает за своими родственниками, для которых вместо поденной черной работы на родине, приготовил «ein warmes Plätzchen» (теплое местечко) в гостеприимной России.

Пастор Брейтгаммер, – тучный, с двойным подбородком, – сидел у окна и курил трубку с длинным чубуком; на нем был китайской ткани халат и черная ермолка прикрывала его лысую голову.

Распросив Либермана о его личных делах, он поспешил перейти к политическому положению немцев в России; видимо, внутренние дела могущественного соседа особенно его интересовали.

– Много ли протестантских приходов в вашей провинции и каково живется там бедным изгнанникам, вдали от родины, – спросил он.

– О! Немецких колоний в Екатеринославской губернии много, я думаю – больше шестидесяти; жаль только, что большинство принадлежит к анабаптистам.

– Увы! Конечно, прискорбно, что значительное число наших соотечественников отступило от общей матери – церкви, основанной великим Лютером, – вздохнул пастор; – но все же они несут истинный свет евангельский во тьму язычества греческой схизмы. Мне говорили, однако, что у них там, среди туземцев, много последователей и заодно это надо уже быть к ним снисходительными; проповедуя слово Божие, они *германизируют* тупое славянское население и таким образом, оказывают нашей стране неоценимую услугу.

– Вы совершенно правы, г-н пастор! В деле пропаганды анабаптисты выказывают необыкновенное рвение и одерживают колоссальные успехи: их последователи не только многочисленны, но, сверх того, они настолько проникаются духом своих апостолов, что делаются настоящими немцами. Этих обращенных русских зовут «штундистами» и закон строго наказывает их... если поймают; но, так как проповедь, сама по себе, дозволена, то, согласитесь, что одиночные преследования не достигают цели! Да иначе и быть не может: наши колонисты – богаты и умеют, когда нужно, словесное убеждение поддержать и материальным давлением; где

уж тут противиться такому забитому животному, как русский мужик? Крестьяне дохнут с голоду, их священники – чисто нищие, сравнительно с нашими пасторами, и авторитета имеют мало; ими пренебрегают, над ними издеваются и вот, постепенно и прочно растет заложенная нами там Новая Германия.

– Пусть, пусть ширятся ее пределы и священная, высокопатриотическая работа наших пионеров приблизит великий момент, когда Германии можно будет наконец закончить свою просветительную миссию и взять в руки мировой скипетр – на благо человечества и цивилизации, – закончил пастор, молитвенно складывая руки и набожно возводя глаза к небу.

Потом, Брейтгаммер выпрямился и пытливо взглянул на собеседника.

– А сами-то вы прониклись ли в достаточной мере сознанием того долга, который Господь возложил на вас в этой дикой стране?

– Конечно! Я отлично знаю, что должен прежде всего оставаться черным подданным Германской Империи, иметь в виду исключительно интересы моего отечества и моих братьев-немцев и всегда быть господином над низшим, варварским населением, в среду которого меня забросила судьба...

– Это – лишь азбука и потому этого мало, – горячо возразил пастор. – На каждом немце, помните, Либерман, лежит обязанность делать все, от него зависящее, чтобы ослабить варварское царство, которое является нашим самым опасным врагом. Сеять раздор, возбуждать недовольство, разъединить и обезличивать глупую толпу, а главное, растравить сепаратизм мелких народцев, завоеванных ненасытным колоссом, вот – такая задача предстоит немцам, которых судьба приводит в Россию. Лишь когда эта страна перестанет быть великой державой, а ее дикие орды будут отодвинуты далеко в Азию, тогда только цивилизаторская миссия Германии может считаться законченной, ваш народ подучит возможность развернуться на свободе и проявить всю свою культурную мощь! Смешно и досадно видеть, что наши братья выселяются в Америку или в Африку, когда у нас тут же, под рукой, лежат целые области, представляющие неоценимые пространства для населения, земли, изобилующие богатствами, которые только и ждут нас для своего развития и процветания.

Пастор воодушевился, увлеченный грандиозными перспективами, созданными его фантазией; жирное лицо его было красно, маленькие, заплывшие глаза лихорадочно блестели, а грозно поднятый кулак представлялся ему уже закованным в броню и могущим раздавить неудобного соседа, который медлит звать к себе своих господ и благодетелей.

Красноречие Брейтгаммера не пропало даром, и подбавило жару патриотизму и национальному чванству Либермана.

– Будьте уверены, г-н пастор, что ни одна из сказанных вами сил не пропадет даром ни для меня, ни для моих братьев, которым я дословно передам весь наш разговор, – с многозначительным видом ответил он. – С тех пор как я живу в России, я и сам всегда чувствовал, что эта страна – наша будущая собственность и если мы там пока еще хозяева не законные, то, во всяком случае, фактические: мы – в первых рядах всюду, где надо распорядиться или забрать в руки выгодное дело. Да вот, хотя бы во Всесвятском – у нас там два завода: один мыловаренный, другой керамиковый, и что же? Оба управлявшие, заведующие мастерскими и главные мастера – все немцы; а русская сволочь служит рабочей силой, и так везде! Как-то в Петербурге мне пришлось закупать семена и растения для нашей оранжереи в Ботаническом саду, так верите ли, что мне не понадобилось сказать ни одного слова по-русски, все – немцы; ну, а русские... ха, ха, ха... годны только, чтобы таскать воду и мести аллеи. А на их главной улице, Невском проспекте? Лучшие магазины – немецкие, стоит лишь прочесть вывески и подумаешь, что очутился в Берлине; у газетчиков и в ресторанах немецких газет и журналов сколько угодно, наша церковь стоит на почетном месте, а кто занимает высшие административные должности. Das Herz hüpfet einem im Leibe, когда читаешь имена всех этих – *талей*, – *фельдов*, – *штейнов*, – *бергов*, – *дорфов*, – *бахов*, – *вальдов*, – *бургов* и т.п. О! Мы смело и бодро идем к цели, о которой вы только что упоминали.

– Благослови нас Бог! Эта цель, в то же время, есть благо всего человечества, так как Провидение предназначило нас быть двигателями мировой культуры. – Скажите, однако, дорогой Либерман, ценит ли, по крайней мере, это жалкое племя все благодеяния и просвещение, которыми мы его одарили, чувствует ли, что его назначение раствориться в нас и нам служить? Это крайне важно! Ведь для того, чтобы наш народ мог впоследствии спокойно пользоваться своими будущими владениями и дать могучий размах культуре, необходимо, чтобы народные массы были в повиновении и ревностно, безропотно выполняли черную работу; точнее сказать, нам необходимо выработать из них послушный, смысленный, трудолюбивый *рабочий скот*.

– Это будет потруднее, чем присоединить страну, – ответил Либерман, почесав за ухом. – Там есть крикуны, которые вопят, что мы наводнили Россию, как саранча, пожирающая хлеб у сынов земли и что мы – соглядатаи, которые только ловят случай, чтобы изменить или продать государство, приютившее и питающее нас. Разумеется, не их же интересы будем мы отстаивать в случае войны, – и Либерман расхохотался. – О, они бы нам горло перегрызли... если бы *могли*. На наше счастье, они могут только мечтать об этом, кроме того, голодовки и всеобщая беднота доставляют не мало забот, ну, а мы уж постараемся, чтобы они не вышли

из нищеты и где сами не сможем, так жида вам помогут. Нет лучшей узды, как голод!

– Вы правы, дорогой Либерман! С темной толпой необходимо быть строгим. Наш великий Момзен сказал, что надо кулаком бить по тупым славянским башкам, чтобы заставить их идти по прямой дороге, – убежденно закончил пастор.

Вечером того же дня, в гостинице "*Zur fette Gans*" заседало многочисленное общество, собрана была вся сельская знать.

Под навесом, в саду, сидели дамы с фрау Кнолле, по правую руку которой, на почетном месте, поместили Мальвину – красную от волнения по поводу выпавшего на ее долю счастья; сегодня даже чванная супруга органиста облобызала ее и пожелала удачи в новом отечестве.

Толковали о предстоящем Мюллерам путешествии, восторгались блестящей ролью, разыгрываемой немцами в России, и рассказы об этом были неистощимы. Подруга фрау Кнолле уехала горничной при одной русской даме; затем получила место гувернантки и стала «фрейлейн», а под конец, даже вышла замуж за доктора; другой общий знакомый «*Lohndiener*» сделался профессором у «добродушных» соседей и т.д.

В самом доме, в особой комнате, рядом с общей залой, за столом, загроможденным жбанами, бутылками и кружками, председательствовал Либерман. Здесь темой для разговора служила политика и, весь еще под впечатлением своей беседы с пастором, герр Теодор развертывал картину порабощения России – этой новой земли Ханаанской, которая самой судьбой предназначена служить образованию новой, исполинской Германии и обеспечить, таким путем, немецкому народу скипетр мирового господства.

Под винными, или точнее, пивными парами, «*Drang nach Osten*» собравшихся патриотов принимал размеры гомерические и предполагаемое завоевание казалось им уже сущим пустяком.

Так же легко, как он резал сыр и ветчину, кромсал Либерман на части «северного колосса»: сперва отнимал Балтийские провинции и Финляндию, затем Польшу и Литву и, наконец Крым с Кавказом, победоносно доводя русское государство до пределов Московского княжества: но, пожалев затем и об этом великодушии, с торжеством водружал немецкое знамя в Кремле, а русских изгонял в Азию, где и подвергал поголовному избиению китайцами и японцами, забывая даже, что этим самым лишал *культуртрегеров* их «рабочего скота».

В момент этого апофеоза, общая гармония чуть не нарушилась: возникли разногласия во мнениях по поводу дележа добычи, и общая потасовка была бы неизбежна, но тут в дело вмешались дамы, привлеченные криками и растащили расходившихся завоевателей, которые и разбрелись, затем, шатаясь, по домам.

Крайне сожалеем, что не можем, за недостатком места, привести еще очень любопытную картинку заседания «Кружка ландверных и резервных германских офицеров» (есть в Петербурге и такие кружки, чтобы дать понятие, до какой смелости доходят воинственные планы наших западных соседей; а потому ограничимся иным местом романа, рисующим деятельность «штундизма» и отношения штундистов к миролюбивому русскому населению.

– А о школе, и библиотеке отец Никандр ничего тебе не говорил? Мне он об этом писал.

– Как же! Мы с ним обсуждали это в течение двух часов, и я обещал дать тысячу рублей на поддержку. Я боюсь только, что, не смотря на всю их пользу, это окажется чересчур слабым оружием в борьбе с гидрой *штундизма*, охватившей нас со всех сторон. Здесь творится нечто ужасное, а администрация, по-видимому, глуха и слепа. Из того, что говорил мне отец Никандр, ясно видел обширный, умно задуманный план, проводимый с упорством и энергией, свойственной немцами...

– С их беспринципным *иезуитизмом*, проповедующим, что всякое средство хорошо, лишь бы цель была достигнута.

– Понятно, какие там принципы «mit den russischen Barbaren»!³²⁵ Что почтенные немцы не станут стеснять себя какими-то устарелыми *принципами* – истина, настолько известная, что и говорить о ней не стоит. А вот послушай, что мне рассказывал отец Никандр, который в качестве священника, и сам участвует в борьбе за свою паству. Шарлотентальская колония заселена исключительно меннонитами и является главнейшим очагом пропаганды в губернии, а один из богатейших колонистов, некий Мердерфельд, – самый яркий деятель систематической деморализации наших крестьян; у него проживают обыкновенно миссионеры, которых высылают сюда из-за границы и, в данное время, два негодяя – Шварц и Зульцмейер скрываются в его доме, рыщут по окрестностям, добывая себе разными способами исследователей, и, кроме того, раздают тенденциозные брошюры и книги, опорочивающие наше духовенство, православную веру и русский народ. Эту кучу печатного навоза читают, переводят и втолковывают темному люду, истомленному нищетой, и затем хорошо платят за отпадение от церкви, так как немцы широко снабжаются деньгами из своего фатерланда, а все движение, в целом, руководится из Берлина. Отец Никандр описывал мне несколько случаев, бессильным свидетелем которых он был: целые крестьянские семьи были сначала разорены и затем совращены в штундизм, под условием и предложением материальной помощи, которая была им оказана щедрой рукой, лишь только состоялось отпадение их от православия. А как возмутительно ханжество этих сектантов: они парадируют своей идеальной честностью и на устах у них только библейские тексты, что не мешает им нисколько обманывать в торговых сделках и даже тайком

обкрадывать, особенно русских. А как они жестоки к бедным мужикам, которые не дают себя совратить в штунду. Вообще, и презрение и наглое преследование всего русского превосходит всякое воображение. К скотине у них больше внимания, чем к людям. Для коров и овец Мердерфельд построил в поле крытые сараи и держит годового ветеринара, а для полевых рабочих, из дельных губерний, нанимаемых на лето, он находит такой комфорт излишним. Люди спят под открытым небом и лишены медицинской помощи, а между тем один Бог знает, насколько они в ней нуждаются! Отец Никандр примерами подтвердил мне массу самых невероятных и возмутительных фактов...

Юрий ни минуту остановился и нервным движением руки стряхнул пепел с сигары.

– Я едва могу говорить, так все кипит во мне, при мысли о тех мерзостях, которые эта немецкая саранча делает русскому народу, «*das russische Vieh*»³²⁶, здесь же, на его родине. Например, у них вошло в обыкновение кормить рабочих разными отбросами: но в последние годы и это нашли чересчур вкусным, и может быть заграничные агенты получили приказ травить народ, но теперь несчастным отпускают такое продовольствие, какого собака не станет есть и ни один желудок переварить не в состоянии: червивая мука, сбившаяся в комья, так что приходится разбивать ее топором, гнилая рыба и палый от чумы скот, который прирезавают незадолго перед тем, как ему сдохнуть. Разумеется, отравленные таким образом люди мрут, как мухи: у одного Мердерфельда погибло больше половины его рабочих, впрочем, и у других колонистов смертность не меньше.

– Отчего же тогда никто не жалуется властям? – негодуя спросил взволнованный Валериан Петрович.

– Как же, жаловались, даже следствие было наряжено по этому поводу; но кончилось оно, как обыкновенно, тем, чем кончаются подобные дела, когда в них замешаны бывают *немец* или *жид*: смертность подтвердилась, а виновных не оказалось. Какой же здравомыслящий человек допустит, чтобы такие добродетельные и богобоязненные люди, с очами, возведенными к небу, и руководящиеся в жизни только евангелием, – вдруг, хладнокровно станут отравлять бедных рабочих? Фи! Их, разумеется, слегка допросили, потом долго писали и обсуждали, а затем, потихоньку стали замалчивать, пока все не забудется, – огорченным тоном закончил Юрий.

– И все идет по-прежнему!

– О, нет! Теперь, эта негодяи стали осторожнее; но, конечно, как только они убоятся, что все это дело травой поросло, примутся за прежнее.

Ловкая и хитрая Матильда Фердинандовна успевает так одурачить своего мужа, на все смотрящего глазами жены, что даже подбивает

легкомысленного генерала, в ущерб родному сыну, заложить имение, оставленное тому лишь в пожизненное владение его первой женой, – чтобы купить поместье в Польше своему сыну от первого брака, бар. Леопольду. Этот полунищий барон-голыш, питающийся со своей супругой тем, что урвут у богатых русских родственников, оказывается не только деятельным пособником генеральши в деле насаждения и укрепления «тевтонского» духа, но даже и больше того, как увидим ниже.

Противники этого чужеядного влияния выведены в романе, во-первых, Юрий Шастунов – сын генерала от первого брака, затем его дядя, Валериан Петрович, дочь – Милица, героиня романа, и ее друг детства Щепин-Кромский. Первые два действующие лица обрисованы менее подробно и выставлены, как бы для того, чтобы выяснить, под влиянием какого рода людей рос и развивался характер Милицы.

Юрий – горячий, его дядя – более спокойный и уравновешенный и оба они – глубоко честные и хорошие русские люди, но слабосильные и не могущие, по мягкости характера, положить предел заразе, внесенной в их семью мачехой и невесткой, не смотря, однако на полное сознание приносимого ею вреда. Тем не менее, борьба между враждующими сторонами (русской и немецкой) ведется буквально не на живот, а на смерть, пока наконец Юрий, изобличив в измене «братца», устроившего из своего пограничного с Пруссией имения склад германского оружия, не погибает за откровенность от «шальной» пули на охоте.

Между этими, так сказать, *антиподами*, стоит целый ряд типичных представителей опошлившегося русского «бомонда», но мы остановимся на наиболее ярких, по своему нравственному и умственному убожеству, экземплярах. Вот, например, Лоло Юрасов – пошлый фат, увлекающийся смазливенькой рожицей подвернувшейся под руку племянницы Либермана и даже женящийся на ней; но в скором времени, как только у него прошел любовный хмель, он также спокойно бросает жену, как перед тем равнодушно отнесся к смерти матери, убитой известием о его женитьбе, и исчезает, за границу влачить свое никому не нужное и бесцельное существование. Таков и князь Игорь Загарин – развинченный гвардейский повеса. Влюбившись в Милицу, он долго за ней ухаживает и делается женихом, что, однако, ему нисколько не мешает завести интригу с красавицей полькой, графиней Осецкой; однако, на этот раз, подобная проделка ему обходится дорого. Обольщенная им девушка, узнав о его сватовстве и видя себя обманутой, мстит за свой позор выстрелом из револьвера, после чего конечно следует разрыв с Милицей.

Представительницы «прекрасного» пола соперничают в безнравственности с полом «не-прекрасным». Вот характерная сценка, рисующая сразу быт среды и ее главных действующих лиц. Перед читателем княгиня Репьева – стареющая, но пылкая не по летам светская львица.

Олимпия Аркадьевна, женщина лет пятидесяти пяти, в молодости должна была быть хороша собой. Лицо ее было удивительно свежо для ее лет, в черных волосах не просвечивало ни одного седого волоска; но накрашенные губы и не в меру выведенные брови предательски выдавали, что грим играл тут значительную роль.

Она была полна и потому туго затянута в корсет. Ее нарядный капот, светло-лилового цвета, украшал целый каскад дорогих кружев: широкие рукава открывали полные красивые локти и выхоленные, покрытые кольцами руки. Хорошенькие еще ножки, обутые в черные шелковые чулки и золотистые туфли, кокетливо выглядывали из-под платья и покоились на серой, атласной подушке на полу.

Выражение лица – добродушное, но, еще более, беспечное, служило правдивым отражением ее характера. В сущности, Олимпия Аркадьевна была не злая женщина, подчас даже добрая и довольно отзывчивая: но, прежде всего и главным образом, она была светской львицей и кокеткой, искавшей в жизни только успеха и поклонения.

Так, в вихре наслаждений и проказ своей шумной и бурной жизни, она не заметила, как потихоньку сделалась бабушкой, оставаясь глухой к голосу своего зеркала, взывавшего к ней: «Одумайся! Никакие уж краски не дадут тебе настоящей молодости; время любви для тебя миновало, и ты становишься смешной».

Даже смерть единственного сына княгини не могла отрезвить и стряхнуть ее неисправимого легкомыслия, хотя она искренно любила молодого князя и перенесла всю свою привязанность, к которой только была способна, на внучат, круглых сирот. Но все же, противиться увлечениям сердца была столь же мало способна теперь, как и тридцать лет тому назад.

Сидевший против княгини священник был человек средних лет. Голова и борода его подернулись сединой, доброта и ум светились в его глазах и от всего его существа веяло чистым и строгим покоем честной и безупречной жизни.

– Так могу ли я рассчитывать ни помощь вашего сиятельства, чтобы начать задуманное дело, необходимость и пользу которого я имел честь вам изложить? – спросил он, заканчивая горячее объяснение, которое Олимпия Аркадьевна слушала довольно внимательно.

– Непременно, отец Никандр. Начинайте постройку школы, а я сегодня же прикажу управляющему выдать вам необходимое количество леса и двести рублей на предварительные расходы. А для библиотеки я вам вышлю книги и иллюстрированные журналы. – Пожалуйста, не благодарите, – перебила она священника, пытавшегося выразить ей свою благодарность. – Я всем сердцем присоединяюсь к вам и понимаю, что школа и книга будут лучшим орудием против пропаганды штундистов.

Только тогда народ будет иметь силу противиться опасным совратителям, когда он будет просвещен!

Священник вздохнул.

– Ах! Тяжела борьба с людьми, которые не брезгают никакими способами, чтобы привлечь последователей, располагают громадными средствами и ловко пользуются бедностью, минутами слабости и отчаяния, а главное темнотой крестьянского люда, чтобы отвращать его от православной веры. Разумеется, надо делать, что можно, а Господь довершит остальное. Я же очень рассчитываю на школу и поспешу с ее постройкой. Благодаря щедрости вашего сиятельства, можно будет приступить безотлагательно и на будущей неделе устроить закладку.

– Конечно, если ничто не помещает. Но вы знаете, отец Никандр, в какое затруднение меня поставила неожиданная болезнь мистера Фрейя. Я не знаю, как мне достать теперь же другого гувернера; а между тем, оставлять детей под надзором кормилицы, или теперь няньки Жоржа, – прямо невозможно. Я боюсь даже, чтобы не пришлось для этого ехать в Петербург.

– Мне кажется, что я могу вывести вас из затруднения и предложить человека вполне подходящего. Это – некто Веригин; он с университетским образованием и долго жил в Германии, в качестве секретаря у одного богатого коммерсанта; но семейные обстоятельства вынудили его вернуться ни родину и теперь он очутился в затруднительном, положении, потому что у него на руках мать и несколько малолетних братьев и сестер. Я отвечаю за его порядочность.

Княгиня оживилась.

– Вот и отлично! А ваша рекомендация, отец Никандр, служит мне лучшей порукой. Присылайте же мне поскорее г-на Веригина.

– Непременно, ваше сиятельство; пришлю завтра же.

В эту минуту вошел лакей и подал княгине на серебряном подносе письмо.

– Г-н Либерман, управляющий Всесвятского, приехал с племянником и подал письмо к вашему сиятельству, – доложил он.

Княгиня пробежала письмо.

– Либерман предлагает мне в гувернеры своего племянника и просит принять его. Иван, проведите их в голубую гостиную и попросите обождать.

Лицо священника нахмурилось. Заметив это, княгиня спросила, какого он мнения о Либермане.

– Это – личность мало достойная уважения и, кроме того, он слишком уж злоупотребляет оказываемым ему доверием. Главное же, он невероятно жесток с бедными крестьянами: нет такой придирки или гадости, которых он не сделал бы; к тому же он – твердая опора и пособник штундистов-проповедников. – Я только удивляюсь, что он

осмеивается предлагать вашему сиятельству своего племянника. Мне доподлинно известно, что в прошлом году он привез сюда своих родных; но ведь это же люди простые, почти мужики! Чистое горе, что всякий проходимец из иноземцев сейчас воображает, что может быть чем-нибудь у нас.

Княгиня улыбнулась.

– Вы уж чересчур строги, отец Никандр! Как это ни тяжело сознаться, но образование за границей, даже среди народа, гораздо выше нашего, и в Германии, поверьте, нет мужиков в нашем смысле слова: самый бедный рабочий обладает прекрасными манерами, окончил школу и развит. Да как же нам обойтись без иностранцев? Они необходимы нам, как гувернеры, гувернантки, бонны и т.д., чтобы дети, по крайней мере, чисто говорили на языках.

– Да! А вместе с хорошим выговором, этот мусор общественных отбросов иноземных государств сеет в душе детей национальное равнодушие, или даже презрение ко всему русскому и восхищение нашими исконными врагами, – горько заметил священник.

Княгиня с улыбкой погрозила ему пальчиком.

– Не будьте так нетерпимы, отец Никандр. Но я все же запомню, что вы мне сказали, и останусь верной покровительствуемому вами Веригину. Теперь я пойду, спроважу немцев, а пока дам вам записку к управляющему: переговорите с ним и потом приходите завтракать.

Взволнованный Мориц в беспокойстве ожидал выхода княгини в маленькой гостиной, куда ввели его с дядей. Не смотря на убеждения Либермана быть более спокойным и уверенным в себе, он не мог победить своей тревоги.

В те времена, когда он подавал гостям «Zur fetten Gans» капусту с салом и кружки пива, чистил сапоги или мыл у колодца посуду, – даже его хозяин не протягивал руки, а здесь он должен был говорить с *настоящей* княгиней.

Он лихорадочно перебирал в уме уроки Шмацеля, когда вошла Олимпия Аркадьевна.

Пристально взглянула она на обоих немцев, отвешивавших ей глубокие поклоны, и приятное удивление мелькнуло у нее в глазах. С улыбкой кивнула она им и попросила дядю с племянником садиться.

Либерман начал говорить и с невероятным апломбом описывать достоинства Морица, рассказывая, что тот кончил курс высшей школы и что своим образованием и характером вполне способен занять то место, которого он для него просит. Цветистая речь уснащивалась при этом глубочайшим уважением «für durchlauchtigste frau Fürstin» и лестью, если и не особенно тонкой, за то умно подобранной.

Мориц благоразумно и скромно молчал; но, мало-помалу, ласковые взгляды княгини и ее видимое благоволение придали ему мужество. К

тому же и переговоры шли успешно и, когда Олимпия Аркадьевна пригласила обоих гостей остаться у нее завтракать, то было решено, что Мориц принимается в качестве гувернера к маленьким князьям Коле и Жоржу Репьевым и, через неделю, должен вступить в исполнение своих новых обязанностей.

Вернувшемуся отцу Никандру княгиня сконфуженно объявила свое решение и возобновила приглашение остаться завтракать; но священник извинился, что по неотложному делу должен ехать домой и, холодно раскланявшись, удалился.

Обида и огорчение кипели в душе спокойного и снисходительного, обыкновенно, отца Никандра. Довольно было ему взглянуть на рослую фигуру Морица и на его здоровое, хотя мало выразительное лицо, и он понял, что эта соблазнительная внешность, в связи с престижем его иностранного происхождения, повернули дело в пользу немца, отняв ожидаемый кусок хлеба у его кандидата.

Презрительным взглядом окинул отец Никандр стоявшую у подъезда щегольскую тройку Либермана и, хмурый, полез в свою таратайку, запряженную парой косматых крестьянских лошадок с парнем в красной рубахе на козлах.

– Вот как живут у нас эти немецкие прощальги, – проворчал он.

Героиня романа, Милица Шастунова – натура глубоко честная и прямая, но до болезненности чуткая и горячая; хотя, может быть, это последнее свойство развилось в ней при столкновении с окружающей ее средой, в которой она не может акклиматизироваться, благодаря полученному ею особому, здоровому воспитанию. Эта цельность и непосредственность ее характера, ярко очерченная в целом ряде сцен, не укладывается, конечно, в рамки той пошлости и предательства, которые воцарились в доме ее дела, при благосклонном участии генеральши и семьи ее сына, как и вообще не мирится с условиями окружающего ее светского общества, а потому и производить впечатление упрямства и своеволия. Разочаровавшись в своем бывшем женихе, князе Игоре, она выходит замуж, за графа фон-Береклау, отчасти по чувству оскорбленного самолюбия и мести Загарину, а отчасти привлеченная теми высоко этическими чертами нового жениха, которых не встретила в своих соотечественниках. Но тут восстают против нее и становятся между ней и мужем неточность и узкость обыденной немецкой среды, в которую она попадает.

Правдиво оттенив вредную деятельность немецкой саранчи в России, строго объективный и беспристрастный автор дает прекрасный образ «заграничного» немца, графа Фон-Беренклау, человека вполне уравновешенного, с твердой волей, любящего свою родину и безгранично ей преданного. Остается только пожалеть, что г-же Крыжановской пришлось заимствовать своего героя из германского мира, но винить в

этом автора вряд ли возможно, потому что и раньше Тургеневу с Гончаровым, тоже приходилось прибегать к заграничным образцам для создания типичных представителей людей дела и твердой воли. Очевидно, в русской жизни нет еще на лицо тех здоровых условий, которые создают нормально развитые и цельные характеры, умеющие ставить себе действительные цели в жизни и сознательно добиваться их, а не томиться в созерцательном бездействии. Это предпочтение автора может быть очень обидно для русского самолюбия, но тем не менее это неизбежно, если писатель желает служить в своем произведении *художественной правде*.

Что г-жа Крыжановская была вполне беспристрастна в обрисовке своего героя, доказывается еще и тем, что она с не меньшим сарказмом казнит мелочность и пошлость среднего слоя заграничного немецкого общества, хотя и отдает, при этом, должную справедливость тем здоровым семейным, религиозным и политическим началам, под влиянием которых это общество складывалось и которые составляют существенные признаки *культурности* немцев.

Изображенная в романе правдивая картина нашего общественного разложения не может, во всяком случае, пройти бесследно для читателя; это не такая вещь, которую можно прочесть, полюбоваться, пожалуй, ее художественным замыслом и исполнением, а затем и забыть. Нет, «Паутина» оставляет очень глубокое впечатление, которое будит мысль сознанием надвигающейся беды, заставляет строже взглянуть на окружающие нас общественные явления и «самоопределиться» (модное словечко). Вбаламученная русская жизнь подняла со дна общественную мусть, и в настоящую минуту, перед нами встает неотложная необходимость точного анализа жизненных условий нашего существования и «переоценки ценностей».

Положим, – скажет себе в утешение читатель, – автор изобразил пока лишь служилую или помещичью среду; а, может быть, в иных «интеллигентных» слоях общества таится залог возрождения здоровых начал русской жизни? Но, во-первых, описанные у автора общественные классы тоже принадлежать к числу «интеллигентных»; а, во-вторых, что такое русская «интеллигенция» и каково ее духовное и умственное достояние?

Один из видных публицистов нашего времени, Н.М. Соколов³²⁷, выяснил символ веры современной «интеллигенции», выделяющий ее в особую, так сказать, секту из общего понятия просвещенного и образованного общества. Типичные черты *интеллигентности* заключаются, по мнению автора, в пяти «разрывах», а именно: 1. *разрыв с наукой*, так как ценится не столько знание, сколько «направление», самая же образованность может быть и довольно поверхностна и не идти дальше популярных книжек; 2. *с государством*; 3. *с церковью* и 4. *с*

прошлым. А два последние разрыва влекут за собой неизбежно и пятый – разрыв со своим народом.

Как ни странно, на первый взгляд, последнее положение, а между тем вся босяцкая литература «максимовцев» несомненно является местью народу за его стойкость и верность вековым историческим и религиозным основам его жизни. Но за последнее время наша «интеллигенция» (слепо идущая на помочах масонства и пряча его за своей спиной), или по крайней мере та ее часть, которая делает «освободительное движение», дошла даже до открытого предательства родины, веры и своего народа, что блестящим образом доказывается стремлениями разных «прогрессивных» партий отделить церковь от государства, раздробив к тому же последнее на автономные области и т.д.

Оплеывая все свое и рабски заимствуя идеи Запада, да холопствуя перед его культурой, «интеллигенция» наша, под видом «либерального» направления, упорно проводила в общественном сознании замену понятий: патриотизма – космополитизмом, веры – религиозным индифферентизмом и т.п., а сама, между тем, просмотрела, или не желала видеть, например, в той же Германии и верность историческим традициям и то высоко развитое национальное самосознание и сплоченность, которые характеризуют немцев и делают их действительно, а не наружно только, мощным, культурным народом.

И так, опять вырастает неотвязчивый, мучительный вопрос – возможно ли возрождение русского общества? По нашему мнению, возможны два исхода: или вызванный к жизни свежие народные соки выгонят молодые побеги и создадут столь же здоровый, новый образованный класс, но уже связанный со своим народом, осудив, вместе с тем, на вымирание нынешнюю беспочвенную, испорченную и алчную «интеллигенцию»; или же эта *тля* захватит врасплох все в свои руки и закует в оковы народ – богатыря, как это произошло во Франции, где вытравлена даже сама идея народности.

Но первый исход не может прийти сам собой и спасение, думается нам, в деле оздоровления Руси, может и должно идти от православной церкви, остающейся, как в встарь, хранительницей не только чистоты веры, но и народного духа. Если же это не произойдет, и материнские объятия православной церкви не раскроются для мятущихся сынов ее, тогда вопрос – быть или не быть самобытности русского народа – становится роковым.

Надо надеяться, что верная Христову учению, наша церковь соблюдет и не забудет великий завет Его:

«Я есмь пастырь добрый: пастырь добрый полагает жизнь свою за овец.

А наемник, не пастырь, которому овцы не свои, видит проходящего волка и оставляет овец, и бежит; и волк расхищает овец и разгоняет их.

А наемник бежит, потому что – наемник и не радит об овцах».

С. Литвин

«Молоканский Вестник»

В половине марта с.г., в г. Владикавказе вышел 1-й номер молоканского журнала под названием «Молоканский Вестник». Редактором журнала состоит небезызвестный в молоканском мире молоканин Н.Ф. Кудинов. Кудинов – житель г. Владикавказа, последние годы жил в г. Карсе, с конца 1905 г. опять поселился во Владикавказе, образования он домашнего.

Объявленная программа журнала довольно широка: в ней обещаются «духовно-нравственные статьи и проповеди, статьи богословско-философского содержания, беллетристика». Но заявлению редактора, «в журнале принимают участие выдающееся молоканские деятели». 1-й номер журнала не оправдывает, однако объявления редактора: весь номер состоит из двух проповедей самого редактора. Кроме проповедей напечатаны 3 проекта уставов – союза владикавказских молокан, союза молокан Карской области и союза бакинских молокан.

Проповеди г. Кудинова, не отличаясь ни содержательностью, ни достоинством изложения, наполнены нареканиями на православную церковь. Не смотря на заявление автора, что целью журнала служит прежде всего «очищение молоканства от тех нечистот, которым обильно наполняют духовную храмину молокан», он, при каждом случае, простирает свой «духовный веник» мимо своей хаты, главным образом в храмину православной церкви, намеренными вымыслами искажая историческую действительность:

На долю «убогой и заплеснелой» (по выражению автора) храмины молоканской достаются одни похвалы. Восхваляя молокан, как «истинных последователей Христа, восприявших и понявших великие идеи Христа», «всегда боровшихся с невежеством и тьмой», «призванным и в настоящее время делиться со всеми теми великими богатствами, которыми они обогатились сами», автор говорит о православной церкви следующее.

«Почему христианство до сих пор не пришло к единству, братству и равенству?» – спрашивает автор в 1-й проповеди, и отвечает: «потому что св. Писание тысячелетия лежало в церквях, оно не было известно всей народной массе. Народная масса пользовалась св. Писанием в той лишь мере, какую угодно было духовенству. Когда народная масса стала пробуждаться от духовной спячки, духовенство насторожилось, так как пробуждение народных масс было не в его интересах. Тех, которые проснулись от духовного сна, духовенство старалось снова усыпить, если же снотворный порошок не действовал, то они ссылали их в Сибирь и на Кавказ, отнимая у них Слово Божие, сжигая и бросая его в колодцы». Во второй проповеди автор решает вопрос: «откуда бедствие и несчастия среди христиан», и все рассуждения свои сводит к одному ответу – от

церкви православной. «Люди служат Богу и мамоне-капиталу», говорит он и далее ведет такие рассуждения: «для составления капитала человек не спит ночей, чтобы так или иначе выудить язь принадлежащего другим людям капитала. Он усердно Богу молится, чтобы Бог дал ему успеха обделать то или другое дельце. Если ему удалось или обмануть кого-л., или торговать хорошо, то он ставит свечи, делает вклады в церкви. Для отвода глаз люди устроили суды, но эти суды тоже увлечены служением мамоне, а потому и не устраняют зла. Суд разбирает только степень обмана, а не разъясняет людям, что они служат мамоне. Есть и другое учреждение, которое занимается специальной целью доказывать необходимость Служения Богу. Но служители этого учреждения не делают этого. А не делают они этого потому, что сами прислуживают мамоне. Официально они называются служителями Бога, и чтобы показать себя таковыми, они носят отдельные от прочих одежды, устроили особые здания, которые внутри и снаружи украшают ликами, картинами, золотом и серебром. Люди все – и те, которые служат Богу, и те, которые служат мамоне, собираются туда для выражения своих чувств, одни к Богу, своему Господину, другие мамоне, своему господину. Казалось бы, служители этого учреждения делают одно из благороднейших дел. На деле же оказывается не то. Как с тех, кои служат Богу, так и с служителей мамоны они собирают деньги и отпускают их, ничего откровенно не сказавши. Вместо того, чтобы категорически заявить служителям мамоны о их нечестии и грехе, они стараются успокоить их в этом. Учредили особую пеню, которая якобы идет к Богу в виде вознаграждения Богу за то, что они Ему не служат» и т.д., и т.д.

Автор решает и политические, и остальные вопросы – и все по одному и тому же приему. О войне с Японией он говорит: «Бог в своем Божественном решении положил сохранить целостность Японии. Не там, за десять тысяч верст нужно искать земли, чтобы дать таковую бедным, нуждающимся в ней, а тут, внутри страны, где она захвачена своими же братьями христианами. Неужели там, где блеск золота, украшающего храмы, где сотни монастырей, обладающих несметным богатством золота и земли, нужны еще завоевательные планы для того, чтобы удовлетворить крайнюю нужду крестьянина». Таким же образом решает он вопрос и о современном общественном движении: «если бы миллиардные богатства монастырей, их золото, собранное народом, их земли, исчисляемым миллионами десятин, были отданы тому, кому они более всего нужны, тогда мы не были бы свидетелями всех бедствий, происходящих в России».

Разбора такие нарекания на православную церковь не заслуживают. Выписки из проповедей сделаны только для характеристики приемов молоканских проповедников, забывающих наставление св. Писания: «слово гнилое да не исходит из уст твоих». В эпиграфе журнала редактор

словами писания призывать всех к любви и миру, и сам же заведомо сеет смуту и разлад.

Напечатанные в журнале проекты уставов заслуживают внимания, как почин молокан в деле поднятия своего нравственного уровня. Союз Владикавказских молокан ставит в своем уставе следующие цели: объединить отдельные собрания молокан в г. Владикавказе (здесь существует 4 собрания молокан) в одно общее собрание, для каковой цели имеется в виду построить общий молитвенный дом (место для дома отведено городской думой бесплатно), учредить общество трезвости, устраивать беседы и чтения религиозно-нравственного содержания, открыть библиотеку-читальню при молитвенном доме, издавать книги и брошюры в духе молоканского учения. Проект устава молокан г. Карса и Карской области ставит более широкие задачи.³²⁸ Союз имеет целью объединить всех молокан Карской области таким образом. В каждом обществе карских молокан, входящем в состав союза, избирается сельский совет из 6 лиц. Сельские советы руководят местными общинами и собирают средства на общие дела союза. Сельские советы подчиняются главному совету в г. Карсе, избираемому из 12 лиц. Не менее одного раза в год устраивается общее собрание всех советов, которое рассматривает отчеты сельских советов и главного совета, рассматривает и утверждает сметы на предстоящий год, определяет, где и какую открыть школу, библиотеку или читальню, избирает главный совет, которому передает исполнительные полномочия на год. Заслуживает внимания решение вопроса о возникающих между членами союза недоразумениях на почве материальной. Недоразумения рассматриваются прежде всего сельскими советами; если стороны не пришли к примирению, дело их поступает на рассмотрение главного совета; если же и там стороны не примирились, им предоставляется право обратиться в коронный суд, с тем, однако, что виновная сторона исключается из состава союза. Устав союза бакинских молокан (назвавших себя прогрессистами) отличается более детальной разработкой просветительной и благотворительной деятельности союза.

Миссионер Кормили

Свящ. Серапион Бряжковский. Церковно-приходская летопись или описание прихода в историческом, этнографическом, религиозно-нравственном и других отношениях.

Выпуск II. Киев. 1905 г. in 8° II+157 стр., ц. 85 к., с пересылкой 1 р.

Настоящий выпуск (II) церковно-приходской летописи свящ. С. Бряжковского является продолжением изданного им в 1904 г. первого выпуска «Летописи» и есть в собственном смысле «летопись» или хронология прихода, в которую автор в течение десяти лет заносил, факт за фактом, важнейшие события, дурные и хорошие, из местной церковно-приходской жизни с дня поступления своего на приход. Хотя этот труд имеет главным образом местный интерес, но, являясь единственным в

своем роде, может служить для пастыря-летописца пособием в качестве руководства и образца при описании прихода, потому заслуживает внимания и широкого распространения среди тех лиц, на которых возложена обязанность вести церковно-приходские летописи. Имея под руками образцы, хотя бы даже не совершенные, того, о чем писать и что следует заносить на страницы «Приходской летописи», приходские пастыри без всякого затруднения сумеют выполнить лежащую на них обязанность «летописцев».

Обращаясь к ближайшему рассмотрению II выпуска церковно-приходской летописи свящ. Брояковского, мы видим, что автор в своем труде касается самых разнообразных событий из местной церковно-приходской жизни, при этом старается всем этим событиям и явлениям дать надлежащее освещение с пастырско-христианской точки зрения. К светлым явлениям приходской жизни автор относится тепло и задушевно; к печальным же явлениям – с пастырской скорбью и сокрушением. Наибольшее внимание он уделяет в своей «летописи-религиозно-нравственному состоянию своего прихода, просвещению в христианском духе подрастающего поколения, приходской благотворительности, взаимным отношениям пастыря и паствы и т.д. Частнее, автор касается больных вопросов о народных попойках, приурочиваемых к радостным и печальным событиям в жизни, о базарных днях в праздники, отвлекающих прихожан от посещения храма Божия, о нарушении святости воскресных и праздничных дней, о народных суевериях и о борьбе с ними, о жестоком обращении народа с рабочим скотом, об истреблении крестьянскими детьми птичьих гнезд и птиц и т.п. Наиболее интереса представляют те страницы летописи, где автор ведет речь о церковно-приходской школе, о порядках в ней и методах преподавания, об отношении к школе самого народа и о плодах церковно-школьного дела; между прочим особенно оттеняет он огромную роль пастыря-законоучителя в деле воспитателя подрастающего поколения (115–117 стр.). С не меньшим интересом читаются и те страницы, где автор ведет речь об устройстве им для церковно-приходской школы нового помещения и о тех хлопотах и затруднениях, которые ему пришлось пережить при постройке нового храма. С особою любовью автор заносит на страницы своей летописи отчет о плодотворной деятельности церковно-приходского попечительства (101–104 стр.). Не лишне упомянуть, что он в своей «летописи» отмечает также некоторые недоуменные вопросы из своей пастырской практики и дает указание к их разрешению.

Из этого краткого содержания рассматриваемой книжки о. Брояковского видно, что автор ее предложил вниманию читателей весьма умелый обзор важнейших событий из жизни своего прихода, – и этим начертывает программу вообще для всякой приходской летописи. Труд этот не лишен практического значения и может служить руководством для

составления «приходской летописи», – и потому заслуживает широкого распространения среди пастырей церкви, которые, в силу сложившихся обстоятельств, являются «летописцами» приходской жизни.

П. Козицкий.

**Миссионерство, секты и раскол // «Миссионерское
Обозрение», 1906, № 6, стр. 889–904**

Областной съезд молокан-уклеинцев в с. Разсказове Тамбовского уезда³²⁹

Высочайшим указом 17 апреля 1905 года провозглашена в России свобода вероисповедания. Первыми в России откликнулись на это событие молокане-уклеинцы Тамбовской губ., молокане – жители о. Разсказова, во главе с своим почтенным старцем Мих. Макс. Желтовым, решили устроить собрание уклеинцев и не одной только Тамбовской губернии, и действительно, в с. Разсказове 4–6 июня 1905 года был съезд молокан. В миссионерской литературе до наступающего времени известно о двух бывших всероссийских съездах молокан, именно – 22 июля 1905 г. в с. Воронцовке, Тифлисской губернии, и 2–4 сент. 1905 г. в с. Астрахани, Бердянского у., Таврической губернии. Но до этих всероссийских съездов был, так сказать, областной их съезд в с. Разсказове. Вот на это собрание молокан-уклеинцев мы и намерены обратить внимание всех участников 3 миссионерского съезда Тамбовской епархии. Свое сообщение мы делаем исключительно, как непосредственный очевидец собрания и как знакомый с главными заправилами устройства его. Нам пришлось побывать на этом съезде, с разрешения организатора его – М.М. Желтова. Мы весьма благодарны за это последнему. Такое многолюдное собрание молокан нам пришлось видеть впервые.

Мысль устроить съезд молокан-уклеинцев в с. Разсказове принадлежит, как мы сказали, известным молоканам Желтовым, во главе с М.М. Желтовым. Сам М.М. на наш вопрос: по какому поводу они съехались, – ответил так: «Вот до сих пор мы не могли явно исповедовать свое «духовное христианство», а теперь – дай Бог здоровья нашему Батюшке-Царю! – имеем полное право. А уж как оно дорого-то для нас, это право! Ведь вы сами знаете, – что вам и говорить? – как нас преследовали. Вот – к примеру – сказать про моего отца; его три раза к архиерею вызывали, разные трудные работы заставляли делать; все это для того, чтобы он от своей веры отказался. Но Бог дал ему терпение; все перенес, все; а в вашу веру все же не ушел. А что было с моим отцом, то было и с другими нашими братьями. Ведь это были мученики за веру; то их в консисторию вашу зовут, то в монастырь отправят, то в тюрьму посадят, то – говорят – выселяйся из родной земли, уходи на Кавказ или в Таврическую губернию. У меня и сейчас есть родственники в с. Астраханке. Это ведь они были сосланы туда в 40–60 годах. Теперь они живут там, слава Богу, хорошо. – Так вот почему мы собрались. Хотим отпраздновать этот великий день в нашей жизни. Ведь наши братья почти 100 лет не видели такой спокойной жизни, какая наступила теперь? Только Александр Благословенный нас порадовал; да и то ненадолго. Как

вступил на престол Николай I, ну – опять все у нас отняли, опять начали стеснять. Вот как у нас говорили, так и вышло: «Николай запретил, Николай и отпустить!».

Мы называем бывший в с. Разказове съезд молокан областным. И вот именно нечему. На этом съезде присутствовали молокане уклеинцы не только Тамбовской губ., а и других губ. Здесь мы видели и познакомились с молоканами-уклеинцами Таврической губ., Саратовской (Балашов. у.) и даже с «духовными христианами» Кавказа. Молокане Кавказа и Таврической губ. по происхождению своему большею частью из Тамб. губ., а некоторые даже и из с. Разказова. Исторически известно, что в 40–50 годах молокан из Тамбов. губернии выселяли на Кавказ, и в Таврическую губ. Знаем мы и то, что многие молокане уходили и этой губ. Приведем доказательство. В Тамб. Губ. Ведом. за 1863 г. (№ 44) из журналов тамб. губернского по крестьянскому делу присутствия узнаем о следующем. В 1858 г. 9 июня заарестован в г. Тифлисе «молоканин», приписанный к молоканскому селу Ново-Ивановки под фальшивым именем Симона Степан. Чулкова. На допросе оказалось, что он помещичий крестьянин Тамб. у. с. Разказова, настоящее имя его Семен Феод. Шалдовицин, ткач на суконной фабрике, удалился с места своего жительства, вследствие преследования за секту, в сентябре 1855 года. – Итак, молокане уклеинцы выселялись сами из Тамб. губ. на Кавказ. Кроме того, известно, что сам Семен Уклеин, основатель молоканства, разъезжал по Кавказу с проповедью своего «духовного христианства». Из Саратов. губ. молокане-уклеинцы были потому, что эта губерния была одним из первых мест проповеди Уклеина. История свидетельствует, что после проповеди в разных селах Воронеж. губ. и возвращения в Тамбовскую, Уклеин, узнавши, что здесь его ищут, бежал в Саратовскую губ., где в Балашов. уезде более половины жителей села Дурникова или Кислого совратил в молоканство.

Молокане-уклеинцы живут, помимо Тамбов, губ., на Кавказе, в Саратовской и Воронежской губ. Для съезда же была избрана Тамбовская губ. и в частности село Разказово и именно потому, что Тамб. губ. родина молоканства, первое место пропаганды Уклеина, первое «опытное поле», на котором Уклеин пробовал свои силы, а село Разказово центр молоканства в Тамб. губ. По официальным данным за 1903 г. в нем числилось исповедующих «духовное христианство» – 613 муж. п. и 590 жен. п., итого 1.203 чел., т.е. такое число, которого нет ни в одном другом селе Тамб. губ. – Разказово и место жительства главы современных малокан-уклеинцев М.М. Желтова. Кроме того, что с. Разказово избрано местом собрания молокан-уклеинцев еще и потому, что *это село было первым* в Тамб. губ. пунктом пропаганды Уклеиным своего учения, после его мнимого присоединения к православной церкви и получения, после этого, свободы. с. Разказово, т.о., живой памятник для молокан-

уклеинцев об их учителе Уклеине. Помимо сказанного, в этом селе находятся могилы многих тех молокан, который считаются «мучениками веры».

Самое собрание происходило таким образом.

Во дворе двухэтажного каменного дома бр. Желтовых был устроен шатер- палатка, вместимостью на 400–500 человек. Как со вне, так и внутри эта палатка была украшена зеленью. Во дворе и в самой палатке была разбросана трава. Ко времени начала моления ежедневно к этому дому то и дело подходили и подъезжали на хороших лошадях исповедники и исповедницы «духовного христианства». Все были в лучших праздничных костюмах. Здесь можно было видеть и дам в шляпках, и мужчин в европейских костюмах. Но у большинства одежда была простая: русская поддевка или длинный сюртук. Когда мы вошли в шатер, то нам представилось следующее. Она была буквально полна народом, часть которого пела псалмы. Все присутствовавшие стояли. Наше внимание было обращено как на самое пение, так и на количество певцов. Внимательно прислушались мы к мотиву напевов и нашли большие сходство их с мотивами русских простонародных песен минорного характера. Самый порядок пения был таков. Один из начетчиков-молокан с. Разказова, держа в руках псалтирь, громко произносил каждый стих отдельно.

Певцы его повторяли. Помимо начетчиков с. Разказова стихи говорились и начетчиками других молоканских общин. До сего времени нам приходилось несколько раз слышать пение молокан. Но такого грустного, удручающего душу, пения, мы еще ни разу не слышали. Грустно было на душе и у нас. Грустно потому, что, по-видимому, люди эти «ищут Бога», стремятся, взывают к нему. Но духовная слепота не позволяет им иметь достойные, указываемые православной церковью, для служения Богу средства. Мы желали хоть на минуту проникнуться во время этого пения молитвенным настроением. Но пение только удаляло нас от этого настроения, не давало ему необходимой пищи.

Псалмы пела небольшая группа присутствовавших, человек 20–25. Услышав пение этой группы, мы недоумевали: где же то общее пение у молокан, о котором так много говорят?...

Когда пение окончилось, все сели. Сели и мы на предложенное место. Тут ми увидели яснее, что среди шатра, в длину ее, стояло несколько столов, покрытых белыми скатертями. Среди них выделялся один, стол, большого размера, за которым сидели сами устроители съезда Желтовы, во главе с М.М. Желтовым, и приглашенные почетные гости – главным образом, из начетчиков и наставников молоканства. На этом большом столе ми видели книги разного объема и содержания. Здесь были псалтири, новый завет и библии на русском языке синодального издания.

Здесь же была любимая молоканами библия на славянском из издания времени Павла I.

Вторую составную часть моления, происходившего на молоканском съезде, было объяснение избранных мест св. Писания. Кончилось пения. Тотчас встал один из сидевших за большим столом, взял в руки библию и начал речь. Потом я познакомился с этим оратором. Он оказался начетчиком из с. Астраханки, Берд. у., Таврической губ. Речь его лилась стройно, спокойно. Интонация голоса была приятна.

Предметом своей речи оратор взял 13 главу Евангелия от Луки. «Дорогие братья и сестры!» – таким обращением начал он свою речь. «Мы собрались сюда с разных концов России; собрались для того, чтобы отпраздновать знаменательный день нашей жизни – 17 апреля, день дарования или вернее возвращения нам религиозной свободы. Здесь мы назидаемся, как говорит апостол, «во псалмах и пениях». Кончили мы пение. Обратимся теперь к Слову Божию, Слову Господа нашего И. Христа. Мне хочется, дорогие братья и сестры, предложить вам 13 голову Еванг. от Луки». Оратор прочитал первые 5 стихов, сделал перифраз их и перешел от исторических фактов, упоминаемых в них, к историческим событиям жизни молокан в России. Центром тяжести в его речи было указание на то, какие преследования терпели их деды и прадеды за исповедание «духовного христианства». В своей речи он упомянул об отношении русского правительства к молоканам в благодетельное для них царствование Александра I об известном апокрифическом указе и перешел к изображению жизни молокан, в последующее за царствование Александра I время до закона 17 апреля. Здесь он отдал должную часть всем тем, кто был добр в своих отношениях к молоканам. Говоря о так называемой – «страдной поре» молоканского «жития» в России оратор назвал своих предков «мучениками за веру». И мы, сказал он в заключения, – тоже много терпели; но теперь настал конец всему этому; теперь мы вольны в своем религиозном исповедании».

По окончании речи, молокане вторично запели псалмы. Затем М.М. Желтов пригласил начетчика, наставника молокан, с. Митрополя Тамбовского у. – Феодора Захаровича, прочитать молитву. Чтение молитвы было очень продолжительно. Молитва эта представляла из себя импровизированный свод мест св. Писания Ветхого и Нового Завета с некоторыми добавлениями собственно-молоканского сочинения, причем Феодор Захарович старался от лица всего собрания возможно горячее возблагодарить Бога за дарованную милость – указ 17 апреля. Упомянул он в молитве Александра Благословенного, воздав Ему должную похвалу за благодетельное отношение к их предкам. Помолился о нем и своих предках, которые терпели притеснения. Просил от лица собрания воздать (им) венец нетления всем, кто умер от преследования за веру. Помолившись за умерших, он перешел к молитве за живых. Здесь он на

первом плане поставил имя Государя Императора Николая II и весь Царствующий Дом. В конце молитвы Ф.З. упомянул о законе 17 апреля и, желая показать своим «братьям » его значение для молокан, сказал, между прочим, следующие знаменательные слова: «теперь ни гражданская, ни церковная власть нас, молокан, не может без покоить». Свою молитву Ф.З. сопровождал следующими обрядами: поклонами в пояс, коленопреклонением, поклонами в землю и держанием рук, сложенных одна на другую, на груди. Тоже делало и все собрание.

Таков общий характер бывшего в с. Разказове. съезда молокан уклеинцев. Как мы слышали, на этом съезде был и обмен, и знакомство с напевами, принятыми в разных местах молоканско-уклеинских общин. По справке оказалось, что лучшие напевы существуют среди балашовских молокан-уклеинцев.

Мы не можем сказать о том, были ли выработаны на этом съезде молокан какие-нибудь постановления, касающиеся вообще религиозной жизни их, в особенности новой жизни, наступившей после закона 17 апреля. Слышали мы, что помимо «общих» собраний все съехавшиеся устраивали и «частный». Всего, что служило предметом этих «частных» собраний, мы не знаем. Известны только некоторые частности. На собраниях обсуждались такие вопросы: 1) о необходимости составить адрес с выражением верноподданнических чувств на имя Государя Императора и 2) о необходимости всероссийских съездов молокан. Все это, как известно, уже приведено в исполнение. Адрес на имя Государя Императора был составлен в таком виде: «Общество духовных христиан, именуемых молоканами, села Разказова с великою радостью встретило царскую милость – свое освобождение от религиозных стеснений, которое даровано Высочайшим указом от 17 апреля сего года. Посему, призвав единоверцев других сел на торжественное собрание по обряду нашей религии, прочитав означенный указ, единодушно помолились за здоровье Его Величества, Великого Государя, Николая Александровича, ибо милости, даруемые нам означенным указом Его Величества, очень велика и неоценимо дороги; они вызывают у нас слезу радости и восторга и, будучи восторжены, мы – все общество, – как один человек вознесли пламенные молитвы к Царю небесному, прося Его, да прославится имя и царствие Государя Николая Александровича на веки. При этом, пропев 20 псалом, пожелали повергнуть к стопам Его Величества искреннюю благодарность их за милости и заботы о благе своего народа и заявить о их верноподданнических чувствах и готовности верой и правдой служить Государю и родине, с которыми они неразрывно связаны, как истинно русские люди. 1905 года, июня 26 дня. Представители духовным христиан, крестьяне села Разказова, Тамбовской губ. и уезда, Михаил Максимович Желтов, Павел Васильевич Ганьшин». На подлинном

Государю Императору благоугодно было начертать: *«Прочел с удовольствием, благодарю всех»*.³³⁰

Мы достоверно знаем также, что на частных собраниях были решаемы и такие догматические вопросы, как вопросы о водном крещении, о причащении и др. Нужно сказать, что и среди молокан-уклеинцев проглядывает иногда мысль о необходимости признания водного крещения, каковое уже приняли так называемые «новомолокане». Так, по крайней мере, нам говорил сам глава тамбовских уклеинцев М.М. Желтов. Но авторитет последнего еще очень силен. Вот почему всем защитникам водного крещения пришлось по необходимости «положить хранение устом своим». Поднимали вопрос и о крестном знамении, но ни к чему определенному не пришли. Сидя за стаканом чаю в доме бр. Желтовых 5-го июня, мы между прочим, беседовали о том, будут ли молокане-уклеинцы строить молитвенные дома. На мой вопрос: что *теперь* думают, по этому вопросу молокане-уклеинцы, ответил сама М.М. так: «мы пока об этом, не думали».

На этом и заканчиваем, описание Разказовского молоканского съезда.

Епарх. мисс. М. Третьяков

Казанско-Богородичное миссионерское братство в Тамбове

Не так давно опубликован годичный отчет по Тамбовскому Казанско-Богородичному миссионерскому братству за 1905 г.

Из отчета видно, что братство влачить прямо-таки жалкое существование и доживает последние дни.

Братство имеет довольно большой архив, в виде 13 почетных членов; но число его действительных членов относительно невелико – всего 45 человек. Почетные члены – это декорация, если хотите – традиция: о них не будем говорить. Но что же делали по миссионерской части те 45 человек, которые собственно и суть братство, союз, дружина. Отчет *молчит* об этом, и очевидно потому, что и сказать тут *нечего*. В списке их фамилий против каждого поставлена лишь цифра 3 рубля: вот, и вся их «деятельность».

Но чем же, однако заполнены 68 страниц отчета?

Кроме перечня членов братства, его совета, отделений, членов ревизионных комиссий и т.д., отчего дает орада всего *статистический очерк состояния расколо-сектантства епархии*. Откуда взяло братство эти сведения? Из *обязательных* донесений приходского духовенства. Статистика довольно подробная, но также и довольно сбивчивая. Так, например, одна и та же секта называется: раз – субботники, другой – новоиудействующие, третий – жидовствующие; в иных селах помечены хлысты, в другом – «хлысты тайные»: как будто есть еще в епархии и «хлысты явные!» Все это производит впечатление механического собирания рукою мало-осведомленного в деле делопроизводителя цифровых донесений разрозненных неспевшихся иереев. Подозрительно и то, что при датах, где заметно большое колебание в числе расколо-сектантов отчетного паи сравнительно с 1904 годом, нет ровно никаких объяснений. Есть в статистике и явные промахи, касающиеся особенно городов. Так известно, что в г. Борисоглебске есть сектантство, но оно там не помечено. Январский епархиальный миссионерский съезд 1906 г. удостоверил, что в самом Тамбове имеется до 40 человек баптистов, а отчет, составленный несколькими месяцами позже съезда, все же насчитывает, их всего 5 человек.

Между тем, именно городское духовенство преобладает в братстве и его совете – правлении.

Далее говорят о «существовании» в епархии трех *епархиальных миссионеров*. Об их деятельности отчет молчит, ибо они совершенно не подведомы братству. Но по какой же логике и для чего отчет братства все же напоминает об их существовании?

Затем, речь идет о *миссионерах окружных*. Их в 1906 году было 34 человека. Отчет сообщает о деятельности 4 из них, причем видно, что из

сих 4-х лишь два вели беседы и вне своего прихода. Но и окружающие миссионеры, как епархиальная должность, существующая на основании Синод. Правил 1888 г., едва ли подчинены братству: добровольно же в состав братства они войти пожелали, что видно из сопоставления их списка со списком действительных членов братства. Какое же отношение *их* деятельности к деятельности братства и его отчету? И неужели за те 200 р., какие уплатило братство в 1905 году всем 34 окружающим миссионерам (200:34=около 6 р!), оно купило и право присвоить себе их деятельность?...

Потом, на полстраницы идет пять-шесть общих фраз (ежегодно повторяемых в отчете!) о том, что и *приходские священники* продолжали миссионерствовать «по мере сил». Но, помимо всего прочего, опять вопрос: с какой стати отчет о деятельности братства говорит о деятельности тех, кто не пожелал добровольно войти в братство?...

Во всем остальном отчет держит тот же тон: вменять братству все, что ни есть в епархии миссионерского, особенно, если его отношение к братству можно установить хотя в виде нескольких рублей, а также – ставить ребром всякую копейку!

Узнало братство от приходских священников (кстати: в братстве не состоящих!), что у них есть в приходах несколько крестьян, ведущих беседы с сектантами, и вот оно, не давая себе труда привлечь означенных крестьян в состав братства и совершенно не справляясь об их согласу, просто-напросто вносит *их* деятельность в отчет о *своей* деятельности.

При этом одно и то же обстоятельство братство старается десять раз использовать для своего отчета, и одни и те же данные на разных страницах преподносит под разными рубриками: одни и те же крестьяне с их миссионерской деятельностью фигурируют то в графе о миссионерах-начетчиках, то в графе о миссионерах-книгоношах, то в графе о миссионерских кружках.

Есть у братства совершенно непроизводительные расходы. Такт, в 1905 году оно выдало 1.500 р. миссионерско-псадомщической школе, тогда как оно имеет всего 5 недельных миссионерских уроков (т.е. 400 р. за урок!), а бесполезность ее для дела миссии удостоверена официально – чрез донесения оо. благочинных и постановлением миссионерского съезда.

Отчет по братской *книжкой торговле* не указывает и ее оборот, ни ее прибыли.

Отчет по *братской библиотеке* не дает указаний на самое главное: кому и на сколько служила библиотека.

Приходо-расход братства путанный. В графе дохода ясно указаны специальные суммы. Но проследить их в графе расхода и учесть остатки по ним невозможно. Во взносах духовенства и монастырей при просмотре ведомости можно догадаться о недоимках; но в отчете они не указаны.

Отделения братства существуют на бумаге. Половина из них не имела в 1905 г. ни копейки добровольного поноса. Есть отделения, расход коих за год не достиг 10 рублей. Есть в приходе-расходе отделений и такие курьезы: Кирсановское отделение уплатило своим окружным миссионерам 125 р. (надо помнить, что всем 34 окружн. миссионерам епархии уплачено около 200 р.), но в числе тех 4 миссионеров, которые упомянуты в отчете, как делавшие нечто, миссионеров кирсановских нет.

Вообще, отчет производит тяжелое впечатление, особенно в год закона 17 апреля.

В.

«Угнетенные» старообрядцы

За последнее время, старообрядцы много писали и пишут в газетах о своем «угнетенном» положении, о своем «смирении» и «терпении». Писали и пишут даже после указа 17 апреля. Образчика такого «угнетенного» положения и «смиренного» «терпения» старообрядцев сообщается в 7-м № «Старообрядческого Вестника», в корреспонденции и из Воронка, озаглавленной: «Бунт из-за креста». Воспроизведем эту корреспонденцию.

«На старообрядческой церкви стоял крест. В начале июня два городских пришли и сняли его. Кто-то увидел это и ударил в набат. Собралась огромная толпа народа (т.е. старообрядцев) и потребовала, чтобы городские поставили крест на место. Те, боясь побоев, исполнили желание народа (т.е. старообрядцев). Народ (старообрядческий) потребовал объяснений, кто их послал снимать кресты. Городские ответили, что единовец, т.е. обратившийся из раскола в православие на правах единоверия Карамин. Это – злой фанатик, обладающий большими средствами (не он ли построил старообрядцам и церковь, когда пребывал еще в расколе?). Старообрядцы ринулись к нему, но он успел спрятаться; сколько ни искали, найти не могли. Домашние его сказали, что его просил об этом миссионер Родинцев. Толпа старообрядцев кинулась к этому миссионеру, но он убежал и скрылся в бане, где и просидел суток двое. И хорошо сделал. Иначе, пожалуй, пришлось бы лишиться здоровья, а то и самой жизни. Возбужденная толпа (старообрядцев) разбила окна в некоторых домах, негодуя за поругание своей (?) святыни».

Не правда ли? Сообщаемый «Старообрядческим Вестником» факт весьма любопытен, как яркий показатель «угнетенного» положения старообрядцев и их «смиренного» и великодушного «терпения», которыми они, особенно в последнее время, так прославляют себя в разных газетах! Корреспондент «Стар. Вестника», очевидно, особенно умилившись таким «терпением» старообрядцев, заканчивает свою корреспонденцию такими словами: «Очевидно, и для полиции, и для миссионеров прошло то золотое время, когда можно было безнаказанно издаваться и над человеческим достоинством старообрядцев в под крестом Христовым». Очевидно, – скажем и мы, – наступило *такое* время, когда, по понятию «Стар. Вестника», буйство старообрядцев должно признавать «человеческим достоинством», когда старообрядцы и без разрешения могут строить церкви и ставить кресты, чего не разрешается и православным, а блюстители законного порядка, очевидно, могут быть безнаказанно избиваемы «угнетенными» старообрядцами, когда те будут требовать от старообрядцев при постройке церквей соблюдения установленного закона!...

N.N.

Единоверческий съезд в г. Курске

15 и 16 мая с.г. в г. Курске происходили собрания представителей единоверческого клира и мирян курской епархии. На собраниях присутствовало до 40 делегатов, в том числе некоторые представители от других епархий (Херсонской и г. Орла). Было и несколько старообрядцев беглопоповщинской секты от курской и могилевской губерний, близких по духу к единоверию.

Общих заседаний было три: два под председательством местного епископа Питирима и одно – под председательством благочинного единоверческих курских церквей о. Рябухина. Съезд открыл преосвященный Питирим пространною и глубоко-содержательною речью о тяжелых переживаниях Отечественной Церкви и о средствах борьбы с растущим неверием и усилением сект. Такими средствами, по словам архипастыря, является объединение всех церковных элементов – пастырей и пасомых – вокруг Божьего храма, благоустройство церковно-приходской жизни и организация религиозно-нравственных собраний и чтений в приходских храмах. В своей речи преосвященный Питирим заявил о своем близком знакомстве с единоверием и старообрядческим расколом по Черниговской губернии и выразил желание всячески содействовать процветанию курского единоверия с целью привлечь близкое к нему беглопоповство.

После речи епископа съезд перешел к рассмотрению намеченных программой вопросов. Сперва были рассмотрены вопросы общего характера, касающиеся нужд и ближайших задач всего единоверия, как то: о церковном управлении, о единоверческих епископах, о клятвах собора 1667 года, о всероссийском единоверческом братстве и его отделениях; о периодических всероссийских и епархиальных единоверческих съездах и друг.

По вопросу о церковном управлении постановлено: единоверцы согласно Высочайше утвержденным правилам о единоверии 1800 г. и Синодальных указов 40-х годов должны оставаться вне всякой зависимости от духовной консистории, ограничиваясь лишь канонической зависимостью от епархиального архиерея своей епархии или в будущем – от единоверческого епископа.

В церковно-хозяйственной же жизни они всецело управляются своими церковно-приходскими Советами и собраниями по особой инструкции.

О единоверческих епископах постановлено согласиться с журнальным постановлением по данному вопросу комиссии VI отдела предсоборного присутствия (о назначении особых единоверческих епископов в митрополичьих округах), с следующим лишь добавлением: в епархиях, удаленных на большое расстояние от окружных единоверческих

епископов, или в случае, если единоверцы в лице местного епархиального епископа встретят деятельного организатора (в миссионерском смысле) и покровителя единоверия (как например Курский архипастырь Питирим), предоставить единоверцам свободный выбор быть в зависимости от единоверческого окружного, или местного православного епископа.

По вопросу о клятвах Собора съезд постановил принять в принцип проект профессора Н.И. Ивановского о пересмотре деяний Собора 1667 года на Всероссийском Церковном Соборе при участии восточных патриархов. Съезд добавил: при обсуждении данного вопроса на предстоящем Соборе в интересах миссии весьма желательно бы видеть и представителей старообрядчества.

По поводу учреждения всероссийского единоверческого Братства и его филиальных Отделений по епархиям, съезд вполне согласился с известным докладом по сему же вопросу С.-Петербургского священника С. Шлеева, заслушанным VI Отделом предсоборного присутствия, выразив желание учредить отделение Братства и в Курской епархии.

Не лишены интереса суждения съезда и по другим вопросам общего значения, наприм., об устройстве особых единоверческих церковных школ при единоверческих церквях, об отношении единоверцев к раздорному старообрядчеству в смысле миссионерского воздействия на него и о мерах борьбы с ним.

По первому вопросу съезд рекомендовал завести при каждом единоверческом приходе церковно-приходскую школу с особым единоверческим характером в смысле миссионерского влияния на местный раскол. С этою же целью постановлено возложить труд заведывания и приискания соответствующих учителей исключительно на единоверческих священников, а утверждать последних должен непосредственно сам епископ, чрез которого ведутся сношения с училищным советом или отделениями и по вопросам хозяйственным.

По вопросу о миссионерских мерах борьбы с местным расколом съезд рекомендовал меры общего характера и специально миссионерские: производство публичных и частных собеседований с раздорным старообрядчеством в духе мира и евангельской любви; открыт церковно-приходских библиотек и книжных складов с полемическо-миссионерской литературой; учреждение церковно-приходских Братств и кружков ревнителей Православия и подготовка членов последних к миссионерской полемике с иномыслящими и др. Меры общего миссионерского воздействия на старообрядцев рекомендовано позаимствовать из доклада того же священника Шлеева VI Отделу Предсоборной комиссии (Журн. 3, ст. 4), как наиболее целесообразные и отвечающие нуждам современной миссии.

Далее, преосвященным председателем съезда был возбужден весьма интересный вопрос об изыскании способов легчайшего соединения старообрядцев с единоверием. Владыкою были указаны случаи обращения к нему старообрядцев беглопоповщинских общин с просьбою благословить епископскою властью для них священников, предварительно выдав им св. миро и грамоты. Другие же просили выдать им в новостроящийся молитвенный дом древний св. антиминс, и когда Он заявил просителям, что у него, в архиерейской ризнице, хранится древний антиминс, из которого изъяты частицы св. мощей, и задал им вопрос: примут ли они этот антиминс, если он вложит в него часть св. мощей и освятит по древнему чину, – старообрядцы изъявили полное согласие. Из этих фактов преосвященный председатель съезда усматривает тяготение беглопоповцев к Православной Церкви и искание ими, хотя бы условного, единения с епископами греко-российской Церкви.

Преосвященный предлагает съезду тщательно осветить этот вопрос на основании канонов древней церкви и высказаться за облегчение способа примирения с Вселенскою Церковью «раздорников церковных, не содержащих ересей». Сперва владыка сам высказал несколько ценных соображений на эту тему, а потом подробно разбирали вопрос епархиальный миссионер Рябухин и делегаты съезда: протоиерей о. Васютин, священники: о. Серокуров (от Херсонск. губ.), о. Маслюков, Андронов и псаломщик Сырников (Курск. епар.).

Общими суждениями установлено: история и каноны Церкви допускали различные способы примирения с Церковью одних и тех же еретиков и раздорников церковных. Русская Церковь также практиковала различные способы примирения старообрядцев с греко-российскою Церковью: в единичных случаях беглопоповцы принимались по 2-му чину чрез св. миропомазание, а при массовых обращениях к единоверию по 3-му чину чрез одно покаяние и прочтение разрешительной молитвы (в 1880 гг.). В 40 гг. беглопоповцы «Старо-дубских слободе» (Черниг. губ.) и других епархий воссоединились с Церковью путем единоверия чрез «семипоклонный начал» и молитву: «Ослаби, остави, прости, Боже, согрешения наша» и т.д. Или вернее – были привиты в общение с церковью без всякого чинопоема с признанием таинства брака, совершенного над старообрядцами их же беглыми попами.

Воссоединение раздорников с Церковью, таким образом, вопрос не догматического характера, а скорей, административного. Он аналогичен с другим вопросом примирения с Церковью кающихся в тяжких грехах, а последнее, по 102 пр. Всел. Соб., всецело возложено на получивших власть вязать и отпускать согрешения человеческие – «дабы овцу заблуждшую возвратити и уязвленную змием уврачевати, или лютейшими и терпкими, или слабейшими и мягкими былиями», а так как беглопоповцы глубоко изменились в своих убеждениях (в лучшую сторону) относительно

истинности Православия, и так как они по вере так же православны, как и единоверцы, и многие из них держатся беглопоповства не по убеждению, а по традиции, то их можно сравнивать с «подцерковниками», кои «чрез одно покаяние паки совокупаются, яко едино тело, к Соборной Церкви» (1-е прав. Василия Вел.).

Преосвященный председатель затем предлагает съезду высказаться по поводу чиноприема, совершаемого беглопоповцами над иереями, приходящими к ним от Православной Церкви.

Миссионер Рябухин докладывает, что и беглопоповцы принимают к себе православных священников неодинаково: в одних случаях по 2-му чину (чрез маслопомазание), – в других – по 3-му, чрез покаяние и отрицание от ересей, причем отрицание иногда читается лично приходящим священником, без присутствия других беглых попов; читается по старопечатному потребнику чин «како примати еретики яковиты».

Чиноприем ни одним словом не касается существа православной церкви в не порицает ее обрядов. Далее докладчик указывает на существование среди беглопоповцев таких лиц, которые охотно бы приняли священника с епископского благословения; приняли бы и св. миро, но под условием, чтобы после того им была бы предоставлена в церковной жизни полная независимость от консистории и благочинных.

По мнению о. Рябухина, православная церковь могла бы отнестись к чиноприему беглопоповцев над приходящим священством более снисходительно, в виду аналогичных примеров в практике церкви русско-древней и современной, – указывающих на возможность такого снисхождения, а именно: по Соборному уложению патриарха Филарета приходившие из Белоруссии в Москву священники «Греческого закона» не допускались к общению в молитве до тех пор, пока не очищались покаянием от священника «Московского государства». Или: совершаемое у нас в 1-ю неделю в. поста торжество Православия, с произнесением анафемы еретикам, есть своего рода чиноприятие или чиноисповедание своего Православия, – следовательно, и практикуемое современным старообрядчеством чиноприятие над беглыми священниками есть не более, как чиноисповедание, не касающееся существа веры и оправдываемое вышеуказанными примерами.

После доклада о. Рябухина преосвященный Питирим подробно касается вопроса воссоединения близких к единоверию беглопоповцев с православной церковью, о необходимости пойти на встречу их желанию соединиться с Вселенской Церковью и о способах легчайшего примирения их с единоверием.

Владыка рекомендует целый ряд легчайших мер для привлечения беглопоповцев в лоно Вселенск. Церкви. Такими мерами является предоставление им некоторых льгот и прав во внутреннем церковном управлении, как то: предоставление им права обращаться к

православному епископу с просьбою о рукоположении для них священников, выдача им древних антиминов и св. мира; право надзора за благоповедением поставленных священников, равно и наблюдение за церковно-приходским хозяйством – предоставить исключительно самим старообрядцам и их приходским общинам, оставить за православным епископом лишь право канонического суда над старообрядческими священниками, когда о сем заявит сама община. С целью облегчить присоединение широких старообрядческих масс к общению с Вселенской Церковью, возложить на рукополагаемых или отпущенных к ним священников обязанность привлекать их к церкви, хотя бы даже чрез одно покаяние или семипоклонный начал и прощение.

С заключениями преосвященного Питирима съезд согласился вполне, присоединив от себя, что решение вопроса о способах примирения еретиков и раскольников с Церковью, всецело находится во власти самой Церкви.

Съезд единоверцев закончился торжественным архиерейским служением Божественной Литургии по единоверческому чину. В этом служении приняло участие пять единоверческих священников и один православный протоиерей. Пели единоверческие певцы. Но прочтении часов, пред началом литургии, преосвященнейшим Питиримом совершен был чин присоединения беглопоповского наставника (Ветковского согласия) Георгия Соколова и его жены. Во время чина присоединения и богослужения владыка изображал крестное знамение и благословлял молящихся по единоверческому уставу, – истово, двоеперстно, приобщал в обычное время новоприсоединенных Св. Таин, и сказал соответствующее торжеству глубоко-назидательное слово.

После литургии преосвященный посетил квартиру благочинного о. Рябухи на, где собрались все депутаты съезда. Представителями от мирян был поднесен владыке весьма художественный (Византийского письма) и ценный образ «Живоначальная Троицы» и благодарственный адрес.

Все указанные события, как то: епархиальный единоверческий съезд под председательством епископа, редкая отеческая заботливость местного архипастыря о нуждах единоверия и о всех иномыслящих, «иже не суть от двора Церкви Божией», архиерейское служение в православном храме по старопечатному уставу, – действительно, явление редкое в истории нашего православия после собора 1667 года и заслуживающее подражания пастырей православной Церкви.

Трудно себе представить радость единоверцев – депутатов, бывших свидетелями архипастырского внимания и истинно-отеческого отношения к ним. Эту радость они ярко подчеркнули в поднесенном его преосвященству адресе. Несомненно, что все эти события не останутся без влияния и на беглопоповцев, живо интересующихся вопросом воссоединения с Церковью, и уж это влияние успело сказаться в

некоторых местах, охваченных движением в пользу православия, а в ближайшем будущем не замедлит дать добрые плоды.

Можно надеяться, что при внимании и неустанной заботливости всех православных архипастырей и пастырей о нуждах единоверия и при благосклонном отношении к старообрядческому расколу, по примеру Курского архипастыря, вековая смута, разделяющая две родственные семьи русского народа, наконец, рухнет и средостение уступит место братскому единению в духе единой веры, единого учения и единой христианской любви.

М.С.Р.

Из жизни инославия и из мира заграничного сектантства //
«Миссионерское Обозрение», 1906, № 1, стр. 905–916

Новая секта христиан-коммунистов. – Фанатическая секта в Америке.
– Краткий исторический очерк шведских миссий и шведского Миссионерского Союза. – Торжественный благодарственный митинг Британского и иностранного Библейского Общества.

Многие американские и французские газеты сообщают интересные сведения о новой секте, появившейся недавно в Швейцарии, в деревушке Амден. Основатель секты, богатый американец Клейн, приобрел, не щадя издержек, большую земельную собственность, на которой образовалась в скором времени целая колония как из семейных людей, так и из одиноких мужчин и женщин. Многие члены прибыли из Америки. Колонка основана на христианском коммунизме; это "община", в том смысле, как ее понимали первые христиане. Принадлежащие к секте отказываются от всякой собственности в пользу общины и тем самым приобретают все права; желающим же выйти из секты имущество их возвращается. Каждый может свободно заниматься своей профессией или чем пожелает; напр., для художников выстроена отдельная вилла. У сектантов нет ни общественного богослужения, ни проповеди; они не находят нужным, молиться на том основании, что и без этого Бог посылает людям то, что для них полезно. Община Клейна считает, что Христос был человек, но такой, который руководился исключительно Божьей волей; несмотря на это, они поклоняются Богородице и святым и ожидают второго пришествия Христа Спасителя на Пасху 1904 г. в Амдене. Он принесет на землю мир и владыки земные придут и поклонятся Ему. Христос избрал для Своего второго пришествия Швейцарию, потому что она лежит в сердце Европы и имеет республиканский образ правления. Сектанты убеждены, что миллионы духов, населяющих воздух, а также и души всех умерших ожидают вместе с ними скорого пришествия Христа в Амден.

Экономическое устройство общины напоминает в некоторых чертах фаланстеры Фурье.

Французская газета «L'Aurore» считает эту секту одним из проявлений религиозного помешательства, введенного в моду непонятной поддержкой, оказанной Толстым духовоборам. В настоящее время эти несчастные дошли в Канаде до полного безумия и впали в чисто животное состояние.

Швейцарские власти следят за сектантами и для вмешательства своего ожидают только какого-нибудь противозаконного действия с их стороны.

Кстати о духовоборах.

В американской газете «Presse» появилась маленькая заметка о том, что в половине октября шесть человек духоборов были арестованы и отданы под суд по обвинению в поджоге машины, связывающей снопы, а также известного количества зерна.

Духоборы оправдываются тем, что в России они жгли (?) ружья и пушки, потому что это орудия разрушения; в Канаде же жгут земледельческие машины, потому что и они «измышления лукавого».

Корнваллис, город в штате Орегон, был взволнован в конце минувшего года бесчинствами членов новой секты, называющих себя «Божиими помазанниками». Охваченные фанатическим рвением, они уничтожали и жгли мебель, ковры, кухонную посуду и др. домашние вещи. Самые дорогие музыкальные инструменты делались жертвами пламени.

Все это происходило в доме м-ра и м-с Хорт. Деревья в саду были выворочены с корнем, цветники и оранжереи вытоптаны и уничтожены. Говорят, что даже собаки и кошки были сожжены на жертвенном огне.

Особенный интерес этому делу придавало то обстоятельство, что присоединившийся к дикой секте г. Хорт был членом правительственного комитета штата Орегон; семейство его – бывшие члены Армии Спасения – принадлежат также к убежденным последователям новой секты.

В ноябре минувшего года Хорт, служившей много лет в одном из торговых домов города, отослал ключи в контору с заявлением, что отныне он намерен посвятить себя служению Богу. Затем он лично принял участие в уничтожении домашней обстановки и в истреблении сада и оранжерей.

Целый день двадцать человек – членов секты – находилось в доме и наконец сожгли и уничтожили все потому, что Богу было так угодно. Они претендуют на непосредственное сношение с Господом, Который Сам указывает им, что следует уничтожить и что сохранить.

Через два дня двое главарей секты предстали перед судьями и после продолжительного допроса, снова выпущены на свободу. Это швед Крефильд и американец капитан Брукс, бывший член Армии Спасения. В городе все убеждены, что с удалением этих главарей сектанты перестали бы безумствовать.

В течение дня около дома м-ра Хорта перебивало до 2.000 посетителей. С наступлением сумерек уличные мальчишки обстреливали здание камнями и перебили стекла во всех окнах. Вечером дом был освещен, но скоро все огни погасли и все успокоилось.

Во время молений все сектанты катаются по полу с громкими рыданиями, стонами и криками и производят такой шум, что соседи обращаются к властям с просьбами унять их.

Многие из друзей Хорта хотели посетить его, но не были приняты. Крефильд или Брукс встречали их у входа, не впускали в дом и отказывались вызвать Хорта на том основании, что он занят беседой с

Богом и тревожить его нельзя. На вопрос, почему они окружают свои молитвы такой тайной? – Брукс ответил стихом псалма: «Тайна Господня с боящимися Его».

Сектанты уверяют, что конец света быстро приближается.

Офицер, явившийся арестовать Брукса и Крефильда, не встретил сопротивления. Его ввели в комнату, в которой несколько человек лежали на полу. Одна молодая девушка, очевидно, билась в припадке падучей болезни, лицо ее было закрыто платком. Когда офицер подошел с намерением приподнять платок, сектанты закричали в один голос*: «не трогайте ее, оставьте»!

Появление «Божиих Помазанников» вызвало в Корнваллисе такое волнение, какую мирный город давно не испытывал.

В 1903 году Шведский Миссионерский Союз отпраздновал свою 25-летнюю годовщину, и в память этого замечательного события была издана книга, в которой излагается история происхождения и деятельности этого Союза и помещены портреты всех его миссионеров. Этот юбилейный сборник, заключающий не менее десяти статей разных авторов и обнимающий 230 страниц в большую 8-ю долю листа, превосходно издан и иллюстрирован. Распространение его должно чрезвычайно увеличить интерес в деятельности этой миссии, и едва ли он может не достигнуть цели, для которой он издан.

Миссионерская деятельность, предпринятая шведами после реформации, началась прежде всего среди лапландцев, в пределах их собственной страны. С 1741 до 1748 года Петер Хегстром трудился в Лапландии, и его сменил Пер Фьельстром (Per Fjellström), который продолжал до самой своей смерти, последовавшей в 1764 г., учит, проповедовать и писать для лапландцев с избытком любви и неутомимой ревностью. После его кончины, однако, ревность и интерес к миссионерскому делу постепенно ослабели, пока полстолетие тому назад dr. Скарстедт, на громадном миссионерском собрании, не провозгласил: «Скандинавская миссионерская деятельность среди лапландцев во многих отношениях была и продолжает быть штопаньем» (a lap (patch)-work).

Миссионерское движение в Британии в начале XIX столетия оказало влияние на другие страны, и между прочим на Швецию. В 1818 году была издана миссионерская записка, а десятью годами позднее в Готенбурге было образовано небольшое миссионерское общество с целью усилить интерес к миссиям посредством издания соответствующих сочинений. В 1835 г. было основано Шведское Миссионерское Общество. Сначала его поддерживало Базельское Общество, которое имело на своей службе одного набожного шведа, отправившегося в Китай, а также «Моравские братья», которые нанимали много шведских миссионеров. Затем оно решило заняться миссионерством внутри своей страны и среди

лапландцев «старалось заводить и поддерживать школы и детские приюты, поощрять лапландцев к христианской жизни согласно с установленными правилами Евангелической лютеранской церкви».

В 1874 году с целью расширения интереса к деятельности миссий была учреждена Шведская Церковная Миссия, избравшая Зулулэнд (в юго-восточной Африке) сферой своих миссионерских операций. В 1876 г. Шведское Миссионерское Общество и Шведская Церковная Миссии соединили свои силы, и в первый раз в лютеранской церкви была допущена организованная миссионерская деятельность, и поддержания ее требовали как долга Церкви. Агенты соединенного Шведского Церковно-Миссионерского Общества трудятся теперь не только среди зулусов Наталья, но также и среди туземцев Индии, говорящих на тамильском языке, и труды их сопровождаются великим успехом.

В 1856 году широко распространившееся религиозное оживление произошло в Швеции, явившееся результатом трудов великого шведского проповедника, Розениуса, и для поощрения внутренней миссионерской деятельности в шведской церкви было основано Den Evangeliska Fosterlands – Stiftelse. Это учреждение постепенно принимало участие в заграничных миссии и поддерживало миссионера на Золотом берегу (Африка). Затем оно избрало полем своей заграничной миссионерской деятельности Галлаланд, в Восточной Африке, за Абиссинией, но ему пришлось бороться почти с непреодолимыми трудностями, не столько для того, чтобы начать дело, сколько для того, чтобы вообще добраться до этой страны. На Красном море, поэтому, было начато предварительное дело в Мак-Кулло, близ Массовы. Теперь миссионеры этого учреждения трудятся в Абиссинии, стране Тигра и Кунаме, а также, конечно, и в Галлаланде. Миссионерское дело ведется также и в Индии среди голдов и индусов центральных провинций с большой энергией и успехом.

В 1878 г. был образован Шведский Миссионерский Союз (Svenska Missions – förbundet), который и праздновал двадцатипятилетний юбилей своего существования. Этот Союз был практически отделением от Fosterlands – Stiftelse, которое ригористически держалось Аугсбургского исповедания, между тем, как диссиденты, вдохновляемые новым евангелизмом Вальдстремовского возрождения, не могли принять этого исповедания во всей его полноте: главная разность заключалась в значении, придаваемом удовлетворению (atonement) и требовании реформ в государственной церкви.

Шведский Миссионерский Союз немедленно обеспечил себе щедрую поддержку в каждом округе страны, не смотря на препятствия, поставляемые на пути более старыми обществами и властями государственной церкви. Было найдено возможным открыть миссионерский колледж, в который сразу поступило не менее 8 волонтеров, готовых отправиться с миссионерской проповедью в чужие

края. В 1881 году миссионерское дело было начато в Европе среди кавказцев; в 1892 г. – в Африке среди туземцев Конго; в 1886 г. – в Америке, среди жителей Аляски; в 1890 г. – в Азии среди китайцев. Миссии для евреев и мухаммедан в Алжире также существуют в течение многих лет; а в С.-Петербурге, Лондоне и Зундерленде (морской порт в графстве Дэргэм) Союз имеет капелланов для удовлетворения духовным нуждам шведских и других скандинавских моряков, посещающих эти порты. В большей части из этих мест миссионерское дело ведется с громадной энергией и сопровождается выдающимся успехом.

Аляскинская миссия едва начала свою деятельность, когда шведы в Америке решились сделать Аляску специальным полем миссионерского труда и, образовав американо-шведский Миссионерский Союз, обратились к главному обществу, давшему им жизнь, за позволением взять на себя все дело и всю ответственность с тем чтобы миссия была передана им. Поэтому пришлось искать нового места для миссионерской деятельности и в 1894 году был занят Китайский Туркестан. В Китае Союз вел свое дело на востоке, Вучанге, Ичанге, Шази (Shasi) и Сунпу, как главных станциях, и на западе – в Кашгаре и Яркенде.

И дело внутренней миссии не остается в небрежении, так, как способные миссионеры трудятся во многих определенных населенных центрах, а большой состав странствующих проповедников посещает другие округа Швеции, нуждающиеся в научении христианской истине. Государственная церковь Швеции сначала ничего практически не делала для детей, и Шведский Миссионерский Союз воспользовался этим бездействием и чрезвычайно сердечно принялся за дело: он основал более 2.300 воскресных школ и имеет более 4.000 учителей с 105.000 учащихся. И это обстоятельство побудило государственную церковь к соперничеству в любви и добрых делах, так что теперь много благотельного делается в Швеции для молодежи.

В течение этих 25 лет у Шведского Миссионерского Союза не переставал действовать миссионерский колледж, приготавливавший агентов для внутренней и заграничной миссии, так, что на всякое вакантное место миссионера всегда находился вполне способный или почти готовый кандидат. Число студентов колеблется от 30 до 50, учебный курс продолжается три года, а каждый семестр около 8 месяцев. Так как лютеранская церковь в Швеции очень ригористична, она проявляет абсолютную власть относительно посвящения на церковную должность, а так как Шведский Миссионерский Союз совершенно независим от Государственной Церкви, его миссионеры не рукополагаются. Когда приходится посылать кого-нибудь в качестве миссионера за границу, совершается торжественная служба посвящения (а Solemn consecration service), и президент Союза говорит отправляющемуся миссионеру: «Конференция Шведского Миссионерского Союза решила призвать вас,

А.В., и послать вас в качестве миссионера в N-скую миссию, и я теперь но поручению Шведского Миссионерского Союза, задаю вам вопрос: принимаете ли вы это назначение и приготовились ли вы, с верою в Господа вашего и Спасителя, посвятить себя всецело и безусловно проповеданию неисчерпаемых сокровищ Христа нашим ближним, которые ходя во тьме греха и неведения»? В случае утвердительного ответа миссионер посвящается посредством возложения рук при чтении молитвы.

Доход Союза исчисляется ежегодно в сумме около 17.000 фунтов стерлингов (около 170.000 рублей), а всего в течение 25 лет израсходовано на миссионерское дело значительно более 200.000 ф. стерлингов. Благословение Божие сопровождало труды Шведского Миссионерского Союза в прошлом, как показывают достигнутые результаты, и можно надеяться, что в будущем Бог благословит таких ревностных, преданных и благочестивых соработников Божиих в их трудах в пользу миссии.

Достопамятное и импонирующее зрелище представлял Алберт-Холл во вторник вечером 7 ноября прошлого года, когда состоялось заключительное праздновало столетнего юбилея Библейского Общества, на которое собралось до 8.000 человек, чтобы воздать хвалу Богу за то, что были собраны необходимые суммы для восполнения фонда, образованного в память столетнего юбилея общества, который носит название «the Centenary Fund». Редко, если когда-либо, собирались представители стольких платформ. Тринадцать епископов английской церкви сидели среди лидеров неконформизма и членов главных реформатских общин континента Европы.

Присутствовали представители по крайней мере 25 религиозных и миссионерских обществ. Китаец в костюме из красного и темно-синего шелка живописно контрастировал с почтенной фигурой генерала Бутса (Booth), с его развевающимися белыми локонами, одетого в шарлаховую фуфайку (jersey), которая резко выделялась из-под его длинного темного мундира Армии Спасения. Архимандрит греческой церкви в Лондоне не мог посетить собрания по причине болезни.

С одной стороны президента сидел американский посланник, с другой – граф А. фон-Бернсторф, в иностранном ордене. Вице-президенты общества и комитет были на виду на платформе, а арена, кресла, балкон и галерея огромного Холла, казалось, были затоплены восторженными друзьями и приверженцами общества, в числе которых было огромное множество влиятельных делегатов из вспомогательных отделов (Auxiliaries) в разных частях страны; многим из них, чтобы присутствовать на митинге, пришлось проехать большие расстояния.

ПРЕЛИМИНАРНАЯ программа священной музыки была блестяще исполнена добровольным хором, причем соло из Мендельсона и Шпора

были прекрасно спеты Т. Сэмпсоном, учителем из лондонского колледжа для хористов. Новое переложение на музыку гимна «С ледяных гор Гренландии», специально написанное мисс Кликман, вызвало сильные аплодисменты. Затем все собрание приняло участие в превосходном пении гимна «The Strain Uprise». Граф Стэтфордский прочел псалом 150. Rev. Дж. Гринхоу (Greenhough), бывший президент баптистского союза, вознес благодарение Богу за то, что были собраны полностью не достававшие средства для фонда в память столетней годовщины. Епископ Митчинсон, старейший президент общества, начальник (master) пемброкского колледжа в Оксфорде, вознес молитву об единстве и согласии среди всей конгрегации Христова стада. Rev. Маршал Хартлэй, ех-президент уэслейанской конференции, молил Бога, чтобы Он помог своим руководством в расходовании средств фонда, после чего все величественное собрание приняло участие в пении молитвы Господней, и звуки молитвы, вырывавшиеся из нескольких тысяч уст, походили на прибой волн у морского берега.

Президент общества, маркиз Норсэмптонский, голос которого отчетливо раздавался по всему залу, со своего кресла произнес краткую, но сильную и вдохновенную речь. Он радовался, что для восполнения «Сентенарного фонда» была принесена не одна лепта вдовицы, и объявил, что теперь собраны полностью четверть миллиона гиней³³¹, не считая прибыли от процентов или дивиденда. Лорд Норсэмптон выяснил также, что этот фонд будет посвящен специальным расширениям дела общества и тому, чтобы сделать более производительными его операции и организацию. Он горячо призывал увеличивать доходы общества, чтобы оно могло вести свое дело за границей беспрепятственно.

Епископ манчестерский привлек все внимание собрания своей речью. Кто мечтал бы, говорил он, о переводе Шекспира для африканских пигмеев³³², или Гете для эскимосов, или даже Гомера для патагонцев. Но Библия есть благовестие Божие для всего мира, написанное, правда, людьми, но ее голос – голос Самого Бога. Мы могли бы послать ее всякому народу, живущему под небом, и она возвратилась бы к нам, прибавив новые доказательства ее божественности. Весь обширный мир никогда раньше не ждал так благовестия Божия, как он ожидает теперь. Ужели мы намерены ограничить обращение книг Священного Писания и отказаться от своих усилий распространять Библию в чужих краях?

Внимание собрания было чрезвычайно заинтересовано, когда председатель приступил к чтению в последовательном порядке поздравительных приветствий, который мы приводим в Конце статьи, от короля Эдуарда VII, германского императора, короля Дании и короля Швеции. Секретарь нидерландского библейского общества прочитал по-голландски, а лорд Норсэмптон после перевел на английский язык, приветствие от королевы голландской и ее супруга, принца Генриха

Нидерландского. Последовательное чтение этих приветствий от протестантских правителей разных стран мира вызывало безграничный энтузиазм, который достиг кульминационного пункта, когда американский посланник, Уайтло Рэйд (Whitelaw Reid), поднялся с своего места и передал приветствие от президента Соединенных Штатов. В словах, исполненных особенной сердечности и прелести, его превосходительство провозгласил, что, хотя его страна придавала меньшее значение публичному исповеданию религии, нежели большая часть других наций, она была не менее глубоко религиозна, и в качестве свидетельства привел, примеры Уашингтона (Washington), Линкольна и Мак Кинли, имена которых, были встречены громкими одобрениями. Свое приветствие он заключил чтением письма, которое президент Рузвельт прислал по поводу «многозначительного и приятного события, которое празднует Британское Библейское Общество».

В любезных и изящных выражениях лорд Норсэмптон высказал признательность за эти королевские приветствия, а также огласил поздравительный телеграммы от Национального Библейского Общества Шотландии, Ирландского Библейского Общества, Южно-Австралийского вспомогательного отдела в Аделаиде, и от библейского митинга в Коломбо, посланную rev. Артуром Тэйлор, секретарем Британского Библейского Общества, уехавшим по делам Общества на Восток, имя которого вызвало горячая одобрения. Воздав дань покойному сэру Джорджу Уильяме, лорд Норсэмптон прибавил: «Теперь обратим наши умственные взоры снова к Царю царей и споем *венчайте Его многими венцами*».

Затем граф А. фон-Бернсторф, который превосходно и бегло говорил по-английски, описал как обращение Библии на континент приготовило путь для религиозной свободы, и собрание ответило на его слова приветствием по поводу наступлении религиозной свободы в России. Он признался, что все германские библейские общества обязаны своим существованием импульсу, полученному от Британского Библейского Общества, и процитировал изречение м-ра Сперджена: «Библия – это молодой лев; только пустите его на свободу, и он сам защитит себя».

Вечерняя овация приберегалась для генерала Бутса, который произнес характерную речь о «Библии и массах». Он сильно доказывал драгоценность Священного Писания для бедняков. Оно вводит Бога в жизнь бедного одинокого труженика: оно делает рабочего человека добрым. Собрание весьма оживилось и выражало знаки одобрения, когда генерал Армии Спасения объявил, «что Бог хочет сделать великое дело среди масс, и тогда улучшатся их нравы». Истины Библии доказывают их божественность переменами, которые они производят среди масс нашего собственного (т.е. английского) народа. Они делают людей не только добрыми, но и полезными, «обращая мужчин и женщин, которые были

проклятием, заразой и порчей повсюду, куда бы они ни пришли, в служащих ангелов, спасителей человечества». Между другими рассказами он сообщил об одном ребенке, который спрашивал свою мать: «Не говорила ли ты, мама, что та книга была Божьей книгой»? «Да, милый», отвечала мать. Тогда ребенок сказал: «Не думаешь ли ты, мима, что нам лучше послать ее домой, так, как мы никогда ее не читали». Чтобы заставить читать Библию, мы должны найти мужчин и женщин, которые живут ее учением открыто пред лицом людей. Критицизм масс не касается книг: это практический критицизм жизни тех, которые объявляют себя верующими в Библию. Генерал Бутс закончил свою речь среди новых шумных аплодисментов. Затем все присутствующее поднялись со своих мест и запели *Te Deum*, по известному переложению Джэксона, с чрезвычайным эффектом.

После пения были вознесены еще три молитвы: Rev. У. Б. Рубусана, ассистент корректор кафрского перевода Библии, вознес благодарение за распространение Библии в Африке; профессор Кэмбриджского университета, А. Макалнетер, горячо молился за влияние Библии в домах английских граждан, и м-р Ченг-Чинг-Йи, ассистент-корректор мандаринского перевода Библии, с трогательной простотой благодарил Бога за дарование Библии великим нациям Востока.

После этих молений последовала речь президента Форсисс (Principal Forsyth), председатель конгрегационального Союза, который говорил о «Библии и заграничных миссиях». Собрание выразило одобрение, когда он провозгласил, что эта книга была лучшим средством распространения цивилизации, нежели винтовка, и с напряженным вниманием слушало, когда он описывал, как для миссионера, впервые выступившего на миссионерское поприще в глухих местах, отрезанных от внешнего соприкосновения с церковью, делается его великим таинством, совершаемым Самим Христом. Чем более мы постигаем силу Библии, которая проникает и покоряет темные уголки нашего собственного сердца, области нашей собственной жизни, которые были чуждыми и недоступными для Бога, – тем более мы должны верить, что Библия предназначена быть благословением для мрачных, отдаленных и непокоренных стран мира.

Последний оратор, епископ Карлайля (Carlisle), сразу привлек все внимание собрания, и с гениальным юмором и духовной мудростью извлек четыре урока из самого митинга. Первый, – «Церковь всемирная, церковь всякого библейского (Scriptural) наименования и вероисповедания», нуждается в большем количестве, силе, совете и деятельности набожных мирян. Второй, – Библия не знает никакого различия между высшими классами и народными массами. Епископ здесь повторил утверждение генерала Бутса, заметив, что оно было высказано раньше них самим, а не заимствовано у генерала. При этом генерал Бутс

встал и драматически поклонился к великому удовольствию собрания. Третий, – при всем различии христианских наименований они представляют нечто единое. «Мы», сказал епископ, «находящиеся здесь, на этой платформе, принадлежим ко многим вероисповеданиям, различающимся в деталях богослужебной практики, но согласны в основных истинах откровения. Насколько я понимаю, в наших разносях нет ничего ошибочного, пока наши разнося не окрашены враждой. Мы не представляем зверинец, скопище львов, тигров и леопардов, которых нужно сажать в клетку отдельно друг от друга. Мы имеем свои разнося, как их имеют все мыслящие люди, но мы связаны вместе принятием Библии. Есть лица, которым нравится находить свое единство в соборах Церкви; и предпочитаю находить свое единство в Библии – – единство духа, узы (bonds) которого не косность, но мир». Наконец, епископ признался, что он не знает никакой церкви или общества по истине столь католического, как британское и иностранное Библейское Общество. На этой платформе были люди многих племен и рас, и народов, и языков – как будет повсюду в конце концов.

В возвышенном настроении и громким голосом был пропет заключительный гимн «Хвалите, о хвалите нашего Бога и Царя». Епископ Уэйкфилдский произнес благословение, и торжественные звуки «Аллилуйного Хора» (Hallelujah Chorus) достойно закончили благодарственный митинг, память о котором, никогда не исчезнет у всех, имевших возможность присутствовать на нем.

Телеграммы

От короля Эдуарда VII:

«По приказанию его величества поздравляю комитет Британского и Иностранного Библейского Общества с успешным сбором, превысившим четверть миллиона гиней, каковой суммы требовал комитет для расширения своего дела. Король желает Обществу всякий удаи в будущем, и надеется, что усилия, принимаемые обществом ежегодно, помогут, может быть постепенно, но прочно, распространить христианство по всему миру».

Knollys

От президента Соединенных Штатов:

«Могу ли я послать мои сердечные поздравления Британскому и Иностранному Библейскому Обществу на его благодарственный митинг, по случаю столетней годовщины? Я надеюсь, что его собрание возбудит всемирный интерес к переводу и распространению Библии, и я уверен, что все, кому близко к сердцу благо человечества, будут чувствовать к усилиям Общества самую искреннюю симпатию и признательность».

Teodore Roosevelt

От короля Швеции:

«Его величество король Оскар П., известившись, что Б. и И.Б.О. собирается на благодарственный митинг по случаю окончания празднеств столетней годовщины, с удовольствием разделяет это торжество. Его величество, взирая с глубочайшим интересом на благословенное дело Б. и И.Б. Общества по всему міру, радуется вместе со шведским народом развитию того, что было сделано для дальнейшего распространения этого великого дела».

От королевы Голландской и ее супруга:

«Исполненные чувством горячей симпатии к возвышенной цели, которую Б. и И.Б. О-во преследует более столетия, и с благодарностью вспоминая о помощи, которую оно так охотно оказало Нидерландскому Библейскому Обществу, мы имеем честь, по случаю благодарственного митинга, свидетельствовать наше искреннее участие ко всякому делу и усилию, направленному к распространению Евангелия».

Wilhelmina, Heinrich

От Германского императора:

«Примите мои наилучшие поздравления по поводу блестящего успеха, которым сопровождался сбор пожертвований в память столетней годовщины, и мои сердечные пожелания дальнейшего счастливого развития благородного дела Б. и И.Б. Общества».

William I R.

От короля Дании:

«Мои наилучшие пожелания счастья и успеха нашему делу и Божия благословения Обществу и его руководителям».

Christian R.

С. Зверинский

Об изменении способов содержания духовенства. Постановление 9 округа Николаевского уезда Самар. губ. По всестороннем обсуждении вопроса об изменении способов содержания, духовенство не пришло ни к какому окончательному результату, но все высказались за желательность изменения существующего способа содержания; по мнению одних было бы желательно, чтобы сами прихожане собирали известную определенную сумму и передавали причту, и таким образом, чтобы сами прихожане заботились о своих пастырях, доставляли все потребное для их содержания, и возложить обязанности этих сборов на попечительства и попечительские советы. Некоторые отцы съезда находят такой способ на практике неприменимым, с одной стороны потому, что духовенство будет в полном порабощении прихожан, пастырский авторитет едва ли повысится, а с другой стороны – и цель едва ли будет достигнута, т.е. духовенство может оказаться совершенно без средств.

Некоторые отцы съезда высказались за желательность обеспечения духовенства жалованьем от казны в достаточном для содержания размере, вместо платы за так называемые обязательные требы; это было бы и надежнее, и определеннее, и духовенству не пришлось бы дрожать за свой завтрашний день; при этом и земля должна быть по-прежнему оставлена в пользование причтов. На съезде 5 Ставроп. округа духовенство определяет норму вознаграждения в следующ. цифрах: священнику – 600 р. в год, диакону – 400 р., псаломщику – 200 р. за исполнение обязательных требоисправлений, каковы крещение, миропомазание, причащение, покаяние, брак, елеосвящение, похороны младенцев и взрослых без выноса, остальные же требы, не принадлежащие к числу неотложных и исполняемых по желанию прихожан, желает оставить на прежнем положении. Съезды 3 и 7 Николаевского уезда и 3 Бугульминского считают нормой жалования 1.200 руб. священнику, 800 – диакону и 600 псаломщику, 4 Самарского – норма 1.600 р. на причт из трех членов, 2 Бугульминского – норма 1.800 р. на причт из трех членов и 1.200 руб. из двух членов. Духовенство полагает, эта сумма может быть изыскана земством или другим учреждением, имеющим заменить земство, из местных средств, каковое учреждение должно выдавать жалование духовенству своего района ежемесячно, при чем желательно уравнивать приходы, полагая 1.000 душ на двухчленный причт мужеского пола и 2.000 душ на 4-членный причт, при обеспечении последнего 2.400 р. Пользование церковной землей должно оставаться на прежних началах. Более подробный доклад по тому же вопросу

представлен духовенством 3 округа Новоузенского уезда (Самар. Еп. Вед.).

О церковно-приходских библиотеках. Ставропольский Епархиальный съезд выразил в следующих словах свое желание о более правильной постановке библиотеки.

Не говоря уже о Священном Писании и творениях святых отцов церкви, чтение которых составляет непрменный и священный долг пастыря, признать желательным и необходимым, чтобы духовенство в виду запросов, предъявляемых к нему настоящим, временем, знакомилось с жизнью и при помощи светской литературы и особенно повременной печати.

Предоставить причтам широкое право пополнения приходских библиотек произведениями церковной и богословской литературы для чтения клира и образованных мирян, и религиозно-нравственных книг, журналов и брошюр для народа.

Ныне же заняться детальною разработкой вопроса об издании епархиального печатного органа.

Журнал сей за общим подписом представить на благоусмотрение его преосвященства, нашего архипастыри.

На подлинном резолюция его преосвященства, преосвященнейшего Агафодора, епископа Ставропольского и Екатеринодарского от 30 апреля 1906 года за № 1860: «Предоставляется духовенству епархии право пополнять церковно-приходские библиотеки произведениями церковной и богословской литературы для чтения клира и образованных мирян и религиозно-нравственными книгами, журналами и брошюрами для народа. Вопрос о реформе духовно-учебных заведений разрабатывается и ходатайство об изменении этой реформы не полезно. Удовлетворение прочих желаний духовенства зависит не от меня, а от высшей церковной власти – от предстоящего Собора». (Ставроп. Еп. Вед.).

Талмуд и его проповедь ненависти к не-евреям и христианам. Талмуд не признает даже и людьми тех, кто не имеет счастья принадлежать к еврейской национальности. По учению талмуда, не исповедующие иудейства не заслуживают, никакой милости. Талмуд прямо позволяет обманывать, грабить, подувать всяческими способами всех *гоев, акумов, кутимов*, т.е. неиудей; *запрещает давать последним деньги без процентов*, для чего повелевает каждому отцу учить своих детей такому навыку. Об отношении евреев к христианам в талмуде прямо не говорится, но есть более ясные намеки на христиан и более частные термины для обозначения их. Так именно они понимаются под именами: *галах, ноцрим, цадок*, или *саддукей*, они же называются *эдомитянами* и пр. На них именно намекает талмуд, когда говорит, что *саддукеи*, из слов (Быт.1:26): *сотворил человека по образу нашему*, выводят заключение, что богов много, или *много лиц в Боге*, – что

эдомитяне или ноцримы *машут пальцами своими вдоль и поперек* (намек на христиан. крестное знамение) и пр. Ненависть талмуда к этим людям выше даже ненависти к язычникам. Если кто-нибудь преследует еврея с тем, чтобы убить его, то еврей пусть лучше спасется в храме язычников, чем саддукейском (т.к. христианском), говорит талмуд... Об истреблении этих именно людей иудеи *доселе молятся: пусть будут уничтожены в одно мгновение... Истреби их, Господи, порази, уничтожь их в одно мгновение, порази их внезапно в глазах наших*» (Рязан. Епарх. В-и, № 6).

Из отчета Братства Св. Бл. Князя Александра Невского в г. Владимире

Почти повсюду, по словам отчета, среди старообрядцев замечается особенный подъем духа. Наибольшую живучесть в религиозно-нравственном отношении проявляют старообрядцы следующих толков: австрийского, окружнического и противо-окружнического, нетовского, больше-начальнического и отчасти поморского брачного. Прочие толки к дарованной свободе относятся сравнительно безучастно, а старообрядцы странники – те даже приуныли, видя в этом особенные козни «антихриста». Подъем духа среди старообрядцев австрийцев-окружников выражается по местам в устройств отдельных каменных или деревянных храмов, как, напр., в д. Федурине, Муром. уезда, в с. Каринском, Ал. у.; в участии на съездах всероссийских в г. Москве; в распространении современной старообрядческой литературы, вроде журнала «Старообрядец», газ. «Народная Газета»; в старании слиться воедино с противо-окружниками и в пропаганде своей «веры» путем, наезда старообрядческих миссионеров на некоторые местности нашей епархии. От бесед с православными миссионерами австрийцы-окружники в отчетном полугодии упорно отказывались. Общество австрийцев неокружников раздирается внутренними усобицами по вопросу о соединении с окружниками. Противником единения является старообрядчески Московский епископ Иов, проживающий в д. Молокове, в Гуслице, сторонником – другой епископ Даниил, тоже «гусляк» из д. Давыдовой. Деятельность старообрядцев спасовцев выразилась за истекшее полугодие в составлении ковровскими старообрядцами всеподданнейшего адреса с описанием своих нужд в устройстве в г. Коврове и с. Ивонине, Суд. у., соборных совещаний при участии старообрядческих деятелей: саратовского слепца Коновалова, его учеников Агапова и Пискунова, проживающих в г. Коврове, и старца-скитника г. Коврова «батюшки Ионы», по вопросам: «о допущении брадобрийцев на общественную молитву», «О необходимости покаяния пред старцами» и о нравственной распущенности молодежи. Среди поморцев в отчетном полугодии и возникла интересная письменная полемика между поморским наставником Ив. Зыковым из с. Кабанского, Пок. у., и австрийцем окружником Зеленковым из г. Егорьевска. Ряз. губ., по вопросу о незаконности австрийского священства. Брошюры того и другого начетчика в большом количестве расходятся между последователями поморского и австрийского согласия. В последнее время Зыков стал охотно выступать на беседах с православными миссионерами после многолетних упорных уклонений от бесед.

Из сектантов особенным усердием в пропаганде своих лжеучений отличались штундисты. Пропаганда штундизма велась особой специально разъездной миссией, состоящей из двух лиц – старшего пресвитера Маринушкина и диакона Маркина. Труд этих миссионеров вознаграждается в размере 36 руб. в месяц, кроме прогонов. Молитвенные собрания после манифеста 17 апреля штундисты устраивают открыто и беспрепятственно. Кроме того, в последнее время штундисты устраивают по местам воскресный собрания для детей. На эти воскресные собрания или воскресные школы собирается детей человек до 30. Предметом обучения служит чтение Св. Писания и толкование его в духе штундизма. Дух сектантства проникает в крестьянскую среду в особенности чрез молодежь, побывавшую в солдатах или столицах.

Чего должны желать мы отечеству в настоящее время

Наше отечество в настоящее время особенно нуждается в мире и спокойствии. Сколько смут и нестроений внесено в него врагами его; там забастовки, смуты; здесь нестроения, грабежи, убийства. Некогда Господь угрожал народу еврейскому, что за *отступление его от веры и заповедей Его отнимает у него и храброго вождя, и мудрого советника, и прозорливца, и отроки будут начальниками, и дети будут господствовать ими* (Ис.3:2–4). Не сбывается ли это пророчество на нас? Не горько ли видеть такое явление; юношество, недоучившее еще своих уроков, бросает учебные книги, и с своими, наскоро составленными по темным книжкам, взглядами, без знания науки и жизни, рассуждает учительским тоном о переустройстве общественного быта и без соображения последствий выходит на борьбу с существующим порядком! «Мы новые люди с новым словом; мы – грядущая сила, которая разрушит старое и создаст новое». И вот поются гимны молодому поколению с слепой верой в него. И что всего удивительнее, под звуки модных гимнов и старцы некие обьюродели, стали молодиться, нарумянивать свои старческие морщины под цвет новой силы, и хотят устроить семью, общество и государство без Бога, без религии, без церкви, без верховной власти, без законов, без войска, без суда, без всего того, чем зиждется и держится современное государство. Хотят достигнуть всеобщего равенства во всем, всеобщего благополучия чрез совместное владение всеми землей и имуществом, исключив собственность, как воровство, из списка слов, и имевших доселе право гражданства. Говорят, что нет греха; что страсти имеют полное право на свое законное существование; что они не только не вредны, а даже полезны, так, как возбуждают, жизнь и энергию в обществе. Таким образом, все, с чем сжилось человечество, должно быть оставлено как пережиток, и человечество, очертя голову, должно ринуться на неведомый доселе путь к достижению своего благополучия.

Не только мужи зрелого возраста, но даже подростки с неудержимой страстью занимаются вопросом о переустройстве русского государства, о расширении прав и льгот всех вообще и каждого в отдельности. Ожидают «правового порядка»: причем одни останавливаются на конституции, как средстве от всех бед и зол, а другие идут дальше, мирятся не иначе, как только на социал-демократической республике. Как и следовало ожидать, дело мешается с бездельем. Сперва говорили во всякого рода заседаниях ученых, земских, а потом перешли к устройству банкетов, к пению революционных песней. Видя и слыша все это, благонамеренные люди

протирают себе глаза и с недоумением спрашивают: «сон ли это, или действительность?» – Русь! Святая Русь! Твои ли это сыны? Твои ли это граждане, присягнувшие любить тебя и делать только то, что служит к славе твоей!

Нет, нам нужен не договор с правительством, не внешняя форма конституционных государств, в виде общей говорильни, а нравственное обновление, нравственное перерождение, нам нужна та правда Божия, которая возвышает народ и привлекает милость Божию. Эту истину подтверждает, как слово Божие, так и исторический опыт всего человечества. Как бы ни были хороши законы наши сами по себе, они не помогут горю, если только люди, приставленные к проведению их в жизнь, не будут воодушевляться нравственным законом. Люди бессовестные всегда найдут возможность обойти эти законы и самым законнейшим образом совершать самые незаконные дела. Напрасно строить крепости, если те, кому они вверяются, будут трусы: если вместо самоотвержения, патриотизма и чувства долга они будут жить только утробными интересами... Тогда чрез эти твердыни пройдут ослы не только Филиппа Македонского, но и всякого другого врага. Что бы ни говорили современные радетели о мнимом благе народа, но надобно создаться, что нынешняя Россия своим могуществом и обширностью обязана России древней. С живейшею преданностью св. православной вере, с пламенной любовью к отечеству, с неизменным терпением и упованием на Бога, наши предки создали единство России, раздвинули ее пределы на необозримое пространство, вынесли на плечах своих бесчисленные невзгоды и приготовили нам то вещественное духовное богатство, которым мы пользуемся. А мы? Мы часто не ценим этого богатства, не воздаем должной чести, преданности и благодарности нашим предкам, любим выставлять на позор, с Хамовым злорадством, их медленность и погрешности и в погоне за иностранными порядками забываем о том, что нужно ли пользы отечества нашего.

В нашем положении нам нужно каяться в грехах своих и просить прощения у Господа Бога. Наши предки в таких случаях, не обинуясь, исповедовали свои грехи и каялись, налагая пост на всех – и старых, и малых, и даже па бессловесных животных. И Господь всегда принимал такое покаяние и прощал. Нам нужно усугубить свои молитвы о Государе и Его державе, нам надобно молиться Спасителю Богу, чтобы Он «даровал пастырям нашим ревность и бдение о душах, градоначальникам – мудрость и силу, судиям – правду и нелицеприятие, наставникам – разум и смиренномудрие, супругам – любовь и согласие, обидимым – терпение, обидящим – страх Божий; всем же вообще – дух разума и благочестия». (Мол. акаф. Покр. Богор.).

Русь! Святая Русь! Будь по-прежнему свята не только по имени, но и делами и поступками сынов твоих! Не забывай, что в силу и славу вошла

ты путем самодержавия и крестного подвига. Будь верна до смерти своим Государям и тем исконным началам, на которых создавалось твое внешнее величие; не разменивай на мелочь всякой лжи, коварства и мщения свою веру, свою народность. Знай, что крепка ты только своей верой православной, да любовью к Царю и родине! (Киев. Епарх. вед.).

Жажда религиозного знания весьма велика в народе, и ее необходимо удовлетворять. И если приходской священник не сумеет вовремя удовлетворить эту жажду религиозного знания, то ее удовлетворит непризнанный проповедник сектантства из мутного источника своего знания. В сектантство потому идут не «самые негодные члены прихода», как иногда говорят, а люди часто довольно толковые, религиозные и богатые, которым решительно нет никакого материального расчета переходить в сектантство. Следовательно, для прекращения развития сектантства в приходах необходимо главное всего всеобщее и притом, по возможности, основательное ознакомление прихожан с основными истинами православного христианского вероучения. Необходимо удовлетворить резвившуюся в народе жажду религиозного знания. Это и будет главнейшею мерою борьбы с сектами. Когда это будет достигнуто, и когда прихожане в состоянии будут дать хоть какой-нибудь ответ в своем уповании всякому вопрошающему, тогда само собой развитие сектантства прекратится. Но удовлетворяется ли в настоящее время эта народная жажда религиозного знания, какими способами и насколько? Главным и единственным средством для достижения этой цели служат вне-богослужебные собеседования и то по «местам». Но при тех условиях, в какие поставлено в настоящее время это дело, собеседования не удовлетворяют всем духовным потребностям прихода. Поэтому, кроме собеседований, в настоящее же время необходимо, как можно скорее, знакомить с изданиями особых брошюр и листов, в которых излагается положительное учение православной Церкви, на основании слова Божия, об основных догматах христианских в противо-сектантском духе, притом в доступной для понимания простого народа форме изложения. Порядок же ознакомления может быть такой: при совершении, напр., таинства св. крещения священник будет давать восприемникам брошюру об этом таинстве, при венчании – о таинстве брака, его святости и богоучрежденности, при говении в Великий пост брошюру о поминовении умерших и т.д. Таким образом, можно будет постепенно познакомить всех прихожан с основными догматами православной веры и предохранить их от заражения сектантством.

Крестьяне вместо того, чтобы проводить время в пустых разговорах и пьянстве при крестинах, браках, поминках и т.п., займутся чтением брошюрок об истинах веры. Если, предположим, в приходе будет 150 крещений, то не менее 1.500 душ узнают учение православной Церкви о св. крещении из прочитанных брошюр, чего никак нельзя ожидать при

нынешних вне-богослужебных собеседованиях. Если прихожане чего не поймут при чтении, то они, несомненно, спросят об этом священника при вне-богослужебном собеседовании. Таким образом, недоуменные вопросы послужат темой для собеседования, и священнику не придется заблаговременно придумывать ее. Средства же для приобретения брошюр и листов можно брать из церковных сумм; суммы эти дают прихожане, следовательно, для их духовной пользы и можно взять их; трата эта, несомненно, вознаградится.

(Совр. Об. № 47).

О церковной проповеди // «Миссионерское Обозрение», 1906, № 1, стр. 925–928

(Голос пасомого)

Учить народ слову Божию и воспламенять сердца любовью к Богу – вот две из главнейших обязанностей Церкви по отношению к своим чадам. Первое достигается главным образом путем проповеди, второе – многообразно: – отчасти путем той же проповеди и собственного пастырского примера, отчасти же путем истово совершаемого Богослужения. Обязанности эти настолько важны и существенны, что свв. Апостолы – первые устроители Церкви Христовой – нашли нужным в 58-м Апостольском правиле постановить следующее: «Епископ или пресвитер, нерадящий о причте, и о людех и не учащий их благочестию, да будет отлучен. Аще же останется в сем нерадении и лености – да будет извержен». Свв. Отцы VI-го вселенского собора подробно рассматривали этот вопрос и изрекли следующее священное правило: «Предстоятели церквей должны во вся дни, наипаче же во дни воскресные, поучати весь клир и народ словесам благочестия, избирая из Божественна Писания разумения и рассуждения истины, и не преступая положенных уже пределов и предания богоносных отец; и аще будет наследуемо слово писания, то не иначе да изъясняют оное, разве как изложили светила и учителя Церкви в своих писаниях. и сими более да удовлетворяются, нежели составлением собственных слов, дабы при недостатке умения в сем не уклониться от подобающего. Ибо, чрез учение вышереченных отцов, люди, получая познание о добром, и достойном избрании, и о неполезном и достойном отвращении, исправляют жизнь свою на лучшее, и не страждут недугом неведения, но, внимая учению, побуждают себя к удалению от зла, и страхом угрожающих наказаний соделывают свое спасение». Сказало ясно и определенно; никаких толкований и комментариев не требуется. Что сказать, чем оправдаться нарушителям этого чисто вселенского, соборного, святоотеческого правила, в котором предусмотрен и недостаток умения со стороны некоторых пастырей в составлении собственных слов и подробно рассмотрено значение церковного учения для пасомых?

Согласно с приведенными соборными правилами в древнем православном Богослужении поучение было *введено в чин*: за утреней после первой кафизмы читалось толковое Евангелие, после 6-й песни канона читался пролог или в «Триоди» синаксарь; за литургией также всегда предлагалось поучение или из книги «Златоуст» или иное какое. Богослужение вследствие этого являлось школой не только для чувства, но и для разума. Даже такой реформатор, как Лютер, сокративший чин богослужения до *pec plus ultra*, до нескольких молитв и песнопений,

символа веры и чтения из Апостола или Евангелия – не дерзнул, однако, подвергать сокращению проповедь, но, наоборот, возвел ее в чин богослужения, сделав ее неотъемлемой и едва ли не самой главной составной частью каждого богослужения, необходимость и важное значение которой проистекает не только из правил св. отцов, но и из простого здравого смысла. Что же мы видим на этот счет в современном православном Богослужении? Во многих церквях проповедь можно услышать не более 2–3 раз в год, в других это тоже крайне редкое явление, а, главное, совершенно случайное, зависящее от желания священника; вечерние поучения – чтение толкового Евангелия, пролога и синаксарей сохранились только в старообрядческих храмах, да в некоторых общежительных православных монастырях; во всех же приходских храмах без исключения совершенно пропускаются, даже в лаврах (Киево-Печерской, Сергиевской) и многих монастырях мужских и женских чтение всего этого часто считается излишним. В большинстве церквей проповедь заменяется каким-нибудь велегласным концертом в то время, когда по смыслу службы все присутствующее в храме приглашается забыть все земное и все помыслы и чувства свои направить горе, к небесному. В результате всего этого страшный «недуг неведения» широкой волной разливается среди сынов Церкви православной: толкуют вкривь и вкось Евангелие, потому что не слышат в Церкви верного его толкования, не знают о житии и подвигах святых, так как не слышат пролога, в котором, кроме краткого жизнеописания святых заключается еще не мало ответов на самые практически жизненные вопросы в духе святоотеческом; не знают содержания и значения праздников, так как не слышат синаксарей, в которых все это подробно разъясняется. Спрашиваю недавно одного юношу, знает ли он, в честь чего установлен праздник Покрова Пресвятой Богородицы: получаю ответ: «в честь погребения Богоматери»; или: собираются православные каждый год в субботу на 5-й седмице великого поста слушать акафист Пресвятой Богородице, но многие ли из них знают, в честь чего установлен этот акафист? Между тем в синаксаре на этот день все это подробно объясняется. Нравоучительные проповеди, предлагавшиеся в древнем православном Богослужении каждую неделю, а в св. Четыредесятницу и каждый день, из книги «Златоуст» и т.п., теперь, как сказано выше, также приходится далеко не так часто слышать. Но, скажут, все эти слишком устарело, все это написано неудобопонятным древнеславянским языком и может навести одну только тоску на слушающих. Допустим (хотя на деле это и не так), что это так; но логично ли взамен всего этого поставить черту – оставить пустое место, совершенно пропустить весь поучительный отдел Богослужения? Есть много прекрасных проповедей на самые различные темы, как новейших, так и более древних церковных учителей – Иоанна Златоуста, Тихона Задонского, Иннокентия Херсонского и мног.

друг.; толкований на Евангелие тоже не мало, напр., прекрасный поучения на Воскресные Евангелия Дьяченко, Пролог также есть на русском языке. Что же касается синаксарей, в которых излагается сущность праздника, то их легко и удобно было бы излагать священнику своими словами. В лучших общежительных монастырях наших (Оптина, Зосимова, Глинская пустынь и т.п.), где, еще устав более или менее строго соблюдается, широко пользуются сочинениями вышеупомянутых авторов и показывают при помощи их безусловно большое воздействие на ум и чувство слушателей.

Часто ссылаются на то, что теперь многие из присутствующих в церкви, лишь только начинается проповедь, уходят вон из храма. «Если, говорят они, начать говорить поучения, то никто не станет посещать храма"... О, лукавое возражение, составленное не для блага ближнего, а для оправдания своих собственных слабостей и греховных привычек!

Пастырю ли учить овец и управлять ими, или заблудшим овцам пастыря?... Не про наше ли время пророчествовал ап. Павел, говоря: «Будет время, когда здравого учения принимать не будут, но по своим прихотям будут набивать себе учителей, которые льстили бы слуху. И от истины отвратят слух и обратятся к басням» (2Тим.4:3–4)?

И вот какое наставление дает он по этому поводу епископу: «проповедай слово, настой во время и не во время обличай, запрещай, увещивай со всяким долготерпением и назиданием» (2Тим.4:2).

Церковь Христова есть «столп и утверждение истины»: только тогда она может рассчитывать на всеобщее уважение и благоговение, если она будет высоко нести свое знамя, если не будет ни в чем отступать от истины, если будет всегда и неуклонно возводить своих чад от земного к горнему, идеальному, а не сама спускаться в преисподнюю человеческих страстей. Соборные и Апостольские правила относительно проповеди настолько истинны и безусловны, что отступать от них истинной Церкви ни в каком случае не подобает. Если бы не половина, а девять десятых церкви не захотела бы их слушать, все-таки Церковь не в праве лишать одну десятую оставшихся в храме просвещения и назидания.

Впрочем, такое небрежное отношение к проповеди и Богослужению обыкновенно не имеет места при правильной постановке дела церковного, а встречается только там, где паства распущена и лишена пастырского вразумления и назидания.

Наказанием за игнорирование священных сих правил служат религиозное невежество, теплохладность и равнодушие пасомых и падение пастырского авторитета, характеризующие современное православное общество.

Чтобы поднять проповедь на надлежащую высоту, *необходимо ввести ее в чин Богослужения*, дневного и вечернего, как это было в древне-православном Богослужении, как это требуется соборными и

апостольскими правилами и, наконец, простым здравым смыслом, а не предоставляют этого дела усмотреть настоятелей. Только при этом условии в связи с истовым исполнением православное богослужение получить значение великой духовной школы для православного народа, каковое в настоящее время им утрачено.

Православный

Примечания

¹ - Само собою разумеется, что эти два последние положения, дебатировавшиеся на 3-м всероссийском миссионерском съезде, в настоящее время, после издания Высочайшего Указа 17 апреля 1905 г. о веротерпимости, потеряли свое значение и являются только памятником былых отношений церкви и законодательства к расколо-сектантству.

² - Более подробные статистические сведения об издании журнала, весьма важные для истории журнала, помещаются ниже в виде особой статистической таблицы, составленной И. Смолиным.

³ - Из речи пред открытием Областного съезда миссионеров в г. Одессе.

⁴ - Программы, видимо, составлялись и специалистами, но разными: один составлял по истории раскола, другой по обличению его. Вышла несогласованность, не говоря о другом.

⁵ - Это понятие неумеренно вкладывают в нас со школьной скамьи, опираясь на якобы исторические данные. Припомните, сколько в семинарской программе и учебниках уделено внимания древле-русскому невежеству для объяснения происхождения раскола! Здесь, конечно, предполагается, что противники Никона были круглые невежды и патентованные мракобесы, а Никон и его сподвижники – просвещенные люди. Но чтобы утверждать такую историческую антитезу, надо быть самому по меньшей мере на-диво тенденциозным. Или одни получили широкое научно-богословское образование, а другие нет? Разве те и другие не были плоть от плоти и кость от костей одного народа, одной среды, воззрений и школы!... Откуда же вдруг Никону и его сподвижникам «премудрость сия»? Помогли им немосковские ученые? Но им самим не доставало ни специальных на исключительный случай знаний, ни тем более разумения языка и русской жизни. Будьте беспристрастны – и вы скажете, что произведения деятелей реформы были очень слабы. Одна «Скрижаль» чего стоит – эта неумелая фабрикация скорее дилетанта, чем специалиста, задумавшего дать примерный урок и образцовое руководство другим. Недаром она была встречена едкой, но справедливой критикой противника. А «Жезл правления» – эта типичная отрасль западной схоластической апологетико-полемики с ее хлесткостью грубой общей фразы, но лишенная и научности, и убедительности? Будьте справедливы – и вы не скажете, что противники реформ были полные невежды, а их произведения сумбур и ничтожество. Уж не Павел ли Крутицкий и ему подобные умнее и просвещеннее диака. Федора, Аввакума и др.? Читайте произведения первых расколо-учителей – и вы увидите, что эти расколо-учители были далеко незаурядными людьми не только по силе воли, но и ума. У них и знания есть и острый анализ, и

остроумная критика, а понимание русской общественности даже очень большое; оно (как это ни странно) иногда поднималось до исторического предведения, смутного, но предведения... Я всегда удивлялся тому нареканию на первых расколо-учителей, что будто бы по невежеству они до крайности тупо твердят об известном «пременении»: «это ересь, это ересь», они только утверждают, что тут «еретические затейки» Никона, т.е. под новинкой, по-видимому, и безразличной вещью на самом деле скрывается злой умысел Никона испревертять веру. Острым скальпелем своей критики и стараются они вывести на снежную воду эти «затейки», этот умысел, дабы все видели, что здесь дело идет не о безразличных вещах, а о самой вере, о «головных» вещах. И, нужно сказать, в этом направлении расколо-учители изощрились до виртуозности. Напр., 4 угловых столба под престолом, привязанных к пятому, центральному, знаменуют привлечение четырех восточных патриархов к папе «в дух един». Подобным образом истолковывали расколо-учители все «затейки» Никона. Как хотите, это называйте, но только здесь не невежество, напротив, пересоленное вежество, не тупая близорукость, напротив излишняя дальнорукость, не смешение догмата с обрядом, напротив боязнь, как бы чрез слишком безразличное отношение к обряду не пострадал догмат, вера. Расколо-учители стояли на верной точке зрения, что между догматическими и нравственно-практическими истинами христианства с одной стороны и внешним выражением их в обрядности и в букве книг с другой – тесная связь. Им нельзя отказать и в понимании той мысли что изменение внешнего выражения христианских истин не означат непременно и изменения (испревертания) последних. Но в данном случае они убеждены были, что это, к несчастью, так. Вот в этой убежденности, вернее – предубежденности и вся суть дела, а не в невежестве. Подобную предубежденность можно было погасить не громом и казуистикой полемики, не сухими книгами, а тактичностью поведения. Но ни у Никона, ни у его сподвижников этого не было. Напротив, они больше сделали такого, что разжигало предубеждение и страсти, и почти ничего для умиротворения. Аввакум ходил на «беседы» с отступниками «бранитца». Он бранился и его бранили. С брани начали (разумею здесь не одну словесную брань, но и то, что прежде называлось «жестоким смирением», «телесным озлоблением», и вообще разнообразные репрессии), – с брани начали, бранью продолжали и так «даже до сего дня». Над всей историей старообрядчества висят удушливой тучей гремущая анафема, озлобленные проклятия, стоны пытаемых, дым костров, недовольство утесняемых и т.д. Среди этого слышатся иногда голоса, призывающие к миролюбию, но они или слабы, или одиноки, так что теряются среди кромешного ада вражды и обоюдных насилий...Кстати замечу следующее. Слышал я, что в подтверждение невежества расколо-учителей ссылаются на фразы: «верным подобает умирати за един аз»,

«пелены не шевели, еретик, лежи она во веки веком» и проч. Тут надо понять психологию. Эти и подобные фразы не плод спокойного размышления, а предубежденного, озлобленного и исстрадавшегося сердца, которое в этом состоянии способно на всякую гиперболу.

⁶ - По крайней мере таковы они в сознании старообрядцев. Я лично всегда избегал на беседах задирательного тона и резких выражений, и, однако, не раз приходилось выслушивать пред беседой оговорку: «Оно бы теперь не время беседовать. Теперь пост, каяться и смиряться надо, а не спорить». Значит пресловутая «беседа», с каким бы тактом ни велась, предполагает наличие чувств, несовместимых с покаянием и смирением. И верно, – не без того!...

⁷ - Расскажу на своей практике. То не пресловутая была беседа, а действительно беседа случайно собравшихся около меня 5 старообрядцев! Шла речь об антихрисн. Пока по общепринятой схеме разбирались старопечатные тексты, собеседники возражали, как всегда бывает на беседах. Но вот, я перешел к характеристике антихристового времени и к сопоставлению его с нашим временем. Я затронул злободневные темы, стал указывать на деющуюся теперь «тайну беззакония». Характер беседы сразу изменился. Пожирая глазами, следили за моей речью собеседники и не перебили ни единым словом, хотя речь моя не была краткой. Только на конце заметили: «это ты правильно и болезно сковал. Спасибо». И я думаю, что если что в моей беседе имело цену, то вот именно то, что охарактеризовано словом «болезно».

⁸ - В ту эпоху распинание на кресте считалось особенно позорным наказанием. Этот способ казни быть заменен христианскими императорами виселицей – из уважения к кресту.

⁹ - La loi salique – свод обычаев древних франков, пришедших в Галлию до их обращения в христианство.

¹⁰ - Су – пять сантимов – 1,8 коп.

¹¹ - La loi des Ripuaires – законы древних обитателей берегов Рейна (ripa – берег).

¹² - Frise – провинция Голландии.

¹³ - Шиллинг – около 47 коп.

¹⁴ - Марка – 46 коп.

¹⁵ - Беганцин умер в прошлом году.

¹⁶ - Орфография подлинника сохранена нами.

¹⁷ - «К.с.» 2–21; 13–8. («К.с.» т.е. «книга с неба» или Апокалипсис).

¹⁸ - Так озаглавлена рукопись. 1890 год – год ее составления, так как она носит на себе следы свежего письма и, очевидно, переписана с подлинника, вышедшего в 1860 году. Прим. ред.

- 19 - («К.с."21:6, 7; 3:21).
- 20 - Это предвечно-дивное и спасительное Имя Ему открыто в 1-й раз Моисею; (см. 2М.6:2, 3; 15:3; Ос.12:6; Иоил.3:5).
- 21 - Которая же из 10?
- 22 - Или всех святых пророков (Мф.23:31–38).
- 23 - См. IV в открытии тайн и у (Зах.12:19; 14). Когда евреи увидят Меня ('зх) пронзенного, то учредят траур в каждом из колен, какой был у них при Гадад-Римоне на Магеддэйской равнине.
- 24 - А ведь разделяется только ложь, а не истина?
- 25 - См. (3Езд.13:45).
- 26 - Которая из 666?
- 27 - (Гал.2:11, 14; Деян.21:20, 26:11; 3; К.с.2:2); и многие христиане отпали от Ап. Павла и пристали к Ап. Иоанну и Поликарпу и от этого отпадения произошла секта субботников (?!), т.е. христиан, празднующих субботу и Пасху по иудейски (?! не по иудейски, а одновременно с иудеями, Пасха же была христианская), которых папа Виктор проклинал (?) вместе со свят. Поликарпом (не Поликратом ли?) – помощником Ап. Иоанна (!). А кроме сего Ап. Петр, в противность повелению Егovy (?) ходил к язычникам и осквернился их пищей (Мф.10:5; 15:14; 1:23; 3М.11:44–45; Дн.11:3; К.с.2:20) и на разные толки разрушали Синайский закон Егovy, в противность (Мф.5:17–18; Лк.16:17).
- 28 - Которых ныне стало 666 (?!).
- 29 - (К.с.3–17, 18; Ис.6:9, 10; 48:4).
- 30 - (Наум.1:2; К.с.2:9; 3:9).
- 31 - В А-ии. (К.с.20:2, 3).
- 32 - «И всех любящих и исполняющих ложь». (К.с.21:8; 22:15).
- 33 - (Ис.67:15, 17; 62:2; Мф.25:41; К.с.21:8; 22:15; 3:16).
- 34 - И даже огнем с неба. (Иез.39:6; К.с.18:8; 17:16; 11:18; 2:22, 23:19–20, 21; 16:9, 11; 14:10).
- 35 - Посредством землетрясения Америка же провалится в океане.
- 36 - Присоединенными к 144.000 новозаветных израильтян. (К.с.7:4, 8; 14:1, 4; Ис.19:24, 25; Мф.8:11, 12).
- 37 - «Призыв» – рукопись, известная у иеговистов под именем: «призыв всех смертных людей к бессмертию». Прим. ред.
- 38 - (К.с.2–24, 2; 3–9).
- 39 - (Ис.28:15; 59:13).
- 40 - (К.с.22–6; Иер.7:25).
- 41 - Или по крайней мере на 143.
- 42 - Ибо сущность всякой отдельной веры состоит в угождении Богу и мамоне или сатане.

⁴³ - (Дан.12:3).

⁴⁴ - Но как же Ротшильд исполнит, если «благовестие» вместо него попало к «г. уездному начальнику» г. Борисоглебска; а сей переслал его опять-таки не к Ротшильду, а в Тамбов. духовн. консисторию, которая отнюдь не склонна принять на себя полномочия Ротшильда?! Изд.

⁴⁵ - «В самый бездонный край» – (но ведь и по К.с. древо жизни или бессмертия «посреди рая Божия» – см. 2–7, 22–14; если же по-вашему «благовестию» рай лежит в пропасти, то в эту-то бездну и ведет ваше «благовестническое бессмертие»).

⁴⁶ - Прощением грехов и злодейств.

⁴⁷ - Или 40 сороков раз: «Господи помилуй».

⁴⁸ - (К.с.9–20, 21).

⁴⁹ - Шейх-ул-ислам – толкователь Корана, верховный блюститель обрядов и законов в Турции. Прим. изд.

⁵⁰ - Армагеддон – см. Апокалипсис 16, 16. Прим. изд.

⁵¹ - Догадка издателя в данном случае едва ли основательно, так как временем последней битвы Ильин называл вообще настоящее или свое время. См. «Мисс. Об.» 1900, Дек., 690; 1901, Сент. 208–209. Прим. ред.

⁵² - См. «Правос. Собес.» 1867 г. Май-Июнь.

⁵³ - Собственно, на основании «Благовестия» такого вывода сделать нельзя; не согласен этот вывод и с прежде добытыми результатами исследования сочинения Ильина. См. «Мисс. Обзор.» 1900, Дек.; Февр., 272. 690; 1901, Июль-Авг., 19; Сент., 215. Ред.

⁵⁴ - Только ли!? Издатель сам далее соглашается, что «Благовестие» отрицает не христианство и иудейство только, а всякую веру и религию. Фед.

⁵⁵ - Т.е. так же, как пользуется цитатами и Ветх. Завета. Ред.

⁵⁶ - Слова «талмудист» – «талиудит» имеют у иеговистов свое епархиальное значение. «Мисс. Об.», 1901. Июль-Авг., 20; 1900, Дек., 690; Февр. 273. Ред.

⁵⁷ - О творении земли в «Благовестии», да и вообще у Ильина речи нет «М.О.» 1900, Февр. 279. Ред.

⁵⁸ - Что-то не видится такого учения не только в «Благовестии», но и вообще у иеговистов. «М. Об.» 1900. Февр., 273–275. – Нужно думать, что они держатся в данном пункте чисто-материалистических воззрений. Ред.

⁵⁹ - (Пс.18:2).

⁶⁰ - Хлыстовским «Христом» местных общин, как мне довелось узнать, состоял за последнее время некто П.М. Рахичев, проживавший весной сего года в г. Ростове.

⁶¹ - (Мф.8:20).

⁶² - (Прем.7:29; Евр.13:8).

⁶³ - (Мф.11:25).

⁶⁴ - Когда я еще по приезде на службу представлялся епархиальному высокопреосвященному, владыка, благословляя меня, сказал: к полицейским мерам отнюдь не прибегайте. Но милости Господней до сего времени мне не приходилось и, Бог даст, не придется – отступать от этого завета архипастыря.

⁶⁵ - См. «Мисс. Обзор.» № 16. 1905 г.

⁶⁶ - (Рим.8:10).

⁶⁷ - (Рим.7:1–13).

⁶⁸ - (6:14).

⁶⁹ - (Ин.4:18; Лк.20:29–31).

⁷⁰ - (Быт.19:24–25).

⁷¹ - Один, православный миссионер побывал у хлыстов на собрании; хлыстовские ложные пророки не узнали его; то что он видел у хлыстов, описано им в книге: «На рдении у хлыстов. Обличение самообольщения хлыстовских лжепророков. Миссионера М. Кальнева. Издать первое. Одесса, 1902».

⁷² - Например: (Ин.9:1–7, 5–9; Мф.8:2–4; Мк.7:31–35; Ин.11:11–14 и др.). – Нельзя понимать исцеления, которые совершал Господь только по отношению к душе. Однажды двое слепых просили у Него исцеления. И говорил им Иисус: Веруете ли, что Я могу это сделать? Они говорят Ему: ей, Господи! Тогда он коснулся глаз их и сказал: по вере вашей да будет вам. И открылись глаза их» (Мф.9:28–30). Ясно, что душою слепцы прозрели (т.е. уверовали во Христа) ранее, чем Господь коснулся их телесных глаз и они получили исцеление последних. Нельзя смешивать то и другое, как делают это некоторые.

⁷³ - (Ин.1:19–27).

⁷⁴ - «Анафема» слово греческое, по-русски означает: «да будет отлучен» (разумеется – от св. Церкви).

⁷⁵ - Записка юрисконсульта при синод. об.-прокуроре о соображениях, на коих*надлежало бы составить для духов. установлений инструкцию по поводу суд. уст. 20 нояб. 1864 г. 6 ст. 4–65, 66, 80. Приводится в статье о желательных и необходимых улучшениях в духовном судопроизводстве. Пр. Об. 1877 г. ст. 765–766.

⁷⁶ - «Кому неизвестны последствия действующей на суде духовном узкой теории доказательств по делам о прелюбодеянии, отзывался, между прочим, Государственный Совет о недостатках духовного суда по производству сих дел, – действительно виновные признаются неизобличенными потому только, что не были застигнуты на месте преступления несколькими свидетелями, а те, которые никогда не

нарушали супружеской верности, признаются прелюбодеями потому что, потеряв всякое терпение от распутной жизни своих жен, вступали с ними в сделку и принимали на себя вину, с подготовкой для того надлежащей свидетельской обстановки». – (Журнал Соедин. Департам. Госуд. Совета за 1862 г. № 47 стр. 461. Приводится в ст. о желат. и необход. улучшениях в духовн. судопроизводстве. – «Прав. Обоз.» 1877 стр. 762.

⁷⁷ - Записка юрисконсульта стр. 66–60. «Пр. об.» ibid 767.

⁷⁸ - Проект основных положений преобразования духовно-судебной части. Часть III. ст. 63.

⁷⁹ - Объяснительная записка по проекту основ. полож. преобраз. дух. суд. части. Часть II стр. 62.

⁸⁰ - Ibid. стр. 21–22.

⁸¹ - См. Ливанова «Раскольники и острожники», Добротворского «Люди Божии», Реутского «Изуверы» и др.

⁸² - «Архив раск. архиерея» свящ. К. Попова, 605.

⁸³ - «Материалы для истории Б. Криницкой иерархии» проф. Н. Субботина, 51.

⁸⁴ - День его присоединения в старообрядчество в Белой Кринице.

⁸⁵ - Материалы для истории Б. Криницкой иерархии, 231. – В конце июля 1848 г. в Вене Амвросий получил свое «последнее решение» – был удален по смерти с приказом не иметь никаких сношений с Б. Криницей в Штирийский город Цилли (там же, 249–250), где и умер 30 октября 1863 года.

⁸⁶ - Выражение одного из соепископов Кирилла – Аркадия, архиепископа Васлуйского, в письме к Кириллу («Совр. движения в раск.», Субботина, М. 1865. 99 ср. 112).

⁸⁷ - Летопись происходящих в раск. событий за 1871 г. Субботина 212 и д.

⁸⁸ - Летопись за 1871 г. 212, 222–223 и д.

⁸⁹ - Рус. Вестн. 1867, окт., 597–598. «Левка» – небольшая монета.

⁹⁰ - Соврем. летоп. раск. Субботина, вып. 1, прилож. 37.

⁹¹ - Сам Аркадий, бывший ранке архимандритом Б. Криницкого монастыря (почему особенно и была выдвинута его кандидатура), также был персона не очень блестящих качеств: был не начитан, даже слабограмотен (Летопись, за 1876–1879 г. 92; Бр. Сл. 1897, I, 714 и под.), религиозностью не отличался, любил вино, был близок к женским монастырям, от чего имелись даже плоды (Бр. Сл. 1875, I, III отд. 64, 96; II, – 74; 1897, I, 296). Но старообрядцы к своим снисходительны.

⁹² - Летопись раск., за 1871 г., 214.

⁹³ - Там же, 224, 225.

⁹⁴ - Бр. Сл. 1875, I, III отд. 68–71.

⁹⁵ - Об участии Тульчанского епископа в возведении Афанасия в митрополиты сообщалось в свое время. Назвать по имени его не можем, так как, сколько знаем, Иеремия Тульчанский умер в 1873 г.; его преемник Виссарион, также в 1873 г. от холеры, епископствовал всего три месяца; преемник же Виссариону – Алимпий поставлен в 1879 г. (ср. архив раск. архиер. 604, 605, 606). Не вернее ли, что Тульчанский епископ не принимал участия в возведении Кирилла на митрополичью кафедру.

⁹⁶ - Бр. Сл. 1875, I, III отд. 71 и д. и III, III отд. 237 и д. Летопись раск. за 1876–79 г., 68–69.

⁹⁷ - Недавнее (15 дек. 1902 г.) «Митрополита Афанасия архиепископу Иоанну ответное послание», напечатанное Субботиным в прибавл. к «Церковным Ведомостям» 1803 г. № 17, 663–666 (об обстоятельствах, вызвавших его, и о нем самом будем иметь случай упомянуть ниже), составлено, думается, при участии Пафнутия Овчинникова (был в расколе епископом Коломенским. в 1865 г. присоединился к православию, был посвящен в иеромонаха и известен по кремлевским в Москве беседам с старообрядцами; в 1882 г. по причинам более нерелигиозным опять ушел к старообрядцам, без присоединения к староверию; живет в Б. Криницком монастыре – за его оградой).

⁹⁸ - Бр. Сл. 1885, I, 523.

⁹⁹ - Летопись раскола за 1871 г., 236; Бр. Сл. 1875, I, III отд. 75.

¹⁰⁰ - Бр. Сл. 1875, I, III отд. 75. 1896, II, 237; 697. Мисс. Обзор. 1902, май, 873 и др.

¹⁰¹ - Переписка раск. деят – Бр. Сл. 1889, I, 486.

¹⁰² - Соврем. Летоп. раск., в. 1, прилож., 64. «Ярмаркой» называл известный экзарх Аркадий Славский Белокриницкий собор 1868 г. «для прикровенности».

¹⁰³ - Там же, Прилож., 69.

¹⁰⁴ - О его пожертвованиях, блиготворениях и под., – помимо поставления архиереев, чем он также, конечно, ограничивал себя, – см., напр., летопись раскола за 1871 г., 147–148; Бр. Сл. 1883, № 1, 21–22 и др.; Бр. Сл. 1896, II, 674; 1897, I, 59, 61, 67, 113, 204, 223; 1898, I, 427 и под.

¹⁰⁵ - Воспоминания об «Антонии» архим. Павла, – Собр. соч. архим. Павла. III т. (1888 г.), 457–478: История Белокр. священства Субботина – Бр. Сл. 1898, I, 73–94.

¹⁰⁶ - Летопись раск. за 1871 г., 148 и др.

¹⁰⁷ - Бр. Сл. 1875, I, III, 71 и III, III отд. 257 и д. Летопись раск. за 1876–1879 г., 68–69, 76–79.

¹⁰⁸ - Бр. Сл. 1886, I, 390; 1889, I, 745 и др. – редкие сведения о Белой Кринице.

¹⁰⁹ - До октября 1898 г., когда уничтожен (Бр. Сл. 1898, II, 360 и под.).

¹¹⁰ - Бр. Сл. 1990. II, 646.

¹¹¹ - Бр. Сл. 1891, I; 1891, 1, 153.

¹¹² - Бр. Сл. 1889, I, 379–380.

¹¹³ - Бр. Сл. обычно именovalo Савватия «ничего не разумеющим» (1886, I, 383), «юродивым» (1893, I, 816; II, 160; 1894, II, 533), «слабоумным» (1893, II, 76; 1895, II, 217, 360, 367), «тупоумным» (1896, I, 380), даже в некотором смысле «тельцом» (1893, I, 812), и т.п. именами («жалким», «убогим»).

¹¹⁴ - Даже свое имя он «царапал» с трудом и с ошибкой: «Смиренный Савватий архиепископ» (Бр. Сл. 1891, II, 142).

¹¹⁵ - Бр. сл. 1884. II, 215; 1886, II, 692; 1889, II, 163, 635.

¹¹⁶ - Для выражения мыслей у владыки много значили слова: «дрянь этакая» и «ништо» (Бр. Сл. 1897, I, 670). Впрочем, с этой стороны Савватий не очень отличался от превосходившего его в других отношениях предшественника по кафедре: свои архипастырские мысли Антоний, как известно, чаще всего, – затрудняясь в выборе слов, выражал при посредстве своего привычного: «совершенно тово...» (Соврем. движ. в раск. М. 1865. 32; Бр. Сл. 1897, I, 49 и под.).

¹¹⁷ - Бр. Сл. 1893, II, 79; 1894, I, 573; Бр. Сл. 1898, II, 219.

¹¹⁸ - «Раскол и его путеводители» свяш. К. Попова, 82 (1-е изд.).

¹¹⁹ - Церк. Вестн. 1883 № 15, 15.

¹²⁰ - Бр. Сл. 1884, II, 215; 1895, II, 309; 1886, II, 692; 1889, II, 163, 635; 1891, I, 702; II, 699; 1892, II, 72, 567–569; 1893, II, 74; 1894, II, 532; 1897, II, 396.

¹²¹ - Так в свое время объяснялось падение Савватия в Бр. Сл.

¹²² - Бр. Сл. 1898, I, 520–527, 700; Церк. Вестн. 1898, № 18, 629–630.

¹²³ - Прибавл. к Церк. Ведомост. 1903, № 36, 1372. Бр. Сл. 1896, II, 125, 229. За назначение Московским «архиепископом» Сильвестра сильно обвиняли Афанасия сторонники Швецова, путешествовавшие в Б. Криницу в 1902 г. осенью.

¹²⁴ - Бр. Сл. 1898, II, 330. В Бр. Сл. было известие, что Афанасий также изъявил предварительно согласие на назначение Иоанна – там же. I, 293. 1 пр.

¹²⁵ - Бр. Сл. 1897, I, 687–690. Мис. Обзор. 1900, янв. 37. Бр. Сл. 1897, I, 270. На просьбу Белой Криницы от 13 (25) февр. 1897 г. со стороны австрийского правительства последовал отказ.хлопоты о перенесении праха Амвросия в Б. Криницу старообрядцы, слышно, намерены возобновить теперь, равно как начать ходатайство пред русским

правительством о возвращении Б. Криницкому монастырю бумаг из его архива, находившихся у покойного Н.И. Субботина. С этими, между прочим, целями недавно путешествовали в Б. Криницу Ф. Мельников и Перетрухин – сын. (Рус. Слово, 1905, № 301, 3, 4 ст.).

¹²⁶ - Бр. Сл. 1891, I, 203–204; II, 74 и 80; 1893, II, 76–77, 153 и д.; 1898, I, 522.

¹²⁷ - Бр. Сл. 1893 II, 76–77, 153 и д.

¹²⁸ - Бр. Сл. 1896, I, 789.

¹²⁹ - Приб. к Церк. Вед. 1901, № 45, Вести о раск. Субботина, 1654; 1902 № 15–16, 533; «Мисс. Обзор.» 1901, ноябрь 659.

¹³⁰ - «Мисс. Обзор.» 1902, дек. 882.

¹³¹ - Швецов, как известно, защищает высказанные в «Уставе». Павла Белокриницкого мысли о рождении Сына Божия «вместе с веками* и под. В последние годы особенно сильным обличителем его выступил Тульский «иерей» Василий Механиков, написавший против Арсения несколько сочинений.

¹³² - Приб. к Церк. Вед. 1902, № 20, «Вести о раск.», 635, и д. Могила «изобретателя» иерархии находится в Б. Кринице.

¹³³ - Приб. к Церк. Вед. 1903, № 4, «Вести о раск.» Мисс. Обзор. 1901 дек., 883.

¹³⁴ - Прибавл к Церк. Ведом 1903, № 7. Вести о раск. Субботина. 238 № 36, 1370, 1375 (старообрядч. свидетельство о «соборном учреждении» в 1901 г. съездов).

¹³⁵ - Прибавл. к Церк. Ведом. 1903, № 7, Вести о раск., 239.

¹³⁶ - Мис. Обзор. 1902, окт., 357–358; приб. в Церк. Ведом. 1903, № 36, Вести о раск., 1370.

¹³⁷ - Прибавл. к Церк. Ведом. 1903, № 17, Вести о раск., 657.

¹³⁸ - Там же.

¹³⁹ - Образовавшихся в последнее время и существующих в окружничества под главенством «Всероссийского общественного попечительства», имеющего свой «Совет».

¹⁴⁰ - Прибавл. к Церк. Ведом. 1903. № 7. Вести о раск., 239.

¹⁴¹ - Там же, № 36, 1363.

¹⁴² - Там же, 1373.

¹⁴³ - Там же.

¹⁴⁴ - В Триесте путешественники побывали па могиле Амвросия и хлопотали о реставрации памятника на ней (по поводу 40-летия со времени смерти основателя иерархии).

¹⁴⁵ - Прибавл. к Церк. Ведом. 1903, № 36. Вести о раск., 1365.

¹⁴⁶ - Там же, 1366.

¹⁴⁷ - Там же.

¹⁴⁸ - Там же, 1371–1372.

¹⁴⁹ - Там же, 1373.

¹⁵⁰ - Там же, 1368.

¹⁵¹ - Там же, 1375.

¹⁵² - Прибавл. к Церк. Ведом. 1903, № 17, Вести о раск., 664.

¹⁵³ - Там же, № 36, 1873–1875; № 37, 1412–1413. Несомненно, впрочем, что Мельников преувеличил, когда сообщил в «Описании путешествия», что Афанасий признал вполне незаконным свое вмешательство (№ 36, 1373), или распространял слухи, что он пред депутацией «извинился» (там же, № 17, 661). Однако же сам Субботин должен был заметить относительно «Послания Афанасия к Иоанну» по поводу депутации: «Любопытно и важно не без цели, конечно, употребленное здесь, даже не раз, доселе не встречавшееся в митрополичьих грамотах наименование Иоанна Картушина «действительным областным в российском старообрядчестве архиепископом». Он выставляется здесь даже равным Афанасию, как тоже «областному» только митрополиту, так что сам мог бы решить «дело о съездах» (там же, 662; «Послание», 663, 665). Кроме того, покойному Анастасию было не удобно ссориться ни с кем из российских австрийцев, так как лучше получать благостыню ото всех, живя в мире со всеми, чем только от некоторых.

¹⁵⁴ - Прибавл. к Церк. Ведом. 1903, № 36, Вести о раск., 1377.

¹⁵⁵ - Правосл. Путевод. 1905. март, 563–564.

¹⁵⁶ - Мисс. Обзор. 1902, май, 880.

¹⁵⁷ - См. «Мисс. Обзор.», 1905 г., № 17.

¹⁵⁸ - Усов должен был бы добавить: «священники и диаконы».

¹⁵⁹ - Уделяем место статье на стр. нашего журнала, идя навстречу желанию г. Преображенского дать ответ рецензенту его книги о. Колачеву. Ред.

¹⁶⁰ - Писали мы 16 октября, т.е. дней десять спустя по выходе номера с рецензией о. Колачева.

¹⁶¹ - Уж не за то ли все это, что о. Колачев раскрыл о. Рождественскому глаза на нашу книгу и затушевывал первое впечатление, которое она произвела на него.

¹⁶² - Другие редакции не оставляют читателей в подобных заблуждениях. В этом о. Рождественский мог убедиться на собственном опыте. Но не забыл ли он этот опыт? На всякий случай напомним о нем. В «Страннике» (ноябрь-декабрь 1903 г.) помещена была статья проф. Н.Н. Глубоковского: «К вопросу о послании к Галетам», в которой доказывается, что о. Рождественский пишет «бессвязно», «странно и

неестественно» (нонбр., стр. 753 и 781), допускает «недостойные поклепы» (757), «парадирует с азбукою и букварем» (763), «нравственно обязан был не допускать речей», какие произносил (ibid.), «произносить явную клевету» (765), «приемы (его) едва ли достойны профессорской критики» (декабрь 944), пишет «нелепую тарабарщину», за разгадку коей без всякого риска для себя мог бы объявить самую высокую премию (953) и т.п., и т.п. Если бы мы захотели быть о. Колачевым, то мы привели бы все (нами оставлено многое и притом еще более «решительное»), что доказывается в статье г. Глубоковского относительно ученых и писательских достоинств о. Рождественского, привели бы и вывод, сделанный г. Глубоковским из доказательств (955–956). Что же? Редакция «Странника» отказала о. Рождественскому, как он нам отказал, напечатать возражение против «доказательств»? Отнюдь нет. Но что же о Рождественский? Он только заявил (в март. кн.), что оставляет за собою право напечатать возражение на критику г. Глубоковского в академическом журнале «Христианское Чтение» (стр. 484). Но отчего в академическом журнале возражение и доселе не появляется, это, конечно, для нас не важно. А вот, мы немедленно готовы были бы возразить о. Колачеву в «Церк. Вестнике», но к глубокому нашему сожалению, о. Рождественский лишил нас этого удовольствия, а читателей «Ц. Вестника» оставил в ложном мнении о нас, о нашей книге и о том, в сиянии каких качеств и способностей выступает там с критическими отзывами свящ. В. Колачев. Разве это хорошо?...

¹⁶³ - Но о. Колачев, не приобретший степени и кандидата богословия, чем он приобрел в глазах общества право на авторитет, на доверие к его суду и даже к способности его судить умело и правильно?...

¹⁶⁴ - Тот самый, речей которого, по отзыву о. Колачева, мы, якобы, не понимаем.

¹⁶⁵ - И г. Р-р (псевдоним известного профессора, доктора богословия Г.), и профессора Бронзов, Каптерев, Благовидов, и много других лиц считают возможным допускать и допускают выражение: «Церковная реформа». А вот, о. Колачев обвиняет нас за это выражение...

¹⁶⁶ - Желаящие могут прочитать о книге нашей отзывы и не профессорские, которые, однако, о. Колачев не имеет никакого права считать менее компетентными, чем его рецензия. Отзывы эти помещены в 41-м «Церковных Ведомостей» и в № 16-м журнала «Православно-русское Слово»: В последнем иеромонах Александр, назвав книгу нашу солидной по объему, богатой по содержанию, и изящной по изданию, говорит, что она «заставит читателя как бы присутствовать на своего рода церковном всероссийском соборе... С великою признательностью, заявляет о. иеромонах Александр, следует отнести к труду г. Пр-го, труду, являющемуся довольно точной фотографией современного

церковно-преобразовательного движения. Несомненно, книгу г. Пр-ского поспешит приобрести всякий, желающий разумно и сознательно ориентироваться в волнах современного церковно-освободительного движения».

¹⁶⁷ - Редакция сопровождает эту статью таким подстрочным примечанием: «Считаем долгом оговориться, что с некоторыми положениями почтенного автора мы не согласны».

¹⁶⁸ - Рус. перев. их под род. Попова издан А.Ф. Пантелеевым.

¹⁶⁹ - Псевдоним Паскаля.

¹⁷⁰ - Поль-Луи-Курье. Соч. т. I., Спб., 1897. стр. 360–1.

¹⁷¹ - Под псевдонимом Вендрока в 1657 г.

¹⁷² - Изд. 1657 и 1658 г.

¹⁷³ - Биограф. Паскаля Филиппова, стр. 57.

¹⁷⁴ - См., напр., «Reponse de provinc. aux deux premieres lettres de son ami».

¹⁷⁵ - Бутру. Паскаль. Пер. Лавровой, стр. 116.

¹⁷⁶ - «Ces ecrits étaient composés par Arnaud, Nicol et Pascal: les deux premiers fournissaient les matériaux, et Pascal tenait la plume» – Discours sur la vis., изд. 1819 г. Paris. Didot LVII.

¹⁷⁷ - Апологии иезуитов и доселе считаются с Lettres Provinc.

¹⁷⁸ - См., напр., стр. 50 и 101 прим при рус. изд. «Писем» Пантелеева.

¹⁷⁹ - Это видно из обозначенных здесь фамилий членов временно организованного Комитета, хорошо известных местной епархиальной миссии, каковы: Алехин А., Алексеев И., Дацко П., Зайцев М., Иванов А., Мироненко Н., Погорелов В., Хорошилов М., и др.

¹⁸⁰ - «Царствия Нерушимая Стена», «Стена и утверждение» и пр.

¹⁸¹ - Восковые краски приготавливаются плавлением воска и размешиванием его с красящими веществами.

¹⁸² - См. «Мисс. Обзор.», 1906 г. № 2.

¹⁸³ - По изъяснению Зонары: «рассудив о многих и различных епитимиях и назначив епитимию, соответствующую каждому из падений, собор настоящим правилом предоставил все суду епископов... рассматривать... качество греха... расположение согрешившего к покаянию... и таким образом... подавать соответствующее врачевание» (Правила свв. Всел. Соборов с толкованиями. Изд. Общ. л.д. пр. стр. 610). А Вальсамон, объясняя это правило, говорит: «и на других соборах определено, чтобы епископ... не всегда обращал внимание на положенное правилами относительно епитимий, но чтобы назначил оным применительно к лицам, подлежащим епитимии, т.е. ... к возрасту их и к расположениям, к способностям... и к качеству греха... и настоящее

правило определяет то же самое, возлагая все дело врачевания болящего на рассуждение врачующего....» (Ibid. стр. 613.).

¹⁸⁴ - В славянской Кормчей это правило передастся таким образом: «оклеветаем епископа, и позываем на суд, и не послушав дваши и триши, двема епископа да позван будет. Аще же не приидет, якоже собор да осудит такового». (Прр. свв. Ап. с толкованиями. Изд. О.л.д. пр. стр. 150).

¹⁸⁵ - Διάταξ. τ. ᾠ. Ἀποστ. II сар. 42 и 48. Pitra с. р. 192–194.

¹⁸⁶ - Творения иже во святых отца нашего Афанасия, архиеп. александрийского. Москва. 1851 г. «Защитительное слово против ариан», стр. 231–237.

¹⁸⁷ - Вальсамон в толковании прав. Правила св. пом. соб. И. о.л.д. пр. с. 758.

¹⁸⁸ - Деян. Вселен. соб. в русс. переводе т. 1, стр. 609–610.

¹⁸⁹ - Деяния Всел. соб. т. III стр. 253–254.

¹⁹⁰ - Деян. Всел. соб. т. I-й стр. 504.

¹⁹¹ - Деян. Всел. соб. т. III-й стр. 596. – При вызове подсудимого на суд соблюдался и особый определенный порядок. Обыкновенно к подсудимому были отправляемы особые послы из духовных лиц, не менее двух и притом рапной степени с ним. (Апост. пр. 74). Таких послов мы встречаем при всех важнейших процессах IV и V-го веков, напр.: при процессах св. Златоуста, Нестория, Евтихия, Диоскора и др. (Деян. Вс. соб. т. I-507 и т. III-204 стр.). Посылавшуюся от суда призывную грамоту послы должны были вручить подсудимому непременно в собственные руки (Д. Вс. с. т. III-253–254–560 стр.). По возвращении на суд, послы, каждый отдельно, в строгом порядке и с мельчайшими подробностями, передавали весь разговор свой с подсудимым, а также сообщали собору о всех обстоятельствах, при которых приходилось им найти доступ к обвиняемому. Эта настойчивость послов – непременно видеть подсудимого лично и непременно самому ему передать призывную грамоту, и затем строгая ответственность их за неточное донесение собору слов подсудимого, – объясняется тем, что их показания, за упорством подсудимого явиться на суд, служили против него уликою: при постановлении заочного приговора, суд основывался на них, как на свидетельских показаниях, как это было, наприим., при разбирательстве дела Евтихия на пятом заседании Константинопольского собора 448 года. (Деян. Вс. соб. т. III стр. 270).

¹⁹² - Деян. Вс. соб. т. IV-стр. 139 II-го издания.

¹⁹³ - Μή πύτευέσθω μόνος, ἀλλ' ἐχέτω καὶ ἑτέρους μάρτυρας. – Διατ. т. ᾠ. Ἀποστ. II сар. 49, с. р. 194.

¹⁹⁴ - Процессы духовного суда в древней вселенской церкви. Барсова «Хр. Чт.» 1871 г., II ч. стр. 208.

¹⁹⁵ - Деян. Всел. соб., т. II. стр. 578.

¹⁹⁶ - Под «виною церковною» или публичною разумеется обвинение в преступлениях, которые причиняют ущерб правам состояния обвиняемого и которые подвергают его церковному наказанию – лишению сана и проч. «Вине церковной» противопоставляется в правиле «частная жалоба», как-то, в притязание имения, или в иной какой-либо потерпенной неправде, при каковых обвинениях правило не требует исследования личности обвинителя. Толк. Зонары. Прав. Вс. соб. И. О.л.д. пр. стр. 101–102.

¹⁹⁷ - Διὰ τ. Ἀποστ. II гл. 49; Pitra 1. с. р. 195.

¹⁹⁸ - Деян. Всел. соб., т. III. стр. 266.

¹⁹⁹ - Деян. Всел. соб., т. IV, стр. 112.

²⁰⁰ - Proch. Harm. lib. I, lit. VI, cap. V, р. 100 По Алфавит. синт. Властарея. Перевод Ильинского, стр. 169.

²⁰¹ - Proch. Nomos Zachar. t. XXVII r. 7. Dig. XXII, 5. 2. Кормч. Слав. 48 гр. КЗ.

²⁰² - Здесь же дается объяснение, кого должно разуметь под еретиками. «Еретиками же» – говорится в правиле, – «именуем как тех, которые издавна чуждыми Церкви объявлены, так и тех, которые после того нами анафеме преданы; кроме же сего – и тех, которые, хотя притворяются, будто веру нашу исповедают здраво, но отделились и собирают собрания против наших, правильно поставленных епископов». Под последними – притворяющимися, будто веру исповедают здраво, но отделившимися от православных епископов – нужно разуметь именно раскольников, каковым именем могу быть названы, по правилу Василия Великого, все разделившиеся в мнениях о некоторых предметах церковных и о вопросах, допускающих врачевание. (Толкование Зонары на 6 пр. II Всел. собора. Прав. Всел. соборов. И. О.л.д. пр. стр. 102).

²⁰³ - Под изверженными, по толкованию Зонары, должно разуметь тех, которые совершенно отсечены от Церкви, а под отлученными – тех, которые на время лишены церковного общения (Прав. Всел. соб. И. о.л.д. пр., стр. 102).

²⁰⁴ - Prochir. Nomos Zachar. tit. XXVII, стр. 147. Dig. XXII, 5. 2.

²⁰⁵ - Толков. Зонары к 8 пр. Карф. соб. Прав. поместн. соб. И. О.л.д.пр. стр. 392.

²⁰⁶ - Διὰ τ. ἁγ. Ἀποστ. II гл. 49. Pitra I, стр. 195.

²⁰⁷ - В гражданских законах, на которые в данном случае ссылаются и каноны (144 пр. Карф. соб.), делаются частные указания относительно того, кого должно разуметь под «неблагонравными», не имевшими права подачи свидетельских показаний на суде. Все эти лица, которым в виду их нравственного недостойнства запрещалось свидетельствовать гражданскими законами, могут быть подразделены на две категории. К

одной относятся люди нечестные в собственном смысле, как обнаружившие свое личное нечестие как напр., люди, ведущие распутную жизнь – блудники (ἄσωτος, prodigus, – Proch. N. t. XXII. 33 Zach. Theophil. 1, 1. Harm. § 54); – или осужденные за прелюбодеяние (adulterii condemnatus... – Zach. Proch. N. t. XXVII, 26 r. Diag. h. t. 14. Harm. § 38); люди, способные оклеветать, или уже оклеветавшие (Zach. Prodi. 20 гл. Nov. 90), – и в частности, – люди, осужденные за сочинение возмутительного пасквиля (Bas. XXI, t. I, cap. 20. t. II-й p. 400; Proch. tit. XXVII, cap. 52, p. 209; Phottii Nov. t. IX, cap. 2. Synt. R. t. I. 178. Алфав. синт. Властаря, перев. Ильинского, стр. 169); люди, способные ради выгоды дать ложное показание и, в частности, – осужденные за то, что взяли деньги за подачу ложного показания, или – за показание или непоказание свидетельства (Synopsis Basilicorum Zach. гл. VI, περὶ μαρτύρων). – К другой категории нравственно неблагонадежных лиц, не имевших права свидетельствовать на суде, относятся те, на которых налагает пятно бесчестия род занятия их, носящего низкий характер и потому лишаящего этих лиц доверия на суде. Таковы, напр., упоминаемые и в 144 правила Карфагенского собора «позорищные», под которыми разумеются играющие на сцене (μίμωτες – смехотворны); причем бесчестными и нравственно неблагонадежными почитались собственно те из них, которые играют на торжищах и в народных собраниях; исполняющие же свое дело пред лицом, цари в законах почитаются почетными (Толков. Зонары к 144 пр. Карф. собора. Прав. пом. соб. И. о.л.д.пр., стр. 748). Таковы же борцы со зверями, называвшиеся также псовыми охотниками (κυνηγοί – и единоборцы (Synopsis Basilic. Zach.); причем эти лица точно также, как и «позорищные». разделяются на два разряда: те из них, которые борются со зверями или единоборствуют для показания мужества и по любви к славе, почитались почетными, а если – ради вознаграждения, то – бесчестными: ибо кто не щадит собственной жизни, но отдает ее за вознаграждение, и из-за корысти презирает смерть, как избежит дурного мнения о нем» (Толк. Зонары ibid.). Наконец, к категории лиц, нравственно неблагонадежных, а не заслуживающих доверие на суде, относились, как в собственном смысле «к срамным делам неприкосновенные» (144 прав. Карф. собора) «сводники», содержатели блудниц (Толков. Вальсамона к 144 правилу Карфаг. собора. Прав. пом. соб. И. о.л.д.пр., стр. 750) и сами блудницы (публичным женщины), и им подобные (Synopsis Basil. Zach. δ. κεφ.).

²⁰⁸ - Карф. соб. 146 пр. Theophil. I, 1. Harm. § 51. Proch. N. Zach. t. XXVII r. 33. – Под несовершеннолетними правила церковные (146 с. Кар. с.) разумеют не достигших 14 лет: «свидетельство имеющих менее 14-ти лет возраста да не приемлется»; а по законам гражданским разумеются не достигшие 20 лет (Dig. 3: § 5. Harm. § 36 Proch. N. Zach. t. XXVII, 24 гл.). Обращая внимание на эту разность, Вальсамон говорит:

«Сопоставляя настоящее правило, которое говорит, что имеющие менее 14 лет не должны свидетельствовать, а только старшие, с 20-ю главою 1-го титула, 2^й книги, говорящего буквально так: «обвинитель не может призывать ко свидетельству того, кому менее 20 лет». – кто-нибудь спросит: «на что же мы должны обращать внимание?». И мне кажется, что скорее – на закон; ибо тот, кому менее 20 лет, хотя и более 14, не должен быть допускаем к свидетельству в уголовном деле, как не обладающий еще твердым мышлением. Притом законе – и много позднее правила, потому что он был принят в пересмотренный кодекс Василия спусти много лет после настоящего собора. (Прав. пом. соб. Изд. о.л.д.пр., стр. 755).

²⁰⁹ - Basil. lib. XXI, т. I. cap. 17; т. II, р. 348.

²¹⁰ - Бедные не свидетельствуют; бедный же тот, кто не имеет 50-ти номизм (νομισμάτων). (Dig. XLVIII. 2. 10. Proch. N. Zach. т. XXVII, 22) Νόμισμα – solidus – дукат=приблизительно 3 рублям. Заозерский – Происхождение Византийского Номоканона стр. 130.

²¹¹ - Synopsis Bas. Zach. VI – περὶ μαρτύρων, Dig. h. т. dig. 6. Harm. § 37, Proch. N. Zach. т. XXVII гл. 25.

²¹² - В гражданских законах относительно свидетельствования домашних лиц читаем: «Обвинитель не может приводить домашних свидетелей», «свидетельства домашних отвергаются». (I т. XXI Basil. 24 и 27 с.). Нужно заметить, что под домашними, от которых законы запрещают принимать свидетельские показания, разумеются, по толкованию Зонары, собственно подвластные того самого лица, которое приводит их, или незначительные подручные, которых можно заставлять делать показания и, в случае непослушания, наказывать. А если подчиненные будут достойны уважения, как-то: священники, или диаконы, или грамматики и все подобные им, то не должны быть не допускаемы к свидетельству (Прав. Пом. соб. И. о.л.д.пр. стр. 754).

²¹³ - Относительно свидетельствования рабов в гражданских законах читаем: «Раб не свидетельствует» (Proch. N. Z. т. XXVII с. 28. Nov. 90). «Рабы без сомнения ни за господина, ни против господина не могут быть спрашиваемы». (Synopsis Basil. 21).

²¹⁴ - В гражданских законах относительно того же читаем: «Не свидетельствует отпущенник против патрона или детей его». (Dig. XXII 5, 4. Harm. § 34. Zach. Proch. N. т. XXVII – 23 с.).

²¹⁵ - Proch. N. Z. т. XXVII с. 27.

²¹⁶ - Synopsis Basil. Zachar. VI с. Περί μαρτύρων.

²¹⁷ - Сокр. I гл. 31 стр. Созом. 137–138. Процессы дух. суда в древ. Всел. Церкви – Барсова. Христ. Чтение 1871 г. II т. 276 стр.

²¹⁸ - Деян. Всел. соб. т. IV-й изд. 2-е стр. 96.

²¹⁹ - Деян. Всел. соб. Т. IV – стр. 186–246.

²²⁰ - Мф.18:16; Тим.5:19 – С такою же строгостью выражено запрещение относительно принятия свидетельства от одного лица и в гражданских законах, где читаем: «Свидетельство одного не принимается ни в какой тяжбе, хотя бы (этот свидетель) был из сенаторов». (Synopsis Basil. Zach. Περί μαρτύρων. Basil, lib. XXI. t. I. 20; t. II p. 400 Proch. auct. t. XXVII с. 52 p.209. Nomoc. t. IX с. 2; Synt. Rhalli t. I. p. 178. Алф. Синт. Властаря) перевод Ильинского. стр. 158.

²²¹ - Zach. Synopsis Bas. – Περί μαρτύρων; Bas. I. XXI t. I. с. 20; t. II p. 400 Proch. Auct. t. XXVII с. 52. p. 209; Phot. Nomoc. t. IX. Synt. R. t. I. p. 178.

²²² - Деян. Всел. соб. т. III стр. 303–304.

²²³ - Деян. Всел. соб. т. III стр. 272.

²²⁴ - Деян. Всел. соб. т. IV 2-го изд. стр. 87.

²²⁵ - Заозерского – ibid. стр. 287.

²²⁶ - Положительное требование обличения виновного именно в личном присутствии свидетелей, по нашему мнению, можно усматривать в известном изречении Самого Спасителя относительно обличения ближнего: «аще ли тебе не послушает, пойми с собою еще единого, или два; да при устах двою или триех свидетелей станет всяк глагол» (Мф.18:15–18).

²²⁷ - Prochir. Nomos Zochar. tit. XXVII с. 9.

²²⁸ - Деян. Всел. соб. т. III стр. 252.

²²⁹ - Деян. Всел. соб. т. III стр. 272.

²³⁰ - Деян. Всел. соб. т. III стр. 574.

²³¹ - Диал. т. αϋ. Ἀποστ. II сар. 47. 51 стр. Pitra стр. 194. 197.

²³² - Творение иже во святых отца нашего Афанасия архиепископа Александрийского Ч. 1. Москва. – Защитительное слово против Ариан, стр. 218.

²³³ - Деян. Всел. Соб. т. IV 2 изд. стр. 86.

²³⁴ - Деян. Всел. Соб. т. IV, 2-е изд. стр. 86.

²³⁵ - Деян. Всел. Соб. т. IV, 2 изд. стр. 88.

²³⁶ - Деян. Вс. Соб. т. III. стр. 283–284.

²³⁷ - Деян. Всел. Соб. т. III – стр. 256.

²³⁸ - Правосл. Собесед. 1906 г. № 22.

²³⁹ - В минувшем году это дело разрешилось постройкой новой единоверческой церкви в приходской деревне, где большинство формально православных, но откуда вышли главные ходатаи по единоверию. ОО этом будет сказано еще ниже.

- ²⁴⁰ - Предположение верное, ибо при смешанных браках и венчаться и детей крестить можно и у единоверч. священника (п. 16 прав.).
- ²⁴¹ - См. «Мисс. Обзор.» 1906 № 2.
- ²⁴² - См. «Мисс. Обзор.» февраль 1906 г.
- ²⁴³ - Из доклада 3-му миссионерскому съезду Тамбовской епархии.
- ²⁴⁴ - Тамб. Епарх. Ведом. 1902 г., № 46, стр. 915, примечание.
- ²⁴⁵ - См. «Мисс. Обзор » 1906. № 2.
- ²⁴⁶ - Меня, как редко бывающего в Макарьевском уезде, раскольники в большинстве встречали не фанатично и угощали чаем за одним с собою столом. Впрочем, его далее от Волги, в глуши. Свящ. К. Зубарев.
- ²⁴⁷ - См. Ив. Мариупольский. «История Тамбовской миссии». 1905 г.
- ²⁴⁸ - Взгляды на духовные предметы могут быть христианскими и антихристианскими. Отчего же, спрашивается, говоря о духовной литературе, мы называем ее христианской? Ответ прост: строго духовные писания, изъясняющие все с чисто духовкой точки зрения, даны лишь христианскими подвижниками, светилами Церкви. Все же иные, думавшее о духовном, говорят о нем языком плотских ощущений, бессильного, в этой сфере разума, – речью «прелести», исходит из нервных раздражений, обольщений и мечтаний (см. еп. Игнатия Брянчанинова Аскетические опыты. 18-й том).
- ²⁴⁹ - М.А. Новоселов. «Забытый путь опытного богопознания». 2 изд. 66–67 стр.
- ²⁵⁰ - См. «Мисс. Обзор.» март 1906 г.
- ²⁵¹ - «Процессы духовн. суда н древней Вселенской Церкви» Барсова. Христианское Чтение 1871 г. Август.
- ²⁵² - Деян. Всел. Соб. т. I, стр. 311–389.
- ²⁵³ - Деян. Всел. Соб. т. IV, 127–143 стр.
- ²⁵⁴ - Деян. Всел. Соб. т. IV, 2-го изд., стр. 89.
- ²⁵⁵ - Деян. Вс. Соб. т. IV, 2-го изд., стр. 100–101.
- ²⁵⁶ - Деян. Всел. Соб. IV т. 2-го изд. стр. 100–101.
- ²⁵⁷ - Деян. Всел. Соб. IV т. 2-го изд. стр. 89.
- ²⁵⁸ - Деян. Всел. Соб. т. IV изд. 2. стр. 102–105.
- ²⁵⁹ - Диат. т. αγ. Αποστ. II с. 50 Pitra. 196–197.
- ²⁶⁰ - Письмо 43, стр. 157, 158.
- ²⁶¹ - Приводится у Заозерского, *ibid.* стр. 252.
- ²⁶² - Сократ. 107–108; Созомен. 139–140, Феодор. 103–104. Процессы духовн. суда в древней Вселенской Церкви – Барсова. Хр. Чт. 71 г. 274–275.
- ²⁶³ - Fessler. Kanonische Process, стр. 38–40.
- ²⁶⁴ - Fessler *ibid.* § 64.

²⁶⁵ - Напр., 15-й обвинительный пункт: «Халлоя, любовница епископа Даниила, прежде ничего не имевшая, злоупотребляя многими, находящимися у нее церковными вещами, отдает в рост по 200 и 300 монет, так что отсюда ясно становится, откуда собраны эти вещи». Деян. Всел. Соб. т. IV над. 2-е стр. 94–95.

²⁶⁶ - По римскому праву признаки совершенен преступления разделялись на предыдущие (*antecedentia*), сопутствовавшие (*conjuncta*) и последующие (*sequential*). К первым причислялись: вражда, угрозы, явное намерение причинить вред и т.п. К сопутствовавшим: слышанный зов на помощь на месте действия и вообще пеший шум, о котором обвиняемый отзывается незнанием и т.п. К последующим: следы крови на одежде или оружии, обладание предметами, находившимися при совершении преступления, отыскание на месте преступавши таких вещей, последним обладателем которых был обвиняемый; его боязливое и беспокойное поведение после совершившегося преступления и т.п. Различались далее признаки ближашие (*necessaria*) и отдаленнейшие (*non necessaria*). К последним принадлежали: указание на мотив, достаточный, для совершения преступления, и в особенности репутация обвиняемого, его характер, товарищество, склонность к непозволительным действиям, или даже прямо к рассматриваемому деянию и т.д. Seib. cit. lib. § 358–368.

²⁶⁷ - По римскому праву помимо того, что каждое доказательство *per indicia* должно было подтверждаться естественными доказательствами, требовалось, чтобы их было несколько, и чтобы они представляли целую цепь явлений, одно другое предполагающих и дополняющих: отдельно взятое доказательство *per indicia* не принималось во внимание. Ibid.

²⁶⁸ - Суд. Уставы 20 ноября 1864 года, с приложением рассуждений, на коих они основаны. Часть II-я стр. 272–273.

²⁶⁹ - По правилам, заключающимся в статьях Свода Законов 1857 года, все доказательства со стороны их силы разделяются на совершенные и несовершенные. Совершенными доказательствами виновности почитаются те, которые исключают всякую возможность к показанию невинности подсудимого и из числа которых одного доказательства достаточно для признания осуждения несомнительным. Несовершенными признаются такие, которые не исключают возможности к показанию невинности подсудимого, и из числа которых одно доказательство виновности вменяется только в подозрение подсудимому, а несколько несовершенных доказательств в совокупности могут составить совершенное доказательство, исключаящее возможность недоумения о вине подсудимого. Совершенным доказательством почитается прежде всего: собственное признание подсудимого, učinенное добровольно в судебном месте пред судьей, в совершенном согласии с происшедшим действием, притом с показанием таких обстоятельств

действий, по которым в достоверности и истине одного сомневаться невозможно. При таком сознании не требуется уже дальнейших доказательств судья не может опасаться учинить по делу приговор. Если же при учинении признания представляются такие обстоятельства, с которыми происшедшее действие несходно, тогда признание не составляет совершенного доказательства. К совершенным же доказательствам как относительно события преступления, так и виновности преступления относятся: письменные документы, признанные действительными тем лицом, против которого они представлены; личный осмотр, учиненный на месте преступления и приведши к удостоверению в действительности последнего; свидетельство экспертов, когда оно, содержа ясное и положительное удостоверение об освидетельствованном предмете, не противоречит достоверным обстоятельствам дела; далее – свидетельство двух достоверных свидетелей, не отведенных подсудимым совершенно согласных в своих показаниях и очистительная присяга. Несоввершенными доказательствами признаются: оговор подсудимого других лиц, повальный обыск, служащий лишь подкреплением других доказательств, улики или признаки преступления, которых сила увеличивается в том случае, когда многие признаки соединяются вместе, или, когда подсудимый не представит на них никакого уважительного опровержения, а уменьшается тогда, когда опровержения подсудимого найдены будут более уважительными, нежели улики, обвиняющие его. Свод Законов т. XV. кн. II, стт. 304–309–318; 323–324; 327–330; 336 (342, 344).

²⁷⁰ - Порядок судопроизводства по делам о расторжении браков определяется другими статьями Устава и отличается от порядка судопроизводства по делам о преступлениях лиц духовного звания по должности, против благочиния и благоповедения, как это увидим ниже.

²⁷¹ - Отступление от этого порядка духовного судопроизводства представляет судопроизводство по делам бракоразводным. В этих делах и по закону требуется судоговорение с обязательным вызовом сторон в присутствие консистории (241), где «ответчик допрашивается против обвинений, изложенных в исковом прошении; потом истец изъясняет улики и доказательства, представляет документы, буде имеет, и указывает свидетелей преступления, если таковые были, и ответчик изъясняет свои оправдания» (247 от.).

²⁷² - См. объясн. к преобраз. дух.-суд. части. В частной литературе, по вопросу о преобразовании нашей духовно-судебной части, мы находим, между прочим, следующее суждение относительно приложения в деле преобразования церковного судопроизводства Уставов 20 ноября 1864 года: «Известно, что сохранившиеся до сего времени обряды и формы судопроизводства развились и получили свое применение на духовном

суде под влиянием и зависимости от судов светских. Следовательно, и устранение тех обрядов и форм, а равно и замена их новыми могут последовать и должны совершиться при ближайшем руководстве улучшенными обрядами и формами судов светских, образованных, на основании судебных Уставов 20 ноября 1864 года. «Пр. Обозр.» 1877 ноябрь, 553 стр.

²⁷³ - В проекте Лаврова, представляющем, так сказать, критику комитетского проекта, то же положение передается следующим образом «Приговор духовного суда постановляется не иначе, как по поверке и дополнении в заседании суда представленных доказательств (45 ст.). См. «Предполагаемая реформа церковного суда», выпуск II-й стр. 329.

²⁷⁴ - Это положение у Лаврова заменяется следующим: «Вызова к суду свидетелей, требуемых сторонами, обязателен для суда лишь в случаях, именно доказанных законом. Но суд не вправе отказать в допросе свидетелей, представленных сторонами лично в судебное заседание, если они были спрошены при предварительном следствии» (ст. 60). Ibid. стр. 341.

²⁷⁵ - Это положение III ст. комитетского проекта у Лаврова остается без изменения.

²⁷⁶ - Краткая объяснительная записка стр. 13.

²⁷⁷ - Хочу сказать, что преподаватель должен быть хорошо знаком с местными фракциями сектантства и преподавание своего предмета должен ставить практически, жизненно. На преподаваемый предмет он должен смотреть не как на одну из богословских наук, которые лишь теоретически изучают в семинарии, а как наживой миссионерский предмет.

²⁷⁸ - Кстати заметим, что если в виду хозяйственных или иных каких соображений признано будет необходимым упразднить в семинарии особую кафедру истории и обличения раскола и сектантства, приурочив преподавание этого предмета к другим положенным по штату кафедрам, то обличение сектантства во всяком случае было бы гораздо естественнее возложить на преподавателя догматического богословия по однородности учебного материала; к кафедре же церковной истории обличения сектантства не может иметь никакого отношения. Но при такой группировке вышла бы та несообразность, что историю сектантства будет преподавать один преподаватель, а обличение его – другой, тогда как в изучении каждой секты даже с исторической стороны необходимо должен входить и полемического характера материал (молоканство, обличаемое своей историей и пр.).

²⁷⁹ - До какой степени доходит сепаратический взгляд некоторых единоверцев на православную церковь и ее обряды, видно из того, что одна единоверка не подошла к Св. Причастию только потому, что рядом с нею кто-то из православных, пришедший помолиться, знаменовался

троеперстно; другая, дошедшая уже до совершенной бессмысленной крайности, серьезно и упорно заявляла, что в православной церкви господствует апокалипсический зверь седмглавый, и насчитывала семь глав, в высшем церковном управлении.

²⁸⁰ - В этих видах, а отчасти и других, – ученых и практических, – признается весьма полезным ввести в семинарский курс по литургике ознакомление с старыми нашими уставами до патриарха Никона.

²⁸¹ - 1-го всел. соб. прав. 8-е. Сн. 3-го всел. соб. прав. 8-е, 4-го соб. прав. 12-е и Двукратн. соб. прав. 16-е.

²⁸² - После составления настоящей записки, когда качались уже предсоборные занятия Присутствия, последовал новый проект об особом единоверческом епископе, при учреждении митрополита, наравне с другими епископами, подчиненным областному митрополиту и собору. Проект этот подлежит рассмотрению.

²⁸³ - См. «Мисс. Обзор.» 1906 № 3.

²⁸⁴ - Когда при совершении таинства бракосочетания священник молит Бога о ниспослании благословения брачующимся, то их невидимо благодатью Своею сочетавает Сам Бог.

²⁸⁵ - См. «Мисс. Обзор.» 1906. № 3.

²⁸⁶ - Основано покойным протоиер. С.Н. Кашменским в 1860-х гг. и офиц. учр. Св. Синодом в 1882 г.

²⁸⁷ - Стр. 177.

²⁸⁸ - А не «с нами Бог?». Бог-то, ведь, не в силе!?

²⁸⁹ - Все цитаты приведены по отчету о съезде в газ. «Русское Слово». Курсив везде наш.

²⁹⁰ - Если бы воронежский свящ. сказал, что на их съезд пришли бы, если были живы, Робеспьер и Марат, то это было бы ближе к правде, против этого возражать мы ничего бы не могли!...

²⁹¹ - Светлое Христово Воскресение. Профес. А. Царевского. Изд. 1897 г. стр. 25 и 45.

²⁹² - Василий Т. Тимофеев, много потрудившийся над просвещением своих соплеменников – крещеных татар, первый и лучший сотрудник Н.И. Ильминского, родом из беднейших государственных крестьян Мамадышского уезда, представляет собою живой образец глубоко-искреннего, простого, деятельного христианского пастыря первых времен христианства. Насильно взятый для обучения русской грамоте в старинную сельскую приходскую школу, он не получил дальнейшего образования в учебном заведении, но за то самоотверженно прошел чрез практическую школу житейской трудовой жизни земледельца и самоучкою деревенского шляпоката, шерстобита, плотника и работал еще в кузнице и на мельнице. Только все такие занятия не удовлетворяли истинным

склонностям Василия, который тогда еще бессознательно влекли его к миру высшему, церковному. И вот лет 20 он поступил послушником в мужской Иоанновский Казанский монастырь; тогда, в числе других добрых влияний, познакомился он с своим впоследствии наставником и руководителем, профессором Н.И. Ильминским, который слышал о Василии много хорошего от мамадышского протоиерея Д. Пенковского. В 1862 году Н.И. Ильминский прожил месяц в деревне Василия, где они и подружились над переводом букваря на народный татарский язык, а в 1863 году Василий пришел опять в Казань и с тех пор уже не расставался с профессором Ильминским.

²⁹³ - См. книгу Иеринга – Цель в праве. Русский перевод.

²⁹⁴ - Проф. Фойницкий. Курс уголовн. судопр. Изд. 2; стр. 126.

²⁹⁵ - «Волна» 1906 г. 1 янв. Харьк.

²⁹⁶ - Характерны и весьма поучительны в устах пастырей возгласы: «мы – все убийцы и палачи, если допускаем смертную казнь, если не кричим, не протестуем против нее"... Или: «мы протестуем против смертной казни и против убийства, как средства политической борьбы. Мы протестуем против всяких убийств, расстрелов, погромов и избиений кого бы то ни было. Довольно крови!». Комментарии излишни...

²⁹⁷ - Курсив мой.

²⁹⁸ - Впоследствии два из пяти пастырей, подавших «Голос», внесли поправку в пользу солдата – «Волна» № 5.

²⁹⁹ - Если ап. Павел (Рим.13:4) указывает на меч у начальников, то бесспорно, что этот меч здесь разумеется, как знак «права меча» (jus gladii i.e. pesis). По Ульпиану, «кто управляет всеми провинциями, тот имеет право меча». Ап. Павел здесь говорит не только о языческом начальстве, но вообще о начальстве, и о том, что вытекает отсюда. Ясно также, что меч не может быть знаком карательной власти с исключением смертной казни, но именно указывает на последнюю. (См. Лютардта, пер. А. Лопухина, ПБ. 1892 г. стр. 938).

³⁰⁰ - Курсив мой.

³⁰¹ - Мы посылали в некоторые газеты, перепечатавшие это письмо, опровержение, но «свобода слова» этих газет ответила отказом!...

³⁰² - «Житие и чудеса св. Николая Чудотворца» А. Вознесенского и Ф. Гусева СПб. стр. 46–65.

³⁰³ - Все попытки запросить проф. Сумцова путем «Южн. Кр.» и других харьковских газеты: «где и когда св. Златоуст громко и ясно высказался против смертной казни?» – оказались тщетными и голословное заявление профессора осталось без опровержения. Такова теперь у нас «свобода слова»!...

³⁰⁴ - Т. III. стр. 80–83.

305 - Т. IV, стр. 746.

306 - Т. 2-й, стр. 85–86.

307 - Курсив наш.

308 - С этой целью православные слушают беседу миссионера с Библией или книгами Нового Завета в руках. По ним они следят за ходом беседы, отмечают необходимые тексты, проверяют правильность сектантских толкований и т.п. ...

309 - В огромном большинстве случаев, именно на публичных беседах обнаруживаются люди из среды народа с миссионерским огоньком, желающие и умеющие постоять за веру православную. Из таких лиц заем формируются в приходах «кружки ровнителей православия».

310 - В интересах миссионерской полемики необходимо пользоваться принятыми у сектантов «сборниками духовных стихотворений» и другими богослужебными и вообще духовными книгами, в которых содержится много материала, обличающего самих сектантов.

311 - См. «Мисс. Обозр.» 1906. № 3.

312 - Можно читать в нашем руководстве по обличению раскола.

313 - Состав отдела: Председатель преосвященный Антоний, епископ Волынский, и члены: протоиереи: П.Я. Светлов, А.С. Лебедев, К.И. Левитский, И. Сребрянский, Н.А. Касторский, священник С.И. Шлеев, профессора: Н.И. Ивановский, С.Т. Голубев, М.А. Машанов, миссионер Д.И. Боголюбов, В.М. Скворцов, В.Г. Сенатов, И.Е. Айвазов, М.А. Кальнев, свящ. Александров.

314 - Присутствовали: председатель преосвященный Антоний, епископ Волынский, и члены: протоиереи А.П. Мальцев, протоиереи К.И. Левитский, протоиереи И. Сребрянский, протоиереи Н.А. Касторский, протоиереи В.А. Прозоров, священник С.И. Шлеев, профессор Н.И. Ивановский, профессор С.Т. Голубев, Д.Н. Боголюбов, В.М. Скворцов, и В.Г. Сенатов.

315 - Присутствовали: председатель преосвященный Антоний, епископ Волынский, и члены: протоиереи Н.А. Касторский, священник С.И. Шлеев, профессор Н.И. Ивановский, Д.И. Боголюбов, В.М. Скворцов и В.Г. Сенатов.

316 - Состав комиссии: Председательствующий преосвященный епископ Волынский Антоний, преосвященные – Сухумский Кирион и Имеретинский Леонид, профессор М.А. Машанов, протоиереи А. Попов, В.М. Скворцов и А.С. Будилович.

317 - Присутствовали: председатель преосвященный Антоний, епископ Волынский, и члены: протоиереи В.А. Прозоров, протоиереи Н.А. Касторский, священник М.П. Чельцов, священник С.И. Шлеев, профессор

Н.И. Ивановский, профессор С.Т. Голубев, Д.И. Боголюбов, В.М. Скворцов и В.Г. Сенатов.

³¹⁸ - Присутствовали: Председатель преосвященный Антоний, епископ Волынский, и члены: протоиерей Н.А. Касторский, священник С.И. Шлеев, профессор Н.И. Ивановский, Д.И. Боголюбов и В.Г. Сенатов.

³¹⁹ - Подписывая настоящие журнал, священник Симеон Шлеев остался при мнении, что 4 и 15 §§ устава Всероссийского братства православных старообрядцев-единоверцев не исключать, а оставить без изменения. При даровании единоверцам епископов они падают сами собой, а при недаровании весьма потребны.

³²⁰ - Курсив «Старообрядца».

³²¹ - См. «Миссионерское Обозрение», № 5.

³²² - См. «Миссионерское Обозрение», № 5.

³²³ - Доклад, читанный на Симбирском пастырском миссионерском съезде, бывшем 16–24 января 1906 года.

³²⁴ - См. «Миссионерское Обозрение» № 5.

³²⁵ - Русскими варварами.

³²⁶ - Скотам русским.

³²⁷ - Н.М. Соколов. «Об идеях и идеалах русской интеллигенции».

³²⁸ - Проект составлен, по просьбе карских молокан, г. Кудиновым.

³²⁹ - Из доклада 3 миссионерскому съезду Тамбовской епархии.

³³⁰ - «Тамбов. Губ. Ведом.» 1905 г. № 166, офф. отд., стр. 1-я.

³³¹ - Золотая английская монета в 21 шиллинг, около 10 р. 50 к. по курсу.

³³² - Одно из туземных племен Центральной Африки, отличающееся чрезвычайно малым ростом.